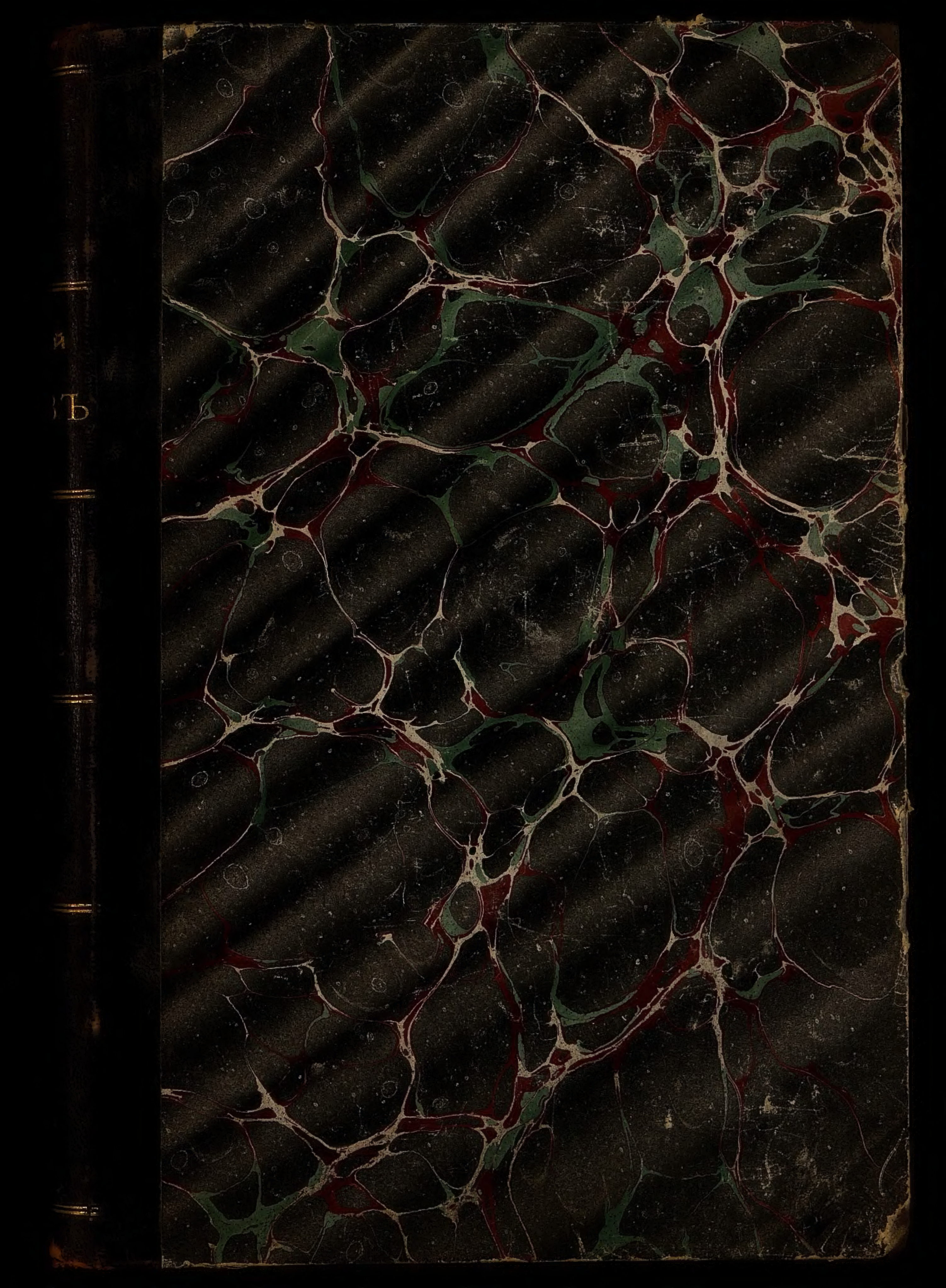


РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

1879.

1

Русскій Архивъ издается двѣнадцатью выпусками въ годъ. Четыре выпуска составляютъ отдѣльную книгу съ особымъ счетомъ страницъ и азбучнымъ указателемъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ

1879.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
Типографія Лебедева, въ Газетномъ переулкѣ домъ Корзинкина.
1879.

Петръ Первый.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕДИНОДЕРЖАВІЯ.

1689—1694.

Посмертное сочиненіе М. П. Погодина.

Семнадцатилѣтній Петръ бѣжалъ изъ Москвы ночью, верхомъ, почти въ одной сорочкѣ. Послѣ двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Троицкомъ монастырѣ, среди безпрерывныхъ треволненій, между страхомъ и надеждою, въ неизвѣстности чѣмъ кончится дѣло, 6-го Октября 1689 года онъ возвратился въ Москву, сопровождаемый матерью, женою, дворомъ и всѣми приверженными, въ полномъ торжествѣ, побѣдителемъ и полновластнымъ Государемъ. Старшій братъ Иванъ встрѣтилъ его въ Успенскомъ соборѣ и предоставилъ ему власть, то есть, на всю свою жизнь остался безличнымъ передъ нимъ, какъ былъ и передъ сестрою, являясь только куклою въ царскихъ выходахъ и именуясь на первомъ мѣстѣ въ государственныхъ грамотахъ.

Петръ однакожъ не вступалъ въ управленіе, не чувствуя еще расположенія къ дѣламъ, занятый мыслями и мечтами о военномъ ученіи, которыя владѣли имъ исключительно. Къ прискорбію своему, онъ не могъ предаться имъ, какъ бы ему хотѣлось: мать съ своими совѣтами старалась держать его при себѣ, не позволяла отлучаться, изъ опасенія, чтобъ не произошло съ нимъ какой бѣды, при возбужденномъ состояніи общества, гдѣ было много недовольныхъ среди низверженной партіи, потерявшихъ мѣста, раздраженныхъ опалами родственниковъ, среди стрѣльцовъ, претерпѣвшихъ столько истязаній, растревоженныхъ во всемъ своемъ устройствѣ, среди раскольниковъ и ихъ послѣдователей, озлобленныхъ за поврежденіе, по ихъ мнѣнію, благочестія. Дѣйствительно, во всѣхъ сословіяхъ легко могли найтись люди готовые порѣшить какъ нибудь съ Петромъ, видя въ немъ единственное препятствіе для достиженія цѣлей, для исполненія желаній, у кого какія были—отомстить, возвыситься, произвести суматоху и половить рыбы въ мутной водѣ, возвратиться къ старымъ церковнымъ порядкамъ, перенять власть въ свои руки. Да нельзя было быть увѣрену, чтобъ и Софія въ Дѣвичьемъ монастырѣ занималась только молитвою о своихъ грѣхахъ.

Беречь Петра было не только для матери царицы Натальи Кириловны, но и для ея родственниковъ Нарышкиныхъ, для родственниковъ молодой царицы Лопухиныхъ, вообще для всей ихъ стороны, вопросомъ о существованіи: безъ Петра, при неминуемомъ возвра-

щеніи царевны Софіи, паденіе ихъ было бы неизбѣжно. Съ зоркимъ вниманіемъ наблюдали они за ходомъ общественныхъ дѣлъ, прислушиваясь къ городской молвѣ и изслѣдовали строго всякій случай, могшій возбудить ихъ подозрѣніе. Такъ стольникъ Безобразовъ, старикъ семидесяти слишкомъ лѣтъ, посланный воеводою на Терекъ еще при прежнемъ управленіи, обнесенъ былъ бѣжавшими отъ него съ дороги холопами въ связяхъ съ Шакловитымъ, въ побужденіи стрѣльцовъ къ бунту и наконецъ въ намѣреніи напустить вражески, чрезъ нанятаго вѣдуна, тоску на царя Петра и на царицу-мать, чтобъ они сдѣлались добры къ нему и вызвали его въ Москву. Несчастнаго схватили въ Нижнемъ, привезли въ Москву, подвергли допросамъ, а потомъ (не смотря на старость и пятидесятилѣтнюю почти службу) мучительнымъ пыткамъ, со множествомъ замѣшанныхъ въ доносѣ лицъ. По состоявшемуся приговору 8-го Января онъ былъ казненъ, двое вѣдуновъ сожжены въ срубѣ; другіе, равно какъ и многіе изъ служителей, были сѣчены кнутомъ и сосланы въ Сибирь [1]).

10-го Января (1790) дошло до свѣдѣнія на Верху о разныхъ предосудительныхъ правленію младшаго царя и его друзьямъ толкахъ тещи кн. Андрея Ивановича Голицына, въ присутствіи его и многихъ другихъ лицъ. Обнесенныя лица были допрошены и приведены къ очнымъ ставкамъ съ доносившими слугами, вслѣдствіе чего князь А. И. Голицынъ, Иванъ Аѳанасьевичъ Собакинъ, дьякъ Еремей Леонтьевичъ Полянскій и другіе были сосланы въ ссылку. Нѣсколько слугъ высѣчено кнутомъ [2]). 29-го Января нѣсколько особъ, осуждавшихъ правительство, посажено было въ тюрьму. 9-го Февраля посланъ былъ чиновникъ Чаадаевъ допрашивать сосланнаго князя Василья Васильевича Голицына, вѣроятно вслѣдствіе показаній вновь пойманнаго стрѣльца Стрижева, котораго пытали 4 Февраля. Двумъ полкамъ стрѣлецкимъ, въ которыхъ замѣчено было безпокойство, велѣно было готовиться къ походу (6 Мая), и потомъ (1 Іюня) отправлены они были одинъ въ Сѣвскъ, другой въ Бѣлгородъ.

Эти и подобныя обстоятельства служили указаніемъ новому правительству въ необходимости соблюдать великую осторожность и, устанавливая порядокъ, укрѣпляясь въ силахъ, внушать довѣренность и не подавать повода къ неудовольствіямъ или осужденіямъ.

Посему, для соблюденія приличій, нельзя было молодому царю являться вездѣ запросто и продолжать предъ всѣми занятія, соблазнительныя для народа, привыкшаго видѣть царей своихъ всегда на высотѣ недосягаемой, въ лучахъ славы свыше человѣческой. Даже въ Переяславлѣ, Петръ не могъ побывать ни разу въ продолженіи года,—въ Переяславлѣ, откуда недавно еще былъ онъ вызванъ съ такимъ трудомъ, гдѣ строились теперь суда, имъ заказанныя, безъ его участія, безъ его присмотра.

---

[1]) Дневникъ Гордона II, 288, 290. Устряловъ, II, пр. 23.

[2]) Дневникъ Гордона, II, 290.

Тяжело ему было руководствоваться далекими соображеніями, слушаться мудреныхъ совѣтовъ, подчиняться мелочнымъ правиламъ, порядкамъ придворнымъ, ему, привыкшему ничѣмъ не стѣсняться на работѣ или на пиру, въ кругу своихъ пріятелей, за бокалами вина, подъ звуки веселой музыки. Душа его рвалась на волю, а его держатъ въ заперти, какъ будто на привязи; скука его одолѣвала подъ тяжелымъ ярмомъ приличій, и первое время его единодержавія было для него отнюдь не медовымъ, а исполненнымъ всякой горечи.

Онъ старался впрочемъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ возобновлять какъ нибудь военныя потѣхи, устраивалъ смотры, парады, ученья, а дома на первыхъ порахъ занимался больше всего въ лабораторіи изготовленіемъ фейерверковъ, къ которымъ особенно пристрастился, не думая нисколько объ опасностяхъ ручнаго обращенія съ порохомъ.

Государственныя дѣла шли во всѣхъ приказахъ по старому, заведенному порядку. Правительство, начиная со вдовствующей царицы и патріарха, обнаружило только особенное нерасположеніе къ иностранцамъ, къ которымъ молодой Петръ, напротивъ, показывалъ особенную склонность, находясь съ ними въ безпрерывныхъ сношеніяхъ. Еще во время пребыванія двора у Троицы, Нѣмецкій выходецъ Квиринъ Кульманъ, выдававшій себя въ Нѣмецкой Слободѣ за пророка и предъявлявшій разныя нелѣпыя мнѣнія, по приговору самихъ лютеранскихъ пасторовъ былъ осужденъ на сожженіе и сожженъ. Іезуиты, которымъ такъ покровительствовалъ князь В. В. Голицынъ, были высланы изъ Россіи: 2 Октября сообщено имъ было въ Нѣмецкую Слободу предписаніе, чтобъ они въ теченіи двухъ сутокъ оставили Москву [3]). Всѣмъ пограничнымъ воеводамъ послано было строгое предписаніе не впускать впредъ Іезуитовъ и вообще иностранцевъ безъ строжайшаго изслѣдованія о личности, мѣстѣ происхожденія и цѣли путешествія въ Россію и, наконецъ, безъ особеннаго разрѣшенія царскаго. Нѣкоторые даже вызванные иностранцы, напримѣръ, докторъ Яковъ Пеларино, рекомендованный императоромъ Римскимъ, былъ остановленъ въ пути, и только послѣ долгихъ изслѣдованій получилъ позволеніе ѣхать въ Москву. Начальнику почты Андрею Виніусу велѣно было наблюдать за всѣми письмами, шедшими черезъ границу [4]). На доктора Карбонари, пріѣхавшаго въ Россію также по рекомендаціи императора Леопольда I, пало подозрѣніе въ перепискѣ съ Іезуитами Вѣнскими, и онъ долженъ былъ подвергнуться разнымъ допросамъ въ Посольскомъ Приказѣ и дать подписку, что не будетъ болѣе сноситься съ Вѣною. Обстоятельства представлялись вообще для иностранцевъ столь неблагопріятными, что Гордонъ даже думалъ оставить Россію, не смотря что прослужилъ въ ней съ честію много лѣтъ и пріобрѣлъ уваженіе какъ правительства, такъ и общества, между Русскими и иностранцами. Онъ не совѣтовалъ сыну своему пріѣзжать на службу въ Россію, а если

---

[3]) Графъ Д. Н. Толстой, Исторія Католичества въ Россіи, I, 143.
[4]) Лефортъ, 479, 480.

онъ рѣшился уже ѣхать, то не принималъ бы на себя обязательствъ, пока обстоятельства не перемѣнятся [5]).

Февраля 19-го 1690 года родился Петру сынъ, которому, въ память дѣда царя Алексѣя Михайловича, дано было, вѣроятно по желанію вдовствующей царицы Натальи Кириловны, имя Алексѣя и которому написана была такая злая судьба. Замѣтимъ предварительно, что отцу не было тогда еще 18-ти лѣтъ, и онъ не могъ возымѣть къ сыну нѣжнаго родительскаго чувства, какъ не имѣлъ, развлеченный другими склонностями, супружеской любви къ женѣ, сочетавшись съ ней бракомъ только въ угоду заботливой матери.

Устроено было торжественное поздравленіе двора отъ стоявшихъ въ Москвѣ полковъ, сочиненное безъ сомнѣнія самимъ Петромъ, который показывалъ уже особенное расположеніе учреждать всякія церемоніи, оставшееся у него съ дѣтскихъ лѣтъ. 23 Февраля, около полночи, полки маршировали къ Кремлю, Гордоновъ чрезъ Спасскіе ворота, выборный чрезъ Боровицкіе. Придя на царскую площадь, они выстроились предъ Грановитою Палатою. Когда цари съ боярами явились на Красное крыльцо, полки отдали честь, сдѣлали на плечо, взяли ружья подъ мышку, сняли шапки и по поданному барабаномъ знаку отвѣсили по низкому поклону. Гордонъ выступилъ впередъ, за нимъ поодаль полковники и, согласно съ инструкціею, Гордонъ сказалъ слѣдующую рѣчь: «Подай Господи тебѣ, великій государь, царь и великій князь, Петръ Алексѣевичъ, всея великія, малыя и бѣлыя Руссіи самодержецъ, и многихъ странъ и земель на Востокѣ, Западѣ и Сѣверѣ отчичъ и дѣдичъ, государь, наслѣдникъ и обладатель, съ его высочествомъ, новорожденнымъ наслѣдникомъ и нашимъ государемъ, великимъ княземъ Алексѣемъ Петровичемъ, великія, малыя и бѣлыя Руссіи, много лѣтъ здравствовати».

За симъ всѣ, опять по барабану, низко поклонились, и бояринъ кн. Ѳедоръ Семеновичъ Урусовъ произнесъ рѣчь, въ коей, по повелѣнію государя, полкамъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ, Алексѣемъ Петровичемъ, пожелалъ также добраго здоровья. Генералъ и всѣ прочіе опять поклонились низко. Бояринъ продолжалъ свою рѣчь:

«Великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, самодержецъ всея великія, малыя и бѣлыя Руссіи, въ ознаменованіе своей и общей радости, всемилостивѣйше жалуетъ тебѣ, генералъ, кусокъ бархату, полковникамъ по куску объяри, подполковникамъ и маіорамъ по куску камки, капитанамъ, поручикамъ и прапорщикамъ по куску тафты». Всѣ, одинъ за другимъ, кланялись низко.

Бояринъ продолжалъ: «Сержантамъ по 40 алтынъ, капраламъ по 20 алтынъ, а солдатамъ по полтинѣ».

Всѣ поименованные также по очереди низко кланялись.

Бояринъ продолжалъ: «Великій государь жалуетъ васъ, генералъ, полковники, подполковники и маіоры, своею милостію, приглашаетъ васъ къ столу. Капитаны, поручики и прапорщики имѣютъ быть

---

[5]) См. письма его къ графу Абердину отъ 28 Января 1690, и графу Мельжу 8 Мая. III, 238, 248.

угощены обѣдомъ, унтеръ-офицеры и солдаты водкою». Тогда всѣ отъ высшихъ чиновъ до низшихъ сдѣлали по нижайшему поклону.

За симъ Гордонъ получилъ приказаніе произвести пальбу. Такъ какъ пространства на площади было очень мало, то онъ велѣлъ тремъ первымъ рядамъ придвинуться къ самымъ стѣнамъ Грановитой Палаты и оборотиться. Первый рядъ долженъ былъ совсѣмъ нагнуться на колѣна, второй только наклониться, а третій стоять прямо. Такимъ образомъ могли они выпалить всѣ вдругъ, при барабанномъ боѣ и наклоненіи знаменъ. Это такъ понравилось младшему царю, что онъ велѣлъ выпалить въ другой, а потомъ въ третій разъ.

Эти звуки отдавались весело въ ушахъ Петровыхъ, и сердце его билось отъ радости; но противное впечатлѣніе должны они были производить въ благочестивомъ православномъ народѣ, который, услышавъ впервыя бусурманскую пальбу между святыми соборами, вознегодовалъ безъ сомнѣнія, за нарушеніе покоя Московскихъ чудотворцевъ и древнихъ царей, здѣсь почивающихъ. Молодому Петру не приходила и въ голову возможность такаго расположенія: онъ привыкалъ дѣлать что̀ вздумается и не обращать вниманія ни на чье мнѣніе, какъ будто бы его и быть не могло. По окончаніи парада, полки вышли прежнимъ порядкомъ изъ Кремля, Спасскими и Боровицкими воротами.

Чрезъ нѣсколько дней сожженъ былъ на Прѣснѣ, въ селѣ Воскресенскомъ, большой фейерверкъ, къ которому приготовленія и испытанія дѣлались царемъ въ продолженіи мѣсяца.

Празднества продолжались нѣсколько дней. 25 Февраля происходила стрѣльба изъ пятидесяти пушекъ разнаго калибра въ цѣль. «Изъ трехъ, отмѣчаетъ Гордонъ, выстрѣлы попали хорошо, изъ четырехъ порядочно, изъ четырехъ скорѣе дурно, чѣмъ хорошо, а изъ остальныхъ мимо». 26-го, на Прѣснѣ, было большое празднество въ присутствіи обоихъ царей съ ихъ супругами, вдовствующей царицы и нѣкоторыхъ изъ царевенъ: стрѣляли изъ пушекъ два раза, сперва изъ каждой порознь, а потомъ изъ всѣхъ вмѣстѣ, безъ ядеръ. За симъ Гордонъ, съ выборными полками, занялъ дворъ. Промаршировавъ, отдали они царямъ низкій поклонъ; потомъ раздѣлились по обѣимъ сторонамъ двора, другъ противъ друга, и дали одинъ общій залпъ, какъ обыкновенно. Потомъ половинные ряды воротились на свои мѣста и выпалили по очереди, подходя одни къ другимъ; потомъ дали одинъ общій залпъ и удалились. Послѣ нихъ пришелъ на дворъ стрѣлецкій полкъ и также далъ залпъ, но вдвое хуже солдатъ. Между тѣмъ сдѣлалось темно, и на переднемъ дворѣ зажженъ былъ фейерверкъ, который продолжался около двухъ часовъ и былъ хорошо принятъ. Къ несчастію, одного дворника убило до смерти пятифунтовою ракетою, которая, не разорвавшись, упала ему на голову. Наконецъ, на внутреннемъ дворѣ сожженъ былъ другой фейерверкъ, изготовленный самимъ царемъ у себя на Верху. Онъ продолжался три часа и производилъ необыкновенно хорошее дѣйствіе. Празднество кончилось во второмъ часу за полночь. 28-го числа былъ торжественный церемоніальный обѣдъ при дворѣ.

Такими торжествами праздновалось рожденіе царевича Алексѣя Петровича. Кто могъ вообразить, что онъ жизнь свою, встрѣченную такъ торжественно, кончитъ такою ужасною смертью!

Къ придворному обѣду приглашенъ былъ и Гордонъ, но патріархъ потребовалъ, чтобъ иностранцевъ на немъ не было, и Петръ долженъ былъ уступить. За то, на другой день пригласилъ онъ Гордона къ себѣ въ загородный домъ, гдѣ и обѣдалъ съ нимъ за однимъ столомъ, а на возвратномъ пути много съ нимъ говорилъ.

Патріархъ вскорѣ скончался, оставя завѣщаніе, въ которомъ, кромѣ общихъ наставленій о царскихъ обязанностяхъ, заклинаетъ царей запретить православнымъ христіанамъ сообщеніе съ иностранцами, подражаніе ихъ обычаямъ и одеждамъ, увѣщеваетъ не дѣлать ихъ начальниками надъ войскомъ, не разрѣшать имъ строенія своихъ кирокъ и построенныя сломать.

При семъ же послѣдній мой пастырскій долгъ отдаю и предлагаю въ душевную пользу, во спасеніе же вѣчное гражданскаго же и царственнаго самодержавства, во всякое опаство, благочестивѣйшимъ монархамъ, чрезъ мои грѣшныя руки помазанникомъ Божіимъ, на содержаніе и управленіе отечественнаго наслѣдства всего царства Россійскаго, въ Дусѣ Святѣ, сыномъ моимъ великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣевичу... Да пребываютъ они, Государи, въ прародительскомъ своемъ благородномъ царскомъ достоинствѣ благочестиво и праведно во всякомъ изрядствѣ жительствовати въ чистотѣ, въ возержаніи же и святынѣ, яко помазанникамъ святымъ подобаетъ... Да никако же они, Государи, попустятъ кому христіаномъ православнымъ въ своей державѣ съ еретиками иновѣрцами, съ Латины, Лютеры, Кальвины, безбожными Татары (ихъ же гнушается Господь и церковь Божія съ богомерзкими прелестьми ихъ проклинастъ) общенія въ содружествѣ творити, но яко враговъ Божіихъ и ругателей церковныхъ, тѣхъ удалятися. Да повелѣваютъ царскимъ своимъ указомъ, отнюдь бы иновѣрцы, пришедъ здѣ въ царство благочестивое, вѣръ своихъ не проповѣдывали, и въ укоризну о вѣрѣ не разговаривали ни съ кѣмъ, и обычаевъ своихъ иностранныхъ, по своимъ ихъ ересямъ, на прелесть христіаномъ, не вносили-бы и сіе бы имъ запретити подъ казнію накрѣпко, и мольбищныхъ бы по прелестямъ ихъ соборищъ еретическихъ строити не давати мѣста всеконечно; которыя здѣ и есть близь или между христіанскихъ домовъ, и тѣ разорити годно и должно, яко діавольскія сонмища... Еретики убо, яко Лютеры, Кальвины, Латины, не совѣтуютъ и не глаголютъ яже человѣческое, но новообрѣтная и чуждая истиннаго благочестія... Коимъ убо образомъ можетъ цѣлость государства своего въ лѣпотѣ держатися и во угожденіи быти Богу? Егда вси люди истинствуютъ, о добрѣхъ дѣлахъ прилежаютъ и содержатъ благіе и постоянные нравы, и да не навыкнутъ иностранныхъ обычаевъ непотребныхъ и неутвержденныхъ въ Вѣрѣ, и Писанія невѣрующіе со иновѣрными о Вѣрѣ не глаголютъ и лестнаго ученія ихъ весьма да не слушаютъ, но да возъимѣютъ въ крѣпости отческая благоразсудная и воздержная поступленія въ дѣлахъ и вещахъ... Паки ихъ царское пресвѣтлое величество благочестивыхъ царей молю и завѣщеваю предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ: да возбранятъ по всякому образу въ ихъ государскихъ полкахъ надъ служивыми людьми, и во всемъ ихъ царствіи проклятымъ еретикамъ иновѣрцамъ быти начальниками, но да велятъ отставити таковыхъ враговъ христіанскихъ отъ таковыхъ дѣлъ всесовершенно: понеже они иновѣрцы съ нами христіаны, православіе истинное имущими, въ вѣрѣ неединомысленны, въ преданіяхъ отеческихъ всяко несогласны, церкви, матери нашей православныя, чужди. И что таковые еретики проклятые воинству православному сотворятъ помощи? Токмо гнѣвъ Божій наводятъ. Писанъ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ дому святѣйшаго патріарха, міроздання 7198 лѣта, отъ Рождества же Іисуса Христова 1690, индиктіона 13, мѣсяца Марта 17 дня. При семъ же ихъ царскому пресвѣтлому величеству доношу и во имени Господни... паки воспоминаю, еже бы иновѣрцемъ еретикамъ костеловъ Римскихъ, кирокъ Нѣмецкихъ, Татаромъ мечетовъ въ своемъ государствѣ и обладаніи всеконечно не давати строити нигдѣ, новыхъ Латинскихъ и иностранныхъ обычаевъ и въ платьи премѣнъ поиноземски не вводити. Сего убо благочестивымъ людямъ, наипаче самодержавнѣйшимъ царемъ Государемъ, и нынѣ и въ будущія времена зѣло смотрѣти подобаетъ и своему государ-

ству благоразсудное повелительство въ пользу и прибыль, наипаче же въ славу Божію творити, еже и въ содѣйствѣ всего совершенія буди во Христѣ Бозѣ желаю, желаю. Аминь.— Подписано рукою патріарха такъ: Іоакимъ, патріархъ Московскій и всея Россіи положи сей завѣтъ [6]).

Въ этомъ достопамятномъ завѣщаніи слышится какъ будто голосъ съ глубокимъ вздохомъ всей старой Россіи, которая устами своего верховнаго пастыря силилась удержать молодаго царя отъ его стремленій; но, увы, этотъ вздохъ не былъ разпознанъ, этотъ голосъ прошелъ мимо ушей его: слухъ его и зрѣніе обращены были уже безповоротно въ противную сторону, съ Востока на Западъ. Онъ привыкъ уже поступать такъ, какъ здѣсь безусловно порицалося, запрещалося. Прощай старая, святая Русь!

При наступленіи весны, лишь только очистилась рѣка отъ льда, Апрѣля 27-го 1690 года, Петръ устроилъ плаваніе по Москвѣ-рѣкѣ къ Угрѣшскому монастырю, разумѣется не на богомолье, какъ его предки, благочестивые цари, а на веселье, потѣхи ради. Впереди плыли большія гребныя суда, на которыхъ находились стрѣльцы. За ними плылъ Петръ на яхтѣ, подъ которою Гордонъ разумѣлъ вѣроятно Измайловскій ботъ. За царемъ генералы, между которыми былъ и Гордонъ; другіе офицеры слѣдовали на лодкахъ. Отправляясь въ полдень, приплыли они къ назначенной пристани вмѣстѣ съ захожденіемъ солнца, то-есть сдѣлали 20 верстъ.

На другой день, 28-го числа былъ обѣдъ для всего общества въ сосѣднемъ имѣніи Алексѣя Петровича Салтыкова. Туда и оттуда путешествіе состоялось по водѣ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ происходило частое ученье, пѣшее и конное, въ Преображенскомъ. 30 Мая праздновался день рожденія Петрова. Представители всѣхъ сословій собрались въ Преображенское и принесли поздравленіе царю по возвращеніи его изъ церкви. Многіе оставлены были обѣдать. Генералы, между которыми находился и Гордонъ, сидѣли за столомъ съ боярами и думными людьми; стрѣлецкіе полковники за кривымъ (поперечнымъ) столомъ, близь генераловъ; иностранцы въ особомъ шатрѣ за ними. Во всемъ было великое обиліе. Пито было за здоровье царское, а послѣ обѣда царь жаловалъ самъ всѣхъ гостей; поднесъ всѣмъ по чаркѣ водки. Все время отъ полдня до ночи происходила пальба изъ пушекъ, а триста мускетеровъ стрѣляли изъ ружей. Стрѣляли также въ цѣль деревянными ядрами. Въ заключеніе былъ произведенъ залпъ изъ пушекъ.

2-го Іюня, на ученьѣ, братъ былъ приступомъ Семеновскій дворъ, и одна граната разорвалась подлѣ самого царя, у котораго обожжено было лице, а другіе были ранены легко. Мирные жители Москвы, привыкшіе къ тишинѣ и покою, не слыхавшіе никогда подобнаго грома, пробуждаясь ночью отъ тяжелыхъ ударовъ, которыя раздавались въ Преображенскомъ, вѣроятно вздрагивали и крестились въ ужасѣ, трепеща, не наступаетъ-ли свѣту представленіе; а Петру этотъ громъ и былъ по сердцу, запахъ пороха дѣйствовалъ на него пріятнѣе всякихъ ароматовъ, и облака дыма, поднимавшіяся въ

[6]) Устр. II. стр. 467 и пр.

воздухѣ, доставляли самое утѣшительное зрѣлище. Онъ бывалъ въ восторгѣ и по окончаніи подобныхъ экзерцицій принимался за бокалъ вмѣстѣ съ своими товарищами, начиналъ пированье, вплоть до глубокой ночи, а поутру вставалъ рано какъ встрепанный и принимался за урочную работу.

Въ продолженіи первой половины 1790 года Гордонъ отмѣчаетъ слѣдующіе пиры: 19 Янв. онъ провожалъ Петра въ загородный домъ Петра Васильевича Шереметева. Тамъ были они угощены отличнымъ завтракомъ; оттуда отправился въ царскій загородный домъ, гдѣ было пущено нѣсколько потѣшныхъ огней; оттуда возвратились опять къ Шереметеву и были угощены великолѣпно.

20. Гордонъ былъ боленъ со вчерашней попойки и почти до вечера не вставалъ съ постели.

9 Февраля была проба фейерверка у князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго.

19 Февраля, на другой день по рожденіи царевича Алексѣя Петровича, Гордонъ потребованъ былъ къ царю, гдѣ долженъ былъ оставаться всю ночь.

20. Гордонъ провожалъ царя на Фили, обѣдалъ и ужиналъ тамъ у Льва Кириловича Нарышкина и воротился домой въ 3 часа поутру.

25 и 26. Справлялся праздникъ на Прѣснѣ (выше описанный).

30 Апрѣля царь ужиналъ съ боярами у Гордона и былъ очень веселъ [7]).

16 Мая Гордонъ былъ вызванъ въ Преображенское. Обѣдъ въ Медвѣдковѣ (у князя Бориса Алексѣевича Голицына), гдѣ пито слишкомъ неумѣренно. Ужинъ у генерала Лефорта.

17 Мая Гордонъ чувствовалъ себя нехорошо послѣ вчерашнихъ пированій.

12 Іюля праздникъ на имянинахъ у князя Михаила Ивановича Лыкова, вечеромъ все общество отправилось ко Льву Кириловичу Нарышкину, гдѣ много пили и воротились домой поздно или, вѣрнѣе сказать, рано, то-есть на другой день поутру.

21. Царь пригласилъ Гордона въ Фили, гдѣ много веселились.

Послѣ Іюньской потѣхи, гдѣ у Петра обожжено было все лице, въ дневникѣ Гордоновомъ не упоминается ни о какихъ его занятіяхъ, можетъ быть вслѣдствіе полученной раны; но до 31 Іюля было ученіе пѣшей гвардіи и стрѣляніе въ цѣль въ Преображенскомъ.

Въ праздникъ 1-го Августа былъ тамъ церковный ходъ (на Яузу), и по окончаніи дано три залпа изъ 26 пушекъ и нѣсколько залповъ изъ ружей. Послѣ обѣда стрѣлянье въ цѣль изъ пушекъ.

6 Августа было примѣрное сраженіе между Преображенскимъ и первымъ стрѣлецкимъ полкомъ Стремяннымъ, который былъ сбитъ съ поля.

---

[7]) Поссельтъ считаетъ это посѣщеніе Гордона эпохою, съ которой начинается преобразованіе. Едва-ли! Еслибъ въ этомъ посѣщеніи было что-либо особенное, то Гордонъ непремѣнно это замѣтилъ-бы, а у него нѣтъ ни малѣйшаго на то намека.

Августа 22-го, слишкомъ чрезъ пять мѣсяцевъ по кончинѣ патріарха Іоакима, послѣ многихъ совѣщаній и прѣній, возведенъ на его престолъ Казанскій митрополитъ Адріанъ. Замедленіе происходило отъ того, что въ духовенствѣ и на Верху избиратели раздѣлились на двѣ стороны: царица Наталья Кириловна со старшими боярами, съ архимандритами и игуменами была за Адріана; Петръ съ нѣсколькими лицами изъ высшаго духовенства желалъ предоставить это званіе митрополиту Псковскому Маркеллу, котораго первая сторона не хотѣла за его великія познанія, опасаясь, что онъ не будетъ достаточно строгъ къ католикамъ и другимъ исповѣдникамъ. Спасскій архимандритъ подалъ даже царицѣ донесеніе, гдѣ указывалъ многіе недостатки Маркелла и обвинялъ даже въ ереси. Что Петръ принималъ дѣйствительное участіе въ избраніи, вѣроятно надоумленный кѣмъ нибудь изъ своихъ приближенныхъ (потому что самъ не могъ ни знать, ни судить о достоинствахъ избиравшихся), видно изъ того, что послѣ, во время путешествія по Голандіи, онъ помнилъ и разсказывалъ объ избраніи, говоря, что Маркеллъ былъ человѣкъ ученый, путешествовалъ, зналъ по-латыни, по-французски и по-итальянски, но что Русскіе вытребовали его отстраненіе по тремъ причинамъ: вопервыхъ, потому что онъ знаетъ варварскіе (иностранные) языки; вовторыхъ, что борода у него мала для патріаршаго достоинства; втретьихъ, потому что его кучеръ, при выѣздахъ, сидитъ у него на козлахъ, а не на лошади.

Петръ не настоялъ на своемъ мнѣніи, можетъ быть, изъ угожденія къ матери, да и потому, что не принималъ еще на себя управленія, не вмѣшивался положительно ни въ какія дѣла, кромѣ военныхъ.

27-го Августа (вмѣсто 26) праздновались въ Преображенскомъ имянины царицы Натальи Кириловны. Туда прибыли старшій царь и новый патріархъ для богослуженія. Сперва прибылъ Иванъ, котораго Петръ встрѣтилъ на лѣстницѣ. Такъ принялъ онъ и патріарха, который въ каретѣ цугомъ взъѣхалъ на самый дворъ въ сопровожденіи митрополитовъ и знатнѣйшаго духовенства. Всѣ поздравители привезли богатые подарки: кто образъ въ серебряномъ окладѣ вызолоченный, кто большой бокалъ отъ четырехъ до пяти фунтовъ вѣсомъ, кусокъ дорогой матеріи, въ 9 или 10 локтей, другой цѣною менѣе, и третій еще менѣе; далѣе — кусокъ атласу, кусокъ камки. Между бокалами на накрытомъ столѣ разсыпано было червонцевъ сто, такъ чтобы ихъ можно было видѣть; наконецъ, накладено было множество соболей. Всѣ эти дары были предложены и отданы назадъ, потому что обычай не позволялъ принимать ихъ, хотя они и предлагаются. Царь Петръ Алексѣевичъ, воротясь изъ церкви, принялъ поздравленія отъ лицъ всѣхъ сословій. По прибытіи старшаго царя, сѣли они рядомъ, и подали сперва духовенству, потомъ боярамъ и думнымъ людямъ и, наконецъ, генераламъ, по бокалу Французскаго вина; полковникамъ, стольникамъ и прочимъ по чаркѣ водки. Гости и Русскіе купцы были введены прежде иностранныхъ полковниковъ, что̀ сочтено за большую обиду. Духовенство, бояре, думные люди, Русскіе полковники и гости, или знатные купцы,

были отведены къ вдовствующей царицѣ-матери и получили по бокалу бѣлаго вина или по чаркѣ водки, и потомъ посажены за столъ. Послѣ обѣда изъ 21 пушки дано четыре залпа, и столько же залповъ изъ ружей. Вечеромъ сожженъ фейерверкъ, который всѣмъ очень понравился. Петру доставило это большое удовольствіе, и онъ удержалъ у себя бояръ, думныхъ людей, стольниковъ и иностранныхъ офицеровъ. Веселились всю ночь на пролетъ въ большой залѣ крѣпости (Пресбурга). Общее веселіе нарушилось на время непріятнымъ случаемъ, о которомъ Гордонъ выражается очень осторожно: «царь разсердился за одно слово, которое показалось ему оскорбительнымъ, и много труда стоило всѣмъ, чтобъ его успокоить». Вѣроятно, это былъ уже одинъ изъ припадковъ гнѣва, которымъ Петръ былъ подверженъ и въ которыхъ доходилъ иногда до неистовства, такъ что впослѣдствіи только Лефортъ, потомъ Меньшиковъ и, наконецъ, Екатерина могли его какъ нибудь успокоивать. Напомнимъ, что въ настоящемъ случаѣ ему было только съ небольшимъ 18 лѣтъ.

3 Сентября, послѣ обѣда у Лефорта, шло ученіе въ Преображенскомъ и приготовлялись къ маневрамъ слѣдующаго дня. Четвертаго, Гордонъ въ 8 часовъ утра былъ вызванъ въ Преображенское и завтракалъ тамъ съ Петромъ; въ 10 часовъ выѣхали они на поле. Маневры начались общимъ маршемъ, за которымъ послѣдовали схватки. Лучшій Стрѣлецкій полкъ, конница и пѣхота, стали противъ потѣшныхъ, Семеновской пѣхоты и гвардіи на коняхъ. Кромѣ ихъ еще два Стрѣлецкихъ полка стали другъ противъ друга. Схватывались то кучами, то цѣлыми полками, пока стало темно. Много было раненыхъ и опаленныхъ порохомъ. Самъ Гордонъ получилъ рану въ правое бедро надъ колѣномъ, а при наступленіи лице опалило у него порохомъ. Рана была такъ значительна, что нѣсколько дней онъ не могъ выходить изъ комнаты.

11 Сентября въ Преображенскомъ происходило еще сраженіе между Потѣшнымъ и Стрѣлецкимъ полками подъ начальствомъ Сухарева, которое обошлось благополучно.

Позднею осенью и зимою, за невозможностію полевыхъ ученій, праздничные обѣды и ужины упоминаются въ дневникѣ Гордоновомъ гораздо чаще. Дѣлу время, а потѣхѣ часъ, сказалъ отецъ Петра, царь Алексѣй Михайловичъ въ началѣ своего сокольничьяго устава; и никто не былъ такъ вѣренъ этому правилу въ продолженіи всей жизни, какъ его сынъ Петръ, который съ самыхъ молодыхъ лѣтъ любилъ повершать неустанные труды свои веселыми пирами въ кругу сотрудниковъ и товарищей, любезной «компаніи», за бакаломъ вина, въ схваткахъ, по ихъ любимому выраженію, съ Ивашкою Хмѣльницкимъ. 12 Сентября у боярина Петра Васильевича Шереметева; 13 у князя Өедора Юрьевича Ромодановскаго; 23 на свадьбѣ дочери Гордоновой; 1 и 2 Октября два дня сряду, все общество веселилось у Льва Кириловича Нарышкина; 13 Октября Петръ, со свитою въ сорокъ человѣкъ, обѣдалъ у Гордона и остался до 10 часовъ; всѣ были осень веселы; 16 у Лефорта до 11 часовъ; 20 у князя Ивана Ивановича Троекурова; 23 у прикащика Тараса; 25 ужинъ у гене-

рала Лефорта; 7 Ноября обѣдалъ Гордонъ съ царемъ у Лефорта и оставался до поздней ночи, такъ что на другой день долженъ былъ сидѣть дома по нездоровью; 19 праздникъ въ Измайловѣ; 21 Ноября общество веселилось всю ночь въ Андроньевѣ монастырѣ (вѣроятно тамъ праздновался день Введенія); 24 Гордонъ былъ съ царемъ въ Покровскомъ (у Льва Кириловича Нарышкина); 27 обѣдъ у Лефорта, 30 въ Покровскомъ; 3 Декабря обѣдъ у Андрея Өеодоровича Нарышкина; 7 царь пріѣхалъ вечеромъ къ Лефорту и оставался тамъ всю ночь; 8 обѣдалъ Гордонъ съ царемъ у Лефорта; 15 обѣдъ у Петра Абрамовича Лопухина, 17 обѣдъ у Алексѣя Петровича Салтыкова, 21 у Петра Васильевича Шереметева; 22 обѣдъ у Андрея Артамоновича Матвѣева, гдѣ Гордонъ оставался и всю ночь.

Гордонъ, человѣкъ уже пожилой (ему было тогда около 55 лѣтъ), послѣ такихъ пированій часто прихварывалъ и дня по два по три не выходилъ изъ комнаты. Молодой Петръ выносилъ ихъ легко, потому что зналъ мѣру своихъ силъ, или потому что ихъ было слишкомъ много, и онѣ не боялись никакаго излишества: по крайней мѣрѣ нѣтъ нигдѣ, ни въ домашнихъ, ни въ иностранныхъ документахъ, даже намека на то, чтобъ онъ когда либо упивался до безобразія. Крѣпкая его натура, пылкій темпераментъ, могучія силы, какія-то веревочныя нервы, о которыхъ новыя наши щедушныя поколѣнія не могутъ составить понятія, требовали какъ будто этого широкаго разгула, принуждали развертываться, но видно никогда не могли сломать его.

Изъ вышепредложеннаго списка видно, что Петръ бывалъ въ гостяхъ чаще всѣхъ у Лефорта, съ которымъ особенно сблизился впродолженіи этого 1690 года и котораго пожаловалъ въ генералъ-маіора за службу якобы въ Крымскихъ походахъ.

До сихъ поръ имя его почти не упоминалось въ современныхъ извѣстіяхъ, по крайней мѣрѣ въ сообществѣ молодаго царя. Чему обязанъ онъ былъ такимъ положеніемъ?

Лефортъ былъ Женевскій выходецъ, принадлежалъ къ почтенному, образованному и зажиточному семейству, котораго многіе члены занимали высокія должности въ республикѣ. Онъ получилъ порядочное образованіе и смолоду показалъ расположеніе къ военному ремеслу, вопреки отцу, который назначалъ ему купеческія занятія. Онъ оставилъ отеческій домъ лѣтъ 15-ти и отправился въ Голандію для поступленія тамъ въ военную службу. Здѣсь онъ сдѣлался извѣстнымъ сыну герцога Курляндскаго Петра, Іакову, который служилъ Голандскимъ Штатамъ во время войны ихъ съ королемъ Французскимъ Людовикомъ XIV. Лефортъ участвовалъ подъ его начальствомъ въ нѣкоторыхъ военныхъ дѣлахъ, но долженъ былъ его оставить по несогласію съ окружавшими его Курляндцами. Изъ Голандіи приглашенный полковникомъ Фростеномъ, отправился онъ съ 14 товарищами, чрезъ Архангельскъ, искать счастія въ Россіи, гдѣ и нашелъ его, впрочемъ послѣ долгихъ тяжелыхъ трудовъ и испытаній, перенося съ мужествомъ многія невзгоды, несчастія, противности, лишенія. Прибывъ изъ Архангельска въ Москву, онъ поселился въ Нѣ-

мецкой Слободѣ, гдѣ пріобрѣлъ вскорѣ общее благорасположеніе, женился чрезъ два года на племянницѣ генерала Бенговена, котораго старшая дочь была за генераломъ Гордономъ, вступилъ въ службу, участвовалъ въ Крымскихъ походахъ князя Голицына, который принялъ его подъ свое покровительство, и имѣлъ чинъ полковника при вступленіи Петра въ единодержавіе. Лефортъ былъ очень высокъ ростомъ, почти съ Петра, собою очень красивъ и статенъ.

Нѣкоторые современные свидѣтели,Корбъ, Перри, сообщаютъ, что основаніе связи положено за годъ, въ Троицкомъ монастырѣ, куда Лефортъ прибылъ будто прежде всѣхъ, открыто принялъ сторону Петра и тѣмъ, въ самое опасное и неизвѣстное время, доказалъ свою преданность. Это можетъ быть, хотя Гордонъ не упоминаетъ о томъ въ своемъ дневникѣ, и Лефортъ вообще, по благородству своего характера, едва ли бы могъ измѣнить такъ скоро покровителю своему князю В. В. Голицыну.

Какъ бы то ни было, у Троицы-ли приблизился Лефортъ къ Петру, или вскорѣ послѣ имѣлъ случай сдѣлаться ему извѣстнымъ, но въ 1690 году было уже всѣмъ въ Россіи и за границею извѣстно, что Лефортъ есть первый любимецъ и другъ царя Петра Алексѣевича и находится при немъ неотлучно. Племянникъ Лефорта, пріѣхавшій къ нему по его вызову изъ Женевы, писалъ къ роднымъ, что трудно даже ему, жившему въ домѣ своего дяди, найти время, когда бы можно было говорить съ нимъ, потому что онъ находится безпрерывно съ царемъ.

Пріятная его наружность, веселый его нравъ, доброе сердце, пріемы благовоспитаннаго человѣка, даръ слова, любезное, привѣтливое обхожденіе, нѣкоторое образованіе, знакомство съ иностранными государствами, людьми и учрежденіями, умѣнье разсказывать, понравились, можетъ быть, молодому впечатлительному Петру, и онъ почувствовалъ симпатію къ Лефорту, которая укрѣпилась въ частомъ обращеніи, умѣньемъ и готовностію Лефорта дѣлать ему угодное, предугадывать его желанія и стараться всѣми силами о скоромъ ихъ исполненіи, входить въ его виды, придумывать средства доставлять ему новыя удовольствія, возбуждать и питать его любопытство занимательными и поучительными разсказами о томъ, гдѣ онъ былъ, что видѣлъ и зналъ объ Европѣ и ея учрежденіяхъ, о состояніи городовъ, о примѣчательныхъ зданіяхъ, о славныхъ памятникахъ, житейскомъ бытѣ.

Замѣтимъ еще, что пиры Петровы не состояли единственно изъ питья и веселаго препровожденія времени. Гордонъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ частые и продолжительные свои разговоры съ Петромъ: 4 и 5 Февраля Гордонъ былъ въ городѣ и въ оба раза имѣлъ долгую бесѣду съ его величествомъ, 17 былъ Гордонъ на Верху и долго разговаривалъ съ царемъ, 1 Марта былъ приглашенъ царемъ Гордонъ въ загородный домъ, и на возвратномъ пути царь разговаривалъ съ нимъ безостановочно.

Никакаго нѣтъ сомнѣнія, что это были разговоры дѣловые и, разумѣется, сначала больше всего касались военнаго дѣла, которому Петръ

преданъ еще былъ исключительно. О другихъ разговорахъ не сталъ бы онъ отмѣчать особенно, какъ это видно изъ дневника, гдѣ прочія обыкновенныя свиданія и посѣщенія отмѣчены только числами.

Кромѣ Лефорта и Гордона Петръ имѣлъ много и другихъ собесѣдниковъ, преимущественно въ Нѣмецкой Слободѣ, куда онъ пріѣзжалъ очень часто и гдѣ въ эту именно эпоху обнаруживалась особая дѣятельность и кипѣла общественная жизнь, въ виду Европейскихъ событій, которыя находили здѣсь полное отраженіе.

Важнѣйшее лице между ними былъ баронъ Ванъ-Келлеръ, резидентъ отъ соединенныхъ Голандскихъ Штатовъ, человѣкъ очень умный, съ большимъ образованіемъ, знакомый коротко съ политикою Европейскихъ государствъ. Онъ жилъ въ Слободѣ, оставшись послѣ бывшаго Голандскаго посольства наблюдать за ходомъ дѣлъ и служить покровителемъ многочисленныхъ Голандскихъ купцовъ здѣсь жившихъ, къ которымъ перешла торговля Англичанъ. Ванъ-Келлеръ былъ близко знакомъ со многими боярами и между ними съ княземъ Борисомъ Алексѣевичемъ Голицынымъ и Лефортомъ, чрезъ которыхъ сдѣлался извѣстнымъ и царю, и пріобрѣлъ законное право занять мѣсто въ его исторіи.

На Западѣ велась тогда ожесточенная война между Людовикомъ XIV и соединенными Голандскими Штатами, которые поддерживала Англія, особенно когда штатгальтеръ Голандскій Вильгельмъ, вслѣдствіе брака своего съ Анною, вступилъ на Англійскій престолъ.

Къ политикѣ присоединилась и религія: Людовикъ держалъ сторону Іакова II, ревностнаго католика, а Англичане и Голандцы пылали еще ненавистію къ папству. Католики, раздраженные изгнаніемъ Іезуитовъ и запрещеніемъ на имѣнія своихъ священниковъ, благопріятствовали втайнѣ Людовику XIV, какъ покровителю католичества; протестанты держались за Голандію и Англію съ ихъ свободою вѣроисповѣданія. Наконецъ, Людовикъ олицетворялъ собою самовластіе, а Англичане его противники и Голандцы чтили выше всего политическую свободу.

Въ Нѣмецкой Слободѣ нашей жили люди всѣхъ Европейскихъ народностей и исповѣданій: Голандцы, Англичане, Шотландцы, Нѣмцы, Итальянцы, Реформаты, Кальвинисты, Католики. Всѣ они съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за событіями, смотрѣли на нихъ съ своихъ точекъ и желали успѣха той или другой сторонѣ, смотря потому что̀ для кого было выгоднѣе или согласнѣе съ ихъ понятіями. Между тѣмъ всѣ они жили вмѣстѣ въ одной Слободѣ, служили одному государству, или имѣли дѣло съ однимъ государствомъ и всякій день должны были входить въ сношенія другъ съ другомъ. Потому они могли только спорить между собою, разсуждать, доказывать и отвергать, дѣйствовать только посредствомъ убѣжденій, что̀ все происходило очень часто въ присутствіи Петра, который всякій почти день былъ между ними и слушалъ ихъ горячія состязанія. Для воспріимчиваго, быстро все схватывающаго Петра, съ мыслію, неустанно работавшею, съ живымъ воображеніемъ, эти состязанія сдѣлались новою школою политическою. Предъ нимъ открывался новый свѣтъ, высту-

пали предъ глазами явленія доселѣ неизвѣстныя, кругъ зрѣнія расширялся, и онъ, слышавшій и знавшій до сихъ поръ только о сосѣдяхъ Полякахъ, Татарахъ и Туркахъ, со врожденной своей проницательностію и любознательностію устремлялъ далѣе свои пытливые взоры.

Въ 1690 году торговля была въ застоѣ еще съ прошедшаго года. Купеческія суда не смѣли показываться на сѣверныхъ моряхъ, чтобъ не попасть въ руки Французскихъ каперовъ. Въ Архангельскѣ накопилось множество Русскихъ товаровъ, которые лежали безъ движенія, и купцы стѣснились совершенно въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ Слободѣ господствовало смущеніе и уныніе. Повсюду слышались жалобы, которыхъ ревностнымъ истолкователемъ былъ Ванъ-Келлеръ, имѣвшій даже своею обязанностію пещись о дѣлахъ этого рода. Вдругъ получается извѣстіе, что Штаты отдѣлили часть своего флота для сопровожденія купеческихъ кораблей за Русскими товарами въ Архангельскъ. Можно представить себѣ купеческую радость! Она увеличилась еще болѣе, когда пришло извѣстіе, что корабли благополучно возвратились, нагруженные, изъ Архангельска, и что флотъ, отправленный для покровительства Индѣйской торговли, также возвратился благополучно съ тамошними кораблями. Ванъ-Келлеръ получалъ немедленныя свѣдѣнія съ театра военныхъ дѣйствій, вообще о ходѣ войны отъ самого правительства, чрезъ газеты, отъ знаменитаго Амстердамскаго бургомистра Витзена, знакомаго съ Россіею,— и тотчасъ сообщалъ ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Передавая Петру послѣднее извѣстіе, онъ имѣлъ случай объяснить всю важность и значеніе военнаго флота, отъ котораго зависѣло торговое сношеніе со всѣми его великими послѣдствіями.

Нечего говорить, съ какимъ вниманіемъ и удовольствіемъ слушалъ его Петръ, подготовленный своею личною, доселѣ безотчетною, охотою, подъ которую подкладывалось теперь разумное основаніе; какъ играло его воображеніе и какія мысли взраивались въ его пламенной головѣ.

Извѣстія съ театра войны приходили важнѣе и важнѣе. Вильгельмъ покорилъ Ирландію, что̀ было принято Петромъ съ большимъ удовольствіемъ (какъ доносилъ Ванъ-Келлеръ отъ 1 Ноября), такъ что онъ задумывалъ снаряжать особое посольство въ этомъ же мѣсяцѣ для поздравленія короля Англійскаго съ одержанными побѣдами и для пожеланія ему успѣховъ. Посольство предполагалось поручить Лефорту. Мысль совершенно новая, не въ духѣ старой политики Русской, которая никогда не пыталась вмѣшиваться такимъ образомъ въ чужія дѣла, эта мысль принадлежала, безъ сомнѣнія, самому Петру, и она показываетъ образчикъ его новаго способа дѣйствій, и если не намѣреніе участвовать въ Европейскихъ дѣлахъ, то, по крайней мѣрѣ, свободное къ нимъ и смѣлое отношеніе.

Посольство не состоялось вѣроятно вслѣдствіе возраженій старыхъ дѣльцевъ въ Посольскомъ Приказѣ, которымъ такая мысль могла естественно показаться пустою, дикою, безцѣльною. «Поздравлять какаго-то короля за тридевять земель съ его побѣдами! Да намъ что же до нихъ за дѣло? А дуй ихъ всѣхъ горой! Провалиться бы имъ всѣмъ сквозь землю!»

Голандскіе, а съ ними нѣкоторые Нѣмецкіе купцы рады были такому настроенію Петра и старались утвердить его въ мысляхъ о важности торговли, и вмѣстѣ съ тѣмъ указывали на выгоды, кои Россія, по своему положенію, можетъ извлечь изъ торговыхъ сношеній съ южными странами, о коихъ помышлялъ уже покойный его родитель и кои достались теперь въ добычу Шведамъ. Самъ Французскій король, Людовикъ XIV, говорили они, былъ бы радъ учредить торговлю съ Арменіей и Персіей чрезъ Россію, еслибъ только она на это согласилась. Голандцы, которыхъ торговая предпріимчивость находилась тогда на высшей степени развитія, обращали вниманіе Петра еще далѣе, на торговлю съ Китаемъ, съ Небеснымъ царствомъ, о богатствахъ котораго ходили тогда въ Европѣ баснословные слухи. Россія владѣетъ-де единственною туда сухопутною дорогою, и стôитъ труда только попасть туда, чтобъ воспользоваться тамошними сокровищами.

*

Такъ кончился первый годъ единодержавія (1690), въ экзерциціяхъ военныхъ и маневрахъ, въ ночныхъ и дневныхъ пированіяхъ и въ поучительныхъ бесѣдахъ съ обитателями Нѣмецкой Слободы, которые открыли Петру новый свѣтъ—политическій, объяснили отношенія Европейскихъ государствъ между собою, вліяніе, какое могутъ имѣть они на Россію, указали на выгоды, которыя Россія можетъ извлечь изъ своего положенія между Европой и Азіей.

Въ слѣдующемъ 1691 году, когда Петру пошелъ 19 годъ отъ роду, руки у него развязывались какъ будто больше и больше, и онъ привыкалъ быть царемъ, уклоняясь по времени отъ опеки, поступая по своему изволенію. Только относительно необходимости оставаться въ Москвѣ онъ слушалъ еще своихъ совѣтниковъ.

Зимою Петръ, какъ бы въ исполненіе Голандскихъ уроковъ прошлаго года о необходимости для всякаго государства имѣть флотъ, работалъ надъ большою яхтою, въ которой помѣщалось до тридцати человѣкъ. Онъ сдѣлалъ ее всю своими руками, не прибѣгая ни къ чьей помощи. По свидѣтельству Шведскаго резидента, яхта была спущена на воду 27 Марта. (Гордонъ одними и тѣми же словами говоритъ о спускѣ яхты 14 и 27 Марта, по Нѣмецкому Стриттерову переводу: Die neue (die grosse) Yacht wurde auf den Flusz gebracht. Послѣднее число вѣроятнѣе, судя по времени года).

Апрѣля 2 царь отправился на этой яхтѣ по Москвѣ-рѣкѣ въ Коломенское. 19-го устроена была поѣздка къ Самаровой горѣ, не смотря на вѣтренную, ненастную погоду. Царь, вѣроятно, хотѣлъ испытать свое искусство и познакомиться съ препятствіями.

20-го такая же поѣздка совершилась въ Коломенское, при сильномъ противномъ вѣтрѣ. 22-го Петръ плавалъ къ монастырю Угрѣшскому и тамъ провелъ ночь.

На слѣдующій день прогулка опять по водѣ въ сосѣднюю деревню на обѣдъ къ Алексѣю Ивановичу Соковнину, гдѣ также ночевала вся компанія. Ненастье продолжалось, и не было никакой возможности возвращаться водою. Петръ возвратился въ монастырь по

сухому пути, тамъ отобѣдалъ, а къ вечеру пріѣхалъ въ Коломенское.

За плаваніями начались по прежнему военныя упражненія, ученья конныя и пѣшія, опыты (25 Мая) надъ вновь изобрѣтенными мортирами, надъ разрушеніемъ редутовъ, по методѣ полковника Левенфельда (26 Іюня).

Важнѣйшіе маневры съ примѣрными сраженіями могли быть приведены въ исполненіе только 6, 7 и 9 Октября (хотя приготовленія къ нимъ начались очень рано), кажется, по причинѣ болѣзни царицы Натальи Кириловны. Планъ маневровъ сочиненъ, вѣроятно, самимъ царемъ, разумѣется обще съ близкими генералами, судя по нѣкоторымъ пріемамъ, повторяющимся въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Объ этихъ маневрахъ сохранилось современное описаніе, сочиненное, разумѣется, по приказанію Петра, который чуялъ уже, что принадлежитъ исторіи и заботился спозаранку о томъ, чтобъ всѣ его дѣйствія были описываемы.

Это описаніе имѣетъ слѣдующее заглавіе: «Описаніе великаго и страшнаго бою, который былъ въ нынѣшнемъ 200 году, Октября въ 6 и въ 7 и въ 9 числѣхъ у его пресвѣтлѣйшества генералиссимуса Фридриха Ромодановскаго».

Тутъ, кромѣ военной части, примѣчателенъ церемоніалъ какъ при началѣ, такъ и при окончаніи маневровъ, и юморъ, указывающій также на любимый пріемъ Петровъ.

Наше войско было подъ предводительствомъ князя Ю. Ѳ. Ромодановскаго, который начинаетъ уже выступать (какъ изъ этого распоряженія видно) на первый планъ въ замышленіяхъ Петровыхъ, а непріятельское подъ начальствомъ Ивана Ивановича Бутурлина. Подъ предводительствомъ этихъ Русскихъ генералиссимусовъ, изъ которыхъ одинъ (какъ сказано въ реляціи) нашелся живой среди сраженія между трупами (разумѣется подложными), а другой попался въ чужой обозъ, настоящими дѣйствіями заправляли иностранные офицеры, кромѣ генераловъ: Гордона, Лефорта и Менезіуса, полковники Крейкъ, Лейфель, Ригимонъ, маіоръ Балкъ.

Выпишемъ изъ реляціи то, что говорится о самомъ Петрѣ, который значится въ ней ротмистромъ рейтарскимъ.

«Непріятели, заведчи своихъ гусаръ на нашихъ гусаръ, ударили; однакожъ наши гусары непріятельскихъ гусаръ побили, а иныхъ въ полонъ побрали, а генерала гусарскаго Гулста рейтары ротмистра Петра Алексѣевича взяли съ голою шпагою. Потомъ, видя непріятельскій генералиссимусъ, что приходитъ къ худобѣ и не къ лучшему, отобрался съ нѣкоторыми конными роты и, подъѣхавъ тихо, являя себя будто къ разговору ѣдетъ, хотя тѣмъ войско наше исполошить, и вдругъ ударилъ на наше войско, а самъ прямо скочилъ на нашего генералиссимуса съ такимъ намѣреніемъ, чтобъ его пресвѣтлѣйшество убить и тѣмъ бы въ обезглавленіе войско привести; но, не допустя до его пресвѣтлѣйшества, ротмистръ Петръ Алексѣевичъ живаго въ полонъ взялъ. И то видя, непріятельское войско побѣжали» (Устр. II, 487). Плѣнникъ былъ однакожъ отпущенъ на честное слово, и нашъ генералиссимусъ «указалъ потомъ

въ обозъ его проводить вышеупомянутому ротмистру, который его на бою взялъ; и егда провоженъ былъ, и тогда встрѣтили его войска его и отъ радости стрѣляли трижды, а генералиссимусъ дарилъ онаго ротмистра шпагою и отпустилъ назадъ». (Тамъ же, стр. 488).

Вотъ какъ кончилось сраженіе: «Непріятели, видя свою пагубу, всѣмъ войскомъ, съ великимъ шумомъ и крикомъ на нашихъ наступили, и конницею и пѣхотою, и былъ бой непрестанный пять часовъ. И съ лѣваго крыла нашихъ конные и пѣшіе полки, зашедъ на непріятеля, съ великою яростію ударили, также и съ праваго крыла съ пѣхотою господинъ генералъ Автамонъ Головинъ ударилъ же; однако лѣвое крыло непріятельское стояло крѣпко, пока наше войско съ лѣваго крыла непріятелей побили, тогда и правое крыло бѣжать принуждены были; а наши за непріятелемъ гнались и непріятеля въ конецъ побили, и обозъ, и пушки, и шатры, и всякую живность великое множество взяли; а конница наша непріятельскую, не допустя до обозу, также побили, и въ прудѣ бѣжащихъ потопили, и знамена побрали, и самого его пресвѣтлѣйшество генералиссимуса Фридриха въ три часа людьми не сыскали, а послѣ трехъ часовъ сыскали его въ обозѣ непріятельскомъ съ небольшими людьми у самаго шатра непріятельскаго. И той бой равнялся судному дни». «И по окончаніи того бою, конница стала по правую сторону въ непріятельскомъ обозѣ, а пѣхота по лѣвую, а знамена и взятое оружіе положили. А его пресвѣтлѣйшество изволилъ идти сквозь всѣ войска, ступая по непріятельскимъ клейнотамъ; и, пришедъ въ непріятельскій шатеръ, изволилъ сѣсть и всѣхъ своихъ начальныхъ людей и рядовыхъ за ихъ храбрость милостиво похвалилъ. А генералиссимуса непріятельскаго обрѣли между труповъ крыющагося, и провели предъ его пресвѣтлѣйшество и, поставя на колѣни съ нѣкоторыми его ближними людьми и главными начальниками, указалъ его пресвѣтлѣйшество неправды ихъ прежнія выговорить. А непріятель противъ тѣхъ словъ паданіемъ на землю отповѣдь чинилъ». «И потомъ его пресвѣтлѣйшество изволилъ идти изъ непріятельскаго обозу въ обозъ свой. И когда вышелъ изъ шатра, конница и пѣхота стрѣляли разъ; а когда сѣлъ на лошадь, стрѣляли второй; когда съ мѣста рушился, стрѣляли въ третій. И конница пошла напередъ, а за конницею его пресвѣтлѣйшество, а назади шла пѣхота и знамена взятыя и клейноты волокли предъ его пресвѣтлѣйшествомъ; а генералиссимуса взятаго на лошади безъ ружья и безъ шпаги, а достальныхъ пѣшихъ вели за его пресвѣтлѣйшествомъ. А пришедъ его пресвѣтлѣйшество въ обозъ, указалъ всѣхъ начальныхъ людей кормить, при которомъ столѣ и самъ его пресвѣтлѣйшество изволилъ кушать и изволилъ пить про побѣду надъ непріятельми, также и всѣхъ начальныхъ людей изволилъ жаловать. И въ ту пору на радости по всему обозу стрѣльба была трижды. И по совершеніи того стола, вышедъ изъ шатра, изволилъ самъ его пресвѣтлѣйшество все свое войско милостиво похвалить, и за раны и за службы придачи и жалованья обѣщалъ впередъ. А потомъ все войско указалъ распустить въ домы своя, и самъ его пресвѣтлѣйшество изволилъ идти тогожъ числа въ стольный свой городъ Прѣшпуръ» (489 и 490).

Въ этомъ «военномъ балетѣ», какъ называлъ его Гордонъ, былъ тяжело раненъ ближній стольникъ, князь Иванъ Дмитріевичъ Долгорукій, племянникъ убитаго стрѣльцами князя Юрія Алексѣевича и на 9-й день скончался. Петръ увѣдомилъ объ его смерти Ѳедора Матвѣевича Апраксина слѣдующимъ письмомъ:

«Противъ сего 15 числа въ ночи, въ 6 часу, князь Иванъ Дмитріевичъ отъ тяжкія своея раны, паче же изволеніемъ Божіимъ, переселился въ вѣчные кровы по чину Адамову, идѣже и всѣмъ намъ по времени быти. Посемъ здравствуй. Писавый Petrus».

Письмо это въ словахъ о смерти представляетъ уже извѣстное развитіе, а подпись Petrus указываетъ на возникшее пристрастіе къ чужому.

Военныя потѣхи перемежались и оканчивались по прежнему пирами, въ этомъ 1791-мъ году, кажется, еще чаще, чѣмъ въ предъидущемъ. Замѣтимъ еще, что большею частію пиры эти происходили въ Нѣмецкой Слободѣ и притомъ (кромѣ военныхъ людей) у купцовъ, иностранныхъ резидентовъ и прочихъ обитателей.

2 Января Гордонъ получилъ приказаніе отъ царя изъ Преображенскаго заготовить у себя на другой день обѣдъ и ужинъ для него и для всей компаніи, съ предупрежденіемъ, что всѣ они останутся у него ночевать. 3-го числа поутру прибылъ царь и тотчасъ сѣлъ за столъ. Съ нимъ было 85 человѣкъ гостей изъ знати и до ста служителей. Всѣ были очень веселы, также и за ужиномъ, а ночь провели по полевому.

Отъ Гордона на другой день все собраніе отправилось къ Лефорту.

11 Января былъ обѣдъ у князя Бориса Алексѣевича Голицына.

27 Января при дворѣ пущенъ былъ фейерверкъ, при которомъ Гордоновъ пасынокъ Рудольфъ Страсбургъ имѣлъ несчастіе обжечь себѣ голову, руки, колѣна и ноги и едвали не лишился жизни. Три человѣка такъ были обожжены, что вскорѣ умерли, и Францъ Тиммерманъ былъ ушибенъ.

6 Февраля у Лефорта.

20 Февраля вся ночь проведена въ Покровскомъ у Льва Кириловича Нарышкина.

1 Марта обѣдъ у Лефорта.

2-го, обѣдъ у Гордона.

9-го обѣдъ у Елизарія Исбранта.

12-го ужинъ у Лефорта.

7 Мая ужинъ у Лефорта.

22 Мая обѣдъ у Лефорта.

Весною празднества у Шведскаго и Датскаго резидентовъ.

19 Іюня у Голандскаго резидента Ванъ-Келлера, который доносилъ о томъ Штатамъ слѣдующимъ образомъ: «Во имя, милостивые государи, во имя ваше я имѣлъ честь принимать у себя его величество царя Петра Алексѣевича и угощать его наилучшимъ образомъ, какъ только возможно было. Его царское величество самъ назвался и прибылъ такимъ же образомъ, какъ къ министрамъ при здѣшнемъ дворѣ, Шведскому и Датскому, въ сопровожденіи боль-

шаго числа бояръ и князей. Присутствіе его продолжалось 24 часа, при звукѣ трубъ, цимбалъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ. Весь городъ говоритъ объ этомъ праздникѣ и знаетъ, что слуга вашъ предлагалъ чествовать его царское величество бокаломъ вина, какъ водится въ Голандіи. Я очень радъ, что это безпокойство, котораго я не могъ избѣгнуть, перенесено, и что его царское величество остался въ совершенномъ удовольствіи со всею своею свитою и приближенными дамами».

20 Іюля былъ обѣдъ у г. Веріеса.

6 Августа царь ночевалъ у Гордона послѣ ужина и на другой день обѣдалъ.

1 Сентября вечеръ у г. Тауберта.

29-го Обѣдъ у думнаго дьяка Автомона Ивановича Иванова.

13 Октября на свадьбѣ у Андрея Буша.

22-го праздникъ у г. Монса.

Не съ этого ли дня начинается знакомство и связь Петра съ прелестною дочерью золотыхъ дѣлъ мастера Анною Монсъ?

25 Ноября, рано поутру, поѣхалъ Гордонъ съ конницею на потѣшный дворъ, оттуда къ Род. Мейеру и такъ далѣе къ г. Гаутману (Howtman), гдѣ веселились до полночи.

26-го компанія была опять у г. Гаутмана до поздней ночи.

27 и 28. Опять у Гаутмана. Гордонъ провожалъ оттуда царя верхомъ и поздно воротился домой.

*

Относительно политическихъ бесѣдъ 1691 годъ былъ еще важнѣе 1690 года.

Царь, какъ нарочно, въ подкрѣпленіе и дополненіе своихъ мыслей получилъ въ началѣ 1691 года отъ постороннихъ лицъ, знаменитыхъ своимъ положеніемъ, значеніемъ и опытностію, отъ Амстердамскаго бургомистра Витзена и отъ Іерусалимскаго патріарха Досиѳея два посланія, которыя должны были произвести на него тѣмъ бо̀льшее дѣйствіе, что совершенно согласовались съ мыслями, которыя у него бродили въ головѣ.

Такъ развитіе и практическое воспитаніе, благодаря внѣшнимъ обстоятельствамъ, шли у него постепенно. Всякій день какъ будто научалъ его чему-то новому, и прилежный, внимательный ученикъ пользовался какъ нельзя лучше получаемыми уроками.

Витзенъ въ посланіи своемъ, представленномъ Петру Ванъ-Келлеромъ, изложилъ не только свои мысли о торговлѣ съ Китаемъ и Персіей, но и предложилъ свои совѣты и услуги для приведенія ихъ въ исполненіе. И не ошибся Витзенъ. Петръ отвѣчалъ ему немедленно и выразилъ полную благодарность за сообщенныя свѣдѣнія, вмѣстѣ съ просьбою представлять ему оныя и впредъ. Витзенъ такъ былъ доволенъ этимъ отвѣтомъ, что напечаталъ его въ началѣ втораго изданія своей книги о Татарахъ, которое и посвятилъ царю Петру. А Петръ между тѣмъ, въ исполненіе Витзеновыхъ совѣтовъ, тотчасъ велѣлъ снарядить посольство въ Китай, съ которымъ недавно, въ 1683 году, заключенъ былъ Нерчинскій трактатъ посланникомъ ца-

ревны Софіи Ѳ. А. Головинымъ. Петръ выбралъ для новыхъ сношеній не боярина, а знакомаго ему Нѣмецкаго купца Исбранта-Идеса, жившаго въ Нѣмецкой Слободѣ. Ему поручено было познакомиться ближе съ Небеснымъ царствомъ и постараться завести сношенія между Китайскимъ императоромъ и Русскимъ царемъ.

Такъ Петръ началъ обнаруживать, на 18-мъ, 19-мъ году отъ роду, при всякомъ случаѣ, когда могъ, свою дѣятельность политическую и готовность принимать всякія мысли чужія, которыя казались ему полезными, а вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ и свою смышленность и смѣлость, выбравъ въ посланники купца.

Голосъ Витзена, какъ человѣка, который еще въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича обозрѣлъ и изслѣдовалъ лично Большую и Малую Татарію и издалъ ихъ описаніе, былъ весьма важенъ, и вмѣстѣ показывалъ, что онъ имѣлъ выгодное понятіе о Петрѣ и надѣялся быть понятымъ и уваженнымъ.

Въ Сентябрѣ 1691 года пришло письмо къ царю отъ Іерусалимскаго патріарха Досиѳея, писанное 18 Марта. Патріархъ жаловался на притѣсненія Французовъ, которымъ подкупленные Турки предоставили разныя преимущества въ ущербъ Грекамъ въ святыхъ мѣстахъ. Патріархъ вызываетъ Русскихъ къ войнѣ противъ Турокъ и стыдитъ бездѣйствіемъ, подаетъ совѣты Русскимъ государямъ требовать себѣ Іерусалима и отдачи святыхъ мѣстъ Грекамъ, иначе не заключать мира, занять Украйну, получить Молдавію и Валахію, взять Іерусалимъ. Турокъ нельзя, не надо терпѣть на Сѣверѣ отъ Дуная, или въ Подоліи, или на Украйнѣ. Патріархъ напоминаетъ, что осмнадцать лѣтъ назадъ онъ совѣтовалъ царю Алексѣю Михайловичу покинуть Поляковъ и усмирить прежде Турокъ, приближающихся къ Днѣпру. Взятіе Бѣлграда Турками онъ приписываетъ бездѣйствію Русскихъ: еслибъ заняты были ими Татары, то этого не могло бы случиться. «Если будутъ отдавать вамъ весь Іерусалимъ, а Украйной не поступятся, а изъ Подоліи не выйдутъ, то не заключайте мира; потому что, если засядутъ они въ Подоліи, то сыщутъ удобное время (напасть на васъ) и не будутъ молчать. Помогайте Полякамъ и инымъ. Если Татары погибнутъ, то и Турки съ ними, и дойдетъ ваша власть до Дуная; а если Татары останутся цѣлы, то они васъ обманутъ. Впередъ такаго времени не сыщете, какъ теперь. Александръ Великій не ради Бога, но ради единоплеменныхъ своихъ на Персовъ великою войною ходилъ; а вы, ради святыхъ мѣстъ и единаго православія, для чего не бодрствуете, не трудитесь, не отгоняете отъ себя злыхъ сосѣдей? Вы упросили Бога, чтобъ у Турокъ была война съ Нѣмцами; теперь такое благополучное время, а вы не радѣете!... Татары горсть людей и хвалятся, что берутъ у васъ дань; а такъ какъ Татары—подданные Турецкіе, то выходитъ, что и вы Турецкіе подданные. Много разъ вы хвалились, что хотите сдѣлать то и другое, и все оканчивалось одними словами, а дѣла не явилось никакаго». Въ припискѣ сказано: «чтобъ Греки живущіе въ Москвѣ ничего не знали о моемъ письмѣ кромѣ Николая Спафари».

Стыдно и тяжко было Петру читать эти упреки, тѣмъ болѣе, что воспоминаніе о двухъ послѣднихъ несчастныхъ походахъ на Крымъ было еще живо; и что онъ видѣлъ невозможность послѣдовать совѣтамъ Іерусалимскаго патріарха. На яхтѣ, имъ построенной и судахъ, что строятся въ Переяславлѣ, далеко не уѣдешь; некѣмъ взяться: войско плохо кромѣ его потѣшныхъ воспитанниковъ; офицеры только иностранцы. Надо строить, надо учиться, надо учить, заводить, приготовлять и мало-ли чего надо, какъ подумаешь о настоящихъ сраженіяхъ, осадахъ, приступахъ, какъ они ведутся тамъ на Западѣ, судя по разсказамъ. Но прежде всего надо узнать все самому, надѣяться не на кого; надо все высмотрѣть и всему научиться, а тамъ, что Богъ дастъ, то и будетъ. Все это мелькало у Петра въ головѣ, но по дѣловой своей натурѣ онъ не предавался никакимъ мечтаніямъ, а копилъ эти мысли про запасъ, пользовался только тѣмъ, что предлагала ему минута и дѣлалъ съ терпѣніемъ то, что могъ въ настоящихъ обстоятельствахъ.

Во второмъ письмѣ, отъ 2 Сентября, полученномъ уже въ началѣ слѣдующаго 1792 года, патріархъ проситъ, чтобъ цари начали мирные переговоры съ Турками и требовали святыхъ мѣстъ по прежнему для Грековъ: «ибо Англичане и Голандцы хлопочутъ о мирѣ между Австріей и Турціей, и Австрійцы, по наущенію папы, могутъ внести въ договоръ, чтобъ святыя мѣста остались за католиками».

Бесѣды въ Нѣмецкой Слободѣ продолжались. Оказывалось, что Западныя событія могли, не смотря на свою отдаленность, имѣть вліяніе и на Россію, и собесѣдники старались ставить это на видъ Петру, чтобъ привлечь его на ту или другую сторону. Лефортъ могъ засвидѣтельствовать, что узналъ онъ проѣздомъ черезъ Вильну, какъ недавно католики разрывали могилы, бросали трупы въ огонь, разрушали реформатскія церкви. Бѣда, если одолѣетъ Людовикъ! Тогда Іезуиты поднимутъ голову и пойдутъ мутить. Это такіе люди, что покойны быть не могутъ. Дадутъ они себя знать и въ Голандіи и въ Англіи. Не забудутъ они и того, что выгнаны отсюда съ безчестіемъ. Ну, да что же могутъ они сдѣлать здѣсь? А вотъ что: Поляки имъ на руку, потому что они въ Польшѣ хозяйничаютъ, какъ сыръ въ маслѣ купаются. Ну вотъ они непремѣнно будутъ хлопотать о Полякахъ и убѣдятъ Французскаго короля, чтобъ за нихъ заступился и замирилъ Турокъ съ Татарами: ступайте-де, лучше всѣ вмѣстѣ на Россію. Пожалуй, чего добраго! Тутъ и папа поможетъ въ угоду Французскому королю; да и самъ по себѣ онъ, разумѣется, желаетъ добра больше своимъ подданнымъ, Полякамъ, чѣмъ Русскимъ. А Турка Французу другъ изстари. Тогда и Греки не увидятъ святыхъ мѣстъ какъ ушей своихъ. Россіи тяжело будетъ справляться въ одно время съ Поляками, Турками и Татарами. А что тогда скажутъ Шведы? Шведы собирались помогать Французамъ. Тогда и Шведы обрадуются случаю отплатить за дружбу Россіи съ Пруссаками, во время ихъ войны, и захотятъ забрать все, о чемъ теперь такъ давно спорятъ, около Новгорода и за Архангельскъ. Такъ лучше для Россіи начать скорѣе войну съ Татарами, говорили католики,

желая внутренно добра императору Нѣмецкому и Полякамъ. Шотландцы и нѣкоторые Нѣмцы распространялись о славѣ Лудовика XIV, а Голандцы и Англичане при всякомъ случаѣ превозносили до небесъ своего Вильгельма.

Мнѣнія противоположныя выражались при Петрѣ свободно. Такъ однажды, за обѣдомъ у Лефорта, предложено было гостямъ встать и выпить за здоровье короля Вильгельма. Шотландецъ Гордонъ остался сидѣть на своемъ мѣстѣ и сказалъ, что онъ будетъ пить за здоровье своего короля, а за здоровье завоевателя пить не будетъ [8]).

*

Къ концу года терпѣніе Петра истощилось, и онъ, видно, убѣдясь, что въ Москвѣ все утихло и никакой опасности не предстоитъ для его правительства, поскакалъ въ Переяславль 16 Ноября, посмотрѣть, что тамъ дѣлается и насколько подвинулось исполненіе его приказаній.

Въ Переяславлѣ любезный Карстенъ-Брантъ не потерялъ времени, работая неустанно; но Петръ могъ только полюбоваться вновь построенными судами, а плавать по озеру время уже прошло. Онъ воротился въ Москву къ 20 числу и былъ встрѣченъ Гордономъ въ Братовщинѣ. Не смотря на краткость своего пребыванія въ Переяславлѣ, онъ написалъ оттуда письмо къ матери, которая, видимо, и теперь отпускала его съ большимъ безпокойствомъ:

«Паче житія въ мірѣ семъ любимой матери моей, великой государынѣ царицѣ Наталіи Кириловнѣ недостойный сынъ твой Петрушка, въ многожеланіи благословенія твоего челомъ бью. И паки тогожде прося, возвѣщаю, что благословеніемъ твоимъ въ великомъ изобиліи пребываемъ на пользу свою. По семъ желаю душѣ и тѣлу стократъ тысячнаго здравія. Аминь. Изъ Переяславля. Ноября [9]).

Чрезъ двѣ недѣли, 9 Декабря, за два часа до разсвѣта [10]), Петръ опять поѣхалъ въ Переяславль, вѣроятно, чтобы распорядиться работами на слѣдующій 1692 годъ, и пробылъ тамъ больше недѣли: 17 Декабря онъ обѣдалъ уже у Троицкаго келаря и воротился въ Москву.

Судостроеніе, послѣ Голандскихъ внушеній, занимало его больше всего, и въ началѣ слѣдующаго года (Февраля 18) уже съ указомъ избраннаго имъ надъ собою князя кесаря Ѳедора Юрьевича Ромода-

---

[8]) У Поссельта, стр. 520.

[9]) Не понимаю, почему Устряловъ (II, 403) относитъ это письмо къ 19 числу, котораго въ подписи нѣтъ. Петръ пріѣхалъ изъ Переяславля 20, слѣдовательно не могъ писать письма наканунѣ. Также невѣрно показаніе, что Петръ оставался тамъ въ это путешествіе до 30. Отъ 25 до 28 Петръ пировалъ въ Москвѣ у Гаутмана чуть-ли не всякій день. Хотя имени его въ дневникѣ Гордоновомъ не упоминается, но онъ вѣрно былъ у Гаутмана; ибо въ самомъ началѣ сказано, что Гордонъ, разумѣется по приказанію Петра, отправился съ конницею на Потѣшный дворъ и оттуда къ Мейеру, и такъ далѣе къ Гаутману, гдѣ веселились до полночи, а при послѣднемъ днѣ онъ провожалъ царя пѣшкомъ въ городъ и домой воротился поздно. (II, 356).

[10]) Тамъ же 357.

новскаго, оно производилось Преображенскаго полка солдатами. Петръ ревностно принялся за работу.

Между тѣмъ Персидскій посланникъ прибылъ въ Москву. Его надо было принять торжественно, а царь, рубя топоромъ бревна, обтесывая доски, сколачивая, ни объ чемъ и слышать не хотѣлъ. Главныя лица къ нему близкія: Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, начальникъ Посольскаго Приказа и князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, видя, что онъ и не думаетъ о возвращеніи, принуждены были ѣхать къ нему нарочно въ Переяславль, чтобъ вытащить его какъ нибудь оттуда (16 Февраля) и привезти въ Москву, гдѣ дожидался его посланникъ Персидскаго шаха. Но старанія ихъ были напрасны: онъ ничего слышать не хотѣлъ, не понималъ обращенныхъ къ нему рѣчей, и только чрезъ десять дней, 26 Февраля, видно исполнивъ свой урокъ, поднялся въ путь.

28 Февраля Петръ посѣтилъ посланника, посмотрѣлъ на привезенныхъ имъ въ подарокъ льва и львицу и былъ угощенъ музыкою и конфектами. Посланникъ принятъ былъ 1 Марта торжественно въ Грановитой Палатѣ, и чрезъ два дня Петръ покатилъ опять въ Переяславль, приказавъ вѣрному своему Лукѣ Хабарову (который перевозилъ ночью лѣсами пушки изъ Преображенскаго къ Троицѣ во время бѣгства Петрова) перевезти теперь въ Переяславль на озеро Плещеево шлюбки и карбасы Московскіе. Петръ затѣвалъ устроить на озерѣ торжественное плаваніе своей флотиліи, а тамъ было ея только судна два-три да и обчелся, а съ Московскимъ подспорьемъ все-таки она будетъ имѣть какой-нибудь видъ.

Работа кипѣла, и Петръ, осмотрѣвъ и сдѣлавъ нужное распоряженіе, долженъ былъ 12 числа ѣхать обратно въ Москву, чтобъ дать аудіенцію [11]) посланнику Персидскаго шаха. 3 Апрѣля прибылъ онъ вновь въ Переяславль и оставался тамъ весь Апрѣль, для окончанія своего корабля, который и былъ спущенъ 1 Мая. Гордонъ былъ вызванъ нарочно изъ Москвы, чтобъ присутствовать на этомъ торжествѣ. «Мы очень веселились на кораблѣ», пишетъ Гордонъ въ своемъ дневникѣ. Лишь только Гордонъ пріѣхалъ послѣ обѣда 25 Апрѣля въ Переяславль, какъ съ большимъ удовольствіемъ Петръ показалъ ему свои вновь построенныя его трудами суда. Вечеромъ царь приходилъ къ нему на бесѣду. 26 они ѣздили водою къ истоку озера, и на возвратномъ пути было очень бурно. На другой день онъ былъ отпущенъ въ Москву послѣ обѣда и отправился верхомъ. Въ тотъ день онъ сдѣлалъ 40 верстъ, да на другой 80 и воротился благополучно въ Слободу. Вотъ какъ были крѣпки тогдашніе люди! Гордону тогда исполнилось 57 лѣтъ.

Царь же остался въ Переяславлѣ и въ полномъ удовольствіи катался по озеру на своемъ самодѣльномъ кораблѣ, который сѣлъ однакожъ какъ-то на мель или попалъ на такое мѣсто, съ котораго не могъ сдвинуться, а Петру нужно было послѣ такой продолжительной отлучки спѣшить въ Москву. 9 Мая воротился царь, посѣ-

[11]) Прощальную. П. Б.

тилъ тотчасъ Гордона и пробылъ у него часъ. 10-го Гордонъ былъ у Лефорта и присутствовалъ въ Преображенскомъ на ученьи.

Вѣроятно, какая нибудь крайняя необходимость вызвала Петра: иначе не могъ бы онъ оставить новорожденную свою флотилію въ такомъ безпорядкѣ. Онъ постарался растолковать любимому своему Преображенцу Екиму Воронину, какъ ему должно было поднять корабль воротами и потомъ отвесть въ Трубежъ, гдѣ суда строились, чинились и зимовали; какъ подвести блоки подъ другой корабль, который началъ онъ постройкою, и что сдѣлать съ яхтами, засѣвшими въ водѣ, вѣроятно поврежденными въ одно время съ первымъ кораблемъ. «Какъ кончите дѣло, тотчасъ дайте мнѣ знать». И молодцы принялись за дѣло горячо.

«Пишутъ ученики твои изъ Переяславля Залѣсскаго, корабельнаго дѣла мостильщики, щегольнаго дѣла мастерства Якимка Воронинъ съ товарищи 16 числа, челомъ бьютъ за твое мастерское ученье. По твоему учительскому приказу намъ, ученикамъ, что которую яхту опрокинуло въ водѣ, и тоё яхту Мая въ 9 день взяли и воду изъ нея вылили; а чердакъ у нея сломало, у юмферовъ желѣзо переломало, и ее взвели къ мосту; и она зѣло качка, на одну сторону клонится. А другую яхту взвели тутъ же къ мосту небольшими людьми и парусомъ, и взведши поставили на якорь. И по сіе число шла она хорошо».

Письмо помѣчено 9 Мая, т. е. въ тотъ день какъ Петръ пріѣхалъ въ Москву. Оно показываетъ, съ какимъ усердіемъ работали ученики и товарищи Петровы, имъ вдохновенные: воротами, безъ всякихъ хитрыхъ машинъ, подняли они большой корабль и протащили его до моста чрезъ значительное пространство, да и тутъ еще Воронинъ какъ будто опасается обвиненія въ медленности и замѣчаетъ, что въ продолженіи этого времени былъ и обѣдъ, потребовавшій также хоть полчаса. Извѣщеніемъ они не замедлили успокоить своего дорогаго учителя и хозяина, чтобъ онъ ни одной минуты не оставался въ безпокойствѣ или неизвѣстности о положеніи своего любезнаго дѣла до малѣйшихъ подробностей.

Изъ этого письма мы видимъ, что потѣшные Преображенскіе солдаты, занимавшіе первое мѣсто въ военныхъ экзерциціяхъ, работавшіе при изготовленіи фейерверковъ, служили у Петра и матросами, и плотниками и были годны всегда на всѣ руки, употреблялись Петромъ вездѣ, гдѣ настояла потребность, такъ что эту гвардію нельзя назвать бѣлоручками. Эти солдаты-мостильщики называютъ себя учениками государевыми, потому что они, вѣроятно, работали съ нимъ вмѣстѣ надъ яхтою въ Москвѣ и въ прежнія поѣздки, трудились съ нимъ при Карстенъ-Брантѣ въ Переяславлѣ.

Замѣтимъ, что Петръ составилъ уже для себя планъ дѣйствій на будущее время и обрекалъ себя на работу, на службу. Чтобъ показать собою образецъ послушанія и вмѣстѣ трудолюбія, онъ поставилъ надъ собою предъ глазами всего народа царскую куклу, къ которой относился съ благоговѣйнымъ, безпредѣльнымъ уваженіемъ, и представлялъ знаки вѣрноподданнической преданности. Мысль для

молодаго человѣка, не достигшаго еще двадцати лѣтъ, въ высшей степени своеобразная, показывавшая, къ чему онъ способенъ и чего отъ его творчества ожидать можно. Диву давались ближніе бояре. Народъ ахалъ, не зная что̀ и думать.

30 Мая 1692 года Петру исполнилось двадцать лѣтъ.

Устроивъ свою флотилію, онъ хотѣлъ непремѣнно похвастаться ею предъ своими близкими, показать ее царицѣ-матери и вмѣстѣ произвести морскіе маневры на широкомъ раздольѣ Плещеева озера. Весь Іюнь занятъ былъ предначертаніями и приготовленіями къ этому новому, небывалому еще на Руси дѣлу. А полевыя ученья, стрѣльба, шли своимъ чередомъ.

Іюня 8 похороненъ въ Москвѣ первый его учитель и помощникъ въ дѣлѣ кораблестроенія Голандецъ Карстенъ-Брантъ, который, видно, по старости или по болѣзни оставилъ передъ тѣмъ Переяславль, не извѣстно когда. Гордонъ пишетъ, что присутствовалъ при его погребеніи, не упоминая, былъ ли при томъ царь. Но не можетъ быть, чтобъ онъ не отдалъ послѣдняго долга своему учителю, который исправилъ ему Измайловскій ботъ, познакомилъ съ плаваніемъ, корабельнымъ дѣломъ и построилъ ему первыя суда, тѣмъ болѣе, что онъ присутствовалъ обыкновенно на всѣхъ семейныхъ событіяхъ у своихъ пріятелей, на родинахъ, крестинахъ, сватьбахъ, имянинахъ, похоронахъ, развѣ какая крайность мѣшала ему.

22 Іюля Петръ отправился со всѣмъ своимъ дворомъ въ Переяславль.

9-го Августа Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ извѣстилъ Гордона, что царь велѣлъ Московскій его полкъ отправить въ Переяславль, но чтобъ онъ не выступалъ съ ними, а поручилъ вести полковнику.

10-го Гордонъ произвелъ смотръ полку на Бутыркахъ и отобралъ всѣхъ старыхъ, слабыхъ и больныхъ людей, которые должны были остаться въ Москвѣ.

11 Августа Гордонъ получилъ повелѣніе ѣхать въ Переяславль, куда и прибылъ 13 поздно вечеромъ.

14-го былъ обѣдъ съ великою церемоніей на адмиральскомъ кораблѣ.

18-го, въ часъ поутру, были подняты паруса, и началось плаваніе по озеру; на разсвѣтѣ брошенъ якорь на другой сторонѣ.

19-го, по причинѣ противнаго вѣтра, стояли на якорѣ.

21-го, около часа по полудни, снялись съ якорей и съ попутнымъ вѣтромъ переправились на другую сторону озера, гдѣ около 7 часовъ бросили якоря.

23-го Гордонъ обѣдалъ у Юрія Ивановича Салтыкова и имѣлъ случай пригласить къ себѣ его величество въ Четвергъ.

24-го Гордонъ былъ съ царемъ на кораблѣ.

25-го обѣдалъ у него царь, пріѣхалъ и Лефортъ.

26-го поздравленія царицы Натальи Кириловны и обѣдъ у ея брата Льва Кириловича Нарышкина.

27-го приготовленіе къ отъѣзду въ Москву и угощеніе вечеромъ матросовъ и другихъ судослужителей.

Голандскій резидентъ Ванъ-Келлеръ, умнѣйшій между иностранцами, въ донесеніи своемъ Штатамъ отъ 24 Іюня, назвалъ Петра юнымъ героемъ: «Этотъ юный герой выражаетъ часто живое желаніе, которое его одушевляетъ, прослужить кампанію подъ начальствомъ его величества короля Вильгельма и принять участіе въ дѣйствіи противъ Французовъ, или доставить помощь противъ нихъ на водѣ». Въ слѣдующей депешѣ прибавлено: «Молодой царь Петръ Алексѣевичъ выразилъ сильное желаніе видѣть въ подлинникѣ и перевести на Русскій языкъ полученныя извѣстія съ подтвержденіемъ побѣды, одержанной высокими Штатами. Слѣдствіемъ этого сообщенія, державные чины, было то, что его царское величество, въ восторгѣ отъ радости, далъ приказаніе явить на дѣлѣ искреннее свое удовольствіе о сраженіи, данномъ Французамъ. На пяти вновь построенныхъ судахъ, въ двухъ дняхъ пути отъ Москвы, дано нѣсколько залповъ. Его царское величество ожидаетъ, что его величество король Англійскій, въ случаѣ пріобрѣтенія подобныхъ успѣховъ, тотчасъ сообщитъ мнѣ о томъ свѣдѣніе, дабы я былъ въ состояніи представить по ихъ важности точное извѣстіе. Такимъ образомъ свидѣтельствуетъ его величество, какое искреннее участіе принимаетъ въ дѣлахъ своего брата короля Вильгельма».

Въ Сентябрѣ, по возвращеніи въ Москву, было много экзерцицій.

Сентября 1-го полковникъ Ригельманъ произведенъ въ генералъ-маіоры.

2. Царь былъ у Лефорта, гдѣ былъ и Гордонъ.

3. Праздникъ у новопожалованнаго генерала.

5. Царь былъ у Гордона и уѣхалъ потомъ въ Коломенское.

6. Полковое ученье на Бутыркахъ.

11. Смотръ солдатъ въ Преображенскомъ. Гордонъ послалъ въ Приказъ четырехъ солдатъ за учиненныя кражи и бродяжничество.

13. Экзерцція съ полкомъ и компаніей на Симоновскихъ поляхъ, за которою послѣдовало угощеніе офицеровъ и верховыхъ.

16. Царь былъ у Лефорта, царицѣ было лучше.

18. Царь былъ у Менезіуса.

19. Гордонъ былъ въ Преображенскомъ, и послѣ царь былъ у него.

20. Экзерцція съ полкомъ и компаніей на полѣ.

25. Царь у Лефорта. Гордонъ также.

27. Гордонъ былъ въ Преображенскомъ и послѣ ужиналъ у него

30. Экзерцція компаніи на полѣ.

Октября 4 былъ праздникъ у генералъ-лейтенанта Лефорта.

24. Гордонъ принималъ участіе въ четырехдневномъ праздникѣ у Тейльса.

30. Гордонъ принималъ участіе на пиру въ большомъ домѣ (вѣроятно во вновь построенной большой залѣ при домѣ Лефортовомъ), гдѣ было много пито.

Праздники и веселья смѣнились внезапною болѣзнію царя (кровавымъ поносомъ), которая вскорѣ приняла опасный характеръ.

22 Ноября Петръ почувствовалъ себя нехорошо. 23 онъ даже не могъ уже вставать съ постели. Такъ продолжалось дней десять. 3-го

Декабря было получше, 6-го онъ вставалъ, 10-го Гордонъ не могъ видѣть царя, 12-го ему стало хуже, и онъ упалъ въ обморокъ.

Прощай всѣ преобразованія! Туда имъ и дорога! Жили и безъ нихъ! Прощай Европа!

Друзья Петровы и товарищи его трудовъ и пированій, все правительство—пришли въ ужасъ. Мать была въ отчаяніи. Ну, если избави Боже, онъ умретъ, тогда что̀ будетъ! Все перевернется вверхъ дномъ. Ближайшіе къ нему люди вострепетали о своей участи. При неминуемомъ вступленіи въ управленіе царевны Софіи, ихъ ожидали плаха или ссылка. Иностранцамъ, не только военнымъ, но и всѣмъ прочимъ должно было проститься съ Россіей; народная ненависть, съ покровительствомъ духовенства и многихъ старыхъ бояръ, усиленная послѣдними предпочтеніями Петра, не потерпѣла бы ихъ ни минуты въ городѣ.

А какое ликованіе было, вѣроятно, въ Дѣвичьемъ монастырѣ! И Софія, вѣрно, молилась горячо — ахъ еслибъ онъ умеръ! Она уже, вѣрно, разсчитывала, какъ поступить, къ кому обратиться, что̀ сдѣлать.

Шведскій резидентъ Фонкохенъ увѣдомлялъ, что Лефортъ, князь Б. А. Голицынъ, Ѳ. М. Апраксинъ, Плещеевъ, заготовляли средства бѣжать изъ Москвы; но никому не приходило въ голову подняться съ потѣшными и вновь сформированными полками и держать власть подъ именемъ новорожденнаго сына Петра, подъ опекою матери Петровой, царицы Натальи Кириловны!

Благодареніе Богу, ничего этого не случилось, и сильная натура спасла молодаго царя; опасность миновалась, и спаслись всѣ его заведенія: и Преображенскій полкъ, и Переяславская флотилія, и всѣ замыслы, и всѣ предначертанія, и всѣ надежды.

14 Декабря ему стало лучше. 15-го онъ чувствовалъ себя порядочно кромѣ слабости. Въ слѣдующіе дни постоянно продолжалось улучшеніе. Друзья его вздохнули свободнѣе, лица повеселѣли; и вѣроятно у Лефорта, у Гордона, у Льва Кириловича, и у кн. Бориса Алексѣевича высоко поднялись бокалы и выпиты до послѣднихъ каплей за выздоровленіе дорогаго царя Петра Алексѣевича. И погасли лампадки въ уединенныхъ кельяхъ Дѣвичьяго монастыря, утихло бѣганье по переходамъ.

21 Декабря Петръ почувствовалъ себя въ силахъ переѣхать въ Кремль изъ Преображенскаго, ночью во 2 часу. 25-го Гордонъ видѣлъ царя, который чувствовалъ себя лучше, а 31-го, когда Гордонъ пришелъ навѣстить его, царь велѣлъ испытать одну маленькую мортиру, годится-ли она на то, чтобъ бросать изъ нея ручныя гранаты.

*

1 Января 1793 года, Гордонъ донесъ царю, что онъ мортиры испыталъ и нашелъ ихъ годными къ употребленію.

Голандскій резидентъ Ванъ-Келлеръ послалъ 23 Декабря донесеніе къ своимъ Штатамъ, изъ котораго видно, какъ обрадовались всѣ иностранцы выздоровленію Петра. И было чему обрадоваться! «Его царское величество, великій царь Петръ Алексѣевичъ нѣсколько недѣль былъ очень боленъ; теперь чувствуетъ онъ себя лучше, и его

выздоровленіе принесло намъ великую радость. Эта радость тѣмъ живѣе, что онъ чрезвычайно принимаетъ къ сердцу дѣла Штатовъ и короля Вильгельма, и что онъ очень расположенъ ко всѣмъ намъ, иностранцамъ, а это происходитъ не безъ возбужденія ревности въ его народѣ».

Въ 1693 году Петръ показалъ себя уже такъ, что умные иностранцы, находившіеся съ нимъ въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, имѣвшіе случай наблюдать въ разныхъ обстоятельствахъ, и утромъ, и вечеромъ, и за работой, и на пиру, слышать его сужденія о разныхъ предметахъ, увидѣли въ немъ молодаго человѣка необыкновеннаго, прервали свое молчаніе объ его свойствахъ и начали отзываться о немъ не только съ уваженіемъ, но и предсказывать ему блестящую будущность.

Ванъ-Келлеръ, какъ и Лефортъ старались поддерживать его расположеніе къ Вильгельму и показывали въ немъ могущественнаго противника Французскому вліянію въ Константинополѣ.

Лишь только стало Петру полегче, онъ не усидѣлъ въ комнатѣ, еще не совсѣмъ здоровый, принялъ званіе шафера у одного Нѣмецкаго золотыхъ дѣлъ мастера, и разъѣзжалъ по городу, созывая гостей, распоряжался на свадебномъ пиру, подчивая безпрестанно гостей, а самъ мало пилъ. Къ масляницѣ онъ совершенно выздоровѣлъ.

5 Января Гордонъ дѣлалъ смотръ полку на Бутыркахъ.

6-го, въ день Богоявленія, Гордонъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ предъ царемъ въ Кремлѣ и вечеромъ былъ у Петра.

7-го царь приказалъ Гордону приготовить увеселительный фейерверкъ. Замѣтимъ, что Гордонъ выписывалъ, черезъ пріятеля изъ Германіи, новое и послѣднее изданіе книги о пиротехникѣ или искусствѣ изготовлять фейерверки.

17-го, былъ большой праздникъ у Лефорта, въ которомъ всѣ Русскіе полковники и подполковники принимали участіе.

20-го, Гордонъ былъ у царя, 25-го царь у него.

1-го Февраля царь былъ въ Слободѣ.

14-го вечеромъ былъ какой-то адскій праздникъ (enfer-feast) у Ѳедора Абрамовича Лопухина.

19 Февраля отправленъ былъ фейерверкъ.

20-го Гордонъ былъ на Прѣснѣ, но фейерверкъ не былъ спущенъ по причинѣ дождливой погоды.

21-го, опять Гордонъ былъ на Прѣснѣ, фейерверкъ былъ спущенъ и произвелъ отличное дѣйствіе. Онъ былъ изготовленъ его величествомъ и иностранцами. Вечеромъ Гордонъ ужиналъ у его величества и воротился домой по утру около 3 часовъ.

22. Былъ сожженъ фейерверкъ, изготовленный Русскими, который также имѣлъ хорошее дѣйствіе.

23. Гордонъ былъ съ царемъ и другими у Льва Кириловича Нарышкина на Филяхъ или въ Новопокровскомъ и обѣдалъ тамъ. На позолоту башенокъ или куполовъ на церкви пошло 475 червонцевъ. «Мы были всѣ очень веселы, и я воротился домой ночью около 11 часовъ».

27. За часъ до разсвѣта Петръ поѣхалъ въ Переяславль.

10 Марта отправился къ нему Лефортъ. 16 Гордонъ встрѣтилъ его въ селѣ Ростокинѣ: «при возвращеніи побывалъ въ Преображенскомъ, пріѣхалъ обѣдать съ нами».

17. Ожидался ходъ въ Алексѣевскій монастырь, въ память по отцѣ государевомъ, но отложенъ, по причинѣ болѣзни царицы-матери. Приготовлялся фейерверкъ.

18. Царь былъ у Лефорта и зашелъ оттуда къ Гордону. Очень задумчивый (sehr melancholisch) воротился онъ въ Москву и ужиналъ у князя Бориса.

Очень онъ задумывался. Это единственное замѣчаніе объ его меланхоліи въ это время

19. Царь опять былъ въ Слободѣ (не навѣщалъ ли онъ мамзель Монсъ?), воротился послѣ обѣда въ Москву и вечеромъ отправился въ Переяславль.

Гуляй, гуляй, а свое дѣльце помни!

7 Апрѣля Гордонъ ѣздилъ на встрѣчу къ Петру въ Ростокино. «Онъ заѣзжалъ къ намъ поѣсть и попить и пробылъ часъ».

8. Гордонъ обѣдалъ съ царемъ у Лефорта.

18. Гордонъ маршировалъ съ полкомъ на Потѣшный дворъ.

22. Обѣдъ у Юрія Ивановича Салтыкова.

23. Отправились водою. Гордонъ съ царемъ обѣдали въ Симоновомъ монастырѣ, ужинали у Алексѣя Петровича Салтыкова и ночевали въ укрѣпленіяхъ подъ Коломенскимъ.

24. Завтракали у прикащика Андрея и поѣхали оттуда въ Дубровицы, гдѣ ужинали и ночевали у князя Б. А. Голицына.

26. Послѣ обѣда продолжали путешествіе, переплыли Оку на Серпуховской дорогѣ, и прибыли въ Rosay, гдѣ у князя Ѳедора Юрьевича Ромадоновскаго ужинали и ночевали.

28. Послѣ обѣда продолжали путешествіе по Каширской дорогѣ, переплывали Пахру на паромѣ, какъ прежде, и около 6-ти часовъ вечера добрались до Москвы.

30. Гордонъ обѣдалъ съ его величествомъ и всѣмъ обществомъ у г. Термонда, гдѣ пито безъ всякой мѣры.

1 Мая Гордонъ былъ очень боленъ, получилъ позволеніе ѣхать домой и весь день чувствовалъ себя нехорошо.

4. Его величество обѣдалъ у Бориса Петровича Шереметева и оттуда отправился въ Переяславль.

22 Мая воротился царь изъ Переяславля.

23. Навѣстилъ царь и многіе больнаго Гордона.

27. Царь ѣздилъ въ Звенигородъ.

1 Іюня онъ воротился.

2. Царь былъ въ Преображенскомъ.

3. Царь ѣздилъ въ Измайлово и воротился оттуда.

10. Праздникъ у Лефорта.

12. Царь былъ у Гордона.

17. Гордонъ ѣздилъ въ Фили, оттуда къ полку, которому дѣлалъ смотръ и экзерцицію. Обѣдали тамъ съ царемъ.

29. Въ день имянинъ царя, обѣдъ у Льва Кириловича Нарышкина. 4 Іюля на разсвѣтѣ царь отправился въ Архангельскъ.

*

Страсть къ плаванію, которую безпрерывно поддерживали разсказы его собесѣдниковъ о военныхъ дѣйствіяхъ на Нѣмецкомъ и Атлантическомъ моряхъ, о флотахъ Французскихъ, Англійскихъ, Голандскихъ, усиливалась, и Петру захотѣлось посмотрѣть на море, поплавать по его безграничному пространству; захотѣлось, разумѣется, разгуляться, помѣриться съ бурею. Вотъ какъ онъ самъ передаетъ намъ о томъ въ предисловіи къ своему Морскому Регламенту. Упомянувъ о плаваніи по Яузѣ и потомъ по Плещееву озеру, онъ продолжаетъ: «Потомъ и то показалось мало; то ѣздилъ на Кубенское озеро, но оное ради мелкости не показалось. Того ради положили уже свое намѣреніе прямо видѣть море, о чемъ сталъ просить матери своей, дабы мнѣ позволила, которая хотя обычаемъ любви матерней въ сей опасный путь многократно возбраняла, но потомъ, видя великое мое желаніе и неотмѣнную охоту, и нехотя позволила».

Куда же ему отправиться? Какое море посмотрѣть?

Балтійское? Нѣтъ, нельзя: его загородили намъ Шведы - Нѣмцы, завладѣвъ нашимъ прибрежьемъ. Надо бы возвратить, мелькнуло у него въ головѣ.

Черное? Тамъ Татары и Турки—хозяева негостепріимные. Съ ними справиться легче будетъ, но теперь все-таки туда соваться нельзя.

Куда же ѣхать? Остается одно море—Бѣлое. Далеко, холодно; но, каково ни есть, оно свое. А сюда собираются корабли и Голандскіе, и Англійскіе, и Нѣмецкіе. Есть что̀ посмотрѣть, есть чему поучиться. Здѣсь можно дѣлать что угодно: никто мѣшать и поперечить не смѣетъ. Рѣшено,—Петръ отправляется въ Архангельскъ. Сколько верстъ отъ Москвы до Архангельска? Двѣ тысячи. Царица Наталья, у которой, кипучій и неугомонный, онъ все-таки не выходилъ изъ послушанія, такъ и ахнула. Если ей было тяжело отпускать Петра за сто верстъ, въ Переяславль, на озеро, то можно себѣ представить, какъ страшно ей показалось путешествіе въ такую даль и на море. Но сколько она ни отговаривала, ни пугала бурями, вѣтрами и крушеніями, сколько ни старалась доказывать, что никогда этого у насъ не было: ничто не помогало, и она должна была дать благословеніе, взявъ только обѣщаніе, что Петръ по морю плавать не будетъ, а только съ берега посмотритъ на море. Исполнитъ онъ обѣщаніе, матушка Наталья Кириловна? Какъ-же, дожидайтесь! Молитесь-ка лучше Богу.

Нельзя не удивляться терпѣнію, послѣдовательности, выдержкѣ Петровой: онъ проходилъ какъ будто курсъ, себѣ предначерченный, и по собственному своему усмотрѣнію переходилъ изъ класса въ классъ, выполнялъ добросовѣстно все что̀ въ томъ или другомъ классѣ сдѣлать должно: съ Яузы на Плещеево озеро, съ озера Плещеева на Бѣлое море, изъ Преображенскаго подъ Пресбургъ, на Кожуховское поле, подъ Азовъ. О своемъ царскомъ престолѣ онъ

не думаетъ: онъ посадилъ на него пока куклу, которой велѣлъ кланяться; а самъ пошелъ въ народъ, тянуть лямку, по всѣмъ степенямъ всякой службы, на сушѣ и на морѣ. Мысль безпримѣрная, необыкновенная, которую никто не могъ ему внушить; такъ была она далека отъ образа мыслей его времени.

Сколько хлопотъ предлежало Петру предъ отправленіемъ его въ путешествіе! Надо удивляться, какъ, при тогдашнихъ средствахъ, по невылазнымъ дорогамъ, при невозможности имѣть съѣстные припасы въ достаточномъ количествѣ, не только по селамъ, но и по городамъ, могло совершиться подобное путешествіе. А Петръ предполагалъ взять съ собою многочисленную свиту, можетъ быть, чтобъ показать свое величіе подданнымъ, можетъ быть, чтобъ произвести впечатлѣніе въ иностранцахъ, жившихъ въ Архангельскѣ и пріѣзжихъ. Требовалось назначить станціи, приготовить лошадей; было нужно имѣть въ распоряженіи множество повозокъ. Сколько должно было быть свезено хлѣба, пива, вина, меду и прочихъ съѣстныхъ припасовъ на всякую стоянку! Чтò слѣдовало брать съ собою, чтò заготовить по мѣстамъ! На рѣкахъ нужны особыя суда для подъема всѣхъ тяжестей кромѣ людей. По всѣмъ городамъ и селамъ нужно дать знать заранѣе, когда и въ какомъ количествѣ предназначается остановка. Одnихъ бояръ, дворянъ и чиновныхъ людей отправлялось около ста человѣкъ. А сколько съ ними служителей, сколько всякаго скарбу! Не было ни порядочныхъ почтъ, ни канцелярій, ни штабовъ; въ каждомъ городѣ былъ одинъ воевода, да одинъ дьякъ,—и Русскій толкъ, который все и сдѣлалъ. Приказано—ну и будетъ все исполнено, а тамъ хоть матушку-рѣпку пой!

Лошадей до пяти сотъ должно было приготовить на всякой станціи. Къ счастію случился тогда въ Москвѣ пріѣхавшій по своимъ церковнымъ дѣламъ Аѳанасій, архіепископъ Архангельскій и Холмогорскій, тотъ, который принималъ дѣятельное участіе въ прѣніяхъ съ раскольниками, десять лѣтъ назадъ. Петръ, вѣроятно, бесѣдовалъ съ нимъ о предпринимаемомъ путешествіи, выспросилъ все чтò нужно было и касательно дороги, и касательно пребыванія въ Архангельскѣ, и получилъ отъ него хорошіе совѣты. Онъ былъ отправленъ въ Архангельскъ наканунѣ отъѣзда государева. На его подъемъ со свитою потребовалось 50 лошадей.

Вся первая половина года, кромѣ Переяславскихъ плаваній и Московскихъ экзерцицій съ пированьями въ промежуткахъ, была занята приготовленіемъ къ путешествію. Оно, конечно, и было главнымъ предметомъ бесѣдъ на пирахъ.

4 Іюля 1793 г. во Вторникъ, отправился Петръ за своею морскою наукою изъ Москвы въ Архангельскъ, какъ вскорѣ изъ Архангельска въ Москву за другою наукою пришелъ Ломоносовъ, другой геній Русскаго народа.

Кому труднѣе было возъимѣть свою мысль? Какъ пришла она имъ въ голову? Внушалъ имъ Русскій Богъ. Тому слава во вѣки аминь!

Свиту Петра составляли близкіе ему люди-пріятели. При семъ первомъ великаго государя на Двину пришествіи, гласитъ современная записка, были бояре и всякихъ чиновъ палатные люди, царскаго синклита, а именно.

«Бояре: Князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. Князь Михаилъ Ивановичъ Лыковъ. Юрій Ивановичъ Салтыковъ. Василій Ѳедоровичъ Нарышкинъ.

Думный дворянинъ Ѳедоръ Ивановичъ Чемодановъ. Алексѣй Семеновичъ Шеинъ.

Кравчій Кирила Алексѣевичъ Нарышкинъ. Князь Константинъ Осиповичъ Щербатой. Князь Михайло Никитичъ Львовъ.

Постельничій Гаврило Ивановичъ Головкинъ. Думной дьякъ Никита Мосеевичъ Зотовъ.

Спальники: Князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Троекуровъ. Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ. Ѳедоръ Леонтьевичъ Лопухинъ. Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ. Сергій Аврамовичъ Лопухинъ.

Стольники: Князь Петръ Ивановичъ Дашковъ. Князь Василій Григорьевичъ Щербатой. Богданъ Семеновичъ Колычевъ. Князь Василій Степановичъ Львовъ. Иванъ Ивановичъ Пушкинъ. Князь Дмитрій Володиміровичъ Волынскій. Петръ Лукичъ Воейковъ. Ѳедоръ Михайловичъ Глѣбовъ. Алексѣй Аристовичъ Фаминцынъ. Князь Ѳедоръ Ивановичъ Дашковъ. Михайло Семеновичъ Колычевъ. Князь Матвѣй Степановичъ Львовъ. Князь Алексѣй Ивановичъ Львовъ. Князь Михайло Ивановичъ Волконской. Иванъ Лукичъ Воейковъ. Леонтій Михайловичъ Глѣбовъ. Антонъ Ивановичъ Савеловъ. Иванъ Андреевичъ Бурнашевъ.

Дьяки: Андрей Андреевичъ Виніусъ. Михайло Алексѣевъ Войновъ.

Государевъ крестовой священникъ, Спасскаго Верховаго собора Петръ Васильевъ, съ пѣвчими, которыхъ было 8 человѣкъ; да два человѣка-карлы, Ермолай да Тимоѳей.

Иноземцы: Генералъ Францъ Лефортъ, Захарій-докторъ, стольникъ и полковникъ Сергій Григорьевичъ Сергіевъ, съ нимъ капитановъ 3 человѣка, да стрѣльцовъ 40 человѣкъ; въ томъ числѣ пятидесятникъ одинъ; десятниковъ 5 человѣкъ, 3 человѣка иноземцевъ, 1 трубачъ и потѣшныхъ 10 человѣкъ».

Государь до Вологды ѣхалъ сухимъ путемъ въ каретѣ на ресорахъ, обитой внутри разноцвѣтнымъ трипомъ, и прибылъ въ Вологду 8 Іюля въ Субботу, изъ Вологды 12 въ Среду по рѣкѣ Сухонѣ въ карбасѣ до Устюга. Изъ Устюга государь поднялся 21 числа въ Пятницу Двиною до Архангельска. Свита слѣдовала за нимъ въ шести карбасахъ. Аѳанасій, выѣхавшій изъ Устюга за четыре дня, ожидалъ его въ Холмогорахъ. Туда прибылъ и Двинскій воевода Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, присланный сюда въ 1691 г. (23 Янв.), вѣроятно вслѣдствіе задуманнаго тогда еще путешествія. Онъ отправился вверхъ по Двинѣ на встрѣчу Государю, встрѣтилъ его ниже Орлеца, и тотчасъ воротился въ Холмогоры. «28 числа, въ Пятницу, въ исходѣ 6 часа, великій государь объявился судами своими отъ

Курострова. Въ соборѣ ударили въ большой колоколъ, начался благовѣстъ. Архіерей, игумены, въ Холмогорахъ бывшіе, и всѣ приходскіе священники, въ праздничныхъ облаченіяхъ, приготовлялись къ встрѣчѣ въ соборѣ. Царь плылъ на семи стругахъ, царскій стругъ шелъ по срединѣ всѣхъ, «и какъ приближался къ городу, выстрѣлъ былъ изъ всѣхъ пушекъ и мелкаго оружія отъ обоихъ полковъ, также и съ государевыхъ судовъ изъ большаго оружія. Пушекъ стояло на обрубѣ тринадцать. Полки оба полнымъ строемъ стояли на площади, отъ Богоявленскихъ воротъ до пристани государской. Какъ великій государь къ пристани приходилъ, и тогда другой выстрѣлъ былъ изъ всего оружія и изъ судовъ государскихъ; а стругъ государевъ къ пристани присталъ въ началѣ 8 часа дня. Егда великій государь на пристань выступилъ, тогда третій выстрѣлъ былъ, и вышедъ великій государь изволилъ шествовать въ каретѣ въ городъ Богоявленскими вороты. А бояре и стольники и всѣ чиновные люди за великимъ государемъ шли пѣши. Внѣгда великій государь объявился изъ Спасскихъ воротъ, тогда въ соборѣ звонъ былъ во вся; егда же великій государь шествовалъ на городокъ къ соборной церкви, тогда преосвященный Аѳанасій изъ соборной церкви на встрѣтеніе великаго государя изыде со святыми иконами и со всѣмъ освященнымъ чиномъ въ облаченіи маломъ. Въ началѣ пѣвчіе въ лучшихъ стихаряхъ спѣли стихиру: Днесь благодать. За пѣвчими два священника предъ архіереемъ несли крестъ и икону Пресвятыя Богородицы выносные и икону Преображенія Господня, подьяки двое съ ослопными свѣщами [12]) и съ лампадою по стороны. Одесную архіерея большаго собора протопопъ несъ Животворящій Крестъ съ мощами на серебряномъ блюдѣ. По лѣвую сторону Богоявленскаго собора протопопъ со Евангеліемъ большимъ, два дьякона съ рипиды, дьяконъ со святою водою, позади архіерея поддьякъ съ посохомъ. И стрѣтили великаго государя у колокольни прямо соборныя церкви, на мосту. Великій государь, вышедъ изъ кареты, поклоненіе творилъ святымъ иконамъ и архіерею. Архіерей великаго государя крестомъ благословилъ и святою водою кропилъ, и поздравлялъ великаго государя во благополучномъ путешествіи. По сихъ, великій государь архіерея цѣловалъ въ рамена и руку, подобнѣ и архіерей великаго государя. По сихъ великій государь со всѣми своими чиновными людьми иде въ соборную церковь Преображенія Господня. И пришедъ великій государь въ соборную церковь, по обычномъ поклоненіи по чину, цѣловалъ святыя иконы; пѣвчіе архіерейскіе великому государю пѣли входное и многая лѣта. Великій государь изволилъ стоять одесную мѣста архіерейскаго, архіерей же стоялъ по лѣвую сторону; и великій государь жаловалъ игуменовъ, и соборныхъ священниковъ, и діаконовъ, и иныхъ всѣхъ къ рукѣ. Выговаривалъ государскую милость бояринъ князь Борисъ Алексіевичъ Голицынъ. Протодіаконъ съ кадиломъ предъ Спасителевымъ образомъ ектенію читалъ. По

---

[12]) Ослопными свѣчами называются свѣчи отмѣнной толщины, что обыкновенно стоятъ передъ мѣстными иконами. П. Б.

ектеніи архіерей возгласъ: Услыши ны Боже и по возгласѣ по чину Честнѣйшую и отпускъ говорилъ со крестомъ самъ архіерей. По отпускѣ, великій государь у архіерея въ рукѣ крестъ цѣловалъ и боляра и прочіе пришедшіе съ государемъ. Во время ектеніи государь съ архіереемъ ходилъ въ олтарь южными дверьми, и въ олтарѣ государь цѣловалъ святыя мощи. И къ преосвященному архіепископу великій государь во мнозѣ являлъ свое государское милостивое слово, и изъ церкви архіерей билъ челомъ великому государю въ домъ Спасителевъ свой архіерейской хлѣба кушать и со всѣми боляры и чиновными людьми. И великій государь по прошенію архіерейскому изволилъ изъ церкви шествовать въ домъ, и во время шествія звонъ былъ во вся. Пѣвчіе, предъ государемъ идучи, пѣли ирмосы Греческаго согласія: Веселися Іерусалиме и Богъ Господь и явися намъ. И того дни великій государь у преосвященнаго архіепископа хлѣба кушалъ въ крестовой и съ бояры его царскаго величества, и всѣ чиновные люди хлѣба ѣли; а инымъ служилымъ людямъ погребъ былъ; а откушалъ великій государь въ исходѣ 11-го часа [13]). Послѣ кушанія изволилъ гулять съ преосвященнымъ архіепископомъ на огородѣ и на вѣтряной мельницѣ, и по сихъ не со многими людьми шествовалъ на песокъ къ берегу на свой стругъ, а боляра и чиновные люди со архіерейскаго двора особою вышли статьею. И того вечера и нощи до 5 часа, великій государь изволилъ гулять въ шнякѣ по Двинѣ не со многими людьми».

Не смотря на усталость, Петру хотѣлось погулять одному по широкой рѣкѣ, какой онъ не видалъ до сихъ поръ.

«На завтра, 29 числа, въ Субботу, великій государь изволилъ у воеводы окольничаго Андрея Артамоновича Матвѣева въ городѣ хлѣба кушать, и боляре немногіе и стольники были въ соборной церкви у литургіи. И послѣ кушанья, въ 9 часѣ дня, великій государь съ Холмогоръ со всѣми своими струги изволилъ шествовать къ городу Архангельску; и на отшествіи государскомъ стрѣльба была изъ большаго оружія и обѣихъ полковъ трикратно. А какъ мимо посада плыли, тогда звонъ былъ по всѣмъ церквамъ во всѣ колокола».

«Великій государь къ городу Архангельскому пришествовалъ сего мѣсяца 30 числа въ недѣлю 8 часа дня, и съ стругами изволилъ остановиться ниже города у Моисеева острова, и обитать изволилъ на томъ же островѣ въ государскихъ свѣтлицахъ, на пришествіе его государское новопостроенныхъ. Шествующе же мимо города Архангельскаго, стрѣльба была изъ большаго оружія и мелкаго». О прибытіи благополучномъ Петръ увѣдомилъ тотчасъ мать свою, но къ сожалѣнію это письмо не дошло до насъ, такъ какъ не дошло и первое письмо царицы къ сыну въ Архангельскъ. (Во второмъ письмѣ царица пеняетъ ему, зачѣмъ не увѣдомилъ ее, когда воротится).

Здѣсь Петръ увидѣлъ собраніе кораблей, стоявшихъ на якорѣ, и глаза его разбѣжались. Ему хотѣлось бы вдругъ перебывать на всѣхъ, пересмотрѣть, какъ они построены, чѣмъ отличаются одни отъ дру-

---

[13]) Здѣсь и далѣе счетъ часовъ постаринному, съ восхожденія солнца. П. Б.

гихъ, похожи-ль на нихъ его самодѣльные, что онъ состроилъ съ своими мостильщиками на Плещеевѣ озерѣ. Онъ сговорился съ ними проводить его на устье Двины и посмотрѣть поскорѣе на море, море...

Августа 1 числа, во Вторникъ, пѣли Кресту съ мученики. Ходъ на Іорданъ былъ въ 6 часу дня. Іорданъ построенъ былъ противъ архіерейскаго дому на рѣкѣ. Государское пришествіе на Іорданъ не было ради дождя великаго. Воевода, дьякъ и стольники на Іорданѣ были, и стрѣльцамъ городовому полку стойка и стрѣльба изъ пушекъ и мелкаго оружья была.

2 числа, въ Среду, указъ великаго государя состоялся, чтобъ преосвященному архіепископу далѣ Архангельскаго города на море въ походъ съ нимъ не идти. Великій государь пожаловалъ его преосвященство, отъ морскаго путешествія свободилъ.

3 числа, въ Четвертокъ, преосвященный архіепископъ, по извѣщенію, ѣздилъ въ шнякѣ своемъ къ великому государю на яхту съ хлѣбомъ и рыбою, благословенія ради къ морскому путешествію. На отпускѣ архіерея съ яхты стрѣлять указалъ государь изъ пушекъ.

4 числа, въ Пятокъ, великій государь, послѣ кушанья 1 часа дня, изволилъ на яхтѣ своей съ людьми своими и съ Нѣмецкими корабли путешествовать на Двинское устье Березовское, а стольниковъ, которые съ великимъ государемъ были въ походѣ, изволилъ оставить до своего пришествія у города Архангельскаго.

«И тако (говоритъ самъ Петръ въ своемъ Регламентѣ, разсказавъ о позволеніи матери ѣхать въ Ахрангельскъ) въ 1693 году былъ у города, и отъ города ходили на море до Поноя съ Англійскими и Голандскими купеческими кораблями, и однимъ Голандскимъ конвоемъ, которымъ командовалъ капитанъ Голголсенъ, а мы были на своей яхтѣ, именуемой «Святаго Петра».

«Къ 5 числу въ ночи, великій государь пришелъ на устье и становился на якорѣ».

Ночь, ни зги Божіей не видно, лишь только шумъ отъ волнъ морскихъ достигаетъ до напряженнаго уха Петрова. Любезный шумъ, который кажется ему музыкою ни съ чѣмъ несравненною. Онъ прислушивается къ каждому звуку и силится различить одинъ прибой отъ другаго; онъ не спитъ, ожидаетъ съ нетерпѣніемъ разсвѣта, ждетъ-не дождется. Но вонъ показалась на дальнемъ Востокѣ алая заря, вся поверхность мало по малу освѣщается лучами восходящаго солнца, онъ видитъ ее безконечную во всѣ стороны. Онъ дышетъ свободнѣе, смотритъ-не насмотрится.

Но вотъ повѣялъ шелоникъ, какъ будто привѣтствуя молодаго мореплавателя; надулись паруса, раздались свистки, поданъ знакъ къ отплытію. Корабли зашевелились, поплыли.

«Сего жъ дня въ 3 часѣ великій государь на яхтѣ своей съ корабли изъ Двинскаго устья изволилъ путешествовать на море вѣтромъ шелоникомъ».

А обѣщаніе данное матери посмотрѣть на море только съ берега?

Петръ плыветъ по морю, по морю плыветъ Петръ и не помнитъ себя отъ удовольствія, отъ радости; съ нимъ происходитъ что-то новое, необычайное. Онъ почуялъ, кажется, свою стихію.

Да, дѣйствительно, море была его стихія, и между ними была своя симпатія. Къ нему именно можно приложить стихи Пушкина о морѣ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мрачепъ;
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Изъ этого изображенія Петру нельзя приписать только мрачности: ибо онъ отъ природы былъ весельчакъ, острякъ и юмористъ.

Можно себѣ представить, какъ онъ ходилъ по своей яхтѣ и смотрѣлъ во всѣ стороны, боялся потерять минуты, пропустить какое-нибудь движеніе; а корабли плывутъ какъ лебеди, длиннымъ строемъ, не уклоняясь ни на единую черту отъ своихъ линій. Торжественное шествіе, которымъ наслаждается Петръ и думаетъ, когда и какъ опъ заведетъ у себя что-либо подобное.

«Сего жъ Августа 10 числа, въ Четвертокъ 3 часа дня, великій государь прійде на яхтѣ своей къ городу Архангельскому и сталъ яхтою своею пониже Аглицкаго моста. Во время сего путешествія въ морѣ, великій государь ходилъ на яхтѣ съ кораблями на Терскую сторону, далѣ Поноя-рѣки къ тремъ островамъ, и оттолѣ возвратился».

Царь получилъ второе письмо отъ матери, которая тосковала и трепетала за него въ Московскомъ своемъ теремѣ, между тѣмъ какъ здѣсь въ Архангельскомъ и на морѣ онъ блаженствовалъ. «Свѣту моему, радости моей, паче живота моего возлюбленному, драгому моему. Здравствуй радость моя, царь Петръ Алексѣевичъ, на множество лѣтъ! А мы, радость наша, живы. О томъ свѣтъ мой, радость моя сокрушаюсь, что тебя свѣта моего не вижу. Писала я къ тебѣ, къ надеждѣ своей, какъ мнѣ тебя, радость свою, ожидать; и ты свѣтъ мой опечалилъ меня, что о томъ не отписалъ. Прошу у тебя, свѣта своего, помилуй родшую тя: какъ тебѣ, радость моя, возможно, пріѣзжай къ намъ не мѣшкавъ. Ей, свѣтъ мой, несносная мнѣ печаль, что ты, радость, въ дальнемъ такомъ пути. Буди надъ тобою, свѣтъ мой, милость Божія, и вручаю тебя, радость мою, общей нашей надеждѣ, Пресвятой Богородицѣ. Она тебя, надежда наша, да сохранитъ, а отъ меня, свѣтъ мой, радость моя, благословеніе».

Петръ отвѣчалъ немедленно отъ 14 Августа: «Государынѣ моей матушкѣ царицѣ Натальѣ Кириловнѣ. Изволила ты писать ко мнѣ съ Василіемъ Соймоновымъ, что я тебя, государыню, опечалилъ тѣмъ, что о пріѣздѣ своемъ не писалъ. И о томъ нынѣ подлинно отписать не могу, для того, что дожидаюсь кораблей; а какъ они будутъ, о томъ никто не вѣдаетъ, а ожидаютъ вскорѣ, потому что больше трехъ недѣль отпущены изъ Амстердама. А какъ они будутъ, и я, искупя, что надобетъ, поѣду тотчасъ день и ночь. Да о единомъ милости прошу: чего для изволишь печалиться обо мнѣ? Изволила ты писать, что предала меня въ паству Матери Божіей: такого пасты-

ря имѣючи, почто печаловать? Тоя бо молитвами и предстательствомъ не точію я одинъ, но и міръ сохраняетъ Господь. За симъ благословенія прошу. Недостойный Петрушка».

Для бо́льшаго убѣжденія, царица мать присоединила ко второму своему письму письмо и отъ внука, царевича Алексѣя Петровича. «Превеликому государю моему батюшкѣ. Здравствуй, радость мой батюшка, царь Петръ Алексѣевичъ, на множество лѣтъ! Сынишка твой Алешка, благословенія отъ тебя свѣта своего-радости, прошу. А я, радость мой государь, при милости государыни своей бабушки царицы Натальи Кириловны въ добромъ здравіи. Пожалуй, радость наша, къ намъ, государь, не замѣшкавъ; ради того, радость мой государь, у тебя милости прошу, что вижу государыню свою бабушку въ печали. Не покручинься, радость мой государь, что худо письмишко: еще, государь, не выучился. За симъ, государь мой батюшка, благословенія прошу».

Архіерей Аѳанасій посылалъ ключаря во дворецъ къ Кирилу Алексѣевичу Нарышкину (кравчему) доложить, гдѣ государь благоволитъ въ праздникъ Успенія Пресвятыя Богородицы быть у всенощнаго и литургіи. И великій государь вечерню великую и утреню изволилъ слушать въ дворцовыхъ хоромахъ; пѣли его государскіе пѣвчіе, отпущалъ его государскій верховой священникъ Петръ Васильевъ; а въ праздникъ, литургію слушалъ на Кегостровѣ, у Ильи Пророка.

«16 числа въ Среду, великій государь съ ближними своими, у преосвященнаго архіепископа хлѣба кушалъ».

«19 числа государь у окольничаго и воеводы Андрея Артамоновича съ боляры хлѣба кушалъ, и стрѣльба была изъ пушки. Великій государь Андрея Артамоновича отъ города Архангельскаго отпустилъ къ Москвѣ, а на мѣсто его сегожъ Августа 22 числа воеводою указалъ быть стольнику Ѳедору Матвѣевичу Апраксину».

Вѣрно, Петръ остался недоволенъ воеводскими распоряженіями Матвѣева и, отобѣдавъ у него, не говоря худаго слова, смѣнилъ его, посадивъ на его мѣсто другаго, близкаго къ себѣ человѣка, брата Ѳедоровой вдовы.

Петръ разспрашивалъ, вѣроятно, нашихъ купцовъ, которые завелись уже въ Архангельскѣ, зачѣмъ они сами не возятъ нашихъ товаровъ за границу. Тѣ объяснили ему, какъ притѣсняютъ ихъ иностранцы. Тогда рѣшился онъ отправить два корабля на свой счетъ туда и сдѣлать опытъ; одинъ снарядилъ въ путь при себѣ и поручилъ Апраксину отправить его, нагрузивъ Русскими товарами, какими сочтетъ полезнѣе, посовѣтовавшись съ Русскими купцами и съ иностранными. Петръ не думалъ о возвращеніи, какъ ни любилъ мать. Мудрено было вызвать его изъ Архангельска, гдѣ его неутомимое любопытство получало себѣ новую пищу, гдѣ всякій день онъ узнавалъ новыя для себя вещи, гдѣ мысль его работала всласть, гдѣ всякій день встрѣчалъ онъ достойныхъ людей, съ которыми могъ говорить о любезныхъ для себя предметахъ, выспрашивать все для себя нужное, получать совѣты благіе на будущее время. Онъ могъ

утѣшать мать свою лишь нѣжностію своихъ чувствъ въ письмахъ, которымъ недостаетъ только нынѣшняго языка, чтобъ быть образцовыми «Радость моя, по письму твоему, ей, ей, зѣло печалился, потому: тебѣ печаль, а мнѣ какая радость? Пожалуй, сдѣлай меня, бѣднаго безъ печали тѣмъ: сама не печалься. А истинно, не заживусь. А словесно о нашемъ пребываніи извѣститъ Ѳедоръ Чемодановъ. А у насъ по се время все здорово молитвами твоими».

Вѣроятно, было много катаній по морю; вѣроятно, много было и пированій въ Архангельскѣ у иностранныхъ капитановъ и купцовъ; вѣроятно, и самъ Петръ угощалъ ихъ у себя дома и на яхтѣ, но къ сожалѣнію не было Гордона, который бы отмѣтилъ все это у себя въ дневникѣ.

Преосвященнаго Аѳанасія, котораго иностранцы называютъ человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, царь очень полюбилъ, какъ видно по церковнымъ запискамъ. «Великій государь пожаловалъ преосвященнаго стругомъ своимъ, на которомъ съ Вологды пришелъ къ городу Архангельскому, съ парусомъ, съ якоремъ и съ заводы и со всею прикрасою и снастью судовою. Судно сіе отказывать архіерею пріѣзжалъ бояринъ князь Голицынъ. Съ симъ стругомъ пожалованы были и разные флаги, въ томъ числѣ и большой штандартъ съ Россійскимъ гербомъ, изъ коихъ всѣхъ флаговъ одинъ Іерусалимскій флагъ съ нашитыми на немъ крестами».

«Къ 26 числу въ навечеріе, послѣ малой вечерни, преосвященный архіепископъ соборнѣ молебствовалъ ради имянинъ царицы и заутра праздновалъ со всенощнымъ и литургію самъ служилъ. Къ молебну отъ государя присланъ былъ воевода Ѳедоръ Матвѣевичъ, а къ литоргіи князь Михаилъ Ивановичъ Лыковъ, да воевода, и великій государь у себя праздновалъ Владимірской Богородицѣ со Успенскимъ отданіемъ. Сегодня отъ государя присылка была къ преосвященному архіепископу, приходили съ полнымъ столомъ».

«27 числа, въ недѣлю, преосвященный архіепископъ праздновалъ Владимірской Богородицѣ и литургію самъ служилъ. А великій государь сегожъ числа самъ праздновалъ у себя Адріану и Натальи, и у литоргіи изволилъ быть съ боляры за Двиною, у Иліи Пророка. Сегожъ дне у великаго государя во дворцѣ на болярь и на всѣхъ своихъ людей имянинной столъ былъ, и изъ пушекъ стрѣльба была. Сегожъ дне до стола къ великому государю ѣздилъ преосвященный архіепископъ бити челомъ за столъ и за отдачу ему судна государскаго».

Такъ праздновался и день имянинъ старшаго царя Ивана Алексѣевича, 29 Августа.

30 числа, въ Среду, великій государь хлѣба кушалъ у воеводы Ѳедора Матвѣевича.

На праздникъ новаго года, какъ и на другіе праздники, государь присылалъ вмѣсто себя въ соборъ ближнихъ людей, а самъ большею частію литургію слушалъ, пѣлъ на крилосѣ и читалъ Апостолъ у себя на островѣ, въ церкви св. Иліи.

На новый годъ, 1 Сентября, стрѣльба была изъ пушекъ и изъ полковъ изъ мелкаго оружія по три выстрѣла, и съ яхты государевой, и съ Нѣмецкихъ кораблей. Послѣ литургіи преосвященный архіепископъ ѣздилъ къ великому государю поздравлять его царское величество въ новое лѣто. Великій государь съ боляры въ то время хлѣба кушалъ у болярина князя Б. А. Голицына на дворѣ иноземки-вдовы Володимеровой.

Съ 3 числа, какъ бы въ утѣшеніе матери, онъ началъ отпускать свиту свою въ Москву.

«Сего же мѣсяца 6 числа, въ Среду, великій государь изволилъ у преосвященнаго архіепископа въ домѣ хлѣба кушать и съ боляры и сержанты своими ближними. Во время кушанья великій государь съ преосвященнымъ архіепископомъ и боляры своими изволилъ милостиво и благоутѣшительно бесѣдовать о царственныхъ бытностяхъ и болярскихъ великихъ людей, также и о морскихъ простыхъ людѣхъ, и въ работѣ пребывающихъ, и о домовномъ и о великомъ заводовъ зданіи, многоразумно, также и о водяномъ путешествіи морскомъ и рѣчномъ, кораблями и всякими судами со многимъ искусствомъ. А пріѣзжалъ государь къ архіерею въ Нѣмецкомъ шнякѣ, самъ четвертъ, а боляра приходили пѣши. Сегожъ числа въ вечеръ великій государь отпустилъ къ Москвѣ своего государскаго постельника Гаврила Ивановича Головкина, да думнаго дьяка Никиту Моисѣевича Зотова и съ нимъ верховаго священника Петра Васильева и пѣвчихъ его государскихъ на двухъ карбасахъ».

8 числа, день Рождества Богородицы, государь литургію слушалъ у Иліи Пророка на Кегостровѣ и Апостолъ читалъ самъ.

Въ тотъ же день писалъ онъ къ матери въ отвѣтъ на ея письмо:

«Вседражайшей моей матушкѣ царицѣ Наталіи Кириловнѣ. Изволила ты, радость моя, писать, чтобъ я писалъ почаще; и я и такъ на всякую почту приписываю самъ, только виноватъ, что не все самъ. А чтобъ, радость моя, скорымъ путемъ не надсѣдаться, и ты пожалуй своею печалью не надсади меня. А я, слава Богу, кромѣ сего надсаждать себя инымъ не стану, и поѣду по мѣрѣ не замѣшкавъ; а Анбурскіе корабли еще не бывали. По семъ, радость моя, здравствуй! А я молитвами твоими живъ. Отъ Города, Сентября въ 8 день.

Petrus».

10 числа великій государь литургію слушалъ за рѣкой у Иліи пророка, и по литургіи у священника на перепутьи былъ.

17 числа, въ недѣлю, великій государь указалъ архіерею быть къ себѣ на островъ къ церкви св. Пророка Иліи. По литургіи преосвященный архіепископъ по указу ѣздилъ за Двину на островъ къ великому государю, для прощанія, понеже наста время великому государю путешествовать къ царствующему граду - Москвѣ. Да съ собою же изволилъ взять, по указу, Соловецкаго архимандрита ради представленія къ рукѣ съ подносы; а подносъ везли въ особливомъ карбасѣ слуги Соловецкіе. Архіерей пріѣзжалъ на островъ съ вышеописанными, изволилъ шествовать до церкви къ великому

государю и пріиде на сѣверное крыльцо. По чтеніи Апостола, великій государь такожъ на паперти, у сѣверныхъ вратъ церковныхъ, изволилъ слушать святую литоргію; и по чтеніи Евангелія, архіерей великому государю должное почтеніе отдалъ, и сущіи со архіереемъ; и великій государь у архіерея благословися и обычно цѣлованіе сотвори. По сихъ великій государь пожаловалъ архимандрита Соловецкаго къ рукѣ. Архимандритъ поднесъ великому государю икону Соловецкихъ чудотворцевъ на окладѣ, да святую просфору и святую воду. Великаго государя поддерживалъ ближній бояринъ князь Борисъ Алекс. Голицынъ, книгу житія и службы чудотворцевъ и листочки подавали казначей архіерейской, да ключарь, а иніи боляре во слушаніи литоргіи въ церкви стояли. Литоргію служилъ тоя церкви священникъ. По заамвонной молитвѣ ключарь подносилъ по чину архіерею антидоръ, а иподіаконъ теплоту, и великій государь отъ руку архіерееву по чину антидоръ принималъ и теплоту кушалъ; такожде и боляра. По отпускѣ литоргіи великій государь изволилъ шествовать въ шнякъ свой, съ нимъ же и архіерей и боляра и присутствующіи съ ними. При путешествіи великому государю архимандритъ Соловецкій подносилъ хлѣбъ и рыбу. Государь архіерея изволилъ взять въ шнякъ свой. Идучи по рѣкѣ, государь въ малой шлюбкѣ за бѣлугою изволилъ тѣшиться и, пріѣхавъ къ мосту, изволилъ государь казать на берегу чиненныя потѣхи кораблікъ, и иные со всѣмъ урядомъ. И оттолѣ архіерея съ присутствующими изволилъ отпустить въ домъ свой, а самъ изволилъ шествовать на гору къ себѣ въ домъ. Сегожъ дня великій государь пожаловалъ преосвященнаго архіепископа каретою въ сто рублевъ, которая и нынѣ имѣется при домѣ въ цѣлости на рейсорахъ, внутри обита трипомъ разноцвѣтнымъ. Сегожъ вечера къ 18 числу великій государь потѣшныя вещи, ракитки и гранатки, спущалъ на Аглинскомъ мосту, а корабликъ на рѣкѣ на плотѣ ниже Аглинскаго мосту стоялъ».

«Сего же Сентября 19 числа, во Вторникъ, великій государь изволилъ путешествовать отъ Архангельскаго города ко своему царствующему великому городу Москвѣ и со присутствующими и боляры, и сержанты, и потѣшными солдаты. Отъ Англинскаго мосту пошелъ въ 7 часовъ дня самъ великій государь съ боляры на маломъ дощаничкѣ, а прочіе со всѣми обиходы на трехъ Вологодскихъ карбасахъ. При прошествіи съ кораблей изъ пушекъ отъ города стрѣляли, и егда прямо дому архіерейскаго пріиде, тогда пѣвчіе, стоя въ стихаряхъ, на его государской яхтѣ, которою великій государь пожаловалъ архіепископа, пѣли многолѣтіе. Архіерей же въ то время въ шняку своемъ ѣхалъ къ великому государю съ хлѣбами и рыбами на дощаникъ, и великій государь хлѣбы и рыбы и пироги приказалъ принять любезно и архіерея изволилъ принять къ себѣ въ судно, и хлѣбъ и рыбу отвезти указалъ на кормовое судно. Архіерей съ государемъ до Архангельскаго монастыря путешествовалъ, и оттолѣ изволилъ государь по молитвѣ и по прощеніи отпустить архіерея въ домъ архіерейскій; съ нимъ же воеводу и дьяка

и гостя; а самъ великій государь, отпустя ихъ, изволилъ, Богомъ сохраняемъ, шествовать въ путь свой».

Отправляясь, Петръ написалъ къ матери письмо для ея успокоенія: «Вседражайшая радость, государыня матушка царица Наталья Кириловна! Извѣстно чиню, мы сего Сентября 19 поѣхали отъ Города къ Москвѣ въ добромъ здоровьи молитвами твоими. И какъ чрезъ сіе письмо изволишь увѣдомиться, не изволь больше писать, для того, что многожды станутъ почтари разъѣзжаться въ дороги ночьми, и отъ того будетъ сумнѣнье, что письма но доходятъ. А я больше писать не буду; а чаю, что не замѣшкаю. За симъ благословенія прошу. Petrus».

«Великій Государь пришествовалъ на Холмогоры къ 21 числу, въ Четвертокъ въ нощь. Тогожъ числа въ Четвертокъ изволилъ бояръ своихъ и со всѣми приказы съ Холмогоръ отпустить сухимъ путемъ на телѣгахъ, и въ каретахъ, и въ колясках, а самъ изволилъ путешествовать въ маломъ кораблѣ не со многими людьми въ Вавчугу, ради осмотрѣнія пильныя мельницы, и изъ Вавчуги выѣхалъ на Копытово, и оттолѣ изволилъ путешествовать великій государь сухимъ путемъ». Имя Лефортово во всемъ путешествіи не упоминается.

На рѣкѣ Вавчугѣ, впадающей въ Двину, противъ Куростровa, не далеко отъ Холмогоръ, находилась значительная верфь, гдѣ Архангельскіе купцы братья Баженины строили купеческіе корабли для Англичанъ и Голандцевъ.

Петръ плавалъ по морю на своей яхтѣ или на чужихъ корабляхъ; онъ хотѣлъ завести здѣсь свои и погулять на своихъ съ пріятелями и компаніей, а вмѣстѣ и познакомиться съ морскими движеніями своихъ людей; одинъ заложилъ онъ на вновь устроенной верфи, ниже Архангельска, на островѣ Сосомбалѣ, другой сорока-пушечный фрегатъ поручилъ купить въ Голандіи Витзену.

1-го Октября въ 8 часу вечера возвратился царь въ Преображенское.

Съ дороги задержанный на ночь гдѣ-то на перегонѣ, онъ отправилъ къ матери нарочнаго съ письмомъ, чтобъ она не безпокоилась, если онъ пріѣдетъ днемъ позднѣе. «Паче живота моего тѣлеснаго вселюбезной матушкѣ моей. Да не прогнѣвается благородіе твое, еже остахъ здѣсь ночевати. Сіе же пишу для ради безмѣрной милости твоея. По семъ недостойный Petrus».

Не изъ Преображенскаго-ли онъ, пріѣхавъ, послалъ это письмо, можетъ быть вслѣдствіе особенной усталости, не нашедши въ себѣ силы ѣхать еще шесть верстъ до Кремля. Съ дороги бы странно было бы просить прощенія за переночевье, и просьба должна бы придти вмѣстѣ съ нимъ. Такимъ образомъ объяснилось бы извѣстіе Гордоново о прибытіи въ Преображенское, безъ упоминанія о Кремлѣ.

На другой день послѣ обѣда царь пріѣхалъ къ Гордону и остался со всею компаніей ужинать, и всѣ были очень веселы. Было что̀ разсказывать: какъ ѣхалъ, что̀ видѣлъ, гдѣ пировали, что̀ нашли въ

Архангельскѣ, какіе корабли пріѣхали, о плаваніи, о товарахъ, привезенныхъ и отвезенныхъ. «Я велѣлъ сдѣлать и послать. Купцы понасупились. А у васъ что?»—«Тогда-то погуляли»—«Какъ ученье?»—«Идетъ ничего».—«Надо готовиться. Опять поѣдемъ, поучимся, не на помочахъ, а сами».

По возвращеніи начинаются званые и незваные обѣды, ужины и вечерніе пиры, которые продолжались иногда цѣлую ночь, захватывая часть слѣдующаго утра, напримѣръ съ пированья 5-го Ноября у Лефорта Гордонъ воротился домой на другой день въ шестомъ часу утра и выспавшись, видно, опять поѣхалъ пировать къ Лефорту.

4-го Октября Гордонъ представилъ артилерійскіе квадранты и гранатные мѣшки, завтракалъ у царя.

5-го великій праздникъ у генералиссимуса Ив. Ив. Бутурлина.

10-го поутру (пишетъ Гордонъ) поѣхали мы въ Алексѣевское, гдѣ генералиссимусъ дожидался всю ночь и были къ нему представлены... Четыре полка стояли на полѣ около Семеновскаго въ полной формѣ. Царь прошелъ между полками, и послѣдовала пальба ото всѣхъ полковъ, одного за другимъ. Потомъ отъ каждаго полка была стрѣльба изъ мелкаго оружія. Потомъ полки промаршировали порознь мимо дворца или дворомъ и выстроились передъ сыскною избою и отпущены.

11-го царь поутру былъ у Гордона и обѣдалъ у Лефорта; послѣ обѣда Гордонъ отправился къ его величеству и пробылъ у него до поздняго вечера.

4-го Ноября извѣстіе о взятіи Французами Шарльруа. Во время осады сдѣлано 70,000 пушечныхъ выстрѣловъ и брошено 36,000 большихъ.

Вотъ Петръ подивился-то!

8-го поѣхалъ Гордонъ къ Лефорту, гдѣ былъ царь. Оттуда онъ пріѣхалъ къ Гордону и взялъ у него три книги объ артилеріи.

12-го царь поутру былъ въ Филяхъ, потомъ на крестинахъ у Ивана Родіоноваго Стрѣшнева.

17-го Гордонъ обѣдалъ съ царемъ у архимандрита въ Чудовѣ монастырѣ, вечеромъ былъ у Лефорта.

26-го были крестины у Кирилы Александровича, гдѣ собрались всѣ, а Гордонъ возвратился поздно домой.

4-го Декабря царь на короткое время былъ у Гордона.

8-го Декабря Гордонъ обѣдалъ съ царемъ въ Симоновомъ монастырѣ.

16-го былъ праздникъ въ деревнѣ у князя Бориса Алексѣевича Голицына.

21-го у Петра Васильевича Шереметева.

23-го царь былъ въ Слободѣ.

27-го обѣдъ у Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго.

28-го Англичане поднесли царю золотые часы и ящикъ съ инструментами.

Кромѣ Лефорта и Гордона и близкихъ пріятелей, Нарышкина, князя Ромодановскаго, Петръ принималъ приглашенія отъ всѣхъ иностранныхъ жителей Нѣмецкой Слободы и пировалъ у нихъ на

крестинахъ, на сватьбахъ, сговорахъ, именинахъ, у офицеровъ, у купцовъ, у мастеровъ.

А занятія дѣльныя шли своимъ чередомъ, хотя извѣстій о нихъ подробныхъ сохранилось мало, и только по случайно сохранившимся отрывкамъ мы можемъ заключить объ ихъ обширности.

О возвращеніи своемъ въ Москву Петръ увѣдомилъ оставленнаго имъ въ Архангельскѣ воеводу Ѳедора Матвѣевича Апраксина.

«Зеркало, которое въ серебрянныхъ рамахъ у Фраксома, вели прислать къ Москвѣ, также и органцы маленькіе, о которыхъ вѣдаетъ гость Алексѣй Филатьевъ. А мы пріѣхали къ Москвѣ Октября 1 дня, далъ Богъ, въ добромъ здоровьѣ. А генералиссимусъ изволилъ придти Октября 10 дня, и встрѣча была четырьмя всѣми солдатскими полками; также и святѣйшій патріархъ на утре того дня пріѣхалъ въ добромъ здоровьѣ. По семъ здравствуй. Питеръ. 11-го Октября изъ Преображенскаго».

Изъ этого письма мы видимъ, что какъ Ромодановскій былъ нарѣченъ уже генералиссимусомъ и государемъ, такъ и Никита Моисѣевичъ Зотовъ святѣйшимъ патріархомъ, еще до 1693 года.

Съ Апраксинымъ у Петра началась дѣятельная переписка, изъ которой мы узнаемъ о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ Петромъ въ Архангельскѣ и новыхъ распоряженіяхъ въ виду прибытія туда въ слѣдующемъ году.

На вопросъ Апраксина касательно Русскихъ кораблей, предназначенныхъ Петромъ къ отправленію въ чужіе края съ нашими товарами, Петръ какъ будто съ неудовольствіемъ отвѣчаетъ, что ему онъ пространнѣе говорилъ, а издали никакихъ дальнѣйшихъ распоряженій дѣлать невозможно, а слѣдуетъ ему рѣшать на мѣстѣ, такъ какъ для того данныя у него подъ рукою.

«А о паспортахъ писалъ ты, и въ которую землю, того нѣтъ; только я послалъ одинъ въ Голандскую, а другой во Францускую земли, и куда лучше отпускай; а мнѣ кажется, что лучше во Францію, какъ я говорилъ, если страха и безчестія не чаешь. Также изъ иноземцевъ, если можно на немъ послать, которые на Москвѣ родились».

Замѣтимъ хозяйскую предосторожность: отпуская наши товары, для большей вѣрности, Петръ совѣтуетъ отправить съ Русскимъ уроженцемъ, съ котораго во всякомъ случаѣ за неисправность или ущербъ взыскать будетъ можно.

Корабль былъ отправленъ подъ Голандскимъ флагомъ и конфискованъ Французами.

Отъ 11 Декабря. Петръ написалъ къ Апраксину письмо, которое служитъ къ его характеристикѣ.

«Ѳедоръ Матвѣевичъ! За письмо ваше благодарствую; однакожъ зѣло сумнѣваюсь, ради двухъ вещей: 1) что не по мнѣ написалъ, 2) что зѣльными чинами, чего не люблю. А тебѣ можно знать, для того, что нашей компаніи, какъ писать. А про насъ хочешь вѣдать, далъ Богъ, живы. А письмо твое отдалъ семьѣ твоей самъ. Посемъ здравствуй. Питеръ. Числа 11 Декабря».

Петръ негодуетъ, зачѣмъ Апраксинъ придаетъ ему въ своемъ письмѣ царскій титулъ, зѣльный чинъ, Петръ гордится чинами бомбандира, шкипера. Вотъ его любимыя титла, а царскія титла и почести предоставлялъ онъ сотвореннымъ имъ кукламъ. Замѣтимъ, что въ это время видно уже полное его развитіе; онъ, такъ сказать, сформировался и готовъ быть царемъ. Немного уроковъ придется ему уже взять, и курсъ его первоначальный на первый разъ кончился, а тамъ онъ будетъ слѣдовать другому курсу: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Первый классъ онъ былъ въ Преображенскомъ, второй въ Нѣмецкой Слободѣ, третій въ Переяславлѣ, четвертый Ванъ - Келлеръ, пятый на Бѣломъ морѣ. Выпускной экзаменъ по сухому пути въ Кожуховѣ, на морѣ во второе путешествіе въ Архангельскъ. Вступленіе въ настоящую службу съ аттестатомъ зрѣлости подъ Азовымъ, гдѣ онъ однакожъ провалился, но на другой годъ поправился и получилъ разрѣшеніе ѣхать за границу для усовершенствованія.

*

1694 г. 21 Января праздникъ у Андрея Артамоновича Матвѣева.

22 Января, по извѣстію Гордонову, занемогла царица Наталья Кириловна, которую Петръ любилъ горячо. Еслибъ не любилъ онъ ея горячо, то не сталъ бы слушаться, просить того или другаго разрѣшенія, объясняться, оправдываться, просить прощенія.

Сначала непримѣтно было никакой опасности, потому что царь обѣщалъ пріѣхать къ Гордону на прощальный пиръ и балъ. 25 Января за два часа до разсвѣта Гордонъ поѣхалъ ко двору (въ Кремль), но не нашелъ тамъ его величества. Царь, при очевидной опасности, въ коей находилась жизнь его матери, простился съ нею и уѣхалъ въ Преображенское. Гордонъ поспѣшилъ туда и нашелъ его мрачнымъ и печальнымъ въ высшей степени. Въ 8 часовъ получено извѣстіе, что царица скончалась. Царь оплакивалъ ея кончину изъ глубины души.

Страннымъ кажется, какъ Петръ, видя мать свою умирающею, оставилъ ее и уѣхалъ въ Преображенское. И здѣсь обнаруживается его своеобразный характеръ: онъ не хотѣлъ, или не могъ дождаться двухъ-трехъ часовъ и удалился [14]). Можетъ быть, она была безъ памяти, или страдала сильно, и Петру было слишкомъ тяжело видѣть эти страданія. Но все-таки сыну оставлять умирающую мать—противно чувству.

На другой день царица была похоронена въ Вознесенскомъ монастырѣ. Ей было только 42 года. Вдовою прожила она 18 лѣтъ, въ горестяхъ и испытаніяхъ, страхахъ и тревогахъ. Спокойныхъ было четыре года. За мужемъ была она четыре года, слѣдовательно вышла за мужъ 20-ти лѣтъ.

---

[14]) Гордонъ выѣхалъ со двора въ 2 часа до свѣта, пріѣхалъ въ Кремль, слѣд. въ часъ. Петра тамъ уже не было. Онъ поѣхалъ въ Преображенское, куда пріѣхалъ на разсвѣтѣ. Въ 8 час. получено извѣстіе; оно было въ дорогѣ часъ, слѣд. царица скончалась около 5 час., т. е. часа черезъ четыре послѣ отъѣзда Петра.

Братья и родственники пріѣхали вечеромъ выразить царю свое соболѣзнованіе, что произвело въ немъ новую чрезмѣрную печаль.

27 Января царь ѣздилъ въ церковь торжественно и оттуда въ монастырь поклониться гробу матери.

28 Января былъ пиръ у Лефорта, гдѣ былъ царь и многіе другіе, устроенный вѣроятно для развлеченія; значитъ, Лефортъ зналъ, что развлеченіе возможно.

Тогда же Гордонъ получилъ сообщеніе, что онъ назначается контръ-адмираломъ и слѣдовательно долженъ готовиться къ морскому путешествію. Гордонъ написалъ тотчасъ къ пасынку, въ Архангельскъ, чтобъ варили пиво и позаботились о прочихъ вещахъ. Значитъ, мысли Петровы отвлеклись уже къ Архангельску, и онъ устремилъ все свое вниманіе на путешествіе.

29-го царь былъ опять у Лефорта и въ тотъ же день написалъ письмо къ Апраксину, въ Архангельскъ:

«Ѳедоръ Матвѣевичъ! Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце. Обаче, воспоминая Апостола Павла: яко не скорбѣти о таковыхъ и Ездры: еже не возвратити день иже мимо иде, сія вся, елико возможно, аще выше ума и живота моего (о чемъ и самъ подлинно вѣдаешь), еще поелику возможно, разсуждаю, яко всемогущему Богу и вся по волѣ Своей творящу. Аминь. По сихъ, аки Ной, отъ бѣды мало отдохнувъ и о невозвратномъ оставя, о живомъ пишу. Понеже по обѣщанію моему, паче же отъ безмѣрной печали, незапно здѣ присѣтити хощу; и того для имамъ нѣкія нужды, которыя пишу ниже сего: 1) Посылаю Никласа, да Яна для строенія малаго корабля; и чтобъ имъ лѣсъ и желѣзо и все къ тому вскорѣ было готово, понеже рано пріѣхать имѣемъ. 2) Полтораста шапокъ собольихъ и столько же башмаковъ разныхъ мѣръ сдѣлать, о чемъ въ готовности не сумнѣваюсь. И желаю отъ Бога купно здравія компаніи вашей. Piter».

1 Февраля была отслужена панихида по скончавшейся царицѣ.

2-го Гордонъ съ разсвѣтомъ отправился въ Троицкое, въ 15 верстахъ отъ Москвы, гдѣ былъ царь и прочіе. 3-го пробылъ тамъ, и было очень весело.

5. Гордонъ дѣлалъ смотръ солдатамъ, которыхъ хотѣлъ взять съ собою на море.

6. Гордонъ на сватьбѣ у маіора Бекера. Царь присутствовалъ тамъ также.

9. Гордонъ писалъ къ своему корреспонденту Меверелю, чтобъ онъ пріискалъ и прислалъ крѣпкое судно, веселаго капитана и запасъ пороха въ Архангельскъ.

Въ этотъ день былъ прощальный праздникъ у Ивана Аѳанасьевича Матюшкина, который отправлялся воеводою на Вятку. Царь и другіе господа участвовали.

11. Вечеромъ, праздникъ у Лефорта въ обществѣ всѣхъ господъ

15. Гордонъ былъ въ Преображенскомъ, послѣ чего царь пріѣхалъ къ нему и принялъ подарки, присланные отъ Англо-Московскаго об-

щества: 6 алебардъ, какіе носятъ въ Англіи gentlemen pensioners; 12 партизановъ, что носятъ лейбстражи, отличный стальной мечъ съ золотой рукояткой, пара превосходныхъ пистолетовъ, шляпа съ прекраснымъ бѣлымъ перомъ; часы и ящикъ съ инструментами и много дюжинъ Канарскаго секта-цидру и другихъ напитковъ доставлено было прежде.

Въ началѣ Марта 1794 царь писалъ къ Апраксину:

«Ѳедоръ Матвѣевичъ! Письмо твое чрезъ Михайлу Куроѣдова мнѣ вручено и, выразумѣвъ, доносилъ о всемъ государю своему и адмиралу, который, доносъ выслушавъ, указалъ мнѣ же отписать сими словами: 1) что онъ, государь, человѣкъ зѣло смѣлый къ войнѣ, а паче къ водяному пути, о чемъ и самъ вѣдаешь; и для того здѣсь далѣе Апрѣля послѣднихъ чиселъ медлить отнюдь не хочетъ. 2) Такожде и братъ его государевъ любовно съ нимъ, паче же ревніемъ, яко Аѳиняне новаго ищущи, обязалъ его въ семъ пути, также оставити не хочетъ. 3) Шаутбенахтъ будетъ Петръ Ивановичъ Гордонъ. Всѣхъ людей будетъ близко трехъ сотъ разныхъ чиновъ; а кто, въ какомъ чинѣ и гдѣ, о томъ буду писать впредъ. И того для, во всемъ прилежнѣе поспѣши, а паче въ кораблѣ. По семъ азъ и съ товарищи, у работы блочной будучи, много кланяемся. Здравъ буди. Питеръ».

Въ концѣ великаго поста еще письмо къ Апраксину:

«Ѳедоръ Матвѣевичъ! По указу великаго государя генералиссимуса князя Ѳедора Юрьевича пороху 2000 пудъ, также 1000 самопаловъ посланы; а ружье взялъ стрѣлецъ Ивашко Адамовъ. Порохъ на второй недѣлѣ, а ружье на шестой недѣлѣ отпущены; до Вологды водою велѣно везть. А о ружьѣ, хотя и не задолго до насъ придетъ, не опасайся; для того, что зѣло хорошо и цѣло и переправки не хощетъ, развѣ дорогою испортится; а я именно наказалъ беречь. А блоки на корабль всѣ сдѣланы и отпущены на четвертой недѣлѣ на Вологду. И о томъ, пожалуй, скажи нашимъ товарищамъ Никласу, да Яну, и великій поклонъ отъ всѣхъ насъ. Да, пожалуй, о пивѣ не забудь. Также 24 пушки готовы. По семъ въ обоихъ естествахъ купно здравствуй. Piter».

Сдѣлать тысячу самопаловъ, приготовить двѣ тысячи пудовъ пороху, отлить 24 пушки, наготовить ружей, наточить блоковъ—на все это потребно немало времени и труда, и за всѣмъ этимъ смотрѣть, наблюдать, распоряжаться не могъ никто кромѣ его самого. Многое дѣлалъ онъ самъ, своими руками, какъ видно изъ разныхъ документовъ. Вотъ чѣмъ заняты были его утра, вотъ за какимъ дѣломъ онъ ѣздилъ изъ одного мѣста въ другое, вмѣсто отписокъ, ордеровъ и напоминаній, и вотъ почему требовались по его натурѣ распашные и разгульные вечера.

Царь отправился изъ Москвы во второе свое Бѣломорское путешествіе 1 Мая 1794 года, во Вторникъ 4-й недѣли по пасхѣ, пріѣхалъ въ Вологду прежде всѣхъ и, ожидая, пока соберутся всѣ путешественники, осматривалъ приготовленныя суда и сочинялъ планъ для всего плаванія.

Когда суда были всѣ собраны и нагружены, 8 числа, около 8 часовъ утра, снялись съ якоря и поплыли по Сухонѣ, отсалютовавъ городу изо всѣхъ пушекъ, на что городъ отвѣчалъ, а съ судовъ въ другой разъ выстрѣлили изъ половины пушекъ.

Подъѣхавъ черезъ пять верстъ къ деревнѣ Карандеевой, на правомъ берегу, мы получили, пишетъ Гордонъ, наши мачтовые паруса (Mattensegel). Всѣ люди на палубѣ были пьяны, и потому суда безпрестанно прибивало къ берегу, и мы шли очень близко берега. Вечеромъ мы бросили якорь и ужинали вмѣстѣ.

Розданы были распоряженія касательно образа дѣйствій и порядка въ путешествіи.

1. Къ обѣду одинъ пушечный выстрѣлъ съ адмиральскаго судна служитъ сигналомъ, что всѣ должны собираться.

2. По двумъ выстрѣламъ главные офицеры флота должны собираться къ адмиралу на совѣтъ.

3. Если ночью какое нибудь судно подвергнется опасности, то оно должно повѣсить большой фонарь со свѣтомъ на мачтѣ и выстрѣлить изъ пушки.

4. Если съ адмиральскаго судна послѣдуютъ три выстрѣла, то это значитъ, что адмиралъ бросаетъ якорь, и всѣ суда должны остановиться тамъ, куда пришли.

5. Когда Петръ долженъ идти на парусахъ, тогда адмиралъ палилъ изъ всѣхъ пушекъ, за нимъ вице-адмиралъ, потомъ шаутбенахтъ или контръ-адмиралъ и прочіе по чинамъ.

Порядокъ плаванія назначенъ былъ слѣдующій:

1) Впереди съѣстные припасы съ любимцемъ Петровымъ княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Троекуровымъ. 2) Вице-адмиралъ Ив. Ив. Бутурлинъ. 3) Судно Льва Кириловича Нарышкина. 4) Князя Б. А. Голицына. 5) Ѳедора Ѳед. Плещеева. 6) Оськи Звѣрева. 7) Пѣвчіе. На 8 и 9 констабли Ив. Ивановича Бутурлина. 10) Автамонъ Михайлов. Головинъ (командиръ полковъ Преображенскаго и Семеновскаго). 11) Великій шкиперъ, царь. 12) Адмиралъ кн. Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій. 13) Дощанникъ, на которомъ кушали (столовая). 15) Подъячіе. 16) Аптека. 17 и 18) Два судна съ съѣстными припасами. 19) Придворные служители. 20) Судно съ запасомъ для морскаго путешествія. 21) Судно съ припасами для путешествія Архангельскаго. 22) Контръ-адмиралъ Петръ Ивановичъ Гордонъ.

Въ 90 верстахъ отъ Вологды перемѣнены рабочіе, потомъ въ Тотьмѣ, которую проѣхали ночью и въ Бобровскомъ яму.

12 Мая вечеромъ, суда прибыли въ Устюгъ, гдѣ воеводою былъ Петръ Андреевичъ Толстой, принимавшій большое участіе въ стрѣлецкомъ бунтѣ (15 Мая 1682 года), и какъ-то уцѣлѣвшій послѣ всѣхъ переворотовъ. Онъ встрѣтилъ поѣздъ пушечною пальбою (зналъ, чѣмъ угодить), на которую отвѣчало всякое судно, равняясь. Всѣ мы, говоритъ Гордонъ, у него ужинали, а на другой день, послѣ богослуженія, завтракали, при чемъ происходила пушечная и ружейная пальба. Въ 10 часу отправились они подъ громомъ пушечной пальбы съ валовъ и судовъ.

Отсюда бралось двойное число рабочихъ, которые перемѣнялись каждыя 15 верстъ.

17 Мая по утру предъ Холмогорами выѣхалъ встрѣтить царя воевода Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ. Царь не хотѣлъ останавливаться въ Холмогорахъ, гдѣ его архіерей дожидался было, но получивъ извѣстіе воротился въ Архангельскъ.

18 дня, въ Пятокъ, 8 часа дня, воевода великаго государя встрѣчалъ, выѣхавъ въ шнякѣ своемъ выше Архангельскаго монастыря. Стрѣльцамъ Архангельскаго города стойка была полнымъ строемъ возлѣ города по обрубу. Егда шествовалъ великій государь мимо города, въ то время стрѣльба была изъ пушекъ и изъ мелкаго оружья. Великій государь дощанникомъ своимъ становился къ Архангельскому мосту.

27 числа, въ недѣлю Пятидесятницы (въ Троицынъ день) великій государь литургію слушалъ за Двиной на Кегостровѣ, въ церкви св. пророка Иліи. Литургію служилъ преосвященный Аѳанасій архіепископъ; въ сослуженіи были: духовникъ государевъ священникъ Петръ Васильевъ да священникъ Алексѣй Преображенскаго села, и тоя Ильинской церкви священникъ, дьяконъ государевъ отъ Спаса сверху Иванъ Аѳанасьевъ, да архіерейскій ризничей. Пѣли великій государь басомъ, со своими государскими пѣвчими.

Обрадовался, видно, Петръ, что прибылъ наконецъ на желанное мѣсто.

«Поѣздъ встрѣченъ былъ девятью выстрѣлами изъ пушекъ и ружейнымъ огнемъ, отъ полка стрѣлковъ, состоявшаго изъ шести сотъ человѣкъ, подъ начальствомъ пасынка моего Снивинса. Мы отвѣчали выстрѣлами изъ большихъ пушекъ и малыхъ орудій. Затѣмъ еще была пальба, и мы пристали къ берегу со всѣми нашими судами, потомъ разъѣхались по квартирамъ. Я былъ помѣщенъ въ домѣ г. Вульфа; мнѣ со всѣми моими офицерами было очень хорошо (unbesorgt»). Такъ разсказываетъ Гордонъ.

19 Мая царь послѣ обѣда былъ у него. Потомъ Гордонъ ѣздилъ на яхту и ожидалъ тамъ царя до вечера, чтобъ спускать корабль на рѣку, но онъ не пріѣзжалъ.

«20-го, около 10 часовъ, поѣхалъ я на островъ, гдѣ былъ построенъ новый корабль. Около 12 часовъ спущенъ онъ былъ съ мѣста, и пошелъ очень хорошо. Мы обѣдали на немъ, были очень веселы и воротились домой поздно».

«21-го собирались мы у адмирала на совѣтъ, сколько брать войска и съѣстныхъ припасовъ на суда для нашего путешествія. Рѣшено изготовить и взять съ собою на 10 недѣль».

26-го царь обѣдалъ со всѣмъ обществомъ у Гордонова пасынка.

«27-го въ Троицынъ день обѣдали мы всѣ у воеводы».

30 Мая, въ день рожденія своего, царь между 3-мъ и 4 часомъ утра велѣлъ сняться съ якоря и при слабомъ вѣтрѣ поплылъ, скрылся изъ виду города, около вечера сталъ на якорь и потомъ съ попутно слабымъ вѣтромъ поплылъ далѣе. Это былъ день его рожденія. Не думалъ онъ, не думалъ никто, чтобъ въ этотъ день рожде-

нія онъ былъ такъ близокъ отъ смерти; великія минуты придется ему переживать.

31 Мая получено извѣстіе, что царь въ устьѣ стоитъ на якорѣ.

3 Іюня посланный для освѣдомленія о плаваніи царя воротился и привезъ извѣстіе, что его величество въ Пятницу поутру въ устьѣ снялся съ якоря и поплылъ далѣе. Тоже извѣстіе получено и съ Гамбургскаго судна, которое пришло оттуда.

А что̀ происходило въ то время тамъ? Никто представить себѣ не могъ, на какомъ волоскѣ висѣла судьба царя и всей его Россіи. Петръ, нашедшій «воду, охотѣ его равную» (какъ выразился въ своемъ Морскомъ Регламентѣ) стоялъ у кормы: Яхта поворачивала за губу, извѣстную подъ именемъ Унскихъ Роговъ. Вдругъ нечаянно, какъ говоритъ сказаніе, поднялся вѣтеръ, крѣпчать и крѣпчать; прошло нѣсколько минутъ, яхта начала качаться. Еще нѣсколько минутъ—вѣтеръ подулъ съ большею силою. Море всколыхалось, качка усилилась. Всѣ замолкли, и непривычные къ мореплаванію бояре поглядывали въ недоумѣніи другъ на друга, на кормчихъ, на работниковъ, ища на ихъ лицахъ отвѣта и ободренія. Паруса убраны, а вѣтеръ рветъ и мечетъ. Яхту начало кидать изъ стороны въ сторону. Страхъ и трепетъ распространяются между всѣми. Палубу то и дѣло хлестало волнами. Путники безпрестанно обдавались водой съ головы до ногъ, но никто ничего не чувствовалъ, всѣ въ какомъ-то безпамятствѣ чего-то ожидали; но вотъ затрещало утлое судно. Всѣ снасти одна за другою поламывались, и при каждомъ звукѣ какъ будто съ жизнію разставаться.... Все тогда утвержденіе на судахъ начало сокрушаться и едва якорями могли содержаться. Отчаяніе овладѣло всѣми. Всѣ приготовлялись къ смерти, молились, плакали, кричали безъ памяти: «Господи Іисусе Христе, Мать Пресвятая Богородица, Николай Чудотворецъ, спаси, потщися, погибаемъ!» Одинъ Петръ, по свидѣтельству современниковъ, сохранялъ присутствіе духа. Архіерей молился о спасеніи утопающихъ. Петръ исповѣдался и пріобщился Св. Таинъ изъ его рукъ и взялся за руль. Вѣтеръ не унимался, не утихалъ ни на минуту.... Среди общаго смятенія подходитъ къ нему одинъ изъ работниковъ и говоритъ: «Надо править въ Унскіе Рога; если улучимъ попасть туда, то Богъ поможетъ, можетъ быть, спасемся, а нѣтъ —такъ придется тонуть». «Ну такъ садись на корму, правь, какъ знаешь». Работникъ взялся за руль, Петръ сѣлъ подлѣ него помогать ему. «Господи помоги!» раздалось на яхтѣ. Какъ будто лучь надежды блеснулъ имъ въ ночи. Всѣ спутники устремились глазами на двоихъ кормчихъ, крестились, молились, слѣдовали душею и сердцемъ, всѣмъ существомъ, за ихъ движеніями. Господи помоги! Въ Унскихъ Рогахъ дно усѣяно подводными камнями, путь удобный очень узокъ. Суда вѣтрами наносятся иногда на камни, разбиваются въ щепы; другія погибаютъ отъ неискусства, незнанія кормчихъ. Кормчій правилъ твердою рукою, впиваясь глазами то въ ту, то въ другую сторону, разглядывая камни, изворачиваясь. Петръ молча сидѣлъ подлѣ него и помогалъ ему. Плывутъ, плывутъ, пробираются. Натолкнутся... ахъ, упадетъ

сердце, Господи пронеси! Яхта наклонилась и выпрямилась; опытный кормчій ловко повернулъ ее... Нѣсколько минутъ протекло въ томительномъ ожиданіи, и вотъ показывается берегъ, возвышается на церкви спасительный крестъ. Вѣтеръ между утесами тише, дно глаже! Господи, Господи!...

И пристала яхта къ берегу, на которомъ находится Пертоминскій монастырь. 2 Іюня, послѣ часу обѣденнаго, всѣ плаватели толпою бросились въ церковь, съ царемъ впереди. Архіерей отслужилъ благодарственный молебенъ. Всѣ, стоя на колѣнахъ, молились, плакали, поздравляли Петра, потомъ начали обнимать другъ друга. Слезами радости оросились всѣ лица. Кормчій обтиралъ потъ съ лица и стоялъ одинъ какъ вкопанный, ничего не чувствуя. «Спасибо!» сказалъ ему Петръ ударивъ по плечу. «Выручилъ!». Онъ опомнился. «Какъ тебя звать?»—«Антипъ Тимофеевъ».—«Откуда ты?»—«Изъ Сумской веси».—«Какъ попалъ къ намъ на яхту?»—«Нарядилъ отецъ Ѳирсъ провожать тебя, Государя, какъ будешь подъѣзжать къ нашему монастырю».—«Выдать ему двадцать пять рублей!» сказалъ Петръ обратясь къ архіерею, «берегите его и жалуйте. А вамъ, отецъ, не нужноли чего?» сказалъ онъ обратясь къ Пертоминскому игумену, для монастыря да братіи?»—«Ограду каменную хорошо бы построить, обвести около монастыря, а то...» отвѣчалъ запинаясь игуменъ «Что̀ будетъ стоить?»—«Гривенъ тысячи двѣ, пожалуй, понадобится».—«Выдать двѣ тысячи гривенъ», сказалъ Петръ. «Еще что нужно?»—«Въ прошломъ году ладію монастырскую на промыслѣ разбило...»—«Что̀ стоитъ ладія?»—«600 гривенъ».—«Не надо ли еще чего? Дарю братіи 600 гривенъ, да построить кельи монахамъ каменныя на казенный счетъ. Еще что нужно? Виномъ, свѣчьми, рыбою снабдить монастырь вдоволь. Пошлины за послѣдніе два года возвратить, отвести еще рыбныя и звѣриныя ловли, изготовить грамоты». Монахи съ игуменомъ кланялись, крестились, благословляли, не находили словъ возблагодарить Бога и Государя за такія неожиданныя милости. Потомъ всѣ путники поспѣшили осушиться, обогрѣться. Буря продолжалась на морѣ почти три дня. Пловцы смотрѣли теперь спокойно на нее и воспоминали претерпѣнное испытаніе. Сладко было отдохнуть спасшемуся такимъ чудеснымъ образомъ обществу. Петръ велѣлъ принести досокъ, бревенъ и принялся строить своими руками большой деревянный крестъ четвероконечный, вышиною въ полторы сажени. Сдѣлавъ, онъ отнесъ его на плечахъ вмѣстѣ съ своими товарищами и поставилъ на томъ мѣстѣ, на которое ступилъ, приставъ къ берегу. На крестѣ вырѣзалъ онъ надпись на Голандскомъ языкѣ. (Такъ, видно, полонъ онъ былъ Голандскимъ своимъ замысломъ).

На четвертый день подулъ благопріятный ветеръ, и Государь поплылъ опять на своей яхтѣ, смѣлый и веселый, какъ ни въ чемъ не бывало. Все тотъ-же онъ, какъ будто еще веселѣе сталъ и живѣе, познакомясь съ бурею, поборовшись съ опасностію, повидавшись лицемъ къ лицу съ смертію. Не то чувствовали его спутники, сѣвшіе въ яхту съ понуренными головами.

7 Іюня прибыли въ Соловки. Петръ поклонился мощамъ святыхъ чудотворцевъ Соловецкихъ, осмотрѣлъ островъ, велѣлъ сдѣлать новые иконостасы на казенныя деньги, устроить новый покровъ на раки, далъ шесть золотыхъ да четыре ефимка на окладъ св. Евангелія, велѣлъ построить на берегу часовню и водрузить крестъ въ память его пришествія. Всѣ монастырскіе люди были одѣлены деньгами, отъ архимандрита до послѣдняго слуги.

Во всѣхъ этихъ распоряженіяхъ видно, въ какомъ довольномъ расположеніи духа находился Петръ.

А въ Архангельскомъ было уже много безпокойства о царскомъ плаваніи, во время бури, продолжавшейся на морѣ отъ 1 до 5 Іюня. «5 числа, пишетъ Гордонъ, я присутствовалъ при Голандской проповѣди, такъ какъ въ этотъ день совершено было молебствіе о счастливомъ плаваніи его величества.... Капитанъ Турнавиль посланъ былъ вечеромъ къ его величеству» (вѣроятно для провѣдыванія).

12 Іюня получено въ Архангельскомъ извѣстіе, что царь прибылъ на Соловецкій островъ, 7-го числа, и 10-го предполагалъ пуститься въ обратный путь, если погода и вѣтеръ будутъ благопріятствовать; передъ вечеромъ пришло извѣстіе, что онъ уже въ устьѣ.

На третій день, Іюня 13 дня, на 6 недѣлѣ Петрова поста, въ Среду, великій государь пришествовалъ съ моря, изъ Соловецкаго монастыря, на яхтѣ своей черезъ Двинское Березовское устье, къ городу Архангельскому, во всякомъ благополучномъ здравіи со всѣми путешествующими съ нимъ великимъ государемъ. Въ тотъ же день ужинъ у Лефорта.

Разсказамъ не было конца. Спутники вспоминали бѣду до малѣйшей подробности, и на лицахъ ихъ даже теперь можно было читать, какаго страха они тогда натерпѣлись, а Петръ только улыбался. Генералиссимусъ и прочіе бояре сухопутные трепетали, слушая отвѣты на всѣ распросы, и думали про себя: да что̀ же онъ сдѣлаетъ съ нами, куда мы угодимъ съ нимъ? Господи избави насъ отъ напасти! А дѣлать нечего, надо терпѣть и слушаться. Онъ шутить не любитъ!—«Ну а что̀ здѣсь у васъ есть новаго?» спросилъ Петръ. «Не пришли-ль новые корабли?»—«Пришли: Нѣмецкій изъ Гамбурга».—«Сколько времени были въ дорогѣ?»—«Шесть недѣль. Другой изъ Бремена тоже 6 недѣль. Два Англійскихъ были въ дорогѣ по семи недѣль».—«Всѣ-ли здѣсь здоровы?»—«Докторъ твой Иванъ Ивановичъ (фонъ-деръ Гульстъ) Богу душу отдалъ».—«Когда, какъ?»—«Перваго Іюня, лишь только ты отъ насъ выѣхалъ, отъ удара скоропостижно».—«Ну вотъ видите», сказалъ Петръ, обращаясь къ своимъ спутникамъ, «умираютъ люди и на землѣ, все равно, а вы на морѣ были да живы. Отъ смерти не уйдешь!»—И начались пированья.

На другой день, 14 числа, Петръ отправился со своими смотрѣть Англійскіе корабли. Тамъ отъ обоихъ капитановъ было угощеніе на славу, не жалѣя ни вина, ни пороха.

16. Были имянины боярина Тихона Никитича Стрѣшнева, отсутствующаго, и обѣдъ былъ справленъ на его счетъ у Джона Гримма. Послѣ обѣда Царь подарилъ свою яхту Гордону, которая и была

впрыснута. Вечеръ у князя Ромодановскаго, откуда Гордонъ воротился въ 2 часа ночью.

17. Великолѣпный праздникъ у воеводы.

Отъ жены Петровой пришли два письма, одно за другимъ, въ которыхъ молодая пеняла своему нечувствительному мужу, который до сихъ поръ не увѣдомилъ ея о своемъ прибытіи. Петру было не до нея, и нельзя не замѣтить здѣсь его охлажденія къ ней.

22 Іюня приплыли Берлинскіе корабли, бывшіе въ дорогѣ меньше четырехъ недѣль. Гордонъ ходилъ смотрѣть со Львомъ Кириловичемъ и прочими. Юнга вскарабкивался предъ нимъ на вершину мачты, за это Гордонъ далъ ему рейхсталеръ. 23-го великій шкиперъ отправился на твердую землю. 24-го Государь былъ опять на твердой землѣ и посѣтилъ Гордонова пасынка. Вѣроятно, онъ дѣлалъ тамъ приготовленія къ спуску новаго корабля.

27-го Іюня прибылъ въ Архангельскъ кстати пріятный гость, гальотъ изъ Бордо подъ Шведскимъ флагомъ, и привезено 400 анталовъ вина, которое вѣроятно не поступило въ продажу, не залежалось въ трюмѣ. Изъ Бордо гальотъ плылъ девять недѣль кругомъ Великобританіи и Ирландіи, видѣлъ землю только дважды, островъ Феро и берегъ Норвегіи.

29-го, на бортѣ, всѣ чины поздравляли царя на палубѣ; генералиссимусъ, адмиралъ и вице-адмиралъ подносили каждому по стакану водки и по стакану сента. Съ корабля всѣ отправились на землю и обѣдали у Джона Гримма, съ угощеніемъ черезъ край.

Всякій вновь приходившій корабль былъ для Петра новымъ учителемъ и любопытнымъ собесѣдникомъ. Онъ являлся на него, разсматривалъ все строеніе и вооруженіе до малѣйшей подробности, сравнивалъ съ прежде узнаннымъ, разспрашивалъ о причинѣ различія, знакомился съ товарами, ихъ качествомъ, цѣнами. 30-го Царь обѣдалъ у вновь прибывшаго капитана. 1 Іюля многолюдный обѣдъ у Гордона. 6-го пришелъ еще Гамбургскій корабль. Царь подарилъ Англійскимъ капитанамъ 40 пудовъ пороха. Веселье у воеводы. Вновь построенный корабль переданъ Ивану Ивановичу Бутурлину, разумѣется для потѣхи, чтобъ имѣть поводъ къ церемоніи. Было, разумѣется, пиршество, которое вотъ какъ описалъ самъ Петръ въ остроумномъ письмѣ своемъ къ А. А. Винсусу.

«А новый корабль 11 Іюня совсѣмъ отдѣланъ и окрещенъ во имя Павла Апостола и Марсовымъ ладаномъ довольно окуренъ; въ томъ же куреніи и Бахусъ препочтенъ былъ довольно. О сколь нахальчивъ вашъ Вулканусъ! Не довольствуется вами, на сушѣ пребывающими, но и здѣсь на Нептунусову державу дерзнулъ и едва не всѣ суда, въ Кунчукорьи лежащія къ ярморкѣ съ товары, всѣ пожегъ; обаче чрезъ наши труды весьма разоренъ, точію едину барки кровлю и бортъ сжегъ съ хлѣбомъ. А возлѣ ея была барка съ пенькою, и еслибы та загорѣлась, тогда бъ отнюдь не возможно было отнять, и чаю, чтобъ сей пожаръ не меньше былъ всѣхъ Московскихъ; и корабли со старымъ бы пескомъ домой пошли. Іюля 12 д. Piter».

Обращеніе къ Вулкану, который «не довольствуется на сушѣ пребывающими», относится къ письму фонъ-Менгдена, увѣдомлявшаго предъ тѣмъ о пожарахъ Московскихъ отъ 30 Мая. «На Москвѣ пожаровъ было много, и на тѣхъ пожарахъ народъ вспоминалъ: если бы ты здѣсь былъ, то такихъ великихъ пожаровъ не допустилъ бы».

Замѣтимъ еще, что какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ прочихъ приведенныхъ выше примѣчается уже борьба прежняго языка письменнаго съ языкомъ общеупотребительнымъ, изъ котораго послѣдній вышелъ побѣдителемъ: борьба упорная, которой начало принадлежитъ также къ числу заслугъ Петровыхъ....

*

Въ рукописи это сочиненіе М. П. Погодина озаглавлено «Петръ, отъ единодержавія до начала Шведской войны, 1689—1700», но авторъ довелъ трудъ свой только до 1794 г. То что дальше находится въ его тетради, состоитъ изъ отдѣльныхъ выписокъ и набросковъ, которые онъ не успѣлъ привести въ стройное изложеніе. Этотъ посмертный остатокъ служитъ продолженіемъ изданной Погодинымъ въ 1875 году книги: «Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго, 1672—1689». Только что отпечатавъ эту книгу, онъ принялся дальше, годъ за годомъ и мѣсяцъ за мѣсяцемъ, разслѣдовать біографію Петра. Сельское уединеніе села Гнѣздилова (Смоленской губ.), въ которомъ онъ провелъ лѣто и часть осени послѣдняго года своей жизни, помогало ему трудиться. Онъ три раза передѣлывалъ свое изложеніе и на послѣднемъ третьемъ изложеніи (которое выше напечатано) имѣется его помѣта: «1875. 18 Сентября. Село Гнѣздилово. Господи благослови!» Поучительно видѣть, съ какимъ стараніемъ собственноручно переписывалъ и отдѣлывалъ свою тетрадь престарѣлый историкъ, чистою жизнію сберегшій до конца всю полноту способностей и душевной бодрости. 8 Декабря того же года не стало великаго труженика.

Петръ, какъ средоточіе всей Русской исторіи, какъ плодъ древней Россіи и ключъ новѣйшихъ судебъ ея, занималъ собою постоянно М. П. Погодина. Къ нему обращался онъ издавна мыслію и воображеніемъ. Еще въ 1831 году написалъ онъ объ немъ трагедію (которая могла появиться въ свѣтъ въ полномъ видѣ лишь въ 1873 году). Превосходною статьею его о Петрѣ начался «Москвитянинъ» (1841). «Куда мы ни оглянемся (говорилъ Погодинъ), вездѣ встрѣтимся съ этою колоссальною фигурою, которая бросаетъ отъ себя длинную тѣнь на все наше прошедшее и даже заститъ намъ древнюю (нашу) исторію и которая въ настоящую минуту все еще какъ будто держитъ свою руку надъ нами, и кажется, никогда мы не потеряемъ ея изъ виду, какъ бы далеко ни ушли въ будущемъ». Въ нынѣшнее царствованіе, столь ярко освѣтившее намъ историческія потемки XVIII вѣка, М. П. Погодинъ занялся разслѣдованіемъ судьбы царевича Алексѣя Петровича и напечаталъ о немъ цѣлую книгу (1863). Желаніе опознаться во множествѣ вновь изданныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ побудило Погодина къ новому большому труду и, не смотря на преклонныя лѣта свои, онъ работалъ неутомимо и со всеусердіемъ... Вѣчная ему память! П. Б.

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ.

(1744—1832).

То былъ вѣкъ богатырей....

Въ ряду громкихъ именъ, завѣщанныхъ памяти потомства временами Екатерины Второй и Александра Перваго, стоитъ цѣлая семейная группа, отмѣченная счастливою родовою чертою преемственности дарованій и заслугъ. Это семья графовъ Воронцовыхъ. Не всякому изъ ея членовъ досталось въ жизни равное мѣсто на поприщѣ общественной дѣятельности и не всякому, по смерти, дался одинаковый удѣлъ исторической популярности; но историческая репутація, сходно съ житейскою, подвержена случайностямъ, вслѣдствіе которыхъ бываютъ, напримѣръ, такія явленія, что иная заслуженная извѣстность если не вовсе изглаживается, то долго застѣняется другою, соименною ей и болѣе выдающеюся. Нѣчто подобное произошло и по отношенію къ тому человѣку, чье имя поставлено въ заголовкѣ нашего труда. Онъ былъ отецъ знаменитаго сына, фельдмаршала князя М. С. Воронцова, — и яркою извѣстностью этого сына онъ былъ отодвинутъ для насъ на второй планъ, въ глубину исторической арены, откуда долго не слышалось намъ его полузабытое имя.

Но вотъ приспѣла удобная пора вспомнить это достойное имя: удобная не только по дѣйствительности правъ графа С. Р. Воронцова на признательность потомства, не только по представившейся теперь возможности разъяснить ихъ съ помощью недавно-извлеченнаго изъ подъ спуда богатаго матеріала, но и по знаменательной аналогіи событій прошлаго вѣка, среди которыхъ особенно заявила себя дѣятельность графа Семена Романовича Воронцова, съ политическими обстоятельствами нашего времени.

Главнѣйшимъ источникомъ нашему труду послужилъ сборникъ бумагъ, изданный подъ названіемъ „Архива Князя Воронцова“, преимущественно въ послѣднихъ пяти томахъ; добавочными-же пособіями были многія другія книги и статьи, которыя указаны въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ.

У статскаго совѣтника и Ростовскаго воеводы Илларіона Гавриловича Воронцова, современника Петровскому царствованію (1674 † 1750), было три сына: Романъ (1707 † 1783), Михаилъ (1714 † 1767) и Иванъ (1719 † 1786). Второй изъ этихъ трехъ братьевъ, Михаилъ Илларіоновичъ, на 28-мъ году отъ роду, состоялъ камеръ-юнкеромъ при цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ и былъ, такъ сказать, секретаремъ ея. Онъ служилъ цесаревнѣ (находившейся въ опалѣ у императрицы Анны) и перомъ своимъ, которымъ съ ранней молодости хорошо владѣлъ, и деньгами богатой своей свояченицы, жены его брата Романа, Марѳы Ивановны, отецъ которой, служившій при Петрѣ «конюшимъ патріаршаго приказа», былъ очень богатъ. Михаилъ Илларіоновичъ, вдвоемъ съ извѣстнымъ Лестокомъ, стоялъ сза-

Richd. Evans, Peintre

Gravé par A. Weger, Leipzig.

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ.

Родился въ Москвѣ Іюня $\frac{15}{26}$го 1744.

Скончался въ Лондонѣ Іюня $\frac{9}{21}$го 1832.

Le Comte Simon Woronzow.

né à Moscou le 26 Juin 1744.

Mort à Londres le 21 Juin 1832.

ди саней, на которыхъ цесаревна поѣхала въ казармы Преображенскаго полка, въ достопамятную ночь провозглашенія ея Императрицею Всероссійской, 25 Ноября 1741 года, и онъ-же, опять съ Лестокомъ, арестовалъ правительницу Анну Леопольдовну съ ея семействомъ. Онъ тотчасъ сдѣлался камергеромъ воцарившейся Императрицы, поручикомъ новоучрежденной лейбъ-компаніи (т. е. генералъ-лейтенантомъ) и владѣльцемъ богатыхъ помѣстій, а вскорѣ потомъ, съ 3-го Января 1742 г., мужемъ графини Анны Карловны Скавронской, доводившейся двоюродною сестрою Государынѣ [1]; за тѣмъ, Александровскимъ кавалеромъ, графомъ Римской имперіи, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и вице-канцлеромъ (въ 1744 г., 30-ти лѣтъ отъ роду); наконецъ, въ 1758 г.,—государственнымъ канцлеромъ. Отецъ его, Иларіонъ Гавриловичъ, награжденный, въ свою очередь, богатымъ имѣніемъ, получилъ чины сначала дѣйствительнаго статскаго, а послѣ тайнаго совѣтника и Александровскій орденъ. Братья графа Михаила Иларіоновича произведены въ генеральскіе чины и получили также впослѣдствіи графское достоинство Римской имперіи. . . . .

Старшій братъ его Романъ Иларіоновичъ, отвозившій изъ Петербурга въ заточеніе низверженную правительницу Анну съ ея семействомъ, не отличался нравственными достоинствами [2]. Это не помѣшало ему, впрочемъ, пройти довольно-видное поприще, благодаря вліянію средняго брата: генералъ-поручикъ и сенаторъ при Елисаветѣ, генералъ-аншефъ и Андреевскій кавалеръ при Петрѣ III (въ попойкахъ котораго онъ принималъ большое участіе), при Екатеринѣ, сначала въ опалѣ, а потомъ намѣстникъ Владимірскій и Костромской. Отъ брака съ Мареою Ивановною Сурминой (1718 † 1745), онъ имѣлъ пятерыхъ дѣтей: Марью Романовну, вышедшую за сенатора графа Петра Александровича Бутурлина; Елисавету Романовну (1739 † 1792), бывшую камеръ-фрейлину и кавалерственную даму, извѣстную любимицу Петра Третьяго, а съ 1765 года жену статскаго совѣтника Полянскаго; графа Александра Романовича, Екатерининскаго президента Коммерцъ-коллегіи и впослѣдствіи канцлера при Александрѣ I (1741 † 1805); знаменитую княгиню Екатерину Романовну Дашкову (1743 † 1810) и, наконецъ, графа Семена Романовича, который родился въ Москвѣ 2 Іюня 1744 года и лишился матери на второмъ году возраста.

Записки княгини Дашковой и другія достовѣрныя свидѣтельства указываютъ, что отецъ ея самъ не входилъ въ заботы о воспитаніи дѣтей, но что это попеченіе принялъ на себя дядя ихъ, Елисаветин-

---

[1] Родилась 7 Дек. 1723 г., умерла 31 Дек. 1775 г., въ званіи оберъ-гофмейстерины (съ 29 Іюня 1760 г.).

[2] См. «Записку князя М. М. Щербатова о поврежд. нравовъ» и «Записки Дашковой» въ «Русской Старинѣ» 1871 г., т. III, стр. 682—683 и 1874 г., т. IX, стр. 410; «Записки Болотова», т. III, стр. 892—893; «Дневникъ Храповицкаго», стр. 320.

скій канцлеръ [3]), по крайней мѣрѣ относительно своихъ двухъ племянниковъ и младшей племянницы. По всему видно, что дядя старался дать имъ приличное, по тогдашнему времени, образованіе. Они росли вмѣстѣ съ его дочерью. Будущая княгиня Дашкова въ домѣ его нашла возможность развить свои отмѣнныя природныя способности и пріобрѣсти познанія, поставившія ее на степень просвѣщеннѣйшей изъ Русскихъ женщинъ того вѣка; а племянники канцлера, графы Александръ и Семенъ Воронцовы, на которыхъ, по словамъ послѣдняго, дядя смотрѣлъ какъ на сыновей своихъ, вышли изъ его рукъ людьми съ опредѣленнымъ направленіемъ и состоятельными задатками для полезной службы отечеству. «Графъ Семенъ Романовичъ первоначально получилъ легкое Французское обученіе, но отъ своего дяди-канцлера, и въ особенности отъ своего брата, одного изъ образованнѣйшихъ людей того времени, заразился страстною охотою къ чтенію, и до глубочайшей старости сохранялъ въ себѣ благородную потребность непрестанной умственной пищи. Въ ранней молодости ему удалось проѣхаться по всей Россіи, побывать въ Сибири, и въ Астрахани, а потомъ, въ долгихъ походахъ, узнать близко Русскую землю, Русскаго простолюдина, въ особенности Русскаго солдата» [4]). Въ этомъ отношеніи, заботливость дяди о дѣтяхъ роднаго брата оправдалась въ полной мѣрѣ. Самъ графъ Михаилъ Илларіоновичъ хорошо понималъ необходимость и пользу знанія, любилъ чтеніе и уважалъ подвижниковъ умственнаго труда, въ лицѣ, напримѣръ, Ломоносова, котораго онъ былъ усерднымъ почитателемъ и другомъ-покровителемъ [5]). Это былъ человѣкъ чуткій къ добру, человѣкъ съ здравымъ смысломъ, умудренный дѣловою опытностью. Такое понятіе о благородной личности канцлера даютъ и посторонніе отзывы современниковъ, въ родѣ Нѣмца Манштейна, вообще не падкаго на похвалы Русскимъ людямъ, и князя Щербатова, суроваго критика современныхъ ему нравовъ: оба они, несовершенно сходясь въ мнѣніяхъ о способностяхъ графа М. И. Воронцова къ высшей государственной дѣятельности, единогласно отдаютъ справедливость его неподкупной честности, твердости и прямодушію [6]). Мы съ намѣреніемъ распространяемся о характерѣ этого человѣка, въ виду несомнѣннаго воздѣйствія его на нравственную подготовку своего питомца. Если нравственная цѣнность честнаго человѣка и честнаго гражданина высока во всякое время и въ любой средѣ, то тѣмъ дороже

---

[3]) Гр. Мих. Илар. имѣлъ единственную дочь, Анну, бывшую въ замужествѣ за графомъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгоновымъ, пережившую отца двумя годами и умершую (бездѣтно) 21-го Февраля 1769 г., на 26-мъ году отъ рожденія.

[4]) См. предисловіе къ IX тому Архива Князя Воронцова.

[5]) Онъ и по смерти Ломоносова заявилъ уваженіе къ нему, соорудивъ памятникъ на его могилѣ въ Невской Лаврѣ.

[6]) См. «Записки Манштейна» въ изданіи «Русской Старины» 1875 г., стр. 245, и сочиненіе князя Щербатова «о поврежд. нравовъ» въ томъ-же журналѣ за 1870 г. (изд. 3-е, 1875 г.), т. 2, стр. 48.

была она при дворѣ, и, вдобавокъ, при дворѣ, съ свѣжими преданіями Бироновщины, только-что покончившей свое десятилѣтнее властительство со всѣми его ужасами, казнями и кознями. Въ то время еще не успѣли изгладиться на общественныхъ нравахъ безобразные слѣды Нѣмецкой дрессировки, подъ которою хозяйничало дикое насиліе и ютилось подлѣйшее холопство, объ руку съ предательствомъ и клеветою. Предрасположеніе ко всему этому слишкомъ въѣлось въ плоть и кровь общества,—преимущественно въ высшемъ его слоѣ,—и, разумѣется, не исчезло вдругъ съ перемѣною личнаго состава властей предержащихъ. Тогда самое понятіе о гражданскомъ долгѣ и честномъ его выполненіи не могло быть содержательно, потому что почти не имѣло практическаго смысла, и вотъ отчего кажется столь выдающимся явленіемъ присутствіе въ этой средѣ немногихъ людей съ чистыми стремленіями, въ родѣ графа Михаила Иларіоновича Воронцова.

Такой человѣкъ не могъ не имѣть добраго вліянія на кровныхъ своихъ питомцевъ и, несомнѣнно, взлелѣялъ въ нихъ первые ростки тѣхъ убѣжденій, которые дали плоды въ будущемъ. Особенно сильно и живо выразились онѣ въ лицѣ графа Семена Романовича Воронцова. Онъ навсегда сохранилъ полное любви и признательности воспоминаніе о своемъ дядѣ, какъ о второмъ отцѣ. Съ этимъ чувствомъ совмѣстились и перешедшія отъ стараго канцлера нѣкоторые завѣтные его мнѣнія и взгляды, отозвавшіеся потомъ въ направленіи служебной дѣятельности его племянниковъ. Оба они разительно сходились между собою въ образѣ мыслей, не смотря на разницу характеровъ; оба дружно усвоили отъ дяди непоколебимую привязанность къ отечеству, благоговѣйную вѣрность преданіямъ эпохи Петра Великаго и сочувственное, до пристрастія, отношеніе къ временамъ императрицы Елисаветы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по дѣламъ внѣшнимъ, они вынесли изъ убѣжденій своего воспитателя нерасположеніе къ политикѣ Пруссіи, видя въ этой державѣ явнаго врага Россіи въ Елисаветинское царствованіе и тайнаго недоброхота въ послѣдующіе (Екатерининское и Александровское). За то, эта антипатія соединялась съ увѣренностію въ необходимости для насъ независимой отъ чуждыхъ вліяній политики, при союзѣ съ сильною морскою державою,—Англіею. Союзъ этотъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, представлялся Воронцовымъ какъ полезный противовѣсъ видамъ и стремленіямъ Франціи....

*

Долголѣтняя жизнь графа Семена Романовича Воронцова обнимала собою едва не цѣлое столѣтіе, въ теченіе котораго онъ прожилъ шесть царствованій: Елисаветы, Петра III, Екатерины II, Павла, Александра I и Николая. Въ четыре изъ этихъ царствованій, отъ Петра III до Александра I включительно, онъ состоялъ большею частію, на службѣ и, притомъ, внѣ предѣловъ отечества.

Подробностей о его дѣтствѣ мы не имѣемъ; знаемъ только, что онъ росъ сиротою, оставшись послѣ матери младенцемъ. Отецъ его, овдовѣвъ, прижилъ отъ Англичанки Елисаветы Брокетъ многихъ дѣ-

тей, которыя получили потомъ дворянство подъ именемъ Ронцовыхъ и пользовались особенною нѣжностью своего родителя, такъ что на нихъ уходило его достояніе. Девяти лѣтъ отъ роду (въ 1753 г.), графъ Семенъ Романовичъ былъ принятъ въ число пажей при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны, а черезъ семь лѣтъ спустя (1760 г.), состоялъ камеръ-пажемъ. Знаемъ также, что въ этомъ самомъ году ему пришлось сдѣлать большую поѣздку въ дальнія имѣнія своего дяди и побывать въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи,—даже въ Сибири [7]), что, при тогдашнихъ условіяхъ продолжительнаго путешествія, могло достаточно ознакомить его съ бытовыми особенностями Русской жизни и многими свойствами народнаго характера. Вообще говоря, дѣтство и юность графа Семена Романовича должны были проходить не въ особенно радостныхъ условіяхъ, и съ раннихъ поръ приходилось ему сосредоточиваться и обдумывать свое положеніе. Громкіе успѣхи Русскаго войска въ борьбѣ съ военнымъ геніемъ Фридриха, конечно, воодушевляли даровитаго юношу и воспитали въ немъ горячую любовь къ отечеству, къ достоинству Россіи, къ славѣ Русскаго имени.

Выпускъ изъ камеръ-пажей въ офицеры гвардіи предстоялъ графу С. Р. Воронцову въ день новаго 1762 г.; но ровно за недѣлю до вожделѣннаго дня Государыня скончалась, и преемникъ ея, императоръ Петръ Ѳедоровичъ, пожаловалъ молодому кандидату на офицерскій чинъ—придворное званіе камеръ-юнкера, въ знакъ своего благоволенія. Званіе это считалось болѣе почетнымъ, нежели чинъ гвардейскаго поручика; однакожъ, царская милость вовсе не порадовала осьмнадцати-лѣтняго юношу, который пламенно порывался къ военной службѣ, мечтая о ней съ дѣтства: онъ со слезами умолялъ Государя замѣнить дарованное ему придворное званіе военнымъ офицерскимъ чиномъ, подобавшимъ ему въ силу устава о производствѣ камеръ-пажей, и добился назначенія своего поручикомъ въ гренадерскую роту Преображенскаго полка. При обычныхъ экзерциціяхъ гвардейскихъ войскъ, Государь съ удовольствіемъ замѣтилъ въ новомъ офицерѣ страстную охоту къ военной службѣ. Когда же, вскорѣ затѣмъ, объявленъ былъ походъ для военныхъ дѣйствій противъ Даніи, то молодой графъ Воронцовъ упросилъ Государя послать его курьеромъ къ графу Петру Александровичу Румянцову, назначенному начальствовать экспедиціонною арміей въ Голштиніи: молодому человѣку хотѣлось находиться при главнокомандующемъ и служить охотникомъ, впредь до прибытія на мѣсто дѣйствій Преображенскаго полка, которое могло послѣдовать только черезъ три мѣсяца.

---

[7]) Въ одномъ письмѣ графа Семена Романовича къ старшему брату, отъ 15 Марта 1760 г., содержится маршрутъ этого путешествія. Изъ Москвы оно было направлено черезъ Владиміръ, Муромъ, Арзамасъ, Симбирскъ и Казань на с. Егошиху, гдѣ находился мѣдный заводъ канцлера, а оттуда, черезъ Кунгуръ и Екатеринбургъ, до Верхне-Исетскаго желѣзнаго завода гр. Воронцовыхъ; далѣе,—въ Тобольскъ, на Ирбитскую ярмарку и въ Тюмень, и затѣмъ обратно на Егошихинскій мѣдный заводъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ въ эту командировку, 28-го Іюня 1762 года, въ 8 часовъ утра, когда Воронцовъ садился уже въ экипажъ, собираясь предварительно побывать въ Ораніенбаумѣ, чтобы откланяться тамъ Государю и принять изъ его рукъ предписанія къ графу Румянцову, онъ вдругъ узнаётъ отъ одного изъ своихъ родственниковъ, что въ Измайловскомъ полку происходитъ какое-то необычайное движеніе, что супруга Государя окружена шумнымъ сборищемъ гвардейцевъ, которые съ восторженными восклицаніями привѣтствуютъ ее царствующею Государынею, собираясь ей присягать, и что изъ Семеновскаго полка цѣлыя толпы тоже примыкаютъ къ волнующимся Измайловцамъ.

Эту поразительную вѣсть о видимо-готовящемся переворотѣ Воронцовъ принялъ съ ужасомъ и живѣйшимъ негодованіемъ. Онъ немедленно рѣшился исполнить долгъ вѣрноподданнаго. Онъ дѣлалъ что̀ могъ; но.... здѣсь мы даемъ мѣсто собственнымъ его словамъ.

....«Я пришелъ въ невыразимую ярость отъ этой вѣсти, обнаружившей мнѣ всю важность измѣны, которая мнѣ была болѣе понятна, чѣмъ самому вѣстнику, такъ какъ я зналъ кое-какія обстоятельства, пояснявшія дѣло [8]). Полагаясь, однакожъ, на вѣрность Преображенскаго полка, я поскакалъ къ этому полку, который былъ уже на готовѣ къ выступленію колоннами. Въ ста шагахъ отъ моей роты я встрѣтилъ нѣсколько офицеровъ, собравшихся въ кружокъ, между прочими Бредихина, Баскакова, князя Ѳ. Барятинскаго. Послѣдній былъ подпоручикомъ въ моей ротѣ. Я высказываю имъ о поступкѣ мятежниковъ все, что̀ крайняя раздражительность моего характера внушаетъ мнѣ, при чемъ выражаю увѣренность, что они и весь нашъ полкъ, мы подадимъ примѣръ вѣрности прочимъ войскамъ. Они мнѣ ничего не отвѣчали и глядѣли другъ на друга, блѣдные, разстроенные. Я принялъ ихъ только за трусовъ, не зная, что они были сообщниками въ мятежѣ. Отвернувшись отъ нихъ, я поспѣшилъ обнять моего капитана, Петра Ивановича Измайлова, одного изъ храбрѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ слугъ нашего несчастнаго Государя. Онъ гнушался тѣмъ, что̀ происходило, готовъ былъ умереть за вѣрность своему долгу и надѣялся, какъ и я, что полкъ не увлечется. Мы уговорились внушать вѣрность нашимъ гренадерамъ и пошли по рядамъ, увѣщевая ихъ не измѣнять законному Государю. «Мы умремъ за него», отвѣчали гренадеры. Въ это время

---

[8]) Въ подлинникѣ: «je savais d e s a n e c d o t e s p a s s é e s qui m'éclaircissaient la chose». Въ этихъ словахъ содержится намекъ или на примѣры прежнихъ подобныхъ переворотовъ, или же на догадки о самомъ заговорѣ приверженцевъ Екатерины. Первое толкованіе вѣроятнѣе, но все-таки и второе имѣетъ за себя нѣкоторыя соображенія. Б ы л ы е с л у ч а и можно понимать разными происшествіями при дворѣ, которыя выказывали уже супружескую рознь императорской четы, предвѣщавшую трагическую развязку. Кромѣ того, молодой графъ Семенъ Романовичъ могъ близко видѣть, какъ эта рознь отражалась на родныхъ его сестрахъ, изъ которыхъ одна отличалась приверженностію къ Екатеринѣ, а другая была любимицею Петра III-го.

секундъ-маіоръ полка, Петръ Петровичъ Воейковъ, почтеннѣйшій человѣкъ, проскакалъ вдоль полка, восклицая: «Ребята! Не забывайте вашу присягу государю императору Петру Ѳедоровичу: умремъ, или останемся ему вѣрны!» Онъ остановился, протянулъ мнѣ руку и прослезился отъ радости, видя, что мой капитанъ и я одушевлены тѣми же чувствами чести, какъ и онъ. Потомъ онъ скомандовалъ: ступай! и мы пошли къ Казанскому собору, гдѣ уже находилась Императрица и совершалось молебствіе. Мы надѣялись (секундъ-маіоръ, капитанъ и я), что при первомъ окликѣ нашъ полкъ единогласно воскликнетъ: да здравствуетъ императоръ Петръ Ѳедоровичъ! и, что мы, по первомъ выстрѣлѣ на насъ со стороны мятежниковъ, за невозможностію для насъ стрѣлять (такъ какъ, идя по Невскому проспекту, мы могли дѣйствовать только колонною), ударимъ на нихъ въ штыки, сомнемъ ихъ и уничтожимъ: ибо они толпились безъ рядовъ и линій, какъ мужики, и бóльшею частію въ пьяномъ видѣ; мы же были въ стройномъ порядкѣ. Но нѣкто князь Меншиковъ, премьеръ-маіоръ въ нашемъ полку человѣкъ неспособный и пьяный, не имѣвшій никакаго значенія и терпимый на службѣ только по снисхожденію Императора, вдругъ появился въ тылу колонны и воскликнулъ: «Виватъ императрица Екатерина Алексѣевна, наша Самодержица!» Это было электрическимъ ударомъ. Вся толпа повторила это восклицаніе. Секундъ-маіоръ, капитанъ и я тщетно усиливались удержать этотъ порывъ. Мы находились уже въ 50-ти шагахъ отъ двухъ другихъ полковъ, но всѣ усилія наши были безполезны, и я не знаю, какъ насъ не убили. Воейковъ, бросивъ шпагу, крикнулъ изо всѣхъ силъ: «Ступайте къ чорту, канальи, измѣнники; я съ вами не буду!» Затѣмъ поворотилъ лошадь и поѣхалъ домой, гдѣ его вскорѣ арестовали».

«Не смотря на мою молодость и крайнее раздраженіе, я рѣшился сквозь толпу бѣжать къ рѣкѣ, заплатить первому встрѣчному лодочнику 10 или 12 имперіаловъ, бывшихъ у меня въ карманѣ, и плыть въ Ораніенбаумъ, гдѣ находился Императоръ, который могъ-бы еще, проѣхавъ въ Нарву, явиться къ войску, воодушевить его своимъ присутствіемъ и по крайней мѣрѣ прикрыть свой путь, еслибъ онъ рѣшился немедленно отправиться въ армію, бывшую за границею подъ начальствомъ такаго полководца, какъ графъ Румянцовъ. Я усиливался пробраться сквозь толпу, какъ вдругъ почувствовалъ, что меня хватаютъ за воротъ. Я вынулъ шпагу, обернулся и нанесъ ударъ, который скользнулъ по шляпѣ и плечу моего противника. Это былъ офицеръ Измайловскаго полка. Онъ закричалъ: «Схватите его!» Одинъ унтеръ-офицеръ и шесть мушкатеровъ этого полка окружили меня и задержали, а офицеръ отдалъ приказъ: «Отведите его въ зимній дворецъ и держите подъ карауломъ!».

«Приведенный въ какой-то уголъ на дворцовую гауптвахту, я сталъ говорить съ унтеръ-офицеромъ и шестью мушкатерами, какъ человѣкъ увѣренный въ томъ, что ихъ предпріятіе окончится дурно и что законный Государь останется побѣдителемъ. Они мнѣ ничего не отвѣчали, и это ободрило меня продолжать мое увѣщаніе; я даже

предложилъ имъ отпустить меня или слѣдовать за мною до первой лодки. Я обѣщалъ унтеръ-офицеру повышеніе по службѣ, а солдатамъ предлагалъ мои имперіалы, отъ которыхъ они, повидимому, не отказались бы; но начальникъ ихъ приказалъ мнѣ молчать, велѣлъ позвать другаго сержанта, поручилъ ему команду и удалился рапортовать о случившемся».

«Прошло четыре или пять часовъ и, по возвращеніи унтеръ-офицера, я былъ отведенъ въ домъ, принадлежащій дворцовому вѣдомству, напротивъ стараго деревяннаго дворца [9]), и отданъ подъ караулъ, состоявшій изъ офицера Семеновскаго полка, одного сержанта и 6 или 8 солдатъ. Офицеръ находился и спалъ со мною въ одной комнатѣ. Это былъ Петръ Ѳедоровичъ Талызинъ, который въ обращеніи со мною выказалъ много человѣколюбія и кротости, хотя я прежде не былъ съ нимъ знакомъ, между тѣмъ какъ начальникъ его, князь Черкасскій, маіоръ конногвардейскаго полка, имѣвшій главный надзоръ надъ политическими арестантами, при каждомъ своемъ появленіи, обращался ко мнѣ съ самыми грубыми рѣчами, которыя съ моей стороны не оставались безъ возраженія, такъ какъ я не могъ совладѣть съ моимъ пылкимъ характеромъ».

«Я былъ выпущенъ изъ подъ ареста черезъ два дня послѣ кончины Императора [10]). Г-нъ Порошинъ [11]), бывшій флигель-адъютантъ Императора, пришелъ сказать мнѣ, что ему приказано возвратить мнѣ шпагу, и что Императрица повелѣла, чтобъ я вернулся домой и продолжалъ службу. Тутъ я узналъ о подробностяхъ событія и о смерти Государя; также узналъ, что одинаковой со мною участи подверглись только секундъ-маіоръ Войновъ, мой капитанъ Измайловъ и Иванъ Ивановичъ Черкасовъ, штабсъ-капитанъ 1-й мушкатерской роты, въ которой самъ Императоръ былъ капитаномъ».

«По прибытіи въ нашъ домъ, я нашелъ въ немъ множество солдатъ, ибо отецъ и моя сестра (Елисавета) были тоже арестованы, отдѣльно другъ отъ друга. Первый былъ высланъ въ Москву, а сестру отправили въ деревню за Москвою. Къ дому моего дяди, канцлера, на нѣсколько дней приставляли офицера, яко-бы для того, чтобы оберегать его отъ народа, который, однакожъ, ничего противъ него не имѣлъ и не помышлялъ его безпокоить.... Съ благородною твердостію мой дядя велъ себя во время переворота» [12]).

Такъ совершилось въ 1762 г. достопамятное событіе, внезапно за-

---

[9]) Т. е. нынѣшняго дома Елисѣева у Полицейскаго моста на Невскомъ.

[10]) Слѣдовательно, графъ С. Р. Воронцовъ находился подъ арестомъ съ 28-го Іюня по 9-е Іюля, т. е. 11 дней.

[11]) Сочинитель извѣстныхъ Записокъ.

[12]) Графъ М. Л. Воронцовъ отказался присягнуть Екатеринѣ, на томъ основаніи, что у него есть законный Государь, которому онъ уже присягнулъ... Послѣ-же извѣстія о смерти Петра III, онъ принесъ присягу и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. См. Р. Архивъ 1876, I, 38. «Записки бриліантщика Полье», Русск. Старина 1870 г., изд. 3, т. I, стр. 105.

мѣнившее одно царствованіе другимъ, съ тою-же поразительною легкостью, съ какою устроилась подобная перестановка лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ. Въ этомъ отношеніи, послѣдующее ничуть не уступало предыдущему и едва ли не превосходило его... Объ этомъ судить вѣрнѣе кого-бы-ни-было могъ, на досугѣ, графъ Михаилъ Иларіоновичъ, какъ дѣятель Елисаветинскаго переворота и какъ безучастный зритель Екатерининскаго, когда ему, старику, пришлось въ невеселомъ раздумьѣ сидѣть подъ благовиднымъ домашнимъ арестомъ. Что-же касается самыхъ причинъ, которыя произвели катастрофу, то изъ семьи Воронцовыхъ, за исключеніемъ, конечно, одной княгини Дашковой, врядъ-ли кто вдумывался въ логическую послѣдовательность совершившагося событія. Большинство современниковъ расположено было смотрѣть на него какъ на капризную выходку судьбы; а къ такимъ фаталическимъ взглядамъ, нужно замѣтить, пріучила давно уже Русскихъ людей XVIII вѣка декоративная подвижность внутреннихъ въ государствѣ перестановокъ. По крайней мѣрѣ, даже въ автобіографическомъ разсказѣ такаго мыслящаго человѣка, какъ графъ Семенъ Романовичъ, въ разсказѣ, положенномъ на бумагу спустя много лѣтъ послѣ совершившагося переворота,- не мелькаетъ ни тѣни побужденія отнестись критически къ давно-минувшему событію и объяснить его какою-нибудь оцѣнкою обстоятельствъ и характеровъ. Вездѣ Семенъ Романовичъ высказывается о немъ только въ смыслѣ личныхъ своихъ сочувствій, или съ точки зрѣнія человѣка, потерпѣвшаго отъ послѣдствій этого государственнаго переворота.

Дѣйствительно, перемѣна царствованія небезвредно отразилась на положеніи семейства графовъ Воронцовыхъ, особенно со стороны имущественныхъ средствъ. Вотъ, напримѣръ, что̀ говоритъ объ этомъ нашъ автобіографъ. «Отецъ мой былъ богатъ собственнымъ имѣніемъ, но еще болѣе отъ щедротъ императрицы Елисаветы, благоволившей къ нашему семейству. Онъ былъ услужливъ и щедръ и, не предаваясь расточительности, жилъ прилично своему званію. Императоръ Петръ III, бывши великимъ княземъ, оказывалъ ему особенное расположеніе и довѣрялся ему до того, что каждый разъ, когда имѣлъ надобность въ деньгахъ, обращался къ моему отцу, который въ этихъ случаяхъ служилъ ему съ охотою и усердіемъ. Когда великій князь вступилъ на престолъ, онъ выразилъ моему отцу все свое благоволеніе и, безъ всякаго ходатайства, по собственному побужденію, обѣщалъ пожаловать ему земли во время коронаціи... Но извѣстны и кратковременность этого царствованія, и трагическая кончина этого добраго и несчастнаго Государя. Отецъ мой былъ арестованъ, подвергся опалѣ, раззоренію и вынужденъ былъ продать желѣзныя руды, которыя составляли почти половину его достоянія и за которыя онъ былъ обязанъ щедротамъ императрицы Елисаветы [13]). Послѣ этого, у него, и единственно у него,

[13]) Отецъ Романа Иларіоновича, первоначально, былъ весьма не богатъ и только имѣлъ 200 душъ крестьянъ. Любопытныя подробности о состояніи Во-

отняли четыре большія имѣнія въ Малороссіи: Бѣлики, Кобыляки, Старые и Новые Сенжары. Но этого было мало: отняли еще у моего брата, гр. Александра, у меня и у двухъ нашихъ двоюродныхъ братьевъ [14]) имѣніе, которое принадлежало намъ безспорно по праву и было послѣднимъ остаткомъ милостей императрицы Елисаветы покойному моему дядѣ, канцлеру, за его многолѣтнія, важныя и безупречныя услуги: ибо, по своимъ щедрымъ наклонностямъ, онъ прожилъ все собственное имѣніе и продалъ всѣ прочія земли, полученныя отъ нея. Имѣніе, о которомъ идетъ рѣчь, находится въ Кареліи, и въ немъ числится, по послѣдней ревизіи, 12 тысячъ душъ. Оно было отнято у насъ послѣ того какъ графъ Скавронскій былъ помолвленъ, или сочетался бракомъ, съ племянницею князя Потемкина. Это слишкомъ долгая исторія [15])... Мое семейство безъ всякой вины пало съ высоты, на которой находилось при императрицѣ Елисаветѣ и въ продолженіе слишкомъ кратковременнаго царствованія Петра III. Это произошло вслѣдствіе несчастій, которыхъ оно не навлекало на себя»...

Воронцовы лишились силы и вліянія. Однако, Екатерина II-я, съ свойственнымъ ей правительственнымъ умѣньемъ въ подборѣ дѣятелей, не захотѣла вовсе устранить отъ дѣлъ неугодную ей лично, но способную и уважаемую въ обществѣ семью Воронцовыхъ; она только держала ихъ поодаль отъ себя. Старый канцлеръ, по смерти Петра III, продолжалъ занимать свое мѣсто, но игралъ уже роль болѣе представительную, чѣмъ дѣятельную, да скоро и совсѣмъ сошелъ со сцены.

Старшій сынъ графа Романа Илларіоновича, Александръ, въ 1762 году, находился въ Англіи въ званіи полномочнаго министра, бывъ уже до того въ дипломатическихъ командировкахъ сперва въ Парижѣ и Мадритѣ, а послѣ въ Вѣнѣ, въ званіи повѣреннаго въ дѣлахъ. Испытанныя въ этой службѣ способности и свѣдѣнія его достаточно предстательствовали за него передъ Екатериною, и почти во все время ея царствованія онъ занималъ видныя мѣста. Однако Екатерина не очень жаловала этого неподатливаго, тяжеловатаго и методичнаго сановника и была убѣждена въ его личной къ себѣ непріязни, хотя не отказывала ему въ своемъ вниманіи [16]).

ронцовыхъ см. въ книгѣ Карновича: «Замѣчательныя богатства въ Россіи», гл. XV, стр. 257—265.

[14]) Сыновья генералъ-поручика графа Ивана Илларіоновича Воронцова: Артемій (1748 † 1799) и Илларіонъ (1760 † 1791). — Графъ Иванъ Илларіоновичъ служилъ въ Москвѣ, президентомъ Вотчинной Коллегіи. Его внукъ, графъ Иванъ Илларіоновичъ, получилъ титулъ графа Воронцова-Дашкова.

[15]) Понятіе объ этомъ дѣлѣ можетъ дать напечатанный въ «Чтен. Общества Ист. и Древн. Росс. при Моск. унив.» за 1861 годъ: «Голосъ сенатора И. П. Елагина о раздѣлѣ имѣнія гр. Воронцовыхъ съ ихъ невѣсткою, графинею Анною Карловною Воронцовою» (кн. 2, стр. 144—158).

[16]) Довольно-вѣрную характеристику графа Ал. Ром. представляютъ «Записки Сегюра» (стр. 111—112). Объ отношеніяхъ къ нему Екатерины, см.

Наконецъ, отношенія Государыни къ графу Семену Романовичу, которому суждено было стоять еще далѣе отъ двора, чѣмъ его брату, носили постоянно тотъ-же почти характеръ холоднаго уваженія къ личнымъ достоинствамъ и довольно-равнодушнаго признанія оказанныхъ заслугъ. Заслуги эти награждались, но безъ особенной щедрости. Въ Семенѣ Воронцовѣ постоянно видѣли человѣка, прежде всего усердствующаго дѣлу, а не лицу, и полезнаго службѣ; поэтому всякое на ней повышеніе предоставляли ему брать грудью, но не заботились подвигать его къ успѣхамъ или отличіямъ, какъ счастливцевъ, пользовавшихся болѣе милостивымъ расположеніемъ двора и пріятныхъ временщикамъ. Очевидно, что Екатерина не забывала вполнѣ всѣхъ обстоятельствъ своего воцаренія и не видѣла для себя повода вѣрить въ сочувственное расположеніе графовъ Воронцовыхъ, для которыхъ лучшимъ и невозвратнымъ временемъ было Елисаветинское царствованіе.

Въ первую пору Екатерининскаго времени, молодой, впечатлительный графъ Семенъ Романовичъ не сразу могъ примириться съ новымъ порядкомъ вещей и помышлялъ совсѣмъ бросить службу; но, по обстоятельствамъ, вышло иначе. Объ этомъ самъ онъ разсказываетъ слѣдующее:

«Оставшись въ домѣ одинокимъ [17]) и не желая болѣе служить, я сказался больнымъ и дѣйствительно чувствовалъ себя нездоровымъ: ибо въ моей легковоспалимой крови все видѣнное и вынесенное произвело лихорадочное состояніе, вслѣдствіе чего я написалъ къ моему дядѣ и просилъ его исходатайствовать мнѣ дозволеніе отправиться въ Англію, гдѣ находился братъ мой въ качествѣ посланника. Дядя обѣщалъ исполнить эту просьбу; но, зная пылкость моего нрава, пожелалъ поручить меня надзору человѣка пожилыхъ лѣтъ, который могъ-бы внушить мнѣ болѣе покорности, чѣмъ братъ мой. Онъ испросилъ дозволеніе отправить меня въ Вѣну, совѣтникомъ посольства, къ князю Голицыну [18]), котораго особенно уважалъ. Я

въ «Дневныхъ Запискахъ Храповицкаго» (изд. 1862 г., подъ редакц. г. Геннади), отмѣтки за 27-е Апрѣля 1788 г. (стр. 59) и за 15-е Декабря 1789 г. (стр. 214). См. также записанный П. Ѳ. Карабановымъ разсказъ князя Николая Сергѣевича Волконскаго про разговоръ его съ Императрицею о личности гр. Александра Романовича Воронцова (Русская Старина, 1872 г., изд. 2, т. V, стр. 146—147). См. еще записку Императрицы къ графу Завадовскому о графѣ Александрѣ Романовичѣ (отъ 27 Дек. 1793 г.), въ XII т. «Воронцовск. Архива», стр. 103 («Всегда знала, а теперь наипаче вѣдаю, что его таланты не суть для службы моей и что онъ мнѣ не слуга. Сердце принудить нельзя, права не имѣю принудить быть усерднымъ ко мнѣ») и письмо графа С. Р. къ брату, отъ 2 Мая 1788 г., въ IX т. того-же сборника, стр. 117—119.

[17]) Послѣ удаленія изъ столицы отца и сестры Елисаветы.

[18]) Князь Дмитрій Михайловичъ, бывшій 30 лѣтъ посломъ въ Вѣнѣ, дѣйствит. тайн. совѣтн. и Андреевскій кавалеръ, учредитель въ Москвѣ извѣстной Голицынской больницы. Р. 15 Мая 1721 † 19 Сентября 1793 г.

поспѣшилъ выѣхать, обрадованный возможностію оставить Россію. Спустя 15 или 16 мѣсяцевъ, дядя мой проѣзжалъ черезъ Вѣну въ Италію, путешествуя для поправленія здоровья; я поѣхалъ съ нимъ, посѣтилъ Францію, Берлинъ, гдѣ онъ прожилъ 4 мѣсяца. Возвращаясь въ Россію, онъ привезъ меня съ собою» [19]).

«Служба въ гвардіи мнѣ опротивѣла, и я хотѣлъ выдти въ отставку, но дядя не дозволилъ мнѣ этого, и потому изъ Берлина я послалъ прошеніе о переводѣ моемъ изъ гвардіи въ армейскій полкъ. Это было въ 1766 году [20]). Я былъ третьимъ поручикомъ; мнѣ слѣдовало производство въ штабсъ-капитаны, на что̀ имѣлось пять вакансій и, по тогдашнему обычаю, я долженъ былъ выдти въ подполковники по докладу на новый годъ, но меня произвели только въ премьеръ-маіоры, съ зачисленіемъ въ 4-й гренадерскій полкъ. Почувствовавъ эту обиду, отъ которой графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ [21]), тогда любившій меня, не могъ меня оградить (ибо это произошло по имянному указу), я болѣе года терпѣливо сносилъ ее и, наконецъ, вышелъ въ отставку, не смотря на возраженія графа Чернышева, и послѣдовалъ за дядей (который тоже оставилъ службу) въ Москву и въ его имѣніе. Я жилъ въ его домѣ. Онъ смотрѣлъ на моего брата и на меня, какъ на своихъ сыновей, и мнѣ суждено было горе—быть свидѣтелемъ кончины этого дяди [22]), человѣка самой возвышенной души между его современниками. Какъ онъ достойно показалъ себя въ день переворота и впослѣдствіи при очень важномъ случаѣ, во время пребыванія Императрицы въ Москвѣ, въ ея коронованіе!» [23]).

«По смерти его, я вернулся въ Петербургъ; братъ мой возвратился изъ посольства, и я жилъ спокойно въ обществѣ родственниковъ и нѣкоторыхъ близкихъ друзей. Я обожалъ женщину, которая доставляла мнѣ полное счастіе своею любовью [24]). Между тѣмъ, Турки объявили намъ войну, подъ конецъ осени 1768 года. Я поспѣшилъ къ графу Чернышеву, которому и высказалъ, что желаю вновь посту-

[19]) Осенью 1765 г. (въ началѣ Сентября).—[20]) По одному письму къ брату графа Семена Романовича оказывается, что это было не въ 1766-мъ, а въ 1765 году.

[21]) Въ то время президентъ Военной Коллегіи.

[22]) 15 Февраля 1767 года, въ Москвѣ, куда тогда съѣзжались для Комиссіи объ уложеніи.—[23]) Онъ именно, а вовсе не графъ А. Г. Разумовскій помѣшалъ браку Екатерины съ графомъ Орловымъ. Подробности недавно обнародованы, въ депешѣ Прусскаго посланника Сольмса (См. Сборникъ Р. Истор. Общества XVIII, стр. 77 и далѣе).

[24]) Рѣчь идетъ о двоюродной сестрѣ графа Семена Романовича, графинѣ Аннѣ Михайловнѣ Строгоновой, единственной дочери канцлера графа Воронцова. Между нею и обоими ея двоюродными братьями существовала тѣсная дружба, которая въ чувствахъ гр. Семена Романовича походила на любовь. Графиня Анна Михайловна окончила жизнь въ разводѣ съ мужемъ, графомъ Александромъ Сергѣевичемъ. Смерть графини А. М. Строгоновой послѣдовала 21 Февраля 1769 г., когда гр. Семенъ Романовичъ былъ на войнѣ.

пить на службу и тотчасъ отправиться въ армію. Онъ одобрилъ мое намѣреніе и увѣрилъ меня, что старшинство, отнятое у меня при выходѣ моемъ изъ гвардіи, будетъ мнѣ возвращено; что онъ, конечно, представитъ обо мнѣ какъ о единственномъ офицерѣ, который, по случаю войны, пожелалъ вновь поступить на службу. Но меня приняли на службу только подполковникомъ, т. е. тѣмъ чиномъ, который я получилъ при выходѣ изъ гвардіи. Графъ Чернышевъ обидѣлся моимъ отказомъ быть подполковникомъ въ Петербургскомъ полку (его любимомъ, потому что онъ прежде былъ его полковникомъ), а какъ онъ спрашивалъ меня о причинѣ, то отвѣтъ показался ему еще обиднѣе этого отказа: я высказалъ ему, что, имѣя цѣлью служить и пріобрѣсти опытность въ военномъ дѣлѣ, желаю находиться въ арміи графа Румянцова, а не князя Голицына [25]), къ которой, какъ мнѣ было извѣстно, принадлежалъ Петербургскій полкъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ гнѣвно и сурово: «Ступайте-же въ вашу любимую армію, но вы въ ней будете сверхштатнымъ, ибо нѣтъ вакансій», послѣ чего повернулся ко мнѣ спиною. Я зналъ, что онъ всегда втайнѣ завидовалъ моему герою; но мнѣ показалось чрезвычайно низкимъ съ его стороны ненавидѣть желающихъ служить подъ начальствомъ того, кому онъ завидовалъ».

«Я поѣхалъ въ армію. Графъ Румянцовъ отдалъ мнѣ подъ команду гренадерскій баталіонъ и былъ такъ доволенъ моимъ усердіемъ къ службѣ и моею исправностью, что когда, подъ-конецъ похода, ему предписано было отправиться лично и со своимъ штабомъ къ первой арміи, то онъ удостоилъ взять съ собою меня и покойнаго Ельчанинова, кавалерійскаго подполковника [26]). Тамъ онъ опредѣлилъ меня въ комплектъ 3-го гренадерскаго полка и назначилъ командиромъ одного баталіона».

Новый батальонный командиръ, участвовавшій во всѣхъ почти дѣлахъ этой славной кампаніи и сперва находившійся въ составѣ авангарда подъ командою генерала Бауера, вполнѣ оправдалъ свое назначеніе. Графъ Румянцовъ полюбилъ его за восторженную вѣрность, обнаруженную къ внуку Петра Великаго, въ день его паденія съ престола. Извѣстно, что герой Задунайскій питалъ особенную благоговѣйную преданность къ памяти Преобразователя и нѣкоторое время тоже отказывался присягать Екатеринѣ. Молодой графъ Воронцовъ сдѣлался близкимъ человѣкомъ къ нему, былъ у него въ родѣ нынѣшняго начальника штаба и сдѣлался дѣятельнѣйшимъ уча-

---

[25]) Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ и генералъ-губернаторъ въ Петербургѣ. Р. 1718 † 1783.

[26]) Богданъ Егоровичъ Ельчаниновъ, родившійся 20 Ноября 1744 г., убитъ подъ Браиловымъ 20 Сентября 1769 г. уже въ чинѣ полковника. Онъ отличался не только военными достоинствами, но также и любовію къ умственной дѣятельности, къ литературнымъ занятіямъ. Плодами этихъ занятій остались оригинальная его пьеса: «Наказанная вертопрашка», комедія въ 1 д. (Спб. 1767) и переводъ съ Французской книги: «Письмы отъ мистрисъ Фанни Буртледъ къ милорду Карлу Алфреду-де-Кайтомбриджъ» (Спб. 1765).

стникомъ его воинской славы, огласившей въ то время всю Европу. Онъ отличился въ знаменитыхъ битвахъ при Ларгѣ и Кагулѣ (7-го и 21-го Іюля 1770 г.), а особенно въ этой послѣдней, гдѣ, во главѣ своего гренадерскаго баталіона, ворвался первымъ въ одно изъ сильнѣйшихъ Турецкихъ укрѣпленій (ретраншементъ), взялъ его съ боя и овладѣлъ четырьмя пушками. За сраженіе при Ларгѣ онъ получилъ Георгіевскій крестъ 4-й степени, а за Кагульское награжденъ 3-ю степенью того же ордена и чиномъ полковника. Въ 1772 г., (12 Іюня) подъ Силистріей, графъ Семенъ Романовичъ, съ своимъ полкомъ, въ которомъ состояло на лицо не болѣе 600 человѣкъ, былъ окруженъ и атакованъ десяти-тысячнымъ, слишкомъ, отрядомъ Турецкой конницы, но блистательно отбивался отъ ея натисковъ и удержался на своей позиціи, пока не подоспѣло къ нему подкрѣпленіе изъ дивизіи Потемкина.

Доблестное поведеніе графа С. Р. Воронцова въ дѣлахъ подъ Силистріей, засвидѣтельствованное Государынѣ графомъ Румянцовымъ, не доставило отличившемуся никакой награды, хотя очевидцемъ подвиговъ его былъ самъ Потемкинъ: Воронцову ничего не дали по милости графа З. Г. Чернышова, который старался ему вредить, въ отместку за бывшее между ними столкновеніе [27]). Раздосадованный несправедливостью, графъ Воронцовъ думалъ уже покинуть службу, но былъ удержанъ расположеннымъ къ нему фельдмаршаломъ. Только по заключеніи мира въ Кучукъ-Кайнарджи (гдѣ Воронцову и Петру Васильевичу Завадовскому пришлось редактировать статьи трактата на Итальянскомъ языкѣ, употреблявшемся тогда Портою въ дипломатическихъ актахъ) графъ Семенъ Романовичъ былъ произведенъ въ бригадиры (1774); но въ манифестѣ о состоявшемся мирѣ, въ числѣ многихъ, превознесенныхъ похвалами за отличныя заслуги, имя графа Воронцова названо не было, хотя въ тоже время полкъ, которымъ онъ командовалъ, удостоился лестнаго отзыва. Обидное умолчаніе, слишкомъ рѣзко оттѣненное хвалебною атестаціей полку, оскорбило графа Воронцова. Онъ нажилъ себѣ опаснаго недруга въ князѣ Потемкинѣ [28]). Въ своей автобіографіи гр. Воронцовъ съ живостію излагаетъ подробности всѣхъ вынесенныхъ имъ несправедливостей, изъ которыхъ въ особенности огорчило его под-

---

[27]) О деспотическихъ замашкахъ гр. Чернышова съ подчиненными см. въ «Запискахъ Порошина», стр. 315.

[28]) Князь Потемкинъ, какъ подполковникъ Преображенскаго полка, желалъ, чтобъ гр. Воронцовъ поступилъ въ этотъ полкъ, но Воронцовъ отказался. «Такъ какъ мое нерасположеніе къ гвардейскимъ полкамъ (поясняетъ онъ въ своей автобіографіи), по воспоминаніямъ 1762 г., было еще живо и... доселѣ еще существуетъ (т. е. даже и по смерти Екатерины, въ Декабрѣ 1796 г.), то я отклонилъ это предложеніе, и какъ я не могъ обнаруживать передъ нимъ (Потемкинымъ) угодливости, коей никогда не являлъ никому, то онъ принялъ отсутствіе низости въ моемъ характерѣ за высокомѣріе и надменность».

чиненіе родичу временщика, Павлу Потемкину[29], который обогналъ его по службѣ за полтора года предъ тѣмъ, а сдѣлавшись надъ нимъ начальникомъ, сталъ къ нему придираться; а, между тѣмъ, этотъ новоиспеченный бригадиръ былъ еще недавно только гвардейскимъ поручикомъ, тогда какъ гр. Воронцовъ имѣлъ уже полковничій чинъ. Графу Семену Романовичу, какъ говорится, «садились на голову» люди, которыхъ онъ знавалъ еще школьниками, когда самъ былъ поручикомъ гвардіи, какъ напр. князя Прозоровскаго, пожалованнаго въ полковники за привезенную въ Петербургъ вѣсть изъ арміи объ одной неважной побѣдѣ надъ Турками. Всѣ эти случаи являлись для графа Воронцова вопіющими нарушеніями справедливости; хлопотать же за себя посредствомъ просьбъ, заискиваній или окольныхъ домогательствъ, а тѣмъ менѣе перебивать кому-либо дорогу, этотъ человѣкъ не умѣлъ и не желалъ: онъ былъ слишкомъ гордъ и слишкомъ скроменъ для происковъ и самовосхваленія. Черта исполненной достоинства скромности всегда отличала симпатичную личность графа Семена Романовича. Вотъ разсказъ одного современника-иностранца, нѣкоего Дюшилью (Duchillou), который былъ нѣкогда повѣреннымъ Англійскаго правительства въ Туринѣ, много путешествовалъ на своемъ вѣку и имѣлъ случаи встрѣчаться съ разными Русскими знаменитостями, въ томъ числѣ зналъ Шувалова и Дашкову. Сію послѣднюю онъ не хвалитъ, но за то превозноситъ графа С. Р. Воронцова, съ которымъ познакомился въ 1777 г. Онъ его увидѣлъ въ первый разъ въ домѣ общаго ихъ пріятеля, Маккензи (Mackenzie), съ которымъ графъ коротко сошелся еще прежде, въ Неаполѣ. «Я, по истинѣ (говоритъ Дюшилью) не встрѣчалъ человѣка, который бы соединялъ въ себѣ столько блистательныхъ свойствъ ума и любезныхъ качествъ, увѣнчанныхъ скромностью и совершеннымъ отсутствіемъ тщеславія. Благородная наружность, учтивое и ласковое обращеніе соединялись съ горячимъ сердцемъ, возвышеннымъ умомъ и рѣдкимъ благодушіемъ. Онъ былъ самый обязательный и вѣрный другъ. Разскажу примѣръ его скромности. Однажды, за обѣдомъ у герцога Нортумберланда, зашла рѣчь о славной для Россіи войнѣ съ Турціей, и въ особенности о сраженіи при Кагулѣ, въ которомъ фельдмаршалъ гр. Румянцовъ явилъ себя такимъ великимъ полководцемъ. Я спросилъ графа Воронцова, былъ-ли онъ въ этомъ дѣлѣ? Онъ очень просто и кратко отвѣчалъ: «да, былъ». Когда мы расходились, генералъ Клинтонъ (Clinton), который находился при Русской арміи въ качествѣ волонтера, сказалъ намъ: «знаете-ли вы, какъ онъ тамъ, былъ при Кагулѣ? Вся Русская сила состояла въ 18 тысячахъ, а у Тур-

[29]) Потемкинъ, Павелъ Сергѣевичъ (графъ съ 1-го Января 1795 г.), генералъ-аншефъ. Р. 1743 † 29 Марта 1796 г. Онъ, незадолго до смерти, подвергся формальнымъ обвиненіямъ въ нѣкоторыхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, совершенныхъ въ Кизлярѣ, въ 1786 году, по поводу которыхъ заведено было особое дѣло. Братъ его, Михаилъ Сергѣевичъ, генералъ-поручикъ (умершій 14 Декабря 1791 г.), занималъ должность генералъ-кригсъ-комиссара.

ковъ было 150,000. Графъ Воронцовъ повелъ аттаку противъ сильныхъ непріятельскихъ укрѣпленій, взялъ штурмомъ редутъ, и Турецкая армія ретировалась въ безпорядкѣ. Побѣда была блистательная. Вотъ какъ Воронцовъ былъ при Кагулѣ!»

Служебныя невзгоды не ограничивались задержками въ повышеніяхъ и наградахъ: графу Воронцову приходилось вести борьбу и съ затрудненіями въ иномъ родѣ. Отдавшись всецѣло обязанностямъ военной службы, онъ настойчиво заботился о поддержаніи въ своемъ полку порядка по всѣмъ частямъ и, въ особенности, о строгомъ соблюденіи главнѣйшаго правила военнаго благоустройства—дисциплины, которая значительно ослабѣла тогда въ арміи, отклонившись отъ требованій Воинскаго Устава, дѣйствовавшаго со временъ Петра Великаго. Екатерининскіе гвардейскіе офицеры, избалованные невзыскательностью столичной службы, переходя въ армію на мѣста командировъ или въ составъ штабныхъ чиновъ, приносили туда съ собою духъ барства, фанфаронства и халатной безцеремонности по отношенію къ такъ называемымъ «мелочамъ» строевой службы, хотя изъ этихъ-то «мелочей» и слагаются важнѣйшія ея отправленія. Отсюда появилась такая распущенность во взаимныхъ отношеніяхъ начальниковъ и подчиненныхъ, которая рѣшительно не клеилась съ здравымъ понятіемъ о обязанностяхъ военно-служащаго и сопровождалась иногда худыми послѣдствіями. Но графъ С. Р. Воронцовъ, командуя сперва батальономъ, а потомъ полкомъ, твердо держался установленнаго порядка и не дозволялъ отступленій ни самому себѣ, ни своимъ подчиненнымъ. Онъ успѣлъ настоять на сохраненіи должной дисциплины, хотя при этомъ не обошлось безъ нѣкоторыхъ непріятныхъ столкновеній. Такъ однажды, въ началѣ 1772 г., во время квартированія его полка въ Яссахъ, онъ имѣлъ поединокъ съ однимъ изъ штабъ-офицеровъ, исправлявшихъ обязанности по части генеральнаго штаба, графомъ Стакельбергомъ, при чемъ послѣдній былъ довольно серьезно раненъ, а противникъ его отдѣлался легкою царапиною. На сестрѣ этого графа Стакельберга былъ женатъ младшій изъ графовъ Орловыхъ (еще весьма сильныхъ при дворѣ), графъ Владиміръ Григорьевичъ.

Графу С. Р. Воронцову приходилось также бороться съ неблагопріятными обстоятельствами частной жизни, которыя имѣли долю вліянія на рѣшимость его отказаться отъ страстно-любимой имъ военной службы. Первымъ изъ этихъ обстоятельствъ было сильное разстройство здоровья отъ трудовъ и передрягъ четырехлѣтняго походнаго житья на военномъ положеніи; а вторымъ—стѣснительныя условія денежныхъ его дѣлъ. Черезчуръ разсчетливый графъ Романъ Иларіоновичъ не любилъ давать денегъ своимъ дѣтямъ, не только изъ доходовъ съ принадлежащихъ собственно ему имѣній, но и съ доставшихся имъ по наслѣдству отъ покойной матери. Онъ почти не помогалъ сыновьямъ и младшему изъ нихъ посылалъ въ армію такъ мало, что тотъ частенько терпѣлъ крайнюю нужду, что вовлекло его въ крупные, по тогдашнему времени, долги,—до 6000 рублей. Гнушаясь наживаться непозволительными средствами на счетъ до-

вольствія нижнихъ чиновъ, по примѣру большинства командировъ, а между тѣмъ, желая улучшить бытъ солдата и любя помогать бѣднымъ офицерамъ своего полка, нуждавшимся во многомъ, при скудномъ ихъ содержаніи, графъ С. Р. Воронцовъ имѣлъ болѣе расходовъ, чѣмъ кто-либо другой въ его званіи, почему и не могъ избѣгнуть долговъ. За то онъ оставилъ по себѣ надолго теплую память въ своихъ подчиненныхъ, особенно въ признательныхъ за добро Русскихъ солдатахъ. «Мы всѣ молимъ за него Бога», говорилъ въ 1794 году старый сержантъ Перепелкинъ графу Ростопчину о графѣ Воронцовѣ: «онъ намъ былъ отецъ, а не командиръ!» [30]).

Невзгоды свои графъ Семенъ Романовичъ сносилъ съ большою твердостію; онъ долго колебался въ мысляхъ, оставлять-ли ему военную службу, и только тогда окончательно рѣшился разстаться съ нею, когда попалъ подъ начальство къ П. С. Потемкину.

«Я пріѣхалъ въ Петербургъ (говоритъ онъ въ своей автобіографіи) дѣйствительно больной, захворавъ воспаленіемъ въ груди, вторымъ въ моей жизни, и едва не умеръ. Моя просьба объ отставкѣ была подана въ Февралѣ 1776 г., послѣ чего Императрица, которая знала нанесенныя мнѣ обиды, но чрезмѣрно щадила самолюбіе князя Потемкина, два раза присылала ко мнѣ моего друга Завадовскаго высказать мнѣ желаніе, чтобъ я оставался на службѣ [31]). Я отвѣчалъ, что не могу, совершенно потерявъ здоровье. Она велѣла передать мнѣ, что я воленъ ѣхать куда пожелаю для излѣченія, съ сохраненіемъ жалованья, но чтобъ не оставлялъ службы; но я стоялъ на своемъ: служба была мнѣ такъ противна, что я не переставалъ домогаться отставки, которую получилъ лишь по истеченіи шести мѣсяцевъ [32]). Тогда-то я бросилъ кокарду и мундиръ, и даже, еслибъ могъ, охотно отдалъ бы мой крестъ 3-й степени, чтобъ не имѣть у себя ничего, напоминающаго службу....»

Тѣмъ и покончилось военное поприще графа С. Р. Воронцова. Онъ проходилъ это поприще съ честію и отличіемъ, и не подъ крылышкомъ какихъ-нибудь случайныхъ милостивцевъ, а подъ руководствомъ строгаго вождя и нелицепріятнаго судьи, который съумѣлъ оцѣнить въ немъ одного изъ храбрѣйшихъ и полезнѣйшихъ своихъ подручниковъ. Очевидно, впрочемъ, что въ настоящемъ случаѣ размѣръ испытанныхъ неудачъ слѣдуетъ принимать въ смыслѣ относительномъ. Горечь обманутыхъ надеждъ удвоялась для графа Воронцова не только оскорбленнымъ чувствомъ справедливости, но, можетъ-быть, и чувствомъ гордости.... Племяннику государственнаго канцлера, выросшему при дворѣ, принадлежавшему, по происхожденію и семейнымъ связямъ, къ высшему обществу, казалось несоотвѣтственнымъ удовлетвориться въ 32 года отъ роду генеральскимъ чиномъ,

---

[30]) См. 12-е письмо гр. Ростопчина къ гр. С. Р. Воронцову, въ VIII т. «Воронцовскаго архива», стр. 95—96.—[31]) Графъ Завадовскій, съ которымъ дружескія отношенія графа С. Р. завязались во время общей ихъ службы при полководцѣ Румянцовѣ, находился тогда (т. е. въ 1776 г.) въ большой близости къ Государынѣ.—[32]) Съ чиномъ генералъ-маіора.

полученнымъ при отставкѣ, и онъ имѣлъ поводъ считать такой исходъ своей добросовѣстной службы слѣдствіемъ постигшихъ его гоненій, въ виду блестящихъ успѣховъ счастливыхъ выскочекъ. Тутъ оправдалась вѣковѣчная Русская поговорка, что «служба бываетъ кому мать, кому мачиха....»

За всѣмъ тѣмъ, графъ Семенъ Романовичъ вынесъ изъ военной службы не одно только безотрадное убѣжденіе въ ея непроизводительности. Занимаясь ею прилежно, на глазахъ прославленнаго полководца, онъ относился любознательно ко всѣмъ подробностямъ дѣла и успѣлъ изучить его на практикѣ и въ теоріи, какъ со стороны тактической, такъ и военно-административной; успѣлъ узнать духъ, натуру, бытъ Русскаго солдата и вникнуть въ условія правильной организаціи боевыхъ силъ. Плодомъ этой разумной наблюдательности явилась, впослѣдствіи, составленная имъ записка о Русскомъ войскѣ, которая заслуживаетъ особеннаго вниманія, сохраняя, во многихъ отношеніяхъ, свою вѣскость даже и для настоящаго времени[33]). Понятно, какъ подъ его вліяніемъ и надзоромъ могли воспитаться полководческія способности его сына.

Было еще одно свѣтлое и живучее воспоминаніе, которымъ надѣлила графа Воронцова военная служба, это уваженіе къ бывшему его начальнику, графу П. А. Румянцову-Задунайскому. Оно уцѣлѣло на всю жизнь признательнаго сослуживца и проявлялось при всякомъ случаѣ, какъ это можно видѣть изъ многихъ разновременныхъ его писемъ.

Выходъ изъ военной службы произвелъ крутой переломъ въ судьбѣ графа С. Р. Воронцова, поставивъ его, черезъ нѣсколько времени, на совершенно иной путь общественной дѣятельности, гдѣ пришлось ему найти болѣе простора если не для успѣховъ личнаго честолюбія, то для возможности быть полезнымъ своей родинѣ. Скинувъ военный мундиръ, онъ расположился было повести независимую и скромную жизнь частнаго человѣка. Прежде всего, онъ позаботился возстановить разстроенное здоровье и съ этою цѣлью поѣхалъ въ Италію. Тамъ онъ прожилъ двѣ зимы въ Пизѣ,—«городѣ (по его словамъ) очень скучномъ, но который славится климатомъ, полезнымъ для больныхъ грудью», успѣлъ нѣсколько поправить здоровье и, объѣхавъ Италію, воротился въ Петербургъ въ исходѣ 1778 года. Здѣсь жилъ онъ «очень уединенно», въ теченіи двухъ лѣтъ и потомъ женился на Екатеринѣ Алексѣевнѣ Сенявиной, дочери адмирала Алексѣя Наумовича Сенявина отъ брака его съ дѣвицею Фонъ-Брадке[34]). Первымъ плодомъ этого супружества былъ фельдмаршалъ князь Воронцовъ, родившійся въ Петербургѣ 25 Мая 1781 года.

На второй годъ счастливой семейной жизни, предавшійся ей всѣмъ своимъ существомъ и довольный судьбою, графъ С. Р. Воронцовъ

---

[33]) Записка эта напечатана въ X томѣ Архива Князя Воронцова.

[34]) А. Н. Сенявинъ, кавалеръ орденовъ Андреевскаго и Владимірскаго 1-й степ., р. 5-го Окт. 1722†11-го Авг. 1797 г.

внезапно былъ исторгнутъ изъ своего благополучнаго уединенія царскимъ призывомъ на дипломатическую службу,—призывомъ, который находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что Екатерина II, для пользы дѣлъ, умѣла откладывать въ сторону личныя отношенія и понимала что именно можетъ дать для службы выбираемое лицо; а въ настоящемъ случаѣ ей было извѣстно, что графъ С. Р. Воронцовъ отлично зналъ Италію, гдѣ имѣлъ многочисленныя связи, чѣмъ онъ былъ обязанъ и прежнему своему путешествію вмѣстѣ съ покойнымъ дядей, и недавнему двухлѣтнему тамъ пребыванію. При всемъ томъ, есть основаніе полагать также, что Государыня наведена была на мысль объ этомъ назначеніи графами Безбородко и Завадовскимъ, которые были друзьями обоихъ братьевъ Воронцовыхъ [35]).

«Вдругъ въ 1782 г. (повѣствуетъ графъ С. Р. Воронцовъ въ своей автобіографіи), прибылъ ко мнѣ изъ Царскаго-Села курьеръ отъ гр. Безбородки, который писалъ мнѣ, по приказанію Императрицы, что она желаетъ, чтобы я сдѣлалъ ей удовольствіе и принялъ на себя новую миссію, учреждаемую ею въ Венеціи. Моимъ рѣшительнымъ намѣреніемъ было извиниться, но братъ мой и графъ Завадовскій уговаривали меня не отказываться, и такимъ образомъ я былъ привлеченъ опять на службу, съ чиномъ генералъ-маіора, полученнымъ мною при отставкѣ и который слѣдовалъ мнѣ еще шесть лѣтъ тому назадъ, прежде Павла и Михаила Потемкиныхъ [36]). Черезъ 10 или 11 мѣсяцевъ я выѣхалъ къ мѣсту моего назначенія» [37]).

---

[35]) Составитель «Словаря достопамятныхъ людей Русской земли», Д. Н. Бантышъ-Каменскій утверждаетъ, что посылка графа С. Р. Воронцова въ чужіе краи состоялась, будто-бы, по вліянію князя Потемкина, который питалъ на него неудовольствіе и потому постарался удалить его изъ отечества. Но свѣдѣніе это не имѣетъ за себя ни видимыхъ доказательствъ, ни даже соображеній: почему бы могущественному временщику понадобилось выживать изъ Россіи совершенно неопаснаго ему человѣка, выдвинувъ его опять на службу изъ бездѣйствія частной жизни?

[36]) Однакожъ, не далѣе какъ въ слѣдующемъ 1783 году, гр. С. Р. Воронбылъ произведенъ въ генералъ-поручики.

[37]) Инструкція графу Воронцову при отправленіи въ Венецію подписана Екатериною въ Царскомъ Селѣ 11 Іюля 1783 г. Въ ней между прочимъ сказано: «Изъ числа единовѣрцевъ нашихъ Зантскій дворянинъ графъ Моцениго, что нынѣ статскій совѣтникъ и повѣренный въ дѣлахъ при Тосканскомъ дворѣ, заслуживаетъ особливо высочайшее Ея И. В. покровительство. Во время послѣдней съ Портою Оттоманскою войны оказалъ онъ къ службѣ Ея В—ва истинное усердіе и многія услуги, за которыя подвергъ онъ себя гоненію въ отечествѣ своемъ: ибо Венеціанцы, изъ свойственной имъ робкой и все на свѣтѣ подозрѣвающей политики, содержали его на островѣ Корфу подъ стражею, а потомъ выслали совсѣмъ изъ областей своихъ». На проѣздъ графу Воронцову дано 7 т., жалованья 8 т. и по 600 р. на почтовые и канцелярскіе расходы. Въ Венецію графъ Воронцовъ пріѣхалъ 20 Сент. новаго стиля

Принявъ новоучрежденное мѣсто Русскаго полномочнаго министра при правительствѣ «свѣтлѣйшей» Венеціанской республики, графъ Воронцовъ расположился было отнестись къ своимъ новымъ обязанностямъ съ свойственною ему энергіею, но скоро увидѣлъ, что ей нѣтъ пищи на этомъ мѣстѣ: дѣлъ было слишкомъ мало. Уже въ концѣ 1783 г. онъ сталъ жаловаться на невольное бездѣйствіе и, въ письмахъ къ брату своему, графу Александру Романовичу, убѣдительно просилъ, чтобы тотъ хлопоталъ о переводѣ его изъ Венеціи, «гдѣ ему дѣлать нечего». Эту-же просьбу повторялъ онъ непрерывно въ послѣдующей своей перепискѣ съ братомъ, съ графомъ Безбородко и съ вице-канцлеромъ графомъ И. А. Остерманомъ (сыномъ знаменитаго Аннинскаго сановника). Въ самомъ дѣлѣ, дипломатическая миссія въ Венеціи вращалась въ весьма тѣсномъ кругу дѣйствія и не могла ознаменоваться важными занятіями, хотя все-таки послужила хорошею школою для новаго дипломата и подала поводъ обратить свыше вниманіе на способности его къ этого рода службѣ, что выразилось въ одобрительныхъ о немъ отзывахъ самой Государыни.

Графъ Семенъ Романовичъ, домогаясь должности болѣе значительной, ходатайствовалъ, чтобъ изъ двухъ предложенныхъ ему тогда на выборъ посланническихъ мѣстъ,—въ Лондонѣ или Парижѣ,—его назначили на первое, которое занималъ нѣкогда старшій его братъ, графъ Александръ Романовичъ, оставившій въ Англіи видныя знакомства и связи, какія, естественно, обѣщали быть небезполезными для Воронцова-младшаго (и въ самомъ дѣлѣ пригодились ему впослѣдствіи). Но, помимо этого соображенія, графъ Семенъ Романовичъ предпочиталъ находиться въ Англіи и по своимъ политическимъ убѣжденіямъ. Онъ твердо былъ увѣренъ, что при неискреннихъ, двуличныхъ отношеніяхъ Франціи къ Россіи, Англія представляется болѣе желательнымъ союзникомъ, въ противовѣсъ сомнительнымъ стремленіямъ Версальскаго кабинета. Убѣжденіе это усвоили себѣ оба графа Воронцовы и сдѣлали изъ него главнѣйшій догматъ своего политическаго катихизиса. Поэтому, графъ Семенъ Романовичъ придавалъ особенную важность сношеніямъ нашимъ съ Англіей и находилъ полезнымъ всячески поддерживать и укрѣплять дружественную связь между обѣими великими державами, сильно поколебавшуюся съ 1780 г., то-есть, со времени знаменитаго морскаго вооруженнаго нейтралитета. Наконецъ, и семейныя соображенія влекли его въ Англію: онъ былъ увѣренъ, что тамъ ему легче будетъ воспитывать дѣтей своихъ.

Желаніе графа С. Р. Воронцова сбылось: ему дали назначеніе въ Лондонъ, съ тѣмъ же званіемъ полномочнаго министра; но прежде чѣмъ это осуществилось, онъ былъ постигнутъ тяжкимъ семейнымъ несчастіемъ. 25-го Августа 1784 года, лишился онъ горячо-любимой молодой жены, проживъ съ нею только четыре года, въ полномъ супружескомъ счастіи. Она скончалась отъ чахотки, на ру-

---

1783 года (Извлечено изъ бумагъ по сношеніямъ съ Венеціанскою республикою въ Моск. Главн. Архивѣ М. Ин. Дѣлъ).

кахъ мужа, и оставила ему двухъ маленькихъ дѣтей: сына Михаила (будущаго фельдмаршала) и дочь Екатерину. Потеря эта страшно потрясла графа Семена Романовича, который перенесъ вслѣдствіе ея опасную болѣзнь и долго не могъ успокоиться въ своей скорби. Съ тѣхъ поръ всѣ любящіе инстинкты въ немъ сосредоточились на полусиротѣлыхъ дѣтяхъ, и онъ остался вдовцомъ на всю жизнь. Онъ любилъ на своемъ вѣку двухъ только женщинъ: графиню А. М. Строгонову и жену свою, и ему суждено было оплакать безвременную кончину той и другой.

Смерть жены и затѣмъ болѣзнь самого графа С. Р. Воронцова пріостановили его сборы къ переѣзду въ Лондонъ; онъ прибылъ туда только чрезъ одинадцать мѣсяцевъ спустя: 27 Мая (7 Іюня) 1785 года. Съ этого времени началась для него пора той серьезной дѣятельности, которая была достойна его способностей и горячаго желанія быть полезнымъ отечеству [38].

Еще находясь въ Италіи и готовясь перебраться въ Лондонъ, графъ С. Р. Воронцовъ, какъ видно изъ его переписки съ братомъ [39], тщательно обдумывалъ планъ будущихъ своихъ дѣйствій на новомъ поприщѣ и старался начертать себѣ програму оффиціальнаго поведенія въ Англіи, сообразно политическимъ обстоятельствамъ. Ему это казалось тѣмъ необходимѣе, что онъ не могъ разсчитывать на нужныя для себя указанія отъ предшественника своего, И. М. Симолина, такъ какъ тотъ былъ переведенъ въ Парижъ прежде, чѣмъ графъ Воронцовъ успѣлъ заступить его мѣсто въ Лондонѣ.

«Я прибылъ сюда (говоритъ онъ) при обстоятельствахъ самыхъ трудныхъ для человѣка искуснаго и опытнаго въ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе для меня, политическаго новобранца, имѣвшаго отъ роду за 40 лѣтъ: здѣсь была свѣжа память о вооруженномъ нейтралитетѣ, направленномъ прямо противъ этой страны, и Англія искала союза съ Пруссіей, съ которою Россія находилась въ дурныхъ отношеніяхъ [40]. Мнѣ вовсе незнакомо было Англійское государственное устройство, безъ глубокаго знанія котораго здѣсь приходится дѣйствовать въ потемкахъ. Надлежало изучать характеры лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія, а также и тѣхъ, кто могъ занять ихъ мѣста (вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ министерства); нужно было изслѣдовать раз-

---

[38]) Повидимому, стремленіе это было благовременно замѣчено и оцѣнено Екатериною II, если судить по тому обстоятельству, что въ 1785 г., незадолго до отъѣзда графа С. Р. въ Лондонъ, она пожаловала ему Александровскую ленту, въ чемъ, однакожъ, можно предположить и желаніе ея обставить виднѣе своего представителя при правительствѣ великой державы.

[39]) «Воронцовск. Архивъ», т. IX, письмо 16-е, стр. 28—29.

[40]) Между прочимъ, имѣли мѣсто и особенныя причины для сближенія Англіи съ Пруссіей: довольно-пожилой возрастъ Екатерины II, а слѣдовательно, предвидѣвшееся не въ далекомъ будущемъ воцареніе наслѣдника ея, Павла Петровича, котораго симпатіи ко всему Прусскому были общеизвѣстны. (См. 76-е и 77-е письма гр. С. Р. Воронцова къ брату въ IX т. «Воронц. Арх.», стр. 165 и 167).

личныя партіи, которыя, раздѣляя страну, имѣютъ одна на другую взаимное воздѣйствіе. Не смотря на трудности, я приложилъ все стараніе къ изученію кажущагося хаоса, въ основѣ котораго, однакоже, кроется удивительный порядокъ. Я вмѣнилъ себѣ въ обязанность основательно ознакомиться съ этою своеобразною страною, дабы имѣть, при случаѣ, возможность принести пользу моему отечеству, что̀ и дѣйствительно сбылось черезъ шесть лѣтъ послѣ моего пріѣзда».

Первоначальное знакомство съ личностями и партіями, имѣвшими вліяніе на дѣла въ Англіи, облегчено было новому нашему представителю какъ собственными его пріятельскими отношеніями съ Джемсомъ Гаррисомъ (впослѣдствіи лордомъ Мальмсбери), которыя начались еще въ бытность сего послѣдняго посланникомъ при Петербургскомъ дворѣ [41]), такъ и прежними Лондонскими связями графа Александра Романовича съ значительными людьми, какъ наприм. съ отцомъ знаменитаго Питта [42]), съ лордомъ Сиднеемъ (бывшимъ Тоунсономъ) и съ маркизомъ Лоунсдономъ (прежнимъ Шельбурномъ). Въ дальнѣйшемъ изученіи всего, что̀ касалось посланнической службы, гр. Семенъ Романовичъ руководился самостоятельными наблюденіями, слѣдя съ неусыпнымъ вниманіемъ за ходомъ дѣлъ.

Тогдашнія политическія наши отношенія не только съ Великобританіей, но и со многими другими державами, были весьма натянутыя. И въ то время, какъ теперь,—какъ всегда,—у насъ насчитывалось въ Европѣ много враговъ, явныхъ и тайныхъ, готовыхъ на каждомъ шагу подставить ногу Россіи, или совсѣмъ заказать ей пути для поступательнаго движенія. Противъ насъ ретиво строили козни, съ одной стороны Франція, исконная намъ недоброжелательница по дѣламъ Турецкимъ, Польскимъ и Шведскимъ; съ другой—Пруссія, ревнивая и стяжательная сосѣдка, которая злобилась на союзъ нашъ съ Австріею, вѣчною ея соперницею въ Нѣмецко-имперскихъ распряхъ; наконецъ, Англія, готовая мстить Россіи и за систему морскаго вооруженнаго нейтралитета, и за побѣды надъ Турками, а въ особенности за недавнее присоединеніе Крыма, видимо склонялась къ союзу съ Пруссіей, чтобы за-одно съ нею натравливать на насъ Порту и Швецію.

Но до открытой непріязни Англія еще не доходила, когда явился туда графъ С. Р. Воронцовъ. Всмотрѣвшись въ мѣстную борьбу партій, онъ понялъ, что наилучшее средство сдержать враждебное про-

---

[41]) Лордъ Мальмсбёри (Malmesbury), именовавшійся сэромъ Джемсомъ Гаррисомъ (Harris), когда состоялъ Англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ (1778—1782), пользовался большимъ расположеніемъ князя Потемкина и велъ дипломатическую борьбу съ графомъ Н. И Панинымъ, который дѣйствовалъ въ пользу основанія Союза вооруженнаго нейтралитета, обнародованнаго 28-го Февраля 1780 года, къ крайнему неудовольствію Англіи. Воронцовы же были въ антагонизмѣ съ Панинымъ, что̀, по всей вѣроятности, и сближало ихъ съ Гаррисомъ.

[42]) Лордъ Чатамъ Вилліамъ Питтъ Старшій (р. 1708 †1778).

тивъ насъ настроеніе представляется въ постановкѣ на видное мѣсто вопросовъ о комерческихъ интересахъ, обыкновенно перевѣшивающихъ всѣ другіе въ политикѣ всемірныхъ торгашей. Удобный къ этому случай представился ему въ томъ обстоятельствѣ, что тогда оканчивался срокъ заключеннаго въ 1766 г. коммерческаго договора Россіи съ Англіей, весьма прибыльнаго для Британской торговли, по крупнымъ льготамъ, которыми она пользовалась; а такъ какъ возобновленіе подобнаго договора было для Англіи дѣломъ крайне-желательнымъ и заманчивымъ, то графъ С. Р. Воронцовъ старался сдѣлать изъ него какъ-бы исходный пунктъ дипломатическихъ сношеній, поставивъ участь этого дѣла въ зависимость отъ образа дѣйствій Лондонскаго кабинета по другимъ вопросамъ и продливъ насколько возможно обаяніе лакомой приманки. Онъ рѣшился всячески тянуть переговоры о возобновленіи трактата и, притомъ, усложнить ихъ требованіемъ болѣе выгодныхъ для Россіи условій. Расчитывая на силу общественнаго мнѣнія въ Англіи, онъ предложилъ своему правительству отнюдь не спѣшить заключеніемъ новаго договора, но, въ виду непріятнаго для насъ сближенія Великобританіи съ Пруссіей, грозить первой немедленнымъ прекращеніемъ всѣхъ привилегій, коими пользовались у насъ Англійскіе негоціанты, какъ только старый трактатъ отживетъ свой обязательный срокъ [43]). Словомъ, надлежало натянуть чувствительную струну, но такъ, впрочемъ, чтобъ не оборвать ея. Глубокое личное убѣжденіе графа С. Р. Воронцова во взаимной необходимости для обѣихъ державъ сохранять дружественныя между собой отношенія ручалось, что всѣ его усилія будутъ приложены къ этой цѣли; однако успѣшность ихъ вполнѣ зависѣла отъ извѣстнаго направленія дѣятелей Англійскаго правительства, съ которыми приходилось считаться; а это были люди съ дарованіями недюжинными, и въ особенности славный Питтъ [44]). Во главѣ парламентской оппозиціи стоялъ не менѣе знаменитый Фоксъ (1748—1806), имѣвшій великое вліяніе на общественное мнѣніе страны, человѣкъ, котораго возбуждать противъ себя было-бы невыгодно для нашего представителя, но съ которымъ сближеніе не рекомендовалось ему Петербургскими властями. Что касается короля Георга III, преданнаго вполнѣ Пруссіи, то конституціонное его положеніе уровновѣшивало крайности въ личныхъ его взглядахъ и симпатіяхъ, такъ что съ этой стороны не представ-

---

[43]) О привилегированномъ и даже вліятельномъ положеніи въ Россіи Англійскихъ коммерсантовъ въ тогдашнее время, подробности можно найти въ «Запискахъ Сегюра». (См. Русскій переводъ, стр. 63—65).

[44]) Вилліамъ Питтъ-Младшій вступилъ въ министерство съ 1783 г. Р. 1759 † 1806. Обращалъ особенное вниманіе на благоустройство финансовой части, на увеличеніе морскихъ силъ и колоній, ввелъ государственный контроль надъ Остъ-Индскою компаніей и въ 1800 г. присоединилъ Ирландію къ Великобританіи. Впослѣдствіи Питтъ сосредоточилъ всю свою политическую дѣятельность на борьбѣ съ республиканской и Наполеоновской Франціей.

лялось слишкомъ опаснаго противодѣйствія видамъ Русскаго посланника.

У насъ дипломатическою частію завѣдывалъ графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, дружески расположенный къ Воронцовымъ; онъ поддерживалъ представленія графа Семена Романовича. Съ содѣйствіемъ Безбородки, а также и старшаго графа Воронцова, президента Коммерцъ-Коллегіи, осуществлялась мысль объ извѣстномъ направленіи переговоровъ по поводу торговаго трактата, чѣмъ значительно умѣрялся враждебный задоръ Англіи. Графъ С. Р. Воронцовъ, не смотря на всю свою приверженность идеѣ Англо-русскаго союза, вникнувъ въ духъ политической системы Британскаго кабинета, настойчиво совѣтовалъ своему правительству быть несговорчивымъ на всякую уступку Англичанамъ въ завязавшихся переговорахъ. Нашею неподатливостью, твердилъ онъ въ своей частной и оффиціальной перепискѣ, мы всего скорѣе наклонимъ ихъ уладить дѣло во что бы ни стало. И онъ крѣпко держался этого правила, безъ колебаній, безъ околичностей, не пропуская ни одного случая отстаивать затронутые интересы и достоинство отечества и внушая своему правительству энергически требовать удовлетворенія за всякое нарушеніе того или другаго [45]).

Но, умѣя быть твердымъ и настойчивымъ съ людьми, которые орудовали дѣлами въ Англіи, не уступая ни шагу тамъ, гдѣ прямо или косвеннно обнаруживалось малѣйшее посягательство на государственное наше достоинство, графъ Семенъ Романовичъ обладалъ способностью сохранять въ подобной борьбѣ лично-пріятельскія отношенія къ своимъ политическимъ противникамъ. Онъ успѣлъ снискать себѣ высокое уваженіе въ лучшихъ сферахъ Англійскаго общества. Съ самимъ Питтомъ и со многими вліятельными членами Парламента пререканія по государственнымъ и международнымъ вопросамъ не устраняли для Русскаго посланника дружескихъ связей, точно также, какъ политическое разномысліе не повредило ему въ глазахъ короля Георга III, который всегда показывалъ особенное къ нему вниманіе. Ближайшія свои связи графъ С. Р. Воронцовъ преимущественно велъ съ лицами, пользовавшимися расположеніемъ королевскаго дома. Такими были: Стюартъ Меккензи (Mackenzie), канцлеръ Шотландской короны, одинъ изъ преданнѣйшихъ и лучшихъ друзей гр. Воронцова; лордъ Камельфордъ (Camelford), близкій родственникъ Питта; лордъ Доверъ (Dower), прежде-бывшій кавалеръ Іоркъ, другъ короля; леди Пемброкъ (Pembroke), статсъ-дама королевы, съ сыномъ, лордомъ Гербертомъ (Herbert), будущимъ зятемъ графа С. Р. Воронцова; леди Гольдернесъ (Holderness), тоже статсъ-дама, теща герцога Лидскаго (Leeds); лордъ Нортъ (North); маркизъ Кармартенъ (Carmarthen), статсъ-секретарь; графиня Бристольская (Bristol), старинная знакомая обоихъ графовъ Воронцовыхъ; леди Форстеръ (Forster), ея

---

[45]) Наприм., по дѣлу о Русскихъ купеческихъ корабляхъ: «Князь Потемкинъ» и «Иванъ Давидовичъ». См. IX т. «Воронцовскаго архива», письмо 14-е, стр. 52—53).

дочь; герцоги Ричмондъ (Richmond) и Дорсетъ (Dorset), лордъ Мальмсбёри; наконецъ, леди Пайнъ (Payne), бывшая дѣвица Кельбель, Вѣнская уроженка, сторонница оппозиціонной партіи. Нужно замѣтить, что въ Петербургѣ не желали открытаго сближенія графа Воронцова съ этою партіей; но леди Пайнъ была, кажется, единственною въ ней личностью, съ кѣмъ нашъ посланникъ имѣлъ гласное знакомство, начавшееся еще въ Вѣнѣ, въ 1763 году [46]).

Между тѣмъ, дѣла шли своимъ чередомъ. Не достигая со стороны Россіи ни отступленія отъ конвенціи о вооруженномъ нейтралитетѣ, (что̀ пуще всего претило морскому деспотизму Англіи), ни возобновленія коммерческой сдѣлки въ прежнемъ ея смыслѣ, а въ добавокъ, смущаясь слухами о «Греческомъ проэктѣ», задуманномъ Екатериною для возстановленія Византійской имперіи, Англійское правительство принялось усиленно интриговать противъ насъ. Задобренное Пруссаками, которые угодили ему разгромомъ Французской партіи въ Голандіи, оно вступило въ формальный союзъ съ ними (устроившійся въ Лоо), ко вреду Россіи. Союзники эти начали съ того, что подбили на войну съ Россіею сперва Турцію, а потомъ Швецію, чему способствовала и Франція, не смотря на соперничество свое съ Англіей и на финансовое оскудѣніе: первое изъ этихъ обстоятельствъ не умаляло ея интригъ противъ насъ въ Константинополѣ и Стокгольмѣ, а второе не удерживало ея отъ совмѣстнаго участія съ другими въ денежныхъ пособіяхъ королю Шведскому, мечтавшему отвоевать у насъ наши пріобрѣтенія въ Финляндіи. Однако, денежныхъ подачекъ достало ему не надолго для продолженія военныхъ дѣйствій, прекращенныхъ Верельскимъ миромъ (3 Авг. 1790 г.); за то Пруссія успѣла оторвать у Россіи союзницу въ Турецкой войнѣ,—Австрію, побудивъ ее помириться съ Портою отдѣльно. И все таки это не помѣшало Россіи управиться съ Турками, которые, послѣ многихъ блестящихъ побѣдъ нашихъ, вынуждены были искать мира.

(Продолженіе будетъ).

---

[46]) См. 79-е письмо графа С. Р. къ брату своему, въ IX т. «Воронцовск. архива», стр. 171—172.

Письмо графа С. Р. Воронцова къ вице-канцлеру графу Остерману.

Лондонъ, 12 (23) Іюня 1785.

Милостивый государь мой графъ Иванъ Андреевичъ. Получа на прошедшей недѣлѣ отъ графа Румянцова изъ Франкфорта извѣстіе о слухѣ, въ Нѣмецкой землѣ ходящемъ, якобы курфирстъ Гановерской вступилъ въ союзъ съ Берлинскимъ дворомъ противъ Императора, подъ видомъ защищенія правъ Германскихъ, желая вѣдать подлинное сего происшествія, я поѣхалъ къ лорду Кармартену и показалъ ему письмо графа Румянцова, прося, дабы вывелъ меня изъ сумнѣнія, вѣрить или нѣтъ сему увѣдомленію. Я нашелъ его въ нѣкоторой нерѣшимости утверждать или опровергать сіе извѣстіе. Главная его отговорка упиралася на невѣдѣніи дѣлъ Гановерскихъ, для коихъ король имѣетъ здѣсь министра изъ той земли, съ которымъ его величество прямо о тѣхъ дѣлахъ совѣтуетъ и который находится въ совершенной независимости Аглицкаго министерства, такъ что обыкновенно оное о Гановерскихъ дѣлахъ ничего не вѣдаетъ. Но невѣроятно, чтобы и въ семъ важномъ случаѣ король бы рѣшился безъ вѣдома Аглицкаго министерства, почему и должно думать, что статскій секретарь не смѣлъ открыться въ семъ новомъ по Нѣмецкимъ дѣламъ союзѣ, который, я однакожъ надѣюсь, что еще не совершился, не смотря на извѣстную къ оному Гановерскаго совѣта наклонность и что правители той земли столько же привязаны къ королю Прускому, какъ ненавидятъ Императора.

Изъ писемъ графа С. Р. Воронцова къ графу А. А. Безбородкѣ.

Эти письма, равно какъ и предъидущее, печатаются съ подлинниковъ, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, между бумагами по сношеніямъ Россіи съ Венеціею и Англіею. Они служатъ важнѣйшимъ дополненіемъ къ бумагамъ, напечатаннымъ въ „Архивѣ Князя Воронцова". Сохраняемъ нѣкоторыя особенности правописанія. П. Б.

А. Письма изъ Венеціи.

1.

Венеція, 6 (17) Генваря 1784 (въ цифрахъ).

Я долгомъ моимъ почитаю примѣтить вамъ, что хотя мнѣ съ женою и дѣтьми никакъ нельзя съ малымъ моимъ достаткомъ жить порядочно, не входя въ долги и слѣдовательно не раззорить себя, однакожъ то жалованье, кое Государыня мнѣ здѣсь опредѣлила, напрасно терять изволитъ, по меньшей мѣрѣ

половину онаго: ибо тою можно здѣсь содержать резидента. Дѣлъ здѣсь нѣтъ и быть не можетъ, поелику весь секретъ сего правленія, какъ оно его питаитъ, состоитъ въ томъ, чтобъ дѣлать все въ угодность двору Вѣнскому и ни въ чемъ не отказывать, чего бы оный ни потребовалъ. И такъ, на случай войны съ Турками и по другимъ какимъ либо дѣламъ, будучи въ союзѣ съ Императоромъ [1]), мы посредствомъ его во всѣхъ нашихъ желаніяхъ здѣсь всегда успѣемъ.

Я занимаюсь нынѣ собраніемъ разныхъ вѣдомостей, относящихся до числа жителей во владѣніяхъ сей республики, до ея доходовъ, долговъ, расходовъ, войска сухопутнаго и флота. Хотя сіе трудно, однакожъ не отчаяваюсь въ ономъ предуспѣть.

2.

Венеція, 6 (17) Генваря 1784.

Написавъ къ вамъ сего дня предлинное письмо въ шифрахъ, я еще васъ и простымъ слогомъ обезпокоить долженъ, сообщая вамъ письмо довольно любопытное, что я получилъ отъ Моценига [2]) о пребываніи короля Шведскаго въ Тосканѣ. Кавалеръ Псаро, оправившись отъ претяжкой болѣзни, на сихъ дняхъ отселѣ къ своему мѣсту отправляется. Тесть мой Алексѣй Наумовичъ увѣдомилъ меня о поданіи имъ чрезъ васъ просьбы къ Государынѣ, прося меня, дабы я за него предъ вами предстательствовалъ. Кромѣ ближняго свойства я обязанъ съ нимъ дружбою, то вслѣдствіе той, что вы мнѣ всегда оказывали, вы простите мнѣ конечно, что я, въ надеждѣ оной, прошу васъ помочь ему, поколику сіе отъ васъ зависѣть будетъ. Жена моя вамъ кланяется. Прошу засвидѣтельствовать мой поклонъ Николаю Александровичу [3]), поздравя его съ обнародованіемъ своей тайны, которую я однакожъ видѣлъ, но изъ скромности никогда ему не отзывался, хотя не понималъ, зачѣмъ онъ таитъ бракъ съ милою и прекрасною женщиною. Будетъ ли то время, чтобъ я и васъ могъ съ тѣмъ же поздравить? Вамъ токмо сіе и недостаетъ теперь, и по себѣ знаю, что нѣтъ состоянія счастливѣе какъ мужа, которой живетъ хорошо съ своею женою. Желаю видѣть васъ въ такомъ же положеніи. Между тѣмъ живите счастливо и весело и не позабывайте отсутствующихъ, кои васъ искренно любятъ. Я столько имѣю причинъ быть довольнымъ Григоріемъ Леонтіевичемъ Брайко, что мнѣ весьма прискорбно будетъ съ нимъ разстаться [4]). Затѣмъ прошу васъ сдѣлать мнѣ дѣйствительное одолженіе не разлучать меня, естьли меня переведутъ въ другое мѣсто. Какъ онъ по именному указу опредѣленъ въ Венецію, то Колегія перевести его не можетъ; затѣмъ-то и прошу васъ: вы одни мнѣ можете помочь въ семъ дѣлѣ, которое мнѣ весьма нужно и коимъ меня паче всего обяжете.

---

[1]) Т. е. съ императоромъ Германскимъ, Іосифомъ II-мъ.

[2]) См. выше, примѣч. 37-е и Записку графа Воронцова о графѣ Моценигѣ въ 12-й тетради Р. Архива 1878 г. Въ нижеслѣдующемъ письмѣ графъ Моцениго писалъ про Густава III-го, который не задолго передъ тѣмъ видѣлся съ Екатериною въ Фридрихсгамѣ.

[3]) Львову, свояку Державина, человѣку очень близкому къ Безбородкѣ.

[4]) Желаніе графа Воронцова относительно Брайка не исполнилось. Брайко, еще 1772 году, напечаталъ въ Спб. свой переводъ изъ Бюшинговой географіи: „Королевство Аглинское".

ВЫПИСКА ИЗЪ ПИСЬМА ГРАФА МОЦЕНИГИ О КОРОЛѢ ШВЕДСКОМЪ.

Pise, 21 Décembre 1783 (1 Janvier 1784).

Le premier soir de son arrivée il n'a su pas se cacher. Il se plaignait auprès du Grand-Duc [5]) de son entrevue avec l'Impératrice, et deux jours après à table il répliqua ses plaintes et marqua son mécontentement. Un soir, à la conversation, le roi, étant avec le marquis Hautefort, m'aborda et me demanda, si j'avais des nouvelles du voyage de mons. Bobrinskoy, quelle est sa suite, si j'avais des ordres, et ayant répondu que je n'en savais rien, mr. le marquis demanda quel personnage il était. J'ai répondu que c'est un seigneur russe. Le roi me regarda fixe entre les yeux et ne voyant de ma part aucun signe ajouta que c'est un seigneur, dont on avait soigné l'éducation, et donna un coup de coude au marquis qui s'éloigna de moi. Il fut instruit dans le moment par le roi et répandit aussitôt la nouvelle dans la ville.

3.

Венеція, 20 (31) Генваря 1784.

Г. Псаро, послѣ продолжительной своей болѣзни, вчера отправился къ своему мѣсту. Я въ бытность его здѣсь, видя его почти ежедневно, нашелъ въ немъ человѣка весьма усерднаго къ Россіи, преданнаго Государынѣ и наполненнаго чувствами благодарности къ своимъ благодѣтелямъ, между коими главнѣйшимъ онъ васъ почитаетъ. Онъ проворенъ и способенъ къ службѣ Имперіи. Я видѣлъ отличную довѣренность, кою Греки къ нему имѣютъ. Они, какъ здѣшніе, такъ и пріѣзжающіе изъ острововъ Турецкихъ, всѣ почитаютъ его оракуломъ, и онъ ими ворочаетъ, какъ хочетъ. Онъ не пропускалъ ни малѣйшаго случая, чтобы не вперять въ нихъ преданности къ Россіи, употребляя къ тому разные способы, толкуя имъ виды, кои Государыня имѣетъ въ заведеніи Греческаго корпуса, воспитаніе Константина Павловича и самое приближеніе къ Греціи завладѣніемъ Крыма, какъ средства для избавленія Грековъ и для будущаго ихъ благополучія. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ изъ нихъ отважился укорять Россію несчастіемъ бѣдныхъ Мореотовъ, пострадавшихъ и раззоренныхъ до основанія. Онъ въ жару на сіе ему сказалъ: «Потеря нѣсколькихъ тысячъ ничего не значитъ; пусть половина Грековъ погибнетъ, лишь бы другая научилась, возмужала и прославилась, отброся иго Турецкое. Петръ Первый жертвовалъ нѣсколько сотъ тысячъ Русскихъ, дабы возвысить и просвѣтить свое отечество. Не считайте и вы безъ бѣды искупить себя изъ порабощенія». Сіе убѣдило упрекающаго и наполнило жаромъ усердія къ Россіи. Онъ отвсюду изъ Греціи имѣетъ извѣстія, знаетъ всѣ мѣста оной, и мнѣ кажется, можно его употребить съ большею пользою, естьли для переду есть какія у насъ намѣренія. При отъѣздѣ своемъ онъ мнѣ сказалъ, что естьли Государыня поѣдетъ въ Херсонъ, то онъ бы желалъ, чтобъ вы ему исходатайствовали дозволеніе отъ поста и къ вамъ пріѣхать. Лѣтомъ изъ Мальты онъ въ двѣ недѣли можетъ быть въ Тріестѣ, а оттоль въ Херсонъ тоже въ пятнадцать дней. У него есть два проекта, кои онъ мнѣ объяснялъ и кои онъ хочетъ вамъ сообщить. Сіи заслуживаютъ ваше вниманіе, поелику могутъ быть полезны службѣ. Описывать ихъ издали не такъ ловко и способно, какъ изустно онъ вамъ ихъ представитъ.

---

5) Говорится про герцога Тосканскаго Леопольда, брата императору Іосифу II-му.

4.

Венеція, 24 Января (4 Февраля) 1784.

Поздравляю васъ и радуюсь съ вами о счастливой развязкѣ дѣлъ Крымскихъ. Славно для Государыни, что для совершеннаго обезпеченія полуденныхъ своихъ границъ пріобрѣла въ миру то, что послѣ непрерывныхъ побѣдъ Кайпарджицкимъ замиреніемъ ей пріобрѣсти было не можно. Турки продлили бы тогда войну и не согласились бы на уступку Крыма; да и теперь, хотябъ у нихъ и не было силъ отнять сей полуостровъ, однакожъ безъ войны отъ онаго бы не отступились, естьли бы Императоръ не оказалъ себя толь вѣрнымъ нашимъ союзникомъ. Я вижу въ немъ человѣка, который, вооруженіями и издержками своими, избавилъ насъ отъ издержекъ, рекрутъ и чумы, коя за Турецкими войсками всегда слѣдовала вкупѣ со славою побѣдъ нашихъ, теряющихъ за тѣмъ всю цѣну, имѣвъ такихъ себѣ сопутниковъ. Поведеніе Императора не умаляетъ, но увеличиваетъ наипаче славу Императрицы нашей: должно ей быть весьма великою Государынею, когда наиглавнѣйшія державы въ свѣтѣ ищутъ съ толикимъ тщаніемъ и такими жертвами ея союза. Сей подвигъ Вѣнскаго двора долженъ убѣдить самыхъ пристрастныхъ къ покойной Сѣверной и Пруской системѣ, что нынѣшняя полезнѣе оной. Я уповаю, что сія новая наипаче укрѣпляться станетъ, и что въ подобномъ нашему случаѣ мы Императору подобнымъ же образомъ учинимъ воздаяніе [6]). Твердое согласіе сихъ двухъ дворовъ, въ сильномъ и цвѣтущемъ ихъ нынѣ состояніи, достаточно, чтобъ, не боясь никого, страшить всѣхъ сопротивныхъ.

Мнѣ кажется, что поведеніе г. Булгакова много такожде помогло счастливой развязкѣ дѣлъ Татарскихъ: благоразумная его отвага не подать Турецкому министерству, какъ ему приказано было, формальнаго сообщенія о занятіи земель Татарскихъ, была причиною, что симъ замедленіемъ Императоръ имѣлъ время наполнить Венгерскія границы войскомъ и устрашить Порту. Франція, не могшая вырвать изъ рукъ нашихъ Крыма и опасаясь другихъ пріобрѣтеніевъ, имѣла время совѣтовать миръ Дивану, и оный успѣлъ приготовить народъ и духовенство къ покойному взиранію нашего толь страшнаго для Турокъ завладѣнія. Но естьли бъ тогда не замедля г-нъ Булгаковъ подалъ свой меморіалъ Портѣ, тогда бъ оная, противу воли своей, опасаясь улемовъ и народа, принуждена бы была зачать войну, отъ которой мы теперь толь выгодно отдѣлались. Прощайте, милостивый государь мой; простите мнѣ мое болтаніе, какъ слѣдствіе праздности, въ которой я нахожусь. Живите здорово и весело.

5.

Венеція, 5 (16) Іюня 1784.

Свѣдавъ партикулярно, что преемникомъ мнѣ назначенъ г. Криднеръ, совершенно жалѣю о семъ. Здѣсь должно быть министру нашего закона, въ разсужденіи слѣпой, можно почти сказать, къ намъ Славянъ и Грековъ преданности, которую я на самомъ дѣлѣ испыталъ. Сихъ людей Россійской министръ можетъ употреблять какъ собственныхъ Ея И. В—ва, и столь надежно, что здѣшнее правленіе никоимъ образомъ о томъ узнать не въ состояніи.

---

[6]) Изъ дальнѣйшихъ писемъ читатели увидятъ, какъ твердо отстаивала Екатерина своего вѣрнаго союзника.

Къ нему они конечно, яко человѣку не ихъ закона, не будутъ имѣть никакой довѣренности. Славяне особливо (по неразумѣнію Греческаго языка), ходя всегда въ министерскую церковь, безспорно все сообщать могутъ. Сію, мнѣ кажется, не надобно отсюда и трогать. Содержаніе оной двору не болѣе триста рублей можетъ стоить, но польза отъ нея велика всегда будетъ. Министромъ нашимъ Лютеранскаго закона одно здѣшнее правленіе будетъ довольно, зная, сколь подданные его, нашего закона, могутъ его чуждаться.

6.

Венеція, 26 Іюня (7 Іюля) 1784.

Прокураторы Св. Марка Тронъ и Морозини, сильные поборники по Греческой церкви противу насильства Римской, дали мнѣ знать, чтобъ, при подачѣ моей рекредитивы, я упомянулъ отъ имени Государыни, сколь она желаетъ видѣть спокойствіе и духовную независимость ея единовѣрцевъ. Я сіе тѣмъ охотнѣе исполняю, что оно сходно съ моею инструкціею. Они еще прибавили къ сему, что нужно, дабы имъ было на что упереться противу суевѣрныхъ и преданныхъ Римскому двору сенаторовъ, чтобъ Е. И. В. сама или чрезъ министерство сказала тоже самое наисильнѣйшимъ образомъ пребывающему въ С-бургѣ г. Фоскари. Я съ удивленіемъ и радостью вижу, что важнѣйшіе члены толь недовѣрчиваго правленія сами неосторожно предлагаютъ намъ способъ привязывать къ себѣ нѣсколько сотъ тысячъ своихъ подданныхъ. Я для церкви нанялъ домъ. Утварь вся оной уже привезена, только что иконостасъ не сдѣланъ. Тысячу рублей довольно, чтобъ сдѣлать сей пристойнымъ образомъ. Дѣло сіе поручите г. Брайку: онъ его исправитъ весьма порядочно. Все сіе неотмѣнно нужно для будущихъ дѣлъ съ Турками. Занявъ у Грековъ нѣсколько образо́въ, я сдѣлалъ было церковь въ прошедшій великій постъ въ одномъ покоѣ моего дома, къ обѣднѣ, въ которую ходили Греки и Славяне. Священникъ нашъ знаетъ совершенно погречески и, будучи весьма честнаго и скромнаго поведенія, заслуживалъ любовь и почтеніе отъ всѣхъ нашъ законъ исповѣдующихъ.

Б. Письма изъ Лондона.

1.

Лондонъ, 24 Іюня (5 Іюля) 1785 г.

Господинъ Питъ, отзываясь со многими, что, зная большую связь, которая была между покойнымъ его отцемъ и моимъ братомъ, желаетъ со мною короче познакомиться, просилъ лорда Кармартена, чтобы онъ доставилъ ему случай обѣдать со мною въ самомъ маломъ обществѣ, что̀ и учинилось на прошлой недѣлѣ въ домѣ сего лорда, гдѣ насъ было только четыре: хозяинъ, господинъ Питъ, Гарисъ и я. Я не могу вамъ довольно описать мое удивленіе, видя перваго министра, управляющаго Совѣтомъ и Парламентомъ, коему еще 26 лѣтъ не минуло, который столь простъ въ обхожденіи, столько же учтивъ и невѣроятно скроменъ въ бесѣдѣ, какъ ярокъ и твердъ въ Нижней Каморѣ, которую водитъ, какъ хочетъ. Послѣ стола рѣчь завелась нечувствительно о дѣлахъ политическихъ, и слѣдов. о промѣнѣ Нидерландовъ, который всю націю здѣсь тревожитъ [1]). Я увѣрялъ, что о семъ промѣнѣ все уже кончено и что оному

---

1) Т. е. о намѣреніи Іосифа II-го промѣнять Нидерланды на Баварію. Тогдашнія Европейскія сопряженія подробно разъяснены въ превосходной книгѣ г. Трачевскаго: „Союзъ Князей".

не бывать, кой часъ наслѣдникъ Баварской на то не согласился, подтверждая мои увѣренія прочтеніемъ хозяину сообщеннаго мнѣ циркулярнаго письма графа Остермана обрѣтающимся нашимъ въ Германіи министрамъ, что́, кажется, его и другихъ двухъ собесѣдниковъ довольно успокоило. Но какъ рѣчь продолжалась о семъ промѣнѣ, я отъ себя имъ примѣтилъ, что, какъ извѣстно, что Франція болѣе всѣхъ оному противилась, надо думать, что сіе было бы ей вредно, а что́ ей можетъ быть вредно, то слѣдовательно должно быть полезно Англіи. Г-нъ Питъ отвѣчалъ мнѣ, съ превеликою скромностью и прося извиненія, что хотя сіе общее правило справедливымъ находитъ, однакожъ есть исключеніе, которое не позволяетъ ему со мною въ семъ случаѣ быть согласнымъ. Въ объясненіе сего исключенія онъ продолжалъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ. «Герцогъ Цвейбрикской [2]), получа Нидерланды смежные со Франціею, будетъ еще болѣе отъ нея зависимъ, нежели какъ былъ по сіе время. По внутренней своей къ ней привязанности, онъ будетъ издавать отъ имени своего и для своихъ земель сочиненные въ Версали тарифы, и въ мирное время разорять будетъ оными Аглицкую торговлю, на коей основана вся сила оной, а въ военное время, какъ и въ нынѣшнемъ положеніи Голандіи, Англія, зачиная отъ мыса Финистера до Категата, во всемъ пространствѣ сихъ береговъ, будетъ имѣть непріятельскіе порты, изъ коихъ тучами налетать станутъ каперы, разоряющіе здѣшнюю торговлю; что Императоръ, хотя бы былъ тогда противу Франціи, не въ состояніи будетъ помѣшать тому, что́ Англію разорятъ, а потому на промѣнъ сихъ земель никакъ здѣсь согласиться неможно; что онъ той системы, чтобъ быть въ дружбѣ съ Россіею, потомъ съ Императоромъ, и что должно ему помогать всѣми силами, когда онъ на счетъ Франціи или гдѣ въ другомъ мѣстѣ противу воли оной захочетъ увеличиться; но пока онъ съ нею въ столь тѣсной дружбѣ, здѣсь должно его остерегаться, особливо когда онъ такъ съ презрѣніемъ съ Англіею поступаетъ».—Я оборонялъ, сколько можно, Вѣнскій дворъ, относя на привязанность Гановера къ королю Прускому холодность, кою Императоръ къ Англіи имѣетъ, что хотя они здѣсь отличаютъ интересы Гановерскіе отъ Аглинскихъ, въ Вѣнѣ конечно трудно понять сіе метафизическое вмѣщеніе двухъ волей въ одной особѣ, которая, какъ король Аглицкой, доброжелательствуетъ Императору, а какъ курфирстъ дѣлаетъ ему всякія непріязни.

Сіе свиданіе кончилось большими ласками ко мнѣ отъ г-на Пита и сильными увѣреніями желанія его видѣть наши отечества всегда въ согласіи.

2.

Лондонъ, 7 (18) Іюля 1785.

Когда нашъ дворъ рѣшился овладѣть Крымомъ, Французскій посолъ имѣлъ повелѣніе склонять Англію на согласіе и содѣйствіе съ Франціею противъ обоихъ дворовъ императорскихъ, кои, какъ онъ увѣрялъ, хотятъ раздѣлить по себѣ всю Европейскую Турецію. Говоря о семъ съ г. Фоксомъ, бывшимъ тогда статскимъ секретаремъ, получилъ [3]) въ отвѣтъ, что Англія ни въ какія

---

[2]) Наслѣдникъ бездѣтнаго Баварскаго курфирста.

[3]) Т. е. получилъ Французскій посолъ, графъ Адемаръ.

ни съ кѣмъ противу Россіи обязательства не вступитъ. Посолъ настоялъ, чтобы онъ доложилъ о семъ королю. Статскій секретарь отвѣчалъ ему, что онъ то учинитъ и скажетъ ему тотъ же отвѣтъ что̀ получилъ теперь: ибо король и Совѣтъ съ нимъ одного мнѣнія, что̀ дѣйствительно и учинилось. Не смотря на сіе, посолъ часто приступалъ къ г. Фоксу о семъ дѣлѣ и въ томъ же самомъ видѣ; но тотъ слышать и отвѣчать отрекся, ссылаясь на прежній свой отвѣтъ рѣшительной, что̀ такъ огорчило графа Адемара, что, потерявъ всю скромность, жаловался и бранилъ всегда статскаго-секретаря и послѣ явно превозносилъ г. Пита, когда онъ вошелъ въ министерство. Но удовольствіе его недолго продолжалось. Какъ начались дѣла между Императоромъ и Голандцами, онъ имѣлъ повелѣніе отъ двора своего пригласить Англію на сопротивленіе Вѣнскаго двора предпріятіямъ и напомнить здѣшнему министерству торжественныя здѣшней земли обязательства о сохраненіи Соединенныхъ Провинціевъ и какъ возвращеніе торговли въ рѣку Скельду подорветъ Аглицкую. Маркизъ Кармартенъ, донося сіе въ Совѣтъ, нашелъ оный въ нерѣшимости, и многіе изъ онаго, слѣдуя застарѣлымъ предубѣжденіямъ, наклонны были подкрѣпить Голанцевъ; но г. Питъ, вставши, съ превеликимъ жаромъ говорилъ долго, съ силою и краснорѣчіемъ, болѣе еще обыкновеннаго, противъ Французскаго предложенія, утверждая, что Голандія есть теперь Французская провинція, что усиленіе Императора въ Нидерландахъ полезно Англіи, что никогда не должно слѣдовать Версальскимъ внушеніямъ, кои всегда пагубны Англіи; что Франція опаснѣе для здѣшней земли своими негоціаціями во время мира, нежели своими хлопотами во время войны. Сказываютъ, что, говоря сію рѣчь, всѣмъ казалось слышать покойнаго отца его; ибо выраженія оной были наисильнѣйшія. И кончилъ тѣмъ, что онъ никогда не согласится на содѣйствіе съ Голанцами противу Императора и въ угожденіе Франціи. Какъ тайна не всегда хранится о дѣлахъ въ Совѣтѣ разсуждаемыхъ, то графъ Адемаръ огорчился на г. Пита и жаловался всѣмъ о его неблагодарности, которая основана была на томъ, что г. Пита самъ король Французской и все тамошнее министерство отмѣнно ласкали, когда онъ, уѣхавъ изъ Англіи (чтобы не принять министерства, которое тогда на него навязывали) былъ нѣсколько дней въ Фонтенебло.

Мнѣ кажется, что Англичане недовольны поступкомъ Гановерцовъ. За долгъ почитаю увѣдомить васъ, что баронъ Альвенслебенъ, управляющій министръ дѣлами Гановерскими, съ коимъ единымъ король о Нѣмецкихъ дѣлахъ совѣтуетъ, есть подданный короля Прускаго, будучи изъ земли Магдебургской; что племянникъ и наслѣдникъ его находится теперь Прускимъ министромъ въ Саксоніи, изъ чего ваше сіятельство можете легко понять, въ какихъ рукахъ курфирстъ [1]) Гановерскій находится.

Я свѣдалъ отъ вѣрной особы, что король Пруской писалъ письмо къ здѣшнему, ласкaя его несказанно и уговаривая, дабы, какъ курфирстъ, вступился бы на защищеніе упадающей Германской вольности. Здѣсь находится нѣкто баронъ Секендорфъ, который живетъ будто для окончанія счетовъ по субсидіямъ маркграфа Аншпахскаго, а въ самомъ дѣлѣ интригуетъ за короля Прускаго разными каналами, а не чрезъ Аглицкое министерство.

---

[1]) Т. е. тотъ же король Англійскій Георгъ III-й.

3.

Лондонъ, 8 (19) Августа 1785.

Соображая всѣ трудности отвлечь короля отъ заключеннаго уже можетъ быть (какъ я подозрѣвалъ) за Гановеръ въ Берлинѣ трактата, зная его упрямство, вѣдая пристрастіе королевы къ Прусіи, а паче всего ненависть короля къ Императору, которая потушила ту, что долго имѣлъ къ королю Прускому, и наконецъ, какъ мужъ и жена водимы подъ рукою Нѣмцами, преданными Берлину, рѣшился я прибѣгнуть, не откладывая нимало, къ Питу, съ которымъ, какъ вы знаете, я имѣлъ счастіе познакомиться и пріучить его слушать представленія о дѣлахъ политическихъ, въ кои доселева онъ не вмѣшивался, да и теперь не имѣетъ охоты оными упражняться, скольбы надлежало для благополучія Англіи. Онъ тогда за два дни токмо какъ отъѣхалъ въ деревню, 140 миль отсель отстоящую, къ матери своей, которая была больна при смерти. Я отправилъ къ нему въ туже ночь курьеромъ Погенполя съ письмомъ и сообщилъ ему при ономъ копію съ выписки, что сдѣлалъ для лорда Кармартена. На другой день, поѣхавъ къ статскому секретарю [5]), прочелъ я ему оную. Зная, сколь на Императора здѣсь всѣ досадуютъ и полагаютъ, что онъ всячески Государыню отъ Англіи будто бы отвести старается, будучи ослѣпленъ Франціею, я изобразилъ единственнымъ числомъ что въ письмѣ вице-канцлера было во множественномъ, отнеся на едину Императрицу то, что они бы здѣсь протолковали на оба двора императорскіе, и какъ они Вѣнской никакъ другомъ сей земли не почитаютъ и не надѣются ни на какія именемъ его обѣщанія, то моя выписка была бы безъ дѣйствія. Я окончилъ оную сильнымъ выраженіемъ, дабы принудить Аглицкое министерство напасть на короля за его поспѣшность Гановерскую и изъявилъ именно, что сію-то Гановерскую съ Берлиномъ связь надо рушить: ибо они здѣсь думаютъ оправдаться, говоря, что все сіе не есть Аглицкое дѣло и что сія земля за курфирста не отвѣчаетъ; а я, вопреки имъ, всегда доказывалъ, что пока курфирстъ и король нераздѣльно во единой особѣ находятся, то кто сердитъ на перваго, досаду дѣлитъ и на втораго и не можетъ быть друженъ съ землею, которою онъ управляетъ. Прочтя ему мою выписку, я напомнилъ ему мои предвѣщанія. Я нашелъ его въ изумленіи и въ огорченіи; ибо я долженъ признать, что онъ усердствуетъ дружбѣ нашихъ отечествъ. А при томъ примѣтилъ я, что онъ сіе дѣло еще не понимаетъ, ибо покушался меня увѣрять, что сіе не мѣшаетъ Россіи быть въ дружбѣ съ Англіей; но я прервалъ праздныя сіи разсужденія, сказавъ, что дѣло идетъ токмо о томъ, чтобы совѣтъ королевскій рѣшилъ, что полезнѣе для Англіи: дружба Гановера съ Берлиномъ или Петербурга съ Лондономъ, что первая опровергаетъ до основанія вторую и чтобъ онъ подумалъ съ товарищами своими въ правленіи, какія вредныя могутъ быть слѣдствія, естьли Нѣмецкіе интересы превозмогутъ въ семъ случаѣ Аглицкіе. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что всѣ почти соучастники правленія разъѣхались по дальнимъ деревнямъ, что по нихъ по всѣхъ пошлютъ, а паче по г-нъ Пита, безъ коего ничего дѣлать не можно.

---

[5]) Т. е. лорду Кармартену.

Потомъ, поѣхавъ къ лорду Сиднею, статскому секретарю внутренняго департамента и сообща ему полученныя мною повелѣнія, сказалъ я, что уповаю, что онъ окажетъ въ Совѣтѣ туже твердость въ защиту пользы Англіи, которую онъ всегда къ славѣ своей и на пользу своего отечества въ парламентахъ оказывалъ; что онъ соучастникъ Совѣта, на который падетъ вся ненависть народная, когда Англія, въ противность явной своей выгодѣ, отдалится отъ Россіи.

Ввечеру того же дня былъ я у канцлера и сообщилъ оному, что̀ дворъ нашъ отъ здѣшняго желаетъ, войдя при томъ во всѣ подробности нашей торговой и политической связи, отъ первой изъ коихъ сколь видимо сія земля пользуется и какую отъ другой можетъ имѣть сильную подпору. Я нашелъ, что онъ лучше первыхъ двухъ министровъ понялъ важность сего дѣла.

Со всѣмъ тѣмъ я началъ отчаяваться о удачѣ; ибо, получая со всѣхъ и вѣрныхъ сторонъ доказательства, какъ король окруженъ въ приватной своей жизни людьми совершенно преданными королю Прускому и зная, какъ онъ сильно упрямъ въ своихъ мнѣніяхъ, нельзя мнѣ было вѣрить, чтобъ Совѣтъ могъ его принудить въ дѣлѣ, которое онъ Нѣмецкимъ, а не Аглицкимъ почитаетъ. Чрезъ девять дней я наипаче въ томъ увѣрился, когда г-нъ Питъ, возвратясь въ городъ, просилъ меня запискою къ нему пріѣхать и когда въ два цѣлые часа, что̀ мы вмѣстѣ были, нашелъ я его въ непритворномъ огорченіи и видѣлъ, что изъ благопристойности не упоминалъ онъ о упрямствѣ своего государя, но изъявлялъ мнѣ токмо, какъ трудно королю представить о нарушеніи трактата, котораго еще чернилы почти не засохли и который при томъ не подъ Аглицкимъ видомъ сдѣланъ. Тутъ я узналъ, что сей трактатъ уже совершился. Мы разстались съ условіемъ имѣть еще свиданіе прежде министеріальнаго отвѣта, что̀ получу я отъ маркиза Кармартена.

На другой день, т. е. вчерась, увидясь съ симъ послѣднимъ (ибо былъ день конференціи, который чрезъ двѣ недѣли по Четвергамъ бываетъ), я нашелъ его въ великомъ замѣшательствѣ. Я ему чистосердечно сказалъ, что никакъ не понимаю смысла его выраженіевъ, что прошу, дабы вновь истолковалъ бы мнѣ яснѣе, а что между тѣмъ буду записывать его рѣчи. Онъ, согласясь на то, разъ пять принимался диктовать мнѣ и не доконча зачиналъ опять новымъ образомъ. Наконецъ, надиктовалъ мнѣ малыя строчки, кои для любопытства вамъ посылаю. Видя, что онъ, оконча ихъ, пересталъ говорить, сказалъ я ему искренно, какъ человѣку, съ коимъ привыкъ обходиться откровенно, что я сію записку за отвѣтъ не примаю, что вижу его смущеніе и прошу его сдѣлать другую, изображающую отвѣтъ его государя на предложеніе что̀ я сдѣлалъ по повелѣнію Императрицы и надѣюсь, что онъ его сдѣлаетъ сходственно съ уваженіемъ, которое заслуживаетъ сія вопрошающая великая Государыня; что, имѣя въ тотъ же день у него обѣдать, я уповаю, что дастъ ввечеру сію отповѣдь.

Въ тотъ же день было во дворцѣ собраніе и, нашедъ г-нъ Пита, я разсказалъ ему что̀ у меня съ Кармартеномъ происходило. Онъ мнѣ сказалъ, что надѣется на правосудіе Государыни, что не вмѣститъ въ единый видъ двѣ земли и два народа, кои никакого между собою сношенія не имѣютъ кромѣ того, что имѣютъ единаго начальника, но что Гановеръ никогда Англію за собою не потащитъ. Я примѣтилъ, что онъ взялъ маркиза Кармартена на сторону и говорилъ съ нимъ долго. Обѣдавъ потомъ у сего статскаго секретаря, нашелъ я его спокойнѣе. Ввечеру онъ мнѣ вручилъ записку.

Неудача произошла отъ огорченія, что́ король имѣетъ на Императора, отъ малаго увѣренія, что́ и мы къ сему двору имѣли: ибо они жалуются, что съ ними ни въ чемъ не содѣйствуемъ. Совсѣмъ тѣмъ я думаю, что естьли бы я могъ получить прежде повелѣніе, которое до меня дошло, когда уже все сдѣлано, Берлинское условіе могло даже еще быть остановлено Англичанами; ибо, не имѣвъ повелѣнія, говорилъ я самъ собою, и мнѣ не вѣрили, чтобъ сіе было Государынѣ такъ противно; а между тѣмъ Нѣмцы короля затащили въ сѣти, коихъ онъ не видитъ и въ коихъ онъ теперь упрямствуетъ. Королева весьма набожна, окружена Нѣмецкими пасторами, кои выдаютъ себя за ученыхъ, а сихъ двухъ состояніевъ люди во всей Нѣмецкой землѣ фанатики суть хитраго Фредерика, который, пренебрегая законъ и духовныхъ, дурача непрестанно Германскихъ педантовъ, нашелъ однакожъ уловку увѣрить ихъ всѣхъ, что онъ одинъ ихъ покровитель. Таже королева имѣетъ при себѣ въ чинѣ чтеца нѣкоего ученаго человѣка, именемъ Deluc, родомъ изъ Женевы и коего весьма любитъ. Онъ писалъ о натуральной исторіи, и король Пруской, не читая конечно его сочиненія, написалъ ему превыхваляющее письмо, которое ему свернуло голову, какъ и покойному Даламберу, который съ тѣмъ умеръ, что нѣтъ государя добродѣтельнѣе, какъ король Пруской. Она еще имѣетъ одну женщину именемъ Швалембергъ, которую весьма горячо любитъ и другомъ себѣ почитаетъ. Сія, будучи Нѣмка и Протестантской вѣры, предана совсѣмъ королю Прускому. У сей-то ежедневно бываетъ сборище всѣхъ вышеозначенныхъ поборниковъ Прусіи. Тутъ, сверхъ того, стекаются разные скрытные Берлинскаго двора агенты, между коими баронъ Секендорфъ есть главный и который теперь, по просьбѣ королевы, выписалъ сюда жену свою изъ Германіи, что́ доказываетъ его намѣреніе долго здѣсь остаться. На сихъ собраніяхъ ежедневно также бываетъ сама королева и отъ сего сообщества не чувствительно сдѣлалась Прусачкою; а какъ она съ нѣкоего времени, хотя въ тайнѣ, но несумнѣнно пріобрѣтаетъ великую власть надъ своимъ супругомъ, то и не дивно, что онъ перемѣнился. Король Пруской, какъ самъ, такъ и черезъ разныхъ Нѣмецкихъ князей, насылаетъ сюда выдуманныя извѣстія, яко бы Императоръ съ Государынею и королемъ Французскимъ въ тайнѣ согласны на нѣкоторыя важныя перемѣны въ Германіи; потомъ писалъ самъ къ королю Аглицкому весьма лестное письмо, дабы спасъ Германію, аки членъ оной, отъ угрожающаго ей порабощенія. Гановерцы непрестанно ему твердятъ, что онъ одинъ можетъ своимъ примѣромъ ободрить прочихъ къ сопротивленію. Однимъ словомъ, ослѣпили его и заразили столь сильно его честолюбіе, что онъ мысленно уподобляетъ себя Вильгельму Третьему, который былъ глава и духъ Аугсбурской конфедераціи въ прошломъ столѣтіи противъ надмѣрнаго короля Французскаго. Такъ онъ думаетъ быть противъ Императора, не подозрѣвая, что первую роль играетъ король Пруской, и онъ токмо его послѣдователь вкупѣ съ разными мелкими Нѣмецкими князьками.

Теперь осталось мнѣ показать вамъ способы, коими вся Аглицкая нація, вознегодовавъ на короля и министерство, принудила бы оное принудить короля къ разрушенію связи намъ непріятной, или оставить свои мѣста, что́ для короля всего опаснѣе: ибо онъ принужденъ будетъ взять дюка Портланда и Фокса (который первымъ управляетъ), а его величество сего послѣдняго безмѣрно ненавидитъ и, что́ пуще, онъ его принудитъ, отброся Прусію, съ Россіею соединиться. И такъ, не избѣжа того, что́ не хотѣлъ сдѣлать, будетъ еще

имѣть ненавистное для него министерство. Ему нельзя, потерявъ Пита, не взять онаго, затѣмъ что никакое другое не можетъ устоять противъ пынѣшней опозиціи, когда съ оною соединится сынъ покойнаго лорда Чатама.

Предложите Фицгерберту [6]) чрезъ меня сдѣлать трактатъ оборонительной, но съ тѣмъ, чтобъ и Гановеръ вошелъ въ оной подъ видомъ, что никакъ персону короля и курфирста раздѣлить не можно, объявя при томъ, что коли на сіе не подадутся, то не возобновимъ трактатъ комерческой; напротивъ, сдѣлаемъ его съ Франціей и сблизимся съ оною и въ политическихъ связяхъ. Дайте на то короткое время отвѣтствовать. Надо знать, что здѣшняя нація ни на что такъ не уважаетъ, какъ на торговлю, для которой всѣ прочіе интересы жертвуетъ, и что даже и тѣ сами, кои не участвуютъ въ какой ни есть отрасли оной, кричатъ, когда она пресѣчется, какъ будто у нихъ самихъ всю собственность отымаютъ. Аглицкая здѣсь съ Россіею торгующая компанія въ толь почтенномъ и цвѣтущемъ состояніи находится, что есть первая изо всѣхъ послѣ Остъ-индской, богатствомъ, важностью и кредитомъ конторъ, ее составляющихъ. Многіе члены изъ оной въ Нижней Каморѣ засѣдаютъ. Когда вы въ Петербургѣ объявите, что трактатъ торговый не возобновится, а между тѣмъ умышленно станете ласкать Французовъ и говорить о трактатѣ съ ними, здѣсь сіе свѣдаютъ на биржѣ отъ Петербургскихъ комисіонеровъ, вся оная взволнуется, пойдутъ адресы къ королю съ жалобами на него и на министерство, опозиція умножится членами сей компаніи и всѣми независимыми членами Парламента; однимъ словомъ, король принужденъ будетъ сдѣлать то, что̀ намъ будетъ угодно. Я не вижу, что̀ помѣшало бы двору нашему войтить въ обязательство съ державою, которая намъ никогда не вредила, можетъ, напротивъ, помогать по разнымъ случаямъ. Мы сильны на землѣ, она сильна на морѣ. Что̀ можетъ тогда Франція сдѣлать своими флотами, коими токмо можетъ помогать Портѣ и Швеціи? Симъ же самымъ мы докажемъ королю Прускому, отвлеча отъ него Гановеръ, за коимъ пойдетъ всегда король и другія Нѣмецкія земли, что мы и силою, и негоціаціею его превозможемъ. Если же не соединимся съ сею землею, то, усиля короля Прускаго, мы не пріобрѣтемъ союзника искренняго на свою сторону; ибо тщетно будемъ ласкаться, чтобы Франція намъ и Императору помогала или къ приращенію нашему усердствовала. За тѣмъ, зная, что сія коварная и ненавидящая насъ держава старается заключить съ нами трактатъ комерческой, усердно желаю, чтобъ у насъ на то никогда не подавались.

Не дозволяйте, ради Бога, Французской націи вселяться въ нашихъ портахъ, а паче въ Черноморскихъ, гдѣ они со временемъ будутъ на пагубу нашу. Да и во всей Россіи она расплодится такъ своими модными товарами (безъ коихъ мы можемъ и должны обойтиться, когда разумъ имѣемъ), не токмо высосетъ всѣ наши деньги, но, что̀ хуже, развратитъ наши нравы, пріуча насъ къ своимъ вздорнымъ вещамъ, заведетъ контрабанду, обирая насъ и обкрадывая корону; наконецъ, офранцузитъ насъ такъ, что мы будемъ, или дѣти наши, всею душею и тѣломъ въ той же зависимости, въ которой Португалія отъ Англіи находится. Я знаю, что сіе неизбѣжно и что поздно или рано мы будемъ въ рукахъ сей коварной націи; но Государыня, сдѣлавъ намъ уже много милостей, да совершитъ свои благодѣянія, удаливъ развращеніе

---

6) Англійскому посланнику въ Россіи.

нашихъ нравовъ. Никто съ Французами не былъ въ связи, не потерявъ свою непорочность, славу и независимость. Генуя, Голандія и Швейцарія то свидѣтельствуютъ, гдѣ, по мѣрѣ усилія Французской инфлюенціи, добрая вѣра исчезаетъ и всѣ развращенія умножаются [7]).

4.

Лондонъ, 27 Сентября (7 Октября) 1785 г.

Здѣсь прошелъ слухъ, аки бы король Пруской такъ сильно занемогъ, что нашли его лежащаго на полу и неимѣвшаго силъ кричать, чтобъ позвать помочи, такъ что, еслибъ тѣ, кои вошли въ его кабинетъ, замедлили то сдѣлать, онъ бы умеръ несомнѣнно [8]). Видѣвшись вчера съ маркизомъ Кармартеномъ, спросилъ я у него, не имѣетъ ли онъ о семъ извѣстія. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что имѣетъ, но не вѣритъ, прибавя, что сей государь такъ привыкъ всѣхъ обманывать, что пока не свѣдаетъ, что онъ подъ землею, не можетъ вѣрить о его болѣзни или смерти. «Вы справедливо его обманщикомъ называете, сказалъ я, ибо я достовѣрно знаю, что онъ недавно хвасталъ передъ Французскимъ дворомъ, что Англія ищетъ его союза и намѣрена была послать къ нему одного испытаннаго въ дѣлахъ министра для условія и положенія мѣръ, но что онъ сіе отклонилъ. И такъ, или онъ на васъ сіе клеплетъ, или, коль то правда, то вамъ измѣняетъ и продаетъ васъ Франціи». Говоря сіе, я примѣчалъ его лицо, которое весьма перемѣнилось, и, не отвѣчая мнѣ на сіе, началъ снова бранить сего государя.

5.

Изъ Лондона, 30 Сентября (11 Октября) 1785 г.

Вамъ конечно извѣстно уже давно, что здѣшній дворъ желаетъ выдать одну изъ Аглинскихъ принцессъ за Датскаго наслѣдника, которому Еліотъ, бывшій въ Даніи Аглинскимъ министромъ, описывалъ старшую дочь здѣшняго короля, аки весьма прекрасную принцессу, что и правда. Но какъ сей наслѣдникъ находится хотя въ нѣкоемъ принужденномъ и незаконномъ обязательствѣ съ Прускою принцессою (взирая на недозрѣлыя его лѣта, когда его подписать сіе обязательство королева Юлія принудила) и какъ графъ Бернсдорфъ безъ согласія Россіи ни на какое родство сего наслѣдника допускать не станетъ, то Еліотъ работалъ о семъ дѣлѣ мимо сего министра съ графомъ Шакомъ. Извѣстно вамъ, что король Пруской ненавидитъ графа Бернсдорфа. Теперь сія ненависть наивящно умножилась за отказъ, что Данія ему учинила въ приступленіи къ Берлинской конфедераціи. Сей мстительный государь навелъ и здѣшняго ненавидѣть Датскаго иностранныхъ дѣлъ министра, и конечно они оба, съ помощью графа Шака, постараются его низвергнуть. Я знаю, что Аглинской король весьма дурно о графѣ Бернсдорфѣ началъ отзываться, какъ за неприступленіе къ Берлинскому трактату, такъ и за то, что онъ весьма къ Россіи привязанъ, и что въ теперешнемъ положеніи дѣлъ помѣшалъ супружеству, столь желаемому. Затѣмъ опасаюсь я, чтобы здѣшній дворъ и Берлинской не содѣйствовали вмѣстѣ для низверженія вышепомянутаго графа, въ чемъ имъ будетъ помогать въ Даніи графъ Шакъ, которой внутренно Бернсдорфа ненавидитъ. Я увѣдомилъ о семъ (нашего) въ Даніи министра и за долгъ почитаю донести мои подозрѣнія.

---

7) Эти отзывы, отчасти оправданные позднѣйшимъ ходомъ дѣлъ въ Россіи, тѣмъ замѣчательнѣе, что еще въ ранней молодости графъ Воронцовъ могъ близко наблюдать Дугласовъ, Деоновъ и братію въ домѣ своего дяди-канцлера.—8) Онъ прожилъ еще безъ малаго цѣлый годъ.

6.

Лондонъ, 18 (29) Ноября 1785 г.

Я свѣдалъ, что между причинами, побудившими здѣшнее министерство отправить курьера въ Петербургъ, есть повелѣніе Фицгерберту оправдаться предъ нашимъ дворомъ въ клеветахъ, что̀ на Аглицкой дѣлаютъ, аки бы оной предлагалъ Французскому содѣйствовать вмѣстѣ и не допускать наши эскадры, когда оныя въ Средиземное море посланы будутъ; что сія клевета выдумана была будто Симолинымъ [9]), и что извѣстіе было о томъ получено изъ Берлина. Естьли Симолинъ вамъ сіе писалъ, то конечно по поводу откровенности правдивой или притворной графа Верженя: ибо не можетъ быть, чтобъ онъ сіе доносилъ безъ основанія, и какъ конечно депеша его была писана въ шифрахъ, и естьли король Прусской о томъ увѣдомилъ, то надо признаться, что онъ имѣетъ ключъ нашихъ шифровъ или друзей въ Петербургѣ, кои его увѣдомляютъ.

7.

Лондонъ, 19 (30) Декабря 1785 г.

Отъ Симолина я получилъ въ отвѣтъ, что графъ Верженъ не токмо ему, но и графу Мерсію сообщалъ Аглицкое предложеніе. Пользуясь симъ случаемъ, чтобы узнать правду и показать г-ну Питу, въ какую пропасть нечувствительно заводятъ Англію, я сдѣлалъ краткую выписку изъ вышеозначеннаго отвѣта и сказалъ ему въ концѣ нашего разговора о королѣ Прускомъ: «Я не знаю, сдѣлано ли было отъ сей земли или нѣтъ предложеніе Французскому двору, о которомъ вручаю вамъ выписку для собственнаго вашего свѣдѣнія и въ знакъ моей къ вамъ довѣренности. Когда сдѣлано, то Франція васъ предаетъ; естьли же того не бывало, то она васъ клеветать старается, и слѣдовательно въ обоихъ случаяхъ вы можете познать ясно, сколь вамъ на нее полагаться можно». Онъ, прочтя врученную мною бумагу, былъ въ неописанномъ удивленіи и вскричалъ: «По истинѣ сіе есть клевета пресовершенная! Я васъ увѣряю, что о семъ дѣлѣ ничего не знаю и что безъ меня, какъ и безъ всѣхъ членовъ Совѣта, никто бы изъ министерства не отважился на толь важную и безразсудную мѣру. Я слышалъ, что г. Симолинъ писалъ о семъ въ Россію и думалъ, что то учинилъ по фальшивымъ слухамъ, а не по сообщенію двора, при коемъ онъ находится; но вѣрьте мнѣ (продолжалъ онъ, браня Францію), что сіе на насъ преподлымъ образомъ всклепали». Онъ неоднократно удивлялся, какъ можно толь безчестно дѣйствовать, прибавляя всегда, что уповаетъ на прозорливость Государыни, которая возбранитъ ей вѣрить толь гнуснымъ и невѣроятнымъ внушеніямъ двора, издавна желающаго пересcорить всѣ державы, дабы тѣмъ лучше управлять оными. Потомъ благодарилъ онъ меня за сіе сообщеніе. Я тутъ ему примѣтилъ, что когда есть дворы, кои противу Англіи у насъ внушаютъ, то конечно другіе суть, кои противу Россіи и здѣсь стараются; что естьли не будемъ мы взаимно откровенны и не станемъ сообщать другъ другу злыя внушенія тѣхъ, кои перессорить насъ желаютъ, нечувствительно одна отъ другой наши земли отдаляться станутъ. Затѣмъ, я прошу его поступать со мною, какъ я съ нимъ поступилъ въ семъ случаѣ. Онъ далъ мнѣ слово сообщать мнѣ подобныя противу

[9]) Симолинъ былъ въ это время нашимъ посланникомъ въ Парижѣ.

Россіи здѣсь внушенія, увѣряя меня честію, что по сіе время никто ему такихъ не дѣлалъ. Съ симъ обязательствомъ мы разстались. Ваше сіятельство много мнѣ здѣсь поможете, когда скажете Фицгерберту, какъ я хвалюсь предъ вами доброжелательствомъ г-на Пита сохранить дружбу между обоими дворами, и естьли мнѣ напишете письмо на нашемъ языкѣ, дабы не примѣчена была афектація и во ономъ что̀ ни на есть лестнаго для него изъявить изволите, какъ наприм. что у насъ всегда почитали добродѣтель и превосходные таланты отца и видятъ съ удовольствіемъ, что и сынъ тѣмъ же отличается, и другія подобныя выраженія, кои всеконечно лучше и приличнѣе моего сочините [10]). Затѣмъ желаю имѣть сіе письмо порусски, что знаю, что онъ читаетъ всегда здѣшнюю перлюстрацію, а переводчиковъ знающихъ нашъ языкъ здѣсь довольно въ Аглицкомъ кабинетѣ.

8.

Лондонъ, Декабря 19 (30) 1785.

Препровождая при семъ съ курьеромъ Коновницынымъ рисунокъ машины для поднятія воды па̀ромъ, изобрѣтенной находящимся здѣсь Русскимъ механикомъ Львомъ Собакинымъ, который въ прошломъ году былъ сюды присланъ по имянному Е. И. В. повелѣнію, во первыхъ доношу вашему с—ву, что модель сей машины, имъ же самимъ сдѣланная въ мѣди, была показана многимъ славнымъ здѣшнимъ механикамъ, кои всѣ сказали, что простыя и толь хорошо соотвѣтствующія намѣренію оной правила явно доказываютъ, что изобрѣтатель имѣетъ отмѣнную остроту и склонность къ механикѣ; второе, подобной же рисунокъ сей машины былъ представленъ здѣшнему королю, который также имъ былъ очень доволенъ и оказалъ желаніе видѣть модель въ самомъ дѣйствіи оной. Сей механикъ, не смотря на то, что ему уже за сорокъ лѣтъ, съ неусыпнымъ раченіемъ прилежаетъ къ изученію Аглицкаго языка и начальныхъ частей математики, нужныхъ къ чтенію механическихъ книгъ, кои всѣ писаны здѣсь математическимъ порядкомъ. Дѣйствительно, сожалѣть должно, что на мѣстѣ его рожденія, т. е. въ Старицѣ [11]), не имѣлъ онъ случая получить лучшее воспитаніе; но со всѣмъ тѣмъ неутомимое его стараніе и ревностная охота къ пріобрѣтенію знаній въ механикѣ, кажется, увѣряетъ, что онъ со временемъ въ состояніи будетъ изобрѣсть что̀ ни на есть весьма полезное: ибо всѣ его изобрѣтенія, какъ то сія машина и другая, которую онъ изобрѣлъ, колотить сваи и пр., доказываютъ, что онъ болѣе склоненъ къ изобрѣтенію вещей полезныхъ, нежели забавныхъ. И какъ в. с—во, по врожденной вашей склонности благодѣтельствовать достойнымъ, и прежде доставили двумъ Русскимъ маханикамъ случай воспользоваться императорскою щедротою, то прошу покорнѣйше къ одобренію и сего, которой дѣйствительно обѣщаетъ пользы отечеству болѣе еще оныхъ, представя сей рисунокъ съ описаніемъ Ея И. В., исходатайствовать высокомонаршее благоволеніе и нѣкоторую помочь; поелику онъ, для лучшаго изученія механики, поѣдетъ въ Единбургъ, что̀ его, какъ на дорогу, такъ и на платежъ учителей, заведетъ въ лишнія издержки; ему же, возвращаясь на будущій годъ въ Россію, надо будетъ завестись разными инструментами.

[10]) Если бы Питтъ могъ прочитать, что Екатерина писала Гримму объ его отцѣ, по поводу его кончины! (См. Р. Архивъ 1878, III, 52 и 53).

[11]) Можетъ быть, гр. Воронцовъ лично зналъ Собакина, проживая въ 1765 году у дяди своего въ Тверскомъ селѣ Кимрахъ, по близости отъ Старицы.

Приложеннаго рисунка не имѣется; но на письмѣ помѣта, изъ которой видно, что Собакину пожаловано сто фунтовъ стерлинговъ.

9.

Лондонъ, Декабря 19 (30) 1785.

Здѣсь находится уже девять лѣтъ молодой человѣкъ изъ Россійскаго дворянства, Юрій Алексѣевичъ Бахметевъ [12]), сынъ покойнаго Бахметева Алексѣя Ивановича, что былъ въ Москвѣ при Соляной Конторѣ. Въ 1776 году отецъ его, съ извѣстнымъ вамъ Софійскимъ протоіереемъ Самборскимъ, отправилъ его въ Англію съ тѣмъ, чтобы онъ, выучась тамъ нужнымъ языкамъ, старался бы пріобрѣсти хорошее знаніе въ медицинѣ и получить въ оной градусъ доктора. Я нахожу, что сей молодой человѣкъ, обучась въ Лондонѣ или близъ онаго Аглицкому, Латинскому и Греческому языкамъ, отправился потомъ въ Единбургъ для пріобрѣтенія успѣховъ въ медицинѣ, гдѣ и пробылъ уже около пяти лѣтъ. Слѣдующимъ лѣтомъ намѣренъ онъ принять степень докторскую. Ваше с—во изволите знать, что при семъ случаѣ онъ долженъ будетъ сочинить рѣчь. Прошлаго Августа пріѣзжалъ онъ въ Лондонъ просить дозволенія приписать мнѣ оную; но какъ ваше с—во изволите знать, что посвященіе сей рѣчи Ея Величеству составило бы ему особое счастіе, то я, имѣя личныя и письменныя засвидѣтельствованія ревности его къ наукамъ и слыша, что прилежаніе, острота и хорошее всегда поведеніе сего молодаго человѣка заслуживаютъ всякое ободреніе, смѣю трудить васъ объ исходатайствованіи ему для сего дозволенія Ея И. Величества. Симъ ваше сіятельство сдѣлаете мнѣ крайнее обязательство.

10.

Лондонъ, 19 (30) Декабря 1785.

Повелѣваете мнѣ объясниться съ Аглицкимъ министерствомъ о здѣшнихъ ссылочныхъ, коихъ у насъ на поселеніе примать желаютъ. Но какъ ихъ прежде будущей весны отправить къ намъ не можно, то и не спѣшу о томъ говорить для причинъ, кои изъ сего письма примѣтить изволите. Сіи осужденные въ ссылку изъ Англіи отправляемы были сперва въ Канаду и Новую Шкотландію; но, испытавъ, что сіи злодѣи нигдѣ и ни къ чему негодны, стали отправлять ихъ въ Африку. Капитаны купеческихъ судовъ, торгующіе въ тѣхъ мѣстахъ, брали ихъ на свое иждивеніе и попеченіе и, отвозя ихъ въ Гинею и на другіе западной Африки берега, продавали въ работу или мѣняли на Негровъ, коими сіи капитаны торгуютъ въ островахъ Вестъ-Индіи. Но и сей случай прекратился, ибо и въ Гинеѣ никто ужъ ихъ брать не хочетъ. Число ихъ ежегодно бываетъ отъ 90 до 110 человѣкъ, въ числѣ коихъ женщинъ 8 или 10 обыкновенно бываетъ. Позвольте себѣ представить слабое мое разсужденіе о семъ дѣлѣ. Какая можетъ быть польза пространной имперіи нашей, пріобрѣтая ежегодно 90 или 100 злодѣевъ, извергозъ, можно сказать, рода человѣческаго, кои ни къ хлѣбопашеству, ни къ рукодѣлію неспособны и кои кромѣ грабежей и смертоубивствъ ни къ чему не годятся, ниже

[12]) Это родной и бездѣтный дядя извѣстнаго въ наши дни попечителя Московскаго Университета, Алексѣя Николаевича Бахметева.

къ расплоду своего роду неспособны, будучи всѣ почти наполнены всѣми болѣзнями, кои за мерзкою ихъ жизнiю обыкновенно слѣдуютъ? Они будутъ въ тягость правленiю и на вредъ прочихъ обывателей; напрасно казна будетъ тратитъ иждивенiе на жилища и на прокормленiе сихъ новыхъ гайдамаковъ; да еще надо будетъ умножить разъѣзды и караулы въ той странѣ, гдѣ ихъ поселять намѣряются и гдѣ безъ того они хуже съ нашими спокойно живущими земляками поступать станутъ, нежели бывало Запорожцы съ Поляками на Украйнѣ. Прибавьте къ тому еще: прилично ли, чтобъ въ свѣтѣ думали, что въ счастливое и славное царствiе Великой Екатерины Россiя служитъ ссылкою Англiи и что ничѣмъ не славный и еще менѣе великiй Георгiй Третiй осуждаетъ своихъ преступниковъ наказанiемъ ссылки равномѣрно въ Россiю, какъ и на Африканскiе берега? Имя Россiи будетъ въ Европѣ какъ въ жестокое царствiе императрицы Анны было у насъ имя Сибири. Я увѣренъ, что тѣ, кои подкрѣпили у насъ сдѣланное отсель предложенiе, сами были обмануты невѣдѣнiемъ всѣхъ обстоятельствъ; ибо ни они бы сiе не подкрѣпили, и Государыня, которая толь изобилуетъ разумомъ, прозорливостью и достодолжнымъ честолюбiемъ, отвергнула бы сiе предложенiе. Меня движетъ въ семъ случаѣ привязанность моя къ Государынѣ и къ моему отечеству, усердiе мое къ славѣ обоихъ.

11 [13]).

Лондонъ, 19 (30) Декабря 1785.

Я вамъ долженъ примѣтить, что дѣйствительно, по упрямству, слѣпотѣ и пристрастiю къ Прусiи здѣшняго царя, нельзя никакъ надѣяться имѣть союзъ съ Англiею; а безъ того я не знаю, что̀ бы могло мѣшать оному: ибо опасаться, что сiе сближитъ Берлинъ съ Версальемъ сiе есть опасаться дѣла уже сдѣланнаго. Вѣрьте, что сiи дворы весьма согласны. Здѣсь Пруской король усерднѣе еще за Францiю старается, нежели у насъ въ послѣднiя времена графа Панина. Что касается до торговаго трактата съ Францiею, то, прося у васъ извиненiя, я признаюсь, что не вижу нужды дѣлать его съ державою, которая, по истиннымъ своимъ интересамъ, въ коихъ никогда не ошибается, насъ ненавидитъ и которая, мало у насъ покупая, продаетъ намъ весьма много. Сверхъ же того я думаю, что весьма вредно допускать Французовъ въ Черноморскiя наши гавани: мы сами вселимъ туды вредныхъ для насъ шпiоновъ.

Радуюсь, что имѣете при себѣ господина Трощинскаго, коего я давно репутацiею знаю. Съ нимъ для Рускихъ бумагъ, а съ Сожи для Французскихъ ваше сiятельство можете полагаться на сохраненiе тайны. Сiе письмо для васъ токмо писано; затѣмъ подтвержу вамъ, что все, что̀ кромѣ вашей канцелярiи дѣлается, извѣстно въ Берлинѣ и оттоль сообщается не министерству, а королю прямо. Сей заставляетъ меня вѣрить метампсихозѣ; ибо, взирая на его страсть къ королю Прускому, кажется, что̀ душа Петра Третьяго переселилась въ его тѣло. Холодность въ дѣлахъ Фицгерберта [14]) доказываетъ его благоразумiе. Онъ, чувствуя конечно неблагопристойное и вредное для Англiи по-

---

13) Это письмо одного числа съ предъидущими. Случалось, что, желая воспользоваться надежнымъ случаемъ отправки, графъ Воронцовъ въ одинъ и тотъ же день и къ тому же лицу писалъ по нѣскольку писемъ.—(14) Англiйскому посланнику въ Петербургѣ.

веденіе своего государя, долженъ избѣгать всякія объясненія и какъ можно стараться держать себя въ отдаленіи всякихъ переговоровъ. Французы опять начали разглашать, что Государыня не здорова и не долговѣчна. Сіи слухи изъ Парижа сюды приходятъ, а изъ Берлина, что Ея Величество къ Вѣнскому двору, а вся Россійская нація (опричь васъ, брата моего, нѣсколько другихъ, гдѣ и я нахожусь, кои всѣ закуплены Вѣною) привязана къ королю Прускому и что сія новая система не можетъ продлиться въ Россіи. Насъ всѣхъ подкупленныхъ угрожаютъ Сибирью.

12.

Лондонъ, 11 (22) Августа 1786.

Третьяго дня явился ко мнѣ нѣкій Ирланецъ, именемъ Дилонъ, объявляя, что присланъ отъ принца Линья, коему, по его сказкамъ, Государыня пожаловать изволила пространныя въ Крыму земли, для населенія коихъ онъ имѣетъ повелѣніе примать здѣсь въ ссылку и на каторгу осужденныхъ, да еще скитающихся по Лондону Араповъ, и что изъ учтивости токмо меня увѣдомляетъ, не имѣя нужды въ моемъ пособіи, зная, коль готово Аглицкое правленіе выдавать оныхъ всѣмъ, кои ихъ примать желаютъ: ибо знали, что отъ здѣшней стороны предложено было о томъ Императору, но что сей государь отказалъ принять въ свою землю людей, на каторгу осужденныхъ. Тутъ я у него спросилъ, думаетъ ли онъ, чтобъ Государыня менѣе нежели Императоръ уважала на достоинство и благоустройство своей имперіи. Онъ отвѣчалъ, что Императоръ то учинилъ по пустому предубѣжденію, но что онъ знаетъ заподлинно соизволеніе Государыни: ибо принцъ Линь писалъ о семъ дѣлѣ къ князю Потемкину и что Ея Императорское Величество на то согласна. На что я ему сказалъ, что, не получа никакаго о томъ повелѣнія, думаю совсѣмъ противное его увѣреніямъ. Тутъ онъ покушался меня увѣрять, какъ сіе весьма полезно будетъ для Россіи, гдѣ надобны токмо люди, не разбирая какіе бы то ни были; а я, потерявъ терпѣніе, отправилъ его съ выраженіями, кои дали ему восчувствовать неблагопристойность и наглость, съ коими онъ и кто его послалъ употребляютъ имя Ея Императорскаго Величества на сумазбродныя ихъ предпріятія.

Ваше сіятельство помните, я надѣюсь, мое къ вамъ о сихъ каторжныхъ представленіе. Я опасаюсь теперь, что, не смотря на оное, сіе дѣло можетъ исполниться къ стыду и на вредъ Россіи, безъ вѣдома оной, естьли не возьмутъ на то у насъ строгой предосторожности: ибо, какъ здѣсь правленіе даетъ еще награжденіе всѣмъ частнымъ людямъ, кои сихъ изверговъ изъ Англіи вывозятъ, то сей Дилонъ или кто другой можетъ ихъ взять и подъ именемъ колонистовъ принца Линья привезти въ Крымъ для населенія его земель; а тамъ, не зная, что они разбойники, примутъ ихъ аки добрыхъ поселянъ. Здѣсь же и во всей Европѣ свѣдаютъ, какими уродами селится Таврическое царство, гдѣ между тѣмъ надо будетъ съ трудомъ охранять старыхъ поселянъ отъ сихъ разбойниковъ, кои, не зная никакаго ремесла, ниже хлѣбопашества, обезсилены будучи болѣзнями отъ распутной жизни, должны будутъ по привычкѣ и необходимости питаться старыми ремеслами, т. е. воровствомъ и мошенничествомъ. Государыня истребить изволила вредное общество Запорожцевъ, а принцъ Линь хочетъ во владѣніе ея вселять Аглицкихъ и Арабскихъ гайдамаковъ: ибо сихъ послѣднихъ, коихъ довольно бродя-

гами здѣсь находится и коихъ тоже намѣреваются выслать, они также къ намъ въ Крымъ переселять желаютъ.

13.

Лондонъ, 18 (29) Августа 1786.

Пріискать человѣка способнаго для расшифрованія цифиръ весьма трудно, ибо надобно найтить преискуснаго въ исчисленіяхъ Алгебры и чтобъ зналъ къ тому сверхъ своего хотя по крайней мѣрѣ языкъ Французской, да чтобъ былъ при томъ скроменъ и пресовершенно честенъ. Здѣсь въ Лондонѣ такой не встрѣтится, поелику всѣ занимаются токмо Парламентомъ, торговлею, мануфактурами и весельями. Есть и здѣсь ученые, и между ими, можетъ быть, и алгебристъ случится; но всѣ, кои знаютъ, или знатны породою и богатствомъ, или такіе, что, имѣя другія упражненія и чѣмъ жить достаточно, въ забаву Алгеброю занимаются и изъ отечества въ дальній край не переселятся. Надобно ихъ искать въ Кембриджѣ, въ Единбургѣ и Гласговѣ. Я далъ въ сіи мѣста разнымъ людямъ комиссіи о пріисканіи надобнаго вамъ человѣка. Между наилучшими буду искать наилучшаго и, отобравъ отъ него цѣну и прочія условія, донесу вамъ. Когда станутъ спрашивать, на какую потребу я ищу алгебриста, отвѣчать буду, что не вѣдаю, а подозрѣваю, что для обученія великихъ князей верхнихъ частей Математики.—Искусный ученый человѣкъ никакъ отсель не поѣдетъ безъ большаго жалованья и по меньшей мѣрѣ 600 фунтовъ стерлинговъ будетъ требовать, что̀ 3600 р. составляетъ. Я увѣренъ что не въ сей суммѣ будетъ затрудненіе; ибо, чужому ли, своему ли, кто въ томъ важномъ дѣлѣ упражняться будетъ, надо конечно не уважать на штаты жалованья, а на охраненіе сего человѣка отъ иностранныхъ искушеніевъ, для коихъ иностранные у насъ министры въ предложеніи ему наградъ за измѣну скупы не будутъ; но опасность моя состоитъ въ томъ, что Агличане вообще неугомоннаго нрава и что трудно съ ними ужиться, а между тѣмъ что ихъ будемъ перемѣнять, ни одинъ не успѣетъ въ дѣлѣ, къ которому употребить его желаютъ: ибо, какъ бы онъ ни былъ искусенъ въ самыхъ верхнихъ частяхъ Алгебры, должно будетъ ему нѣсколько времени у господина Епинуса поучиться правиламъ составленія шифровъ и разобранія оныхъ.

14.

Лондонъ, 5 (16) Марта 1787.

Долгой миръ, коимъ король и министры обнадеживаютъ націю, устрашаетъ морскихъ офицеровъ, изъ коихъ многіе приходятъ и просятъ службы нашей; но я, не имѣя о томъ никакаго повелѣнія, отсылаю, говоря, что не имѣю на то инструкціи. Позвольте мнѣ, въ откровенности и какъ другу, сказать на то мое мнѣніе. Я бы весьма желалъ, чтобъ въ армію у насъ брали всѣхъ офицеровъ, кои изъ Пруской службы въ нашу бы пожелали, равномѣрно изъ Аглицкаго флота охотно бы съ выгодами бралъ желающихъ служить въ нашемъ. Вы конечно знаете, что ниже четвертой доли нашихъ флотскихъ офицеровъ не осталось изъ тѣхъ, кои въ прошедшую войну служили; ибо разошлись или по намѣстничествамъ или въ отставку; а сія служба требуетъ большой практики для полученія въ ней знанія. Естьли бы у насъ рѣшились брать здѣшнихъ мичмановъ въ лейтенанты, поручиковъ въ капитанъ-лейтенанты втораго ранга, смотря по ихъ здѣсь репутаціи и старшинству

въ Аглицкомъ флотѣ (ибо здѣсь изъ поручиковъ прямо идутъ въ капитаны, а при семъ чинѣ можно сказать, что здѣсь уже фортуна человѣка сдѣлана), я вамъ смѣло ручаюсь, что дурныхъ офицеровъ къ вамъ не отправлю; ибо знакомъ я съ адмиралами Говъ и Родней и весьма знакомъ съ лучшими пріятелями адмирала Барингтона; а какъ они три суть первые здѣсь искуствомъ, то всегда бы зналъ мнѣнія сихъ адмираловъ о офицерахъ, кои къ намъ желаютъ, прежде нежели вамъ доносить объ оныхъ.

15.

Лондонъ, 20 Апрѣля (1 Мая) 1787.

Уже давно, какъ получилъ я письмо отъ адмирала Кутузова, коимъ просилъ онъ меня пріискать искуснаго человѣка въ Алгебрѣ для показанія сей науки въ Морскомъ нашемъ Кадетскомъ Корпусѣ, и что, какъ онъ сіе мнѣ пишетъ съ дозволенія Государыни, которое получилъ чрезъ ваше сіятельство, то чтобъ я къ вамъ послалъ и требованія сего алгебриста, когда пріищу онаго. Не будучи въ состояніи самъ судить о искуствѣ такаго человѣка, просилъ я въ томъ помощи у разныхъ здѣшнихъ ученыхъ. Межъ многими алгебристами, что мнѣ рекомендовали, есть одинъ, коего болѣе всѣхъ похваляютъ и о коемъ спрашивая мнѣніе г-на Маскелина (королевскаго въ Гренвичѣ астронома, человѣка весьма искуснаго въ Алгебрѣ), я получилъ письменной о немъ атестатъ, переводъ съ коего при семъ прилагаю. Видясь послѣ сего съ г-номъ Маскелиномъ, я свѣдалъ отъ него, что сей человѣкъ, кромѣ искуства своего въ вышеозначенной наукѣ, есть еще при томъ весьма тихаго и честнаго нрава, былъ гувернеромъ у молодаго г-на Пита, который былъ въ Россіи во время посланничества г-на Гариса, но тогда же онъ оставилъ своего воспитанника; что теперь имѣетъ вѣрное и весьма достаточное церковное мѣсто, которое однакожъ онъ оставить соглашается, когда ему дадутъ у насъ жалованье, награждающее вѣрный доходъ, что переѣздомъ въ Россію онъ потеряетъ. Кажется, что менѣе 600 фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго жалованья дать ему не можно. Имя алгебриста—Девисъ (Davis).

16.

Лондонъ, 12 (23) Августа 1787.

Конечно кромѣ Порты, Шведовъ и не далеко видящаго короля Гишпанскаго, нѣтъ двора въ Европѣ, которой бы могъ желать усиленія Французскаго двора. Естьли сей обезсилитъ Англію, которая одна держитъ его въ нѣкоторой принужденной кротости, онъ тогда конечно будетъ для всѣхъ несноснѣе, нежели былъ еще во времена надмѣннаго Лудвига Четырнадцатаго, тѣмъ паче, что въ Германіи есть двѣ силы, одна другой завиствующія, Австрія и Прусія, кои никогда, за враждою между ими продолжающеюся, не согласятся на противоборство противу Франціи: ибо Берлинской дворъ, для вѣрнѣйшаго сохраненія Шлезіи и вѣрнѣйшаго обезсиленія Австріи, съ удовольствіемъ будетъ взирать на завоеваніе Франціею Фландріи и Брабанта. Вы конечно признаетесь, что Англія никогда въ постороннія дѣла не мѣшалась; но сего не можно сказать про ея соперницу. Воззрите на Швецію и Турцію, гдѣ такъ усердно она дѣйствуетъ. Естьли теперь она посылаетъ офицеровъ артилерійскихъ, инженерныхъ, строителей кораблей къ Туркамъ, что же она станетъ дѣлать, когда не будетъ бояться Англіи и когда Германія раздѣлена на разныя и несогласныя между собою силы?

17.

Лондонъ, 1(12) Сентября 1787.

Кромѣ честныхъ и благороднаго духа министровъ, кои меня честію увѣряли, что никакъ и никогда не приказано было здѣшнему въ Туреціи послу противъ насъ дѣйствовать, я не вижу, что̀ Англія можетъ выиграть, поссорясь съ нами и заведя войну, отъ которой ей ничего себѣ полезнаго ожидать не можно. Она ли неотступно въ 1782 году Туркамъ кричала: Императорскіе два двора васъ истребить намѣрены? Вооружайтесь! Она ли посылала къ нимъ канонеровъ, инженеровъ, строителей кораблей и разнаго званія офицеровъ? Я увѣренъ, что Франція, которая все сіе дѣлала, не желала, чтобы Турки сами начали войну противъ Россіи и что ей сіе теперь весьма прискорбно, не для насъ, а для Турокъ, кои конечно будутъ разбиты. Но не въ силахъ ея было то удержать, и она не предвидѣла, что, ободряя и вооружая ихъ шесть лѣтъ сряду, они превзойдутъ цѣль, ею имъ назначенную: ибо сіи шалуны скорѣе могутъ быть двигнуты, нежели удержаны въ начатомъ движеніи. Но лишь сіе сдѣлалось, Французскій дворъ воспользовался по крайней мѣрѣ симъ непріятнымъ для него случаемъ, чтобъ свалить всю бѣду и ненависть на Англію, въ надеждѣ поссорить нашъ дворъ съ здѣшнимъ и, притворяясь быть къ намъ усерднымъ, вмѣшаться въ будущую негоціацію мира, предлагая тогда свою коварную медіацію, въ продолженіи которой онъ будетъ стараться выходить Туркамъ сколь можно менѣе бѣдственныхъ кондиціевъ. Но я уповаю, что ваше сіятельство не послѣдуете примѣру графа Панина, который, когда не зналъ какъ развязаться съ Турками и съ Стахіевымъ, прибѣгнулъ къ Верженю и Сенъ-Пріесту, коихъ толь великолѣпно наградили за конвенцію, а шесть мѣсяцевъ спустя мы еще въ пущихъ недоразумѣніяхъ съ Турками остались, нежели прежде оной.

Я уповаю, что у насъ болѣ будутъ вѣрить дѣйствіямъ Франціи въ Швеціи и другихъ мѣстахъ, нежели лестнымъ ея увѣреніямъ. Надѣюсь тоже, что она не будетъ нашимъ медіаторомъ и что не будетъ у насъ дѣлать перемиріевъ, кои толь вредны: ибо потеря денегъ на содержаніе арміи за границею и, что̀ пуще, потеря людей, кои болѣе отъ болѣзней, нежели отъ непріятеля помираютъ, столько же во время перемирія, какъ и въ полномъ дѣйствіи оружія бываетъ. Уповаю тоже, что не пошлютъ болѣе эскадры въ Архипелагъ, оставятъ Грузію, а всѣми силами на Дунаѣ и Чернымъ моремъ будутъ наносить наичувствительной вредъ врагамъ нашимъ. Лучше въ двухъ частяхъ тѣла бить дубиною, нежели палками щелкать по разнымъ частямъ онаго. Раздѣляясь, мы вездѣ будемъ слабы.

Какъ въ продолженіи сей начинающейся войны Французы и ихъ газетчики не преминутъ разглашать здѣсь все что̀ можно будетъ имъ выдумать противу славы нашего оружія, я желалъ бы быть увѣдомленъ о операціяхъ нашихъ арміевъ. За тѣмъ покорно прошу ваше сіятельство сдѣлать мнѣ милость при случаѣ, когда будете писать къ графу Стакельбергу [15]), попросите его, дабы онъ мнѣ сообщалъ все что̀ онъ объ оныхъ будетъ вѣдать. При томъ сдѣлайте мнѣ одолженіе, увѣдомя меня, сколько будетъ сооружено арміевъ и кто ими будетъ командовать. Дай Боже, чтобъ славный нашъ графъ Румянцовъ предводительствовалъ бы главною. Прощайте, живите здорово и весело.

---

[15]) Нашему посланнику въ Польшѣ.

18.

Лондонъ, 14(25) Сентября 1787.

Господа Французы здѣсь увѣряютъ, что Турецкой флотъ можетъ овладѣть Севастополемъ, коего планъ и недовершенныя укрѣпленія, они сказываютъ, Туркамъ извѣстны. Позвольте мнѣ изъявить вамъ мое удивленіе, что въ Севастополѣ позволяютъ купеческимъ судамъ, купцамъ и консуламъ иностраннымъ имѣть пребываніе. Сіе не дозволяется ни въ какомъ военномъ портѣ здѣсь, во Франціи и въ Гишпаніи. Развѣ не довольно Керчи, Еникольы, Ѳеодосіи, Балаклавы и Козлова для торговли, гдѣ бы купцы, консулы и суда имѣли свои пристанища? Я уповаю, что вы отдалите изъ военнаго нашего порта, гдѣ всѣ дѣлаются вооруженія, сіи гнѣзда шпіоновъ, кои поселились тамъ подъ именемъ купцовъ и консуловъ.

19.

Лондонъ, 8 (19) Октября 1787.

Покорно прошу ваше с-во приложенное доставить къ графу Петру Александровичу [16]), такъ какъ и зрительную трубку, что я ему же чрезъ сего курьера посылаю. Естьли вамъ будетъ вѣрной случай, то сдѣлайте мнѣ милость, сообщите мнѣ планъ нашихъ операціевъ. Король мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ извѣстіе о нашихъ арміяхъ, кто ими командуетъ и какъ они велики, прибавя съ насмѣшливою улыбкою, что онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что князь Потемкинъ имѣетъ превеликую, а графъ Румянцовъ весьма предъ оной малую. Я, не знавъ никакихъ обстоятельствъ, до сего касающихся, принужденъ былъ остаться въ молчаніи.

Здѣсь, хотя вооружаются съ великимъ жаромъ, но кажется, что миръ останется неразрывенъ, о чѣмъ я весьма жалѣю; ибо для насъ полезнѣе бы было, естьлибъ сія земля подралась съ Франціею. Смерть господина Верженя, развратя всѣ политическіе замыслы Франціи, произвела Голандскую революцію. Самъ Гарисъ пишетъ мнѣ въ откровенности, что, по смерти сего министра, Французы токмо что дурачества дѣлали въ Голандіи и тѣмъ помогали его работѣ. Конечно, Верженъ не дозволилъ бы патріотамъ арестовать принцессу Оранжскую, а велѣлъ бы имъ принять ее съ почтеніемъ, совѣтуя токмо усилить гарнизонъ въ Гагѣ, дабы она не могла сдѣлать возмущеніе, чѣмъ Пруской король отвращенъ бы былъ учинить то что онъ сдѣлалъ, и партія Французская не была бы опрокинута. Сей министръ шелъ всегда подкопами, а его наслѣдникъ хотѣлъ все взять штурмомъ. Верженъ такъ былъ искусенъ, что онъ увѣрилъ было здѣшнюю землю о дружбѣ къ ней Франціи; но графъ Монморенъ, видно по какой ни есть неосторожности, обнажилъ хитрые виды своего предмѣстника, такъ что г-нъ Питъ сказалъ одному своему пріятелю, что онъ уже никогда не будетъ вѣрить увѣреніямъ Франціи.

20.

Лондонъ, 29 Августа (9 Сентября) 1788.

Я давно къ в. с-ву не писалъ; но сіе происходило отъ удостовѣренія что вы теперь должны быть весьма дѣлами озабочены, и слѣдовательно не

16) Румянцову-Задунайскому.

должно мнѣ было утруждать васъ чтеніемъ ненужнаго писанія. Теперь пишу сіе письмо не къ кабинетъ-министру, не къ члену Совѣта, но къ графу Александру Андреевичу, котораго, по долговременному моему испытанію, я имѣю причину почитать искреннимъ моимъ другомъ [17]). Будучи удостовѣренъ, что здѣсь желаютъ потушить войну, которую началъ къ своему безчестію и вреду король Шведской, я не знаю, примутъ ли у насъ медіацію Аглинскую; но конечно Французская для насъ вреднѣе всѣхъ. Версальской дворъ уже началъ дѣлать внушенія, что равновѣсіе въ Европѣ потерпитъ отъ паденія Швеціи. Многочисленные здѣсь агенты онаго весьма боятся, чтобъ не возстановили въ Швеціи прежняго правленія, отнявъ у короля власть, которую онъ обратилъ на пагубу своего народа. Какъ бы ни кончилась сія война, я всегда уповаю, что кромѣ перемѣны правленія у насъ настоять будутъ и не заключатъ мира безъ того, чтобы не взять отъ Швеціи, когда не великое герцогство Финляндское, то по крайней мѣрѣ нижеслѣдующіе дистрикты онаго: Ниланды, Тавасти, Саволаксъ и Шведскую Нагоію. Покой столицы нашей того неотмѣнно требуетъ, и какъ, пріобрѣтя сіи четыре дистрикта, мы, кромѣ разныхъ городовъ, получимъ крѣпость Луизу да Гельсингфорсъ и Свеабургъ, то есть два самые наилучшіе порты Финляндскаго залива, тогда токмо и будемъ дѣйствительные владѣтели сего залива. Швеція не будетъ имѣть другаго пристанища моремъ какъ Або, откуда въ будущія войны, естьли она отважится ихъ предпріять, армія ея должна будетъ идти сухимъ, долгимъ и преголоднымъ путемъ къ нашимъ границамъ. Не дѣлайте, ради Бога, другаго мира кромѣ сего. Лучше что ни есть жертвовать изъ нашего любочестія въ разсужденіи Англіи и сдѣлать съ нею торговой трактатъ, коимъ ее къ себѣ привяжемъ, нежели имѣть стыдъ помириться съ Шведами, не отнявъ у нихъ земли и не обезпеча навѣки Россію отъ сихъ коварныхъ сосѣдовъ. Я уповаю тоже, что у насъ не согласятся никакъ на перемиріе, которое можетъ быть токмо полезно Швеціи, дабы имѣть время исправиться, получить новую подпору деньгами отъ Порты и дать способъ своимъ купеческимъ судамъ, запертымъ теперь въ разныхъ портахъ, безвредно во свои возвратиться и доставить еще своей землѣ нужные для войны и прокормленія припасы. Нѣтъ славнѣе и полезнѣе мира, какъ подъ мечемъ подписаннаго. Я весьма опасаюсь, что у насъ сухо откажутъ Аглинскую медіацію, а пуще всего естьли примутъ Французскую, то чтобъ Англія не рѣшилась помогать Швеціи флотомъ и деньгами [18]). Покорно прошу сдѣлать мнѣ одолженіе, доставя при вѣрномъ случаѣ исправную ландкарту нашей Финляндіи; также прошу увѣдомить меня, кто генералъ-квартермистрами въ арміяхъ фельдмаршала князя Потемкина и графа Пушкина; да, коли можно, роспись сей послѣдней съ показаніемъ, сколько въ полѣ и сколько гдѣ въ гарнизонахъ. Прощайте, живите здорово и весело и не забывайте искренняго друга вашего.

21.

Лондонъ, 4 (15) Мая 1789.

Усердіе мое къ службѣ моего отечества побудило меня къ подкрѣпленію плана г-на Ечеса, найдя, что оный можетъ быть полезенъ Россіи вредомъ, что нанесетъ онъ Швеціи. Раззореніе, которое можетъ причиниться Готембур-

17) Далѣе въ цифрахъ.

18) Тутъ цифры кончаются.

гу, достойно накажетъ сей городъ, наипаче всѣхъ привязанный къ своему королю, и потомъ, обезпокоя всю Шведскую торговлю, нанесетъ великій вредъ мѣщанамъ и купцамъ той земли, т. е. тѣмъ самымъ, кои болѣ всѣхъ усердствуютъ королю въ пользу самодержавнаго его правленія. Но кой часъ предпріятіе Ечеса успѣетъ въ Готембургѣ, то жители сего города почувствуютъ, что вся ихъ потеря происходитъ отъ сумасбродныхъ предпріятіевъ государя, коего власть они умножили на свою пагубу. Но хотя бы сіе предпріятіе и не удалось, потеря не велика, и у Ечеса останется, потерявъ два брилота, еще довольная флотилія на разореніе Шведской торговой навигаціи, послѣ чего нигдѣ, ни за какія цѣны, не захочетъ никто асикурировать ихъ суда, чѣмъ самымъ пресѣчется вся выгода оной: ибо вся земля, не имѣвъ довольно собственныхъ продуктовъ, обращаетъ около 2000 купеческихъ своихъ судовъ въ перевозѣ чужихъ товаровъ изъ одной земли въ другую, довольствуясь малѣйшимъ фрахтомъ, нежели другія. Но кой часъ сіи суда найдутся въ опасности отъ нашихъ каперовъ, то сія золотая руда прекратится для Швеціи, мѣщане и купцы почувствуютъ, коль много они теряютъ и кому они обязаны сею потерею. Въ нынѣшнемъ положеніи нашемъ, когда не имѣемъ усердныхъ союзниковъ, надо искать, чтобъ нужда заставила самихъ подданныхъ короля Шведскаго быть противу его нашими союзниками. Съ государемъ малодушнымъ я бы не отважился взять на себя безъ дозволенія издержку 2 т. ф. стерлинговъ, и при императрицѣ Аннѣ продали бы по указу часть моего имѣнія для заплаты сихъ денегъ, и меня бы еще наказали за сію отвагу; но Государыня, которой мы имѣемъ счастіе служить, столь великодушна и просвѣщенна, что, взирая на мое усердіе и на возможность успѣха плана, для коего я осмѣлился поручиться въ издержкѣ сихъ денегъ, я увѣренъ, что прикажетъ заплатить ихъ въ назначенное время и увѣренъ притомъ, что не почтетъ мнѣ въ вину мою отвагу. Я столь спокоенъ въ сихъ мысляхъ, что въ донесеніи моемъ къ Государынѣ я даже и не извиняюсь въ моей смѣлости; ибо не имѣю ни малѣйшаго сумнѣнія въ великодушномъ ея разсужденіи [19]).

22.

Лондонъ, 8 (19) Мая 1789.

Не смотря на упорныя увѣренія, что мнѣ даетъ графъ Нессельродъ [20]), аки бы не Берлинской дворъ управляетъ Лондонскимъ, но напротиву будто сей онымъ владѣетъ, я совсѣмъ противнаго мнѣнія; ибо два главныхъ довода, на кои онъ упирается въ своемъ мнѣніи, ничего не доказываютъ, а именно: 1) что когда король Пруской хотѣлъ напасть на владѣнія Австрійскія въ Польшѣ, Англія ему въ томъ помочь отказалась; 2) что разумъ Герцберга и другихъ Прускихъ министровъ не таковъ, чтобъ имъ управлять чужими министерствами. На сіе я ему возражаю, что Англія, дѣлая все что можетъ въ угодность Прусіи, не можетъ однакожъ выдтить изъ нѣкоторой мѣры, ибо министерство здѣсь не осмѣлится никогда втащить сію землю въ войну, гдѣ видимо будетъ, что союзникъ Англіи нападаетъ, а не обороняется. Сверхъ сего, сіе случилось во время пущаго королевскаго сумасшествія. Кто бы посмѣлъ за тѣмъ изъ министровъ взять на себя такую отважную мѣру; ибо трактатъ

---

19) Конечно, Безбородко прочелъ эти строки Государынѣ.—20) Посланникъ нашъ въ Берлинѣ.

съ Прусіею обнародованъ, аки оборонительной, а не наступательной. Что жъ касается до головъ Прускаго кабинета, графъ Нессельродъ не унижалъ бы ихъ столь много, естьли бъ зналъ, какова та, что̀ носитъ бывшій Кармартенъ, а нынѣшній дюкъ де Литцъ. Питъ конечно человѣкъ умной, краснорѣчивой, не корыстолюбивой, претвердой; но онъ и мало времени имѣетъ смотрѣть за дѣлами политическими, и я теперь увѣренъ, что онъ ихъ и не очень понимаетъ. Сверхъ того, онъ въ прошедшую зиму поведеніемъ своимъ доказалъ, что, при вышеозначенныхъ добродѣтеляхъ и талантахъ, онъ имѣетъ два сильные порока, а именно превеликое лукавство и пренадмѣрную страсть управлять съ безпредѣльною властію сею землею. Для сей жажды властолюбія онъ все на свѣтѣ жертвуетъ; для сей онъ удалилъ отъ дѣлъ своего учителя и того, кто первый ввелъ его въ дѣла, сдѣлавъ его канцлеромъ ешикіера [21]). Я сіе говорю о бывшемъ Шельборнѣ, а нынѣшнемъ Ландсдаунѣ. Для сей же жажды онъ подъ рукою противится входу двоюроднаго своего брата маркиза Букингама въ совѣтъ кабинета, чего тотъ болѣ всего желаетъ, но принужденъ довольствоваться вицъ-еройствомъ Ирландскимъ, нежели быть здѣсь безъ всякаго употребленія.

Для сего же властолюбія онъ наполнилъ кабинетъ или людьми, ему совсѣмъ преданными, какъ лордъ Чатамъ его братъ, лордъ Камденъ, дюкъ Ричмондъ, или простяками, какъ оба статскіе секретаря. Одинъ токмо канцлеръ ему солонъ; но кромѣ, что̀ замѣнить его не можно, такъ какъ онъ токмо одинъ часто другаго мнѣнія, сей единый голосъ дѣла не удерживаетъ, и Питъ всѣмъ самопроизвольно ворочаетъ. При началѣ болѣзни королевской, увидя, что принцъ Валиской его ненавидитъ и вышлетъ изъ министерства, онъ сильно соединился съ королевою и сдѣлалъ извѣстный вамъ актъ регентства, коимъ регентъ былъ такъ связанъ, что ничего бы дѣлать не могъ, и королева, получа онымъ что называютъ здѣсь patronage препространный, была бы съ Питомъ начальниками опозиціи, которая бы силою своею и множествомъ связала бы руки регенту. Продолжая теперь связь свою съ королевою, они другъ другу помогаютъ во взаимныхъ видахъ, и какъ по недостатку времени смотрѣть за всѣмъ, такъ и по недостатку свѣдѣнія дѣлъ иностранныхъ, и пуще всего въ угодность королевѣ, онъ все то дѣлаетъ, что̀ ему токмо можно по видамъ Прусіи. За тѣмъ вездѣ Аглицкіе министры имѣютъ повелѣніе дѣйствовать по внушеніямъ Прускихъ; за тѣмъ грозятъ Даніи, зная, что и безъ вооруженія она испугается; за тѣмъ помогаютъ симъ самымъ Швеціи, хотя она болѣ Франціи, нежели Англіи предана.

Въ доказательство, что Прусія намъ болѣ всѣхъ злодѣйствуетъ, бывшій здѣсь ея министръ графъ Лузи, отъѣзжая отсель, сказалъ одному своему другу слѣдующее: «Ежели мы не въ состояніи будемъ заставить Англію сдѣлать существительное вооруженіе для укрощенія Даніи, то по крайней мѣрѣ мы принудимъ Голандію вооружить эскадру». Ваше сіятельство знаете теперь, что бѣдные Голандцы, будучи подъ бичемъ Прускимъ, дѣйствительно, безъ всякой нужды тратя свои деньги, вооружаются.

И такъ, опричь войны, которой Питъ боится для ея слѣдствій, то есть быть самому извергнуту изъ правленія сей земли, все прочее, интриги, негоціаціи, угрозы, и до нѣкоторой умѣренной степени денежныя издержки, все

---

[21]) Т. е. казначейство.

онъ употреблять не преминетъ въ пользу Прускую, затѣмъ токмо, что, худо понимая сіи дѣла и угождая королевѣ, онъ думаетъ сохранить свою власть, дѣйствуя не вопреки Аглицкимъ интересамъ и почитая, что нужно весьма сохранить всячески дружбу двора Берлинскаго.

Теперь остается мнѣ отвѣчать в. с—ву на ту часть вашего письма, гдѣ вы касательно до меня и до моего военнаго служенія упоминаете. Я съ самаго малолѣтства предпочиталъ военную службу всѣмъ прочимъ, и когда въ день восшествія на престолъ Петра III, сей государь сдѣлалъ меня камеръюнкеромъ, то я его просилъ не быть мнѣ придворнымъ и сдѣлать меня порутчикомъ гвардіи, что мнѣ и безъ того слѣдовало, бывши тогда камерпажомъ. Принужденъ будучи для нѣкоторыхъ причинъ оставить службу, лишь Турки намъ объявили войну, я тотчасъ изъ отставки пошелъ въ армію, гдѣ, награждая усердіемъ и прилежностію то чего со стороны талантовъ мнѣ не дано отъ Бога, я служилъ во всю войну безотлучно при арміи; но, подъ конецъ войны и послѣ мира, будучи обойденъ Гантвигомъ, Бредихинымъ, двумя Потемкиными, однимъ Разумовскимъ, по неволѣ и съ страданіемъ принужденъ былъ оставить паки службу. Послѣ сего, имѣвъ разныя болѣзни, устарѣвъ и ослабѣвъ тѣломъ и отставъ совсѣмъ отъ всякаго военнаго упражненія, уже тому 13 лѣтъ, я уже болѣ не въ состояніи и еще менѣ прежняго имѣю способность быть паки въ военной службѣ. Я бы теперь околѣлъ въ одну ночь, естьли бъ мнѣ пришлось быть подъ палаткою, на снѣгу, какъ мы были въ 1770 г. нѣсколько дней подъ Фальчами и какъ мнѣ случилось въ 1773 г. быть нѣсколько недѣль въ Булгаріи. Для военной службы, опричь талантовъ, надо сильное здоровье и безпрерывную практику; первыхъ я не имѣлъ, послѣднія потерялъ невозвратно. За тѣмъ остается мнѣ токмо продолжать службу въ такомъ служеніи, къ коему я никогда себя не приготовлялъ, котораго никогда не любилъ, но принялъ на себя изъ единственнаго повиновенія волѣ Государыни и чтобъ не быть безплодному сыну отечества. Останусь въ сей службѣ, пока употреблять меня станутъ. Сіе служеніе и воспитаніе моихъ дѣтей пребудутъ теперь единымъ предметомъ остатка моей жизни.

Лишь Всевышній наградитъ насъ миромъ, я намѣренъ неотмѣнно представить Государынѣ, дабы приказала сдѣлать учрежденіе, чтобъ всякія семь лѣтъ присылали сюда 30 молодыхъ порутчиковъ, кои остротою и ученіемъ отличились въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ для опредѣленія ихъ на Аглицкіе военные корабли и фрегаты мичманами, какъ то уже были здѣсь Козляиновъ, Волчковъ, Плещеевы и Сенявинъ, съ повелѣніемъ здѣшнему нашему посланнику, чтобъ онъ наблюдалъ, дабы они безпрерывно въ морѣ находились опричь тѣхъ мѣсяцовъ, когда должны здѣсь быть, сойдя съ корабля, которой возвратился изъ своей станціи, до того времени, пока другой вооружается. Датскіе и Шведскіе офицеры всѣ почти служили въ здѣшней и Французской службѣ и за тѣмъ вообще лучше нашихъ. Содержаніе сихъ должно быть по тысячѣ рублей на каждаго. Сіи 30 тысячъ наградятся отмѣнною пользою въ будущія наши войны. Опричь сего, можно, всякій разъ что между Англіею и другими державами будутъ войны, давать двойное жалованье тѣмъ нашимъ морскимъ офицерамъ, кои волонтерами на Аглицкой флотъ поѣдутъ. Адмиралъ Родней спрашивалъ у меня не разъ, для чего въ прошедшую войну не были наши волонтеры въ Аглицкомъ флотѣ. Я, не зная что отвѣчать, сказалъ: «За

тѣмъ, что мы были неутральные». Но онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что Данія, Швеція и даже Неаполь, кои всѣ какъ и Россія были неутральны, посылали сюда для обученія, какъ волонтеровъ, множество своихъ офицеровъ. А какъ я ему сказалъ, что въ то время наши эскадры ходили въ Ливорну, онъ отвѣчалъ: «Такою поѣздкою мало научиться можно. Лучшая наука въ большихъ моряхъ, въ дурныя погоды и въ большихъ сраженіяхъ, а не то чтобы въ хорошее время сдѣлать дорогу изъ Петербурга въ Ливорну, остаться тамъ неподвижно и паки въ хорошее время возвратиться во свояси». Принявъ планъ, о которомъ я намѣренъ во время сдѣлать представленіе, мы выдемъ изъ зависимости другихъ державъ, не будемъ въ нуждѣ со временемъ искать вездѣ чужихъ офицеровъ или со своими неспособными сражаться противу преспособныхъ. Когда бъ всѣ наши капитаны были хороши, Шведской флотъ былъ бы уже истребленъ прошлымъ годомъ.

23.

Лондонъ, 17 (28) Іюля 1789 г.

До меня дошло, что здѣсь имѣютъ извѣстіе, якобы г-нъ Тревененъ недоволенъ нашею службою. Сіе свѣдали тутъ съ большимъ удовольствіемъ: ибо весьма тужили, что офицера столь великаго достоинства и который одинъ токмо можетъ замѣнить неоцѣненную для Россіи потерю адмирала Грейга [22]), не удержали у себя; и затѣмъ конечно будутъ стараться, чтобы онъ оставилъ нашу службу. Причина неудовольствія г-на Тревенена весьма основательна и не дѣлаетъ чести главному начальнику нашего флота, если то справедливо, что здѣсь говорятъ, а именно: будто бы вышеозначенный капитанъ посланъ былъ изъ Ревеля впередъ, имѣя кромѣ своего корабля одинъ или два фрегата и столько же катеровъ; что, отойдя нѣсколько, засталъ его штиль, продолжавшійся три или четыре дни; что онъ, имѣя на своихъ судахъ много рекрутъ, употреблялъ въ пользу сію остановку, обучая ихъ пальбою и разными маневрами, и что выстрѣлы его слышаны были въ эскадрѣ адмирала Чачагова, стоявшей тогда на Ревельской рейдѣ. Сей адмиралъ, возмнивъ, что Тревененъ атакованъ Шведами, вмѣсто того чтобъ идти къ нему на помощь, вошелъ скоропостижно въ портъ; потомъ, когда Тревененъ возвратился, то адмиралъ, спрося у него, отъ чего происходила слышанная имъ перестрѣлка, и свѣдавъ причину, сталъ ему сильно выговаривать, какъ онъ смѣлъ тратить казну государеву, теряя столько пороху. Тревененъ, будучи удивленъ еще болѣе, нежели обиженъ, представлялъ ему, что порохъ, для обученія рекрутъ употребленный, не должно почитать потраченнымъ, а что тотъ токмо потерянъ будетъ со вредомъ и къ безславію флота, который употребится въ сраженіи людьми къ оному не привыкшими и кои имъ обучаемы не были; но что, не смотря на сіе основательное представленіе, адмиралъ продолжалъ его бранить, что бранимый, потерявъ, наконецъ, терпѣніе, отвѣчалъ ему колко и что послѣ сего уже его впередъ не посылали. Естьли сіе справедливо, то мы потеряемъ человѣка, коего уже никѣмъ замѣнить не можно; да и никто изъ хорошихъ офицеровъ у насъ не останется. Сіе извѣстіе здѣсь получили прямо изъ Петербурга. Весьма сожалительно, что у насъ не подражали покойному королю Прускому, который въ мирное время на чины былъ скупъ, а въ военное

[22]) Погибшаго въ Шведскую войну.

щедръ несказанно. Сейдлицъ, Молендорфъ и Притвицъ въ два года изъ младшихъ подполковниковъ поступили въ генералы - порутчики. Во время войны онъ не смотрѣлъ на старшинство, а на таланты. Естьли бы Тревенена сдѣлали контръ-адмираломъ при началѣ кампаніи, то сіе гораздо бы менѣе удивило всѣхъ, нежели таковое же производженіе, сдѣланное Поль - Жонесу, который былъ токмо морскимъ разбойникомъ и который, хотя назывался Французскимъ капитаномъ, но никогда не стоялъ въ печатномъ Французскаго флота реестрѣ, который я теперь предъ глазами имѣю. Производженіемъ Тревенена выгода была бы та, что онъ могъ бы командовать частною эскадрою, и самъ Чачаговъ имѣлъ бы болѣе къ нему уваженія.

24.

Лондонъ, Сентября 29 (Октября 9) 1789.

Непростительное поведеніе господина Ечеса навело намъ хлопоты, коихъ безъ того никакъ бы ожидать не можно было. Съ нимъ условлено было, что онъ съ флотиліею своею будетъ безпрерывно дѣлать поиски на берега̀ Шведскіе и на суда сей націи, около оныхъ или къ онымъ идущія. Но видно что, не пресѣча всю Шведскую около тѣхъ мѣстъ навигацію, онъ вздумалъ самопроизвольно, изъ неоправдаемой корысти, искать и дѣлать призами на Аглицкихъ берегахъ все, что̀ Шведскаго ни попадется, на какихъ бы то судахъ ни было, позабывъ данную ему инструкцію, въ коей ясно ему предписано было наблюдать въ самой точности всѣ правила вооруженнаго неутралитета.

Я видѣлъ уже нѣсколько тому недѣль въ здѣшнихъ газетахъ, что одинъ Россійской каперъ безпрерывно гуляетъ около Аглицкихъ береговъ, но надѣялся, что сіе есть ложное извѣстіе, какъ то часто въ сихъ бумагахъ бываетъ. Я тѣмъ паче сему вѣрить не могъ, что баронъ Криднеръ мнѣ писалъ, что пять судовъ Ечесовой флотиліи плаваютъ въ Сѣверномъ морѣ и Категатѣ и что Жоли [23]), на возвратномъ своемъ пути, видясь съ Ечесомъ въ Глюкстатѣ, настоялъ, чтобъ сей послѣдній напрягъ бы всѣ свои силы, чтобъ раззорять Шведскіе берега̀, что̀ онъ ему и обѣщалъ конечно. Но вдругъ получилъ я письмо отъ Волстонкрофа, командира люгера Grand-Duc, что его сняли съ корабля, такъ какъ и большую часть матросовъ, аки Аглицкихъ подданныхъ, и привели въ Плимутъ, гдѣ ихъ задерживаютъ. Что̀ послѣ произошло, вы изъ моихъ писемъ къ вицеканцлеру усмотрите. Потомъ отъ Фаціуса я получилъ извѣстіе, что другое Ечесово судно взяло и привело Аглицкой купеческой корабль въ Остандъ, не имѣвъ другаго къ тому предлога, какъ токмо, что на ономъ были Турки и нѣсколько вещей подозрительныхъ. Тутъ я увидѣлъ, что Ечесъ обратилъ во зло вооруженія свои и дѣйствительно безпокоить сталъ Аглицкіе берега̀ и Аглицкую навигацію; а какъ здѣсь, угождая Прусіи, которая всѣмъ здѣсь ворочаетъ, того токмо и ожидаютъ, чтобъ имѣть случай къ намъ придраться и подъ видомъ охраненія торговли послать семь или восемь кораблей, кои хотя прямо намъ вреда не сдѣлаютъ, но побочнымъ образомъ подымутъ духъ короля Шведскаго, которой, пользуясь симъ, разгласитъ у себя въ народѣ, что сія эскадра прислана ему въ помощь и тѣмъ удержитъ будущее и весьма возможное волнованіе своихъ подданныхъ, кои,

23) Секретарь графа Воронцова, ѣздившій тогда въ Петербургъ.

видя непрестанныя его въ войнѣ неудачи, съ умноженіемъ пародпыхъ податей и пресѣченіемъ торговли, излечились уже отъ невѣроятнаго восторга, что къ нему имѣли: сіе принудило меня отправить господина Лизакевича въ Остандъ, гдѣ теперь, какъ я свѣдалъ, Ечесъ находится. Ваше сіятельство усмотрите изъ писемъ моихъ къ Лизакевичу, который теперь въ Дуверѣ, и къ Ечесу, что я настою объ отпускѣ Аглицкаго корабля и, чтобъ лучше въ томъ успѣть, я взялъ на себя смѣлость грозить сего послѣдняго: ибо мнѣ ясно видима необходимость не подымать на насъ Англію, когда она весьма кажется на то охотна, и когда и такъ мы имѣемъ толь много непріятелей и толь мало союзниковъ. Естьли онъ еще подобныя шалости будетъ дѣлать, то надо неотмѣнно отобрать отъ него всѣ патенты, кои онъ роздалъ своимъ каперамъ, а оставить ему одинъ, которымъ онъ назначенъ токмо агентомъ въ Глюкстатѣ и Остандѣ: ибо ему трудно будетъ здѣсь явиться безъ претерпѣнія гоненія отъ правленія, аки нарушителя здѣшнихъ законовъ. И ему надо будетъ годъ или два, пока все утихнетъ, жить внѣ Англіи. Сей человѣкъ, хотя поступилъ непростительно; но естьли онъ впредъ удержится отъ такаго поведенія и пойдетъ въ Норвежскіе порты, какъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ предлагаетъ мнѣ баронъ Криднеръ, то по близости оныхъ отъ Швеціи онъ можетъ весьма безпокоить оную.

Касательно до власти что Берлинской дворъ надъ здѣшнимъ ежедневно пріобрѣтаетъ, можетъ служить въ примѣръ слѣпота Аглицкаго министерства, которое не понимаетъ или не оказываетъ своего понятія, что Прусія обманула Англію въ дѣлѣ родственнаго союза, что нынѣ дѣлается между домами Оранжскимъ, Прускимъ и Брауншвейгскимъ; ибо чѣмъ болѣ власть статгалтера умножилась, тѣмъ болѣе нужно было для Англіи (и здѣсь весьма сего хотѣли для сохраненія Голандіи въ своей зависимости) выдать Аглинскую принцессу за сына принца Оранжскаго; но Берлинскій дворъ подъ рукою помѣшалъ и выдаетъ свою за сего послѣдняго принца, и тѣмъ доказываетъ явно, что онъ, управляя теперь и впредъ желая исключительно управлять Голандіею, далъ сію землю, можно сказать, на время и въ займы Англіи, а не въ безпосредственную и долгую зависимость, какъ здѣсь желали. Аглицкой дворъ думаетъ, что Берлинской дворъ всегда будетъ къ нему привязанъ и что въ слѣдствіе сего согласія о Голандіи сумнѣваться нечего; но время докажетъ впредъ, какъ здѣшнее министерство сильно ошибается въ сихъ гаданіяхъ.

25.

Лондонъ, 2 (13) Октября 1789.

Не къ министру, не къ члену Совѣта, а къ искреннему моему другу и человѣку, прямо любящему свое отечество, пишу сіе письмо. Съ сокрушеніемъ моего сердца свѣдалъ я, что Бугенвиль берется въ нашу службу. У насъ его не знаютъ, а здѣсь онъ всѣмъ извѣстенъ. Покойный кавалеръ Дугласъ, адмиралъ Родней и много другихъ офицеровъ мнѣ сказывали его исторію, которая всѣмъ извѣстна и есть слѣдующая. Будучи молодъ и хорошъ и подъ покровительствомъ маркизы Помпадуръ, посланъ онъ былъ въ 1757-мъ году служить въ сухопутномъ войскѣ въ Канадѣ съ сильными отъ своей покровительницы рекомендаціями, въ слѣдствіе коихъ командующій тамъ Французской генералъ Монкальмъ при первомъ маломъ выигрышѣ, что ему случилось

имѣть противу Англичанъ, послалъ его къ двору съ извѣстіемъ, за что стараніемъ Помпадуръ произведенъ подполковникомъ; потомъ чрезъ другихъ женщинъ рекомендованъ былъ герцогу Шуазелю, который во время своего начальства надъ морскимъ департаментомъ перевелъ его во флотъ и далъ ему малой фрегатъ, посланный объѣхать свѣтъ, въ слѣдъ за тремя Аглинскими, кои были подъ начальствомъ Байрона, Валлиса и Кука въ первомъ его вояжѣ. Возвратясь изъ сей поѣздки, Бугенвиль просилъ и получилъ дозволеніе побывать въ Англіи, гдѣ, ознакомясь съ помянутыми навигаторами и видѣвши ихъ журналы и карты, изъ оныхъ сочинилъ свое описаніе и, возвратясь во Францію. напечаталъ свой вояжъ, гдѣ было много ученаго касательно до навигаціи и астрономіи, все почерпнутое изъ журналовъ Аглинскихъ; поелику онъ ничего изъ сихъ наукъ не знаетъ. Потомъ, получа въ своей землѣ отъ сей книги незаслуженную репутацію, дошелъ онъ до чина шефа эскадры, въ коемъ командовалъ одною дивизіею во флотѣ адмирала Де-Граса, гдѣ былъ, по показанію всеобщему Аглинскаго и Французскаго флотовъ, виною, что сей былъ разбитъ: ибо съ самаго начала сраженія, не потерявъ ни одного человѣка, не получа ни одного ядра въ свои корабли, ушелъ со всею своею дивизіею, оставя бѣднаго Де-Граса на жертву Агличанамъ.

Вотъ какаго человѣка у насъ брать сбираются, и который въ совершенномъ презрѣніи какъ здѣсь, такъ и въ своей землѣ находится. Его вступленіе въ нашу службу будетъ вторымъ томомъ Поль-Жонеса и выгонитъ Тревенена, Тизигера и всѣхъ лучшихъ Агличанъ изъ нашей службы. Ради Бога, старайтеся не допустить совершеніе сего вреднаго дѣла. Вы чрезъ то знаменитую услугу сдѣлаете отечеству .Наши адмиралы плохи, конечно; но когда нельзя имѣть оныхъ отсюда и не можно произвести Тревенена, для чего не взять флагмановъ изъ Датской службы, гдѣ всѣ они служили долгое время въ Аглинскомъ флотѣ и между которыми есть много такихъ, кои здѣсь весьма искусными почитаются? Они, правда, не манерны какъ Французы; но естьли на манеры уважать, то лучшіе здѣшніе адмиралы никуда бы не годились; ибо они таковы, что покойный адмиралъ Нольсъ былъ петиметромъ между ними. Изъ Французской службы кромѣ инженеровъ никого брать не надобно; и теперь-то лучшее время доставать офицеровъ сего званія и учителей фортификаціи для нашихъ школъ. Они нынѣ съ голоду умираютъ.

Слышно, что правленіе здѣшнее вознамѣрилось выключить совсѣмъ изъ списка тѣхъ лейтенантовъ, кои вошли въ нашу службу; въ такомъ случаѣ они, теряя здѣсь не токмо половинное жалованье, но и чинъ свой, заслуживали бы конечно у насъ большее противъ прежняго уваженіе и награжденіе для удержанія ихъ въ нашей службѣ.

Донесеніе князя Путятина императрицѣ Екатеринѣ Второй.

Читатели Русскаго Архива прошлаго, 1878 года, конечно, помнятъ „Зельмиру", о которой Екатерина такъ часто говоритъ въ своихъ письмахъ къ барону Гримму. Мы старались собрать достовѣрныя свѣдѣнія объ этой женщинѣ (Р. Арх. 1878, III, 168), но трагическая судьба ея доселѣ покрыта неизвѣстностью и даетъ поводъ Нѣмецкимъ писателямъ къ сочиненію романовъ. Въ Московскомъ Архивѣ Мин. Иност. Дѣлъ сохранилась нижеслѣдующая бумага, относящаяся къ исторіи „Зельмиры". Надо замѣтить, что мать „Зельмиры", принцесса Брауншвейгская, была родная сестра Англійскаго короля Георга III-го, а отецъ, владѣтельный герцогъ Брауншвейгскій (вскорѣ ознаменовавшій себя неудачнымъ походомъ въ революціонную Францію) пользовался въ Германіи большимъ значеніемъ.—Князь Путятинъ, жившій потомъ долго въ Дрезденѣ, извѣстенъ своимъ романомъ съ супругою графа Я. Е. Сиверса (см. книгу Блума) П. Б.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашимъ Императорскимъ Величествомъ всевысочайше ввѣренное мнѣ порученіе имѣлъ я счастіе исполнить точно по высокомонаршей Вашей волѣ. Взявъ путь мой на Гамбургъ, чтобъ на прямой дорогѣ къ Дрездену проѣхать чрезъ Брауншвейгъ, разчислилъ я представиться ко двору сему тогда, когда владѣющій герцогъ былъ отсутственъ, занимаясь въ Магдебургѣ смотрами войскъ Прусскихъ. А потому и имѣлъ я удобнѣйшій случай вручить владѣющей герцогинѣ оба пакета, съ надлежащею осторожностію. Чувствительность, съ коею ея свѣтлость ихъ приняла, была чрезмѣрна; по прочтеніи же оныхъ старалась герцогиня, обращаясь непремѣнно ко мнѣ одному, изъяснить признательность и благодарность ея къ Вашему Императорскому Величеству, кои казались быть совершенны, и тѣмъ несомнительнѣе справедливы, что, проистекая отъ истиннаго чувства, изъявляемы были просто и въ рѣчахъ многократно повторенныхъ.

При самомъ началѣ примѣтилъ я, что ея свѣтлость склонна была къ откровенному со мною объясненію и къ многому меня вопрошенію, почему (вопервыхъ, не имѣя повелѣнія касательно отвѣтовъ и объясненій, кои-бъ я могъ дѣлать; во вторыхъ же, вѣдая откровенность и совершенную незакрытность герцогини противу владѣющаго герцога, а потому опасаясь дать себѣ видъ важнѣйшаго какаго-либо политическаго порученія), почелъ я за прямой мой долгъ ограничить себя точно и единственно въ моей комиссіи, состоящей въ отдачѣ пакетовъ, и для того, при самомъ началѣ, принужденъ былъ вымыслить и сказать, что, съ нѣсколькихъ уже лѣтъ будучи весьма малое время въ Петербургѣ, едва имѣлъ я честь видѣть покойную

герцогиню дочь и его свѣтлость бывшаго ея зятя. Но, не смотря на сіе, имѣлъ я длинный разговоръ съ герцогинею, въ саду и наединѣ, въ продолженіи коего услышалъ я: 1-е, что ея свѣтлость истинно и совершенно благодарна Вашему Императорскому Величеству, какъ за нее самое, такъ равно и за покойную дочь ея и что къ высокомонаршей особѣ Вашей наполнена герцогиня истинными чувствами высокоуваженія, приверженности и высокопочитанія, что̀ все повторяемо было просто и весьма многократно; 2-е, что герцогиня, любя дочь свою, утѣшена впрочемъ совершенно тѣмъ, что судьба участь покойной рѣшила; 3-е, что она сѣтуетъ весьма на его свѣтлость бывшаго ея зятя, считая его первѣйшею и, можетъ, быть единою причиною всего несчастія покойной ея дочери, вслѣдствіе чего негодуетъ она, что владѣющій герцогъ согласился имѣть съ нимъ свиданіе, къ чему себя гецогиня не чаетъ никогда найтить расположенною; 4-е, что по смерти своей дочери, владѣющій герцогъ весьма безпокоенъ былъ касательно оставшихся его писемъ, почему она, герцогиня, весьма будетъ рада ему ихъ возвратить, свои же письма сожжетъ она, никому не показавъ; 5-е, изъ всѣхъ извѣстныхъ герцогинѣ обстоятельствъ страннѣе и непонятнѣе кажется ей то, что покойная ея дочь возненавидѣла приближенную и пріѣхавшую съ нею въ Россію женщину, и что, наконецъ, съ помощію господина Польмана, отвращеніемъ и холодностію, принудила она женщину сію возвратиться въ Брауншвейгъ. Отозвавшись на сіе невѣдѣніемъ, коимъ предварительно и неизбѣжно оградить себя былъ я долженъ, за долгъ однакожъ почелъ я примѣтить ея свѣтлости, что по мнѣнію моему въ обстоятельствѣ семъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо множество можетъ случиться причинъ и маловажныхъ, кои услугу приближенной женщины могутъ сдѣлать не только что неугодною, но и тягостною.

Не дерзаю донести Вашему Императорскому Величеству ничего того, что̀ въ разговорѣ семъ было касательнаго до дѣлъ политическихъ; ибо знаніе по части сей ея свѣтлости, казалось, почерпнуто быть болѣе въ газетахъ, нежели въ изобильномъ источникѣ кабинета владѣющаго герцога.

Герцогиня ввѣрила мнѣ письмо къ Вашему Императорскому Величеству, кое, повергая себя къ освященнымъ стопамъ Вашимъ, всемилосердая Монархиня, имѣю счастіе приложить при семъ всеподданническомъ моемъ донесеніи.

Вѣрноподданный
Камергеръ князь Николай Путятинъ.

Дрезденъ,
23 Мая (3 Іюня) 1789 года.

Объ общественномъ воспитаніи въ Россіи.

Статья А. С. Хомякова *).

Для того, чтобы опредѣлить разумное направленіе воспитанія въ какой бы то ни было землѣ и полезнѣйшее вліяніе правительства на это воспитаніе, кажется, надобно прежде всего опредѣлить смыслъ самаго слова: Воспитаніе.

Воспитаніе въ обширномъ смыслѣ есть, по моему мнѣнію, то дѣйствіе, посредствомъ котораго одно поколѣніе приготовляетъ слѣдующее за нимъ поколѣніе къ его очередной дѣятельности въ исторіи народа. Воспитаніе въ умственномъ и духовномъ смыслѣ начинается также рано, какъ и физическое. Самые первые зачатки его, передаваемые посредствомъ слова, чувства, привычки и т. д., имѣютъ уже безконечное вліяніе на дальнѣйшее его развитіе. Строй ума у ребенка, котораго первыя слова были Богъ, тятя, мама, будетъ не таковъ, какъ у ребенка, котораго первыя слова были деньги, нарядъ или выгода. Душевный складъ ребенка, который привыкъ сопровождать своихъ родителей въ церковь по праздникамъ и по Воскресеньямъ, а иногда и въ будни, будетъ значительно разниться отъ душевнаго склада ребенка, котораго родители не знаютъ другихъ праздниковъ, кромѣ театра, бала и картежныхъ вечеровъ. Отецъ или мать, которые предаются восторгамъ радости при полученіи денегъ или житейскихъ выгодъ, устроиваютъ духовную жизнь своихъ дѣтей иначе, чѣмъ тѣ, которые при дѣтяхъ позволяютъ себѣ умиленіе и восторгъ только при безкорыстномъ сочувствіи съ добромъ и правдою человѣческою. Родители, домъ, общество уже заключаютъ въ себѣ бо̀льшую часть воспитанія, и школьное ученіе есть только меньшая часть того же воспитанія. Если школьное ученіе находится въ прямой противуположности съ предшествующимъ и, такъ сказать, приготовительнымъ воспитаніемъ, оно не можетъ приносить полной, ожидаемой отъ него пользы; отчасти оно даже дѣлается вреднымъ: вся душа человѣка, его мысли, его чувства раздвояются; исчезаетъ всякая внутренняя цѣльность, всякая цѣльность жизненная; обезсиленный умъ не даетъ плода въ знаніи, убитое чувство глохнетъ и засыхаетъ; человѣкъ отрывается, такъ сказать, отъ поч-

*) Не вошедшая въ собраніе его сочиненій. Она написана около 1858 года и, если не ошибаемся, передана была князю П. А. Вяземскому, въ то время товарищу Министра Народнаго Просвѣщенія. Можетъ быть, заключительныя строки этой статьи и послужили побужденіемъ къ послѣдовавшему за тѣмъ измѣненію Цензурнаго Устава: нынѣшними льготами Русское печатное слово обязано покойному кн. Вяземскому, который подавалъ о томъ высшему правительству особую записку, послужившую основаніемъ «Законовъ о печати». П. Б.

вы, на которой выросъ, и становится пришельцемъ на своей собственной землѣ. Таково было дѣйствіе переворота, совершеннаго Петромъ Первымъ. Ошибка извиняется можетъ быть многими обстоятельствами его времени, но повторять такую ошибку безпрестанно было бы непростительно. Школьное образованіе должно быть соображено съ воспитаніемъ приготовляющимъ къ школѣ, и даже съ жизнію, въ которую долженъ вступить школьникъ по выходѣ изъ школы, и только при такомъ соображеніи можетъ оно сдѣлаться полезнымъ вполнѣ.

Изъ этого опредѣленія воспитанія слѣдуетъ, что оно есть дѣло всего общества въ обширномъ смыслѣ слова, и что оно повидимому должно быть предоставлено самому обществу безъ всякаго вмѣшательства правительственной власти; но такой выводъ былъ бы несправедливъ. Нѣтъ сомнѣнія, что государство, признающее себя за простое или, лучше сказать, торговое скопленіе лицъ и ихъ естественныхъ интересовъ, какъ напримѣръ Сѣверо-Американскіе Штаты, не имѣетъ почти никакаго права вмѣшиваться въ дѣло воспитанія, хотя и они не дозволили бы воспитательнаго заведенія съ явно-безнравственною цѣлью; но то, что̀ въ государствѣ, подобномъ Сѣверной Америкѣ, является только сомнительнымъ правомъ, дѣлается не только правомъ, но прямою обязанностію въ государствѣ, которое, какъ земля Русская, признаётъ въ себѣ внутреннюю задачу проявленія человѣческаго общества, основаннаго на законахъ высшей нравственности и Христіанской правды. Такое государство обязано отстранять отъ воспитанія все то, что̀ противно его собственнымъ основнымъ началамъ. Такова разумная причина, изъ которой истекаетъ необходимость прямаго дѣйствія правительственнаго на общественное образованіе. Впрочемъ, это дѣйствіе, какъ я сказалъ, есть дѣйствіе только отрицательное. Право на дѣйствіе положительное, повидимому, сомнительно, но и это сомнѣніе исчезаетъ при внимательномъ разсмотрѣніи. Во всякомъ обществѣ, кромѣ потребностей постоянныхъ и общихъ, могутъ явиться потребности временныя, частныя, на которыя еще оно отвѣчать не умѣетъ. Для удовлетворенія этихъ потребностей могутъ быть нужны учебныя заведенія, исключительныя и временно-необходимыя до той поры, когда само общество вполнѣ пойметъ свои новыя задачи и будетъ въ состояніи свободно удовлетворять свои новыя требованія. Это право безспорно должно быть допущено всякимъ государственнымъ законодательствомъ. Такимъ образомъ, положительное вмѣшательство правительства въ дѣло общественнаго образованія такъ законно, какъ и отрицательное его вліяніе; а все то, что̀ составляетъ право правительства, составляетъ въ тоже время часть его обязанности. Итакъ, въ число прямыхъ обязанностей правительства, вѣрно выражающаго въ себѣ законныя требованія общества, входитъ устраненіе всего, что̀ противно внутреннимъ и нравственнымъ законамъ, лежащимъ въ основѣ самаго общества и удовлетвореніе тѣхъ потребностей, которыхъ само общество еще не можетъ удовлетворить вполнѣ. Изъ этого положенія слѣдуетъ, что правила общественнаго воспитанія должны измѣняться въ каждомъ государствѣ съ характе-

ромъ самаго государства и въ каждую эпоху съ требованіями эпохи. Въ отношеніи къ отрицательному вліянію правительства на общественное образованіе должно замѣтить, что правительство, которое допустило бы въ немъ начала, противныя внутреннимъ и нравственнымъ законамъ общества, измѣняло бы чрезъ то само общественному довѣрію. Поэтому, чтобы опредѣлить направленіе правительственныхъ дѣйствій на воспитаніе, надобно прежде всего опредѣлить самый характеръ земли, которой судьба вручена правительству: ибо то, что̀ можетъ быть невинно или даже похвально въ Англіи, было бы вредно и даже преступно въ Гишпаніи.

Внутренняя задача Русской земли есть проявленіе общества Христіанскаго, Православнаго, скрѣпленнаго въ своей вершинѣ закономъ живаго единства и стоящаго на твердыхъ основахъ общины и семьи. Этимъ опредѣленіемъ опредѣляется и самый характеръ воспитанія; ибо воспитаніе, естественно даваемое поколѣніемъ предшествующимъ поколѣнію послѣдующему, по необходимости заключаетъ и должно заключать въ себѣ тѣ начала, которыми живетъ и развивается историческое общество. Итакъ, воспитаніе, чтобы быть Русскимъ, должно быть согласно съ началами не богобоязненности вообще и не Христіанства вообще, но съ началами Православія, которое есть единственное истинное Христіанство, съ началами жизни семейной и съ требованіями сельской общины, во сколько она распространяетъ свое вліяніе на Русскія села....

Правило, что воспитаніе въ Россіи должно быть согласно съ бытомъ семейнымъ и общиннымъ, указываетъ болѣе на то, чего избѣгать должно, чѣмъ на то, что̀ должно дѣлать. Жизненныхъ началъ общества производить нельзя: они принадлежатъ самому народу или (въ избѣжаніе слова, слишкомъ часто употребленнаго во зло и слишкомъ дурно понятаго) самой землѣ, по выраженію старо-Русскому. Можно и должно устранять все то, что̀ враждебно этимъ началамъ, но развивать самыя начала почти невозможно. Жизненное и историческое дѣйствіе общества похоже на живыя явленія природы и, можетъ быть, еще неуловимѣе ихъ. Опасно вступать въ эти многосложныя и неосязаемыя тайны и поручать механикѣ и химіи то, что̀ поручено Промысломъ законамъ, которыхъ никто еще не постигъ вполнѣ. Всякая премія назначенная добродѣтели есть премія, предлагаемая пороку. Правительство, поощряющее подвиги безкорыстной доблести какою бы то ни было корыстною наградою, отравляетъ источникъ, который хочетъ очистить; правительство, которое беретъ семью подъ свое покровительство и опеку, обращаетъ ее покитайски въ полицейское учрежденіе и слѣдов. убиваетъ самую семейность. Нѣтъ никакой извѣстной возможности развить или произвести чувство, связывающее Русскаго крестьянина съ его общиною, или Русскаго человѣка съ его семьею; но есть возможность подавить или уничтожить эти чувства. Хорошо направленное воспитаніе должно избѣгать всѣхъ тѣхъ мѣръ, которыя могли бы произвесть такое гибельное послѣдствіе. Сельское училище, даже высшее, не должно вырывать селянина изъ его общиннаго круга и давать из-

лишнее развитіе его индивидуальности. Все воспитаніе и всѣ училища должны быть, во сколько возможно, соображены съ условіями семейной жизни. Любовь къ семьѣ не внушается отвлеченными теоріями съ каѳедры: она ростетъ и крѣпнетъ только привычкою къ семейному быту. Хорошо расчитанныя мѣстности для школъ и хорошо распредѣленныя вакаціи должны доставлять ученикамъ возможность возвращаться нерѣдко въ кругъ семейный или даже въ кругъ чужой семьи, если нѣтъ своей. Семьѣ, въ лицѣ ея старшихъ членовъ, долженъ быть открытъ доступъ въ самыя нѣдра училищъ; ибо ни деканскій присмотръ, ни инспекторское подслушиваніе, ни ректорская повѣрка не могутъ замѣнить бдительнаго надзора семейнаго общества. Наконецъ, чисто семейному воспитанію должны быть возвращены права, которыхъ оно теперь лишено. Ставить замкнутыя и привилегированныя школы вдали отъ центровъ Русскаго народонаселенія есть ошибка; обращать воспитаніе юношей въ какую-то тайну для ихъ семей есть дѣло неразумное; награждать преміями и привилегіями воспитанниковъ, которые выросли на счетъ общества и правительства, и лишать всѣхъ выгодъ и правъ тѣхъ, которые воспитаны на счетъ своей семьи и не стоили никакихъ издержекъ государству, было бы противно здравому смыслу вездѣ, а въ землѣ Русской это было бы прямымъ извращеніемъ ея коренныхъ началъ.

То самое, что̀ сказано о семейномъ бытѣ, относится болѣе или менѣе къ Вѣрѣ. Безъ сомнѣнія Христіанство, т. е. Православіе, имѣетъ свою наукообразную сторону, которую можно изучать и которую должно преподавать; но самое поверхностное наблюденіе уже показываетъ, что преподаваемое ученіе Вѣры весьма недостаточно и шатко. Оно вообще не имѣетъ и имѣть не можетъ теплоты апостольской проповѣди, укрѣпляющей вѣрныхъ и обращающей невѣрующихъ; оно не имѣетъ и (кромѣ развѣ высшихъ училищъ) не можетъ имѣть той глубины философскаго ученія, которое покоряетъ упорство разума его же оружіемъ, стройною и неотразимою логикою. Вообще оно не представляетъ ничего кромѣ сухаго перечня отдѣльныхъ положеній, безъ строгихъ доказательствъ и безъ живой связи, перепутанныхъ паутиною схоластики у преподавателей, имѣющихъ притязаніе на ученую послѣдовательность и затемненныхъ туманами мистики у преподавателей, имѣющихъ притязаніе на глубокое чувство. Оно необходимо, но не въ немъ заключается основа Христіанскаго и Православнаго развитія душевныхъ способностей въ юношествѣ. Эта основа заключается въ чувствахъ сердца, укрѣпленныхъ постоянною привычкою къ внѣшнему обряду Православія. Сердце воспитывается къ Христіанству, слава Богу, еще въ большей части Русскихъ семей, и училищамъ предстоитъ только поддержать его привычкою къ обряду. Нѣтъ ничего неразумнѣе, ничего смѣшнѣе и, скажу, болѣе ничего, что̀ бы столько приготовляло молодаго человѣка къ невѣрію, какъ добродушные уроки священника, расказывающаго преважно школьникамъ объ учрежденіи того или другаго поста, того или другаго праздника, между тѣмъ какъ школьникъ не думаетъ ни поста соблюдать, ни праздника праздно-

вать. Практическое воспитаніе Христіанина въ училищахъ Христіанскихъ требуетъ неизбѣжнаго исполненія обряда. Да будетъ постъ въ постъ и праздникъ церковный въ праздникъ, или да оставятъ всякое попеченіе о Христіанскомъ воспитаніи. Всѣ полумѣры и полусоблюденія обрядовъ представляютъ ясновидѣнію молодаго чувства тоже, что они представляютъ глазамъ просвѣщеннаго разума—смѣшной и ничѣмъ не оправдываемый произволъ. Разумѣется, говоря объ училищахъ, я не говорю о заведеніяхъ для малолѣтныхъ, и, говоря объ обрядѣ, я разумѣю подъ нимъ общецерковный, укоренившійся въ Русскомъ народѣ, а не мѣстный или монашескій обрядъ, неприспособленный къ трудовой жизни мірянъ. Наукообразное преподаваніе закона Божіяго во всѣхъ школахъ должно быть по преимуществу историческое, въ высшихъ же училищахъ оно можетъ и даже должно до нѣкоторой степени имѣть направленіе полемическое. Но эта полемика должна ограничиваться опредѣленіемъ отношенія ученія самой Церкви къ разнымъ ученіямъ, возникшимъ исторически изъ нея, а не отваживаться на схватку съ самымъ началомъ аналитическаго сомнѣнія или скепсиса. Эта вѣковая борьба рѣдко кому по силамъ. Конечно, она неизбѣжна, но должна быть предоставлена мыслителямъ, говорящимъ или пишущимъ для слушателей или читателей уже зрѣлыхъ; она неприлична рядовому преподавателю, говорящему передъ школьниками, слабыми въ разумѣ, сильными въ самоувѣренности, всегда готовыми къ сомнѣнію, какъ къ признаку умственной свободы и всегда одаренными искусствомъ подмѣчать слабую сторону въ преподавателяхъ своихъ. Тутъ для Вѣры равно опасны и неловкій защитникъ, и молодой слушатель неловкой защиты. Общій духъ школы долженъ быть согласенъ съ Православіемъ и укрѣплять сѣмяна его, посѣянныя семейнымъ воспитаніемъ, а лекціи катехизиса или богословія должны только уяснять понятія о Вѣрѣ.

То, что называемъ мы общимъ духомъ школы, признающей надъ собою высшій судъ закона Христіанскаго, не только не противно нѣкоторой свободѣ въ преподаваніи наукъ, но еще требуетъ этой свободы. Всякая наука должна выговаривать свои современные выводы прямо и открыто, безъ унизительной лжи, безъ смѣшныхъ натяжекъ, безъ умалчиванья, которое слишкомъ легко можетъ быть обличено. Нѣтъ сомнѣнія, что показанія нѣкоторыхъ наукъ положительныхъ, какъ геологія, фактическихъ, какъ исторія, или умозрительныхъ, какъ философія, кажутся не вполнѣ согласными съ историческими показаніями Священнаго Писанія или съ его догматическою системою. Тоже самое было и съ другими науками, и иначе быть не могло. Науки не совершили круга своего, и мы еще далеко не достигли до ихъ окончательныхъ выводовъ. Точно также не достигли мы и полнаго разумѣнія Св. Писанія. Сомнѣнія и кажущіяся несогласія должны являться; но только смѣлымъ допущеніемъ ихъ и вызовомъ наукъ къ дальнѣйшему развитію можетъ Вѣра показать свою твердость и непоколебимость. Заставляя другія науки лгать или молчать, она подрываетъ не ихъ авторитетъ, а свой

собственный. Въ системѣ инквизиціи религіозной вредны не столько ея жестокости, сколько робость и безвѣріе, которыя въ ней скрываются. Многое, что считалось противнымъ Закону Божію, теперь допущено и безвредно. Папское богословіе запрещало землѣ вертѣться, а мы всѣ повторяемъ за Галилеемъ: e pur si muove (а все-таки она вертится) и знаемъ, что движеніе планеты не уничтожаетъ Священнаго Писанія; но нелѣпый приговоръ духовныхъ судей былъ повторяемъ нерѣдко невѣрующими прошлаго и нынѣшняго столѣтія, какъ укоръ Христіанству, и нерѣдко увлекалъ слабые умы къ безвѣрію. Опасна не свобода наукъ: она необходима столько же для ихъ успѣха, сколько для достоинства Вѣры; а опасно Нѣмецкое суевѣріе въ непреложность наукъ на каждомъ шагу ихъ развитія. Это суевѣріе, вредное для наукъ и еще вреднѣйшее для религіи, должно быть устранено изъ всякаго преподаванія. Но какъ устранить ошибку, къ которой склонны преподаватели по своему ремеслу, а ученики по молодости, довѣрчивости и по самой любви къ наукѣ? Средство просто. Семейство и общество должны имѣть свободный доступъ въ училища, особенно высшія. Суевѣріе въ наукѣ и безвѣріе въ религіи не распространятся и не устоятъ передъ надзоромъ общества вѣрующаго (ибо таково еще большинство), общества уже знакомаго съ наукою, и для котораго она не имѣетъ ни соблазна новизны, какъ для учениковъ, ни соблазна ремесленности, какъ для преподавателей.

Воспитаніе, какъ уже сказано, есть передача всѣхъ началъ нравственныхъ и умственныхъ отъ одного поколѣнія послѣдующему за нимъ поколѣнію. Всѣ особенности мѣстныя заключаются въ началахъ нравственныхъ: объ нихъ уже говорено. Начала умственныя заключаютъ въ себѣ знанія, т. е. науку въ строгомъ смыслѣ и пониманіе науки. Эти начала имѣютъ одинаковыя требованія вездѣ, и правила для удовлетворенія этихъ требованій одинаковы во всѣхъ странахъ свѣта, ибо они основаны на общихъ законахъ человѣческаго разумѣнія.

Германія и особенно Англія держатся въ отношеніи къ воспитанію старыхъ преданій и старой системы, оправданныхъ опытомъ вѣковъ. Во Франціи и въ Россіи борятся двѣ системы, совершенно противоположныя другъ другу. Одна система дробитъ знаніе на многія отрасли и, ограничивая умъ каждаго юноши одною какою нибудь изъ этихъ отраслей, надѣется довести его до совершенства на избранномъ заранѣе пути, не знакомя его почти нисколько съ остальными предметами человѣческаго знанія. Это система спеціализма или, такъ сказать, выучки. Другая, принимая все человѣческое знаніе за нѣчто цѣльное, старается ознакомить юношу болѣе или менѣе съ цѣлымъ міромъ науки, предоставляя его собственному уму выборъ предмета, наиболѣе сроднаго его склонностямъ, и пути, наиболѣе доступнаго его врожденнымъ способностямъ. Это система обобщенія, или иначе—пониманія. Обѣ системы имѣютъ своихъ приверженцевъ; но, кажется, успѣхъ первой изъ этихъ системъ ничему иному приписать нельзя, кромѣ пристрастія ума человѣческаго ко всему

новому: ибо она также мало оправдана опытомъ, какъ она мало согласна съ общими законами разума. Страна, наиболѣе отличающаяся учеными и изобрѣтателями-спеціалистами, Англія, почти не имѣетъ спеціальныхъ школъ. Люди, прославившіеся самыми блистательными открытіями въ отдѣльныхъ отрасляхъ наукъ и подвинувшіе ихъ наиболѣе впередъ, никогда не были питомцами раннихъ спеціальныхъ разсадниковъ. Ньютоны и Лавуазье, Вобаны и Кегорны, Деви и Савиньи не были съ дѣтства отданы на выучку какому-нибудь одному мастерству въ области наукъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и изъ спеціальныхъ школъ выходили изрѣдка люди, съ честію подвизавшіеся на избранномъ заранѣе пути; такіе примѣры бывали, но они крайне рѣдки: столько же примѣровъ можно найти воспитанниковъ спеціальной школы, заслужившихъ почетное имя въ спеціальностяхъ, совершенно чуждыхъ ихъ воспитанію, столько же и еще болѣе можно найти примѣровъ геніальныхъ самоучекъ. Это исключенія, а не правило; до сихъ же поръ спеціальныя школы посылаютъ своихъ лучшихъ учениковъ совершенствоваться въ тѣ страны, гдѣ или совсѣмъ нѣтъ школъ спеціальныхъ, или гдѣ онѣ служатъ только пополненіемъ общаго просвѣщенія. Таковъ опытъ современный и таковъ будетъ опытъ всѣхъ временъ.

Разумъ человѣка есть начало живое и цѣльное; его дѣятельность въ отношеніи къ наукѣ заключается въ пониманіи. Самые предметы, представляемые наукою, какъ и предметы видимаго и осязаемаго міра, суть только матеріалы, надъ которыми трудится пониманіе. Истинная цѣль воспитанія умственнаго есть именно развитіе и укрѣпленіе пониманія; а эта цѣль достигается только посредствомъ постояннаго сравненія предметовъ, представляемыхъ цѣлымъ міромъ науки и понятій, принадлежащихъ ея разнымъ областямъ. Умъ, съизмала ограниченный одною какою-нибудь областью человѣческаго знанія, впадаетъ по необходимости въ односторонность и тупость и дѣлается неспособнымъ къ успѣху даже въ той области, которая ему была предназначена. Обобщеніе дѣлаетъ человѣка хозяиномъ его познаній; ранній спеціализмъ дѣлаетъ человѣка рабомъ вытверженныхъ уроковъ. Самое богатство матеріаловъ, если они всѣ принадлежатъ къ одной какой-нибудь отрасли науки и не пробуждаютъ дремлющей силы сравнивающаго пониманія, обращается въ тягость: оно лежитъ безплоднымъ и свинцовымъ грузомъ въ сонной головѣ, между тѣмъ какъ меньшее количество матеріаловъ, пробудившее дѣятельность ума съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ направленіяхъ, приноситъ богатые плоды и самому человѣку, и обществу, которому онъ принадлежитъ. Такъ несчастный ученикъ ремесленно-художественной школы, вѣкъ свой трудившійся надъ рисованіемъ орнаментовъ, никогда не нарисуетъ и не придумаетъ того затѣйливаго орнамента, который шутя накинетъ въ одно мгновеніе рука академика, никогда не думавшаго о сплетеніи виноградныхъ и дубовыхъ листьевъ.

Иначе и быть не можетъ. Умственная жизнь человѣка подчинена законамъ, подобнымъ тѣмъ, которыми управляется его жизнь физи-

ческая. Такъ, кто желалъ бы воспитать извѣстное число скороходовъ, носильщиковъ, кулачныхъ бойцовъ и т. д., дастъ имъ всѣмъ сперва общее воспитаніе атлета, подчинитъ ихъ общей діетѣ и общимъ упражненіямъ, укрѣпитъ всю ихъ мускульную систему и потомъ уже обратитъ ихъ къ предназначеннымъ спеціальностямъ, согласуясь, сколько возможно, съ ихъ врожденными способностями: онъ достигнетъ своей цѣли. Но тотъ, кто съизмала,раздѣливъ воспитанниковъ по будущему ремеслу на скороходовъ, носильщиковъ, бойцовъ, вздумалъ бы развивать въ будущемъ скороходѣ единственно силу ногъ и дыханія, въ будущемъ носильщикѣ единственно крѣпость спины и въ бойцѣ мускулы руки, тотъ выроститъ множество безсильныхъ уродовъ, изъ которыхъ едвали одинъ окажется сколько нибудь способнымъ къ работѣ, на которую былъ предназначенъ. Никому и не придетъ въ голову такое нелѣпое воспитаніе физическое. Отчего же такъ нераскаянно умничаютъ надъ человѣческимъ умомъ люди, которые посовѣстились бы позволить себѣ тѣже самыя несообразности въ тѣлесномъ воспитаніи человѣка? Въ общественномъ отношеніи должно еще прибавить и слѣдующее: человѣкъ, получившій основное образованіе общее, находитъ себѣ пути по обстоятельствамъ жизни; человѣкъ, замкнутый въ тѣсную спеціальность, погибъ, какъ скоро непредвидимая и неисчислимая въ случайностяхъ жизнь преградитъ ему единственный путь, доступный для него. Воспитаніе, основанное на раздѣленіи спеціальностей, необходимо сопряжено съ привилегированными школами, т. е. съ монополіею, и эта монополія даетъ десять умныхъ недовольныхъ на каждаго осчастливленнаго тупицу.

Спеціальность не можетъ быть положена въ основу воспитанія. Твердою и вѣрною основою можетъ служить только просвѣщеніе общее, расширяющее кругъ человѣческой мысли и его понимающей способности; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы это общее просвѣщеніе не имѣло своихъ степеней. Низшая сельская школа, приготовляя своихъ воспитанниковъ въ отношеніи къ общимъ познаніямъ, разумѣется, не должна и не можетъ ихъ доводить до такаго развитія, до какаго они будутъ доведены въ школахъ, служащихъ приготовленіемъ къ Гимназіи и Университету. Познакомивъ ученика вкратцѣ съ великими очерками міроздания и подробнѣе съ основаніями разумнаго Христіанства, т. е. Православія, она или возвращаетъ его къ его сельскому труду, или переводитъ его въ другую, высшую и болѣе спеціальную школу, но ни въ какомъ случаѣ не пробуждаетъ въ немъ безполезнаго стремленія къ наукамъ отвлеченнымъ, точно также какъ она и не запутываетъ его головы поверхностными и слѣдовательно всегда ложными понятіями о теоріяхъ его сельской спеціальности, которую онъ уже узнаетъ въ послѣдствіи, въ высшей школѣ. И такъ, степени общаго просвѣщенія, передаваемаго ученикамъ въ разныхъ приготовительныхъ училищахъ, могутъ быть весьма различны; но характеръ всѣхъ приготовительныхъ школъ долженъ быть одинаковъ: оно служитъ расширенію и обобщенію мысли, а не размежеванію ея областей.

Исключеніе спеціальныхъ направленій изъ училищъ приготовительныхъ или переходныхъ не исключаетъ спеціальности изъ воспитанія вообще; оно допускаетъ ее и даже признаетъ ея необходимость, но опредѣляетъ ей совсѣмъ иное мѣсто. Ученіе спеціальное не есть уже просто ученіе: оно уже есть дѣло жизненное, выборъ, такъ сказать, первый подвигъ гражданственности. Оно не начинаетъ, а повершаетъ воспитаніе общественное.

Вслѣдствіе такихъ соображеній, изъ курса гимназическаго должна быть устранена исключительная спеціальность занятій; но такъ какъ въ раннемъ возрастѣ отчасти уже выражаются умственныя способности учащихся и ихъ склонности, или еще чаще направленіе, данное имъ желаніемъ родителей, то можно допустить раздѣленіе общаго курса на два отдѣленія, на отдѣленіе словесности и отдѣленіе математики. Предметы обоихъ курсовъ должны быть одинаковы, ученіе общее. Различіе должно быть въ экзаменѣ. Характеръ отдѣленій опредѣляется преобладаніемъ языкознанія въ одномъ и математики въ другомъ. Въ обоихъ эти, отчасти спеціальныя, занятія должны быть сколько возможно менѣе направлены къ практической цѣли и слѣдовательно сколько возможно болѣе заключены въ области отвлеченнаго знанія. Словесность должна по преимуществу обращаться къ древнимъ языкамъ, математика — къ алгебраическимъ формуламъ. Задача переходнаго училища состоитъ именно въ томъ, чтобъ расширить и укрѣпить пониманіе, и этой цѣли можетъ оно достигнуть только такою системою, которая доставляетъ трудъ уму и пищу размышленію. Преподаваніе языковъ живыхъ и математики прикладной раскидываетъ мысль; преподаваніе языковъ древнихъ и чистой математики сосредоточиваетъ ее въ самой себѣ. Одно изнѣживаетъ и разслабляетъ, другое трезвитъ и укрѣпляетъ. Тотъ, кто учится Французскому и другимъ Европейскимъ языкамъ, пріобрѣтаетъ только новое средство читать журналы и романы и лепетать въ обществѣ на разныхъ ломанныхъ нарѣчіяхъ; тотъ, кто учится языкамъ древнимъ, пріобрѣтаетъ знаніе не языковъ, но самихъ законовъ слова, живаго выраженія человѣческой мысли. Одного знанія древнихъ языковъ достаточно, чтобы Русскій человѣкъ превосходно овладѣлъ своимъ собственнымъ языкомъ, а знаніе многихъ живыхъ языковъ достаточно, чтобы Русскій совершенно раззнакомился со всѣми живыми особенностями роднаго нарѣчія. Почти тоже самое можно сказать и объ математикѣ. Чистая математика приготовляетъ человѣка къ прикладной; прикладная дѣлаетъ человѣка почти неспособнымъ къ ясному уразумѣнію законовъ чистой математики. Наконецъ, познаніе языковъ новѣйшихъ и наукъ физическихъ легко пріобрѣтается и по выходѣ изъ школы: сама жизнь помогаетъ этому пріобрѣтенію. Языки древніе и чистая математика никогда уже не пріобрѣтаются тѣмъ, кого школа съ ними не подружила. Ученіе, повидимому безполезное въ отношеніи практическомъ, созидаетъ людей крѣпкихъ и самомыслящихъ; ученіе, повидимому чисто-практическое, воспитываетъ пустыхъ повторителей заграничной болтовни. И такъ, знаніе древнихъ языковъ и знаніе математи-

ки умозрительной составитъ характеръ двухъ отдѣленій Гимназіи; но какъ уже сказано, преподаваніе въ обоихъ отдѣленіяхъ должно быть одно и тоже, и только при экзаменѣ, по собственному желанію учениковъ, опредѣляется различіе между ними. Просящіе экзамена по словесности экзаменуются строже въ языкахъ древнихъ и легче въ математикѣ, которая считается для нихъ предметомъ только вспомогательнымъ; просящіе экзамена по математикѣ экзаменуются строже по алгебрѣ и геометріи и легче по древнимъ языкамъ, которые для нихъ уже составляютъ ученіе только вспомогательное....

Гимназія есть училище переходное. Съ этой точки зрѣнія должно смотрѣть на нее, и въ этомъ смыслѣ должно направить въ ней преподаваніе. Безъ сомнѣнія многіе ученики могутъ отказаться отъ дальнѣйшаго университетскаго образованія; это возможно, но не для нихъ должна быть разочтена внутренняя система преподаванія. По всѣмъ соображеніямъ курсъ гимназическій можетъ быть вполнѣ конченъ въ 6 годовъ или классовъ. Тотъ ученикъ, который съ успѣхомъ выдержалъ выпускной экзаменъ 6-го класса, долженъ быть допущенъ въ Университетъ безъ повторительнаго испытанія; для тѣхъ же учениковъ, которыхъ собственная воля и обстоятельства или воля родителей не допускаютъ до окончательнаго университетскаго образованія, можетъ съ пользою быть сохраненъ 7-й классъ, въ которомъ ученіе должно быть уже чисто-практическое и состоять изъ краткаго курса отечественныхъ законовъ, изъ нѣкоторыхъ началъ наукъ физическихъ и изъ уроковъ для усовершенствованія въ которомъ нибудь изъ новѣйшихъ языковъ, входившихъ въ прежніе семь классовъ единственно какъ предметъ вспомогательный.

Университетъ, какъ высшее изо всѣхъ государственныхъ училищъ, опредѣляетъ значеніе всѣхъ остальныхъ. Его процвѣтаніе есть процвѣтаніе всѣхъ, его паденіе—паденіе ихъ. Плохой Университетъ дѣлаетъ всѣ остальныя школы ничтожными, иныя вслѣдствіе ихъ прямой зависимости, другія вслѣдствіе того соревнованія, которое заставляетъ даже спеціальную школу стремиться къ совершенству, чтобы не уступить слишкомъ явнаго первенства высшему учебному заведенію. И такъ улучшеніе Университетовъ должно считать предметомъ первой важности въ дѣлѣ образованія общественнаго, и къ нему должно прилагать всевозможныя старанія.

Въ недавнее время проявилось мнѣніе, будто бы Университеты вообще можно уничтожить. Это мнѣніе должно отстранить однажды навсегда, и оно отстраняется само собою при малѣйшемъ размышленіи. Вопросъ объ уничтоженіи Университетовъ тождественъ съ вопросомъ объ общемъ направленіи народнаго просвѣщенія. Или все воспитаніе распадается на училища чисто-спеціальныя, или для высшаго и всеобъемлющаго образованія должны существовать высшія училища, вмѣщающія въ себѣ преподаваніе всѣхъ наукъ, связанныхъ между собою одною общею мыслительною системою; но послѣ того, что̀ сказано о преобладаніи спеціализма, перваго предположенія уже и опровергать не нужно. Съ другой стороны, или общество должно давать бо̀льшія преимущества и бо̀льшую вѣру

школамъ замкнутымъ и огражденнымъ отъ нравственнаго вліянія и надзора семьи и самаго общества, или на первой и высшей ступени оно должно поставить заведеніе, доступное его же надзору и его нравственному вліянію; но первое предположеніе противно здравой логикѣ вездѣ и противно нравственнымъ законамъ въ землѣ, которая признаетъ семью главною своею основою и лучшею порукою своего преуспѣянія и своего духовнаго достоинства. И такъ, необходимость Университетовъ и разумность ихъ главныхъ законовъ неопровержимы; остается только разсмотрѣть, какими путями могутъ они удобнѣе достигать своей цѣли.

Вообще люди, говоря объ образованіи въ Россіи, признаютъ, что оно имѣетъ болѣе характеръ поверхностнаго всезнанія, чѣмъ дѣльной спеціальности. Это мнѣніе сильно распространено, но тѣмъ не менѣе вполнѣ ложно. Безъ сомнѣнія, дѣльную спеціальность встрѣтить у насъ не совсѣмъ легко; но не всезнаніе мѣшаетъ ей развиваться, а чистое невѣжество, прикрытое лоскомъ одной спеціальности, самой неопредѣленной и самой пустой изо всѣхъ. Эта спеціальность есть довольно полное знаніе современной беллетристики, т. е. чего-то средняго между промышленною словесностью и общественною болтовнею. Разумѣется, эта спеціальность, рѣзко отличающая наше общество, имѣетъ какой-то обманчивый видъ всезнанія, но она соединяется по большей части съ полнымъ и совершеннымъ невѣжествомъ во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, начиная отъ практическихъ законовъ отечественнаго языка до отвлеченностей математики или философіи. Не излишняя общность знанія мѣшаетъ развитію спеціальностей; нѣтъ, эта мнимая общность, выдуманная, можетъ быть, иностранцами, поверхностно изучившими Русское общество и охотно допущенная нашею хвастливою скромностью, не существуетъ. Спеціальности у насъ ничтожны, просто потому, что общее знаніе у насъ ничтожно, что уровень нашего просвѣщенія весьма низокъ, что умъ лишенъ всякой силы и всякаго напряженія, и что наше совершенное невѣжество прикрыто отъ поверхностнаго наблюденія только одною спеціальностью: знаніемъ современной беллетристики.

Университеты наши еще такъ далеки отъ всезнанія, что не всѣ юристы въ состояніи порядочно выразить свои мысли по-русски, а изъ математиковъ и медиковъ бо́льшая часть не имѣетъ никакаго понятія объ исторіи всеобщей или отечественной. Неизбѣжная и неотвратимая небрежность вступительныхъ экзаменовъ допускаетъ въ Университетъ воспитанниковъ весьма слабо приготовленныхъ, а самый курсъ университетскій, разсчитанный единственно на спеціальныя требованія отдѣльныхъ факультетовъ, не пополняетъ и не можетъ пополнить недостатковъ первоначальнаго образованія. Очевидно, вступительные экзамены не обезпечиваютъ вполнѣ Университета отъ невѣжества студентовъ, и Университетъ долженъ внутри себя найти средства къ отвращенію этого зла.

Еще въ весьма недавнемъ времени курсъ университетскій былъ годомъ короче теперешняго; его продлили на годъ съ намѣреніемъ

дать большій просторъ специальному ученію. Соотвѣтствовалъ ли успѣхъ ожиданіямъ? Отвѣтъ долженъ быть отрицателенъ, если мы отстранимъ всякое предубѣжденіе и всякій самовольный обманъ. Остроградскіе и Перевощиковы—ученики короткихъ курсовъ, и едва ли имѣютъ они себѣ равныхъ соперниковъ въ питомцахъ курсовъ четырехлѣтнихъ. Лучшихъ соперниковъ они безспорно еще не имѣютъ. Факультеты, при удлиненномъ курсѣ, загромождены безполезными каѳедрами, развивающими мелкія специальности въ специальности самой науки (напр. каѳедры технологіи, сельскаго хозяйства, аналитическихъ функцій, теоріи вѣроятностей и проч.); наука ничего не выигрываетъ, время улетаетъ даромъ для учениковъ, общее просвѣщеніе не подается ни на шагъ впередъ, и щедрыя пожертвованія, дѣлаемыя правительствомъ для благой цѣли, пропадаютъ безъ всякой пользы. Скажемъ болѣе: наука отъ введенія пустыхъ каѳедръ не только не выигрываетъ ничего, но рѣшительно много теряетъ. Она теряетъ свою строгость, свою умозрительную важность и получаетъ характеръ ремесленности: она теряетъ уваженіе учениковъ и сама пріучаетъ ихъ къ пустотѣ и легкомыслію. Всѣ ненужныя каѳедры должны быть устранены или по крайней мѣрѣ обращены въ каѳедры знаній вспомогательныхъ, доступныхъ любознательности немногихъ, но не требуемыхъ отъ большинства, всегда равнодушнаго. Курсы должны быть снова сокращены на прежніе сроки, и требованія выпускныхъ экзаменовъ должны быть преимущественно и даже почти единственно обращены на предметы общіе и знанія умозрительныя. Такъ, напримѣръ, зоологія или ботаника не должны идти наравнѣ съ чистою математикою, или знаніе условныхъ и случайныхъ законодательствъ нашего времени — съ нестрого-логическимъ развитіемъ Римскаго права до искаженія его неудачными попытками позднѣйшей Византіи, которая желала ввести въ стройное зданіе Римскихъ юристовъ начала безспорно высшія, но не умѣла и не могла дать имъ цѣльности и гармоніи.

Сокращеніе курсовъ въ отношеніи къ ученіямъ специальнымъ должно быть съ избыткомъ вознаграждено развитіемъ просвѣщенія общаго. Первые два года университетскаго ученія должны быть посвящены такимъ предметамъ, которые равно необходимы всякому образованному человѣку, къ какой бы онъ специальности ни готовился. Таковы знанія Русскаго языка и Русской словесности, исторія словесности всемірной и понятіе объ ея образцовыхъ произведеніяхъ; исторія всеобщая въ широкихъ очеркахъ, безъ мелкихъ подробностей, начала математики въ ихъ отношеніяхъ къ мыслительной способности человѣка, и естественныхъ наукъ въ ихъ отношеніяхъ къ системѣ міра (т. е. космологіи), наконецъ, и болѣе всего, ученіе Церкви Православной, какъ высочайшее духовное благо, какъ завѣтъ высшей свободы въ отношеніи къ разуму, свободно принимающему свѣтъ Откровенія, и въ отношеніи къ волѣ, свободно подчиняющей себя законамъ безконечной Любви. Многіе изъ этихъ предметовъ уже знакомы слушателямъ изъ курса гимназическаго, но всѣ являются на лекціяхъ университетскихъ съ

высшимъ и болѣе всеобъемлющимъ значеніемъ. Таковъ долженъ быть приготовительный курсъ университетскій для всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго. Никто не долженъ быть отъ него освобожденъ. Исключенія допускаются только для первыхъ нумеровъ Гимназіи и училищъ, равныхъ Гимназіи, и для тѣхъ, которые, вмѣсто общаго вступительнаго экзамена, потребуютъ прямо экзамена переходнаго изъ пріуготовительнаго курса къ курсамъ спеціальнымъ. Такимъ исключеніемъ возвысится самое ученіе въ Гимназіяхъ, и рвеніе лучшихъ учениковъ получитъ значительную награду; а съ другой стороны, правительство представитъ великое поощреніе воспитанію домашнему, добро направленному и основанному на разумныхъ началахъ. Главнымъ же исключеніемъ изъ общаго правила будетъ медицинскій факультетъ. Медицина—не наука въ строгомъ значеніи этого слова: она не имѣетъ никакихъ умозрительныхъ основъ, и поэтому требованія и назначеніе медицинскаго факультета совершенно различествуютъ отъ требованій и назначенія другихъ факультетовъ, и на него должно смотрѣть не какъ на факультетъ университетскій, но какъ на спеціальную школу, причисленную къ Университету для того, чтобы придать спеціальному преподаванію форму и значеніе нѣсколько наукообразныя. Студенты медицинскіе могутъ быть освобождены отъ обязанности слушать курсъ приготовительныхъ наукъ и должны слушать только чтенія объ отечественномъ языкѣ, о Законѣ Божіемъ и объ естественныхъ наукахъ.

Такое распредѣленіе курсовъ дастъ твердую основу образованію университетскому и уровняетъ между собою всѣ четыре факультета.

Воспитаніе умственное, какъ уже сказано, имѣетъ цѣлію не только передачу частныхъ познаній, но и общее развитіе всей мыслящей способности. Его заключеніе есть обращеніе воспитанниковъ къ предметамъ спеціальнымъ, и эти спеціальные предметы, признанные за необходимые, суть слово человѣческое—орудіе и выраженіе его мысли; право—основа его общественныхъ отношеній, и математика—законъ всего вещественнаго міра. Таково теперь существующее раздѣленіе, и нѣтъ никакихъ явныхъ причинъ къ его измѣненію.

По окончаніи приготовительнаго курса, студенты объявляютъ, къ какой спеціальности они намѣрены обратиться, и уже экзаменуются согласно съ своимъ желаніемъ, т. е. строже по предметамъ избраннаго ими факультета и снисходительнѣе по другимъ; но этотъ экзаменъ принимается въ соображеніе при экзаменѣ выпускномъ, и тѣ, которые изъ предметовъ постороннихъ получили слишкомъ неудовлетворительные балы не имѣютъ права на кандидатство и по своему факультету кромѣ того случая, если бы они попросили дополнительнаго экзамена и выдержали его съ успѣхомъ.

Въ самыхъ факультетахъ направленіе ученія должно соотвѣтствовать своимъ началамъ и основамъ. Все, не принадлежащее къ спеціальности факультета, должно быть исключено. Такъ напр., статистика и политическая экономія не должны существовать въ факультетѣ словесномъ, а теорія краснорѣчія не должна быть преподаваема въ факультетѣ права. Съ другой стороны мелкія спеціально-

сти науки должны быть совершенно устранены или должны быть преподаваемы только желающимъ. Такими мелкими специальностями называемъ технологію и сельское хозяйство въ факультетѣ математическомъ, частныя и мелкія юриспруденціи въ факультетѣ права, теорію и исторію частныхъ формъ словесности въ факультетѣ словесномъ. Точно также должны быть совершенно отстранены всѣ лекціи о теоріяхъ не необходимыхъ для полнаго образованія человѣка ученаго по предмету имъ избранному, хотя бы сами теоріи и представляли много поучительнаго и любопытнаго. Студентъ теперешняго курса чистой математики теряетъ едва ли не половину своего времени на слушаніе теоріи аналитическихъ функцій и теоріи вѣроятностей, между тѣмъ какъ теорія вѣроятностей въ смыслѣ науки составляетъ только часть ученія о разрѣшеніи высшихъ уравненій и входитъ въ нее по необходимости; а изъ теоріи аналитическихъ функцій приходится сказать на послѣдней лекціи: «Вотъ попытка знаменитаго Лагранжа, желавшаго замѣнить Нютоновы дифференціалы; попытка была остроумна, но никуда не годилась, и вы можете забыть ее хоть завтра, нисколько не теряя возможности быть великимъ математикомъ». Такія злоупотребленія времени и труда должны быть отстранены навсегда. Въ замѣнъ многихъ, совершенно безполезныхъ, лекцій должны поступить лекціи еще не существующія, но необходимыя для полнаго развитія математическаго ума. Таковы: исторія математики и объясненіе законовъ мысли, скрывающейся подъ видимою вещественностью алгебраической формалистики. Этому геніальный Ньютонъ далъ, самъ того не зная, прекрасный примѣръ въ своей безсмертной биноміи, но примѣръ его нашелъ мало послѣдователей въ формалистахъ алгебры, не понимающихъ даже разницы между строго-мыслительнымъ ходомъ науки и ея слѣпою ощупью, между глубокимъ созерцаніемъ Англійскаго математика въ его биноміи и безсмысленнымъ приложеніемъ тригонометрической формулы къ рѣшенію высшихъ уравненій, сдѣланнымъ остроуміемъ Француза. Точно также исторія естественныхъ наукъ, съ ихъ удачами и неудачами, съ показаніемъ ихъ строгихъ выводовъ, ихъ былыхъ и теперешнихъ гипотезъ, ихъ прежнихъ ошибокъ и теперешнихъ пробѣловъ, необходима для пополненія курса въ томъ отдѣленіи математическаго факультета, которое посвящено наукамъ естественнымъ. Факультетъ юридическій не полонъ безъ исторіи права, разсмотрѣнной съ логической точки зрѣнія, и факультетъ словесности не существуетъ безъ каѳедры кореннаго нарѣчія, Санскритскаго, и безъ исторіи философіи.

Есть люди, которые боятся смѣлаго полета мысли, привыкшей къ отвлеченностямъ: это пустой страхъ, не основанный ни на какихъ данныхъ и ни на какомъ опытѣ. Наука серьезная и многотребовательная отрезвляетъ страсти и приводитъ человѣка къ разумному смиренію; только пустая и поверхностная наука раздражаетъ самолюбіе и внушаетъ человѣку требованія, несоразмѣрныя съ его заслугами. Наука въ высшихъ курсахъ Университета не можетъ быть слишкомъ глубокою и всеобъемлющею: ей нужна свобода мнѣнія и сомнѣнія, безъ которой она лишается всякаго уваженія и всякаго достоинства; ей

нужна откровенная смѣлость, которая лучше всего предотвращаетъ тайную дерзость.

Таковы должны быть направленіе и характеръ университетскихъ курсовъ. Они будутъ значительно разниться отъ нынѣ существующихъ и будутъ гораздо болѣе соотвѣтствовать истиннымъ требованіямъ общественнаго образованія. Многія перемѣны должны также быть введены въ порядокъ и внутреннее устройство Университетовъ. Вступительные экзамены останутся тѣже, но отъ нихъ увольняются всѣ ученики Гимназій и училищъ равныхъ Гимназіямъ, выдержавшіе успѣшно выпускные свои экзамены. Въ приготовительномъ курсѣ экзамена съ курса на курсъ быть не должно. Переходный экзаменъ отъ общаго курса къ спеціальнымъ факультетамъ необходимъ для всѣхъ слушателей этого пріуготовительнаго курса; онъ дозволяется всѣмъ молодымъ людямъ, воспитаннымъ дома, требующимъ прямо этого высшаго экзамена; но въ немъ поставляется правиломъ, что по каждой отрасли наукъ нововступающаго испытываетъ не тотъ профессоръ, который ее преподавалъ въ первоначальномъ курсѣ. Отъ переходнаго экзамена увольняются первые нумера гимназическихъ воспитанниковъ. Они вступаютъ изъ Гимназій прямо въ факультеты. Успѣшно выдержанный переходный экзаменъ даетъ въ общественной службѣ университетскимъ студентамъ и всѣмъ постороннимъ права и выгоды, предоставляемыя лучшимъ гимназистамъ. Спеціальные курсы продолжаются три года, но лишній годъ дозволяется всѣмъ студентамъ, которыхъ успѣхи могли быть замедлены или болѣзнію, или обстоятельствами домашними, а иногда и посторонними занятіями. Въ спеціальномъ курсѣ отмѣняются всѣ экзамены и весь счетъ годовыхъ баловъ, на основаніи котораго, въ противность здравому смыслу, ученикъ, улучшавшійся съ года на годъ, становится иногда ниже ученика, который былъ старателенъ въ первые годы и нѣсколько нерадивъ въ послѣдній. Этотъ счетъ повидимому созданъ только для упражненія секретаря университетскаго въ четырехъ правилахъ ариѳметики и для возбужденія досады, часто весьма разумной, въ студентахъ. Выпускной экзаменъ даетъ по прежнему степень студента или кандидата, смотря по успѣхамъ. Экзамены должны быть весьма строгими, и для того чтобы они могли быть строгими, всѣ положенія, наказывающія неуспѣхъ какъ преступленіе, должны быть отмѣнены. Ни одинъ добросовѣстный профессоръ, ни одинъ честный человѣкъ не рѣшится приговорить (какъ бы слѣдовало по теперешнему положенію) молодаго человѣка къ наказанію за то, что онъ не твердо знаетъ Греческія спряженія или какое количество ситца выдѣлывается ежегодно на Англійскихъ фабрикахъ. Въ этомъ увѣрены всѣ студенты. Испытанія обращаются въ пустую форму, и мѣра, придуманная для того, чтобы экзамены были какъ можно строже, совершенно уничтожаетъ экзаменъ.

Испытанія на высшія ученыя степени могутъ оставаться безъ измѣненія; къ нимъ должны быть допускаемы всѣ безъ исключенія.

Иностранцы всегда пользовались въ Россіи правомъ экзаменовъ на степень доктора, и нѣтъ никакихъ разумныхъ причинъ, почему,

то, что дозволяется уроженцу Іорка или Эдинбурга, было бы воспрещено человѣку, воспитавшемуся въ Иркутскѣ, Тифлисѣ, Воронежѣ, или въ степномъ поселкѣ. Наконецъ, слѣдуетъ прибавить, что, по моему мнѣнію, входъ на лекціи долженъ быть открытъ всѣмъ безъ исключенія. Этого требуетъ польза науки и образованія общественнаго; этого требуетъ нравственная справедливость, не дозволяющая, чтобъ ученіе дѣтей было тайною для родителей; этого требуютъ выгоды самого правительства, пріобрѣтающаго въ надзорѣ общества вѣрнѣйшую поруку въ дѣльности и безвредности самаго преподаванія. Точно также должно давать и экзаменамъ на высшія степени или по крайней мѣрѣ диспутамъ величайшую общественность: входъ долженъ быть свободенъ, возраженіе свободно. Всякое ограниченіе этой свободы должно быть устранено. Безъ нея испытаніе кандидата на ученую степень дѣлается ничтожнымъ, и таково оно отчасти теперь, когда и кандидатъ за своею каѳедрою, и возражатели на своихъ стульяхъ спорятъ другъ съ другомъ какъ будто подъ страхомъ уголовнаго слѣдствія или Гайнаускаго суда. Въ самыхъ семинаріяхъ понимаютъ, что возражатели на диспутѣ не могутъ стѣсняться постановленіями и ученіемъ Церкви. Это простое требованіе здраваго смысла.

Таковъ, какъ кажется, долженъ быть уставъ Университетовъ. Въ Университетахъ же заключается главный двигатель всеобщаго просвѣщенія, и они должны быть признаны не только на словѣ, но и на дѣлѣ, высшими изо всѣхъ учебныхъ заведеній, изъ которыхъ ни одно не должно равняться съ ними въ правахъ и преимуществахъ.

Сказавъ свое мнѣніе объ училищахъ и преподаваніи наукъ, я считаю себя обязаннымъ замѣтить, что точно также, какъ воспитаніе не начинается школою, точно также оно и не кончается ею. Послѣдній и высшій воспитатель есть самое общество, и разумное орудіе общественнаго голоса есть книгопечатаніе. Вредъ, происходящій отъ злоупотребленія книгопечатанія, обратилъ на себя вниманіе многихъ и сдѣлался въ послѣднее время предметомъ страха почти суевѣрнаго. Книгопечатаніе, какъ самое полное и разнообразное выраженіе человѣческой мысли, въ наше время есть сила и сила огромная. Какъ сила, оно можетъ произвести вредъ и вредъ значительный, хотя мнѣніе объ этомъ вредѣ вообще очень преувеличено, и ему приписываются такія явленія, которыя или вовсе или почти вовсе отъ него не зависѣли. Но изъ того, что какая нибудь сила можетъ произвести гибельныя послѣдствія, должно ли ее умерщвлять? Если бы Богъ далъ слабому человѣку такое могущество, конечно нашлись бы люди, которые вздумали бы уничтожить тѣ силы, которыя, появляясь въ видѣ бурь и землетрясеній, разрушаютъ великіе города и опустошаютъ цѣлыя цвѣтущія области: эти люди изъ благихъ намѣреній убили бы жизнь природы, и спасаемыхъ ими братій, и свою собственную. Тоже самое должно сказать и о книгопечатаніи. Люди, возстающіе противъ него, не догадываются, что въ ихъ собственной головѣ изъ мыслей, которыя они считаютъ своею

собственностію, едва-ли сотая принадлежитъ имъ и не почерпнута прямо или косвенно изъ того источника, который они хотѣли бы изсушить. Всякая мелочность и подавно мелкій страхъ долженъ быть отстраненъ отъ общественнаго управленія вездѣ и по преимуществу въ такихъ высшихъ державахъ какъ Россія.

Книгопечатаніе можетъ быть употреблено во зло. Это зло должно быть предотвращено цензурою, но цензурою не мелочною, не кропотливою, не безразсудно-робкою, а цензурою просвѣщенною, снисходительною и близкою къ полной свободѣ. Пусть унимаетъ она страсти и вражду, пусть смотритъ за тѣмъ, чтобы писатели, выражая мнѣніе свое, говорили отъ разума (конечно всегда ограниченнаго) и обращались къ чужому разуму, а не разжигали злаго и недостойнаго чувства въ читателѣ; но пусть уважаетъ она свободу добросовѣстнаго ума. Цензура, безразсудно строгая, вредна вездѣ (этому Австрія служитъ примѣромъ и доказательствомъ: закормленная, запоенная и одуренная Вѣна была въ 1848 году хуже Берлина и Парижа); но цензура безмѣрно-строгая была бы вреднѣе въ Россіи, чѣмъ гдѣ-либо. По милости Божіей, наша родина основана на началахъ высшихъ, чѣмъ другія государства Европы, не исключая даже Англіи: ими она живетъ, ими крѣпка. Эти начала могутъ и должны выражаться печатно. Если выраженіе ихъ затруднено, и жизнь словесная подавлена, мысль общественная и особенно мысль молодаго возраста предается вполнѣ и безъ защиты вліянію иноземцевъ и ихъ словесности, вредной даже въ произведеніяхъ самыхъ невинныхъ, по общему мнѣнію. Такъ напримѣръ, письма изъ Парижа въ Revue Etrangère, въ которыхъ старый аристократъ облизывается при воспоминаніи объ ужинахъ Людовика XV-го, хуже въ своихъ нравственныхъ послѣдствіяхъ, чѣмъ жалкій бредъ Консидерана или остроумное и странное безуміе Прудона. Я скажу болѣе: иностранная словесность сама по себѣ, безъ противодѣйствія словесности Русской, вредна даже въ тѣхъ произведеніяхъ, которыя, по общему мнѣнію, заслуживаютъ наибольшей похвалы и особеннаго поощренія. Для Русскаго, взглядъ иностранца на общество, на государство, на вѣру, превратенъ; неисправленныя добросовѣстною критикою Русской мысли, слова иностранца, даже когда онъ защищаетъ истину, наводятъ молодую мысль на ложный путь и на ложные выводы, а между тѣмъ, при оскудѣніи отечественнаго слова, Русскій читатель долженъ по неволѣ пробавляться произведеніями заграничными. Но скажутъ: строгость цензуры никогда не можетъ падать на произведенія безвредныя или полезныя. Это не правда. Можно доказать, что излишняя цензура дѣлаетъ невозможною всякую общественную критику, а общественная критика необходима для самого общества, ибо безъ нея общество лишается сознанія, а правительство лишается всего общественнаго ума. Но если бы даже это было правдою, то и тогда вредъ былъ бы неизчислимъ. Честное перо требуетъ свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ. Когда, по милости слишкомъ строгой цензуры, вся словесность бываетъ наводнена выраженіями низкой лести и явнаго лицемѣрія, въ отношеніи политическомъ

и религіозномъ, честное слово молчитъ, чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ, или не сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушной рѣзкости: лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется продажнымъ и низкимъ душамъ; душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во всѣ произведенія словесности; умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ, и мало по малу въ обществѣ растетъ то равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобы отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія за нимъ слѣдующія.

Такіе примѣры бывали въ исторіи, и ихъ должно избѣгать.

Три послѣднія стихотворенія князя П. А. Вяземскаго.

1.

МОЯ ЛЕГЕНДА.

(1877).

Худо, худо, ахъ Французы,
Въ Ронцевалѣ было вамъ:
Карлъ Великій тамъ лишился
Лучшихъ рыцарей своихъ.
Карамзинъ [1]).

Худо, худо, Петръ Андреичъ,
Въ Vor der Höhe [2]) было вамъ:
Тамъ лишились вы внезапно
Лучшихъ рыцарей своихъ.

* * *

Рыцарь духа, рыцарь силы,
Въ бодромъ мужествѣ своемъ,
Озаряли вашу старость
Золотымъ своимъ щитомъ.

---

[1]) Такъ начинается стихотвореніе Карамзина, написанное еще въ 1789 году: „Графъ Гвариносъ, древняя Гишпанская историческая пѣсня“. Карамзинъ былъ для князя Вяземскаго первообразомъ, не только относительно словесности, но и въ отношеніи общественномъ, политическомъ и религіозномъ; онъ зналъ наизусть нынѣ всѣми забытые стихи Карамзина и остановился на нихъ предсмертною мыслію. П. Б.

[2]) Городъ Гомбургъ, близъ Франкфурта на Майнѣ, называется: vor der Höhe (предъ высотами). Тамъ провелъ князь Вяземскій послѣдніе годы жизни. Отличный климатъ, безъ сильнаго жара и сильныхъ холодовъ, обиліе свѣжей зелени, превосходный паркъ съ видами на горы и въ тоже время широкими лужайками, благоустроенная жизнь, прямое сообщеніе съ главными центрами Европы, разнообразное общество, во множествѣ съѣзжающееся на лѣтніе мѣсяцы для пользованія цѣлебными источниками и непрерывающаяся круглый годъ музыка, суть привлекательныя стороны этого предгорья, гдѣ медленно угасала дорогая жизнь, связанная съ лучшими преданіями Русскаго просвѣщенія. Лишь за нѣсколько недѣль до кончины князь Вяземскій переѣхалъ по близости оттуда, въ Баденъ-Баденъ, и тамъ умеръ 10 Ноября 1878 года, 86 лѣтъ отъ роду. Памяти князя Вяземскаго будутъ посвящены многія страницы Русскаго Архива. П. Б.

Стары были вы годами,
Но казались молодымъ;
Вы въ обманъ вдавались сами,
И обманъ вашъ льстилъ другимъ.

*
* *

Подъ какимъ-то обаяньемъ
Годы были вамъ легки,
И скрывали лба морщины
Облетавшихъ розъ листки.

*
* *

Въ старческой бесѣдѣ вашей,
Средь любезныхъ дамъ и дѣвъ,
Слышался знакомой пѣсни
Нестарѣющій напѣвъ.

*
* *

Сердцу сердце отвѣчало,
И сливались въ стройный ладъ:
Жизни свѣтлое начало,
Жизни гаснущей закатъ.

*
* *

Но соскучась долгой службой
А, быть можетъ, старикомъ,
Ваши рыцари пропали
Вдругъ, нежданно и тайкомъ.

*
* *

Съ ними разлетѣлись чары;
Что-то замерло въ груди:
Голова и ноги стары,
Хоть сейчасъ ихъ въ гробъ клади.

*
* *

Вы теперь чѣмъ быть вамъ должно,
Старикомъ, какъ есть старикъ,
То-есть гадкой и подложной
Быта прежняго двойникъ.

*
* *

Допотопный звѣрь, что̀ молча
Въ храминѣ наукъ стоитъ,
На котораго за гривну
Въ балаганахъ чернь глядитъ.

*
* *

Петра Перваго обноски;
Не Полтавскіе-ль штаны?
Ихъ и васъ ужъ моль изъѣла,
Васъ, останки старины.

Въ темномъ лѣсѣ иль въ пустынѣ
Вы часовня древнихъ лѣтъ,
О которой и въ поминѣ
Въ новомъ племени ужъ нѣтъ.

*
* *

Предъ часовней машинально
Перекрестишься подъ часъ:
Вамъ поклонишься случайно,
И проходишь мимо васъ.

*
* *

Такъ прощайте-жъ, Петръ Андреичъ,
Нашъ разрывъ необходимъ:
Пѣшій коннымъ не товарищъ,
Мертвый не ходокъ съ живымъ!

*
* *

Такъ я, за живо отпѣтый,
Одинокій средь людей,
Самъ пою свою легенду
Въ злой безсонницѣ своей.

ПРИПИСКА.

Былъ еще мнѣ вѣрнымъ другомъ,
Попечителемъ ночей,
Примиритель мой съ недугомъ,
Также добрый чародѣй;

*
* *

Былъ хлораль [3]), посолъ Морфея;
Но и тотъ мнѣ измѣнилъ:
Сонъ, какъ прежде, не лелѣя,
Кубокъ чудный онъ разбилъ.

*
* *

Ужъ не льетъ струей цѣлебной
Онъ забвеніе въ меня,
Миръ и отдыхъ отъ враждебной,
Злой дѣйствительности дня.

*
* *

Онъ сестрѣ своей злорадной
Сдалъ безсонницѣ меня.
Нѣтъ ни ночи мнѣ прохладной,
Нѣтъ ни радостнаго дня.

---

3) Успокоительныя капли, которыя даются въ предупрежденіе безсонницы.

Днемъ тоскую, ночью тоже,
Ночи съ днемъ не различить.
Да на чтожъ это похоже?
Васъ осмѣлюсь я спросить.

Ноябрь 1877.

2.

ЦВѢТОКЪ.

(1878 г.).

Зачѣмъ не увядаемъ мы,
Когда часъ смерти наступаетъ,
Какъ съ приближеніемъ зимы
Цвѣтокъ спокойно умираетъ?

* * *

Къ нему природы благъ законъ,
Ему природа мать родная:
Еще благоухаетъ онъ,
Еще красивъ и увядая.

* * *

Его изсохшіе листки
Еще хранятъ свой запахъ нѣжный;
Онъ даръ намъ памятной руки
Въ день слезъ разлуки безнадежной.

* * *

Его мы свято бережемъ
Въ завѣтной книгѣ думъ сердечныхъ,
Какъ вѣсть, какъ пѣсню о быломъ,
О дняхъ такъ грустно скоротечныхъ.

* * *

Для насъ онъ памятникъ живой,
Хотя онъ жизнью ужъ не дышетъ,
Не вспрыснутъ утренней росой,
И въ полночь соловья не слышитъ.

* * *

Мы съ нимъ, какъ съ другомъ, говоримъ
О прошломъ намъ родномъ и общемъ,
И тайно вмѣстѣ съ нимъ грустимъ
О счастьи, ужъ давно усопшемъ.

* * *

Цвѣтку не тяжекъ смертный часъ.
Сегодня насъ онъ манитъ;
А завтра намъ въ послѣдній разъ
Онъ улыбнется и завянетъ.

А насъ и корчитъ и томитъ
Болѣзнь предъ роковой могилой;
Намъ дикимъ пугаломъ грозитъ
Успенья геній свѣтлокрылый.

* * *

Страшна не смерть, а страшны намъ
Ея обрядъ и обстановка,
Страданье днемъ и по ночамъ,
А тамъ въ путь дальній упаковка.

* * *

Предтечи смерти страшны намъ,
Ея прислуга роковая....

* * *

Мертвящій холодъ въ грудь проникъ,
Жизнь одичала въ мутномъ взорѣ,
Обезображенъ свѣтлый ликъ,
И ближнимъ въ ужасъ онъ и въ горе.

* * *

А тамъ насъ въ тѣсный гробъ запрутъ,
Опустятъ въ мраки подземелья
И сытной пищей отдадутъ
Червямъ на праздникъ новоселья.

* * *

О, какъ завидую тебѣ
Въ предсмертной скорби и борьбѣ,
Въ часъ роковой и безпощадный,
Какъ я завидую тебѣ,
Цвѣтокъ мой милый, ненаглядный!

3.

ПРЕДСМЕРТНЫЯ СТРОКИ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКАГО.

(Писано 8 Ноября 1878 года, за два дня до кончины).

Хочу я волю дать молитвѣ и слезамъ:
О, да исправится молитва предъ Тобою,
Какъ изъ кадильницы Тебѣ моей рукою
Возженный чистый ѳиміамъ,
Вечерней жертвы приношенье.
Боецъ уязвленный, томлюсь я битвой дня.
Въ Твое прибѣжище, въ Твое успокоенье
Пріими, о Господи, меня!

Изъ письма Степана Петровича Шевырева къ Авдотьѣ Петровнѣ Елагиной.

Флоренція, 29 Мая 1829.

Въ Веймарѣ я разстался съ нашимъ другомъ [1]), съ улыбкой надежды на скорое свиданіе въ Италіи. Теперь, повидимому, онъ, слава Богу, спокоенъ и доволенъ настоящимъ; одна неизвѣстность будущаго его тревожитъ. Въ Россію ему пока не хочется ни за что, и потому его мѣсто на два, на три года непремѣнно чужіе края. Теперь онъ весь живетъ въ мірѣ Греческомъ и Латинскомъ, совершенно съ любовью преданъ своему предмету и, судя по настоящимъ занятіямъ, обѣщаетъ намъ Винкельмана или Гейне Русскаго. Съ Кирѣевымъ жить онъ не можетъ, а мы-то на него и надѣялись. Если Кайсарова остается въ чужихъ краяхъ, онъ остается у нихъ и не хочетъ отойти, потому что не хочетъ сдѣлать имъ непріятности и ее уважаетъ, ей благодаренъ. Если же мужъ призоветъ жену въ Россію, онъ непремѣнно отходитъ, и тогда (если не будетъ другаго средства) я бросаюсь въ ноги къ нашей дорогой княгинѣ [2]), Рожалина тащу сюда, и мы съ нимъ составимъ маленькій Университетъ à deux professeurs для молодаго князя, ибо княгинѣ надо же нанимать учителей по нѣкоторымъ предметамъ. Какъ бы это хорошо было! Ужъ мы все положили, во всемъ сговорились, и я жду отъ него рѣшительнаго увѣдомленія о томъ, остается ли Кайсарова въ чужихъ краяхъ. Вотъ опять досада; онъ не можетъ узнать сего навѣрно; его кормятъ надеждою, а я, не зная его расположеній, не могу начинать своихъ дѣйствій здѣсь. Еще терпятъ два мѣсяца, т. е. время нашего пребыванія въ Пизѣ; но потомъ надо будетъ прочнымъ и постояннымъ образомъ устроить занятія князя. Какъ бы къ тому подоспѣлъ милый Рожалинъ, и славно бы!

Я увидѣлъ Рожалина, совсѣмъ потерявши надежду его видѣть, наканунѣ нашего отъѣзда изъ Лейпцига. Даже написалъ уже къ нему письмо и уложилъ всѣ посылки, чтобъ отправить по почтѣ. Свиданіе съ нимъ мнѣ было и пріятно, и поучительно. Онъ очень доволенъ изданіемъ Вертера; но все скромничаетъ, все стыдится сво-

---

[1]) Николаемъ Матвѣевичемъ Рожалинымъ, переводчикомъ «Страданій Вертера», сочиненія Гёте. Переводъ этотъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1829 году, въ 2 частяхъ. На немъ означено только «Переводъ съ Нѣмецкаго Р.».

[2]) Княгинѣ Зинаидѣ Александровнѣ Волконской, съ которою путешествовалъ Шевыревъ, завѣдуя обученіемъ ея сына.

его перевода. Какъ я ему ни воспѣвалъ похвалы отъ всѣхъ и даже отъ Булгарина, — не могъ его успокоить. Вообразите, не хотѣлъ идти къ Гёте, какъ переводчикъ Вертера, а просился въ передней его видѣть. Княгиня насильно его потащила и избавила всѣхъ насъ. Если Гёте насъ робѣлъ, какъ же мы-то должны были его бояться! Мы все молчали и смотрѣли. Онъ показалъ намъ подарокъ Жуковскаго,—картину, изображающую арфу у стула, на которомъ кто-то сидѣлъ и исчезъ, оставивъ плащъ свой. Луна ударяетъ на струны. Эта мысль взята изъ его «Елены». Гёте очень доволенъ этимъ подаркомъ. Княгиня своею любезностью загладила нашу скромность. Оттилія Гёте не хороша, даже дурна, но очень умна и любезна она вся дышетъ Байрономъ и сожалѣетъ, что онъ не успѣлъ исполнить своего обѣщанія—посѣтить Веймаръ. Гёте очень добрый дѣдушка; когда вошелъ въ комнату внукъ его, онъ весь устремился на него. Видно, что въ безсмертіи своемъ, какъ поэтъ, онъ слишкомъ увѣренъ; ему хочется жить и во внукахъ. Какіе огненные глаза! Но они одни и живутъ въ немъ, а впрочемъ онъ только что бродитъ по землѣ. Онъ сидѣлъ на стулѣ, протянувши руки и безпрестанно сжимая пальцы. Уже все ему въ тягость, а особенно незнакомыя лица, какъ будто ему уже нѣтъ времени видѣть новое. Онъ рѣдко теперь выходитъ изъ дома, однако все издаетъ журналъ свой. Пофранцузски говоритъ онъ дурно. Съ большимъ участіемъ слушалъ онъ, какъ княгиня говорила ему о томъ, какъ цѣнятъ его въ Россіи. Оттилія слыхала о Пушкинѣ, но не могла сказать его имени, потому что имена Русскія жестки даже и для Нѣмецкаго уха.

С. Шевыревъ.

Гёте въ это время было 80 лѣтъ (онъ умеръ 22 Марта 1832 г.). Оттилія — невѣстка Гёте, жена его сына. Упоминаемый журналъ—Kunst und Alterthum (Искусство и Древность).

Спасеніе жизни Императора Николая Павловича.

Происшествіе это случилось, если не ошибаюсь, въ 1848 году. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ тогда графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій. Онъ поручилъ своему чиновнику особыхъ порученій Н. И. Надеждину написать о томъ статью для Русскаго Инвалида. Статья не была напечатана. Не могу навѣрно объяснить причину этого, но вѣроятно Государю не угодно было тревожить своихъ подданныхъ оглашеніемъ той опасности, которой онъ подвергался.

Государь на другой день, 5 Апрѣля, слушалъ благодарственный молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, куда пріѣхалъ безъ свиты, и кромѣ обычныхъ богомольцевъ въ церкви никого не было; не было и пѣвчихъ, пѣли соборные дьячки, а молебенъ служилъ одинъ священникъ (профессоръ Университета А. И. Райковскій). Помнится, это было на Святой недѣлѣ.

Сергѣя Титова, уже вольнаго, я видалъ раза два или три у Н. И. Надеждина.

Помѣщаю здѣсь статью изъ доставшихся мнѣ бумагъ покойнаго Надеждина.

Павелъ Мельниковъ.

«На прошлой недѣлѣ, съ 4 на 5 Апрѣля, около полуночи, Московской части въ Болотной улицѣ [1]), произошелъ сильный пожаръ, обхватившій надворныя деревянныя строенія, гдѣ между прочимъ помѣщались сѣно и хлопчатая бумага, увеличивавшія свирѣпость пламени. Въ то время, когда пожарная команда, явясь немедленно на мѣсто бѣдствія, съ обыкновеннымъ своимъ мужествомъ и порядкомъ сосредоточила дѣятельность свою на пожираемыхъ огнемъ зданіяхъ, народъ, многочисленною толпою сбѣжавшійся со всѣхъ сторонъ на пожаръ, бросился помогать жителямъ сосѣднихъ домовъ выноситься. При суматохѣ, неизбѣжной въ подобныхъ случаяхъ, въ одномъ домѣ изъ третьяго этажа хотѣли выкинуть нѣсколько большихъ столярныхъ станковъ, черезъ окошки на улицу, какъ одному молодому крестьянину, изъ бывшихъ при томъ, пришло въ голову, что улица передъ окошками наполнена людьми, почему онъ и выскочилъ тотчасъ предупредить объ угрожающей опасности. Первое попавшееся ему лицо, на самомъ опасномъ мѣстѣ, былъ военный, къ которому онъ сначала обратился съ почтительнымъ предостереженіемъ: «Ваше Благородіе, посторонитесь; но когда предостерегаемый, не вслушавшись или не понявши смысла его словъ, оставался на мѣстѣ не трогаясь, то крестьянинъ, взявъ его за капюшонъ шинели, сдернулъ съ мѣста силою, примолвивъ: «Баринъ, отойди, убьютъ!» Въ это самое мгновеніе, изъ окошка вылетѣлъ огромный станокъ,

---

[1]) Въ Петербургѣ.

и упавъ разбился въ дребезги на томъ самомъ мѣстѣ, только-что сдвинулся военный. Сей послѣдній тутъ же своего нечаяннаго спасителя, поцѣловалъ его и сказалъ онъ пришелъ къ нему во дворецъ. Крестьянинъ отвѣча. добродушною улыбкою и простосердечнымъ вопросомъ: «да г, найти тамъ Ваше Благородіе!» Тогда другой молодо. ный, слѣдовавшій за первымъ, присовокупилъ: «приходи-же говоритъ съ тобою Государь!» Дѣйствительно особа, которою при этомъ случаѣ столь чудесно обнаружилось неусы. бдѣніе Божественнаго Промысла, былъ Его Императорское Велич. во Государь Императоръ».

«Крестьянинъ, котораго Провидѣніе избрало въ оружіе этого удивительнаго событія, оказался крѣпостной г-на товарища министра внутреннихъ дѣлъ тайнаго совѣтника И. Г. Сенявина; имя его Сергѣй Титовъ; занятіе сторожъ Никольской Единовѣрческой церкви въ Петербургѣ въ Грязной улицѣ [1]). Въ память и награду своего подвига онъ удостоился получить отъ Его Величества золотые часы, съ милостивымъ Царскимъ словомъ».

«Господинъ Сенявинъ, при первомъ извѣстіи о случившемся, далъ Титову отпускную».

«Замѣчательно, что этотъ самый крестьянинъ Титовъ и прежде уже имѣлъ счастіе удержать однажды лошадей взбѣсившихся подъ экипажемъ Его Величества. Онъ не могъ не знать Государя, но при настоящемъ случаѣ, въ попыхахъ общаго замѣшательства, ночью, при многочисленномъ стеченія всякаго званія лицъ, онъ думалъ имѣть дѣло съ простымъ офицеромъ, и если бы не эта спасительная ошибка, то можетъ быть не нашелъ бы въ себѣ довольно смѣлости къ столь быстрому и рѣшительному дѣйствованію, котораго счастливый успѣхъ зависѣлъ единственно отъ этой быстроты и рѣшительности».

«Заслуживаетъ примѣчанія и то, что Титовъ до сихъ поръ ни разу не былъ на пожарахъ, тутъ-же, какъ будто нарочно, что-то потянуло его идти на пожаръ такъ поздно, въ глухую полночь; и когда онъ вмѣстѣ съ другими вбѣжалъ въ домъ, чтобы помогать выбрасываться, опять что-то, безъ всякаго сторонняго приказанія или внушенія, такъ—Богъ знаетъ какъ, увлекло его на улицу, съ мыслью предостереженія, которая повидимому столь мало согласна съ приписываемою простолюдинамъ безпечностью и невнимательностью».

«Случай этотъ, такъ дивно великій въ своей простотѣ, оправдываетъ слова Псалмопѣвца, извѣстныя наизустъ каждому Русскому, который, всякій разъ какъ слышитъ ихъ въ Святой Церкви, всегда съ благоговѣйнымъ умиленіемъ относитъ къ священной особѣ Помазанника Божія, держащаго въ рукѣ своей благо милліоновъ: Яко ангеломъ своимъ заповѣсть о Тебѣ сохранити Тя во всѣхъ путехъ Твоихъ; на рукахъ возмутъ Тя, да некогда преткнеши о камень ногу Твою (Псаломъ XC, стихи 11 и 12).

---

[1]) Нынѣ Николаевская.

Пятисотлѣтіе Куликовской битвы.

удущій 1880 годъ является для Россіи весьма знаменательнымъ. этомъ году исполнится двадцатипятилѣтіе настоящаго славнаго ірствованія, и конечно, оно будетъ отпраздновано достойнымъ образомъ. Между прочимъ къ тому времени предполагается освященіе Храма Спасителя въ Москвѣ—памятника Отечественной войны; можетъ быть, тогда же откроется и Московскій Историческій Музей. Но знаменательно то, что это двадцатипятилѣтіе совпадаетъ съ памятью о событіи величайшей важности для всякаго Русскаго сердца: *съ пятисотлѣтнею годовщиною Куликовской битвы.* Мало того: въ томъ же 1880 году исполнится *четырехсотлѣтіе окончательнаго сверженія Татарскаго ига.* Вотъ объ этой-то великой годовщинѣ я и желаю напомнить своимъ соотечественникамъ и сказать имъ о необходимости почтить ее также достойнымъ образомъ.

Воздавая должное живымъ, забудемъ ли исполнить свой долгъ въ отношеніи главныхъ дѣятелей Русской исторіи давно почившихъ?

Чтобы оцѣнить ихъ плодотворную дѣятельность, нужно только перенестись мысленно въ ту эпоху, когда раздробленная, подавленная дикими восточными ордами, тѣснимая и съ другихъ сторонъ, Русь медленно, но прочно собирала свои разбросанныя силы вокругъ одного ядра, подъ руководствомъ цѣлаго преемственнаго ряда умныхъ и энергичныхъ государей Московскихъ. Необыкновенно любопытна эта Московская государственность, получившая всеміріоисторическое значеніе по своимъ многоплоднымъ послѣдствіямъ. Съ великими трудами и жертвами сопряжено было ея развитіе, но за то государство складывалось крѣпко и устойчиво. Московскіе великіе князья были конечно только вѣрными представителями Великорусскаго племени, изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ самаго государственнаго. А Великорусское племя является наиболѣе крѣпкою изъ трехъ вѣтвей и непосредственнымъ преемникомъ того могучаго Русскаго народа, который когда-то имѣлъ своимъ средоточіемъ Кіевъ и оттуда объединилъ большую часть Восточной Европы подъ властію своего княжескаго рода. Этотъ народъ въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ самъ создавалъ тѣ формы своего государственнаго быта, съ которыми онъ является передъ глазами исторіи тогда, когда иноземные писатели заговорили о немъ какъ о великомъ Восточно-европейскомъ народѣ (въ IX и X вв.). Басни и домыслы наивныхъ, сравнительно позднихъ книжниковъ, хотя и усердно поддержанныя нѣкоторыми, преимущественно Нѣмецкими, учеными прошлаго и настоящаго столѣтія, должны же, наконецъ, уступить мѣсто исторической правдѣ. Уже самая крѣпость и устойчивость нашего государства доказываетъ, что въ основу его легло тяжеловѣсное ядро, т. е. могучее туземное племя,

а не какая-то горсть призванныхъ изъ-за моря иноземі
слѣднемъ случаѣ оно давно бы разсыпалось прахомъ, (
непреложными историческими законами.

Настоящее государство наше, въ свою очередь непосре,
преемникъ Московскаго, почтило особымъ торжественнымъ
ствомъ тысячелѣтіе Россіи, и въ смыслѣ хронологическомъ
приблизительно вѣрно; ибо въ 865 году Русь съ своими кн.
явилась подъ Царьградомъ, и съ этого времени дѣйствительно н
нается непрерывная Русская исторія. Смѣемъ надѣяться, что о.
приметъ на себя починъ и въ достойномъ памятованіи такаго собы
тія какъ Куликовская побѣда, которой истекаетъ полтысячи лѣтъ,
и такаго историческаго момента какъ сверженіе варварскаго ига. Послѣдняя наша война, предпринятая для освобожденія единоплеменниковъ отъ такаго же варварскаго ига, какое тяготѣло нѣкогда надъ нами, эта священная война какъ нельзя болѣе кстати совершилась при наступленіи великой отечественной годовщины. Въ праздновaніи ея вмѣстѣ съ правительствомъ, мы увѣрены, теплое участіе приметъ и все Русское общество, и этотъ праздникъ будетъ имѣть характеръ вполнѣ общенародный.

Способъ и подробности празднованія, конечно, могутъ быть выработаны постепенно, и пожалуй не мѣшало бы для обсужденія ихъ составить небольшую коммиссію; а также хорошо было бы произвести предварительныя археологическія розысканія на Куликовомъ полѣ и въ окрестностяхъ. Въ настоящую минуту говорю только о необходимости народнаго Русскаго торжества и даже позволю себѣ предложить для него программу въ общихъ чертахъ. Само собою разумѣется, что 19 Мая и 27 Октября, дни кончины Димитрія Донскаго и Ивана III-го, въ Архангельскомъ соборѣ надъ ихъ гробами будетъ совершено поминальное богослуженіе; 8 Сентября молебны и другія выраженія торжества по всей Россіи, особенно въ учебныхъ заведеніяхъ. Главное же празднество будетъ происходить на самомъ мѣстѣ Куликовской битвы. Близость къ этому дню 26 и 30 Августа значительно способствуетъ устройству, напримѣръ, воинскихъ маневровъ въ окрестной мѣстности. Самый же день 8 Сентября будетъ посвященъ обставленному возможнымъ великолѣпіемъ богослуженію, воинскому параду, дружеской трапезѣ, патріотическимъ бесѣдамъ и т. п. Весьма полезно было бы собрать сюда и учащееся юношество по возможности въ значительномъ числѣ. Намъ никоимъ образомъ не слѣдуетъ упускать подобныхъ случаевъ для того, чтобы великими воспоминаніями своей исторіи дѣйствовать на свое молодое поколѣніе. Надѣемся, что нѣкоторыя ученыя общества *), университе-

*) Общество Любителей Древней Письменности (въ Петербургѣ), заявившее себя такою обильною и многостороннею дѣятельностью по изданію старинныхъ памятниковъ, могло бы воспроизвести къ тому времени древнѣйшій списокъ Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ. Слѣдовало бы также озаботиться общедоступнымъ изданіемъ этого «Сказанія», которое, какъ извѣстно, было однимъ изъ любимыхъ чтеній у нашихъ предковъ. П. Б.

высшія заведенія, равно и старшіе классы разныхъ сред- ь школъ, въ томъ числѣ конечно и военныхъ, пришлютъ)едставителей; для этой учащейся молодежи съ помощью вѣдомства можно устроить полевой лагерь. Не откажутся нѣкоторые города и земства также прислать выборныхъ къ ню и, можетъ быть, ассигнуютъ денежныя пособія для самаго дества. Памятникъ уже поставленъ на Куликовомъ полѣ. Но память празднованія пятисотлѣтней годовщины не мѣшало бы оставить хотя скромную часовню или другое какое сооруженіе съ приличными надписями, чему положить основаніе въ самый день 8 Сентября и, если возможно, царственною рукою. Полевой телеграфъ свяжетъ мѣсто битвы съ ближайшей станціей желѣзной дороги, и съ помощью печати немедленно разнесетъ повсюду подробности праздника. Такова моя мысль въ общихъ чертахъ; однако я не намѣренъ непремѣнно на ней настаивать, если кто предложитъ что либо болѣе подходящее.

Въ наше время, къ сожалѣнію, многіе поверхностно-образованные и легкомысленные умы или не вполнѣ цѣнятъ такое громадное благо какъ національное единство и происходящее отсюда политическое могущество, или мало сознаютъ прочность нашей государственности и пугаются всякихъ призраковъ. Въ такое время особенно полезно воздать честь и признательность тѣмъ подвижникамъ, которые трудились надъ созданіемъ нашего національнаго единства и нашихъ крѣпкихъ государственныхъ основъ. Лишь при сохраненіи этого единства и цѣльности этихъ основъ мы можемъ самостоятельно усвоивать и развивать Христіанско-Европейскую гражданственность, а также исполнять свое высшее, всемірноисторическое, призваніе по отношенію къ другимъ народамъ.

Д. Иловайскій.

Переписка Екатерины Великой съ графомъ С. Р. Воронцовымъ.

1788—1789.

Печатается съ подлинниковъ и современныхъ списковъ, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Мин. Иностр Дѣлъ («Сношенія съ Англіею»). Объ этой перепискѣ до сихъ поръ извѣстны были лишь краткіе намёки въ Дневникѣ Храповицкаго. Она имѣла столь важное значеніе, что Храповицкій, которому Екатерина поручила переписать на бѣло третье изъ нижеслѣдующихъ писемъ, занесъ въ свой памятный Дневникъ нѣкоторыя выраженія этого письма (подъ 26 Февраля 1789). Дѣло въ томъ, что время, къ которому относится издаваемая нынѣ переписка Екатерины, было одною изъ тяжелыхъ эпохъ Русской Исторіи XVIII-го вѣка. Двѣ разорительныя войны, на Югѣ и на Сѣверѣ, истощали Россію, и хотя Очаковъ взятъ былъ, наконецъ (6 Дек. 1788), но съ Запада грозила новая война съ Пруссіею и съ Англіею. Екатеринѣ удалось предотвратить ее нѣкоторыми политическими мѣрами, столь же мягкими, какъ и настойчиво-твердыми. Не даромъ Державинъ прозвалъ ее «Фелицею», что порусски можно бы перевести «Удачею». Она придумала воспользоваться перемѣною во внутреннихъ дѣлахъ Англіи и, получивъ 30 Ноября 1788 г. извѣстіе отъ графа Воронцова о несомнѣнномъ умоповрежденіи Георга III-го («два раза королеву ударилъ, а въ бѣшенствѣ четыре человѣка съ трудомъ его удерживать могутъ», какъ записалъ Храповицкій), рѣшилась войти въ соглашеніе съ предстоявшимъ регентствомъ и главными членами будущаго министерства. Для этого она написала (нарочно пофранцузски, чтобы можно было предъявить кому надлежало), письмо къ гр. С. Р. Воронцову, которое на этотъ разъ подѣйствовало, хотя и не вполнѣ, но все таки значительно ослабило Прусское вліяніе въ Англійскомъ кабинетѣ, такъ что исполненіе воинственныхъ замысловъ отсрочилось года на два. Въ 1791 году эти замыслы возникли съ новою силою и, какъ увидимъ, были снова приведены въ бездѣйствіе. Очевидно, что самолюбіе Государыни сильно страдало при этомъ, и ей тяжело было писать нижепомѣщаемыя письма. Накануне подписанія (8 Декабря 1788) перваго изъ нихъ она отозвалась Храповицкому: «Буде и не удастся, то все сдѣлала, чѣмъ должна Имперіи, и невиновата въ послѣдствіяхъ». Въ графѣ Воронцовѣ нашла она искуснаго и дѣятельнаго исполнителя своей мысли. П. Б.

Первое письмо Екатерины.

St. Pétersbourg, le 9 Décembre 1788.

Monsieur le comte de Worontzow! Le feu roy de Prusse, ayant vu par expérience, durant la guerre de sept ans, à combien de malheurs

ses états avaient été exposés, dont une grande partie ayant été conquise par les armes victorieuses de la Russie, lui fut rendue par nous-mêmes, après la paix conclue en 1762, et nommément son royaume de Prusse, ce qui fit une telle impression sur l'esprit d'ailleurs entreprenant de ce prince, qu'il ne se livra jamais au projet spéculatif de son ministre le comte Herzberg qu' avec resèrve et en modifiant ses idées, sachant d'ailleurs leur mettre un frein. Il n'en est pas de même présentement. La faiblesse réconnue de son successeur ne lui permet pas d'user de la même prudence. Le susdit ministre, sous le spécieux prétexte de la ligue des princes d'Allemagne pour le maintien de la constitution germanique à laquelle personne ne pense de donner atteinte, et par les affaires de la Hollande, a sçu attirer la régence d'Hannovre et le roy Georges III dans tous ses projets et menées, quelques incompatibles qu'elles fussent d'ailleurs avec beaucoup d'autres intérêts et avantages réels de l'Angleterre et dont elle se privera, si elle ne rémediait à temps. Accoutumés à estimer la nation anglaise, à la regarder comme alliée naturelle de la Russie, depuis le commencement de notre règne nous avons souhaité, désiré et nous nous sommes appliqué à rechercher l'amitié et l'alliance de la Grande-Bretagne dans plus d'une occasion, et assurément il n'a pas tenu à nous que non seulement le traité de commerce entre nous n'aye été rénouvellé, mais qu'une alliance formelle ne soit parvenue à la perfection, si d'autres intérêts que ceux qui devaient resserrer les liens de deux nations, qui ont tant de naturels entre elles, ont prévalu dans le cabinet de St. James. L'on ne peut nous l'attribuer, parce que notre intention était toujours de nous rapprocher de l'Angleterre, dès que nous verrions le moindre jour à nos désirs constants sur ce point. La maladie présente du roy d'Angleterre, dont la frénesie non-équivoque paraît devoir donner lieu à une nouvelle face de choses en Angleterre, ne nous permet pas de négliger cette lueur d'espérance, pour vous prescrire de vous appliquer à faire revenir le ministère d'Angleterre, si tant y a, qu'on pourvoye à en établir un patriotique, de le faire revenir, dis-je, de ses erreurs passées, de lui dépeindre les dangers, le peu d'honneur et de profit qu'il y a pour eux de se livrer aux projets imaginés par le comte Hertzberg, pour soutenir son propre crédit et qui, acharné contre nous, parce que nous n'avons pas donné dans ses visions chimériques, entraîne son maître dans une guerre immanquable et tâche de nous susciter partout des ennemis. Déjà le ministère de Georges III s'est-il laissé entraîner jusqu'à employer son ambassadeur Ainsly à Constantinople à se joindre à l'envoyé de Prusse, pour encourager et exciter les Turcs à nous faire la guerre, et en dernier lieu l'envoyé de l'Angleterre à Copenhague a endossé publiquement l'uniforme suédois pour détacher le Danemark de notre alliance et s'est porté jusqu'à menacer d'une déclaration de guerre notre allié et nous-même, s'il nous assistait.

Qu'est ce que l'Angleterre peut se promettre, en assistant nos ennemis? En vérité, l'on peut dire qu'en perdant ses trésors à soutenir nos ennemis, il n'y aura que la France qui y gagnera et non pas l'Angleterre. Les démarches que le roy de Prusse s'est permis contre nous en Pologne ne sont plus équivoques, et tout nous annonce qu'au printemps il nous déclarera la guerre. Voilà donc l'Angleterre, si elle n'y prend pas garde, entraînée encore dans un des caprices et des réveries du cabinet de Potsdam, mis-parti mené par un homme, dont les projets n'ont ni frein, ni foi, ni loi et mis-parti par des enthousiastes frénétiques qui se permettent des choses inouïes au propre dire du prince Henry, oncle du roy de Prusse. Nous ne saurions croire que des vrais patriotes anglais que m-r Fox et toutes les bonnes têtes et grandes familles d'Angleterre, telles que les ducs de Devonshire, de Portland et beaucoup d'autres qui possèdent la confiance du prince de Galles, voulussent conseiller à ce prince et puissent avoir aussi peu d'égards à sa gloire que de vouloir lui laisser embrasser dès le premier instant de la régence un parti aussi incertain et aussi contraire aux intérêts naturels du royaume et que de gayété de cœur ils voulussent se déclarer contre moi, leur ami naturel et livrer celui-ci à leurs ennemis et à la merci de ceux dont les intérêts ne sont pas aussi liés aux siens. Vous pouvez leur dire qu'ils peuvent juger par là du désir que j'ai de saisir la première occasion de me rapprocher d'eux, que je mets de côté et que j'oublie tous les sujets de plainte, que j'ai à la charge du ministère de Georges III que vous savez n'être pas en petit nombre. Je vous souhaite de tout mon cœur tous les succès possibles.

Catherine.

Переводъ. Спб., 9 Декабря 1788. Господинъ графъ Воронцовъ! Покойный король Прусскій зналъ по опыту во время Семилѣтней войны, какимъ бѣдствіямъ подвергались его владѣнія: великая часть ихъ была завоевана Россійскимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, и мы сами возвратили ему ее послѣ мира, заключеннаго въ 1762 году, именно его Прусское королевство [1]). Это такъ подѣйствовало на предпріимчивый впрочемъ духъ сего государя, что онъ всегда съ осторожностію относился къ разсчетливымъ предначертаніямъ министра своего графа Герцберга, видоизмѣнялъ его начинанія, да къ тому же умѣлъ ихъ обуздывать. Теперь происходитъ не то. Наслѣдникъ его, какъ извѣстно, слабъ и не въ состояніи дѣйствовать съ тѣмъ же благоразуміемъ. Вышеназванный министръ, подъ особеннымъ предлогомъ союза Нѣмецкихъ государей, заключеннаго для охране-

[1]) У Храповицкаго, подъ 21-мъ числомъ Октября 1788: «Учтиво изъясняясь, казать зубы. Со всѣми помирюсь, но никогда не прощу королямъ Шведскому и Прусскому. Первому возвратила земли императрица Елисавета (1742), а второму я».

нія Германскаго государственнаго устройства (на которое никто не думаетъ посягать) и пользуясь Голандскими дѣлами, съумѣлъ вовлечь Гановерское правленіе и короля Георга III-го [2]) во всѣ свои предначертанія и происки, хотя сіи послѣдніе противны многимъ другимъ преимуществамъ и существеннымъ выгодамъ Англіи, имѣющей лишиться оныхъ, коль скоро она заблаговременно не позаботится о томъ. Привыкнувъ уважать Англійскій народъ и считать его естественнымъ союзникомъ Россіи съ самаго начала нашего царствованія, мы во многихъ случаяхъ имѣли въ виду, желали и старались пріобрѣсти дружбу и союзничество Великобританіи, и конечно не мы причиною, если между нами не только не состоялось настоящаго союза, но и не возобновленъ торговый договоръ: Сентъ-Джемскій кабинетъ, вмѣсто того, чтобы удовлетворить столь естественнымъ взаимнымъ выгодамъ двухъ народовъ, предпочелъ другія связи. Мы тутъ не при чемъ, потому что всегда имѣли въ виду сблизиться съ Англіею, лишь бы только замѣтили съ ея стороны малѣйшій проблескъ желанія соображаться съ постоянными нашими видами на этотъ счетъ. Въ настоящее время король Англійскій боленъ, и несомнѣнное его умоповрежденіе [3]) должно, повидимому, измѣнить ходъ дѣлъ въ Англіи. Ласкаясь надеждою, что эта перемѣна воспослѣдуетъ, мы спѣшимъ предписать вамъ, чтобъ вы постарались отвлечь Англійское министерство (если только тамъ позаботятся устроить министерство патріотическое) отъ прежнихъ заблужденій, изобразить ему, какъ для нихъ опасно, неблаговидно и малопригодно поддерживать измышленія графа Герцберга, который пользуется ими для поддержанія своего вѣсу, злобится на насъ за то, что мы не внимаемъ его химерическимъ мечтаніямъ, вовлекаетъ государя своего въ неминуемую войну и старается повсюду выставить намъ враговъ. Завлеченное имъ министерство Георга III-го дошло до того, что Англійскій посолъ въ Константинополѣ, Энсли, стакнулся съ Прусскимъ посланникомъ, чтобы подбодрить и возбудить Турокъ къ войнѣ съ нами, а недавно Англійскій посланникъ въ Копенгагенѣ, не стѣсняясь, надѣлъ Шведскій мундиръ, дабы отвлечь Данію отъ союза съ нами и даже грозилъ нашей союзницѣ, что ей и намъ самимъ будетъ объявлена война, какъ скоро она станетъ за насъ [4]).

---

[2]) Совмѣщеніе въ лицѣ Георга III-го двухъ владѣній, Гановерскаго курфирста и Англійскаго короля, мутило воду, въ которой Пруссія ловила рыбу.

[3]) У Храповицкаго подъ 30-мъ числомъ Ноября 1788, по поводу извѣстія, что принцу Валисскому, сыну Георга III-го, пускали кровь: «Вѣрю. On peut être étouffé (можно задохнуться), для того, что несносно быть при сумасшедшихъ. Я испытала съ княземъ Орловымъ. Для чувствительнаго человѣка мучительно: on pourra devenir fou» (можно обезумѣть).

[4]) У Храповицкаго подъ 21-мъ Октября 1788: «Куріеръ изъ Даніи. Эліотъ (Англійскій посланникъ), надѣвъ мундиръ, ободрилъ жителей Готенбурга, съ королемъ Шведскимъ, набравъ въ скорости войско, пошелъ противъ Гессенскаго принца (командовавшаго Датскими войсками), коего словесно увѣрилъ, что точно Пруссія и Англія на Данію вооружатся, буде онъ далѣе пойдетъ,

Чего ждетъ себѣ Англія, стоя за нашихъ враговъ? Поистинѣ можно сказать, что на поддержку ихъ она истратитъ лишь свои сокровища, а выгоду получитъ не она, а Франція. Образъ дѣйствій Прусскаго короля противъ насъ въ Польшѣ не оставляетъ мѣста сомнѣніямъ, и повидимому, весною онъ непремѣнно объявитъ намъ войну, и вотъ Англія, если не остережется, будетъ еще разъ увлечена прихотями и мечтаніями Потсдамскаго кабинета, руководимаго съ одной стороны человѣкомъ необузданныхъ предначертаній, безъ сдержки, вѣры и закона, а съ другой полоумными энтузіастами, которые, по словамъ королевскаго дяди принца Генриха, позволяютъ себѣ поступки неслыханные. Надѣемся, что настоящіе Англійскіе патріоты, какъ г-нъ Фоксъ и всѣ здравыя головы и значительныя семейства въ Англіи, напримѣръ герцоги Девонширскій, Портландскій и многіе другіе, пользуясь довѣренностію принца Валисскаго, подадутъ ему добрые совѣты и попекутся о доброй его славѣ, чтобы онъ на первыхъ порахъ своего правленія не предался въ руки людей ненадежныхъ и противящихся истиннымъ выгодамъ королевства. Надѣемся, что они не захотятъ, ни съ того, ни съ сего, дѣйствовать противъ меня, ихъ естественнаго друга, и не допустятъ принца поддаться ихъ врагамъ и быть подъ вліяніемъ людей, которыхъ выгоды менѣе тѣсно связаны съ ихъ выгодами. Можете сказать имъ, что имъ теперь легко убѣдиться въ моемъ желаніи сблизиться съ ними при первомъ имѣющемъ представиться случаѣ, и что я устраняю и забываю всякіе поводы къ жалобамъ противъ министерства Георга III-го, коихъ, какъ вы знаете, имѣется немало. Желаю вамъ отъ всего сердца всякаго возможнаго успѣха. Екатерина.

Второе письмо Екатерины.

St. Pétersbourg, le 9 Décembre 1788.

Monsieur le comte de Worontzow! Vous verrez par le rescript que vous recevrez aujourd'hui et par la lettre ci-jointe signée par moi, quels sont les ordres que je vous envoye. Vous jugerez bien vous-même que le service que vous rendriez à votre patrie et à moi exécutant ces ordres, serait très-important, s'il était couronné du succès, même si vous parveniez seulement par vos insinuations à empêcher l'Angleterre de se laisser entraîner par ce m-r Hertzberg dans ses projets d'agression contre nous et dans lesquels ce ministre fait tout son possible pour précipiter son maître. Le service que vous me rendriez serait bien plus grand' encore, si vous parveniez à détacher l'Angleterre tout-à-fait, du moins pour les affaires du Nord, du systême prussien, auquel elle perdra ses trésors sans y gagner autre chose, si non de se tenir éloignée de son allié naturel, la Russie, et par là d'augmenter le nombre de ses antagonistes. Instruisez moi de vos

---

и симъ способомъ постановилъ съ нимъ на 8 дней перемиріе». Данія, по договору съ нами, должна была помогать Россіи въ войнѣ со Швеціею,

succès et surtout employez tous vos soins et ne négligez aucun moyen pour cela. Je vous le recommande instamment et je suis persuadée que plus vous y penserez, et plus vous serez convaincu de l'importance de cette commission.

Catherine.

Переводъ. Спб., 9 Декабря 1788. Господинъ графъ Воронцовъ! Изъ сегодняшняго моего рескрипта и изъ письма, къ нему присоединеннаго, вы узнаете приказанія, которыя къ вамъ я посылаю. Вы сами можете разсудить, какъ велика была бы услуга ваша отечеству и мнѣ, если бы вамъ удалось успѣшно исполнить эти приказанія и даже, если бы внушеніями вашими достигнуто было, чтобы Англія не дала себя увлечь предначертаніями г-на Герцберга къ нападенію на насъ, къ каковому этотъ министръ всячески склоняетъ своего государя. Услуга, которую вы мнѣ окажете, будетъ еще значительнѣе, коль скоро вы успѣете отвести Англію, по крайней мѣрѣ по отношенію къ сѣвернымъ дѣламъ, отъ системы Прусской. Держась этой системы, она потратитъ свои сокровища и ничего не выиграетъ, а только отдалится отъ Россіи, своей естественной союзницы, и умножитъ тѣмъ число ея противниковъ. Извѣщайте меня о вашихъ успѣхахъ, и въ особенности употребите къ тому всяческое стараніе и всѣ возможныя средства. Я настоятельно вамъ это указываю и увѣрена, что чѣмъ больше вы будете о томъ думать, тѣмъ сильнѣе убѣдитесь въ важности этого порученія. Екатерина.

Отвѣтъ графа Воронцова.

Londres, le 19 (30) Janvier 1789.

Madame!

J'ai reçu par un exprès de la part de monsieur Kalitchew de la Haye la lettre et le rescript dont Votre Majesté Impériale a daigné m'honorer du 9 (20) X—bre. Au moment qu'elle me prescrivait ses volontés, elle croyait, et certainement avec raison, qu'elles m'arriveraient quand la régence serait déjà établie et qu'un nouveau ministère aurait succedé à l'ancien. Mais, contre toute attente, l'établissement de cette régence a souffert tant de délais et de chicanes du parti dominant dans les deux chambres, que cette affaire n'est pas encore terminée et ne le serait que dans dix jours d'ici.

Quoique je n'ai jamais eus des liaisons intimes et particulières avec m-r Fox, je n'ai jamais manqué de lui témoigner, toutes les fois que je l'ai rencontré, les attentions et les prévenances, qui sont dues à un homme d'un aussi grand génie et d'aussi grands talents, et de ma part en particulier pour la profession qu'il a toujours fait, que l'Angleterre devait conserver l'amitié de la Russie. J'ai toujours été avec le duc de Porthland sur un bon pied; pour ce qui est du duc de Devonshire, j'ai été plus familier avec lui qu'avec les deux autres et je ne puis assez me louer des amitiés que lui et la duchesse m'ont constam-

ment témoignés. Les deux ducs sont parents et amis intimes, et tous les deux très-intimement liés avec m-r Fox, qui est l'âme de l'opposition actuelle et sera le principal ressort qui fera mouvoir toute la machine de l'administation qui remplacera celle de m-r Pitt. C'est lui qui gouverne tout le parti, qui a dans les talents et le caractère franc de cet homme prodigieux la confiance la plus implicite.

Quoique malade depuis trois mois d'une fluxion de poitrine qui m'oblige à garder la chambre, ce n'est pas ma maladie qui me retenait d'exécuter les ordres de ma Souveraine; mais l'ambarras était de ne pouvoir les remplir, sans rendre mes démarches d'autant plus publiques qu'on savait que je ne sortais pas de la maison et que celles des deux ducs ne se désemplissent jamais de monde et sont entourées d'espions du ministère encore actuel et de ceux de la cabale prussienne. Le seul parti qui me restait était de tâcher de voir m-r Fox, qui lui même malade ne recevait personne chez lui à l'exception de ses plus intimes amis et ne sortant de chez lui que pour aller à la Chambre des Communes. Pouvant le voir plus facilement chez lui et cacher avec plus de facilité, même à ma propre maison, ma sortie, j'engageai une personne avec laquelle je suis intimement lié et qui l'est également avec le duc de Devonshire, de prier de ma part ce dernier d'arranger une entrevue entre m-r Fox et moi, ce qui fut fait le lendemain, et m-r Fox me donna rendez-vous chez lui à une heure qui m'était commode à sortir et d'arriver chez lui sans être vu de personne.

Il me reçut avec toute la cordialité de son caractère. Je lui communiquai le contenu des ordres que Votre Mujesté-Impériale m'a donnés, et je lui ai même montré le passage de la lettre française, dans laquelle, parlant d'un ministère anglais patriotique, elle cite nommément m-r Fox et les ducs de Portland et Devonshire. Il en a été infiniment flatté et me l'a témoigné par les expressions les plus reconnaissantes. Puis il m'a ajouté qu'il ne pouvait parler à présent qu'en aveugle, ne connaissant nullement les engagements que ce pays a pris avec la cour de Prusse, qu'il croyait cependant qu'on était allé au-dela des engagements qu'il suppose exister; mais que dans quinze jours la régence établie et lui-même devenant secrétaire d'état pour les affaires étrangères, il verra mieux où en sont les choses et me communiquera alors ce qu'il en pense. Je lui ai fait le récit de tout ce qui s'est passé entre la Russie et l'Angleterre depuis que je suis ici, de même que de tout ce qui m'a été communiqué par le vice-chancelier de V. M. Impériale relativement aux affaires de Suède et ce qui regarde la médiation si singulièrement offerte par les cours de Berlin et de Londres, tandis que ces mêmes cours médiatrices agissaient hostilement contre la Russie en Danemark. Je l'ai prié de communiquer le tout aux deux ducs et de leurs dire la confiance qu'a

V. M. Impériale dans leurs lumières et leur intégrité. J'ai su depuis qu'ils ont été très-flatté de cette communication.

Je dois ajouter à V. M. Impériale que le duc de Devonshire ne veut aucune place dans le ministère futur, mais lui donnera toujours tout son appui à cause de ses quatre amis qui auront la principale direction, c'est à dire m-r Fox, le duc de Porthland, le lord John Cavendish, qui sera chancelier de l'échiquier et lord Fitz-William, neveu et l'héritier du feu marquis de Rokinham et qui sera, dit-on, premier lord d'amirauté. Ces quatres personnes, très-intimement liées entre elles, sont également attachées au duc de Devonshire et ne font rien sans le lui communiquer.

En me mettant aux pieds de Votre Majesté Impériale, j'ai l'honneur d'être le plus soumis de ses sujets.

S. c. Woronzow.

Переводъ. Лондонъ, 18 (30) Января 1789. Государыня! Съ нарочнымъ изъ Гаги отъ г-на Колычова получилъ я письмо и рескриптъ 9 (20) Декабря, коими Вашему Императорскому Величеству было угодно удостоить меня. Посылая мнѣ ваши повелѣнія, вы полагали, какъ и надо было полагать, что они придутъ ко мнѣ уже по учреждении (здѣсь) регентства и по замѣнѣ прежняго министерства новымъ. Но, сверхъ всякаго чаянія, учрежденіе регентства подверглось такимъ отсрочкамъ и каверзамъ партіи господствующей въ обѣихъ камерахъ, что дѣло это до сихъ поръ не кончено и кончится развѣ дней еще черезъ десять. Не имѣя никогда тѣсной и личной связи съ г-номъ Фоксомъ, я однако при каждой встрѣчѣ съ нимъ оказывалъ ему вниманіе и предупредительность, подобающія человѣку столь великихъ способностей и геніальности, тѣмъ болѣе, что онъ постоянно выражалъ мнѣніе о необходимости для Англіи сохранять дружбу съ Россіею [5]). Съ герцогомъ Портландскимъ я всегда находился въ добрыхъ отношеніяхъ, а съ герцогомъ Девонширскимъ я былъ ближе, чѣмъ съ двумя остальными, и не могу довольно нахвалиться неизмѣнно-дружескимъ расположеніемъ его и его герцогини. Оба эти герцога между собою родня и живутъ въ большой дружбѣ, и оба очень близки съ г-номъ Фоксомъ, который есть душа нынѣшней опозиціи и будетъ первою пружиною, имѣющею приводить въ движеніе всю правительственную машину послѣ смѣны г-на Питта. Онъ управляетъ всею партіею, которая питаетъ непререкаемую вѣру въ способности и благородный характеръ сего чудеснаго человѣка.

Я уже три мѣсяца боленъ грудною простудою, вслѣдствіе которой не выхожу изъ комнаты; но конечно не болѣзнь была мнѣ помѣхою въ исполненіи повелѣній моей Государыни. Затрудненіе состояло въ невозможности исполнить ихъ безъ огласки, тѣмъ болѣе, что

---

[5]) Фоксъ (1749—1806) въ то время уже былъ знаменитымъ ораторомъ и государственнымъ человѣкомъ, а не за долго до того занималъ мѣсто и перваго министра.

всѣмъ было извѣстно, что я не выѣзжаю изъ дому, а у обоихъ герцоговъ гости не переводятся, и они окружены соглядатаями нынѣ дѣйствующаго еще министерства и агентами Прусской интриги. Единственное остававшееся мнѣ средство было постараться имѣть свиданіе съ г-номъ Фоксомъ. Онъ былъ также боленъ и никого не принималъ кромѣ ближайшихъ друзей, а отлучался изъ дому только въ Палату Общинъ. Предпочтя видѣться съ нимъ у него на дому и желая скрыть мой выѣздъ и отъ моихъ домашнихъ, я поручилъ одному лицу, съ которымъ я очень близокъ и которое пользуется дружбою герцога Девонширскаго, попросить сего послѣдняго отъ моего имени, чтобы онъ устроилъ мнѣ свиданіе съ г-номъ Фоксомъ, что и было сдѣлано на другой день. Фоксъ назначилъ часъ, когда мнѣ удобно было оставить домъ и прибыть къ нему, такъ что никто не замѣтилъ того. Онъ принялъ меня съ радушіемъ, свойственнымъ его характеру. Я сообщилъ ему содержаніе повелѣній Вашего Императорскаго Величества и даже показалъ то мѣсто во Французскомъ письмѣ, гдѣ, говоря о патріотическомъ Англійскомъ министерствѣ, вы изволили упомянуть именно о г-нѣ Фоксѣ и герцогахъ Портландскомъ и Девонширскомъ. Онъ былъ чрезвычайно польщенъ этимъ, что мнѣ и засвидѣтельствовалъ въ выраженіяхъ самыхъ признательныхъ. За тѣмъ онъ мнѣ заявилъ, что теперь не можетъ сказать ничего вѣрнаго, такъ какъ ему вовсе неизвѣстно обязательство, въ которое страна эта вступила съ Пруссіею, но что по его предположенію выступлено изъ предѣловъ существовавшаго обязательства; что черезъ двѣ недѣли учредится регенство и, сдѣлавшись государственнымъ секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, онъ ближе узнаетъ, въ чемъ сущность и тогда сообщитъ мнѣ свои мысли о томъ. Я изложилъ ему все, что происходило между Россіею и Англіею съ тѣхъ поръ какъ я нахожусь здѣсь, равно какъ и все, что сообщено мнѣ вице-канцлеромъ Вашего Величества по дѣламъ Шведскимъ и о посредничествѣ, которое столь страннымъ образомъ предложено дворами Берлинскимъ и Лондонскимъ, въ то самое время, какъ сіи посредничествующіе дворы враждебно дѣйствуютъ въ Даніи противъ Россіи. Я просилъ его все это сообщить обоимъ герцогамъ и передать имъ, какое довѣріе питаетъ Ваше Величество къ ихъ просвѣщенію и неподкупности. Потомъ я узналъ, что они были весьма польщены этимъ сообщеніемъ. Надо прибавить, что Девонширскій герцогъ не желаетъ участвовать въ будущемъ министерствѣ; но всегда будетъ служить ему поддержкою, такъ какъ въ немъ главными дѣятелями должны быть четверо изъ его друзей, т. е. г-нъ Фоксъ, герцогъ Портландскій, лордъ Джонъ Кавендишъ, который будетъ канцлеромъ казначейства, и лордъ Фицъ-Вильямъ, племянникъ и наслѣдникъ покойнаго маркиза Рокингама и который, говорятъ, будетъ лордомъ адмиралтейства. Эти четыре лица, отмѣнно дружныя между собою, очень привязаны къ герцогу Девонширскому и о всякомъ своемъ дѣйствіи сообщаютъ ему.

Повергаясь къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, имѣю честь быть покорнѣйшимъ изъ вашихъ подданныхъ. Графъ Семенъ Воронцовъ.

Третье письмо Екатерины.

Monsieur le comte de Worontzow! Votre lettre du 19 (30) Janvier m'étant arrivée en son temps, j'ai attendue que les affaires de la régence fussent reglées, à fin d'y répondre. L'avant-dernière poste nous ayant enfin apporté la nouvelle que le prince de Galles avait accepté la régence, je me trouve aujourd'hui en état de vous dire ce qui suit.

La lettre du prince de Galles à m-r Pitt (quoiqu'on aye divulgué, comme si elle avait donné lieu à des mésentendus entre les amis du prince et nommément messieurs Fox et Cheridan) a fait ici, comme partout ailleurs, une sensation très-favorable pour le prince, qui s'annonce par là vraiment d'une façon brillante. Soit qu'il aye dicté cette lettre, soit qu'il aye adopté un aussi bon conseil, l'un et l'autre lui fait un égal honneur. A en juger par ce début il faut lui supposer des talens très-distingués. Personne n'est plus intéressée à en désirer de tels au prince de Galles que moi, parce que je suis persuadée que le véritable mérite et un grand caractère ne sauraient être sépares d'avec cet amour de la justice qui a pour base l'impartialité nécessaire pour ne pas se laisser entraîner par ceux qui sont d'un avis contraire.

C'est cette impartialité que je souhaite, que je réclame aussi dans ce moment. La Grande-Brétagne, le régent et son ministère ne trouveront jamais une cause plus juste que la mienne.

Dans l'occasion vous ne manquerez pas de faire connaître mes sentimens au partie patriotique, que je regarde comme celui des amis par principe de la Russie, lesquels sont persuadés, tout comme moi, que les vrais intérêts de la Grande-Brétagne se trouvent naturellement et intimément liés à ceux de la Russie et regardent comme hérésie en fait de politique tout avis contraire à celui-ci.

Je vous recommande très-expressement de cultiver l'amitié que vous témoignent les ducs de Portland et de Devonshire, et d'entretenir avec soin les bonnes dispositions que m-r Fox vous a témoignées avec cette cordialité et franchise qui caractérisent les talens supérieux de cet homme extraordinaire. Je suis persuadée que vous n'aurez aucune peine à le faire convenir de la justice de ma cause vis-à-vis de mes ennemis, et par conséquent de l'injustice de mes adversaires; tout ceçi est trop manifeste et avéré pour pouvoir échapper à des yeux éclairés comme les siens.

Les engagemens ou l'alliance de Georges III au sujet des affaires d'Hollande avec le roy de Prusse, dont il vous a parlé, ont été communiqués à toutes les cours et à moi aussi. Il est connu outre cela qu'il existe des articles secrets entre les deux rois qui n'ont pas été communiqués.

Pour ce qui est des affaires d'Hollande, je ne m'en suis jamais mêlée qu'une seul fois, et cela encore par le propre désir et à la réquisition même de m-r Fox, lequel se souviendra aisément que lorsqu'il était sécretaire d'état, il s'est adressé à mon ministre à la Haye pour y faire passer des propositions de paix. Il n'a pas dépendu assurément alors de ma bonne volonté que le succès n'aye répondu aux désirs du ministère britannique d'alors. Les intérêts de l'Angleterre par rapport aux affaires de la Hollande et ses liaisons et traités à ce sujet avec le roy de Prusse par conséquent n'ont rien qui choque mes intérêts dans ce pays-là.

Tout ce qui est à appréhender présentement consiste uniquement en ce que la Grande-Brétagne ne se laisse entraîner au sujet des affaires d'Hollande par ses engagemens et sous prétexte de ses engagemens, dans les vues et projets aussi diffus que maldigérés et tout-à-fait chimériques du cabinet prussien, dont la vanité et l'orgueil insoutenables vont jusqu'à vouloir dicter des loix aux nations indépendantes. Le roy de Prusse s'étant érigé en dictateur en Hollande, prétend jouer le même rôle patrout, sans égard, dis-je, pour l'indépendance des puissances, ni pour leurs engagemens les plus sacrés. Déjà le ministère de Georges III, se contentant d'un rôle secondaire, que l'Europe n'avait pas vu depuis longtemps à l'Angleterre, s'est laissé guider par les cabales de la ligue germanique et les prétendus intérêts de l'électorat d'Hannovre et les sous-employés de ce ministère ayant ordre d'agir en conformité et d'un intime accord avec ceux de la cour de Berlin, se sont livrés aux menées les plus passionnées contre moi, l'amie ancienne et naturelle de la Grande-Brétagne. Témoin la conduite incendiaire des Ainslye et Dietz à Constantinople, les Elliot et Bork à Copenhague; ceux-çi ont même quitté l'emploi de ministre public et de paix pour courir dans le camp animer et combattre avec les ennemis et les infracteurs de la paix et se sont permis des déclarations de guerre et des menaces, auxquelles même ils n'étaient pas autorisés. Toutes ces funestes trames ont été ourdies par la témérité du comte de Hertzberg, ministre plus pédant que prudent, en haine de mon alliance avec l'Empereur contre les Turcs, qui cependant ne regardait en rien l'empire d'Allemagne. Alliée naturelle et de fait de l'Empereur contre les Turcs, on m'a regardé comme ennemie de la ligue allemande.

Ici je ne saurais m'empêcher de faire encore mention de m-r Harris qui a eu sa bonne part aux iniquités tramées contre moi. Il n'a jamais pu oublier deux conversations qu'il m'a demandées et où j'ai eu le malheur de prédire ce qu'il en arriverait des affaires d'Amérique, le priant de le mander au roy de la Grande-Brétagne, comme l'avis de son amie la plus sincère et la plus intéressée au bien-être et la prospérité de ses royaumes. Il serait à souhaiter que les envoyés d'Angleterre aux cours étrangères fussent soustraits à toute autre direction et qu'ils

n'agissent nulle part autrement que par les prescriptions directes au ministère britannique, à fin que le cabinet de Berlin ne se servît pas de leurs mains pour tirer les marons du feu.

Sans l'encouragement donné par des boute-feux au roy de Suède, non seulement celui-ci n'aurait jamais osé penser à enfreindre tous les engagemens humains tant extérieurs qu'intérieurs de son royaume, joins aux liens du sang et aux liaisons d'une connaissance personelle, de laquelle assurement il n'avait pas à se plaindre: mais même il y aurait longtemps que la paix entre la Suède, le Danemark et la Russie serait rétablie de telle façon, que la durée aurait été assurée pour longtemps. Ceçi a été visible encore en dernier lieu. Les événemens de l'été passée ayant tourné aux désavantages du roy de Suède et se voyant dans des détresses de plus d'un côté, les fumées guerrieures de ce prince au bout de trois semaines commencèrent à se dissiper, et il entrevit la nécessité du rétablissement de la paix; mais comme on le flatta d'alliance et de secours de toute espèce dans le même temps, il prit le parti de s'adresser à presque toutes les puissances de l'Europe, exceptée celle de laquelle il pouvait l'obtenir, offrant à chacune d'elles de se jetter entre leurs bras er demandant leur médiation.

Le Danemark, la France, l'Espagne, la Prusse, la Grande-Brétagne et les Etats-Généraux m'offrirent donc à la fois leur médiation. Je laisse à penser à tout homme sensé, si l'intervention de tant de puistances par leur situation locale seule n'apportait pas plus d'entraves à la confection prompte de la paix qu'elle ne la favorisait; mais ce qui montrait bien plus au clair les vraies intentions des inventeurs de cet incident et combien le moment de la pacification se trouvait éloigné, c'est la clause que le roy de Suède y insera de ne pouvoir entendre à la paix que conjointement avec la Porte Ottomane, se livrant à la fantaisie de faire ainsi de deux choses tout-à-fait différentes et qui n'avaient aucun rapport, une même cause, ce qui augmentait encore considérablement les difficultés de s'entendre.

Je n'ai pu que donner une même réponse à toutes les puissances, fondée sur la vérité, la possibilité ou l'impossibilité; j'ai duë décliner un état des choses et des médiations qui, loin d'accélérer la pacification, ne pouvait que l'éloigner. Cependant je n'ai point réfusé comme de raison les bons offices d'aucune des puissances; et pour en donner une nouvelle preuve, à l'entrée de m r Fox dans le ministère, vous le prierez de ma part d'employer ceux du prince-régent à Constantinople pour l'élargissement de mon ministre, retenu contre le droit des gens depuis près de deux ans aux Sept Tours.

M-r Fox et le ministère patriotique auxquels je vous ordonne par celle-ci de vous adresser, pourrait se convaincre par la facilité que j'ai montrée ci-devant pour tout ce qui regarde la Grande-Bretagne, du désir que j'ai euë toujours non seulement de ne pas m'éloigner, mais

même en tout temps de me rapprocher de leur patrie. Ils conviendront aussi que les dispositions du roy Georges III et de son ministère ne m'ont guere été favorables; témoin: les peines que je me suis données pendant bien des années pour parvenir à la confection d'une alliance formelle avec la Grande-Bretagne, sans jamais y pouvoir réussir.

Vous n'ignorez pas pareillement toutes les entraves qu'a souffert le traité de commerce qu'il ne s'agissait que de renouveller. Dans celui-ci on m'a refusé ce qu'on avait accordé à la France. Enfin, ayant perdu toute espérance sur ces deux traités, j'ai suivie l'exemple que m'a donné l'Angleterre: j'ai conclue un traité de commerce avec la France; mais celui-ci ne m'empêchera jamais de renouveller mes anciennes liaisons avec la Grande-Bretagne dès que j'y verrai jour. Il est vrai qu'il m'est impossible de revenir sur les principes de la neutralité armée; j'y suis engagée même par des traités, et la Grande-Bretagne ne devrait pas trouver des difficultés à m'accorder ce dont elle est déjà convenuë avec sa rivale. Voilà mon premier mot. Si celui-çi paraît trop difficile, un moyen de s'entendre serait encore de renouveller simplement le traité de commerce pour autant d'années qu'il a subsisté et de renvoyer l'explication des articles sujets aux discussions à un terme limité, tâchant en attendant de trouver des moyens conciliatoires pour les arranger au gré des parties contractantes. Vous êtes au fait de ce qui s'est traité avec le s-r Fitzherbert, qui paraît avoir eu ordre de ne s'entendre sur rien. J'ai trop de confiance dans les lumières du nouveau ministère pour lui supposer des vuës aussi étroites. Du reste, je me refère aux ordres que vous recevrez avec cette lettre par le Collège, et je vous souhaite une réussite conforme à mes désirs.

Catherine.

à S-t Pétersbourg,
ce 28 Février v. st. 1789.

Переводъ. Господинъ графъ Воронцовъ! Получивъ своевременно письмо ваше отъ 19 (30) Января, не отвѣчала я на него, покамѣстъ не устроилось дѣло регентства. Третьяго дня почта принесла намъ, наконецъ, извѣстіе, что принцъ Валійскій принялъ на себя регентство, и сегодня я могу сказать вамъ нижеслѣдующее.

Письмо принца Валійскаго къ господину Питту (хотя про письмо это разгласили, будто оно повело къ недоразумѣніямъ между друзьями принца, а именно господами Фоксомъ и Шериданомъ) произвело здѣсь, какъ и вездѣ, впечатлѣніе весьма благопріятное для него, и по истинѣ, письмомъ этимъ принцъ заявляетъ себя блистательно. Самому ли пришло оно ему на мысль, или онъ послѣдовалъ чьему либо доброму внушенію, во всякомъ случаѣ оно дѣлаетъ ему одинаковую честь. Судя по этому началу, должно предполагать въ немъ отличнѣйшія способности, имѣть каковыя никто ему въ такой мѣрѣ не желаетъ какъ я; ибо, по моему убѣжденію, истинное достоинство и великій характеръ неразлучны съ этою лю-

бовью къ правдѣ, которая основана на безпристрастіи, необходимомъ для того, чтобы не поддаваться вліянію людей противоположнаго мнѣнія.

Этого безпристрастія желаю я, его я требую и въ настоящую минуту. Великобританія, регентъ и его министерство должны убѣдиться, что дѣло мое есть дѣло наиболѣе правое. При случаѣ не упустите сообщить мои мысли членамъ патріотической партіи, которые на мой взглядъ не могутъ не быть друзьями Россіи, такъ какъ они за одно со мною убѣждены, что истинныя выгоды Великобританіи естественно и по внутренней сущности связаны съ выгодами Россіи, и всякое иное противное сему мнѣніе считаютъ политическою ересью. Я настоятельнѣйше желаю отъ васъ, чтобы вы поддерживали дружбу съ герцогами Портландскимъ и Девонширскимъ и старались сохранить доброе расположеніе, которое вамъ оказалъ г-нъ Фоксъ, поступившій при этомъ искренно и откровенно, какъ подобаетъ человѣку одаренному способностями высшими и чрезвычайными. Я увѣрена, что онъ самъ тотчасъ пойметъ изъ вашихъ сообщеній правду моего дѣла по отношенію къ врагамъ моимъ и слѣдовательно неправду моихъ противниковъ. Все это слишкомъ явно и доказательно, и человѣкъ столь просвѣщенный, какъ онъ, постигнетъ это сразу. Обязательство или союзъ Георга III-го съ королемъ Прусскимъ по дѣламъ Голандскимъ, о которомъ г-нъ Фоксъ говорилъ съ вами, было сообщено всѣмъ дворамъ, а также и мнѣ; но не были сообщены секретныя статьи, которыя, какъ извѣстно, состоялись между двумя королями. Что̀ касается до Голандскихъ дѣлъ, то я вмѣшалась въ нихъ только однажды, и то по желанію и даже настоянію г-на Фокса. Онъ легко припомнитъ, что, будучи государственнымъ секретаремъ, онъ обращался къ моему министру въ Гагѣ, чтобы заявить предложенія о мирѣ, и конечно не отъ моей доброй воли зависѣло, что успѣхъ не соотвѣтствовалъ желанію тогдашняго Британскаго министерства. Выгоды Англіи по отношенію къ Голандскимъ дѣламъ, а слѣдовательно и касающіяся до того связи ея и договоры съ Прусскимъ королемъ отнюдь не противорѣчатъ моимъ выгодамъ относительно этой страны. Въ настоящее время опасно только, чтобы, по поводу Голандскихъ дѣлъ и подъ предлогомъ относящихся къ нимъ обязательствъ, Великобританія не была увлечена безсвязными, худо соображенными и вполнѣ химерическими видами и предначертаніями Прусскаго кабинета, который въ суетной и невыносимой гордынѣ своей желаетъ предписывать законы независимымъ державамъ. Добившись диктаторства въ Голандіи и воображая, что ему можно дѣйствовать съ такою же властію и вездѣ, Прусскій король не уважаетъ, говорю я, независимости державъ, ни самыхъ священныхъ для нихъ обязательствъ. Министерство Георга III-го стало довольствоваться второстепенною ролью, каковая непривычна для Англіи въ глазахъ Европы; оно поддалось проискамъ Германской Лиги и мнимымъ выгодамъ Гановерскаго курфиршества, и подчиненные ему агенты получили приказаніе дѣйствовать въ согласіи и вполнѣ за одно съ агентами Берлинскаго двора, т. е. принять уча-

стіе въ неутомимыхъ проискахъ противъ меня, стариннаго и естественнаго друга Великобританіи. О томъ свидѣтельствуетъ зажигательный образъ дѣйствій Энслея и Дица въ Константинополѣ, Эліота и Борка въ Копенгагенѣ. Сіи послѣдніе даже покинули мирную посланническую дѣятельность и перешли на военное поприще съ тѣмъ, чтобы драться и возбуждать враговъ и нарушителей мира. Они позволили себѣ угрожать объявленіемъ войны, на что не имѣли полномочій. Всѣ эти злосчастныя козни орудовались графомъ Герцбергомъ, министромъ, въ которомъ болѣе педантства, нежели благоразумія, и который, въ дерзости своей, не можетъ выносить союза моего съ Императоромъ противъ Турокъ, не имѣющаго однако никакаго отношенія къ Германской имперіи. За мой естественный и дѣятельный союзъ съ Императоромъ противъ Турокъ считаютъ меня врагомъ Германской Лиги.

Здѣсь надо еще упомянуть о г-нѣ Гаррисѣ, который тоже значительно участвовалъ въ несправедливостяхъ, противъ меня замышленныхъ. Онъ никакъ не могъ забыть, что, согласившись на его просьбу, я имѣла съ нимъ два разговора, въ которыхъ, по несчастію, предсказала ему исходъ Американскихъ дѣлъ и просила его передать королю Великобританскому этотъ отзывъ самой искренней его доброжелательницы, принимающей близкое участіе въ благосостояніи и благоденствіи его державы [6]). Желательно, чтобы Англійскіе посланники при иностранныхъ дворахъ были освобождены отъ чужаго руководства и въ дѣйствіяхъ своихъ слѣдовали лишь прямымъ предписаніямъ Британскаго министерства и чтобы у Берлинскаго кабинета отнята была возможность загребать жаръ ихъ руками.

Не будь этихъ поджигательствъ, Шведскій король никогда бы не посмѣлъ нарушить всѣхъ человѣческихъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, обязательствъ своего королевства, посмѣяться надъ узами крови и надъ личнымъ знакомствомъ, на которое конечно ему нельзя пожаловаться [7]); миръ между Швеціей, Даніей и Россіей былъ бы возстановленъ и на такихъ условіяхъ, которыя бы обезпечили продолжительность онаго. Въ этомъ можно было убѣдиться еще недавно. Событія прошлаго лѣта не были выгодны для короля Шведскаго; угрожаемый съ разныхъ сторонъ бѣдою, онъ, черезъ три недѣли, началъ охладѣвать въ воинственной отвагѣ своей и усмотрѣлъ необходимость возстановить миръ; но такъ какъ въ тоже время его обольщали союзомъ и всякаго рода подмогою, то онъ обратился съ своими предложеніями и съ просьбою о посредничествѣ почти ко всѣмъ Европейскимъ державамъ, кромѣ только той, которая могла доставить ему желаемое. Вслѣдствіе этого, Данія, Франція, Испанія, Пруссія, Великобританія и Голандскіе Штаты разомъ предложили мнѣ свое по-

[6]) Разговоры эти происходили въ бытность Гарриса посланникомъ въ Петербургѣ, 22 Іюля 1779 и 2 Декабря 1780. Они переданы въ депешахъ Гарриса (лорда Мальмсбюри) въ Русскомъ Архивѣ 1874, II, 166 и 419.

[7]) Густавъ III-й, двоюродный братъ Екатерины, пріѣзжалъ къ ней въ 1777 году въ Петербургъ и въ 1783 г. въ Фридрихгамъ.

средничество. Предоставляю всякому благоразумному человѣку обсудить, не заключалось ли въ этомъ вмѣшательствѣ столькихъ державъ, уже по самому мѣстному положенію ихъ, болѣе препятствій, нежели способовъ къ скорому заключенію мира. Каковы настоящія намѣренія изобрѣтателей сего посредничества и какъ далеки они отъ миротворенія, всего лучше видно изъ того, что король Шведскій въ предложеніе свое включилъ условіе мириться не иначе, какъ за одно съ Оттоманскою Портою, воображая, что такимъ образомъ можно соединить два дѣла, совершенно между собою разныя и не имѣющія одно къ другому никакаго отношенія. Вслѣдствіе сего заключеніе мира сдѣлалось гораздо затруднительнѣе.

Держась истины, возможности или невозможности, я всѣмъ державамъ должна была отвѣчать одно и тоже. Я не могла не отклонить посредничества, коимъ не ускорялось, а напротивъ отдалялось миротвореніе. Тѣмъ не менѣе я конечно не отвергла добрыхъ услугъ, предлагаемыхъ мнѣ державами, и въ новое доказательство тому, при вступленіи г-на Фокса въ министерство, вы попросите его отъ моего имени, чтобы добрыя услуги принца-регента были мнѣ оказаны въ Константинополѣ для освобожденія моего министра, который, въ противность народному праву, заточенъ уже около двухъ лѣтъ въ Семибашенномъ замкѣ [8]).

Г-нъ Фоксъ и патріотическое министерство, къ которымъ я симъ повелѣваю вамъ обратиться, по готовности моей во всемъ касающемся до Великобританіи, могли бы увѣриться, что я не только никогда не отдалялась отъ нихъ, но напротивъ во всякое время желаю сблизиться съ ними. Они согласятся также, что король Георгъ III-й и министерство его не обнаруживали благопріятнаго мнѣ расположенія, чему доказательствомъ служатъ трудности, которыя столько лѣтъ я испытываю въ заключеніи формальнаго союза съ Великобританіею и которыхъ не могу преодолѣть. Вамъ извѣстны также помѣхи относительно торговаго договора, тогда какъ дѣло состоитъ лишь въ возобновленіи онаго. Тутъ мнѣ отказано въ томъ, на что согласились относительно Франціи. Наконецъ, утративъ всякую надежду на заключеніе этихъ двухъ договоровъ, я послѣдовала примѣру, преподанному мнѣ Англіею и заключила торговый договоръ съ Франціею, что однако не препятствуетъ возобновленію старинныхъ связей съ Англіею, лишь бы дѣло для меня выяснилось. Правда, что мнѣ невозможно отказаться отъ началъ вооруженнаго нейтралитета; я даже обязана къ тому договорами, и Великобританіи не слѣдовало бы отказывать мнѣ въ томъ, относительно чего она сговорилась съ своею соперницею. Вотъ мое первое слово. Если оно покажется слишкомъ неудобнымъ, то къ соглашенію еще есть средство, именно заключить опять одинъ торговый договоръ на прежнее число лѣтъ, а статьи, требующія разъясненія и разбора, отложить на опредѣленный срокъ, дабы, пользуясь

[8]) Я. И. Булгаковъ былъ заточенъ Турками, еще въ началѣ Августа 1787, т. е. вслѣдъ за возвращеніемъ Екатерины изъ Крымскаго путешествія.

этимъ временемъ, изыскать средства къ полюбовному соглашенію однихъ договаривающихся сторонъ. Вамъ извѣстенъ ходъ переговоровъ съ г-номъ Фицгербертомъ, которому, повидимому, велѣно было ни на что не соглашаться. Я слишкомъ вѣрю въ просвѣщеніе новаго министерства и не могу предположить, чтобы оно имѣло столь узкіе виды. Впрочемъ, ссылаюсь на повелѣнія, которыя съ этимъ письмомъ вы получите изъ Коллегіи, и желаю вамъ успѣха, согласнаго съ моими желаніями. Спб. 28 Февраля ст. ст. 1789. Екатерина.

Четвертое письмо Екатерины.

Monsieur le comte de Worontzow! Je vous prie de tâcher d'engager à mon service quelqu'uns de ceux qui sont marqués sur la liste ci-jointe et cela, s'il est possible, le plus tôt que faire se pourra; et tâchez de les expédier ici avec la même célérité, parce que réellement vous avons un très-grand besoin de quelques bons et entendus marins. Adieu, portez vous bien. St.-Pétersbourg, le 3 Mars 1789.

Catherine.

Переводъ. Господинъ графъ Воронцовъ! Прошу васъ, постарайтесь пригласить ко мнѣ въ службу нѣкоторыхъ лицъ изъ числа означенныхъ въ прилагаемомъ спискѣ, и сдѣлайте это, если возможно, наискорѣе. Постарайтесь препроводить ихъ сюда съ таковою же скоростью, потому что, въ самомъ дѣлѣ, намъ очень нужно имѣть нѣсколько хорошихъ и знающихъ моряковъ. Прощайте, будьте здоровы. Екатерина. Спб. 3 Марта 1789.

Пятое письмо Екатерины.

Графъ Семенъ Романовичъ! Въ дополненіе къ наставленіямъ отъ меня вамъ нынѣ преподаннымъ, я нахожу нужнымъ вамъ примѣтить, что хотя оныя составлены главнѣйше въ чаяніи, что при новомъ правителѣ государства не останется прежнее министерство, которое ему самому толь многіе знаки худыхъ своихъ расположеній оказало; но какъ можетъ быть, подъ видомъ надежды скораго выздоровленія короля, или же при малѣйшемъ облегченіи его, которое королева и г. Питтъ и товарищи выдадутъ за совершенное излеченіе, сіе для насъ малонадежное министерство сохранится надолго, а обстоятельства настоящія требуютъ не отлагать времени и не упускать никакаго случая къ удержанію Англіи отъ дѣятельнаго участія въ злобныхъ умыслахъ кабинета Берлинскаго: то и не оставьте пользоваться всѣми тѣми доводами, коими вы снабжены въ письмахъ и рескриптахъ моихъ къ объясненію непріязненныхъ Прусскихъ поступковъ и къ убѣжденію Англіи обратиться на дружбу и доброе согласіе съ Россіею. Слѣдственно, естьли увидите въ нихъ лучшія расположенія и податливость, можете по степенямъ употребить, къ утвержденію ихъ въ томъ и къ укрѣпленію связи съ сею короною, поручаемую вамъ негоціацію о возобновленіи торговыхъ постановленій. Я полагаюся на осторожность вашу, что вы тутъ отвратите все, что̀ могло бы послужить къ малѣйшему предосужденію достоин-

ства моего. Ожидая частыхъ отъ васъ увѣдомленій, пребываю вамъ доброжелательная «Екатерина».

На подлинномъ приписано еще своеручно.

«Сіе письмо заготовлено потому, что слышно, будто король выздоровѣлъ, но какъ ни я, да никто не знаетъ человѣка, который, бывъ безъ ума, паки очутился съ умомъ [9]), то я сему не вѣрю, а нынѣшнее министерство не заслужило довѣренность, которую имѣть можно къ патріотическому. И для того прошу васъ быть съ двоякимъ Питтомъ осторожну: онъ управляетъ Берлинскими интригами».

Въ С.-Петербургѣ, Марта 4-го 1789.

Отвѣты графа С. Р. Воронцова.

1.

Лондонъ, 3 (14) Апрѣля 1789.

Чрезъ курьера Трипольскаго я имѣлъ честь получить повелѣнія Вашего Императорскаго Величества какъ въ письмѣ, такъ и въ рескриптѣ отъ 28 Февраля и Марта отъ 3 и 4 чиселъ. Настоящее положеніе дѣлъ здѣсь не то уже, какъ казалось быть во время, когда я чрезъ курьера доносилъ вамъ, всемилостивѣйшая Государыня, отъ послѣднихъ чиселъ Генваря. Господинъ Питъ сильно привязанъ теперь къ системѣ двора Берлинскаго, и какъ онъ пріобрѣлъ великую власть надъ своимъ государемъ, то ничего отъ него полезнаго для Россіи ожидать не можно. Я бы токмо что подвергнулъ безъ пользы достоинство ваше, естьли бы поспѣшилъ сдѣлать здѣсь откровенныя предложенія. Затѣмъ я долженъ чрезъ весьма надежныхъ и мнѣ откровенныхъ людей навѣдываться, какъ бы здѣсь приняли случай, когда бы оной предстоялъ, возобновить прежнюю торговую связь, не упоминая уже въ оной о ненавистныхъ здѣсь для всей націи правилахъ вооруженнаго неутралитета, почувствуютъ ли пользу возобновленія сей важной для обѣихъ земель связи, примутъ ли на себя точной неутралитетъ въ двойной войнѣ, которую Россія теперь имѣетъ, и за тѣмъ удержатъ ли стремленіе своихъ министровъ противъ Россіи въ Турецiи, Швеціи, Польшѣ и Даніи. Прежде нежели я не увѣрюсь о податливости на сіи расположенія, конечно никакаго откровенія съ моей стороны министерству не будетъ сдѣлано.

Я не могу при семъ случаѣ не повторить Вашему Императорскому Величеству, что причина всей злобы противу насъ всей Лондонской націи единственно происходитъ отъ правилъ вооруженнаго неутралитета, безъ коихъ никогда бы Пруской дворъ не могъ бы поднять Англію противу Россіи. Сіи правила толь всѣми здѣсь ненавидимы, что и члены опозиціи, всегда готовые порочить министерство, не могутъ совсѣмъ винить правленіе за связь съ Прусіею и за отдаленіе отъ Россіи, пока она настоитъ на оныхъ.

Касательно до старшихъ капитановъ и контръ-адмираловъ, хотя я не премину употреблять всевозможное стараніе, чтобъ исполнить

---

[9]) Георгъ III-й, какъ извѣстно, нѣсколько разъ выздоравливалъ и окончательно устраненъ отъ дѣлъ лишь въ началѣ нынѣшняго вѣка.

волю Вашего Величества; но не имѣю ни малѣйшей надежды въ успѣхѣ сего дѣла, ибо никто изъ капитановъ, коихъ уже навсегда фортуна сдѣлана, а еще меньше изъ контръ-адмираловъ, не захочетъ потерять оную, пойдя противъ воли правительства въ чужую службу: поелику, во время еще благонамѣреннаго для насъ министерства господина Фокса, когда предмѣстникъ мой подговорилъ было къ намъ капитана Нольса, весьма искуснаго и друга покойному адмиралу Грейгу, то сей капитанъ, не могши достать здѣсь дозволенія, безъ онаго ѣхать отказался. Я опасаюсь, чтобъ сюда не отманили еще изъ службы Вашего Величества и г-на Тревенена, коего искуство всѣми здѣсь признано и коего называютъ будущимъ Грейгомъ: ибо я знаю, что тужатъ, что онъ, да еще одинъ славной строитель кораблей, Кольманъ, въ службѣ Вашей находится. Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ остаюся вѣрнѣйшій подданный г. С. Воронцовъ.

2.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Изъ разныхъ повелѣніевъ Вашего Императорскаго Величества, какъ своеручныхъ, такъ и за собственнымъ вашимъ подписаніемъ, и изъ рескрипта, подписаннаго Вашими министрами отъ 28-го Февраля и 3-го и 4-го Марта, кои я получилъ мѣсяцъ тому назадъ чрезъ курьера Трипольскаго, къ великому моему ободренію вижу я, что вы довольны были, всемилостивѣйшая Государыня, донесеніемъ моимъ отъ 19-го Генваря и образомъ исполненія прежде полученнаго мною вашего приказанія отъ 9-го Декабря прошлаго года.

Но обстоятельства, прежде манившія меня основательною надеждою, учрежденіемъ регентства и вступленіемъ въ министерство господина Фокса, совсѣмъ уже перемѣнились, когда прибылъ сюда курьеръ Трипольскій. Король уже вылѣченъ былъ отъ сумасшествія; министерство господина Пита и за онымъ тѣсная и слѣпая связь съ Прусіею паки и пуще прежняго утвердилися. Что я ни старался, какъ самъ собою въ разговорахъ, такъ и чрезъ внушенія побочныхъ особъ, мнѣ весьма откровенныхъ, имѣющихъ тоже знакомство съ министерствомъ, но не похваляющихъ преданность, что здѣсь теперь имѣютъ къ Прусіи: все было тщетно, и никакъ господина Пита удостовѣрить было не можно, что онъ, дѣйствуя противу Россіи въ угожденіе двора Берлинскаго, дѣйствуетъ дѣйствительно въ пользу Франціи и противу естественнаго интереса своего отечества.

Я не спѣшилъ возвратить сего курьера въ надеждѣ, что время подастъ какой ни есть удобной случай или новой каналъ, коимъ бы мнѣ возможно было, не подвергая достоинство Вашего Императорскаго Величества, сдѣлать новое покушеніе для открытія завѣсы, ослѣпляющей короля и его перваго министра. Узнать мнѣніе перваго по дѣламъ политическимъ было невозможно; а чтобъ свѣдать, до какой степени второй связанъ съ Прусіею, я употребилъ господина Фицгерберта, который, разговаривая разъ со мною откровенно и сожалѣя, что здѣсь толь ярко за Швецію вступаются, явно не похва-

лялъ сіи мѣры. Я у него спросилъ: какой можетъ быть существительный или же мнимый предлогъ сего поведенія? Онъ отвѣчалъ мнѣ (то что я уже 4 года непрестанно отъ всѣхъ слышу): «Все сіе есть слѣдствіе досады за правила вооруженнаго неутралитета». На сіе, какъ будто отъ себя, я ему сказалъ, что хотя я точно не имѣю повелѣнія увѣрять въ томъ здѣсь, но что я увѣренъ, что естьли бы здѣсь была податливость отстать отъ всѣхъ непріятельскихъ противу насъ политическихъ дѣйствіевъ и естьли Англія, обратясь на чистосердечное безпристрастіе, отказалась бы въ Турецiи, Швецiи, Польшѣ и Даніи въ непріятельскихъ противу насъ мѣрахъ содѣйствовать съ дворомъ Берлинскимъ, я несумнѣнно увѣренъ, что Ваше Императорское Величество согласились бы. возобновить торговый трактатъ, не упоминая въ ономъ о сихъ ненавистныхъ здѣсь правилахъ, отложа разбирательство оныхъ до другаго времени и что въ теченіе онаго вѣроятно, что обѣ земли сблизились бы и соединились гораздо тѣснѣе прежняго. Господинъ Фицгербертъ, выслушавъ меня, увѣрялъ, что ежели есть надежда, чтобъ въ Россіи такъ думали, онъ, съ своей стороны, увѣренъ, что здѣсь будутъ сему весьма рады. Но я ему примѣтилъ, что, зная, какъ онъ сего желаетъ, мнѣ кажется, что, судя по себѣ, онъ судитъ и о другихъ, кои, можетъ быть, суть другаго совсѣмъ мнѣнія, на что онъ мнѣ сказалъ слѣдующее: «Правда, но я могу скоро узнать о семъ мысли господина Пита, имѣя теперь частые случаи его видѣть и говорить съ нимъ о дѣлахъ. Я нарочно, продолжалъ онъ, заведу съ нимъ рѣчь о разныхъ нашихъ торговыхъ связяхъ и, обратясь на Россійскую нашу торговлю, коей важность я совершенно знаю, скажу ему, какъ отъ себя, коль много мѣшаютъ оной всѣ наши политическія дѣянія, безъ которыхъ вѣроятно, что дружба и распространеніе торговли между Россіей и нами паки бы возстановилися». Я благодарилъ его за сіе усердіе, представляя ему, коль славно для него будетъ, естьли онъ будетъ первою причиною толь похвальнаго дѣла. Я часто съ нимъ потомъ встрѣчался, но какъ онъ мнѣ ничего не говорилъ, а и я, не хотя ему никакъ дать мнѣніе, что у насъ весьма нетерпѣливо сего желаютъ, то и самъ о сей матеріи говорить съ нимъ не начиналъ. Наконецъ, недѣли двѣ спустя послѣ нашего разговора, онъ ко мнѣ пришелъ и съ весьма печальнымъ видомъ сказалъ мнѣ слѣдующее: «Нынѣшняя здѣшняя политика не согласна съ вашимъ и моимъ желаніемъ, ибо здѣсь токмо что о спасеніи Швеціи помышляютъ, утверждая, что какое-то равновѣсіе въ Сѣверѣ того неотмѣнно требуетъ». Оконча сіи слова, онъ болѣе о сей матеріи говорить ужъ не хотѣлъ. . . . .

Касательно до короля, я съ весьма вѣрной стороны знаю, что его величество, излѣчась отъ сумасшествія, толь ослабѣлъ тѣломъ, а паче нервами, что весьма мало къ дѣламъ прилегаетъ; что королева, соединясь претѣсно интересами съ господиномъ Питомъ, вкупѣ управляютъ королемъ, аки ребенкомъ. Слабость сего толь велика, что онъ не токмо теперь по прежнему обыкновенію не пріѣзжаетъ уже въ городъ на леве [10]), но что и въ Виндзорѣ видитъ партикулярно токмо

[10]) Т. е. по нашему на выходъ.

тѣхъ, кои королевѣ угодны. Мы всѣ бывшіе тамъ на балѣ примѣтили, что хотя король въ полномъ разумѣ, но слабъ тѣломъ, ибо почти во все время сидѣлъ, чего онъ прежде не дѣлывалъ, а напротиву всегда стоя и ходя часовъ по 8-ми и 10-ти сряду, не садился бывало никогда на минуту. Мы тоже примѣтили, что, говоря съ людьми, смотрѣлъ на свою супругу, какъ будто спрашивая глазами, угодно-ль то ей или нѣтъ, и она имѣла видъ надменный, который прежде никогда брать на себя не осмѣливалась. Итакъ, пока господинъ Питъ, ослѣпленный Пруссіею, пребудетъ первымъ здѣсь министромъ и пока король останется въ опекѣ своей супруги, преданной совершенно двору Берлинскому, Россіи ничего полезнаго отъ Англіи ожидать не можно.

Одна токмо смерть королевская или паки новое и возможное его сумасшествіе или же совершенное разслабленіе тѣла, до степени, что явно всѣмъ будетъ, что управлять дѣлами ему не можно, отъимутъ отъ нынѣшняго здѣсь перваго министра власть, которую онъ, по ослѣпленію, толь во зло употребляетъ по дѣламъ иностраннымъ. Новый государь или регентъ его отошлетъ; вступленіе тогда господина Фокса въ правленіе поставитъ немедленно сію землю въ естественное ея положеніе въ разсужденіи другихъ державъ, чего весьма опасаются Франція и Гишпанія, кои, радуясь, что господинъ Питъ по ихъ игрѣ играетъ, не могутъ скрыть ненависти ихъ къ господину Фоксу, который, всегда противясь видамъ сихъ двухъ земель, никакъ не помогалъ бы Туркамъ и Шведамъ противъ Россіи. Затѣмъ послы сихъ державъ злословятъ его непрестанно.

Итакъ, сохраняя безъ употребленія повелѣнія и полную мочь, что̀ дать мнѣ изволили, до того счастливаго времени, когда Англія управляема будетъ симъ просвѣщеннымъ министромъ, я останусь въ покоѣ, безъ всякой попытки, которая бы могла подвергнуть достоинство ваше, опричь чего развѣ бы чрезъ какое нибудь непредвидимое чудо нынѣшніе министры, открывъ, наконецъ, глаза о вредныхъ ихъ дѣяніяхъ, сами бы начали мнѣ чистосердечно отзываться о искреннемъ ихъ желаніи поправить все зло, что̀ нанесли Россіи. Въ такомъ единомъ токмо случаѣ я почту полезнымъ и вѣрнымъ для службы Вашего Императорскаго Величества открыть имъ ваши мысли и власть, которую мнѣ повѣрить изволили.

Впрочемъ, по мѣрѣ, какъ свѣдомо становится, что королева, вмѣшиваясь во все, стала входить въ дѣла, любовь народная къ ней весьма уменьшается; на прошлой недѣлѣ, она, пріѣхавъ съ принцесами въ оперу, слышала своими ушми столько же ей свистаніевъ, какъ аплодированія. Здѣсь обыкновенно жена хозяйка въ домѣ касательно до стола и служителей, но въ дѣла мужа своего не токмо не входитъ, но даже ихъ не вѣдаетъ, и королева, естьли бъ ограничила себя въ управленіи внутренности дома королевскаго, сіе было бы здѣсь непротивно; но противно весьма Аглицкимъ нравамъ и обычаямъ, чтобъ она вмѣшивалась въ дѣла государственныя и коли сіе продлится, то она наслѣдуетъ всей той ненависти, что̀ здѣсь вообще имѣли къ покойной матери-королевѣ, принцессѣ Валлійской. Остаюсь

съ благоговѣніемъ, всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества вѣрнѣйшій подданный

г. С. Воронцовъ.

Лондонъ, 8 (19) Мая 1789

*

Къ офиціальному рескрипту на имя графа Воронцова, отъ 3 Іюля 1789 года, Екатерина своеручно приписала:

Je suis très-particulièrement sensible à la confiance personnelle que vous m'avez témoigné dans votre dernière lettre. Soyez assuré que je ne la démentirai jamais et continuez à me marquer le même zèle que je remarque dans toute votre correspondance.

Переводъ. Я особливо чувствительна къ личному довѣрію, которое вы выражаете относительно меня въ вашемъ послѣднемъ письмѣ [11]). Будьте увѣрены, что не обману онаго никогда, и продолжайте оказывать мнѣ тоже усердіе, которое я усматриваю во всей вашей перепискѣ.

Отвѣты графа Воронцова.

3.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Прилежно стараясь замѣнить усердіемъ къ службѣ Вашего Величества все, что недостаетъ во мнѣ знанія и способности, я не могъ читать безъ неизрѣченнаго утѣшенія своеручную приписку вашу въ письмѣ отъ 3-го Іюля, въ которой оказываете удовольствіе Ваше за надежду и довѣренность, что я въ Васъ полагаю. Всѣ тѣ, кои, какъ я, имѣютъ счастіе знать личнымъ образомъ Ваше Величество, вѣдаютъ, что царствуя прославляетесь еще болѣе великодушіемъ, нежели силою пресильной вашей Имперіи. И такъ я ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ, зная Васъ, не усумнился предпріять то, что, служа другому обыкновенному государю, я учинить бы не посмѣлъ.

Счастливы тѣ, кои Вамъ служатъ; а никто изъ нихъ не чувствуетъ толь сильно сіе благополучіе, всемилостивѣйшая Государыня, какъ Вашего Императорскаго Величества вѣрнѣйшій подданный

г. С. Воронцовъ.

Лондонъ, 28 Августа (8 Сентября) 1789.

4.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Здѣсь сбывается теперь пословица, что нѣтъ глуше того, который слышать не хочетъ. Аглицкой дворъ почитаетъ себя обиженнымъ Россіею поведеніемъ ея въ прошедшую войну и изданіемъ правилъ вооруженнаго нейтралитета, въ чемъ сей дворъ подкрѣпленъ общимъ мнѣніемъ всей націи, которая по сему дѣлу никакого разсуж-

[11]) Слова эти, конечно, относятся къ выраженіямъ графа Воронцова въ 21-мъ письмѣ его къ графу Безбородкѣ. См. выше стр. 105. Это было, къ сожалѣнію, лишь минутное личное сближеніе Екатерины съ графомъ Семеномъ Романовичемъ, къ которому она снова охладѣла, видя, что онъ неподкладенъ и не сочувствуетъ «вооруженному нейтралитету». П. Б.

денія не принимаетъ, и никакими убѣдительными доказательствами нельзя вывести изъ заблужденія, въ коемъ находится, что сіи правила ей совсѣмъ пагубны, а напротиву весьма полезны непріятелямъ ея, Гишпаніи и Франціи. Съ другой стороны здѣсь весьма недовольны Императоромъ за то, что въ прошедшую войну, когда ему отсель предлагали помочь въ намѣреніи его открыть свободное судоходство по Скельдѣ, онъ сіе отказалъ и сообщилъ о томъ графу Верженю, который тотчасъ увѣдомилъ Голандію, отчего сія наипаче огорчилась на Англію и пуще привязалась къ Франціи. Потомъ, заключеніе торговаго трактата между Россіею и Франціею и продолжающаяся довѣренность Вѣнскаго двора къ Версальскому умножили здѣсь неудовольствіе противу Россіи и Австріи. Въ теченіи сихъ обстоятельствъ Пруской король опровергнулъ Французскую партію въ Голандіи, и хотя онъ сіе сдѣлалъ въ пользу своей сестры и своихъ племянниковъ, однакожъ, какъ здѣшняя земля отъ сего получила себѣ великую пользу, то какъ для сего, такъ и за искусныя внушенія двора Берлинскаго, старающагося увѣрить Лондонской дворъ, что онъ себя жертвовалъ для него (ибо, имѣвъ натуральнаго непріятеля въ Императорѣ, еще озлобилъ непримиримымъ образомъ на себя Францію) и что безъ сильнаго отъ здѣшней стороны въ случаѣ нужды вспомоществованія онъ можетъ погибнуть: все сіе вмѣстѣ ослѣпило Аглицкое министерство, и ничто оное отъ сего ослѣпленія по крайней мѣрѣ на долго отвратить не можетъ. Нравъ Аглицкой націи наклоненъ ко всякимъ чрезвычайностямъ, она въ дружбѣ и ненависти всегда надмѣрна. Примѣры тому суть: воина за Гишпанское наслѣдство и страшныя ея издержки въ Семилѣтнюю войну Прусіи. Теперь дѣло состоитъ въ томъ, чтобы оборонять Прусію, которую никто не атакуетъ; но пойдетъ ли за нимъ Англія, когда Берлинской дворъ начнетъ самопроизвольно войну? Ибо въ первомъ случаѣ и сумнѣваться нечего, что здѣсь всѣмъ на свѣтѣ пожертвуютъ для спасенія союзника; въ другомъ невѣроятно, чтобъ сіе было пріятно націи, и трудно вѣрить, чтобъ первый министръ отважился на такое дѣло, которое можетъ его низвергнуть. Но кромѣ явно-наступательной войны, кажется, что Англія во всякомъ случаѣ угождать будетъ своему союзнику, простирая свое снисхожденіе и до такихъ мѣръ, кои впередъ причинятъ ей много безпокойства, какъ то теперешнее подкрѣпленіе Швеціи и отдѣленіе Нидерландовъ отъ Австрійской монархіи, чѣмъ Франція, когда оправиться, болѣе нежели Англія получитъ полезное: ибо хотя здѣсь еще не даютъ помощи Нидерландцамъ, однако можно думать, не оклеветывая Аглицкое министерство, что оное не совѣтуетъ бунтующимъ примириться на выгодныхъ предложеніяхъ, что имъ законной государь теперь предлагаетъ. Въ нѣкоторыхъ земляхъ думаютъ, что Лондонъ управляетъ Берлиномъ; но сколько я могу здѣсь примѣтить по слабому моему разсужденію, то Англія водима Прусіею.

Вашего Императорскаго Величества вѣрнѣйшій подданный графъ С. Воронцовъ. Въ Лондонѣ, 14 (25) Января 1789.

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ.

II *).

Какъ въ первую Турецкую войну при Екатеринѣ Великой намъ пришлось выдержать дипломатическую борьбу съ Франціею, такъ во вторую ревностными поборницами магометанства явились Пруссія и Англія. Вообще, успѣхи Русскаго оружія не давали покоя нашимъ недоброхотамъ. Съ весны 1791 г., враждебность ихъ повела игру открытую: Англія и Пруссія начали всячески хлопотать, какъ бы вырвать изъ рукъ Россіи плоды ея побѣдъ и обратить въ ничто всѣ жертвы, понесенныя ею. Опасаясь, чтобы Турки не приняли сколько-нибудь выгодныхъ для насъ мирныхъ условій, Англія съ Пруссіей вздумали придраться къ желанію Императрицы удержать за собою завоеванный Очаковъ и стали навязывать намъ свое недоброжелательное посредничество. Оно было отклонено Екатериною, и тогда Питтъ возвѣстилъ Палатѣ Общинъ о предстоящемъ разрывѣ съ Россіей. За тѣмъ начались застращиванья военными приготовленіями.... Но въ описаніи этихъ событій мы послѣдуемъ за автобіографическими воспоминаніями самого графа С. Р. Воронцова, который былъ искуснымъ и дѣятельнымъ стражемъ Русскаго дѣла на дальнемъ Европейскомъ Западѣ.

«Графъ Герцбергъ (Прусскій государственный министръ) сталъ убѣждать Англійское правительство присоединиться къ Пруссіи, чтобъ указать Императрицѣ условія мира, надменно предписавъ ей возвратить до послѣдней пяди зе́мли, завоеванныя отъ Турокъ и предлагая, въ случаѣ если она отвергнетъ эти унизительныя требованія, сообща и явно начать съ нею войну [1]). Во всемъ этомъ они условились, и тотчасъ-же Пруссія открыто заключила наступательный и оборонительный союзъ съ Портою и такой-же съ Швеціей. Вышеупомянутыя условія мира были предложены намъ министрами Пруссіи и Англіи. У насъ было смутились, отговаривались, давали уклончивые

---

*) См. первую главу этого біографическаго очерка, выше стр. 58. Предупреждаемъ читателя, что многоуважаемый авторъ пользовался почти исключительно печатными источниками и не имѣлъ доступа къ рукописнымъ сокровищамъ, хранящимся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. П. Б.

[1]) По поводу Прусскаго вліянія въ Лондонѣ, необходимо пояснить, что оно тогда рѣшительно овладѣло большинствомъ членовъ королевскаго семейства, въ чемъ проявлялись традиціонныя Нѣмецкія симпатіи Ганноверской династіи. Самъ Георгъ III, королева (супруга его) и младшій ихъ сынъ, герцогъ Іоркскій, были безусловно преданы Прусской политикѣ. Одинъ только наслѣдный принцъ (т. е. будущій Георгъ IV), большой пріятель предводителя оппозиціи, Фокса, на-зло нелюбимому отцу, льнулъ къ Австріи, а союзъ Англіи съ Россіею считалъ нужнымъ и полезнымъ для своей страны.

отвѣты и не умѣли заговорить тономъ, приличнымъ одной изъ первыхъ державъ въ мірѣ. Это ободрило оба союзные двора; но, чтобъ играть въ болѣе вѣрную игру, они стали орудовать въ Стокгольмѣ, побуждая Шведскаго короля возобновить войну, съ обѣщаніемъ значительныхъ денежныхъ пособій отъ Англійскаго короля. Шведскій король былъ на столько измѣнчивъ и безразсуденъ, что поддался этимъ внушеніямъ и согласился на все, споря только о подробностяхъ, т. е. требуя болѣе денегъ, чѣмъ предлагалъ Англійскій посланникъ Листонъ, который хотя и былъ уполномоченъ обѣщать болѣе, но, видя горячность короля, хотѣлъ отдѣлаться меньшею суммою. Такъ испарялся этотъ миръ (Верельскій), который заключенъ былъ барономъ Игельстромомъ и за который онъ получилъ Андреевскую ленту. Я сообщалъ все вышеизложенное и нашему двору, и посланнику нашему въ Швеціи графу Штакельбергу; но сей послѣдній, обольщенный любезностями короля, который водилъ его за носъ, ничему не хотѣлъ вѣрить и отвѣчалъ мнѣ, что мои сообщенія лишены всякаго основанія».

Что графъ С. Р. Воронцовъ старался представлять нашему двору вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и въ тоже время совѣтовалъ дипломатическому вѣдомству нашему держаться твердаго, рѣшительнаго тона въ отзывахъ на заносчивыя притязанія и нахальныя угрозы непрошенныхъ опекуновъ Россіи, это подтверждается всѣми его донесеніями и письмами, писанными въ то время. «Plus nous nous avilissons, et plus on nous avilira» (чѣмъ болѣе мы унижаемся, тѣмъ болѣе насъ унизятъ), твердилъ онъ безпрестанно [2]), разоблачая стратагему Англо-Прусскаго запугиванья и самъ не отступая ни на пядь отъ рекомендованнаго имъ образа дѣйствій. Онъ воспользовался тѣмъ, что предстоящій разрывъ не дошелъ еще до обоюднаго отозванія посланниковъ и повелъ въ Лондонѣ явную и упорную борьбу съ главою Британскаго кабинета, Питтомъ, который настаивалъ на вооруженномъ вмѣшательствѣ Англіи въ Русско-Турецкія дѣла. Этотъ блестящій эпизодъ дипломатической службы графа Семена Романовича мы опять передадимъ собственными его словами.

«Наконецъ, Питтъ вооружилъ огромныя морскія силы. Онъ приказалъ снарядить 36 линейныхъ кораблей, изъ которыхъ 8 трехдечныхъ, 12 фрегатовъ и столько-же бриговъ и куттеровъ. Не вѣря, чтобъ онъ окончательно рѣшился на мѣру столь крутую, противную дѣйствительнымъ интересамъ его страны, опасную для его популярности, благодаря которой онъ держался на своемъ мѣстѣ, я нѣсколько разъ объяснялся съ нимъ со всею смѣлостью человѣка, желающаго предотвратить несправедливую войну, одинаково-пагубную для обѣихъ странъ. Питтъ отвѣчалъ мнѣ уклончиво и ничего незначащими фразами, какъ человѣкъ, рѣшившійся на мѣру, которую не можетъ оправдать, при всемъ своемъ искусствѣ въ діалектикѣ. Я обратился къ герцогу Лидскому, тогдашнему статсъ-секретарю, и, найдя его въ

---

[2]) См. «Воронцовск. Архивъ», т. IX, 82-е письмо къ графу А. Р. Воронцову,

тѣхъ-же мысляхъ, какъ и Питта, высказалъ ему слѣдующія слова, доселѣ памятныя Англійскому министерству, часто приводимыя и которыя, уязвивъ тогдашнее министерство, тѣмъ не менѣе пріобрѣли мнѣ (особенно съ тѣхъ поръ какъ оба двора помирились) лестное для меня уваженіе и признательность: «Коль скоро министерство на столько ослѣплено, что готово настаивать (подъ предлогомъ сохраненія Очакова для Турціи, что для Англіи не имѣетъ никакаго значенія) на открытіе бѣдственной войны, вредной для обѣихъ странъ, то моя обязанность—устранить это зло. Вы, конечно, можете разсчитывать на большинство въ обѣихъ палатахъ; но я настолько ознакомился съ здѣшнею страною, чтобы знать, что министерство и самый Парламентъ не имѣютъ никакой силы безъ поддержки графствъ и независимыхъ собственниковъ, въ сущности управляющихъ страною. Поэтому я вамъ объявляю, г. герцогъ, что я всѣми мѣрами буду стараться, чтобъ нація узнала о вашихъ намѣреніяхъ, столь противныхъ ея интересамъ, и я слишкомъ убѣжденъ въ здравомысліи Англійскаго народа, чтобъ не надѣяться, что громкій голосъ общественнаго мнѣнія заставитъ васъ отказаться отъ несправедливаго предпріятія». Герцогъ былъ пораженъ смѣлостью и откровенностью моихъ словъ, и я оставилъ его изумленнаго и безмолвнаго. Я посѣтилъ вождей оппозиціи и, что было еще дѣйствительнѣе, нѣсколькихъ членовъ Нижней Палаты, которыхъ независимый и честный характеръ пользуется уваженіемъ и министерства, и оппозиціи, и которые внушаютъ всей странѣ такое довѣріе, что по ихъ голосамъ судятъ о правотѣ и полезности всякаго дѣла. Я объяснилъ имъ несправедливость предположенныхъ мѣръ, огромные расходы, которые онѣ повлекутъ за собою и вредъ отъ прекращенія торговли съ нами, столь необходимой для Англіи. Онѣ обѣщали мнѣ свою поддержку. Нѣкоторыхъ членовъ палаты, бывшихъ со мною въ дружескихъ отношеніяхъ, я уговорилъ разъяснить ихъ товарищамъ безразсудство министровъ; изъ числа этихъ друзей моихъ, въ то время и доселѣ ко мнѣ расположенныхъ, нѣкоторые оказали мнѣ важныя услуги. Такъ, между прочими, одинъ Димсдаль, сынъ стараго барона, прививавшаго оспу Императрицѣ и великому князю Павлу Петровичу, склонилъ въ нашу пользу нѣсколькихъ членовъ Парламента; принадлежа къ министерской партіи, онъ перешелъ на сторону ея противниковъ и примѣромъ своимъ увлекъ многихъ другихъ. Поэтому, когда Питтъ открыто объявилъ въ Парламентѣ, что снаряжаемый флотъ предназначенъ противъ Россіи, что, по его мнѣнію, необходимо положить предѣлъ неумѣренному ея властолюбію и спасти Оттоманскую имперію отъ погибели, то хотя и добился большинства въ палатѣ, но увидѣлъ съ удивленіемъ, что оппозиція министерству вдругъ усилилась на сто членовъ противъ прежняго числа, и онъ подвергся сильнѣйшимъ нападкамъ многихъ ораторовъ [3])

[3]) Впереди этихъ ораторовъ подвизались Фоксъ и Боркъ. «Положимъ,—говорилъ первый,—что Русская Императрица отвѣчала высокомѣрно на предложеніе нашего посредничества; но вѣдь она выказала совершенную умѣренность въ мирныхъ условіяхъ, предлагаемыхъ ею Портѣ, коей она готова воз-

Онъ замѣтилъ, что нѣкоторые друзья его вышли изъ Палаты, чтобъ не подавать голоса противъ него и не высказаться въ его пользу. Это его весьма смутило, а на другой день онъ пришелъ еще въ сильнѣйшее замѣшательство, когда увидѣлъ, что число оппонентовъ возрасло, и что онъ хотя сохранилъ еще большинство въ Палатѣ, но можетъ его лишиться. Вслѣдствіе этого онъ послалъ курьера догонять отправленнаго въ Берлинъ съ извѣстіемъ о принятіи рѣшительныхъ мѣръ, и въ Петербургъ,—съ нотою, заранѣе приготовленною по соглашенію съ Герцбергомъ: этою нотою оба союзные двора формально объявляли войну Россіи, если она не заключитъ немедленно мира съ Портою и не возвратитъ ей всего завоеваннаго въ Турецкихъ предѣлахъ. Второй курьеръ прибылъ во-время въ Берлинъ, чтобъ остановить перваго и предотвратить послѣдствія дерзкой выходки, на успѣхъ которой Питтъ уже не могъ надѣяться. Но, оставляя это дѣло втайнѣ, онъ разсчитывалъ запугать нашъ дворъ вооруженіемъ флота, который стоялъ на якорѣ въ Портсмутѣ. Онъ не прекращалъ этого вооруженія, въ надеждѣ, что нашъ дворъ откажется отъ большей части своихъ требованій, а именно отъ владѣнія Очаковымъ. Я нашелъ однакожъ средство узнавать обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ и посылалъ курьера за курьеромъ въ Петербургъ, совѣтуя не уступать. Но между-тѣмъ я извѣстился изъ вѣрнаго источника, что у насъ склонялись на уступки, и что князь Потемкинъ оказывалъ болѣе робости, чѣмъ кто-либо иной [4]), такъ что Императрица, говоря объ этихъ дѣлахъ и упоминая обо мнѣ, сказала: «только онъ одинъ мыслитъ также, какъ и я» [5]).

вратить всѣ добытыя оружіемъ въ эту войну пріобрѣтенія, исключая земель между Бугомъ и Днѣпромъ. Такъ неужели изъ-за нихъ только мы затѣемъ кровавую и раззорительную борьбу съ Россіей?» Фоксъ утверждалъ, притомъ, что вооруженный нейтралитетъ, болѣе всего возбуждающій воинственныя стремленія Англіи, изобрѣтенъ преимущественно при Берлинскомъ дворѣ, съ участіемъ Швеціи, и что напрасно приписываютъ Россіи починъ въ этомъ дѣлѣ; по поводу-же Турецкой войны, Фоксъ доказывалъ всю правоту ея со стороны Русской Государыни и всю важность сохраненія дружественныхъ отношеній между Россіей и Англіей. Боркъ, въ своихъ возраженіяхъ Питту, высказывался еще сильнѣе. «Ради чего,—восклицалъ онъ,—насъ втягиваютъ въ войну, гдѣ мы должны будемъ проливать потоки крови, вызывать ужасающія бѣдствія и угнетать себя долгами? Неужели изъ-за того, чтобъ не допускать уступки отдаленныхъ, пустынныхъ земель? Или не изъ-за того-ли, чтобы силою закрѣпить надъ христіанскими племенами иго мусульманъ, коихъ владычество есть бичь порабощеннаго населенія, и коихъ изгнаніе изъ Европы было бы величайшимъ благомъ?» Защитниками этихъ мнѣній были также члены Нижней Палаты Виндгемъ и Грей, а въ Верхней—Фитцвильямсъ, Гильфордъ и Сутбору. Разрыву съ Россіей также противился и лордъ Гренвиль, близкій родственникъ и другъ Питта.

[4]) Вообще, Англичане считали князя Потемкина расположеннымъ къ ихъ странѣ (см. 42-е письмо въ IX т. «Воронц. Архива»).

[5]) См. также въ XII т. того-же сборника 46-е письмо къ графу С. Р. Воронцову графа Завадовскаго, отъ 6-го Іюня 1791 г.

Государыня, дѣйствительно, имѣла основаніе отдать эту справедливость своему достойному представителю. Какъ наглядное свидѣтельство, что онъ того заслуживалъ, передадимъ изъ его переписки нѣкоторыя изрѣченія и выводы, вполнѣ сохраняющіе свой назидательный смыслъ и для настоящаго времени. «Наши дѣла (писалъ онъ) идутъ ладно, если только у насъ не подадутся на уступки, какъ я надѣюсь и какъ ожидаю отъ возвышенной души Государыни и твердости ея Совѣта. Если-же мы преклонимся къ уступкамъ, то Питтъ, съ его ожесточенною ненавистью къ Россіи, утвердится еще крѣпче на своемъ мѣстѣ» [6]. «Нашему двору слѣдуетъ не только держаться твердо, но торжественно заявить предъ всѣми Европейскими дворами, что такъ какъ Императрица, болѣе чѣмъ за годъ тому назадъ, предложила Туркамъ свои умѣренныя условія, то если Турки, по собственному-ли упрямству, или по внушеніямъ извѣстныхъ подстрекателей, будутъ продолжать войну и не примутъ мира къ 1-му числу Іюля, то Государыня не ограничится тогда этими легкими условіями, при чемъ державы, столь заботливыя о мирѣ, могутъ совѣтовать Туркамъ и даже побудить ихъ согласиться на него» [7]. «Чѣмъ сильнѣе будутъ у насъ мѣропріятія для отраженія враговъ, тѣмъ осторожнѣе, тѣмъ опасливѣе они обойдутся съ нами» [8]. «Твердость есть наипервѣйшее качество человѣка; разумъ и знаніе безъ твердости ничего не значатъ; напротивъ, дѣлаютъ презрѣннымъ того, который съ проницаніемъ и науками имѣетъ духъ ребячій. Мы видимъ, что многія государства, прежде уважаемыя въ свѣтѣ, не потерявъ ни пространства своего, ни числа обывателей, ниже богатства, теряли свою важность и падали во всеобщее презрѣніе свѣта, за тѣмъ токмо, что тотъ или тѣ, кои имъ стали управлять, не имѣли духа твердости» [9]. «Нѣтъ славнѣе и полезнѣе мира (замѣчаетъ графъ Воронцовъ въ другомъ мѣстѣ), какъ подъ мечемъ подписаннаго» [10].

Разумѣется, такія мысли приходились по душѣ великой Государынѣ, отвѣчая, какъ нельзя лучше, личному ея характеру и духу всего царствованія.

«Дабы скорѣе разрѣшить вопросъ и принудить Питта къ разоруженію,—разсказываетъ далѣе графъ Воронцовъ,—я велѣлъ сочинить записки, для которыхъ доставлялъ самые точные и убѣдительные матеріалы, съ цѣлью доказать Англичанамъ, что ихъ влекутъ къ раззоренію посредствомъ уничтоженія торговли, и что все это дѣлается ради интересовъ для нихъ чуждыхъ. Эти записки были переводимы на Англійскій языкъ и, по напечатаніи, разсылаемы мною во всѣ провинціи. Онѣ произвели тревогу въ мануфактурныхъ городахъ и между прочими въ Норичѣ, Векфильдѣ, Лидсѣ и Манчестерѣ, гдѣ состоялись митинги и публичныя собранія, которыхъ поста-

---

[6]) См. 91-е письмо къ гр. Ал. Ром. Воронцову, отъ 11 Апрѣля 1791 г., т. IX «Воронц. Арх».—[7]) Къ нему-же, 93-е, отъ 15 Апрѣля 1791.—[8]) Къ нему-же, 88-е.—[9]) 28-е письмо къ графу Безбородкѣ, тамъ-же, стр. 486. [10]) Тамъ-же, стр. 490.

новленія были напечатаны и клонились къ подачѣ прошеній Парламенту противъ дѣйствій министерства относительно Россіи. Другіе города готовились послѣдовать этому примѣру; изъ нѣсколькихъ графствъ независимые избиратели писали къ своимъ представителямъ въ Парламентъ, внушая имъ отдѣлаться отъ Питта и подавать голоса противъ него. Въ Лондонѣ, на стѣнахъ всѣхъ домовъ, простой народъ мѣломъ чертилъ слова: «Не хотимъ войны противъ Россіи». Въ 20-ти и болѣе газетахъ, выходящихъ здѣсь ежедневно, появлялись постоянно статьи, происходившія (хотя негласно) отъ меня и убѣдительныя для народа, который со дня на день все больше негодовалъ на министерство, и все это не стоило и 250 ф. стерл. нашему двору; но мнѣ и всѣмъ чиновникамъ моей канцеляріи [11]) оно стоило большихъ трудовъ: ибо во все время этой борьбы, съ Марта мѣсяца до Іюля, ни я, ни они не знали покоя. Мы цѣлыя ночи писали, а днемъ бѣгали во всѣ стороны, и если я могъ еще имѣть нѣсколько минутъ отдыха, то они не имѣли: приходилось по ночамъ разносить въ конторы разныхъ газетныхъ редакцій статьи, которыя должны были появляться въ печати на слѣдующій день [12]). Наконецъ, Питтъ

---

[11]) Имена этихъ сотрудниковъ графа Воронцова должны быть упомянуты. Это были: Василій Григорьевичъ Лизакевичъ (родомъ Малороссъ, изъ мелкопомѣстныхъ дворянъ), совѣтникъ канцеляріи посольства, который много лѣтъ состоялъ при посольскихъ дѣлахъ въ Лондонѣ. Онъ пользовался особеннымъ уваженіемъ и даже привязанностію графа Воронцова за свою честную, разумную службу, прекрасныя качества и рѣдкое знаніе дѣлъ. Затѣмъ, посольскій священникъ Яковъ Ивановичъ Смирновъ, человѣкъ отлично образованный и нравственный, помогавшій канцеляріи посольства своимъ полезнымъ сотрудничествомъ, исполнявшій часто особенныя порученія посланника и заслужившій уваженіе Англичанъ; далѣе — переводчикъ Назаревскій и частный секретарь графа Воронцова Жоли (Швейцарецъ изъ Лозанны), онъ же гувернеръ будущаго фельдмаршала князя Воронцова.

[12]) Въ успѣхѣ предпринятой агитаціи способствовали нашему посланнику не только подвѣдомственныя ему, но и посторонія лица, какъ напр. названный въ его запискѣ членъ Парламента, баронъ Димсдаль, негоціантъ Джаксонъ, весьма вліятельный на биржѣ, наконецъ, нѣкто Парадизъ, дѣйствовавшій въ этомъ случаѣ съ усердіемъ поистинѣ необыкновеннымъ. Это былъ уроженецъ Турецкаго города Салоникъ, сынъ Англичанина и Гречанки, исповѣдывавшій вѣру матери (т. е. Православіе), и женатый на православной же Англичанкѣ. И онъ, и его жена были собственниками-гражданами Сѣверной Америки. Парадизъ обладалъ обширнымъ образованіемъ, даже ученостью, и всегда пользовался заслуженною репутаціею человѣка честнаго и дѣльнаго. Русскому дѣлу онъ служилъ ревностнѣе чѣмъ кто-либо, и не изъ своекорыстныхъ цѣлей, а по сочувствію единовѣрія и по личной преданности къ графу Воронцову. Въ борьбѣ съ Питтомъ онъ былъ полезенъ нашему посланнику своимъ сотрудничествомъ въ газетахъ и близкими сношеніями съ вліятельными людьми. Принятый у Воронцова какъ другъ дома, онъ былъ очень привязанъ къ десятилѣтнему сыну графа Михаилу (будущему фельдмаршалу) и впослѣдствіи училъ его геометріи.

призналъ себя побѣжденнымъ и послалъ въ Россію Фаукнера (Faukner), съ наставленіемъ уступить во всемъ волѣ Императрицы. Флотъ былъ разоруженъ, а въ Швецію отправленъ къ Листону курьеръ для прекращенія всѣхъ переговоровъ о субсидіяхъ Шведскому королю, который очень желалъ взять деньги и открыто возобновить войну, при поддержкѣ Пруссіи и Англіи».

Такъ кончилась эта достопамятная дипломатическая борьба, къ досадѣ враговъ Россіи, къ чести и славѣ ея представителя. Она длилась пять мѣсяцевъ. Въ письмѣ къ графу Безбородкѣ, отъ 8 (19) Августа [13]), графъ Семенъ Романовичъ уже привѣтствовалъ близкую развязку дѣлъ, «въ кои было вплелись державы, желающія предписать намъ законы, но кои кончились съ полнымъ достоинствомъ нашей Государыни»; а по поводу благосклоннаго отзыва Екатерины о его дѣйствіяхъ, онъ замѣчаетъ, что «только объяснялъ Англичанамъ и представлялъ побочнымъ образомъ прямое существо дѣла, которое министерство старалось имъ представить въ ложномъ совсѣмъ видѣ, на что не требовалось ни малѣйшаго искусства, а надо было имѣть токмо глаза, уста и уши». И тутъ же онъ не упускаетъ обратить вниманіе на сотрудничество своихъ подчиненныхъ, говоря, что «они много весьма ночей не спали, сочиняя разные параграфы въ газетахъ и журналахъ, составляя памфлеты, переводя много съ Англійскаго на Французскій и съ Французскаго на Англійскій языки; однимъ словомъ, они были въ теченіи сихъ пяти мѣсяцевъ весьма озабочены». Во всемъ этомъ свѣтло и приглядно отражается симпатичный образъ нашего представителя при Англійскомъ дворѣ. Чтобы имѣть силу дѣйствовать съ такимъ успѣхомъ на общественное мнѣніе чуждой и полунепріязненной страны, нужно было не только хорошо ее знать, но и высоко себя поставить въ ней; нужно было не только умѣть защищать интересы своего отечества, но и найти для этого оборонительное и наступательное оружіе въ самомъ арсеналѣ противниковъ: въ ихъ общественныхъ видахъ и потребностяхъ. Образцовое умѣнье пользоваться обстоятельствами и личными отношеніями! И, какъ видно, путь былъ не извилистый, а прямой. Перчатка была брошена по-рыцарски для вызова на дипломатическій поединокъ, не взирая на неравенство въ возможностяхъ успѣха. Въ пользу нашего соперника была готова на лицо грозная, непочатая еще сила и «булата, и злата», самоувѣренная, удвоившая себя стачкою съ другою, такою же почти, силою; тогда какъ съ нашей стороны стояло на виду безсоюзное положеніе, ослабленное кровавыми и финансовыми затратами послѣ двухъ одновременныхъ войнъ на Югѣ и Сѣверѣ, изъ которыхъ первая не завершилась еще миромъ съ побѣжденнымъ врагомъ.. . Положеніе дѣлъ слишкомъ трудное для представителя Россіи. Но глубокая преданность долгу бываетъ чудотворна и, безъ

Парадизъ умеръ въ концѣ 1795 года. Въ началѣ-же этого года (7 Янв. н. ст.) умеръ и другой преданный Воронцову человѣкъ, *Жоли*, о которомъ было упомнутяо выше.

[13]) См. «Воронцовск. Архивъ» т. IX, стр. 485 и 487.

сомнѣнія, изъ этой-то вседвижущей силы, изъ способности влагать душу живую въ свою служебную дѣятельность, изъ стремленія блюсти не одну только внѣшнюю, формальную, но и внутреннюю, кровную связь между этою дѣятельностью и дорогими общественными благами своей родины, исходила главная причина дипломатическихъ успѣховъ человѣка, который, по складу своихъ природныхъ свойствъ, да и по условіямъ предварительной подготовки, едва-ли имѣлъ призваніе быть дипломатомъ, въ обыкновенномъ объемѣ слова.

Коснемся опять его мнѣній, высказанныхъ во время борьбы съ Питтомъ, когда еще можно было сомнѣваться въ возможности предотвратить вооруженное столкновеніе. «Признаюсь», писалъ онъ брату своему [14]), «меня никогда не ужасалъ Англійскій флотъ, и съ этой стороны ободряло меня воспоминаніе о дѣйствіяхъ Петра Великаго противъ Англичанъ, въ 1719—1720 г. Кронштатъ и Кроншлотъ были тогда укрѣплены гораздо слабѣе, да еще въ то время у насъ и не вѣдали, что значитъ разрушительное дѣйствіе каленыхъ ядеръ (boulets rouges) противъ кораблей... Не смотря на это, онъ не потерялъ бодрости духа, а зная отлично мѣстоположеніе безчисленныхъ мелей и подводныхъ камней въ Финскомъ заливѣ, распорядился, чтобы крейсировали легкія суда у входа въ этотъ заливъ и чтобы отъ Ревеля до Красной-Горки разъѣзжали конные стражники съ сигнальными знаками, для передачи извѣстій о движеніяхъ Англійскаго флота; кромѣ того, онъ велѣлъ снять всѣ указатели, обозначавшіе присутствіе мелей (вѣхи) и не зажигать ночью маячныхъ огней... Англійскій флотъ, повидимому провѣдавшій о принятіи всѣхъ этихъ мѣръ, не посмѣлъ забираться далеко, а только расхаживалъ взадъ и впередъ по Балтійскому морю, совершенно-безвредно для насъ, два года сряду. Имѣя въ виду эти предосторожности, употреблявшіяся въ 1719—1720 г. и вѣроятно не пренебреженныя и нынѣ, и зная объ улучшенномъ состояніи Кронштатскихъ и Кроншлотскихъ укрѣпленій, снабженныхъ болѣе вредоносными артиллерійскими снарядами, я нимало не тревожился на счетъ нелѣпыхъ затѣй господина Питта. Но всего болѣе успокоивала меня увѣренность въ твердомъ и возвышенномъ характерѣ нашей Государыни. Не допуская мысли, чтобы она захотѣла уступить угрозамъ или даже самымъ нападеніямъ вооруженной силы и принимать законы изъ рукъ иноземныхъ державъ, я увидѣлъ на дѣлѣ, какъ блистательно оправдалась моя вѣра въ ея мужественный характеръ и горжусь тѣмъ, что служу столь великой Государынѣ». Въ другомъ письмѣ къ брату-же [15]) графъ Воронцовъ доказываетъ, что если-бы даже Англія не отступилась отъ своихъ притязаній и затѣяла съ нами войну, то нанесла-бы несравненно менѣе вреда Россіи, чѣмъ самой-себѣ, по отношенію къ своимъ торговымъ интересамъ.

---

[14]) Т. IX «Воронц. Арх.», письмо отъ $^{2}/_{13}$ Іюля 1791 г. См. тамъ-же, стр. 206—207.

[15]) Тамъ-же, отъ 1-го Ноября нов. ст. 1791 г., № 105, стр. 216—217.

Миръ съ Турціей былъ подписанъ въ Яссахъ 29 Декабря 1791 г., согласно тѣмъ снисходительнымъ условіямъ, которыя были объявлены Россіей задолго до неудавшагося вмѣшательства Англіи и Пруссіи, т. е. съ удержаніемъ за нами Очакова и пространства земли между Бугомъ и Днѣпромъ, но съ возвращеніемъ Турціи завоеванныхъ у ней крѣпостей: Бендеръ, Аккермана, Киліи, Измаила, Анапы и Суджукъ-Кале. Заслуги графа С. Р. Воронцова не были оставлены безъ вниманія. «Я получилъ (говоритъ онъ въ автобіографической запискѣ) краснорѣчивый рескриптъ, въ которомъ меня осыпали похвалами, и въ награду прислали мнѣ орденъ св. Владиміра (1-го кл.), тогда какъ я имѣлъ уже орденъ св. Александра Невскаго, гораздо старшій и болѣе почетный, и прибавили 6 тысячъ рублей къ моему жалованью, такъ какъ я былъ уже въ долгахъ по горло. Назначивъ, за годъ передъ тѣмъ, такую-же прибавку г-ну Симолину (который богаче меня и, не имѣя дѣтей, жилъ въ странѣ, гдѣ нѣтъ такой дороговизны какъ въ Англіи) не могли мнѣ отказать въ этомъ» [16])...

Какъ только отношенія наши съ Англіей приняли мирный характеръ, выдвинулся опять на очередь неразрѣшенный и отложенный-было въ сторону вопросъ о возобновленіи торговаго договора. Англичане добивались возстановленія этой сдѣлки въ прежней силѣ, безъ перемѣнъ, тогда-какъ у насъ желали выговорить болѣе выгодныя условія. По случаю вновь завязавшихся сношеній по этому дѣлу (которое озабочивало Англичанъ тѣмъ сильнѣе, что съ 1787 г. имѣлъ дѣйствіе торговый-же договоръ между Россіею и Франціей), графъ С. Р. Воронцовъ, чрезъ посредство брата своего, президента Комерцъ-коллегіи, старался всячески внушить подлежащимъ властямъ въ Петербургѣ, что всё-таки неумѣстно было-бы торопиться разрѣшеніемъ этого, слишкомъ интересующаго Англичанъ, вопроса, когда только-что прекратились враждебныя съ ихъ стороны начинанія. Онъ возставалъ противъ всякой поспѣшности въ удовлетвореніи ихъ домогательства, какъ преждевременной и отъ которой произойдетъ въ Англіи излишнее самомнѣніе, притязательность къ Россіи и подымется значеніе отъявленнаго врага нашего, Питта. «Изъ того, что Великобританія дѣйствительно есть великая держава (писалъ графъ Воронцовъ), что она достигла высокой степени внутренняго преуспѣянія, морскаго могущества и развитія промышленныхъ своихъ силъ, охватившихъ торговлю цѣлаго міра, вовсе не слѣдуетъ, что мы обязаны потворствовать всѣмъ прихотямъ этой державы, принижаться передъ ея нахальствомъ и поощрять ее къ дальнѣйшимъ подобнымъ выходкамъ. Напротивъ, нужно дать почувствовать Англичанамъ, что ихъ обидныя притязанія у насъ помнятся и что онѣ должны быть заглажены». Въ заключеніе, посланникъ нашъ совѣтовалъ: не отказывая на-отрѣзъ, тормозить дѣло проволочками, подъ разными благовидными предлогами [17]). Совѣтъ этотъ подѣйствовалъ, какъ мож-

---

[16]) Симолинъ былъ посланникомъ въ Парижѣ.— [17]) См. IX т. «Воронцовск. Архива», 107-е письмо къ графу А. Р. Воронцову, отъ $^{2}/_{13}$ Декабря 1791 г.

но судить потому, что торговая конвенція съ Великобританіей окончательно заключена не ранѣе $^{14}/_{25}$ Марта 1793 года [18]).

Ревниво вступаясь за государственное достоинство своей родины, принимая близко къ сердцу все, что̀ прямо или косвенно затрогивало наши существенные интересы въ настоящемъ и будущемъ, графъ Семенъ Романовичъ не ослѣплялся ложнымъ патріотизмомъ до отрицанія лучшихъ сторонъ въ характерѣ Англійскаго народа, или до непониманія высокихъ преимуществъ внутренняго строя Англіи,—ея государственныхъ и общественныхъ учрежденій, ея просвѣщеннаго быта. Напротивъ, онъ на столько ознакомился съ нравами, обычаями и законами этой страны, что не могъ не питать къ ней привязанности и не сознавать ея права на одно изъ передовыхъ мѣстъ въ ряду Европейскихъ народностей. Эти понятія и чувства даже нѣсколько преувеличенно обнаруживались во всѣхъ письменныхъ сношеніяхъ графа С. Р. Воронцова, и частныхъ, и офиціальныхъ; а такъ какъ, вдобавокъ, онъ, съ самаго начала своей дипломатической службы, придавалъ слишкомъ большую цѣну дружественнымъ отношеніямъ Россіи съ Англіей и всегда носилъ въ себѣ убѣжденіе о взаимной необходимости обѣихъ державъ находиться въ союзѣ, (во имя чего порицалъ и неугодную Англичанамъ систему морскаго вооруженнаго нейтралитета), то скоро прослылъ въ своемъ отечествѣ за Англомана. На этотъ счетъ онъ даже частенько получалъ доброжелательныя предостереженія отъ родныхъ и друзей, совѣтовавшихъ ему не навлекать на себя непріятностей невоздержно-пристрастными отзывами, что̀ и дѣйствительно не обошлось ему да̀ромъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. Въ какой мѣрѣ были основательны эти нареканія за излишнюю приверженность къ Англіи со стороны практической,—объ этомъ можетъ судить самъ читатель по вышеизложеннымъ фактамъ. Что̀ же касается до теоретическихъ воззрѣній графа Воронцова о какомъ-то естественномъ, будто-бы, призваніи обѣихъ державъ (то есть Россіи и Великобританіи) быть между собою въ «любви и дружбѣ», то на эти мечтанія даютъ обличительный отвѣтъ современныя намъ, да и предшествовавшія имъ, историческія

[18]) Конвенція эта, подписанная графомъ С. Р. Воронцовымъ и Великобританскимъ статсъ-секретаремъ лордомъ Гренвилемъ, содержала въ себѣ пять статей, въ коихъ: 1) подтвержденъ постановленный въ 1766 г. между обоими дворами торговый договоръ; 2) опредѣлено разбирать тяжбы находящихся въ Россіи Англійскихъ купцовъ не въ Комерцъ-коллегіи, но въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ; 3) Британскимъ подданнымъ пользоваться разными выгодами на Черномъ и Азовскомъ моряхъ, съ уменьшеніемъ пошлинъ; 4) конвенціи сей, вмѣстѣ съ возобновляемымъ договоромъ 1766 г., имѣть силу въ продолженіе шести лѣтъ, и 5) ратификовать оную съ обѣихъ сторонъ. (См. «Словарь достопамятн. людей Русской земли» Бантышъ-Каменскаго, Спб. 1836., ч. 1, стр. 364). Очевидно, что возобновленіе этого коммерческаго трактата въ смыслѣ, столь выгодномъ для Англіи, вызвано было ново-образовавшимися союзными съ нею отношеніями, въ виду особенныхъ политическихъ обстоятельствъ, созданныхъ Французской революціей.

событія. За всѣмъ тѣмъ, такія односторонnія мнѣнія, отчасти, находятъ себѣ оправданіе въ тѣхъ исключительныхъ обстоятельствахъ и международныхъ отношеніяхъ, которыя слагались тогда въ Европѣ, благодаря треволненіямъ, обуревавшимъ ее съ послѣдняго десятилѣтія XVIII вѣка.

Треволненія эти были произведены вулканическимъ взрывомъ Французской революціи, которая поразила ужасомъ и смятеніемъ всѣ монархическія державы и сосредоточила на себѣ все ихъ вниманіе. Опасность потрясеній, грозившая всюду вѣрѣ, власти, порядку и государственной самостоятельности, была сознана почти всѣми правительствами: бѣда небывалая надвигалась мрачною тучею со стороны Франціи и невольно сомкнула многія разнородныя политическія стремленія къ одной цѣли дружнаго противодѣйствія.

Графъ Воронцовъ никогда и прежде не питалъ сочувствія къ Франціи, въ виду ея внѣшней политики, издавна намъ непріязненной по дѣламъ Турецкимъ, Польскимъ и Шведскимъ; онъ постоянно считалъ всякое вліяніе ея на Россію нравственно-тлетворнымъ и политически-вреднымъ [19]); а со времени революціонныхъ смутъ, онъ проникся ненавистью и презрѣніемъ къ этой націи, наравнѣ со многими тогдашними государственными людьми, признавая ее опаснымъ врагомъ всемірнаго спокойствія и Европейскаго равновѣсія. Надежный оплотъ противъ ея анархической пропаганды и завоевательныхъ порывовъ онъ полагалъ осуществимымъ только при тѣсномъ союзѣ двухъ сильнѣйшихъ державъ: Россіи на сушѣ и Англіи на морѣ. По его мнѣнію, только эти два государства могли-бы вести за собою всѣ прочія; возможность-же самобытнаго и плодотворнаго участія въ этомъ противо-революціонномъ ополченіи со стороны Пруссіи и Австріи онъ отвергалъ, не довѣряя первой, какъ представительницѣ честолюбивой, жадной и коварной политики, унаслѣдованной отъ Фридриха II, а второй,—какъ союзницѣ крайне-шаткой и притомъ недостаточно сильной, по отсутствію цѣльности въ ея государственномъ организмѣ. Справедливость требуетъ замѣтить, что закоренѣлую антипатію свою къ Пруссіи графъ С. Р. Воронцовъ вынесъ еще съ молоду, изъ воспоминаній Семилѣтней войны, а также изъ направленія той придворной партіи, къ которой принадлежали графы Воронцовы и которая была въ антагонизмѣ съ графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ, извѣстнымъ Пруссофиломъ.

Въ 1792 г. настало время, повидимому, особенно благопріятное для сближенія Россіи съ Англіею. Подъ вліяніемъ тревожныхъ извѣстій о возмутительныхъ событіяхъ въ Парижѣ, обѣщавшихъ неизбѣжную гибель Людовику XVI-му, Екатерина II-я не только готова была принять участіе въ Австро-Прусской коалиціи противъ революціонной Франціи [20]), но еще намѣревалась усилить эту коалицію привлеченi-

[19]) См., наприм., его письмо къ графу Безбородкѣ въ IX т. «Воронц. Архива», отъ $^{8}/_{19}$ Августа 1791 года.

[20]) Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціею были прекращены въ Январѣ 1793 г., вслѣдъ за полученнымъ извѣстіемъ о казни Людовика XVI.

емъ къ ней Англіи. Она уполномочила графа С. Р. Воронцова хлопотать объ этомъ въ Лондонѣ. Однако тотъ успѣлъ не вдругъ исполнить такое порученіе, встрѣтивъ большія препятствія. Должно сказать, что въ первое время Французской революціи, общественное мнѣніе въ Англіи рѣшительно склонялось на сторону этого переворота и сочувственно смотрѣло на Парижскія происшествія, видя въ нихъ предвѣстіе преобразованію монархическаго правленія на Англійскій ладъ. Радовалось этому и министерство, хотя изъ совершенно другихъ, болѣе эгоистическихъ побужденій: оно разсчитывало, что для Англіи будетъ удобнѣе или безопаснѣе имѣть дѣла съ конституціоннымъ королемъ Французовъ, чѣмъ съ самодержавнымъ властелиномъ, въ родѣ Людовика XVI. При данныхъ обстоятельствахъ, не легко было Русскому посланнику добиваться удовлетворительнаго отвѣта на предложеніе своего двора. «Императрица (разсказываетъ графъ Воронцовъ) желала вовлечь Англію въ коалицію, что̀ было невозможно, какъ по образу мыслей министерства, такъ и по національному предразсудку Англичанъ, которые, увлекаясь именемъ свободы, вѣрили, что Французы будутъ счастливы и спокойны, и оставятъ всѣ прочіе народы въ покоѣ. Это убѣжденіе простиралось до того, что смотрѣли на императора (Австро-Германскаго) и на короля Прусскаго, какъ на тирановъ, желавшихъ поработить свободную націю и навязать ей ненавистное правительство. Такое мнѣніе пустило корни, и если бы даже министерство придерживалось болѣе здравыхъ воззрѣній, то оно было бы невластно преодолѣть всеобщее желаніе сохранять миръ съ Франціей. И такъ, въ это время невозможно было достигнуть того, чего хотѣла Государыня, которой здѣшнее министерство не любило, а меня, ея посланника, еще менѣе, вслѣдствіе борьбы моей съ нимъ въ прошедшемъ году. Но я предвидѣлъ, по ходу Французскихъ дѣлъ, что онѣ доведутъ до разрыва между Франціей и Англіей и что въ такомъ случаѣ сія послѣдняя сочтетъ за счастіе имѣть Россію союзницею. Мнѣ оставалось пріобрѣсти довѣріе министерства, и это удалось единственно-вѣрнымъ путемъ, т. е. благодаря моей откровенности. Лордъ Гренвиль смѣнилъ герцога Лидскаго въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ. Я мало зналъ его лично; но мнѣ было извѣстно, что, несмотря на его дружбу съ Питтомъ, его двоюроднымъ братомъ, онъ одинъ во всемъ Совѣтѣ (гдѣ засѣдалъ въ качествѣ статсъ-секретаря внутреннихъ дѣлъ) противился разрыву съ Россіей въ 1791 году. Мы познакомились ближе, и однажды, когда у насъ съ нимъ шла рѣчь о раздѣляющихъ Англію партіяхъ, я сказалъ, что нахожу эти разногласія благотворными: ибо одна партія наблюдаетъ за другою и заставляетъ ее вести себя осторожно; что въ противномъ случаѣ Англія потерпѣла бы великій ущербъ, и правительство пало бы отъ всеобщей небрежности. Онъ отвѣчалъ мнѣ съ улыбкою: «Вы говорите, какъ приверженецъ оппозиціи». Я возразилъ, что не придерживаюсь никакой партіи, кромѣ партіи моего отечества, что я Русскій, и только Русскій; что для меня все равно, Вильямъ ли Питтъ, или Чарльзъ Фоксъ управляетъ страною, лишь бы то былъ человѣкъ, желающій поддержать согла-

сіе между Англіей и Россіей, и что всякое лицо, руководимое этимъ желаніемъ, столь мудрымъ и основаннымъ на истинныхъ интересахъ и благѣ обоихъ государствъ, всегда найдетъ во мнѣ усерднаго сотрудника, и что̀ я сдѣлалъ въ прошедшемъ году, то онъ самъ сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ». Гренвиль взялъ меня за руку и сказалъ, что я правъ и что я въ немъ найду желаемаго сотрудника. Съ тѣхъ поръ онъ оказывалъ мнѣ полное довѣріе, и это дало мнѣ возможность часто говорить о необходимости разрыва съ Франціей. Онъ долго не соглашался со мною, но потомъ долженъ былъ сознаться, что министерство, наконецъ, убѣдилось въ этой необходимости, но что нація еще не расположена къ такому разрыву, что̀ было дѣйствительно правда. Замѣтно было однакожъ, что удобная минута приближалась; но нашъ дворъ, который то и дѣло понуждалъ меня вовлечь Англію въ войну, не видѣлъ трудностей, какія здѣсь были. Я старался успокоить и проповѣдывалъ терпѣніе, обѣщая, что его желаніе скоро исполнится. Гибель Французскаго короля признана была неизбѣжною, коль скоро узнали, что его будутъ судить, и ужасъ, внушаемый Англійской націи всякимъ убійствомъ [21], долженъ былъ произвести переворотъ въ общественномъ мнѣніи и направить его противъ гнусной Французской республики. Это дѣйствительно произошло, а какъ министерство воспользовалось такою перемѣною для разныхъ придирокъ въ ущербъ Французамъ, предумышленныхъ и сопряженныхъ съ частыми нарушеніями торговаго договора [22], и послѣ казни короля министру республики, Шовелену, воспрещено было являться ко двору: то республика не замедлила объявить войну Англіи. Мнѣ тотчасъ прислали полномочіе для заключенія двухъ конвенцій. Онѣ были готовы въ четыре дня, и у насъ остались очень довольны моимъ усердіемъ; здѣсь же (т. е. въ Лондонѣ) противники этой войны меня обвиняли и до нынѣ обвиняютъ въ подстрекательствѣ, вовлекшемъ страну въ бѣдствія войны».

Кромѣ тѣхъ затрудненій, о которыхъ говорится въ этомъ разсказѣ, подставлялись со стороны Англичанъ и другіе камни преткновенія: напримѣръ, въ требованіяхъ (отклоненныхъ нами) о посылкѣ Русскаго десантнаго отряда для высадки во Францію, въ усиліяхъ къ сбавкѣ суммы субсидій, нужныхъ Россіи для веденія войны. Во всѣхъ этихъ переговорахъ Англичане торговались до упаду изъ-за каждой

---

[21]) Какъ дико звучитъ для насъ эта фраза! Принявъ ее на вѣру, мы должны были бы допустить эту странную случайность, что цѣлое поколѣніе Англичанъ, жившихъ въ XVIII в., физіологически рознилось утонченностью нервной системы, и отъ дѣдовъ своихъ, которые не дрогнули пролить на эшафотѣ кровь короля Карла Перваго, и отъ внуковъ, которые въ наши дни чуть не аплодировали «маленькимъ кровопусканіямъ» Турецкихъ операторовъ въ Болгаріи....

[22]) Маскировать предлогами и придирками дѣйствительную причину всякаго мѣропріятія—всегда было у Англійскихъ мастеровъ политическаго дѣла завѣтнымъ правиломъ государственной мудрости. По крайней мѣрѣ, въ этомъ отношеніи потомки нисколько не отстали отъ предковъ.

подробности. Однако, трудное дѣло, возложенное на Русскаго посланника, кое-какъ уладилось, и актъ союза состоялся въ Январѣ 1793 г., то-есть, за два мѣсяца до возобновленія выторгованнаго Англичанами коммерческаго договора, о которомъ говорилось выше [23]). Затѣмъ, дальнѣйшія сношенія съ Англіей, порученныя графу Воронцову, съ цѣлію поддержки изгнанныхъ Бурбоновъ и всей партіи роялистовъ, мечтавшихъ произвести во Франціи контръ-революцію, надѣлали ему множество хлопотъ и непріятностей.

Весною 1793 г., пріѣхалъ въ Россію домогаться помощи младшій братъ только что передъ тѣмъ казненнаго короля, графъ д'Артуа. Онъ былъ принятъ въ Петербургѣ съ почетомъ и привѣтомъ, осыпанъ и ласками, и щедрыми подарками, поощренъ обнадеживаніями на возможное содѣйствіе его планамъ, а въ заключеніе всего, направленъ въ Англію [24]), при чемъ ожидалось, что тамъ не преминутъ принять принца съ распростертыми объятіями и пособлять его дѣлу всякими способами. Затѣя этой поѣздки, придуманная благополучно пріютившимся у насъ эмигрантомъ, графомъ Эстергази, изобрѣтательнымъ на всякія продѣлки, была внушена имъ покровителю своему, Зубову и, черезъ всесильное посредство послѣдняго, пущена въ ходъ, съ соизволенія Государыни. Все это устроилось очень быстро, безъ всякаго предварительнаго спроса и безъ предупрежденія графа Воронцова, для котораго, какъ и для Лондонскаго двора, пріѣздъ принца въ Англію на Русскомъ фрегатѣ былъ полнѣйшимъ сюрпризомъ. Обстоятельство это поставило нашего посланника въ самое щекотливое и неловкое положеніе.

«Оказалось, что д'Артуа не могъ пребывать въ Англіи, вслѣдствіе долговъ своихъ, за которые онъ подлежалъ заключенію въ тюрьму; ибо, кромѣ короля и членовъ Парламента, каждый можетъ быть посаженъ въ тюрьму, коль скоро долгъ его простирается до 10 фунтовъ стерлинговъ. Даже сыновья короля, не облеченные званіемъ перовъ королевства, подвергаются заключенію за долги, какъ частныя лица. Всего хуже было, что не знали суммы долговъ графа д'Артуа; ибо, во время своего пребыванія въ Кобленцѣ, онъ подписывалъ счеты и векселя за поставки для его арміи, не ведя никакихъ расходныхъ книгъ, такъ что самъ не зналъ, сколько долженъ. Кромѣ этого неодолимаго препятствія къ его пріѣзду, мнѣ поручили выхлопотать для него въ Англіи разныя льготы, совершенно невозможныя и которыхъ министерство никакъ не могло ему предоставить. Даже герцогъ д'Аркуръ, завѣдывающій въ Лондонѣ дѣлами Французскаго королевскаго дома, увидѣлъ, подобно мнѣ, что возраженія, представленныя намъ по этимъ дѣламъ лордомъ Гренвилемъ, были основательны и неопровержимы. Мы отправились, д'Аркуръ

---

[23]) Сверхъ того, чрезъ два года спустя, въ Февралѣ 1795 г., заключенъ былъ оборонительный союзный трактатъ Австріи съ Англіей и Англіи съ Россіей, подписанный въ Петербургѣ кавалеромъ Витвортомъ и утвержденный въ Лондонѣ его правительствомъ.—[24]) Д'Артуа гостилъ въ Петербургѣ съ 12 Марта по 17 Апрѣля 1793 г.

и я, въ Гуль, для свиданія съ Французскимъ принцемъ, который находился на Русскомъ фрегатѣ, на рейдѣ, и объяснили ему положеніе дѣлъ, совѣтуя возвратиться въ Германію [25]). Можете судить о моемъ удивленіи, когда принцъ сказалъ мнѣ: «Я предвидѣлъ эти затрудненія и, поставивъ себѣ за правило вести журналъ всему, что дѣлаю въ важныхъ обстоятельствахъ, я вамъ тотчасъ докажу это». Онъ досталъ изъ письменнаго стола, находившагося въ его каютѣ, большую книгу, писанную его рукою, и далъ мнѣ прочесть подробное изложеніе его бесѣды съ Зубовымъ. Этотъ временщикъ выражался слѣдующими словами, изобличавшими его самонадѣянность, непониманіе разницы въ формахъ правленія и неумѣніе вести дѣла: «Всѣ недоумѣнія вашего королевскаго высочества будутъ разрѣшены; Англія сочтетъ лестнымъ для себя принять васъ; она сдѣлаетъ все, чего желаетъ Императрица, и мы имѣемъ тамъ посланника, который съумѣетъ склонить министерство угождать вамъ во всемъ». Французскій принцъ отправился въ Германію, довольно терпѣливо покоряясь необходимости; но окружавшія его лица увѣрили его, что все уладилось-бы согласно ихъ желаніямъ, еслибъ съ моей стороны была къ тому готовность, и въ этомъ смыслѣ они написали къ Эстергази, а сей послѣдній возбудилъ противъ меня негодованіе Зубова, уже оскорбленнаго и недовольнаго совершенною неудачею замысловъ, которые онъ приписывалъ себѣ, но которые, въ сущности, непримѣтно для него самого, нашепталъ ему Эстергази» [26]).

Неудовольствіе высокомѣрнаго и легкомысленнаго Зубова на графа С. Р. Воронцова возросло по другому случаю. Англійскій литейно-пушечный мастеръ, по имени Инглисъ, потерпѣвшій неудачи въ своемъ отечествѣ и принятый въ Русскую службу, предложилъ Зубову вызвать еще изъ Англіи нѣсколькихъ такихъ-же литейщиковъ; а Зубовъ, именемъ Государыни, навязалъ гласно это порученіе нашему посланнику, не зная, что выполнить подобную комиссію можно было развѣ только скрытымъ ѳбразомъ, такъ какъ, по Англійскимъ законамъ, вербовка пушечныхъ мастеровъ и вывозъ литейныхъ снарядовъ въ чужіе края не дозволялись ни подъ какимъ видомъ. Разу-

---

[25]) Графъ С. Р. Воронцовъ бралъ съ собою въ Гуль дѣтей своихъ, и въ числѣ раннихъ дѣтскихъ воспоминаній фельдмаршала князя М. С. Воронцова была сцена у отца его съ графомъ д'Артуа. Въ полурастворенную дверь дѣти слышали, какъ отецъ въ горячности сказалъ принцу: «когда въ жилахъ течетъ кровь Генриха Четвертаго, то нечего попрошайничать, а надо возвращать себѣ права свои со шпагою въ рукѣ». (Р. Архивъ 1876, I, 52).

[26]) Вообще дѣло о союзныхъ операціяхъ противъ Французовъ не клеилось. Выше сказано уже, что для этого Англія требовала, въ свое распоряженіе, Русскаго вспомогательнаго корпуса; сама-же отказала нашему правительству въ ссудѣ 300 т. фунт. стерл. на поддержку контръ-революціи, что гр. Воронцовъ предвидѣлъ заранѣе и о чемъ предварялъ свое правительство благовременно. (См. 149-е письмо его къ брату, отъ $^{3}/_{14}$ Іюня 1793 г., въ IX т. «Воронц. Арх.» и 60-е письмо къ нему-же графа Завадовскаго, отъ 24 Іюня того-же 1793 г., въ XII т.)

мѣется, это неосторожное требованіе вызвало со стороны гр. Воронцова отрицательное объясненіе, но уже въ формѣ шифрованной депеши. Князь Зубовъ не могъ ничего возразить на такой отвѣтъ, уязвившій его самолюбіе. Съ тѣхъ поръ посланника нашего донимали всевозможными непріятностями и нападками, при всякомъ случаѣ. Его самого и служившихъ при немъ почтенныхъ тружениковъ стали обходить наградами [27], класть подъ сукно его представленія, вести съ нимъ переписку въ довольно грубомъ тонѣ и т. п., словомъ, поднялось безконечное систематическое преслѣдованіе.... [28]).

«Наскучивъ постоянными гоненіями (говоритъ графъ Воронцовъ), я хотѣлъ оставить службу и удалиться въ деревню, не имѣя достаточнаго состоянія для жительства въ Лондонѣ на собственные доходы и не находя возможнымъ покинуть Англію до истеченія четырехъ еще лѣтъ, безъ крайняго вреда для образованія моего сына. Я имѣлъ въ виду поселиться въ окрестностяхъ Бата, гдѣ жизнь дешевле Лондонской и гдѣ сынъ мой могъ найти учителя математики, которую онъ изучалъ съ охотою и которая нигдѣ на свѣтѣ такъ не процвѣтаетъ какъ въ Англіи. Но братъ мой далъ мнѣ понять, что тѣже самые враги, которые насъ преслѣдовали, изобразятъ меня какъ человѣка, отрекшагося отъ родины, и станутъ приписывать мнѣ всякую случайную неудачу моего преемника, увѣряя, что дѣло испорчено моими подпольными происками. Любовь моя къ сыну превозмогла мое отвращеніе къ службѣ, столь-же неудачной, какъ и мало лестной для меня, и я рѣшился пожертвовать собою, остаться на мѣстѣ еще четыре года, съ цѣлью окончить воспитаніе и научныя занятія моего сына, служащаго мнѣ единственнымъ утѣшеніемъ. Съ тѣхъ поръ я имѣлъ много непріятностей и хлопотъ съ нашею эскадрою,

---

27) За нихъ, болѣе чѣмъ за себя, хлопоталъ и огорчался графъ С. Р. Воронцовъ, часто ходатайствовавшій о поощреніи усердной и долговременной службы своихъ подчиненныхъ, въ особенности названныхъ выше: В. Г. Лизакевича и священника Я. И. Смирнова, изъ которыхъ первый былъ обремененъ долгами, а второй—многочисленнымъ семействомъ, имѣя шестерыхъ или семерыхъ дѣтей. Оба они могли жить только жалованьемъ.

28) Такъ, наприм., его умышленно оставляли въ невѣдѣніи о разныхъ сношеніяхъ, какія велись въ Петербургѣ съ Англійскимъ посланникомъ, что весьма часто ставило его въ неудобное положеніе и приводило къ недоразумѣнію, вредному для дѣлъ; кромѣ того, распускали при Петербургскомъ дворѣ толки, будто-бы графъ С. Р. посылаетъ туда курьеровъ изъ Лондона преимущественно по Англійскимъ, а не Русскимъ надобностямъ, въ чемъ приходилось даже оправдываться (если не въ оффиціальной, то въ оффиціозной перепискѣ); наконецъ, явно обходили гр. Воронцова повышеніями, которыми жаловали младшихъ передъ нимъ по службѣ (напр., Тутолмина). См. въ IX т. «Воронцовскаго Архива» письма графа С. Р. къ брату: № 185, отъ $^{10}/_{21}$ Ноября 1795 г., и № 192, отъ $^{5}/_{16}$ Февраля 1796 г.

но умалчиваю о нихъ, чтобъ никому не повредить, и жалѣю тѣхъ, которые навязали мнѣ эти хлопоты единственно по своей глупости» [29]).

*

Такимъ образомъ, служба графа С. Р. Воронцова, которая довольно благопріятно обстановилась въ продолженіе третьяго десятилѣтія Екатерининскаго царствованія (1782—1792), при самомъ концѣ ея правленія, какъ и въ началѣ, проходила тернистымъ путемъ неудовольствій и огорченій, отъ которыхъ страдало въ немъ не только личное достоинство, но парализировалось и дѣятельное отношеніе къ общественнымъ интересамъ. Замѣчательно, что эти непріятности пришлось ему испытывать въ разновременныя эпохи, когда властвовали два, не взлюбившіе его временщика, сперва Потемкинъ, потомъ Зубовъ. Но главная причина недоразумѣній, невыгодно отражавшихся на службѣ графа Семена Романовича, таилась не въ одномъ лишь вліяніи «случайныхъ особъ». Отличительною чертою мудрой Государыни была именно способность подавлять въ себѣ личныя предубѣжденія,—собственныя или навѣянныя,—передъ независимою оцѣнкою качествъ и характера людей, ей служившихъ. Съ этой-же стороны отнеслась она и къ обоимъ братьямъ Воронцовымъ, къ которымъ не могла питать личнаго благоволенія, но которыхъ считала пригодными для дѣлъ, по ихъ образованію и способностямъ. Въ свою очередь, и тѣ не оставались въ долгу, платя за довѣріе усердно-полезнымъ служеніемъ, подчиняя обязанностямъ свои чувства и преклоняясь передъ высокими достоинствами царственной личности, располагавшей судьбами Россіи. Но въ характерѣ графа Семена Романовича, далеко превосходившаго брата своего живостію ощущеній, не было, однако, тѣхъ свойствъ гибкости или снаровки, которыя сторонятся кстати отъ лишнихъ столкновеній съ противоположными взглядами, либо съ несоотвѣтственною постановкою дѣлъ. Въ немъ недоставало охранительной сдержанности въ выраженіи мыслей, какія онъ считалъ за нужное проводить во имя общаго блага, и онъ не стѣснялся высказывать ихъ смѣло, для доклада Государынѣ, въ своей оффиціальной и полуоффиціальной перепискѣ, не смотря на постоянныя напоминанія заботливыхъ друзей и родныхъ, вопіявшихъ объ осторожности, о необходимости прилаживаться къ обстоятельствамъ и объ опасности перечить власти непрошеными совѣтами. (А совѣтовъ этихъ было немало, и о нихъ мы кое-что скажемъ далѣе). Быть можетъ, для подобныхъ увлеченій своими завѣтными идеями нужно было имѣть богатый запасъ гражданскаго мужества и живаго довѣ-

[29]) Вѣроятно, здѣсь идетъ рѣчь объ эскардѣ адмирала Повалишина, прибывшей въ Августѣ 1794 г. изъ Архангельска къ берегамъ Шотландіи совершенно неожиданно для графа Воронцова, отъ котораго, по неизвѣстному ему распоряженію нашего правительства, адмиралъ этотъ требовалъ указанія: можетъ ли онъ пройти черезъ Зундъ, не опасаясь Шведской и Датской эскадръ, вслѣдствіе чего графъ С. Р. долженъ былъ посылать въ Петербургъ эстафеты съ вопросительными бумагами. (Воронц. Арх. IX, стр. 329—330).

рія къ качествамъ великой женщины, сидѣвшей на Русскомъ престолѣ; нужно было носить въ себѣ глубокое сознаніе своей отвѣтственной роли передъ отечествомъ. Все это имѣло мѣсто въ головѣ и сердцѣ графа Семена Воронцова; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, что стремленіе подавать голосъ по всякимъ вопросамъ общественной важности значительно поощрялось въ этомъ человѣкѣ долголѣтнимъ отчужденіемъ отъ условій Русской жизни и привычкою къ инымъ порядкамъ,—порядкамъ той страны, гдѣ суждено было ему провести почти весь вѣкъ свой. Между тѣмъ, отзываясь лишь издалека на занимавшіе его вопросы, и не живымъ устнымъ словомъ, не лицомъ къ лицу передъ верховною властью, а посредствомъ переписки, слѣдовавшей черезъ извѣстныя переходныя ступени, онъ иногда не попадалъ впору съ своими представленіями, которыя, подчасъ, дѣйствительно, оказывались не у мѣста и не вязались съ общегосударственными соображеніями или потребностями;—а это не совсѣмъ нравилось Государынѣ, при всей ея терпимости.

Прежде всего, нелюбо ей было постоянное увлеченіе графа Семена Романовича мыслію о полезности и необходимости тѣснѣйшаго союза нашего съ Англіей, ради котораго онъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, проповѣдывалъ отреченіе отъ одного изъ лучшихъ созданій Екатерининской внѣшней политики,—системы вооруженнаго нейтралитета, задуманной для огражденія всенароднаго морскаго права отъ самовластной монополіи Англичанъ. Онъ всячески настаивалъ на этомъ, доказывая, что выгодами такой системы пользуются на нашъ счетъ только чужія государства, подъ покровительствомъ нейтральнаго флага [30]), а отнюдь не сама виновница этого союза, Россія, такъ какъ у нея почти нѣтъ собственныхъ торговыхъ судовъ, а слѣдовательно нечего и охранять на морѣ, кромѣ иностранныхъ, причастныхъ союзу,—особенно Прусскихъ, защищаемыхъ исключительно нашимъ военнымъ флотомъ, за неимѣніемъ у нихъ своего. Разумѣется, подобные доводы не могли опровергнуть великихъ принциповъ равноправности мореходства, положенныхъ въ основаніе системы вооруженнаго нейтралитета и предуказанныхъ Учредительницею союза не только для насущныхъ нуждъ современнаго ей, но и въ видахъ будущаго положенія дѣлъ.

Не менѣе односторонними и проникнутыми духомъ Англійской политики казались при Русскомъ дворѣ нѣкоторыя другія мнѣнія графа С. Р. Воронцова. Онъ, напримѣръ, возставалъ противъ войнъ съ Турками, которыхъ считалъ для Россіи самыми безвредными и спокойными сосѣдями, необходимыми, въ тоже время, и для пресловутаго «Европейскаго равновѣсія», забывая при этомъ какъ о тяжеломъ рабствѣ единовѣрныхъ намъ христіанскихъ племенъ, ожидав-

---

[30]) Въ союзъ вступили, по вызову Россіи, Данія, Швеція, Португалія, Пруссія и королевство Обѣихъ Сицилій. Изложеніе доводовъ графа Воронцова противъ системы вооруженнаго нейтралитета см. въ 58-мъ письмѣ его къ брату, отъ 2 Сентября 1788 г. (т. IX) и въ 22-мъ письмѣ къ гр. Безбородкѣ, отъ 26 Ноября 1787 г. (тамъ-же, стр. 472).

шихъ заступничества отъ одной лишь Россіи, такъ и о чисто-Русскихъ интересахъ, по отношенію къ Черному морю. Въ глазахъ графа Воронцова гораздо болѣе значенія имѣла обезпеченность нашихъ границъ со стороны близкой сосѣдки Петербурга, Швеціи, отъ которой онъ признавалъ необходимымъ отторгнуть окончательно всю Финляндію. «За такіе пункты, какъ Гельсингфорсъ и Свеаборгъ, говаривалъ онъ, «я охотно отдалъ-бы тридцать такихъ, какъ Крымъ» [31]). Конечно, онъ былъ неоспоримо-правъ, придавая великую цѣнность завоеванію Финляндіи; но изъ-за этой государственной надобности, столь важной для сѣверной границы нашего отечества, онъ совсѣмъ упускалъ изъ виду южныя его окраины. Точно также не понималъ онъ ненормальнаго положенія Русской народности, подавляемой польщизною въ томъ краю, который впослѣдствіи Екатерина возвратила своей имперіи отъ Польши. Графъ Воронцовъ положительно не сочувствовалъ уничтоженію самобытности этой монархической республики, находя, что оно можетъ принести территоріальную выгоду только Пруссіи, а намъ, вовсе не нуждающимся въ увеличеніи территоріи, обѣщаетъ вредъ, придвигая наши границы къ предѣламъ сосѣдей, болѣе опасныхъ, чѣмъ Польша,—то есть, Пруссіи и Австріи [32]). Онъ не одобрялъ и въ принципѣ окончательнаго раздѣла Польши, какъ противнаго идеѣ справедливости и возмущающаго общественное мнѣніе въ Западной Европѣ, преимущественно судя о мнѣніи этомъ по его отголоскамъ въ сердобольной Англіи, для которой вчужѣ прискорбно было видѣть всякое приращеніе Русскихъ владѣній, но которая никогда не церемонилась съ вопросами о правѣ, если дѣло шло о томъ, чтобъ захватить что-нибудь въ свои цѣпкія руки...

По поводу послѣдняго раздѣла Польши, въ сужденіяхъ графа Воронцова замѣчательно, впрочемъ, прозорливое пониманіе закулисныхъ сторонъ этого событія: онъ умѣлъ разгадать въ немъ починъ властолюбивой Пруссіи, починъ, разоблаченный Исторіею только въ наше время [33]).

---

[31]) См. въ IX т. «Воронцовск. Архива» 80-е письмо графа С. Р. къ брату, отъ 31 Іюня (11 Іюля) 1790 года.

[32]) Гр. Воронцовъ доходилъ въ своихъ умозаключеніяхъ до такаго вывода, что Россіи слѣдовало-бы заключить самый близкій и тѣсный союзъ съ самостоятельною Польшею, на что знаменитый нашъ государственный дѣлецъ, графъ А. А. Безбородко, отозвался, что всякій союзъ долженъ основываться на взаимной пользѣ; «но въ чемъ-же намъ когда-нибудь пособлять могутъ Поляки? А вся тягость падетъ на наши-же плеча!» (См. въ XII т. «Воронц. Архива» 63-е письмо гр. Завадовскаго къ гр. А. Р. Воронцову).

[33]) Всегдашняя ненависть къ Пруссіи вдохновила графа Семена Романовича на эту мѣткую догадку. Во всякомъ дѣйствіи Берлинскаго двора онъ видѣлъ хищническія поползновенія и темные происки, что побуждало его иногда высказываться за открытую борьбу съ этою державою. Напримѣръ, въ послѣднюю Екатерининскую войну съ Турціей, онъ, въ одномъ изъ писемъ къ брату,

Не вовсе сходился нашъ дипломатъ со взглядами своего двора и на дѣла Французскія. Правда, онъ раздѣлялъ съ нимъ, равно какъ и съ консервативною партіей въ Англіи, непріязненное расположеніе къ революціи; но не допускалъ вѣроятности, чтобы странствующія банды аристократической эмиграціи и вожди ея—братья погибшаго короля Франціи—успѣли осуществить обратный переворотъ, или такъ называемую контръ-революцію. Онъ глубоко презиралъ бездарную неумѣлость, легкомысленную самоувѣренность и назойливое попрошайничество господъ роялистовъ, съ ихъ нравственно-ничтожными предводителями; онъ не чаялъ отъ нихъ ничего путнаго [34]) и находилъ, что допущеніе дѣятельнаго участія принцевъ съ ихъ приверженцами въ операціяхъ союзныхъ силъ противъ Франціи было-бы мало-того что безполезнымъ, но положительно-вреднымъ для дѣла [35]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ громко сѣтовалъ по поводу непроизводительныхъ подачекъ, которыми у насъ надѣлялись эти родовитые проходимцы на счетъ Русской государственной казны. Узнавъ, что Государыня подарила принцамъ два милліона рублей, при безденежьѣ и долгахъ Россіи, онъ напоминалъ слова народной пословицы: «хорошо чужую крышку крыть, какъ своя не течетъ», дополняя соображеніями въ томъ смыслѣ, что вѣдь Русскія деньги пропадаютъ даромъ и все-равно ничего не помогутъ, когда Пруссія отдѣлывается отъ дѣйствительнаго участія въ союзѣ посулами только на словахъ, а въ тоже время и Англія двусмысленно отнѣкивается отъ дружнаго содѣйствія общему плану. Графъ Воронцовъ хорошо зналъ истинную причину, почему Англійское министерство Питта вело свою нечистую игру во всемъ этомъ дѣлѣ: оно въ сущности желало не подавлять, а поддерживать во Франціи ужасы безначалія, подъ шумъ котораго надѣялось удобнѣе прибрать къ рукамъ всѣ Французскіе острова, для чего содержало въ Парижѣ своихъ тайныхъ агентовъ, имѣвшихъ сношенія съ демагогами-душегубцами и раздувавшихъ пламень анархіи. Всѣ эти козни прикрывались маскою лицемѣрнаго къ ней отвращенія и участія въ планахъ Европейской коалиціи противъ революціонеровъ [36]).

предлагалъ планъ оборонительныхъ дѣйствій противъ Турокъ и наступательныхъ противъ подстрекательницы ихъ, Пруссіи. (См. IX т. письмо отъ $^{9}/_{20}$ Іюля 1790 г.). Интриги и каверзы Англіи онъ также отлично видѣлъ и понималъ; но онѣ не претили ему столько, какъ Прусскія, и даже не мѣшали ему стоять за союзъ нашъ съ Великобританіей. Какъ виденъ тутъ человѣкъ, выросшій подъ впечатлѣніями нашей борьбы съ Фридрихомъ II-мъ, въ Семилѣтнюю войну!

[34]) См. «Воронц. Арх.», т. IX, письма къ гр. А. Р. Воронцову подъ №№ 131, 132, 149, 151 и 156. Вообще, графъ С. Р. Воронцовъ считалъ Французскихъ аристократовъ, по нравственному складу, нисколько не выше кровожадныхъ демагоговъ, а по способностямъ далеко ниже послѣднихъ.

[35]) Тамъ-же, на стр. 414, письмо во Франкфуртъ къ гр. Н. П. Румянцову, акредитованному при Французскихъ принцахъ отъ нашего двора.

[36]) Въ одномъ изъ писемъ графа Семена Романовича къ давнему пріятелю его Португальскому министру иностранныхъ дѣлъ, кавалеру Пинто

Кромѣ сужденій по вопросамъ внѣшней политики, въ письмахъ и донесеніяхъ нашего Лондонскаго посланника содержались и по внутреннимъ Русскимъ дѣламъ разные отзывы, нерѣдко расходившіеся съ направленіемъ ихъ, даннымъ отъ высшей власти. Едва-ли было сколько-нибудь замѣтное явленіе въ нашей общественной жизни,

---

(Pinto), яркими красками изображена гнусная политика Англійскаго правительства по отношенію къ Французскимъ дѣламъ. Письмо это, писанное въ 1792 году, такъ интересно, что мы не можемъ не передать его.

«Г. Питтъ, у котораго главнѣйшій талантъ заключается въ притворствѣ и лицемѣріи, игралъ до сихъ поръ, впрочемъ, изъ-подъ руки, весьма дѣятельную роль въ несчастномъ органическомъ разложеніи Франціи. Съ самаго начала революціи онъ содержалъ тайныхъ агентовъ въ Парижѣ, вступившихъ въ близкія сношенія съ Мирабо, Виконтомъ де-Ноайлемъ и съ тремя-четырьмя другими народными вожаками, которые не имѣли связи другъ съ другомъ, а между тѣмъ всѣ были въ общеніи съ эмиссарами г. Питта и примыкали къ новымъ членамъ Національнаго Собранія, по мѣрѣ восхожденія этихъ членовъ на горизонтѣ популярности. Затѣмъ Питтъ послалъ другихъ еще агентовъ, какъ-то: Кларксона и Освальда, которые дошли въ своемъ усердіи до того, что записались въ Якобинскій клубъ и были внушителями всѣхъ нелѣпыхъ декретовъ относительно колоніальныхъ Негровъ и, вообще, людей изъ разноцвѣтныхъ племенъ. Послѣдствіемъ этого было опустошеніе Сенъ-Доминго, богатѣйшаго острова изъ владѣемыхъ Европейцами въ Вестъ-Индіи,— и, по всей вѣроятности, намъ придется увидать, какъ всѣ Французскія колоніи отпадутъ отъ своей метрополіи. Г. Питтъ отправилъ также и Элліота для переговоровъ въ Парижѣ съ народными предводителями. За послѣднее время, когда епископъ Отёнскій (будущій князь Талейранъ) пріѣзжалъ въ Лондонъ съ секретнымъ порученіемъ разузнать, не воспротивится-ли Англія вторженію Французовъ во Фландрію, г. Питтъ часто имѣлъ съ нимъ свиданія на единѣ и далъ ему положительныя обѣщанія, что не будетъ никакаго препятствія на счетъ Фландріи и Брабанта, лишь-бы Французы не трогали Голландіи. Черезъ десять дней послѣ того, какъ епископъ донесъ въ Парижъ объ этомъ отвѣтѣ, Франція объявила войну Австрійскому дому, и Биронъ съ Дильономъ (Dillon) пошли на Фландрію, а г-нъ Питтъ забылъ, что королева Анна торжественно гарантировала Нидерланды Вѣнскому двору... Боясь, чтобы Австро-Прусская коалиція не укротила смутъ и не возстановила порядка во Франціи, онъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, для разстройства этого союза. До сихъ поръ онъ успѣха не достигъ, но отклонилъ, сколько могъ, Туринскій дворъ отъ содѣйствія коалиціи и пользуется позорнымъ безучастіемъ къ дѣлу Испаніи, гдѣ герцогъ Алькудія, какъ полагаютъ, продался Якобинцамъ. Г. Питтъ, безъ сомнѣнія, служитъ своей странѣ; но къ чему-же это лицемѣріе, къ чему выражать въ своихъ рѣчахъ соболѣзнованіе о Франціи, о королевскомъ семействѣ и фальшиво показывать при всякомъ случаѣ, будто-бы онъ гнушается Якобинцами, съ коими его посланцы поддерживаютъ такія короткія связи? Первый министръ Великобританіи долженъ-бы дѣйствовать болѣе прямымъ путемъ. Гораздо честнѣе было-бы повести войну съ Франціей, разгромить Шербургъ, истребить ея флотъ и отторгнуть у нея колоніи, чѣмъ возбуждать, подъ личиною притворства, волне-

которое пропустилъ-бы мимо своего вниманія этотъ Русскій человѣкъ, пребывавшій на чужбинѣ, но духовно-присутствовавшій на родинѣ и вѣчно-переполненный горячимъ участіемъ къ ея судьбамъ. Онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что ни дѣлалось въ ней, принималъ близко къ сердцу всякую вѣсть изъ Россіи и безбоязненно высказывался по поводу обстоятельствъ, занимавшихъ его мысль, не заботясь, покажутся-ли пріятными такія сужденія сильнымъ людямъ. Надобно сказать, что переписка его съ братомъ имѣла характеръ столько же дружескій, какъ и полуоффиціальный: по крайней мѣрѣ, многое въ ней, касавшееся дѣлъ, показывалось тѣмъ, кому вѣдать надлежало, и потому письма эти особенно обильны соображеніями по дѣловымъ вопросамъ; но, кромѣ того, графъ Воронцовъ не затруднялся вводить ихъ въ свои служебныя донесенія къ начальствующимъ лицамъ.

Въ концѣ 1785 года получаетъ онъ отъ графа Безбородки порученіе навести въ Англійскомъ министерствѣ справки о возможности переселенія въ Россію осужденныхъ къ высылкѣ изъ Англіи и къ каторгѣ преступниковъ, которыми Русское правительство имѣло въ виду заселять пустопорожнія свои земли; въ Августѣ-же 1786 г. узнаётъ еще отъ нѣкоего Ирландца Дилона, что тотъ уполномоченъ уже отъ извѣстнаго принца Де-Линя набирать въ Англіи этихъ ссыльно-каторжниковъ и даже вывезенныхъ изъ Британскихъ колоній Негровъ для заселенія этимъ отверженнымъ сбродомъ земель въ Крыму, пожалованныхъ принцу. Такія предположенія встревожили графа Воронцова до глубины души. Въ патріотическомъ негодованіи, онъ немедленно обращается къ Безбородкѣ и вице-канцлеру графу Остерману съ рѣзкою отповѣдью, гдѣ выводитъ наружу всю несообразность подобнаго мѣропріятія съ пользою, съ достоинствомъ и съ честію Россіи. «Ваше сіятельство (писалъ Воронцовъ къ Остерману) помните, я надѣюсь, мое къ вамъ о сихъ каторжныхъ представленіе. Я опасаюсь теперь, что сіе дѣло можетъ исполниться къ стыду и на вредъ Россіи, безъ вѣдома оной, естьли не возмутъ на то у насъ строгой предосторожности: ибо какъ здѣсь правленіе даетъ еще награжденіе всѣмъ частнымъ людямъ, кои сихъ извергова изъ Англіи вывозятъ, то сей Дилонъ или кто другой можетъ ихъ взять и подъ именемъ колонистовъ принца Линія привести въ Крымъ для населе-

---

нія и возмутительныя душегубства, совершающіяся тамъ, къ стыду человѣчества». (XI т. «Воронц. Арх.», стр. 295—297).

Тѣ-же свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Англійскаго министра пространнѣе изложены въ письмѣ къ брату (на Русскомъ языкѣ) отъ 1—12 Декабря 1791 года, подъ № 106, въ IX т. «Воронц. Архива». Въ другихъ письмахъ къ тому-же лицу (№№ 134 и 135), по поводу военныхъ успѣховъ Французской республики, графъ Семенъ Романовичъ съ горькою ироніей отзывается о бездѣйственномъ поведеніи Питта: «Мнимый блюститель Европейскаго равновѣсія теперь не считаетъ это равновѣсіе нарушеннымъ, тогда какъ въ прошломъ (1791-мъ) году онъ находилъ его въ опасности изъ-за жалкаго городишки Очакова, ради котораго нахально поднялъ-было войну съ Россіей!»

нія его земель; а тамъ, не зная, что они разбойники, примутъ ихъ аки добрыхъ поселянъ; здѣсь же и во всей Европѣ узнаютъ, какими уродами селится Таврическое царство, гдѣ между тѣмъ надо будетъ съ трудомъ охранять старыхъ поселянъ отъ сихъ разбойниковъ, кои, не зная никакаго ремесла, ниже хлѣбопашества, должны будутъ по привычкѣ и необходимости питаться старымъ своимъ ремесломъ, то-есть воровствомъ и мошенничествомъ.—Государыня истребить изволила вредное общество Запорожцевъ, а принцъ Линій хочетъ во владѣнія ея вселить Аглицкихъ и Арапскихъ гайдуковъ; ибо сихъ послѣднихъ, коихъ здѣсь довольно бродягами находится, онъ также къ намъ въ Крымъ переселить желаетъ» [37]). «Если я излишно горячо о семъ изъясняюсь (заканчивалъ онъ свое посланіе къ Безбородкѣ), извините въ разсужденіи причинъ, меня на то побуждающихъ. Меня движетъ въ семъ случаѣ привязанность моя къ Государынѣ и къ моему отечеству и усердіе мое къ славѣ обоихъ. Я могу ошибаться въ моихъ мысляхъ, но ошибка сія отъ ревности къ службѣ и къ отечеству происходитъ».

Эти энергическія представленія имѣли успѣхъ: мысль о заселеніи свободныхъ пространствъ Русской земли отверженцами Британской не была приведена въ дѣйствіе [38])....

А вотъ еще отрывокъ изъ письма графа Воронцова къ Императрицѣ, отъ $^{20}/_{31}$ Октября 1794 г.: «Усердіе къ В. И. В-ву и къ благосостоянію моего отечества понуждаетъ меня взять смѣлость представить Вамъ, всемилостивѣйшая Государыня, что у насъ слишкомъ много, не весьма разборчиво и безъ большой пользы примаютъ въ гражданство иностранныхъ людей всякихъ націевъ и всякаго званія, а паче купцовъ, кои токмо что для выгоды меньшей пошлины въ наше купечество записываются, а богатясь, съ капиталами нажитыми въ Россіи, по нѣкоторомъ времени возвращаются». Графъ Воронцовъ находилъ, что слишкомъ легкое, по нашимъ законамъ, предоставленіе иноземцамъ гражданскихъ правъ въ Россіи, не безвредно для нея, какъ въ отношеніи экономическомъ, такъ и политическомъ.

Однимъ изъ завѣтныхъ убѣжденій графа Семена Романовича, за которое онъ не переставалъ до конца ратовать въ многочисленныхъ своихъ письмахъ, было рѣшительное отрицаніе доступа къ должностямъ по дипломатическому вѣдомству лицъ иностраннаго происхожденія (то-есть не-коренныхъ Русскихъ людей), какъ-то: къ должностямъ посланниковъ, повѣренныхъ по дѣламъ и консуловъ. Онъ признавалъ, что въ высшей степени несогласно съ государственными интересами ввѣрять эти интересы выходцамъ изъ чужихъ краевъ, принимаемымъ на службу безъ всякой осторожности, заботящимся лишь съ формальной стороны о пользахъ Россіи и совершенно безучастнымъ къ

[37]) Т. IX «Вор. Арх.», 4-е письмо къ гр. Остерману, отъ $^{11}/_{22}$ Авг. 1786 г., стр. 406—407.

[38]) Тѣмъ не менѣе Крымъ и южныя степи населились всякимъ сбродомъ. Уже по кончинѣ Потемкина Екатерина сознала эту ошибку его и однажды отозвалась Храповицкому про тамошнее населеніе: C'est un tas de canailles.

имущественнымъ и личнымъ дѣламъ природныхъ ея подданныхъ заграницею. Объясняя этотъ наплывъ иноземцевъ въ нашу дипломатическую службу недостаткомъ свѣдущихъ и образованныхъ людей изъ Русскихъ уроженцевъ, онъ предлагалъ способы постепенно формировать Русскую молодежь для замѣщенія подобныхъ должностей посредствомъ подготовки практическими занятіями при Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Онъ горячо возставалъ противъ укоренившагося обычая принимать туда безъ разбора всякихъ проходимцевъ съ сомнительнымъ прошедшимъ и ненадежными задатками для будущаго. «Не пора-ли», восклицалъ онъ, «положить конецъ не только допущенію чужестранцевъ въ это вѣдомство, но и очистить его отъ теперешняго наброда Чухонцевъ да Нѣмцевъ?»—«Это еще хуже столяровыхъ и портныхъ дѣтей, кромѣ что, будучи Нѣмцы и почитая себя не-Русскими, какое воспитаніе они могли имѣть въ молодости? Какъ отъ нихъ требовать, чтобъ, видя, какъ отцы ихъ крадутъ, выкраивая платья, они бы не покусились продать шифры или другую какую тайну? [39])... Мнѣ кажется, что можно бы завести нѣкоторый родъ школы въ Петербургѣ, гдѣ бы 25 или 30 бѣдныхъ дворянъ воспитывалось, коихъ бы учили своему и иностраннымъ языкамъ и изъ оныхъ брать въ студенты въ Коллегію, гдѣ бы они происходили въ дальные чины по мѣрѣ ихъ способности и прилежанія. Сія бы школа зависѣла отъ главнаго члена Иностранной Коллегіи, и издержки оной заплачены бы были съ лихвою для государства надежностью и спокойностью, которая бы была наблюдена какъ въ Коллегіи, такъ и въ почтовомъ амтѣ. Вы знаете, такъ ли теперь въ сихъ двухъ мѣстахъ дѣла обращаются?».... Онъ вопіялъ также противъ многолюднаго состава коллегіальной канцеляріи, наполненной, по его словамъ, Чухонскими разночинцами, отчего недостаточно обезпечивается сохраненіе тайны государственныхъ дѣлъ. «Знаете ли (писалъ онъ однажды), что въ Англіи, въ департаментѣ внѣшнихъ сношеній, состоитъ только 12 человѣкъ, а работы тамъ гораздо болѣе, чѣмъ у насъ!» [40]). Прочитавъ изданный Французомъ Лессепсомъ журналъ путешествія въ Камчатку, онъ останавливается на словахъ автора о предстоящемъ, будто бы, ему назначеніи на должность консула въ Кронштатѣ. «Надѣюсь», пишетъ по этому случаю гр. Воронцовъ, «что у насъ не дозволятъ пребыванія иностраннаго консула въ военно-портовомъ городѣ, также какъ здѣсь, въ Англіи не допускаютъ таковыхъ въ Портсмутѣ, Плимутѣ и Чатамѣ» [41])...

---

[39]) Здѣсь слѣдуетъ указаніе факта, подтверждающаго эти слова. См. IX т. В. А., стр. 16; также по дѣлу Вальца см. тамъ же стр. 87, 191, 212 и въ «Дневникѣ Храповицкаго» (подъ редакц. Барсукова) стр. 368, 369, 372 и 458—460.

[40]) «Воронц. Арх.», т. IX, стр. 213.—[41]) Тамъ же, стр. 169. Вообще, по поводу вліянія иностранцевъ на Русскія внѣшнія дѣла существуетъ цѣлый рядъ писемъ къ гр. Александру Романовичу. См. №№ 11, 19, 21, 78, 102, 110, 111 и 126.

Безпорядочное положенiе нашихъ финансовыхъ дѣлъ также тревожило графа Воронцова. «Изъ свѣдѣнiй, сообщенныхъ тобою,—писалъ онъ брату,—о новоучрежденномъ банкѣ, вижу я, что у насъ стали уже забирать суммы впередъ, въ счетъ будущихъ доходовъ и что государство много задолжало Ассигнацiонному Банку. Полагаю, что учрежденiя, подвѣдомыя князю Потемкину, суть именно тѣ бездонныя пропасти, куда проваливается большая часть нашихъ финансовъ; говорю «проваливается» потому, что ничто полезное не можетъ совершиться подъ управленiемъ человѣка, у коего хотя довольно ума, кредита и способности къ интригѣ, но коему не достаетъ познанiй, трудолюбiя, добродѣтелей частнаго лица и дѣятеля общественнаго,—такаго человѣка, однимъ словомъ, который озабоченъ общимъ благомъ столько же, какъ своими старыми туфлями» [42]).

«Говорятъ (писалъ онъ въ другомъ письмѣ), что у насъ, во многихъ провинцiальныхъ мѣстностяхъ, приплачиваютъ по 10% на 100, чтобъ размѣнять бумажную монету на звонкую, хотя-бы мѣдную. Нельзя себѣ представить, какъ грустно мнѣ узнавать о положенiи, въ какомъ находится наше отечество: подрывающая насъ контрабанда, недостатокъ металлической монеты, фиктивные денежные знаки, наводняющiе страну и теряющiе кратковременный кредитъ, которымъ они пользовались въ началѣ своего появленiя, задержанное обращенiе денегъ и, въ довершенiе всей картины нашихъ бѣдствiй, раззорительная война и дороговизна хлѣба!... Никогда не ощущалъ я такой неодолимой силы любви къ отечеству, ибо всѣ вѣсти о нашихъ бѣдахъ дѣлаютъ меня просто несчастнымъ человѣкомъ».... [43]). Далѣе: «Я слышалъ уже отъ многихъ Англичанъ о непомѣрной Петербургской дороговизнѣ, про которую ты пишешь. Должно-быть, она происходитъ отъ громадной массы бумажныхъ денегъ, переполняющей Россiю, отъ ужасающаго распространенiя роскоши и отъ упадка курса, вслѣдствiе первыхъ двухъ причинъ. Чт̀о касается дороговизны топлива, то вольн̀о намъ самимъ допускать ее. Если-бъ мы разработывали у себя залежи каменнаго угля, то могли бы употреблять его, какъ это дѣлается здѣсь, въ Англiи, на обжиганiе кирпича, черепицы, извести, на топливо въ кухняхъ, горнахъ, каминахъ и на многiя другiя потребности, для которыхъ истребляется по-напрасну столько дровъ: тогда лѣсной матерiалъ удешевился-бы значительно» [44]). По поводу контрабанды и неудовлетворительнаго поступленiя пошлинъ съ привозныхъ въ Россiю товаровъ, онъ указываетъ на причину зла въ отсутствiи сосредоточенности по завѣдыванiю пограничными таможнями, изъ которыхъ многiя зависѣли отъ Комерцъ-коллегiи, а нѣкоторыя непосредственно отъ князя Потемкина. «Если въ домѣ о десяти дверяхъ (замѣчаетъ онъ) могутъ запираться только девять, то домъ этотъ будетъ вхожъ для воровъ, все равно, какъ если-бъ отперты были всѣ десять дверей» [45]).

---

[42]) IX т. «Воронц. Арх.» стр. 86.—[43]) IX томъ, 51-е письмо отъ 12 Мая 1788 г. [44]) Тамъ-же, № 76, отъ 8 Января. 1790 г.—[45]) Тамъ-же, № 68, стр. 149.

Графъ С. Р. Воронцовъ, постоянно порицавшій крайнюю расточительность въ расходахъ государственной казны, сѣтовалъ и на неумѣстную мелочную бережливость. Такъ, въ одномъ изъ писемъ, онъ приводитъ весьма интересный случай изъ Шведской кампаніи 1789 года, когда послѣ сраженія на морѣ, братъ его жены, Григорій Алексѣевичъ Сенявинъ, распоряжавшійся кораблемъ, за выбытіемъ убитаго командира судна, Муловскаго, и стойко выдержавшій отчаянный бой, получилъ отъ начальника эскадры, вмѣсто спасиба, выговоръ за неумѣренную трату пороха: «Вѣдь это казна государева!»—замѣтилъ Сенявину слишкомъ бережливый адмиралъ [46]).

Пытливое вниманіе нашего почтеннаго патріота, котораго звали въ Россіи Англоманомъ, обращено было и на всякое обстоятельство, касавшееся внѣшнихъ комерческихъ ея сношеній. Содержаніе нѣсколькихъ его писемъ посвящено вопросу объ экспедиціи въ Китай, предположенной въ то время съ цѣлію завязать болѣе дѣятельную торговлю [47]), при чемъ онъ всячески старался намѣтить возможныя мѣры къ тому, чтобы Англичанамъ не удалось перебить намъ окончательно дорогу въ этомъ дѣлѣ. Указывалъ онъ также и на необходимость изъять Астрахань изъ подъ вѣдѣнія Саратовской губернской администраціи, какъ важный пунктъ по отношенію къ торговлѣ съ Персіей, долженствовавшій развиваться самостоятельно при отдѣльномъ своемъ управленіи [48]); волновался раннимъ предвидѣніемъ опасности для насъ отъ Американской конкуренціи по отпуску сырыхъ продуктовъ на Западно-европейскіе рынки [49]). Однимъ словомъ, онъ не былъ равнодушенъ ни къ какому обстоятельству, имѣвшему значеніе для отечества. Приведенныхъ нами образцевъ пока достаточно для того, чтобъ судить о степени его страстнаго участія къ Русскимъ дѣламъ, къ отправленіямъ Русской государственной жизни, и надобно сказать, что было время, когда это участіе не встрѣчало себѣ невыгодной оцѣнки при Петербургскомъ дворѣ. Конечно, не всѣ мнѣнія графа С. Р. Воронцова дѣлались гласными и не всѣ огласившіяся удостоивались быть принятыми къ свѣдѣнію, но за то и не имѣли непріятныхъ для него послѣдствій. Но подъ конецъ царствованія Екатерины, когда вышелъ въ отставку и уѣхалъ къ себѣ въ деревню братъ его графъ Александръ Романовичъ, и утратилъ значеніе давній другъ его графъ Безбородко, преимущественно же въ ту эпоху, какъ онъ возбудилъ противъ себя непріязнь Зубова (о причинахъ которой говорили мы выше), отзывы гр. Воронцова по государственнымъ вопросамъ, не входившимъ непосредственно въ кругъ его служебной дѣятельности, стали казаться неумѣстнымъ съ его стороны вмѣшательствомъ. Дѣйствительно, вниманіе его къ подобнымъ вопросамъ обнаруживалось иногда нѣсколько некстати. Такъ однажды (въ 1793), графъ Семенъ Романовичъ послалъ къ графу Без-

46) «Воронц. Арх.», т. IX, 78-е письмо отъ 10 Апрѣля 1790 г.

47) Тамъ-же, письма подъ №№ 108, 115, 131 и 167.

48) Тамъ-же, № 37, отъ $^{2}/_{13}$ Февраля 1787 г.

49) Тамъ-же, № 28, письмо отъ 31 Октября 1786 г.

бородкѣ, для поднесенія и доклада Императрицѣ, два «меморіала». Въ одномъ изъ нихъ онъ совѣтовалъ сдѣлать Польскую Украйну (т. е. области, присоединенныя отъ Польши и распредѣленныя уже на три губерніи Минскую, Изяславскую и Брацлавскую) — княженіемъ удѣльнымъ. Въ другомъ меморіалѣ внушалось о измѣненіи устава, объявленнаго по манифесту 3 Апрѣля 1785 года и опредѣлявшаго условія, какимъ именно чинамъ дозволяется ѣздить въ экипажахъ, во сколько лошадей и какія кому имѣть ливреи [50]), и кромѣ того предлагалась отмѣна узаконенія о томъ, чтобы въ сословныхъ собраніяхъ дворянства могли участвовать только лица, имѣющія чины. Сопоставляя послѣднее условіе съ правомъ купечества, болѣе широкимъ въ этомъ отношеніи, графа Семенъ Романовичъ находилъ не справедливымъ такое ограниченіе, какъ несообразное съ преимуществами дворянскаго состоянія и оскорбительное для него. Друзья и искренніе доброжелатели нашего прожектёра не на шутку всполошились присылкою сказанныхъ «меморіаловъ», и одинъ изъ этихъ короткихъ друзей, графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій, упрашивалъ Безбородку не представлять Государынѣ полученныхъ двухъ записокъ, дабы не повредить составителю ихъ. «Гдѣ его умъ!» изумленно восклицалъ Завадовскій по этому случаю, обращаясь съ письмомъ къ графу Александру Романовичу [51]). Вообще, осторожный Малороссъ, будучи въ давней дружбѣ съ обоими Воронцовыми, часто тревожился излишнею пылкостью младшаго изъ нихъ и увѣщевалъ его, либо прямо, либо чрезъ посредство старшаго брата, поунять свои гражданскіе порывы, т. е. «не всѣ политическія мнѣнія высказывать», ибо «нѣкоторыя разсужденія» графа Семена Романовича (въ одномъ письмѣ его къ брату), показанныя Государынѣ, «ей не полюбились». Она однажды отозвалась о немъ, что «отъ своего поста учить и наставлять хочетъ», при чемъ намекнула и на то, что онъ черезчуръ долго засидѣлся на одномъ мѣстѣ [52]). «Въ Россіи (говорила Государыня) есть много генералъ-губернаторскихъ мѣстъ, какъ наприм. вакантное въ Москвѣ, гдѣ онъ

---

[50]) Вотъ подлинныя слова изъ письма къ брату, писаннаго еще въ 1786 г. ($^{4}/_{15}$ Августа): «Я не такъ доволенъ былъ привилегіями дворянства, что прошлымъ годомъ вышли и кои, такъ какъ указъ о экипажахъ, болѣе уничтожили, нежели возвысили наше шляхетство: ибо однимъ (указомъ) запрещено дворянамъ ѣздить въ каретахъ, когда не имѣютъ офицерскаго чина, а другимъ отняли право быть въ дворянскихъ съѣздахъ и выборахъ, когда тоже не имѣютъ офицерскаго чина. Купцы же все сіе могутъ дѣлать, ибо они не служа ѣздятъ въ каретахъ на свои выборы». («Воронц. Архивъ» т. IX, письмо 23-е).

[51]) XII т. «Воронц. Архива» письмо 60-е, отъ 24 Іюня 1793 г.

[52]) Тамъ-же, 55-е письмо Завадовскаго, отъ 12 Октября 1792 г. Тутъ необходимо сказать, что Императрица еще и прежде, весною 1792 г., помышляла перевести графа С. Р. Воронцова посланникомъ въ Польшу, но перемѣщеніе это не состоялось, благодаря хлопотамъ и предстательству графа Александра Романовича, какъ видно изъ Лондонскаго письма къ нему его брата, отъ $^{7}/_{18}$ Мая 1792 г. (IX т. «Воронцовск. Архива»., стр. 235).

могъ-бы быть полезенъ и военной, и гражданской службѣ; «однакожъ не къ онымъ влечетъ его наклонность, а только быть въ мѣстахъ внѣ государства». По поводу упомянутой выше докладной записки о Польско-украинскихъ земляхъ, графъ Завадовскій писалъ къ гр. Семену Романовичу, что мысли его по этому предмету могли-бы показаться дерзкимъ противорѣчіемъ плану, начертанному Государыней и долго ее занимавшему; а далѣе замѣчаетъ, что онъ, выѣхавъ давно изъ Россіи, не знаетъ послѣдовавшихъ тамъ перемѣнъ ни въ положеніи вещей, ни въ образѣ мыслей при дворѣ. «На тебя не сердятся», пояснялъ въ заключеніе гр. Завадовскій, «однакожъ, слышу, примѣчаютъ, что ты здѣсь учить хочешь». Поэтому, онъ совѣтывалъ пріятелю ограничиваться въ донесеніяхъ «только касающимся до порученныхъ посольскихъ дѣлъ, не вызываясь съ разсужденіями по дѣламъ, о коихъ не спрашиваютъ»... [53]) Въ другомъ письмѣ къ старшему графу Воронцову тотъ-же Завадовскій опять говоритъ о графѣ Семенѣ Романовичѣ: «Братъ твой въ своихъ донесеніяхъ довольно скроменъ, но въ приватныхъ письмахъ къ графу Маркову заступаетъ за требованія Англичанъ, на что и сказано (Государынею), что ихъ землю, а не свою любитъ. Промолвлено и то, что и онъ пойдетъ въ отставку [54]): ибо родомъ насъ не взлюбили» [55]). Наконецъ, графъ Завадовскій присовокупилъ къ этому слѣдующее: «Онъ (гр. С. Р.) довольно упрямъ, чтобъ видѣть вещи по своему, а не по совѣтамъ дружескимъ. Не однова я ему говорилъ правду и еще тоже скажу. Но тебя лучше послушаетъ, а во мнѣ политика онъ не разумѣетъ».... [56])

Отъ старшаго графа Воронцова посылалось довольно предостереженій младшему, какъ видно изъ отвѣтныхъ писемъ послѣдняго; въ теченіи двѣнадцати-лѣтней бытности его посланникомъ въ Лондонѣ, за время Екатерининскаго царствованія, этотъ обмѣнъ братскихъ укоровъ съ одной стороны и оправданій съ другой не прекращался до конца, что достаточно свидѣтельствуетъ о неподатливости графа Семена Романовича въ завѣтныхъ его убѣжденіяхъ. Долговременное пребываніе въ чужой странѣ, издавно сроднившейся со всѣми правами полной гласности, и еще, быть-можетъ, воспоминанія о первоначальномъ направленіи Екатерининскаго царствованія, которое какъ-бы покровительствовало зачаткамъ общественнаго участія къ дѣламъ, поселили въ графѣ С. Р. Воронцовѣ такое понятіе о его отношеніяхъ къ вопросамъ, вытекающимъ изъ этихъ дѣлъ, какое не совсѣмъ ладилось съ настроеніемъ Государыни въ послѣдніе годы ея жизни. Старчество, навѣты окружающихъ и впечатлѣнія чрезвычайныхъ событій, совершавшихся во Франціи, принесли свои горькіе плоды, въ видѣ рѣшительной реакціи. Конечно,

---

[53]) Т. XII «Воронц. Архива», письмо Завадовскаго отъ 27 Іюля 1793 г.

[54]) То-есть, что и графъ Семенъ Р. выйдетъ въ отставку вслѣдъ за братомъ, который оставилъ тогда должность президента Коммерцъ-коллегіи.

[55]) Т. е., что всѣ Воронцовы, цѣлою фамиліей, не взлюбили Екатерину II.

[56]) «Воронц. Арх.», т. XII, письмо подъ № 73, отъ 4 Апрѣля 1794 г.

графъ С. Р. Воронцовъ, поддерживая постоянно письменныя сношенія съ немногими людьми, въ лицѣ которыхъ сохранялась живая связь его съ далекимъ отечествомъ, съ братомъ своимъ, съ Безбородкомъ, Завадовскимъ, Ростопчинымъ и др., не могъ оставаться въ полномъ невѣдѣніи объ измѣнившемся строѣ дѣлъ въ Россіи; но сношенія эти не замѣняли собою нагляднаго познанія всей правительственной и дворской обстановки. Отъ этого неминуемо было должно послѣдовать недоразумѣніе, а оно отозвалось въ Государынѣ непріятнымъ чувствомъ, съ которымъ принимались многія представленія слишкомъ усерднаго подданнаго; оно же заставило какъ-будто совсѣмъ позабыть истинно - великія его заслуги въ защитѣ интересовъ и достоинства Россіи передъ притязаніями недоброжелательной намъ, сильно-зазнавшейся державы. Между тѣмъ, личныя привычки и вкусы нашего многолѣтняго при ней представителя, личныя его симпатіи въ пользу государственныхъ и бытовыхъ условій Англійской жизни, наконецъ, многочисленныя его знакомства и связи въ той странѣ,—все это, въ сложности, хотя нисколько не мѣшало вѣрной его службѣ горячо-любимому родному краю, но ставилось ему укоромъ среди полу-офранцуженнаго Петербургскаго придворнаго круга и способствовало ему прослыть Англичаниномъ въ душѣ, т. е. человѣкомъ, почти заподозрѣннымъ въ политическомъ отступничествѣ, хотя самое дѣло громко свидѣтельствовало о неизмѣнной и глубокой его привязанности къ отечеству. Но объ этомъ помнить не хотѣли, и графъ С. Р. Воронцовъ имѣлъ небезосновательный поводъ считать себя полу-опальнымъ, оскорбленнымъ, притѣсняемымъ.

Единственнымъ утѣшеніемъ его въ это время были дѣти, о воспитаніи которыхъ онъ заботился неусыпно и съ полнымъ успѣхомъ, стараясь водворить въ нихъ Русскія начала, знаніе роднаго языка и любовь къ своей народности. Все это прочно привилось его дѣтямъ, и въ особенности сыну Михаилу, столь блистательно оправдавшему впослѣдствіи попеченія и надежды отца. Радуясь успѣхамъ дѣтей, графъ Семенъ Романовичъ тревожился только частыми опасеніями быть отозваннымъ отъ своего поста въ Россію прежде, чѣмъ окончится учебный курсъ сына и дочери, такъ-какъ онъ находилъ въ Англіи, болѣе нежели гдѣ-либо, всѣ средства для нихъ получить солидное домашнее образованіе. Однако, опасенія эти не сбылись; виды же собственно по службѣ, омрачившіеся непріятными отношеніями (о которыхъ мы выше говорили), перестали занимать его совершенно: ему какъ-будто выпалъ жребій и встрѣтить, и проводить царствованіе Екатерины Второй тяжелыми впечатлѣніями недовольства и разочарованія. И когда знаменитая Государыня сошла въ могилу, онъ едва-ли могъ подавить въ себѣ эти чувства сѣтованіемъ о потерѣ, какую понесла Россія въ ея кончинѣ. Но уже близилось и скоро затѣмъ наступило время, давшее ему уразумѣть весь смыслъ этой великой потери....

(Продолженіе будетъ).

Письма графа С. Р. Воронцова къ разнымъ лицамъ *).

1.

КЪ ГРАФУ А. А. БЕЗБОРОДКѢ.

Лондонъ, 2 (13) Февраля 1790.

Нашъ планъ общаго примиренія, а особливо съ Турками показался здѣшнему двору толь надмѣрнымъ, что и не хотѣлъ взять на сообщеніе Портѣ. Здѣсь полагаютъ, что Туркамъ сего принять не можно, что сія независимость трехъ Турецкихъ провинціевъ зародитъ тѣже самыя безпокойства, кои произошли отъ первой независимости Крыма и претворится въ вѣчное сѣмя войны, отъ чего почасту и Европа вплетена будетъ въ сіи неугасимые пожары. Я смягчилъ какъ можно болѣе сіи предубѣжденія, но неудачно; наконецъ, чтобъ чѣмъ ни есть привязать Англію къ Россіи, сослался я болѣ на рескриптъ 3-го Марта прошлаго года, нежели на тотъ, что мнѣ привезъ Марковъ отъ 19-го Декабря, въ коемъ не весьма ясно о торговыхъ предложеніяхъ мнѣ предписано; ибо можно растолковать въ ономъ, что токмо при успѣхѣ прочихъ предложеніевъ я бы и о торговлѣ предложилъ здѣшнему министерству. И для того я предложилъ конвенцію, которая мнѣ была приложена при вышеупомянутомъ рескриптѣ отъ 3 Марта. Естьли дѣло сіе удастся, то труднѣе будетъ Прускому двору вовлечь Англію противу пользы Россіи; а естьли сія конвенція по какимъ ни есть непредвидимымъ причинамъ и не совершится, по крайней мѣрѣ, видя постоянное наше желаніе сближиться съ сею землею, умягчитъ ненависть противу насъ, возгорѣвшую здѣсь отъ правилъ вооруженнаго неутралитета, умножившуюся когда потеряли здѣсь надежду, что дворъ нашъ отступится отъ оныхъ и, наконецъ, пуще увеличенную происками Прусіи, которая всячески насъ безпрестанно клеветать старается. Еслибъ наши предложенія о мирѣ съ Портою показались здѣсь умѣренными, я думаю, что господинъ Питъ съ радостію взялъ бы ихъ на убѣжденіе Порты къ миру; ибо кажется, что онъ желаетъ мира и радъ бы былъ, чтобъ Нидерланды за Австрійскимъ домомъ при своихъ правахъ остались. Король, напротивъ, во всемъ угождать готовъ Прусіи, но принужденъ уступать первому министру. Теперь намъ остается ожидать, что князь Григорій Александровичъ успѣетъ на конференціяхъ своихъ съ Турками. Искренно желая достиженія мира нашему отечеству, я почти теряю надежду видѣть онаго совершеніе нынѣшнимъ годомъ, ибо Прусія конечно оному въ Цареградѣ всевозможно будетъ препятствовать.

---

*) Съ подлинниковъ, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, въ дѣлахъ по сношеніямъ съ Англіею.

О уменьшеніи власти короля Шведскаго хотя сначала здѣсь и удивились, что Россія сего требуетъ, но казалось, что наконецъ они поняли право и пристойность сего требованія. Напротиву того, оба министра, съ коими я говорилъ, никакъ о независимости трехъ провинціевъ согласиться съ нами не могли и чѣмъ болѣ о семъ говорили, тѣмъ болѣ дѣлали возраженіевъ. Вы изволите примѣтить, что и въ письменномъ отвѣтѣ о Швеціи совсѣмъ не упоминаютъ и въ разсужденіи Бесарабіи, Молдавіи и Валахіи изъясняются: des changements de territoires si considérables ne sauront jamais manqeur d'affecter les intérêts de plusieurs puissances de l'Europe et les quelles parraissent au roy plutôt capables de prolonger la guerre actuelle que d'en terminer les calamités *).

2.

КЪ НЕМУ ЖЕ.

Лондонъ, 24 Мая (4 Іюня) 1791.

По преданности моей къ вамъ и въ совершенномъ откровеніи, я не могу вамъ не примѣтить, что пребываніе двухъ Россійскихъ министровъ въ Берлинѣ толкуется въ свѣтѣ аки знакомъ лишняго уваженія нашего двора къ Прускому и что оный весьма много симъ мнѣніемъ пользуется, толкуя въ Польшѣ и Германіи, какъ Россія въ немъ ищетъ и его опасается. Если еще къ сему прибавить, что Берлинской дворъ явно противу насъ въ Польшѣ, въ Швеціи, въ Даніи, у Порты и здѣсь дѣйствуетъ, то и не трудно ему увѣрять тамъ гдѣ надо, какъ онъ силенъ и какъ мы слабы, и неудивительно, что находятся легкомысленные, кои сему по одной наружности вѣрятъ. По моему слабому разсужденію, мнѣ кажется, что нѣтъ мѣста во всей Европѣ вреднѣе для нашихъ негоціацiевъ, какъ Берлинъ.

Теперь, обратясь на содержаніе другаго письма графа Остермана въ отвѣтъ Аглицкому предложенію о всеобщемъ перемиріи воюющихъ державъ и о мирѣ между ими, я долженъ вамъ засвидѣтельствовать, что дюкъ де Лидсъ былъ онымъ доволенъ, хотя потомъ до меня дошло, что министерство вообще ожидало откровеннѣйшаго съ вашей стороны объясненія о трехъ Турецкихъ провинціяхъ, кои дворъ нашъ желаетъ, отнявъ отъ Порты, сдѣлать независимыми, что члены здѣшняго правленія думали и думаютъ совсѣмъ невозможнымъ. Я удивился, что статской секретарь ничего мнѣ не сказалъ о кондиціяхъ, кои непріятели наши предлагать намъ намѣрены. Видно, что Швеція и Турки совсѣмъ въ рукахъ Прусіи и, ободрены будучи оною, о мирѣ еще не помышляютъ.

Весьма въ недавномъ времени я свѣдалъ отъ человѣка препочтеннаго и здѣшнія дѣла весьма свѣдующаго, что жаръ, съ коимъ Англія уже болѣ года безпрерывно старается намъ вредить всячески,

---

*) Столь значительныя поземельныя измѣненія не преминутъ затронуть собою выгоды многихъ Европейскихъ державъ, и по мнѣнію короля, отъ нихъ скорѣе можетъ продолжиться настоящая война, нежели прекратятся ея бѣдствія.

произошелъ отъ тайнаго сообщенія, что̀ сдѣлала ей Пруссія, аки бы нашъ дворъ и Вѣнской предлагали, тому ужъ 15 или 16 мѣсяцевъ, Франціи и Гишпаніи сдѣлать съ ними союзъ въ перевѣсъ того, что̀ состоитъ между Англіею, Голландіею и Прусіею; что будто Франція, наружно ласкаясь къ намъ и предоставляя себѣ впередъ когда ей нужно будетъ съ нами на время сдружиться, уговорила Гишпанію отказать сей союзъ и тѣмъ на нее сбросила недовершеніе сего дѣла, которое она сама тогда не желала, дабы не потерять навсегда остатокъ своего кредита у Порты. Сіе Пруское сообщеніе крайне осердило на насъ Англію и было главною причиною умноженія Пруской здѣсь силы. Теперь Берлинской дворъ паки началъ разглашать, что Россія въ тѣсной связи съ Гишпаніею; но я уповаю, что дворъ сему не вѣритъ, хотя въ публикѣ многіе за правду сіе почитаютъ. Я надѣюсь, что у насъ будутъ осторожны въ обращеніяхъ нашихъ съ дворомъ Мадридскимъ.

Король Венгерской *) пріобрѣтаетъ въ публикѣ здѣшней земли славу человѣка скромнаго, но твердаго и толь честнаго, что на слова его всегда положиться можно. Онъ и у короля, и у министерства въ хорошихъ мысляхъ; но наивящій его здѣсь стряпчій есть герцогъ Глочестеръ, любимый братъ короля и съ коимъ сей дружески и откровенно обходится. Сей герцогъ долго былъ въ Италіи, зналъ короля Венгерскаго, когда онъ правилъ Тосканою, и много отъ него имѣлъ ласки и привѣтствіевъ и за то превозноситъ его похвалами при всякомъ случаѣ.

Я слышалъ изъ Берлина, что Алвенслебенъ будетъ отсель отозванъ, а на мѣсто его назначенъ другой, о чемъ я весьма сожалѣю; ибо онъ исканіями своими у принца Валискаго нашелъ любовь сего принца, но тѣмъ же самымъ опостылѣлъ у короля и министерства, такъ что дѣла Прускія взяли бы здѣсь весьма дурной оборотъ, еслибъ они теченіе свое чрезъ него имѣли; однакожъ онъ довольно имъ вредилъ, хотя все шло чрезъ Юварта, ибо не могъ по крайней мѣрѣ подкрѣплять здѣсь то, что̀ тотъ писалъ изъ Берлина.

Изъ отзыва дюка Лидса о торговой нашей конвенціи кажется, что здѣсь не спѣшатъ заключить оную или желаютъ вмѣсто того сдѣлать трактатъ формальной. Если только они послѣдняго желаютъ, то когда сіе возможно, чтобъ у насъ на то рѣшились, тѣмъ лучше Англія къ намъ сближится, и я весьма радъ буду, когда сіе полезное дѣло сдѣлано будетъ въ Петербургѣ, ибо тамъ можно его способнѣе окончать нежели въ Лондонѣ; и какъ я другаго не желаю и не ищу, какъ пользу отечества, то не токмо не буду сожалѣть, но еще стану радоваться, что не буду въ случаѣ подписать здѣсь вышереченную конвенцію, какія бы она мнѣ ни доставила выгоды: ибо я увѣренъ, что формальной трактатъ поставитъ насъ на лучшую ногу съ Англіею. Но если же трактатъ сей не можетъ быть скоро довершенъ, а однакожъ его заключить у насъ желаютъ, въ такомъ случаѣ, давши всякія увѣренія о желаніи онаго, можно будетъ паки

*) Преемникъ Іосифа II-го, императоръ Леопольдъ.

предложить, чтобъ между тѣмъ заключить конвенцію, для которой есть уже полная мочь въ Лондонѣ. Трактатъ конечно лучше всего привяжетъ къ намъ Англію, но если нельзя будетъ скоро его заключить, то между тѣмъ и на время сія конвенція будетъ полезна.

Я примѣчаю, что всякій разъ, что прибывшій ко мнѣ курьеръ проѣхалъ чрезъ Берлинъ и оставилъ тамъ письма, то въ тотъ же день его сюда пріѣзда, или на другой, пріѣдетъ сюда курьеръ Пруской, а когда нашъ не чрезъ Берлинъ ѣдетъ, то сего не бываетъ.

Для разныхъ причинъ, кои требуютъ пространнаго описанія, весьма бы было полезно, когда бы именно было запрещено курьерамъ, сюда посылаемымъ, ѣздить чрезъ сіе гнѣздо нашихъ непріятелей. Простите пространность сего письма, но я не могу окончить его, не прибавя еще, что какъ здѣсь вышла прокламація, коею отзываютъ всѣхъ морскихъ служителей, кои изъ Аглицкой службы находятся въ иностранныхъ, то опасно, чтобъ мы не потеряли тѣхъ, кои у насъ находятся. Затѣмъ надо ихъ ободрить выгодами и произвожденіями. Что и въ корабляхъ, когда нѣтъ предводителей? Покойный Грейгъ съ шестнадцатью кораблями болѣ сдѣлалъ, нежели преемникъ его [1]) съ сорока.

3.

КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ [2]).

Londres, le 9 Août n. s. 1791.

M-r Pitt a dit à plusieurs personnes et à quelqu'une visiblement dans l'intention que je le sache, qu'il est très-mécontent de moi, parce qu'il n'y a pas de doute qne je n'ai communiqué bien de choses à m-r Fox et à d'autres membres de l'opposition. Il a parlé de moi avec beaucoup d'aigreur et a fini par ces paroles remarquables par leur insolence. „On a sçu foit bien faire rappeller d'ici le frère de ce monsieur, et on saura aussi le faire rappeller de même". J'ai trouvé cette indécente menace si impertinente que j'ai répondu ce qui suit: „Je ne veux ni avouer, ni désavouer rien de ce que j'ai fait, n'ayant à rendre comte de ma conduit qu'à l'Impératrice seule; mais admettant par supposition que j'ai fait ce qui déplaît tant à m-r Pitt, je n'ai fait que mon devoir. Envoyé ici pour entretenir la bonne intelligence entre les deux pays, s'il arrivait qu'un ministre imprudent voulût de gaiété de coeur entraîner l'Angleterre dans une guerre injuste contre la Russie, qu'il allât pour cela en Parlement pour enflammer la nation par des exposées absolument faux, qu'il entreprît même un armement effectif pour commencer la guerre; si après toutes ces données j'instruisais ceux qui peuvent éclairer la nation sur le vrai état de l'affaire

---

[1]) Чичаговъ.

[2]) Это и нижеслѣдующее Французское письмо писаны вѣроятно къ графу Моркову, съ которымъ графъ Воронцовъ познакомился въ Италіи въ 1784 году и который теперь сдѣлался третьимъ членомъ Иностранной Коллегіи

et que la nation fut par là éclairée et la guerre empêchée en dépit du ministre; enfin, si dans tout ceci j'aurais pu avoir la moindre part: je me croirais très-heureux et je me consolerais bien facilement du mécontentement de ce ministre. Quant à mon rappel, c'est ce qui m'est absolument indifférent; c'est la chose à laquelle je songe le moins: car, supposant que j'eusse empêché la guerre, j'ai exécuté l'objet de ma mission qui est d'entretenir la paix entre la Russie et l'Angleterre".

Le billet écrit de la main de l'Impératrice au comte Bezborotka au sujet du buste de m-r Fox et qui m'a été envoyé par la poste, fut lu par m-r Pitt avant que je l'ai reçu et l'enflamma encore davantage, ainsi que tout le ministère. Ils ne purent cacher leur dépit et croient que j'en parlerai à tout le monde. Ils en parlèrent comme d'une insulte pour eux de la part de l'Impératrice et répandirent par là la chose, ce qui tourna à leur grand honte.

Je ne doute plus nullement qu'on n'employent tous les moyens imaginables pour me faire rappeller. Le suis pourtant très-tranquille. J'ai servi ma Souveraine et ma patrie, et si, en faisant mon devoir, j'ai à souffrir un jour pour cela, j'ai à me consoler d'idée que je me suis conduit comme je devais le faire. Quant à l'Impératrice, j'ai une si grande coufiance dans sa justice et sa grandeur d'âme que je ne doute nullement qu'elle ne me soutienne. Je suis même persuadé que si elle voyait les choses comme je les vois, elle trouverait moyens sans affectation de dire quelque chose de flatteur sur mon comte et qui marquât son contentement de mes services, quand elle fait l'honneur de parler aux deux ministres anglais à Pétersbourg. Ce n'est pas par vanité que je le désire, mais pour le bien de son service; car il faut on me rappeller ou faire voir qu'on approuve ma conduite et en ôtant ici l'espérance de me nuire chez nous, on me donne par cela la considération qu'il est nécessaire que j'aie pour les affaires présentes et futures.

Je vous envoie celle-ci par mer, par l'occasion de m-r Sournin, maître armurier de Toula, homme d'une habilité extrême et d'une conduite exemplaire. C'est un homme qui mérite tous les encouragemens possibles; car il a préféré de retourner dans son pays, quoiqu'il pouvait gagner ici plus de 200 guinées par an à Londres. Son compagnon, qui est un ivrogne et qui n'a pas son habilité à beaucoup près, a refusé de retourner et gagne ici plus de 100 guinées annuellement.

Переводъ. Лондонъ 9 Августа н. ст. 1791. Г-нъ Питтъ говорилъ многимъ лицамъ и одному изъ нихъ съ очевиднымъ намѣреніемъ довести до меня, что онъ мною очень недоволенъ, такъ какъ несомнѣнно, что я наговорилъ разныхъ разностей г. Фоксу и другимъ членамъ оппозиціи. Онъ отзывался обо мнѣ съ большою горечью и въ заключеніе произнесъ слова замѣчательныя по наглости: «Нашлись средства къ тому, чтобы братъ этого господина *) былъ отсюда ото-

*) Т. е. графъ Александръ Романовичъ, въ 1764 году.

званъ; можно устроить, отзовутъ и его!» — Я счелъ эту угрозу такимъ неприличіемъ и нахальствомъ, что отвѣчалъ нижеслѣдующее: «Мнѣ нечего ни отрекаться отъ того, что мною сдѣлано, ни соглашаться, такъ какъ отчетомъ въ моемъ поведеніи обязанъ я только Государынѣ. Конечно мои дѣйствія неугодны г-ну Питту, я готовъ допустить это; но я только исполнялъ свой долгъ. Я присланъ сюда, чтобы поддерживать добрыя сношенія между двумя странами. Если случилось, что неблагоразумный министръ захотѣлъ, ни съ того ни съ сего, вовлечь Англію въ несправедливую войну противъ Россіи, что для этого онъ являлся въ Парламентъ, чтобы воспламенить націю вполнѣ невѣрнымъ изложеніемъ дѣлъ, что онъ даже предпринялъ настоящія вооруженія къ открытію военныхъ дѣйствій; если послѣ всего этого я обратился съ представленіями къ лицамъ, которыя могутъ открыть націи настоящее положеніе дѣлъ, если вслѣдствіе того нація узнала истину, и война была отвращена къ досадѣ министра; если, наконецъ, во всемъ этомъ я сколько нибудь участвовалъ: то могу почитать себя весьма счастливымъ, и мнѣ очень легко утѣшиться въ томъ, что министръ этотъ на меня негодуетъ. Что касается до моего отозванія, то я совершенно равнодушенъ въ этомъ отношеніи, и оно меня ни малѣйше не заботитъ; ибо, если предположить, что я помѣшалъ войнѣ, то этимъ самымъ я достигъ цѣли моего посланничества, которое состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать миръ между Россіею и Англіею».

Собственноручная записка Государыни къ графу Безбородкѣ на счетъ бюста г-на Фокса, посланная ко мнѣ по почтѣ, была прочтена г-мъ Питтомъ, прежде чѣмъ я получилъ ее. Она привела его и все министерство еще въ сильнѣйшее раздраженіе. Они не могли скрыть свою досаду и воображаютъ, что я стану всѣмъ разсказывать о томъ. По ихъ словамъ, Государыня нанесла имъ оскорбленіе, и они сами разгласили содержаніе записки, что послужило имъ къ великому стыду. Я нисколько не сомнѣваюсь, что приведены будутъ въ ходъ всѣ возможныя средства къ моему отозванію; но этимъ я нисколько не тревожусь. Я служилъ моей Государынѣ и моему отечеству, и коль скоро, исполняя долгъ мой, я долженъ буду потерпѣть за это, мнѣ останется утѣшеніемъ мысль о томъ, что я поступалъ какъ слѣдовало. Что касается до Государыни, то я слишкомъ вѣрю въ ея справедливость и великодушіе, чтобы нисколько не сомнѣваться въ поддержкѣ съ ея стороны. Я убѣжденъ даже, что, если бы она видѣла дѣло, какъ я его вижу, то нашла бы возможнымъ, удостоивая своею бесѣдою двухъ Англійскихъ министровъ, находящихся въ Петербургѣ *), какъ бы невзначай сказать что нибудь лестное на мой счетъ и показать, что она довольна моею службою. Я желаю этого не изъ суетности, но для пользы службы моей; потому что надо либо отозвать меня, либо дать почувствовать, что поведеніе мое одобряется; чрезъ это пропадетъ здѣсь надежда повредить мнѣ у насъ, и я получу значеніе, необходимое мнѣ для настоящихъ и будущихъ дѣлъ.

*) Т. е. Фицгерберта и Фаукнера.

Посылаю вамъ это письмо моремъ, черезъ г на Сурнина, Тульскаго оружейнаго мастера, человѣка примѣрнаго поведенія и отмѣнно искуснаго. Человѣкъ этотъ заслуживаетъ всякаго поощренія; потому что онъ предпочелъ возвратиться на родину, хотя здѣсь въ Лондонѣ онъ могъ заработывать слишкомъ 200 гиней въ годъ. Товарищъ его, пьяница и вовсе не такой искусный мастеръ, не захотѣлъ уѣзжать, зарабатывая здѣсь слишкомъ 100 гиней ежегодно.

4.

Londres, le 8 (19) Août 1791.

Vous pouvez vous représenter avec quelle joie j'ai reçu la nouvelle que toute cette fastidieuse affaire entre les augustes alliés, les génies tutélaires de la Porte, et notre cour a été enfin terminée, à leur honte et à la gloire éternelle de l'Impératrice. Le ministère anglais tâche de faire la meilleure contenance possible, mais il ne peut cacher toute son humiliation. Quand je suis entré chez mylord Grenville, il a été si humilié qu'il fallût que je fis presque une oraison, en me réjouissant avec lui et en appuyant et répetant sans cesse que la chose s'est arrangée à la satisfaction mutuelle et que l'harmonie si longtemps interrompue allait sans doute se rétablir, enfin tant d'autres lieux communs, pour qu'il puisse se remettre, ce qu'il fit à la fin et il me fit à son tour beaucoup de complimens diplomatiques, après quoi nous nous sommes séparés très-amicalement. Je soutiens toujours dans le monde que la chose s'est terminé à la satisfaction commune et à l'honneur de toutes les puissances. Cette affaire a pourtant porté un grand coup à la réputation de m-r Pitt, et il aura bien de mauvaise nuit à passer dans la session prochaine du Parlement.

M-r le baron de Nolken, ministre de Suède, m'ayant abordé hier, me demanda avec un air inquiet pour quoi notre escadre des galères est sortie de Cronstadt. „Parce qu'étant armée, lui répondis-je, il vaut mieux que les gens mangent leurs provisions en s'exerçant qu'en restant à l'ancre".—„Mais pourquoi avez-vous armé?".—„Parce que vous avez armé vous-même, et que quand les voisins sont en armes, la prudence exige qu'on fasse de même".—„Mais nous ne pensons pas à vous attaquer".—„Je le crois bien, mais nous ayant déjà trompé une fois, il est bon de se fier plus à sa force qu'à la bonne foi. On a la raison des autres, et notre ministère sera hautement condamnable si à l'avenir toutes les fois qu'on arme chez vous un vaisseau ou une galère, on n'armerait pas chez nous tout de suite un nombre triple: car vous savez, mon cher baron, que nous en avons les moyens". Après cette étrange dialogue, jugez de mon étonnement, quand il me dit: „Ecoutez, mon cher comte, il y a un vrai moyen pour nous lier à tout jamais et n'avoir jamais de guerre. Vous avez une étendue de pays si considérable qu'une legère cession ne vous ferait rien et nous arrangerait parfaitement; si votre cour voulait nous céder Fridrichsham,

Wilmanstrand et Nislot, jamais la Suède ne vous ferait plus la guerre".—„Vous êtes bien modéré dans vos dísirs, mon cher baron, et je m'étonne que vous n'avez pas compris parmis nos cessions amicales Kexholm et Wibourg; car entre amis plus on est près, mieux on se trouve".—„Je vois que vous plaisantez, mais je vous parle très-sérieusement".—„Et moi, je soutiens que c'est à présent que vous plaisantez le plus, et je vous donne ma parole que je ne marquerai rien a ma cour de ce que vous venez de me dire, parce qu'on ne nous permet pas chez nous de rapporter des plaisanreries dans nos dépêches".

Que dites-vous de cette impertinence? Cela passe toute croyance!

Переводъ. Лондонъ, 8 (19) Августа 1791. Можете судить, какъ я обрадовался, получивъ извѣстіе, что, наконецъ, кончилось все это надоѣдливое дѣло между нашимъ дворомъ и августѣйшими союзниками, геніями-покровителями Порты, и кончилось къ ихъ стыду и къ вѣчной славѣ Государыни. Англійское министерство старается всячески сохранить приличіе, но не можетъ скрыть своего униженія. Пріѣхавъ къ лорду Гренвилю, я засталъ его въ такомъ смущеніи, что мнѣ пришлось держать къ нему почти цѣлую рѣчь, выражая общую радость и безпрестанно утверждая и повторяя, что дѣло уладилось къ обоюдному удовольствію и что безъ сомнѣнія наступитъ такъ давно прерванное полное согласіе; словомъ, я долженъ былъ прибѣгать ко всякаго рода общимъ мѣстамъ, чтобы привести его въ себя, что мнѣ, напослѣдокъ, и удалось. Въ свой чередъ онъ наговорилъ мнѣ дипломатическихъ любезностей, послѣ чего мы разстались очень дружески. Я всѣмъ твержу безпрестанно, что дѣло покончилось къ общему удовольствію и къ чести всѣхъ державъ. Однако оно нанесло сильный ударъ значенію г-на Питта, и при слѣдующемъ созывѣ Парламента ему таки придется не спать по ночамъ.

Вчера Шведскій министръ, баронъ Нолькенъ, подошедши ко мнѣ, спрашивалъ съ тревожнымъ видомъ, за чѣмъ наша галерная эскадра вышла изъ Кронштата. «За тѣмъ, что галеры вооружены, отвѣчалъ я, и чѣмъ стоять на якорѣ, лучше, чтобы люди упражнялись и не даромъ ѣли хлѣбъ»—«Да за чѣмъ вы вооружились?»—«За тѣмъ, что вы вооружились, а коль скоро сосѣдъ вооружился, благоразуміе требуетъ сдѣлать тоже самое».—«Но мы не думаемъ нападать на васъ.»—«Очень вѣрю; но, обманувшись однажды, не слѣдуетъ быть довѣрчивымъ, и лучше полагаться лишь на свою силу. Другіе насъ учатъ, и наше министерство будетъ очень виновно, если на будущее время, когда у васъ вооружатъ корабль или галеру, тотчасъ не послѣдуетъ этому примѣру и не вооружитъ судовъ втрое больше; а вы знаете, мой любезный баронъ, что средства на это у насъ имѣются». После этого страннаго разговора, судите о моемъ изумленіи, когда онъ мнѣ сказалъ: «Послушайте, мой любезный графъ; есть настоящій способъ навсегда намъ сдружиться и никогда не воевать другъ съ другомъ. Вы такъ растянулись, и у васъ такъ много земли, что для васъ ничего не значитъ немножко уступить

ея, что̀ будетъ намъ совершенно кстати. Пусть вашъ дворъ отдастъ намъ Фридрихсгамъ, Вильманстрандъ и Нислотъ, и Швеція никогда больше не будетъ воевать съ вами».—«Вы очень скромны въ вашихъ желаніяхъ, любезный мой баронъ, и мнѣ удивительно, отчего въ число дружескихъ уступокъ вы не включили Кексгольма и Выборга, потому что между друзьями чѣмъ ближе, тѣмъ желательнѣе.»—«Вижу, что вы шутите, но я говорю вамъ вовсе не шутя».—«А я полагаю, что теперь-то именно вы особенно и шутите, и даю вамъ слово не передавать вашихъ словъ нашему двору, потому что намъ не позволяютъ писать шутки въ нашихъ депешахъ».

Что̀ вы скажете объ этой наглости? Просто неимовѣрно!

5.

КЪ ГРАФУ А. А. БЕЗБОРОДКѢ

Лондонъ, 8 (19) Августа 1791.

Письмо вашего сіятельства, при коемъ приложена была записка къ вамъ отъ Государыни касательно до бюста господина Фокса, я получилъ по почтѣ тому уже болѣе двухъ недѣль. Оно было открыто и читано министерствомъ, прежде нежели дошло до моихъ рукъ и воспламенило оное неописанною злостію, и какъ господинъ Питъ, паче всѣхъ оскорбленный честью, что̀ Государыня дѣлаетъ его сопернику, вздумалъ, что я сіе письмо тотчасъ публикую, затѣмъ онъ самъ началъ всѣмъ своимъ знакомымъ разсказывать содержаніе онаго и записки Государыни, толкуя, аки бы господинъ Фоксъ имѣетъ неблагопристойное сношеніе съ Россіею. Но, по несчастію его, я никому о томъ не говорилъ и, не зная, гдѣ внѣ города господинъ Фоксъ находится, былъ четыре дни въ исканіи его пребыванія и свѣдавъ, наконецъ, что онъ возвратился изъ дальней поѣздки въ загородный свой домъ подлѣ Сантъ-Анны, въ графствѣ Сорійскомъ, послалъ къ нему секретаря своего Жоли съ письмомъ.

Весь городъ былъ наполненъ жалобами друзей господина Пита о семъ бюстѣ. Одинъ изъ сихъ господъ, говоря о семъ съ моимъ докторомъ, который ничего о томъ не вѣдалъ, прибавилъ: если господинъ Фоксъ сожжетъ Аглицкой флотъ, то императрица Россійская сдѣлаетъ ему еще наивящшую отличность. Наконецъ, многіе изъ друзей сего послѣдняго, свѣдавъ о семъ происшествіи, поѣхали къ нему въ деревню освѣдомиться, правда-ли есть то, что̀ въ городѣ министерство разглашаетъ о желаніи Государыни имѣть его бюстъ и свѣдавъ, что правда, просили прочесть записку Ея Императорскаго Величества, которую я ему послалъ въ оригиналѣ. Они, прочтя оную, просили его, чтобъ онъ ее далъ въ газетахъ напечатать, но скромность его того ему не дозволила; тогда нѣкоторые изъ сихъ друзей, видя, что она весьма коротко написана, прочли ее разъ десять сряду и, выуча наизустъ, возвратясь въ городъ, ее напечатали, что̀ послужило къ наивящшей славѣ господина Фокса и къ несказанному посрамленію господина Пита, особливо тѣ слова, гдѣ Государыня, говоря о первомъ, выражается: «Il a délivré par son éloquence sa patrie et la Russie d'une guerre à la quelle il n'y avoit ni justice ni raison».

Ваше сіятельство усмотрите изъ письма скульптора, что графъ Фицъ-Вильямсъ согласился уступить тотъ бюстъ, который былъ сдѣланъ для него. Сія его аттенція къ Государынѣ и важность его въ оппозиціи, въ которой онъ наиглавнѣйшею особою почитается, заслуживаетъ вниманіе Государыни. Онъ есть племянникъ и наслѣдникъ покойнаго маркиза Рокингама и почтенъ во всей Англіи аки человѣкъ, соединяющій въ себѣ нравъ пречестный и большіе таланты. Онъ по нашимъ дѣламъ больше всѣхъ въ Верхней Каморѣ отличался и былъ причиною, что изъ пяти разъ, что о семъ дѣлѣ въ оной было трактовано, три раза было сіе сдѣлано по его именно предложеніямъ, а наипаче когда онъ потребовалъ, чтобъ читанъ былъ трактатъ съ Прусіею, по которому случаю онъ доказалъ всей націи, что сей трактатъ весьма вреденъ для сей земли вообще, и въ нынѣшнемъ случаѣ Англія не имѣетъ обязательства вступаться въ сію войну, хотя бы Прусія въ оную и вмѣшалась.

Для сохраненія добраго расположенія къ нашимъ интересамъ толь важнаго человѣка, нужно, чтобъ Государыня нѣсколько строкъ своей руки мнѣ написать изволила, кои бы я могъ ему показать и кои бы были для него лестны, такъ какъ два мѣсяца тому назадъ она ко мнѣ изволила писать о дюкахъ Девоширѣ и Портландѣ. Сему послѣднему я то показывалъ; онъ былъ тронутъ благодарностію и просилъ меня засвидѣтельствовать его наичувствительнѣйшее признаніе и глубочайшее почтеніе къ Ея Императорскому Величеству. Первому я не могъ показать сіе письмо, ибо онъ еще въ городъ не возвращался. Я сіе представляю затѣмъ, что графъ Фицъ-Вильямсъ головою, нравомъ, богатствомъ и инфлюенціею своею въ землѣ весьма почтенъ въ Англіи, искренне привязанъ къ г-ну Фоксу и держится старой системы сохранять дружбу Россіи съ его отечествомъ.

*

Вотъ упоминаемая въ этихъ письмахъ записка Государыни касательно Фоксова бюста, который до сихъ поръ находится въ старомъ Царскосельскомъ дворцѣ. У Храповицкаго, 16 Іюня 1791: „Посыланъ съ запискою къ графу Безбородкѣ въ Совѣтъ, чтобъ ее же послать въ Лондонъ къ графу Воронцову.—Спрошенъ, не смѣялся ли Безбородко". 6 Мая 1792 г.: „Передъ обѣденнымъ столомъ всѣхъ водили на колонаду и показывали, какъ бронзовый бюстъ Фокса поставленъ между Цицерона и Демосѳена; а мнѣ сказали, что Питтъ тому завидуетъ".

Записка Екатерины Великой къ графу А. А. Безбородкѣ

Ecrivez au comte Woronzow, qu'il me fasse avoir en marbre blanc le buste ressemblant de Charles Fox. Je veux le mettre sur ma colonnade entre ceux de Demosthène et Cicéron.

Il a délivré par son éloquence sa partie et la Russie d'une guerre à laquelle il n'y avait ni justice ni raison. 16 Juin 1791.

Переводъ. Напишите къ графу Воронцову, чтобы онъ досталъ мнѣ похожій бюстъ Чарльса Фокса изъ бѣлаго мрамора. Я хочу помѣстить его къ себѣ на колонаду между бюстами Демосѳена и Цицерона. Своимъ краснорѣчіемъ онъ спасъ свое отечество и Россію отъ войны несправедливой и безпричинной. 16 Іюня 1791 года.

Изъ рѣчи Фокса въ Англійскомъ парламентѣ 29 Марта н. с. 1791. [1]).

Лѣтъ двадцать тому назадъ, Англія не только не желала поддерживать Турцію и не опасалась усиленія Русской Государыни, но помогла Русскимъ судамъ пройти въ Средиземное море и тѣмъ самымъ содѣйствовала успѣху Русскаго оружія въ тогдашнюю войну. Кайнарджійскимъ миромъ утверждена независимость Крыма, и за тѣмъ Русская Государыня извѣстила Порту и другія державы, что она неможетъ спокойно владѣть своими землями, коль скоро ей не будутъ подвластны Кубанскіе и Крымскіе Татары. За этимъ извѣщеніемъ послѣдовалъ такаго рода царственный силлогизмъ: «стало быть, я должна имѣть эти земли». Силлогизмъ этотъ пущенъ былъ въ ходъ вскорѣ по заключеніи мира 1783 года [2]). Версальскій дворъ былъ озадаченъ, и графъ Верженъ немедленно предложилъ Англійскому двору сообща съ Франціею противодѣйствовать присоединенію этихъ земель къ Россіи. Я тогда былъ въ числѣ министровъ его королевскаго величества и присовѣтовалъ отвѣчать графу Верженю, что со стороны Англіи не усматривается никакихъ препятствій къ исполненію намѣреній Русской Государыни. Франція не сочла удобнымъ дѣйствовать въ одиночку и оставила Россію въ покоѣ, вслѣдствіе чего Порта торжественнымъ актомъ уступила Россіи свои владѣльческія права на Крымскій полуостровъ. Во время всѣхъ этихъ переговоровъ Англія не питала никакихъ опасеній относительно Россіи. Не странно ли же, что вдругъ, ни съ того ни съ сего, Лондонскій кабинетъ забилъ тревогу? Кому неизвѣстно въ Европѣ, что настоящая война Турціи противъ Россіи возбуждена дворами Лондонскимъ и Берлинскимъ? Коль скоро это такъ (въ чемъ для меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія), то явно, что министры наши неправы, требуя теперь вооруженнаго вмѣшательства, съ цѣлію якобы потушить войну, между тѣмъ какъ она возжена ими самими. Если они станутъ отрицать сіе послѣднее обстоятельство, я спрошу ихъ, за чѣмъ они не предупредили войны: ибо конечно было бы легче охранить предѣлы Турціи, нежели теперь оружіемъ помогать ей придти въ прежнее состояніе. Но предположимъ, что они не возжигали этой войны и имѣли дѣйствительное намѣреніе скорѣе потушить ее, за чѣмъ же было покидать Шведскаго короля, котораго они несомнѣнно заставили воевать съ Россіею? Если бы они поддержали сего монарха въ его дѣятельныхъ, хотя и неблистательныхъ предпріятіяхъ, то можно было бы дѣйствительно разсчитывать, что Россія поторопится заключить миръ съ Портою. Между тѣмъ предпріимчивый король Шведскій доведенъ былъ до того, что ему пришлось заключить миръ безъ посредничества и безъ вѣдома Англіи и его союзниковъ.

Успѣхи Русскаго оружія суть только суетный и лживый предлогъ для войны съ Россіею. Въ 1788, 1789 и 1790 годахъ Русская Государыня одерживала великія побѣды, и однако всѣ три года король нашъ, въ рѣчахъ своихъ, произносимыхъ съ трона, хотя и оплакивалъ продолженіе войны, но всякій разъ заявлялъ утѣшительную мысль о томъ, что этою войною не затрогивается спокойствіе и выго-

---

[1]) Рѣчь эта приложена къ одному изъ донесеній графа С. Р. Воронцова.

[2]) Т. е. мира между Англіею и Франціею, которыя были истощены продолжительною войною, изъ-за освобожденія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ.

ды въ его владѣніяхъ. Послѣ этихъ торжественныхъ заявленій его величества, не стыдно ли министрамъ утверждать, будто Русскія побѣды опасны для нашей страны?

Они возразятъ мнѣ, что побѣды эти получили угрожающее значеніе со времени взятія Очакова. Но это опять будетъ натяжкою. Очаковъ достался Русскимъ въ 1788 году; отчего же въ тронныхъ рѣчахъ 1789 и 1790 годовъ ни словомъ не упомянуто объ этомъ якобы угрожающемъ событіи?

Наконецъ, министры могутъ сослаться на то, что Русская Государыня намѣревалась изгнать Турокъ изъ Европы, и что тутъ заключается опасность для страны нашей. Но предлогъ этотъ также лживъ, какъ и остальные: ибо Государыня эта, завоевавъ страну между ея границами и Дунаемъ, сама предложила возвратить все завоеванное между этою рѣкою и Днѣстромъ, удержавъ за собою на Днѣстрѣ только Очаковъ, для прикрытія владѣній своихъ, простирающихся отъ Очакова къ Бугу. Очаковъ ей нуженъ вовсе не какъ портъ или какъ верфь. То и другое у нея есть въ Херсонѣ; но она не можетъ извлекать пользу изъ Херсона, покамѣстъ Турки владѣютъ Очаковымъ, потому что корабли, идущіе изъ Херсона въ Черное море, должны по необходимости плыть мимо Очаковскихъ пушекъ.

Дѣйствія нашихъ министровъ доселѣ отличались невыносимою наглостью. Въ то время какъ Русская Государыня одерживаетъ побѣды, ведетъ счастливую, блистательную войну, которой она не желала (ибо военныя дѣйствія начаты Турками), наши министры говорятъ ей, что она должна не только отказаться отъ своихъ завоеваній, но сидѣть смирно и не требовать вознагражденія за потраченныя деньги и за кровь, пролитую въ войнѣ, которую ее заставили вести.

Нѣтъ такаго терпѣнія, которое бы не возмутилось отъ подобнаго нахальства, и за него придется когда нибудь понести примѣрное наказаніе тѣмъ, кто себѣ позволилъ оное.

6.

ПИСЬМО ГРАФА С. Р. ВОРОНЦОВА КЪ ГРАФУ А. А. БЕЗБОРОДКѢ.

Лондонъ, 8 (19) Августа 1791.

Письмо вашего сіятельства, чрезъ господина Линдсея, отъ 16 Іюля, я имѣлъ честь получить. Поздравляю васъ всеискренно съ развязкою нашихъ дѣлъ съ Турками, въ кои было вплелись державы, желающія предписать намъ законы. Но дѣло кончилось съ полнымъ достоинствомъ великой нашей Государыни. Турки не дождутся конечно четыремѣсячнаго срока, потерявъ надежду постороннихъ подпоръ и, будучи безпрерывно поражаемы въ Азіи и въ Европѣ нашимъ побѣдоноснымъ оружіемъ, поспѣшатъ, конечно, прекратить свои несчастія; слѣдовательно, прежде конца Октября миръ будетъ сдѣланъ.

Двѣ сіи войны, что они толь безразсудно предприняли, разъ по наущеніямъ Франціи, а теперь по совѣтамъ Прусіи и Аглицкаго министерства, кои со столь чувствительнымъ ущербомъ и стыдомъ ихъ имѣли свое окончаніе, будутъ имъ служить на будущія времена поученіемъ не вѣрить болѣ иностраннымъ державамъ, кои ихъ успѣхами и дѣятельною помощію толь тщетно манили. Можно теперь надѣяться на долго продолжительной миръ, которой весьма нуженъ нашему любезному отечеству, дабы удобнѣе распространить и утвер-

дить во ономъ благія учрежденія, чтò для пользы его завела премудрая наша Владычица.

Я не могу безъ утѣшенія взирать на славу, чтò пріобрѣла она себѣ и своему государству твердостію своего духа и что, презирая угрозы дворовъ Берлинскаго и Лондонскаго, заставила ихъ покориться ея волѣ.

Твердость есть наипервѣйшее качество человѣка: разумъ и знаніе безъ онаго ничего не значатъ; напротивъ того дѣлаютъ презрѣннымъ того, который съ проницаніемъ и науками имѣетъ духъ ребячій. Мы видимъ, что многія государства, прежде уважаемыя въ свѣтѣ, не потерявъ ни пространства своего, ни числа обывателей, ниже богатства, теряли внезапно свою важность и падали во всеобщее презрѣніе свѣта, затѣмъ токмо, что тотъ или тѣ, кои ими стали управлять, не имѣли духа твердости. Франція, почитаемая всею Европою въ царство Генриха Четвертаго, пала во всеобщее презрѣніе при владѣніи сына его по самое министерство кардинала Ришелье, которой паки на первой степень возвелъ свое отечество; хотя въ сіи три періода Франція пребывала въ тѣхъ же самыхъ границахъ своего пространства. Государыня, имѣя духъ и твердость сего великаго министра, не имѣетъ его жестокость, но преисполнена щедростію, кроткостію и милосердіемъ, которыя онъ никогда не зналъ. Нельзя безъ удовольствія представить себѣ, что Шведской король требовалъ, чтобъ ему уступила она всю землю отъ Кимени по Сюстербекъ и отважился предписывать ей законы для мира съ Турками, а наконецъ принужденъ былъ самъ просить мира, оставя Турокъ и не получа ниже на вершокъ земли Россійской. По истинѣ, намъ всѣмъ должно гордиться, что служимъ такой Государынѣ. Да продлитъ Богъ ея жизнь для общаго России блаженства!

Ваше сіятельство увѣряете меня, что Ея Императорское Величество признаетъ мои труды и желаетъ при первомъ случаѣ оказать на дѣлѣ знаки особливаго ко мнѣ благоволенія. Сіе паче всего доказываетъ ея снисхожденіе и милость, и я почитаю себя уже довольно награжденнымъ, когда вѣдаю, чтò она довольна малыми моими услугами. Я здѣсь ничего другаго не дѣлалъ, какъ объяснялъ и представлялъ побочнымъ образомъ націи прямое существо дѣла, которое министерство старалось представить ей въ ложномъ совсѣмъ видѣ, а Государынѣ представлялъ настоящее расположеніе мыслей здѣшней націи, которое было явно: на все сіе не потребовалось съ моей стороны ни малѣйшаго искуства, а надо было токмо имѣть глаза, уста и уши. Притомъ я имѣлъ помощниковъ, труды коихъ были велики, а я, по истинѣ, могу васъ увѣрить, что я самъ трудовъ не чувствовалъ. Мнѣ легче было имъ давать работу, нежели имъ исполнять оную. Они безпрерывно были употребляемы мною въ разныя посылки, въ разныя мѣста и къ разнымъ особамъ; много весьма ночей не спали, сочиняя разные параграфы въ газетахъ и журналахъ, сочиняя памфлеты, переводя много съ Аглицкаго на Французской, и съ Французскаго на Аглицкой; однимъ словомъ, они были въ теченіи сихъ

пяти мѣсяцевъ безпрерывно всегда озабочены. Какъ они неизвѣстны совсѣмъ или мало Ея Императорскому Величеству, то осмѣливаюсь просить ваше сіятельство быть за нихъ предстателемъ: они суть Василій Григорьевичъ Лизакевичъ, священникъ нашей церкви Смирновъ, да секретарь мой Жоли. Случалось иногда, что при торжествахъ мира давались награжденія на канцеляріи министровъ, кои имѣли негоціаціи, и въ такомъ случаѣ сіи награжденія должны были быть раздѣлены между трудившимися и тѣми, кои не имѣли случая работать. Первый изъ сихъ трехъ служитъ близко сорока лѣтъ, преисполненъ знаніемъ и преусерденъ къ службѣ, множество есть такихъ, кои перегнали его чинами и имѣютъ по онымъ жалованье, менѣ имѣютъ лѣтъ отъ роду, нежели онъ провелъ годовъ въ службѣ. При неописанной здѣшней дороговизнѣ, онъ вошелъ въ долгъ, который уплатить не можетъ и въ такой бѣдности находится, что, имѣвъ глазную болѣзнь, которая требовала дорогой операціи, ему нечѣмъ было ее заплатить, такъ что друзья его сдѣлали ему въ томъ помощь. Онъ достоинъ щедраго вниманія великодушной нашей Государыни. Тоже по истинѣ заслуживаетъ и второй; имѣвъ шестеро дѣтей, для воспитанія и призрѣнія за оными долженъ содержать болѣ людей въ своемъ домѣ, нежели дороговизна, изъ году въ годъ здѣсь умножающаяся, то ему дозволяетъ, отъ чего онъ терпитъ великую нужду. О третьемъ я только то вамъ донесу, что онъ, не будучи въ службѣ, служитъ съ усердіемъ и способностію отмѣнною. Онъ тѣмъ способнѣе въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ употребляется, что, какъ онъ извѣстенъ, что не въ службѣ двора, то и обходятся съ нимъ многіе откровеннѣе. Простите долготу сего письма и вѣрьте о искренней моей къ вамъ привязанности.

7.

Къ нему же.

Лондонъ, 8(19) Августа 1791.

Ваше сіятельство помните конечно, что я представилъ въ нашу службу покойнаго капитана Тревенена, коего достоинства со стороны чести и храбрости, такъ какъ и великое искуство въ морской службѣ, было всѣми признано, а паче всего отъ покойнаго Самойла Карловича*), который меня благодарилъ за присылку толь достойнаго офицера. Я сохранялъ сношеніе мое и переписку съ господиномъ Тревененомъ до самаго того времени какъ проклятое Шведское ядро, раня его смертельно, лишило его жизни, а нашъ флотъ будущаго въ немъ Грейга. Тревененъ мнѣ объ господинѣ Екинѣ писалъ неоднократно и послѣднюю кампанію, будучи весьма боленъ, за нѣсколько дней передъ послѣднимъ сраженіемъ, описывая свое изнеможеніе, говоритъ мнѣ въ своемъ письмѣ: «но я тѣмъ счастливъ, что имѣю Екина, который есть искусный и храбрый офицеръ и на которомъ въ нынѣшнемъ моемъ изнеможеніи я вѣрно могу положиться». Сей Екинъ потерялъ одинъ глазъ и ногу въ нашей службѣ; но

---

*) Грейга.

еще можетъ служить. Будучи раненъ тѣмъ же ядромъ, которымъ былъ пораженъ Тревененъ, онъ также потерялъ ногу, которую ему наши неискусные лѣкари худо отпилили и потòмъ такъ неискусно лѣчили, что хотя онъ ходитъ на деревянной ногѣ, однакожъ рана еще не затворилась. Сіе заставило его просить дозволеніе ѣхать на годъ сюда въ свое отечество для лучшаго излѣченія, чтò и дозволено было ему, и по милости Государыни отпущенъ онъ съ жалованьемъ. Но онъ позабылъ, будучи восемь лѣтъ въ нашей службѣ, что съ той поры много положено здѣсь новыхъ податей, что все несказанно вздорожало, хотя и такъ уже Англія превосходитъ всѣ земли дороговизною, и что въ самое то время курсъ упалъ такъ, что всѣ тѣ, кои должны получать деньги изъ Россіи, теряютъ 37 и 38 процентовъ на сто, такъ что онъ находится не въ состояніи жить въ Лондонѣ, гдѣ пребываютъ самые искусные доктора и лѣкари, и не имѣетъ чѣмъ имъ платить: ибо не менѣ какъ по гинеѣ сіи господа берутъ за каждое посѣщеніе. Правда, что въ шесть недѣль, чтò онъ здѣсь находится, рана его стала заживать видимо, и онъ имѣетъ надежду быть не токмо вылѣченъ отъ оной, но и имѣть при томъ нѣкоторое движеніе въ колѣнѣ, такъ что съ деревянною ногою будетъ черезъ 6 или 7 мѣсяцевъ ходить безъ костыля и служить по прежнему; но какъ онъ находится въ совершенной бѣдности, такъ что принужденъ бы былъ лишиться помощи докторовъ, чтò бы сдѣлало здѣсь въ публикѣ двору нашему безчестіе и не ободряло бы Агличанъ входить въ нашу службу, я ему далъ отъ себя нѣсколько десятковъ гиней, прося его, чтобъ сіе принялъ заимообразно, увѣряя его, что великодушіе Государыни не допуститъ его до крайности. Для Ея Императорскаго Величества 250 или 300 фунтовъ стерлинговъ суть бездѣлица, а онъ будетъ спасенъ, и честь нашей службы будетъ сохранена. Мы сохранимъ притомъ искуснаго офицера, и въ Аглицкой націи сіе сдѣлаетъ великое дѣйствіе, видя щедрое призрѣніе, чтò Государыня имѣетъ къ тѣмъ, кои въ службѣ ея пострадать имѣли несчастіе. При семъ прилагаю списокъ его службы и твердо уповаю на ваше человѣколюбіе, что представите объ немъ Ея Императорскому Величеству. Чтожъ касается до сей великой Государыни, то не сумнѣваюсь, чтобъ она по великодушію своему не подала ему руку помощи. Писавъ вамъ о морскомъ офицерѣ, я вспомнилъ, что третьяго дня, разговаривая съ госп. Линдзеемъ, онъ мнѣ сказалъ, что адмиралъ Крюзъ хочетъ идтить въ отставку. Я надѣюсь, что онъ сіе не съ вѣрной стороны знаетъ: ибо хотя я не знаю сего адмирала и не видалъ его отъ роду, но вѣдаю, что онъ въ здѣшнемъ флотѣ весьма извѣстенъ и почтенъ такъ, что всѣ здѣшніе адмиралы отзываются объ немъ съ превеликою похвалою. Здѣшняго флота капитаны графъ Бентингъ и Гакинсъ, кои третьимъ годомъ были изъ любопытства въ нашемъ флотѣ, отзывались мнѣ объ адмиралѣ Крузѣ какъ объ отмѣнномъ морскомъ офицерѣ; также хвалятъ очень какаго-то Повалишина, который, сколько знаю, вицъ-адмираломъ въ нашемъ флотѣ.

*

8.

КЪ НЕМУ ЖЕ.

Лондонъ, 24 Марта (4 Апрѣля) 1793 г.

Прошу ваше сіятельство доложить Государынѣ, что съ самаго начала Декабря мѣсяца, когда король и министерство внутренно уже желали и рѣшились воевать противу Франціи, но не смѣли то оказывать публикѣ, желая довести Францію, чтобъ она сама объявила войну, здѣсь съ того времени, перемѣнили образъ мыслей въ разсужденіи другихъ державъ, а именно касательно до короля Прускаго: ибо поведеніе сего и его генераловъ и министровъ въ руководствѣ военныхъ операцієвъ, которое дано было ему отъ Императора въ самой полной силѣ и безпосредственно въ теченіи прошлаго года, дало королю Аглицкому великое подозрѣніе о искренности Прусіи въ теченіи сей войны, и какъ здѣсь увѣрены были, что незамедленно и Англія войдетъ въ оную, то нужно было, чтобы всѣ содѣйствующіе противъ Франціи поступали единодушно и сильно. За тѣмъ разныя особы были посланы во Франкфортъ, иныя съ комиссіями, другія подъ видомъ вояжировъ, чтобъ надзирать прилежно надъ поведеніемъ короля Прускаго и тѣхъ, кои имъ управляютъ. Извѣстія ихъ посланныхъ и словесныя донесенія нѣкоторыхъ, кои сюда возвращались, удостовѣряли короля и министерство, что имъ не можно считать на дѣятельное пособіе двора Прускаго. Сіе еще наипаче удостовѣрилось тѣмъ, что чѣмъ ближе приблизился разрывъ между Франціею и Англіею и чѣмъ болѣ король желалъ сего внутренно, тѣмъ пуще баронъ *), якобы по повелѣнію двора своего, дѣлалъ здѣсь секретныя предложенія, дабы удержать Англію отъ войны и, уговаривая ее для предъявленія своей медіаціи всѣмъ воюющимъ державамъ, увѣрялъ здѣшній дворъ, что Франція того желаетъ и не отринетъ Аглицкую медіацію. Принцесса Оранжская, способствуя всегда видамъ своего брата, не преставала дѣлать здѣсь подобныя же представленія. Все сіе озабочивало весьма короля и министровъ, желающихъ войны и опасающихся, чтобъ нація не примѣтила ихъ желаніе. За тѣмъ, во всѣхъ словесныхъ отвѣтахъ Якобію и Нагелю отвѣтствовано, что Англія не можетъ предъявить своей медіаціи, имѣя сильные опыты недоброжелательства противу ея Франціи, которая старается дѣлать возмущеніе въ Англіи, что здѣсь войны не желаютъ и лишь бы Франція оставила всѣ свои завоеванія и дала бы залоги, прямо вѣрить можно, что она не выдетъ болѣе изъ своихъ границъ и не будетъ болѣе безпокоить Европу, то Англія сохранитъ желаемый миръ какъ ею, такъ и всѣми державами. Между тѣмъ сдѣлался разрывъ. Тогда уже явно стали отсель понуждать короля Прускаго на выгнаніе Французовъ изъ той части Германіи, гдѣ они въ близости его находятся, а сіе тѣмъ наипаче, что онъ имѣлъ почти втрое болѣ войска, нежели Кюстинъ. Но всѣ сіи домогательства были тщетны, и письма Аглицкихъ во Франкфортѣ агентовъ были на-

*) Т. е. баронъ Якоби, Прусскій посолъ въ Англіи.

полнены токмо описаніями баловъ и Нѣмецкихъ оперъ, которыя тамъ съ великолѣпіемъ представлялись. Наконецъ кавалеръ Морей, возвращаясь оттуда сюда, спросилъ по повелѣнію здѣшняго двора у короля Прускаго, что̀ онъ можетъ донести своему государю о будущихъ военныхъ операціяхъ его Прускаго величества и получилъ отъ его сей отвѣтъ: Dites que quoique j'ai déjà mon indemnité d'avance pour les frais de cette guerre, je ne laisserai pas de faire ce que mon honneur exige*). Я сіе знаю отъ трехъ разныхъ особъ, двумъ изъ коихъ сказалъ сіе лордъ Гренвиль, а третьему самъ король. Однимъ словомъ, здѣсь всѣ увѣрены теперь, что прошлая кампанія была сдѣлана королемъ Прускимъ и герцогомъ Брауншвейскимъ нарочно для истощенія Австріи и потери для нея Нидерландовъ.

Вотъ обстоятельства, кои нужно чтобъ Ея Императорское Величество знать изволила и кои я не могу писать обыкновеннымъ каналомъ, не подвергая ихъ знанію подчиненныхъ въ канцеляріяхъ.

9.

КЪ НЕМУ ЖЕ.

Лондонъ, 20 Сентября (9 Октября) 1795.

Кромѣ принужденной моей поѣздки по дѣламъ въ Дюны и оттоль на эскадру нашу и разныхъ курьеровъ что̀ долженъ былъ посылать къ вице-адмиралу Ханыкову, что̀ мнѣ причинило экстраординарныя издержки, коимъ держу счетъ, которой въ концѣ года ко двору отправлю, мнѣ предстаютъ еще издержки необычайныя отъ прибытія нашей эскадры, коихъ счеты не могу вести подробно по нижеслѣдующей причинѣ.

Всѣ корабли и фрегаты, кои въ отдѣленіяхъ находятся въ разныхъ портахъ и въ крейсированіи, посылаютъ непрестанные рапорты къ вице-адмиралу съ препространными пріобщеніями и, не зная гдѣ онъ находится, въ Норѣ, Ширнесѣ, Дилѣ или въ морѣ, присылаютъ сіи огромные пакеты ко мнѣ подъ моимъ кувертомъ. Тѣ, кои находятся въ крейсированіи, отдаютъ такіе же пакеты встрѣчающимся Аглицкимъ судамъ, кои идутъ въ разные здѣшніе порты, отколѣ они мнѣ ихъ по почтѣ доставляютъ, такъ что изъ сѣверной части Англіи и Скотландіи безпрерывно сіи пакеты приходятъ и по величинѣ своей и по дороговизнѣ здѣшней внутренней почты сто̀ятъ по 8, 10 и часто по 16 шиллинговъ каждой. А какъ я кромѣ сей не-моей переписки имѣю мои собственныя и веду счеты съ по̀чтой помѣсячно, а тамъ не въ состояніи знать, которые для меня прямо и которые подъ моимъ адресомъ къ вице-адмиралу должны слѣдовать, то ставится все на мой счетъ, такъ что я въ прошедшемъ Сентябрѣ мѣсяцѣ долженъ былъ заплатить 18 ф. стерлинговъ и нѣсколько шиллинговъ болѣе, чѣмъ обыкновенно плачу ежемѣсячно.

Естьли-бъ я былъ богатъ, какъ былъ графъ Скавронскій, князь Юсуповъ, графъ Разумовскій, графъ Стакельбергъ и другіе тому по-

*) Скажите, что хотя уже напередъ я имѣю вознагражденіе за издержки этой войны, но что я непремѣнно буду дѣйствовать согласно съ моею честью.

добные, я бы никогда не трудилъ ваше сіятельство; но я изъ дому получаю 21 тысячу, которые составляютъ 2200 ф. стерл., и сія сумма съ тѣмъ что̀ отъ двора получаю, становилась до сихъ поръ прямо въ обрѣзъ моимъ издержкамъ; а по возрастающей ежегодно дороговизнѣ и по умноженію моего расхода, по причинѣ возраста и воспитанія моихъ дѣтей, я принужденъ входить въ долгъ.

Вы очевидной свидѣтель моего поведенія были въ арміи. Я проживалъ больше, нежели имѣлъ доходу, будучи полковникомъ, отъ чего вошелъ въ долгъ и, поѣхавъ для излеченія въ Италію, принужденъ былъ заложить свой домъ, а полкъ оставилъ съ богатою казною, чему призываю въ свидѣтельство господина Уварова, которой мнѣ наслѣдовалъ. Кромѣ полковой казны, роты были въ такомъ довольствіи и хозяйствѣ, что не было ни одной, въ которой бы не было по меньшей мѣрѣ 600 рублей артельныхъ денегъ. Я съ той поры какъ служу никогда не пользовался незаконнымъ образомъ оною, а награжденіевъ со стороны имѣнія никогда не получалъ, ибо оныя не заслужилъ конечно. Но справедливо, чтобъ я и не разорился. За тѣмъ надѣюсь, что ваше сіятельство представите Ея Императорскому Величеству, дабы сіи экстраординарные расходы почты во время пребыванія сей эскадры и кои могутъ превзойти 200 ф. стерл. (хотя не могу я по вышерѣченнымъ причинамъ предъявить документы и росписки оныхъ) были мнѣ удовлетворены заплатою.

Извините, что пишу о такой мелкости; но кто не богатъ, для того 200 или 300 фунтовъ ст. не бездѣлица. У насъ есть пословица: «гдѣ тонко тамъ и рвется», а мои нитки очень тонки *).

---

*) Графъ С. Р. Воронцовъ получилъ большія земли и помѣстья отъ императора Павла. До того же времени, онъ владѣлъ наслѣдственными деревнями нераздѣльно съ братомъ, который умеръ въ 1805 году.

Стихотворенія Константина Сергѣевича Аксакова.

1.

А. Н. Попову [1])

перед поѣздкой его въ чужіе края въ 1842 году.

Вы ѣдете, оставя за собой
Родную Русь съ ея привольемъ и пространствомъ,
Съ ея младою, дѣвственной красой,
Съ ея живымъ нарядомъ и убранствомъ,
Съ ея надеждой, вѣрой—и Москвой.
Знакомиться съ Германскою столицей
Спѣшите вы,—за длинной вереницей
Пустыхъ людей, которыхъ намъ не жаль
(Ихъ подѣломъ взяла чужая даль!):
Такихъ людей чуждаетесь вы сами.
И такъ Берлинъ предстанетъ передъ вами,
Гдѣ такъ сіялъ и закатился умъ,
Гдѣ, говорятъ, идетъ и брань, и шумъ.
Тамъ жилъ герой Германіи послѣдній,—
Торжественный прощальный жизни цвѣтъ!
Свой дивный путь, въ теченьи многихъ лѣтъ,
Прошелъ онъ всѣхъ славнѣе и побѣднѣй [2]).
Съ нимъ рыцарей воскресли времена,
Желѣзная въ немъ вновь проснулась сила,—
Дивилася ему его страна,
Его рука тяжелая страшила.
Германскій духъ доспѣхъ ему сковалъ,
Невиданный, огромный, непробивный;
Имъ облеченъ, могучій, онъ стоялъ,
Смиряя всѣхъ своею силой дивной.
И нѣтъ его; доспѣхъ его лежитъ,
Оставленный въ добычу поколѣнья,—
И вкругъ въ него, ведя войну, шумитъ
Толпа пигмеевъ, жадная движенья.
Доспѣхъ у нихъ, но нѣтъ могучихъ силъ,

---

1) Извѣстному историку, автору сочиненія „Москва въ 1812 году“. Плодомъ его заграничнаго путешествія была между прочимъ книга о Черногоріи.

2) Разумѣется—Гегель († 1831), а ниже: его послѣдователи, школа.

Но нѣтъ руки, оружіемъ владѣвшей,
Но нѣтъ того, который бы взложилъ
И бодро несъ доспѣхъ осиротѣвшій!
Пусть силятся и рвутся съ горяча
Хоть по частямъ схватить убранство боя:
Имъ не поднять тяжелаго меча,
Не сдвинуть имъ оружія героя!
И крикъ и брань въ странѣ возникли той,
Движенье тамъ и шумно, и не стройно,
И жизнь къ своей минутѣ роковой
Торопится, волнуясь безпокойно.
Туда теперь вамъ долгій путь лежитъ....
  Средь шумнаго, тревожнаго движенья
Васъ не обманетъ жизни ложный видъ,
Не увлечетъ васъ сила разрушенья.
Пусть часто тамъ, на сторонѣ чужой,
Мечтаются вамъ образы родные....
Высоко Кремль бѣлѣетъ надъ рѣкой,
Блестятъ кресты и главы золотыя;
Колокола гудятъ—и торжества
Священнаго исполненъ звукъ обильный,
И внемлетъ имъ, надежды, вѣры сильной
И жизни полная Москва!

2.

Союзникамъ.

  Не наша вѣра къ вамъ слетѣла,
Не то даетъ огонь словамъ;
Не за одно стоимъ мы дѣло:
Вы чужды и противны намъ.

*

Ты, съ виду кающійся мытникъ,
Россіи самозванный сынъ,
Ея непрошенный защитникъ,
На все озлобленный Мордвинъ! *)

*

Ты—нарицательное имя,
Мѣстоименье подлеца,
Зовущій къ Господу: «смири мя»
И днесь смиренный до льстеца!

*

И ты, писатель запоздалый,
Классическихъ носитель узъ,

*) Вигель.

Великій злостью, тѣломъ малый,
Упрямый почитатель Музъ!

*

И много мелочи ничтожной,—
Ея и глазъ не разберетъ,—
Но разъяренный, но тревожный,
Но злой и мстительный народъ!

*

Не съединитъ насъ буква мнѣнья;
Во всемъ мы розно межъ собой,
И ваше злобное шипѣнье
Не голосъ смѣлый и прямой.

*

Нѣтъ, васъ не примемъ мы къ совѣту;
Не вамъ внимать родному зву:
Мы отказали Маржерету,
Какъ шли освобождать Москву!

*

На битвы выходя святыя,
Да будемъ чисты межъ собой!
Вы прочь, союзники гнилые,
А вы, противники,—на бой!

3.

Первое Мая.

А. С. Хомякову, въ день его рожденья.

Мы всѣ живемъ: всѣмъ жизнь дана судьбою,—
И дни бѣгутъ обычной чередою,
И молодость привѣтно настаетъ.
Коварная, насъ манитъ и влечётъ
Всѣмъ временнымъ блаженствомъ упоеній,
Всей яркостью блистающей цвѣтовъ,
Всѣмъ трепетомъ минутныхъ увлеченій...
Бѣгутъ за ней, прося ея даровъ:
И счастливы, кому онъ ихъ броситъ!
Минута—ихъ: конца не видно имъ:
Но все пройти должно путемъ своимъ;
Что временно, то время и уноситъ.
Но вы, свершая путь, не таковы:
Не временныхъ искали упоеній;
Другихъ надеждъ, высокихъ наслажденій,
Негибнущихъ, исполнилися вы.
Опасенъ свѣтъ, прелестный и лукавый,

Могуществен соблазна древній глас;
Но молодость не обольстила вас,
И перед жизнію вы правы.
Благое дѣло вами свершено;
Не даромъ юныхъ дней была утрата,
И что у молодости взято,
То жизни цѣлой отдано.
Отъ настоящаго, хоть мчится быстротечно,
Васъ время не умчитъ въ стремленіи своемъ,
И голосъ современный вѣчно
Вамъ будетъ внятенъ и знакомъ.
Понятно вамъ, что молодое племя
Волнуется, съ надеждой въ даль глядитъ;
Понятно вамъ, что нынѣшнее время
Въ груди своей невидимо таитъ.
И ласково вы руку подаете,
Не снисходя, не уступая намъ [1]):
Вы сами той же жизнію живете,
И наше время также близко вамъ.
И потому всегда съ улыбкой ясной,
Богъ дастъ! встрѣчайте вашъ рожденья день.
Пусть долго, долго сходитъ онъ прекрасно,
И никогда невольной грусти тѣнь,
Рожденья день—на васъ онъ не наброситъ.
По всѣмъ правамъ, да вѣчно день такой
Вамъ чувство жизни новое приноситъ
И силы новыя съ собой.

Москва. 1842.

4.

Поэту-укорителю [2]).

Напрасно подвигъ покаянья
Ты проповѣдуешь землѣ
И кажешь темныя дѣянья
Съ упрекомъ гордымъ на челѣ.
Ихъ знаетъ Русь. Она омыла
Неразъ нечистыя дѣла;
Съ смиреньемъ Господа молила

---

[1]) Хомяковъ былъ на 14 лѣтъ старше К. С. Аксакова.

[2]) Это отвѣтъ А. С. Хомякову на его нижеприводимое стихотвореніе:

„Не говорите: то былое,
То старина, то грѣхъ отцовъ!“...

Интересно сопоставленіе этихъ двухъ пьесъ,—этотъ поэтическій поединокъ, этотъ живой споръ двухъ друзей, такъ тѣсно связанныхъ единствомъ мысли и высокихъ нравственныхъ требованій. Оба гремятъ укорами, оба взываютъ къ покаянію—и оба правы.

И слезы горькія лила.
Быть можетъ, и теперь рыдаютъ
Въ тиши, отъ насъ удалены,
И милость Бога призываютъ
Неизмѣнившіе сыны.
Знакомо Руси покаянье,—
О немъ не нужно говорить,—
Съ покорностью свои страданья
Она умѣетъ выносить!...

*

Но есть плѣнительный для взора,
Несознанный, тяжелый грѣхъ,—
И онъ лежитъ клеймомъ позора
И на тебѣ, на насъ на всѣхъ!
Тотъ грѣхъ: постыдная измѣна,
Блестящей куплена цѣной,
Оковы нравственнаго плѣна,
Надменность цѣпью золотой!
То—злая гордость просвѣщенья,
То жалкій лепетъ словъ чужихъ,
То равнодушіе, презрѣнье
Родной земли и дѣлъ родныхъ!...
Легко мы все свое забыли
И, обратясь къ чужимъ странамъ,
Названье «Руси» уступили
Неизмѣнившимъ ей сынамъ,
И древней Руси достоянье—
Съ чѣмъ было слито бытіе—
Намъ стало чуждо покаянье,
Когда мы бросили ее!
Не тамъ тотъ грѣхъ, гдѣ Русь и нужда!...
Ты видишь блескъ чужихъ одеждъ,
Ты слышишь звуки рѣчи чуждой
Сихъ образованныхъ невѣждъ;
Ты видишь гордость снисхожденья
И лоскъ заемный чуждыхъ странъ,
И пышный блескъ благотворенья,
И спѣсь ученыхъ обезьянъ;
И ты ли, пользуясь плодами,
Чтò всѣмъ измѣна намъ даётъ,
Гремишь укорными словами
На тяжко стонущій народъ?!
Нѣтъ, къ намъ направь свои укоры,
Насъ къ покаянію зови,
Да увлажатся наши взоры,
Сердца исполнятся любви!
Пусть покаянье намъ поможетъ

Прогнать преступный шумъ утѣхъ,
Пусть отчужденье уничтожитъ,
Пусть смоетъ нашъ тяжелый грѣхъ!
Я вѣрю: дѣло совершится,
Преобразимъ мы жизнь свою,
И весь народъ соединится
Въ одну великую семью;
И духъ одинъ, и мысль, и слово
Насъ вмѣстѣ мощно обойметъ,—
И сила покаянья снова
Во всемъ народѣ оживетъ!

12 Августа 1845 г. [1]).

Стихотвореніе А. С. Хомякова

(на которое предъидущіе стихи К. С. Аксакова служатъ отвѣтомъ).

Не говорите: «то былое,
То старина, то грѣхъ отцовъ;
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ».
Нѣтъ! Этотъ грѣхъ, онъ вѣчно съ вами,
Онъ въ васъ, онъ въ жилахъ и крови,
Онъ сросся съ вашими сердцами—
Сердцами, мертвыми къ любви.
Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣ грѣхи былыхъ временъ,
За ваши каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ;
За слезы страшной той годины,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждыя дружины
На гибель Русской стороны;
За рабство вѣковому плѣну,
За робость предъ мечемъ Литвы,
За Новградъ и его измѣну,
За двоедушіе Москвы;
За стыдъ и скорбь святой царицы [2]),
За узаконенный развратъ,
За грѣхъ царя-святоубійцы,
За раззоренный Новоградъ;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыдъ его дѣтей,
За Тушино, за Ляпунова,

---

[1]) Изъ этого видно, что въ изданіяхъ стихотвореній Хомякова ошибочно выставленъ подъ стихами „Не говорите то былое"—1846 годъ.

[2]) Соломоніи, безвинно отвергнутой великимъ княземъ Василіемъ, отцомъ Грознаго.

За пьянство бѣшеныхъ страстей,
За слѣпоту, за злодѣянье,
За сонъ умовъ, за хладъ сердецъ,
За гордость темнаго незнанья,
За плѣнъ народа; наконецъ,
За то, что, полные томленья,
Въ слѣпой терзанія тоскѣ,
Пошли просить вы исцѣленья
Не у Того, въ Его-жъ рукѣ
И блескъ побѣдъ, и счастье мира,
И огнь любви, и свѣтъ умовъ,
Но у бездушнаго кумира,
У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ.
И обуявъ въ чаду гордыни,
Хмѣльные мудростью земной,
Вы отреклись отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной.
За все, за всякія страданья,
За всякій попранный законъ,
За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,
За всѣ бѣды роднаго края,
Предъ Богомъ благости и силъ,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!

5.

Возвратъ.

Прошли года тяжелые разлуки,
Отсутствія исполненъ долгій срокъ,
Прельщенія, сомнѣнія и муки
Испытаны,—и взятъ благой урокъ!
Оторваны могучею рукою,
Мы бросили отечество свое,
Умчались вдаль, плѣнясь чужой землею,
Земли родной презрѣвши бытіе!
Преступно мы о ней позабывали,
И голосъ къ намъ ея не доходилъ;
Лишь иногда мы смутно тосковали:
Насъ жизни ходъ насильственный давилъ!
Измѣнниковъ, предателей немало
Межъ нами, въ долгомъ странствіи нашлось:
Въ чужой землѣ ничто ихъ не смущало,
Сухой душѣ тамъ весело жилось!

Слетѣлъ туманъ! Предъ нашими очами
Явилась Русь!.. Родной ея призывъ
Звучитъ опять, и нашими сердцами
Вновь овладѣлъ живительный порывъ.
Конецъ, конецъ томительной разлукѣ,
Отсутствію насталъ желанный срокъ!
Знакомые тѣснятся въ душу звуки,
И взоръ вперенъ съ любовью на Востокъ.
Пора домой! И, пѣсни повторяя
Старинныя, мы весело идемъ.
Пора домой! Насъ ждетъ земля родная,
Великая въ страданіи нѣмомъ!
Презрѣніемъ отягчена жестокимъ,
Народнаго столица торжества,
Опять полна значеніемъ глубокимъ
Является великая Москва.
Постыдное, безчестное презрѣнье
Скорѣе въ прахъ! Свободно сердце вновь,
И грудь полна тревоги и смятенья,
И душу всю наполнила любовь!

*

Друзья, друзья! Тѣснѣе въ кругъ сомкнемся.
Покорные движенью своему,
И радостно, и крѣпко обоймемся,
Любя одно, стремяся къ одному!
Землѣ родной—все, что́ намъ Небо дало,
Мы посвятимъ! Пускай заблещетъ мечъ,
И за нее, какъ въ старину бывало,
Мы радостно готовы стать и лечь.
Друзья, друзья! Грядущее обильно,
Надежды сладкой вѣруйте словамъ,
И жизнь сама, насъ движущая сильно,
Порукой за будущее намъ!...
Смотрите—мракъ ужъ робко убѣгаетъ,
На Западѣ земли лишь онъ растетъ;
Востокъ горитъ, день не далекъ, свѣтаетъ,
И скоро солнце красное взойдетъ!
1843.

6.

Гуманисту.

Ты эгоистъ, хотя бы наслажденья
Высокія испытывалъ твой духъ;
Ты эгоистъ, хотя бъ другихъ мученья
Болѣзненно тревожили твой слухъ;
Хотя бъ тебѣ высокое искусство
Открыло свѣтъ таинственный во мглѣ;
Хотя бъ въ тебѣ горѣло свято чувство
Къ прекрасному, благому, на землѣ;
Хотя бъ своей любовію широкой
Ты всѣхъ людей и цѣлый міръ объялъ;
Хотя бъ ты плакалъ и страдалъ жестоко
И радостью прекрасною сіялъ...
Но ты сидишь съ простертыми руками,
Съ возвышеннымъ мечтаньемъ на челѣ,
Съ блестящими и влажными глазами,
Уединенъ далеко на скалѣ:
Передъ тобой толпа стремится тѣсно—
Ты полонъ къ ней участья и любви,
Ты для людей придумалъ міръ чудесный,
Огонь мечты горитъ въ твоей крови...

*

О нѣтъ, не такъ участіе прилично,
И правды нѣтъ въ волненьи думъ твоихъ:
Бѣды людей ты испытуешь лично,
И плачешь ты не съ ними, а объ нихъ!
Не понялъ ты великаго значенья
Въ одинъ потокъ соединенныхъ волнъ;
Могущества ихъ общаго стремленья
Не понялъ ты, своей тоскою полнъ!

*

Оставь же свой отдѣльный міръ страданья,
Гдѣ ты живешь—вдали людей любя!
Участія не нужно подаянье,
Изъ цѣлаго не исключай себя.
Лишь откажись отъ личныхъ притязаній,
Живую связь поймешь ты въ мигъ, и вотъ
Съ своей судьбою и моремъ колебаній
Величественъ является народъ!
Скорбь общая и общая невзгода
Тебѣ твои страданья замѣнятъ,
Сильнѣй всего великій гласъ народа,
Предъ нимъ твои всѣ вопли замолчатъ!
Пойми себя въ народѣ! Не сжимаетъ,
Какъ океанъ твоей свободы онъ:

Тебѣ онъ только мѣсто назначаетъ,
Ты общему въ немъ живо покоренъ.
А безъ того ты эгоистъ безъ силы,
И жизнь твоя прекрасная пуста,
Страданья вялы, и оружья гнилы,
Порывъ безплоденъ, и ложна мечта.

*

Къ народу лишь свобода низлетѣла,
Могущественъ народа только кликъ,
Принадлежитъ народу только дѣло,
И путь его державенъ и великъ!

7.

Къ Славянамъ.

Съ залогомъ славы, но не бренной,
О, племя Славы, ты стоишь,
И на племенъ потокъ смятенный,
Съ надеждой ясною глядишь.

*

Когда кипя страстями звѣря,
Народы растерзали Римъ,
И—въ духъ, и въ жизнь, и въ братство вѣря,
Ты ненавистно стало имъ,

*

И ихъ озлобленная сила
Тебя мѣтою избрала,
Тебя терзала и губила,
Свершая страшныя дѣла.

*

О, племя Славы, племя мира!
Въ бѣдахъ и злѣ со всѣхъ сторонъ,
Ты не хотѣло чтить кумира
Сихъ кровожаждущихъ племенъ!

*

Цѣною нравственнаго блага
Ты не купило торжества,
Хотя бы сила и отвага
Могли сберечь твои права.

*

Но въ звѣря ты не обратилось,
Но то, что̀ благъ земныхъ святѣй,
Сокровище въ тебѣ хранилось
Духовной жизни съ давнихъ дней...

Опаснѣй чужеземной власти
Для испытуемыхъ Славянъ
Какъ тати вкравшіяся страсти
Лжепросвѣщенныхъ чуждыхъ странъ.

*

Мысль обратя въ гнилое слово
И убѣжденія въ нарядъ,
Уже-ли чужеземцы снова
Въ свои насъ сѣти заманятъ?

*

Всегда-ль къ Европѣ суесловной
Прикованъ будетъ родъ Славянъ?
Всего тяжелѣ плѣнъ духовный,
Больнѣе нѣтъ душевныхъ ранъ!..

*

Не всѣ Славянскіе народы
Узнали гнетъ чужой руки:
На тѣхъ поляхъ, гдѣ льются воды
Днѣпра и Волги и Оки,

*

Живетъ народъ непобѣжденный,
Смирившій множество враговъ,
Всегда предъ Господомъ смиренный,
Хранящій вѣру праотцовъ.

*

Но и къ нему, какъ испытанье,
Соблазны Запада вошли,
И подвигъ духа и сознанья
Ему готовится вдали...

*

О братья, плѣнъ тяжелый духа,
Постыдный плѣнъ мы разорвемъ!
Всей силой нравственнаго слуха,
Нашъ голосъ внутренній поймемъ!

*

Духъ братства, кроткій, величавый,
Духъ мира снова воскресимъ,
И скажемъ міру слово славы,
Еще неслыханное имъ!

1850.

С.-Петербургскій городской голова въ прошломъ вѣкѣ.

Жизнь А. П. Березина.

Рукопись, которую я препровождаю для напечатанія въ Русскій Архивъ, есть исторія нѣкоего купца, который изъ бѣдности и ничтожества возвысился до богатства и почетнаго общественнаго положенія. Исторія эта написана въ назидательномъ духѣ и даже не чужда элемента чудеснаго; изложеніе ея довольно безграмотно, хотя и обнаруживаетъ въ авторѣ притязаніе на краснорѣчіе. И не смотря на все это, повѣствованію этому нельзя отказать въ нѣкоторомъ историческомъ интересѣ: жизнеописаніе А. П. Березина представляетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ для столь мало извѣстной бытовой исторіи Русскаго купечества въ прошломъ вѣкѣ, и что еще важнѣе—въ тѣхъ чертахъ, которыми изображается въ своей біографіи этотъ честный, благотворительный и благочестивый человѣкъ. Тутъ мы встрѣчаемся съ тѣмъ простымъ, но высокимъ нравственнымъ идеаломъ, которымъ жила и крѣпла наша старая Русь. Многое въ жизни Березина, будучи перенесено въ нашъ вѣкъ, могло бы показаться даже пошлымъ, многое можно было бы объяснять изъ побужденій корысти, честолюбія или тщеславія; но въ той обстановкѣ, въ которой Березинъ провелъ большую часть своей жизни, всѣ его поступки и дѣйствія не могутъ не представляться и не быть на самомъ дѣлѣ вполнѣ искренними. А если такъ, если безкорыстное желаніе его служить общей пользѣ не можетъ быть заподозрѣно, то нельзя не признать въ этомъ скромномъ и, пожалуй, темномъ человѣкѣ общественнаго дѣятеля, который заслуживаетъ полнаго уваженія и доброй памяти.

Простодушный біографъ Березина, мнѣ кажется, достигъ въ значительной мѣрѣ той цѣли, которую предположилъ себѣ: онъ изображаетъ своего героя въ привлекательномъ свѣтѣ, и въ этомъ біографу всего больше помогло крайнее неискусство. Въ первой половинѣ жизнеописанія разсказъ идетъ отъ лица самого Березина, и безъ сомнѣнія, эта часть біографіи имѣетъ наибольшій интересъ. Хронологія въ жизнеописаніи нѣсколько спутана, но при маловажности отдѣльныхъ фактовъ въ этомъ повѣствованіи недостатокъ хронологической точности не кажется существеннымъ.

Для провѣрки нѣкоторыхъ указаній замѣтимъ, что въ «Историко-статистическомъ обзорѣ Ростовско-Ярославской епархіи», изданномъ г. А. Крыловымъ (Яросл., 1860 г.), упоминаемыя въ жизнеописаніи сёла Круглицы и Еремейцово означены въ Рыбинскомъ уѣздѣ, первое—съ церковью, имѣющею три придѣла: Вознесенія Господня, Иліи Пророка и Димитрія Селунскаго, а второе—съ двумя церквами, изъ которыхъ одна деревянная, строенная въ 1725 г., а дру-

гая каменная—1797 г.; въ городѣ же Мышкинѣ показанъ Успенскій соборъ, сооруженный въ 1820 г. и къ которому приписаны двѣ церкви: 1) Никольская, строенная или, вѣрнѣе, перестроенная въ 1837 г., и Алексѣевская на кладбищѣ, строенная въ 1793 году.

Для библіографической полноты должно упомянуть, что извлеченіе изъ біографіи Березина было помѣщено въ Ярославскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ 1862 г., и что въ статьѣ г. В. Лѣствицына: «Поѣздка въ Угличъ», помѣщенной въ Яросл. губернскихъ вѣдомостяхъ 1867 г., также есть нѣсколько замѣтокъ о селѣ Круглицахъ и о тамошней церкви.

М.

Сокращенная жизнь

покойнаго Санктпетербургскаго купца первой гильдіи Александра Петровича Березина,

писанная по его волѣ незадолго до кончины сего Богомъ благословеннаго мужа и наконецъ согласно образу его жизни и дѣяній вновь сочиненная Н. Н., въ память потомства его, по соизволенію любезнѣйшей его дочери и зятя С.-Петербургскаго второй гильдіи купца Петра Яковлевича и супруги его Пелагеи Александровны Туфановыхъ, урожденной Березиной, въ 1807 году, Января дня.

Не громкую исторію героя писать я начинаю, но жизнь достойную уваженія и памяти, мужа, подобнаго, по случаю откровенія, Моисею на горѣ Хоривѣ, во время паствы овецъ (кн. II Моисея, гл. 3, ст. 7). Родитель его былъ крестьянинъ Ярославскаго уѣзда, Спасскаго монастыря, села Еремейцова, селянинъ Петръ Никифоровъ, а родительница—Татьяна Васильевна. Недостаточное ихъ состояніе понуждало его удаляться изъ нѣдръ семейства для промысла въ разныя мѣста его отечества; въ послѣдствіи времени, отходя въ городъ Арзамасъ, не имѣлъ на дорогу нужной по тогдашнему времени суммы и заложилъ бывый у него образъ Святаго Николая Чудотворца въ одномъ рублѣ двадцати копѣйкахъ въ селѣ Мышкинѣ; по прошествіи нѣкотораго времени скончался, оставя семейство въ крайнемъ убожествѣ, но съ христіанскимъ упованіемъ на милосердіе Божіе.

Съ того времени начинается новый періодъ жизни сего терпѣливаго, неутомимаго и богодохновеннаго мужа, оставшагося послѣ смерти родителя своего въ царствованіе Анны Іоанновны, въ 1725 году [1]), отъ рожденія двухъ лѣтъ, въ попеченіи матери, съ четырью сестрами своими: Евфиміей, Матроной, Василисой и Ульяной. Претерпѣвая нужду во временной жизни сей, достигши осьмаго года отъ рожденія, соизволеніемъ матери своей отданъ былъ въ пастухи въ Орловскую деревню, а по девятому году въ селеніе Борокъ, въ коей съ шестидесяти скотинъ получалъ въ лѣто за паству по одной

---

[1]) Такъ въ подлинникѣ.

денежкѣ со скотины, а иногда и за пятьдесятъ копѣекъ цѣлое лѣто пасъ. Въ сихъ неусыпныхъ трудахъ томясь, между палящихъ лучей солнца и хладныхъ погодъ Сѣвера, вдругъ занемогъ оспою и въ самомъ обезсиленномъ состояніи болѣзни принесенъ былъ домой на рукахъ уже матери своей, которая дорогою несла его на раменахъ своихъ. «Во время же болѣзни моея, ввѣренное мнѣ стадо пасла сестра моя Василиса до самаго моего выздоровленія, и съ помощію Всевышняго получа прежнее здоровье, принялъ прежніе труды пастыря, но уже въ селеніи Круглицахъ. Сей столь памятный по откровенію своему годъ случился въ самое слабое и едва оправленное мое состояніе. Осень въ прохладныхъ и мокрыхъ дняхъ отъ проливныхъ дождей и бурь часто загоняла меня искать убѣжища въ густотѣ кустарниковъ. Въ одинъ день, испытавъ всю жестокость непогоды, едва имѣя силы укрыться подъ кустъ, отчаяся, лишась надежды на образъ жизни моея, воскликнулъ: «На что меня мать родила!» Сіи слова были послѣднія въ унылыхъ и тягостныхъ моихъ рыданіяхъ. Какъ вдругъ нѣчто сверхъ-естественное проникло меня и поразило слухъ мой; вниманіе мое отверзлось, и всѣ чувства мои были осѣнены благодатію; гласъ свыше разлился въ душѣ моей; я оный слышалъ въ сихъ словахъ: «Господь тебя на труды поставилъ, не тужи, молись Господу, и ты будешь богатъ!» Недовѣдомая радость и утѣшеніе озарили сердечное мое движеніе; я палъ въ неописанномъ восторгѣ, — но еще не имѣлъ тѣхъ полныхъ чувствъ въ столь нѣжныхъ лѣтахъ моихъ, чтобы чувствовать великость откровенія сего, кромѣ того, что оное мѣсто и кустъ замѣтилъ весьма примѣтнымъ знакомъ; но, уповая на промыселъ Создателя нашего, остался въ прежнемъ моемъ невинномъ и бѣдномъ состояніи».

«Пришедши въ возрастъ девятаго года, въ деревнѣ Сольцѣ также имѣлъ въ паствѣ моей шестьдесятъ скотинъ, трудясь цѣлое лѣто за тридцать копѣекъ, чему свидѣтелемъ былъ бывшій въ послѣдствіи сторожъ Вознесенія Господня въ С.-Петербургѣ, Григорій Бочковъ, коего я во время жизни моей уже сколько могъ призиралъ. Потомъ, на одинадцатомъ году, въ селеніи Высоцкомъ и Негодяевскомъ взялъ стадо въ 120 скотинъ пасти за шестьдесятъ копѣекъ въ лѣто; зиму же, не имѣя никакаго дѣла и не бывъ еще въ состояніи онаго исправлять, ходилъ за имя Христово испрашивать милостыни съ сестрами, равно мнѣ малолѣтними, Василисой и Евфиміей; но вторая моя сестра Матрона никакъ не могла себя принудить на оное, стыдясь, можетъ быть, просить отъ того, что уже въ состояніи была исправлять работу. Въ сей горемычной одинаковости жизни занимался плетеніемъ лаптей съ столь сильнымъ прилежаніемъ, что уже нѣкоторымъ образомъ возмогалъ довольствовать семейство свое, и сей первый промыслъ собственныхъ трудовъ моихъ столь много поощрялъ меня къ дальнѣйшему предпріятію, что изъ послѣдствія жизни моей видно будетъ. Когда же которое лѣто не имѣлъ паствы, тогда занимался другими, по мѣрѣ силъ моихъ, трудами: иногда уходилъ до восхожденія солнечнаго изъ шалаша на пожню, и особливо во время сѣнокоса, и до пробужденія товарищей косилъ траву

съ столь великимъ усиліемъ, что чрезъ то пріобрѣталъ уваженіе и отъ самыхъ сотоварищей своихъ».

«Въ семъ продолжительномъ времени пришедъ въ возрастъ пятнадцати лѣтъ, родительница моя рѣшилась меня отпустить въ столицу, на что̀ я получа благословеніе и сорокъ копѣекъ на дорогу, отправился въ путь. Съ сею-то суммою въ 1747 году, въ Февралѣ мѣсяцѣ, во время царствованія императрицы Елисаветы Петровны, пустился въ неизвѣстный мнѣ путь, безъ всякаго покровительства, не имѣлъ ничего вѣрнаго въ предметѣ моего предназначенія, съ единою вѣрою въ помощь Божію и съ истиннымъ упованіемъ на родительское благословеніе, продолжая дорогу на половину пѣшъ, а гдѣ могъ, находилъ и сострадательныхъ людей, то и на лошади по нѣскольку везли меня; и сохраняя столь драгоцѣнную для меня сумму, во всю дорогу на ночлегахъ истратилъ только двацать копѣекъ, а остальныя двѣ гривны сохранилъ себѣ на разживу».

«Вступя въ С.-Петербургъ, доискался пивоварни купца Зѣвакина; пришедъ, испрашивалъ позволенія у прикащика остаться и имѣть ночлегъ у нихъ; но сей безъ докладу хозяину онаго не дозволялъ. Увидя же меня, хозяинъ далъ на оное свое согласіе; то я и оставался у нихъ до пріисканія себѣ мѣста, что̀ и послѣдовало вскорѣ: ибо нанялся у нѣкоего секретаря на четыре года съ полнымъ содержаніемъ хозяйскимъ и сверхъ того пять рублей деньгами въ годъ каждой, а какъ у него былъ свой домикъ, то за исправленіе всей его домашней работы, какъ-то: воду возить, дрова припасать, топить печи, башмаки и сапоги чистить, а сверхъ того, и къ будкѣ ходить. Что̀ все исполнялъ съ полнымъ усердіемъ, а симъ заслужилъ отъ моего хозяина вниманіе и уже могъ оставшіяся отъ дороги у меня денегъ двадцать копѣекъ отослать матушкѣ обратно на соль, которыя она получа, пролила источникъ радостныхъ слезъ и съ сердечнымъ движеніемъ утѣшенія говорила къ окружающимъ ее: «Товарищи его въ дорогѣ по рублю издержали, а мое милое дитятко только двѣ гривны истратилъ!» Въ послѣдствіи времени она ко мнѣ въ С.-Петербургъ обратно прислала на разживу десять копѣекъ и свое благословеніе. Съ сими-то вѣрными залогами родительской любви я оставался въ надеждѣ на невидимую помощь Божію, въ чемъ и не обманулся, а присланная мнѣ гривна и до нынѣ хранится въ семействѣ нашемъ».

«Таковымъ образомъ продолжая свою службу у помянутаго секретаря, всегда ходилъ съ нимъ въ церковь Божію; ибо онъ человѣкъ былъ благочестивый, набожный и благотворительный, и весьма часто раздавалъ изобильную милостыню, ввѣряя иногда мнѣ исправлять христіанскую обязанность, что̀ и послужило мнѣ на цѣлой вѣкъ примѣромъ благотворенія и нравоученія. Непреодолимыя судьбы Всевышняго лишили меня сего почтеннаго хозяина: чахотка, кроющаяся въ бренномъ тѣлѣ его, обнаружила свою лютость; всѣ средства употреблены были ко спасенію его, но не имѣли уже своего дѣйствія. Но онъ и въ послѣдніе дни своей болѣзни не упустилъ, чтобы обо мнѣ не стараться, заставлялъ меня прочитывать молитвы и пра-

вила нравоученія изъ подаренной имъ мнѣ азбуки, которая, какъ залогъ его благотворенія ко мнѣ, хранится и теперь у дочери моей, а особливо видя мою къ нему привязанность, просилъ знакомыхъ своихъ товарищей и пріятелей, почтенныхъ и степенныхъ купцовъ, о принятіи меня къ купеческимъ торгамъ, а болѣе по замѣчанной имъ во мнѣ честности и усердію. Но все его о мнѣ попеченіе не исполнилось, чему воспрепятствовала его кончина. Отдавъ послѣднюю ему память, жена покойнаго вскорѣ отпустила меня отъ себя изъ дому, заплатя что̀ слѣдовало. Итакъ, въ теченіе сей весны пустился я обратно на родину; засталъ матушку въ прежнемъ ея состояніи въ селѣ Еремейцовѣ. Изъ сохраняемыхъ же за службу у меня двѣнадцати рублей купилъ я новые срубы за шесть рублей и симъ моими трудами нажитымъ капиталомъ возмогъ уже семейству моему оказать услуги и утѣшить нѣкоторымъ образомъ въ усердіи своемъ и любовь къ родительницѣ доказать по мѣрѣ силъ своихъ опытомъ приверженности своей».

«Проживъ дома малое время, вторично пустился въ С.-Петербургъ съ родительскимъ благословеніемъ, куда пріѣхавъ присталъ къ купцу Краснощекову, который, по благорасположенію своему, на первый разъ хотѣлъ меня опредѣлить къ винной продажѣ, но я сего никакъ не пожелалъ, видя въ то время состояніе сихъ торговцевъ, основанное на зыблемой и непостоянной колеблемости Фортуны,— что̀ онъ видя, меня помѣстилъ въ мучную лавку по собственному моему желанію, и сей-то торгъ открылъ мнѣ путь новаго промысла, познанія купеческихъ оборотовъ и пользы отъ неусыпныхъ трудовъ почтеннаго сего званія. Итакъ заключилъ условіе на пять лѣтъ, что̀ и случилось въ 1748 году, за 15 рублей въ годъ, а остальные годы по мѣрѣ выгодъ, а потому и плату съ барыша прибавлять въ число жалованья. Счастіе, руководствуя мнѣ въ новомъ моемъ торгѣ, доставило мнѣ столь чувствительный барышъ, по концѣ годоваго счета въ лавкѣ, что хозяинъ никакъ не возмогъ тому повѣрить, что, я не обмѣривая и не обвѣшивая покупщиковъ, могъ пріобрѣсти. Сія недовѣрчивость навлекла мнѣ много огорченія, хотя и послужила послѣ, по замѣчанію моему, къ лучшему признанію; но какъ я былъ въ совѣсти моей непороченъ, посему и принималъ на себя за невинное на себя подозрѣніе невеселый видъ,—то хозяинъ вмѣсто признанія, при пришедшемъ къ нему другѣ, въ одно время призвалъ меня противъ моего чаянія, сперва распрашивалъ меня, какъ я могъ въ лавкѣ въ теченіи года пріобрѣсть барышъ, но по какимъ бы то ни было причинамъ сей угрюмый и степенный человѣкъ вмѣсто похвалы наказалъ меня тѣлесно, чего я никакъ не заслуживалъ за свое раченіе и вѣрность. Хотя, напослѣдокъ онъ, и увидѣлъ свою погрѣшность, но то уже было поздно; я ему оную простилъ отъ чистаго сердца».

«Итакъ, поживъ у него еще нѣсколько времени, нашелъ нужнымъ побывать опять въ отчизнѣ. Отшедъ отъ него, пустился въ путь сей, куда и пріѣхалъ 1-го Декабря 1752 года, заплатилъ за себя отводныхъ въ міръ денегъ двадцать три рубля, на мнѣ причитающих-

ся, и сею очисткою въ обществѣ сельскомъ освободилъ себя къ дальнимъ намѣреніямъ моимъ. Мнѣ совершилось уже двадцать-четыре года, какъ я, возвратясь въ столицу обратно, купилъ себѣ по Вознесенской улицѣ, у Измайловскаго моста, деревянный домъ, принадлежавшій до того купцу Капустину, за восемьсотъ рублей. Раченіемъ своимъ и невидимою помощью Божіею выстроилъ вскорѣ тутъ же на дворѣ пивоварню, что̀ меня много и поддержало въ состояніи моемъ, и рѣшило записаться въ С.-Петербургское купечество во вторую гильдію. Твердое упованіе на всемогущество Божіе столь меня много подкрѣпляло въ моемъ поприщѣ, что всесильная рука Его, извлекши меня изъ несостоянія въ состояніе, отверзла въ послѣдствіи путь и къ служенію общества, что̀ и случилось въ 1752 году. Когда я былъ во второй гильдіи, то отъ всего общества купеческаго выбранъ былъ къ должности по соляному (торгу?) въ С.-Петербургѣ, ибо тогда изъ купечества выбирали къ сей службѣ. А въ 1760 году былъ я тридцати-двухъ лѣтъ, какъ вступилъ въ первую гильдію. А вскорѣ женился на купеческой дочери Дарьѣ Егоровнѣ Галактіоновой, что̀ случилось въ царствованіе императора Петра Третьяго, съ коею и имѣлъ двухъ дочерей, выданныхъ по времени въ замужство: младшую—второй гильдіи за купца Петра Яковлевича Туфанова, а старшую—за капитана Михаила Николаевича Ветошникова, господина архитектора».

Чудный случай, въ жизни сего разумнаго мужа господина Ветошникова случившійся, открылъ ему великость Божьяго Промысла и силу цѣны обѣщанія по слабости человѣческой суетности. Пожаръ въ С.-Петербургскихъ буянахъ распространился около 1762 года, захватилъ часть муки, принадлежащей Александру Петровичу Березину, куда торопясь ѣхать въ одноколкѣ, обѣщалъ ту муку изъ амбара, ежели она уцѣлѣетъ, роздать нищимъ; но суетное обѣщаніе въ столь необдуманномъ случаѣ неугодно было Господу Богу: мука сгорѣла, а вмѣсто утѣшенія сему чувствительному мужу вдругъ открылось прискорбіе единственно потому только, что онъ изъ огня и безъ того въ волѣ судебъ Божіихъ зависящее обѣщалъ за имя Его раздать въ помощь, и до того никакъ не подумалъ о семъ. Пожаръ кончился, мука сгорѣла, но онъ въ наказаніе себѣ другое раздѣлилъ неимущимъ, чѣмъ и выполнилъ обѣщаніе, но въ гораздо лучшемъ пожертвованіи. Состояніе его день ото дня прибавлялось, почему онъ, наконецъ, вздумалъ выкупить образъ Святаго Николая Чудотворца, положенный въ залогъ за тридцать слишкомъ лѣтъ покойнымъ его родителемъ въ сорока алтынахъ, что̀ и исполнилъ на мѣстѣ случая, и возчувствовалъ въ полной мѣрѣ изливаемое на него благодѣяніе Всевышняго. Ничѣмъ инымъ лучше не возмогъ пожертвовать: на самыхъ тѣхъ мѣстахъ, какъ-то—на первомъ, гдѣ былъ образъ въ залогѣ въ сорока алтынахъ и на второмъ, около села Круглицъ, на мѣстѣ полученнаго имъ откровенія о его будущемъ состояніи, выстроить отъ совершеннаго своего усердія церкви, что̀ онъ и совершилъ съ крайнимъ великолѣпіемъ въ царствованіе

императрицы Екатерины Вторыя, при митрополитѣ Гавріилѣ *). Въ нынѣшнемъ состояніи тѣхъ мѣстъ едва возможно узнать, ибо гдѣ была прежняя церковь Святителя Николая, тутъ нынѣ изъ малаго села уѣздный городъ Мышкинъ наименованъ, Ярославской губерніи, разстояніемъ отъ С.-Петербурга въ 693 верстахъ, отъ Москвы—209, отъ Ярославля—92 версты съ половиною. Сей храмъ, воздвигнутый имъ Святителю Божію Николаю Чудотворцу, съ двумя придѣлами: въ первомъ—Святому благовѣрному князю Александру Невскому, и во второмъ — угодникамъ Божіимъ Борису и Глѣбу. Въ сей-то день торжество освященія храма и постановленія онаго чудотворнаго образа съ крестнымъ ходомъ столь великое произвело усердіе и надежду на благость Божію во всѣхъ истинныхъ христіанахъ, что и до нынѣ остается оное незабвеннымъ въ той странѣ; особливо же сердечную радость къ Промыслу Божію возродило оно въ душѣ родительницы соорудителя храма, Александра Петровича Березина, престарѣлой родительницы его Татьяны Васильевны, болѣ потому, что удостоилась и достигнуть столь благодатнаго времени въ жизнь свою, въ кое освященіе храма, отъ усердія состоянія сына его воздвигнутаго, совершилось.

Сей неусыпный истинный христіанинъ, не отлагая времени, рѣшился совершить и второй храмъ въ предмѣстіи села Кругліцъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ кустарникѣ слышенъ былъ гласъ къ откровенію о будущей его жизни. Затрудненія, невидимо послѣдовавшія за симъ его желаніемъ, не отвлекли его отъ исполненія, не отъ чего инаго, какъ отъ несогласія Святѣйшаго Правительствующаго Синода и Правительствующаго Сената случившіяся—дать соизволеніе на построеніе церкви по причинѣ мѣста пустаго и безлѣснаго. Но когда намѣреніе положено было, то онъ рѣшился упросить нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, какъ преосвященныхъ, такъ и сенаторовъ, отъ коихъ таковое позволеніе зависѣть могло, къ себѣ на обѣдъ, что исполнено было со стороны ихъ къ общему удовольствію, послѣ чего, попировавши у столь почтеннаго хозяина, предложилъ симъ въ самый благовременный часъ свою усердную просьбу, состоявшую въ ихъ согласіи на позволеніе построить церковь на пустомъ мѣстѣ, гдѣ ему слышенъ былъ гласъ невидимаго пророчества о будущей его участи. Что они и обѣщались исполнить вскорѣ, о чемъ на тѣхъ же самыхъ дняхъ и посланы были указы изъ Синода въ Духовную Консисторію и изъ Сената въ свѣтскія команды на позволеніе построить церковь на самомъ томъ горномъ мѣстѣ, гдѣ Александру Петровичу угодно было.

Вотъ окончаніе препятствія и начало построенія собора Вознесенія Господня, съ двумя придѣлами—первый пророку Иліи, а второй—угоднику Божію Димитрію Мироточивому. Сія вторая жертва усер-

*) Подобно этому, въ нынѣшнемъ столѣтіи, извѣстный торговецъ В. Г. Жуковъ, нѣкогда пасшій стадо подъ городомъ Порховымъ, выстроилъ часовню на крайнемъ предѣлѣ городскаго выгона и отъ нея до самаго города, на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, устроилъ каменную дорогу. П. Б.

дія его, Творцу Всевышнему посвященная, окончена была съ столь чрезвычайнымъ благолѣпіемъ по тому мѣсту и времени, что день освященія оной остался незабвеннымъ странѣ той. Надобно представить только сей храмъ въ часъ ожиданія воздвигнувшаго оный, окруженный толпою бѣдныхъ сельскихъ и окрестныхъ жителей, собравшихся сколько праздновать день отъ чудесной причины созидающагося освященія храма, но столько же и для принесенія благодарности изъ глубины чистыхъ сердецъ своихъ благотворителю своему. Знакъ колокола возвѣстилъ готовность начальнаго часа къ освященію, какъ за нѣкоторое разстояніе отъ церкви остановился въ коляскѣ Александръ Петровичъ съ семействомъ своимъ, коего только и дожидались. Едва онъ вышелъ изъ оной, какъ нѣсколько дряхлыхъ десятковъ стариковъ, старушекъ и всякихъ лѣтъ пали къ ногамъ его; радостный вопль обнаружилъ благодарность ихъ, отъ важнѣшихъ причинъ проистекающую: нѣкоторые благодарили его за искупленіе сыновей, внуковъ или племянниковъ отъ солдатства, иные—за искупленіе отъ темницы или за уплату недоимковъ, другіе—за покупку, по крайней ихъ бѣдности, одежды или скотины, пропитывающія цѣлыя семейства безпомощнаго, или за покупку новыхъ срубовъ и многія другія благотворенія; его окружали со всѣмъ семействомъ, отирая слезы о платье ихъ. Рыданія, смѣшанныя съ безпримѣрнымъ чистосердечіемъ сельской простоты, столь тронули его, что всѣ вообще плакали и чрезъ нѣсколько минутъ едва въ состояніи былъ онъ достигнутъ къ храму, чтобы пройдтить толпу благодарныхъ и благодарить намѣревающихся, не останавливаясь безпрестанно. Сколь пріятна была таковая признательность предъ храмомъ Всевидящаго къ благотворителю, плодъ истинной платы добродѣтели въ невинномъ состояніи! Соборъ былъ освященъ и сдѣланъ приходскимъ.

Послѣ таковаго торжества вскорѣ возвратился онъ въ С.-Петербургъ, исполненъ душевнаго удовольствія въ столь великомъ и совершенномъ окончаніи Всемогущему посвященной отъ неутомимыхъ избытковъ своихъ жертвы. По пріѣздѣ своемъ занимался онъ наиболѣе къ пользѣ общества, за что избранъ онъ отъ всего общества С.-Петербургскаго купечества головою, былъ уважаемъ и любимъ всѣми его знающими; а сверхъ того, и ко двору Ея Императорскаго Величества Екатерины Великой имѣлъ поставку, по ней извѣстенъ былъ знатнымъ особамъ двора и имѣлъ связи, при помощи зятя своего Петра Яковлевича Туфанова: ибо онъ не обременялъ себя веденіемъ столь обширной бухгалтеріи, а особливо цѣлою конторою, въ коемъ заключалось сверхъ того великое множество дѣлъ по разнымъ частямъ хозяйственнаго распоряженія. Но и за всѣмъ тѣмъ, сей неутомимый другъ человѣчества избранъ былъ ктиторомъ къ церкви Вознесенья Господня, которую онъ по безмѣрной дѣятельности своей сколько изъ собранной кассы, но болѣе изъ собственнаго капитала, по усердію своему къ церкви Божіей, и окончилъ во всемъ ея великолѣпіи и съ колокольнею, за что получилъ тогда отъ С.-Петербургскаго митрополита Гавріила и кавалера святаго апостола Андрея—похвальной листъ за подписаніемъ и печатью его, хранящійся въ числѣ многихъ и другихъ актовъ,

Бдительность его нашла еще случай оказать великую услугу обществу, въ патріотической его рачительности ко благу отечества, первымъ построеніемъ народной школы, какого усердія еще нигдѣ не бывало, за что предлагали ему чинъ, но сей почтенный мужъ, зная всему достойную цѣну, отъ онаго съ признательностью отказался: «Чинъ взять—пѣшкомъ носить его тяжело, а надобно возить его въ каретѣ; пусть онъ охотникамъ останется».

Безпрерывная его дѣятельность и неусыпная бдительность при всемъ крѣпкомъ сложеніи его тѣла стали сближать оное отъ временной къ вѣчной жизни и обременять слабостію и болѣзнями. Добродѣтель его всегда одерживала верхъ надъ гордостію, коею онъ гнушался; лѣность и предразсудки всегда были изгнаны изъ сердца его, когда многіе бы подобные ему на верху своего блаженства утопали въ изобиліи и роскоши; званіе духовное и посѣщающихъ монашествующихъ его особъ онъ чтилъ, а сирымъ и нищимъ былъ покровитель и помогалъ отъ всего душевнаго удовольствія, должникомъ своимъ многимъ прощалъ, особливо предъ кончиною; вкладу повсюду въ церкви и монастыри давалъ щедро, что сдѣлаетъ его незабвеннымъ во многихъ мѣстахъ его отечества. Дѣтей имѣлъ только двухъ дочерей, коимъ по духовной еще въ жизни своей раздѣлилъ имѣніе свое по равнымъ частямъ: старшей, уже подполковницѣ, Татьянѣ Александровнѣ Ветошниковой—два фасадныхъ каменныхъ дома (первый у Каменнаго моста), а второй, Пелагеѣ Александровнѣ Туфановой—касательное торговыхъ лавокъ мѣсто и домы.

Въ послѣдніе дни жизни своей онъ видѣлъ сонъ, который по чудесному своему явленію остался памятникомъ въ три монастыря вкладу. Вдругъ онъ зритъ себя во снѣ сидящимъ; по нѣкоторомъ времени подошли предъ него два мужа, держащіе по обѣ стороны его листъ, написанный литерами кроваваго цвѣта, и вопросы ихъ были ему рѣшительные.

Вопросъ: Знаешь ли ты, что тутъ написано?

Отвѣтъ: Не могу и не вижу.

Вопросъ: Это обѣщаніе твое вкладу въ три монастыря угодниковъ Божіихъ; вотъ сіе-то удерживаетъ тебя въ мірѣ семъ!

Отвѣтъ: Помню теперь и обѣщаюсь немедленно чрезъ зятя моего и дочь доставить въ полнѣйшее завѣщаніе.

Вопросъ: Зри (одинъ мужъ перстомъ провелъ по строкѣ, и слова исчезли), это въ монастырь Саввѣ всещедрому.

Отвѣтъ: Помню и обѣщаюсь.

Вопросъ: А сей въ Коневецъ (собесѣдной прикосновеніемъ руки вторично провелъ).

Отвѣтъ: Въ монастырь Введенія.

Отъ третьяго его прикосновенія совершенно исчезла и третья строка, и симъ явленіе открылось. Онъ проснулся, призвалъ къ постели своей зятя и дочь, открылъ имъ видѣніе сна и завѣщаніе отправить въ вышеупомянутые монастыри по пяти сотъ рублей въ каждый, что исполнено было ими немедленно по его кончинѣ. А потомъ вскорѣ видѣлъ онъ второй сонъ, въ коемъ являлся ему умершій за

нѣсколько лѣтъ золотильщикъ коностаса, во время еще его ктиторства при Вознесеніи Господнемъ, говоря такъ: «Я окончилъ коностасъ позолотою въ гораздо лучшемъ видѣ, нежели какъ порядился; мнѣ обѣщали награду, но въ оной я теперь не имѣю нужды, а отдайте оную женѣ моей, претерпѣвающей крайнюю бѣдность». Больной проснулся въ самую полночь; послали за духовнымъ его отцомъ, коему онъ и открылъ сонное сіе видѣніе. Священникъ удивился, говоря, что онъ и не зналъ, гдѣ жена покойнаго жила донынѣ, какъ за день предъ симъ приходила къ нему просить по безмѣрной бѣдности на пропитаніе. Почему онъ въ умиленіи и радости, что сей случай оправдаетъ видѣніе, просилъ духовнаго своего пастыря вручить сей безпомощной вдовѣ сверхъ должной сумму,—коему оная тутъ же была ввѣрена. Вотъ чудесное и къ безпримѣрному прославленію Божію явльшееся видѣніе исполнило залогъ обѣщанія и очистило тяжесть забытой награды. Слабость и лишеніе остальныхъ силъ увлекли его къ послѣднимъ минутамъ жизни, почему онъ, видя сіе, призвалъ къ себѣ зятя своего и дочь, возложилъ на нихъ выполнить всѣ остальныя завѣщанія и сдѣлать награду, а равно и погребеніе свое возложилъ на дочь свою Пелагею Александровну, говоря такъ: «Слушай, любезная дочь, я тебя довольно отяготилъ, но помни послѣднія мои слова: дающаго рука никогда не оскудѣетъ». И сіи драгоцѣнныя слова были послѣднія, какъ вѣчный залогъ къ памяти почтеннаго родителя. Совершивъ по христіанской обязанности весь обрядъ и призвавъ при послѣднемъ вздохѣ Всемогущаго Создателя, скончался въ твердой памяти, но съ кротостію, и въ умиленіи предалъ духъ свой въ руцѣ Господа 76 лѣтъ отъ рожденія въ 1799 году Ноября 1-го числа въ пять часовъ утра.

Стремися къ истинѣ, пари, душа, къ блаженству:
Тамъ Сый соединилъ въ Себѣ все къ совершенству!

О моемъ знакомствѣ съ П. А. Мухановымъ.

Павелъ Александровичъ Мухановъ, членъ Государственнаго Совѣта, занималъ одно изъ высшихъ мѣстъ въ государственной іерархіи и по своему общественному положенію пользовался общимъ уваженіемъ и почетомъ. Но я не буду говорить о немъ какъ о сановникѣ, ни о его полезной служебной дѣятельности на разныхъ поприщахъ въ продолженіи многолѣтней жизни, а скажу только, какъ о замѣчательномъ библіофилѣ и собирателѣ книгъ и старинныхъ рукописей. Знакомство мое съ Мухановымъ было хотя очень кратковременно, но оно оставило на всегда въ моей памяти отрадное воспоминаніе.

Оно началось совершенно случайно. Въ 1871 году, 12 ч. Апрѣля, проходя, въ полдень, по Аничкову мосту, я остановился у книжнаго ларя, чтобы посмотрѣть, не найдется ли какой замѣчательной книги или брошюры. Букинистъ, торговавшій прежде на Симіоновскомъ мосту и давно знавшій меня, стоялъ за прилавкомъ и показывалъ книги какому-то господину высокаго роста и преклонныхъ лѣтъ, съ сѣдыми волосами и баками; круглое и довольно полное его лицо выражало добродушіе. Онъ былъ одѣтъ въ длинное ватное пальто, застегнутое до верху и въ поярковой на головѣ шляпѣ гороховаго цвѣта съ широкими полями. Букинистъ, занимаясь съ нимъ разговоромъ, не отвѣчалъ на мои вопросы, и я, видя, что онъ не обращаетъ на меня вниманія, хотѣлъ уже отойти прочь, но неизвѣстный господинъ вдругъ обратился ко мнѣ съ извиненіемъ, что отвлекъ отъ меня букиниста и заставилъ такъ долго дожидаться его отвѣта. Видя такое учтивое ко мнѣ обращеніе незнакомаго господина, я поспѣшилъ отвѣчать ему учтивымъ словомъ, и между нами завязался разговоръ о книгахъ. Онъ желалъ для кого-то пріобрѣсти Исторію Государства Россійскаго Карамзина и спросилъ меня, которое изъ многихъ ея изданій лучшее. Я назвалъ изданія: Сленина, Смирдина, Эйнерлинга, но рекомендовалъ, какъ лучшее изъ всѣхъ, второе Сленинское изданіе, къ которому составленъ Страховымъ «Ключъ» или азбучный указатель. «Вы, вѣроятно», спросилъ незнакомецъ, «любитель книгъ, что знаете не только хорошія книги, но и лучшія ихъ изданія?»—«Да,» отвѣчалъ я, «онѣ мнѣ довольно хорошо извѣстны, въ особенности Русскія, которыхъ собрано нѣсколько тысячъ сочиненій». Незнакомецъ съ особеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на меня, какъ бы не довѣряя моимъ словамъ, и пожелалъ узнать мою фамилію.—«Моя фамилія Березинъ-Ширяевъ, и я собираю книги, какъ любитель ихъ, для своей библіотеки», сказалъ я. Почтенный господинъ подалъ мнѣ руку и ласково произнесъ: «Я знаю васъ по фамиліи и по вашему изданію, состоящему изъ нѣсколькихъ книжекъ».—«Вы, вѣроятно, говорите о Матеріалахъ для Библіографіи?» спросилъ я.—«Да», отвѣчалъ онъ, «я видѣлъ ихъ у моего знакомаго, но у себя не имѣю, хотя давно намѣреваюсь купить».

За тѣмъ онъ спросилъ у букиниста лоскутокъ бумаги и карандашъ и сталъ записывать на немъ заглавіе моихъ книжекъ и адресъ магазина, въ которомъ онѣ продаются.—«Я непремѣнно пріобрѣту ихъ на дняхъ», добавилъ незнакомецъ, и сталъ продолжать со мною прерванный разговоръ. Начавъ рѣчь о книгахъ и ихъ любителяхъ, я, между прочимъ, сказалъ, что въ Москвѣ сихъ послѣднихъ гораздо больше, нежели въ Петербургѣ.—«Согласенъ съ вами», произнесъ незнакомецъ, «но это потому что въ Петербургѣ есть много развлеченій кромѣ книгъ; но почему же вы думаете, что у насъ любителей меньше Москвы?»—«Такое предположеніе основываю я на томъ, что у насъ, кажется, ни у кого изъ любителей нѣтъ такихъ большихъ библіотекъ, какія въ Москвѣ у гг. Черткова и Соболевскаго».—«А вы знаете эти библіотеки?» съ любопытствомъ спросилъ незнакомецъ.—«Да», отвѣчалъ я, «первую знаю по ея каталогамъ, а вторую показывалъ мнѣ самъ владѣлецъ, съ которымъ я былъ въ хорошихъ отношеніяхъ».—«И я также», замѣтилъ незнакомецъ, «былъ хорошо знакомъ съ Сергіемъ Александровичемъ Соболевскимъ и зналъ его много лѣтъ». Такой разговоръ весьма заинтересовалъ меня, и я рѣшился спросить фамилію столь радушнаго и привѣтливаго господина.—«Я,—Мухановъ», отвѣчалъ онъ, «и тоже библіофилъ; вамъ, какъ любителю книгъ, вѣроятно, извѣстна моя фамилія по изданному мною сборнику историческихъ актовъ».—«Я давно слышалъ объ васъ», замѣтилъ я, «какъ о собирателѣ старинныхъ актовъ, и весьма радъ случаю узнать васъ лично». Отъ букиниста мы тихими шагами пошли вмѣстѣ по Невскому Проспекту, не прерывая разговора, и дошли до угла Литейной улицы. Здѣсь я долженъ былъ проститься съ Мухановымъ, сказавъ, что мнѣ надо идти по Владимірской, въ Кузнечный переулокъ. «А мой путь», произнесъ Мухановъ, «совершенно противуположный вашему: я живу на Литейной, и вы зайдите ко мнѣ, когда вамъ будетъ время, посмотрѣть на мою библіотеку».

Послѣ этихъ словъ я раскланялся съ Мухановымъ, который съ первой же встрѣчи расположилъ меня къ себѣ своимъ добродушіемъ и привѣтливостію.

Пришедъ домой, я тотъ часъ же взялъ для просмотра два каталога актовъ, собранныхъ Мухановымъ и изданныхъ въ 1836 и 1865 годахъ. На заглавномъ листѣ послѣдняго каталога я прочелъ титулъ Муханова и, узнавъ, что онъ членъ Государственнаго Совѣта, Московскаго Университета, Публичной Библіотеки, Археографической Комиссіи и разныхъ другихъ ученыхъ обществъ, очень сожалѣлъ, что при разговорѣ съ нимъ не изъявилъ ему готовности приподнести свое изданіе.

14 Апрѣля, въ двѣнадцатомъ часу утра, я отправился къ Муханову, который жилъ въ домѣ Полетики, не доходя Бассейной. Когда человѣкъ отперъ мнѣ двери, я спросилъ его, дома ли его высокопревосходительство?—«Дома-съ», отвѣчалъ онъ съ поклономъ, и я пошелъ по узенькой лѣстницѣ во второй этажъ. Придя въ переднею и снявъ шубу, я сказалъ человѣку свою фамилію и велѣлъ доложить обо мнѣ. Человѣкъ тотчасъ же возвратился, прося войти въ залу и подождать нѣсколько минутъ. Я вошелъ въ довольно большую комнату съ тремя окнами, просто, но хорошо убранную. По лѣвой сторонѣ отъ входа стояли диванъ и столъ съ двумя большими креслами. На столѣ лежали разныя иностранныя книги и альбомы въ изящныхъ переплетахъ. Лишь только я успѣлъ вынуть изъ бумаги свои книжки «Матеріаловъ», какъ изъ сосѣдней комнаты вышелъ ко мнѣ Павелъ Александровичъ, въ длин-

номъ домашнемъ сюртукѣ и, ласково протянувъ мнѣ руку, предложилъ сѣсть къ столу. Я приподнесъ ему свое изданіе. Онъ съ благосклонностію принялъ мои книжки и, сѣвъ въ кресло напротивъ меня, сталъ ихъ перелистывать. —«Весьма вамъ благодаренъ», сказалъ онъ добродушно улыбаясь, «я непремѣнно купилъ бы на дняхъ эти книжки, но теперь очень радъ, что пріобрѣлъ ихъ отъ самого автора. Я уже слышалъ о вашемъ собраніи; мнѣ пріятно будетъ прочитать о книгахъ, какія у васъ находятся». Затѣмъ у насъ начался разговоръ о нашей случайной встрѣчѣ и о букинистѣ, котораго Мухановъ также давно зналъ и нерѣдко покупалъ у него книги. «Онъ намъ надолго останется памятенъ», произнесъ Мухановъ, «потому что его книжной будочкѣ обязаны мы нашимъ знакомствомъ».

Черезъ нѣсколько минутъ Мухановъ всталъ съ креселъ и, взявъ меня за руку, сказалъ: «Пойдемте въ мой кабинетъ, я покажу вамъ свою библіотеку, а потомъ мы вмѣстѣ будемъ пить чай». Я послѣдовалъ за Мухановымъ и, прошедъ небольшую комнату съ однимъ окномъ, находившуюся по лѣвой сторонѣ залы, вошелъ въ просторный кабинетъ, наполненный множествомъ книгъ. Въ кабинетѣ находилась молодая и красивая дама средняго роста и разговаривала пофранцузки съ мужчиною пожилыхъ лѣтъ, въ черномъ фракѣ. Это была супруга Муханова, Марія Казиміровна, которой я сейчасъ же былъ представленъ Павломъ Александровичемъ, какъ библіоманъ и знатокъ книгъ. — «А это нашъ докторъ», прибавилъ онъ, указывая на пожилаго мужчину. Я почтительно поклонился супругѣ Муханова и доктору, которые черезъ нѣсколько минутъ вышли изъ кабинета.

— «Вотъ и моя библіотека», сказалъ съ добродушною улыбкою Мухановъ, указывая на книги, размѣщенныя на полкахъ вдоль стѣнъ большаго кабинета въ четыре окна. Высокія полки снизу и до верху были наполнены книгами въ разныхъ старыхъ и новыхъ переплетахъ, а близъ полокъ стояли лѣстницы, при помощи которыхъ доставались книги съ верхнихъ рядовъ. Послѣ общаго обозрѣнія кабинета, я спросилъ Муханова, изъ какихъ преимущественно сочиненій состоитъ его библіотека и въ какой системѣ она размѣщена.—«Она состоитъ», сказалъ онъ, изъ разнаго рода сочиненій, потому что меня интересовали многіе предметы, но въ особенности историческіе, и потому этотъ отдѣлъ обширнѣе другихъ. Вотъ планъ моей библіотеки, продолжалъ онъ, взявъ со стола большой листъ бумаги, на которомъ были начерчены горизонтальныя линіи съ надписями, а внизу, на срединѣ, квадратный четыреугольникъ со штрихами, сдѣланными въ немъ краснымъ карандашемъ. Держа передъ собою листъ, онъ сталъ объяснять мнѣ начертанныя на немъ линіи. «Вотъ здѣсь», говорилъ онъ, указывая на квадратъ съ красными штрихами, «вы видите пылающій каминъ, а по сторонамъ его мои книжныя полки, означенныя горизонтальными линіями; надписи же, находящіяся при нихъ, указываютъ отдѣлы сочиненій». Ознакомивъ меня по плану съ расположеніемъ библіотеки, Мухановъ повелъ меня около полокъ съ книгами и показывалъ, гдѣ помѣщаются у него сочиненія историческаго содержанія, изданія Археографической Комиссіи и разныя другія книги, Русскія и иностранныя. Показавъ библіотеку своего кабинета, онъ ввелъ меня въ другую сосѣднюю комнату, также довольно большую, въ два окна, наполненную книгами. «Здѣсь», продолжалъ Мухановъ, «помѣщаются у меня сочиненія, преимущественно относящіяся къ исторіи Польши. Я собиралъ ихъ въ бытность мою въ Варшавѣ

13 лѣтъ и собралъ не только всѣ замѣчательныя сочиненія о Польшѣ, но даже и тѣ летучіе листки, которые издавались въ ней во время смутъ и безпорядковъ».

По обозрѣніи книгъ Польскаго отдѣла, а также сочиненій о географіи и статистики Россіи, находившихся въ этой же комнатѣ, мы снова возратились въ кабинетъ, и Мухановъ показалъ мнѣ печатные билеты, предназначавшіеся для наклейки на всѣхъ его книгахъ. «По случаю моего скораго отъѣзда за границу», замѣтилъ онъ, «я придумалъ сдѣлать такіе билеты для моихъ книгъ, для того, чтобы люди при укладкѣ въ ящики и новой разстановкѣ ихъ по полкамъ не перемѣшали сочиненій и знали, какъ ихъ размѣстить. На билетахъ Муханова были напечатаны его фамильный гербъ и четыре строки словъ: «Сочиненіе. Томъ. Отдѣлъ. Полка». «Въ первой строкѣ», пояснилъ Мухановъ, «слѣдуетъ означить, во сколькихъ томахъ состоитъ сочиненіе, во второй—который его томъ, въ третьей—какой отдѣлъ, а въ четвертой—на которой оно находится полкѣ». Съ своей стороны я замѣтилъ, что такое указаніе не только полезно, но даже необходимо для правильнаго размѣщенія книгъ. Въ продолженіи нашего разговора, человѣкъ нѣсколько разъ входилъ съ докладомъ, что готовъ чай, и мы пошли въ столовую, находившуюся возлѣ кабинета.

Въ столовой за длиннымъ столомъ сидѣли: супруга Муханова, трое дѣтей, гувернантка и дама пожилыхъ лѣтъ. Мы также сѣли къ столу, и Мухановъ, закуривъ трубку, продолжалъ разговоръ о своей библіотекѣ. При этомъ у насъ зашла рѣчь о покойномъ Соболевскомъ, котораго фотографическій портретъ я принесъ съ собою, чтобы показать его Муханову. Этотъ портретъ былъ присланъ мнѣ Соболевскимъ не за долго до его смерти. Онъ изображенъ съ небольшими баками, съ усами и Наполеоновскою бородкою, сидящимъ у стола, со сложенными крестообразно руками. Мухановъ съ особеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ на портретъ и нашелъ его очень похожимъ. Бесѣда наша за столомъ продолжалась минутъ двадцать, а затѣмъ Мухановъ всталъ изъ за стола и, съ привѣтливостію пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «Прощайте, мнѣ время одѣваться и ѣхать въ Совѣтъ, а вы поговорите съ моей женою», и послѣ этихъ словъ Мухановъ ушелъ изъ столовой, а за нимъ вышли и его дѣти съ гувернанткою. Супруга Муханова, продолжая пить чай, распрашивала меня о Москвѣ, о другихъ старинныхъ городахъ, о достопримѣчательностяхъ которыхъ я напечаталъ нѣсколько статей въ разныхъ газетахъ. Черезъ нѣсколько времени вошелъ въ столовую Павелъ Александровичъ, въ томъ же ватномъ пальтѣ и въ поярковой на головѣ шляпѣ, въ какомъ я встрѣтилъ его на Аничковомъ мосту. Простясь съ супругою, онъ привѣтливо обратился ко мнѣ и, пожавъ мою руку, сказалъ: «Оставьте мнѣ вашъ адресъ; я на дняхъ пришлю вамъ свой сборникъ актовъ, который въ настоящее время мнѣ некогда отыскивать, а если вы скоро его не получите, то зайдите ко мнѣ, когда вамъ будетъ удобно; вы всегда застанете меня дома въ 6 часовъ».

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней я тщетно ожидалъ отъ Муханова обѣщаннаго сборника и, помня сказанныя имъ слова, что если скоро его не получу, то долженъ придти за нимъ самъ, отправился къ нему 22 Апрѣля, въ восьмомъ часу вечера. Это было въ Четвергъ, но Муханова я не засталъ дома; онъ уѣхалъ на панихиду къ умершему своему двоюродному брату, члену Государственнаго Совѣта Николаю Алексѣевичу Муханову, скончавшемуся скоропостижно 20 Апрѣля, вечеромъ.

Спустя послѣ этого нѣсколько дней, я снова пошелъ къ Муханову въ восьмомъ часу и на этотъ разъ засталъ его дома. Свиданіе мое съ Мухановымъ было въ Четвергъ, 29 Апрѣля. Когда я вошелъ въ кабинетъ, Мухановъ сидѣлъ въ креслахъ у стола и курилъ трубку. На диванѣ, противъ него, сидѣли супруга съ работою въ рукахъ и еще какая-то дама. Павелъ Александровичъ принялъ меня весьма радушно и, посадивъ подлѣ себя, началъ разговоръ о нашей неожиданной встрѣчѣ и о букинистѣ, у котораго онъ купилъ на дняхъ, по моему совѣту, Исторію Карамзина втораго изданія. За тѣмъ у насъ начался разговоръ о Петровскихъ книгахъ и другихъ старинныхъ изданіяхъ. Супруга Муханова и сидѣвшая съ нею дама, не желая стѣснять нашей бесѣды, ушли изъ кабинета, и мы остались вдвоемъ.—«У васъ», сказалъ Мухановъ, «много Петровскихъ книгъ, и онѣ подробно вами описаны, а также немало и иностранныхъ сочиненій того времени о Россіи; теперь они тоже рѣдки. Между прочимъ я встрѣтилъ у васъ интересную книжку капитана Пери: Etat présent de la Russie. Мой предокъ былъ тоже капитанъ у Петра Великаго и пользовался особенною его дружбою. Онъ назывался Ипатъ Калинычъ и жилъ тогда въ Москвѣ напротивъ дома боярина Артамона Матвѣева; когда малолѣтный Петръ пріѣзжалъ въ гости къ Матвѣеву, то всегда заходилъ въ домъ Муханова и игралъ со своимъ сверстникомъ Ипатомъ Калинычемъ. Въ послѣдствіи мой предокъ въ продолженіи всей своей жизни находился при Петрѣ Великомъ, а въ день его погребенія шелъ въ церемоніальной процессіи за гробомъ Петра. У васъ есть современное описаніе погребенія Петра, напечатанное въ листъ въ 1726 году, и тамъ вы найдете фамилію Муханова. У меня немного Петровскихъ книгъ, и если вы ими интересуетесь, то берите сами съ полки и разсматривайте ихъ сколько угодно». Онъ указалъ мнѣ на самую верхнюю полку, гдѣ между прочими книгами были и Петровскія изданія. Чтобы достать ихъ, я долженъ былъ влѣзать по лѣстницѣ до верхней полки и брать съ нея по нѣскольку книгъ. Такое путешествіе я сдѣлалъ четыре раза, принося на столъ книги, которыя мы вмѣстѣ разсматривали, а потомъ снова ставилъ ихъ на прежнее мѣсто. Между Петровскими изданіями я не нашелъ, однако, ни одной мнѣ неизвѣстной и обратилъ только особенное вниманіе, какъ на хорошо сбереженный экземпляръ: «Таблицы Логориѳмовъ»... съ заглавнымъ гравированнымъ листомъ и, какъ на особенно рѣдкую книжку: «Архитектура Бароція де-Виньола», съ его портретомъ и полными рисунками.

Затѣмъ Павелъ Александровичъ показалъ мнѣ изготовленную уже къ изданію Археографическою Комиссіею Лѣтопись Нестора по Лаврентьевскому, Ипатьевскому и другимъ спискамъ. Въ новомъ изданіи лѣтописи напечатаны въ 8 д. л., что гораздо удобнѣе прежде изданныхъ въ 4 д. Кромѣ того, для точнаго ознакомленія ученыхъ съ древнѣйшимъ спискомъ Лаврентьевской лѣтописи, съ него сдѣланъ фотографическій снимокъ. Эта трудная и медленная работа была поручена фотографу Рейнгольду и почти совсѣмъ уже окончена. Павелъ Александровичъ показалъ мнѣ всѣ оконченные листы этой лѣтописи, которые, дѣйствительно, представляли самую вѣрную копію древнѣйшаго подлинника.

— «Такихъ экземпляровъ Лаврентьевской лѣтописи», замѣтилъ Мухановъ, «изготовляется четыреста, изъ которыхъ только половина поступитъ въ продажу». Говоря объ изданіяхъ Археографической Комиссіи, которой Мухановъ былъ предсѣдателемъ, я упомянулъ о изданіи Макарьевскихъ Четій-Миней, добавивъ,

что они издаются очень медленно и, вѣроятно, окончатся лѣтъ черезъ десять. «Да», отвѣчалъ Мухановъ неохотно, «изданіе ихъ предпринято бывшимъ предсѣдателемъ Комиссіи Норовымъ, но я въ отношеніи къ нимъ другаго мнѣнія. Намъ нужно окончить изданіе всѣхъ лѣтописей и историческихъ актовъ, а Минеи и имъ подобные памятники письменности предоставить духовенству». Разговоръ о лѣтописяхъ и ихъ изданіяхъ продолжался у насъ довольно долго.

«Вы, вѣроятно», спросилъ Мухановъ, «ожидали отъ меня сборника, который давно для васъ приготовленъ, но я не послалъ его къ вамъ потому, что затерялъ вашъ адресъ. Вотъ вамъ экземпляръ, прочно переплетенный въ юфть, нашу Русскую кожу». Я попросилъ Муханова сдѣлать на экземплярѣ надпись, и онъ, сѣвъ къ письменному столу, написалъ на первомъ листѣ книги: «Якову Ѳедуловичу Березину-Ширяеву на память отъ Муханова, 30 Апрѣля 1871 г. Спб.».

Вручивъ мнѣ книгу, онъ всталъ изъ-за стола и сказалъ: «У меня еще приготовлена для васъ довольно рѣдкая тетрадь Русскаго Словаря Линде. Она издана мною для образца и съ моимъ предисловіемъ; но, къ сожалѣнію, это полезное изданіе не могло осуществиться. Также возьмите для пополненія вашего собранія Остромірово Евангеліе, изданное Ганкою; у васъ, кажется, его нѣтъ».

Принявъ означенныя книги, я поблагодарилъ Муханова за его ко мнѣ расположеніе и, боясь долѣе утруждать его своимъ разговоромъ, хотѣлъ съ нимъ проститься; но онъ не отпустилъ меня и желалъ, чтобы я посвятилъ ему весь вечеръ и остался у него пить чай. Я съ готовностію принялъ приглашеніе и, тотчасъ же, возобновилъ прерванный разговоръ объ Остроміровомъ Евангеліи и другихъ древнихъ памятникахъ письменности.

— «Я имѣлъ», сказалъ Мухановъ, «много рукописныхъ историческихъ актовъ, между которыми были XIV и XV вѣковъ. Почти всѣ они напечатаны въ моемъ сборникѣ, гдѣ вы найдете и снимки многихъ изъ нихъ; самые же подлинники подарены мною Московскому Публичному Музею. У васъ, тоже, есть какія-то древнія пергаментныя рукописи, о которыхъ вы упоминаете въ книжкѣ вашихъ матеріаловъ».

— «Да, есть», отвѣчалъ я, «но онѣ на Еврейскомъ языкѣ и очень замѣчательны по древности, въ особенности одна, писанная на пергаментной кожѣ, величиною почти въ квадратный аршинъ. Она содержитъ въ себѣ, какъ мнѣ сообщили, текстъ изъ Моисеева Пятикнижія и очень рѣдкая».—«Напрасно», сказалъ Мухановъ, «не предложите вы ее Британскому Музею; онъ собираетъ такія рукописи и платитъ за нихъ большія суммы».—«Если мнѣ», сказалъ я улыбаясь, «придется ѣхать въ Англію, то, слѣдуя вашему совѣту, я непремѣнно возьму ее съ собою». Говоря о рукописяхъ, Мухановъ выразилъ сожалѣніе, что не имѣетъ въ своей библіотекѣ книги Востокова, описаніе Румянцовскихъ рукописей. «Вѣроятно», сказалъ онъ, «эта книга теперь сдѣлалась довольно рѣдка потому, что я спрашивалъ ее во многихъ лавкахъ и нигдѣ не могъ получить».—«Да», отвѣчалъ я, «книга Востокова найдется не у многихъ книгопродавцевъ, но она не рѣдкая и продается въ Академіи Наукъ по каталожной цѣнѣ. Въ первое будущее съ вами свиданіе я непремѣнно доставлю вамъ экземпляръ этой книги». Отъ рукописей мы перешли къ изданіямъ, гдѣ помѣщались древнія грамоты и акты, при чемъ рѣчь зашла о древней Вивліоѳикѣ Новикова.

— «Это изданіе», замѣтилъ я, «теперь сдѣлалось довольно рѣдкимъ и, не смотря на то, что многіе помѣщенные въ ней памятники письменности перепечатаны въ новыхъ изданіяхъ съ большею точностію и полнотою, оно все же не потеряло значенія въ исторической литературѣ. Что касается до особенной библіографической рѣдкости, то такою считается брошюра, изданная Новиковымъ подъ заглавіемъ: Повѣствователь древностей Россійскихъ. Въ ней помѣщено нѣсколько грамотъ, но изданіе прекратилось по выходѣ первой книжки».

— «Я совершенно не помню такой брошюры и, кажется, никогда ея не видалъ», сказалъ Мухановъ.—«У меня есть дублетный экземпляръ этой рѣдкой книжки», прибавилъ я, «и я съ большимъ удовольствіемъ готовъ принести вамъ его для вашей библіотеки».

Былъ уже одиннадцатый часъ, и въ продолженіи нашей бесѣды человѣкъ Муханова нѣсколько разъ входилъ въ кабинетъ съ докладомъ о пріѣздѣ разныхъ особъ; но Павелъ Александровичъ, не прерывая со мною разговора, на докладъ человѣка произносилъ протяжно только одно слово: «хорошо!» Кажется, уже въ 11 часовъ Мухановъ вышелъ со мной въ столовую, гдѣ на столѣ, освѣщенномъ лампой и жирандолями, стоялъ кипящій самоваръ. Въ это же самое время изъ сосѣдней комнаты явилось нѣсколько дамъ и мужчинъ, которые почтительно поздоровались съ Мухановымъ и заняли мѣста по обѣ стороны длиннаго стола. Мухановъ, сѣвъ на концѣ стола, предложилъ мнѣ мѣсто возлѣ себя, а супруга Муханова сѣла на противуположной сторонѣ и начала разливать чай. Между гостями начался общій разговоръ о концертѣ, который былъ въ этотъ вечеръ въ домѣ графа Шереметева и исполнялся хоромъ его пѣвчихъ. Нѣкоторые изъ гостей только что возвратились съ концерта и разсуждали о его музыкальныхъ достоинствахъ и исполненіи. Выслушавъ ихъ сужденіе, Павелъ Александровичъ обратился съ вопросомъ къ одному изъ сидѣвшихъ за столомъ мужчинъ пожилыхъ лѣтъ съ сѣдыми волосами и въ генеральскомъ сюртукѣ: читалъ ли онъ статью Давыдова о Дибичѣ. Между ними зашелъ разговоръ по поводу этой статьи, составленной В. Д. Давыдовымъ со словъ Н. Е. Панина. Генералъ сдѣлалъ отрицательный отвѣтъ, и за тѣмъ Мухановъ попросилъ его сообщить ему нѣкоторыя подробности о кончинѣ Дибича. Генералу хорошо было извѣстно это событіе, и онъ разсказалъ о немъ, что могъ припомнить. Мухановъ внимательно слушалъ его разсказъ и, по временамъ, прерывалъ своими возраженіями и дополненіями. Генералъ, окончивъ рѣчь, сказалъ: «Мнѣ неизвѣстна статья Давыдова въ Русскомъ Архивѣ, и было бы весьма любопытно ее прочитать, особенно теперь, когда вся картина этого эпизода возобновилась въ нашей памяти».— Мухановъ обратился ко мнѣ и, положивъ руку на мое плечо, съ ласкою сказалъ: «Не потрудитесь ли прочитать намъ статью о Дибичѣ, которая для всѣхъ можетъ быть интересна, а для насъ, современниковъ этого событія, особенно?» Я съ удовольствіемъ изъявилъ готовность исполнить его желаніе, и Мухановъ, тотчасъ же, вставъ изъ-за стола, пошелъ въ кабинетъ за книжкою Русскаго Архива. Хотя въ столовой, гдѣ мы сидѣли, было очень свѣтло, но Мухановъ приказалъ подать еще два канделябра свѣчъ, которые человѣкъ поставилъ на столъ передо мною. Черезъ нѣсколько минутъ Мухановъ возвратился съ книжкою, снова сѣлъ на свое мѣсто и, отыскавъ статью, передалъ

мнѣ книжку и сказалъ: «Пожалуста прочтите и доставьте всѣмъ намъ удовольствіе». Въ комнатѣ настала тишина, и я громко и не спѣша сталъ читать статью о Дибичѣ изъ Памятныхъ Замѣтокъ В. Д. Давыдова. По временамъ, Мухановъ и генералъ прерывали мое чтеніе своими дополненіями и подробностями или замѣчаніями. Чтеніе продолжалось довольно долго и, какъ мнѣ казалось, слушалось всѣми со вниманіемъ. По окончаніи чтенія Мухановъ поблагодарилъ меня за доставленное имъ удовольствіе и еще долго разговаривалъ о Дибичѣ.

По поводу этого разговора началась рѣчь о первой холерѣ, бывшей въ Петербугѣ и Москвѣ въ 1831 году, при чемъ Мухановъ разсказалъ нѣсколько любопытныхъ анекдотовъ, относящихся къ этому времени. Въ особенности интересенъ былъ его разсказъ о поѣздкѣ въ Москву императора Николая Павловича, въ сопровожденіи свиты, состоявшей изъ семи или восьми человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и Мухановъ. Государь, пріѣхавъ въ Тверь, остановился въ тамошнемъ дворцѣ и прожилъ въ немъ болѣе недѣли, какъ бы въ карантинѣ. Всѣ они томились скукою, и Государь для развлеченія занимался по временамъ стрѣльбою въ саду. Разсказы Муханова интересовали всѣхъ и продолжались довольно долго. Время было уже далеко за полночь, когда гости встали изъ-за стола и начали собираться домой. Я также послѣдовалъ ихъ примѣру и, простившись съ хозяиномъ и его супругою, отправился домой съ книгами въ рукахъ и пріятными въ душѣ впечатлѣніями.

13 Мая, также въ Четвергъ, я снова былъ у Павла Александровича и засталъ его сидѣвшимъ въ кабинетѣ съ трубкою въ рукахъ и съ книгою въ старинномъ кожанномъ переплетѣ. Онъ принялъ меня съ свойственнымъ ему добродушіемъ и указалъ мѣсто на диванѣ. Послѣ первыхъ привѣтствій, я обратилъ вниманіе на книгу, которую держалъ Мухановъ и спросилъ о ея заглавіи. «Это Вебера Das Veränderte Russland, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, подавая мнѣ книгу. «У васъ есть она», добавилъ онъ, «и я хотѣлъ сравнить свой экземпляръ съ вашимъ; но ваше изданіе 1721 года, а мое позднѣе, слѣдовательно и не такъ рѣдкое». За тѣмъ, я вручилъ Муханову книгу Востокова. Она была ему хорошо извѣстна, но не имѣлась въ его библіотекѣ, и потому онъ весьма былъ доволенъ ея пріобрѣтеніемъ. Я не отвлекалъ его вниманія отъ книги, пока онъ перелистывалъ ее, а затѣмъ предложилъ ему обѣщанную, весьма рѣдкую брошюру Новикова: Повѣствователь древностей Россійскихъ. Мухановъ съ удовольствіемъ принялъ отъ меня брошюру и, просмотрѣвъ ее всю съ особеннымъ любопытствомъ, замѣтилъ, что не только не имѣетъ такой, но даже и не припомнитъ, чтобы ее когда видѣлъ. «Чѣмъ же я отблагодарю васъ за такую рѣдкость?» спросилъ онъ, протянувъ ко мнѣ руку.—«Если вы этого желаете», отвѣчалъ я, «то тоже библіографическою рѣдкостію, по вашему избранію, или точнѣе, выбору».—«Прекрасно!» съ улыбкою воскликнулъ Мухановъ, и, затѣмъ, подумавъ нѣсколько времени, продолжалъ: «Въ прошлый разъ, вы видѣли у меня Архитектуру Бароціо Виньолы и очень восхищались ею, а такъ какъ она вамъ понравилась, то я съ удовольствіемь отдаю ее въ вашу библіотеку. Вы знаете, гдѣ она стоитъ», добавилъ онъ, «отправляйтесь за ней по знакомой вамъ лѣстницѣ и берите себѣ». Я поблагодарилъ Муханова за его предложеніе и, снявъ съ полки означенную книгу, подалъ ему. Мухановъ раскрывъ ее, посмотрѣлъ на портретъ Виньолы и на нѣкоторые рисунки, и затѣмъ, отдавая мнѣ книгу, сказалъ: «Кажется, полный экземпляръ, и я очень радъ, что онъ поступаетъ въ

ваше Петровское собраніе, гдѣ сохранится лучше, чѣмъ въ моей библіотекѣ». Послѣ нѣкоторыхъ разсужденій о рѣдкости книгъ вообще и Петровскихъ въ особенности, Мухановъ сказалъ: «У меня еще отложены для васъ двѣ книги, изъ которыхъ одна сочинена мною, а другая княземъ Оболенскимъ». Обѣ книги лежали у него на письменномъ столѣ, и онъ, взявъ ихъ, передалъ мнѣ. Первая книга, подъ заглавіемъ: «Что желательно для Русской Исторіи» содержала въ себѣ предисловіе, написанное Мухановымъ ко второму изданію его сборника историческихъ актовъ и дополненіе къ этому предисловію, сочиненное имъ въ 1870 году. Вторая книга, очень изящно изданная въ 4 д., съ хромолитографированнымъ изображеніемъ царицы Ольги и съ гравированнымъ рисункомъ, имѣла заглавіе: Нѣсколько словъ о Русской лѣтописи. «Эта книга», сказалъ Мухановъ», «напечатана Михаиломъ Андреевичемъ Оболенскимъ въ самомъ маломъ количествѣ экземляровъ и не предназначена для продажи; онъ прислалъ мнѣ на дняхъ нѣсколько экземляровъ для раздачи библіофиламъ, и потому одинъ изъ нихъ я опредѣлилъ для васъ». Изъявивъ Муханову благодарность за его ко мнѣ вниманіе и благосклонность, я пробылъ у него еще съ полчаса, и затѣмъ, не желая долѣе утомлять его своей бесѣдой, простился съ нимъ, давъ слово посѣтить его въ скоромъ времени.

17 Мая, въ Понедѣльникъ, я пришелъ къ Муханову въ 6 часовъ и засталъ его сидящимъ въ кабинетѣ очень опечаленнымъ и грустнымъ. На дняхъ у него заболѣлъ сынъ, на выздоровленіе котораго онъ не полагалъ надежды. Я старался успокоить Павла Александровича и убѣждалъ не предаваться преждевременному отчаянію. Слова мои вскорѣ подѣйствовали на него утѣшительно, и онъ сдѣлался разговорчивѣе и веселѣе. Я началъ говорить о его сборникѣ актовъ и, между прочимъ, упомянулъ о Польскомъ историкѣ Нѣмцевичѣ, имя котораго я встрѣтилъ въ предисловіи къ сборнику.

— «У меня есть», сказалъ я, «гравированный его портретъ, который я принесъ вамъ показать, и если вы такаго не имѣете, то прошу принять его въ Польскій отдѣлъ вашей библіотеки». Съ этими словами я подалъ Муханову портретъ Юліана Нѣмцевича, гравированный Майеромъ въ Нюренбергѣ съ медальона, сдѣланнаго въ Парижѣ. Мухановъ, увидавъ портретъ, съ улыбкою воскликнулъ: «А! старикъ Нѣмцевичъ! Я хорошо былъ съ нимъ знакомъ и какъ теперь его вижу. Этотъ портретъ чрезвычайно похожъ, но я такаго не имѣю и очень благодаренъ вамъ за подарокъ! Съ Нѣмцевичемъ я часто встрѣчался въ Парижской библіотекѣ и нѣсколько разъ обѣщалъ зайти къ нему, но все почему-то не могъ исполнить своего обѣщанія; наконецъ, избралъ день для визита, отправился къ нему, но, къ сожалѣнію, онъ уже не могъ знать о моемъ посѣщеніи. Вообразите, я пришелъ къ нему въ самый день его кончины уже къ мертвому: онъ умеръ не задолго до моего прихода. Я былъ на его похоронахъ и весьма сожалѣлъ о немъ. Нѣмцевичъ былъ замѣчательный историкъ и очень добрый и прекрасный человѣкъ».

Коснувшись Парижской библіотеки, Мухановъ сообщилъ мнѣ, что онъ занимался въ ней обозрѣніемъ рукописей и, между прочимъ, первый нашелъ въ нихъ извѣстныя записки Вильбуа, относящіяся къ Петровскому царствованію. «Онѣ извѣстны мнѣ», сказалъ я, «по книгѣ Теофила Галлеца, напечатанной въ Парижѣ въ 1853 году, но вполнѣ ли изданы, не знаю. Открытіе этихъ записокъ принадлежитъ мнѣ, но я не воспользовался имъ. Въ то время, въ библіотекѣ, вмѣстѣ со мною, то есть въ той же залѣ, занимался

Петръ Долгоруковъ, авторъ Россійской Родословной Книги, которому я и указалъ на записки Вильбуа. Онъ разсматривалъ ихъ нѣсколько разъ, и вскорѣ послѣ того, я узналъ, что онѣ печатаются. Долгоруковъ, вѣроятно, переписалъ ихъ въ библіотекѣ съ манускрипта Вильбуа или сообщилъ о нихъ издателю, который и воспользовался моимъ открытіемъ».

Такія воспоминанія о быломъ замѣтно разсѣяли печальную мысль Муханова о больномъ сынѣ и доставили ему развлеченіе. Онъ началъ рѣчь о книгахъ и своей библіотекѣ, причемъ показалъ мнѣ придуманную имъ модель для помѣщенія карточекъ съ заглавіями книгъ. Модель состояла изъ деревянной подставки, соединенной двумя металлическими цилиндрами или круглыми тонкими палочками, вкладывавшимися одна въ другую. На эти цилиндры продѣвались карточки и, если требовалось между ними помѣстить новую карточку, то цилиндры вынимались одинъ изъ другаго и раздѣлялись на двѣ половины. Модель, изобрѣтенная Мухановымъ, была очень полезна и удобна для помѣщенія и сохраненія ихъ на надлежащихъ мѣстахъ. Устройство самой модели трудно передать словами и невидавши ея невозможно имѣть о ней точнаго понятія. Бесѣда моя съ Мухановымъ и въ этотъ разъ была довольно продолжительна. Прощаясь со мной, онъ сказалъ, что собирается уже ѣхать за границу и отправится туда недѣли черезъ двѣ, если только болѣзнь сына не попрепятствуетъ скорому отъѣзду. «Впрочемъ», добавилъ Мухановъ, «если вы вздумаете зайти ко мнѣ раньше этого времени, то мы еще увидимся и поговоримъ о книжныхъ рѣдкостяхъ». Затѣмъ я откланялся Муханову, надѣясь еще увидѣться съ нимъ до отъѣзда за границу.

Въ началѣ Іюня мѣсяца, я зашелъ къ Муханову, но узнавъ, что сынъ его находится въ отчаянномъ положеніи, не посмѣлъ безпокоить его своимъ посѣщеніемъ. Грустное предчувствіе Муханова скоро сбылось, и сынъ его скончался 11-го Іюня. Спустя послѣ этого нѣсколько дней, я узналъ, что Мухановъ еще въ Петербургѣ и поспѣшилъ навѣстить его. 22 числа, во Вторникъ, въ 7 часовъ вечера, я пришелъ къ Муханову, но уже не засталъ его. Прислуга, оставшаяся въ квартирѣ, сообщила мнѣ, что Мухановъ сегодняшній день, во второмъ часу, уѣхалъ съ семействомъ заграницу и, вѣроятно, на долгое время, потому что не оставилъ за собою квартиры. Неожиданная кончина любимаго сына до крайности опечалила Муханова и его супругу, которые въ глубокой горести уѣхали изъ Петербурга.

28 числа Декабря, во Вторникъ, я былъ на вечерѣ у Н. П. Дурова (профессора математики, извѣстнаго библіофила и владѣльца замѣчательной библіотеки о Россіи) и тамъ неожиданно услыхалъ о кончинѣ Муханова. Это неожиданное извѣстіе было для меня весьма прискорбно. Вскорѣ затѣмъ я узналъ, что Павелъ Александровичъ Мухановъ скончался 16 Декабря въ Вюрцбургѣ, въ Баваріи, 73 лѣтъ отъ рожденія, а 28 Декабря привезенъ въ Москву и похороненъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ.

Этимъ извѣстіемъ заканчиваю я свое воспоминаніе о достопочтенномъ П. А. Мухановѣ, библіофилѣ и собирателѣ рукописей. Русская историческая литература обязана ему изданіемъ многихъ древнихъ актовъ и другихъ памятниковъ письменности, а Русская палеографія — сохраненіемъ для потомства многихъ дрогоцѣнныхъ ея подлинниковъ.

Яковъ Березинъ-Ширяевъ.

С.-Пб.
1878 г.

Письма Алексѣя Степановича Хомякова.

I. Къ графу А. П. Толстому.

Почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ!

Когда вы нынѣшній годъ посѣтили меня болящаго въ Москвѣ, вы скараспрашивали меня объ нашемъ Тульскомъ архіереѣ Дмитріѣ. Я сказалъ вамъ свое мнѣніе, но теперь считаю обязанностію къ своему личному мнѣнію о немъ прибавить разсказъ о томъ, какъ выразилось мнѣніе общественное. Можетъ быть, уже вамъ все это извѣстно, но разскажу на всякій случай.

Пріѣхалъ я въ деревню въ концѣ Іюня, и бездна хлопотъ долго мѣшала мнѣ быть въ Тулѣ, чтобы проститься съ нашимъ пастыремъ. Наконецъ, за три дня до его отъѣзда, былъ я у него вечеромъ наединѣ. Разговоръ, разумѣется, скоро обратился на его будущія дѣйствія въ Одессѣ по дѣламъ нашихъ единовѣрцевъ. Горячее его участіе въ ихъ жалкой судьбѣ, увлеченіе, съ которымъ онъ говорилъ объ нихъ, меня истинно порадовали, и вамъ пріятно будетъ знать, что вы будете въ немъ имѣть ревностнаго дѣлателя, совершенно чуждаго всякимъ личнымъ видамъ, всякимъ любіямъ, кромѣ человѣко-и правдо-любія. Особенно же, думаю я, будетъ пріятно вамъ слышать, какъ онъ говорилъ объ отношеніяхъ Грековъ къ Славянамъ: «Первое дѣло въ самомъ церковнослуженіи есть его дѣйствіе на душу и на нравственную жизнь христіанъ. Если языкъ непонятенъ народу, мы впадаемъ въ Латынство, и въ одно время разрушаемъ единство молитвы между пастырями и паствою, и лишаемъ церковную службу всякаго духовнаго вліянія на домашнюю жизнь христіанъ. Это важно во всѣхъ случаяхъ, а особенно въ народахъ непросвѣщенныхъ или неграмотныхъ». На это я ему отвѣчалъ, что вѣдь тутъ еще важенъ вопросъ о Вселенствѣ, ибо народность и провинціализмъ не должны съ нимъ входить въ соперничество. «Именно такъ», сказалъ онъ. «Это-то всего важнѣе. Отъ этого самаго и не должно допускать совершеннаго преобладанія одной народности надъ другою; ибо такое порабощеніе въ дѣлахъ духовныхъ было бы полнымъ торжествомъ провинціализма, совершенно противнаго Христіанству и Вселенству». Меня поразилъ такой, кажется мнѣ, новый и высокій взглядъ на отношеніе Вселенства къ народамъ. Я оставилъ его очень поздно и съ чувствомъ удвоенной къ нему любви. Но это все личныя мои впечатлѣнія, а вотъ какъ выразилось чувство общее. Три дня сряду отъ обѣдни до темнаго вечера приходили къ не-

му прощаться всѣ горожане и деревенскіе жители, случайно пришедшіе въ городъ. Ему положительно не давали даже обѣдать. Всѣ оружейники, всѣ мѣщане, женщины и мущины, перебывали у него. Этого не довольно: всѣ, кажется, дѣти приходили просить благословенія. Онъ раздалъ имъ до пяти тысячъ крестиковъ. Наконецъ, въ день отъѣзда (онъ захотѣлъ уѣхать прямо изъ церкви, такъ какъ и пріѣхалъ прямо въ церковь), соборъ былъ биткомъ набитъ, Кремль также, площадь передъ воротами и низъ Кіевской улицы также. Онъ служилъ, какъ всегда, съ большимъ чувствомъ. Священники и діаконы безпрестанно останавливались, чтобы отирать глаза. Послѣ обѣдни онъ вышелъ проститься: благодарилъ за любовь, которой не заслужилъ; потомъ просилъ прощенія за всё, чѣмъ могъ передъ кѣмъ нибудь провиниться. «Простите меня, вашего брата, какъ и сами просите, чтобы Господь васъ простилъ», прибавилъ нѣсколько словъ наставленія и увѣщанія и, наконецъ, просилъ, чтобы его не забыли въ молитвахъ,—живаго, чтобы Богъ далъ ему силы для исполненія долга, на немъ лежащаго, или мертваго, дабы Господь простилъ ему его слабость въ исполненіи этого долга. Онъ былъ сильно тронутъ самъ, и столько было слышно искренности въ его словахъ, что весь соборъ плакалъ на взрыдъ. Отъ собора до воротъ Кремля дошелъ онъ только часа черезъ два: такъ къ нему толпились. Губернаторъ и полицмейстеръ хотѣли раздвигать народъ, но не могли. Мѣщане добродушно обнимали ихъ, упрашивая, чтобъ имъ не мѣшали проститься съ своимъ епископомъ. Въ воротахъ онъ сѣлъ въ дорожную карету и ѣхалъ шагомъ въ густой толпѣ. Она его провожала не только до шлагбаума, но еще версты съ двѣ; и тогда только остановились, когда онъ вышелъ, просилъ, чтобы его не огорчали видомъ такаго труда, принимаемаго изъ любви къ нему, и еще разъ далъ общее всѣмъ благословеніе. Тутъ было что-то напоминающее первые вѣка церкви, и конечно одна уже такая сцена облагороживаетъ и очищаетъ общую жизнь. Этого не будетъ въ газетахъ, и слава Богу. Тамъ такъ много всякой лжи, оффиціальной и неоффиціальной, что такой прекрасной правдѣ тамъ не мѣсто; но я счелъ обязанностію разсказать её вамъ, особенно послѣ разговора нашего о преосвященномъ Димитріѣ. Я увѣренъ, что эти подробности будутъ вамъ пріятны.

Въ грустное время для меня пишу я къ вамъ, любезнѣйшій графъ. Я теперь, какъ и всегда въ постъ, говѣю, но въ нынѣшній разъ я нахожу въ этомъ трудѣ особенное и нужное мнѣ утѣшеніе. Я только что пріѣхалъ изъ Москвы, куда меня вызвала матушка; возвратился же я уже съ ея гробомъ, который поставленъ въ склепъ подъ прекрасною церковью, ея строеніемъ и ея радостію. Конечно, естественна судьба дѣтей переживать своихъ родителей; еще естественнѣе было ожидать смерти послѣ осмидесяти-семи-лѣтней жизни; но такова была еще умственная живость и дѣятельность покойницы, такова свѣжесть сочувствій въ вопросахъ общественныхъ, во всемъ что касалось отечества и особенно вѣры, что, не смотря на слабость тѣлесную, казалось, ей еще не пришла пора умирать. И теперь еще

какъ-то плохо вѣрится, что такое живое слово навсегда замолчало, и такая горячая душа не будетъ бесѣдовать съ своими близкими *). Въ домѣ и жизни всё какъ-то становится мертвѣе и темнѣе. Впрочемъ это хорошо, чтобы самому своей очереди легче было ждать.

Прощайте, будьте здоровы и Богомъ хранимы въ вашихъ трудахъ и заботахъ. Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности, и дружескій поклонъ отъ вашего покорнѣйшаго слуги Алексѣя Хомякова.

(Іюнь 1857)

II. Къ С. Т. Аксакову.

1.

Тяжело было мнѣ разстаться съ матушкою. Я и ожидалъ и не ожидалъ ея кончины. Давно уже силы ея упадали, но въ ней была такая обманчивая живость чувствъ и мысли, что, казалось, ей можно бы было еще долго пожить, а это удаляло отъ меня ту увѣренность въ приближающемся концѣ, которую я долженъ бы былъ болѣе имѣть, если бы смотрѣлъ только на физическія измѣненія. Я объ ней могу сказать безпристрастно, что она была хорошій и благородный образщикъ вѣка, который еще не вполнѣ оцѣненъ во всей его оригинальности, вѣка Екатерининскаго. Всѣ (лучшіе, разумѣется) представители этого времени какъ-то похожи на Суворовскихъ солдатъ. Что-то въ нихъ свидѣтельствовало о силѣ неистасканной, неподавленной и самоувѣренной. Была какая-то привычка къ широкимъ горизонтамъ мысли, рѣдкая въ людяхъ времени позднѣйшаго. Матушка имѣла широкость нравственную и силу убѣжденій духовныхъ, которыя конечно не совсѣмъ принадлежали тому вѣку, но она имѣла отличительныя черты его, вѣру въ Россію и любовь къ ней. Для нея общее дѣло было всегда и частнымъ ея дѣломъ. Она болѣла, и сердилась, и радовалась за Россію гораздо болѣе, чѣмъ за себя и своихъ близкихъ. Такъ наприм. нынѣшній годъ она послѣ тарифа нѣсколько дней не хотѣла даже, чтобъ у нея спрашивали про ея здоровье и очень удивила С—ву тѣмъ, что на ея вопросъ отвѣчала: «Что̀ вы тутъ толкуете о здоровьи старухи, когда раззоряютъ всѣхъ купцовъ! Вотъ вы объ чемъ должны теперь говорить!» Въ ней было дѣйствительно что-то благородное и облагородствующее.

(1857).

2.

Дорогой и почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ!

Недоброе затѣяли вы дѣло хворать. И что же глядитъ Гольденбергъ! Какъ онъ это допускаетъ? Вѣдь такая его слабость наноситъ нѣкоторый позоръ гомеопатіи. Если же вы сами его не призываете, то право съ вашей стороны нехорошо. Если человѣкъ имѣетъ какую

*) Мать Хомякова, Марья Алексѣевна, урожд. Кирѣевская, скончалась въ Москвѣ 23 Іюня 1857. П. Б.

нибудь возможность быть здоровымъ, онъ не имѣетъ права хворать. Пожалуйста не допускайте себя до такой дурной привычки.—Замедлилъ я отвѣчать вамъ и доставить условія, которыя вы желали получить. Причина вотъ какая. Я знаю, что мои здѣшнія условія съ крестьянами вамъ не идутъ, и сверхъ того они не тѣ, которыхъ дѣйствіе знаетъ и одобряетъ Перфильевъ. Поэтому я писалъ въ тѣ конторы, чтобы мнѣ выслали одинъ изъ подлинниковъ и здѣсь велѣлъ списать, и два списка къ вамъ теперь посылаю. Отъ души желаю, чтобы они вамъ пригодились при тѣхъ перемѣнахъ, на которыя вамъ укажетъ ваше собственное и подробное знаніе своей мѣстности. На будущій годъ, если Богъ поможетъ, я кончу вездѣ: нынѣшній годъ не удалось за отсрочкою въ межеваніи по одной деревнѣ. Крестьяне нетерпѣливо ждутъ этого, и я едва могъ ихъ уговорить для собственной же пользы отложить.

Петербургская перемолчка *) ничего не значитъ. Я имѣлъ вѣрнѣйшее доказательство, что тамъ объ этомъ думаютъ и постоянно. Не знаю, ошибаюсь-ли, но кажется мнѣ, что близость ревизіи имѣетъ нѣкоторое вліяніе на кажущееся усыпленіе: время это будто бы неудобно для перемѣнъ. Здѣсь слышно, что графъ *** какъ то устроился и будто бы даже другой, Шевыревскій врагъ, тоже что-то сдѣлалъ; но этотъ, будучи либераломъ, говорятъ, въ чемъ-то крестьянъ надулъ. Дѣло вѣроятное и на которое я его считаю крайне способнымъ. Но что за милая вещь—губернія! Всѣ ждутъ перемѣны, большая часть боится ея, и чтоже? Поѣзжайте къ помѣщикамъ: они знаютъ (по крайней мѣрѣ думаютъ, что знаютъ) интриги придворныя, разсказываютъ анекдоты про то, что̀ дѣлается въ уѣздахъ (напр. что въ Ефремовскомъ уѣздѣ докторъ прописалъ барынѣ микстуру съ надписью: «передъ пріемомъ встряхивать», и домашніе поняли это такъ, что надобно всякій разъ передъ пріемомъ встряхивать больную, отъ чего она чуть-чуть не умерла); а про опыты, дѣлаемые помѣщиками въ отношеніи къ измѣненію отношеній съ крестьянами, скорѣе узнаете въ Москвѣ, чѣмъ за десять верстъ отъ тѣхъ деревень, гдѣ производятся опыты. Что за гнилое сословіе! Право хуже поповскаго. Когда я буду въ Москвѣ, я вамъ разскажу про одинъ интересный вечеръ, проведенный мною на постояломъ дворѣ въ распиваніи чая съ Лебедянской чиновницею и откупившимся на волю крестьяниномъ-прасоломъ. Безстрастный смыслъ этого человѣка меня порадовалъ: въ немъ удивительно высказывалась та особенность крестьянина, которую я давно въ немъ вижу, не смотря на сомнѣнія многихъ, и которой иначе нельзя назвать какъ историческимъ чутьемъ. Отъ этого-то чутья, по моему мнѣнію, происходитъ и самое безстрастіе и какая-то важность въ толкованіи о вопросахъ общественныхъ. Была когда-то эта способность вѣроятно и въ другихъ сословіяхъ; но ее утратили, а сохранилась она по закону право-

*) Т. е. нѣкоторая остановка въ движеніи мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Мысль эта была вполнѣ и гласно выражена въ Ноябрѣ 1857 года, т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ позже, нежели писано это письмо. П. Б.

судія только въ сословіи обиженномъ. Я радъ, что мы ихъ презрителю С. отпѣли пѣсенку. Ну да это покуда въ сторону! Читали ли вы въ «Молвѣ» статейку мою о современномъ вопросѣ и довольны-ли? Не знаю, напечатана ли моя статья о Чичеринѣ? Мнѣ хотѣлось покончить ту полемику, которая шла у насъ съ Западниками. Я дѣлаю вопросы: не привезетъ ли Константинъ Сергѣевичъ отвѣта? Какъ бы онъ хорошо сдѣлалъ. У васъ теперь и Европейскій путешественникъ *). Говорятъ, что его отказались возстановить въ правахъ литературнаго гражданства. Если это правда, значитъ противъ насъ злопамятны. Опять скоро въ Москвѣ полный сборъ. Не соберемся-ли съ силами для большей дѣятельности? Всѣмъ вашимъ передайте поклонъ мой; а вы, почтеннѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ, похлопочите о своемъ здоровьи.

Вашъ отъ души А. Хомяковъ.

(1857).

---

*) Намъ неизвѣстно, кто это. П. Б.

Воспоминаніе о графѣ С. С. Ланскомъ.

Всеподданнѣйшіе отчеты о внутреннемъ состояніи Россіи, на основаніи Учрежденія Министерствъ (Св. Зак. т. I) должны представляться ежегодно министромъ внутреннихъ дѣлъ. Прежде ихъ составляли особые чиновники, избираемые непосредственно самимъ министромъ. Такъ при графѣ Перовскомъ составлялъ ихъ покойный Надеждинъ,-бывшій передъ тѣмъ профессоромъ Московскаго университета и редакторомъ Телескопа; позднѣе это дѣло поручалось другимъ лицамъ. Работа была многосложная. Надобно было сообразить отчеты шести департаментовъ и около семидесяти отчетовъ генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и разныхъ отдѣльныхъ управленій и комитетовъ (карантиннаго, Остзейскаго комитета, католической духовной коллегіи, лютеранскихъ консисторій и т. д.), сгруппировать представляемые ими факты и объяснять ихъ значеніе.

С. С Ланской (тогда еще не графъ) назначенъ былъ министромъ въ концѣ Августа 1855 года. Лично онъ меня не зналъ, а я его никогда и не видывалъ. Въ 1850 году онъ управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ во время отсутствія графа Перовскаго, но всѣ мѣсяцы его управленія я былъ въ командировкахъ, данныхъ министромъ. Въ 1855 году, съ Января по Апрѣль и потомъ съ Мая до конца года, я тоже не былъ въ Петербургѣ, исполняя въ разныхъ губерніяхъ порученія, данныя министромъ Д. Г. Бибиковымъ. Въ Августѣ 1855 года я производилъ одно слѣдствіе въ Москвѣ и однажды поутру, бывши у графа Закревскаго, узналъ отъ него о перемѣнѣ въ министерствѣ. Гр. Закревскій видимо былъ радъ увольненію Бибикова и не считалъ нужнымъ скрывать своей радости, не предвидя конечно, что года чрезъ три будетъ недоволенъ Ланскимъ еще больше, чѣмъ Бибиковымъ. Если Бибиковскіе инвентари въ Западныхъ губерніяхъ иногда лишали его спокойнаго сна, то порученное Царемъ-Освободителемъ дѣло несравненно большей важности должно было его совсѣмъ лишить и сна, и покоя. Изъ дѣлъ министерства извѣстно, что покойный графъ Закревскій былъ однимъ изъ самыхъ крайнихъ противниковъ благодѣтельной реформы 19 Февраля 1861 года.

Новый министръ, мнѣ совершенно неизвѣстный, а я нахожусь въ прямомъ и непосредственномъ его распоряженіи! Это заставило меня призадуматься. Московскіе друзья мои, знавшіе Ланскаго, увѣряли всѣхъ (въ чемъ вскорѣ я вполнѣ убѣдился), что новый министръ— человѣкъ въ высшей степени добрый и справедливый, самый пріятный въ отношеніяхъ къ своимъ подчиненнымъ и недоступный никакимъ интригамъ. Они и совѣтовали мнѣ тотчасъ же ѣхать въ Пе-

тербургъ, но я не исполнилъ ихъ совѣтовъ и отправился въ Нижній, гдѣ по Высочайшему повелѣнію слѣдовало мнѣ быть членомъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ коммиссіи объ отводѣ Нижнему Новгороду болѣе трехъ тысячъ десятинъ подгородной, такъ называемой «Ямской», земли подъ выгонъ. Дѣло этой коммиссіи затянулось; я рылся въ старинныхъ актахъ, и мнѣ посчастливилось доказать права̀ Нижняго на ту землю даже грамотою царя Ивана Васильевича, гдѣ упомянуто, что та земля принадлежала городу еще при самостоятельныхъ великихъ князьяхъ Суздальско-нижегородскихъ. Родной мнѣ, Нижній Новгородъ, получилъ и донынѣ владѣетъ этою землею, которая около двухъ столѣтій, т. е. со времени учрежденія ямовъ, была у него отнята. Наша коммиссія кончилась въ половинѣ Декабря, и я собирался послѣ праздниковъ, въ самомъ началѣ 1856 года, ѣхать въ Петербургъ. Дня за два до праздника я послалъ донесеніе въ министерство о закрытіи коммиссіи.

На другой день Рождества неожиданно получаю предписаніе министра (22 Декабря 1855 г., № 2011): «По полученіи сего имѣете вы немедленно возвратиться въ С.-Петербургъ и представить мнѣ о вашихъ дѣйствіяхъ по исполненію порученій, министерствомъ на васъ возложенныхъ». Больше ни слова! Отвѣтомъ на мое донесеніе объ окончаніи коммиссіи это предписаніе, судя по времени, никакъ не могло быть. Чтожъ это значитъ? Смущало меня и то, что на бумагѣ кромѣ подписи министра была скрѣпа директора: къ этому мы не привыкли. Теперь, когда пишу это воспоминаніе, передо мной лежитъ много предписаній графа Перовскаго и Бибикова безъ скрѣпъ: такъ во время о̀но сносились министры съ лицами, непосредственно имъ подчиненными. Послѣ это измѣнилось. Признаюсь, много добраго я не чаялъ и, оставивъ семейство въ Нижнемъ, на всякій случай сдѣлалъ распоряженіе, чтобы деревенскій домъ былъ удобенъ для житья отставному, и поѣхалъ въ Петербургъ. Интриги кипѣли тогда въ нашемъ министерствѣ, а я такъ долго былъ въ отлучкѣ. У меня были недоброжелатели, были и друзья истинные, искренніе друзья. Одинъ изъ нихъ (графъ Д. Н. Толстой) много говорилъ обо мнѣ новому министру и тѣмъ самымъ устроилъ мой вызовъ въ Петербургъ.

На другой день по пріѣздѣ получаю приказаніе завтра явиться къ министру. Въ назначенный часъ надѣваю мундиръ и ѣду къ невиданному пока еще мною начальнику съ спокойнымъ духомъ (я уже повидался съ гр. Толстымъ). Послѣ недолгаго ожиданія меня позвали въ ту самую зеленую комнату, гдѣ и у графа Перовскаго былъ кабинетъ [1]). Вижу предъ собой рослаго, привлекательнаго собою старца; круглыя черты его лица сіяли благодушіемъ и доброжелательствомъ; во всей представительной фигурѣ его видно было истинно-аристократическое изящество. Въ сторонѣ сидѣлъ Гвоздевъ, директоръ департамента общихъ дѣлъ, лѣтъ чрезъ пять послѣ близъ Твери кончившій жизнь подъ колесами желѣзнодорожнаго поѣзда. «Наконецъ-то!» были первыя обращенныя ко мнѣ слова министра.

---

[1]) При Бибиковѣ и Валуевѣ кабинетъ помѣщался въ нижнемъ этажѣ министерскаго дома, что̀ у Александринскаго театра.

«Отъ чего вы такъ долго замѣшкали?» Я доложилъ о ходѣ дѣла въ Высочайше утвержденной коммиссіи о надѣленіи Нижняго землею. Распросивъ въ короткихъ словахъ о другихъ исполненныхъ мною порученіяхъ, Сергѣй Степановичъ сказалъ: «Вы мнѣ нужны, я выбралъ васъ для составленія всеподданнѣйшаго отчета. Этотъ отчетъ долженъ быть совсѣмъ особеннымъ, новымъ. Государь новый, министръ новый, а каково при этомъ положеніе государства! Вы получите нѣсколько десятковъ отчетовъ, и можно напередъ сказать, найдете въ нихъ оффиціальную неправду, фантазіи, вымыслы и ужъ непремѣнно самохвальство: каждый губернаторъ считаетъ теперь себя спасителемъ отечества. Въ моемъ отчетѣ должна быть одна правда, какъ бы она горька ни была, и ни малѣйшаго самовосхваленія. Необходимо вполнѣ ознакомить Государя съ Его наслѣдіемъ во всей его наготѣ, отнюдь не скрывая язвъ. Онъ посланъ къ намъ Богомъ какъ лекарь, чтобъ исцѣлить Россію отъ хроническихъ ея болѣзней и—дай только Богъ долголѣтняго Ему царствованія: Онъ исцѣлитъ насъ. А передъ лекаремъ язвъ не скрываютъ... Впрочемъ я набросаю на бумагѣ мои мысли относительно этого и завтра пришлю вамъ». Я поблагодарилъ министра за довѣріе и выразилъ сомнѣніе, оправдаю ли я его ожиданія. «Это почему?» спросилъ онъ. «Я началъ службу на поприщѣ педагогическомъ», отвѣчалъ я, «потомъ служилъ по особымъ порученіямъ при губернаторѣ и вотъ теперь при васъ, при третьемъ министрѣ; съ канцеляріей и съ канцелярскими обрядами я вовсе незнакомъ».—«Этого-то мнѣ и надо», сказалъ Ланской; поэтому-то я васъ и выбралъ. Я желаю, чтобы мой отчетъ нисколько не пахнулъ канцеляріей, чтобъ въ немъ былъ живой духъ, выраженный живымъ словомъ, а не мертвая бумага. Я знакомъ съ вашимъ перомъ, вы пишете немножко рѣзко; это для канцеляріи, конечно, непріятно, но для меня теперь нужно». Гвоздевъ сильно поморщился при этихъ словахъ, а министръ усмѣхнулся и примолвилъ: «я вѣдь говорилъ вамъ, Александръ Александровичъ, что мнѣ це канцелярская работа нужна. Вѣдь вы знакомы съ бытомъ народа?» обратился онъ послѣ того ко мнѣ.—«Знакомъ немножко, ваше высокопревосходительство», отвѣчалъ я.—«Много-то кто же его знаетъ?» сказалъ на то Сергѣй Степановичъ. Ваше «немножко» для меня «достаточно». Вы много ѣздили, долго жили съ народомъ, знакомы съ его нуждами и потребностями. Внесите эти знанія въ отчетъ. А главное—правда, строгая правда; пишите какъ бы стали вы говорить самому Государю, еслибъ Онъ спросилъ васъ...... Мало того, пишите какъ бы вы отвѣчали самому Господу Богу на страшномъ судѣ. Вы вѣрите въ страшный судъ?»—«Конечно вѣрю, ваше высокопревосходительство», отвѣчалъ я.—«Такъ помните же, что малѣйшая фальшь тамъ взыщется. Время такое, повторяю вамъ: Государь новый, министръ новый, обстоятельства трудныя.. Если мы не замѣтимъ вашей фальши, тотъ Царь (онъ поднялъ руку къ верху) узнаетъ ее. Помните-же, что вы не просто отчетъ призваны писать, а такъ сказать, священнодѣйствовать. Понимате вы меня?» Я молча поклонился. «Фраза должна быть короткая, но сильная, въ предисловіи пожалуй допустите немножко риторики (это не вредитъ), но самой

скромной; а въ изложеніи будьте кратки и ясны. Пишите какъ вамъ Богъ на душу положитъ, а мы съ Александромъ Александровичемъ и другими директорами будемъ васъ цензуровать, поправлять. При общихъ силахъ, дастъ Богъ выйдетъ то, чего мнѣ хочется».

На другой день С. С. Ланской прислалъ мнѣ два листа бумаги, исписанныя его крупнымъ почеркомъ синимъ карандашомъ.

Прибавлю слѣдующее. Въ Маѣ или Іюнѣ 1856 г., на дачѣ на Аптекарскомъ острову, читалъ я начало отчета. Кромѣ министра, тутъ были директоры департаментовъ: общихъ дѣлъ Гвоздевъ, хозяйственнаго Милютинъ, иностранныхъ исповѣданій Хрущовъ, медицинскаго Рихтеръ, казенныхъ врачебныхъ заготовленій Ланге и полиціи исполнительной Оржевскій. (Едва ли не былъ и Легкобытовъ, тогдашній директоръ статистическаго отдѣленія—хорошенько не помню). Читая предисловіе, по какому-то, не помню теперь, отрывку, С. С. Ланской сталъ возражать. Директоры молчали, одинъ Гвоздевъ сказалъ что-то, поддерживая мысль министра. Я молча взялъ карандашъ, чтобъ отмѣтить какъ надо исправить согласно желанію министра. Я не сказалъ ни слова; но должно быть, замѣтивъ, по моему лицу, что я не согласенъ съ его мнѣніемъ, Ланской спросилъ меня: «А по вашему не такъ?»—«Не могу противорѣчить, ваше высокопревосходительство», отвѣчалъ я; «будетъ поправлено, какъ изволили приказать». —«Послушайте, Павелъ Иванычъ», съ несвойственной, казалось бы, такому старцу живостью, сказалъ на это Ланской, поправляя парикъ, что̀ всегда бывало съ нимъ, когда онъ, бывало, особенно оживится. «Мнѣ съ вами придется еще много работать; прошу васъ, чтобъ такихъ отвѣтовъ я никогда отъ васъ не слыхалъ. Спорьте, доказывайте, убѣждайте; помните Французскую пословицу: du choc des opinions jaillit la vérité» [1]. Послѣ того, въ продолженіе пяти лѣтъ, мнѣ не одинъ разъ приходилось возражать и спорить съ незабвеннымъ старцомъ. Онъ былъ не изъ тѣхъ что допускаютъ споры подчиненныхъ и, убѣдяся ихъ доводами, соглашаются и даже дѣлаютъ сообразныя распоряженія, но никогда не забываютъ и не прощаютъ переспорившаго.

Отчетъ былъ окончательно обработанъ въ концѣ Іюля и всеподданнѣише представленъ Государю Императору предъ отправленіемъ Его Величества въ Москву на коронацію. На возвращенномъ въ министерство отчетѣ была Высочайшая резолюція. Государь благодарилъ С. С. Ланскаго «за откровенное изложеніе недостатковъ» во внутреннихъ дѣлахъ Россіи и изволилъ выразить надежду, что «съ помощью Божіею и при общемъ усердіи эти недостатки будутъ устранены». Эта резолюція и нѣкоторыя выдержки изъ отчета были напечатаны въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 1857 года. На поляхъ отчета было множество собственноручныхъ замѣчаній Государя и Высочайшихъ повелѣній, имѣющихъ великое значеніе въ исторіи Россіи. Въ нихъ заключались зачатки тѣхъ благодѣтельныхъ реформъ, которыми Государь Императоръ вскорѣ потомъ осчастливилъ народъ свой» [2].

Павелъ Мельниковъ.

---

[1]) Изъ столкновенія мнѣній порождается истина.

[2]) Сличи Русскій Архивъ 1875, книжка 1, стр 81.

Изъ письма графа Нессельроде къ барону Тюилю.

27 Janvier 1816.

Quant aux insinuations qui vous ont été faites par quelques membres du Sacré Collège, celle qui a trait à la modification de la loi concernant les mariages entre les personnes des deux rites, paraît être inadmissible. S. M. considère cette disposition comme un principe de gouvernement, qui est en Russie l'unique modérateur d'une tolérance absolue, dont l'application s'étend jusqu'à la protection la plus active des différents cultes. Elle se croit donc en devoir de faire observer ce réglement de discipline ecclésiastique avec une exactitude aussi scrupuleuse que pourrait l'exiger toute autre transaction extérieure. Pour ce qui concerne le projet de réunir les deux églises, l'Empereur ne peut se permettre d'énoncer à cet égard une opinion, qui, indépendamment des motifs de charité chrétienne et de fraternité entre les peuples, doit être discutée par ceux que l'église a constitués les dépositaires de toute doctrine réligieuse. S. M. I. se propose d'écouter à ce sujet les représentations du S. Synode et ne négligera rien de ce qui pourrait être jugé salutaire à la chrétienneté en général.

Переводъ. Что̀ касается до инсинуацій, сдѣланныхъ вамъ нѣкоторыми членами Священной Коллегіи, то та изъ нихъ, которая имѣетъ въ виду измѣненіе закона о брачныхъ союзахъ между лицами обоихъ вѣроисповѣданій, представляется непріемлемою. Его Величество признаетъ это установленіе такимъ, которое служитъ въ Россіи единственнымъ способомъ, умѣряющимъ безусловную вѣротерпимость, простирающуюся въ Россіи до самаго дѣятельнаго покровительства всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Поэтому Его Императорское Величество считаетъ своимъ долгомъ блюсти исполненіе этого правила церковной дисциплины съ тою же строгою точностью, какой бы потребовало и всякое другое внѣшнее соглашеніе. Что̀ же относится къ предположенію о соединеніи обѣихъ церквей, то Императоръ не можетъ дозволить себѣ выразить по этому поводу какое либо мнѣніе, такъ какъ оно (независимо отъ соображеній христіанской любви и братства между народами) должно быть обсуждено тѣми, которыхъ церковь поставила хранителями религіознаго ученія. Его Императорское Величество имѣетъ намѣреніе выслушать по сему предмету мнѣнія Св. Синода и не пренебрежетъ ничѣмъ, что̀ могло бы быть признано спасительнымъ для христіанства вообще.

Генералъ-маіоръ баронъ Тюиль (Tuyll, вѣроятно Голандецъ) состоялъ съ 1815 по 1817 годъ нашимъ резидентомъ при Папскомъ дворѣ. Свѣтская власть папы возстановлена была вслѣдъ за паденіемъ Наполеона, и конечно, не къ общей радости Римлянъ, почему резидентомъ нашимъ выбранъ былъ, на всякій случай, человѣкъ военный. Въ книгѣ графа Д. А. Толстаго (Histoire du Catholicisme en Russie, II, 397) сказано, что кардиналъ Делла Сомалья предлагалъ б. Тюилю соединеніе Русской и Римской церквей. П. Б.

(Сообщено С. М. Соловьевымъ).

Заграничныя книжныя вѣсти.

Восточный вопросъ и событія минувшей войны.

Три года въ Восточномъ вопросѣ, соч. Макъ-Колля. (Malcolm Mac-Coll. Three Years of the Eastern Question. London 1878. Chatto). Извѣстный другъ Восточныхъ христіанъ Макъ-Колль дѣлаетъ въ этой книгѣ основательное и поучительное обозрѣніе политики Европейскихъ державъ и событій по Восточному вопросу за послѣдніе три года. Обозрѣніе это клонится не къ чести Англійской, а къ оправданію Русской политики.

*

Въ Лондонѣ изданы отдѣльно любопытныя корреспонденціи въ газету Daily-News Макъ-Гахана, Форбса и другихъ о Русско-Турецкой войнѣ. Вторая серія, вышедшая въ 1878 году, относится ко времени отъ сдачи Карса до мирныхъ переговоровъ. (The War. Correspondence of the «Daily News» continued from the Fall of Kars to the Signature of the Preliminaries of Peace. London. 1878. Macmillan.).

*

Мистеръ Гири, житель Бомбея и редакторъ журнала Times of India, совершилъ, въ самомъ разгарѣ послѣдней войны, путешествіе по Азіатской Турціи отъ Персидскаго залива до Константинополя, куда онъ прибылъ въ самую отчаянную минуту, когда Русскія войска стояли подъ самымъ городомъ. Вниманіе путешественника обращено было постоянно на войну и на отношеніе къ ней мѣстнаго населенія. Путевыя его записки, недавно изданныя, содержатъ въ себѣ немало любопытныхъ наблюденій по этому предмету (Through Asiatic Turkey. By Grattan Geary. 2 vls. London. 1878. Sampson Low)

*

Профессоръ международнаго права въ Парижѣ Сорель издалъ книгу подъ названіемъ Восточный вопросъ въ осмнадцатомъ столѣтіи. (La question orientale au 18-me siècle. Paris. 1878). Книга написана прекраснымъ языкомъ и содержитъ въ себѣ ясное изложеніе фактовъ такъ называемаго Восточнаго вопроса, конечно съ Западной точки зрѣнія. Авторъ ставитъ Восточный вопросъ въ связи съ Польскимъ и представляетъ мастерски написанный анализъ характера и плановъ Екатерины II, Фридриха II и Маріи Терезіи. Завоевательные планы Россіи, по мнѣнію автора, пришли въ столкновеніе съ планами Австріи. Австрія между тѣмъ запуталась въ борьбѣ съ често-

любіемъ Прусскаго короля. Фридрихъ ловко придумалъ способъ соединить три разъединенныя силы въ общемъ планѣ раздѣла Польши. Съ тѣхъ поръ образовался знаменитый тройной союзъ и начался новый политическій процессъ, клонящійся къ раздѣлу Турціи и Германіи. За рѣшеніемъ Восточнаго вопроса долженъ, по мнѣнію автора, неминуемо возникнуть вопросъ Австрійскій.

*

Таже самая Русская дама, которая стала извѣстна въ прошломъ году въ Англіи своею книгой «Виновата ли Россія?» (см. Книжн. Вѣсти прошлаго года), издала и нынѣшнею зимою въ Лондонѣ дополненіе къ этой книгѣ, подъ назв. Друзья или Враги? (Friend or Foes? by O. K. London. 1878. P. S. King). Книжка эта, равно какъ и прежняя, составилась главнымъ образомъ изъ статей, которыя дама эта, проживая въ Лондонѣ, писала въ защиту Россіи и Русской политики отъ Англійской клеветы и злобныхъ нападокъ, и помѣщала въ извѣстной газетѣ Northern Echo. Всего въ книжкѣ 12 статей. Вотъ ихъ заглавія: 1) Друзья или враги? 2) Наканунѣ конгресса. 3) Послѣ конгресса. 4) Англо-Турецкая конвенція. 5) Обращеніе къ здравому смыслу. 6) Афганская война. 7) Возстаніе въ ю. з. Болгаріи. 8) Родопская коммиссія. 9) Польша и Черкесы. 10) Сибирь. 11) Русское нашествіе. 12) Традиціонная политика Россіи. Статьи написаны съ талантомъ, съ жаромъ патріотическаго чувства и со всей энергіей здраваго смысла. Нѣтъ сомнѣнія, что онѣ послужили въ свое время къ направленію на истинный путь общественнаго мнѣнія въ Англіи, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ кружкахъ, которые не увлекались враждою противъ Россіи во что бы то ни стало.

*

Разсказъ о событіяхъ Русско-Турецкой войны 1877 года, подъ названіемъ На военной дорогѣ, соч. Баллантайна (In the Track of the Troops, by Ballantyne. London. 1879. Nisbet). Авторъ описываетъ преимущественно ужасы войны и старается быть безпристрастнымъ.

*

Кампанія въ Арменіи и Курдистанѣ 1877 года, дневникъ корреспондента при Турецкой арміи, Вильямса (Charles Williams. The Armenian Campaign. London 1878. Kegan Paul). Корреспондентъ состоялъ при Турецкой арміи, и потому неудивительно, что въ разсказѣ его замѣтно пристрастіе къ Туркамъ; однако онъ описываетъ безъ утайки и многіе недостатки Турецкаго управленія. Въ числѣ приводимыхъ имъ фактовъ не лишенъ интереса анекдотъ, разсказываемый имъ о Турецкихъ офицерахъ главнаго штаба: онъ поясняетъ какимъ путемъ Турки выводили огромное число убитыхъ въ Русской арміи. Въ одномъ случаѣ главнокомандующему донесено было, что на полѣ битвы осталось 2000 убитыхъ Русскихъ. Офицеръ главнаго штаба, посланный для повѣрки, вернулся съ донесеніемъ, что онъ сосчиталъ убитыхъ и что показанное число вѣрно. Англичанинъ сэръ Кембалль, усумнившись, поѣхалъ самъ на мѣсто и нашелъ всего около 30 непріятельскихъ тѣлъ—вмѣсто двухъ тысячъ.

*

Г. Станлей, бывшій на театрѣ войнѣ корреспондентомъ Англійской газеты Manchester-Guardian и отчасти Русской газеты Голосъ,

издалъ отдѣльною книгою собраніе своихъ разсказовъ и описаній подъ названіемъ: Отъ Петербурга до Плевны (St. Petersburg to Plewna. By Francis Stanley. Lond. 1878. Bentley). Это не связный разсказъ о военной исторіи, а скорѣе рядъ очерковъ, картинъ и характеристикъ.

*

Къ числу неблагопріятныхъ для Россіи и даже ругательныхъ на нее сочиненій, явившихся по поводу нынѣшней войны, принадлежатъ:

Книга: Русскіе нашего времени, сочиненіе одного изъ извѣстныхъ Англійскихъ романистовъ (The Russians of To-day, by the Author of «Member for Paris». London. 1878. Smith).

Военноплѣнный въ Россіи, соч. полковника Купа (A Prisoner of War in Russia, by Col. Coope. London. 1878. Sampson Low). Авторъ негодуетъ за то, что его держали въ плѣну, хотя онъ занимался дѣломъ медицинской помощи въ Турецкой арміи. Но въ тоже время онъ былъ безъ всякаго паспорта и оказался—служащимъ въ составѣ корпуса Турецкихъ жандармовъ. За то, что его держали нѣсколько времени въ плѣну, онъ изливаетъ всю свою злобу на Русскихъ и на Русское управленіе.

Письма, писанныя въ одну изъ самыхъ враждебныхъ Россіи газетъ Daily Telegraph корреспондентомъ ея Геемъ, напечатаны въ одной книгѣ подъ заглавіемъ: Плевна, Султанъ и Порта. (Plewna, the Sultan and the Porte. By Drew Gay. London. 1878. Chatto). Авторъ этихъ корреспонденцій—великій болтунъ, хвастунъ и ненавистникъ Россіи; поэтому можно судить, на сколько достовѣрны его разсказы.

*

Русскій и Турокъ съ географической, этнологической и исторической точки зрѣнія, соч. Летема (Latham. Russian and Turk from a geographical, ethnological and historical Point of View. London. 1878. Allen et C°.). Авторъ давно извѣстенъ своими учеными трудами по части этнографіи и филологіи Славянскихъ племенъ. Прежнія большія его сочиненія: о туземныхъ племенахъ Русской Имперіи, и другое о національностяхъ въ Европѣ (см. Книжн. Вѣсти прежнихъ годовъ) пользуются авторитетомъ. Нынѣшнее сочиненіе, изданное въ виду современныхъ событій, составлено преимущественно съ помощью извлеченій изъ прежнихъ трудовъ, и содержитъ въ себѣ очеркъ исторіи Оттоманской Порты и Славянскихъ племенъ подъ Турецкою властью; за тѣмъ очеркъ Русской Исторіи и Славянскихъ племенъ, состоящихъ подъ Русскою властью.

*

Три года въ Румыніи, соч. Озанна (Ozanne. Three Years in Roumonia. London. 1878, Chapman). Это описаніе Румыніи въ общественномъ бытѣ содержитъ въ себѣ немало подробностей объ исторіи Молдавіи и Валахіи и объ отношеніяхъ этого края къ Россіи.

*

Сербія въ своихъ политическихъ отношеніяхъ, преимущественно къ Россіи, соч. Варди (Wardi. Serbien in seinen politischen Beziehungen, insbesondere zu Russland. Ein historischer Essay, Leipzig. 1877. 95 стр.). Это сочиненіе, вызванное современными событіями, не имѣетъ характера серіознаго и безпристрастнаго труда. Авторъ одержимъ страстью видѣть во всѣхъ движеніяхъ Сербскаго правительства и во всѣхъ

внѣшнихъ событіяхъ Сербской исторіи—хитрую интригу Русскаго правительства. Фантазія такъ далеко увлекаетъ его, что напр. Боснійское возстаніе 1875 года представляется ему дѣломъ Французскаго правительства, которое будто бы зажгло здѣсь первое пламя съ цѣлію разрушить союзъ трехъ императоровъ, а затѣмъ Русскіе Славянофилы приняли будто бы въ свои руки пламя, зажженное Франціей.

Подобнаго же свойства статья о томъ же предметѣ, помѣщенная въ послѣднемъ выпускѣ изданія Риля: Historisches Taschenbuch. Эта статья о Сербіи написана г. Розеномъ, бывшимъ Германскимъ консуломъ, кажется въ Бѣлградѣ. Главнымъ ея предметомъ служатъ политическія сношенія Сербіи съ Россіей въ эпоху 1804—1806 годовъ. Эти историческія событія авторъ разбираетъ въ духѣ пристрастія, разжигаемаго въ немъ впечатлѣніями 1878 года. Нѣтъ ни одного историческаго факта въ судьбахъ Сербіи, въ которомъ онъ не выставлялъ бы главною пружиною Русскую интригу, и всѣ лица на Сербскомъ театрѣ имѣютъ въ разсказѣ его видъ куколъ, движимыхъ Русскими происками. По явному своему пристрастію эта статья лишена серьознаго значенія.

*

Извѣстный Германскій философъ Гартманъ издалъ небольшую брошюру подъ заглавіемъ: Славянство съ нравственной точки зрѣнія (Slavismus im Lichte der Ethik, von E. Hartmann. Gotha 1878). Въ этомъ сочиненіи Германскій философъ является защитникомъ и хвалителемъ Славянства: отъ Славянъ, по мнѣнію его, слѣдуетъ ожидать нравственнаго возрожденія одряхлѣвшей Западной цивилизаціи; онъ признаетъ ихъ новымъ элементомъ культуры.

Исторія Россіи и біографическія сочиненія.

Въ прошломъ году появилась замѣчательная въ числѣ иностранныхъ сочиненій о Россіи книга г. Рамбо: Исторія Россіи отъ начала до 1877 г. (Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'à l'année 1877 par Alfred Rambaud. Paris. 1878). Авторъ, давно извѣстный прекрасными, основательными статьями о Россіи и въ особенности книгою своею о Руской народной эпической поэзіи,—хорошо знакомый съ Русскимъ языкомъ и литературой, и потому чуждый многихъ предразсудковъ, свойственныхъ Французскому невѣжеству, вполнѣ способенъ былъ ознакомить своихъ соотечественниковъ и Европу съ истинными чертами и духомъ Русской Исторіи. Эту задачу онъ выполнилъ блистательно, и можно сказать, что его сочиненіе не имѣетъ подобнаго себѣ въ ряду иностранныхъ книгъ о Русской Исторіи. Разсказъ его написанъ сжато, прекраснымъ языкомъ, на основаніи Русскихъ источниковъ и капитальныхъ Русскихъ сочиненій. Взглядъ его на Россію по предметамъ, вводящимъ обыкновенно въ соблазнъ иностранца, большею частью вѣрный и безпристрастный, хотя конечно въ нѣкоторыхъ его сужденіяхъ отражается и не можетъ не отражаться ложное понятіе напр. о такъ назыв. Польскомъ вопросѣ, или о значеніи для Россіи господствующихъ въ Европѣ началъ цивилизаціи. Немудрено это для иностранца, когда есть немало и Русскихъ, къ сожалѣнію сбивающихся во взглядѣ на эти предметы. Обстоятельный разборъ книги Рамбо сдѣланъ профессоромъ Бестужевымъ-Рюминымъ въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. Августъ 1878 г.

*

Г. Лоссіусъ предпринялъ изданіе подъ заглавіемъ: Три картины изъ быта Лифляндскаго дворянства въ XVI столѣтіи (Drei Bilder aus dem livländischen Adelsleben des XVI Jahrh. Leipzig. 1878). Это біографическіе очерки представителей трехъ дворянскихъ домовъ Лифляндіи, по подлиннымъ документамъ семейныхъ архивовъ, вставленные въ картину современнаго общественнаго и политическаго быта. Второй выпускъ изданія относится въ особенности къ дому Икскулей и содержитъ въ себѣ характеристику историческихъ дѣятелей того времени, перваго Курляндскаго герцога Кетлера и перваго Прусскаго герцога, Альбрехта Бранденбургскаго. Одинъ изъ Икскулей, о коемъ повѣствуется въ книгѣ, извѣстенъ какъ защитникъ Нейгаузена противъ Московскаго войска въ 1558 году.

Въ Стокгольмѣ предпринято г. Ридбергомъ изданіе трактатовъ Швеціи съ иностранными государствами (Ridberg. Sverges Traktater и пр. Stockholm). Вышедшій I-й томъ относится къ періоду съ 822 по 1335 годъ и содержитъ въ себѣ цѣлое изслѣдованіе о Шведскомъ договорѣ съ Россіей 1323 года касательно взаимныхъ границъ.

Профессоромъ Бунге издано въ Лейпцигѣ изслѣдованіе объ исторіи, управленіи и уставахъ города Риги въ 13 и 14 столѣтіяхъ (Bunge. Die Stadt Riga im 13 и 14 Jahrhunderten. Leipzig. 1878).

*

Распаденіе Польши соч. фонъ-деръ Брюггена. (Von d. Brüggen. Polens Auflösung. Culturgeschichtliche Skizzen aus den letzten Jahrhunderten der polnischen Selbstständigkeit. Leipzig. 1878, 417 стр.). Любопытная и хорошо написанная книга. Авторъ, воспользовавшись послѣдними изслѣдованіями и актами о Польшѣ и о Польской исторіи, а равно многочисленными записками современниковъ, представляетъ картину общественнаго устройства въ Польшѣ, усматривая въ немъ главныя причины внутренняго, а въ слѣдствіе того и внѣшняго ея распаденія. Кромѣ введенія, въ 15 главахъ книги описываетъ онъ природу и населеніе Польскаго королевства, состояніе крестьянства и городовъ, финансовое и военное устройство, духовенство, шляхту, и представляетъ живыя характеристики главныхъ политическихъ дѣятелей Польши въ послѣдній періодъ самостоятельнаго ея существованія. Въ концѣ книги помѣщенъ очеркъ состоянія Польши подъ Русскимъ управленіемъ.

*

Вышелъ третій томъ Исторіи Россіи съ 1814 по 1831 г. Бернгарди (Bernhardi. Geschichte Russlands u. der europaïschen Politik in den J. 1814 bis 1831. Leipzig. 1877. 731 стр.) Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ исторію Европейской внутренней и внѣшней политики отъ Парижскаго мира до Ахенскаго конгресса; около 2/3 всего изложенія посвящено исключительно Россіи и внутреннему ея состоянію во вторую половину царствованія императора Александра I. Съ особенною подробностью авторъ останавливается на финансовомъ управленіи гр. Гурьева, на исторіи военныхъ поселеній, на Русско-прусской конвенціи о пограничной чертѣ, 1818 года, на исторіи Русскихъ завоеваній на Кавказѣ и въ Персіи, и вообще на политикѣ Александра I-го по Восточнымъ дѣламъ.

*

Оксфордскій профессоръ Томсенъ издалъ прочитанную имъ публичную лекцію по вопросу о происхожденіи Руси. Онъ придерживается Скандинавской теоріи, и сочиненіе его основано преимущественно на филологическихъ розысканіяхъ. Оно вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ: Отношенія древней Россіи къ Скандинавіи и начало Русскаго государства (The Relations between ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State. London. 1878. Parker).

Умершій недавно представитель Сѣверо-Американскихъ Штатовъ въ Германіи, извѣстный историкъ Мотлей, былъ назначенъ въ 1840 году секретаремъ Американскаго посольства въ Петербургѣ. Изъ недавно изданной въ Лондонѣ біографіи Мотлея (John Lothrop Motley. A Memoir. By Holmes. Lond. 1878. Trübner) узнаёмъ, что Русскій климатъ оказался вреденъ для него и онъ пробылъ въ Россіи лишь нѣсколько мѣсяцевъ, но памятникомъ этой поѣздки въ литературѣ осталась статья его о Петрѣ Великомъ (Peter the Great), помѣщенная въ Американскомъ журналѣ North American Review. Эта статья была вторымъ литературнымъ опытомъ Мотлея и въ первый разъ обратила на автора вниманіе въ литературномъ мірѣ.

*

Жизнь и дѣятельность умершаго недавно академика Бера не нашли, къ сожалѣнію, достойной себѣ оцѣнки въ Русской литературѣ, хотя онъ жилъ, писалъ и дѣйствовалъ исключительно въ Россіи. Сочиненія Бера, появлявшіяся въ печати, встрѣчаемы были въ литературѣ Германской и Англійской какъ событія ученаго міра, и слово его имѣло авторитетное значеніе повсюду; а у насъ мало кто изъ читателей журналовъ и зналъ о существованіи человѣка, считающагося свѣтиломъ науки. И теперь, объ изданныхъ по смерти Бера книгопродавцемъ Ретгеромъ въ П-бургѣ двухъ томахъ его сочиненій ни одинъ изъ Русскихъ журналовъ, кажется, и не обмолвился, хотя эти два тома содержатъ въ себѣ сокровища зрѣлой мысли и изящнаго слога и относятся къ предметамъ высшей степени интереснымъ для всякаго образованнаго читателя. Кто у насъ знаетъ, напримѣръ, что оцѣнка Дарвинизма, сдѣланная Беромъ, считается въ Германіи образцовымъ въ своемъ родѣ произведеніемъ?

Въ Германіи же появилось недавно прекрасно написанное и обстоятельно изложенное біографическое обозрѣніе жизни и дѣятельности Бера, соч. Штиды (Karl Ernst von Baer. Eine biografische Skizze von Ludwig Stieda. Braunschweig. 1878. 301 стр.), основанное на автобіографической запискѣ, оставшейся послѣ покойнаго. Авторъ оканчиваетъ свое изложеніе слѣдующими словами, съ которыми конечно согласятся всѣ знавшіе почтеннаго старца: «Отошелъ одинъ изъ тѣхъ людей, какіе рѣдко появляются и въ теченіи столѣтій. Человѣкъ геніальный въ наукѣ и въ области изслѣдованія, одаренный проницательнымъ критическимъ умомъ, необыкновеннымъ талантомъ наблюдательности, терпѣніемъ и энергіей въ трудѣ. Земля съ ея населеніемъ составляла великое поле его изслѣдованій, и на этомъ полѣ онъ, особенно передъ всѣми, способенъ былъ работать, благодаря глубокому философскому образованію и богатому запасу основательныхъ знаній во многихъ отрасляхъ естествовѣдѣнія».

Записки о Крымской кампаніи.

Пять мѣсяцевъ въ Севастопольскихъ траншеяхъ. Соч. полковника Пакка. (Sebastopol Trenches and five Months in them. By Col. Reynell Pack.

Lond. 1878. Kerby). Сочиненіе это писано опытнымъ офицеромъ генеральнаго штаба Англійской арміи. Появленіе его въ свѣтъ замедлилось отъ того, что въ немъ авторъ касается дѣятельности лицъ, находившихся еще въ живыхъ и не рѣшался при жизни компрометировать ихъ. Оно содержитъ въ себѣ любопытные разсказы о лагерныхъ нуждахъ и бѣдствіяхъ Англійской арміи и описаніе многихъ безпорядковъ и злоупотребленій военнаго устройства ея и снабженія.

*

Любопытныя воспоминанія о Севастопольской кампаніи содержатся въ изданной недавно біографіи генерала Уольслея, бывшаго помощникомъ главнаго инженера въ Англійской арміи. (A Memoir of Lieutenant-General Sir Garnet Wolseley. By Charles Low. London. 1878. 2 vls. Bentley).

*

Въ Англійской литературѣ появилось нѣсколько частныхъ мемуаровъ о Крымской войнѣ. Таковы записки лейтенанта Стивенса. (The Crimea and Campaign with the Connaught Rangers. Lond. 1878. Griffith). Авторъ постоянно несъ службу въ траншеяхъ и описываетъ подробности служебной жизни и состояніе своего полка въ теченіе кампаніи.

*

Интересныя свѣдѣнія о событіяхъ въ Іерусалимѣ и на Востокѣ, передъ началомъ Крымской войны, сообщаются очевидцемъ, бывшимъ Британскимъ консуломъ въ Іерусалимѣ Финномъ, хотя и въ недружелюбномъ тонѣ, въ книгѣ подъ названіемъ: Горячее время. Записки изъ Іерусалимскихъ консульскихъ лѣтописей съ 1853 по 1856 годъ. (Stirring Times, or Records from Jerusalem. Consular Chronicles of 1853 to 1856. By the late James Finn. 2 vls. London. 1878. Kegan Paul).

*

Въ Лондонѣ вышла автобіографія Георга Биддлькома. (Autobiography of Sir George Biddlecombe. London. 1878. Chapman). Книга сама по себѣ не замѣчательна, но для насъ представляетъ интересъ одна глава ея, писанная въ 1856 году и заключающая въ себѣ оцѣнку военной экспедиціи Англійскаго флота въ Балтійское море въ 1854 году и описаніе осады Бомарзунда. Самъ авторъ, считавшійся при жизни своей авторитетомъ, особливо по гидрографической части, участвовалъ въ этой экспедиціи, состоя въ близкомъ отношеніи къ адмиралу сэру Чарльзу Непиру. Ему были извѣстны всѣ планы, предположенія и мнѣнія Непира. По отзыву Биддлькома Англійское правительство предприняло эту экспедицію, не имѣя никакого понятія ни о морскихъ силахъ Россіи, ни о мѣстѣ нахожденія Русскаго флота, ни о натуральныхъ и техническихъ условіяхъ защиты.

По вопросу Средней Азіи.

Генералъ-маіоръ Оптонъ, бывшій военный агентъ Соед. Американскихъ Штатовъ въ Европѣ, издалъ сравнительное описаніе военныхъ силъ главныхъ государствъ Европы и Азіи (The Armies of Europe and Asia. by Major General Upton. Portsmouth. 1878. Griffin). Книга эта содержитъ въ себѣ много свѣдѣній интересныхъ для спеціалистовъ объ

устройствѣ и состояніи военныхъ силъ въ Японіи, Китаѣ, Индіи, Персіи, Италіи, Россіи, Германіи, Франціи и Англіи. Для Русскаго читателя интересно разсужденіе о возможности и объ условіяхъ похода Русскихъ войскъ въ Индію.

*

О томъ же предметѣ разсуждаетъ пространно авторъ книги: Пенджабъ и Сѣверо-Западная граница Индіи. (The Pundjuab and North-West Frontier of India. By an old Pundjaubee. London. 1878. Kegan Paul.), предлагая своему правительству рядъ необходимыхъ, по его мнѣнію, мѣръ для отвращенія опасности Русскаго вторженія.

*

Жизнь Якубъ-Бега, эмира Кашгарскаго, соч. Бульджера. (The Life of Jakoob Beg, Ameer of Kashar by Demetrius Boulger. London. 1878. Allen et C°). Жизнь бывшаго завоевателя Китайскаго Туркестана, Якубъ-Бега, извѣстнаго множествомъ приключеній и враждебными дѣйствіями противъ Русскихъ, соприкасается во многихъ пунктахъ съ разными сторонами Восточнаго вопроса и съ эпизодами Русскихъ завоеваній въ Средней Азіи. Якубъ-Бегъ родился въ 1820 году, въ Коканѣ, въ 1853 году сталъ извѣстенъ защитою Акъ-Мечети противъ Русскихъ войскъ, въ 1865 сталъ владыкою и правителемъ Кашгара. Главное вниманіе автора обращено на политическіе вопросы Средней Азіи, и потому книга его имѣетъ особый интересъ для Русскихъ читателей. Онъ много говоритъ о Китаѣ и гадаетъ о будущей возможности столкновенія Китайскаго владычества съ Русскимъ въ Средней Азіи.

Біографія Якубъ-Бега, изданная Бульджеромъ, заключаетъ въ себѣ разсказы и разсужденія, не лишенныя интереса, но не составляетъ самостоятельнаго изслѣдованія и скомпилирована безъ критической провѣрки изъ разныхъ сочиненій. Въ числѣ анекдотовъ, сообщаемыхъ авторомъ, есть между прочимъ разсказъ о дѣйствіяхъ гр. Перовскаго при взятіи мечети Акъ-мечети, которую защищалъ Якубъ-Бегъ. «Цѣлые двадцать шесть дней, говоритъ онъ, Якубъ-Бегъ защищался противъ превосходныхъ силъ, но, наконецъ, видя, что отсидѣться невозможно, изъявилъ согласіе сдаться на почетныхъ условіяхъ. Перовскій между тѣмъ приходилъ въ крайнее негодованіе отъ упорнаго сопротивленія и, оставивъ безъ всякаго вниманія письмо Якубъ-Бега, объявилъ изумленному посланцу, что на утро фортъ будетъ взятъ приступомъ». По этому поводу авторъ распространяется въ выраженіи своего негодованія на отсутствіе великодушія въ Перовскомъ и въ Русскихъ генералахъ вообще: по мнѣнію его, Русскіе генералы желаютъ во что бы то ни стало получить знакъ отличія за подвигъ. Дѣло объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что предлагалась сдача на условіяхъ, а Русскій полководецъ потребовалъ безусловной сдачи.

Исторія Афганистана съ древнѣйшихъ временъ до начала войны 1878 года, соч. Мальсона (The History of Afghanistan from the earliest Period to the Outbreak of the War in 1878. by Colonel Malleson. Lond. 1879. Allen et C°). Послѣдняя глава, подъ названіемъ: Русская и Англійская политика въ Азіи, заключаетъ въ себѣ горячее и пристрастное оправданіе политики нынѣшняго Англійскаго министерства и вице-короля лорда Эліота въ Индіи.

Описанія и путешествія.

Нѣкто Ротъ, Англичанинъ, прожившій два года управляющимъ въ селѣ Тимошевѣ Самарскаго уѣзда, издалъ въ Англіи небольшую, но толковую книжку о земледѣліи и о крестьянскомъ бытѣ въ восточной полосѣ Россіи. (A Sketch of the Agriculture and Peasantry of Eastern Russia. By Henry Ling Roth. Lond. 1878. Bailliere and C°). Ознакомившись съ земледѣліемъ въ этомъ краю, равно какъ и въ Казанской, Оренбургской, Симбирской и Саратовской губ., авторъ описываетъ природу страны, свойство почвы, условія земледѣльческаго хозяйства и рабочую силу, т. е. Русскаго крестьянина. Какъ рабочаго онъ цѣнитъ его высоко, но жалуется на хитрость его и на склонность къ пьянству, хотя признаетъ, что Русскій рабочій пьетъ по количеству меньше Англійскаго. Впрочемъ Ротъ съ точки зрѣнія хозяина замѣчаетъ значительную перемѣну къ лучшему въ крестьянахъ со времени ихъ освобожденія.

*

Къ числу иностранныхъ извѣстій о древней Россіи принадлежитъ описаніе путешествія Трансильванскаго жителя Стефана Какажа Залукмени въ 1602 году. Онъ принадлежалъ къ извѣстной дворянской фамиліи Клаузенбурга, пользовавшейся особымъ довѣріемъ императорскаго Австрійскаго дома, и посланъ былъ въ 1602 году императоромъ Рудольфомъ II чрезвычайнымъ посланникомъ ко двору Персидскаго шага Аббаса. Ѣхалъ онъ къ своему назначенію на Краковъ, Варшаву и Вильну, черезъ Россію, видѣлъ Смоленскъ и Москву, гдѣ былъ принятъ на аудіенціи Борисомъ Годуновымъ. Посольство зимовало въ Казани, и уже весною 1603 года продолжало путь черезъ Самару, Саратовъ, Царицынъ и Астрахань въ Лянкоранъ, гдѣ посланникъ заболѣлъ и умеръ, такъ что посольство докончено было уже секретаремъ его Саксонцемъ Тектондеромъ, доѣхавшимъ до Тавриза. Посольство выѣхало въ обратный путь въ Мартѣ 1604 года опять тою же дорогою черезъ Россію и въ Казани повстрѣчалось съ Персидскимъ посольствомъ, возвращавшимся изъ Москвы въ Персію. Тектондеръ оставилъ описаніе всего видѣннаго имъ, и между прочимъ описаніе тогдашней Россіи, любопытное во многихъ отношеніяхъ. О характерѣ Русскаго народа онъ отзывается весьма несочувственно, судя по чиновному люду, съ которымъ имѣлъ дѣло. Оригиналъ писанъ по-нѣмецки: недавно изданъ Французскій переводъ его въ извѣстномъ изданіи Bibliothêque orientale Elzevirienne, подъ заглавіемъ: Iter Persicum, ou description du voyage en Perse entrepris en 1602 par Etienne Kakasch de Zaloukemeny trad. par Schefer. Paris. Leroux.

Нѣкто Сельвинъ Эйръ (подъ этимъ именемъ скрывается, повидимому женщина, Англичанка), проведя нѣсколько мѣсяцевъ 1876—1877 года въ Россіи, преимущественно въ Москвѣ, во время Славянскаго движенія и отправленія добровольцевъ въ Сербію, описываетъ свои впечатлѣнія, въ книгѣ надъ заглавіемъ: Очерки Русской жизни и нравовъ. (Sketches of Russian Life and Customs, Mode during 1876—1877. By Selvyn Eyre. Lond. 1878. Remington). Впечатлѣнія эти большею частью радужнаго цвѣта: авторъ говоритъ объ Москвѣ съ искреннимъ восторгомъ и описываетъ съ одушевленіемъ народныя сцены проводовъ добровольцевъ и сестеръ милосердія.

Вышло въ свѣтъ новое сочиненіе извѣстнаго Польскаго ученаго Мацѣевскаго: Еврей въ Польшѣ, на Руси и въ Литвѣ—историческое изслѣдованіе. (Zyczi w Polsze, na Rusi i w Litwie). Она составляетъ часть обширнаго труда, задуманнаго и приводимаго въ исполненіе авторомъ, пріобрѣтшимъ всеобщую извѣстность по изслѣдованію новѣйшихъ Славянскихъ законодательствъ. Издана уже первая часть этого труда — историко-критическій обзоръ нынѣшняго Русскаго гражданскаго права. Новая книга о Евреяхъ составляетъ одинъ изъ отдѣловъ третьей части, имѣющей предметомъ народъ и управленіе; другой отдѣлъ о крестьянахъ появился уже въ свѣтъ ранѣе.

Статьи въ журналахъ.

Въ Revue de deux Mondes продолженіе статей Леруа Больё о Россіи. Въ книжкахъ 15 Іюля и 15 Августа рѣчь идетъ о Русскомъ земскомъ и городскомъ мѣстномъ управленіи. 15 Октября и 15 Декабря. Описаніе новыхъ судебныхъ учрежденій и объясненіе ихъ значенія. Въ первомъ отдѣлѣ рѣчь идетъ о крестьянскихъ судахъ; во второмъ— о мировыхъ судахъ и новыхъ судахъ общаго порядка.

1 Окт. Статья Рамбо о графѣ Ростопчинѣ, составленная по Русскимъ источникамъ и на основаніи изслѣдованій покойнаго А. Н. Попова объ эпохѣ 1812 года.

Въ изданіи Риля Historisches Taschenbuch, статья о Молоканахъ, извлеченная изъ Русскихъ сочиненій, въ особенности изъ соч. Костомарова.

Въ Revue Historique, за Іюль, г. Рамбо помѣстилъ переводъ любопытнаго документа, заявленнаго въ 1877 году, на Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ: это разсказъ свидѣтельницы-казачки о Пугачевскомъ бунтѣ и о Пугачевѣ.

Въ Deutsche Rundschau (Апрѣль 1878) статья проф. Бреслау о завѣщаніи Петра Великаго. Обозрѣвая довольно обширную литературу по этому предмету и подвергая критикѣ разныя мнѣнія, авторъ заключаетъ, что основный текстъ этого мнимаго завѣщанія—Польскаго происхожденія, составленъ около 1790 года и, попавъ въ руки Французскаго правительства, дополненъ и исправленъ въ послѣдствіи Наполеономъ 1-мъ.

Въ Deutsshe Rundschau интересная статья фонъ д. Бриггена о нигилизмѣ въ Россіи: авторъ приписываетъ ему не столько соціальное, сколько политическое значеніе.

Тамъ же, 1878 г. номеръ 8-ой, біографическая статья Гюбнера о князѣ Черкаскомъ.

Sybel. Historische Zeitschrift 3 Bd. 2 Heft, Liske: Zur Charakteristik Katharina's II.

Въ Итальянскомъ журналѣ Nuova Antologia за Мартъ 1870, статья де Губернатиса о Русской женщинѣ. Авторъ имѣетъ въ виду измѣнить то понятіе о Русской женщинѣ, которое читатели его могли составить себѣ по характерамъ, выводимымъ во Французскихъ романахъ и на сценѣ, и приводитъ изъ новѣйшей исторіи и современнаго быта черты геройскаго духа, семейныхъ добродѣтелей и нравственныхъ качествъ Русской женщины.

Въ Вѣнѣ выходитъ съ недавняго время періодическое изданіе подъ назв. Австрійскій журналъ по части Востока (Oesterreichische Zeitschrift fur den Orient, redig. v. A. Scala). Въ немъ помѣщается немало статей

относящихся до Россіи, напр. Русская торговля на восточномъ берегу Каспійскаго моря, соч. Вамбери; Армяне, статья Лерхенфельда.

Въ Женевѣ предпринято повременное изданіе, посвященное собранію памятниковъ Восточно-азіатской литературы, имѣющихъ важность для этнологіи, исторіи и географіи тѣхъ странъ, преимущественно Китая и Японіи. Въ числѣ издателей стоитъ Русское имя Льва Мечникова. (L'extrême Orient, Recueil de linguistique, d'ethnographie et d'histoire. Dirigé par Franc. Turrettini et Leon Metchnikoff).

Въ Нью-Йоркѣ начало выходить съ 1878 года новое повременное изданіе, съ довольно страннымъ названіемъ Oriental Church Magazine, т. е. журналъ подъ фирмою восточной церкви. Издатель этого обозрѣнія, посвященнаго не однимъ церковнымъ вопросамъ, но вообще религіи, наукѣ, литературѣ и искусству—о. Николай Бьерингъ, священникъ Русской церкви въ Нью-Йоркѣ; однако главная цѣль изданія—знакомить Американскую публику съ учрежденіями, духомъ и ученіемъ Восточной церкви. Вышла первая книжка, въ которой есть статьи: о Русскомъ богослуженіи, о Русскихъ нравахъ (по Англійскимъ источникамъ), о Западной Сибири, статья г. Линдемана изъ Бремена о Русскихъ школахъ, писанная Русскимъ; наконецъ, о романѣ Льва Толстаго: Казаки, изданномъ недавно въ Англійскомъ переводѣ.

Смѣсь.

Въ Парижѣ издано изслѣдованіе о Греческой церковной музыкѣ, соч. Бурго-Дюкудре. (Etudes sur la musique ecclesiastique grecque par Bourgault-Ducoudray. Paris. 1877. 127 стр.). Изслѣдованіе это основано на данныхъ, собранныхъ особенною коммиссіей въ Греціи и на Востокѣ, и имѣетъ цѣлію объяснить существенныя черты различія между западнымъ и восточнымъ музыкальнымъ складомъ. Въ концѣ приложенъ ключь для чтенія крюковыхъ нотъ, употребляемыхъ на Востокѣ.

Aspelin, Antiquetés du Nord Fenno-Ougrien. II. L'âge du fer. Antiquités Permiennes. Helsingfors. 1877. Вторая тетрадь изданія, заключающая въ себѣ ученое описаніе вещей добытыхъ при раскопкахъ въ дер. Ананьиной на лѣвомъ берегу Камы, близь гор. Елабуги.

Въ Англіи появились переводы Нови Тургенева (переведенной впрочемъ на многіе Европейскіе языки)—трудъ извѣстнаго Аттона Дилька, и Казаковъ, гр. Льва Толстаго, переводъ Скайлера.

Въ новой книжкѣ стихотвореній знаменитаго Американскаго поэта Лонгфело (Keramos and other poems by Longfellow. Lond. 1878 Routleuge) есть небольшое стихотвореніе: Бѣлый Царь (The White Czar), дышащее горячимъ сочувствіемъ къ Русскому дѣлу на Востокѣ.

Еще о филологическихъ занятіяхъ Екатерины Великой.

Въ своихъ лекціяхъ по наукѣ о языкѣ Максъ Мюллеръ различаетъ въ исторіи этой науки, которую онъ относитъ къ области естествознанія, три періода: 1) эмпирическій, 2) періодъ классификаціи и 3) періодъ теоретическій. Сравнительные словари Екатерины вмѣстѣ съ однородными трудами Герваса и Аделунга принадлежатъ ко второму періоду. Во главѣ его стоитъ Лейбницъ. Онъ первый опровергъ вѣковое заблужденіе, что Еврейскій языкъ—первобытный, и что отъ него произошли всѣ остальные. Лейбницъ поставилъ языкознаніе на почву индуктивныхъ наукъ и распространилъ область наблюденія фактовъ на всѣ языки земнаго шара. Россія представляла въ этомъ отношеніи обширное поле для воздѣлыванія, на что Лейбницъ и обращалъ вниманіе Петра [1]. Послѣдній ничего не сдѣлалъ для созданія общаго словаря, но полвѣка спустя мысль объ этомъ нашла себѣ блестящее исполненіе въ филологическихъ трудахъ Екатерины. Теперь однако эти труды имѣютъ для филолога только историческій интересъ, и даже въ свое время они были не вполнѣ удовлетворительны въ научномъ отношеніи. Современные Екатеринѣ ученые Краусъ и Вольней выражали недовѣріе къ достовѣрности собраннаго ею матеріала [2]. Они были правы, указывая на неудовлетворительность способа собиранія и писанія словъ. Но несмотря на это, съ исторической точки зрѣнія, можно сказать, что Екатерина стояла на высотѣ современныхъ ей понятій науки о языкѣ, и потому Максъ Мюллеръ заключаетъ разсказъ о филологическихъ занятіяхъ Русской Императрицы слѣдующими словами. Нельзя отрицать заслугъ Екатерины, но справедливость требуетъ вспомнить о философѣ, который почти за сто лѣтъ раньше посѣялъ зерна, упавшія на добрую землю. Какъ собранія словъ, труды Герваса, императрицы Екатерины и Аделунга имѣютъ большое значеніе, хотя классификація языковъ сдѣлала въ теченіе 50 лѣтъ такіе успѣхи, что немногіе въ наши дни справляются съ этими сочиненіями. Начало, на которомъ построена ихъ классификація, едвали заслуживаетъ названія научной, потому что Гервасъ, Екатерина и Аделунгъ принимали географическое дѣленіе языковъ на Европейскіе, Азіятскіе, Африканскіе, Американскіе и Полинезійскіе, хотя и признавали сродство между языками, которые существуютъ въ странахъ, лежащихъ на разстояніи 208 градусовъ одна отъ другой. Различныя парѣчія были подобны пловучимъ островамъ на океанѣ

---

[1]) Любопытныя свѣдѣнія о попыткахъ Лейбница въ этомъ отношеніи сообщены въ книгѣ В. И Герье: Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру Великому, по неизданнымъ источникамъ. С.-Пб. 1871.

[2]) Филологическія занятія Екатерины Второй. Статья академика Я. К. Грота въ Русск. Архивѣ 1877 г. кн. I.

человѣческой рѣчи; они еще не соединились между собою, чтобы образовать большіе материки; не будь счастливаго случая, который подобно электрической искрѣ заставилъ бы всѣ эти бродящіе элементы окристаллизироваться въ правильныя формы, было бы болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы эти длинные списки языковъ и нарѣчій, исчисленныхъ и описанныхъ въ вышеупомянутыхъ трудахъ, могли долгое время возбуждать интересъ филологовъ. Этою электрическою искрою было открытіе Санскритскаго языка [3]).

Что касается до пріема выражать всѣ иностранные звуки Русскими буквами, то это было общимъ обычаемъ того времени. Примѣромъ могутъ служить: Грамматика Вотскаго языка (СПб. 1775 г.), гдѣ все писано Русскими буквами. Зуевъ въ своихъ Путешественныхъ Запискахъ (СПб. 1787 г.) напечаталъ такимъ же образомъ небольшой словарь и фразеологію языка Цыганъ, встрѣченныхъ имъ въ Бѣлгородѣ. Въ книжкѣ, изданной въ 1786 году подъ заглавіемъ «Россійскаго унтеръ-офицера Ефремова, нынѣ коллежскаго ассесора десятилѣтнее странствованіе» и пр., помѣщено 625 «Бухарскихъ словъ», писанныхъ Русскими буквами.

Нижеслѣдующее письмо графа А. А. Безбородко къ П. С. Потемкину, который въ 1784 году былъ Кавказскимъ генералъ-губернаторомъ, характеризуетъ пріемы Екатерины и показываетъ, какъ разнообразны были источники, которыми она пользовалась.

«Милостивый государь мой Павелъ Сергѣевичъ!»

«Ея Императорскому Величеству угодно, чтобъ ваше превосходительство приказали слова, въ приложенной при семъ бумагѣ означенныя, перевести всѣми тѣми языками и ихъ діалектами, кои употребляются между разными народами, губернію Кавказскую населяющими, и написать ихъ, буде тѣ народы имѣютъ свои письмяна, оными, приложа притомъ тутъ же и порусски, какъ что выговаривается; а у коихъ письмянъ нѣтъ, написавъ оныя ихъ языкомъ Русскими буквами, и все сіе поспѣшили сюда доставить. Пребываю впрочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ вашего превосходительства всепокорнымъ слугою».

«Графъ А. Безбородко».

„С.-П-бургъ"
„Октября 25-го дня 1784 года".

«P. S. Сверхъ разныхъ языковъ, въ губерніи Кавказской употребляемыхъ, угодно Ея Императорскому Величеству, чтобъ ваше превосходительство приказали приложить такіе же переводы Персидскихъ, Калмыцкихъ и Индійскихъ языковъ и діалектовъ ихъ, какіе въ Астрахани или въ другомъ вамъ подчиненномъ мѣстѣ кто-либо знаетъ, написавъ, сверхъ свойственныхъ каждому языку характеровъ, Русскими буквами всякое слово, какъ оно выговаривается».

(Сообщилъ А. Круглый).

---

3) La science du langage traduit par M. Georges Harris et M. Georges Perrot. Paris 1864, p. 150—151.

Записка Суворова подполковнику Клинтону.

(1800).

Эта записка сохранилась въ семейномъ архивѣ княгини М. А. Мещерской, въ бумагахъ дѣда ея, графа Никиты Петровича Панина, который во время Итальянскаго Суворовскаго похода былъ посланникомъ въ Берлинѣ и находился въ перепискѣ съ великимъ полководцемъ. П. Б.

Note remise à monsieur le lieutenant-colonel Clinton par le feldmaréchal Suworof.

Phisique militaire.

L'archiduc Charles n'étant pas à la cour, mais en campagne, est de même général que Souvoroff excepté que le dernier l'est plus ancien par sa pratique, et c'est lui qui a fait tomber la théorie de ce siècle principalement en dernier lieu par les conquêtes de Pologne et d'Italie; donc les regles de l'art appartiennent à lui. Toute persuasion dans les entrevues, où entre ordinairement de l'interêt particulier, serait onéreuse. Tout laconique du mistère est:

1° Refaire son armée en quartiers commodes.

2° Y être auplutôt pour les finir et être prêt aux opérations futures.

3° Celles-là doivent s'entamer en hyver, en premier chemin praticable.

4° L'archiduc a une armée beaucoup plus forte; excepté quelques détachements, il doit agir avec toutes ses forces.

5° Les Russes etc. se joindront à lui.

6° L'opération doit être en ligne recta et non en parallèle.

7° Point de jalousies, contremarches, démonstrations, qui ne sont que des jeux d'enfants.

8° Du haut des points on renversera l'ennemie dans son central, on le poussera lestement sans lui donner le moindre temps à se reconnaître pour l'écraser et ensuite on chassera le reste de toute la Suisse pour la délivrer entièrement à quoi il ne faudra que des vessies.

Les débris pourront être terrassés après sans embarras en peu de temps.

9° C'est l'affaire d'un mois. Il ne faudra que se garder du gouffre infernal des méthodiques.

Переводъ. Записка, переданная г-ну подполковнику Клинтону фельдмаршаломъ Суворовымъ.

Военная физика.

Эрцгерцогъ Карлъ, когда онъ не при дворѣ, а на походѣ, такой-же генералъ какъ и Суворовъ, съ тою разницею, что сей послѣднiй старше его своею практикою, и онъ опровергъ теорiю нынѣшняго вѣка, преимущественно въ недавнее время, побѣдами въ Польшѣ и въ Италiи. И такъ правила (военнаго) искусства принадлежатъ ему. Всякiе переговоры при свиданiяхъ, гдѣ обыкновенно примѣшиваются личныя выгоды, были бы обременительны. Вкратцѣ вся тайна состоитъ въ слѣдующемъ:

1. Вновь размѣстить свою армiю по удобнымъ квартирамъ.

2. Быть тамъ поскорѣе, чтобы окончить размѣщенiе и находиться по близости отъ предстоящихъ дѣйствiй.

3. Сiи послѣднiя должны начаться зимою, какъ только дороги станутъ проходимы.

4. У эрцгерцога армiя много сильнѣе; онъ долженъ дѣйствовать всѣми силами, за исключенiемъ нѣсколькихъ отрядовъ.

5. Русскiе и т. д. присоединятся къ нему.

6. Движенiе должно совершаться по прямой линiи, а не въ паралели.

7. Да не будетъ зависти, ходовъ взадъ и впередъ, оказательствъ, что все принадлежитъ къ дѣтскимъ играмъ.

8. Съ высоты расположенiя опрокинутъ непрiятеля въ его средоточiи, искусно станутъ гнать его, такъ чтобы ему не было времени опознаться, раздавятъ его, и потомъ выгонятъ остатки изо всей Швейцарiи и окончательно освободятъ ее, для чего потребуются лишь мочевые пузыри.

Разбитыя части могутъ быть уничтожены послѣ, безъ затрудненiя и въ короткое время.

9. На это потребуется мѣсяцъ. Нужно только беречься адской пропасти методистовъ.

Въ Конторѣ Русскаго Архива продаются оставшіеся экземпляры двухъ послѣднихъ годовыхъ изданій **РУССКАГО АРХИВА.**

Главнѣйшія статьи здѣсь означаются.

1877 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1877.

Записки **Г. С. Винскаго.**

Біографія канцлера князя Безбородки.

Бумаги контръ-адмирала **Истомина.**

Взятіе Карса въ 1828 году. Изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева-Карскаго.**

Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго.**

Старая Записная книжка.

Записки оберъ-камергера **графа Рибопьера.**

КНИГА ВТОРАЯ 1877.

Записки **графа Гордта** о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ.

Записки **графа А. И. Рибопьера** (царствованія Александра и Николая Павловичей).

Авдотья Петровна Елагина, біографическій очеркъ.

Разсказы объ адмиралѣ Лазаревѣ.

Н. И. Второвъ, біографическая статья **М. Ѳ. Де-Пуле.**

Самаринъ - ополченецъ, воспоминанія **В. Д. Давыдова.**

Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи. **Толычовой**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1877.

Записки Французскаго короля **Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи.

Записки декабриста **П. И. Фаленберга.**

Дневникъ **графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго.**

Анекдоты прошлаго столѣтія.

Депеши князя Алексѣя Борисовича Куракина изъ Парижа въ 1810 году.

Разсказы **графа М. А. Дмитріева-Мамонова**

Записки о Турецкой войнѣ 1828 и 1829 годовъ **В. М. Еропкина** и **И. Г. Поливанова.**

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878.

Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго** о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 года.

Политическія записки и письма графа **Ѳ. В. Ростопчина**.

Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.

Записки **Н. В. Баталина**, доктора **К. К. Зейдлица**, **В. А. Еропкина**.

Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.

Письма императрицъ **Елисаветы Петровны**, **Екатерины Второй**, императора **Александра Павловича**, **кн. Суворова** и пр.

КНИГА ВТОРАЯ 1878.

Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы графа **В. А. Перовскаго**, по его письмамъ.

Бумаги **С. П. Шевырева**.

Воспоминанія генералъ - адъютанта **С. П. Шипова**.

Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.

Воспоминанія о князѣ В. А. Черкасскомъ.

Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.

Записка **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.

Похожденія монаха **Палладія Лаврова**.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878.

Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796

Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **П. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).

Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.

Графъ Моцениго. Разсказъ графа **С. Р. Воронцова**.

Бумаги графа **Н. И. Панина**.

Записки **Саввы Текели**.

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.
Цѣна каждой книгѣ особо 3 **рубля**.
Полное годовое изданіе стоитъ 8 **рублей**.
Пересылка на счетъ конторы Русскаго Архива

Яицкое войско

до появленія Пугачева.

(Посвящается памяти А. С. Пушкина).

> Полное понятіе о внутреннемъ управленіи Яицкихъ казаковъ, объ образѣ ихъ жизни и проч., необходимо для совершеннаго объясненія Пугачевскаго бунта.
>
> **Пушкинъ.**

Въ этихъ словахъ великаго писателя намѣчена задача для Русскаго историка. Пугачевщина можетъ быть вполнѣ понята только при свѣтѣ предшествовавшихъ ей событій и, въ особенности, при внимательномъ и всестороннемъ изученіи тѣхъ началъ Русской земли, которыхъ она была проявленіемъ.

Извѣстно, что полчища Пугачева состояли изъ инородцевъ восточной Россіи, крѣпостныхъ, горнозаводскихъ, фабричныхъ и частію государственныхъ крестьянъ, которыми руководили Яицкіе казаки. Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ началѣ царствованія Екатерины II до такой степени было невыносимо, что тяжелый гнетъ помѣщичьей власти непремѣнно долженъ былъ время отъ времени вызывать себѣ отпоръ въ крѣпостномъ населеніи. Безчеловѣчное обращеніе помѣщиковъ съ дворовыми и крестьянами нерѣдко доводило сихъ послѣднихъ до самоубійства; кто былъ посильнѣе духомъ, тѣ, изъ чувства мести, жгли барское имущество, грабили и убивали своихъ помѣщиковъ, а сами спасались бѣгствомъ въ Русскія украйны. Бывало и такъ, что въ убійствѣ господъ принимали участіе малолѣтніе крестьянскіе мальчики и дѣвочки; особенно много было убито помѣщиковъ въ 1767 г. [1]). Нелучше было положеніе фабричныхъ и заводскихъ крестьянъ, которыхъ также приходилось усмирять вооруженною силою; но иногда и самый страхъ оружія оказывался безсильнымъ предъ отчаяннымъ озлобленіемъ крестьянъ: «до того дойдемъ—говорили они—что сами себя треть перерѣжемъ или сгоримъ, какъ раскольники Исетскаго дистрикта» [2]). По временамъ волненія крестьянъ находили нравственную поддержку въ духовенствѣ, которое, сочувствуя тяжелому положенію своей паствы, иногда освящало заявленія крестьянъ крестными ходами съ молитвою «о дарованіи побѣды надъ врагомъ ихъ» [3]). Съ 1762 г.

---

1) Р. Архивъ 1878, кн. 12 и Русская Старина 1877 г., кн. 2, стр. 198 и 201.

2) Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ въ 1762—1764 г. В. И. Семевскаго. Вѣстн. Европы 1877 г., кн. 1-я.

3) Волненіе крестьянъ Ромодановской волости въ Калужской губерніи. См. Чт. Общ. Истор. и Древн. Росс. 1863 г., кн. 2, смѣсь, стр. 18—40.

волненія крѣпостныхъ и горнозаводскихъ крестьянъ усиливаются и почти безпрерывно продолжаются до 1769 года. Предъ началомъ Пугачевщины, крестьяне, повидимому, успокоились; но это было передъ бурей затишье. Крестьяне, наученные горькими неудачами, убѣдились, что, дѣйствуя разрозненно и безъ оружія, они не осилятъ регулярныхъ командъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло во время волненій; но они всегда были готовы воспользоваться обстоятельствами и идти за человѣкомъ, который бы отважился поднять оружіе во имя ихъ свободы и въ защиту отъ господскаго тиранства: разразилась Пугачевщина, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ началось почти поголовное избіеніе дворянъ и заводовладѣльцевъ. Пугачевъ, равно какъ и прочіе Лжепетры (Кремневъ, Богомоловъ, Ханинъ и другіе), былъ любезенъ народу именно потому, что не скупился обѣщать все, что могло тѣшить народъ: безначальную волю, безпошлинную дешевую соль, свободныя пастбища, общинное независимое владѣніе лѣсами, озерами, рыбными ловлями, уничтоженіе, даже «истребленіе проклятаго рода дворянъ» [4]). Понятно, что для такаго народа, который золотушные шрамы на груди арестантовъ Богомолова и Пугачева принялъ за какіе-то «государевы знаки», для такаго народа казалось возможнымъ все, что льстило его надеждамъ. Въ толпы взволновавшихся крестьянъ проникли и Польскіе конфедераты, которыхъ сотнями ссылали въ Оренбургскій край, гдѣ первоначально вспыхнулъ мятежъ; сюда же примкнули, подъ предводительствомъ Салавата, Башкиры и другіе инородцы, недовольные Русскими порядками и готовые воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для легкой наживы, посредствомъ грабежа и разбоевъ. Всей этой массой мятежниковъ, состоявшей изъ крестьянъ, лакеевъ, ссылочныхъ, Киргизъ, Татаръ, Калмыковъ, Башкиръ и прочей «сволочи», всей этой разноплеменной и разнохарактерной вольницей, особенно въ началѣ бунта, руководили Яицкіе казаки, которые первые признали Пугачева за Петра III-го и послѣдніе его оставили, выдавъ въ руки правительства. Яицкіе казаки, вопреки мнѣнію Пушкина [5]), не создавали Пугачева, но что они имѣли великое значеніе въ Пугачевщинѣ, это несомнѣнно. Въ самомъ строѣ дикаго государства, которое создалъ около себя самозванецъ, все было казацкое: приближенные его, мнимые царедворцы, были Яицкіе «атаманы молодцы» или казачьи «старшины»; государственныя дѣла Пугачева, какъ Петра III-го, рѣшались въ казачьемъ кругу. Судъ и расправа въ Пугачевскомъ станѣ велись показацки, по старинному: виноватаго—на рели (т. е. на висѣлицу), измѣнника—въ куль да въ воду. Государственный совѣтъ его также рѣшалъ дѣла въ казацкомъ кругу: коли любо что атаманамъ-молодцамъ, старшинамъ и всему войску Яицкому—такъ быть по сему, и самозванецъ-атаманъ ничего не могъ сдѣлать противъ воли круга; не по сердцу казакамъ распоряженіе атамана, такъ поднимется крикъ: «Не любо! къ черту!» и приказъ Пугачева не принимался народною волею, и всѣ его распоряженія, сдѣланныя безъ совѣта казаковъ, опровергались [6]). Кто знакомъ съ исторіей Пугачевскаго бунта, тому, безъ сомнѣнія, извѣстно, какое важное значеніе принадлежало въ этомъ бунтѣ

---

4) От. Зап. 1868 г., № 10, стр. 448.

5) Смотр. опроверженіе этого мнѣнія въ критикѣ І. Желѣзнова на „Исторію Пугачевскаго бунта". Уральцы, ч. 2, стр. 313—350.

6) От. Зап. 1868 г., № 10, стр. 450.

любимцамъ самозванца, Яицкимъ казакамъ: Хлопушѣ, Чикѣ, Овчинникову, Шигаеву, Бѣлобородову, Творогову, Толкачевымъ, Ульянову, Витошнову, Еронеееву, Горшкову, Каргину и другимъ. Яицкіе казаки даже породнили съ собой Пугачева, женивъ его на дочери казака Петра Кузнецова, Устиньѣ, которая была окружена импровизированными фрейлинами изъ казачекъ же, въ родѣ Аксиньи Петровны Толкачевой. Министры Пугачева тоже были изъ Яицкихъ казаковъ: Чика, попавшій потомъ въ руки Михельсона, изображалъ изъ себя фельдмаршала графа Чернышева, Овчинниковъ — графа Панина, Шигаевъ—графа Воронцова и т. п.

Въ Русской исторической печати мы имѣемъ почтенный трудъ И. Д. Бѣляева: «Крестьяне на Руси» и нѣсколько отдѣльныхъ статей [7]), изъ которыхъ можно познакомиться съ внутреннимъ состояніемъ и волненіями крестьянъ въ предшествовавшее Пугачевщинѣ время. Съ положеніемъ и мятежами инородцевъ, населявшихъ восточные предѣлы Россіи, гдѣ первоначально разыгралась Пугачевщина, насъ знакомятъ труды [8]) Н. А. Ѳирсова и нѣкоторые другіе [9]). О числѣ сосланныхъ въ Оренбургскій край конфедератовъ, о размѣщеніи ихъ по городамъ и крѣпостямъ Оренбургской губерніи, равно какъ объ ихъ жизни и продѣлкахъ, мы находимъ нѣкоторыя любопытныя свѣдѣнія въ статьѣ [10]) Р. Г. Игнатьева, основанной на бумагахъ Тургайскаго областнаго архива. Всѣ означенныя книги и статьи, знакомящія насъ съ внутреннимъ содержаніемъ Пугачевщины, безъ сомнѣнія, заключаютъ въ себѣ немало цѣнныхъ данныхъ къ уясненію той эпохи, когда, такъ сказать, бросались въ Русскую почву первоначальныя сѣмена Пугачевщины, и будущій историкъ этого замѣчательнаго эпизода въ судьбахъ Россіи XVIII вѣка, вѣроятно, не преминетъ воспользоваться названными трудами. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ у насъ почти ничего нѣтъ касательно внутренняго состоянія Яицкихъ казаковъ въ отмѣченное время [11]). Но, при настоящемъ состояніи матеріаловъ, едва ли еще возможно полное и всестороннее разсмотрѣніе этого вопроса, за необнародованіемъ различныхъ архивныхъ бумагъ, хранящихся или тлѣющихъ отъ пыли и всепожирающаго времени въ губернскихъ, областныхъ, уѣздныхъ, заводскихъ и другихъ архивахъ. Извѣстно, что самое дѣло о Пугачевѣ, до вступленія на престолъ императора Николая Павловича, находилось въ одномъ изъ

[7]) Напр. статьи В. И. Семевскаго, напечатанныя въ Вѣстн. Европы (№ 1-й) и Русск. Старинѣ (№ 2) за 1877 г., также, „Великіе Луки и Великолуцкій уѣздъ". Спб. 1857 г. Ж. Атеней, 1858 г., ч. II. Статьи Д. Мордовцева: „Пугачевщина" (въ В. Евр. 1866 г.), „Русскіе государственные дѣятели прошлаго вѣка" (От. Зап. 1868 г., № 10), „Пугачевскій полковникъ Ивановъ", „Самозванецъ Богомоловъ" (Парусъ, 1859, № 1), „Самозванецъ Ханинъ" (Русск. Вѣстн. 1860 г., 6) и друг.

[8]) „Положеніе инородцевъ Сѣверно-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ". Казань, 1866 г.—„Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и колонизація Закамскихъ земель въ это время". Казань, 1869 г.

[9]) См. въ Уральск. Войсковыхъ Вѣдомостяхъ (1873—1875 годы) напечатанный нами біографическо-историческій очеркъ: „Неплюевъ и Оренбургъ", и ст. Игнатьева: „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ". Уфа, 1875 г.

[10]) За 1874 г. Уфимскія Г. Вѣдомости: „Конфедераты въ Уфѣ въ 1772 г.".

[11]) Кромѣ извѣстнаго соч. Левшина „Историческое и Статистич. Обозрѣніе Уральскихъ казаковъ", сдѣлавшагося теперь библіографическою рѣдкостью и во многомъ неполнаго. См. также статейки Анучина (Современникъ 1862 г., № 4) и Юр.—ко (Уральск. Войсков. Вѣдом. 1869 г.), а также Истор. очеркъ Рябинина: „Уральское казачье войско".

подваловъ, гдѣ, вмѣстѣ съ другими важными бумагами, не разъ подвергалось наводненіямъ и едва не было уничтожено. Что касается мѣстныхъ архивовъ, то здѣсь долго господствовали величайшая небрежность и полнѣйшій хаосъ; немало также истреблено матеріаловъ, относящихся къ Пугачевщинѣ, и пожарами, бывавшими въ Уфѣ, Оренбургѣ, Уральскѣ и другихъ мѣстахъ. Но удивительнѣе всего то, что иногда тѣ самыя лица, которымъ бы скорѣе всего слѣдовало позаботиться о сбереженіи архивныхъ дѣлъ, намѣренно истребляли ихъ, чтобы, такъ сказать, обезоружить исторію относительно разоблаченія ихъ злоупотребленій. Извѣстно, напримѣръ, что первый Уфимскій вицегубернаторъ, бригадиръ Аксаковъ истребилъ 670 дѣлъ и 400 денежныхъ документовъ, за что и попалъ подъ судъ, кончившійся удаленіемъ его отъ службы. Дѣла, истребленныя Аксаковымъ, при содѣйствіи регистратора Кадомцева, касались разныхъ казенныхъ построекъ, подрядовъ, продовольствія войскъ; но особенно много уничтожено дѣлъ о землевладѣніи, напримѣръ, о пріобрѣтеніи Башкирскихъ земель разными лицами, на основаніи указа 1736 г. Немало также было истреблено дѣлъ по купчимъ крѣпостямъ, по казеннымъ сборамъ, городскому хозяйству, дѣлъ таможенныхъ, купеческихъ, слѣдственныхъ и судныхъ [12]). Всѣ эти дѣла должны были храниться въ Уфимской Провинціальной Канцеляріи, вѣдавшей Уфимскую провинцію, которая заключала въ себѣ всю теперешнюю Уфимскую губернію, съ добавленіемъ нынѣшнихъ уѣздовъ Осинскаго и Красноуфимскаго Пермской губерніи, съ пространствомъ въ 150 тысячъ квадратныхъ верстъ и съ населеніемъ въ 412,080 душъ м. пола, изъ которыхъ 336,876 д. было инородцевъ: Башкиръ, Тептярей, Вотяковъ, Черемисъ, Мордвы и друг.

Не лучше относилось къ письменнымъ дѣламъ и Яицкое войско. «Къ чему», говорили казаки «всѣ эти крючки да кавычки? То ли дѣло отлипортовать на словахъ: что знаешь, то и скажешь; а если иногда и невпопадъ выпустишь словечко—не бѣда: можно поправиться... Но бумага, о! бумага—не свой братъ; неровенъ часъ, влѣпишь, пожалуй, такое словечко, что и самъ послѣ не радъ будешь, а поправить—мое почтеніе! Отдумай: что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ». «Были въ старину, замѣчаетъ Желѣзновъ [13]), и такіе глубокомысленные люди, которые на весь міръ говаривали: «Что за липорты да за указы? Что за бумаги да за грамоты? Въ огонь ихъ! Къ черту ихъ! По нимъ насъ Москва узнаетъ; живите, братцы, пока Москва не узнала!» Къ сожалѣнію, такіе люди пользовались большимъ вліяніемъ въ войскѣ, славою людей опытныхъ, и ихъ было немало. Самые представители народа: войсковые атаманы, старшины, нисколько не отличались отъ понятій толпы. Эти правители народа, по большой части, были люди безграмотные; одни изъ нихъ могли только кое-какъ полууставомъ написать свое имя, а другіе и этого не умѣли, а отдѣлывались, въ случаѣ нужды, приложеніемъ печати или же крестовъ и разныхъ знаковъ, на подобіе

---

[12]) Смотр. брошюру Р. Г. Игнатьева: „Судъ надъ бригадиромъ Аксаковымъ“, составленную на основаніи „Дѣла о выкраденныхъ регистраторомъ Ив. Кадомцевымъ изъ Уфимской Провинціальной Канцеляріи дѣлахъ, и произведенное слѣдствіе 1744 г.“, хранящ. въ Тургайскомъ архивѣ.

[13]) Очерки быта Уральскихъ казаковъ. Москва, 1858 г. ч. 2. стр. 149 и 150.

Киргизской тамги. Производство письменныхъ дѣлъ по войсковому управленію находилось нерѣдко въ рукахъ бездарныхъ крючкотворцевъ-пришлецовъ, людей выгнанныхъ или удаленныхъ отъ службы за пьянство и неспособность.

Послѣ такаго отношенія Яицкаго войска къ письменнымъ документамъ, неудивительно и то, что казаки не съумѣли сберечь даже «владѣнной» грамоты, по которой они получили въ свое распоряженіе быстрый Уралъ. Слѣдствіемъ такаго отношенія къ дѣловымъ бумагамъ Яицкаго войска было то, что лучшимъ изъ его потомковъ пришлось торжественно сознаться почти въ совершенномъ незнаніи исторіи своихъ предковъ. «По милости безпечности и безтолковости стариковъ»,—говоритъ Желѣзновъ,—«мы многаго не знаемъ, что должны бы знать; многое утратили, чего бы никакъ не должны утрачивать. Напримѣръ, мы не знаемъ положительно, когда и откуда зашли на Яикъ наши предки; не знаемъ съ точностію всѣхъ службъ и походовъ, понесенныхъ казаками въ пользу царей и отечества; а служили казаки, безъ похвальбы сказать, отъ начала своего подданства до нашего времени, много, служили всегда и теперь служатъ и до скончанія вѣка будутъ служить отъ души, безъ фальши и лжи; не знаемъ подробно даже о тѣхъ походахъ, которые весьма памятны народу и которые были недавно на глазахъ очевидцевъ; а отчего не знаемъ? Оттого, что ни одного лоскутка не осталось; не знаемъ, когда какія существовали, въ хронологическомъ порядкѣ, въ разное время, мѣстныя постановленія и учрежденія въ войскѣ; не знаемъ, вслѣдствіе какихъ причинъ и мѣстныхъ обстоятельствъ составлялось или отмѣнялось какое изъ этихъ постановленій; не знаемъ съ подробностію, когда, какія и вслѣдствіе чего происходили важныя, интересныя, иногда кровавыя событія между казаками, а такихъ событій было очень много на Уралѣ; словомъ, все любопытное, интересное, важное для насъ казаковъ, происходившее на Яикѣ пятьдесятъ лѣтъ назадъ (а что было встарину, о томъ и поминать не слѣдуетъ) тонетъ въ хаосѣ преданій, болѣе или менѣе темныхъ и запутанныхъ» [14].

Покойный бытописатель того края, I. И. Желѣзновъ, беззавѣтно любившій Уральское войско, какъ истинный казакъ,—этотъ умъ-самородокъ, почти всю жизнь мечталъ объ исторіи Уральскаго войска и, съ этою цѣлію, почти девять лѣтъ прожилъ въ Москвѣ, роясь въ тамошнихъ архивахъ и сближаясь съ людьми, которые бы могли ему оказать въ этомъ случаѣ помощь и содѣйствіе знаніями или общественнымъ положеніемъ; такъ напримѣръ, онъ познакомился съ К. С. Аксаковымъ, Катковымъ, М. П. Погодинымъ; заслужилъ расположеніе генералъ-маіора Потапова, бывшаго Московскаго оберъ-полицiймейстера, графа Строгонова и друг. Зная въ совершенствѣ бытъ Уральскихъ казаковъ и пользуясь ихъ безграничнымъ довѣріемъ, Желѣзновъ, при помощи и содѣйствіи означенныхъ лицъ, безъ сомнѣнія, могъ бы оказать важную услугу исторической наукѣ касательно былаго Яицкаго войска; но трагическая кончина Желѣзнова разрушила всѣ его планы и надежды [15]). Покойный какъ-бы зналъ это. Однажды, когда онъ былъ боленъ, его навѣстилъ одинъ изъ товарищей; больной, находясь въ совершенномъ упадкѣ ду-

[14]) Очерки быта Уральскихъ казаковъ, ч. 2, стр. 153 и 154. Василій Струнышевъ

[15]) Говорятъ, что Желѣзновъ, наканунѣ выступленія въ походъ, застрѣлился изъ ружья; причина самоубійства намъ неизвѣстна.

ха, началъ тоскливо говорить о предчувствіи смерти, боязни и нежеланіи умирать и, между прочимъ, съ глубокою грустью, сказалъ: «Нѣтъ! Не успѣю я ничего съ моей исторіей Уральскаго войска; хоть бы успѣть записать планъ, какъ я думалъ выполнить свое сочиненіе... Но къ чему и это? Кто, имѣя матеріалъ, захочетъ писать исторію по чужому плану? А могу ли я передать въ запискѣ все, что чувствую, какъ понимаю предметъ моихъ помышленій и заботъ? Да еслибы и могъ, все это будутъ чужія рамки, чужое дѣло... Въ случаѣ чего, собери, товарищъ, мои бумаги... Книги куда хочешь дѣвай, а бумаги сбереги: въ нихъ есть кое-что, за что скажетъ мнѣ спасибо человѣкъ, которому понадобятся мои матеріалы» [16])...

Намъ неизвѣстно, кто и какъ распорядился архивнымъ имуществомъ этого любителя исторіи, но, безъ сомнѣнія, это имущество было довольно значительно, такъ какъ на собраніе его Желѣзновъ употребилъ немало силъ, здоровья и времени и, при серьезномъ взглядѣ на задуманное имъ предпріятіе, не спѣшилъ приступать къ дѣлу. Изъ его біографіи видно, что когда генералъ Столыпинъ, бывшій войсковымъ атаманомъ, предложилъ написать ему исторію Уральскаго войска, Желѣзновъ отказался и послѣ отзывался объ этомъ предложеніи такъ: «Удивительные люди! Какъ они хотятъ легко распорядиться чужимъ трудомъ: напиши имъ исторію да непремѣнно къ Четвергу, а я бьюсь цѣлые годы только въ приготовленіи къ тому, и самъ на себя не угожу». Издатель матеріаловъ къ исторіи Уральскаго казачьяго войска [17]), полковникъ М. К. Курилинъ, между прочимъ, замѣчаетъ: «Помѣщая матеріалы къ исторіи Уральскаго войска, считаемъ святымъ долгомъ сказать, что большая часть ихъ добыта трудами незабвенной памяти писателя Іосафа Игнатьевича Желѣзнова» [18]). Изъ этого видно, что часть архивныхъ бумагъ Желѣзнова была въ распоряженіи г. Курилина; но, какъ мы убѣдились, издатель матеріаловъ располагалъ далеко не всѣми бумагами своего соотечественника; нѣкоторыя изъ нихъ случайно попались и въ наши руки. Какъ ни разрознены, какъ ни отрывочны эти документы; но и въ нихъ есть кое-что важное и небезъинтересное для исторія Яицкаго войска.

Воспользовавшись указаннымъ матеріаломъ, а также архивами Тургайскаго и Уральскаго областнаго правленія, мы рѣшились составить настоящій очеркъ, не пренебрегая при этомъ и печатными матеріалами, равно какъ народными пѣснями и преданіями.

По возможности, мы старались уяснить себѣ и другимъ, какъ и отъ чего возникло и постепенно росло недовольство Яицкаго войска административными порядками, тѣми или другими распоряженіями Военной Коллегіи, дѣйствіями слѣдователей, фискаловъ и сыщиковъ, являвшихся въ разное время на Яикъ, и какъ потомъ это недовольство перешло въ открытый бунтъ и отчаянное озлобленіе Яицкихъ казаковъ, достигшее своего полнаго развитія въ Пугачевщинѣ, отголоски которой, постепенно ослабѣвая, длились почти до

[16]) См. „Жизнь І. И. Желѣзнова“ И. Савичева въ Уральскихъ В. Вѣд. за 1870 г. № 27.

[17]) Матеріалы эти напечатаны въ Ур. В. Вѣдомостяхъ за 1869 и 1870 гг. Къ сожалѣнію, указанные матеріалы не имѣютъ ни хронологической, ни прагматической обработки, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ исполнены противорѣчій, что, вѣроятно, обусловливалось тѣмъ, что издатель ихъ не могъ всѣми матеріалами располагать заразъ, а помѣщалъ ихъ по мѣрѣ того, какъ они попадались въ его руки.

[18]) Ур. В. Вѣд. 1869 г. № 20.

сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія и, со времени новыхъ преобразованій въ Уральскомъ войскѣ, снова усилились, что кончилось выселеніемъ нѣкоторыхъ казаковъ въ Аму-Дарьинскій край. Можетъ быть, изъ этихъ ссыльныхъ непреодолимая сила историческихъ событій создастъ со временемъ новое «Аму-дарьинское казачье войско». Русскія украйны, сосѣднія съ Азіатскими народами, всегда нуждались въ казачествѣ и, нужно сознаться, Россія многимъ обязана въ этомъ отношеніи казачьимъ войскамъ, которыя всегда храбро защищали ея границы отъ сосѣднихъ полудикихъ варваровъ. Иностранныя державы завидуютъ Россіи, что она имѣетъ такое войско, какъ Уральскіе и Донскіе казаки.

Владиміръ Витевскій.

6 Марта 1877.
Казань.

Глава I.

Отсюда (изъ Яицкаго войска), какъ изъ жерла или изъ горловины, произошли такія великія злодѣйства, которыя не только городъ Оренбургъ немало колебали, но и далѣе онаго произвели великія бѣдствія.

Рычковъ.

Между Уральскими казаками сохранилось преданіе о Донскомъ казакѣ Прохорѣ Дмитріевичѣ Рыжичкѣ, какъ объ основателѣ настоящаго Уральска и Уральскаго войска. Не смотря на историческій анахронизмъ и легендарный характеръ этого преданія, мы считаемъ нелишнимъ привести его здѣсь вполнѣ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ простыхъ казаковъ основываютъ на немъ право войска «на вѣчное и неприкосновенное» владѣніе рѣкою Ураломъ и его угодьями. Изъ этого же преданія видно, какъ смотрятъ на свое происхожденіе сами Уральскіе казаки. Оно сообщено намъ однимъ почтеннымъ и уже пожилымъ урядникомъ Уральскаго войска, С—вымъ.

За триста лѣтъ до Пугачевскаго бунта, императоръ Михаилъ былъ осажденъ могучею силою Золотой Орды. Между непріятелями находился богатырь, отличавшійся необыкновеннымъ ростомъ и величайшею силою. Одинъ видъ этого богатыря и необыкновенный ростъ его коня приводили въ ужасъ и трепетъ Русское войско. Императоръ Михаилъ объявилъ своимъ подданнымъ, что тотъ, который рѣшится вступить въ единоборство съ этимъ богатыремъ, получитъ большую награду. Проходитъ очень много времени, а охотниковъ вступить въ состязаніе съ богатыремъ не находится; но вотъ разъ докладываютъ императору, что его желаетъ видѣть какой-то невзрачный, плюгавый человѣкъ. Императоръ приказываетъ впустить пришедшаго и узнаетъ отъ него, что онъ—Донской казакъ Рыжичекъ и желаетъ вступить въ единоборство съ могучимъ и страшнымъ богатыремъ изъ Золотой Орды. Окинувъ глазами этого невзрачнаго казака, императоръ выразилъ удивленіе и невольно замѣтилъ: «Тебѣ ли биться съ этимъ богатыремъ, когда цѣлое войско страшится его?—«Умру или спасу Россію», отвѣчалъ Рыжичекъ,—«а тебя, Государь, прошу не противиться моему желанію: если богатырь и

убьетъ меня,—потеря небольшая!» Послѣ нѣкотораго раздумья, императоръ согласился на желаніе Рыжичка, который, уходя, снова повторилъ свой обѣтъ: «умру или спасу Россію». Глядя вслѣдъ уходившаго казака, Государь подумалъ: «Ужели есть люди, которые не боятся этого чудовищнаго богатыря?» Между тѣмъ, Рыжичекъ, не теряя времени, поспѣшилъ въ станъ Русскаго войска, которое, узнавъ о намѣреніи храбраго казака, стало смѣяться надъ его невзрачною фигурою. Рыжичекъ, не обращая никакаго вниманія на эти насмѣшки, выбралъ себѣ лошадь, взялъ мечъ, копье и храбро помчался къ тому мѣсту, гдѣ находился чудо-богатырь. Увидѣвъ своего соперника, Рыжичекъ поклонился ему и сказалъ: «Ты, могучій богатырь, устрашаешь собою цѣлое войско; но я желаю съ тобою побрататься: ты будь моимъ старшимъ братомъ, а я буду младшимъ!» Богатырь, увидя предъ собою такаго невзрачнаго, но храбраго, воина, простодушно засмѣялся и согласился на его желаніе. Между тѣмъ хитрый казакъ недаромъ завелъ рѣчь съ богатыремъ: во время разговора онъ внимательно осмотрѣлъ богатыря, который весь былъ закованъ въ желѣзо. Замѣтивъ подъ шлемомъ богатыря, немного выше панцырнаго воротника, открытую часть шеи, Рыжичекъ взялся было за копье; но, увидѣвъ, что копье было не отпущено (т. е. не наточено), онъ раскланялся съ богатыремъ и, сказавъ, что онъ забылъ проститься съ знакомыми, мигомъ повернулъ своего коня и понесся, какъ стрѣла, въ станъ Русскаго войска. Выбравъ здѣсь такое копье, которымъ сразу можно пробить мѣдный пятакъ, Рыжичекъ вернулся къ богатырю и заявилъ о своемъ желаніи вступить съ нимъ въ единоборство. «Тебѣ-ли со мной драться, когда я тебя могу щелчкомъ раздавить, какъ мокрый груздь», замѣтилъ богатырь и подумалъ: «ну, нашли же звѣря, видно, хуже-то не было!» Храбрый Рыжичекъ настаивалъ на своемъ, и богатырь согласился; назначено разстояніе для единоборства, и соперники вступили въ бой. Въ самую минуту нападенія, Рыжичекъ силою волшебства ослѣпилъ своего противника и, улучивъ удобную минуту, вонзилъ копье въ открытую часть богатырской шеи. Ударъ былъ такъ вѣренъ и силенъ, что голова мигомъ скатилась съ могучихъ богатырскихъ плечъ, и тяжкое тѣло съ шумомъ рухнулось на землю, обагренную кровью. Испуганный богатырь-конь, лишившись своего чуднаго сѣдока, заржалъ и стрѣлою помчался по гладкой широкой степи [1]. Взявъ богатырскую голову, Рыжичекъ явился къ Государю, который отъ радости расцаловалъ храбраго казака и обѣщалъ дать ему все, чего онъ ни пожелаетъ. Прохоръ Дмитріевичъ не хотѣлъ ни денегъ,

[1] По другому преданію, Рыжичекъ является только помощникомъ предводительницы рыцарей Марины Кайдаловны, побѣдившей Чулака-воина и получившей за то въ награду р. Яикъ, на устьи котораго она и построила Гурьевъ городокъ.—«Сядетъ, бывало, Марина Кайдаловна на лошадь, въ широкихъ кармазинныхъ шароварахъ, въ острой шапкѣ,—ну копна-копной, Буша-Бушой» (собственное Киргизское имя). См. Уральскій войсковой арх., № 46, стр. 24.

ни боярскаго чина, а просилъ объ одномъ только, чтобы Государь отдалъ ему и его потомству въ вѣчное и неизмѣнное владѣніе р. Яикъ отъ ея вершины до устья, со всѣми впадающими въ нее рѣчками, и земли отъ этой рѣки по Общій Сыртъ, со всѣми озерами, рѣчками и другими угодьями, и приказалъ-бы на трое сутокъ отворить для Рыжичка и его товарищей всѣ кабаки и харчевни. Государь замѣтилъ, что этой награды для него будетъ недостаточно, и что невѣрные могутъ у него отнять эти земли и убить его самого; но Рыжичекъ не хотѣлъ измѣнить своего желанія, и Государь, цѣня его услуги, долженъ былъ согласиться. Получивъ отъ Государя грамоту на р. Яикъ, званіе Яицкаго казака и атамана, Рыжичекъ собралъ около себя товарищей и во главѣ ихъ отправился на Яикъ. На пути Рыжичекъ имѣлъ немало столкновеній съ выходцами изъ Золотой Орды, повсюду разбивая ихъ и обращая въ бѣгство. Въ Январѣ отрядъ Рыжичка благополучно достигъ береговъ желаннаго Яика и расположился на осѣдлую жизнь въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Генварцевскій форпостъ, получившій (будто) свое названіе, по имени мѣсяца, въ который прибылъ Рыжичекъ на берега Яика. Въ первое время пришельцамъ приходилось много терпѣть отъ нападеній сосѣднихъ кочевниковъ; но мало-помалу, отражая ихъ набѣги, они успѣли очистить и обезопасить берегъ Яика до урочища Горячаго, гдѣ впослѣдствіи возникъ форпостъ [2]) того же имени.

Казаки построили въ Генварцевѣ деревянную церковь и занялись рыболовствомъ. Сильные бураны зимою и ураганы лѣтомъ, заносившіе первоначальный пріютъ казаковъ снѣгомъ и пескомъ, заставили ихъ искать другаго мѣста для поселенія; но Рыжичекъ не зналъ, что дѣлать съ построенною церковью: ломать онъ считалъ грѣхомъ; перенести на новое мѣсто, не разбирая, было невозможно. Не зная, какъ поступить, Рыжичекъ обратился съ горячей молитвой къ Богу, прося указать ему новое мѣсто для жительства и научить, какъ поступить съ храмомъ. Вскорѣ послѣ этого, Рыжичекъ отправился на рыболовство къ урочищу Горячему. Во время самаго рыболовства, Рыжичекъ, удалившись нѣсколько отъ своихъ товарищей, замѣтилъ, что внизъ по рѣкѣ плыла лодочка, въ которой сидѣлъ, какъ лебедь бѣлый, старецъ и распѣвалъ божественныя пѣсни, управляя однимъ весломъ. Прохоръ Дмитріевичъ остановилъ незнакомца и обратился къ нему за совѣтомъ относительно перенесенія храма и выбора новаго мѣста для поселенія. Старецъ далъ такой совѣтъ: «прикажи разобрать храмъ и снести его на рукахъ на берегъ Яика; свяжите здѣсь изъ него плотъ и спустите въ рѣку, и гдѣ этотъ плотъ остановится, тамъ и поселитесь, и снова соберите свой храмъ». При этомъ старецъ замѣтилъ Рыжичку: «хотя церковь и укажетъ вамъ новое мѣсто жительства, но не на радость вашему поколѣнію: оно достанется вамъ кровью, и кровью же поплатится за него ваше потомство». Лишь только старецъ ус-

[2]) Горячій форпостъ находится на Сѣверъ отъ теперешняго Уральска.

пѣлъ сказать послѣднія слова, какъ надъ головой его показалось облако; челнокъ вмѣстѣ съ вѣщимъ старцемъ поднялся въ это облако; вдругъ рванулъ сильный вѣтеръ и унесъ облако съ чуднымъ старцемъ изъ глазъ Рыжичка, который въ ужасѣ палъ ницъ и долго со слезами молился Богу. Послѣ молитвы, на душѣ Рыжичка сдѣлалось такъ тепло, легко и отрадно, что онъ и не замѣтилъ, какъ его окружили товарищи. Предполагая, что они видѣли этого чуднаго старца, Рыжичекъ передалъ имъ свой разговоръ съ нимъ. Оказалось, что товарищи Рыжичка ничего не видали и усумнились въ правдоподобности разсказа своего атамана; но Рыжичекъ настойчиво заявилъ, что онъ сейчасъ же желаетъ приступить къ выполненію старцева совѣта. Казаки молча повиновались своему атаману, дружно и поспѣшно собрали сѣти и отправились въ Генварцево. Здѣсь казаки помолились Богу и въ точности исполнили совѣтъ вѣщаго старца; сами же, собравъ свои пожитки, пошли берегомъ Яика, по указанію священнаго плота, храбро отражая нападенія невѣрныхъ. Наконецъ, священный плотъ остановился въ устьѣ р. Чагана, гдѣ теперь находится Уральскъ. Казаки вынули изъ рѣки бревна и доски, снова соорудили изъ нихъ храмъ [3]) и вознесли Богу горячія молитвы. Поселившись здѣсь окончательно, Рыжичекъ занялся устройствомъ пикетовъ и форпостовъ по р. Яику, все болѣе и болѣе привлекая къ себѣ поселенцевъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи; на самомъ устьѣ Яика онъ основалъ городъ Гурьевъ, въ память своего любимца и вѣрнаго товарища Гурія. Съ этого времени казаки начали заниматься правильнымъ рыболовствомъ, принялись за другіе промыслы и торговлю, по прежнему храбро отражая набѣги кочевниковъ. Далѣе преданіе говоритъ, что Рыжичекъ влюбился въ одну красавицу, именемъ Марію [4]), и женился на ней; но любимая жена невзрачнаго мужа вскорѣ измѣнила ему и, уклоняясь отъ мести своего супруга, узнавшаго объ ея невѣрности, за обѣдомъ отравила его.

Таково преданіе о началѣ и происхожденіи Яицкаго войска,—преданіе, которое живо сохраняется въ устахъ Уральскихъ казаковъ и до сего времени. Въ этомъ легендарномъ разсказѣ рисуется, такъ сказать, героическій періодъ Яицкаго войска; но основа его, т. е. что первоначальное основаніе Яицкаго войска принадлежитъ Донскимъ казакамъ, подтверждается и историческими данными. Въ 1721 г. станичный атаманъ Ѳедоръ Рукавишниковъ въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ показалъ, что «первые Яицкіе казаки пришли и заселились на р. Яикѣ: съ р. Дона и иныхъ городовъ Русскіе, а Татары изъ Крыма и съ р. Кубани» [5]). Въ 1766 году показаніе Рукавиш-

---

[3]) См. въ Оренб. Епарх. Вѣд. за 1878 г. напечатанную нами замѣтку: «Первая церковь въ Уральскомъ войскѣ».

[4]) Не смѣшалъ-ли разскащикъ Марію съ Мариной (Кайдаловной)? Смотр. выше.

[5]) Смотр. въ Уральск. в. архивѣ, № 8, стр. 1. Слич. Топографію Рычкова ч. II, 79. Здѣсь Рукавишниковъ названъ Крашенинниковымъ.

никова подтвердили и депутаты (Василій Тамбовцевъ, Иванъ Анкудиновъ, Яковъ Колпаковъ и Иванъ Акутинъ), отряженные отъ Яицкаго войска въ Петербургъ, для присутствія при сочиненіи проэкта новаго уложенія. Первый Оренбургскій губернаторъ, Неплюевъ, которому было поручено отъ Военной Коллегіи собрать свѣдѣнія о первоначальномъ происхожденіи и заселеніи Яицкаго войска, писалъ въ Ноябрѣ 1748 года, что о первоначальномъ происхожденіи и поселеніи казаковъ на Яикѣ «въ поданномъ отъ Яицкаго войска доношеніи объявлено, что за многопрошедшимъ временемъ подлиннаго извѣстія у нихъ нѣтъ, ибо у нихъ грамотныхъ людей и понынѣ еще мало, а хотя въ Войсковой Избѣ и надлежало бы быть стариннымъ грамотамъ и письмамъ, токмо кромѣ одной [6]), писанной въ 192 г. (чему нынѣ шестьдесятъ четвертый годъ) неотыскано, а объявлено, яко-бы всѣ въ бывшій у нихъ пожаръ погорѣли». Ссылаясь далѣе на показаніе Рукавишникова, Неплюевъ замѣчаетъ, что по этому сказанію число первоначальныхъ поселенцевъ на р. Яикѣ не превышало 40 человѣкъ, которые поселились «по р. Яику въ одной лукѣ, отъ нынѣшняго городка вверхъ верстъ съ пятьдесятъ, гдѣ донынѣ городище есть и называется Орѣшное, подъ котороеде ихъ жилище приходили великимъ собраніемъ называемой Золотой Орды Татары и требовали, чтобы они, то свое мѣсто оставя, шли на житье въ ихъ орду, обѣщая всѣхъ ихъ въ ордѣ учинить мурзами» [7]), на что казаки не согласились, почему Ордынцы, осадивъ жилище казаковъ, хотѣли уморить ихъ голодомъ. Осажденные подѣлали «деревянныя пушки, въ которыя, вмѣсто ядеръ, заряжая лодыги и другія кости, оныхъ Татаръ побили немалое число, что̀ видя, и прочіе отъ нихъ отступили».

Объ основаніи теперешняго Уральска Неплюевъ замѣчаетъ, что «и о томъ подлиннаго извѣстія у нихъ нѣтъ, токмо-де по тому можно дознаваться, что недавно умершій, бывшій войсковой атаманъ, Григорій Меркурьевъ, который жилъ болѣе ста лѣтъ [8]), на здѣшнемъ мѣстѣ родился и умеръ; а отецъ-де его былъ Самарскій казакъ и пришелъ на Яикъ къ здѣшнимъ казакамъ, которые до приходу его жили тутъ многое время. И тако-де разумѣется, что отъ построенія онаго ихъ городка по сіе время будетъ лѣтъ съ полтораста и болѣ» [9]). Извѣстный историкъ Оренбургскаго края, П. И. Рычковъ, посѣтивъ въ 1744 г. Яицкій городокъ, говорилъ: «Начало сего Яицкаго войска, по извѣстіямъ отъ Яицкихъ старшинъ, произошло около

---

[6]) Безъ сомнѣнія, Неплюевъ разумѣетъ здѣсь грамоту 1684 г. о первыхъ службахъ Яицкаго войска. На основаніи этой грамоты написана была казаками и челобитная 12 Октября 1720 г., поданная на высочайшее имя. Слич. замѣч. Левшина въ VI т. соч. Пушкина, изд. 1859 г., стр. 211.

[7]) Уральск. войск. арх. № 3, стр. 2—4.

[8]) Григорій Меркурьевъ, какъ увидимъ дальше, жилъ только 76 лѣтъ.

[9]) См. Ур. в. арх., № 3, стр. 4.

1584 года» [10]); но чрезъ четыре года послѣ этого, побывавъ снова въ казачьемъ городкѣ, Рычковъ уже пишетъ, что первоначальное поселеніе казаковъ на Яикѣ произошло въ XIV столѣтіи. Послѣднее мнѣніе Рычкова основано на слѣдующемъ преданіи [11]). Во времена Тамерлана, одинъ изъ Донскихъ казаковъ, по имени Василій Гугна, въ сопровожденіи 30-ти казаковъ и одного Татарина, удалился съ Дона, съ цѣлію грабежей,на Востокъ. Достигнувъ береговъ Каспійскаго моря, Гугна и его товарищи сдѣлали лодки и пустились на нихъ въ море. Чрезъ нѣсколько времени они приплыли къ устью р. Яика и, найдя берега ея пустыми, вышли изъ лодокъ и рѣшились здѣсь поселиться. Спустя нѣсколько лѣтъ, шайка Гугны набрела на трехъ братьевъ Татаръ, которые, боясь попасть въ руки возвращавшагося изъ Россіи Тамерлана, отдѣлились отъ Золодой Орды и скрывались въ лѣсахъ по берегамъ Яика. Казаки убили этихъ Татаръ, а жену младшаго изъ братьевъ оставили въ живыхъ и подарили своему атаману, Василію Гугнѣ, отъ котораго она и получила прозваніе Гугнихи. Рычковъ говоритъ, что это преданіе сообщилъ ему войсковой атаманъ Илья Меркурьевъ, въ родѣ котораго оно сохранилось [12]).

Прабабушка Ильи Меркурьева лично знала престарѣлую Гугниху и, будучи 20 лѣтъ отъ роду, слышала отъ нея самой о ея судьбѣ и приключеніяхъ; собесѣдница Гугнихи передала этотъ разсказъ своему внучку Григорью Меркурьеву, который потомъ былъ войсковымъ атаманомъ и умеръ, по свидѣтельству сына, имѣя сто лѣтъ отъ роду; отъ Григорья Меркурьева преданіе о Гугнихѣ перешло и къ сыну, бесѣдовавшему съ любознательнымъ Рычковымъ. Илья

---

[10]) Смотри его «Оренбургскую Исторію», помѣщенную въ Ежемѣсячн. соч. и переводахъ за 1759 г. См. Топогр. Оренб. губерніи. Слич. Ежемѣсячные сочин. и переводы 1762 г., Августъ.

[11]) Тамъ же. См. также въ изд. соч. Пушкина, т. VI, стр. 209. Мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь всѣ подробности преданія о Гугнихѣ; ихъ можно найти въ указанной книгѣ Рычкова: «Топогр. Оренб. губ.», впрочемъ, теперь весьма рѣдкой. Извѣстно, что во времена Тамерлана, т. е. въ XIV вѣкѣ, никакихъ казаковъ еще не было. Лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ о казакахъ (Азовскихъ) въ Сентябрѣ 1499 г. См. И. Г. Росс., т. VI, примѣч. 495.

[12]) Положивъ по сту лѣтъ Гугнихѣ, бабушкѣ Меркурьева и самому Григорью Меркурьеву, который умеръ въ 1741 г., и допустивъ, что Гр. Меркурьевъ былъ 15 лѣтъ, когда слышалъ этотъ разсказъ, получимъ, что Гугниха родилась въ 1476 г., т. е. спустя болѣе 80 лѣтъ послѣ нашествія на Россію Тамерлана (1395 г.). Между тѣмъ, Гр. Меркурьевъ, какъ мы увидимъ, жилъ только 76 лѣтъ; слѣдов., рожденіе Гугнихи было въ 1500 г. Такимъ образомъ, выходитъ, что Гугниха родилась за сто слишкомъ лѣтъ до своего появленія на свѣтъ Божій. Странно и непонятно, что такая хронологическая нелѣпость была нѣкоторыми принята, какъ историческое указаніе на время образованія Яицкаго войска.

Меркурьевъ, сообщая этотъ разсказъ Рычкову, замѣтилъ, что его прабабушка была уже ста лѣтъ, когда бесѣдовала съ своимъ внукомъ о Гугнихѣ, о чемъ онъ слышалъ отъ отца. Это преданіе, записанное въ первый разъ Рычковымъ, долго приводилось, какъ единственный и правдоподобный источникъ для опредѣленія времени заселенія р. Яика казаками. Не смотря на его противорѣчіе историческимъ даннымъ и хронологическую несообразность, оно неоднократно было повторено въ Русскихъ и иностранныхъ сочиненіяхъ, касавшихся исторіи Уральскихъ казаковъ [13]). Первый обратилъ на него вниманіе и доказалъ его несостоятельность А. И. Левшинъ [14]) въ своей книгѣ «Историческое и статистическое обозрѣніе Уральскихъ казаковъ», въ которой находятся наиболѣе удовлетворительныя изслѣдованія о первоначальномъ поселеніи казаковъ на р. Яикѣ. Левшинъ, между прочимъ, замѣчаетъ, что о Донскихъ казакахъ, отъ которыхъ, безъ сомнѣнія, произошли и Яицкіе казаки, исторія нигдѣ не упоминаетъ раньше XVI столѣтія. «Въ XIV столѣтіи (говоритъ онъ) Россія еще не свергла ига Татарскаго; границы ея тогда были отдалены отъ Каспійскаго моря болѣе, чѣмъ на тысячу верстъ, и обширная степь, отъ Дона чрезъ Волгу до Яика простирающаяся, была покрыта племенами Монголо-татарскими. Какъ же могла горсть буйныхъ казаковъ не только пробраться чрезъ такое большое разстояніе и чрезъ тысячи непріятелей, но даже поселиться между ними и грабить ихъ? Миллеръ, извѣстный своими изысканіями и свѣдѣніями въ исторіи нашей, говоритъ: «пока Татары южными Россійскаго государства странами владѣли, о Россійскихъ казакахъ ничего не слышно было» [15]). Но Левшинъ, подобно предшественникамъ, упустилъ изъ виду еще то, что показаніе о числѣ лѣтъ Григорья Меркурьева значительно преувеличено. Рычковъ, лично разговаривавшій о томъ съ сыномъ Меркурьева, говоритъ, что Григорій Меркурьевъ жилъ сто лѣтъ, а по донесенію Неплюева въ В. Коллегію — болѣе ста лѣтъ; между тѣмъ Захаровъ, производившій вь 1723 г. перепись Яицкихъ казаковъ, отмѣтилъ въ своей «переписной книгѣ» [16]), со словъ самого Григорья Меркурьева, слѣдующее: «Войсковой атаманъ Григорій, Меркурьевъ сынъ, Меркурьевъ; у него сынъ Илья девяти лѣтъ. По сказкѣ его, отъ роду ему, Григорью, пятьдесятъ семь лѣтъ. Дѣдъ его родиною Сѣвскаго уѣзда Дворцовой Кашаринской волости крестьянинъ, и оный дѣдъ его въ прошлыхъ годахъ былъ переведенъ на Самару, а отецъ его родился на Самарѣ и служилъ

---

[13]) Напр. въ Хоззяйственномъ описаніи Астрах. губ. 1809 г., въ 29 книжкѣ Сына Отечества за 1821 г.—[14]) См. у Левшина. Слич. соч. Пушкина, т. VI, 210.

[15]) Въ статьѣ о началѣ и происхожденіи казаковъ. См. Ежемѣсячные сочин. и переводы 1760 г. Сличи соч. Пушкина, т. VI, стр. 211.

[16]) Смотр. Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 20. Заимствовано изъ архива Военной Коллегіи, Казачьяго Повытья кн. № 22, л. 1 и 2 (въ Р. Арх. 1877, II, 10, ошибкою названо Казеннымъ Повытьемъ).

въ конныхъ стрѣльцахъ, а съ Самары пришелъ на Яикъ во сто семьдесятъ первомъ (1663) году и служитъ въ казакахъ сорокъ лѣтъ»[17]). Показаніе это весьма важно. Безъ сомнѣнія, самъ Григорій Меркурьевъ лучше могъ знать время своего рожденія и число лѣтъ своей жизни, чѣмъ его сынъ, бесѣдовавшій съ Рычковымъ и Неплюевымъ. Основываясь на показаніи самого Григорья Меркурьева и зная, что онъ умеръ въ 1741 г., мы видимъ, что онъ жилъ 76 лѣтъ, и потому преданіе о Гугнихѣ, относящее выселеніе казаковъ на Яикъ къ временамъ Тамерлана, оказывается несостоятельнымъ. Зная, какъ народная фантазія перепутываетъ имена и время историческихъ событій, мы думаемъ, что вышеприведенный разсказъ о Гугнихѣ относится къ концу XVI столѣтія. Извѣстно, что окончательное распаденіе Золотой Орды произошло въ концѣ княженія Ивана III-го, который, выступивъ противъ Ахмата, часть своего войска, подъ предводительствотъ боярина Ноздроватаго, отрядилъ въ Сарай, гдѣ оставались одни старики, женщины и дѣти. Явившись въ улусы Татаръ, Ноздроватый произвелъ опустошеніе; Татары, оставшіеся въ живыхъ, толпами разбрелись по При-яцкимъ степямъ. Крымскій ханъ, Менгли-Гирей, вѣрный союзникъ Іоанна III-го, въ 1502 г., окончательно добилъ Орду, нанеся жестокое пораженіе сыну Ахмата, Шихъ-Ахмету, который бѣжалъ къ Польскому королю и былъ заключенъ имъ въ неволю. Такъ кончила свое существованіе знаменитая Орда Сарайская; но до начала второй половины XVI вѣка, когда были покорены Казань и Астрахань, Татары были еще страшны для Московскаго государства, и поселеніе на Яикѣ какой-либо горсти казаковъ едва ли было возможно. Съ покореніемъ Астрахани, многіе изъ Татаръ, не желая подчиняться Русскимъ властямъ и порядкамъ, старались укрыться въ сосѣднихъ степяхъ. Между тѣмъ, грабежи и буйство Донскихъ казаковъ, наконецъ, дошли до того, что Іоаннъ Грозный вынужденъ былъ отправить противъ нихъ особый отрядъ войска. Казаки, узнавъ о томъ, разбѣжались; нѣкоторые изъ нихъ, направившись на Востокъ, достигли береговъ Волги и на стругахъ спустились въ Каспійское море, а отсюда недалеко было и до Яика. Карамзинъ говоритъ, что «около 1584 г. шесть или семь Волжскихъ казаковъ выбрали себѣ жилище на берегахъ Яика, въ мѣстахъ привольныхъ для рыбной ловли; окружили его земляными укрѣпленіями и сдѣлались ужасомъ Ногаевъ, въ особенности князя Уруса, Измаилова сына, который непрестанно жаловался царю на ихъ разбои и коему царь всегда отвѣтствовалъ, что они бѣглецы, бродяги и живутъ тамъ самовольно; но Урусъ не вѣрилъ и писалъ ему: «Городъ столь значительный можетъ ли существовать безъ твоего вѣдома? Нѣкоторые изъ сихъ грабителей, взятые нами въ плѣнъ, именуютъ себя людьми царскими»[18]).

---

[17]) Дальше мы увидимъ, что и самъ Григорій Меркурьевъ увеличивалъ иногда число лѣтъ своей матери.

[18]) См. И. Госуд. Росс., т. X, стр. 42 и 43 и примѣч. 138.

Не къ этому ли времени, когда въ При-яицкихъ степяхъ бродили толпы Татаръ и сюда же скрылись отъ оружія Грознаго нѣкоторые изъ Донскихъ казаковъ,—не къ этому ли времени относятся и приключенія съ Гугнихою, отнятою Донцами, какъ мы видѣли, у скрывавшихся въ При-яицкихъ лѣсахъ Татаръ? Рычковъ, между прочимъ, передаетъ, что «мужъ Гугнихи въ малыхъ лѣтахъ слыхалъ отъ стариковъ, что отъ рѣки Яика не очень далеко есть Россійскіе города Астрахань и другіе» [19]), а извѣстно, что Астрахань вошла въ число Русскихъ городовъ въ 1554 г. Такимъ образомъ, изъ самаго преданія о Гугнихѣ можно заключать, что Гугниха и ея мужъ жили не въ XIV, а въ концѣ XVI столѣтія. Такое предположеніе ближе къ истинѣ и согласно съ другими свѣдѣніями о началѣ и происхожденіи Яицкихъ казаковъ. Что же касается Тамерлана, то очень возможно, что народная фантазія замѣтила имъ Девлетъ-Гирея, Крымскаго хана, который въ Маѣ 1571 г., на самое Вознесенье, сжегъ до тла Москву, болѣе ста тысячъ Русскихъ увелъ въ плѣнъ и навелъ ужасъ даже на Грознаго, бѣжавшаго отъ него въ Коломну, оттуда въ Слободу, а изъ Слободы къ Ярославлю [20]). Народныя преданія, былины и пѣсни даютъ достаточное основаніе къ такому предположенію, представляя многочисленные примѣры того, что позднѣйшія событія, почему-либо сохранившіяся въ народной памяти, нерѣдко соединяются съ именами лицъ, которыя сильнѣе подѣйствовали на народное воображеніе, хотя бы они жили раньше этихъ событій; бываетъ и наоборотъ: событія раннія народъ относитъ къ лицамъ, жившимъ гораздо позднѣе [21]).

Такимъ образомъ, сличая преданіе о Донскомъ казакѣ Рыжичкѣ, разсказъ Гугнихи и показаніе Рукавишникова, приводимое Неплюевымъ и подтвержденное Яицкими депутатами въ Екатерининской коммиссіи въ 1767 г., съ другими историческими данными, мы видимъ, что всѣ эти источники единогласно свидѣтельствуютъ о происхожденіи **Яицкихъ казаковъ отъ Донскихъ**, образовавшихся въ свою очередь изъ Азовскихъ около половины XVI вѣка [22]). Разнорѣчіе происходитъ только о времени выдѣленія Яицкихъ казаковъ изъ Донскаго войска. Не принимая на себя рѣшительнаго от-

---

[19]) Топографія Оренбургской губ. Рычкова, кн. 2. Слич. соч. Пушкина т. VI, 210.

[20]) И. Г. Росс., т. XI, стр. 106 и 107.

[21]) Такъ, напримѣръ, народъ поетъ, что Грозный взялъ Казань, при помощи Стеньки Разина, жившаго почти чрезъ сто лѣтъ послѣ покоренія Казани. Семеновскій и Измайловскій гвардейскіе полки, получившіе начало при Петрѣ Великомъ, относятся народомъ къ временамъ Грознаго и т. п. Смотри въ Чт. Общ. Истор. и древн. Росс. за 1859 г., кн. 3, стр. 121: «Русскія народныя былины», собран. Шейномъ, подъ №№ 9 и 12, стр. 134 и 137.

[22]) Истор. Г. Росс., т. VIII, 86, 180, 181. Д. Мордовцовъ почему-то относитъ выдѣленіе Яицкаго войска изъ Донскаго къ XV ст. См. Отчеств. Записки, Апрѣль 1868 г., т. 179, стр. 450.

вѣта на вопросъ о происхожденіи Яицкихъ казаковъ, мы думаемъ, что начало образованія теперешняго Уральскаго войска относится къ концу XVI столѣтія, именно къ послѣднимъ годамъ царствованія Іоанна Грознаго [23]).

Въ началѣ, число этихъ поселенцевъ, по свидѣтельству Рукавишникова, не превышало сорока человѣкъ; впослѣдствіи эта горсть смѣлыхъ людей постепенно умножалась бѣглыми изъ Русскихъ и инородцевъ, которымъ плохо жилось на Руси или по причинѣ ихъ широкаго и разгульнаго характера, или по бѣдности и притѣсненіямъ воеводъ и другихъ властей, а потомъ вслѣдствіе гоненій, воздвигнутыхъ противъ ревнителей старой вѣры. Такимъ образомъ, въ составъ Яицкаго войска вошли самые разнообразные элементы: тутъ были, кромѣ Донскихъ казаковъ, Московскіе и Самарскіе стрѣльцы, Симбирскіе пахатные и Самарскіе служилые казаки, Московской казенной слободы и Нижегородскіе посадскіе люди, Воронежскіе пушкари, Бѣлогородскіе Черкасы, Симбирскіе государевы неводчики; здѣсь были и Самарскіе дворяне, подъячіе, также Гребенскіе казаки, Полтавскіе Запорожцы, Волохи, Горскіе Черкесы, Сибирскіе Черные Калмыки, Астраханскіе юртовые Татары, Казанскіе, Крымскіе и Трухменскіе Татары, ясачная Мордва, Чуваши и Вотяки Казанской, Симбирской и Вятской губерній. Но особенно много вошло въ составъ Яицкаго войска крестьянъ: государственныхъ, помѣщичьихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ изъ теперешнихъ уѣздовъ Казанскаго, Нижегородскаго, Алатырскаго, Курмышскаго и Корсунскаго. Кромѣ того въ Яицкое войско вошло значительное число плѣнныхъ Шведовъ, Поляковъ, Нѣмцевъ, Финновъ, Ногайскихъ Татаръ, Башкиръ, Турокъ и т. п. Послѣ Петра Великаго, въ Яицкое войско поступали выходцы изъ Киргизскаго плѣна, изъ Калмыкъ и Кизылбашъ; случалось даже, что Яицкое войско принимало къ себѣ и заклятыхъ враговъ-сосѣдей, Киргизовъ. Такимъ образомъ, трудно указать какой-либо народъ, который бы не далъ хотя небольшую крупицу въ составъ Яицкаго войска. Но болѣе всего пришлыхъ на Яикъ

---

[23]) Было высказано еще мнѣніе, что Яицкіе казаки происходятъ отъ древнихъ Кипчаковъ, которыми Абулгази называетъ всѣ народы, жившіе между Дономъ, Волгою и Яикомъ, и причисляетъ ихъ къ Татарамъ (см. его Hist. des Tatares, 45, 47); что Яицкіе казаки пришли въ подданство Россіи вслѣдъ за покореніемъ Астрахани; что они имѣютъ особливый языкъ, которымъ говорятъ съ Татарами; что могутъ выставить 30,000 вооруженныхъ казаковъ; что ихъ городъ Уральскъ находится въ 40 верстахъ отъ устья Урала и проч. Это мнѣніе, принадлежащее составителю замѣчаній на «Родословную Исторію Татаръ» Абулгази-Баядуръ-Хана, было внесено Пуффендорфомъ и Дегинемъ въ ихъ сочиненія. (См. Соч. Пушкина, т. VI, 208 и «Histoire des Huns et des Tat., liv 19, chap. 2). Левшинъ называетъ такое мнѣніе нелѣпымъ и незаслуживающимъ опроверженія со стороны Русскихъ. Смотри отвѣты Яицкихъ казаковъ по допросамъ полковника Захарова, производившаго перепись войска въ 1723—1724 гг. Уральск. В. Вѣд. 1869 г., начиная съ № 20 и далѣе.

было изъ помѣщичьихъ крестьянъ, отъ которыхъ произошли замѣчательныя впослѣдствіи фамиліи въ Уральскомъ войскѣ Акутиныхъ, Мизиновыхъ и Бородиныхъ, существующія и понынѣ. Изъ помѣщичьихъ крестьянъ бѣгали на Яикъ преимущественно люди смѣлые и предпріимчивые, которые не могли мириться съ господскимъ тиранствомъ.

На Уралѣ до сихъ поръ сохранилось преданіе о казакѣ Терскомъ [24]), въ которомъ изображены между прочимъ отношенія истыхъ, коренныхъ Яицкихъ казаковъ къ пришлымъ на берега ихъ родной рѣки. Изъ этого преданія видно, что Терскій казакъ отличался чудовищнымъ апетитомъ и богатырскимъ сномъ, но крайне былъ лѣнивъ и вялъ въ работѣ. «Ничего-то, бывало, онъ путемъ не сдѣлаетъ, все у него изъ рукъ валится», разсказываютъ о немъ казаки.—«Пойдутъ казаки въ луга сѣно косить, всѣ работаютъ, какъ слѣдуетъ, а Терскій только и знаетъ, что косу точитъ да пробиваетъ; въ цѣлый день больше двухъ-трехъ прокосовъ не пройдетъ. Пойдутъ десятники рыбачить, закинутъ неводъ, всѣ тянутъ, всѣ работаютъ до поту лица; только Терскій ни за что не принимается, возьметъ въ руки багоръ и ждетъ, когда подтянутъ неводъ, чтобы забагрить готовую рыбу. Соберутся десятники на кошъ, станутъ обѣдъ либо ужинъ варить, всѣ кое-что дѣлаютъ, только Терскій ни за что не принимается: не то онъ дровъ наберетъ, не то онъ воды принесетъ, не то рыбу почиститъ, одно слово, такой былъ увалень, хоть брось; но за то на два дѣла былъ гораздъ: пожрать да поспать. Супротивъ этой статьи не было Терскому ни спорщика, ни поборщика: на счетъ ѣды—одинъ за десятерыхъ улисывалъ, а на счетъ спанья, словно богатырь послѣ боя, по цѣлымъ суткамъ головы не поднималъ, развѣ только для ѣды. Сварятъ казаки обѣдъ, собираютъ чашки, ложки, припасаются чиннымъ манеромъ сѣсть за столъ, а Терскій уже у котла, лѣзетъ съ ковшомъ, схватитъ что ни лучшій кусочекъ и сожретъ. Когда, бывало, варятъ рыбу, казаки спервоначала щербу [25]) хлебаютъ, а Терскій сію же минуту присусонится къ рыбнымъ варкамъ, все повытаскаетъ изъ котла и сожретъ: любилъ, значитъ, покушать». «И смѣхъ и грѣхъ!» замѣчаютъ казаки, сложившіе про Терскаго поговорку: «кто за что, а Терскій за варочки». Казаки сначала посмѣивались надъ Терскимъ, а «онъ и въ усъ себѣ не дуетъ, только ухмыляется. Отъ жранья да отъ спанья

---

[24]) Т. е. казакъ, пришедшій на Яикъ съ р. Терека. Преданіе о Терскомъ записано покойнымъ Желѣзновымъ со словъ казака Аѳ. Д. Барсукова и находится въ числѣ прочихъ бумагъ Ур. в. архива, по описи № 53.

[25]) Уха, до которой Яицкіе казаки большіе охотники, такъ что разъ, въ царствованіе Павла Петровича, казаки, находясь въ составѣ гвардіи, жаловались Императору, что въ постные дни на кухнѣ рыбы и всего даютъ вдоволь, но щербы мало. Такая наивная жалоба заставила всѣхъ, въ томъ числѣ и самого Государя, долго смѣяться. Смотр. Уральцы І. Желѣзнова, ч. 2, стр. 163.

Терскій разбухъ словно тюлень».—Наконецъ, казаки «пристрюнили [26]) Терскаго. «Ты что за атаманъ такой?» стали говорить они Терскому. «Коли хочешь сладко ѣсть,—работай, а мы тебѣ не халуи». Терскій вздумалъ было «алырничать [27]), да не на такихъ напалъ. Казаки разъ сказали, два сказали, въ третій уже не говорили, а пошли къ атаману и пожаловались. Атаманъ собралъ кругъ; въ кругу присудили: дать Терскому науку и есть-когда наука не пойдетъ въ прокъ, то выключить его, какъ ледащаго, изъ казаковъ и прогнать съ Яика на всѣ четыре стороны, чтобы небо не коптилъ. Хорошо. За наукой дѣло не стало: тутъ же въ кругу, при всемъ честномъ народѣ, разложили Терскаго на-шары-на-палы и откатали голубчика» [28]).—Далѣе преданіе говоритъ, что послѣ этого Терскій точно переродился. «Золото, а не казакъ сталъ! Еще десятники, бывало, спятъ, а онъ поднимется ни-свѣтъ ни заря и примется хозяйничать: и воды принесетъ, и дровъ наберетъ, и кашу сваритъ, одно слово, работаетъ за десятерыхъ, а самъ веселъ, собою доволенъ; дѣлаетъ все вподпрыжку да казакамъ спасибо сказываетъ, что уму-разуму научили». «Вотъ оно что значитъ», замѣчаютъ казаки, «справедливо, видно, сказано: битый двухъ небитыхъ стоитъ». Чрезъ нѣсколько времени Терскаго сдѣлали десятникомъ, потомъ сотникомъ, а затѣмъ, когда Терскій въ стычкѣ съ Ордою показалъ необыкновенную храбрость и расторопность, старшиною и, наконецъ, со смертію атамана, Терскій, не смотря на всѣ отговорки, единогласно былъ избранъ въ войсковые атаманы. Когда Терскій отговаривался молодостью своихъ лѣтъ, казаки ему отвѣчали: «въ атаманы нуженъ не старый, а бывалый!» Терскій напомнилъ казакамъ, что онъ «казакъ причинный» [29]). «Развѣ вы забыли, говорилъ онъ, какъ вы на-шарахъ-на палахъ меня валяли?» — «Эта причина не въ причину», отвѣчаютъ казаки, «эта наука, ничего больше! Есть-когда наказывали бы тебя за воровство иль бо за другое какое важное преступленіе противъ обчества, тогда-бъ дѣло иное: тогда-бъ и сами мы тебя атаманомъ не сдѣлали». Терскій не урезонивается, проситъ дать ему три дня сроку, чтобы хорошенько поразмыслить. Казаки не соглашаются, а прямо и настойчиво требуютъ, чтобы Терскій бралъ въ руки атаманскій посохъ и

---

[26]) Т. е. заставили заниматься дѣломъ.

[27]) Т. е. ничего не дѣлать и отшучиваться.

[28]) «На-шары-на палы», своего рода штрафованіе; и теперь можно встрѣтить между казачатами. Такъ, напр., если казаченокъ сдѣлаетъ въ игрѣ какую-либо фальшь, или въ срединѣ игры закапризничаетъ и броситъ игру; то участники игры, чтобы отучить товарища отъ подобныхъ выходокъ, закричатъ: «на-шары-на-палы», и если угроза не подѣйствуетъ, товарищи хватаютъ капризника за ноги и за руки и кладутъ его на рядъ разложенныхъ на землю палочекъ, а потомъ, какъ валькомъ по скалкѣ, начинаютъ катать виновника по палкамъ. Надобно замѣтить, что казачата принимаютъ при этомъ въ разсчетъ не физическую боль, а нравственное униженіе.

[29]) «Причинный» у казаковъ тоже, что штрафованный.

заправлялъ ихъ дѣлами. «Полно, товарищъ, очуряться» [30]), сказалъ одинъ изъ казаковъ, «тебѣ же хуже будетъ». «Смотри», говорилъ казакъ шуткою, «опять взвалимъ на-шары-на-палы!» Весь казачій кругъ и самъ Терскій засмѣялись. «Ну такъ быть по вашему!» сказалъ, наконецъ, Терскій и, взявъ съ казаковъ подписку [31]), что они во всемъ будутъ его слушаться, принялъ званіе атамана и соединенные съ нимъ знаки достоинства.

Закаливъ себя въ борьбѣ съ природою и врагами, Яицкіе казаки требовали, чтобы и всякій, желавшій быть казакомъ, былъ смѣлымъ, дѣятельнымъ и предпріимчивымъ; «увальней» и лѣнтяевъ, подобныхъ Терскому, они «учили труду да уму-разуму», а если «наука въ толкъ не шла», то выгоняли такихъ вонъ изъ предѣловъ своей страны. Вотъ почему Яицкое казачество является въ исторіи смѣлымъ, храбрымъ, предпріимчивымъ, способнымъ, но стойкимъ въ своихъ стремленіяхъ до упорства, особенно когда задѣваются ихъ обычаи, права и привиллегіи. Вообще нужно сказать, что на берега привольнаго Яика, по выраженію самихъ казаковъ, «шелъ народъ ловкій, смѣлый, храбрый, гордый, народъ съ амбиціей, народъ, которому не жилось на родинѣ, который искалъ вольностей, простора, независимости, словомъ, народъ—первый сортъ».

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь одинъ небольшой разговоръ съ Уральскимъ казакомъ, котораго спросили, какъ онъ думаетъ о происхожденіи своихъ предковъ. Вмѣсто прямаго отвѣта на предложенный вопросъ, старикъ-казакъ прибѣгъ къ сравненію: «Скажу тебѣ притчу, отгадаешь-ли?» замѣтилъ казакъ. «Говори! Попробую, авось и отгадаю», отвѣчалъ спрашивающій. «Пчелка беретъ со всякаго цвѣтка по капелькѣ соку, что выходитъ?» — «Медъ!» отвѣчалъ старику собесѣдникъ. «Отгадалъ!» сказалъ старикъ и продолжалъ: «Подобно сему и наше дѣло: со всякаго, значитъ, сословья по молодцу, и вышло славное и храброе войско Яицкое, а по нынѣшнему Уральское. Это не забывай, голубчикъ, и нашимъ братомъ не брезгуй!»... внушительно заключилъ старичекъ-казакъ [32]).

Такъ смотритъ на свой составъ теперешнее казачество! По нашему мнѣнію, въ словахъ старика-казака много правды, и доказательства этому мы уже видѣли отчасти, говоря о составѣ Яицкаго войска, на основаніи переписи полковника Захарова. Получивъ первоначальный зародышъ на Дону, Яицко-казачья община восприняла въ свой организмъ людей различныхъ народностей и даже различныхъ вѣроисповѣданій. Въ то время, какъ въ другихъ казацкихъ общинахъ требовалось, чтобы вступающій въ нихъ былъ христіанинъ

[30]) Т. е. отказываться и ломаться.

[31]) Казаки, не давая до этого никому никакихъ подписокъ, возстали было противъ Терскаго, но настойчивость послѣдняго и желаніе казаковъ имѣть Терскаго атаманомъ заставили ихъ согласиться на предложеніе ими же избраннаго атамана.

[32]) Слич. Ур. в арх., № 53, стр. 3.

и давалъ обѣтъ безъ пощады губить басурманъ, Яицкіе казаки не пренебрегали, какъ мы знаемъ, никѣмъ и отличались нѣкотораго рода вѣротерпимостью, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ тѣмъ иновѣрцамъ, которые добровольно приходили на Яикъ и селились между ними, съ общаго войсковаго согласія. Обращая плѣнныхъ въ христіанство, Яицкіе казаки позволяли приходившимъ къ нимъ добровольно жить по ихъ вѣрѣ [33]).

Главное мѣсто первоначальнаго поселенія Яицкихъ казаковъ было не тамъ, гдѣ теперешній Уральскъ, а по всей вѣроятности, оно находилось, гдѣ теперь остатки такъ называемаго Голубаго Городища. Это возвышенное мѣсто, на подобіе гребня, упирающееся въ Яикъ, верстахъ въ трехъ отъ верхняго Кошевскаго устья, по теченію рѣки Урала. Въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, какъ передаютъ казаки, Уралъ сильно сталъ подмывать въ этомъ мѣстѣ яръ и сорвалъ почти все городище. Хотя нѣкоторые признаки остались и теперь; но въ пятидесятыхъ годахъ всѣ рвы и валы были видны, даже очень были замѣтны самыя основанія кирпичныхъ башенъ; въ 1856 году разливъ Урала уничтожилъ послѣдніе слѣды этихъ башенъ. Весной 1858 года, равно какъ и раньше, здѣсь вырывали человѣческія кости съ признаками гробовъ. Сверхъ городскихъ непосредственныхъ укрѣпленій, городъ былъ защищенъ съ луговой стороны сторожевыми башнями; основанія и рвы нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтны и до сихъ поръ. По преданію Уральскихъ казаковъ и Киргизъ, тутъ жили вольные Русскіе люди, включая сюда и Разина; но, безъ сомнѣнія, Разинъ тутъ не жилъ, а жили выходцы Разина, т. е. участники его бунта. Среди Илецкихъ казаковъ существуетъ преданіе, что на мѣстѣ Голубаго Городища жила Орда; но Илецкіе казаки, какъ давнишніе враги Уральскихъ, могли сочинить такое преданіе и нарочно, чтобы уничтожить всякую догадку, что тутъ жили когда-то Яицкіе казаки и, при удобномъ случаѣ, заявить свои притязанія на эту мѣстность. Впрочемъ, и Палласъ, посѣтившій это мѣсто въ 1768 г., говоритъ, на основаніи разсказовъ Илецкихъ казаковъ, что «то (т. е. Голубое Городище) была крѣпость Нагайскихъ Татаръ»; но такое мнѣніе едвали справедливо. Въ книгѣ «Большему Чертежу», между прочимъ, замѣчено: «противъ устьевъ р. Илека есть островъ Кошъ-Яикъ, а на этомъ острову есть казачій городокъ» [34]). Кромѣ того, если принять мнѣніе Палласа, то какимъ образомъ очутятся около Нагайской крѣпости гроба? Извѣстно, что Татары и Киргизы хоронятъ умершихъ безъ гробовъ; ясно, что тутъ жили христіане. Нѣсколько пониже Голубаго Городища есть возвышенность, называемая «Дуванной»; не служитъ ли и это доказательствомъ, что тутъ жили Русскіе вольные люди, дуванъ дуванившіе [35])? Впослѣдствіи казакамъ не понравилась эта мѣстность, и они рѣшились поселиться нѣсколько ниже такъ называемой Орѣшной Луки, у крас-

---

[33]) Уральск. В. Вѣд. 1869, № 23, стр. 11.

[34]) См. изд. 1838 г. Спб., стр. 69.

[35]) Т.-е. дѣлившіе награбленную добычу.

ныхъ Кирсановскихъ яровъ, гдѣ теперь находится Кирсановскій форпостъ, отстоящій на 85 верстъ отъ Уральска по большой Оренбургской дорогѣ. Въ Кирсановскомъ форпостѣ еще и понынѣ замѣтны признаки довольно большаго вала, который, какъ можно предполагать, начинался отъ р. Урала и подходилъ къ ерику. Въ настоящее время эта мѣстность нѣсколько измѣнилась: гдѣ былъ ерикъ, тутъ теперь течетъ Уралъ, а на прежнемъ руслѣ Урала образовалось поемное мѣсто, поросшее лѣсомъ. Столкновенія съ кочевниками и нѣкоторыя природныя невыгоды этой мѣстности заставили Яицкихъ казаковъ покинуть и Кирсановскія яры: въ половинѣ XVII в. [36]) городъ былъ перенесенъ на то самое мѣсто, гдѣ находится и теперь, т. е. къ устью р. Чагана, впадающей съ правой стороны въ Уралъ и принимающей въ себя р. Деркулъ; слѣдовательно, настоящій Уральскъ существуетъ около 237 лѣтъ.

Главнѣйшимъ источникомъ продовольствія этой разноплеменной и разнохарактерной общины, безъ сомнѣнія, издавна служилъ Яикъ, или теперешній Уралъ, который, особенно тогда, былъ богатъ красною рыбою и который Яицкіе казаки такъ удачно называютъ въ своихъ пѣсняхъ «золотымъ донышкомъ съ серебряной покрышечкой». Занявъ огромныя луговыя и степныя пространства по Уралу, казаки безъ особеннаго труда, но съ большимъ успѣхомъ, могли заниматься скотоводствомъ, которое и доселѣ, послѣ рыболовства, составляетъ у нихъ весьма важную и выгодную статью народнаго богатства. Но, находясь вдали отъ заселенныхъ мѣстъ, казаки не всегда имѣли возможность вымѣнивать на рыбу, клей и икру—хлѣбъ, одежду и т. п. необходимые для жизни предметы. Недостатокъ хлѣба, денегъ и другихъ вещей они, помимо торговли и мѣны, пополняли грабежемъ и разбоемъ въ аулахъ сосѣднихъ кочевыхъ народовъ, Киргизовъ и Калмыкъ, а также на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, что у нихъ называлось «промысломъ» въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Къ этому же времени, когда Яицкіе казаки находились еще въ полной независимости отъ Московскаго государя, относятся и походы ихъ въ Хиву, подъ предводительствомъ Нечая и потомъ Шамая; но оба эти похода были не удачны.

Собравъ 500 казаковъ, Нечай отправился съ ними вверхъ по Яику и, достигнувъ Дьяковыхъ горъ [37]), расположился здѣсь станомъ; здѣсь-же собранъ былъ кругъ, для обсужденія вопроса о походѣ въ Хиву. Когда войсковой дьякъ, или писарь, высказался противъ намѣренія Нечая, указавъ на трудность пути, недостатокъ провіанта и малолюдство казаковъ; то Нечай пришелъ въ изступленіе и тутъ же приказалъ повѣсить дьяка, отчего и самыя горы получили названіе «Дьяковыхъ». Нечай отправился дальше и благополучно достигъ Хивы. Ханъ со всѣмъ войскомъ былъ на войнѣ; въ городѣ,

[36]) Смотр. показанія казака Матвѣя Томачкова полковнику Захарову, въ Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 20, стр. 6, ст. 1.

[37]) Дьяковыя горы находятся верстъ на 30 выше теперешняго Уральска.

кромѣ малыхъ, старпковъ да женщинъ, никого не было, почему казаки безпрепятственно вошли въ городъ и завладѣли всѣми сокровищами Хивинцевъ, включая сюда и ханскихъ женъ съ красавицами-Хивиночками. Смѣлые казаки расположились здѣсь, какъ дома и, проводя время «во всякихъ забавахъ» и упоеніи съ Азіатскими красавицами, объ опасности и думать не хотѣли. Но изъ этого безпечнаго положенія вывела ихъ одна изъ ханскихъ женъ, «знатно» полюбившая ихъ храбраго, ловкаго и рѣшительнаго атамана. Она посовѣтовала Нечаю, что если онъ хочетъ спасти себя и другихъ отъ вѣрной гибели; то пусть поспѣшно оставитъ Хиву до возвращенія хана. Нечай, хотя и нескоро, послушался своей наперсницы и выступилъ изъ Хивы, въ сопровожденіи цѣлаго обоза съ богатою добычею; но этотъ-то обозъ и сгубилъ Нечая. Ханъ, вернувшись въ свою столицу, тотчасъ погналъ за казаками и на четвертый день настигъ ихъ на р. Сыръ-Дарьѣ, во время самой переправы казаковъ чрезъ горловину рѣки [38]). Между казаками и Хивинцами завязался жаркій бой: много было побито Хивинцевъ, а изъ казаковъ спаслись только четверо, которые явились на Яикъ и разсказали о гибели Нечая и его отряда. Преданіе о походѣ Нечая въ Хиву до сихъ поръ сохранилось въ народной памяти и пѣсняхъ Уральскихъ казаковъ. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ:

«Не ясные соколики слеталися,
Не визири Хивинскіе съѣзжалися,—
Сходились и съѣзжались добры молодцы,
Казаки удалые При-уральскіе,
И крѣпкую же думушку тутъ думали:
—Кому изъ насъ, ребята, атаманомъ быть?
Атаманомъ быть, ребята, есауломъ слыть?
Мы выберемъ себѣ здѣсь въ атаманушки,
Налёта мы возьмемъ себѣ походнаго,
Нечая-казака возьмемъ бывалаго!
Нечай заговоритъ — словно труба вострубитъ;
Начнетъ покрикивать—словно свирѣль свиститъ:
А долго-ль намъ, ребята, на моряхъ стоять?
Все на моряхъ стоять, такъ лишь разбой держать?
Пора намъ, ребятамъ, пора опомниться,
Пора опомниться, пора вспокаяться!
Вспокаемся, ребята, Царю-Бѣлому,
Пойдемтет-ко, ребятушки, въ Россіюшку,
Снесемъ-ко свои головы повинныя!...
Не то—пойдемъ теперь, заполонимъ Хиву,

---

[38]) Рычковъ передаетъ, что, по заявленію войсковыхъ атамановъ, «яко-бы Хивинцы съ того времени оную горловину, которая изъ Аральскаго моря въ Каспійское впала, на устьѣ ея отъ Каспійскаго моря завалили, въ такомъ разсужденіи, дабы въ предбудущія времена изъ моря въ море судами ходу не было». См. его Топогр. Ор. губ. Слич. соч. Пушкина, т. VI, 213.

Мы Дарью-рѣку пройдемъ рано съ вечера,
Кувань рѣку пройдемъ въ глухую полночь,
Въ Хиву прійдемъ, ребятушки, на зоренькѣ;
Хивинскому султану не поклонимся,
Въ Хивѣ привольно заживемъ мы барами!»

Неудачный исходъ предпріятія Нечая, не послушавшагося проницательнаго дьяка, не научилъ казаковъ осторожности; жажда богатой добычи по прежнему манила ихъ въ заклятую Хиву. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего поселенія на теперешнемъ мѣстѣ Уральска, казаки въ числѣ 300 человѣкъ, подъ предводительствомъ Шамая, снова отправились въ Хиву; но на этотъ разъ, вмѣсто заманчивой поживы на счетъ Хивинцевъ, казакамъ пришлось добровольно просить ихъ о своемъ плѣнѣ, лишь-бы избѣжать всѣхъ ужасовъ и мученій голодной смерти. На пути они столкнулись съ Калмыками, которые лишили ихъ храбраго Шамая, взявъ его въ плѣнъ, въ отмщеніе за то, что казаки захватили двухъ гулебщиковъ изъ Калмыкъ, въ качествѣ проводниковъ до Хивы, и на просьбу Калмыковъ возвратить имъ плѣнниковъ, въ замѣнъ атамана, отвѣчали: «у насъ атамановъ много, а безъ вождей пробыть намъ нельзя!» Отправившись дальше, казаки сбились съ пути и должны были зазимовать на Аральскомъ морѣ. Скоро провіантъ у нихъ вышелъ, начали голодать; голодъ усиливался и, наконецъ, вынудилъ ихъ по жребію убивать другъ друга, чтобы не умереть всѣмъ съ голоду. Народу оставалось мало, а до конца зимы было еще далеко. Сила обстоятельствъ заставила гордыхъ казаковъ обратиться за помощью къ тѣмъ, кого они шли грабить и убивать. Оставшіеся изъ нихъ въ живыхъ послали къ Хивинцамъ съ просьбою, чтобы они спасли ихъ отъ голодной смерти. Хивинцы явились къ изнемогшимъ казакамъ и всѣхъ ихъ увезли въ заклятую Хиву; Шамай же, чрезъ нѣсколько времени, вывезенъ былъ Калмыками на Яикъ и отданъ въ войско.

Интересно объясненіе этихъ, какъ и другихъ, казацкихъ неудачъ, сохранившееся въ преданіи о казакѣ Терскомъ. Выше мы видѣли, что Терскій, принимая званіе атамана, требовалъ отъ казаковъ подписки, что они во всемъ будутъ его слушаться.

— Да какъ же мы не будемъ тебя слушаться? возразили казаки,— на то ты и атаманъ!

— Однако, говоритъ Терскій, — отобравши отъ васъ руки [39], я буду спокойнѣе.

— Да у насъ этого никогда не бывало, отвѣчали казаки.

— Если прежде не бывало, пусть теперь будетъ; чего боитесь?! замѣтилъ Терскій.

Казаки подумали и согласились дать Терскому руки, чтобы только «ублажить» его.

Съ наступленіемъ весны, казаки вздумали отправиться на «промыселъ» въ Киргизскіе аулы и на Каспійское море. Терскій не

[39]) Дать руки, по выраженію казаковъ,—тоже, что дать подписку.

соглашается, представляя въ основаніе, что годъ высокосный, что Касьянъ Римлянинъ обидится, а потому успѣха не будетъ; и что, испытавъ разъ неудачу въ высокосный годъ, они постоянно и ни въ чемъ не будутъ имѣть удачи. «Если нынѣ не пойдемъ на промыселъ», говорилъ Терскій, «то вѣчно будемъ ходить; а если теперь пойдемъ, то никогда уже ходить не будемъ: фортуна служить не будетъ!» Но казаки, не внимая резонамъ атамана, требовали похода. Терскій показалъ имъ «заручный листъ» и напомнилъ казакамъ, что они сами обязались подпискою не выходить изъ повиновенія атаману. Казаки «пуще прежняго уперлись», разсказываетъ преданіе.—«Вишь гусь сиволапчатый!» говорили казаки про Терскаго.—«Вонъ онъ зачѣмъ требовалъ отъ насъ руки-то, чтобы совсѣмъ волю съ насъ снять; нѣтъ, братъ, дудки!» кричали въ кругу.—«Что бы тамъ ни случилось, а пойдемъ въ походъ; на зло атаману пойдемъ, чтобы впередъ не было атаманамъ повадки распоряжаться нами по своей волѣ!» Въ тотъ же день казаки собрались снова въ кругъ и выбрали новаго атамана: «заручный листъ» потерялъ свою силу. Новый атаманъ повелъ казаковъ въ море и «попалъ»,—по выраженію преданія, «словно куръ во щи». На Персидскомъ берегу, казаки зашли въ засаду, и половина ихъ погибла, а прочіе въ добычу получили «брусъ съ оселкомъ». Послѣ того, собравшись съ силами, казаки «пошли сухопутьемъ въ Орду», — таже исторія: казаковъ порядкомъ пощипали; отправились въ Хиву,—домой не вернулись; словомъ, куда послѣ того казаки ни пойдутъ, вездѣ ихъ сопровождаетъ неудача, уронъ да уронъ. Такъ сбылось (говорятъ казаки) предсказаніе Терскаго: фортуна служить отказалась. Казаки дулись-дулись да и перевернулись: рѣшились идти въ Москву и просить подданства; подданство выпросили, а фортуну все-таки не воротили; покинула она казаковъ на вѣки вѣчные» [40]).

Изъ приведенной выше пѣсни о походѣ Нечая видно, что Яицкіе казаки, отправляясь въ Хиву, имѣли уже намѣреніе «вспокаяться» и идти «въ Россіюшку съ повинною», но потомъ рѣшились отправиться въ походъ и завоевать Хиву. Не думали-ли Яицкіе казаки послѣдовать въ этомъ случаѣ Ермаку Тимоѳеевичу? Не было ли у нихъ намѣренія сначала покорить Хиву, а потомъ уже идти и упасть къ ногамъ «Царя-Бѣлаго?». Впрочемъ, изъ пѣсни этого невидно. Вообще преданіе не опредѣляетъ времени присоединенія Яицкихъ казаковъ къ Московскому государству; но изъ другихъ данныхъ видно, что это присоединеніе произошло не раньше вступленія на престолъ Михаила Ѳеодоровича.

По словамъ Неплюева (въ его донесеніи въ Военную Коллегію), Яицкіе казаки, отбивъ нападенія на ихъ городокъ Золотой Орды, послѣ долго еще жили независимо отъ Московскаго правительства; потомъ «собрався, учинили совѣтъ и послали отъ себя двухъ человѣкъ: одного Русскаго, а другаго Татарина, блаженныя памяти къ

---

[40]) См. Ур. в. арх., № 53, стр. 10 и 11.

великому государю, царю и великому князю Михаилу Θеодоровичу, чтобы они приняты были подъ власть его царскаго величества, служить ему великому государю и его наслѣдникамъ, и по тому ихъ прошенію дана имъ была на р. Яикъ съ сущими при ней рѣки и протоки и со всякими угодьи, отъ вершинъ той рѣки до устья, его великаго государя жалованная грамота, чтобы имъ на той рѣкѣ жить и владѣть, и ему великому государю служить казачью службу, и набираться на житье вольными людьми; токмо-де та грамота въ давнихъ годѣхъ, въ пожарное время, сгорѣла, а изъ котораго приказу дана была, того нынѣ на Яикѣ никто не помнитъ» [41]).

Между тѣмъ раньше, равно какъ и позже [42]), Яицкіе казаки относили выдачу этой грамоты то къ царствованію Алексѣя Михайловича [43]), то ко времени сына его Θедора Алексѣевича, то къ правленію Софіи. Такъ въ Декабрѣ 1720 года, челобитчики отъ Яицкаго войска, прося возстановленія своихъ правъ на р. Яикъ, говорили, что прежняя грамота, которая была выдана войску «въ прошлыхъ годѣхъ, чему будетъ лѣтъ съ сорокъ» [44]), сгорѣла, и что Башкиры, Калмыки и Самаряне, узнавъ объ этомъ, «чинятъ войску изневажество немалое» и имъ, казакамъ, «противиться стало не почему».

Военная Коллегія распорядилась, чтобы наведены были справки о мѣстѣ и о времени выдачи этой грамоты Яицкому войску въ архивахъ тѣхъ присутственныхъ мѣстъ, въ вѣдѣніи которыхъ находились Яицкіе казаки, но опредѣленнаго ничего не нашли, почему Военная Коллегія челобитную войска о выдачѣ новой «владѣннной» представила на усмотрѣніе и рѣшеніе Сената.

Такимъ образомъ, ссылаясь на свою «владѣнную», Яицкое войско не могло опредѣлить въ точности ни времени, ни мѣста выдачи этой грамоты. Не рѣшила этого вопроса, какъ мы видѣли, и Военная Коллегія. Основываясь на грамотѣ царей Петра и Іоанна Алексѣевичей, гдѣ говорится о прежнихъ службахъ Яицкаго войска со временъ царя Михаила, мы думаемъ, что жалованная грамота была выдана Яицкимъ казакамъ при царѣ Михаилѣ; тогда же Яицкіе казаки признали надъ собою и власть Московскаго Государя.

---

[41]) См. Ур. в. арх., № 3, л. 3-й на оборотѣ.

[42]) См. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 30 и 33. Прошеніе казаковъ согласной стороны въ Военную Коллегію, на имя Государыни, въ Февралѣ 1770 года, объ увольненіи отъ легіонной службы.

[43]) Въ выпискѣ изъ Оренбургской секретной коммиссіи (См. Чт. Общ. Истор. и Древн. 1859, кн. 3) значится, что Яицкіе казаки, въ числѣ 500 челов., избравъ мѣсто нынѣшняго поселенія, принесли повинную царю Алексѣю Михайловичу, отъ котораго и получили владѣнную грамоту, а также крестъ и бороду, при чемъ имъ положено было выдавать по $1/4$ муки и по полуфунту свинцу и пороху на каждаго въ годъ.

[44]) Слѣдовательно въ 1680 г. Дальше мы приведемъ эту интересную челобитную вполнѣ.

Дальше мы увидимъ, что въ 1629 году они дрались уже съ Крымскими Татарами, подъ предводительствомъ князя Солнцева-Засѣкина и Благова. Московское правительство, будучи само не въ состояніи владѣть Яикомъ, не имѣя надлежащихъ свѣдѣній объ обширности и богатствѣ При-яицкихъ земель и не сознавая еще всей ихъ важности для государства въ торговомъ и политическомъ отношеніи, не находило и повода отказать Яицкимъ казакамъ въ просимой грамотѣ на владѣніе всѣмъ Яикомъ [45]). Правда, верховья Яика еще раньше принадлежали Башкирцамъ и въ царствованіе Іоанна Грознаго были утверждены за ними особою грамотою [46]); но это не могло стѣснять Московскаго правительства въ выдачѣ жалованной грамоты Яицкому войску, которое особенно дорожило южною половиною рѣки. Правительство впослѣдствіи селило на При-яицкихъ земляхъ разныхъ людей, не справляясь, кому эти земли принадлежатъ [47]). Этотъ-то приливъ населенія, если онъ не былъ въ интересахъ казаковъ, равно какъ и захватъ сосѣдними поселенцами края войсковыхъ угодій, естественно могъ возбудить въ казакахъ желаніе, чтобы Московскіе государи, вступая на престолъ, подтверждали особыми грамотами владѣльческія права Яицкаго войска, дарованныя ему первоначально царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ.

Вслѣдствіе этого, Яицкіе казаки могли получать «владѣнныя» подтвердительныя [48]) и при Алексѣѣ Михайловичѣ, и при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ, и въ правленіе Софьи; а пожаръ, бывшій въ концѣ XVII столѣтія и истребившій Войсковую Избу, гдѣ хранилась «владѣнная», заставилъ войско въ 1720 г. просить такую же грамоту и у Петра Великаго, дабы «всякому изневажеству было почему противиться». Въ этомъ-то обстоятельствѣ и скрывается, по всей вѣроятности, причина, а также и разгадка того разнорѣчія, которое указано нами выше, относительно времени полученія Яицкимъ войскомъ грамоты на р. Яикъ.

Признавъ надъ собою власть Московскаго государя, Яицкое войско почти цѣлое столѣтіе находилось въ весьма слабой зависимо-

---

[45]) См. «Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 года». Казань, 1869 г., Н. Ѳирсова, стр. 318.

[46]) См. копію съ этой грамоты у Рябинина, ч. II, прим. I. Изъ этой копіи видно, что Башкирцамъ пожалованы были многія изъ тѣхъ земель, на которыя предъявляли свои права Яицкіе казаки. Впрочемъ Рябининъ заподозриваетъ подлинность этой грамоты, хотя и бездоказательно. См. ч. I, 17.

[47]) У Ѳирсова, стр. 318.

[48]) Подобныя подтвердительныя грамоты получало и Донское войско. Такъ, 10 Марта 1746 г., императрица Елисавета Петровна жаловала Донскому войску грамоту, въ замѣнъ грамоты 1706 года, сгорѣвшей вмѣстѣ съ войсковыми клейнодами, пожалованными Петромъ Великимъ. Этою грамотою подтверждалась прежняя, данная Петромъ, за вѣрность Донскаго войска, обнаруженную во время Астраханскаго бунта 1705 года. См. «Очеркъ царствованія Елисаветы Петровны», Ешевскаго, статья 3-я, стр. 24 въ Отечеств. Запискахъ 1868 г., № 10.

сти отъ Московскаго правительства, которое, вслѣдствіе своихъ еще неокрѣпшихъ силъ, не могло принять дѣятельнаго участія въ казачьихъ порядкахъ. Пользуясь такимъ положеніемъ дѣлъ, казаки, по прежнему, ходили на свои «промыслы» въ сосѣдніе аулы и смежныя Русскія селенія, принимая дѣятельное участіе и въ бунтахъ на Руси, какъ, напримѣръ, въ бунтѣ Стеньки Разина [49]; если же имъ случалось попадать въ тиски къ царскимъ войскамъ, тогда казаки раскаявались и хотѣли заслужить свои вины предъ Великимъ Государемъ, участвуя въ войнахъ и походахъ, предпринимаемыхъ Россіею въ разное время. Московское правительство познакомилось съ Яицкимъ войскомъ съ 1614 года, когда Яицкіе казаки дали у себя пріютъ Маринѣ Мнишекъ и ея послѣднему любовнику Ивану Заруцкому, который возмущалъ весь Прикаспійскій край, заставляя присягать сыну Марины, рожденному отъ втораго Самозванца. Марина и Заруцкій укрылись отъ царскихъ стрѣльцовъ на Медвѣжьемъ островѣ [50], гдѣ 24 Іюня 1614 г. и были найдены. Заруцкій и сынъ Марины преданы позорной казни, а сама Марина умерла въ темницѣ; главный казачій атаманъ Баловень схваченъ и повѣшенъ, другіе бунтовщики разосланы по тюрьмамъ. Впрочемъ, казаки и послѣ этого не переставали безпокоить Московское правительство; Яицкіе же казаки грабили не только Русскихъ, но и Персидскихъ подданныхъ. Бунтъ Разина расшаталъ особенно необузданную волю сыновъ Яика. Между тѣмъ обстоятельства складывались такъ, что положеніе казацкой общины въ Русскомъ государствѣ, въ составъ котораго она входила, должно было измѣниться, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвергнуться перемѣнамъ общественный и экономическій бытъ казаковъ. Центральная власть пріобрѣтала все больше силы и крѣпости и не могла дальше мириться съ такими порядками казацкой общины, которые, не зная про ея законы и указанія, были въ ущербъ государству. Въ мѣстахъ, смежныхъ съ казачьими землями, стали утверждаться царскіе воеводы и служилые люди, которые требовали отъ казаковъ безусловнаго повиновенія царской волѣ. Когда на устьѣ Яика возникъ Гурьевъ городокъ, Яицкіе казаки были отрѣзаны отъ моря, по которому они такъ любили разгуливать на своихъ стругахъ за «дуванными промыслами»; на устьѣ Яика-Горыныча утвердились Московскіе воинскіе люди, которые теперь заграждали казакамъ дорогу къ своевольнымъ грабежамъ Прикаспійскихъ селеній и промышленниковъ на Каспійскомъ морѣ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ объ основаніи Гурьева городка Оренбургскій губернаторъ князь Волконскій: «Гурьевъ городокъ построенъ первоначально

[49]) Уральскіе казаки особенно не любятъ, когда ихъ называютъ «Разино отродье» или же «Разины дѣти». См. Уральцы Желѣзнова ч. I, стр. 66.

[50]) Медвѣжій островъ на р. Яикѣ, нѣсколько выше Кулагиной крѣпости. На имѣющейся у насъ ланкартѣ 1745 г., составленной геодезистомъ Чичаговымъ, выше Кулагиной крѣпости обозначено «Маринкино городище»; противъ него-то, вѣроятно, и находится Медвѣжій о-въ. Сличи Акты Истор., т. III, № 32, подъ 1614 г.

не отъ казны, но купцомъ изъ Великороссійскихъ городовъ, Михайлою Гурьевымъ, гораздо прежде заселенія Уральской линіи нынѣшними казаками, еще во времена варварства, когда Татары Золотой Орды были владѣльцами въ имѣвшемся отъ Гурьева, вверхъ по рѣкѣ Уралу, Татарскомъ городкѣ Сарайчикѣ [51]). Купецъ Гурьевъ былъ привлеченъ къ сему мѣсту выгодами рыбной промышленности. Сначала онъ платилъ подать Татарскимъ владѣльцамъ за дозволеніе производить безопасно рыболовство въ устьѣ рѣки Урала и при берегахъ Каспійскаго моря; но, приведши въ Гурьевѣ крѣпостное строеніе въ оборонительное состояніе, онъ отказался отъ платежа дани и, защищая свою собственность, такъ усилился, что промыслы свои могъ производить безпрепятственно, заимствуясь необходимыми для того людьми изъ Астрахани и изъ другихъ мѣстъ»[52]).

Такимъ образомъ первоначальное основаніе [53]) и заселеніе Гурьева городка было результатомъ желанія частнаго человѣка обезопасить рыбные промыслы отъ нападеній и грабежей сосѣднихъ кочевниковъ и Татаръ; слѣдовательно основателю его, какъ замѣчаетъ князь Волконскій, не могло придти и въ голову тѣхъ затрудненій, которыя должно было испытать потомъ Московское правительство, принявшее впослѣдствіи Гурьевъ въ казну, относительно расположенія въ немъ «воинскихъ командъ». Со времени поступленія Гурьева въ казну и причисленія его къ Астраханской губерніи, при самомъ устьѣ Яика, въ пяти верстахъ отъ города, устроена была брандвахта, или отводный караулъ, который долженъ былъ наблюдать, чтобы въ морѣ не было «грабительства, неуказаннаго рыболовства и проѣзжихъ судовъ безъ вида» [54]); въ самомъ же городѣ была расположена рота Астрахан-

---

[51]) См. въ Ур. в. арх. (№ 68) мнѣніе кн. Волконскаго, представленное въ Ноябрѣ 1810 г. за № 1640, военному министру графу Аракчееву, и указъ объ утвержденіи этого мнѣнія. Сущность этого мнѣнія заключается въ слѣдующемъ. Въ началѣ текущаго столѣтія Гурьевъ почти весь уничтоженъ былъ пожаромъ, почему военный министръ, вмѣсто возобновленія Гурьева, думалъ было построить крѣпость, въ 57 верстахъ отъ города, выше по Уралу, на мѣстѣ Сарайчика, какъ представлялъ генералъ-инженеръ Князевъ; но Аракчеевъ счелъ нужнымъ спросить сначала мнѣнія о томъ Оренбургскаго губернатора. Кн. Волконскій заявилъ, что, по его мнѣнію, лучше не дѣлать никакихъ укрѣпленій и отдать Гурьевъ въ полное распоряженіе Уральскихъ казаковъ, которые обязались возобновить городъ, возвести въ немъ нужныя укрѣпленія на свой счетъ и содержать въ городѣ постоянно 200 чел. казаковъ, что и было принято и утверждено особымъ указомъ.

[52]) Тоже самое говоритъ объ основаніи Гурьева и Рычковъ въ своей Топографіи. См. ч. II, стр. 22.

[53]) Нѣкоторые относятъ основаніе этого городка къ первой половинѣ XVII стол. (между 1640 и 1645 г.). Слич. Уральцы. I. Желѣзнова, ч. 2, стр. 66, а также: «Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г.» и пр. Н. Ѳирсова, стр. 320.

[54]) Въ Августѣ 1770 год. брандвахта была уничтожена, вслѣдствіе распоряженія Оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа. См. Ур в. арх., № 34, стр. 14. Рапортъ Рейнсдорпа 5 Августа 1770.

скаго гарнизона для защиты рыбопромышленниковъ, въ случаѣ нападенія Киргизовъ или другихъ хищниковъ. Подъ прикрытіемъ Гурьева устроенъ былъ на устьѣ Яика учугъ, или перебой изъ бревенъ поперекъ всей рѣки, чтобы чрезъ то заградить путь морской рыбѣ вверхъ по рѣкѣ.

Яицкіе казаки очень хорошо понимали всѣ невыгоды, которыя имъ приходилось испытать отъ устройства Гурьева и въ особенности отъ его учуговъ, наносившихъ большой ущербъ рыболовству казаковъ. Вслѣдствіе этого, Яицкіе казаки всячески старались воспрепятствовать строенію Гурьева, но безъ успѣха. Въ 1667 году, подъ начальствомъ Васьки Касимова, они спустились по Яику, разграбили Гурьевъ и ушли въ Каспійское море, гдѣ на разныхъ островахъ и имѣли убѣжища. Главными притонами были острова: Камынинъ, Каменный, Святой и Песчаный; особенно казаки любили островъ Камынинъ [55]). Этотъ островъ упоминается въ пѣсняхъ Уральскихъ казаковъ, такъ напр. въ пѣснѣ: «Яикъ, ты нашъ, Яикушка»... говорится:

«На островѣ Камынинѣ,
Братцы, старики живутъ;
Старики, братцы, старожилые,
Они по девяносту лѣтъ.
Съ покоренною Золотой Ордой
Старики, братцы, въ ладу живутъ».

Здѣсь они нерѣдко проводили зиму и заготовляли себѣ струги, въ которыхъ разъѣзжали по Каспійскому морю, грабя Персидскія селенія. Случалось, что обитатели привольнаго Яика попадали въ руки Персидскихъ шаховъ и, для спасенія жизни, принимали ихъ вѣру, или, по выраженію актовъ, «обасурманивались», какъ это случилось, напримѣръ, съ двадцатью казаками, выброшенными бурею въ 1678 г. на берегъ Баки и попавшими въ плѣнъ къ Персидскому шаху [56]).

Московское правительство, усмиривъ Разинское возмущеніе, въ которомъ принимали участіе и Яицкіе казаки, стало сильно и на нижнемъ Яикѣ. Въ 1670 г. оно подчинило Яицкое войско вѣдомству Казанскаго Приказа и стало наряжать казаковъ на внѣшнюю службу [57]).

Во внутреннемъ, такъ сказать, домашнемъ своемъ распорядкѣ и устройствѣ Яицкое войско представляло родъ республики или скорѣе—характеръ древневѣчеваго устройства. Всѣ члены Яицкой общины были равные между собою; всѣ подчинялись одинаковымъ правиламъ и слѣдовали одинаковымъ обычаямъ, вытекавшимъ изъ условій самой жизни и потому имѣвшимъ силу обычнаго права. Домашнее правленіе у казаковъ было выборное. Главу общины, войсковаго атамана, равно какъ и всѣхъ должностныхъ лицъ, казаки вольными и согласными голосами выбирали изъ среды своей и давали имъ власть

---

[55]) Дополн. къ Акт. Истор., т. VII, № 48, стр. 249 и д.

[56]) Дополн. къ Акт. Истор. т. VII, стр. 260.

[57]) О службахъ Яицкихъ казаковъ см. дальше въ главѣ VI-й нашего очерка.

творить судъ и расправу надъ собой, однакожъ, въ тѣхъ размѣрахъ, какіе допускались обычнымъ правомъ народа,—не болѣе. Дѣла обыкновенныя, ежедневныя, напримѣръ, тяжбы разнаго рода, ссоры и т. п., разбирались и рѣшались атаманомъ и его помощниками, старшинами; дѣла же важныя, касавшіяся интересовъ всего общества, или дѣла уголовныя обсуждались и рѣшались большинствомъ голосовъ въ войсковомъ кругу, имѣвшемъ характеръ Славянскаго вѣча, гдѣ каждый имѣлъ право голоса. Наканунѣ собранія круга, одинъ изъ ближнихъ атамана [58]), одѣтый въ роскошное платье [59]), съ жезломъ въ рукахъ, на богато-убранной лошади разъѣзжалъ по городу и, останавливаясь на каждомъ перекресткѣ, громко взывалъ къ народу: «Послушайте, атаманы и все Донско-яицкое воинство! Не пейте зелена вина, ни дароваго, ни купленнаго; заутра кругу быть». Извѣщенные есауломъ и предупрежденные на счетъ чарки зелена вина, казаки съ трезвыми и непохмѣльными головами, въ назначенный день должны были собраться на площадь къ Войсковой Избѣ. Когда всѣ казаки были въ сборѣ, изъ Войсковой Избы выходилъ атаманъ, въ сопровожденіи старшинъ, походныхъ атамановъ и есауловъ. Вотъ атаманъ вступаетъ въ средину перилъ [60]), ограничивающихъ кругъ, снимаетъ шапку, спутники его дѣлаютъ тоже; атаманъ кладетъ къ ногамъ насѣку или булаву,—знакъ атаманскаго достоинства, низко раскланивается во всѣ стороны и излагаетъ казакамъ дѣло, для котораго они собраны. Потомъ, давши довольно значительное время на обсужденіе предложеннаго вопроса, атаманъ спрашивалъ казаковъ: «любо ли вамъ это, атаманы-молодцы, иль нелюбо?» Казаки отвѣ-

---

[58]) Родъ нынѣшняго адъютанта или чиновника особыхъ порученій.

[59]) Яицкіе казаки, по разсказамъ стариковъ, одѣвались такъ: бешметъ бирюзоваго, пунцоваго, малиноваго или желтаго цвѣта,—преимущественно изъ сукна или шелковой матеріи, кругомъ низкаго воротника и по борту галуны; на бешметъ надѣвался суконный малиновый или синій кафтанъ съ очень низкимъ воротникомъ, который оставался незастегнутымъ и шелъ до половины груди открытымъ, такъ что бешметъ было видно; съ половины груди шли крючки или застежки; у рукавовъ кафтана, подъ мышками, были длинныя прорѣхи, куда продѣвались руки, а самые рукава закладывались назадъ и завязывались шнурками или тесьмами; воротникъ кафтана, бортъ и прорѣхи подъ мышками обшивались широкимъ или узкимъ галуномъ, смотря по чину: у старшинъ—широкимъ, у низшихъ—узкимъ. Поверхъ бешмета надѣвалась Азіатская сабля, а на портупею накладывался кушакъ, украшенный серебромъ или каменьями; тутъ же привѣшивались принадлежности огнестрѣльнаго оружія: сумка для пуль, сумка для пороху и др. Галуны на кафтанѣ нашивались и сзади по швамъ, начиная отъ плечъ и шли по всей таліи. Шаровары были широкія и завертывались въ сапоги; шапка въ родѣ уланской; потомъ сдѣлали ее высокою съ закругленными углами. (См. въ Ур. в. арх., по опис. № 18, стр. 79). Слич. Уральцы Желѣзнова ч. 2, стр. 19.

[60]) Въ городѣ мѣсто круга обносилось перилами, а когда кругъ собирался въ полѣ, то нерѣдко толпа народа составляла изъ себя кругъ, замѣняя какъ бы перила, которыхъ не было.

чали «любо» или «нелюбо». Въ послѣднемъ случаѣ, когда голоса раздѣлялись, атаманъ подавалъ знакъ разойтись, и казаки расходились на двѣ части; затѣмъ, смотря по большинству народа въ той или другой сторонѣ, рѣшеніе приводилось въ исполненіе. Съ теченіемъ времени, чѣмъ многолюднѣе становилось войско, тѣмъ, разумѣется, труднѣе было вершить дѣла подобнымъ образомъ. «Понятно, что при такихъ собраніяхъ (замѣчаетъ г. Анучинъ), порядокъ не всегда могъ быть соблюдаемъ; нерѣдко случалось, что недовольные старшинами, казаки бросались на нихъ и стаскивали съ рундука Войсковой Избы, и тутъ же выбирали новыхъ старшинъ и даже атамановъ [61]), по своей волѣ, отставляли, что у нихъ продолжалось до 1723 г.». Сроковъ службы у Яицкихъ казаковъ не было: если выбранный начальникъ хорошо исполнялъ свои обязанности, то сохранялъ за собою возложенную на него должность долгое время, а иногда и всю жизнь, пользуясь въ тоже время нравственнымъ вліяніемъ на казаковъ и матеріальнымъ обезпеченіемъ со стороны народа. Но когда кто изъ выборныхъ, хотя то былъ самъ войсковой атаманъ, не оправдывалъ довѣрія къ нему народа, того община низлагала и обращала въ первобытное состояніе, и тогда начальникъ, котораго уважала и боялась община, нисходилъ въ разрядъ обыкновенныхъ людей. Такимъ образомъ, Яицко-казацкая община всѣхъ необходимыхъ для нея начальниковъ выводила изъ среды себя, и потомъ, когда они становились для нея ненужными, а тѣмъ болѣе вредными, поглощала въ себя же. Такой порядокъ вещей былъ хорошъ и выгоденъ для казаковъ, былъ, что называется, по душѣ имъ.

Въ силу различныхъ историческихъ условій, Московскіе государи явились собирателями Русской земли; на долю же имперіи, созданной Петромъ Великимъ, выпадала другая задача сплотить различныя части Русскаго государства въ стройное цѣлое и подчинить ихъ общей системѣ управленія. Послѣ этого уже нельзя было допускать, чтобы какая либо изъ частей государства была совершенно независима въ своихъ дѣйствіяхъ отъ общаго правительства, чтобы часть эта относилась къ государству враждебно или дружелюбно, смотря по своимъ личнымъ выгодамъ, взглядамъ и убѣжденіямъ. Между тѣмъ, до Петра Великаго, Яицкое войско, какъ мы видѣли, жило и дѣйствовало именно такимъ образомъ, преслѣдуя лишь свои выгоды, иногда въ ущербъ выгодамъ общественнымъ или государственнымъ. Взоры Преобразователя Россіи проникли и на Яикъ. Петръ обратилъ особенное вниманіе на Яицкое войско съ Булавинскаго возмущенія и измѣны Мазепы. Въ 1623 г. Донское войско, равно какъ и Яицкое, поступили въ вѣдѣніе Посольскаго Приказа [62]).

---

[61]) Такъ напр., съ 1685 по 1723 г. казаки смѣнили 12 атамановъ; вотъ имена этихъ лицъ: Семенъ Прокофьевъ, Иванъ Бѣлоусовъ, Яковъ Васильевъ, Осипъ Бѣлоусовъ, Варѳоломей Сергѣевъ, Ѳедоръ Сѣменниковъ, Иванъ Щербаковъ, Григорій Меркурьевъ, Иванъ Бородинъ, Ѳедоръ Араповъ, М. Мироновъ, Иванъ Ивановъ. Современникъ 1864 г. № 4-й «Происшествія на Яикѣ въ 1772 г.».

[62]) Броневскій, Ист. Д. войска, ч. I, гл. III.

Съ 1680 г. и до учрежденія Сената Яицкое войско находилось въ вѣдѣніи Казанскаго Приказа [63]); но это подчиненіе казаковъ ограничивалось, по большей части, только нарядами на внутреннюю и внѣшнюю службу. Съ учрежденіемъ Сената, казаки вскорѣ перешли въ его вѣдѣніе, въ которомъ и находились до 24 Декабря 1719 г.; потомъ Яицкое войско перешло въ вѣдѣніе Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а чрезъ годъ въ вѣдѣніе Военной Коллегіи [64]). Независимо отъ этого, Яицкіе казаки въ дѣлахъ розысковъ, по доносамъ ихъ другъ на друга и вообще по уголовнымъ дѣламъ, не подлежавшимъ рѣшенію войсковаго круга, были подчинены Астраханскому губернатору, Артемію Волынскому, и въ Астрахани, какъ увидимъ, производились надъ казаками первоначальные розыски, а до этого въ Казани; когда же доносъ соединялся съ государевымъ «словомъ», тогда доносчикъ и всѣ оговоренныя имъ лица отсылались въ Москву, гдѣ и производился розыскъ. Указъ о подчиненіи Яицкихъ казаковъ вѣдомству Астраханскаго губернатора состоялся 22 Декабря 1720 г. [65]). Затѣмъ, въ 1744 г. они были подчинены Оренбургскому губернатору, потомъ въ 1782 году Уральское войско по земскимъ дѣламъ было отчислено отъ Оренбургскаго губернатора къ Астраханскому [66]) и въ началѣ настоящаго столѣтія снова подчинено Оренбургскому генералъ-губернатору, въ вѣдѣніи котораго состоитъ и донынѣ.

---

[63]) П. С. З. т. I, № 3616.

[64]) П. С. З. т. V и VI, №№ 3472 и 3750.

[65]) П. С. З. № 3694.

[66]) См. въ Ур. в. арх., № 68. Слич. Ур. В. Вѣд. 1869 г. № 33.

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ.

III [1]).

Вѣсть о кончинѣ Екатерины и о вступленіи на престолъ Павла дошла въ Лондонъ до графа С. Р. Воронцова только черезъ мѣсяцъ,—именно 8 (19) Декабря 1796 года [2]). Если мы зададимся вопросомъ: привѣтствовалъ-ли онъ эту вѣсть радостными упованіями за себя и за дорогую свою Россію, то не рѣшимся отвѣчать на это безусловно утвердительно. Правда, въ письмѣ его къ брату, Александру Романовичу (первомъ, написанномъ изъ Лондона въ Павловское царствованіе), выражается полное сочувствіе начинаніямъ новаго Государя. Отсутствіе карательныхъ воздаяній, которыхъ моглибы страшиться многіе за старые грѣхи, обиліе дарованныхъ милостей и забота о нѣкоторомъ облегченіи народа, заявленная въ отмѣнѣ предписаннаго не задолго передъ тѣмъ рекрутскаго набора и въ уничтоженіи хлѣбной подати, весьма стѣснительной для народа; словомъ, первые шаги новаго правительства, повидимому, были направлены на добрый путь и нравились благомыслящимъ людямъ, которые видѣли стремленіе водворить порядокъ въ запущенныхъ дѣлахъ, строгую законность и быстроту въ дѣйствіяхъ исполнительной власти, точность въ соблюденіи служебныхъ уставовъ. Съ другой стороны, графъ Семенъ Романовичъ, при непрерывныхъ сношеніяхъ своихъ съ близкими ко двору лицами, имѣлъ настолько вѣрныя свѣдѣнія о наклонномъ къ крайнимъ увлеченіямъ характерѣ и своеобразныхъ привычкахъ Государя, еще въ бытность его наслѣдникомъ престола, что не могъ вполнѣ вѣрить въ устойчивость направленія, выказаннаго въ первое время царствованія. Собственно для себя самого онъ имѣлъ поводъ ожидать только милостей и вниманія,—и онъ одинъ изъ семьи Воронцовыхъ. Что касается прочихъ лицъ этой семьи, то Павелъ питалъ неодолимое отвращеніе, во-первыхъ, къ княгинѣ Дашковой, участницѣ заговора противъ отца его и женщинѣ отталкивающаго характера; а во-вторыхъ, онъ не жаловалъ неугодливаго

[1]) См. выше, стр. 168.

[2]) Это объясняется позднимъ временемъ года, отчего происходило затрудненіе въ путяхъ сообщенія. Особаго гонца съ извѣщеніемъ въ Лондонъ о новомъ царствованіи, видно, не посылали. Впрочемъ, въ 1760 г. нарочный гонецъ изъ Петербурга въ Парижъ къ умиравшей княгинѣ Ангальтъ-Цербтской (Екатерининой матери) ѣхалъ около мѣсяца. См. «Осмнадц. Вѣкъ» кн. I-я, стр. 38.

П. Б.

графа Александра Романовича, особенно съ тѣхъ поръ, какъ сей послѣдній далъ у себя пожизненный пріютъ другу своему, удаленному Павломъ отъ долголѣтней службы, Швейцарцу Лафермьеру, секретарю и библіотекарю великой княгини Маріи Ѳеодоровны [1]). Но на графа Семена Романовича не распространялось царское неблаговоленіе къ его роднымъ [2]). Графъ Безбородко, получившій снова великое вліяніе на дѣла, конечно содѣйствовалъ этому. Въ глазахъ Павла Петровича имѣли еще большой вѣсъ небезъизвѣстныя ему обстоятельства, доказавшія въ 1762-мъ году преданность графа Семена Воронцова своему долгу, а въ послѣдующее время замѣчательное умѣнье его держать себя съ возможною самостоятельностію въ долголѣтней службѣ, доблестной и на боевомъ, и на дипломатическомъ поприщѣ. Поклонникъ фельдмаршала Румянцова не могъ забыть о ревностномъ его приверженцѣ, о которомъ безъ сомнѣнія напоминалъ ему одинъ изъ любимѣйшихъ, каждодневныхъ собесѣдниковъ Ѳ. В. Ростопчинъ, давній восторженный почитатель и другъ графа С. Р. Воронцова.

Объ этой дружбѣ, завязавшейся нѣсколько оригинально и длившейся почти во всю жизнь обоихъ друзей, стòитъ войти въ нѣкоторыя подробности. Такія отношенія, вообще, бываютъ рѣдкими явленіями, а въ настоящемъ случаѣ имѣютъ еще особый интересъ, въ виду характеровъ и ролей той и другой личности. Ни по лѣтамъ, ни свойствамъ они не были сходны между собою; но ихъ связывала одинаковая горячая любовь къ Россіи, взаимное уваженіе и нѣкоторыя общія черты въ образѣ мыслей. Въ остальномъ же эти два человѣка могли сходиться развѣ какъ сходятся крайности,—чтò ничуть не вредило гармоніи отношеній. Ростопчинъ почти на двадцать лѣтъ былъ моложе графа С. Р. Воронцова, а по натурѣ много впечатлительнѣе его, живѣе и податливѣе на увлеченія въ мнѣніяхъ и поступкахъ. Нервный, желчно-раздражительный, одаренный бойкимъ остроуміемъ, не всегда разборчивый въ выходкахъ, этотъ порывистый человѣкъ, часто погрѣшавшій словомъ и дѣломъ противъ того, чтò называется чувствомъ мѣры, ощущалъ какую-то потребность сердца въ общеніи съ болѣе спокойною и благодушною, но болѣе твердою и глубокою личностью. И онъ жадно искалъ сближенія съ графомъ Воронцовымъ, не находя вокругъ себя никого другаго, кто могъ-бы лучше отвѣчать этой внутренней его потребности въ нравственной опорѣ. Познакомившись съ нимъ въ 1787-мъ г. въ Лондонѣ, во время перваго путешествія своего въ чужіе края, Ростопчинъ

[1]) О Лафермьерѣ см. въ «Русск. Архивѣ» 1869, стр. 1727 и 2090.

[2]) «Русск. Арх.» 1872 г., стр. 770, въ отдѣлѣ «книжныхъ заграничныхъ вѣстей» см. выдержки изъ переписки императора Іосифа II съ братомъ его эрцгерцогомъ Леопольдомъ Тосканскимъ съ 1781 по 1790 г. Тамъ говорится, между прочимъ, будто-бы Екатерина II хотѣла назначить въ воспитатели своихъ внуковъ графа Семена Романовича, но что родители царственныхъ отроковъ воспротивились этому, имѣя весьма невыгодное понятіе о братьяхъ Воронцовыхъ. Извѣстіе, очевидно, спутанное.

тогда еще двадцати-четырехъ лѣтній поручикъ Преображенскаго полка, прильнулъ всею душою къ замѣчательному человѣку, о высокихъ достоинствахъ котораго слышалъ многое и въ Россіи и который такъ не подходилъ къ обыкновенному типу тогдашнихъ Московскихъ баръ и Петербургскихъ царедворцевъ. Молодой гвардеецъ былъ принятъ посланникомъ нашимъ съ обычною его радушною привѣтливостью къ заѣзжимъ въ Лондонъ соотечественникамъ и, конечно, не могъ ему не полюбиться своимъ одушевленнымъ видомъ, находчивою рѣчью и,—въ относительномъ смыслѣ слова,—образованностью, которую графъ Воронцовъ высоко цѣнилъ въ тогдашнихъ представителяхъ Русской молодежи, какъ достоинство, обѣщающее дѣльныхъ слугъ отечеству и замѣчаемое, впрочемъ, не слишкомъ часто въ большинствѣ [3]). Однако, отъ этого первоначальнаго знакомства до болѣе близкой связи между людьми, столь неравными по возрасту, характеру и общественному положенію, прошло немало времени. «Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ Ростопчинъ искалъ чести примкнуть къ числу почитателей графа Воронцова, подобно графу Н. П. Панину, Н. Н. Новосильцову, князю Кочубею, которые долго считали себя учениками его на служебномъ поприщѣ. Настойчивостью своей приверженности, равно какъ личными качествами и блестящими дарованіями своими, Ростопчинъ снискалъ сначала покровительство, а потомъ дружбу графа Воронцова». Онъ неоднократно писалъ къ нему изъ Россіи, сперва безотвѣтно, и наконецъ, съ 1791 года успѣлъ установить съ нимъ постоянную переписку, которая почти не прекращалась до его кончины (1826) и въ которой, одни письма Ростопчина составляютъ главное содержаніе цѣлаго (восьмаго) тома въ «Воронцовскомъ Архивѣ». Въ первые годы Александровскаго царствованія было какое-то обстоятельство, охладившее графа Ростопчина въ его восторженной приверженности и застаставившее довольно жестко выразиться про графа Воронцова («Девятнадцатый Вѣкъ, II, 67); но потомъ прежнія отношенія возстановились.

Въ началѣ переписка шла туго со стороны графа Воронцова, вѣроятно потому, что онъ не находилъ удобнымъ отзываться на изъявленія молодаго человѣка, можетъ-быть, казавшагося легкомысленнымъ, по своей чрезмѣрной пылкости и смѣлости слова, благодаря которымъ Ростопчинъ успѣлъ рано нажить себѣ много недоброжелателей, еще при Екатерининскомъ дворѣ, и крупныхъ непріят-

[3]) Въ письмѣ къ брату, отъ 8 Іюля 1789 года. («Воронц. Арх». т. IX, стр. 145), графъ Семенъ Романовичъ строго, но правдиво высказывается противъ суетности и пустоты Русскаго воспитанія. «Если-бъ наши молодые люди (пишетъ онъ) походили на гг. Ростопчина и Кочубея, такъ мы могли бы только надѣяться на будущее. Но вѣдь это исключенія, а вообще тѣ изъ молодежи, которые не испорчены сердцемъ,—испорчены со стороны ума. Страсть быть всезнайками плодитъ незнающихъ ничего и неспособныхъ нигдѣ служить съ пользою для дѣла. Мнѣ больше по душѣ тотъ молодой человѣкъ, кто хочетъ знать что-нибудь одно, да основательно... Но такой прослылъ-бы у насъ за глупца».

ностей по службѣ [4]). Какъ извѣстно, Ростопчинъ вызывалъ на поединокъ нѣсколько человѣкъ изъ знатной молодежи и поплатился за то ссылкою въ Орловскую деревню. По всему видно, что предубѣжденія противъ него разрослись широко въ высшемъ кругу Петербургскаго общества, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ пользоваться благосклонностію наслѣдника престола; словомъ, графу Семену Романовичу приходилось какъ-бы оправдываться въ перепискѣ съ Ростопчинымъ [5]). Надо думать, что братъ графа Воронцова и другіе близкіе ему люди или побаивались нескромности злорѣчиваго Өедора Васильевича по поводу писемъ изъ Лондона, или опасались, чтобы посланникъ нашъ не навлекъ на себя неудовольствія Государыни частыми сношеніями своими съ лицомъ, которое слыло любимцемъ наслѣдника [6]), такъ какъ на приверженцевъ великаго князя смотрѣли при большомъ дворѣ не совсѣмъ благосклонно и довѣрчиво.

Но чего боялись, какъ обстоятельства, способнаго повредить графу Семену Романовичу, то сказалось для него самыми благопріятными послѣдствіями, когда воцарился Павелъ. Ө. В. Ростопчинъ сталъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ приближенныхъ людей къ Государю [7]), а слѣдов. имѣлъ полную возможность быть полезнымъ своимъ друзьямъ, и тѣмъ болѣе такому человѣку, который и въ отечествѣ своемъ, и на чужбинѣ пріобрѣлъ почетную извѣстность, а между-тѣмъ считался, нѣкоторымъ образомъ, въ немилости при Петербургскомъ дворѣ за послѣднее время Екатерины. Въ началѣ новаго царствованія, подобная полу-опала едва даже не ставилась наравнѣ съ существенными заслугами. Недавнія блестящія свѣтила придворнаго горизонта мгновенно замѣнились тускловатыми Гатчинскими созвѣздіями, такъ-что составъ двора, его внѣшность и тонъ преобразились совершенно. Къ сонму новыхъ своихъ слугъ Павелъ поспѣшилъ присоединить старыхъ отцовскихъ, или тѣхъ, которые оставались въ тѣни при его матери. Изъ деревенской глуши онъ вызвалъ Андрея Вас. Гудовича, князя Александра Куракина, барона Унгернъ-Штернберга, кн. Ивана Өедоров. Голицына, Андрея Львов. Чернышева и Петра Ив. Измайлова [8]), не забывъ также своимъ при-

[4]) См. «Русск. Арх. 1876 г., I, 377—378.—[5]) IX т. «Воронц. Арх., 198-е письмо гр. С. Р. къ брату.—[6]) Подробности о случаѣ, который привелъ Ростопчина въ особенную милость вел. кн. Павла Петровича, см. въ «Русск. Арх.» 1876 г., I, 206, 209 и 377—378.—[7]) Вмѣстѣ съ Григ. Григ. Кушелевымъ, Сергѣемъ Ив. Плещеевымъ, Мих. Ив. Донауровымъ и Алексѣемъ Андр. Аракчеевымъ.—[8]) Того самаго, который упоминается въ началѣ 1-й этой статьи, въ автобіографической запискѣ графа С. Р. Воронцова о достопамятномъ днѣ 28 Іюня 1762 года. Отставленный изъ службы съ полковничьимъ чиномъ, Измайловъ получилъ при Павлѣ Анненскій орденъ и былъ произведенъ прямо изъ полковниковъ въ генералъ-лейтенанты, а вскорѣ пожалованъ еще Александровскою лентою. При свиданіи съ императоромъ Павломъ, бесѣдуя съ нимъ о происшествіяхъ 1762 г., Измайловъ разсказывалъ ему, между прочимъ, и о тогдашнемъ образѣ дѣйствій графа С. Р. Воронцова. См. письмо послѣдняго къ брату въ X т. «Воронц. Арх.», отъ 17 Апрѣля 1797 г.

зывомъ престарѣлаго фельдмаршала гр. Румянцова-Задунайскаго. Изъ Екатерининскихъ дѣятелей отличены были вниманіемъ кн. Н. В. Репнинъ и, въ особенности, графъ А. А. Безбородко, осыпанный чрезвычайными наградами, милостями и возведенный въ званіе канцлера, съ титломъ свѣтлѣйшаго князя,—чтд было неожиданностію для многихъ, знавшихъ прежнее нерасположеніе къ нему Павла Петровича, и чтд возбуждало втихомолку разныя догадки и предположенія... [9]).

Не былъ обойденъ наградою и графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, пожалованный въ первые-же дни новаго царствованія чиномъ генерала-отъ-инфантеріи, съ повышеніемъ въ званіе чрезвычайнаго и полномочнаго посла въ Лондонѣ. «Знайте»,—писалъ къ нему на другой день по смерти Екатерины Ростопчинъ, назначенный уже генералъ-адъютантомъ и Анненскимъ кавалеромъ,—«знайте, что вы сами и труды ваши угодны и нужны Императору. Не лишайте его такаго слуги, какъ вы. Осмѣливаюсь подать вамъ совѣтъ: живите покойно на своемъ мѣстѣ, напишите Императору поздравительное письмо. Онъ знаетъ вашу службу и цѣну ей. То, чтд я вамъ здѣсь говорю, думаетъ и Рожерсонъ, убѣжденный въ томъ какъ и я.... Какъ мнѣ доказать вамъ, что признательность, которую я къ вамъ питаю, наполняетъ мое сердце?» Черезъ три дня спустя, опять восторженное письмо: «Нынѣшнимъ утромъ я повергалъ къ стопамъ Императора признательность мою за производство васъ въ полные генералы [10]). Онъ мнѣ самъ сказалъ, что ваше повышеніе вскружило мнѣ голову. Ему извѣстно все, чѣмъ я обязанъ вамъ. Онъ васъ уважаетъ и весьма радуется, оказавъ вамъ знакъ своего благоволенія. О, благодѣтель мой! Сколько счастливымъ я себя чувствовалъ и теперь еще чувствую! Пусть эта слеза, падающая на бумагу, изгладитъ изъ вашей памяти огорченія, которыя заставляла васъ сносить несправедли-

---

[9]) Толковали, напримѣръ, о духовномъ завѣщаніи Екатерины II, гдѣ назначался престолъ не сыну ея, а внуку Александру, которое завѣщаніе Безбородко, будто-бы, имѣлъ въ своихъ рукахъ, но, не огласивъ никому, вручилъ тайно Павлу Петровичу, когда онъ пріѣхалъ въ Зимній дворецъ по извѣщенію о безнадежномъ состояніи матери.

[10]) Ростопчинъ былъ вправѣ выразить эту признательность, ибо повышеніе графа С. Р. состоялось по его просьбѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ письма графа П. В. Завадовскаго и Д. П. Трощинскаго къ старшему Воронцову, отъ 11-го Ноября 1796 г. «Поздравляю» (писалъ первый изъ нихъ) «съ генералъ-аншефскимъ чиномъ, даннымъ твоему брату; о немъ напомнилъ Ростопчинъ. Какъ узнаешь, кто другъ, кто врагъ! (??!) Государь охотно на пожалованіе подался и большія похвалы изъявилъ достоинствамъ твоего брата». О содѣйствіи въ этомъ Ростопчина упоминалъ и Трощинскій, въ такихъ словахъ: «Я въ горести моей» (по случаю кончины Екатерины) «одно имѣлъ обрадованіе, когда пожалованъ гр. С. Р. Много тому способствовалъ Ѳ. В. Ростопчинъ, которому я безмѣрно обязанъ и дружбу его чувствую, наипаче въ нынѣшнемъ моемъ положеніи». (Воронц. Арх.» т. XII, стр. 179 и 395).

вость.... Напишите мнѣ поскорѣе и сообщите въ подробности ваши мысли. Скажите, какія ваши намѣренія и чего вы хотите».

И такъ, отношенія обоихъ друзей остались прежними, хотя роли ихъ существенно измѣнились. Нѣкогда молодой Ростопчинъ призывалъ на себя вниманіе и покровительство графа С. Р. Воронцова, а теперь онъ являлся предстателемъ за него въ самомъ средоточіи власти. И въ отвѣтъ на вопросы усерднаго своего ходатая, графъ Воронцовъ написалъ ту самую автобіографическую записку, извлеченія изъ которой приводились въ 1-й и 2-й главахъ нашего труда. Записка эта составлялась почти два мѣсяца: она начата 18 Декабря 1796 г., въ Ричмондѣ. Изложивъ обстоятельства своей жизни, гр. Воронцовъ заканчивалъ разсказъ, прежде всего, ходатайствомъ о поощреніи своихъ подчиненныхъ (особенно Лизакевича), а потомъ—доводами за личную свою необходимость оставаться въ Англіи, какъ для поддержанія сильно разстроеннаго здоровья, неспособнаго уже переносить суровость Русскаго климата, такъ и для довершенія образованія дѣтей. Послѣднимъ-же завѣтомъ автобіографа своему другу-корреспонденту была просьба: не разглашать и не показывать никому этой записки.

Выписываемъ здѣсь выразительное ея заключеніе: «..... Я человѣкъ истощенный тѣлесно, и мнѣ всего прискорбнѣе, что силъ моихъ уже недостаетъ для службы нашему доброму Государю. Я теперь не что иное, какъ плохой лимонъ, изъ котораго выжали небольшое количество сока и который, отъ продолжительнаго тренія, лишился тонкаго слоя цедры, покрывавшей корку. Мои слабыя, но усердныя заслуги принадлежатъ прошедшему, и мнѣ остается единственнымъ утѣшеніемъ, что, можетъ-быть, вслѣдствіе моего долгаго пребыванія въ Англіи, я пріобрѣлъ, не смотря на ограниченность моихъ дарованій, основательное знаніе этой страны, имѣющей столь важное значеніе въ дѣлахъ Европы, и что знаніемъ этимъ я могу принести нѣкоторую долю пользы моему Государю. И такъ, я не высказываю моего намѣренія, ибо исполненіе его не зависитъ отъ меня; но желаніе мое—остаться здѣсь впредъ до окончанія научныхъ занятій моего сына. Тогда я попрошу отпуска, для представленія моего сына и опредѣленія его на службу, и если къ тому времени будетъ у Россіи война и, не смотря на мою дряхлость, Государь соизволитъ дать мнѣ назначеніе, то я сочту это за счастіе, предпочитая смерть отъ пушечнаго ядра на полѣ чести медленной кончинѣ въ постели отъ какой нибудь лихорадки. Но если не будетъ войны, то не думаю, чтобъ я могъ устоять противъ тягостей ежедневной военной службы: я бы не вынесъ двадцати градусовъ мороза на парадѣ. Мнѣ остается сказать вамъ одно: прошу, убѣждаю, молю васъ не показывать этого очерка никому на свѣтѣ, не говорить также никому на свѣтѣ, что я сообщилъ вамъ эти подробности. Я передалъ ихъ вамъ съ полнымъ довѣріемъ, и вы слишкомъ честны, чтобъ не оправдать довѣрчивости друга, который только вамъ, и никому иному, хотѣлъ поставить на видъ всѣ превратности своей жизни. Прошу васъ также отослать мнѣ назадъ эту бумагу, которую я желаю оставить послѣ

себя моему сыну, дабы ему извѣстно было поведеніе его отца, и что если его отецъ и все семейство его впадали въ несчастіе, то не заслуживали этого. Онъ увидитъ также, читая о всѣхъ постигшихъ меня невзгодахъ и соображая ихъ съ тѣмъ спокойствіемъ духа, съ какимъ я жилъ на его глазахъ, что оно достигается только чистою и безупречною совѣстью, которая дороже всего на свѣтѣ и несравненно выше всякихъ богатствъ и почестей».

Такимъ образомъ, всѣ желанія и виды графа Воронцова, о которыхъ спрашивалъ его обязательный другъ, имѣвшій теперь силу постоять за нихъ, сводились, въ сущности, къ одной скромной просьбѣ: быть оставленнымъ на прежнемъ привычномъ посту, безъ всякихъ перемѣщеній. И конечно, не одна боязнь суроваго климата отклоняла графа Семена Романовича отъ возвращенія въ Россію. Онъ зналъ, что тамъ его ожидали-бы кое-какія другія неудобства, сопряженныя съ званіемъ генерала. «Я писалъ къ графу Безбородкѣ (сообщаетъ онъ своему брату), чтобы онъ всѣмъ своимъ вліяніемъ воспрепятствовалъ моему отозванію въ Россію: не въ силахъ я уже, по состоянію моего здоровья, фигурировать на вахтпарадахъ въ дожди и морозы. Я пропалъ-бы отъ этого, безъ малѣйшей пользы для государства. Будь у насъ война и сочти Государь меня годнымъ, тогда дѣло иное: я полетѣлъ-бы съ радостью на кличъ, предпочитая лучше умереть отъ ядра, чѣмъ на постелѣ отъ изнурительнаго недуга. А какъ Россія въ мирѣ, то я, при всей ограниченности моихъ дарованій, сознаю себя тутъ небезполезнымъ, вслѣдствіе долговременной моей служебной практики въ здѣшней странѣ, чего не можетъ скоро усвоить себѣ тотъ, кто заступилъ-бы мое мѣсто» [11]).

Опасенія эти были, однако, слишкомъ преждевременны. Добрый геній нашего героя, въ лицахъ Ростопчина и Безбородки, еще бодрствовалъ надъ нимъ, и благосклонное настроеніе Павла относительно графа Семена Романовича не переходило за черту собственныхъ желаній сего послѣдняго. Оно готово было даже выдвинуть на службу и старшаго его брата, если бы тотъ захотѣлъ воспользоваться удобною минутою и показать Государю расположеніе свое занять какую-либо должность, о чемъ Завадовскій и спрашивалъ своего пріятеля, по порученію Безбородки [12]). Но осторожный и неподатливый графъ Александръ Романовичъ не послѣдовалъ дружескому внушенію, избравъ благую часть не выходить изъ своего подмосковнаго уединенія, въ чемъ, кажется, не раскаявался, хотя это упрочило предубѣжденія противъ него, какъ можно думать изъ одного письма графа Завадовскаго [13]).

Предложеніе, переданное старшему Воронцову чрезъ посредство гр. Завадовскаго, значилось въ письмѣ отъ 11-го Ноября 1796 г., а 1-го Декабря того-же года Д. П. Трощинскій сообщалъ уже графу

[11]) «Воронц. Арх.» т. X, письмо отъ 10 Февр. н. ст. 1797 г.; также прежде-посланное, отъ 9 Янв. 1797 г.

[12]) Тамъ-же, т. XII, стр. 179.—[13]) Тамъ-же, стр. 182. См. также т. VIII, стр. 204 и 291.

Александру Романовичу объ именномъ высочайшемъ повелѣніи, удалявшемъ сестру его, княгиню Дашкову, на житье въ дальнія деревни; при этомъ увѣдомлялъ онъ о смѣнѣ Аркадія Ивановича Терскаго (бывшаго Екатерининскаго статсъ-секретаря и генералъ-рекетмейстера) и Ивана Васильевича Тутолмина, объ арестѣ Ермолова.... [14]) Очевидно, начиналась пора быстрыхъ перетасовокъ въ служебномъ мірѣ и крутыхъ расправъ за былое,—и начиналась не то что-бъ исподоволь, а съ-размаху.

Вѣсть объ опалѣ, постигшей княгиню Дашкову, графъ С. Р. Воронцовъ принялъ съ соболѣзнованіемъ, хотя и не безъ сознанія, что бѣда эта разразилась надъ нею не даромъ. «Я получилъ письмо отъ сестры» (писалъ онъ брату) «и по истинѣ огорченъ тѣмъ, что съ нею это случилось и что она несетъ теперь, на старости лѣтъ, наказаніе за дѣло, въ которое болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ втянули ее безразсудство и задоръ юности. Положимъ, она должна была ожидать этого, но все-таки ей отъ того нелегче» [15]). Однакожъ, не далѣе какъ въ Мартѣ 1797 г., незадолго до коронаціи Государя, участь Дашковой (равно какъ и другаго опальнаго, князя Ѳед. Серг. Барятинскаго) была смягчена: ей позволили переѣхать изъ захолустья Пошехонскаго имѣнія, гдѣ она жила въ крестьянской избѣ, въ богатое помѣстье, подъ Серпуховымъ, а сынъ ея, молодой князь Павелъ Михайловичъ, удостоенный Государемъ милостиваго пріема, получилъ почетное назначеніе на должность военнаго коменданта въ Кіевѣ и инспектора дивизіи [16]). Вслѣдъ затѣмъ наступила коронація Государя въ Москвѣ, и въ этотъ день, 5 Апрѣля 1797 г., Семенъ Романовичъ пожалованъ былъ одною изъ самыхъ высшихъ наградъ, орденомъ св. Андрея Первозваннаго, возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи [17]) и одаренъ населенными имѣніями въ Финляндіи; а кромѣ

---

[14]) «Воронц. Арх.», т. XII, стр. 396.—[15]) Тамъ-же, т. X, № 6, отъ 20 Янв. 1797 г.

[16]) Графъ Завадовскій писалъ по этому поводу къ гр. А. Р. Воронцову: «Племянника твоего кн. Дашкова бытность здѣсь полезна была и ему, и матери. Но пріемомъ и обращеніемъ милостивымъ онъ возмечтался. Тебѣ токмо скажу: молодость и неопытность свои пороки имѣютъ, о которыхъ часто жалѣемъ, но поздно. Послѣ первыхъ дней, не я, а онъ меня не узнаётъ и не видитъ». (Т. XII, № 114, отъ 20 Апр. 1797 г.). Слѣдуетъ однако сказать, что милость Дашковой оказана была съ содѣйствіемъ барона Николаи, состоявшаго въ штатѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны и весьма расположеннаго къ графу С. Р. (См. т. X, стр. 14). Въ Апрѣлѣ-же мѣсяцѣ 1798 г., Дашковой разрѣшено было жить въ Москвѣ, за исключеніемъ времени пребыванія тамъ высочайшаго двора. Здѣсь кстати примолвимъ объ отношеніяхъ императрицы Маріи Ѳеодоровны къ любимцу своего супруга, Ростопчину. Она, кажется, не жаловала его, какъ и нѣкоторыхъ другихъ приближенныхъ Государя, о чемъ можно догадываться по разнымъ намекамъ въ перепискѣ Ростопчина съ гр. С. Р. Воронцовымъ.

[17]) До тѣхъ поръ Воронцовы числились, подобно многимъ фамиліямъ, графами Нѣмецко-Римской Имперіи, съ 19 Января 1760 года. (См. «Россійск. Родосл. Книгу» князя Долгорукова, т. 2, стр. 108).

того, по всеподданнѣйшей его просьбѣ [18]), дочь его Екатерина получила званіе фрейлины при дворѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Короче сказать, графъ С. Р. Воронцовъ дождался «великихъ и богатыхъ милостей». Между тѣмъ, рядомъ съ ними, явилось одно предположеніе у Государя, которое хотя и доказывало лестное его мнѣніе о своемъ Лондонскомъ представителѣ, но угрожало послѣднему нежелательнымъ возвращеніемъ въ Россію. Поздравляя новопожалованнаго Андреевскаго кавалера, Ѳ. В. Ростопчинъ добавлялъ слѣдующее: «Не знаю, дошло-ли до васъ, что на васъ имѣютъ виды относительно воспитанія великаго князя Николая Павловича, и вотъ еще трудное служеніе, ожидающее васъ черезъ 4 года или черезъ 5 лѣтъ» [19]). Съ своей стороны, Безбородко извѣщалъ графа Семена Романовича о чрезвычайно-благосклонномъ отзывѣ Государя на его счетъ [20]).

Послѣ этихъ щедрыхъ изъявленій милости къ нашему Лондонскому послу, встрѣтилось неожиданно такое обстоятельство, изъ-за котораго онъ рисковалъ совершенно потерять ее и сильно прогнѣвать Государя.

Въ Англійскихъ военныхъ портахъ находились наши суда (подъ командою адмирала Макарова), посланныя прежде для совокупнаго дѣйствія съ Британскимъ флотомъ противъ Французскаго. Въ виду броженія умовъ, обнаружившагося въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Великобританіи, подъ вліяніемъ сочувственныхъ рѣчей парламентской оппозиціи по поводу успѣховъ Французской революціи и, еще болѣе, въ виду республиканской пропаганды, особенно дѣятельной въ Ирландіи, гдѣ ожидалась высадка Французовъ, Павелъ рѣшился пресѣчь всякое сообщеніе своихъ подданныхъ съ мѣстами, гдѣ проявлялась зараза демократическихъ идей, а потому повелѣлъ графу Воронцову распорядиться немедленнымъ возвращеніемъ Русской эскадры въ Ревель, съ разсчетомъ срока для прибытія ея туда къ 10 (21) Іюля 1797 г., поручивъ, однакоже, своему послу объясниться съ Лондонскимъ дворомъ и завѣрить Англійское правительство, что Русская эскадра отзывается назадъ вовсе не вслѣдствіе ослабленія дружбы между Англіею и Россіею, а только по соображенію, что при громадномъ превосходствѣ Англійской морской силы передъ непріятельскою, дальнѣйшее пребываніе Русской эскадры внѣ отечества не оказывается нужнымъ. Графъ Воронцовъ готовился уже приступить къ исполненію высочайшей воли, какъ вдругъ среди Анг-

---

[18]) Отъ 3 Марта 1797 г. См. «Воронц. Арх.» т. X, стр. 320.

[19]) Слухи о назначеніи графа Семена Романовича Воронцова къ великому князю Николаю Павловичу повторялись и въ 1798 г., по случаю чего графъ Воронцовъ, видимо встревоженный, счелъ нужнымъ написать къ барону Николаи длинное письмо (изъ Ричмонда, отъ 11 Августа 1798 г., см. т. XI, стр. 304), отговариваясь непосильною для его лѣтъ и здоровья трудностію этого важнаго дѣла.... Дальнѣйшихъ послѣдствій не было. См. также въ X т. письмо графа С. Р. къ брату подъ № 40, отъ 20 Авг. 1798 г.

[20]) Изъ Москвы, отъ 9 Апр. 1797 г. См. т. VIII, стр. 179.

лійскаго флота, сначала въ Портсмутѣ, а потомъ въ Плимутѣ, въ Ширнессѣ и Норѣ, вспыхнулъ бунтъ. Матросы завладѣли всѣми судами, перестали повиноваться офицерамъ и объявили, что не выпустятъ ни одного корабля въ море, покуда имъ не будетъ дано требуемыхъ прибавокъ жалованья, мясной порціи и доли въ призовыхъ деньгахъ. Англійское правительство, озадаченное и внезапностью мятежа, и совпаденіемъ этого случая съ временемъ, когда оно боялось высадки Французовъ, растерялось такъ, что снизошло до формальныхъ переговоровъ съ бунтовщиками и до уступокъ, которыя вымогались вооруженною рукой,—что̀ сперва нѣсколько поутишило-было, а вскорѣ потомъ ободрило и пуще развило мятежъ, охватившій весь почти Англійскій флотъ. Возставшіе матросы держали уже въ блокадѣ Лондонскій портъ и отвлекли всѣ оборонительныя силы отъ защиты восточнаго берега страны противъ внѣшняго нападенія.... Положеніе Англіи было истинно-отчаянное и грозило самыми бѣдственными послѣдствіями. Гордая «владычица морей» висѣла чуть не на волоскѣ, разлагаясь въ главнѣйшемъ жизненномъ органѣ своего могущества: морскихъ своихъ силахъ. Правительство совсѣмъ потеряло голову, не зная, что̀ дѣлать; наконецъ, лордъ Гренвиль бросился къ графу Воронцову съ мольбою отсрочить обратную отправку эскадры Макарова, безъ которой Англія осталась-бы беззащитною,—и тутъ-то графъ Семенъ Романовичъ оказалъ ей великую услугу, отважившись задержать нашу эскадру и, слѣдовательно, принялъ на свой страхъ остановку въ исполненіи воли Государя, тогда какъ Павелъ отнюдь не терпѣлъ ни малѣйшаго нарушенія или даже проволочки въ подобныхъ случаяхъ. Русская эскадра, по указанію посла, продолжила свое пребываніе почти на три недѣли позже высочайше-назначеннаго срока, двинувшись въ Тексель для соединенія съ Англійскимъ адмираломъ Дунканомъ, у котораго, вслѣдствіе бунта, было въ распоряженіи не больше двухъ кораблей и который, съ столь ничтожными силами, не могъ-бы безъ Русскаго подкрѣпленія удерживать отъ наступательныхъ дѣйствій Голандскій флотъ, насчитывавшій у себя до 14-ти судовъ и бывшій въ состояніи страшно повредить Англичанамъ [21]). Но мѣра, принятая графомъ Воронцовымъ, выручила ихъ изъ большой бѣды и въ тоже время развязала имъ руки къ укрощенію бунта. Обо всемъ этомъ посолъ на̀шъ донесъ Государю, сознавая свою передъ нимъ отвѣтственность. Къ счастію, дѣло обошлось благополучно. Императоръ, въ добрый часъ, одобрилъ вполнѣ смѣлый поступокъ своего подданна̀го, взвѣсивъ необходимость взаимодѣйствія союзныхъ державъ въ поддержаніи законныхъ властей и въ борьбѣ съ революціонными принципами Якобинцевъ. Но какъ-же робѣли и трепетали за графа Воронцова друзья его, въ томительномъ ожиданіи развязки и рѣшающаго царскаго слова! «Положительно, въ теченіи прожитыхъ мною 32 лѣтъ», писалъ по этому случаю Ростопчинъ своему другу (отъ 18 Іюня 1797 г.), «мнѣ еще не приходилось провести такой убійственной четверти часа какъ

[21]) См. «Воронц. Арх.» т. XI, стр. 179—180.

третьяго дня, покуда читалась ваша депеша о причинахъ задержки нашей эскадры. Вы послѣдовали прекрасному движенію, отдавшись ему достойнымъ васъ образомъ, и поступокъ этотъ одобренъ; благомыслящіе Англичане должны боготворить васъ; но, за всѣмъ тѣмъ, меня пронимала дрожь отъ невыразимаго страха.... Слава Богу, дѣло принято такъ, какъ и быть ему слѣдовало: васъ похвалили по заслугѣ. Кавалеръ Витвортъ [22]) являлся нынче благодарить за помощь, оказанную вами Англіи. Его благодарность, по-истинѣ должную, приняли весьма хорошо, и я, за-одно со всѣми васъ любящими, поздравляю себя съ несостоятельностью нашихъ страховъ» [23]). Ахнулъ при этомъ случаѣ и другой преданный Воронцовымъ человѣкъ, графъ П. В. Завадовскій, который не переставалъ и прежде тянуть свою старую пѣсню объ осторожности [24]).

Совѣты мнительнаго друга едва-ли были столько нужны, какъ при покойной Императрицѣ: самъ графъ Семенъ Романовичъ, не смотря на высочайшее дозволеніе входить съ представленіями [25]), не могъ

[22]) Англійскій посланникъ въ Петербургѣ.

[23]) «Вор. Архивъ», т. VIII, стр. 181.

[24]) «Подтверждаю всегдашній мой совѣтъ: удерживайся распространяться своими разсужденіями о дѣлахъ, по которымъ не дѣлаютъ тебѣ вопросовъ: ибо то по крайней мѣрѣ министерство принимаетъ, въ видѣ себѣ поученія»; (отъ 12 Іюня 1797 г.). Далѣе, по поводу описаннаго случая: «Дѣло сошло удачно, и разсуждать объ ономъ было-бы всуе. Для переду помяну только о томъ, что разсужденія и поступки—двѣ вещи розныя; и послѣдній гдѣ предписанъ, тамъ не должно побуждаться первыми на отвагу. Опять говорю: хотя дѣло сіе вовсе прошедшее, хотя рѣшимость твоя уважена въ ономъ съ похвалою тебѣ; но не дерзай, мой другъ, въ казусахъ трудныхъ, выводить заключенія изъ сего примѣра. Не во всякое время видимъ и принимаемъ вещи одинаково. Не подосадуй, что, любя тебя, возобновлю прежнія мои напоминанія. Сами лѣта, довольной опытъ должны бы укрощать пылкія чувства твоего нрава; но ты и по сію пору не отстаешь писать много горячимъ перомъ. Скажешь: отъ избытка усердія уста глаголютъ. Вѣрую, но и сіе границы имѣетъ и требуетъ осторожности, чтобъ не показать себя учащимъ аки бы незнающихъ. Къ чему простирать разсужденія по дѣламъ вонъ изъ своего поста? Весла не указуютъ рулю въ его дѣлѣ. Потому проскакиваетъ слышать, что ты и о дѣлахъ, и о себѣ много говоришь, безъ чего бы можно вовсе обойтись... Ты давно не здѣсь, и сколько бы ни напрягалъ свой умъ постигнуть въ отдаленіи отъ тебя состоящее, не попадешь на прямую идею, и доколѣ не самовидецъ, ошибаешься и ошибаться будешь... Продолжительнаго, а еще меньше вѣрнаго, ничего нѣтъ... Князя Александра Андреевича кредитъ незыблемъ, онъ одинъ отлично уважается...» (Отъ 27-го Августа 1797 г. См. также письма графа Завадовскаго отъ 17-го Іюня и 3-го Декабря 1798 г., въ XII томѣ «Воронцовскаго Архива)».

[25]) Вотъ подлинныя слова, приписанныя самимъ Государемъ внизу рескрипта отъ 27-го Марта 1798 года, гдѣ выражалось благоволеніе за его попечительность о нашихъ морскихъ офицерахъ, изучавшихъ свое дѣло въ Англіи: «Весьма благодарю васъ, графъ, за содержанныя въ письмѣ вашемъ примѣ-

не понимать, что въ царствованіе преемника Екатерины приходилось высказываться не съ прежнею откровенностью, и это сознаніе очень замѣтно проглядываетъ въ измѣнившемся тонѣ его переписки за Павловское время: мнѣнія по вопросамъ иностранной политики излагались въ его тогдашнихъ письмахъ гораздо короче и сдержаннѣе, а по внутреннимъ Русскимъ дѣламъ онъ совсѣмъ замолкъ или ограничивался общими мѣстами. Но перемѣна эта, впрочемъ, не подѣйствовала на его дѣятельность по службѣ посольской. Онъ ею занимался съ прежнею энергіей и велъ обширную дѣловую переписку не только съ своими Петербургскими благопріятелями, но, по возможности, и съ нѣкоторыми изъ своихъ собратовъ-посланниковъ при другихъ Европейскихъ державахъ, въ особенности съ графомъ Никитою Петровичемъ Панинымъ, состоявшимъ при Берлинскомъ дворѣ [26]).

Французскія дѣла преимущественно сосредоточивали на себѣ вниманіе графа Воронцова. Военныя и дипломатическія неудачи въ дѣйствіяхъ союзныхъ государствъ противъ Французской республики и, наоборотъ, успѣхи ея оружія въ войнѣ съ Австрійцами, шаткость Пруссіи, явно сближавшейся съ Франціей, двойственность направленія политическихъ партій въ Англіи, выжидательное положеніе Россіи,—все это живо озабочивало нашего прозорливаго посла, убѣжденнаго въ томъ, что торжество революціоннаго правительства грозитъ общему спокойствію Европы и самобытному существованію государствъ. Этимъ предвидѣніемъ Наполеоновской эпохи и чувствомъ глубокой антипатіи къ Франціи, какъ къ очагу революціи, дышатъ всѣ письма графа Воронцова, писанныя въ то критическое время. Онъ чуялъ будущую роль Бонапарта, удивившаго міръ своими необычайными военными успѣхами.

Домашнія отечественныя дѣла также не могли казаться утѣшительными Русскому патріоту, при безграничномъ господствѣ произвола, при ежеминутныхъ внезапностяхъ въ личной судьбѣ каждаго служащаго, при рѣзкихъ, часто необъяснимыхъ, переходахъ изъ одной крайности въ другую и при непрочности всякихъ новыхъ порядковъ, которые строились на зыбкой почвѣ вполнѣ случайныхъ побужденій. Тяжелое положеніе дѣятелей сознавалось и тѣми людьми, что̀ стояли выше прочихъ. У многихъ изъ нихъ появлялось стремленіе отойти подалѣе отъ дѣлъ, напр. у Завадовскаго, Трощинскаго и другихъ [27]), что̀, впрочемъ, оказывалось не всегда возмож-

---

чанія, каковыя мнѣ отъ васъ не излишними были бы по случаю нынѣшнихъ обстоятельствъ въ политикѣ и впредъ». (В. А. т. X, стр. 238).

[26]) Дипломатическою частью завѣдывали тогда: канцлеръ князь Безбородко и вице-канцлеръ кн. А. Б. Куракинъ, о которомъ писалъ гр. Завадовскій къ графу С. Р. «Ограничивается личнымъ фаворомъ; но по дѣламъ своего поста, какъ посторонній, безъ всякой и малѣйшей инфлюенціи». (В. А., т. XII, стр. 184).

[27]) «Молчаніе мое», писалъ однажды гр. Завадовскій къ гр. С. Р. (отъ 2-го Марта 1798 г.), «принимай за мое-же удостовѣреніе, что твой разсудокъ зритъ вещи и въ отдаленіи... Я рѣшился-было удалиться въ деревню. Novus ordo rerum принудилъ и Трощинскаго цѣлить въ свое убѣжище... Ты давно изъ

нымъ и безопаснымъ... По совѣту Ростопчина, лейбъ-медикъ Рожерсонъ, старинный пріятель графа Семена Романовича, писалъ къ нему, чтобъ онъ не пускалъ своего юношу-сына въ военную службу, «которая со дня на день дѣлается невыносимѣе», хотя-бы подъ предлогомъ хилаго здоровья молодаго человѣка [28]). Добрый совѣтъ былъ приведенъ въ дѣйствіе, чрезъ посредство кн. Безбородки, котораго Семенъ Романовичъ просилъ похлопотать объ отчисленіи сына изъ списковъ гвардіи, что̀ удалось какъ нельзя лучше и сопровождалось всемилостивѣйшимъ назначеніемъ 16-ти лѣтняго графа Михаила Семеновича Воронцова прямо въ камергеры, минуя званіе камеръ-юнкера, съ дозволеніемъ новопожалованному жить при отцѣ, для занятій въ посольской канцеляріи [29]). За то самъ Ростопчинъ попалъ-было въ немилость. Еще въ Январѣ 1798 г. графъ Семенъ Романовичъ радовался, что тотъ уцѣлѣлъ на своемъ мѣстѣ, а въ Мартѣ гр. Завадовскій писалъ о немъ въ Лондонъ: «Пріятелю нашему Ростопчину не по прежнему: едва-ли удержится». Предсказаніе это сбылось, но временное удаленіе Ростопчина продолжалось только до осени; въ Декабрѣ 1798 года, Трощинскій увѣдомлялъ графа Воронцова: «Меня еще и другой страхъ безпокоитъ, чтобъ не сбылось со мною того, что̀ съ Ростопчинымъ... Онъ имѣлъ несчастіе на сихъ дняхъ прогнѣвить Его Величество тѣмъ, что, будучи боленъ, не могъ поспѣть чрезъ нѣсколько минутъ изъ своего дому *) во дворецъ, когда его спросили, и за-то ему отказано было являться. Онъ посылалъ прошеніе объ отставкѣ или хотя объ отпускѣ для леченія, но ему и въ томъ и другомъ отказано, а только велѣно вступить въ прежнюю должность, которую онъ и началъ съ сегодняшняго дня отправлять, конечно не съ прежнею уже ревностію» [30]). Одному только князю Безбородкѣ посчастливилось удержаться въ большой силѣ и почетѣ до конца жизни. Къ нему-то посолъ нашъ обращался съ просьбами о дѣйствіи въ казусныхъ случаяхъ; но князь Безбородко, пользовавшійся такимъ значеніемъ въ Павловское время, не всегда съ готовностію служилъ друзьямъ своимъ высокимъ кредитомъ при дворѣ и преимущественно приберегалъ кредитъ этотъ для самого себя, не слишкомъ принимая къ сердцу то или другое на-

---

отечества; если возвратишься, не найдешь лицъ знакомыхъ. Мы на мѣстѣ едва всѣхъ знаемъ по новости. При вспахиваніи земли, обыкновенно верхній слой обращается внизъ, а нижній вверхъ .. Братъ твой изъ Москвы отъѣхалъ въ деревню; его жизнь блаженна. Прощай, другъ. Пока можно, живи тамъ, гдѣ жить хорошо и пріятно». Онъ-же писалъ къ старшему Воронцову: «Держись своей капусты, какъ Діоклитіанъ. Заклинаю тебя дружбою, убѣди князя (Безбородко), чтобъ помогъ мнѣ получить увольненіе». (В. А., т. XII, стр. 193 и 198. См. еще тамъ-же письма Трощинскаго подъ №№ 33, 35 и 36).

[28]) «Воронц. Арх.», т. X. 23-е письмо отъ гр. С. Р. къ брату, 3 (14) Янв. 1798 года.

[29]) «Воронц. Арх.», т. X, 42-е письмо отъ 1 (12) Окт. 1798 года.

*) Графъ Ростопчинъ жилъ при Павлѣ на Англійской набережной. П. Б.

[30]) «Воронц. Арх.», т. XII, письмо отъ 8-го Декабря 1798 г.

правленіе дѣлъ, чѣмъ и объясняется, повидимому, исключительная устойчивость его положенія въ это перемѣнчивое время.

Въ Августѣ 1798 г. донеслась въ Лондонъ вѣсть о предстоящемъ графу Семену Романовичу назначеніи вице-канцлеромъ на мѣсто уволеннаго князя Куракина. Объ этомъ въ первый разъ услышалъ онъ отъ короля Георга III, который примолвилъ лестныя слова: «Если подобное назначеніе не клонится къ вашему счастію и благу, то я желалъ бы, чтобъ это извѣстіе не оправдалось и чтобъ вы остались у насъ» [31]. Можно себѣ представить, какъ обезпокоенъ былъ такою новостью нашъ посолъ, болѣе всего опасавшійся вызова въ Россію, и по причинамъ, о которыхъ мы уже говорили выше, и по инымъ соображеніямъ, на которыя наводили его Петербургскіе слухи и письма о томъ, что̀ дѣялось въ родной странѣ. Между тѣмъ, новость подтвердилась слѣдующимъ высочайшимъ рескриптомъ изъ Гатчины, отъ 8-го Сентября 1798 года.

Графъ Семенъ Романовичъ! Ежели съ одной стороны я увѣренъ въ вашей ко мнѣ преданности, то съ другой надѣюсь, что и вы на дѣлѣ испытали мое къ вамъ доброе расположеніе. Здоровье канцлера моего князя Безбородка по мнѣнію его приходитъ въ большое разстройство, почему и проситъ себѣ помощника, который бы могъ облегчить труды его по дипломатической части. Онъ сего желаетъ и потому, что по извѣстнымъ вамъ его талантамъ и усердію употребляется часто онъ и по другимъ важнѣйшимъ дѣламъ. Желаніе вице-канцлера князя Куракина получить увольненіе отъ службы представляетъ мнѣ вакансію мѣста имъ занятаго. Я оное препоручаю вамъ, желаю знать отъ васъ самихъ ваши намѣренія, увѣряя васъ при томъ, что мнѣ весьма пріятно будетъ имѣть васъ здѣсь. Не сжимаю отнюдь вашихъ расположеній; вы мнѣ можете прислать отвѣтъ чистосердечный и вѣрить, что я есмь вамъ благосклонный Павелъ.

Собственноручная приписка: „А вы сами знаете расположеніе мое къ себѣ".

Графъ С. Р. Воронцовъ рѣшился отказаться отъ предложеннаго ему мѣста, о чемъ послалъ всеподданнѣйшее отвѣтное донесеніе:

Милость, съ каковою В. И. В. изволите мнѣ предлагать заступить мѣсто князя А. Б. Куракина, позволяя мнѣ изъявить мое о семъ расположеніе и приказывая изъясниться чистосердечно о семъ милостивомъ предложеніи, наполняетъ меня глубочайшею благодарностію. Въ слѣдствіе сего повелѣнія, почитаю за долгъ изъявить мое истинное положеніе. Не безъизвѣстно Вашему И. В—ву, что я съ самыхъ молодыхъ лѣтъ имѣлъ страстную охоту къ военной службѣ, къ оной всегда пріуготовлялся и служилъ хотя не отлично, но съ ревностію... Не безъизвѣстны также В. И. В. тѣ обстоятельства, кои, послѣ окончанія войны, принудили меня оставить службу. Я жилъ въ отставкѣ, пока угодно сдѣлалось покойной Императрицѣ, чтобъ я поѣхалъ посланникомъ въ Венецію; оттуда перевели меня въ Англію, гдѣ я нахожусь уже близко 14 лѣтъ. И такъ я попалъ на 40-мъ году моей жизни рекрутомъ въ служеніе, для котораго никогда не приготавливался. По счастію моему не имѣлъ ничего дѣлать самъ собою, а токмо то, что̀ было мнѣ приказываемо, и нашелъ при томъ статскаго совѣтника г. Лизакевича, коего сорокалѣтняя служба въ дѣлахъ политическихъ, честность и крайнее усердіе къ отечеству были мнѣ и суть весьма полезны, такъ что если случилось мнѣ когда заслужить благоволеніе высочайшаго двора, я онаго не могу по истинѣ себѣ приписывать, а токмо мудрымъ руководствамъ, кои мнѣ преподавали мои начальники, и помощи, которую мнѣ давалъ и даетъ г. Лизакевичъ".

„Нѣтъ никого изъ насъ, подданныхъ вашихъ, всемилостивѣйшій Государь, каковъ бы онъ искусенъ ни былъ, который бы не имѣлъ нужды много почерпнуть изъ искусства и знанія

[31]) «Воронц. Арх.» т. X, № 40 (письмо гр. С. Р. къ брату).

князя Александра Андреевича, тѣмъ паче я, съ малымъ моимъ талантомъ, имѣю болѣе всѣхъ въ томъ нужды. Я бы за счастіе почелъ подъ безпосредственнымъ его руководствомъ служить при лицѣ Вашего И. В—ва: ибо онъ подкрѣплялъ бы слабость моей головы, но никто на свѣтѣ не можетъ подкрѣпить слабости моего тѣла.

Два раза въ жизнь мою я былъ уже въ чахоткѣ; на 56-мъ году я уже дряхлъ. Изъ году въ годъ здоровье мое чувствительно упадаетъ, зрѣніе и память ослабѣваютъ. Наималѣйшая стужа мнѣ дѣлается чувствительно вредна. Нѣтъ 20 дней въ году, въ срединѣ лѣта, въ кои бы я могъ терпѣть горницу съ открытыми окошками. Не смотря на умѣренность здѣшней стужи, которая не превосходитъ 6-ти градусовъ, всякую зиму я боленъ. Живу не выходя изъ дома, кромѣ когда по дѣламъ долженъ ѣздить къ лорду Гренвилю, съ которымъ живучи въ откровенной дружбѣ, я ѣзжу къ нему въ сапогахъ и обвернутъ фланелями и сертуками. Послѣднюю зиму я былъ такъ боленъ подагрою, которая бросилась на мою грудь и чуть было не удушила, что не надѣялся я уже видѣть весны. Вотъ истинное положеніе моего здоровья. Личная моя къ вамъ преданность и вѣрность не имѣли и не будутъ имѣть предѣловъ. Я всегда видѣлъ въ васъ законнаго моего Государя, когда вы и не сидѣли еще на принадлежащемъ уже давно вамъ престолѣ. Я равнодушно смотрю на сокращеніе остатка моей жизни. Сія есть наималѣйшая жертва, что я могу сдѣлать Государю, которой не по мѣрѣ малой моей службы осыпалъ меня своими милостями. Я предаю себя и по долгу моему, и отъ искренняго сердца на волю вашу"... [32]).

Отправивъ этотъ тщательно-обдуманный отвѣтъ, графъ С. Р. Воронцовъ всё-таки долженъ былъ сомнѣваться, не будетъ ли его отказъ принятъ въ худую сторону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на полученное уже послѣ высочайшаго рескрипта сообщеніе князя Безбородки онъ отозвался въ такомъ же смыслѣ, но съ оговоркою, что если еще не оставлено намѣреніе вызвать его, то онъ ходатайствуетъ, чтобъ этотъ вызовъ имѣлъ форму срочнаго отпуска въ Россію, дабы предварительно было испытано, годится ли онъ для должности вице-канцлера, при чемъ и самъ онъ могъ бы испробовать, въ состояніи ли будетъ перенести первую зиму, какую проведетъ въ Петербургѣ [33]). Друзья томились недоумѣніемъ; но скоро сдѣлалось извѣстно, что все прошло благополучно. «Не безпокойся о своемъ братѣ», писалъ гр. Завадовскій къ графу Александру Романовичу: «рѣшимость его не пріѣхать отнюдь не произведетъ никакихъ непріятныхъ слѣдствій. При самомъ предложеніи, и теперь въ томъ мнѣніи, что онъ откажется, и лишь то придетъ, жребій падетъ на Кочубея». Далѣе: «Къ успокоенію тебя я уже писалъ и повторяю, что отзывъ твоего брата расположенъ былъ пристойно и даже лукаво, а слѣдствія, заранѣе предполагаемыя, собылись бы безъ малѣйшаго къ нему негодованія [34]). Дѣйствительно, вице-канцлеромъ былъ назначенъ князь Викторъ Павловичъ Кочубей, а Ростопчинъ—третьимъ (на мѣсто Обрѣзкова) членомъ Иностранной Коллегіи, что несказанно обрадовало графа С. Р. Воронцова, такъ какъ онъ высоко цѣнилъ способности и качества обоихъ этихъ дѣятелей, принадлежавшихъ къ числу его лучшихъ друзей [35]). Впрочемъ, очень скоро удовольствіе его помутила досто-

---

[32]) «Воронц. Арх.», т. X. всепод. донес. отъ 28 Сентября (9-го Октября) 1798 г.

[33]) Тамъ же, письмо къ брату подъ № 44, отъ 9 Ноября 1798 г.

[34]) Воронц. Арх., т. XII, письма подъ №№ 139, 140 и 144.

[35]) Вотъ, напримѣръ, какъ отзывался онъ о Кочубеѣ въ одномъ изъ писемъ къ своему брату: «Послѣ тебя и дѣтей моихъ, никого я не люблю такъ, какъ

вѣрная вѣсть, что неуживчивый и раздражительный Θедоръ Васильевичъ на своемъ новомъ мѣстѣ не сталъ ладить ни съ кн. Кочубеемъ, ни съ самимъ Безбородкомъ, хотя встарь имѣлъ случаи быть не разъ обязаннымъ маститому канцлеру, за что графъ Семенъ Романовичъ напрямикъ высказывалъ Ростопчину дружескіе укоры. «Понравится ли ему это или нѣтъ» (писалъ онъ къ брату), «а я исполнилъ долгъ дружбы; конечно, я его люблю и даже много имъ одолженъ; но именно потому-то и счелъ себя обязаннымъ высказать ему то̀, о чемъ среди его льстецовъ никто не посмѣлъ бы промолвить слова» [36]). Эта характеристическая черта графа Семена Романовича какъ нельзя лучше обрисовываетъ свойство тѣхъ отношеній, какихъ онъ держался съ царскимъ любимцемъ: тогдашній Ростопчинъ въ силѣ и почетѣ, всё-равно какъ и прежній, заискивавшій въ немъ Ростопчинъ,—былъ для него вполнѣ одинъ и тотъ же человѣкъ, которому онъ никогда не позволилъ бы зазнаться передъ собой и не поработился бы ему нравственно ни за какія личныя услуги. Въ этой чертѣ виденъ весь человѣкъ

Отказъ его отъ вице-канцлерства, потому ли что былъ предвидѣнъ, или что изложенъ былъ довольно-ловко, повидимому нисколько не лишилъ его милостиваго вниманія Государя, который, принявъ на себя званіе великаго магистра Мальтійскаго Ордена св. Іоанна Іерусалимскаго и раздавая командорскіе кресты щедрою рукою, не забылъ причислить и графа Семена Романовича къ кавалерамъ большаго креста, что̀ состоялось 21-го Февраля 1799 года.

Но вслѣдъ за этимъ доказательствомъ монаршей милости, графъ С. Р. Воронцовъ удостоился получить новое и весьма лестное, хотя и не совсѣмъ для него радостное. Безнадежная болѣзнь князя Безбородки, окончившаяся его смертію (6-го Апрѣля 1799 г.), открывала вакансію на званіе канцлера, которое Государь и предложилъ графу С. Р. Воронцову, въ рескриптѣ своемъ изъ Петербурга, отъ 2-го Марта 1799 года:

„Графъ Семенъ Романовичъ! Крайность, въ каковой я нахожусь по болѣзни князя Безбородки, заставляетъ меня опять прибѣгнуть къ вамъ и просить васъ, не только для меня, но и для государства и всей Европы, принять на себя призывъ мой, на что̀ не отвѣта, а пріѣзда вашего ожидая, есмь вашимъ искреннимъ. Павелъ.

Если съ одной стороны рескриптъ этотъ выражалъ высокое вниманіе Государя къ подданному, то съ другой онъ выказывалъ очевидное недовѣріе къ прежнимъ отзывамъ сего послѣдняго о физиче-

---

Кочубея; у него столько возвышенности въ душѣ и непоколебимаго благородства, что при этихъ достоинствахъ и дарованіяхъ, которыми одарилъ его Богъ, для государства было бы несчастіемъ, если-бъ такой отличный человѣкъ вынужденъ былъ бросить службу». (Т. X, № 46).

[36]) См. письмо къ гр. Ал. Ром. Воронцову, отъ 14 Янв. 1799 г., т. X, см. также отвѣтъ Ростопчина графу Семену Ром. подъ № 32 въ VIII т., и по поводу смерти Безбородка 40-е и 41-е письма, отъ 6-го и 18-го Апр. 1799 г., гдѣ Ростопчинъ оправдывается передъ гр. С. Р. отъ нареканій въ честолюбивыхъ происках противъ покойника.

скихъ его немощахъ для перемѣщенія на службу въ Россію; заключительныя же слова рескрипта, повидимому, закрывали всякій предлогъ къ какимъ бы ни было отговоркамъ. Графъ Семенъ Романовичъ, разумѣется, понялъ свое положеніе безвыходнымъ и, скрѣпя сердце, долженъ былъ отдаться судьбѣ. Онъ началъ готовиться къ переѣзду въ Россію, который просто ужасалъ его. Всѣ письма его за это время къ брату отличаются мрачнымъ уныніемъ и даже увѣренностью въ близкой погибели [37]), хотя онъ далеко не вполнѣ высказывалъ соображенія, приводившія его къ такой увѣренности. Но онѣ и безъ того для насъ понятны [38]). Тяжко было жить тогда въ Россіи, и вдвойнѣ тяжко для человѣка мыслящаго, привыкшаго въ теченіи многихъ лѣтъ къ совершенно-противуположному строю гражданскаго быта. Повторяемъ, графъ Воронцовъ зналъ что̀ дѣлалось въ отечествѣ, гдѣ было такъ нетрудно, ни за̀ что ни про̀ что, вдругъ попасть изъ царскаго чертога въ Сибирь, казематъ или даже и подъ кнутъ, съ которымъ, послѣ тридцати-пятилѣтней передышки, возобновили забытое непріятное знакомство привиллегированныя сословія [39]). Онъ могъ знать все это не столько изъ осторожныхъ намековъ своего брата или таинственныхъ аллегорій графа Завадовскаго, сколько изъ устныхъ разсказовъ нѣкоторыхъ земляковъ и знакомыхъ, отъ

---

[37]) См. «Воронц. Арх.» т. X, письма подъ №№ 49—51.

[38]) Бантышъ-Каменскій, въ «Словарѣ достопам. людей Русск. земли» (ч. I, стр. 365) говоритъ, что графъ Семенъ Романовичъ отказался отъ сана канцлера, «не надѣясь на прочность сего мѣста». Но этою причиною, вѣроятно, не исчерпывались отрицательныя побужденія графа Воронцова. Онъ понималъ, вопервыхъ, что, по современнымъ обстоятельствамъ, могъ быть полезнѣе своею службою отечеству въ чужихъ краяхъ, чѣмъ до̀ма; а вовторыхъ, что, по тѣмъ же обстоятельствамъ, мудрено было разсчитывать на прочность не только служебныхъ мѣстъ, но... и личной безопасности.

[39]) Съ легкой кожи Петра Васильянова, секретаря Херсонскаго порта, поручика Перскаго, подпоручика Ивана Ѳедосѣева и прапорщика Рожнова, битыхъ кнутомъ въ 1797 г., на основаніи высочайшей конфирмаціи, по отдѣльнымъ о каждомъ изъ нихъ судебнымъ дѣламъ. Это были первые опыты возвращенія къ кнутобойной расправѣ съ дворянами, не исключая и лицъ женскаго пола, какъ видно изъ приговора о прапорщицѣ Трубниковой. (См. книгу г. Романовича-Славатинскаго «Дворянство въ Россіи», гл. 3, стр. 235—236). Послѣднимъ, кажется, примѣромъ подобной расправы была свирѣпая казнь, исполненная на Дону, въ Старочеркаскѣ, 1800 года, надъ лейбъ-казачьими офицерами: гвардіи поручикомъ Петромъ и полковникомъ Евграфомъ Осиповичами Грузиновыми. Полковника сѣкли отъ восхожденія солнца до двухъ часовъ по полудни, и когда страдалецъ сталъ умирать, его сняли съ «кобылы» и положили на лицо клейма... Затѣмъ дядѣ Грузинова, войсковому старшинѣ Аѳанасьеву, вмѣстѣ съ тремя казаками Касмынинымъ, Поповымъ и Колесниковымъ, за «недонесеніе» о винѣ Грузинова, отрубили топоромъ головы. (См. «Русскую Старину» за 1873 г., VII, стр. 573—575 и 629, а также за 1878-й годъ, кн. X, стр. 241—264).

времени до времени пріѣзжавшихъ въ Лондонъ. За всѣмъ тѣмъ, при-
ходилось повиноваться.
Донесеніе графа Воронцова было составлено не менѣе искусно,
какъ и то, которое помогло ему отдѣлаться отъ вице-канцлерства.
Выразивъ сперва благоговѣйную готовность исполнить волю Монарха,
графъ Воронцовъ просилъ только: во 1-хъ, объ отсрочкѣ выѣзда до
конца Мая, на время леченія больной его дочери морскими купань-
ями, и во 2-хъ, объ отозваніи его лишь въ видѣ отпуска, для пред-
варительной пробы, способенъ-ли онъ къ новой обязанности и въ
силахъ-ли выдержать будущую зиму.

Съ другой стороны, испытывая меня въ моей способности, я не говорю уже что токмо
вѣроятно, но увѣренъ, что дѣйствительно найдете мои таланты весьма слабыми для испра-
вленія важной должности, отъ которой польза Ваша будетъ требовать, чтобъ я былъ от-
ставленъ. Въ сихъ двухъ положеніяхъ, или при одномъ изъ нихъ, я уповаю, что изволите
тогда вспомнить, что я исправлялъ здѣсь дѣла на меня возложенныя такъ, что Вы были
мною довольны, и что при старости 14-ти лѣтнее мое здѣсь пребываніе, пріучившее мое
тѣло къ здѣшнему умѣренному климату, дозволяетъ ему жить удобнѣе и съ меньшимъ стра-
даніемъ, нежели въ другомъ какомъ мѣстѣ; и тогда отошлете паки сюда неспособнаго че-
ловѣка для управленія важныхъ государственныхъ дѣлъ, но довольно способнаго по испы-
танію исправлять посланническую должность въ землѣ, которую онъ знаетъ, гдѣ имѣетъ
друзей и министерство, имѣющее въ немъ довѣренность... Я, сильно уповая на Ваше чело-
вѣколюбіе и милость, надѣюсь, всемилостивѣйшій Государь, что не откажете мои сіи двѣ
просьбы, и самая необходимость отваживаетъ меня всепокорно просить у В. И. В-ва,
чувствуя между тѣмъ мою неспособность и слабость моего здоровья, которое совсѣмъ ис-
треблено. Родъ моей болѣзни опаснѣе всякой, имѣя грудную боль неизлечимую, которая ме-
ня угнетаетъ при наималѣйшей стужѣ. Но долгъ мой есть жертвовать жизнію моею для ис-
полненія Вашей воли. Исполняя ее съ усердіемъ и безпредѣльною преданностію, начинаю
дѣлать всѣ нужныя распоряженія, дабы быть въ готовности, не ожидая болѣе другихъ по-
велѣніевъ, ѣхать съ моими дѣтьми и оставить сію землю въ послѣднихъ числахъ Маія, пред-
ставя лорду Гренвилю статскаго дѣйствительнаго совѣтника г. Лизакевича, аки повѣрен-
наго въ дѣлахъ [40]).

Въ ожиданіи дальнѣйшаго рѣшенія, графъ Воронцовъ опять про-
водилъ томительные дни колебаній между страхомъ и надеждой, по-
ка у него не отлегло на сердцѣ бремя этого ожиданія, съ получе-
ніемъ успокоительнаго письма отъ графа Ростопчина, которое пред-
шествовало высочайшему рескрипту такаго содержанія:

Графъ Семенъ Романовичъ! Отвѣтъ вашъ съ фельдъ-егеремъ Винтомъ вчерашняго числа
мною полученъ. Призывая васъ сюда, я намѣренъ былъ повѣрить вамъ управленіе дѣлъ
иностранныхъ и заранѣе увѣрился, что сей выборъ полезнымъ бы содѣлался и дѣламъ во-
обще. Но коль скоро здоровье ваше полагаетъ препоны къ исполненію предложеннаго и
желаннаго мною, и вы опасаетесь жестокостію здѣшняго климата подвергнуть себя совер-
шенному разстроенію здоровья вашего: то, желая соблюсти оное, теперь отдаю совершен-
но на волю вашу пріѣхать сюда, увѣренъ будучи, что вы въ Россіи и внѣ оной усердіемъ
и достоинствами вашими всегда ей полезны будете. Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Павелъ.

Въ С.-Петербургѣ. Апрѣля 20 дня 1799 года [41]).

Получивъ дорогое право избрать по волѣ любое изъ двухъ поло-
женій, графъ Семенъ Романовичъ, разумѣется, не задумывался въ

[40]) «Воронц. Архивъ», т. X, стр. 329—332.
[41]) Тамъ-же, стр. 250—251.

выборѣ, предпочтя остаться на прежнемъ посольскомъ мѣстѣ. Въ Россіи друзья его не удивлялись этому отказу отъ канцлерства и даже сочувствовали такому поступку. По этому поводу графъ П. В. Завадовскій писалъ къ старшему Воронцову: «Вся отповѣдь» (т. е. отвѣтъ Семена Романовича) расположена весьма прилично и благоразумно. Государь внялъ съ милостію его резонамъ. Ни тѣни не было неудовольствія. Спросишь: хорошо-ли сдѣлалъ? Въ отвѣтъ и я тебя вопрошаю: качество министра, премѣняющееся въ экзекутора, завидно-ли? Къ сей точкѣ приведено званіе и прежняго, и всѣхъ будущихъ. Кто не предпочтетъ покойнаго пребыванія стоянію на волнѣ, возносящейся и опадающей? Вещи людей влекутъ и отгоняютъ отъ себя по цѣнѣ, въ какое время ту имѣютъ»[42]).

Смерть князя Безбородки графъ Семенъ Романовичъ, вмѣстѣ со многими Русскими людьми, оплакалъ съ искреннею, глубокою скорбію. Онъ видѣлъ въ его кончинѣ не только личную для себя потерю стараго доброжелателя и друга, но и государственную утрату. Преемникомъ его по управленію иностранными дѣлами сдѣлался графъ Ростопчинъ, въ званіи «первоприсутствующаго» въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; но министромъ по этой части, въ истинномъ значеніи слова, онъ никогда не былъ, такъ какъ самъ императоръ Павелъ входилъ во всѣ подробности дѣлъ и направлялъ ихъ по личному усмотрѣнію.

Послѣдовательность разсказа объ обстоятельствахъ, относившихся къ личной жизни графа С. Р. Воронцова, отвлекла насъ отъ одновременнаго съ ними движенія политическихъ дѣлъ, которыми была занята посольская его дѣятельность. Поэтому упомянемъ о нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ историческихъ событіяхъ, имѣющихъ связь съ нашимъ предметомъ.

Военная и политическая борьба главныхъ Европейскихъ державъ съ революціонною Франціей переходила фазисы разъединенія и упадка. Республика, не смотря на свои внутреннія неурядицы, торжествовала побѣды надъ внѣшними врагами, все болѣе и болѣе расширяясь завоеваніями. Изъ двухъ зачинщицъ первоначальной коалиціи присмирѣвшая Пруссія совсѣмъ отшатнулась отъ общаго дѣйствія, Австрія-же едва переводила духъ онъ понесенныхъ пораженій. Борьбу продолжала не безъ успѣха одна только Англія, преслѣдовавшая собственныя цѣли подъ знаменемъ «общеевропейскаго интереса»; но она могла справляться съ непріятелемъ только на морѣ. Императоръ Павелъ, по своимъ консервативнымъ воззрѣніямъ и сочувствію къ роялистамъ, смотрѣлъ слишкомъ неравнодушно на такое положеніе дѣлъ и потому, въ 1798 г., легко склонился на убѣжденія Англійскаго посла въ Петербургѣ, сэра Чарльса Витворта, принять дѣятельное участіе въ союзѣ противъ Франціи, за что Англія вызывалась уплатить на военныя издержки единовременно 225,000 фунт. стерлинг., да кромѣ того ежемѣсячно вносить по 75,000 ф. с., съ обязательствомъ возвратить независимость Мальтѣ, захваченной Французами.

[42]) «Воронц. Архивъ», т. XII, № 159, отъ 20 Апрѣля 1799 г.

Павелъ, какъ великій магистръ Мальтійскаго ордена, съ такимъ удовольствіемъ принялъ это послѣднее обѣщаніе Англіи, что первое (о субсидіяхъ) оставилъ почти безъ вниманія, заключивъ съ будущею «освободительницею» Мальты наступательный и оборонительный союзъ, на основаніи котораго условился снарядить одинъ отрядъ своихъ войскъ для дѣйствій на Сѣверѣ Германіи, а другой, не менѣе сорока тысячъ человѣкъ, въ помощь Австріи, для изгнанія Французовъ изъ Италіи. Рѣшившись дѣйствовать, Русскій императоръ всячески старался привлечь къ союзу и Пруссію; но всѣ усилія къ этому посланника нашего въ Берлинѣ, графа Н. П. Панина, и чрезвычайнаго посла, князя Н. В. Рѣпнина, не достигли успѣха, къ крайнему негодованію Павла.

Военныя дѣйствія съ нашей стороны начались. Большинство государственныхъ людей въ Россіи раздѣляло искренно убѣжденіе Государя о необходимости силою оружія преградить путь захватамъ революціоннаго правительства, для спасенія угрожаемыхъ ими монархій и для дѣйствительнаго сохраненія того пресловутаго «Европейскаго равновѣсія», идеею котораго такъ часто злоупотребляли и прежде и нынѣ Европейскіе дипломаты, ради совершенно-постороннихъ ему цѣлей. Нашъ Лондонскій посолъ твердо стоялъ на этой-же точкѣ зрѣнія (т. е. воинственной), не столько подъ вліяніемъ всегдашней антипатіи своей къ Французамъ, сколько по предвидѣнію грозныхъ послѣдствій завоевательной ихъ политики, какія осуществились потомъ для Европы подъ сокрушительною рукою Наполеона. Но у насъ были и свои сторонники невмѣшательства, полагавшіе, что Россія слишкомъ могуча и слишкомъ отдалена отъ театра борьбы, чтобы бояться чуждой ей заразы «якобинства» или невѣроятнаго нашествія вооруженной силы, и что святая Русь, недоступная ни для того, ни для другаго, могла-бы, поэтому, оставаться спокойною зрительницею внѣшнихъ событій [43]).

Переписка графа С. Р. Воронцова и его друзей во время славной для Русскаго оружія, но безплодной кампаніи 1799 года, наполнена сужденіями и вѣстями объ этой войнѣ, которою Суворовъ такъ доблестно увѣнчалъ свою давнишнюю боевую славу [44]). Но вмѣстѣ съ

[43]) Напримѣръ, мнѣнія въ такомъ родѣ проглядываютъ въ письмахъ графа П. В. Завадовскаго, изданныхъ въ XII т. «Воронцовскаго Архива». Кажется, подобнаго-же образа мыслей держался и графъ Ник. Петр. Румянцовъ.

[44]) До этой войны, ни графъ Воронцовъ, ни всѣ близкіе его пріятели, въ своихъ письменныхъ сношеніяхъ, не отзывались сочувственно о личности Суворова, въ которомъ особенно не нравились имъ странности его и причуды. Въ 1799 г. подвиги престарѣлаго фельдмаршала совершенно измѣнили небрежный тонъ этихъ отзывовъ на почтительный и даже восторженный. Его стали величать, въ одинъ голосъ, геніальнымъ полководцемъ, «Русскимъ Аннибаломъ». Побѣды его производили энтузіазмъ и въ Англіи. Кстати здѣсь сказать, что, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, Суворовъ находился въ числѣ людей, весьма расположенныхъ къ графу Семену Романовичу Воронцову. «Тактика ваша», писалъ однажды сей славный полководецъ къ нему, долж-

впечатлѣніями гордой радости отъ успѣховъ и побѣдъ Русскихъ войскъ, нашему послу пришлось передумать много мрачныхъ думъ, перечувствовать много горькихъ ощущеній и переиспытать много хлопотъ, вслѣдствіе событій, завершавшихъ войну. Не говоря уже о недостойномъ поведеніи предательницы—Австріи, которая и тогда съумѣла показать въ себѣ способность «удивлять міръ своею неблагодарностью», Англія также преуспѣвала по части каверзъ и обмановъ, подготовившихъ разрывъ съ нею императора Павла.

Первый поводъ къ неудовольствію Государя поданъ былъ отказомъ Англійскаго правительства выручить нѣсколько Русскихъ изъ Французскаго плѣна (взятыхъ подъ Алкмааромъ), посредствомъ обмѣна на равное число военноплѣнныхъ Французовъ, которыхъ было много въ рукахъ Англичанъ. Императоръ Павелъ тѣмъ болѣе находилъ несправедливымъ этотъ отказъ, что самъ всегда разрѣшалъ выдавать Французскихъ плѣнниковъ, попадавшихся Русскимъ во время Суворовской кампаніи, въ обмѣнъ на взятыхъ Французами Австрійцевъ и Сардинцевъ. Второе обстоятельство, преимущественно оскорбившее Павла Петровича, заключалось въ томъ, что Англія не хотѣла признавать его велико-магистерскихъ правъ главенства надъ Мальтійскимъ орденомъ и, отнявъ у Французовъ Мальту, расположилась удержать этотъ пунктъ за собою, въ противность основнымъ условіямъ союзнаго договора [45]). Было много и другихъ второстепенныхъ причинъ охлажденія между обѣими державами.

Едва только стали возникать пререканія по этимъ щекотливымъ вопросамъ, конечно, вызвавшія тотчасъ непріязненный отголосокъ въ Англійскихъ газетахъ, какъ въ Лондонѣ появилось множество памфлетовъ и статей противъ Русскаго государя, перешедшихъ вскорѣ въ пасквили и карикатуры, о чемъ правительство перваго консула Французской республики, чрезъ своихъ агентовъ, находило средства доводить до свѣдѣнія императора Павла, съ цѣлію подливать масла въ огонь. Надо полагать, что въ этихъ случаяхъ Русскому послу въ Англіи приходилось имѣть немало хлопотъ, весьма непріят-

---

на быть въ кабинетахъ всѣхъ государствъ». (См. «Словарь достоп. людей Русск. земли», ч. 1, стр. 365). Странно только, что въ «Воронцовскомъ Архивѣ» мы не находимъ ни одного письма Суворова къ графу Воронцову; впрочемъ бумаги этого архива, какъ слышно, еще далеко не всѣ обнародованы.

[45]) См. въ «Древн. и Нов. Россіи» 1878 г., № 3, статью Н. Н. Фирсова: «Отношенія Англіи къ Россіи». Намѣреніе Англіи завладѣть Мальтою обнаружилось вскорѣ послѣ того, какъ Павелъ распорядился отправить на этотъ островъ для гарнизона 3 баталіона Русскихъ гренадеръ и 300 артилеристовъ, съ тѣмъ чтобы равное количество гарнизона содержалось тамъ какъ со стороны короля Сицилійскаго, такъ и короля Великобританскаго. (См. высоч. повелѣніе графу С. Р. Воронцову, изъ Спб., 19 Дек. 1798 г., т. X «Воронц. Архива», стр. 249—250).

ныхъ, и вчинать даже исковыя судебныя дѣла формальнымъ порядкомъ [46]).

Служебныя обязанности графа Воронцова усложнены были возложеннымъ на него, въ Ноябрѣ 1799 г., начальствованіемъ надъ 12-ти тысячнымъ корпусомъ генералъ-маіора Эссена, т. е. остаткомъ того отряда, который такъ неудачно дѣйствовалъ въ Голландіи подъ предводительствомъ Германа и главнымъ командованіемъ герцога Іоркскаго, а потомъ оставался зимовать въ Англійскихъ владѣніяхъ, на островахъ Жерсеѣ и Гернсеѣ. Графъ Воронцовъ, и прежде порученія завѣдывать временно этими войсками, испыталъ изъ-за нихъ много непріятностей и столкновеній съ Эссеномъ, который не ладилъ съ Англійскимъ начальствомъ и, вслѣдствіе того, былъ отставленъ, по высочайшему приказу отъ 30-го Октября 1799 г., когда корпусъ его еще находился въ Голландіи [47]); а по принятіи командованія надъ этими войсками, крайне разстроенными по части дисциплины, посолъ нашъ былъ поставленъ въ болѣе отвѣтственное и заботливое положеніе [48]). Это тяжелое бремя лежало на графѣ Воронцовѣ до тѣхъ поръ, пока, въ Февралѣ 1800 г., не пріѣхалъ снять его на себя генералъ отъ кавалеріи графъ Віомениль, изъ Французскихъ эмигрантовъ, назначенный командиромъ упомянутаго корпуса, съ цѣлію произвести во главѣ этого отряда высадку во Францію, для возстановленія монархіи, при содѣйствіи роялистовъ, по плану, о которомъ въ Петербургѣ завелъ переговоры Англійскій посолъ Витвортъ и о

[46]) Вотъ образчикъ одного изъ такихъ дѣлъ, извлеченный изъ сочиненія Джемса Гранта: «Исторія журналистики въ Англіи» (The news-paper-press, by James Grant. London. 1871). Въ 1799 г. газета Курьеръ, принадлежащая Джону Парри (John Parry), подверглась преслѣдованію за пасквиль на императора Всероссійскаго Павла I-го, въ видѣ статьи слѣдующаго содержанія: «Россійскій императоръ дѣлается невыносимъ своимъ подданнымъ, разными тираническими дѣйствіями, и смѣшнымъ въ глазахъ Европы, несообразностью своихъ поступковъ. Онъ теперь издалъ указъ, воспрещающій вывозъ лѣса и досокъ и проч. Этотъ несвоевременный указъ вынудилъ около ста парусныхъ судовъ возвратиться въ королевство безъ груза». Такъ какъ статья эта не имѣла никакаго основанія, то и предъявленъ былъ искъ за пасквиль. Разумѣется, издатель былъ осужденъ, не взирая на краснорѣчіе Эрскина, его адвоката (впослѣдствіи знаменитаго лорда Эрскина). Лордъ Кеніонъ (Kenyon) былъ судьею, а сэръ Джонъ Скоттъ, впослѣдствіи не менѣе знаменитый лордъ Эльдонъ, производилъ слѣдствіе отъ имени правительства. Обвинительный приговоръ противъ г. Парри былъ слѣдующій: шестимѣсячное заключеніе въ тюрьмѣ Кингсъ-бенчъ (Kings-bench), штрафъ въ 100 фунтовъ стерлинг., съ собственною отвѣтственностью на 500 фунтовъ въ 5 лѣтъ, или вмѣсто того, два поручительства, въ 250 фунтовъ каждое. Его два товарища по изданію были приговорены къ мѣсячному тюремному заключенію.

[47]) Какимъ возмутительнымъ образомъ относились въ Англіи къ нашимъ войскамъ, можно видѣть изъ сочиненія Милютина, т. 2, гл. LXXI, стр 482—485.

[48]) Тамъ-же, т. 3, стр. 589—593; кромѣ того, «Воронц. Архивъ» т X, письмо подъ № 68.

подробностяхъ котораго будущій начальникъ экспедиціи долженъ былъ въ Лондонѣ войти въ совѣщанія съ графомъ Воронцовымъ и лордомъ Гренвилемъ.

Инструкціи, данныя по этому предмету Віоменилю и графу Воронцову (каждому порознь, отъ 20 и 21-го Ноября 1799 г.), отчасти противорѣчили одна другой въ указаніи взаимныхъ отношеній и дѣйствій этихъ лицъ. Посолъ, въ избѣжаніе вредныхъ недоразумѣній, рѣшился перевести Віоменилю свою инструкцію на Французскій языкъ съ кое-какими перемѣнами противъ подлиннаго текста, чтобы не задѣть самолюбія генерала, и съумѣлъ поставить дѣло на ладъ, а между тѣмъ откровенно донесъ объ этомъ Государю [49]), что̀, по видимому, было принято безъ неудовольствія. Но по совмѣстномъ обсужденіи предстоявшей экспедиціи, на совѣтѣ между графомъ Воронцовымъ, генераломъ Віоменилемъ и лордомъ Гренвилемъ, оказался такой выводъ, что зимовавшій въ Англіи корпусъ Русскихъ войскъ недостаточно силенъ, что требовалось не менѣе 35,000 человѣкъ, и что транспортныя суда Русскихъ эскадръ, по неудовлетворительному ихъ состоянію, не могутъ служить для перевозки десантнаго отряда [50]).

Такія возраженія (говоритъ авторъ „Исторіи войны 1799 года") конечно не могли быть пріятны Россійскому монарху и рѣшили его окончательно отказаться отъ всякихъ новыхъ военныхъ предпріятій вмѣстѣ съ прежними союзниками. Русскимъ войскамъ и флоту повелѣно было возвратиться въ отечество. Но суровая зима прервала на нѣсколько недѣль сообщеніе между Петербургомъ и Лондономъ; а потому повелѣніе Императора получено было графомъ Воронцовымъ только въ исходѣ Февраля. Россійскій посолъ вошелъ по этому предмету въ сношенія съ Англійскимъ адмиралтействомъ. Немало времени и заботъ требовало снаряженіе Русскихъ кораблей, которые всѣ почти, болѣе или менѣе, были повреждены, и потому мѣсяцевъ по шести чинились въ разныхъ докахъ: одни въ Портсмутѣ, другіе въ Чатамѣ, Дилѣ, Блекстексѣ; иные даже въ Литтѣ (въ Шотландіи). Графъ Воронцовъ снова доносилъ Императору о жалкомъ состояніи Русскихъ эскадръ, о разныхъ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ къ отправленію войскъ, о необходимости большаго числа транспортныхъ судовъ. Россійскій посолъ, пока не зналъ послѣдняго рѣшенія Государя, все еще надѣялся на возстановленіе прежнихъ дружественныхъ отношеній между союзными дворами, и старался вмѣстѣ съ Англійскимъ министерствомъ замедлить отправленіе Русскихъ войскъ и флота. Онъ доносилъ Государю о разныхъ новыхъ предложеніяхъ и планахъ Лондонскаго кабинета [51]).

Дѣйствительно, графъ Воронцовъ старался доносить Государю обо всемъ, что̀ могло выяснить положеніе дѣла, или способствовать его состоятельности и возможной поддержкѣ пошатнувшихся союзныхъ отношеній Россіи, для которой разрывъ съ Англіею онъ не считалъ ни желательнымъ, ни полезнымъ. Обстоятельства были таковы, что всякій лишній врагъ могъ переполнить опасность нашего международнаго положенія. Не примирясь еще съ Франціей послѣ только-что прекратившихся военныхъ дѣйствій, мы въ тоже время очути-

---

[49]) См. всеподд. донесеніе гр. Воронцова отъ 28 Января и 25 Февраля 1800 г., въ X т. «Воронц. Архива».

[50]) Тамъ-же, стр. 346—350.

[51]) Милютинъ, т. 2, гл. VIII, стр. 485.

лись въ явномъ разладѣ съ нашею невѣрною союзницей—Австріей, а съ Пруссіей прерваны дипломатическія сношенія еще наканунѣ кампаніи, въ коей она отказалась принять участіе. Съ Англіей отношенія наши становились не менѣе натянутыми и близкими къ ссорѣ, для которой вызванныхъ ею-же предлоговъ было весьма достаточно, но которую предотвратить казалось еще возможнымъ. Объ этомъ-то и хлопоталъ графъ С. Р. Воронцовъ; но изъ одного-ли пристрастія къ Англіи? Оно-ли было главною движущею пружиною въ образѣ дѣйствій такаго человѣка, который, въ теченіе всей прошлой жизни своей внѣ отечества, никогда не опускалъ Русскаго знамени и умѣлъ, по выраженію нашихъ предковъ, «грозно и честно» держать имя своего Государя? Не представлялись-ли миролюбивыя представленія графа Воронцова непріятными высшей власти только потому, что въ нихъ содержались несоотвѣтствующія минутному настроенію «возраженія», однако отнюдь непротивныя интересамъ или достоинству Россіи? На вопросы эти могутъ отвѣчать потомству откровенные отзывы тѣхъ современныхъ графу Воронцову государственныхъ людей, которые были близки къ особѣ Императора и, такъ-сказать, стояли у самаго кормила дѣлъ: отзывы графовъ Ростопчина и Панина, людей во всѣхъ другихъ случаяхъ отнюдь не отличавшихся единомысліемъ. Эти отзывы мы приведемъ ниже.

Въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ донесеній, графъ Воронцовъ доводилъ до свѣдѣнія Государя о новыхъ предложеніяхъ Лондонскаго кабинета относительно мѣръ для приведенія въ дѣйствіе задуманной экспедиціи во Францію, при чемъ изложилъ подробно встрѣтившіяся препятствія къ немедленному возвращенію въ отечество Русскихъ войскъ съ зимнихъ квартиръ въ Англійскихъ владѣніяхъ. На донесеніе это послѣдовало изъ Петербурга оффиціальное письмо къ графу Воронцову, отъ 4 (16) Апрѣля 1800 г., подписанное графомъ Ростопчинымъ такаго содержанія:

Милостивый государь, графъ Семенъ Романовичъ.

Его Величество, усматривая изъ неоднократныхъ донесеній вашихъ разныя представленія вопреки волѣ его, приказалъ вамъ сказать, что если исполненіе оной вамъ въ тягость, то невозбранно вамъ просить увольненія отъ службы.

Это оффиціальное письмо, полученное посломъ 8 (20) Апрѣля 1800 г., сопровождалось другимъ, отъ Ростопчина-же, шифрованнымъ (на Французскомъ языкѣ).

Видите, что долженъ я подписывать, и могу-ли оставаться! Если съ вами такъ обращаются, то какая будущность можетъ меня ожидать? Сердце мое обливается кровью, сооболѣзнуя вамъ. Орошаю слезами ваши руки. Будемъ плакать вмѣстѣ. Дѣлать нечего [52]).

А вотъ извлеченіе изъ письма къ графу Воронцову отъ графа Никиты Петровича Панина, отъ 9 (20) Апрѣля 1800 года:

Мнѣ разсказывалъ графъ Ростопчинъ, что когда было доложено Императору ваше письмо, гдѣ объяснялись причины, препятствующія возвращенію нашихъ войскъ до Мая мѣсяца, то Его Величество не только не выказалъ никакаго неудовольствія, но даже казался довольнымъ и, высчитавъ на пальцахъ время, въ которое войска могутъ быть от-

---

[52]) «Воронц. Арх.» т. X, письмо подъ № 75, стр. 75; Милют. т 2, ч. VIII, стр. 486; «Воронц. Арх.» т. VIII, № 66, стр. 278.

правлены моремъ въ Россію, выразился въ такомъ смыслѣ, какъ будто результатъ этого разсчета казался ему соотвѣтствующимъ его ожиданію. „Оставивъ Государя" (продолжалъ Ростопчинъ), „я былъ, поэтому, совершенно спокоенъ; но возвратившись къ себѣ домой и только-что успѣвъ проглотить нѣсколько ложекъ супу, долженъ былъ принять пріѣхавшаго ко мнѣ Кутайсова. Онъ передалъ мнѣ на словахъ приказаніе сейчасъ-же составить письмо къ графу Воронцову, съ извѣщеніемъ, что если тотъ тяготится исполнять повелѣнія Его Императорскаго Величества, то воленъ подать въ отставку. Вы знаете (присовокупилъ Ростопчинъ), что въ подобныхъ случаяхъ нужно повиноваться слѣпо и что всякое представленіе могло-бы только раздражить Государя сильнѣе. И такъ, взявъ въ руки перо и смягчивъ выраженія на сколько было возможно, я вручилъ приготовленное письмо Кутайсову, для представленія Государю; но Его Величество не былъ доволенъ написаннымъ и, принявшись самъ за перо, передѣлалъ письмо цѣликомъ, въ выраженіяхъ болѣе жесткихъ"... „Когда я (пишетъ далѣе Панинъ отъ своего лица) спросилъ у Ростопчина: не можетъ-ли онъ объяснить, почему ваше донесеніе, сперва одобренное, произвело черезъ часъ спустя такую вспышку,—онъ мнѣ отвѣчалъ, что тутъ вся причина въ характерѣ Императора, и что это не первый уже примѣръ... [53]). Еслибъ я думалъ, любезный графъ, что вы нуждаетесь въ утѣшеніяхъ, то сказалъ-бы вамъ, что нѣтъ никого на Руси, въ строгомъ смыслѣ слова, кто былъ-бы въ безопасности отъ притѣсненій и несправедливостей; что самовластіе дошло до высшей степени и что для возбужденія противъ себя подозрѣній, обидъ и преслѣдованій, достаточно имѣть благородныя свойства характера. Съ Суворовымъ обошлись оскорбительнымъ образомъ за то, что изъ одного рапорта генерала Бауера усмотрѣно, что въ Италіи при генералиссимусѣ состоялъ дежурный генералъ. Суворовъ уже приближался сюда, когда былъ встрѣченъ выговоромъ, и тотчасъ-же повернулъ назадъ (il a rebroussé chemin), подъ предлогомъ болѣзни. Въ дѣлахъ судебныхъ часто отдается повелѣніе судьямъ рѣшить дѣло въ пользу такаго-то, не обращая вниманія на законы. Послѣ всего этого, можете-ли вы, уважаемый другъ, огорчаться тѣмъ, что произошло съ вами [54])?

[53]) Между тѣмъ, въ письмѣ гр. Ростопчина къ графу Александру Ром. Воронцову отъ 23 Мая 1800 г., есть намёкъ въ иномъ смыслѣ, выраженный такимъ образомъ (по случаю отставки графа Семена Романовича): «Служа столь давно и имѣя все право на уваженіе къ заслугамъ, трудно быть подвергнуту и сносить неудовольствія, которыя еще и не прямо отъ Государя проистекаютъ. За разрушеніе союза съ коварнымъ Вѣнскимъ дворомъ назначены четыре жертвы: князь Суворовъ, графъ Семенъ Романовичъ, Англія я. Три первыя принесены, а я еще остался, но весьма холодно и спокойно жду своего жребія.... Чудно, что до сихъ поръ еще живъ остался». («Воронц. Арх». т. VIII, № 2, стр. 460).—На что то подобное намекаетъ и графъ Завадовскій, говоря о графѣ Семенѣ Романовичѣ: «Не къ нему, а къ другому неудовольствіе личное, я полагаю, причиною крутаго происшествія». (Письмо изъ Ляличей, отъ 14-го Іюня 1800 г., т. XII «Воронцовскаго Архива» № 181). Самъ же графъ С. Р Воронцовъ думалъ, что въ этомъ случаѣ ему отозвалось представленіе его двору своему, отъ 13 (25) Апрѣля 1800 г., касательно сдѣланнаго въ Петербургѣ отказа въ выдачѣ проѣздныхъ паспортовъ курьерамъ Англійскаго посла, Витворта, еще не успѣвшаго выѣхать въ отечество; а это обстоятельство въ Англіи принято было за нарушеніе международнаго права. (См. 25-е примѣчаніе къ 71-й главѣ «Исторіи войны 1799 г.», т. 3, стр. 637).

[54]) «Воронц. Арх.» т. XI, № 55, стр. 110—112. Не излишне прибавить, что замедленіе въ отправкѣ Русскихъ войскъ изъ Англіи не прошло даромъ и графу Віоменилю: онъ былъ отставленъ изъ Русской службы и тогда поступилъ въ Англійскую.

Надобно отдать справедливость графу Панину и въ томъ отношеніи, что сообщаемыя имъ свѣдѣнія не погрѣшали противъ послѣдовательности. Еще незадолго до выписаннаго выше посланія, онъ писалъ къ графу Воронцову:

„Знаю, какъ должны вы страдать, узнавая каждый день про какую-нибудь новую у насъ несообразность, и не умолчу передъ вами, что зло возрастаетъ и усиливается всё болѣе и болѣе, что самовластіе и помраченіе доходятъ до послѣдней крайности; но, во имя всего святаго, умоляю васъ не помышлять объ отставкѣ. Если вы это сдѣлаете, то что-же съ нами станется, когда Витвортъ будетъ отозванъ? Ни съ той, ни съ другой стороны не назначутъ посланниковъ, и оба двора разсорятся окончательно....“ [55]).

Опасенія графа Панина на счетъ Витворта сбылись очень скоро. 1-го Февраля (ст. ст.) 1800 г., къ графу Воронцову посланъ былъ слѣдующій рескриптъ:

„Имѣя давно причины быть недовольнымъ образомъ дѣйствій кавалера Витворта, особенно-же теперь, когда между государями столь необходимо сохраненіе мира и согласія и желая избѣгнуть непріятныхъ послѣдствій, какія могутъ произойти отъ дальнѣйшаго пребыванія при дворѣ моемъ лживыхъ министровъ, я требую, чтобы кавалеръ Витвортъ былъ отозванъ отсюда, о чемъ сообщите Англійскому министерству, предоставивъ ему назначить другаго посла, о выборѣ котораго немедленно-же мнѣ донесите“ [56]).

Суровое расположеніе духа въ Государѣ все усиливалось и предвѣщало близкій конецъ всякимъ сношеніямъ съ Англійскимъ правительствомъ.

Въ исходѣ Апрѣля 1800 г., графъ Воронцовъ отвѣчалъ на сдѣланное ему отъ имени Государя гнѣвное замѣчаніе, о которомъ мы говорили, просьбою объ отставкѣ. Отправивъ эту бумагу, графъ Воронцовъ увѣдомилъ о томъ особо и графа Ростопчина (27 Апр.—8 Мая), присовокупивъ, въ концѣ письма, нѣсколько строкъ, исполненныхъ тонкой ироніи: «Чувствую» (писалъ онъ по-французски) «безмѣрную доброту и деликатность, съ коими Императоръ благоволилъ отнестись ко мнѣ, хотя призналъ мою неспособность. Всякій другой Государь поступилъ-бы со мною какъ съ непригоднымъ человѣкомъ, коего сухо удаляютъ отъ себя прочь,—*тѣмъ болѣе, что изъ сорока слишкомъ лѣтъ моей службы не исполнилось еще и четырехъ съ тѣхъ поръ, какъ я служу Его Величеству*» [57]). Но прежде чѣмъ просьба объ отставкѣ достигла до высочайшаго свѣдѣнія, графъ Воронцовъ былъ

---

[55]) «Воронц. Архивъ», т. X, № 52, стр. 107.

[56]) Милют., т. 2, гл. LXXI, стр. 486. Послѣ отъѣзда Витворта, обстоятельства приняли такой оборотъ, что назначать новаго представителя изъ Англіи было нечего. Дѣло быстро пошло на разрывъ окончательный, который вскорѣ повелъ за собою объявленіе войны. Интересныя подробности о высылкѣ изъ Россіи Англійскаго посольства, наканунѣ этого событія, изложены въ секретномъ письмѣ гр. Панина къ гр. С. Р. Воронцову, изъ П-бурга, отъ 28 Мая 1800 г. См. «Воронц. Архивъ» т. XI, № 57, стр. 115—118.

[57]) Просьба объ отставкѣ, отъ 27 Апр. (8 Мая) 1800 г., въ X т. «Воронц. Архивъ» № 11, стр. 335; письмо къ гр. Ростопчину—т. XI, стр. 332.

отозванъ отъ посольскаго поста, рескриптомъ отъ 13-го Апрѣля, гдѣ было сказано слѣдующее:

„Находя, по малому числу настоящихъ дѣлъ, что присутствіе ваше въ Англіи не совсѣмъ можетъ быть нужно, позволяю вамъ употребить сіе время на поправленіе вашего здоровья и отправиться къ водамъ....“

Повелѣніе это наносило опять чувствительный ударъ графу Воронцову, не потому, что полагало конецъ посольской его службѣ, а потому, что принуждало его прекратить пребываніе въ странѣ, съ которою онъ сжился и нравственно,—во многихъ отношеніяхъ,—и физически, по привычкѣ къ ея климату. Его не могла утѣшить одновременно-полученная шифрованная депеша графа Ростопчина, гдѣ тотъ намекалъ, что «время возьметъ свое и что впослѣдствіи можно будетъ возвратиться въ Лондонъ» [58]). Графъ Семенъ Романовичъ, сдавъ посольскія дѣла помощнику своему, д. ст. совѣтнику В. Г. Лизакевичу [59]), рѣшился всеподданнѣйше ходатайствовать о дозволеніи остаться въ Англіи еще на нѣкоторое время, до окончанія курса пользованія больной его дочери морскими купаньями, «коими, въ теченіе трехъ лѣтъ только и поддерживались ея силы» [60]).

Отвѣтомъ на ходатайство было высочайшее разрѣшеніе поданной прежде просьбы объ отставкѣ, сообщенное графомъ Ростопчинымъ въ такой формѣ:

По высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію

Милостивый государь, графъ Семенъ Романовичъ!

Государь Императоръ, удовлетворяя прошенію вашего сіятельства, соизволилъ васъ отставить слѣдующимъ приказомъ отъ 22 Мая:

„Генералъ отъ инфантеріи графъ Воронцовъ, по прошенію его, за слабостію здоровья, всемилостивѣйше увольняется отъ службы съ ношеніемъ мундира“

и притомъ предоставляя вашему сіятельству избрать мѣстопребываніе ваше, также и на то, чтобъ сынъ и дочь ваши оставались при васъ столь долго, какъ вы заблагоразсудите [61]).

С.-Петербургъ, Маія 23 дня 1800 года.

Тогда же гр. Ростопчинъ написалъ къ уволенному послу частное письмо, въ которомъ говорилъ, между-прочимъ, по поводу проше-

[58]) Т. VIII, № 68, стр. 279.

[59]) Не можемъ опустить здѣсь одной подробности, какъ бросающей свѣтъ на лучшую черту въ характерѣ графа Воронцова: его неизмѣнное благодушное участіе къ положенію своихъ сотрудниковъ. При сдачѣ посольскихъ дѣлъ Лизакевичу, онъ, не смотря на личныя свои огорченія и заботы, въ какія повергала его царская немилость и какія могли-бы поглотить вниманіе всякаго другаго въ подобномъ критическомъ положеніи, не забылъ послать убѣдительнѣйшее представленіе графу Ростопчину о прибавкѣ содержанія Лизакевичу, такъ какъ послѣдній, не имѣя никакаго состоянія и оставаясь послѣ Воронцова повѣреннымъ въ дѣлахъ, вынуждался въ этомъ званіи къ непосильнымъ для себя увеличеннымъ расходамъ. (См. «Воронц. Арх.» т. XI, письмо подъ № 21, отъ 4 (15) Мая 1800 г., стр. 332—333).

[60]) «Воронц. Архивъ», т. X, № 17, стр. 351—352.

[61]) Т. VIII, № 70, стр. 280—281.

нія его объ отставкѣ, что Государь былъ тронутъ содержаніемъ этой просьбы (написанной въ самомъ дѣлѣ тепло и задушевно, на Французскомъ языкѣ), и что при чтеніи ея Ростопчинъ не могъ удержаться отъ слезъ. «Но», -прибавлялъ онъ,—«пора вамъ насладиться спокойствіемъ».

Графъ С. Р. Воронцовъ вздохнулъ теперь свободно, считая себя въ состояніи, наконецъ, располагать собою безъ стѣсненія. На это отрадное чувство безопаснаго ухода отъ бѣды едва-ли кинуло тѣнь новое извѣщеніе графа Ростопчина (отъ 22-го Іюня), что Императоръ, вслѣдствіе неудовольствія своего на весь наличный штатъ камергеровъ, распорядился назначить нѣкоторыхъ изъ нихъ на службу въ судебныя учрежденія внутреннихъ мѣстностей Россіи, а 13 человѣкъ совсѣмъ отставилъ, — въ томъ числѣ и молодаго графа Михаила Семеновича, который, находясь въ Лондонѣ при отцѣ, числился въ этомъ придворномъ званіи. Надо здѣсь сказать, что, прежде выхода въ отставку, посолъ отправилъ-было всеподданнѣйшее письмо о дозволеніи сыну его пріѣхать въ Россію, мѣсяцевъ на 9 или на 10, для посѣщенія дяди и потомъ для личнаго представленія своего Государю. Но предусмотрительный графъ Ростопчинъ не доложилъ этого письма, боясь, чтобъ оно не послужило поводомъ потребовать молодаго графа Воронцова на дѣйствительную камергерскую службу. Извѣщая-же теперь о выключкѣ послѣдняго изъ персонала придворныхъ чиновъ, онъ писалъ къ его отцу: «Надѣюсь, что вы примите это какъ фактъ, обезпечивающій пребываніе сына при васъ, и что вы ничуть не потревожитесь за его будущность: въ 16 лѣтъ люди только начинаютъ жить, а обстоятельства такъ часто мѣняются, что молодому человѣку предстоитъ еще много времени для службы и возможности быть полезнымъ» [62]).

За передачею кому-слѣдовало посольскихъ дѣлъ, графъ Семенъ Романовичъ не совсѣмъ освободился отъ послѣднихъ формальностей, при которыхъ подобало сложить съ себя званіе посла, по общепринятому этикету: онъ долженъ былъ вручить королю Великобританіи свою отзывную грамоту въ прощальной аудіенціи, безъ чего и преемникъ его, наличный представитель Русской миссіи, не могъ вступить оффиціально въ права повѣреннаго. Но грамоты этой изъ Петербурга не высылали, что ставило и графа Воронцова въ какое-то странное, неопредѣленное положеніе. Послѣ напраснаго ея ожиданія [63]), черезъ $2^1/_2$ мѣсяца послѣ сдачи должности, въ Августѣ 1800 года, онъ рѣшился совсѣмъ перебраться изъ Лондона за 30 миль оттуда, въ Соутгамптонъ (Southampton),—теперешній людный городъ,

---

[62]) «Воронц. Архивъ», т. VIII, письмо къ гр. С. Р. подъ № 74, стр. 283; также къ гр. Ал. Ром. отъ 17-го Апр. 1800 г., стр. 458.

[63]) Изъ Петербургскаго письма гр. Н. П. Панина, отъ 28 Мая 1800, видно, что онъ заготовилъ было отзывную грамоту и передалъ графу Ростопчину, для поднесенія Государю къ подписанію; но Ростопчинъ не посмѣлъ доложить ее, «опасаясь отказа»... Кажется, что графъ Воронцовъ такъ и не дождался этой бумаги. («Воронц. Архивъ», т. XI, № 58, стр. 119).

а въ то время небольшое рыбачье мѣстечко на берегу моря. Въ этомъ мирномъ убѣжищѣ онъ чувствовалъ себя совершенно счастливымъ, независимымъ и съ восторгомъ описывалъ брату свое тамошнее житьё-бытьё. «Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе доволенъ здѣшнимъ моимъ пребываніемъ» (писалъ онъ). «Немного на свѣтѣ такихъ пріятныхъ и живописныхъ мѣстностей, какъ эта. Катенька моя начала купаться въ морѣ. Погода все еще стоитъ великолѣпная. Мы встаемъ очень рано, завтракаемъ въ 9 часовъ, прежде чего я успѣваю еще вдоволь погулять, ибо туалетъ мой длится только $^1/_4$ часа, за сокращеніемъ въ немъ лишняго,—т. е. возни съ парикмахеромъ, котораго ни я не безпокою, ни онъ мнѣ не надоѣдаетъ. Я обрилъ себѣ голову спереди, гдѣ почти не было волосъ, и сдѣлалъ себѣ накладку, которая прилаживается въ 3—4 минуты и съ которою я и спать могу, не снимая ее... Послѣ завтрака мы гуляемъ до полудня, а тамъ занимаемся,—каждый своимъ дѣломъ; затѣмъ одѣваемся и обѣдаемъ въ $4^1/_2$ часа, чтобъ успѣть еще сдѣлать прогулку послѣ обѣда... Столъ нашъ прекрасный: у насъ только четыре блюда, и одно непремѣнно изъ отличнѣйшей рыбы, которая здѣсь гораздо дешевле, чѣмъ въ Лондонѣ. По вечерамъ мы занимаемся чтеніемъ, немножко музыкою, иногда съиграемъ партію въ карты, и, часовъ въ 11, либо ровно въ 12, расходимся по своимъ угламъ. Хозяинъ нашей квартиры—книгопродавецъ; поэтому, за 15 шиллинговъ въ мѣсяцъ, каждый изъ насъ можетъ брать у него сколько угодно книгъ для чтенія, а изъ нихъ есть очень хорошія, Англійскія и Французскія... Для общаго чтенія вслухъ въ нашемъ маленькомъ кружку, мы выбираемъ, большею частію, что-нибудь полегче и повеселѣе, а вещи серьезныя читаемъ каждый у себя, уединенно, въ промежутки между прогулкою и обѣдомъ... Однимъ словомъ, мы поживаемъ какъ нельзя пріятнѣе, и я никогда не былъ столько доволенъ и споконъ, какъ теперь... Я и думать забылъ о политикѣ, что такъ долго не давало мнѣ покоя, и даже отказался отъ полученія Лондонскихъ газетъ, кромѣ небольшаго каждодневнаго листка, который Миша или Катенька прочитываютъ мнѣ за завтракомъ. Нашъ образъ жизни, пожалуй, покажется однообразнымъ вообще, но въ частностяхъ онъ имѣетъ весьма пріятныя видоизмѣненія, и всѣ мы спокойны и довольны» [64]). При этомъ, хвалитъ онъ и мягкій, здоровый климатъ, и прекрасное мѣстоположеніе края, гдѣ наслаждался сельскимъ отдыхомъ послѣ своей долгой, многотрудной дѣятельности. Видно по всему, что онъ не жалѣлъ о службѣ, а искренно радовался тихой, привольной жизни. Но заботливый, дѣловитый братъ его, графъ Александръ Романовичъ, вѣчно мнительный въ своей нѣжной къ нему дружбѣ, издалека сильно тревожился за опальнаго. Предусматривая возможность какихъ-нибудь придирокъ для дальнѣйшихъ гоненій, а можетъ быть и прослышавъ кое-что недоброе, онъ все распрашивалъ у брата, въ порядкѣ ли велись у него денежные счеты и документы по казеннымъ суммамъ, переходившимъ черезъ посольство, и не могутъ ли съ этой

[64]) «Воронц. Ахривъ», т. X, стр. 83—84, письмо отъ 3 Сент. 1800.

стороны запутать его въ непріятныя дѣла. Кромѣ того, безпокоясь о матеріальномъ положеніи за границею отставленнаго отъ службы брата и зная его долги, графъ Александръ Ром. предлагалъ ему выслать 40 т. рублей [65]). На эти вопросы экс-посолъ отвѣчалъ категорически: вопервыхъ, что онъ никогда у себя не держалъ, не получалъ и не выдавалъ казенныхъ суммъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе, а обыкновенно дѣйствовалъ по этой части чрезъ банкирскія конторы въ Лондонѣ, какія указывались посольству самимъ Русскимъ правительствомъ, и что всѣ платежные ордеры, квитанціи и т. под. велись исправно, въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ одинъ оставлялся въ конторѣ банкира, а другой препровождался въ Петербургъ. «Я отправлялъ эти дѣла (пояснялъ гр. Семенъ Ром.) съ безукоризненною чистотою, недоступной никакимъ перетолкованіямъ, и съ соблюденіемъ такаго порядка, какаго желалъ бы придерживаться въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, и на этотъ счетъ спокоенъ совершенно». Вовторыхъ, отъ предложенныхъ братомъ денегъ графъ Семенъ Романовичъ отказался на отрѣзъ, говоря, что, при значительномъ уменьшеніи своихъ расходовъ, онъ не нуждается въ средствахъ для скромной жизни. «Я оставилъ у банкира Бонара (Bonard) посуду мою, а также перстень и табакерку, что̀ подарилъ мнѣ король послѣ заключенія двухъ конвенцій въ 1793 году. Эти вещи продадутся будущею зимою и, откладывая въ сторону по 800 фунт. стерлинг. въ продолженіи трехъ лѣтъ, я выплачу банкиру все, что̀ онъ выдалъ мнѣ впередъ. Живу я тутъ недорого, отпустивъ семь человѣкъ прислуги и не держа собственнаго экипажа, который замѣняю наемнымъ, когда приходится выѣзжать... Нечестно было бы съ моей стороны пользоваться твоимъ великодушіемъ, если я могу обойтись безъ этого, хотя тѣмъ не менѣе чувствую цѣну всего, что̀ ты не перестаешь для меня дѣлать, другъ мой. Могу тебя увѣрить, что и долговъ у меня не завелось бы [66]), не будь здѣсь нашихъ эскадръ, которыя были около пяти лѣтъ на моихъ рукахъ, да еще этого корпуса нашихъ войскъ [67]). И то, и другое завалило меня хлопотами, работою, непріятностями и расходами; а всего хуже, что присутствіе этого отряда послужило поводомъ для немилости ко мнѣ Государя Императора. У насъ совсѣмъ не знаютъ, и сколько я вытерпѣлъ, и сколько понесъ издержекъ: я же не вѣдаю истинной причины моей опалы, хотя и не сомнѣваюсь, что все это вышло изъ-за чего-нибудь касающагося до пребыванія войскъ».

Графъ Семенъ Романовичъ и не воображалъ, что зловѣщія предчувствія его брата оправдаются не въ далекомъ будущемъ. Онъ боялся лишь окончательнаго разрыва въ отношеніяхъ обѣихъ дер-

[65]) «Воронц. Архивъ», т. X, стр. 85—87.—[66]) Графъ Александръ Романовичъ, всею душою любя брата, журилъ его иногда за долги, считая ихъ послѣдствіемъ безразсчетливости. Въ этихъ укорахъ помогалъ старшему брату и гр. П. В. Завадовскій, примѣромъ чего служитъ письмо его къ гр. Семену Ром. отъ 12 Іюня 1797 г. («Воронц. Архивъ», т. XII, №№ 115 и 117, стр. 182 и 185).—[67]) То-есть, прежде бывшаго подъ командой Эссена.

жавъ и войны между ними, какъ событія, нежелательнаго и въ политическомъ отношеніи, и въ томъ смыслѣ, что оно могло бы сдѣлать для него невозможнымъ пребываніе въ Англіи на правахъ частнаго человѣка. А дѣла быстро неслись прямымъ путемъ къ войнѣ, о чемъ онъ зналъ, не смотря на все свое отчужденіе отъ газетныхъ политическихъ новостей. До тихаго его пристанища доходили и съ родины вѣсти черезчуръ безотрадныя, — въ родѣ напримѣръ, переданныхъ въ одномъ Французскомъ письмѣ графа Н. П. Панина: «У насъ все по старому: угрюмое и желчно-меланхоличное расположеніе духа въ нашемъ повелителѣ развивается прогрессивно и дѣйствуетъ на всѣ мѣропріятія, какъ въ области административной, такъ и въ политической» [68]). Увы, эти прискорбныя вѣсти не преувеличивали слишкомъ печальной правды! Безпредѣльный личный произволъ, грозныя и ничѣмъ невызываемыя мѣры, какъ по отношенію къ отдѣльнымъ личностямъ, такъ и къ обществу, безпощадная ломка всего, что̀ совершилось въ материнское царствованіе и поминутныя перемѣны въ томъ, что̀ дѣлалось за время своего же собственнаго, непостижимо-рискованные шаги въ дѣлахъ внѣшней политики, безъ соображенія съ силами и потребностями государства,—всѣ эти мрачныя черты Павловскаго времени обозначались съ каждымъ днемъ рѣзче, въ особенности начиная съ послѣдней половины 1799 года...

Нѣтъ никакаго сомнѣнія въ томъ, что возмутительно-коварныя продѣлки двуличныхъ союзниковъ Россіи, приносившія столько разочарованій и огорченій впечатлительной душѣ Павла, имѣли большое вліяніе на эту роковую перемѣну. Съ внѣшней-же стороны тотчасъ нашлись интересы, для которыхъ было выгодно воспользоваться негодующимъ настроеніемъ Русскаго самодержца. Первый консулъ Французской республики не дремалъ, стараясь поддѣлаться къ нему и ловко устраивая сближеніе между Россіею и Франціею. Это удалось, и у насъ начались приготовленія къ войнѣ оборонительной и наступательной: на Англійскія суда въ Русскихъ гаваняхъ наложено было запрещеніе; улаживался противъ Англіи союзъ съ Швеціей, Даніей, Пруссіей; велись переговоры съ Французскимъ правительствомъ; задумывался походъ Донскихъ казаковъ въ Индію; вызванъ къ дѣятельности и къ частнымъ личнымъ докладамъ по укрѣпленію Кронштата зловѣщій Рибасъ...

Въ исходѣ 1800 года виднѣлась уже перспектива страшной, почти всеобщей Европейской войны; а въ началѣ 1801 года для графа С. Р. Воронцова не оставалось и повода ни къ какимъ недоумѣніямъ по этому вопросу. Надлежало подумать серьезно и о своей личной судьбѣ. Продолжать свое пребываніе въ странѣ, находящейся въ неріязненныхъ отношеніяхъ съ отечествомъ, не заручившись особымъ на это разрѣшеніемъ своего Государя, онъ самъ сознавалъ немыслимымъ; но, имѣя въ виду бывалые примѣры, что въ Англіи нѣкоторые чужіе подданные воюющихъ съ нею державъ имѣли отъ своего и отъ ея правительствъ дозволеніе проживать тамъ частнымъ обра-

[68]) «Воронц. Архивъ», т. XI, № 60, стр. 121.

зомъ, онъ указывалъ на эти примѣры графу Ростопчину, спрашивая послѣдняго, что дѣлать ему, Воронцову, въ настоящихъ обстоятельствахъ? Тотъ, не отвѣчая прямо, далъ знать изъ-подъ руки, черезъ посольскаго священника Смирнова, что графу необходимо покинуть Англію: иначе можно подвергнуться непріятностямъ неисчислимымъ. Тогда бывшій посолъ, черезъ того-же посредника, отвѣчалъ, что онъ готовъ повиноваться, но только проситъ отсрочки до Мая мѣсяца, дабы переѣхать въ Кале, такъ какъ ни самъ онъ, ни его дочь не въ состояніи совершить морское путешествіе въ ненастное время года.

Эти послѣднія подробности заимствуемъ мы изъ пріятельской переписки графа Семена Романовича съ Николаемъ Николаевичемъ Новосильцовымъ, будущимъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, тогда еще очень молодымъ человѣкомъ, путешествовавшимъ приватно по Европѣ и находившимся въ то время въ Лондонѣ. Переписка эта отличается такимъ секретно-интимнымъ характеромъ, какаго не замѣчается нами ни въ одной изъ обширныхъ корреспонденцій графа Воронцова съ близкими ему людьми [69]). Это, конечно, объясняется прежде всего тѣмъ, что письма къ Новосильцову и отъ него пересылались лишь внутри Англіи, а потомъ еще исключительнымъ положеніемъ нашего отставнаго посла, который ощущалъ потребность отводить душу въ общеніи съ заѣзжимъ соотечественникомъ изъ числа образованнѣйшихъ и привлекательнѣйшихъ. Письма, о которыхъ идетъ рѣчь, носятъ живой отпечатокъ пережитыхъ тревожныхъ дней и даютъ полное понятіе о чувствахъ, удручавшихъ безвинно-опальнаго.... Тѣ строки, гдѣ повѣрялись особенно-задушевныя откровенія, писаны были лимоннымъ сокомъ: предосторожность, быть-можетъ, неизлишняя, въ виду присутствія въ Англіи тайныхъ заграничныхъ агентовъ, слѣдившихъ за всѣмъ, что тамъ дѣлалось.

«Мнѣ пишетъ одинъ хорошій знакомый изъ Германіи», сообщалъ однажды Новосильцову графъ Семенъ Романовичъ, «что вся наша Русская граница оцѣплена кордономъ войскъ, и что при этомъ кордонѣ имѣются особые чиновники, обязанные вскрывать всѣ письма, идущія въ Россію по почтѣ или чрезъ посредство путешественниковъ. Такія письма обмакиваются въ уксусъ, подъ предлогомъ предохранительной мѣры отъ заразительной болѣзни, нигдѣ не существующей внѣ нашего отечества. Странность въ томъ, что будто-бы проводникомъ мнимой заразы служитъ только почтовая или писчая бумага, а отнюдь не ткани и не платья, которыя въ уксусъ не погружаются».

Однимъ словомъ, время стояло строгое.... Графъ Воронцовъ, не дождавшись отвѣта на прежнія свои письма къ Ростопчину, окончательно рѣшился ѣхать изъ Англіи въ Пирмонтъ, черезъ Гамбургъ;

[69]) Письма гр. С. Р. Воронцова къ Новосильцову помѣщены въ XI т. «Воронц. Архива» (стр. 379—388). За время царствованія Павла I-го, ихъ всего десять, съ 2 Февр. (н. ст.) по 10 Апр. 1801 года. Всѣ онѣ на Французскомъ языкѣ и крайне любопытны.

но для этого ему понадобился Французскій паспортъ, объ исходатайствованіи котораго онъ отнесся въ Парижъ къ Колычеву и всетаки увѣдомилъ о томъ графа Ростопчина, для доклада Государю. «Можешь себѣ представить», писалъ онъ тогда-же къ брату, «сколько разстройства надѣлаетъ мнѣ это новое переселеніе, со стороны спокойствія, здоровья моего и дочери и огромныхъ затратъ, какъ вслѣдствіе напрасныхъ издержекъ на мое первоначальное обзаведеніе въ здѣшнемъ убѣжищѣ (т. е. въ Соутгамптонѣ), такъ и требуемыхъ на предстоящее намъ путешествіе». Собираясь, такимъ образомъ, къ недоброволъному выѣзду, онъ еще не зналъ послѣднихъ Петербургскихъ новостей: не зналъ объ удаленіи изъ службы графовъ Панина и Ростопчина (перваго въ Ноябрѣ 1800, втораго—20 Февраля 1801 г.); а главное, не вѣдалъ и о своей собственной бѣдѣ, которая грянула какъ-разъ наканунѣ того дня, когда Ростопчинъ попалъ въ немилость. 19 Февраля состоялся высочайшій указъ (вошедшій впослѣдствіи въ Полное Собраніе Законовъ, подъ № 19756), слѣдующаго содержанія:

«Его Императорское Величество высочайше указать соизволилъ: за недоплаченныя Лондонскими банкирами Пишелемъ и Брогденомъ казнѣ принадлежащія деньги 499 фунтовъ стерлинговъ, 14 шиллинговъ и 5 пенсовъ, конфисковать на такую сумму имѣнія генерала графа Воронцова; прочее-же его имѣніе за пребываніе его въ Англіи взять въ казенный секвестръ».

„Михайловскій замокъ, Февраля 19 дня 1801 года“.

На подлинномъ подписано: „Генералъ-прокуроръ Обольяниновъ“.

Пораженный свыше всякой мѣры этимъ внезапнымъ, жестокимъ ударомъ, графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ рѣшился, однакожъ, представить свои объясненія по дѣлу, въ которомъ оглашенъ былъ виновнымъ и наказывался безъ всякаго изслѣдованія и суда. Онъ направилъ эти объясненія на имя вступившаго вторично въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ князя А-ра Б. Куракина, письмомъ изъ Соутгамптона, отъ (24 Марта) 5 Апрѣля 1801 года. Документъ этотъ на столько важенъ и выразителенъ, что мы помѣщаемъ его здѣсь въ переводѣ съ Французскаго.

Считаю обязанностію объяснить два обстоятельства, упомянутыя въ высочайшемъ повелѣніи и кажущіяся главнымъ поводомъ къ оному, прося ваше сіятельство повергнуть отзывъ мой на воззрѣніе Государя Императора, который, по извѣстному правосудію своему, усмотрѣвъ мою невинность, возвратитъ мнѣ свои милости, коихъ я имѣлъ несчастіе лишиться.

Въ 1785 году, когда я прибылъ сюда, покойный князь Вяземскій, бывшій въ то время генералъ-прокуроромъ и государственнымъ казначеемъ, предписалъ мнѣ относиться по всѣмъ денежнымъ дѣламъ казны къ Александру Сутерланду, Лондонскому купцу и брату барона Сутерланда, тогдашняго нашего придворнаго банкира. Три или четыре года спустя, тотъ же князь Вяземскій далъ мнѣ знать, что онъ былъ недоволенъ, равно какъ и самъ придворный банкиръ, конторою Александра Сутерланда, и что я долженъ перевести оттуда всѣ казенныя денежныя дѣла въ контору Пишеля (Pieschell) и Брогдена (Brog-

den), съ тѣмъ, чтобы по всѣмъ счетамъ я вѣдался съ ними, что̀ мною и выполнялось. До тѣхъ поръ я не только не зналъ Пишеля и Брогдена, но даже никогда не слыхалъ о нихъ и не имѣлъ съ ними никакихъ частныхъ дѣлъ, а велъ свои собственныя, какъ и нынѣ, черезъ контору Томсона и Бонара.

Одинадцать мѣсяцевъ тому назадъ, получилъ я приказаніе сдать всѣ дѣла дѣйствительному статскому совѣтнику Лизакевичу, по исполненіи чего я уже ни во что не вмѣшивался, и когда потомъ былъ уволенъ отъ службы, съ дозволеніемъ жить гдѣ пожелаю (по причинѣ худаго состоянія моего здоровья и болѣзненнаго, немощнаго тѣлосложенія бѣдной дочери моей), то, въ Августѣ мѣсяцѣ минувшаго года, водворился въ этомъ небольшомъ приморскомъ мѣстечкѣ, гдѣ климатъ теплѣе и здоровѣе нежели въ Лондонѣ и гдѣ дочь моя пользуется морскими купаньями, укрѣпляющими слабый ея организмъ.

Въ Январѣ мѣсяцѣ 1801-го года, я случайно освѣдомился о постыдномъ поведеніи Пишеля и Брогдена, которые, подъ предлогомъ заарестованія въ Россіи части принадлежащаго имъ капитала, отказали здѣсь произвести денежную выдачу на содержаніе нашихъ офицеровъ и учащихся и, вслѣдствіе того, самымъ недобросовѣстнымъ образомъ, удержали въ свою пользу около пяти сотъ фунтовъ стерлинг., остававшихся у нихъ изъ Русскихъ казенныхъ суммъ. Какъ же могу я быть виновнымъ въ ихъ безчестномъ поступкѣ? Въ то самое время, какъ эти торговцы сдѣлали свое дурное дѣло, гг. Томсонъ и Бонаръ, съ которыми я велъ всѣ собственные счеты, предложили нашему священнику г. Смирнову взять у нихъ деньги для казенной надобности, не смотря на то, что они потерпѣли чрезъ наложеніе амбарго гораздо болѣе убытка, чѣмъ Пишель и Брогденъ. Я прошу ваше сіятельство замѣтить, что Пишель и Брогденъ имѣютъ въ Россіи свой капиталъ, только лишь заарестованный при последне-бывшемъ амбарго, каковой капиталъ и долженъ быть окончательно у нихъ удержанъ въ пользу нашей казны. Они виновны и не наказаны, а я, не знавшій этихъ людей и имѣвшій съ ними дѣло единственно въ силу полученнаго мною приказанія, неужели долженъ поплатиться за нихъ? Этимъ доказывается для меня, что Государь Императоръ не изволитъ знать описанныя мною обстоятельства, и я прошу, чтобы ваше сіятельство благоволили доложить о нихъ Его Величеству.

Что̀ касается моего здѣсь пребыванія, то я обязываюсь изложить передъ вами пространное объясненіе по сему предмету.

Совершенно потерявъ здоровье прежде достиженія дряхлой старости, я дошелъ до полнѣйшей утраты моихъ физическихъ силъ. Къ довершенію злополучія, я имѣю крайне-болѣзненную дочь, болѣзненную до такой степени, что она существуетъ только благодаря морскимъ купаньямъ, которыя однѣ поддерживаютъ въ ней жизнь. Вотъ почему, удаляясь отъ дѣлъ, я испрашивалъ себѣ льготу проживать въ этомъ краѣ, въ умѣренномъ климатѣ и близь моря, гдѣ дочь моя могла бы пользоваться купаньями, на что̀ и получилъ дозволеніе Его Величества Государя Императора.

За время вѣрной и усердной службы моей, продолжавшейся болѣе 45-ти лѣтъ, я былъ занятъ исключительно ею, а не собственными дѣлами и, вслѣдствіе дороговизны въ Лондонѣ, возраставшей съ каждымъ годомъ, по необходимости вошелъ въ долги. За пять лѣтъ предъ симъ, братъ мой заплатилъ за меня 40,000 р., продавъ для этого свой домъ въ С.-Петербургѣ; но, съ тѣхъ поръ, пятилѣтнее пребываніе здѣсь нашихъ эскадръ вынудило меня сдѣ-

лать новые долги, такъ что, послѣ выхода въ отставку, я не могъ бы выбраться изъ Лондона, въ виду претензій моихъ кредиторовъ (хотя, для погашенія части долговъ, продалъ всѣ свои вещи, до послѣдняго алмаза покойной жены моей), еслибъ не помогли мнѣ гг. Томсонъ и Бонаръ, съ которыми я находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ еще со времени бытности моей въ Россіи: зная, что у меня есть тамъ состояніе, они приняли мои долги на себя и выдаютъ мнѣ на прожитокъ умѣренную сумму, а я съ своей стороны обязался выплачивать имъ ежегодно извѣстную долю моихъ доходовъ до полнаго возврата должныхъ мною денегъ. Я такъ сократилъ свои расходы, что въ здѣшнемъ небольшомъ мѣстечкѣ живу какъ мѣщанинъ (comme un bourgeois) и не держу собственнаго экипажа.

Я располагалъ пользоваться здѣсь дозволеніемъ Государя Императора — «жить гдѣ желаю», пока не возникнетъ война, тѣмъ болѣе, что ни офицеры нашего флота не были отозваны въ Россію, ни повелѣнія Его И. В—ва не было объявлено о выѣздѣ всѣхъ Русскихъ подданныхъ изъ Англіи; а когда братъ мой и близкіе мои знакомые, въ письмахъ своихъ, совѣтовали мнѣ оставить эту страну, я написалъ къ графу Ростопчину, что выѣду отсюда въ началѣ Мая, будучи не въ состояніи подвергнуть опасности жизнь моей дочери продолжительнымъ морскимъ путешествіемъ въ такое время года, когда бываютъ частыя бури, которыхъ она не могла бы вынести. При этомъ я просилъ графа Ростопчина устроить дѣло такъ, чтобъ я могъ проѣхать черезъ Дувръ въ Кале и безпрепятственно отправиться въ Пирмонтъ. Писалъ же я отсюда въ началѣ Февраля, а потому надѣюсь, что письмо мое дошло въ Петербургъ черезъ 15 дней послѣ высочайшаго обо мнѣ указа, состоявшагося 19 числа того же мѣсяца, чѣмъ и докажется моя невиновность. Затѣмъ, не дожидаясь отвѣта и освѣдомившись изъ газетъ, что г. Колычевъ прибылъ уже въ Парижъ, я писалъ къ нему, за 12 дней назадъ, прося достать мнѣ отъ Французскаго правительства паспортъ, дабы мнѣ можно было выйти на берегъ въ Кале, откуда ѣхать далѣе чрезъ Французскія владѣнія въ Пирмонтъ. Я ожидаю этого паспорта съ нетерпѣніемъ и коль скоро получу его, то выѣду немедленно въ Дувръ; а такъ какъ мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что здѣсь, въ Англіи, полагаютъ препятствія къ выѣзду отсюда Русскихъ подданныхъ, то я обратился къ здѣшнему министру короля Неаполитанскаго, какъ представителю союзнаго съ Россіей двора, съ просьбою, чтобы онъ увѣдомилъ о моемъ намѣреніи Англійскаго статсъ-секретаря по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ и предупредилъ его, что я нимало не сомнѣваюсь въ томъ, что если выданы были паспорты Жеребцову, Ханенкѣ и Николаи (которые въ бытность мою посломъ состояли при мнѣ), такъ нельзя отказать въ этомъ мнѣ, какъ старшему въ составѣ бывшей миссіи, безъ вопіющаго нарушенія международнаго права; что Его Императорское Величество не задержалъ никого изъ среды Англійскаго посольства въ Петербургѣ и что слѣдовательно здѣшнее правительство, отказывая мнѣ въ паспортѣ, не имѣетъ основанія оправдывать подобный отказъ ссылкою на право возмездія. Эти доводы произвели желаемое дѣйствіе, и упомянутый министръ увѣдомилъ меня письмомъ, что паспортъ на выѣздъ отсюда будетъ мнѣ выданъ безпрепятственно. И такъ, лишь только я получу еще другой видъ изъ Парижа, о которомъ писалъ къ г. Колычеву чрезъ посредство г. Отто (Французскаго коммиссара въ Лондонѣ), то выѣду, съ помощію денежныхъ средствъ, какія и на этотъ еще разъ ссужаютъ мнѣ

добрые мои пріятели, гг. Томсонъ и Бонаръ, безъ которыхъ я не могъ бы ни жить, ни двинуться съ мѣста.

Извините, князь, за длинноту этого письма; но я былъ обязанъ, ради моей чести и ради оправданія передъ моимъ Государемъ, объяснить вамъ съ подробностями всю невиновность мою,—какъ въ позорномъ дѣлѣ Пишеля и Брогдена, оставшихся безнаказанными въ то время, когда я страдаю за безчестное ихъ дѣяніе, такъ равно и въ томъ, что̀ касается моего здѣсь пребыванія, которое я собирался уже прекратить прежде, чѣмъ мои имѣнія подверглись секвестраціи. Я не столько сокрушаюсь бѣдностью, въ какую нынѣ повергнутъ вмѣстѣ съ моими дѣтьми, имѣя на себѣ долги и лишась своихъ доходовъ, сколько мыслію о томъ, что Государь Императоръ взираетъ на меня какъ на измѣнника.

Прослуживъ болѣе 45-ти лѣтъ и проведя жизнь въ этой дѣятельности и въ частномъ быту какъ слѣдовало честному человѣку, могу ли захотѣть, на склонѣ моихъ дней, у дверей гроба, закончить жизнь мою безчестіемъ и измѣною Государю, который взыскалъ меня знаками своихъ милостей, своего довѣрія и который одинъ былъ моимъ благодѣтелемъ изо всѣхъ Государей, коимъ я служилъ столь долгое время?

Вотъ именно что̀ печалитъ и оскорбляетъ меня, побуждая на просьбу передъ вашимъ сіятельствомъ: употребить всѣ старанія, какія внушатъ вамъ врожденная въ васъ доброта и всегда оказываемая мнѣ пріязнь ваша, дабы оправдать меня передъ моимъ Государемъ и благодѣтелемъ.

Я знаю справедливость и добросердечіе его и, полагаясь на нихъ, надѣюсь, что онъ возвратитъ мнѣ милость свою и не оставитъ стараго и вѣрнаго подданнаго въ горести объ ея утратѣ и въ тяжкой крайности.

Изъ Кале я отправлюсь прямо въ Пирмонтъ; а какъ зима въ Германіи настолько сурова, что могла бы убить и меня, и бѣдную дочь мою, то умоляю васъ исходатайствовать мнѣ позволеніе переѣхать въ концѣ Августа въ Италію, гдѣ, проживая въ умѣренномъ климатѣ и близь моря, я могъ бы еще надѣяться сохранить жизнь несчастной дочери моей.

Прошу ваше сіятельство оказать мнѣ дружбу отвѣтомъ на это письмо, адресованнымъ въ Пирмонтъ, впредь до востребованія» [70]).

Извѣстіе о карательномъ распоряженіи, внезапно обрушившемся на человѣка, который столь недавно, съ такою честію, занималъ важное мѣсто, заслуживъ личными своими достоинствами высокое уваженіе, раздалось быстро въ Британской столицѣ и произвело тамъ тяжелое впечатлѣніе въ лучшей средѣ общества. Оно вызвало въ ней многочисленныя заявленія живѣйшаго участія къ опальному, съ дружескими предложеніями услугъ и денежныхъ ссудъ,—что̀, впрочемъ, случалось и въ прежнюю пору, когда графъ С. Р. Воронцовъ временно имѣлъ надобность въ деньгахъ, за продолжительнымъ неполученіемъ жалованья изъ Россіи [71]). Нѣтъ надобности пояснять,

---

[70]) Подлинникъ въ XI т. «Воронц. Архива», стр. 336—341.

[71]) Объ этомъ говоритъ Бантышъ-Каменскій въ своемъ «Слов. дост. люд.», ч. I, стр. 365. Что-же касается до эпохи конфискаціи, то графъ С. Р. Воронцовъ не былъ оставленъ также и преданными ему Русскими людьми. Кирила Степановичъ Рындинъ, товарищъ его по военной службѣ,

что постигшая его кара считалась всѣми возмутительною несправедливостью.

Оправдательное посланіе графа Семена Романовича на имя князя Куракина не застало уже въ живыхъ Павла І-го. Но если бъ оно и успѣло дойти до его свѣдѣнія, то едва-ли смягчило бы его гнѣвное настроеніе,—по крайней мѣрѣ вслѣдъ за докладомъ письма. Притомъ же, весьма сомнительно, чтобы князь Куракинъ осмѣлился тогда доложить его Государю, зная, что это значило рисковать собственною судьбою. Можно полагать даже, что и самъ графъ Воронцовъ не разсчитывалъ на мгновенную успѣшность своихъ объясненій, а представилъ ихъ только съ цѣлію своевременнаго протеста противъ незаслуженной карательной мѣры. Во всякомъ случаѣ, онъ рѣшился покориться долгу вѣрноподданнаго и покинуть Англію, слѣдуя маршруту, обозначенному въ оправдательномъ его отзывѣ [72]). Получивъ, наконецъ, отъ Колычева Парижскіе паспорты и собравшись вскорѣ выѣхать, не смотря на свое дѣйствительное нездоровье, онъ, черезъ четверть часа потомъ, узналъ о восшествіи на престолъ императора Александра Павловича и о прибытіи въ Лондонъ курьера съ пакетомъ на имя его, графа Воронцова. Посланецъ этотъ черезъ нѣсколько времени явился въ Соутгамптонъ и вручилъ ему письма отъ графа Петра Алексѣевича фонъ-деръ-Палена: одно оффиціальное, извѣщавшее о воцареніи новаго Государя и о высочайшемъ соизволеніи, чтобы графъ Семенъ Романовичъ оставался въ Англіи, а другое частное, на Французскомъ языкѣ, слѣдующаго содержанія:

С.-Петербургъ, 13 Марта 1801 г. (ст. ст.).

Съ усерднѣйшею поспѣшностію имѣю честь сообщить вашему сіятельству, что секвестръ, столь несправедливо наложенный на ваши имѣнія, снимается нынѣ, по повелѣнію Его Величества Государя Императора. Крутая мѣра со стороны покойнаго Монарха должна была затронуть, но не изумить васъ; принятая же царствующимъ теперь Государемъ, для безотложнаго возстановленія вашихъ правъ, тѣмъ менѣе можетъ васъ удивлять, что ему свойственно умѣть оцѣнивать истинное достоинство и воздать правосудіе тому подданному, кто, какъ вы, графъ, служилъ государству съ такимъ высокимъ отличіемъ [73]).

Понятно, какаго рода чувство принесла эта вѣсть душѣ, долго удручаемой то испытаніями сбывшихся, то предвкушеніями ожидаемыхъ вновь напастей и гоненій. Почти цѣлый годъ безъ перерыва тянулась эта темная полоса въ жизни заслуженнаго старика и вдругъ пресѣклась вступленіемъ на престолъ молодаго Государя съ такими качествами ума и сердца, которыя подавали самыя свѣтлыя надежды на будущность его царствованія.

узнавъ о конфискаціи и секвестрѣ, поспѣшилъ черезъ три дня послѣ того послать въ Лондонъ по почтѣ графу Семену Романовичу 4000 р., переводнымъ векселемъ: поступокъ, истинно-героическій въ тогдашнихъ обстоятельствахъ.

[72]) «Воронц. Архивъ», т. X, стр. 93—94, письмо къ гр. Ал. Ром. подъ № 2-мъ отъ 4 (16) Апрѣля 1801 года.

[73]) См. «Воронц. Арх», т. X, стр. 94. Графъ Воронцовъ получилъ это письмо 2 Апрѣля стараго стиля 1801 года.

Было чему порадоваться,—и не для одного графа Семена Романовича, а для цѣлой имперіи Всероссійской. Тѣмъ не менѣе, къ полной характеристикѣ стараго посла, слѣдуетъ замѣтить здѣсь, мимоходомъ, что «галантное» посланіе услужливаго графа фонъ-деръ-Палена, возвѣстившее эту радость полу-изгнаннику, никогда не оплатилось со стороны сего послѣдняго пріятельскимъ благорасположеніемъ, и добрая вѣсть не покрыла собою въ его глазахъ личности самого вѣстника [74])....

Приведемъ еще нѣсколько случаевъ изъ дѣятельности графа Воронцова, относящихся къ Павловскому царствованію.

Въ 1799 г. послѣдовало циркулярное предписаніе всѣмъ нашимъ миссіямъ при иностранныхъ дворахъ о невыдачѣ паспортовъ въ Россію ни одному Французу. Единственное исключеніе допускалось относительно служащихъ въ корпусѣ принца Конде, если они возвращались въ Россію на мѣста службы своей изъ заграничнаго непросроченнаго отпуска. Однажды, трое офицеровъ изъ этого корпуса просили себѣ паспортовъ отъ Русскаго посольства въ Лондонѣ; но графъ Воронцовъ отказалъ имъ, за необозначеніемъ въ ихъ отпускныхъ билетахъ срока, когда имъ слѣдовало вернуться. Тогда герцогъ Бурбонскій, сынъ принца Конде, удостовѣрилъ письменно, что срокъ отпуска просителями не пропущенъ, и графъ Воронцовъ написалъ имъ паспорты на оборотѣ того-же удостовѣренія, о чемъ, изъ осторожности, донесъ Государю. Послѣдовало замѣчаніе, что посолъ не долженъ былъ давать паспортовъ и что получившіе ихъ Французскіе офицеры не будутъ впущены въ Россію. Графъ Воронцовъ заявилъ о своемъ глубочайшемъ сожалѣніи, что не умѣлъ понять данныхъ ему приказаній и не угодилъ Государю, котораго неудовольствіе тѣмъ прискорбнѣе для него, что оно произошло изъ-за Французовъ; ибо, если-бы зависѣло отъ него, графа Воронцова, то ни одинъ изъ нихъ никогда не попалъ-бы въ Русскую службу. Государь, который самъ не долюбливалъ ихъ, весело разсмѣялся такому отвѣту и велѣлъ написать послу, что ничуть на него не сердится [75]).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, запрещеніе выдавать паспорты въ Россію распространилось на всѣхъ иностранцевъ безъ изъятія. Графъ Воронцовъ тотчасъ отвѣчалъ, что онъ будетъ исполнять это запретительное предписаніе, но только съ необходимыми исключеніями въ пользу Англійскихъ негоціантовъ, имѣющихъ торговые дома въ Россіи и ведущихъ съ нею обширныя дѣла; такъ-какъ, въ противномъ случаѣ, перерывъ нужныхъ для того сношеній нарушитъ дѣйствіе существующаго комерческаго трактата, прекратитъ вся-

---

[74]) Въ подтвержденіе сказаннаго, мы могли-бы сослаться на многія выдержки изъ писемъ графа С. Р. Воронцова, напечатанныхъ въ «Воронцовскомъ Архивѣ»; но укажемъ въ особенности на 104-ю страницу X тома. (Письмо къ графу Александру Романовичу подъ № 8, отъ 2 Іюля 1801 г).

[75]) «Воронц. Архивъ», т. X, письмо къ графу Александру Романовичу подъ № 61, отъ 26 Іюля 1799 г.

кую торговлю между двумя народами и лишить обоихъ государей значительной части таможенныхъ доходовъ; а потому онъ полагалъ бы снабжать паспортами Англійскихъ купцовъ, подъ условіемъ одобрительной о нихъ аттестаціи отъ управляющаго въ Лондонѣ компаніею, учрежденною для торговыхъ дѣлъ съ Россіею, или же отъ двухъ статсъ-секретарей. Императоръ убѣдился отзывомъ своего посла и подтвердилъ его заключеніе. Этимъ, однако, дѣло не кончилось. Вскорѣ опять графъ Воронцовъ взошелъ съ представленіемъ, что въ Россію весьма часто выписываются изъ Англіи лошади съ конюхами, присматривающими за ними въ пути, и нерѣдко требуются онѣ для самого Государя; что, сверхъ того, вызываютъ туда садовниковъ, нянекъ для дѣтей, фермеровъ, рабочихъ, овчаровъ и тому подобныхъ людей, которые у насъ въ Россіи нужны и полезны и которые не имѣютъ ничего общаго съ вольнодумными затѣйниками и Якобинцами. Поэтому, посолъ спрашивалъ, можетъ-ли выдавать такимъ людямъ виды на проѣздъ въ Россію? Отвѣтъ на это послѣдовалъ утвердительный.

Упомянувъ въ своемъ мѣстѣ о предпринятой-было, въ Февралѣ 1800 года, контръ-революціонной экспедиціи во Францію Русскихъ войскъ, порученныхъ въ Англіи начальству графа Віомениля, мы говорили уже, что графъ С. Р. Воронцовъ, нашелъ противорѣчивыя указанія въ инструкціяхъ, данныхъ по этому предмету одновременно ему и Віомeнилю, и не поколебался переиначить для послѣдняго, въ переводѣ, текстъ своей подлинной инструкціи, въ устраненіе всякой сбивчивости, и прямо донесъ объ этомъ Павлу Петровичу. Точно также, въ другомъ случаѣ, онъ не уклонился выразить откровенно и весьма смѣло передъ Государемъ свои соображенія по случаю отказа въ Петербургѣ Британскому послу, Витворту, паспортовъ для его курьеровъ, посылавшихся въ Англію,—отказа, который вызвалъ горячіе протесты Англійскаго правительства. Это представленіе графа Воронцова, изложенное съ точки зрѣнія условій международнаго права, сильно не понравилось и, какъ догадывался впослѣдствіи графъ Воронцовъ [76]), откликнулось ему вскорѣ извѣстнымъ суровымъ замѣчаніемъ «о разныхъ донесеніяхъ, противныхъ высочайшей волѣ».

Для насъ представлялся уже случай высказать, что переписка графа Семена Романовича съ близкими ему людьми, въ продолженіе всего царствованія Павла, далеко не отличается прежнимъ тономъ задушевныхъ изліяній и свободной передачи мнѣній по вопросамъ общественнымъ. Письма его за эти четыре года довольно-сдержанны и носятъ, такъ-сказать, явный отпечатокъ осторожности, какая тогда была необходима всякому Русскому человѣку, не то-что въ письменныхъ, но и въ устныхъ бесѣдахъ. Никому не приходилось въ это время жалѣть о своемъ молчаніи. Это повальное безмолвіе не отняло однако у графа С. Р. Воронцова охоты относиться къ общественнымъ внутреннимъ дѣламъ родины съ обычнымъ въ бывалое время уча-

[76]) «Воронц. Архивъ», т. XI, стр. 180.

стіемъ. Онъ, сколько могъ, слѣдилъ за ними издалека [77]), даже и тогда, какъ былъ поставленъ въ критическое положеніе, способное вынудить всякаго другаго къ исключительной заботѣ о самомъ себѣ. «Я начиталъ въ одной Парижской газетѣ», пишетъ онъ къ брату (отъ 7-го Января 1801 года), будто-бы въ Петербургѣ составляютъ новый тарифъ. Это меня пугаетъ, не потому, что стоитъ жалѣть о нынѣ существующемъ, а потому, что работать надъ новымъ будутъ тѣже редакторы, которые создавали прежній, и что я, при этомъ, невольно думаю о роковомъ торговомъ трактатѣ, коимъ у насъ имѣли благодушіе надѣлить нашу добрую и вѣрную пріятельницу, Швецію. Я вынужденъ предположить, что тѣже самые люди, кто его состроили, и съ тѣми же самыми понятіями объ основныхъ началахъ торговаго права и финансоваго хозяйства, будутъ измышлять этотъ новый тарифъ и даже поторопятся составить его, что̀ совсѣмъ нежелательно: ибо лучше оставаться при плохомъ тарифѣ, нежели сочинить худшій. Въ особенности можно пожелать, чтобы, въ ожиданіи этого новаго произведенія, Императоръ приказалъ составителямъ читать, перечитывать и наизустъ выучитъ книгу Адама Смита о народномъ богатствѣ».

Частыя жалобы графа Воронцова на хроническіе недуги не были отнюдь слѣдствіемъ мнительности. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на свою долговѣчность, онъ вѣчно недомогалъ и никогда не пользовался крѣпкимъ здоровьемъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ исключительныхъ организмовъ, хилыхъ да прочныхъ (въ родѣ Вольтера, проболѣвшаго почти до девяноста лѣтъ), къ которымъ вполнѣ примѣняется поговорка о «скрипучемъ деревѣ». Въ своихъ письмахъ совершенно частнаго содержанія, гдѣ можно было высказываться на-рас-

[77]) Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій не пропускалъ ни одного случая унимать гражданское рвеніе своего друга и былъ неистощимъ въ своихъ нотаціяхъ. Напр., 17 Іюня 1798 г., онъ пишетъ (вѣроятно по поводу задержки эскадры Макарова): «Не потаю отъ тебя, что я былъ въ большомъ страхѣ увидѣть другое, нежели чѣмъ встрѣтили твою рѣшимость вопреки указа. Припиши то̀ своему счастію и берегись, для переду, подобнымъ образомъ дерзать; какъ другъ, я тебѣ совѣтую, по единой надеждѣ, не отходить ни въ которомъ случаѣ отъ благоразумной осторожности. Нельзя, да и трудно, попадать на сущій бытъ вещей въ заочности.... Не въ обычаѣ слушать напомиповенія, а еще меньше объясненія къ оправданію». Затѣмъ 3 Декабря 1798 г.: «Я не расширяюсь по матеріи твоего переселенія» (т. е. на должность вице-канцлера). Рѣшимость твоя благоразумна.... Что̀ за находка ставить ногу на вертящееся колесо?... Опять тебѣ дѣлаю дружеское напоминаніе, чтобъ поменьше говорить въ одинъ голосъ» (вѣроятно, въ одинъ голосъ съ Англійскимъ посломъ). «Съ нѣкоторой поры изъясненія твои припахиваютъ воздухомъ Темзы». «Внушая подвиги, должно тутъ-же предназначить соразмѣрную онымъ выгоду. Ну ежели для всѣхъ мы одни даромъ?» (Надо полагать, что тутъ идетъ рѣчь объ условіяхъ Англо-Русскаго союза противъ Франціи). См. «Воронц. Архивъ», т. XII, стр. 200 и 210.

пашку, т. е., въ письмахъ къ брату и близкимъ друзьямъ, онъ нерѣдко описываетъ свои недуги и способы леченія, которые онъ употреблялъ по совѣтамъ искуснаго доктора Галеди (Haledy), къ которому имѣлъ большую вѣру. Въ автобіографіи своей онъ посвящаетъ этому предмету цѣлую страницу, и однимъ словомъ, не даетъ ни малѣйшаго повода сомнѣваться въ искренности сѣтованій на разстроенное здоровье. Но все-таки это обстоятельство не было господствующимъ мотивомъ въ числѣ прочихъ, привязывавшихъ его къ мѣсту обычнаго пребыванія, и нельзя не замѣтить, что изо всѣхъ грозныхъ послѣдствій немилости императора Павла, графъ С. Р. Воронцовъ въ особенности былъ огорченъ и озабоченъ необходимостью разстаться съ Англіей: это казалось ему едва-ли не самою тяжкою жертвою, отъ которой избавило его воцареніе Александра Перваго.

(Окончаніе будетъ).

Письма графа Семена Романовича Воронцова *).

1.

Къ графу А. А. Безбородкѣ.

Лондонъ, Сентября 26 (Октября 7) 1796 г.

Ваше сіятельство извѣщены уже мною о возвращеніи нашей эскадры въ Россійскіе порты **). Съ нею прибудутъ дѣти покойнаго адмирала Самойла Карловича, капитанъ-лейтенантъ и братъ его меньшой лейтенантъ Грейгъ. Получа высочайшее дозволеніе служить на Англійскихъ корабляхъ, г. капитанъ-лейтенантъ Грейгъ былъ въ Восточной Индіи, Китаѣ и потомъ служилъ въ Средиземномъ морѣ и Архипелагѣ, пріобрѣтая практику и знаніе и дѣлая примѣчанія въ тѣхъ мѣстахъ, наипаче со всякимъ прилежаніемъ, гдѣ покойный отецъ его пріобрѣлъ толикую славу и гдѣ, можетъ быть, и сему достойному его сыну случится когда нибудь употребить пріобрѣтенное свое знаніе къ пользѣ и славѣ Россійскаго флага и къ посрамленію непріятеля. Услыша о приходѣ нашей эскары на помощь Англіи, Алексѣй Самойловичъ, тотчасъ возвратился сюда и вступилъ въ команду за вице-адмирала Ханыкова. Братъ его меньшой съ подобною же охотою и ревностью вступилъ тогда же на Россійскій корабль, оставя Англійскую службу. Беру смѣлость препоручить ихъ въ высокую милость в. с-ва. Я увѣренъ, что, вспоминая великія заслуги и крайнее усердіе покойнаго ихъ отца, не оставите принять сихъ бѣдныхъ сиротъ въ высокое ваше покровительство и особливую милость, чѣмъ составите навсегда ихъ благополучіе.

---

*) Извлечены изъ бумагъ по сношеніямъ Россіи съ Англіею, хранящихся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

**) Т. е. о предстоявшемъ возвращеніи. Эскадра возвратилась въ Кронштадтъ лишь въ слѣдующемъ году.

2.

Къ вице-канцлеру графу Остерману.

Лондонъ 24 Марта (4 Апрѣля) 1797. Чрезъ премiеръ-маiора Николая Васильевича Кретова.

Аглицкой курьеръ, прибывшiй сюда съ заключеннымъ торговымъ трактатомъ въ Петербургѣ $^{10}/_{21}$ Февраля, привезъ къ графу Старамбергу отъ графа Кобенцеля и отъ кавалера Витворта къ лорду Гренвилю извѣстiя о злонамѣренныхъ условiяхъ короля Прусскаго съ неистовою Французскою республикою на счетъ и въ ущербъ знаменитой части Германiи, и какъ Его Императорское Величество нашъ Государь Всемилостивѣйшiй былъ удивленъ сими наглыми постановленiями и сколь его добродѣтельное сердце почувствовало негодованiе, видя, до какаго крайняго безстыдства жадность къ незаконнымъ прiобрѣтенiямъ дѣйствуетъ въ дворѣ и министерствѣ Прускомъ. Они оба немедленно сообщили мнѣ сiи важныя извѣстiя, и самъ король мнѣ говорилъ, въ первый разъ, что̀ я имѣлъ честь видѣть во дворцѣ Его Величество послѣ прибытiя сего курьера. Онъ изволилъ отзываться съ ужасомъ о семъ зломъ намѣренiи короля Прускаго и говорилъ съ восхищенiемъ о нашемъ великодушномъ Государѣ, коего проницанiе, благонравiе и чистосердечность онъ признавалъ, аки добродѣтели, всегда Его Императорское Величество украшающiя.

Сегодня я видѣлъ еще лорда Гренвиля, который мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ копiи съ секретныхъ артикуловъ Базельскаго трактата и секретной конвенцiи, подписанной въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ въ Берлинѣ между графомъ Гаугвицемъ и Кальяромъ, послѣ чего онъ мнѣ далъ на прочтенiе сiи невѣроятныя, но существующiя однакожъ обязательства. Онъ прибавилъ, что сiе доказываетъ виды короля Прускаго жертвовать Германiю и хотя онъ теперь, устрашенъ будучи Россiею, толкуетъ, что сiе есть токмо положенiе впередъ могущее (éventuel), но и все положенiе уступокъ и прiобрѣтенiевъ, пока война не кончена, никогда другимъ образомъ не дѣлается, а сей параграфъ доказываетъ точное усердiе Прусiи раздѣлить по себѣ и Францiи все, что̀ можно заграбить отъ несчастной Германiи, которая имѣла слѣпоту взирать на Прусiю аки на усердную свою покровительницу.

4-й артикулъ сей же конвенцiи доказываетъ, по мнѣнiю лорда Гренвиля, что Прусiя желала овладѣть еще Гамбургомъ, Любекомъ и Бременомъ и что Францiя того не дозволила.

Потомъ онъ весьма смѣялся о 6-мъ артикулѣ, гдѣ жадность нетерпѣливо и нагло простирается даже на будущiя времена противу всякаго права, поставляя, что, по пресѣченiи Оранжской мужской линiи, Вюрцбургъ и Бамбергъ должны пасть во владѣнiе Бранденбургскаго дома, чѣмъ на тогдашнiй случай будутъ лишены сего наслѣдства побочныя линiи Насаускаго дома.

Однимъ словомъ, онъ не могъ читать вмѣстѣ со мною сiи артикулы безъ крайняго негодованiя, а иногда оное было прерываемо смѣ-

хомъ, отъ коего трудно было удержаться при чтеніи сихъ странныхъ бумагъ.

Послѣ сего онъ мнѣ сообщилъ, что кавалеръ Иденъ пишетъ ему изъ Вѣны, что по взятіи Мантуи Бонапарте предлагалъ Вѣнскому двору чрезъ Манфердинія и потомъ чрезъ архигерцога Карла, самыя выгодныя кондиціи мира, коими Франція за уступку ей Нидерландовъ обязывалась доставить и утвердить Австріи Баварію и другія пріобрѣтенія, но что Вѣнскій дворъ, не смотря на потерю пяти своихъ арміевъ въ Италіи, великодушно отбросилъ сіи приманчивыя предложенія.

При семъ случаѣ онъ также увѣдомилъ меня, что Прускій посланникъ бар. Якоби писалъ къ нему, прося свиданія и что онъ ему далъ часъ на оное завтра поутру, что онъ знаетъ содержаніе сообщенія, что̀ сей баронъ ему сдѣлаетъ; ибо, бывъ вчерась у подстатскаго секретаря Гамона, сей посланникъ показалъ ему письмо къ нему своего Государя, въ коемъ онъ ему приказываетъ объявить здѣшнему министерству, что Кальяръ отозвался формально въ Берлинѣ, что Французская республика отступается отъ распространенія своихъ границъ на Рейнъ, желаетъ умѣреннаго мира и мира, заключеннаго подъ Прускою медіаціею и что вслѣдствіе сего король Пруской предлагаетъ сію свою медіацію его Великобританскому величеству. Поблагодаря его за сіе сообщеніе, я спросилъ у него, что̀ онъ будетъ отвѣчать на такое предложеніе? «Ничего», отвѣчалъ онъ мнѣ, «а возьму токмо на донесеніе моему государю; впрочемъ вы можете сами представить», прибавилъ онъ, «можно-ли намъ положиться на дворъ, который взялъ за правило обманывать всѣхъ самымъ наглымъ и безстыднымъ образомъ?»

Сего вечера будутъ великіе споры въ Нижней Каморѣ, ибо господинъ Шериданъ объявилъ заранѣе, что сего вечера онъ будетъ предлагать, дабы Англія не истощалась бы посылкою денегъ на помощь Австріи и чтобы такія мѣры были разъ навсегда оставлены.

Господитъ Питъ сбирается отвѣчать сему члену опозиціи, что война продолжается по неволѣ со стороны Англіи и для явнаго нежеланія мира, что̀ Франція оказала всему свѣту; что при такихъ обстоятельствахъ должно почитать за отличное счастіе, что Австрія дѣлаетъ толь полезную диверсію, безъ которой всѣ силы, деньги и напряженія Франціи пали бы на Англію, и при семъ случаѣ господинъ Питъ намѣренъ объявить Каморѣ выгодныя для Австріи предложенія, что̀ Франція ей неоднократно дѣлала, дабы отдѣлить ее отъ здѣшней земли и какъ Вѣнскій дворъ, постоянно твердый въ своемъ союзѣ, отрекся отъ всякаго мира, когда оный долженъ быть заключенъ, съ оставленіемъ своихъ союзниковъ, и затѣмъ господинъ Питъ будетъ настоять, дабы не оставленъ былъ сей вѣрный союзникъ помощію денегъ, поколику сіе будетъ возможно Англіи. Можно надѣяться, что его основательныя доказательства убѣдятъ Нижнюю Камору.

3.

Къ графу А. А. Безбородкѣ.

Лондонъ, 20 Февраля (3 Марта) 1797.

Спустя нѣсколько времени послѣ моего сюда пріѣзда, я нашелъ, что семь человѣкъ, кои по послѣднему штату опредѣлены были при здѣшней миссіи, были весьма излишни для настоящаго исправленія дѣлъ, и что многіе изъ нихъ, не имѣя упражненія, пріучалися къ праздной жизни и могли бы долгимъ продолженіемъ оной сдѣлаться совсѣмъ неспособными къ службѣ. Узнавъ также изъ испытанія несказанную дороговизну сей земли, я удостовѣренъ былъ, что имъ невозможно было жить жалованьемъ, которое по тому же штату имъ опредѣлено было, и почелъ за необходимой долгъ представить, дабы число канцелярскихъ здѣсь служителей было уменьшено, и то, что доставалось жалованья всѣмъ, было бы распредѣлено на четыре человѣка, кои потребны для порядочнаго исправленія дѣлъ. Не получа никакаго отвѣта, я на другой годъ паки о томъ же представилъ и продолжалъ сіи представленія безъ устали чрезъ многіе годы, пока покойная Государыня, примѣтя сіи повторенія и признавъ ихъ основательными, приказала удовлетворить оныя, что̀ и было исполнено.

Теперь же дошло до меня извѣстіе, не знаю основанное ли на истинѣ или нѣтъ, что во всѣхъ миссіяхъ будетъ уменьшено число канцелярскихъ служителей, и если сіе извѣстіе справедливо, то почитаю необходимымъ представить вашему сіятельству, что, какъ я былъ одинъ изъ моихъ сотоварищей, который просилъ о уменьшеніи излишнихъ служителей канцеляріи, то надѣюсь, что ваше сіятельство мнѣ повѣрите, когда я васъ увѣряю, что менѣе четырехъ человѣкъ при здѣшней канцеляріи имѣть не можно безъ остановки исправной службы. Здѣшняя миссія никакъ непохожа на прочія, ибо образъ здѣшняго правленія, совсѣмъ отъ другихъ отличаясь, дѣла не идутъ, какъ въ другихъ земляхъ. Дворъ и министерство не могутъ ничего сдѣлать безъ обѣихъ каморъ Парламента, въ коихъ всегда бываютъ разныя фракціи, а и Парламентъ не такъ независимъ въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ то думаютъ тѣ, кои не знаютъ совершенно Англію; ибо Парламентъ самъ весьма зависимъ отъ расположенія мыслей націи, которая во всѣхъ важныхъ дѣлахъ весьма дѣйствуетъ надъ поведеніемъ обоихъ каморъ. Для соображенія всего, что̀ дѣлается и для предвидѣнія, что̀ впредъ здѣсь сдѣлано быть можетъ, надобно неотмѣнно читать и дѣлать переводы и выписки изъ всѣхъ многочисленныхъ ежедневныхъ газетъ, журналовъ и брошюровъ, кои разныя фракціи въ обѣихъ каморахъ и въ самой націи внутри земли каждый день обнародываютъ, такъ что всѣ четыре человѣка, при моей канцеляріи находящіеся, безпрерывно упражнены чтеніемъ, переводами и выписками. Сверхъ сего я имѣю еще частую и пространную переписку, которой не имѣютъ мои сотоварищи, а именно съ Кабинетомъ, Государственнымъ Казначействомъ и съ Адмиралтействомъ, въ чемъ ваше сіятельство можете удостовѣриться отъ Василія Степановича Попова, отъ Алексѣя Ивановича Васильева и отъ Алексѣя Наумовича Сенявина. Одна Адмиралтейская Коллегія довольно меня и моихъ подчиненныхъ занимаетъ, ибо я здѣсь аки опекунъ всѣмъ ученикамъ, кои сюда

для кораблестроенія присылаются. Полезное заведеніе имѣть здѣсь въ Аглицкомъ флотѣ нѣкоторое число нашихъ молодыхъ офицеровъ для пріобрѣтенія практической службы заставляетъ меня еще имѣть разныя сношенія съ здѣшнимъ Адмиралтействомъ, и сіи сношенія и разныя словесныя пересылки съ симъ департаментомъ, превосходя труды находящихся людей при моей канцеляріи, кои и безъ того весьма заняты, принудили меня употреблять на сіе, такъ какъ и на другія переписки съ здѣшними мануфактурщиками по другимъ дѣламъ, на меня налагаемымъ, священника нашей церкви, который, по усердію своему, искусству и познанію здѣшней земли, весьма мнѣ помогаетъ. Я вхожу въ сіи подробности и утруждаю ваше сіятельство затѣмъ, что если есть намѣреніе уменьшить во всѣхъ миссіяхъ число канцелярскихъ служителей, то надѣюсь, что вы представите Государю о необходимости оставить число четырехъ при Лондонскомъ посольствѣ: ибо по чести могу увѣрить ваше сіятельство, что уменьшеніемъ сего числа порядочное исправленіе здѣшнихъ дѣлъ весьма потерпитъ. Я при семъ случаѣ не могу упустить, чтобы не засвидѣтельствовать паки вашему сіятельству о почтенныхъ достоинствахъ, знаніи и усердіи господина статскаго совѣтника Лизакевича и господъ Назаревскаго, меньшаго Смирнова и Сиверса, коихъ не токмо я желаю при себѣ сохранить, но еще осмѣливаюсь препоручить въ милостивое ваше покровительство, прося ваше сіятельство подать имъ руку помощи и представить Всемилостивѣйшему Государю, что они, оставаясь уже многія лѣта безъ всякаго произвожденія, остаются въ уныніи, когда дѣйствительно заслуживаютъ милостивое Его Императорскаго Величества ободреніе. Государь нашъ справедливъ, щедръ и великодушенъ, ваше сіятельство любите помогать добрымъ; и такъ я остаюсь въ полной надеждѣ, что сіи четыре усердные слуги нашего милостиваго Монарха не останутся безъ награжденія.

Остаюсь съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, вашего сіятельства покорный слуга г. С. Воронцовъ.

4.

Къ контръ-адмиралу Михаилу Кондратьевичу Макарову.

(По поводу бунта въ Англійскомъ флотѣ).

25 Мая (5 Іюня) 1797.

Увѣдомляю ваше превосходительство, что лордъ Гренвиль, статской секретарь, именемъ своего государя мнѣ сегодня писалъ, что какъ здѣсь навѣрно знаютъ, что Голандскій флотъ намѣряется выдти изъ Текселя и какъ Аглинская эскадра, подъ командою адмирала Дункана, по причинѣ бунта въ Норѣ продолжающагося, не довольно теперь сильна для сопротивленія оному, то онъ и проситъ меня, нельзя ли нашей эскадрѣ, подъ командою вашею находящейся, остаться на время въ Аглинскихъ моряхъ и, совокупясь съ помянутымъ адмираломъ Дункаломъ, идти для поиску непріятеля и для защиты здѣшнихъ береговъ.

Дружба и оборонительный союзъ между нашимъ дворомъ и Аглинскою короною вашему превосходительству довольно извѣстны, почему я никакъ не сомнѣваюсь, что вы не откажетесь подать помощь притѣсненному нынѣ союз-

нику нашего Государя Императора, будучи увѣрены, что ежели сіи обстоятельства умедлятъ нѣсколько возвращеніе ваше въ Россійскіе порты, то Его Императорское Величество никакъ на васъ не прогнѣвается, но конечно похвалитъ, что послушать меня изволили. Я же съ своей стороны не премину донести нашему двору о замедленіи, которое можетъ послѣдовать отъ нынѣшней крейсировки, и что я на себя взялъ, зная утѣсненное состояніе здѣшней земли и дружбу нашего Всемилостивѣйшаго Государя къ оной, совѣтовать вашему превосходительству, дабы вы не отказали содѣйствовать съ адмираломъ Дунканомъ.

P. S. Лордъ Гренвиль, коего я видѣлъ послѣ подписанія сего письма, объявилъ мнѣ, что здѣсь надѣются, что ваше превосходительство, будучи присланы на помощь Англіи, не откажете сію помощь во время самой крайней нужды, въ которой она находится, и что пойдете немедленно на соединеніе съ адмираломъ Дунканомъ, а гдѣ онъ находится и сколько съ нимъ кораблей, при семъ прилагаю листъ.

Того же числа. Понедѣльникъ, въ 11 часу вечера.

Хотя я уже писалъ вашему превосходительству, тому три часа, съ нарочнымъ Аглинскимъ курьеромъ, но почитаю еще нужнымъ повторить вамъ мое представленіе о крайней надобности, дабы вы шли какъ можно поспѣшнѣе на соединеніе съ адмираломъ Дунканомъ; спасеніе Англіи, вѣрной союзницы нашего Государя, того требуетъ, и я Его Императорскому Величеству завтра доносить буду, что я, зная его доброжелательство къ сей землѣ и видя ее въ опасности, по просьбѣ здѣшняго министерства, взялъ на себя совѣтовать и просить васъ, дабы вы шли на соединеніе съ Аглинскимъ адмираломъ. Итакъ, послушась меня, вы не будете въ отвѣтѣ, и конечно будетъ негодовать на васъ Государь, если отъ несоединенія вашего съ Дунканомъ послѣдуетъ какое ни есть несчастіе слабому въ силахъ Аглинскому адмиралу. Всякое замедленіе можетъ усугубить сіе несчастіе. Письма мои будутъ вамъ служить въ оправданіе.

5.

Къ князю А. А. Безбородкѣ.

Лондонъ, 26 Мая (6 Іюня) 1797.

Англія еще не была никогда въ толь стѣсненномъ и жалостномъ состояніи. Изъ прежнихъ моихъ донесеніевъ ваша свѣтлость изволили видѣть, что первый бунтъ матросовъ въ Портсмутѣ былъ успокоенъ, но по несчастію съ уступкою отъ стороны правленія, что, возгордя бунтующихъ, служило поводомъ для втораго и сильнѣйшаго бунта тѣхъ же извергов, и что и сей вторичный мятежъ былъ наконецъ успокоенъ, удовлетворя мятежниковъ въ большей части ихъ требованіевъ, и что, послѣ трехнедѣльнаго безпорядка, сей флотъ пошелъ наконецъ въ море для крейсировки около Бреста. Лишь токмо что правленіе избавилось отъ сего безпокойствія, какъ новое, еще труднѣйшее ему предстало, а именно бунтъ нѣкоторыхъ военныхъ кораблей и фрегатовъ, кои лежали внизу Тамизы межъ Ширнеса и Нора, коихъ матросы, овладѣвъ судами и офицерами, стали требовать еще болѣ, чѣмъ тѣ, кои бунтовали въ Портсмутѣ. Лордъ Спенсеръ и другіе два лорда адмиралтейства

ѣздили въ Ширнесъ и имѣли на берегу свиданіе съ главами сего бунта, уговаривая ихъ къ законному послушанію; но, за неистовыми требованіями сихъ злодѣевъ, ничего не успѣли. Королевская прокламація, которая обѣщаетъ прощеніе, если бунтующіе возвратятся въ повиновеніе, не имѣла также ни малѣйшаго дѣйствія. Но что всего хуже, то то, что многіе корабли эскадры адмирала Дункана оставили его и пришли въ Норъ, для соединенія съ бунтовщиками, такъ что число кораблей и фрегатовъ, въ семъ положеніи находящихся, болѣе 20-ти теперь составляетъ, не считая четырехъ, кои остались въ Ярмутѣ, отказавъ слѣдовать за адмираломъ Дунканомъ, который пошелъ въ море съ двумя кораблями, желая сохранить хотя сіе малое число судовъ въ послушаніи. Тѣ, кои въ Норѣ находятся, осмѣлились, надѣясь на свою силу, стрѣлять по одному фрегату, который, не хотя участвовать въ ихъ бунтѣ, прошелъ мимо ихъ и былъ во многихъ частяхъ разстрѣлянъ, поврежденъ и удивительно, какъ не потопленъ и, наконецъ, дошелъ до Портсмута. Тѣже бунтовщики осмѣлились стрѣлять по редутамъ, кои съ обѣихъ сторонъ устья рѣки находятся и останавливаютъ всѣ суда, идущіе въ Лондонъ или выходящіе изъ сего порта, осматриваютъ ихъ прилежно и обираютъ провизію и аммуницію. И такъ что непріятельскіе флоты не могли по сіе время сдѣлать, блокировать Лондонскій портъ, то дѣлаетъ Аглицкая эскадра, овладаема будучи предателями своего отечества. Сіе огорчило до крайности всю націю противъ сихъ изверговъ, и всѣ теперь единодушно желаютъ употребить всѣ средства для наказанія сихъ злодѣевъ, хотя бы то стоило потерь всѣхъ сихъ кораблей, если найдется способъ ихъ сжечь или потопить. Сообщеніе съ ними запрещено, никого изъ нихъ на берегъ не пускаютъ, всѣ берега по обѣимъ сторонамъ устья Тамизы, гдѣ они стоятъ на срединѣ, покрыты войскомъ, ежедневно умножаются тамъ батареи пушекъ и мортиръ. Два акта парламентскіе будутъ сегодня обнародованы, одинъ противъ сихъ матросовъ, а другой противу тѣхъ, кои между сухопутнымъ войскомъ раздаютъ печатные билеты для возбунтованія онаго. Потомъ выйдетъ новая королевская прокламація о семъ флотскомъ бунтѣ, послѣ которой, если сіи бунтующіе корабли не покорятся самовольно и не выдадутъ начинщиковъ, то будетъ употреблена противу ихъ самая дѣятельная и жестокая сила. Но, по несчастію, сіе можетъ продлиться еще недѣлю и болѣе, а еще и больше того надобно будетъ времени для исправленія порядка и снабженія ихъ водою, провіантомъ и аммуниціею; а между тѣмъ весь восточный берегъ Великобританскій оголенъ и не имѣетъ морской защиты противу покушеніевъ Голандскаго флота, ожидающаго токмо способнаго вѣтра, чтобъ выдти изъ Текселя.

Вчерась, возвратясь изъ дворца, я нашелъ у себя въ домѣ партикулярное письмо лорда Гренвиля, коимъ онъ меня проситъ, дабы я не отказалъ, видя бѣдственное теперь положеніе Англіи, уговаривать нашего контръ-адмирала, дабы онъ пошелъ изъ Ярмута на соединеніе съ Дунканомъ, который, соединясь съ нимъ и съ кавалеромъ Куртисомъ, можетъ помѣшать Голандцамъ, кои уже готовы съ войскомъ сдѣлать сюда покушеніе дессанта. Я прилагаю сіе письмо въ оригиналѣ. Ваша свѣтлость изволите примѣтить жалостное состояніе сей земли изъ словъ сего письма, гдѣ лордъ Гренвиль мнѣ говоритъ: Vous vous ferez un nouveau mérite auprès de l'Empereur en le mettant à même de rendre au commencement de son règne le plus grand service à l'Ang-

leterre qu' elle aye jamais reçû de quelque autre nation ou puissance que ce fut *).

Видя сію крайность и уважая дружеское расположеніе Государя къ Англіи и его точный союзъ съ нею, я не могъ отказать здѣшнее требованіе, сдѣланное мнѣ необходимою нуждою, и какъ я долженъ былъ вчерась же у него обѣдать, то и не отвѣчалъ ему письменно, а поѣхавъ къ нему сказалъ ему, чтобъ онъ мнѣ написалъ офиціальное письмо, которое служило бы мнѣ поводомъ къ тому, что̀ я сдѣлаю. Онъ мнѣ прислалъ оное, а я писалъ два письма къ нашему контръ-адмиралу господину Макарову, съ коихъ копіи при семъ прилагаю. Офиціальное же письмо лорда Гренвиля посылаю въ оригиналѣ, пріобщая при семъ же и копію съ моего отвѣта.

Ваша свѣтлость изъ содержанія сихъ бумагъ признàете, уважая бѣдственное положеніе Англіи, какъ жестоко бы было и несходственно съ мыслями Государя и съ его вѣрностію въ союзѣ съ сею землею, если бы я отказалъ то, что̀ отъ меня здѣсь просили и уповаю, что подкрѣпите у Его Императорскаго Величества мое оправданіе. Кто на свѣтѣ могъ бы положиться на союзъ съ Россіею, если бъ во время сущей гибели ея союзницы, она отказала двухнедѣльное замедленіе возвращенія трехъ кораблей и трехъ фрегатовъ? Безъ толь жестокой крайности, до которой доведены теперь дѣла сей земли, я бы не отважился остановить господина контръ-адмирала Макарова. Если, по несчастію моему, поведеніе мое въ семъ случаѣ не будетъ угодно Государю, то я одинъ виноватъ отъ недостатка въ разсужденіи, а господинъ контръ-адмиралъ Макаровъ не долженъ быть въ отвѣтѣ. Онъ, будучи въ чужой землѣ, имѣя повелѣніе брать мои совѣты, не зная въ подробности политическую связь нашего двора съ Лондонскимъ и не вѣдая всю необходимость, которая мнѣ казалась и теперь еще кажется, долженъ былъ согласиться на то, что̀ я ему писалъ; и такъ, я одинъ виновенъ, если не встрѣтилъ мысли моего Государя и, въ такомъ случаѣ, надѣюсь на милость Его Императорскаго Величества, что онъ не припишетъ мое поведеніе, какъ токмо къ недостатку разсужденія, а не къ недостатку моей безпредѣльной къ Его Императорскому Величеству вѣрности.

6.

Къ императору Павлу Петровичу.

Лондонъ, 10 (21) Іюня 1797.

Ваше Императорское Величество, письмомъ за своеручнымъ подписаніемъ изъ Павловска отъ 16 Іюня, одобряя мое поведеніе по случаю временной задержки эскадры контръ-адмирала Макарова, осчастливили меня совершенно. До полученія сей милостивой апробаціи, я былъ въ страхѣ и въ изумленіи, и положеніе мое было тѣмъ паче жестоко, что какимъ бы я образомъ ни рѣшился на просьбу здѣшняго двора, находившагося тогда въ крайней опасности, я могъ, не встрѣтясь съ мыслями Вашего Императорскаго Величества, навлечь на себя несчастіе Вашего неблаговоленія: ибо, если бы

*) Вы явите себя въ глазахъ Императора съ новымъ достоинствомъ, если дадите ему возможность, при началѣ его царствованія, оказать Англіи величайшую услугу, какую когда либо она имѣла отъ другаго народа или державы.

я отказалъ, то адмиралъ Дунканъ, имѣя токмо два корабля противу 10-ти Голандскихъ, былъ бы разбитъ конечно, и Голандскій флотъ, господствуя на здѣшнихъ берегахъ, прикрылъ бы десантъ сухопутныхъ войскъ въ Англію, когда сія земля, бывши тогда удручена бунтомъ своихъ эскадръ, была бы приведена въ совершенное разстройство, и Ваше Императорское Величество могли бы на мнѣ взыскать, для чего я въ такой крайности отказалъ просьбу здѣшняго правленія. Съ другой стороны, я много конечно отважился остановить на двѣ недѣли возвращеніе сей эскадры и могъ ожидать Вашего негодованія. Въ такомъ трудномъ положеніи рѣшился я на то, что̀ могло спасти государство Вашего союзника и что̀ было достойно великодушія Вашего Императорскаго Величества. Блаженны подданные, служащіе великодушному Государю, какъ Ваше Императорское Величество. Милостивое Ваше ко мнѣ снисхожденіе и лестная Ваша апробація моему поведенію успокоили и осчастливили мою душу. Приношу Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, наиглубочайшую мою благодарность за чувства, коими по милости Вашей сердце мое теперь наполнено.

7.

Къ нему же.

Лондонъ, 17 (28) Іюля 1797.

Третьяго дня, на леве *), король, подошедъ ко мнѣ, изъявилъ свою благодарность къ Вашему Императорскому Величеству за новый знакъ Вашей къ нему дружбы по случаю временнаго здѣсь задержанія Вашей эскадры; что онъ увѣренъ былъ, что Ваше Императорское Величество, свѣдавъ о крайней опасности, въ которой была тогда сія земля, не токмо не прогнѣвались бы на меня, но что и похвалили бы мое по симъ тогдашнимъ обстоятельствамъ поведеніе и теперь радуется, что не ошибся въ своей надеждѣ и наипаче подтвержденъ, что имѣетъ въ Вашемъ Императорскомъ Величествѣ вѣрнаго друга и союзника; что онъ признателенъ и привязанъ къ особѣ Вашей и что если полезно для Англіи имѣть союзникомъ Россійскаго Императора, то еще полезнѣе и счастливѣе, когда сей Императоръ признанъ справедливо отъ всѣхъ аки преисполненный добродѣтелью и великодушіемъ; что онъ всегда читаетъ съ крайнимъ удовольствіемъ донесенія кавалера Витворта, извѣщающія всегда неусыпное Ваше стараніе о благоденствіи Вашихъ счастливыхъ подданныхъ; что онъ хотя поручилъ своему посланнику изъявить Вашему Императорскому Величеству свою благодарность, однако проситъ равномѣрно и меня, дабы и я засвидѣтельствовалъ, сколь много онъ Вамъ благодаренъ. Я не пропустилъ сей случай, чтобы не изъявить его величеству то, что̀ Ваше Императорское Величество неоднократно приказывали, то есть увѣрять его величество о искренней Вашей къ нему дружбѣ и какое горячее участіе примаете во всемъ, что̀ до его особы или владѣніевъ касается. Онъ отвѣчалъ

*) Т. е. во время пріема.

мнѣ, что сіи увѣренія тѣмъ паче ему пріятны, что когда Ваше Императорское Величество изъявляете оныя, то конечно и чувствуете, что не всегда съ другими бываетъ и что не всѣ чистосердечны и великодушны, какъ вы.

По окончаніи сего леве, новый Турецкій посолъ Измаилъ-Ферукъ-ефенди имѣлъ свою аудіенцію. Виртембергскій посланникъ баронъ Ригеръ, будучи отозванъ, имѣлъ также свою отпускную аудіенцію. Сей посланникъ былъ здѣсь любимъ и почтенъ отъ всѣхъ, будучи человѣкъ умный, скромный и весьма благороднаго духа.

Завтра ночью, для избѣжанія жару, ихъ величества и принцессы отправятся въ Веймутъ, гдѣ пробудутъ около шести недѣль. Сія поѣздка бываетъ ежегодно въ началѣ Августа, и его величество пользуется тамъ морскими банями. Отъ лорда Малмсбюри *) прибылъ вчерась курьеръ, который ничего не привезъ важнаго; да и трудно, чтобъ негоціація шла поспѣшно, когда мы знаемъ изъ Французскихъ журналовъ несогласіе, которое завелось между совѣтами и директоріею и которое ежедневно умножается.

Приложеніе.

(Къ страницѣ 329-й).

Рукою графа Ростопчина:

«Копія съ письма къ графу Воронцову отправляемаго».

«Его Императорское Величество, усмотря изъ донесеній вашихъ, чрезъ ассесора Пизанія полученныхъ, что вы находите затрудненія въ исполненіи его повелѣній, откладывая отправленіе войскъ въ Россію, соизволилъ указать, естьли вы затрудняетесь и службою, что отъ оной, когда хотите, просить можете увольненія. Пребывая и пр.».

Рукою императора Павла:

«Е. В., усматривая изъ неоднократныхъ донесеній вашихъ разныя представленія вопреки волѣ его, приказалъ вамъ сказать, что естьли исполненіе оной вамъ въ тягость, то невозбранно вамъ просить увольненія службы».

Рукою графа Ростопчина:

«Апрѣля 4-го 1800. С.-Петербургъ. Отправлено въ Лондонъ на нарочной эстафетѣ».

Лондонскій священникъ Я. И. Смирновъ.

Священникъ Яковъ Ивановичъ Смирновъ представляетъ собою въ Русской исторіи едва ли не единственный примѣръ духовнаго лица, отправлявшаго посольскую службу, что такъ соотвѣтствуетъ узорочно-странному Павловскому царствованію. Въ 1800 году, когда сношенія съ Англіею были прерваны, а нѣкоторыя дѣла съ нею все-таки производились, Смирновъ исполнялъ должность нашего повѣреннаго.

Въ бумагахъ Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ хранятся дипломатическія донесенія отца Смирнова о политическихъ дѣлахъ и

*) Находившагося въ Парижѣ для мирныхъ переговоровъ.

о засѣданіяхъ Англійскаго Парламента. Отецъ Смирновъ есть лицо вполнѣ достопамятное и заслуживающее большей извѣстности въ нашихъ историческихъ преданіяхъ. Замѣтимъ кстати, что Англійскій пасторъ Тукъ (Tooke), написавшій исторію Россіи въ царствованіе Екатерины II-й, пользовался для своего труда указаніями священника Смирнова (см. нашъ печатный Каталогъ Чертковской Библіотеки, № 196). П. Б.

1.

Свидѣтельство графа Воронцова и Н. Н. Новосильцова.

Лондонъ, сего 1800 году, Апрѣля 15 дня. Мы нижеподписавшіеся симъ свидѣтельствуемъ, что находящійся здѣсь при Россійской Императорсвой миссіи священникъ и ордена Св. Анны 2-го класса кавалеръ Яковъ Ивановъ сынъ Смирновъ и меньшой его братъ, къ той же миссіи принадлежащій, кол. ас. Иванъ Ивановъ сынъ Смирновъ, кои до пріѣзду въ Англію оба именовались и имѣли прозваніе Линицкихъ, суть дѣйствительно благороднаго происхожденія, чему доказательствомъ служитъ то, что братья ихъ родные, первой покойный бывшій въ Богодуховѣ протоіерей Іоаннъ, а второй Кавказской Казенной Палаты совѣтникъ и кавалеръ Степанъ Ивановы дѣти Линицкіе, внесены въ родословныя дворянскія книги. Первой изъ нихъ отъ Харьковскаго дворянскаго состоянія въ 1794 -мъ, а второй въ 1788 годахъ отъ Воронежскаго, на дворянское ихъ достоинство снабжены грамотами. Да сему же второму ихъ брату Степану пожалованъ дворянскій гербъ и грамота, Апрѣля въ 25 день 1796 году. Графъ Семенъ Воронцовъ. Николай Новосильцовъ.

2.

Автобіографическое показаніе.

Случаи и причины, по которымъ мое прозваніе Линицкаго перемѣнено на прозваніе Смирнова, суть слѣдующіе.

Въ 1776 году, его высокопреподобіе Софійскій протоіерей Андрей Аѳанасьевичъ отецъ Самборскій, будучи въ Харьковѣ, гдѣ я обучался въ училищахъ, по просьбѣ его получилъ дозволеніе отъ Бѣлоградскаго епископа Аггея выбрать нѣсколько отличившихся учениковъ или студентовъ какъ для отправленія церковнической должности въ Лондонской церкви, такъ и для обученія земледѣлію, коего планъ онъ тогда прожектировалъ. Въ числѣ сихъ, по моей охотѣ видѣть чужестранныя земли и пріобрѣсти полезныя знанія, и я былъ выбранъ. Въ продолженіи нашего пути отъ Харькова до С. Петербурга, г-нъ Самборскій насъ увѣрилъ, аки бы, по какимъ-то предувѣреніямъ, нѣкоторые члены изъ тогдашняго министерства *) весьма нерасположены были ободрять Украинцовъ, и что естьли бы сдѣлалось извѣстнымъ, что избранные имъ студенты всѣ изъ Украйны, то сіе,

*) Въ 1776 году находился въ особенной милости Завадовскій и начиналось государственное значеніе Безбородки; второстепенные чиновники вѣроятно, сколько могли, противодѣйствовали имъ. П. Б.

почиталъ онъ, могло бы причинить не токмо вредъ, но можетъ быть и совершенное уничтоженіе его полезному плану. Не желая быть сему причиною, всѣ мои сотоварищи и я согласились отдаться на его волю, и онъ, будучи въ Москвѣ, по дорогѣ въ С. Петербургъ, перемѣнилъ всѣхъ прозваніе, либо окончаніе оныхъ, а именно изъ студентовъ Прокоповичъ названъ Прокофьевымъ, Флавицкій Флавіановымъ; а мое прозваніе, взявъ за вѣрное, что оное произошло отъ Латинскаго слова lenis, которое значитъ тихой или смирной, передѣлано въ Смирнова, которымъ съ тѣхъ поръ я донынѣ прозываюсь. А братъ мой, по пріѣздѣ въ Англію, вмѣсто прежняго Линицкаго, принялъ прозваніе Смирнова для того, чтобъ двумъ роднымъ братьямъ не называться разными прозвищами, что̀ показалось бы здѣсь страннымъ.

Таковыя точно были причины нашему прозванію, которое, я надѣюсь, позволено уже будетъ намъ сохранить навсегда, во увѣреніе чего собственноручно свидѣтельствуемъ.

Коллежскій асессоръ Иванъ Смирновъ.

Грекороссійской церкви что̀ въ Лондонѣ священникъ и орденовъ командорственнаго державнаго Св. Іоанна Іерусалимскаго и Св. Анны 2-й степени кавалеръ Яковъ Смирновъ. Лондонъ, Ноября 7 (19) 1800 году.

3.

Письмо графа Ростопчина къ священнику Смирнову.

Рукою императора Павла:

«Быть по сему».

Рукою графа Ростопчина:

«Высочайше конфирмовано Сентября 29 дня 1800 года въ Гатчинѣ».

«Къ священнику Смирнову».

«Его Императорскому Величеству угодно знать, какаго состоянія и происхожденія та дѣвушка, которая была насильно обругана Россійскимъ солдатомъ, прощеннымъ за сіе преступленіе его Великобританскимъ величествомъ».

«За отсутствіемъ всѣхъ акредитованныхъ особъ при Лондонскомъ дворѣ, препоручается вамъ извѣщать Государя обо всемъ что̀ вы узнать можете касательно до предпріятій, вооруженій, отправленій, переводовъ денежныхъ и торговыхъ оборотовъ Агличанъ въ теченіи настоящей осени и зимы. Въ семъ важномъ препорученіи увидите вы довѣренность Государя, и оправдать ее зависитъ отъ стараній вашихъ».

4.

Отвѣтъ священника Смирнова.

Священникъ Смирновъ, отвѣчалъ графу Ростопчину отъ 30 Октября (11 Ноября) 1800 года.

«Касательно дѣвицы, насильно обруганной Русскимъ солдатомъ, на островѣ Гернзѣ, имѣю честь извѣстить, что она есть дочь нижняго состоянія обывателя того острова, честныхъ родителей, сама порядочнаго поведенія и, по извѣстіямъ ко мнѣ дошедшимъ, она получала пропитаніе продажею молока на томъ островѣ и имѣетъ около 25 лѣтъ отъ роду».

О Русской арміи

во второй половинѣ Екатерининскаго царствованія.

Нижеслѣдующая записка имѣетъ значеніе вполнѣ историческаго, хотя можетъ быть нѣсколько односторонняго, свидѣтельства. Она написана человѣкомъ заслуженнымъ, генералъ-поручикомъ Степаномъ Матвѣевичемъ Ржевскимъ (род. 1732, ум. 1782), который, по женѣ своей Софьѣ Николаевнѣ, урожд. баронессѣ Строгоновой, принадлежалъ къ тогдашнему знатному обществу. Содержаніемъ своимъ она напоминаетъ и подтверждаетъ крайне замѣчательную записку о Русскомъ войскѣ, составленную въ началѣ нынѣшняго столѣтія графомъ С. Р. Воронцовымъ (въ Р. Архивѣ 1876, III, стр. 345).

Записка Ржевскаго сообщена намъ въ рукописи прошлаго вѣка, изъ Елисаветграда г. С. Пестовымъ. П.-Б.

Разныя замѣчанія по службѣ армейской, отчего она въ упадокъ приведена и нелестно хорошимъ офицерамъ продолжать службу и о полковникахъ.

Писаны сіи замѣчанія въ 1782-мъ году генераломъ-поручикомъ и кавалеромъ Степаномъ Матвѣевичемъ Ржевскимъ, по смерти котораго у него они найдены и собраны.

I. Неограниченность во власти, которую полковники себѣ просвоили къ существительному вреду, состоитъ между прочимъ въ слѣдующемъ: 1-е, записка людей къ себѣ въ полкъ всякаго званія и рода и націй; 2-е, употребленіе людей полковыхъ къ себѣ въ лакеи, камердинеры, дворецкіе и прочіе; а сему примѣру и всѣ полковые офицеры пріятно слѣдуютъ, увѣрены будучи, что полковникъ не можетъ строго за то взыскать; 3-е, отдаленіе во всѣхъ вещахъ отъ штатнаго положенія; 4-е, наглое похищеніе полковыхъ денегъ и натяжка беззаконная въ поддѣлкѣ расходныхъ статей въ книгахъ, которыя документально подписывать всѣ офицеры принуждены подъ лишеніемъ милости господина полковника или и совсѣмъ подъ потеряніемъ мѣста въ полку; 5-е, грабежъ наглый людей и переманка ихъ изъ другаго полку къ себѣ; 6-е, разрушеніе чинопочитанія въ полку, а установленіе одной только тиранской полковничьей власти, который, 7-е, за первѣйшую считаетъ уже свою должность не повиноваться своимъ генераламъ больше и иначе какъ ему самому угодно и для какихъ нибудь на тотъ или другой разъ своихъ частныхъ выгодъ или нѣкоторой заступы противъ горькихъ жалобъ, на полкъ приносимыхъ.

Сіи суть главные только случаи, о которыхъ можно сказать вѣрно, что ими всѣ полки до единаго заражены. Прочія-жъ развратности меньшей важности, такъ многочисленны, что и описать ихъ не можно, и онѣ всякой день произрастаютъ отъ которой нибудь изъ капитальныхъ причинъ, о коихъ выше упомянуто.

II. Истребленіе нечувствительное непремѣнныхъ квартиръ, не взирая на то, что божественное сіе узаконеніе служитъ начало уже непоколебимымъ основаніемъ къ пользѣ службы внутренней притяженіемъ рекрута къ полку и къ службѣ и къ неописанной выгодѣ бѣдныхъ офицеровъ, которыхъ жены и дѣти симъ узаконеніемъ подъ кровлею находились, вмѣсто того что нынѣ по міру скитаются не токмо солдатскія, но и офицерскія жены и съ дѣтьми ихъ малолѣтными.

III. Неслыханная дороговизна въ подрядахъ, Провіантскою Канцеляріею чинимыхъ, и отвращеніе отъ торговъ всѣхъ тѣхъ честныхъ подрядчиковъ, которые бы хотѣли несравненно дешевле армію прокормить. Тутъ явное воровство чинится казнѣ.

IV. Дѣло Борзова, другое Стратиновича, такъ важны по нерѣшимости ихъ, что они всю службу и субординацію съ основаніемъ искореняютъ, утверждая на мѣсто того наглость, неподчиненность и безстрашіе.

V. Обиды въ произвожденіяхъ честнымъ и заслуженнымъ офицерамъ, чинимыя для фаворитовъ или пронырливыхъ и проворныхъ тунеядцевъ, отняли всю охоту къ службѣ и погашаютъ все патріотство.

VI. Такой же вредъ дѣлается и отъ произвожденія въ сверхъ-комплектъ, во всѣхъ чинахъ чинимаго, а особливо въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, которые тѣмъ самымъ и осуждены отправлять должность ниже своихъ чиновъ, чему гнушаясь, никакой уже въ самомъ дѣлѣ службы и не несутъ.

VII. Легкая весьма отставка отводитъ молодаго человѣка отъ службы; ибо онъ, слѣдуя натуральному движенію сердца человѣческаго и наклонности онаго къ независимости, никакой себѣ препоны въ томъ не видитъ. Въ дополненіе сего урону, который въ потерѣ достойнаго офицера служба уже понесла, возвращаются изъ отставки обыкновенно недостойные и лѣнивые офицеры, своимъ пронырствомъ и случаемъ, и тѣмъ самымъ двойной службѣ вредъ дѣлаютъ: 1) тѣмъ, что шалуномъ однимъ стало больше въ полку; да и онъ же 2) возвратился съ чиномъ при отставкѣ полученнымъ, слѣдовательно къ обидѣ, досадѣ и несносности тѣхъ офицеровъ, кои до того обществомъ его брезговали, а тутъ вдругъ ему подчинены стали, неумѣющему при томъ и командовать.

VIII. Установленіе гофшпиталей въ арміяхъ и корпусахъ. Ихъ содержаніе, образъ контрактовъ ужасаютъ всякаго человѣка, кто только каплю чести и человѣколюбія имѣетъ къ сей части, которая обнищеваетъ казну и истребляетъ родъ человѣческой. Присоедините къ тому дурной выборъ лекарей, которые убавляли всегда наукою своею больше солдатъ, нежели погибало отъ оружія непріятельскаго.

IX. Перемѣщеніе офицеровъ съ повышеніемъ чиновъ въ піонерные полки уничижаетъ честныхъ офицеровъ, при своихъ полкахъ за должность служить считающихъ. Сіи бѣдные всѣ въ уныніе приведены, а пользуются такими перебѣгами только пронырливые, лѣнивые и слѣдовательно недостойные офицеры.

X. Отдаленіе генераловъ отъ ихъ полковъ вредъ наноситъ службѣ, тѣмъ самымъ: 1) что генералы, оставшись безъ упражненія, выходятъ изъ охоты и изъ вкусу къ службѣ, а оттого и слѣдуетъ, 2) что полковники изъ предѣловъ своей власти выступаютъ, а находя въ томъ лестную для себя пріятность, впадаютъ нечувствительно во всякія злоупотребленія, отъ чего самаго вошло въ обычай теперь нѣкоторое наблюденіе только формы службы, а не объ истинной службѣ раченіе. На семъ правилѣ бываютъ и смотры полкамъ, гдѣ генералу полковникъ отдаетъ должную честь за то именно, что онъ пріѣхалъ полкъ его смотрѣть, а не свидѣтельствовать его. Сія истина доказывается тѣмъ, что ни одинъ почти генералъ не осмотрѣлъ полку ни въ какое время командованія своего и не смѣлъ приказать въ немъ отмѣнить то, что̀ противно штатамъ и противно службѣ. А то самое малое число генераловъ, которые требовали отъ полку всего того, что̀ прямая служба и законы Ея Императорскаго Величества повелѣваютъ, тѣ прослыли нападчиками, неспокойными, и за сіе самое претерпѣваютъ родъ нѣкоторой къ себѣ дикости, лишены случаевъ къ полученію по службѣ оказать свои услуги отечеству и, наконецъ, отъ обращенія съ ними государскаго, великіе имѣютъ доводы увѣриться, что они обнесены къ Государю своему, съ которымъ въ невинности своей и объясниться не могутъ, за тѣмъ что никакихъ къ тому слѣдовъ, ни случаевъ нѣтъ, тѣмъ болѣе, что его, хотя и заслуженнаго, ранами покрытаго и безпорочною, долговременною службою утвержденнаго, туда не пускаютъ, гдѣ съ Государемъ свободно все говорятъ его подчиненные. Однако смѣлый за кавалергарда входъ имѣетъ! Каково сіе уничтожительно, можетъ чувствовать одна душа благородная и патріотическая.

XI. Въ двухъ мѣстахъ служить равно и съ пользою равною полковнику никакъ нельзя, слѣдов. флигель-адъютантъ и вмѣстѣ полковникъ дѣлаетъ службѣ вредъ и отнимаетъ мѣсто у другаго полковника, который бы, сходно съ присягою своею, долженъ бы отъ полку своего не отлучаться, а флигель-адъютантъ можетъ въ случаѣ семъ безотвѣтно нарушать свою присягу. Всякій разъ, когда ему при полку быть наскучитъ или съ генераломъ не поладитъ, или дворскіе интересы, въ коихъ непремѣнно ему много или мало должно быть замѣшану, въ Петербургъ его позовутъ, тогда полкъ обыкновенно остается: 1) безъ отдачи, для того что господинъ флигель-адъютантъ скоро обратно ожидается; 2) безъ денегъ, для того, что онъ же на дорогу съ собою взять изволилъ всѣ наличныя; 3) безъ нужныхъ офицеровъ, какъ то комисара и квартермистра, для того, что его высокоблагородіе изволитъ самъ въ Коммиссаріатѣ и въ Провіантской Канцеляріи принимать годовыя суммы, то они для выводки тамо нужны. Послѣ сего кто меня можетъ увѣрить, что полкъ такой могъ въ какой нибудь части быть исправенъ? Умалчиваю объ его наружности, т. е. люди отмѣнно хороши, но солдаты слабы; чисто и прекрасно одѣты, но вездѣ стянуты и задавлены, такъ что естественныхъ нуждъ отправлять солдатъ не можетъ: ни стоять, ни сидѣть, ни ходить покойно ему нельзя. Тесакъ, какъ огонь, горитъ; но полоса

заржавѣла вмѣстѣ и съ ножнами. Ружье, какъ зеркало, чисто; но не можетъ цѣлко выстрѣлить отъ уродливой ложи, которая нарочно такъ сооружена, чтобъ изъ ружья не стрѣлять цѣлко, а имѣть только на плечѣ его прямо. Я бы не скончалъ, если бы всѣ неисправности описывать вздумалъ. Сердце содрогается, когда, судя по упадку и таковому разврату службы, вглядишься въ пространное поле несчастныхъ невозможностей, отъ коихъ да сохрани, Боже!

XII. Для личныхъ выгодъ дозволяется полковнику съ полкомъ брать такую дорогу, какую онъ заблагоразсудитъ и какъ долго идти хочетъ. Какія же отъ того слѣдствія происходятъ или для какихъ резоновъ полковникъ о сихъ выгодахъ старается, легко всякій понять можетъ; а бѣдные обыватели всѣхъ вѣрнѣе могутъ сказать, чтò имъ стоитъ посѣщеніе такого полку.

XIII. Недавно случилось, что одинъ преславный полкъ, выступя съ караулу въ походъ, укралъ 26 лошадей у другаго полка, на смѣну его прибывшаго. Лошади угнаны. Вездѣ бѣднякъ просилъ, нигдѣ управы не нашелъ; а рѣшено, наконецъ, тѣмъ, что совѣтовали командиры ему самому украсть. Счастливая идея! Скоро сысканное рѣшеніе!

XIV. Безпрепятственное офицеровъ изъ полку въ полкъ перехожденіе новый дѣлаетъ развратъ службѣ; а свободный отпускъ подалъ поводъ самовластнымъ полковникамъ отпускать офицеровъ своихъ подъ видомъ разныхъ будто бы коммиссій, отчего и дѣлается, что большая часть офицеровъ больше пріятности находятъ въ отлучкахъ отъ полку, гдѣ ежедневная служба отправляется оставшими бѣдняками весьма исподоволь.

XV. Подъ тиранскимъ полковничьимъ правленіемъ офицеры находятся въ рабствѣ, полковникъ въ гордости и въ славолюбіи, а все вмѣстѣ въ совершенномъ невѣжествѣ и въ незнаніи существа службы. Можнò ли ожидать храбрости въ такомъ развратномъ войскѣ, гдѣ первѣйшею поставлено должностью отдѣлаться отъ должности, гдѣ офицеръ доведенъ до унынія, гдѣ онъ, отъ безмѣрнаго и принужденнаго щегольства, раззоряется; гдѣ солдатъ въ слезахъ горькихъ съѣдаетъ сухарь свой, проклиная службу и командировъ, озираясь только во всѣ стороны, гдѣ бы скорѣе къ побѣгу найти дорогу и случай? Капральствами бѣгивали, да кто жъ?—Русскіе солдаты! А къ кому?—къ Туркамъ! Не содрогнется ли душа отъ сего у всякаго Россіянина, прямо мыслящаго? Полковника же однако, какъ сіе не трогаетъ, такъ и все то надъ нимъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго дѣйствія, когда онъ чтò по полку дѣлаетъ безчестное, беззаконное и вредное. Таковъ ужъ почти общій тонъ!

XVI. Непонятно мнѣ, что нѣтъ никакаго и посредственно-нужнаго мастерства и рукодѣлья, въ коемъ бы не долженъ выдержать строгой экзаменъ всякой тотъ ученикъ, который идетъ въ подмастерья и мастера. Неужели военная наука такъ легка кажется, что безъ всякаго разбору произвожденіе идти можетъ, какъ будто мундиръ вселяетъ въ офицера знаніе, а имянной указъ сочиняетъ генерала? Я увѣренъ, что ни офицеръ, ни генералъ такимъ образомъ не сдѣлается нигдѣ

кромѣ насъ. За то мы въ случаѣ семъ и отличны. Не можно же однако сказать, чтобъ и у насъ шло произвожденіе безъ нѣкотораго формалитета: собираются офицеры всякую треть къ адъютантамъ и подписываютъ слѣпо, что господинъ полковникъ приказалъ. Но, о Боже, все сіе неистовство чинится подъ присягою! И такъ не довольно того, что полковникъ преступаетъ долгъ правосудія, но объявляетъ себя торжественно клятвопреступникомъ, къ которому беззаконію и всѣхъ своихъ подчиненныхъ офицеровъ влечетъ; безмолвно представить же противное, или сдѣлать возраженіе на опредѣленіе полковничье, постановляется тотчасъ ослушаніемъ команды и, наконецъ, такой случай бываетъ причиною ненависти полковника, его гнѣва или изгнанія изъ полку. Что же потомъ съ симъ бѣднымъ офицеромъ послѣдуетъ за то, что онъ совѣсть и присягу свою нарушить не хотѣлъ? Выброшенъ господиномъ полковникомъ изъ полку, пересылается въ другой съ дурнымъ атестатомъ, и во ономъ полку найдетъ точно тоже, что въ старомъ оставилъ. Въ случаѣ семъ должно господамъ полковникамъ отдать справедливость, что они во всемъ томъ, что службѣ вредитъ, что чинопочитаніе разрушаетъ и отъ чего всеобщее вкореняется невѣжество, весьма строгую наблюдаютъ одинаковость, а разнятся только всѣ въ понятіи штатовъ и инструкціи, въ образѣ отправленія службы, въ содержаніи оружія и аммуничныхъ вещей и прочаго.

Еслибъ паче чаянія, сіи замѣтки мои попалися въ чужія руки, то долженъ всякій подумать, что я полковниковъ ненавижу до крайности; но истинно нѣтъ. Между ими имѣю пріятелей и родственниковъ, то какъ для сихъ резоновъ, такъ особливо не имѣя совершенно ни одного между ими себѣ злодѣя, никакъ ненавидѣть никого и не могу; напротиву того, я, судя генерально о всѣхъ теперешнихъ полковникахъ, исключая совершенныхъ невѣждъ, странное дѣлаю однако и вѣрное заключеніе, именно, что Русская армія никогда не была снабдена такимъ хорошимъ матеріаломъ полковниковъ и офицеровъ какъ теперь. Они всѣ только изъ мѣры своей вышли. Сколь же скоро бы военное правительство глаза на нихъ открыло военные, то я увѣренъ, что такіе будутъ бойкіе, такіе честные и такіе всѣ порядочные офицеры, какихъ нигдѣ нѣтъ. Я практически сію правду доказать берусь. Для достиженія же сего нужно необходимо: 1) всякое главное правительство чтобъ восчувствовало упадокъ службы въ томъ самомъ сильномъ градусѣ, въ какомъ мы его видимъ, обращаясь съ войскомъ вѣчно; потомъ 2) приняться послѣ сего тотчасъ за генераловъ и приняться крѣпко, чтобъ они во всякое время были при полкахъ и при должностяхъ своихъ, съ строжайшимъ взысканіемъ о наблюденіи воли Ея Императорскаго Величества, въ военныхъ ея законахъ изображенной. Все оживотворится послѣ сего, и всякій опрокинутый членъ исправитъ свое положеніе, войдетъ въ свое мѣсто, и цѣпь службы въ непобѣдимую связь войдетъ. Но доживемъ ли мы до сихъ блаженныхъ временъ, знакомо тому только, кто больше меня смыслитъ.

XVII. Какая намъ нужда въ иностранныхъ и такомъ множествѣ офицеровъ? Не горько ли, что, исключая самаго малѣйшаго числа посредственныхъ изъ нихъ, видимъ мы камердинеровъ, купцовъ, учителей, переодѣтыхъ Россійскими штабъ-офицерами къ поношенію службы и къ угнетенію природныхъ достойныхъ офицеровъ? Сіи случаи общи съ другими, гдѣ достойный офицеръ на ряду всегда былъ съ недостойнымъ, или же и позади у него оставался. Выгнали изъ арміи множество добрыхъ и служившихъ офицеровъ; ихъ толь много въ отставкѣ, что жалко смотрѣть на ихъ потерю. Намѣстничества сбираютъ теперь плоды съ нихъ, но не съ такою пользою, какую бы могла имѣть военная служба.

Разсказъ графа Н. И. Панина о восшествіи императрицы Екатерины Второй на престолъ.

Событія, относящіяся къ восшествію Екатерины II-й на престолъ, извѣстны изъ многихъ источниковъ; нѣкоторые изъ главныхъ участниковъ въ этихъ событіяхъ, нѣкоторые очевидцы ихъ, имѣвшіе возможность близко знать положеніе дѣлъ, наконецъ сама Государыня въ большомъ письмѣ къ князю Понятовскому, оставили любопытныя свѣдѣнія о достопамятныхъ Іюньскихъ дняхъ 1762 года. Взаимному сличенію этихъ извѣстій и критикѣ ихъ положены прочныя основы въ XXV-мъ томѣ извѣстнаго и почтеннаго труда С. М. Соловьева. Тѣмъ болѣе представляется страннымъ, что лица, писавшія у насъ объ этихъ событіяхъ, не обратили должнаго вниманія на одно изъ замѣчательнѣйшихъ повѣствованій о переворотѣ 1762 года, обнародованное въ Германіи почти сорокъ лѣтъ тому назадъ: мы разумѣемъ записку о низложеніи Петра III-го, составленную (на Французскомъ языкѣ) барономъ А. Ф. фонъ-Ассебургомъ со словъ графа Никиты Ивановича Панина. Она напечатана въ книгѣ: Denkwürdigkeiten des Freiherrn Achatz Ferdinand v. d. Asseburg. Aus den in dessen Nachlass gefundenen handschriftlichen Papieren bearbeitet von einem ehemahls in diplomatischen Anstellungen verwendeten Staatsmanne. Mit einem Vorworte von K. A. Varnhagen von Ense. Berlin. 1842.

Баронъ фонъ-Ассебургъ состоялъ съ 1765 по 1768 годъ Датскимъ посланникомъ въ Петербургѣ и находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ графомъ Н. И. Панинымъ, съ которымъ сблизился еще въ концѣ предшествующаго десятилѣтія, когда оба они занимали дипломатическіе посты при Стокгольмскомъ дворѣ. Живучи въ Россіи, Ассебургъ собралъ изъ устъ Панина тѣ свѣдѣнія, которыя изложены въ его запискѣ. До сихъ поръ не выяснилось вполнѣ, кто былъ главнымъ виновникомъ переворота, возведшаго на Русскій престолъ Екатерину II: по разсказу княгини Дашковой выходитъ, что дѣло устроилось преимущественно благодаря ея участію; по свидѣтельству самой Екатерины въ письмѣ ея къ князю Станиславу Понятовскому, переворотъ былъ совершенъ преимущественно братьями Орловыми. Въ изложеніи событій 1762 года С. М. Соловьевъ видѣлилъ роль каждаго изъ главныхъ дѣятелей

переворота, и въ числѣ ихъ, кромѣ названныхъ выше лицъ, указалъ въ особенности на графа Никиту Ивановича Панина. Собственный разсказъ графа Панина излагается въ запискѣ Ассебурга, и притомъ разсказъ откровенно переданный, безъ сомнѣнія, между четырехъ глазъ, безъ всякой утайки и вмѣстѣ съ тѣмъ безъ похвальбы со стороны разскащика. Этого достаточно, чтобы показать всю историческую важность печатаемой записки.

Л. Майковъ.

Записка о воцареніи Екатерины Второй.

Неудовольствіе противъ Петра III-го было всеобщее. Елисавету оплакивали еще прежде ея смерти [1]), а когда она скончалась, общая печаль до того всѣми овладѣла, что довольно было взглянуть другъ на друга, и слезы лились у всѣхъ изъ глазъ.

Государыня эта была очень умна отъ природы, но столь мало образована, что недостаткомъ образованія выдѣлялась даже среди женщинъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она отличалась благочестіемъ, праводушіемъ и добротою. Она всѣмъ желала добра и дѣлала его сколько могла при своей безпечности и томъ ограниченномъ участіи въ общественныхъ дѣлахъ, какое предоставляли ей любимцы ея. Итакъ, она пользовалась любовью; а потому неудивительно, что общество, видя въ Петрѣ III человѣка жестокаго (не по природѣ, а въ силу того убѣжденія, будто воинъ не долженъ поддаваться состраданію), человѣка трусливаго, ненадежнаго... съ горемъ узнало о кончинѣ столь доброй Государыни, какова была Елисавета, и о восшествіи на престолъ ея преемника, столь недостойнаго занять оный.

Неудовольствіе противъ него росло со дня на день. Онъ пренебрегалъ дѣлами и совѣтами людей, которые всего менѣе того заслуживали. Онъ говорилъ во всеуслышаніе, что такой-то и такой-то изъ людей, состоявшихъ при кабинетѣ Елисаветы, помогали ему доставлять королю Прусскому свѣдѣнія обо всемъ, что здѣсь дѣлалось въ наибольшей тайнѣ, хотя именно эти лица никогда не позволяли себѣ такой измѣны и держались совсѣмъ противоположнаго образа мыслей. Напалъ онъ онъ также и на господина Панина, и вотъ какимъ образомъ.

Приблизительно за сутки до кончины Елисаветы, когда она была уже въ безпамятствѣ и агоніи, у постели ея находился Петръ вмѣстѣ съ врачемъ Государыни и съ Панинымъ, которому было разрѣшено входить въ комнату умирающей. Петръ сказалъ врачу: «Лишь бы только скончалась Государыня, вы увидите, какъ я расправлюсь съ Датчанами. Я выступлю противъ господина де-Сенъ-Жермена; онъ станетъ воевать со мною на Французскій манеръ, а я—на Прусскій», и т. д. Окончивъ эту рѣчь, обращенную ко врачу, Петръ повернулся къ Панину и спросилъ его: «А что ты думаешь о томъ, что я сейчасъ говорилъ?» Панинъ отвѣчалъ: «Государь, я не понялъ, въ чемъ

[1]) По причинѣ ея тяжкихъ недуговъ. П. Б.

дѣло; я думалъ о горестномъ положеніи Императрицы».—«А вотъ дай срокъ», воскликнулъ Петръ, и затѣмъ, показавъ рукой на умирающую, прибавилъ: «скоро я тебѣ ототкну уши и научу получше слушать».

Петръ изнурялъ солдатъ и мучилъ дурнымъ обращеніемъ. Случалось, что на ежедневныхъ ученьяхъ солдаты падали отъ изнеможенія, и Петръ приказывалъ ихъ убирать, а на ихъ мѣсто ставить другихъ. Всѣ его любимцы были глупцы, или измѣнники. Вмѣстѣ съ ними онъ предавался самой грубой невоздержности. Его любимица, дѣвица Воронцова, была некрасива, глупа, скучна и непріятна. Петръ III-й думалъ, что приличіе требуетъ, чтобъ у него была любимица. Говорилъ онъ только понѣмецки и хотѣлъ, чтобы всѣ знали этотъ языкъ; порусски онъ говорилъ рѣдко и всегда дурно. Онъ хотѣлъ все измѣнять, все передѣлывать. Голштинія, какъ ни мала она въ сравненіи съ обширною Россійскою имперіей, казалась ему и больше ея, и богаче, и достойнѣе его любви. Всѣ отшатнулись отъ него, всѣ негодовали на него; едва онъ воцарился, какъ всѣ стали желать другаго повелителя. Неудовольствіе въ особенности распространилось между солдатами, и гвардія громко роптала на него. За нѣсколько недѣль до переворота, Панинъ вынужденъ былъ вступить съ ними въ объясненіе и обѣщалъ перемѣну, лишь бы воспрепятствовать немедленному взрыву раздраженія. Зналъ ли о томъ Петръ, или нѣтъ, только онъ дѣйствовалъ по прежнему, что̀ и побудило Панина, за четыре недѣли до переворота, озаботиться предоставленіемъ престола другому лицу безъ пролитія крови и не причиняя несчастія многимъ лицамъ.

Обдумывая это намѣреніе, Панинъ чувствовалъ необходимость привлечь къ своему замыслу еще двухъ лицъ, именно—гетмана графа Разумовскаго и генералъ-аншефа князя Волконскаго. Первый изъ нихъ находился неотлучно при Петрѣ; онъ былъ командиръ одного изъ гвардейскихъ полковъ и человѣкъ рѣшительный. Другой пользуется довѣріемъ въ арміи; онъ—человѣкъ храбрый и осторожный.

Панинъ желалъ произвести рѣшительное дѣйствіе въ тотъ день, когда Петръ прибудетъ въ столицу, чтобы присутствовать при выступленіи гвардіи въ походъ на соединеніе съ арміей, что̀ должно было послѣдовать въ исходѣ Іюня. Панину необходимо было предупредить гетмана о своихъ соображеніяхъ, чтобы тотъ поддержалъ Петра въ намѣреніи присутствовать при выступленіи гвардіи изъ Петербурга. Онъ опасался, какъ бы Петръ не раздумалъ пріѣхать.

Въ Среду (за два дня до переворота), Панинъ сообщилъ свой замыселъ гетману и князю Волконскому. Оба они склонились на его предложенія, и исполненіе задуманнаго было отложено до времени выступленія гвардіи. Уже четыре капитана императорской гвардіи были посвящены въ тайну, и вмѣстѣ четыре роты, состоявшія подъ ихъ командою. То были тѣ самые солдаты, которые, за нѣсколько недѣль предъ симъ, выражали открытое неудовольствіе противъ Петра. Одинъ изъ нихъ, Пассекъ, былъ, по приказу Петра, арестованъ вечеромъ на другой день послѣ того, какъ Панинъ объяснялся съ

гетманомъ и кн. Волконскимъ. Объ этомъ увѣдомилъ Панина Григорій Орловъ, офицеръ того-же гвардейскаго полка, въ домѣ княгини Дашковой; а вечеромъ того же дня Орловъ подтвердилъ свое сообщеніе, объяснивъ, что Пассекъ арестованъ по причинѣ выраженнаго его ротою неудовольствія. Наступило чрезвычайное смущеніе; казалось, тайна раскрывалась или была близка къ тому, въ случаѣ если станутъ допрашивать Пассека. Приходилось или ускорить дѣломъ, или подвергнуться большимъ опасностямъ. Панинъ отправилъ въ Петергофъ, гдѣ находилась Императрица, наемную карету въ шесть лошадей для того, чтобы не дать возникнуть толкамъ, которые бы начались непремѣнно, если-бы Государыня поѣхала въ придворномъ экипажѣ. Онъ вызвалъ къ себѣ Алексѣя Орлова, также гвардейскаго офицера, посвященнаго въ тайну, и приказалъ ему предупредить четырехъ капитановъ своего полка, сторонниковъ Екатерины, чтобы они были къ завтрашнему утру наготовѣ со всѣми людьми, на случай смуты. Окончивъ это, Орловъ долженъ былъ поспѣшить, какъ только могъ, въ Петергофъ—предупредить Императрицу о случившемся съ Пассекомъ и сказать ей, чтобъ она тотчасъ уѣзжала изъ Петергофа въ каретѣ, присланной отъ Шкуриной, ея довѣренной камеръ-юнгферы, а по пріѣздѣ въ Петербургъ, ѣхала бы въ казармы кавалергардскаго полка для принятія отъ него присяги, оттуда отправилась бы въ полки Измайловскій, Преображенскій и Семеновскій и во главѣ этихъ четырехъ полковъ явилась бы въ новый дворецъ, остановившись на пути у Казанскаго собора, чтобы тамъ дождаться великаго князя, котораго Панинъ привезетъ къ ней, какъ только узнаетъ о ея прибытіи и о томъ, что гвардія ее признала.

Въ тоже время Панинъ извѣстилъ обо всемъ происшедшемъ Разумовскаго и Волконскаго и затѣмъ ушелъ отъ княгини Дашковой и отправился къ великому князю въ лѣтній дворецъ [2]). Онъ даже легъ въ постель подлѣ кровати великаго князя, чтобы не возбудить никакаго подозрѣнія въ прислугѣ (при Панинѣ постоянно находился одинъ изъ флигель-адъютантовъ Императора [3]), безъ сомнѣнія для наблюденія за нимъ; нынѣ этотъ офицеръ состоитъ при особѣ великаго князя и ведетъ себя хорошо), и приказалъ камердинеру разбудить въ случаѣ, если кто его спроситъ. По его разсчету, Алексѣй Орловъ въ четыре часа долженъ былъ быть въ Петергофѣ, а Государыня послѣ пяти часовъ утра—въ Петербургѣ.

Каждая минута была дорога, и каждая разсчитана. Панинъ, хотя и легъ въ постель, какъ ни въ чемъ не бывало, однако былъ въ сильнѣйшей тревогѣ; удача или полнѣйшій неуспѣхъ могли обнаружиться ежеминутно. Пробило пять часовъ, и никакаго извѣстія не приходило; пробило и шесть, а все нѣтъ извѣстія. Алексѣй Орловъ палъ духомъ: вмѣсто того, чтобъ ѣхать тотчасъ же въ Петергофъ, онъ въ четыре часа утра еще разъ явился къ княгинѣ Дашковой узнать — не послѣдовало ли какой перемѣны въ рѣшеніи, и уѣхалъ,

[2]) На мѣстѣ нынѣшняго Михайловскаго замка. П. Б.

[3]) С. А. Порошинъ, уволенный въ началѣ 1766 года. П. Б.

наконецъ, только тогда, когда княгиня приказала ему немедленно отправиться въ путь для предупрежденія обо всемъ Императрицы.

Ея Величество пріѣхала въ столицу около шести часовъ, прослѣдовала по пути, начертанному для нея Панинымъ, приняла отъ гвардіи присягу въ вѣрности и въ восемь часовъ утра прибыла къ Казанскому собору въ сопровожденіи всѣхъ четырехъ полковъ, въ полномъ вооруженіи, но полу-одѣтыхъ. Панинъ въ приготовленной на улицѣ каретѣ привезъ великаго князя въ соборъ, а оттуда Ея Величество прослѣдовала въ новый дворецъ. Тамъ состоялся первый манифестъ. Вокругъ дворца собрали всѣ четыре полка, которые и принесли тогда присягу Государынѣ, законнымъ порядкомъ. Затѣмъ Императрица велѣла Синоду и Сенату собраться въ деревянномъ дворцѣ [4]), и сама туда отправилась съ великимъ княземъ; въ церкви этого дворца Сенатъ, Синодъ и всѣ вельможи, бывшіе на лицо, присягнули ей.

По окончаніи этого обряда, сдѣланы были необходимыя распоряженія, дабы упрочить произведенную перемѣну. По всѣмъ дорогамъ, ведущимъ къ Петербургу, разставлены караулы. Извѣстили о случившемся и расположили въ свою пользу Нарвскаго коменданта; гарнизонъ этой крѣпости усиленъ однимъ изъ четырехъ полевыхъ полковъ, которые находились по близости и шли на соединеніе съ арміей. Отъ этихъ полковъ была принята присяга. Всѣ вельможи были собраны въ деревянный дворецъ, съ нихъ взята присяга, и всѣ они пожалованы сенаторами (вотъ почему въ настоящее время въ Россіи такъ многочисленъ составъ Сената); ихъ держали въ безпрерывномъ сборѣ во дворцѣ подъ предлогомъ подписи разныхъ подлежащихъ обнародованію распоряженій. Во главѣ ихъ поставленъ былъ Неплюевъ; великаго князя помѣстили въ комнатѣ сосѣдней съ тою, въ которой собрались Сенатъ и Синодъ. Было уже поздно, когда спохватились, что нужно упрочить за собою Кронштадтъ, который Петръ легко могъ выбрать мѣстомъ своего убѣжища, что дѣйствительно и случилось. Туда посланъ былъ около полудни адмиралъ Талызинъ, какъ бы по порученію адмиралтейства. Ему предшествовалъ адъютантъ, который, какъ только вступилъ на берегъ, былъ отведенъ къ генералу Девіеру, посланному въ Кронштадтъ Петромъ III съ тою же цѣлью, съ какою Императрица отправила туда Талызина. Потребовавъ къ себѣ адъютанта, Девіеръ спросилъ его, зачѣмъ онъ сюда явился, зачѣмъ ѣдетъ адмиралъ, что происходитъ въ Петербургѣ, нѣтъ ли тамъ безпорядковъ и пр.? Спокойный видъ офицера обманулъ Девіера, который вообразилъ себѣ, что при отъѣздѣ офицера изъ Петербурга тамъ все еще было спокойно, и что этотъ офицеръ, равно какъ и адмиралъ, ни о чемъ не знаютъ. Два часа спустя, прибылъ на шлюпкѣ Талызинъ и сошелъ на берегъ въ гавани, гдѣ, по заведенному обычаю, находились для отданія ему чести капитанъ надъ портомъ и матросы. Талызинъ тотчасъ же узналъ о прибытіи

---

[4]) Нынѣшній домъ Елисѣева, на Невскомъ, между Полицейскимъ мостомъ и Большою Морскою. П. Б.

генерала Девіера и объ арестѣ своего адъютанта; пока онъ говорилъ о томъ съ капитаномъ, онъ увидѣлъ, что къ нему идетъ Девіеръ. Онъ могъ опасаться, что его постигнетъ таже участь, какъ и его адъютанта, еслибъ онъ не принялъ немедленнаго рѣшенія. Талызинъ предъявилъ капитану надъ портомъ указъ Государыни и велѣлъ въ свою очередь арестовать Девіера въ ту самую минуту, какъ тотъ приблизился къ нимъ. Дѣло устроилось безъ затрудненій; гарнизонъ призналъ Екатерину, и когда, наконецъ, въ два часа ночи, Петръ появился предъ Кронштадтомъ на гребной шлюпкѣ, его привѣтствовали объявленіемъ, что нѣтъ другой власти, кромѣ власти Императрицы, и что если онъ не поспѣшитъ удалиться, то по шлюпкѣ будетъ открытъ огонь.

Въ то время, какъ въ Кронштадтѣ происходило вышеизложенное, Петръ послалъ въ Петербургъ канцлера графа Воронцова сообщить Императрицѣ, что онъ удивляется тому, что тамъ дѣлается, и приглашаетъ ее возвратиться къ повиновенію ему, Императору. Канцлеръ увидѣлъ площадь предъ дворцомъ занятою войсками, уже признавшими Екатерину. Онъ честно и благородно выполнилъ данное ему порученіе, но изложенное имъ требованіе было отвергнуто, а самому ему не дозволено возвратиться въ Петергофъ. Онъ просилъ позволенія, которое и было ему дано, написать Петру и сообщить о неуспѣхѣ возложеннаго на него порученія. Онъ показалъ письмо, которое было написано очень хорошо и кончалось заявленіемъ, что, исполнивъ свой долгъ въ отношеніи Государя, онъ, наконецъ, подчинился народной волѣ и принесъ присягу въ вѣрности Государынѣ, вступившей нынѣ на Россійскій престолъ. По отсылкѣ письма, графъ Воронцовъ отправился въ церковь для принесенія присяги Императрицѣ.

Все шло отлично, но нужно было овладѣть особою бывшаго Императора. Казалось слишкомъ опаснымъ предоставлять ему свободу: онъ имѣлъ тысячу средствъ скрыться, и всякій другой человѣкъ, порѣшительнѣе его, съумѣлъ бы это сдѣлать.

Всѣ эти распоряженія заняли Государыню въ теченіе всей Пятницы и утра Субботы; наконецъ, въ полдень той же Субботы, она выступила изъ Петербурга по направленію къ Петергофу, во главѣ войскъ, которые признали ее и къ которымъ присоединились полки, находившіеся по повелѣнію Императора въ походѣ. Панинъ долженъ былъ сопровождать Государыню, и потому великаго князя ввѣрили попеченію Сената, а именно—Неплюева, которому приказано было всякія полчаса отправлять въ Петергофъ курьера съ извѣстіями обо всемъ, что дѣлается въ столицѣ [5]). Каждый изъ сенаторовъ долженъ былъ подписывать эти рапорты, и потому ихъ всѣхъ держали въ сборѣ и такимъ образомъ всѣхъ безъ изъятія привлекли къ дѣлу Екатерины.

---

[5]) Въ одномъ изъ этихъ получасовыхъ донесеній Неплюевъ испрашивалъ скорѣйшаго разрѣшенія вносить обратно въ (домовыя) церкви образа, убранные по распоряженію Петра III-го. П. Б.

По дорогѣ изъ Петербурга въ Петергофъ часто встрѣчались Голштинскіе гусары, которыхъ Петръ высылалъ, чтобы выслѣдить движенія Государыни,—о чемъ онъ уже имѣлъ свѣдѣнія; ихъ всѣхъ захватывали, равно какъ и всѣхъ лицъ, которыя находились при Петрѣ и покинули его въ ночь его поѣздки въ Кронштадтъ.

Въ числѣ этихъ лицъ былъ вице-канцлеръ князь Голицынъ, посланный Петромъ къ Екатеринѣ съ письмомъ, въ которомъ Императоръ отдавалъ себя въ ея волю. Голицынъ въ открытомъ полѣ принесъ присягу Екатеринѣ; на половинѣ пути, въ продолженіе котораго не разъ приходилось дѣлать остановки, чтобы дать отдыхъ войскамъ, курьеръ привезъ извѣстіе объ отплытіи Петра въ Кронштадтъ. А такъ какъ объ экспедиціи Талызина не было еще никакихъ извѣстій, то и боялись, какъ бы Петръ, найдя доступъ въ Кронштадтъ прегражденнымъ, не вздумалъ направиться водою же въ Петербургъ и не явился бы къ народу. Въ виду этого опасенія было рѣшено, чтобы Панинъ верхомъ, въ сопровожденіи двадцати-четырехъ кавалергардовъ, вернулся въ столицу, слѣдуя при томъ все время вдоль лѣваго берега Невы, чтобъ имѣть возможность наблюдать за каждымъ проходящимъ судномъ. Невдалекѣ отъ города онъ замѣтилъ одно судно, которое постоянно держалось противоположнаго берега. Онъ крикнулъ плывшимъ на немъ, чтобы судно перешло къ другому берегу. Какой-то человѣкъ, повидимому, всталъ на суднѣ и отвѣчалъ, что онъ не смѣетъ приблизиться. Отвѣтомъ усилилось подозрѣніе; но когда этого человѣка разглядѣли яснѣе, то онъ оказался Талызинскимъ адьютантомъ. Онъ сообщилъ, что Петръ пытался было войдти въ Кронштадтъ, но не былъ принятъ, а что посланный генералъ Девіеръ арестованъ.

Панинъ безпрепятственно вступилъ въ городъ. Тамъ все было спокойно. Между тѣмъ Екатерина прибыла въ Петергофъ, откуда и отправила Петру отвѣтъ на его письмо, присланное съ вице-канцлеромъ Голицынымъ. Екатерина потребовала отъ Петра формальнаго акта отреченія отъ престола, каковое и было имъ написано собственноручно. Она указала ему самыя выраженія, которыя слѣдовало употребить. Петръ написалъ актъ своею рукою и былъ препровожденъ изъ Ораніенбаума въ Петергофъ въ одной каретѣ съ своею любимицею Воронцовой и еще съ двумя другими лицами.

Панинъ возвратился въ Петергофъ ранѣе прибытія Петра. Солдаты такъ были возбуждены противъ сего послѣдняго и его любимицы, что Панинъ принужденъ былъ самъ собирать людей, чтобы составить баталіонъ въ триста человѣкъ, который и былъ расположенъ четыреугольникомъ вокругъ павильона, гдѣ помѣстили Петра. Такую предосторожность необходимо было принять, чтобы отвратить пьяныхъ и усталыхъ солдатъ отъ возможности покушенія.

Петръ, уже отказавшись отъ престола, просилъ какъ милости, чтобъ ему оставили графиню Воронцову. Панинъ долженъ былъ видѣться съ нимъ въ эти минуты. Онъ говорилъ мнѣ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я считаю несчастіемъ всей моей жизни, что принужденъ былъ видѣть его тогда; я нашелъ его утопающимъ

въ слезахъ». И пока Петръ старался поймать руку Панина, чтобы поцѣловать ее, любимица его бросилась на колѣни, испрашивая позволенія остаться при немъ. Петръ также только о томъ и просилъ, и ни о чемъ болѣе, даже не просилъ о свиданіи съ Императрицею. Панинъ постарался поскорѣе уйдти отъ него. Онъ обѣщалъ принести ему отвѣтъ Екатерины, но послалъ отвѣтъ черезъ другое лицо. Отвѣтъ послѣдовалъ отрицательный. Петра, въ сопровожденіи двухъ офицеровъ, посадили въ карету и повезли въ Ропшу. Вотъ разсказъ, слышанный составителемъ этой записки отъ министра и оберъ-гофмейстера Панина. Его любимицу посадили въ дормезъ, чтобы никто не могъ видѣть ее, и отправили въ Москву. Въ настоящее время она за мужемъ за Полянскимъ.

Упоминаемый въ этомъ разсказѣ флигель-адъютантъ Петра III-го есть несомнѣнно воспитанникъ Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса (находившагося подъ особеннымъ покровительствомъ Государя) Семенъ Андреевичъ Порошинъ, сочинитель извѣстныхъ Записокъ о дѣтствѣ Павла Петровича. Графъ Панинъ еще благопріятно отзывается о немъ Ассебургу; слѣдовательно разсказъ его должно отнести къ 1765 году, въ исходѣ котораго послѣдовало между ними охлажденіе, кончившееся переводомъ Порошина въ армію. Въ это время еще живъ былъ старикъ-канцлеръ графъ М. Л. Воронцовъ. Показаніе графа Панина объ его дѣятельности при воцареніи Екатерины несогласно съ другими свидѣтельствами. П. Б.

Собственноручное письмо великой княгини (императрицы) Маріи Ѳеодоровны къ князю Потемкину.

St.-Pétersbourg, ce 16 Décembre 1786.

Vous m'avez assuré si souvent, mon prince, de votre attachement et du désir que vous avez de remplir mes désirs, que je vous adresse avec confiance cette lettre. La chose dont il s'agit m'intéresse si vivement que j'ai cru ne pouvoir mieux faire que de vous en parler moi-même. C'est de mes enfans qu'il s'agit, et à ce mot vous comprenez, mon prince, toute l'étendue du service que vous nous renderiez, si vous pouviez nous sauver du chagrin de nous en voir séparés pendant les six mois que doit durer le voyage de Sa Majesté. Nous nous sommes adressé à elle conjointement, mon mari et moi, dès ce que nous avons sçu que nos fils devaient être du vogage, en lui représentant les dangers et les inconvénients qui s'y trouvent pour eux, et la peine inexprimable que nous ferait cette séparation. Voyant que Sa Majesté Impériale, par la réponse pleine de bonté qu'elle daigna nous faire, semblait néanmoins persister dans sa résolution, nous lui demandâmes par une seconde lettre la grâce d'être nous-même du voyage, afin de n'être séparés ni d'elle, ni de nos fils. Sa Majesté se contenta par un mot de réponse de nous parler en général des embar-

ras attachés à l'exécution de ce projet, qui de notre côté seraient bien peu considérables, puisqu'il ne nous faudrait aucune suite, et que nous sommes prêts de rester à Kiof, on dans telle autre ville que l'Impératrice choisirait, pendant la course que Sa Majesté fera en Crimée et dont mes fils ne doivent pas être, qui par conséquent resteraient ce temps seuls et éloignés de leur grand' mère et de leurs parents. Depuis ce temps les choses en sont restées là, et nous espérions toujours que Sa Majesté aurait enfin égard à nos prières et que les indispositions survenues dans ce temps à nos fils, l'un après l'autre, feraient enfin changer ses résolutions à cet égard. Mais différentes circonstances dont il est inutile de vous entretenir, nous montrant que Sa Majesté y persiste, et mon coeur maternel n'osant plus se livrer à aucun espoir flatteur, je ne vois que vous, mon prince, qui puissiez venir à notre secour pour appuyer auprès de l'Imperatrice nos représentations et nos prières. J'ai voulu vous faire tout ce détail afin de vous mettre en état de juger par ce qui s'est passé à cet égard de ce que vous croirez pouvoir faire dans cette occasion. Nous avons chargé m-r de Soltykof à différentes reprises de dire à Sa Majesté que connaissant ses bontés, nous ne pouvions qu' y compter et persister dans la juste espérance qu'elle daignerait avoir égard à nos prières, en laissant nos fils ici, ou en nous permettant de l'accompagner. Ce sont ces mêmes prières que je vous conjure, mon prince, de faire valoir auprès de Sa Majesté, et je n'ai que faire de vous dire que le succès et même les démarches que vous ferez pour l'obtenir, vous donneront un droit éternel à notre reconnaisance. C'est aux sentiments maternels qui m'ont dicté ces lignes à vous répondre des obligations que nous vous aurons de la réussite d'une chose qui nous touche de si près et qui nous tint fort à coeur. C'est avec plaisir que je vous renouvelle à cette accasion les assurances de mon estime avec laquelle se suis votre bien affectionnée

Marie.

Переводъ. Спбургъ, 16 Декабря 1786. Князь! Вы часто увѣряли меня въ вашей приверженности и въ томъ, что хотите исполнять мои желанія. Поэтому я довѣрчиво обращаюсь къ вамъ съ этимъ письмомъ. Предметъ онаго такъ сильно меня занимаетъ, что я сочла наилучшимъ поговорить о немъ прямо съ вами. Дѣло идетъ о моихъ дѣтяхъ, и уже по одному этому вы понимаете, князь, какую великую услугу вы намъ окажете, если вамъ можно будетъ спасти насъ отъ горестной разлуки съ ними въ теченіи шестимѣсячнаго путешествія Ея Величества. Узнавъ, что сыновья наши должны участвовать въ этомъ путешествіи, мы тотчасъ оба, мужъ и я, обращались къ ней, представляя, какъ для нихъ опасно и неудобно ѣхать и какую невыразимую скорбь причинитъ намъ эта разлука. Отвѣтъ, коимъ Ея Императорское Величество удостоила насъ, былъ исполненъ доброты; но повидимому она не отмѣняетъ своего рѣшенія, вслѣдствіе чего мы написали къ ней вторичное

письмо, прося милостиваго позволенія самимъ участвовать въ путешествіи, дабы не разлучаться ни съ нею, ни съ сыновьями нашими. Въ отвѣтѣ своемъ Ея Величество ограничилась краткимъ и общимъ замѣчаніемъ о затрудненіяхъ, съ коими сопряжено выполненіе этой мысли. Но съ нашей стороны помѣхи было бы очень немного, такъ какъ намъ не нужно никакой свиты, и пока Государыня будетъ въ Крыму, мы готовы оставаться въ Кіевѣ или въ другомъ мѣстѣ, которое она назначитъ. Въ Крымъ рѣшено не брать сыновей моихъ, слѣдовательно имъ придется оставаться однимъ, безъ бабушки и безъ родителей. Съ того времени ничего не послѣдовало, и мы все еще надѣялись, что Ея Величество наконецъ уважитъ наши просьбы, и какъ сыновья мои недомогали, одинъ за другимъ, то мы разсчитывали, что, можетъ быть, это напослѣдокъ побудитъ ее перемѣнить свое рѣшеніе; но разныя обстоятельства, которыми занимать васъ было бы излишне, показываютъ намъ, что Ея Величество непреклонна. Мое материнское сердце не смѣетъ предаваться никакой лестной надеждѣ, и вы, князь, единственный человѣкъ, который можетъ помочь намъ. Поддержите у Императрицы наши доводы и нашу просьбу. Я захотѣла все это изложить вамъ, дабы, зная происходившее, вы могли обсудить, что̀ вамъ можно сдѣлать въ этомъ случаѣ. Мы нѣсколько разъ поручали г-ну Салтыкову передать Ея Величеству, что, зная доброту ея, мы несомнѣнно на нее полагаемся и пребываемъ въ справедливой надеждѣ, что она удостоитъ вниманія нашу просьбу, оставивъ сыновей нашихъ здѣсь, или позволивъ намъ сопровождать ее. Умоляю васъ, князь, поддержите эту самую просьбу нашу передъ Ея Величествомъ. Въ случаѣ успѣха, или даже самою заботою вашею объ успѣхѣ этой просьбы, вы пріобрѣтете вѣчное право на признательность нашу. Эти строки, внушенныя материнскимъ чувствомъ, должны служить для васъ ручательствомъ того, какъ много будемъ мы обязаны вамъ, если удастся это дѣло, столь для насъ заботливое и столь близкое нашему сердцу. Пользуюсь случаемъ возобновить увѣренія въ моемъ почтеніи, съ коимъ остаюсь весьма вамъ благожелательная

Марія.

Съ подлинника, сохранившагося въ бумагахъ графа А. Н. Самойлова, сообщено въ Русскій Архивъ графомъ Александромъ Алексѣевичемъ Бобринскимъ.—Письмо это было послано къ князю Потемкину на Югъ, куда онъ въ это время уѣхалъ изъ Петербурга для приготовленій къ знаменитому путешествію Екатерины. Желаніе великой княгини исполнилось, и ея сыновья не поѣхали съ бабушкою, которая такъ любила ихъ, что и ей было тяжело съ ними разстаться; но къ отъѣзду маленькихъ великихъ князей (девяти и семилѣтняго) уже готовились, какъ видно по Запискамъ Гарновскаго (Русск. Стар. 1876. XV, 13), которому графъ Безбородко говорилъ, приказывая очистить Потемкинскія комнаты въ Зимнемъ дворцѣ: „Государынѣ хочется близь своихъ покоевъ помѣстить предъ отъѣздомъ своимъ на нѣсколько дней принцессъ *), дабы они послѣ отъѣзда принцевъ не скучали". П. Б.

---

*) Ихъ было тогда уже три: Александра, Елена и Марія Павловны.

Письма А. С. Хомякова

къ графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой.

1.

Совѣстно было мнѣ передъ вами, графиня, что такъ долго не посылалъ я къ вамъ печатнаго экземпляра моего письма объ Англіи; а въ тоже время совѣстно было и посылать. Вы статью уже знали, и слѣдовательно она не могла имѣть для васъ интереса новости; сама же статья въ моихъ собственныхъ глазахъ не представляла чего-то полнаго и самостоятельнаго. Она и была писана съ этимъ намѣреніемъ. Это было слово недосказанное, которое мнѣ хотѣлось досказать. Теперь, хорошо ли дурно ли, я это слово досказываю въ новой статьѣ, и посылаю уже полную фразу на вашъ милостивый судъ *). Не знаю, будетъ-ли ко мнѣ снисходительна строгая привратница нашей печатной словесности,—цензура, и удастся ли мнѣ всю свою мысль высказать передъ читающимъ людомъ; по крайней мѣрѣ вамъ она будетъ извѣстна и, признаюсь, это радуетъ меня. Журнальная дѣятельность никогда меня не веселила, и никогда бы, можетъ быть, не напечаталъ я и строки въ журналѣ; но я не умѣлъ придумать другаго пути для удобнаго выраженія своей мысли и печаталъ статьи въ никѣмъ нечитаемомъ «Москвитянинѣ». Я хотѣлъ, я долженъ былъ высказать завѣтную мысль, которую носилъ въ себѣ отъ самаго дѣтства и которая долго казалась странною и дикою даже моимъ близкимъ пріятелямъ. Эта мысль состоитъ въ томъ, что, какъ бы каждый изъ насъ ни любилъ Россію, мы всѣ, какъ общество, постоянные враги ея, разумѣется безсознательно. Мы враги ея, потому что мы иностранцы, потому что мы господа крѣпостныхъ соотечественниковъ, потому что одуряемъ народъ и въ тоже время себя лишаемъ возможности истиннаго просвѣщенія, и такъ далѣе. Вопросы политическіе не имѣютъ для меня никакаго интереса; одно только важно, это вопросы общественные. Напр. у насъ правительство самодержавно, это прекрасно; но у насъ общество деспотическое: это ужъ никуда не годится. Вотъ приблизительный перечень того, что̀ я хотѣлъ сказать въ статьяхъ своихъ, разумѣется во сколько это возможно при цензурѣ, которая сама зависитъ столько же отъ общества, сколько отъ правительства. На пути моемъ Англія,

*) Относится къ статьѣ: «По поводу Гумбольдта», нынѣ вошедшей въ полное собраніе сочиненій А. С. Хомякова», т. I, стр. 143 (изд. 1878 года). Статья эта появилась въ печати въ первый разъ уже въ 1861 году, по смерти автора.

кромѣ собственнаго интереса, послужила мнѣ удобною притчею, и къ ней привязалъ я послѣднюю свою статью.

Посылая къ вамъ свой словесный трудъ, я совершенно спокоенъ. Во многомъ надѣюсь на ваше сочувствіе, а въ томъ, съ чѣмъ вы не согласитесь, увѣренъ въ снисходительномъ сужденіи. Чувствую, что за вашъ ласковый пріемъ, за вашъ дружескій привѣтъ, я долженъ бы былъ благодарить не прѣсною и, такъ сказать, дѣловою прозою, но живымъ и сердечнымъ стихомъ. Да что же дѣлать? Заржавѣли-ли во мнѣ стихотворныя струны, или уже таково вліяніе строгаго вѣка, а стиховъ нѣтъ какъ нѣтъ. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Самъ царь отъ своей Россіи не потребуетъ ананасовъ и мангустановъ, а приметъ простую хлѣбъ-соль.

Примите благосклонно, графиня, и мое приношеніе, и увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ которыми и пр.

1848 года
Ноября 25-го
Село Боучарово [1]).

2.

Примите, графиня, мою искреннюю благодарность за ваше доброе воспоминаніе обо мнѣ и за вѣсти печатныя и письменныя, которыя вы мнѣ прислали. Давно-ли, кажется, мы видѣлись [2]), а сколько новаго? Французовъ побили въ Римѣ, мы собрались бить Мадьяровъ; Прусскій король, нареченный Нѣмецкій императоръ, грозитъ перебить своихъ Нѣмцевъ,—и наконецъ въ Питерѣ нашлись люди, которые хотѣли всѣхъ насъ перебить. Что за строгое, боевое время! Боюсь, право, какъ бы оно не подѣйствовало на всѣхъ насъ. Каково будетъ это? Безпечный, веселый Хомяковъ, который отъ роду никакой претензіи не имѣлъ кромѣ неудачной претензіи на бороду, вдругъ сдѣлается хмурымъ и серіознымъ Безбородкою. Я и такъ замѣчаю, что каждые два дня я сержусь по цѣлому получасу (когда брѣюсь). Ну какъ эта лихорадка испортитъ мнѣ характеръ! И такъ, на дняхъ я какъ-то горячился случайно въ разговорѣ съ пріятелемъ, и пріятель мнѣ объявилъ очень важно: Mon cher, vous souffrez d'une barbe rentrée» [3]).

Еще разъ благодарю васъ за свѣдѣнія, которыя вы дали мнѣ объ Елачичѣ. Въ вашемъ мнѣніи онъ вѣроятно ничего не потерялъ, а въ моемъ выигралъ онъ сто на сто. Поступокъ его (т. е. поданная записка) прямодушенъ, честенъ и рѣшителенъ. Если Австрія и тутъ не захочетъ понять положенія дѣлъ своихъ, не онъ ужъ виноватъ. Я убѣжденъ въ томъ, что, сдѣлавъ эту записку общеизвѣстною, онъ

---

[1]) Стало быть, статья: «По поводу Гумбольдта», написана не въ 1849 году, какъ означено въ «Полномъ собраніи сочиненій А. С. Хомякова».

[2]) Графиня А. Д. Блудова провела нѣсколько недѣль весною 1849 года въ Москвѣ, куда въ то время переѣзжалъ Государь Николай Павловичъ и все царское семейство по случаю освященія большаго Кремлевскаго дворца.

[3]) Не мѣшаетъ припомнить, что въ это время (подъ вліяніемъ революціонной моды во Франціи) возобновилось гоненіе на бороду, и Хомякову приказано было сбрить ее.

принималъ единственно возможную мѣру къ утвержденію вѣрности въ народахъ Сербской крови, и грустно мнѣ видѣть, что едва-ли его поступокъ оцѣненъ кабинетомъ Австрійскимъ. Одно только дурно въ его запискѣ: то, что онъ забылъ о Румынахъ или Валахахъ. Православный не забылъ бы и ихъ. Тутъ была бы справедливость и даже ловкость: путь, и путь единственный къ совершенному уничтоженію Мадьярскаго единства, разрѣзаннаго Волошскимъ населеніемъ на двѣ половины, былъ бы указанъ.

Впрочемъ все-таки дай Богъ здоровья честному бану!

Что вамъ сказать про здѣшніе толки объ вашемъ сѣверномъ коммунизмѣ ?*) Слухи объ намѣреніяхъ клубовъ внушаютъ негодованіе, а молодость клубистовъ внушаетъ сострадапіе. Вообще разсказы очень темны, и иные очень забавны. Я ужъ не говорю объ уничтоженіи всѣхъ церквей и пр. и пр.; но мнѣ довелось слышать отъ одной барыни (къ несчастію, не тетки моей), что клубисты хотѣли перерѣзать всѣхъ Русскихъ до единаго, а для заселенія Россіи выписать Французовъ, изъ которыхъ одинъ какой-то, котораго имени она не знаетъ, считается у нихъ Магометомъ. Я подозрѣваю, что мнѣніе этой барыни нѣсколько преувеличено, и думаю, что вы со мною будете въ томъ согласны; но, оставивъ въ сторонѣ толки и пересуды Москвы, а можетъ быть и Петербурга, не худо бы было постараться открыть истинную причину того страшнаго развитія коммунизма въ школахъ, которое положило начало открытымъ клубамъ. Болѣзни не вылечишь, не узнавъ ея причины. Позволяю себѣ сообщить вамъ свое мнѣніе. Во время оно въ Россіи преобладало семейное воспитаніе. Правительство, усомнившись въ просвѣщеніи молодыхъ дворянъ, положило имъ экзамены, такъ называемые комитетскіе. Видя злоупотребленіе этихъ экзаменовъ (вѣроятно единственное злоупотребленіе во всей Россіи), оно отмѣнило ихъ и потребовало ото всѣхъ университетскаго курса. Семейное воспитаніе было стѣснено, но не совсѣмъ еще уничтожено: для студента оставалась возможность оставаться еще при семьѣ своей, или примыкать къ чужой семьѣ. Наконецъ, оподозрѣны и университеты, и свобода воспитанія: всѣ привилегіи—всѣ мѣста по службѣ предоставлены замкнутымъ школамъ. Дѣти чуть чуть не изъ пеленокъ переданы въ казармы общественнаго воспитанія; дѣти оторваны окончательно и на всегда отъ заподозрѣнной семьи, отъ привычекъ и отъ святости семейной жизни; семьѣ объявлено во всеуслышаніе, что она недостойна правительственнаго довѣрія и что образованіе слугъ правительственныхъ можетъ совершаться благонадежно только въ фаланстеріальномъ устройствѣ замкнутыхъ школъ; премія дана коммунистическому началу, и сильнѣйшій оплотъ противъ него уничтоженъ. Дальнѣйшій выводъ сдѣлаете вы сами, ваше сердце и вашъ разумъ; но даю вамъ слово, что сынъ мой (если Богъ дастъ ему жизнь) не будетъ лишенъ семьи, хотя бы ему пришлось отказаться отъ всякой

---

*) Такъ называемая исторія Петрашевскаго.

службы государственной. Этого требуетъ отъ меня совѣсть, этого требуютъ начала Русской жизни, которыхъ корень въ семьѣ.

Простите мнѣ неприличную и непривычную для меня серьозность тона: я рѣдко впадаю въ этотъ грѣхъ; да ужъ видно время такое.

Мая 16 д. 1849 (Москва).

3.

Повидимому, мнѣ-бы надобно приняться за перо, чтобы писать къ вамъ, графиня, съ краскою стыда на лицѣ и съ глубокими угрызеніями совѣсти въ сердцѣ, а я берусь за перо безъ стыда и безъ совѣсти. Вы слышали про мою глазную болѣзнь; вообразите, каково было бы вамъ удовольствіе, еслибъ я къ вамъ вздумалъ писать ранѣе, и вы получили бы отъ меня письмо, омоченное потокомъ горячихъ слезъ изъ болящихъ глазъ; а безъ этого никакъ бы не обошлось. Хоть я и родился въ день пророка Іереміи [1]), все-таки не считаю приличнымъ напоминать о себѣ плачемъ, или слезы свои выставлять на показъ; да и вообще онѣ не идутъ къ моему слогу и составили бы странную дисгармонію съ шуткою, безъ которой нельзя, по моему мнѣнію, ни говорить, ни писать. Какъ мнѣ достаточно благодарить васъ за всю вашу дружбу? Кажется, гдѣ-то въ Шекспирѣ говорится: «You will make me a bankrupt in gratitude» [2]). Лучше этого сказать не умѣю, хоть оно и поанглійски; а не знаю, прилично ли теперь говорить поанглійски. Я и за себя и за своихъ друзей (особенно Коссовича) въ страшномъ долгу благодарности у васъ; повѣрьте однако же, что сердце мое нисколько не чувствуетъ необходимости быть такимъ злостнымъ банкрутомъ.

Еще благодарю васъ, что вы даете намъ, т. е. мнѣ и домашнимъ, возможность показать сколько нибудь участія въ бѣдствіи нашей Сербской братіи [3]). Въ скоромъ времени надѣюсь вамъ доставить свою долю приношенія. Примите ее тогда не въ уплату долга или даже процентовъ, а какъ малую лепту, вносимую для дѣла, которое у насъ общее и въ которомъ исчезаетъ всякая разница между направленіями, не совсѣмъ согласными во многомъ. Прошу васъ также замѣтить, что я не даромъ прозванъ papa Grandet, и что слогъ мой сильно отзывается этимъ прозвищемъ. Однако же я долженъ еще оправдать Москву. Она не скупа на пожертвованія: еще прежде бѣдствій Сербскихъ, уже тому лѣтъ пять, послала она отъ себя утварь и книги церковныя въ церкви Далматскія и Сербскія [4]); но теперь дѣло совсѣмъ иное. Я не говорю уже о томъ, что всякое вольное движеніе въ пользу нашей Славянской братіи сдѣлалось невозмож-

[1]) 1 Мая 1804 года.

[2]) Вы сдѣлаете меня банкрутомъ въ благодарности.

[3]) Мадъяры (по свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ тогдашняго Русскаго посольства въ Вѣнѣ и по письмамъ священника М. Ѳ. Раевскаго) сожгли, раззорили и уничтожили передъ тѣмъ большинство православныхъ храмовъ въ Сремѣ и Банатѣ.

[4]) Эти вещи и утварь доставлялъ покойный Ѳ. В. Чижовъ.

нымъ при общемъ страхѣ передъ однимъ прозвищемъ славянофила; но прошу васъ замѣтить, что ваши дѣйствія въ Петербургѣ совершаются съ знаніемъ дѣла, нуждъ и путей къ вспоможенію имъ, такъ сказать, съ открытыми глазами; а здѣсь все дѣлается въ темнотѣ и съ глубокимъ сомнѣніемъ, слѣдовательно успѣхъ былъ невозможенъ. Теперь дѣло перемѣняется. Графъ Закревскій [1]) взялся за этотъ сборъ и слѣдовательно за купцовъ. Сборъ будетъ успѣшенъ: если общество въ Петербургѣ умѣло сочувствовать Сербамъ, Московское купечество будетъ имъ сострадать. Видите ли, графиня, что и тутъ, въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ, выходитъ недоразумѣніе между обычаемъ Сѣвернымъ и обычаемъ Московскимъ. У васъ общество многочисленно и сосредоточено; здѣсь оно все въ разбродѣ; купечество и мѣщанство сильнѣе такъ называемаго общества. Все это съютить въ одно общее дѣло невозможно въ гостиныхъ, и путь нуженъ совершенно иной. Открытый сборъ, открытое дѣло, и Москва отзовется. Въ Ростовѣ на ярмаркѣ дѣлается большой торгъ колоколами. Повѣренный отъ какаго нибудь бѣднаго прихода даетъ задатокъ за колоколъ и вывѣшиваетъ свою покупку на площади. Подъ колоколомъ блюдечко, подлѣ колокола сторожъ, объявляющій цѣну его и состояніе прихода. Въ блюдечко падаютъ гроши и гривенники, а иногда и тысячи рублей. За каждое приношеніе, будь оно грошъ или тысяча, колоколъ, слегка тронутый сторожемъ, отзывается благодарнымъ звономъ; съ утра до вечера звенитъ вся Ростовская площадь и часто частехонько приходъ получаетъ свой колоколъ даромъ, да еще и съ приплатою. Вотъ простые обычаи Московской земли. Пожалуста, не вините же ея, тогда когда она не отзывается на чужой обычай, котораго она и понять не можетъ. Быть можетъ, хотя я разумѣется этого не утверждаю, подобное же недоразумѣніе показываетъ намъ въ превратномъ видѣ и дѣйствія нашихъ Славянъ при-Дунайскихъ. Быть можетъ, Раячичъ по особеннымъ обстоятельствамъ не можетъ содѣйствовать такъ, какъ бы хотѣлъ, возстановленію церквей въ области, которая была временно отдана въ его управленіе; а Елачичъ можетъ дѣйствовать свободнѣе. Я это предположеніе выдаю только за предположеніе, самъ же въ душѣ гораздо болѣе склоненъ къ мірянину Хорвату-Католику [2]), который поднялъ славу и значеніе своего племени, чѣмъ къ духовному и православному Сербу, который постыднымъ образомъ принялъ санъ патріарха отъ милости инородца и иновѣрца. Душа у меня не лежитъ къ нему, но все таки боюсь быть несправедливымъ въ обвиненіи.

Глаза мои заставили перервать письмо на нѣсколько дней, но теперь я могу его снова продолжать, и вотъ опять вижу, что мнѣ надо оправдываться въ другомъ молчаніи моемъ. Правда, что А. Н. Поповъ писалъ мнѣ объ измѣненіяхъ, возможныхъ въ направленіи Русскаго воспитанія, и спрашивалъ моего мнѣнія; но или онъ неясно сказалъ, или я не понялъ, что этотъ вопросъ былъ не отъ него.

[1]) Тогдашній Московскій генералъ-губернаторъ.
[2]) Т. е. бану Елачичу.

Правду сказать, хотѣлось бы мнѣ выразить мысли свои объ этомъ важномъ дѣлѣ; но вижу какъ трудно поставить вопросъ въ ясности, не для другихъ только, а для самого себя, и какъ еще труднѣе отвѣчать на него удовлетворительно. Критика легка; легко въ подробностяхъ чувствовать и даже показать, что вотъ это не такъ, и то не хорошо и пр. и пр.; но когда хочешь дать себѣ отчетъ въ полной системѣ и построить ее на основаніяхъ разумныхъ и здравыхъ, тутъ вопросы раждаются за вопросами, сомнѣнія за сомнѣніями, и робѣешь приступить къ дѣлу. Вотъ опять наша Московская черта: мы такъ привыкли къ міру отвлеченностей, что всякое положительное требованіе ставитъ насъ почти въ тупикъ: мы тогда похожи на профессора механики, который славно судитъ о законахъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ и объ ихъ равновѣсіи; а толкни его въ воду, онъ готовъ тонуть, потому что не можетъ рѣшить, какое движеніе рукъ и ногъ согласнѣе съ правилами науки. Однакоже нечего дѣлать: вы приказываете, поплыву и черезъ нѣсколько времени пришлю вамъ свои мысли о воспитаніи. Сами тогда разсудите, добрался-ли я до берега или потонулъ на полъ-рѣкѣ. Все таки проза какъ-то еще возможнѣе поэзіи. Въ жизни все дробится на такія мелкія части, общество такъ разсыпается и пустѣетъ, что никакое вдохновеніе невозможно, кромѣ комическаго, а оно дается немногимъ, и теперь, какъ видите изъ «Банкрута» *), не изсякаетъ у насъ. Грустное явленіе эта комедія, но она имѣетъ свою утѣшительную сторону. Сильная сатира, рѣзкая комедія свидѣтельствуютъ еще о внутренней жизни, которая когда нибудь еще можетъ устроиться и развиться въ формахъ болѣе изящныхъ и благородныхъ. А покуда что? Вотъ что. Здѣсь есть молодой человѣкъ съ истиннымъ и даже великимъ дарованіемъ поэтическимъ, который впрочемъ ничего не пишетъ и сильно пьетъ. Ему друзья попрекали въ этомъ. «Эхъ братцы! Въ старину было два источника, живой и мертвой воды. Вы сами видите, что первый утраченъ. Не мѣшайте же мнѣ тянуть мертвую, покуда вы поищете живой воды». Плохая и горькая шутка, но въ ней есть своя доля истины. Пожалуй, вы попрекнете мнѣ въ грѣшномъ унынiи; а скажите по совѣсти, графиня, совсѣмъ ли вы свободны отъ этого грѣха, и дѣла Славянскія, послѣ нашей счастливой и блистательной войны, не наводятъ ли тѣни унынія на васъ? Оно, кажется, неизбѣжно; только воли ему давать не слѣдуетъ, и я не теряю надежды даже на себя. Какъ-то еще вѣрится, что еще когда нибудь опять отзовусь стихомъ на какое нибудь чувство или мысль, и если это будетъ, то много и много придется мнѣ васъ благодарить за то, что вы не позволяете мнѣ теперь разстаться навсегда съ поэзіею.

Рекомендую вамъ, если вы сами не видали еще или не замѣтили, рисунокъ въ Punch, Марта 23-го. Punch наказываетъ Англійскаго льва за то, что онъ обидѣлъ Греченка. Премилая карикатура и превеселая. Весело мнѣ, что Англичане протестуютъ противъ мерзостнаго грабежа, предписаннаго Пальмерстономъ. Не даромъ же люблю я

*) Комедія А. Н. Островскаго.

Англію. Но скажите пожалуста, неужели еще будутъ вѣшать пиратовъ; а если будутъ, неужели не повѣсятъ Паркера? [1]) Научите полюбить что нибудь...

Апрѣля 2-го д.
1850. Москва.

4.

Іюля 14 дня 1850 (Боучарово).

Вообразите себѣ, графиня, что Коссовичъ поручаетъ мнѣ выразить его благодарность вамъ, вашему батюшкѣ и вашей сестрицѣ, а того сообразить не можетъ, что я для своей собственной словъ не найду. Прошу васъ, примите невысказанную какъ будто—выраженную самымъ краснорѣчивымъ перомъ. Богъ помогъ вамъ въ добромъ дѣлѣ; я сказалъ бы, что Богъ и наградитъ; да, кажется, такое выраженіе не совсѣмъ вѣрно: для тѣхъ, которые дѣлаютъ добро съ такимъ добрыми намѣреніями и такъ просто, какъ графъ Дмитрій Николаевичъ и вы, самое добро ужъ есть награда.

. . . Знаете ли однако, что устроеніе дѣлъ Коссовича навело меня на мысль, можетъ быть, странную, но отъ которой я не вдругъ откажусь... Какъ нибудь, какими нибудь косвенными путями, выдетъ на повѣрку, что много добрыхъ сѣмянъ разовьется у нашей Южной братіи.

Какъ это будетъ? Какимъ образомъ? Разумѣется, угадывать невозможно, но по моему все таки должно быть. Прошу васъ быть увѣренною, что въ моихъ словахъ нѣтъ ни пустыхъ фразъ, ни преувеличеній, а простое, можетъ быть и не совсѣмъ разумное, но искреннее убѣжденіе. Жизнь народовъ, какъ и жизнь людей, строится не только не одними расчетами, но даже и не преимущественно расчетами. Чувства идутъ съ ними по крайней мѣрѣ наравнѣ, хотя разумѣется ихъ дѣйствія гораздо неуловимѣе. Думаю, что это правило особенно справедливо въ отношеніи къ Славянамъ.

Вы вѣрно пожалѣли объ Пилѣ, какъ и всѣ объ немъ жалѣютъ. Мнѣ жаль его, какъ великаго историческаго лица; жаль и какъ благороднаго покровителя благородной охоты конской и псовой, но въ тоже время весело и за него, и за Англію. Онъ умеръ оплаканный, и отечество его умѣетъ понимать свою потерю. Партіи, въ самомъ пылу спора и битвы, соединяются въ общемъ сожалѣніи, въ общемъ чувствѣ уваженія къ великому гражданину. Тутъ Англія внутренняя, которой нельзя не любить; въ бездушномъ Пальмерстонѣ, подло оправданномъ Нижнею (истинно, низкою) Палатою, Англія внѣшняя, которой нельзя любить. Скажите, нѣтъ ли такихъ земель, которымъ бы не мѣшало приберечь свои добродѣтели для внутренняго обихода? Разумѣется, я говорю это на счетъ Франціи, хоть Гишпаніи.

[1]) Бомбардировавшаго Пирейскую гавань.

Пишу къ вамъ въ землю Чухонскую [1]), а совершенно безъ досады, хотя мои болѣе строгіе пріятели подвергли меня эпитимьѣ за такое хладнокровіе. Я увѣренъ, что такія посѣщенія какъ ваши въ Чухонскую землю небезполезны. Это нравственное завоеваніе, которому легче поддаются люди, чѣмъ насильственному. Пусть бѣдный Латышъ видитъ, что Русскій человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ поставленъ высоко, сохраняетъ тѣ человѣческія чувства, которыхъ Нѣмецъ ему не показывалъ никогда. Да и чтоже? У васъ море и рощи, и говорятъ прекрасные виды. Гдѣ же лѣтомъ лучше? На дачахъ около Питера? Не таже ли Чухна, только съ полусибирскою природою? Надѣюсь, что вы не заподозрите никакой вражды къ Петербургу: это просто правда. Въ Москвѣ или подъ Москвою? Москва, разумѣется, лѣтомъ невозможна. Сады взяты подъ казенныя заведенія, и осталось только гулянье, что̀ въ тѣни домовъ и заборовъ, по кирпичнымъ тротуарамъ; да на Прѣсненскихъ прудахъ, которые только потому и могутъ называться цвѣтущимъ гуляньемъ, что цвѣтутъ нестерпимо. Подъ Москвою было бы и недурно; мѣста премилыя, да вопервыхъ, дороги непроходимыя, вовторыхъ, какъ бы намъ Москвичамъ ни весело было избавлять дорогихъ гостей отъ скуки болѣе или менѣе неизбѣжной, насъ самихъ всѣхъ лѣто разгоняетъ, и подмосковныя дѣлаются нѣсколько пустынными. За то будущій годъ будетъ исключеніемъ, и мы васъ отъ души зовемъ и ждемъ [2]).

5.

Получили ли вы, графиня, работу, сдѣланную по вашему приказанію и довольны-ли вы ею? По крайней мѣрѣ яснѣе ли она и понятнѣе-ли моей печатной прозы? Я очень желалъ бы, чтобъ вы были ею сколько нибудь довольны, не потому, чтобы я ждалъ отъ нея пользы, а просто для того, что мнѣ хотѣлось бы имѣть ваше одобреніе и доброе мнѣніе вашего батюшки о моихъ мнѣніяхъ по этому важному предмету. Съ другой стороны, я нисколько не удивлюсь, если вы и совершенно будете недовольны изложеніемъ моихъ мыслей. [3]) Я старался совершенно отстранять отвлеченности, привычную мнѣ неясность и то, что̀ вы называете во мнѣ Нѣмчизною; а человѣку рѣдко удается разомъ вырваться изъ своихъ привычекъ и перемѣнить складъ своихъ мыслей и своего языка. Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что вы откровенно скажете свое мнѣніе.

---

[1]) Блудовы проводили лѣто этого года въ Ревелѣ, гдѣ тогда былъ губернаторомъ Бенкендорфъ, вопреки мнѣнію Хомякова, человѣкъ отмѣнно добрый и привѣтливый къ простолюдинамъ.

[2]) На празднество двадцатипятилѣтія царствованія Николая Павловича.

[3]) Относится къ запискѣ Хомякова объ общественномъ воспитаніи въ Россіи, появившейся въ свѣтъ почти вполнѣ лишь въ первомъ выпускѣ Русскаго Архива нынѣшняго года. Печатая ее, мы не знали этихъ писемъ и ошибочно отнесли ее ко времени позднѣйшему. Она была написана по вызову графини А. Д. Блудовой, которую просилъ о томъ Я. И. Ростовцовъ. П. Б.

Чудное было у насъ лѣто, правда не для хозяевъ, которые остались безъ хлѣба для людей и безъ корма для скота, и называютъ годъ гибельнымъ, но для праздношатающихся любителей природы, охотниковъ до прогулки, до лѣсныхъ тѣней и прочихъ сельскихъ увеселеній и красотъ. Мнѣ бы слѣдовало, какъ хозяину, сердиться и бранить нынѣшній годъ; но способность праздношатанья сильнѣе во мнѣ, чѣмъ голосъ хозяйственнаго разсчета, и свойственное мнѣ, какъ père Grandet [1]), корыстолюбіе. Я не могу безъ удовольствія вспоминать нынѣшнее лѣто: такая была теплота, такой воздухъ, такіе чудные вечера, такія прозрачныя и свѣтлыя и мягкія ночи. Еслибы я еще могъ писать стихи, то написалъ бы непремѣнно; но нѣтъ, ничѣмъ не удалось мнѣ остановить хоть для себя память этого лѣта, кромѣ одного дѣла полувходящаго въ кругъ хозяйственный, полувыходящаго изъ него. Впрочемъ это дѣло для меня утѣшительнѣе всѣхъ стиховъ и, надѣюсь, будетъ помниться многими. Мнѣ удалось въ одной деревнѣ сдѣлать съ крестьянами добровольную ряду на всегда. Сцена стоила бы описанія, еслибы я вообще не думалъ, что всѣ эти описанія никуда не годятся, да сверхъ того жизнь портятъ, пріучая людей обращать въ сцену лучшія минуты ихъ дѣятельности. Обстановка была очень простая: голыя стѣны просторной избы, да образъ въ углу. Но серіозность или, лучше сказать, разумная торжественность, съ которою крестьяне приступали къ дѣлу, искренность съ ихъ стороны и благодарность, съ которою они встрѣчали искренность во мнѣ, оставили во мнѣ глубокое впечатлѣніе, хоть я совсѣмъ не принадлежу къ разряду людей чувствительныхъ. Разумѣется, что papa Grandet не забылъ своихъ выгодъ, а за всѣмъ тѣмъ крестьяне двухъ другихъ деревень просятъ такой же сдѣлки (въ одной уже въ главныхъ условіяхъ мы сошлись), а сосѣдніе помѣщики бранятъ меня на пропалую: такъ дорогъ человѣку произволъ и такъ досадно видѣть, что другой рѣшается отъ него отказаться. За всѣмъ тѣмъ, я имѣю нѣкоторыя причины думать, что примѣръ останется не совсѣмъ безъ послѣдователей. Многаго вдругъ сдѣлать нельзя, и время наше таково, что добрымъ людямъ остается только одно правило: «Не угашайте духа».

Отъ Коссовича я часто получаю письма, всѣ полны благодарности и радости [2]). Онъ совершенно счастливъ, и въ его счастіи примѣшивается только одна досада, и та относится болѣе ко мнѣ, чѣмъ къ нему. Ему обѣщанъ, какъ вамъ извѣстно, отпускъ въ Англію, но все еще отсрочивается, и онъ боится не безъ причины, что опоздаетъ заказать модель моей паровой машины къ выставкѣ и взять на

---

[1]) Скупецъ въ одномъ романѣ Бальзака.

[2]) Знаменитый Санскритологъ нашъ Каэтанъ Андреевичъ Коссовичъ, черезъ посредство графа Д. Н. Блудова, получилъ въ это время должность редактора ученыхъ работъ при Императорской Публичной Библіотекѣ, бывъ передъ тѣмъ преподавателемъ Греческаго языка во 2-й Московской Гимназіи.

нее патентъ. Впрочемъ, не знаю, слыхали-ли вы объ этой затѣѣ моей. Въ ней столько сумазбродства, что ее почти можно назвать поэтическою. Я хочу перемѣнить систему всѣхъ паровыхъ машинъ и надѣюсь на успѣхъ, потому что я совсѣмъ не механикъ, а за патентомъ посылаю Коссовича, потому что онъ не знаетъ ни механики, ни дѣлъ никакихъ, кромѣ Санскритскаго языка, а съ Англичанами долженъ объясняться смѣсью Санскритскаго съ древне-Саксонскимъ. Не знаю только, не опоздаетъ ли онъ. Какъ вамъ покажется вся эта затѣя моя?

Ноября 19-го дня
(1850, Боучарово).

6.

Нынче въ Москвѣ прошелъ слухъ, кажется несомнѣнный. Судьбы Божіи неисповѣдимы и неотразимы. Есть человѣкъ, Котораго сердце исполнено теперь глубочайшей скорби и невольнаго страха передъ великимъ служеніемъ, на которое Онъ призванъ. Дай Богъ, чтобы нашлись люди, которые бы съумѣли Ему сказать слово отрады; дай Богъ, чтобы Его успокоили. Пусть только вѣритъ Онъ Россіи: она никогда не выдавала, никогда не выдастъ своего Государя. Будутъ мундирныя, будутъ форменныя молитвы; но, не дожидая ихъ, нынче ночью уже десятки, сотни, тысячи станутъ на колѣни въ своихъ домахъ и помолятся невидимо и неслышно, но усердно и тепло за Него, за Его счастіе и крѣпость въ подвигѣ жизни *). Не думаю, чтобъ такія молитвы были безплодны.

Суббота, полночь. 19 Февраля 1855 (Москва).

7.

Матушка передала мнѣ вашъ добрый и милый совѣтъ побывать въ Пальмирѣ Сѣвера, и что грѣха таить? Признаюсь, многое множество разныхъ чувствъ заговорили во мнѣ, все подговаривая на эту поѣздку. Да не выходитъ! Мнѣ ужъ суждено сидѣть сиднемъ въ своемъ уголкѣ. Вотъ ужъ болѣе трехъ лѣтъ, какъ я отказался вовсе отъ свѣта и одинаково отъ его удовольствій, какъ и отъ его требованій. Зипунъ по буднямъ и долгополое пальто по праздникамъ право не Петербургскій нарядъ. Вамъ все это незамѣтно; но намъ это очень замѣтно. П-бургъ городъ свѣтскій по преимуществу, и нѣтъ никакой возможности соваться въ него съ своимъ уставомъ. Это было-бъ крайнимъ неприличіемъ, а я также мало желаю поступать неприлично, какъ твердо положилъ себѣ не отступать отъ своего устава. Я старикъ, отказавшійся отъ свѣта, хотя разумѣется

---

*) Слова эти напоминаютъ собою стихи, написанные Хомяковымъ въ Августѣ слѣдующаго года:

И дастъ Всевышній даръ познанья
И ясность мысленнымъ очамъ,
И въ сердце крѣпость упованья,
Несокрушимую бѣдамъ.

нисколько не отказавшійся отъ жизни общественной; но этого никто не обязанъ признавать, а мнѣ нѣтъ никакой охоты выставлять себя странникомъ. Видите, что мнѣ въ П-бургъ не дорога, какъ бы ни хотѣлось повидаться съ тѣми, кого въ П-бургѣ люблю. Вѣрьте мнѣ, что если желаніе мое побесѣдовать съ друзьями не можетъ меня заставить отказаться отъ того образа жизни, который мною выбранъ, или лучше сказать, который единственно мнѣ возможенъ, меня также не заставитъ измѣнить своего намѣренія желаніе видѣть или показать дѣтямъ непріятельскій флотъ передъ Кронштадтомъ. Положимъ, что видъ и хорошъ; но онъ хорошъ только для тѣхъ, кто можетъ стать на батарею съ фитилемъ въ рукахъ. Мнѣ нельзя, Митѣ не слѣдуетъ смотрѣть на это съ равнодушнымъ любопытствомъ; вѣдь все таки это оскорбленіе. Даже на сраженіе, чѣмъ бы оно ни кончилось, я не хотѣлъ бы глядѣть. Для сражающихся оно подвигъ, для зрителей оно гладіаторской бой. Впрочемъ, кажется вы немножко дипломатически поступили, и флотъ выставили болѣе, какъ предлогъ, чѣмъ какъ настоящую причину; повѣрьте, что мнѣ и безъ всякихъ предлоговъ искренно хотѣлось бы побывать въ П-бургѣ и видѣться съ вами, и нелегко мнѣ отказаться отъ этого удовольствія.

Здѣсь сильные слухи о мирѣ. Дай Богъ въ добрый часъ! Испорченнаго не поправишь, и теперь можно только желать подешевле отдѣлаться, въ надеждѣ со временемъ поправиться. Если мы поняли свои ошибки и твердо рѣшились идти по новымъ болѣе естественнымъ путямъ, не трудно будетъ намъ воротить съ лихвою то, что теперь потеряемъ вслѣдствіе цѣлаго ряда ошибокъ или, лучше сказать, вслѣдствіе ошибочной системы, какъ дипломатической, такъ и внутренней политики.

Но о прошломъ говорить нечего. Оно должно служить урокомъ, а не предметомъ какихъ бы то ни было укорительныхъ и праздныхъ пересудовъ. На будущее всѣ смотрятъ съ надеждою: это чувство общее.

У насъ какъ всегда тишь и гладь; что у насъ ново, то у васъ уже старо, а своего новаго ничего не имѣемъ, кромѣ торжественнаго въѣзда, устроеннаго оберъ-полицемейстеромъ генералъ-губернатору. Просто, говорить не о чемъ. Ждемъ вѣстей изъ Севастополя, ждемъ вѣстей изъ Петербурга, и только; а между тѣмъ я собираюсь завтра въ путь-дорогу на Тульскіе выборы по ополченію съ горькимъ чувствомъ, что мнѣ въ немъ участвовать нельзя.

14 Марта 1855 (Москва).

Къ письмамъ Хомякова.

Въ 1849 году я въ первый разъ познакомилась лично съ А. С. Хомяковымъ, хотя около года или двухъ передъ тѣмъ черезъ сестру мою получила отъ него книжечку, первое изданіе его стихотвореній, и это было поводомъ къ первой съ нимъ перепискѣ. 1849 годъ былъ временемъ знаменательнымъ. Среди волненій и ломки политической по всей Европѣ, среди какаго-то наитія духа злобы, рѣзни и насилія, одна Россія стояла тверда и спокойна, а Славяне въ Австріи явились единственною опорою государства въ своей совокупности, единственно-вѣрными присягѣ защитниками мирнаго политическаго развитія своей угнетенной народности, подъ главнымъ предводительствомъ бана Хорватскаго Елачича. Это было первое проявленіе той борьбы юго-восточнаго, загнаннаго, христіанскаго духа противъ такъ называемой Западной цивилизаціи, борьбы, тогда почти безсознательной, которая теперь принимаетъ всемірное значеніе.

Въ это время мы пріѣхали въ Москву; я—въ первый разъ. Батюшка былъ въ числѣ приглашенныхъ покойнымъ Государемъ на освященіе новаго дворца въ Кремлѣ. Поручая ему постоянно литературно-историческія работы и розысканія, которыми самъ очень дорожилъ, Государь хотѣлъ и въ эту знаменательную историческую минуту имѣть его при себѣ и дать отцу моему радость пережить съ нимъ эту минуту. Мы остановились въ красивомъ домѣ на Малой Дмитровкѣ, у гостепріимнаго Москвича, роднаго племянника батюшки, Павла Петровича Писемскаго, и я прямо очутилась въ средѣ для меня новой, но душевно-близкой, средѣ тогдашняго блистательнаго круга Московскихъ умственныхъ знаменитостей изъ разныхъ литературныхъ партій, сходившихся мирно и дружелюбно у насъ.

Изъ нихъ Хомяковъ былъ блистательнѣйшій. Впечатлѣніе это оставалось у меня всегда одинаковое, какъ въ первые дни, такъ и во всѣ послѣдующіе годы знакомства и дружбы. Вотъ что я писала о немъ Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ:

«Nous voyons beaucoup Хомяковъ, dont la verve et l'esprit sont vraiment incomparables. C'est un feu d'artifice continu, et cependant il y a toujours quelque bonne et profonde pensée qui éclate au milieu de tout ce feu et de toutes ces paillettes et qui reste dans la mémoire ou dans le coeur, comme il arrive quelquefois qu'une étoile semble se mêler aux chandelles romaines et en faire partie, jusqu'à ce que, la fête finie, on la voie se détacher seule sur l'obscurité de ciel et y briller pûre et limpide dans son éternelle clarté» *).

---

*) Мы часто видаемъ Хомякова. Его вдохновеніе и умъ по истинѣ несравненны: точно безпрерывные потѣшные огни. И тѣмъ не менѣе всякій разъ, посреди всей этой сверкающей блестками игры, свѣтитъ какая нибудь добрая и глубокая мысль, которая остается у васъ въ памяти и въ сердцѣ. Такъ иногда, глядя на фейерверкъ, не различишь настоящей звѣзды отъ взвивающихся ракетъ, пока праздникъ кончится, и звѣзда явственно обозначится на темномъ небѣ, чистая и свѣтлая, въ вѣчномъ своемъ блистаніи.

Это же впечатлѣніе повторилось для меня и при горестномъ извѣстіи о его кончинѣ, о которой я также узнала отъ В. К. Елены Павловны. Онъ такъ свѣтло, такъ быстро, такъ неожиданно оставилъ міръ нашъ, что первый порывъ горя невольно выразился для меня въ словахъ народныхъ: «Скатилась звѣзда поднебесная». Скатилась, пока мы еще любовались и гордились ея чистымъ свѣтомъ на нашемъ небосклонѣ, и мы не успѣли прослѣдить за нею, когда она скатилась, и къ прискорбію многіе и не замѣтили покинутаго ею мѣста. А такихъ чистыхъ, свѣтлыхъ звѣздъ какъ мало на нашемъ Русскомъ небѣ! Надобно жалѣть тѣхъ, которые этого не видятъ; но для насъ, столько лѣтъ радовавшихся этой великой христіанской мысли—куда какъ грустно и тяжело!

Освященіе дворца было на самую Пасху, и тогда Хомяковъ написалъ свои прекрасные стихи: «Воскресный колоколъ».

Въ безмолвіи, подъ ризою ночною,
Москва ждала, и часъ святой насталъ;
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь гудя затрепеталъ.
Пѣвучіе, серебрянные громы
Сказали вѣсть святаго торжества,
И слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тотъ же онъ: ни нашего волненія,
Ни суетно-торжествеенныхъ заботъ
Не знаетъ онъ и, вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты одну намъ пѣснь поетъ:
Свободы пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!

Онъ ихъ привезъ къ намъ тотчасъ же и прочиталъ съ глубокимъ умиленіемъ послѣдніе два стиха:

Хоть вспомнили ль что это слово—«братья»
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй!

Я ему сказала: «Я не совсѣмъ съ вами согласна; есть слово святѣе «брата».—«Слово отецъ», перебилъ Хомяковъ,—«но оно почти неземное слово».

Изъ записной книжки 1860 года.

Антонина Блудова.

На взятіе Варшавы.

(1831).

Стихотвореніе Ѳ. И. Тютчева.

Лѣтніе мѣсяцы 1831 года принадлежали къ тяжкимъ эпохамъ новѣйшей Русской исторіи. Шла ожесточенная борьба на западной окраинѣ, внутри Россіи свирѣпствовала холера.

Война, и моръ,
И бунтъ, и внѣшнихъ бурь напоръ,
Ее, бѣснуясь, потрясали....

Покойный графъ Е. Е. Комаровскій разсказывалъ, что въ это время однажды встрѣтилъ онъ Пушкина на прогулкѣ, задумчиваго и тревожнаго.—«Отчего не веселы, Александръ Сергѣевичъ?»—«Да все газеты читаю?»—«Что жъ такое?» — «Развѣ вы не понимаете, что теперь время чуть ли не столь же грозное, какъ въ 1812 году!» Дѣйствительно, за Поляками стояла противъ насъ вся Европа, завистливая и злорадная, на тотъ разъ подъ водительствомъ Франціи; а про ближайшихъ сосѣдей, повидимому помогавшихъ Россіи, можно было сказать: «ихъ дружество почти на ненависть похоже». Русская стойкость одолѣла, и Варшава сдалась 26 Августа 1831 года. Любопытно сравнить, какъ отнеслись къ этому великому событію представители Русской поэзіи. Стихотворенія Пушкина («Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская Годовщина») и Жуковскаго («Старая пѣсня на новый ладъ» и «Русская Слава») общеизвѣстны. Оба поэта находились въ Петербургѣ, и произведенія ихъ были немедленно обнародованы. Тогда же отозвался изъ Тульской деревни молодой Хомяковъ, уже ясно сознававшій значеніе событія и угадавшій виновниковъ его:

Потомства тягостнымъ проклятьемъ
Да будетъ преданъ тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!...
Гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесъ,
Орлы Славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ Сѣвернымъ орломъ.

Эти стихи появились въ свѣтъ лишь въ 1861 году.

Сверстникъ Хомякова, Ѳ. И. Тютчевъ находился въ это время въ далекомъ Мюнхенѣ и написалъ на взятіе Варшавы слѣдующіе стихи, извлекаемые лишь теперь изъ его забытыхъ тетрадей, между тѣмъ какъ въ стихахъ этихъ съ поразительною ясностью сознанія высказаны тѣ чувства, которыя въ сущности одушевляли и Государя Николая Павловича, и всѣхъ истинно-Русскихъ людей въ тогдашнюю войну. *П. Б.*

На взятіе Варшавы.

Какъ дочь родную на закланье
Агамемнонъ богамъ принесъ,
Прося попутныхъ бурь дыханья
У негодующихъ небесъ:
Такъ мы надъ горестной Варшавой
Ударъ свершили роковой,
Да купимъ сей цѣной кровавой
Россіи цѣлость и покой.

*
* *

....Нѣтъ, насъ одушевляло къ бою
Не чревобѣсіе меча,
Не звѣрство Янычаръ ручное
И не покорность палача!

*
* *

Другая мысль, другая вѣра
У Русскихъ билася въ груди:
Грозой спасительной примѣра
Державы цѣлость соблюсти;
Славянъ родныя поколѣнья
Подъ знамя Русское собрать
И весть на подвигъ просвѣщенья
Единомысленную рать.

*
* *

И это высшее сознанье
Вело нашъ доблестный народъ;
Путей небесныхъ оправданье
Онъ смѣло на себя беретъ.
Онъ чуетъ надъ своей главою
Звѣзду въ незримой высотѣ,
И неуклонно за звѣздою
Идетъ къ таинственной метѣ.

*
* *

Ты-жъ, братскою стрѣлой пронзенный,
Судебъ свершая приговоръ,
Ты палъ, орелъ одноплеменный,
На очистительный костеръ!
Вѣрь слову Русскаго народа:
Твой пеплъ мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ Фениксъ, возродится въ немъ!

Любопытно, что на рукописи Хомяковскаго стихотворенія, изъ котораго выше приведенъ отрывокъ, въ видѣ эпиграфа, находятся слова Государя Николая Павловича: «Прошу васъ Поляковъ не ненавидѣть». Кстати замѣтить, что перевоспитаніе Польскаго общества принадлежало къ числу самыхъ горячихъ сердечныхъ заботъ покойнаго Государя. *П. Б.*

Изъ письма князя П. А. Вяземскаго къ великому князю Михаилу Павловичу по поводу кончины Пушкина.

(1837).

Печатается съ черноваго подлинника. Великій князь Михаилъ Павловичъ лечился тогда въ Баденъ-Баденѣ. Убійца Пушкина, Дантесъ-Гекернъ, уволенный изъ кавалергардовъ и съ отобраніемъ офицерскихъ патентовъ высланный за границу, поѣхалъ также въ Баденъ-Баденъ. Въ Петербургѣ онъ промышлялъ балагурствомъ и шутовствомъ, и его острыми словами потѣшалось Петербургское высшее общество. Въ Баденъ-Баденѣ Дантесъ подстерегъ великаго князя гдѣ-то на прогулкѣ и, выскочивъ изъ за деревьевъ, сдѣлалъ ему на караулъ попетербургски. Разумѣется, великій князь съ негодованіемъ отвернулся отъ него. Въ то время, къ которому относится печатаемое письмо, князь Вяземскій изъ лицъ царскаго семейства былъ наиболѣе извѣстенъ великому князю Михаилу Павловичу и многократно пользовался его бесѣдою. Какъ извѣстно, великій князь былъ человѣкъ души возвышенной и благороднѣйшей. Къ нему обратился князь Вяземскій за обороною отъ навѣтовъ и подозрѣній, которыя тяготѣли надъ нимъ съ самаго 1820 года и особенно усилились по поводу кончины Пушкина, когда недоброжелатели не скрывали надежды найти въ забранныхъ бумагахъ сего послѣдняго слѣды и улики участія князя Вяземскаго въ дѣлѣ тайныхъ обществъ и 14-го Декабря! Вмѣсто того оказалось, что князь Вяземскій, подобно Карамзину и Жуковскому, въ письмахъ своихъ къ Пушкину, старался успокоивать его негодованіе и направлять на путь мирнаго, умственнаго и художественнаго развитія. Это видно по его письмамъ къ Пушкину, имѣющимъ появиться въ Русскомъ Архивѣ. Но Булгаринъ и его Сѣверная Пчела, находившіеся подъ особымъ покровительствомъ гр. Бенкендорфа, не могли и не умѣли простить князю Вяземскому его самостоятельности и во всѣхъ отношеніяхъ благороднаго положенія. Внушенія и клеветы, конечно, исходили между прочимъ и съ этой стороны, хотя князь Вяземскій и не захотѣлъ упомянуть о томъ въ своей апологіи. Кто помнитъ тогдашнія обстоятельства (кончину Дельвига, уничтоженіе Телескопа и Московскаго Телеграфа, монополію Сѣверной Пчелы), тотъ долженъ согласиться, что письмо князя Вяземскаго (лишь черезъ 42 года нынѣ оглашаемое) было своего рода подвигомъ и заслугою передъ собратьями-писателями. *П. Б.*

La mort de Pouschkin n'aurait du me laisser que de profonds et pénibles regrets. Je perdais en lui un ami. Nous tous perdions notre plus belle gloire littéraire, une de ces sommités intellectuelles de l'époque que tout homme véritablement dévoué à son pays cite avec amour et orgueil au respect des étrangers. Je pleurais cette mort non seulement comme un chagrin intime, mais aussi comme une calamité pu-

blique. Au moment où je m'y attendais le moins, cette douleur, si juste, si naturelle, a été traversée, flétrie, envenimée par des désagrémens d'une toute autre nature. Les atteintes portées à mon honneur, atteintes qu'en d'autres circonstances j'aurais peut-être supporté avec résignation (tant je suis rompu aux traits de la malveillance et de la calomnie la plus absurde) avaient dans les circonstances présentes quelque chose de si odieux, de si contraire à tout ce que je ressentais et j'éprouvais que j'en ai du être profondément indigné et révolté. C'est le cri de mon indignation que je révèle ici. Je commence par déclarer sur ma conscience et devant Dieu, si le jugement des hommes me fait défaut, que toutes les arrière-pensées, toutes les intentions qui m'ont été imputées, tous les faits et propos qui m'ont été prêtés à cette occasion, sont faux, de la plus insigne fausseté. Dans ces jours de douleur mortelle pour moi, où je veillais Pouschkin mourant et plus tard le cercueil où il fut déposé, aucun autre sentiment n'est venu me distraire, pour un instant, de mon affliction que celui de l'admiration et de la reconnaissance pour les belles et sublimes inspirations de l'Empereur, qui a adouci la cruelle agonie de Pouschkin et a consolidé le bien-être et l'avenir de sa famille. J'ai été témoin de la profonde impression qu'a faite sur lui le message de l'Empereur, qui a été positivement l'ange-consolateur de ses derniers moments. Son attachement pour sa femme et sa reconnaissance pour le Souverain ont été les derniers sentiments qui ayent fait battre ce coeur brisé et s'éteignant dans les souffrances. Comme ami de Pouschkin, pouvais-je ne pas sympathiser de toutes les puissances de mon âme avec celui, qui d'un mouvement spontané, n'écoutant que les généreuses inspirations de son coeur, s'était empressé de lui adresser sur son lit de mort des paroles de paix, de pardon, de consolation, de charité chrétienne, qui, plein d'une touchante anxiété, veillait aussi de son côté et attendait pendant la nuit le retour du médecin pour connaître le résultat de son message! Comme Russe, comme homme de lettres, pouvais-je ne pas apprécier et bénir du fond de l'âme l'auguste hommage que le Souverain rendait au talent dans la personne de Pouschkin! Etait-ce à moi à oublier que c'était le second lit de mort d'un homme de lettres et cher à mon coeur que l'Empereur honorait de sa douleur et sur lequel se réfléchissait avec tant d'éclat et de munificence l'auréole sacrée de sa puissance souveraine et nationale? Toutes mes sympathies les plus intimes se fondaient avec amour et reconnaissance avec la sympathie que venait d'exprimer l'Empereur. Cette manifestation du Souverain pouvait déplaire à ceux qui n'aimaient pas Pouschkin et étaient incapables d'apprécier son talent. Elle pouvait contrarier les intérêts d'une certaine coterie, qui fait bande à part dans la nation et devait être jalouse des témoignages d'estime que le Souverain décernait du haut de son trône, non au rang, mais au talent, non à

l'homme qui avait brigué la faveur, mais l'avait obtenu de celui à qui aucune gloire nationale n'est étrangère: car elles se réfléchissent toutes en lui et prospèrent à l'ombre de sa protection. De ma part, il y aurait eu démence ou scéleratesse à nourrir quelque ressentiment hostile au pouvoir, si j'en eusse même été susceptible, au moment où ce pouvoir se révèlait à moi et à la Russie entière dans toute la pureté de sa splendeur et de sa magnanimité. Je puis citer à l'appui de ce que j'avance des lettres que j'ai écrites sous l'inspiration du moment et qui font foi de mes convictions. Il s'est trouvé cependant des gens qui m'ont prêté cette démence et cette scéleratesse.

Récapitulons les faits; ils se réfuteront d'eux-mêmes.

On a dit qu'on voulait à l'occasion de la mort de Pouschkin remuer les passions populaires, lui faire une espèce d'apothéose politique, donner à cet effet une splendeur inaccoutumée à ses funérailles etc. etc. etc.

On a dit que ce n'était pas l'ami et le poête qu'on pleurait en Pouschkin, mais le personnage politique, le libéral, le chef de l'opposition etc. etc. etc.

On a prêté à ses amis des propos hostiles, séditieux etc. etc.

Sans trop de vanité, j'ai lieu de croire qu'on m'a fait les honneurs du premier rôle dans ce drame improvisé, mais cependant fait à loisir. Je vais donc faire un récit de ce qui me regarde personnellement dans toute cette affaire. Je n'ai pas assisté aux tout-derniers moments de Pouschkin. Des devoirs de service m'appelaient à mon département. Quand je revins, il n'était plus. J'appris alors qu'on n'avait trouvé que 300 roubles à la maison, que le comte Strogonoff, en qualité de parent de m-me Pouschkin, s'était chargé des frais de l'enterrement, avait immédiatement fait venir son homme d'affaires et lui avait donné les ordres nécessaires pour toutes les dispositions à prendre. Mes relations avec le comte ne sont pas de nature à me permettre, même si j'en eusse eu l'envie, d'intervenir le moins du monde dans ces dispositions. De quel droit eus-je pu m'en mêler, et d'ailleurs qu'avais-je à y dire? Si le comte a voulu donner à cet enterrement une certaine splendeur, il est tout naturel, qu'en en faisant les frais, il tint à être généreux et même prodigue. En tout cas, quoiqu'il en soit, je n'y ai pris positivement aucune part, et je ne sache pas, que quelqu'un ait eu la moindre influence directe ou indirecte sur les mesures arrétées par le comte Strogonoff. C'est lui qui donnait l'argent, et l'intention d'en régler et déterminer la dépense pouvait elle entrer dans la tête de tout homme raisonnable? Il est bon d'observer ici que l'interprétation qu'on a voulu donner au choix de la cathédrale d'Isaac pour célébrer la messe de mort, est tout à fait dénuée de fondement et n'a pu être conçue que dans une préoccupation d'esprit toute particulière, qui faisait oublier que les cathédrales de Pétersbourg sont des paroisses, comme toutes les autres églises. La maison qu'habitait Pouschkin

relèvait de la paroisse d'Isaac, et l'on ne pouvait faire autrement que choisir cette église. On eut fait la même chose pour le dernier des mendiants domiciliés dans le même quartier. Quand le métropolitain, invité par le comte Strogonoff, se refusa à venir assister à la cérémonie funèbre, et ce dernier me fit part du mécontentement que ce refus lui causait et qu'il regardait comme illégal, je donnais l'avis de s'adresser au comte Protassoff, qui, en qualité de procureur du S-t Synode, pouvait éclaircir les motifs de ce refus et offrir son intercession pour écarter les obstacles, si la chose était possible. C'est le seul avis, le seul mot que j'aye eu lieu de placer relativement à cette affaire.

Pouschkin a été revêtu d'un frac et non de l'uniforme pour être déposé au cercueil. On a voulu y voir l'expression d'une arrière-pensée politique et séditieuse, et c'est à moi qu'on l'a attribuée. J'ai dit plus haut que j'avais été entièrement étranger à toutes les mesures qui ont été prises et j'en ai expliqué les motifs. Pour n'avoir pas l'air de me dédire non seulement d'un fait, mais même d'une idée, j'avouerai franchement que si j'avais été appelé à décider du cas présent, j'aurais opiné pour le frac. Je conçois qu'un grand dignitaire, un administrateur mort à son poste soit revêtu de l'uniforme, qui est pour ainsi dire inhérent au caractère public et officiel que l'homme a porté durant sa vie; mais pour tout autre, pour un homme de lettre par exemple, comme l'était Pouschkin, je trouve cet usage puéril et inconvenant. Dailleurs il faut l'avouer, Pouschkin n'aimait pas cet uniforme. Et les contrariétés de la vie ne peuvent-elles pas du moins être impunément déposées au seuil du tombeau? Ce que Pouschkin n'aimait pas en cet uniforme ce n'était pas le service de la cour, mais l'uniforme de gentil-homme de la chambre. Malgré mon amitié pour lui, je ne cacherai pas qu'il était vain et mondain. Outre la reconnaissance et le dévouement qu'il portait sincérement à la personne de l'Empereur, il était sensible à la faveur et aux distinctions. La clef de chambellan eut été une distinction qu'il aurait apprécié, mais il lui paraissait inconvenant qu'à son âge, au milieu de sa carrière, on l'eut fait gentil-homme de la chambre à l'instar des adolescents et des débutants dans la société. Voilà toute la vérité sur le fait de ses préventions contre l'uniforme. Ce n'était ni de l'opposition, ni du libéralisme: c'était de la vanité et de la susceptibilité personnelle. En tout cas, je le répète, toutes les dispositions relatives à l'enterrement regardaient la famille, et personne de nous n'avait aucun ordre à donner.

La mort de Pouschkin et l'événement déplorable qui l'a amené étaient faits pour inspirer un intérêt général. Cette catastrophe parlait à tous les esprits, à ceux des classes supérieurs, comme à ceux de la foule. C'était un événement, un orage qui avait éclaté subitement. Une maladie de quelques semaines aurait probablement épuisé ou attièdi l'in-

térêt du public. Mais là il n'eut pas le temps de reprendre haleine. On n'a pas voulu faire attention à cette circonstance, et l'on s'est jetté dans un dédale de suppositions. Je ne sache pas que personne aye cherché a remuer les esprits et à exciter la compassion. Quant à moi, je jure devant Dieu que je n'ai dit un mot à qui que ce fut dans ce sens. D'ailleurs le fait était assez éloquent et drammatique par lui-même. On a prétendu que des projets hostiles à l'ordre public avait circulé dans la foule qui venait saluer le corps du défunt, qu'on voulait commettre des excès le jour de l'enterrement, porter le corps en triomphe, assaillir à coups de pierre la maison du baron Heckeeren etc. etc. etc. Je n'ai rien entendu de pareil pendant les trois jours que je suis resté presque constamment dans la maison de Pouschkin. Ce que j'ai entendu et de plus d'une bouche, c'étaient des regrets sur sa mort, suivis immédiatement de bénédictions et d'actions de grâce pour l'Empereur qui avait consolé ses derniers moments. Ces propos me remplissaient d'attendrissement et de satisfaction. J'y voyais l'expression d'un sentiment national et monarchique, car le nom de l'Empereur se trouvait mêlé à celui du poête, et c'est l'Empereur qui avait eu l'initiative dans les témoignages de cet éntérêt public et si fortement prononcé. Je pensais que l'autorité devait y applaudir. C'était la meilleure réfutation de la lettre de Tschadaeff, qui avait nié en nous l'existence de ce sentiment et avait frappé de stérilité et de mutisme nos coeurs et nos esprits. Pouvait-on croire qu'après avoir sévi avec justice contre une pareille accusation, on irait ensuite s'allarmer et traiter de manifestation hostile et séditieuse l'expression innofensive de cette sympathie toute naturelle pour un grand talent et une mort aussi inattendue et aussi tragique! Mais que faut-il donc entendre par le patriotisme, si on ne le rattache pas à l'admiration que font naître en nous quelques faits mémorables et quelques noms illustres qui consacrent à jamais les pages de l'histoire nationale? Est-ce donc du patriotisme que de vouloir deshériter le pays d'un nom qui appartient à l'époque et à la postérité? Ne sont-ce pas les noms des écrivains celebres, des grands poêtes, des grands artistes qui survivent aux générations dans le petit nombre des hommes qui ont fait l'honneur au règne auquel ils ont appartenu et au sol qui les a vu naître? Le règne Auguste, le règne de Louis XIV sont des règnes consacrées par l'histoire. Ils le doivent en grande partie à la gloire des écrivains de l'époque. Le nom de Derjavine n'est-il pas un des plus a beux fleurons de la couronne de Catherine la Grande, aussi bien que les noms de Roumiantzoff, de Panin et de tant d'autres qui ont illustré son règne glorieux. Dans un état monarchique comme le nôtre, il n'y a de popularité possible que pour les grands hommes de guerre et les grands écrivains. C'est ce que nos souverains ont toujours compris sympathisant particulièrement avec ces gloires nationales et se les attachant par des

bienfaits. Aussi Pouschkin appartiendra-t-il dans l'histoire au règne de l'empereur Nicolas. Elle n'oubliera pas que c'est lui qui l'a rappelé de l'exil, a adopté son talent et l'a protégé de sa main puissante jusqu'à son lit de mort, jusqu'au delà de sa tombe en adoptant sa famille; que c'est lui, qui l'avait choisi pour ériger notre plus beau monument national: l'histoire de Pierre le Grand, et que le poëte a dignement répondu à cette haute protection; car c'est au règne de l'Empereur que se rattachent ses plus belles productions, qui ont du le jour à l'assentiment spécial du Souverain. Voilà ce que dira l'histoire, et ce que disaient et pensaient les amis de Pouschkin et la foule qui se mêlait religieusement à leur reconnaissance. Malgré cela il s'est trouvé de puériles et odieuses préventions pour dénaturer et flétrir l'expression de ces nobles sentiments. On s'est plu à puiser dans la malveillance, dans les arsenaux des passions étrangères des armes pour calomnier ces sentiments. On a feint de croire que quelques amis de Pouschkin voulaient spéculer sur sa mort pour faire un coup de parti, que sais-je, pour donner au profit de leur esprits de désordre une répétition de l'enterrement du général Lamarque! Quel aveuglement! Quelle fausse application des faits, des moeurs, des circonstances d'un autre pays au nôtre! C'était peu de calomnier quelques individus, la calomnie ne s'est pas arrêtée devant l'inconvenance de donner aux étrangers qui résident à Pétersbourg, et à l'Europe entière par leur organe, une idée mensongère de notre état social. La possibilité d'un désordre public, d'une manifestation hostile à l'autorité, a été inventée à loisir, quand tout était paisible, quand l'amour pour le Souverain était dans tous les coeurs et son nom béni par toutes les bouches. On dira ce qu'on veut; mais si les rapports de la police sont en contradiction avec mes paroles, j'asserte, car j'en ai la conviction morale, que ces données étaient fausses, qu'elles ne pouvaient en tout cas se rapporter qu'à quelques propos en l'air, isolés, tenus je ne sais où et par qui et n'avaient aucune portée. Mais quoi qu'il en soit, c'était une indignité d'accoler les amis de Pouchkin à une pareille turpitude qui ne pouvait être imputée qu'à la plus vile populace. Sous ce rapport, les mesures prises au moment du transport du corps de la maison du défunt à l'église étaient gratuitement injurieuses pour eux. Pouvaient-elles même être justifiées par la nécessité de prendre des précautions pour le maintien de l'ordre public soi-disant menacé? Passe alors pour les piquets de soldats qui garnissaient la rue, mais contre qui donc était déployée cette force militaire qui avait envahi la maison du défunt au moment où une dizaine de ses amis et de ses connaissances les plus intimes s'y étaient rassemblés pour lui rendre les derniers devoirs? Pour qui ces espions déguisés, mais connus de tout le monde? N'était-on pas là pour nous garder à vue, pour épier nos regrets, nos larmes, nos paroles, notre silence? On prétendra que ce sont aussi des mesures

de sûreté publique. Fort bien, mais elles sont flétrissantes pour ceux qui en sont l'objet, et quand cette flétrissure est non méritée, ne devient-elle pas doublement pénible? Tout se sait. Les soupçons que nous avons couru ont nécessairement du s'ébruiter, mais notre justification ne peut être publique, et nous restons aux yeux d'une société crédule et malveillante sous le poids de graves accusations.

Переводъ. Кончина Пушкина не могла не оставить во мнѣ глубокаго и тяжкаго сожалѣнія. Я лишился въ немъ друга; всѣ мы лишились нашей прекраснѣйшей литературной славы, одного изъ тѣхъ высокихъ умовъ нашей эпохи, на коихъ съ любовью и гордостью указываетъ иностранцамъ всякій человѣкъ, истинно преданный землѣ своей, предъявляя тѣмъ право на ихъ уваженіе. Я оплакивалъ эту кончину, не какъ личное только горе, но и какъ общественное злополучіе. Скорбь эта, столь справедливая и естественная, была для меня вполнѣ неожиданно развлечена, опозорена и отравлена непріятностями совершенно инаго свойства. Въ другихъ обстоятельствахъ я, можетъ быть, перенесъ бы покорно эти посягательства на мое доброе имя (до того пріученъ я къ проявленіямъ зложелательства и нелѣпѣйшей клеветы); но тутъ эти посягательства были такъ гнусны, такъ противны всему, что́ я ощущалъ и испытывалъ, что мнѣ невозможно не быть глубоко оскорбленну и возмущену ими. Настоящія строки суть вопль моего негодованія. Начну съ того, что, въ виду неправоты суда людскаго, объявляю, по совѣсти и передъ Богомъ, невѣрными и отъявленно-лживыми всѣ заднія мысли и намѣренія, въ которыхъ меня подозрѣвали, и всѣ дѣйствія и отзывы, которые мнѣ были приписаны въ этомъ случаѣ. Въ эти смертельно-скорбные для меня дни, когда я бодрствовалъ надъ умирающимъ Пушкинымъ и потомъ у гроба, куда его положили, никакое иное чувство не отвлекало меня отъ моего горя кромѣ чувства благоговѣйной признательности къ прекрасному и высокому движенію Государя, который захотѣлъ утѣшить Пушкина въ жестокія минуты послѣдней борьбы съ жизнію, обезпечивъ благосостояніе и будущность его семейства. Я былъ свидѣтелемъ глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго на него посланіемъ Государя, который былъ положительно ангеломъ-утѣшителемъ послѣднихъ его минутъ. Привязанность къ женѣ и благодарность къ Государю были послѣдними ощущеніями, приводившими въ движеніе это разбитое и изнемогавшее въ мученіяхъ сердце. Будучи другомъ Пушкина, могъ ли я не сочувствовать всѣми силами души моей тому, кто по собственному движенію, внимая лишь благородному вдохновенію своего сердца, поспѣшилъ обратиться къ лежавшему на смертномъ одрѣ Пушкину съ словами мира, прощенія, утѣшенія, христіанской любви; кто, въ трогательной заботливости, тоже не спалъ и въ продолженіе ночи дожидался возвращенія доктора, чтобы узнать, что́ произошло вслѣдствіе его посланія! Какъ Русскій, какъ писатель, могъ-ли я не цѣнить и не благословлять отъ глубины души это выраженіе августѣйшаго уваженія, оказанное Государемъ таланту въ лицѣ Пушкина! Мнѣ ли было забыть, что во второй разъ почтенъ соболѣзнованіемъ Государя дорогой моему сердцу смертный одръ писателя, при чемъ отражался на немъ съ такой славою и щедротою священный ореолъ его державной и народной власти? *). Это заявленіе Государя могло

*) Государь Николай Павловичъ плакалъ, стоя у гроба Карамзина въ Таврическомъ дворцѣ, въ 1826 году.

не нравиться людямъ, которые не любили Пушкина и неспособны были дорожить его талантомъ. Оно могло быть противно видамъ нѣкотораго кружка людей, которые держатъ себя особнякомъ въ народѣ и которымъ конечно не приходилось по сердцу, что Государь съ высоты престола своего оказываетъ уваженіе не чину, а таланту, не искателю милости, но человѣку, получившему ее отъ того, кому сочувственна всякая народная слава, потому что всегда она отражается въ немъ и растетъ подъ сѣнью его покровительства. Съ моей стороны было бы безуміемъ или злодѣйствомъ питать какія либо враждебныя противъ власти чувства, если бы я и былъ способенъ къ тому, въ то время когда эта власть, въ глазахъ моихъ и цѣлой Россіи, проявлялась во всей чистотѣ своего блеска и великодушія. Въ подтвержденіе могу сослаться на письма, которыя писалъ я подъ вдохновеніемъ минуты и которыя могутъ свидѣтельствовать о моихъ убѣжденіяхъ. И однако нашлись люди, которые приписывали мнѣ это безуміе и это злодѣйство.

Разскажемъ, какъ было дѣло. Это само собою послужитъ къ опроверженію.

Говорили, что по случаю кончины Пушкина имѣлось въ виду возбудить народныя страсти, устроить ему нѣчто въ родѣ политической апотеозы, съ этою цѣлью придать похоронамъ чрезвычайную пышность и пр.

Говорили, что въ лицѣ Пушкина оплакивается не поэтъ и не другъ, а человѣкъ политическій, либералъ, глава оппозиціи и пр.

Друзьямъ его приписывались отзывы враждебные, возмутительные и пр.

Не будучи особенно суетенъ, я имѣю однако основаніе думать, что въ этой импровизированной и сочиненной отъ нечего дѣлать драммѣ первенствующею ролью почтили меня. И такъ изложу что относится до меня лично во всемъ этомъ дѣлѣ. Я не присутствовалъ при самыхъ послѣднихъ минутахъ Пушкина: по обязанностямъ службы мнѣ необходимо было съѣздить въ мой департаментъ [1]). Когда я возвратился, Пушкина уже не было. Тутъ я узналъ, что въ домѣ нашлось только 300 рублей, что графъ Строгоновъ, въ качествѣ родственника г-жи Пушкиной [2]), принялъ на себя похоронныя издержки, немедленно велѣлъ позвать къ себѣ своего повѣреннаго и отдалъ ему всѣ нужныя приказанія, какъ поступать. Съ графомъ Строгоновымъ я нахожусь не въ такихъ отношеніяхъ, чтобы позволить себѣ, если бы я того и желалъ, малѣйшее вмѣшательство въ эти распоряженія. Съ какаго права сталъ бы я вмѣшиваться, да и что было сказать мнѣ? Если въ намѣреніи графа было придать погребенію нѣкоторую пышность, то очень естественно, что, принявъ на себя издержки, онъ хотѣлъ быть щедрымъ, даже расточительнымъ. Во всякомъ случаѣ и какъ бы то ни было, я положительно не принималъ тутъ никакаго участія и не знаю, имѣлъ ли кто нибудь малѣйшее, прямое или косвенное, вліяніе на распоряженія графа Строгонова. Онъ давалъ деньги, и кто изъ людей сколько нибудь благоразумныхъ захотѣлъ бы опредѣлять и назначать, куда должны пойти эти деньги? Надобно замѣтить, что выборъ Исакіевскаго собора мѣстомъ для отпѣванія подалъ поводъ къ совершенно неосновательному истолкованію, которое могло идти отъ людей какъ-то особенно пред-

---

1) Князь П. А. Вяземскій служилъ тогда у Канкрина, въ министерствѣ финансовъ.

2) Графъ Григорій Александровичъ Строгоновъ (дѣдъ недавно скончавшагося своего соименника), по матери своей, Елисаветѣ Александровнѣ Загряжской, былъ двоюроднымъ братомъ тещи Пушкина, Натальи Ивановны Гончаровой.

убѣжденныхъ и забывшихъ, что къ Петербургскимъ соборамъ приписаны приходы, какъ и къ церквамъ обыкновеннымъ [1]). Домъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, принадлежалъ къ Исакіевскому приходу, и выбирать тутъ было нечего. Тоже самое было бы сдѣлано и съ послѣднимъ нищимъ, обитателемъ этого квартала. Когда приглашенный графомъ Строгоновымъ митрополитъ отказался прибыть къ отпѣванію, и графъ Строгоновъ выражалъ мнѣ по этому случаю свое неудовольствіе и находилъ отказъ незаконнымъ, я подалъ ему мысль обратиться къ графу Протасову, который, будучи прокуроромъ Св. Синода, могъ разъяснить поводы этого отказа и предложить свое посредничество для устраненія, буде возможно, препятствій. Вотъ единственное мнѣніе, единственное слово, шедшее отъ меня касательно этого дѣла.

Пушкинъ положенъ въ гробъ, одѣтый во фракъ, а не въ мундиръ. Тутъ захотѣли увидѣть выраженіе задней мысли, политической и мятежной, и мысль эту приписали мнѣ. Выше мною сказано, что я ни малѣйше не участвовалъ во всѣхъ сдѣланныхъ распоряженіяхъ и объяснено, почему. Но чтобы не показалось, будто я отрекаюсь не только отъ дѣла, но и отъ помышленія, скажу откровенно, что если бы меня пригласили высказать объ этомъ случаѣ мое мнѣніе, я подалъ бы голосъ за фракъ. Я понимаю, что важный сановникъ, правитель, кончившій жизнь на своей должности, облекается въ мундиръ, который составляетъ какъ бы неотъемлемую принадлежность того общественнаго и оффиціальнаго значенія, которымъ пользовался покойный въ теченіи своего поприща; но соблюдать этотъ обычай нахожу я дѣтскимъ и непригоднымъ по отношенію ко всякому другому лицу и напримѣръ къ писателю, каковымъ былъ Пушкинъ. Кромѣ того, надо признаться, что Пушкинъ не любилъ этого мундира. Неужели можно безнаказанно дѣлать съ человѣкомъ, лежащимъ въ гробу, то, что было ему непріятно живому? Пушкинъ не любилъ этого мундира не по отношенію къ придворной службѣ, а потому что мундиръ былъ камеръ-юнкерскій. При всей моей дружбѣ съ нимъ, не скрою, что онъ былъ человѣкъ свѣтскій и суетный. Питая къ особѣ Государя искреннюю признательность и преданность, онъ былъ чувствителенъ къ милостямъ и отличіямъ. Камергерскій ключъ былъ бы для него дорогимъ знакомъ отличія; но ему казалось неприличнымъ, что въ его лѣта, посреди его поприща, сдѣлали его камеръ-юнкеромъ, словно какаго-то юношу и новичка въ общественномъ кругу [2]). Вотъ въ сущности почему онъ былъ предубѣжденъ противъ мундира. Тутъ не было ни оппозиціи, ни либерализма, а просто суетность и личная щекотливость. Во всякомъ случаѣ скажу еще разъ, что всѣ распоряженія относительно похоронъ принадлежали роднымъ, и никому изъ насъ не приходилось отдавать какое либо приказаніе.

Кончина Пушкина и плачевное событіе, коего она была послѣдствіемъ, не могли не возбудить общаго участія. Эта катастрофа заняла собою всѣ умы какъ въ высшихъ сословіяхъ, такъ и въ толпѣ. Это было событіе, буря, вне-

---

[1]) Нынѣшній Исакіевскій соборъ тогда еще строился, а Исакіевскимъ соборомъ называлась церковь въ зданіи Адмиралтейства, къ которой Пушкинъ былъ прихожаниномъ, живя близъ Пѣвческаго моста, по Мойкѣ, въ домѣ князя Волконскаго (съ выступомъ на Мойку и подъѣздомъ подъ воротами на лѣво).

[2]) Когда великій князь, встрѣтивъ Пушкина, поздравилъ его съ камеръ-юнкерствомъ, Пушкинъ отвѣчалъ: „Ваше высочество, вы одни меня поздравляете; всѣ надо мною смѣются“.

запно разразившаяся. Проболѣй онъ нѣсколько недѣль, общественное участіе вѣроятно бы истощилось или охладѣло, но тутъ некогда было вздохнуть. На это обстоятельство не обратили вниманія и пустились въ лабиринтъ предположеній. Мнѣ неизвѣстно, старался ли кто нибудь волновать умы и возбуждать сочувствія. Что до меня, клянусь Богомъ, что мною не было произнесено ни одного слова въ этомъ смыслѣ. Впрочемъ самое событіе громко говорило за себя и содержало въ себѣ слишкомъ много драматическаго. Увѣряли, будто въ толпѣ, приходившей поклониться тѣлу покойника, разглашались намѣренія, противныя общественному порядку, будто въ день похоронъ предполагалось надѣлать шуму, устроить тріумфальное шествіе, кидать камни въ домъ барона Гекерна и пр. Ничего подобнаго я не слыхалъ въ тѣ три дня, которые проведены мною почти безотлучно въ домѣ Пушкина. До меня доходили только, и притомъ изъ многихъ устъ, сожалѣнія о кончинѣ Пушкина, тутъ же сопровождаемыя выраженіями хвалы и благодарности Государю за то, что онъ утѣшилъ его въ послѣднія минуты. Такіе отзывы умиляли меня и служили мнѣ утѣшеніемъ. Я видѣлъ въ нихъ изліяніе народнаго и монархическаго чувства; ибо имя Государя соединялось съ именемъ поэта, и Государю принадлежалъ починъ въ этихъ столь выразительныхъ заявленіяхъ общественнаго участія. Я полагалъ, что правительству это должно было быть пріятно. Тутъ наглядно опровергалось письмо Чадаева, отрицавшаго у насъ присутствіе этого чувства, попрекавшаго сердца и умы наши нѣмотою и безплодіемъ [1]). Можно ли было повѣрить, что, отнесясь съ заслуженною строгостью къ подобнымъ укорамъ, встревожатся и потомъ усмотрятъ что-то враждебное и мятежное въ никому не обидныхъ изъявленіяхъ вполнѣ естественнаго сочувствія къ великому дарованію, погибшему столь неожиданно и столь трагически? Но гдѣ же послѣ этого любовь къ Отечеству, коль скоро она не будетъ соединена съ благоговѣніемъ, возбуждаемымъ въ насъ нѣкоторыми достопамятными событіями и нѣкоторыми славными именами, которыя на вѣки освящаютъ собою страницы народной исторіи? Съ любовью къ отечеству несовмѣстимо желаніе отнимать у страны имя, принадлежащее извѣстной эпохѣ и потомству. Имена знаменитыхъ писателей, великихъ поэтовъ, великихъ художниковъ переживаютъ поколѣнія, въ маломъ числѣ людей, дѣлающихъ честь царствованію, въ которое они жили, и землѣ, гдѣ они родились. Царствованіе Августа, царствованіе Людовика XIV-го достопамятны въ исторіи, и этимъ они обязаны въ значительной степени славѣ тогдашнихъ писателей. Имя Державина принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ цвѣткамъ въ вѣнцѣ Екатерины Великой, точно также какъ имена Румянцова, Панина и столькихъ другихъ, ознаменовавшихъ собою ея славное царствованіе. Въ государствѣ монархическомъ, каково наше, общенародность доступна лишь великимъ военнымъ людямъ и великимъ писателямъ. Государи наши всегда постигали это, оказывая особенное сочувствіе къ этимъ народнымъ знаменитостямъ и привязывая ихъ къ себѣ благодѣяніями. Такъ и Пушкинъ будетъ принадлежать къ исторіи царствованія императора Николая. Исторія не позабудетъ, что императоръ Николай вызвалъ его изъ ссылки [2]), пекся объ его дарованіи, державно покровительствовалъ

[1]) Въ извѣстныхъ письмахъ къ г-жѣ Пановой, изъ-за которыхъ закрытъ былъ Телескопъ въ 1836 году.

[2]) Находясь лѣтомъ 1826 года въ Ревелѣ, гдѣ тогда была мать Пушкина, князь Вяземскій написалъ для нея и отъ ея имени письмо къ новому Государю съ просьбою о возвращеніи сына изъ ссылки. Письмо было такъ хорошо написано, что послѣдствіемъ его оказались вызовъ Пушкина изъ Псковской деревни въ Москву и разрѣшеніе жить гдѣ ему угодно.

ему до смертнаго одра и по кончинѣ принялъ на свое попеченіе его семейство; что на немъ остановилъ онъ свой выборъ для того, чтобы воздвигнуть лучшій нашъ народный памятникъ, исторію Петра Великаго [1]), и что поэтъ достойнымъ образомъ относился къ этому высокому покровительству: потому что въ нынѣшнее царствованіе написаны наилучшія его произведенія, появившіяся въ свѣтъ, благодаря особенному соизволенію Государя. Вотъ что̀ скажетъ исторія и что̀ говорили и думали друзья Пушкина, а равно и толпа, благоговѣйно раздѣлявшая съ ними ихъ сѣтованія и ихъ признательность. И тѣмъ не менѣе возникли ребяческія и неблагородныя обвиненія, имѣвшія цѣлью исказить и опозорить изъявленіе столь возвышенныхъ чувствованій. Въ зложелательствѣ, въ арсеналѣ постороннихъ страстей захотѣли добыть орудій, чтобы очернить эти чувствованія. Прикинулись, будто вѣрятъ слуху о томъ, что нѣкоторые друзья Пушкина намѣревались воспользоваться его кончиною для произведенія, не знаю, какаго-то заговорческаго дѣйствія и по своей наклонности къ смутѣ хотѣли устроить что-то въ родѣ похоронъ генерала Ламарка! [2]) Что̀ за ослѣпленіе! Что̀ за лживое примѣненіе къ нашей странѣ событій, нравовъ и обстоятельствъ другой страны! Мало было оклеветать нѣсколько человѣкъ: клевета не смутилась и передъ мыслью, что иностранцы, живущіе въ Петербургѣ, а черезъ нихъ и вся Европа, получатъ ложное понятіе о нашемъ общественномъ состояніи. Возможность уличныхъ безпорядковъ и враждебныхъ власти заявленій изобрѣтена на досугѣ, между тѣмъ какъ все было спокойно, любовь къ Государю ощущалась всѣми сердцами, и всѣ благословляли его имя. Что̀ бы ни говорили, но если полицейскія донесенія противорѣчатъ моимъ словамъ, то я утверждаю, будучи въ томъ нравственно убѣжденъ, что эти показанія были невѣрны, что они во всякомъ случаѣ могли относиться лишь къ какимъ нибудь отдѣльнымъ словамъ, сказаннымъ на вѣтеръ, не знаю гдѣ и кѣмъ и не имѣвшимъ никакаго значенія. Во всякомъ случаѣ было неблагородно соединять имена друзей Пушкина съ подобною гнусностью, каковая могла быть приписана развѣ самой подлой черни, и въ этомъ отношеніи нанесли имъ напрасное оскорбленіе тѣми мѣрами, которыя были приняты во время перенесенія тѣла изъ дома въ церковь [3]). Онѣ не оправдываются и необходимостью предосторожности въ видахъ поддержанія угрожаемаго яко бы общественнаго порядка. Не говорю о солдатскихъ пикетахъ, разставленныхъ по улицѣ; но противъ кого была эта военная сила, наполнившая собою домъ покойника въ тѣ минуты, когда человѣкъ двѣнадцать друзей его и ближайшихъ знакомыхъ собрались туда, чтобы воздать ему послѣдній долгъ?

---

1) Николай Павловичъ, можетъ быть, предъявленіемъ настоящаго письма наведенъ былъ на мысль предложить князю Вяземскому писать Исторію Петра Великаго, т. е. продолжать работу Пушкина, отъ чего князь Вяземскій уклонился, не чувствуя себя въ силахъ заняться этимъ трудомъ.

2) Ламаркъ, бывшій генералъ большой Французской революціи, умеръ отъ холеры въ 1832 году. Его похороны послужили поводомъ къ политической смутѣ и уличнымъ безпорядкамъ въ Парижѣ.

3) Въ зданіи Конюшеннаго вѣдомства. Перенесеніе совершилось ночью. Современники-свидѣтели передавали намъ, что во время отпѣванія обширная площадь передъ церковью представляла собою сплошной коверъ изъ человѣческихъ головъ и что когда тѣло совсѣмъ выносили изъ церкви, то шествіе на минуту запнулось: на пути лежалъ кто-то большаго роста, въ рыданіяхъ. Его попросили встать и посторониться. Это былъ князь П. А. Вяземскій.

Противъ кого эти переодѣтые, но всѣми узнаваемые шпіоны? Они были тамъ, чтобы не упускать насъ изъ виду, подслушивать наши сѣтованія, наши слова, быть свидѣтелями нашихъ слезъ, нашего молчанія. Скажутъ, что это также мѣры общественной безопасности; согласенъ, но мѣры эти оскорбительны для тѣхъ, противъ кого они принимаются, а коль скоро оскорбленіе не заслужено, не вдвойнѣ ли оно тяжко? Все узнаётся. Подозрѣнія, на насъ взведенныя, непремѣнно разгласились, а наше оправданіе не можетъ быть гласнымъ, и въ глазахъ легковѣрнаго и зложелательнаго общества мы остаемся подъ бременемъ тяжкихъ обвиненій.

*

Знаменательное письмо это получено Русскимъ Архивомъ для напечатанія, въ 1874 году, еще отъ самого князя П. А. Вяземскаго, что̀ тогда же было отмѣчено въ его бумагахъ. Нынѣ оно помѣщается съ согласія его сына и наслѣдника.

Пользуемся случаемъ, чтобы заявить здѣсь, что князь Павелъ Петровичъ Вяземскій, занимаясь въ настоящее время разборомъ бумагъ отца своего, обращается съ просьбою къ лицамъ, находившимся въ перепискѣ съ княземъ Петромъ Андреевичемъ, сообщать ему (въ С.-Петербургъ, по Фонтанкѣ, въ домъ графа Шереметева) его письма, которыя и будутъ возвращаемы по снятіи копій. Съ раннихъ лѣтъ долгой жизни князь П. А. Вяземскій употреблялъ большую часть своего досуга на переписку съ пріятелями и знакомцами, и письма его, почти всегда содержанія историческаго и литературнаго, суть драгоцѣнное достояніе, которое со временемъ должно перейти въ общую извѣстность. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ будетъ поступлено съ полною законностью (Сводъ Законовъ, т. XIV, 293 статья Устава Цензурнаго, указъ 8 Января 1830 года). П. Б.

Къ ненашимъ.

Стихотворенiе Н. М. Языкова.

(1844).

Слишкомъ тридцать лѣтъ назадъ, когда въ Московскомъ обществѣ происходила борьба между приверженцами древне-Русскаго просвѣщенія и послѣдователями западно-Европейскаго образованія, съ обѣихъ сторонъ было написано нѣсколько произведеній, не поступавшихъ въ печать. Нѣкоторые изъ рукописныхъ памятниковъ этого умственнаго движенія сохранились у Никиты Осиповича Эмина, бывшаго свидѣтелемъ и участникомъ тогдашнихъ одушевленныхъ бесѣдъ и горячихъ прѣній. Къ числу ихъ принадлежатъ и нижеслѣдующіе стихи, у которыхъ давность времени уже отняла оскорбляющее значеніе. П. Б.

О вы, которые хотите
Преобразить, испортить насъ
И онѣмечить Русь—внемлите
Простосердечный мой возгласъ!
Ктобъ ни былъ ты одноплеменникъ
И братъ мой: жалкій ли старикъ,
Ея торжественный измѣнникъ,
Ея надменный клеветникъ;
Иль ты, сладкорѣчивый книжникъ,
Оракулъ юношей-невѣждъ,
Ты, легкомысленный сподвижникъ
Безпутныхъ мыслей и надеждъ;
И ты, невинный и любезный,
Поклонникъ темныхъ книгъ и словъ,
Восприниматель достослезный
Чужихъ сужденій и грѣховъ.
Вы, людъ заносчивый и дерзкій,
Вы, опрометчивый оплотъ
Ученья школы богомерзкой,
Вы всѣ—не Русскій вы народъ!

*

Не любо вамъ святое дѣло.
И слава нашей старины,
Въ васъ не живетъ, въ васъ помертвѣло
Родное чувство. Вы полны
Не той высокой и прекрасной
Любовью къ родинѣ; не тотъ
Огонь чистѣйшій, пламень ясный

Васъ поднимаетъ; въ васъ живетъ
Любовь не къ истинѣ, не къ благу!
Народный гласъ—онъ Божій гласъ,
Не онъ рождаетъ въ васъ отвагу:
Онъ чуждъ, онъ страненъ, дикъ для васъ.
Вамъ наши лучшія преданья
Смѣшно, безсмысленно звучатъ;
Могучихъ прадѣдовъ дѣянья
Вамъ ничего не говорятъ:
Ихъ презираетъ гордость ваша.
Святыня древняго Кремля,
Надежда, сила, крѣпость наша
Ничто вамъ! Русская земля
Отъ васъ не приметъ просвѣщенья.
Вы страшны ей: вы влюблены
Въ свои предательскія мнѣнія
И святотатственные сны!
Хулой и лестію своею
Не вамъ ее преобразить,
Вы, неумѣющіе съ нею
Ни жить, ни пѣть, ни говорить!

*

Умолкнетъ ваша злость пустая,
Замретъ невѣрный вашъ языкъ,
Крѣпка, надежна Русь святая,
И Русскій Богъ еще великъ!

1844, 6 Декабря
Москва.

Поправки.

Въ статьѣ Я. Ф. Березина-Ширяева о П. А. Мухановѣ (см. выше).

Напечатано.		Слѣдуетъ.
стр. 236 строка 12 снизу	„Страховымъ“	Строевымъ
— 9 — —	„собрано нѣсколько“	собрано мною нѣсколько
— 239 — 19 сверху	„трое дѣтей“	двое дѣтей
— 244 — 2 снизу	„открытіе этихъ записокъ принадлежитъ мнѣ“	открытіе этихъ записокъ, сказалъ Мухановъ, принадлежитъ мнѣ
— 245 — 15 сверху	„для помѣщенія и сохраненія ихъ“	для помѣщенія карточекъ и сохраненія ихъ

Яицкое войско

до появленія Пугачева *).

Глава II.

Всѣ писавшіе объ Уральскомъ войскѣ полагаютъ, что казаки первоначально взволновались вслѣдствіе передачи ихъ изъ вѣдѣнія Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ вѣдомство Военной Коллегіи. Такаго мнѣнія держались Пушкинъ, Рябининъ, Анучинъ и другіе. Они говорятъ, что казаки, опасаясь за свою свободу, начали волноваться, зажгли Яицкій городокъ и уже собирались бѣжать въ Киргизскія степи, но въ это время подоспѣлъ полковникъ Захаровъ, которому было поручено произвести перепись казаковъ и усмирить ихъ. Такое мнѣніе принадлежитъ къ области догадокъ. Нерасположеніе Яицкихъ казаковъ къ Военной Коллегіи было подготовлено издавна; волненія и междоусобія среди Яицкаго войска открылись еще въ то время, когда Яицкіе казаки находились въ вѣдѣніи Казанскаго Приказа. За шесть лѣтъ до пріѣзда на Яикъ Захарова, къ казакамъ являются уже фискалы и разные сыщики, которые своею недобросовѣстностію кладутъ первыя сѣмена раздора среди Яицкаго войска. Появленіе фискаловъ и сыщиковъ на берегахъ быстраго Урала объясняется слѣдующими обстоятельствами, возникшими среди самихъ казаковъ.

Въ старину, въ Яицкомъ войскѣ бывали такіе случаи, что нѣкоторые казаки, промотавшись, надѣлавши долговъ, или спасаясь отъ кары за преступленія, словомъ «заворовавши», бѣгали съ Яика и, являясь въ города къ Русскимъ воеводамъ, особенно въ Казань, дѣлали доносы на атамановъ, ихъ совѣтниковъ, а иногда и на все Яицко-казацкое войско. Такихъ доносчиковъ, когда они снова являлись на Яикъ, казаки, по рѣшенію войсковаго круга, предавали смертной казни, а со временъ Петра Великаго, по войсковому же приговору, высылали во внутренніе города Россіи съ лишеніемъ званія и правъ казака. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ можно предполагать, что такіе доносы бывали нерѣдки. Въ 1717 г. Григорій Меркурьевъ, войсковой атаманъ, былъ вынужденъ послать къ Казанскому губернатору, Петру Самойловичу Салтыкову (какъ это значится въ справкѣ изъ дѣлъ Казанской Губернской Канцеляріи, отъ 16 Февраля того же года) отписку, въ которой, между прочимъ, гово-

---

*) См. выше стр. 273.

рить: «Которые у нихъ на Яикѣ, при войску ихъ казаки одолжаютъ долгами и бѣгаютъ на государевы городы, и которые у нихъ заворуются, и за то воровство, по ихъ войсковому суду, должны казниться смертію и, вмѣсто смерти, тѣхъ виновныхъ казаковъ ссылаютъ въ Русь; и оные, заворовавши, приносятъ доношеніе на ихъ войско ложно и обносятъ всякими неправдами, хотя видѣть государеву вотчину въ раззореніи; и чтобы имъ казакамъ, которые заворовавши бѣгаютъ и войскомъ за воровство ихъ ссылаются вмѣсто смерти въ Русь,—не вѣрить» [1]).

Сюда относится доносъ или, какъ значится въ дѣлѣ, «извѣтъ» Яицкаго казака Ивана Карташева на атамана Григорія Меркурьева, который потомъ первый изъ Яицкихъ атамановъ назначенъ былъ въ атаманы войска по царскому указу, а при Аннѣ Ивановнѣ сдѣланъ пожизненнымъ атаманомъ, пока не былъ смѣненъ за злоупотребленія. Извѣтъ Карташева имѣлъ важныя послѣдствія, послужившія главною причиною внутренняго разстройства, упадка и преобразованія Яицкаго войска послѣ Петра Великаго; поэтому необходимо передать въ существенныхъ чертахъ это дѣло.

Одновременно съ тѣмъ, какъ полторы тысячи Яицкихъ казаковъ отправились съ Бековичемъ-Черкасскимъ въ Хивинскую экспедицію, такое же число ихъ было командировано съ атаманомъ Матвѣемъ Ивановымъ въ Украинскій походъ, подъ команду боярина Петра Матвѣевича Апраксина. Въ составѣ этого отряда находился и знаменьщикъ Карташевъ. На походѣ, близъ города Изюма или въ самомъ Изюмѣ, Карташевъ и еще другой Яицкій же казакъ Старченковъ «явились въ нѣкоторыхъ тамо преступныхъ дѣлѣхъ». Объ этомъ дошло до свѣдѣнія главнаго начальства. Старченковъ былъ схваченъ, подвергнутъ розыску и пытанъ, а Карташевъ бѣжалъ. По возвращеніи казаковъ на Яикъ, о побѣгѣ Карташева сдѣлалось извѣстно всему войску. За побѣгъ со службы виновный наказывался у казаковъ смертію, къ которой его и приговорили. Но, благодаря своему раскаянію, просьбѣ и заступничеству одного знатнаго и уважаемаго родственника, бывшаго атаманомъ, Карташевъ былъ прощенъ, при чемъ войско обязало его заслужить свои вины, держать себя «во всякомъ смиреніи и противъ Яицкихъ казаковъ претительныхъ словъ отнюдь не говорить». Не смотря на такое снисхожденіе войска и свое обязательство, Карташевъ, вскорѣ послѣ этого, бѣжалъ въ Казань, откуда снова явился на Яикъ, вѣроятно, съ цѣлью побольше и точнѣе собрать нужныя ему свѣдѣнія. За этотъ послѣдній побѣгъ, по приговору войсковаго круга, онъ былъ изверженъ изъ войска и сосланъ въ «Русь» [2]), съ лишеніемъ званія и правъ казака. Прибывъ снова въ Казань, Карташевъ явился въ Казанскую Губернскую Канцелярію и сдѣлалъ доносъ на войсковаго атамана,

---

[1]) Уральскія Войсковыя Вѣдомости 1869 г. № 40.

[2]) Это выраженіе «въ Русь» сохранилось доселѣ и употребляется казаками, когда они съ рыбою или другимъ извозомъ отправляются внутрь Россіи; иногородныхъ жителей они называютъ «Расейскіе».

Григорія Меркурьева и его единомышленниковъ, которыми, по заявленію Карташева, были слѣдующіе 14 человѣкъ:

1) Станичный атаманъ Ѳедотъ Донсковъ,
2) Есаулъ Иванъ Вавиловъ,
3) Казаки: Никита Зѣвакинъ,
4) Герасимъ Погадаевъ (впослѣдствіи атаманъ),
5) Герасимъ Логиновъ,
6) Степанъ Дементьевъ,
7) Андрей Яковлевъ,
8) Никифоръ Бородинъ,
9) Василій Будановъ,
10) Меркурій Заровскій,
11) Василій Азовскій,
12) Семенъ Пудовкинъ,
13) Дмитрій Витошновъ и
14) Михаилъ Горшковъ.

Сущность доноса состояла въ томъ, что Меркурьевъ и его приверженцы не хотѣли отдавать помѣщикамъ, въ томъ числѣ и князю Александру Даниловичу Меньшикову, бѣглыхъ крестьянъ, поселившихся на Яикѣ, а когда казаки противной стороны совѣтовали имъ это сдѣлать, сторона Меркурьева грозила «перебить ихъ смертію» и отобрать ихъ имущество; взявъ съ бѣглыхъ крестьянъ взятку въ 400 рубл., Меркурьевъ, по совѣту казака Ѳедора Силишникова, приказалъ всѣхъ являющихся на Яикъ бѣглыхъ людей принимать и верстать въ казаки, какъ это дѣлалось прежде. Въ Январѣ 1717 г. распространилась молва, что атаманъ Меркурьевъ всѣхъ, кто «похвалится ѣхать въ Казань или другіе городы о чемъ бить челомъ Государю, приказалъ побивать до смерти». Въ тоже время Меркурьевъ отправилъ въ Петербургъ выборныхъ съ ходатайствомъ объ оставленіи бѣглыхъ на Яикѣ. Такимъ образомъ Меркурьевъ и его соумышленники, по доносу Карташева, представляются сторонниками людей бѣглыхъ, пришлыхъ на Яикъ. Въ доносѣ Карташева, между прочимъ, говорится и о томъ, что осенью 1717 г. Меркурьевъ отправилъ въ Хиву четверыхъ юртовыхъ Татаръ; но какъ зовутъ тѣхъ Татаръ и съ какою цѣлью они отправлены въ Хиву, того, кромѣ атамана Меркурьева и казака Никиты Зѣвакина, никто не знаетъ; что старинные казаки и бывшіе атаманы, вѣрные государевы слуги, опасаются, нѣтъ-ли у нихъ какаго злаго умысла и согласія съ Хивинцами; что совѣтники Меркурьева похваляются во все войско: «мы-де найдемъ и другую воду» [3]) и т. п.

Въ подтвержденіе своего доноса, Карташевъ выставилъ свидѣтелями «старинныхъ Яицкихъ казаковъ, которые прежде сего бывали атаманами, а нынѣ-де они на Яикѣ знатные люди и вѣрные слуги». По показанію Карташева это были слѣдующіе 8 человѣкъ:

1) Матвѣй Мироновъ (крестный отецъ Карташева),
2) Петръ Ѳадѣевъ,

---

[3]) Тамъ-же № 40, стр. 5.

3) Митрофанъ Пименовъ,
4) Евстаѳій Трофимовъ,
5) Никифоръ Кочеровъ,
6) Матвѣй Прикащиковъ,
7) Антонъ Харитоновъ и
8) Григорій Кармановъ.

Такимъ образомъ на Яикѣ, по доносу Карташева, существовало двѣ противныхъ стороны: одна Григорія Меркурьева и другая, меньшая числомъ, сторона знатныхъ казаковъ, бывшихъ атаманами, имѣвшая во главѣ Матвѣя Миронова, или: Меркурьевцы и Мироновцы.

Вслѣдствіе этого доноса, въ 1718 году, изъ Казани былъ отправленъ на Яикъ поручикъ Наумовъ, съ порученіемъ взять и привезти съ собою какъ атамана Меркурьева, такъ и Миронова съ ихъ сторонниками. Наумовъ, явившись на Яикъ, въ сопровожденіи Самарскаго дворянина, Тихона Волкова, не упустилъ случая воспользоваться своимъ положеніемъ: взявъ съ казаковъ 200 р. деньгами «да харчемъ и питьемъ на 60 р. и 10 алтынъ», и подѣлившись съ Волковымъ, онъ отправился въ Казань, вмѣстѣ съ Меркурьевымъ, Мироновымъ и ихъ сторонниками. Въ Казани извѣтчикъ Карташевъ, отвѣтчики и свидѣтели, въ числѣ 37 человѣкъ, были сданы Наумовымъ въ повытье подъячему Ѳедору Сухареву, который (какъ потомъ показали казаки) взялъ съ нихъ «нападкою 200 р. да харчемъ и одеждою на 100 р., кромѣ 20 р., взятыхъ съ казака Перфилья Никифорова». Вскорѣ Сухарева смѣнилъ его братъ, Алексѣй Сухаревъ, которому казаки должны были отдать едва ли не послѣдніе 10 р. [4]).

Такимъ образомъ, Карташевъ заткалъ ту сѣть, въ которой очутились потомъ многіе Яицкіе казаки. Чтобы выпутаться изъ нея, они должны были платить деньгами, харчемъ, одеждою разнымъ фискаламъ, поручикамъ и другимъ сыщикамъ, являвшимся на Яикъ или сопровождавшимъ ихъ въ Казань, Астрахань, Москву, Петербургъ.

Въ Мартѣ 1719 г. отправляется изъ Казани на Яикъ поручикъ Егоръ Кротковъ, съ цѣлью розысковъ по доносу Карташева. Кромѣ солдатъ, сопровождавшихъ Кроткова, 17 Апрѣля того же года, и съ тою же цѣлію, явились въ Яицкій городокъ: фискалъ Михаилъ Путиловъ, Самарскій дворянинъ Евдокимовъ, двое подъячихъ, Мансуровъ и Овчинниковъ, фискальный дѣлецъ Соболевъ, прикащикъ помѣщика Никифора Маркова, и нѣкоторые другіе, да отъ Казанскаго архіерея священникъ Семенъ. Казаки едва-ли могли быть довольны подобными наѣздами слѣдователей и сыщиковъ: приходилось кормить и дарить ихъ совсѣмъ понапрасну. Сыщики распоряжались на Яикѣ безотвѣтно, попирая права чести, собственности, свободы и даже жизни. Вотъ что, между прочимъ, извѣстно о ихъ дѣйствіяхъ въ Яицкомъ городкѣ.

Явившись въ Яицкій городокъ, Кротковъ началъ допрашивать казаковъ, когда кто изъ нихъ пришелъ на Яикъ, и если кто заявлялъ,

---

[4]) Тамъ-же № 47, стр. 7.

что лѣтъ 20, 30 и 40, такихъ онъ, «по стачкѣ и по совѣту Матвѣя Миронова и атамана Никиты Бородина съ товарищи, написавъ изъ 2600 человѣкъ бѣглыхъ 700 человѣкъ въ солдаты, приказалъ атаману Бородину отдать въ полки, а указа никакаго не объявилъ» [5]). Женъ и дѣтей тѣхъ казаковъ, которые погибли съ Бековичемъ въ Хивѣ, Кротковъ отбиралъ себѣ, показавъ ихъ своими бѣглыми крестьянами; а тѣхъ изъ нихъ, которые осмѣливались заявлять, что они природные казаки и никогда не были его крестьянами, приказывалъ казнить смертію. Тоже дѣлали знакомые и друзья Кроткова изъ дворянъ, и «отъ того учинилось Яицкому войску великое разореніе, и многіе домы запустѣли». Съ наступленіемъ весны и очищеніемъ Урала отъ льда, у казаковъ должно было начаться весеннее рыболовство, въ которомъ состояло для Яицкаго войска главное, если не единственное средство къ существованію. Между тѣмъ, Кротковъ и фискалъ Путиловъ, забравъ всѣхъ, и большихъ и малыхъ, на съѣзжій дворъ, продолжали свои допросы и розыски. Казаки, опасаясь лишиться залова рыбы, вынуждены были дать Кроткову взятку. Получивъ 200 р., Кротковъ отпустилъ ихъ на рыболовство. Кромѣ того, Кротковъ собралъ съ казаковъ, въ разное время, деньгами, лисьими мѣхами, лошадьми и т. п. на 206 р. 31 алтынъ и 4 деньги. Въ числѣ взятокъ Кроткова, между прочимъ, значится: «съ казачьей жены Анны Филиповой 5 р., у казака Димитрія Макарова азбуку скорописную золотомъ въ рубль, и не заплатилъ за сдѣланныя ему работы». Впослѣдствіи на допросахъ казаки также показали, что, «по его же Кроткова нападкѣ и велѣнію, дано фискалу Путилову 200 р., дворянину Евдокимову 5 р., да ему же съ казачьей вдовы Елены Черновой банныхъ денегъ рубль [6]), да подъячимъ—одному 50 р., другому 20 р., да всѣмъ имъ вмѣстѣ харчемъ, питьемъ, за подводы, на сѣно и на дрова, дано 200 р. и 12 алтынъ». Исчисляя взятки фискала Путилова, казаки, между прочимъ, показали, что Путиловъ не пощадилъ и вдовы Варвары Семеновой, отнявъ у нея послѣдніе 23 алтына и 2 деньги. Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ взятокъ и поборовъ натурою и деньгами, казаки заплатили еще подъячимъ особо 13 р., 16 алт. и $4^1/_2$ д., да Путилову 11 р.

Изъ полутораста тысячъ казаковъ, отправленныхъ Бековичемъ въ Хивинскій походъ, 33 человѣка бѣжали и снова явились на Яикѣ. Казаки, переловивъ своихъ собратьевъ, донесли о нихъ Казанскому губернатору, который приказалъ войску «учинить надъ бѣглецами судъ на Яикѣ, по ихъ казачьему обыкновенію». Мы уже знаемъ, что за побѣгъ со службы казаки подвергали виновныхъ смертной казни. Поэтому четверо изъ бѣжавшихъ, на страхъ другимъ, были преданы смерти, а остальныхъ «били въ рычажья». Кротковъ приказалъ всѣхъ этихъ казаковъ розыскать и держать подъ арестомъ

---

[5]) Тамъ-же № 47.

[6]) Въ лѣтнее время бани было запрещено топить, но старшины и другія должностныя лица не стѣснялись этимъ и свободно топили свои бани, когда хотѣли.

до своего выѣзда изъ Яицкаго городка. Отправляясь съ Яика, онъ взялъ ихъ, въ числѣ 29 чел., въ Казань и здѣсь однихъ роздалъ знакомымъ помѣщикамъ, а другихъ—въ солдаты; отцовъ же, матерей, женъ и дѣтей этихъ казаковъ захватилъ себѣ, дома ихъ продалъ, а пожитки и деньги также забралъ себѣ. Кромѣ того, Кротковъ захватилъ до 40 человѣкъ пріѣзжихъ людей изъ лавокъ и немало казаковъ, для исполненія писарской обязанности, и «тѣмъ учинилъ войску великую изневагу», такъ какъ помянутымъ писарямъ войско должно было платить по багренью [7]) и по два, а багренье продавалось у нихъ по 4 рубля.

Фискалъ Путиловъ также не упускалъ ни одного случая, гдѣ только можно было придраться къ казакамъ и поживиться на счетъ ихъ кармана. Казакъ Аѳанасій Назаровъ (впослѣдствіи разстрѣлянный по приговору войсковаго круга), порядочно задолжавъ живучи «въ прикрытьѣ», подалъ Путилову доношеніе, въ которомъ значилось, что нѣсколько человѣкъ Яицкихъ казаковъ, отпущенныхъ къ Калмыкамъ для мѣны про свой обиходъ лошадей, взяли съ собой сколько-то свинцу и пороху. Путиловъ приказалъ этихъ казаковъ нагнать и произвести у нихъ обыскъ; не смотря на то, что у казаковъ не оказалось ни свинцу, ни пороху, фискалъ держалъ ихъ въ степи двѣ недѣли, требуя выкупа. Казаки, опасаясь попасть въ руки барандачей и потерять свой скарбъ и людей, вынуждены были дать Путилову 100 р., послѣ чего и получили свободу. Вообще все содержаніе коммиссіи Кроткова на Яикѣ, по исчисленію казаковъ, въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, стоило войску 1500 р., за исключеніемъ 260 р., данныхъ казаками Наумову, и 100 р., волчьей шубы въ 20 р. и 2-хъ кумачей, взятыхъ съ казаковъ Самарскимъ дворяниномъ Волковымъ, пріѣзжавшимъ на Яикъ въ 1717 году съ указомъ о крестьянахъ князя Меньшикова, а въ слѣдующемъ году сопровождавшимъ въ Яицкій городокъ Наумова.

Вотъ чего стоилъ пока казакамъ доносъ Карташева, а розыскъ еще только начинался! Нужно замѣтить, что вообще лица, являвшіяся на Яикъ съ цѣлію розыска, получали содержаніе, освѣщеніе и отопленіе отъ казаковъ. Всѣ расходы подобнаго рода должны были записываться, для взысканія впослѣдствіи съ виновныхъ, по рѣшеніи дѣла; но въ дѣйствительности ихъ несли не столько виновные, сколько невинные.

Между тѣмъ, поручикъ Кротковъ, набивъ карманы и силою присвоивъ себѣ нѣсколько казачьихъ семействъ, прибылъ въ Казань и представилъ дѣло о произведенномъ имъ слѣдствіи въ Казанскую Губернскую Канцелярію, которая препроводила это дѣло, вмѣстѣ съ извѣтчикомъ Карташевымъ, атаманами Меркурьевымъ и Филимоновымъ и нѣкоторыми казаками, въ Преображенскій Приказъ, куда всѣ эти лица и прибыли 28 Августа 1720 года, и вскорѣ препровождены въ Астрахань, а отсюда колодниковъ переслали снова на Яикъ, въ сопровожденіи конвоя изъ 50 солдатъ, подъ командою поручика Кустова.

---

[7]) О багреньѣ будетъ сказано дальше.

Въ тоже время Астраханская Губернская Канцелярія предписала коменданту г. Сызрана, маіору Воейкову, ѣхать на Яикъ для розыску [8]) и поручика Кустова подчинила Воейкову. Между тѣмъ атаманъ Бородинъ получилъ отъ Астраханскаго губернатора на имя всего войска указъ, чтобы маіору Воейкову, поручику Кустову и ихъ людямъ были отведены квартиры; чтобы казаки были послушны ему, Воейкову, и отдавали ему безъ всякой противности всѣхъ, до кого коснется дѣло по уликамъ доносителя и по сыску; также давать безъ замедленія по его требованію изъ Войсковой Избы бумагу на розыскъ, чернила, свѣчи и подводы, когда кончится розыскъ или понадобится поѣздка и безъ розыску.

Маіоръ Воейковъ писалъ въ Астраханскую Канцелярію, что Яицкій войсковой атаманъ съ товарищи словесно приказалъ передать ему, чтобы онъ на Яикъ для розыску не ѣздилъ, такъ-какъ-де Яицкое войско находится въ вѣдѣніи Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, а не Астраханской и Казанской губерній. Кустовъ вскорѣ донесъ Астраханской Губернской Канцеляріи, что казаки не даютъ ему подводъ, свѣчъ, бумаги, чернилъ и т. п., а привезенныхъ имъ туда казаковъ, которые не были скованы, атаманъ взялъ къ себѣ [9]). Маіоръ Воейковъ всѣми мѣрами старался отклонить свою поѣздку на Яикъ подъ разными благовидными предлогами. Изъ его писемъ къ губернатору Артемію Волынскому видно, что онъ не рѣшался ѣхать въ Яицкій городокъ, вопервыхъ, потому, что Каракалпаки и Киргизы, какъ ему сообщаютъ о томъ изъ Самары, «появились въ большомъ многолюдствѣ въ степи и могутъ подойти подъ Его Императорскаго Величества городы», и что Яицкая станица [10]) отправляется съ Яика къ Самарѣ и Сызрану, по чему производить слѣдствіе будетъ не съ кѣмъ, и что, кромѣ того, казаки заявили, что они «къ Астрахани не присудны и ему для розыска у нихъ не быть». Вовторыхъ, та станица пріѣхала на Батрацкую пристань (подъ Сызраномъ) для торговли и стала разъѣзжаться за своими промыслами въ другіе города. При этомъ Воейковъ замѣчаетъ, что онъ не разъ говорилъ лично и два раза писалъ станичному атаману, Степану Сумкину, чтобы онъ казаковъ въ дальнія мѣста не отпускалъ, а чтобы, расторговавшись, казаки ѣхали обратно на Яикъ, такъ какъ ихъ отсутствіе можетъ затянуть дѣло розыска по извѣту Карташева; но Сумкинъ, явившись къ Воейкову, отвѣчалъ, что Яицкіе казаки подвѣдомы Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, что розыскъ по дѣлу Карташева былъ уже произведенъ въ Казани, и потому вторично они подъ розыскъ не пойдутъ. Далѣе Воейковъ пишетъ, что онъ отправился бы на Яикъ съ станицею казаковъ; но такъ-какъ указа изъ Астрахани еще нѣтъ, то не можетъ и этимъ воспользоваться, ѣхать же степью одному, безъ казаковъ, небезопасно, особенно потому, что въ улусы Калмыцкихъ владѣльцевъ Даржина и Лекомбеева прибыло 500 Каракал-

---

[8]) Тамъ-же № 47 стр. 5.

[9]) Тамъ-же № 42, стр. 7.

[10]) Партія обозныхъ казаковъ съ рыбою, икрою, клеемъ, солью, мѣхами и т. п.

паковъ, которые и теперь тамъ. Воейковъ почему-то ждалъ изъ Астрахани указа въ отвѣтъ на свое письмо, содержаніе котораго основывалось на слухахъ, полученныхъ Воейковымъ отъ Волкова, который сообщалъ ему, будто атаманъ Бородинъ просилъ его передать коменданту, чтобы онъ на Яикъ не ѣздилъ для розысковъ, такъ какъ казаки подвѣдомы Иностранной Коллегіи. Въ виду этихъ соображеній Воейковъ и не рѣшился воспользоваться казачьей станицею, съ которою бы онъ могъ отправиться на Яикъ.

Между тѣмъ поручикъ Кустовъ, находившійся въ Яицкомъ городкѣ, писалъ станичному атаману Сумкину, чтобы онъ оставилъ Воейкову изъ числа станичныхъ казаковъ людей для сопровожденія его на Яикъ, о чемъ просилъ Сумкина и самъ Воейковъ; но Сумкинъ отказалъ, ссылаясь на полученное «отъ войсковаго атамана съ товарищи» письмо, въ которомъ значилось, чтобы Воейкову проводниковъ не давать и ему на Яикъ не ѣздить, «понеже Яицкіе казаки Астрахани неподсудны, указовъ Астраханскаго губернатора слушать не будутъ и къ розыску не пойдутъ». Раздраженный такимъ отвѣтомъ, Воейковъ приказалъ схватить казака Ивана Лукьянова, чтобы отправить его въ Астраханскую Губернскую Канцелярію, какъ главнаго подстрекателя станичныхъ казаковъ; но атаманъ Сумкинъ, во главѣ 200 казаковъ, бросился отнимать Лукьянова, осыпая Воейкова бранью и угрожая побоями. Казаки, чтобы выручить своего собрата, готовы были взяться за ружья. Воейковъ поспѣшилъ сѣсть въ лодку и удалился, захвативъ съ собою и Лукьянова. Такимъ образомъ слухи, сообщенные Воейкову Самарскимъ дворяниномъ Волковымъ, оправдались. Впрочемъ если бы не трусость Воейкова, онъ могъ-бы отправиться на Яикъ безъ всякихъ предварительныхъ сношеній съ Волковымъ и станичнымъ атаманомъ Сумкинымъ, такъ-какъ два гонца отъ Кустова—одинъ къ Сумкину и другой къ Воейкову (съ извѣстіемъ, что Каракалпаки и Калмыки дѣлаютъ въ улусахъ порохъ и ружья) свободно проѣхали съ Яика на Волгу [11]). Схваченный и арестованный Воейковымъ казакъ Лукьяновъ отправленъ былъ въ Астрахань, въ сопровожденіи солдатъ, писчика Степана Солодовникова и Татарина, присланнаго отъ Кустова. На пути Лукьяновъ подговорилъ солдатъ и бѣжалъ съ ними на Яикъ, подъ защиту войска.

10 Іюля 1720 г., изъ Сената въ Астраханскую Канцелярію, къ генералъ-аудитору Кикину, послѣдовалъ указъ, которымъ предписывалось всѣ слѣдственныя и сыскныя дѣла о Яицкихъ казакахъ представлять въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ: «понеже именнымъ Его Императорскаго Величества указомъ велѣно вѣдать оныхъ казаковъ въ той Коллегіи». Астраханская Губернская Канцелярія 17 Сентября сообщила объ этомъ Воейкову, присовокупивъ, что ему ни писать къ станичному атаману Сумкину, ни ѣздить къ казакамъ на Батрацкую пристань, а тѣмъ болѣе ловить и арестовать ихъ не слѣдовало, а что нужно-бы давно отправиться на Яикъ для производства розыс-

[11]) Ур. Войск. Вѣд. 1869 г., № 42, стр. 8.

ка по дѣлу Карташева: «понеже, за долговременнымъ его на Яикъ непріѣздомъ, посланные съ поручикомъ Кустовымъ солдаты пребываютъ безъ жалованья, также и обрѣтающіеся при немъ поручикѣ Татары пришли въ крайнее раззореніе и убытокъ, лошадей своихъ испродали и впредъ положеннаго на нихъ ясаку платить нечѣмъ» и т. п., и что все это «впредъ возьмется на немъ, Воейковѣ» [12]).

Въ тоже время Астраханская Канцелярія предписала Яицкому войску, чтобы оно во всемъ было послушно Воейкову, такъ какъ онъ отправляется туда вслѣдствіе распоряженія Преображенскаго Приказа, а 20 Ноября того же года посланъ на Яикъ указъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, чтобы войско во всемъ безпрекословно повиновалось маіору Воейкову.

Пока производилась эта переписка, Воейковъ отправилъ на Яикъ подъячаго Попова, который долженъ былъ объявить войску указъ Астраханской Канцеляріи о послушаніи ему. Поповъ, прибывъ въ Яицкій городокъ, вскорѣ сообщилъ Воейкову, что когда онъ читалъ указъ въ войсковомъ кругу, то Григорій Меркурьевъ и другіе казаки заявили, что они подвѣдомы Иностранной Коллегіи, а не Астраханскому губернатору, и чтобы маіоръ Воейковъ для розыску на Яикъ не ѣздилъ; казакъ же Ѳеодоръ Рукавишниковъ прибавилъ: «долго-ли еще розыщикамъ въ казачій городокъ ѣздить и ихъ разорять? что онъ, Рукавишниковъ, пойдетъ къ Его Императорскому Величеству и будетъ бить челомъ имянно, дабы онаго розыску не было; понеже Царское Величество вѣдаетъ его имянно и не промѣняетъ на лучшаго генерала». Далѣе Поповъ сообщаетъ, что Рукавишниковъ въ его присутствіи что-то шепталъ многимъ казакамъ на ухо и три дня сряду, являясь въ войсковой кругъ, выбиралъ въ челобитчики, кого захочетъ, имѣя при себѣ для обороны человѣкъ до двадцати вооруженныхъ казаковъ.

Почти одновременно съ этимъ поручикъ Кустовъ извѣщалъ Воейкова, что Рукавишниковъ просилъ въ кругу, чтобы ему дали желѣза сковать поручика и солдатъ, называя его, Кустова, чертомъ и мошенникомъ [13]).

Обо всемъ этомъ Воейковъ не замедлилъ донести генералъ-аудитору Кикину. Вслѣдъ затѣмъ, Яицкое войско увѣдомило Воейкова, что изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ къ Казанскому губернатору Салтыкову прислана грамота, которой ему предписывалось произвести слѣдствіе по дѣлу Карташева и «учинить указъ»; но что Салтыковъ, отклонивъ отъ себя это дѣло, велѣлъ войску бить челомъ Иностранной Коллегіи, чтобы дѣло о Карташевѣ и объ офицерахъ, бравшихъ съ казаковъ взятки, было разсмотрѣно тамъ, почему войско и отправило въ Петербургъ выборныхъ съ челобитьемъ. Вскорѣ Воейковъ получилъ новое доношеніе отъ Попова, который писалъ, что казаки продолжаютъ стоять на своемъ: «если маіоръ Воейковъ поѣдетъ къ намъ съ розыскомъ, то мы всѣмъ войскомъ

---

[12]) Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 42, стр. 8.
[13]) Тамъ же, стр. 9-я.

встрѣтимъ его у Переметнаго умета [14]) и къ городу не пустимъ». Вмѣстѣ съ этимъ Поповъ извѣщалъ Воейкова, что прежній атаманъ, Матвѣй Мироновъ, находится у казаковъ подъ карауломъ, и что его уже три раза приводили въ кругъ и приговаривали къ смертной казни, «понеже-де онъ, Мироновъ, имъ воспрещалъ во всякихъ противностяхъ, которыя они чинили указамъ».

Поповъ препроводилъ также къ Воейкову «извѣтъ съ Яику на Рукавишникова съ товарищи отъ казаковъ Ивана Елисѣева и Аѳанасья Назарова», содержавшихся тамъ подъ арестомъ. Елисѣевъ показалъ, что онъ въ 1719 году подалъ Казанскому губернатору за царственною печатью [15]) доношеніе на Яицкихъ казаковъ, поименованныхъ въ самомъ доношеніи; вслѣдствіе чего Елисѣевъ былъ отправленъ изъ Казани въ Астрахань съ Яицкимъ атаманомъ, Игнатьемъ Мусатовымъ и есауломъ Гаврилою Старцевымъ, которые, по совѣту атамана Никиты Бородина, привезли Елисѣева «воровски» на Яикъ «къ убійству, и били въ кругу смертнымъ убійствомъ и спрашивали, что написано у него за царственною печатью, и приговаривали разъ подъ-двадцать казнить»; и что казаки, которые «съ Яику ушли уходомъ»—челобитчики они или доносчики—по возвращеніи изъ Петербурга, возмутили все войско, заявивъ, что будто «канцлеръ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ войску Яицкому приказалъ, кто скажетъ за собою царское слово или дѣло, и такихъ-де людей не объявляйте, а сами казните, кто будетъ доносить».

Аѳанасій Назаровъ заявилъ, что онъ въ томъ же 1719 г. подалъ Казанскому губернатору доношеніе объ укрывательствѣ Яицкими казаками бѣглыхъ солдатъ и другихъ «причинныхъ» людей; и что по тѣмъ его доношеніямъ такіе люди сысканы, и причинный человѣкъ Сибирянинъ Иванъ Прянишкинъ битъ кнутомъ, и опредѣлили его на старое жилище жить; а которые явились солдаты, подпрапорщикъ Василій Константиновъ, Самаряне: Михайло Чумаковъ, Михайло Мелентьевъ да Иванъ Дехтеревъ, отпущены были, по ихъ просьбѣ, въ прежнія мѣста жительства. Но возмутители, Ѳедоръ Рукавишниковъ, Трифонъ Новиковъ и Макаръ Коловертинцевъ, поставили ихъ въ казаки, сказывая въ войсковомъ кругу, что имъ Царь изъ своихъ устъ приказалъ опять принимать людей всякихъ чиновъ, кто чей и откуда бы ни былъ. Въ извѣтѣ Назарова также упомянуто, что его доношеніе хранится въ станичной избѣ, а его, Назарова, бьютъ и хотятъ казнить, оболгавъ взятками, и что онъ находится съ Елисѣевымъ подъ однимъ арестомъ. Воейковъ, получивъ этотъ извѣтъ, копію съ него препроводилъ въ Астрахань.

Такимъ образомъ, изъ этой переписки видно, что Воейковъ, не рѣшаясь ѣхать самъ, посылалъ отъ себя на Яикъ разныхъ подъячихъ, писалъ на Яикъ Кустову, въ Астрахань къ Волынскому и

---

[14]) Переметный уметъ находится въ 20 верстахъ отъ Уральска на Сѣверозападъ.

[15]) Печать царства Казанскаго, какъ это видно изъ другихъ мѣстъ.

Кикину; Кустовъ писалъ Волынскому и Воейкову; Волынскій и Кикинъ писали Яицкому войску и Воейкову, войско писало Воейкову и т. д.; словомъ, много было истрачено чернилъ и бумаги, а дѣло о Карташевѣ не подвигалось впередъ, напротивъ, осложнялось новыми доносами и новыми выходками со стороны озлобленныхъ казаковъ.

Въ то время, какъ станичный атаманъ Сумкинъ жилъ на Батрацкой пристани, а обозные казаки расторговывались въ разныхъ городахъ и закупали хлѣбъ и другіе необходимые для нихъ предметы, у Воейкова содержались подъ арестомъ семь человѣкъ Яицкихъ казаковъ, изъ которыхъ трое были взяты, по челобитью комисара Василья Иванова, за корчемную продажу соли. Сумкинъ, вслѣдствіе общаго желанія и согласія станичныхъ казаковъ, послалъ къ Воейкову есаула Ивана Вавилова хлопотать объ освобожденіи арестантовъ. Воейковъ приказалъ освободить арестованныхъ и отдать ихъ на поруки Вавилову, при чемъ послѣдній долженъ былъ заплатить за каждаго арестанта по полуполтинѣ денегъ Сызранскому подъячему Григорью Осипову, а самъ — отправиться съ Воейковымъ въ Самару. Въ Самарѣ явился къ Воейкову бѣглый съ Яика солдатъ, Петръ Клементьевъ, и подалъ доносъ на Вавилова, что будто онъ, въ присутствіи двоихъ солдатъ, уговаривалъ его, Клементьева, возвратиться на Яикъ, обѣщая ему положеніе «лучше лучшаго маіора», замѣтивъ при этомъ, что «кто къ нимъ на Яикъ забѣжитъ, и тому будетъ лучше маіора, а выдачи отъ нихъ никогда не будетъ». Въ тоже время поручикъ Кустовъ прислалъ къ Воейкову двухъ солдатъ—Андрея Мещерякова и Ивана Тулупова, которые заявили, что ими опознаны на Яикѣ въ казакахъ: подпрапорщикъ Михайло Дементьевъ, солдатъ Осипъ, извѣстный между казаками за Никиту Крашенинникова [16]), и еще одинъ драгунъ, при чемъ Мещеряковъ и Тулуповъ сослались на казака Карташева, который будто знаетъ до полутораста бѣглыхъ драгунъ, проживающихъ на Яикѣ.

Между тѣмъ Яицкіе казаки отправили въ Самару двоихъ казаковъ, Никифора Степанова и Семена Петрова, поразвѣдать относительно поѣздки къ нимъ Воейкова, снабдивъ ихъ погонною подорожною, какъ будто для розыска бѣглыхъ Чувашъ. Дорогою они обогнали Мещерякова и Тулупова, посланныхъ отъ Кустова къ Воейкову, которые и сообщили сему послѣднему о казачьихъ соглядатаяхъ. Степановъ и Петровъ, доѣхавъ до Самары, оставили лошадей за р. Самаркою и отправились въ городъ пѣшкомъ; здѣсь они были арестованы и представлены къ Воейкову. Сначала они не хотѣли открыть настоящей цѣли своей поѣздки въ Самару, ссылаясь на погонную подорожную; но, благодаря батогамъ, во всемъ признались. Во время допросовъ, они заявили, что ихъ послалъ атаманъ Иванъ Ивановъ

---

[16]) Казаки, желая скрыть бѣглыхъ, съ согласія ихъ, измѣняли иногда самое имя и прозвище бѣжавшихъ къ нимъ людей. Наприм. извѣстно, что Ѳедоръ Рукавишниковъ носилъ и другую фамилію, Крашенинникова. См. соч. Пушкина изд. 1859 г., т. VI, стр. 207.

да совѣтники Рукавишникова—казаки Коловертинцевъ и Новиковъ съ товарищи; что Рукавишниковъ, отправляясь въ Петербургъ, взялъ самовольно 800 рублей войсковыхъ денегъ и 50 казаковъ, и приказалъ всему войску не пускать Воейкова въ ихъ городокъ, а «для подтвердительства въ томъ» оставилъ на Яикѣ своихъ совѣтниковъ, Новикова и Коловертинцева. Далѣе казаки показали, что войско во всемъ слушаетъ его, Рукавишникова, и его совѣтниковъ, дѣйствуя согласно ихъ желаніямъ, и потому казаки единогласно положили въ своемъ кругу: «всеконечно его, Воейкова, въ казачій городокъ не пускать». Воейковъ обо всемъ этомъ донесъ Волынскому и Кикину, присовокупивъ, что Рукавишниковъ—бѣглый съ каторги [17]). Онъ уже умалчиваетъ объ опасностяхъ проѣзда на Яикъ, но замѣчаетъ, что «за тою противностью казаковъ, малолюдствомъ пріѣхавъ на Яикъ, оному розыску изслѣдовать въ существо невозможно, понеже у нихъ въ казакахъ бѣглыхъ солдатъ и крестьянъ и другихъ всякаго чина пришлыхъ людей умножилось, и посланныхъ указовъ не слушаютъ». Впрочемъ Воейковъ, помня замѣчаніе Астраханской Канцеляріи, сдѣланное ему относительно голодавшихъ на Яикѣ солдатъ Кустова [18]), въ Январѣ слѣдующаго года отправилъ на Яикъ подъячаго Ив. Акимова съ хлѣбнымъ запасомъ и, наконецъ, вслѣдъ за нимъ рѣшился отправиться самъ.

Казаки, въ числѣ 200 человѣкъ, встрѣтили Акимова за двѣ версты отъ Яицкаго городка, обозъ съ хлѣбомъ остановили, а самого Акимова подъ карауломъ привели къ станичной избѣ. Затѣмъ собранъ былъ войсковой кругъ, на которомъ постановлено: «хлѣбнаго запаса въ городъ не допускать и вощикамъ сѣна для ихъ лошадей не продавать». Акимовъ былъ отпущенъ къ обозу, а на городскихъ воротахъ и валу поставленъ караулъ, который никого не долженъ былъ пропускать въ городъ. Вскорѣ къ обозу прибылъ и самъ Воейковъ. «Для сущаго увѣренія», онъ поѣхалъ было въ городъ; но казаки, въ числѣ уже 500 человѣкъ, съ ружьями, пиками и бунчуками, вышли къ нему на встрѣчу. Воейковъ послалъ спросить, почему они не хотятъ пустить его въ городъ, и требовалъ, чтобы съ отвѣтомъ явились къ нему старшины и есаулъ. Атаманъ Ив. Ивановъ, Никита Зѣвакинъ, Григорій Меркурьевъ и ихъ соумышленники отвѣчали, что они есаула и старшинъ посылать не желаютъ, а его, Воейкова, въ городъ не пустятъ. Между тѣмъ, поручикъ Кустовъ, находившійся въ городѣ, извѣстилъ Воейкова, что казаки всѣхъ его солдатъ изъ квартиръ выгнали и самого его высылаютъ изъ города. Воейковъ, въ отвѣтъ на это, приказалъ Кустову, забравъ колодниковъ и дѣла, выйти съ солдатами къ нему въ степь. Кустовъ такъ и сдѣлалъ, но привелъ съ собою только двоихъ колодниковъ, Ив. Карташева и Ѳедора Бухарева, прочихъ же казаки не дали; не дали и лошадей, чтобы вывезти вещи Кустова за городъ. Вслѣдъ за

---

[17]) Этого, какъ увидимъ, Рукавишниковъ впослѣдствіи, на допросахъ въ Военной Коллегіи, не призналъ.

[18]) Отъ 17 Сентября 1720 г.

этимъ, казаки, отъ имени всего войска, написали Воейкову, что они не пускаютъ его въ городъ и не идутъ подъ розыскъ къ нему потому, что у нихъ съ нимъ «приказная ссора», и что они послали въ Петербургъ съ челобитьемъ на него «во всякихъ его налогахъ на нихъ», а также просили въ челобитной и о томъ, чтобы дѣло о Карташевѣ было разсмотрѣно и разобрано въ Петербургѣ. Получивъ такой отвѣтъ, Воейковъ не хотѣлъ дальше оставаться въ виду Яицкаго городка и возвратился въ Сызранъ, потравивъ, по словамъ казачьей челобитной, казачьи сѣна и разоривъ конскія стойла по р. Чагану, при урочищѣ Чувашскіе Усады и у Краснаго Колка, гдѣ казаки находились на звѣриной охотѣ. 19 Января 1721 г., Воейковъ донесъ о своей Яицкой поѣздкѣ Астраханской Канцеляріи, откуда уже были посланы указы ему и Кустову, которыми предписывалось, чтобы колодники изъ Яицкихъ казаковъ содержались въ Сызранской канцеляріи; а 21 Января того же года Астраханская Канцелярія донесла въ Преображенскій Приказъ, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ и въ Сенатъ объ упорствѣ и неповиновеніи казаковъ, представивъ при этомъ и копіи съ донесеній Воейкова и Кустова.

Между тѣмъ, казаки, озлобленные непомѣрными и безпрерывными взятками отъ наѣзжавшихъ къ нимъ чиновниковъ и фискаловъ изъ Казани и Самары, съ цѣлію розыска, арестами казаковъ, пріѣзжавшихъ на Батрацкую пристань, а также, желая, вѣроятно, запугать Воейкова, въ началѣ Декабря 1720 г., послали двѣ челобитныя въ Петербургъ, гдѣ въ это время находился съ зимовой станицею атаманъ Рукавишниковъ, на имя котораго и были отправлены челобитныя. Казаки писали Рукавишникову, что если онъ получитъ отъ Государя и его канцлера, графа Головкина, грамоту о ихъ войсковыхъ нуждахъ, то прислалъ бы ее скоро. Настаивая на томъ, чтобы дѣло о Карташевѣ разбиралось въ Петербургѣ, казаки думали, что лучше заплатить одинъ разъ, чѣмъ кормить голодныя комиссіи, пріѣзжавшія къ нимъ на Яикъ, и потомъ платить въ Казани, Астрахани, Самарѣ, Сызранѣ, платить и въ столицѣ, когда слѣдствіе по розыску поступитъ туда на разсмотрѣніе. Въ милостивцахъ недостатка не было: чиновники Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ давно имъ были знакомы, а обычные презенты съ рыбою и икрою отъ войска могли довершить это дѣло. Такой ходъ дѣлу о Карташевѣ далъ Рукавишниковъ, который съ этою цѣлію и отправился въ Петербургъ, во главѣ зимовой станицы. Чиновники того времени не только отличались крайнею жадностью, но и особеннаго рода искусствомъ въ изобрѣтеніи средствъ и поводовъ для взятокъ. Такъ, напримѣръ, въ 1718 году, Самарскій дворянинъ Волковъ, присланный на Яикъ, для приведенія казаковъ къ присягѣ царевичу Алексѣю Петровичу, взялъ за это съ нихъ 600 р., угрожая удержать ихъ отъ предстоявшаго рыболовства. Впрочемъ, подобное случилось и гораздо позже: чуть не полвѣка спустя, Екатерина въ своемъ указѣ, изданномъ чрезъ три недѣли по восшествіи на престолъ, противъ взятокъ, говоритъ о своемъ «содроганіи», когда узнала, что за приводъ къ присягѣ ей въ вѣрности, и притомъ съ бѣднаго народа, чиновники брали

взятки деньгами, также, вѣроятно, стѣсняя ихъ въ отправленіи хозяйственныхъ работъ. Казаки живо еще помнили Кроткова, Путилова и другихъ добросовѣстныхъ слѣдователей, пріѣзжавшихъ къ нимъ на Яикъ, по дѣлу Карташева.

Атаманъ Рукавишниковъ, который сталъ теперь во главѣ ходатаевъ за казаковъ, отличался замѣчательной энергіей, здравой Русской смѣткой и преданностью войску. Происходя, по свидѣтельству Воейкова, изъ Сибирскихъ каторжниковъ, онъ былъ достойнымъ предшественникомъ извѣстнаго впослѣдствіи своей неукротимостью и способностями, сподвижника Пугачева, Хлопуши. Онъ скоро пріобрѣлъ великое вліяніе въ Яицкомъ войскѣ: казаки не разъ отправляли его отъ войска въ зимовой станицѣ въ Петербургъ и, благодаря этому, безграмотный Рукавишниковъ узналъ всякія нужныя вещи и всѣ подходы, а впослѣдствіи, какъ увидимъ, сдѣлался лично извѣстенъ Петру Великому. Войско всегда покорно и послушно относилось къ нему, уважало и цѣнило его способности и совѣты, которые были для казаковъ словно законъ писанный. Въ то время, какъ обычная перемѣна прежнихъ атамановъ и выборы новыхъ шли своимъ чередомъ, Рукавишниковъ имѣлъ такую силу въ войскѣ, что и въ его отсутствіе, по однимъ его письмамъ изъ Петербурга, войсковые атаманы предавали смертной казни тѣхъ изъ казаковъ, которыхъ почему-либо онъ считалъ вредными для войска [19]). Понятно, что, при такомъ значеніи Рукавишникова среди войска, бунтъ казаковъ, если бы онъ дѣйствительно былъ въ это время на Яикѣ, какъ писалъ о томъ Пушкинъ и за нимъ повторили другіе, не могъ бы быть неизвѣстенъ и въ другихъ мѣстностяхъ, кромѣ маленькаго Яицкаго городка.

Въ описываемое нами время Рукавишниковъ, отправляясь въ Петербургъ, имѣлъ въ виду и другія нужды войска, изъ которыхъ главною была—возобновленіе царской «владѣнной» грамоты войску на р. Яикъ со всѣми впадающими и выходящими изъ него «рѣки и протоки», грамоты, оригиналъ которой сгорѣлъ въ пожаръ, бывшій между 1680—1690 годами и уничтожившій почти весь Яицкій городокъ. Въ эту-то поѣздку въ Петербургъ, Рукавишниковъ далъ и извѣстное показаніе о началѣ и происхожденіи Яицкаго войска, приведенное Рычковымъ, въ его «Топографіи Оренбургской губерніи». Тогда же онъ подалъ и челобитную слѣдующаго содержанія.

Державнѣйшій царь, Государь милостивѣйшій!

Въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ (тому будетъ лѣтъ съ сорокъ), били челомъ мы, нижеименованные, Вамъ Царскому Величеству: за прежнія наши рабовъ твоихъ службы чтобъ Ваше Царское Величество пожаловалъ бы насъ, рабовъ твоихъ, что на которой мы, рабы твои, рѣкѣ Яикѣ за Вашу Царскаго Величества волю набрались на житье вольными людьми, пожаловалъ бы насъ, рабовъ твоихъ, тою помянутою рѣкою Яикомъ съ вершинъ и до устья, и

---

[19]) Ур. Войск. Вѣдом. 1869 г., № 31; сличи № 44.

которые въ Яикъ текутъ [20]) рѣчки и протоки, такожъ и въ тѣ рѣчки и протоки, въ которые бѣгутъ воды и со всѣми угодьи. И противъ нашего, рабовъ твоихъ, прошенія дана Ваша Царскаго Величества на помянутыя рѣчки во владѣніе грамота, чтобъ намъ рабамъ твоимъ тою помянутою рѣкою Яикомъ владѣть съ вершинъ и до устья, съ рѣчки и протоки, такожъ которыя и въ тѣ рѣчки и протоки бѣгутъ воды и со всѣми угодьи, а другихъ городовъ обывателямъ тою помянутою рѣкою съ рѣчки и протоки и со всѣми угодьи, Самарянамъ и Синбирянамъ и прочихъ городовъ людемъ, Башкирцамъ и Калмыкамъ, рыбы не ловить и другихъ промысловъ и учуговъ не запирать, и другихъ обидъ не чинить,—кромѣ насъ рабовъ твоихъ, никому не велѣно. И въ прошлыхъ, Государь, годѣхъ (тому будетъ лѣтъ тридцать и болѣе) волею Божіею, церковь соборная, такожъ и Войсковая наша Изба, сгорѣли, и въ то пожарное время въ помянутой избѣ которыя присланныя отъ Вашего Величества грамоты о владѣніи нашей рѣки Яику и о другихъ нашихъ казачьихъ дѣлахъ погорѣли. И увѣдомившись о томъ, въ прошломъ [21]) году, градскіе Самарскіе жители, Калмыки и Башкирцы, что помянутая у насъ, рабовъ твоихъ, владѣнная грамота сгорѣла, въ томъ намъ, рабамъ твоимъ, Самаряне, и Башкирцы, и Калмыки чинятъ изневажество немалое и владѣютъ нашими рѣчками и протоками и всѣми угодьи; такожъ Калмыки въ Яикѣ рѣкѣ рыбу ловятъ и учуги запираютъ. И противъ той помянутой на насъ, рабовъ твоихъ, обиды съ вышеписанными Самарянами, съ Башкирцы и Калмыки противиться стало не по чему. Да въ прошлыхъ же, Государь, съ 701 году и по нынѣшній 702-й годъ, Калмыцкіе владѣльцы, а именно Добжа и дѣти его Лобжай Ибай [22]), да владѣлецъ Алегбей, творятъ намъ, рабамъ твоимъ, изневажество немалое: въ Яикѣ рѣкѣ рыбу въ міровыхъ мѣстахъ ловятъ и табунами своими съ нашихъ урочныхъ мѣстовъ рыбу сгоняютъ, и учуги запираютъ, и сѣнные наши покосы табунами травятъ, изъ-подъ города нашего воровски скотину всякую отгоняютъ, и ударомъ на насъ, рабовъ твоихъ, бьютъ, и во всемъ насъ раззоряютъ. А противъ ихъ Калмыцкаго воровства съ ними безъ твоего Царскаго Величества указу противиться не смѣемъ. Да къ нимъ же помянутымъ владѣльцамъ пріѣзжаютъ воинскіе люди Каракалпацкіе и Киргизы человѣкъ по двѣсти и по триста, и оные владѣльцы безъ Вашего Царскаго Величества указу съ ними мирятся, и живутъ у нихъ владѣльцевъ въ улусѣхъ ихъ помянутые непріятельскіе люди мѣсяца по два и по три, и тѣхъ помянутыхъ владѣльцевъ улусные ихъ люди подводятъ тѣхъ непріятельскихъ людей подъ твои Государевы городы и уѣзды и подъ насъ, рабовъ твоихъ, и оные непріятельскіе люди вотчинѣ твоей Государевой и намъ, рабамъ твоимъ, чинятъ раззореніе немалое: конскіе табуны и скотинные безпрестанно отгоняютъ и насъ, рабовъ твоихъ, въ полонъ берутъ, и на смерть побиваютъ. А какъ оные воинскіе люди къ нимъ, владѣльцамъ, пріѣзжаютъ и отъ нихъ отъ улусовъ отъѣзжаютъ, и намъ, рабамъ твоимъ, про нихъ вѣдомости никакой не учиняютъ. Всемилостивѣйшій Государь! Просимъ Вашего Величества, вели, Государь, намъ, рабамъ твоимъ, за службы наши по

---

[20]) Въ Урал. В. Вѣд. (1869 г., № 33), откуда мы заимствуемъ эту челобитную, сказано, вмѣсто: „текутъ рѣчки“, тянутъ рѣчки“.

[21]) Далѣе одно слово не разобрано и потому пропущено.

[22]) Не слѣдуетъ ли читать „Лобжай и Бай“?

своему милостивому Царскому Величеству противъ прежней Вашего Царскаго Величества грамоты, что у насъ, рабовъ твоихъ, сгорѣла, вмѣсто ея во владѣніе помянутыя рѣки Яику съ рѣчки и съ протоки и со всѣми угодьи пожаловать прислать къ намъ, рабамъ твоимъ, свою Великаго Государя грамоту; такожъ насъ, нижепоименованныхъ, отъ обидъ и отъ палоговъ, отъ Самарскихъ обывателей, отъ Башкирцевъ и отъ Калмыковъ отборонить, чтобъ твоей Царскаго Величества вотчинѣ и намъ, рабамъ твоимъ, въ конецъ не раззориться и твоей государевой службы не отбыть.

Вашего Царскаго Величества нижайшіе рабы заполные [23]) рѣки Яику Яицкіе атаманы, казаки Иванъ Ивановъ и всѣ рядовые казаки 2600 человѣкъ. 1720 году, Октября въ 8 день, къ сей челобитной, вмѣсто Яицкаго атамана Ивана Иванова и всего Яицкаго войска, по ихъ велѣнію, Алексѣевскія церкви священникъ Іовъ Клементьевъ руку приложилъ.

Эта челобитная, отправленная съ Рукавишниковымъ, получена въ Петербургѣ 7 Декабря, а 10 Декабря казаки, сопровождавшіе Рукавишникова, равно какъ и самъ Рукавишниковъ, были приглашены въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ для допроса, на которомъ они и подтвердили подлинность челобитной. Въ справкѣ по этой челобитной, между прочимъ, замѣчено: «А въ нынѣшнемъ 1721 году, Января 9 дня, въ присланныхъ изъ Казани вѣдомостяхъ о состояніи ихъ, Яицкихъ казаковъ, противъ ихъ вопросовъ, дача Великаго Государя жалованной грамоты на рѣку Яикъ съ рѣчками была-ль, того въ тѣхъ вѣдомостяхъ не именовано». Затѣмъ та челобитная была передана въ Военную Коллегію, въ вѣдѣніе которой, съ 10 Марта 1721 г., поступило Яицкое войско.

26 Мая 1721 г. Военная Коллегія подъ предсѣдательствомъ князя Меншикова опредѣлила, за неимѣніемъ свѣдѣнія, изъ какого приказу была выдана казакамъ жалованная грамота, отослать ихъ челобитную въ Сенатъ. О распоряженіи Сената и вообще о дальнѣйшей судьбѣ челобитной намъ неизвѣстно [24]). Впослѣдствіи Уральское войско, желая рѣшить спорное дѣло съ Киргизами Внутренней Орды о Между-Узенскомъ участкѣ, неоднократно, начиная съ 1833 года, отправляло въ Петербургъ войсковыхъ чиновниковъ и выборныхъ

---

23) Извѣстно, что степи (поля), простиравшіяся на Югъ отъ Москвы къ Крымскимъ степямъ, и инородческія земли за Казанью по Волгѣ и впадающимъ въ нее рѣкамъ, назывались „дикими полями“; отсюда образовалось и прилагательное „заполный“ (запольный); запольные казаки—казаки, жившіе въ мѣстахъ, находившихся за дикими полями. На этомъ основаніи самая р. Яикъ называлась „заполною“ рѣкою. (См. Акты Истор., т. X, № 80, стр. 385; сличи тамъ же № 26, стр. 74). См. также: „Чтеніе проф. Калачева о писц. книгахъ 4 Декаб. 1868 г.“ и въ Р. Вѣстн. (за 1869 г., № 4-й) статья объ изданіи извлеченій изъ писцовыхъ книгъ.

24) Въ выпискѣ изъ Оренб. Секретной Коммиссіи, между прочимъ, сказано: „Яицкіе казаки, бывъ въ разныхъ походахъ блаженныя памяти съ императоромъ Петромъ Великимъ, заслужили монаршее его благоволеніе и, въ награду за ихъ службу, получили подтвержденіе прежнихъ своихъ привиллегій“. Чт. общ. Истор. и древн. Росс. 1859 г. т. 3, стр. 108.

отъ войска, съ порученіемъ отыскать нужныя бумаги въ Архивѣ Военной Коллегіи, въ томъ числѣ и неизвѣстное намъ рѣшеніе Сената, по поводу челобитной 1721 года; но всѣ эти поиски кончились ничѣмъ. Челобитная важна въ томъ отношеніи, что она можетъ служить исторически-вѣрнымъ опроверженіемъ тѣхъ нелѣпыхъ толковъ, которые въ настоящее время распространены на Уралѣ. Сущность этихъ толковъ заключается въ томъ, будто «владѣнная» грамота на р. Яикъ, полученная войскомъ отъ царя Михаила Өеодоровича, сохранилась доселѣ и сберегается, какъ величайшая тайна, у кого-то изъ казаковъ. Вѣра въ существованіе этой «владѣнной» у нѣкоторыхъ казаковъ до того сильна, что многіе рѣшались пожертвовать имуществомъ, званіемъ и правами казака и отправлялись въ Аму-Дарьинскій край, въ надеждѣ возвратиться на берега роднаго Яика и зажить привольно старинною жизнію, когда защитница «владѣнная» изъ сокровенныхъ тайниковъ своихъ попадетъ въ руки верховной власти. Главными распространителями толковъ о «владѣнной» были казаки Гузиковъ и Стяговъ, которые и получили должное возмездіе,—оба сосланы въ Сибирь. Подъ вліяніемъ ихъ среди казаковъ распространились толки о томъ, что «владѣнная» на р. Яикъ не сгорѣла, какъ думаютъ другіе, а что она была спасена во время пожара дьякономъ Архангело-Михайловскаго собора, гдѣ будто она хранилась; что этотъ дьяконъ, умирая, передалъ ее другому, обязавъ подъ клятвою не казать никому, кромѣ самого Государя, и притомъ непосредственно; что «владѣнная» эта хранится въ особомъ чугунномъ футлярѣ, зарытомъ въ землю и т. п. Объ этихъ толкахъ мы лично слышали отъ одного урядника Уральскаго войска, который также сообщилъ намъ, что на волненіе казаковъ особенно сильное вліяніе имѣли женщины-казачки.

Въ 1721 году атаманъ Рукавишниковъ, находившійся съ зимовой станицей въ Петербургѣ, получилъ отъ войска новую челобитную, въ которой казаки, жалуясь на взяточничество и произволъ сыщиковъ, просили Государя «послать для подлиннаго розыску къ нимъ на Яикъ отъ своея пресвѣтлыя державы изъ правовѣрныхъ и праводушныхъ рабовъ своихъ, кромѣ Казанскихъ офицеровъ, розыскать». Рукавишниковъ подалъ челобитную въ Сенатъ, а вслѣдъ затѣмъ состоялся указъ, въ силу котораго челобитчики должны были явиться къ Государю. Выслушавъ внимательно казаковъ, Петръ пожаловалъ ихъ саблями и благодарилъ, что они «не дали раззорить его Государеву вотчину, Яицкое войско и, не допустили до напраснаго кровопролитія».

....

Глава III.

Мы уже знаемъ, что Яицкое войско, въ лицѣ своихъ депутатовъ, неоднократно выражало желаніе, чтобы на Яикъ былъ присланъ для розыска кто-либо «изъ правовѣрныхъ и праводушныхъ рабовъ отъ пресвѣтлыя державы Государя». Вслѣдствіе этого, 30 Іюня 1721 г., В. Коллегія положила отправить на Яикъ полковника Ерголь-

скаго, приготовивъ ему особую инструкцію; но поѣздка Ергольскаго на Яикъ, какъ потомъ и отправленіе полковника Ив. Вас. Болтина, почему-то не состоялась. Наконецъ, 7 Сентября 1722 г. рѣшено отправить на Яикъ, для производства слѣдствія по дѣлу Карташева, полковника Казанскаго гарнизона Ивана Захарова, придавъ къ нему изъ «заполошныхъ» (сверхъкомплектныхъ) маіора Якова Протасова и капитана Астраханскаго гарнизона Никиту Коробова [25]). Всѣ бумаги, касавшіяся Яицкаго войска по доносу Карташева, были препровождены изъ В. Коллегіи въ Казань къ Захарову съ канцеляристомъ Ильею Тарабынинымъ, которому приказано отправиться съ Захаровымъ на Яикъ и состоять при немъ до окончанія дѣла; Тарабынину были подчинены и Казанскіе подъячіе. Полковникъ Захаровъ обязывался: 1) предъ отъѣздомъ изъ Казани, въ присутствіи губернатора принять присягу; 2) взять съ собою двѣ роты драгунъ или одну роту драгунъ, а другую пѣхоты; 3) если оговоренные казаками офицеры и фискалъ Путиловъ сознаются во взяткахъ и другихъ взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ, то не отправляя ихъ на Яикъ, держать подъ арестомъ въ Казани; имущество ихъ конфисковать, а о производствѣ надъ ними слѣдствія представить въ В. Коллегію экстрактъ; 4) въ случаѣ же ихъ упорства или запирательства, «пытать накрѣпко», особенно фискала Путилова, если будутъ ясныя улики; 5) которые и послѣ пытокъ не сознаются, взять ихъ на Яикъ, а имущество ихъ описать; 6) по прибытіи на Яикъ, не приступая еще къ слѣдствію, атамана, старшинъ и казаковъ привести къ присягѣ; 7) къ производству слѣдствія по доносамъ Карташева и другихъ приступить немедленно и, если дѣло дойдетъ до пытокъ, «пытать накрѣпко»; 8) подозрительныхъ изъ казаковъ и иногородныхъ арестовать и немедленно донести о томъ въ Военную Коллегію съ нарочнымъ курьеромъ; 9) произвести перепись казаковъ; 10) составить именные списки ихъ и прислать въ В. Коллегію «за своею рукою»; 11) запретить казакамъ принимать бѣглыхъ, подъ опасеніемъ смертной казни; 12) по окончаніи розыска, донести обо всемъ въ В. Коллегію и оставаться на Яикѣ до полученія особаго указа; 13) увѣдомить В. Коллегію съ нарочнымъ курьеромъ о времени начала слѣдствія въ Казани, о времени выѣзда изъ Казани, о прибытіи на Яикъ и другихъ дѣлахъ, касающихся слѣдствія и его производства; 14) выданные изъ В. Коллегіи деньги 300 рублей «держать съ запискою и росписками имянно»; бумагу, чернила, свѣчи и дрова брать въ Казани отъ губернатора, а на Яикѣ изъ Войсковой Избы; 15) на отправленіе курьеровъ по тракту отъ Казани до Яицкаго городка требовать на станціяхъ опредѣленное число лошадей; 16) квартиры на Яикѣ для себя, приказныхъ людей и драгунскихъ ротъ занимать по своему усмотрѣнію; 17) драгунъ и солдатъ содержать на счетъ казаковъ, объявивъ послѣднимъ, что всѣ расходы, необходимые для

[25]) Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 45 и 1870, № 44. Это тотъ самый Коробовъ, который сопровождалъ Карташева и другихъ колодниковъ изъ Астрахани въ Преображенскій Приказъ.

этого, взысканы будутъ съ виновныхъ. Вотъ въ существенныхъ чертахъ содержаніе инструкціи, которая заканчивается слѣдующимъ внушеніемъ самому Захарову: «Въ прочемъ, во всемъ чинить по сей инструкціи, какъ въ вышеписанныхъ В. Коллегіи приговорахъ и въ вышепоказанныхъ пунктахъ изъяснено, и притомъ поступать по сущей правдѣ, не наровя, ниже посягая на кого, со всякою надлежащею ревностію, какъ честнымъ и заслуженнымъ, добрымъ офицерамъ надлежитъ, подъ опасеніемъ воинскаго суда» [26]).

5-го Октября 1722 года маіоръ Протасовъ, капитанъ Коробовъ и 28 казаковъ станичниковъ приглашены были въ В. Коллегію и здѣсь приведены къ присягѣ. Изъ всего числа присягавшихъ казаковъ грамотныхъ оказалось только пятеро, которые и росписались за всѣхъ, въ томъ числѣ за двоихъ атамановъ и троихъ есауловъ, такъ-какъ и эти почтенныя лица оказались безграмотными [27]). Надобно полагать, что при этой присягѣ находился и мулла, потому что въ числѣ присягавшихъ казаковъ былъ Татаринъ Тлюнбетъ, за котораго приложена Киргизская тамга, а затѣмъ слѣдуетъ подпись: «къ сей роспискѣ вмѣсто Тлюнбета Татарина по его велѣнію Ѳедоръ Березинъ знамя подписалъ».

По принятіи присяги, Протасовъ и Коробовъ, въ силу резолюціи В. Коллегіи, немедленно должны были отправиться въ Казань, къ полковнику Захарову и вручить ему инструкцію, какъ поступать съ виновными во время слѣдствія, а также обстоятельный экстрактъ изъ дѣла по доносу Карташева и сто рублей денегъ на отправленіе курьеровъ и другіе расходы. Всѣ лица, замѣшанныя Карташевымъ въ дѣло, станичные атаманы и казаки, также должны были отправиться въ Казань «безъ всякаго мотчанія». Съ этою цѣлію Кригсъ-Коммиссаріату велѣно купить или нанять особое судно и отправить колодниковъ въ Казань, въ сопровожденіи капральства солдатъ Московскаго гарнизона, выдавъ имъ, кромѣ заслуженнаго жалованья, провіанту и денегъ впередъ на два мѣсяца. По прибытіи въ Казань, проводники-солдаты должны были поступить въ составъ Казанскаго гарнизона, а на ихъ мѣсто велѣно опредѣлить изъ новыхъ рекрутъ.

Между тѣмъ, Кригсъ-Коммиссаріатъ сообщилъ Военной Коллегіи, что судна или струга, требуемаго для отправленія колодниковъ, въ Коммиссаріатѣ нѣтъ, а если и есть суда, то они куплены, по распоряженію Военной Коллегіи, для перевоза «мундира и аммуниціи въ Низовый корпусъ, и ни на какую дачу ни Протасову, ни Коробову и на покупку судна денегъ въ Коммиссаріатъ ни откуда не прислано». При этомъ Кригсъ-Коммиссаріатъ ссылается на царскій указъ и опирается

[26]) Инструкція подписана княземъ Александромъ Меньшиковымъ, Лефортомъ и еще троими, фамиліи которыхъ трудно разобрать.

[27]) Безграмотность не служила казаку препятствіемъ къ тому, чтобы выдвинуться заслугами и занять почетное мѣсто въ войскѣ; такъ, Герасимъ Погадаевъ и Григорій Меркурьевъ, будучи безграмотными, были одинъ за другимъ войсковыми атаманами.

на распоряженія пленипотенціаль-кригсъ-комиссара, кн. Я. Ѳ. Долгорукова, которыми дозволялось выдавать жалованье, и то лишь въ полъ-окладахъ, только тѣмъ изъ заполошныхъ офицеровъ, которые не имѣли ни помѣстій, ни вотчинъ, тогда какъ у Протасова по справкѣ оказалось 16 крестьянскихъ дворовъ. Руководясь этими соображеніями, Кригсъ-Коммиссаріатъ, въ отвѣтъ на промеморію В. Коллегіи объ отпускѣ Протасову и прочимъ лицамъ денегъ, 20 Сентября, сообщилъ В. Коллегіи, что Протасову слѣдуетъ выдать деньги изъ Штатсъ-Конторы на счетъ той губерніи, при полкахъ которой онъ служилъ [28]). Между тѣмъ, въ В. Коллегіи денегъ на лицо оказалось только 10 рубл., 11 алтынъ и 4 деньги; почему В. Коллегія сочла нужнымъ спросить Кригсъ-Коммиссаріатъ, сколько тамъ въ наличности денегъ, присланныхъ «на дачу Донскимъ казакамъ»: по справкѣ оказалось, что къ 22-му Сентября этихъ денегъ было 6,393 руб. 20 коп. Затѣмъ, 24-го Сентября, В. Коллегія опредѣлила выдать полковнику Захарову на посылку курьеровъ и другія нужды, вмѣсто ста, 300 рублей, полагая, что безъ этой суммы ему, во время розыска, обойтись невозможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, В. Коллегія предписала Кригсъ-Коммиссару выдать эти деньги изъ вычетныхъ [29]) денегъ, ассигнованныхъ на содержаніе В. Коллегіи; но Кригсъ-Коммиссаріатъ 9-го Октября донесъ, что «выдать не изъ чего», представивъ при этомъ въ В. Коллегію и приходо-расходную запись вычетной суммы за 1721 и 1722 годы, изъ которой видно, что въ 1721 г. вычетной суммы поступило въ Коммиссаріатъ 7383 руб. 43 коп. и столько же въ слѣдующемъ году, такъ-что цыфра всей вычетной суммы за означенные два года равнялась 15,766 р. 86 коп. Въ статьѣ расходовъ значится: въ 1721 году на жалованье чиновникамъ В. Коллегіи отпущено 10,151 р. 80 коп. съ деньгою, на штатъ канцеляріи президента В. Коллегіи, князя Меньшикова, 1,415 рубл.; на расходы по той же канцеляріи 2,000 р., на ремонтъ зданія В. Коллегіи 3,000 р., на другіе нѣкоторые расходы 605 рубл. 88 коп.,—итого въ 1721 году израсходовано 17,172 рубл. 68 коп. съ деньгою, а въ 1722 г. по тѣмъ же статьямъ—17,941 рубл. 4³/₄ коп. Такимъ образомъ, изъ приходо-расходной записки Кригсъ-Коммиссаріата видно, что общій расходъ за 1721 и 1722 г. равнялся 35,113 р. 73¹/₄ коп.; слѣдовательно дефицитъ превышалъ всю вычетную сумму за тѣ же годы на 19,346 р. 87¹/₄ коп., не включая въ это число жалованья, которое нужно было выдать чиновникамъ В. Коллегіи, занимавшимся въ 1722 г. въ Петербургѣ.

Не смотря на все это, В. Коллегія, въ отвѣтъ на отношеніе Кригсъ-Коммиссаріата, предписала: «приказать Коммиссаріату выдать маіору Протасову 300 р. изъ наличныхъ суммъ, которыя пополнить послѣ изъ вычетныхъ за отпуски, когда таковыя поступятъ

---

[28]) Протасовъ числился въ Кіевскомъ гарнизонѣ.

[29]) Вычетными деньгами называлась сумма, которая составлялась изъ вычетовъ за отъѣздъ въ домы штабъ и оберъ-офицеровъ, или же за временные отпуски по домашнимъ обстоятельствамъ.

на приходъ». Но и этотъ лаконическій приговоръ не избавилъ В. Коллегію отъ дальнѣйшей переписки съ Кригсъ-Коммиссаріатомъ и Штатсъ Конторою относительно означенныхъ 300 р., которые были выданы Протасову для передачи полковнику Захарову только 17 Октября, слѣдовательно чрезъ 12 дней послѣ присяги, данной Протасовымъ въ В. Коллегіи. Замѣчательно, что со всѣми указами, промеморіями и доношеніями по этому дѣлу маіоръ Протасовъ прогуливался изъ мѣста въ мѣсто самолично.

Подобною же проволочкою сопровождалось и снаряженіе капральства для сопровожденія колодниковъ изъ Москвы въ Казань. Московская губернія [30]) донесла В. Коллегіи, что для сопровожденія колодниковъ наряжено 12 драгунъ и столько же солдатъ; но Протасовъ, осмотрѣвъ этотъ конвой, обратился въ В. Коллегію съ заявленіемъ, что конвойные не вооружены, не обмундированы и безъ необходимыхъ аммуничныхъ вещей. Вслѣдствіе этого заявленія, началась новая переписка съ Московскимъ губернаторомъ и артиллерійскимъ начальствомъ о снабженіи сторожеваго конвоя оружіемъ, порохомъ, свинцомъ и аммуниціей. Между тѣмъ, станичный атаманъ, Ѳедоръ Рукавишниковъ, предвидя, какія затрудненія предстоятъ для коммиссіи Захарова въ продовольствіи, заявилъ В. Коллегіи, что у нихъ «на Яикѣ заготовленнаго провіанта не бываетъ, понеже Яицкіе казаки хлѣба не сѣютъ, а отъ прилежащихъ городовъ живутъ въ дальнемъ разстояніи и ходятъ за хлѣбными припасами по мѣсяцу и по два съ великимъ трудомъ, и къ тому-же волею Божіей жилища ихъ, и хлѣбные припасы, и всякая рухлядь погорѣли безъ остатку, и казаки находятся въ такой великой крайности и голодѣ, что женъ и дѣтей своихъ принуждены высылать для прокормленія на прилежащіе городы» [31]). В. Коллегія, предупрежденная Рукавишниковымъ, распорядилась, чтобы казакамъ, при отправленіи ихъ изъ Москвы, выдано было провіанту на два мѣсяца, а конвойнымъ ротамъ и Захарову съ его свитою, при выѣздѣ ихъ изъ Казани, — на четыре мѣсяца, и впредъ чтобы провіантъ былъ высылаемъ на Яикъ также изъ Казани или же изъ Самары. Не обошлось безъ хлопотъ и переписки и при снаряженіи струга подъ колодниковъ. Протасовъ и Коробовъ 15 Октября донесли В. Коллегіи, что стругъ хотя и данъ, но ни гребцовъ, ни кормщика, ни денегъ на случай починки судна не дано. При этомъ Протасовъ указалъ и на то, что скованными велѣно вести только извѣтчиковъ, или доносчиковъ; чтоже касается станичнаго атамана и казаковъ, то о нихъ ничего не сказано, и если послѣдуетъ распоряженіе о томъ, чтобы и ихъ вести подъ карауломъ, то конвойныхъ оказывается недостаточно. В. Коллегія на другой день разрѣшила производить расходы на починку струга и на наемъ гребцовъ изъ 300 р., выданныхъ Протасову для передачи Захарову; относительно же содержанія казаковъ, во время пути отъ Москвы

[30]) Московская губернія употреблена здѣсь въ смыслѣ присутственнаго мѣста, какъ штабъ и нынѣшнее военное управленіе.

[31]) Уральск. Вѣд. 1870 г., № 47 и 48.

до Казани, В. Коллегія постановила: «понеже по доношенію Яицкаго казака Карташева касается до всѣхъ Яицкихъ казаковъ дѣло, того ради, когда маіоръ Протасовъ и капитанъ Коробовъ на судно совсѣмъ уберутся, тогда у всѣхъ казаковъ ружье отобрать и посадить за карауломъ, сковавъ, пока они въ томъ дѣлѣ очистятся и о томъ имъ, маіору и капитану, дать особливый указъ» [32]). Казаки отправились изъ Москвы 30 Октября, въ числѣ 34 человѣкъ, одни скованными, а другіе просто за карауломъ; но есть основаніе предположить, что и сіи послѣдніе были или скованы или же въ колодкахъ, потому что всѣ они, какъ въ донесеніяхъ Протасова и Коробова съ пути слѣдованія, такъ и въ рапортѣ Захарова о прибытіи ихъ въ Казань, называются «колодниками».

Протасовъ и Коробовъ изъ Москвы доплыли на стругѣ до Коломны, а оттуда на подводахъ черезъ Нижній-Новгородъ, въ началѣ Декабря 1722 г. прибыли въ Казань и тотчасъ-же сдали арестантовъ Захарову, поступивъ и сами въ его распоряженіе.

Между тѣмъ, еще 9 Октября, В. Коллегія отправила на Яикъ повелительный указъ, въ которомъ подробно изложенъ весь ходъ дѣла по доносамъ Карташева и другихъ казаковъ. Указъ заключается слѣдующимъ внушеніемъ: «И какъ вамъ ся наша Императорскаго Величества грамота придетъ, а полковникъ и лейбъ-гвардіи нашего Семеновскаго полку капитанъ Захаровъ съ товарищи на Яикъ пріѣдутъ, и вамъ бы, атаману [33]) и казакамъ, быть имъ во всемъ послушнымъ безъ всякаго прекословія».

Зная хорошо объ отношеніяхъ Яицкаго войска къ маіору Воейкову, оберъ-секретарь Волковъ предложилъ В. Коллегіи на обсужденіе вопросы: 1) Съ какаго года начинать разборъ дѣлъ о высылкѣ съ Яика пришлыхъ изъ крестьянъ, солдатъ и другихъ чиновъ, записавшихся въ казаки? 2) Чтò дѣлать съ Яицкими казаками, если они полковника Захарова для розыска на Яикъ не пустятъ?

В. Коллегія сдѣлала по этому поводу запросъ Сенату, который, въ самый день отъѣзда колодниковъ изъ Москвы, отвѣчалъ, что если казаки полковника Захарова на Яикъ не пустятъ, то немедленно донести о томъ Государю, въ Сенатъ и В. Коллегію; въ противномъ же случаѣ, произвести розыскъ надъ ними, донести о результатахъ въ В. Коллегію и, покуда не послѣдуетъ указа на это доношеніе, сдѣлать перепись всѣмъ казакамъ мужескаго пола, «и если у казаковъ какіе бѣглые солдаты и прочихъ чиновъ, и крестьяне чьи явят-

[32]) Этотъ приговоръ В. Коллегіи подписанъ оберъ-секретаремъ Волковымъ, но подпись зачеркнута, а на оборотѣ его рукою помѣчено: «тайную по сему дѣлу инструкцію и съ приговоромъ взялъ секретарь Семенъ Поповъ, Декабря 12 дня 1723 г., и потомъ объявилъ, что тоё инструкцію и съ приговоромъ отдалъ онъ оберъ-секретарю Волкову того числа, который оную хотѣлъ положить въ свой кабинетъ». Почему этотъ приговоръ взятъ былъ изъ дѣла, неизвѣстно.

[33]) Изъ дѣла видно, что атаманомъ въ это время былъ Герасимъ Погадаевъ, котораго въ Декабрѣ того же года смѣнилъ Григорій Меркурьевъ.

ся, и имъ велѣть у нихъ служить по прежнему до указу въ тѣхъ же мѣстахъ, кто гдѣ жилъ». В. Коллегія, получивъ такой отвѣтъ, на другой же день отправила указъ Захарову и послушную грамоту на Яикъ, приводя въ основаніе вышеизложенное мнѣніе Сената. Въ грамотѣ, отправленной на Яикъ съ нарочнымъ офицеромъ Московскаго гарнизона, В. Коллегія старалась уяснить и доказать Яицкому войску, что перепись казаковъ, которую предложено сдѣлать Захарову, направлена къ общей пользѣ войска, такъ-какъ жалованье до сихъ поръ отпускается по прежнему только на 600 человѣкъ; если же окажется, что въ дѣйствительности казаковъ больше, то и жалованье будетъ увеличено, соразмѣрно наличному числу Яицкаго войска. Далѣе В. Коллегія старается поставить на видъ и то, что розыскъ по доносу Карташева велѣно произвести вслѣдствіе челобитья всего Яицкаго войска, «и понеже Его Императорскому Величеству вѣдомо учинилось, что отъ разныхъ посылокъ на Яикъ изъ Казанской и Астраханской губерній Яицкому войску многая обида и раззореніе причинялись, того ради Его Императорское Величество, всемилостивѣйше милосердуя ко всему Яицкому войску, указомъ отправить на Яикъ полковника Захарова повелѣлъ»... «и ежели онъ, Карташевъ, явится виненъ, велѣно его на Яикѣ казнить смертію, чтобы атаманъ и все Яицкое войско, взирая на такое къ нимъ Его Императорскаго Величества милосердіе, въ томъ розыскѣ и переписи показали свою вѣрность, и ежели какихъ знаютъ возмутителей и воровъ, чтобъ такихъ, взявъ, держали скованными за крѣпкимъ карауломъ до пріѣзда къ нимъ полковника Захарова, и о томъ-бы къ нему въ Казань и на сію грамоту отвѣтствовали чрезъ сего посланнаго къ нимъ офицера немедленно».

Григорій Меркурьевъ, бывшій въ это время войсковымъ атаманомъ, донося В. Коллегіи о полученіи грамоты, между прочимъ, говоритъ: «Во всемъ вѣрное извѣстіе показать желаемъ, какъ прибудетъ къ намъ полковникъ Захаровъ, а при Яицкомъ войскѣ возмутителей и воровъ не явилось; а доноситель Карташевъ на кого и на сколько человѣкъ покажетъ и какое дѣло, о томъ мы Яицкимъ войскомъ неизвѣстны» [34]).

Между тѣмъ, Захаровъ, принявъ колодниковъ, получилъ отъ Протасова и инструкцію относительно производства слѣдствія. В. Коллегія обратила сторогое вниманіе въ этой инструкціи на дѣйствія фискала Путилова и посылавшихся въ разное время на Яикъ сыщиковъ изъ Казанскихъ и Астраханскихъ офицеровъ, дворянъ и приказныхъ людей и, въ случаѣ надобности, дозволялось «пытать накрѣпко». Получивъ эту инструкцію, Захаровъ дѣйствительно повелъ дѣло очень строго. Въ числѣ лицъ, подлежавшихъ розыску за взятки, былъ дьякъ Ѳедоръ Сухаревъ, опредѣленный потомъ Сенатскимъ указомъ къ корабельнымъ лѣсамъ и строенію судовъ въ Казани. Захаровъ арестовалъ Сухарева и, конфисковавъ его имущество, отпускалъ къ должности не иначе, какъ въ сопровожденіи 4-хъ караульныхъ сол-

---

[34]) Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 48-й.

датъ. Знаменитый своею вѣрностію, деньщикъ Петра Великаго, Румянцовъ, завѣдывавшій постройкою судовъ въ Казани, какъ ближайшій начальникъ Сухарева, просилъ Захарова отдать его на поруки, чего добивались и Казанскія власти; но Захаровъ былъ непреклоненъ: Сухаревъ попрежнему прогуливался изъ города въ Адмиралтейскую слободу въ сопровожденіи сторожевыхъ солдатъ. Казанскій вице-губернаторъ, завѣдывавшій корабельною канцеляріей, опасаясь, что Захаровъ увезетъ Сухарева на Яикъ, донесъ въ В. Коллегію, что Сухаревъ «какъ прежнимъ дѣламъ корабельныхъ лѣсовъ, такъ и къ нынѣшнимъ судовымъ строеніямъ на все въ расходъ деньги держалъ, которыхъ чрезъ немалыя тысячи произошло, и если онъ, Сухаревъ, полковникомъ Захаровымъ взятъ будетъ на Яикъ, то тѣ суда и другія дѣла всеконечно остановятся, и интересъ императорскій многій пропадетъ» [35]). Вслѣдствіе этого, В. Коллегія предписала Захарову отдать Сухарева на поруки, «буде важнѣе прежняго дѣла, которое показано на него отъ Яицкихъ казаковъ во взяткахъ, до него не касается»; но Захаровъ настойчиво требовалъ Сухарева съ собою на Яикъ для очныхъ ставокъ и не освобождалъ его изъ подъ ареста. Наконецъ, Сухаревъ подалъ прошеніе на высочайшее имя, объяснивъ, что онъ уже былъ на допросахъ у Захарова и объявилъ ему, что «такихъ великихъ взятокъ никогда съ Яицкихъ казаковъ не имывалъ; только-де когда казаки пріѣзжали въ Казань, въ каждомъ годѣ, по древнему своему обычаю приваживали съ Яику въ Казань въ гостинцы рыбу и прочее харчевое приказнымъ людямъ, и къ нему, Сухареву, рыбы по малому числу изъ воли своей, а не изъ какой неволи и не по запросу его, приносили, а, напротивъ, противъ покупной цѣны года въ два и больше рублевъ на десять, за что онъ, Сухаревъ, казаковъ, въ бытность ихъ въ Казани, поилъ и кормилъ».

Въ Мартѣ того же 1723 года, Захаровъ отправился на Яикъ съ одной ротой драгунъ (127 человѣкъ) и другой—пѣхоты (182 человѣка). Кромѣ того, Захарову дано 6-ть деньщиковъ и Протасову—трое. Порціоны и раціоны [36]) выдавались полковому штабу отъ кавалеріи и инфантеріи. Изъ дѣла видно, что 30 Сентября на Яикѣ началась уже перепись. Сохранившіяся бумаги показываютъ, что и по смерти Петра Великаго Захаровъ оставался еще на Яикѣ. Въ инструкціи ему было сказано: «ежели Карташевъ явится въ чемъ виненъ, казнить его на Яикѣ смертію». По всей вѣроятности, извѣтчикъ Карташевъ, въ награду за все, и былъ казненъ; потому что Захаровъ по его доносу ничего не могъ найти новаго, а Меркурьевъ, главный предметъ извѣта Карташева, въ 1723 году утвержденъ высочайшею грамотою въ званіи войсковаго атамана. Безъ

---

[35]) Уральск. В. Вѣд. 1870 г., № 44.

[36]) Въ своей землѣ выдавались только раціоны, а въ чужой—порціоны и раціоны. Порціонъ состоялъ изъ 2 ф. хлѣба, 1 ф. мяса, 2 чарокъ вина, 1 гарнца пива, 1½ гарнца крупъ и 2 ф. соли на мѣсяцъ. Раціонъ (содержаніе на лошадей) состоялъ изъ 2 гарнцевъ овса, 16 ф. сѣна, 2 гарнцевъ сѣчки и одного снопа соломы.

сомнѣнія, еслибы Карташевъ былъ живъ, онъ снова заявилъ бы о своемъ существованіи, между тѣмъ съ этого времени слухъ о немъ положительно запалъ. Что касается прочихъ казаковъ, то, по опредѣленію В. Коллегіи отъ 23 Марта 1725 г., главныхъ зачинщиковъ велѣно сослать въ отдаленные города Сибири съ опредѣленіемъ въ казаки.

Такъ кончился розыскъ по «извѣту» казака Карташева, стоившій большихъ матеріальныхъ затратъ для Яицкаго войска и многочисленныхъ арестовъ казаковъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ пришлось поплатиться не только всѣмъ своимъ имуществомъ и казацкою вольностью, но и жизнію.

Захаровъ, кончивши порученный ему розыскъ, приступилъ къ продолженію переписи Яицкаго войска.

Согласно данной ему инструкціи, въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ города, онъ приказалъ наклеить особые листы, сущность которыхъ заключалась въ томъ, чтобы «Яицкіе казаки у переписи въ сказкахъ своихъ писали противъ указу сущую правду безъ утайки».

Атаманъ Меркурьевъ представилъ Захарову именные списки казаковъ. Но Захаровъ еще не успѣлъ приступить къ дѣлу, какъ уже болѣе 200 казаковъ бѣжало, да во время самой переписи 88 человѣкъ умерло. Всего по переписной книгѣ Захарова оказалось въ Яицкомъ войскѣ: 5771 казаковъ и 353 пришлыхъ, которые живутъ своими домами, всего же 6124 человѣка мужеска пола.

Перепись Захарова и его слѣдствіе надъ казаками возбудили въ нихъ сильное озлобленіе противъ него, такъ что было даже покушеніе на его жизнь; но, благодаря предусмотрительности атамана Меркурьева, Захаровъ былъ спасенъ, а Меркурьевъ, вопреки желанію войска, назначенъ пожизненно войсковымъ атаманомъ и награжденъ портретомъ Государыни (т. е. Екатерины I-й), золотымъ ковшомъ, саблею и ста рублями денегъ [37]). Казаки, разумѣется, были недовольны назначеніемъ Меркурьева въ атаманы и злоумышляли противъ него. Меркурьевъ, происходившій изъ дворцовыхъ крестьянъ Сѣвскаго уѣзда [38]), имѣлъ 58 лѣтъ отъ роду и принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя смотрятъ на свое мѣсто, какъ на средство для удовлетворенія личныхъ выгодъ. Онъ направлялъ всѣ усилія къ тому, чтобы выслужиться предъ В. Коллегіей и войти въ довѣріе правительства.

Полковникъ Захаровъ, какъ извѣстно, раздѣлилъ Яицкое войско на сотни и десятки, назначивъ въ годъ жалованья 1500 рублей на всѣхъ наличныхъ и годныхъ къ службѣ казаковъ и по осминѣ хлѣба на каждаго человѣка [39]). Надобно замѣтить, что казаки были недовольны этимъ подраздѣленіемъ, не смотря на то, что оно было сдѣлано Захаровымъ по приказанію Императора. Между тѣмъ В. Коллегія поставила себѣ цѣлію преобразовать внутренній строй Яицко-казацкой общины и сдѣлать изъ казаковъ постоянную воен-

[37]) Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 3.

[38]) Уральск. В. Вѣд. 1869 г. № 20.

[39]) Всего служилыхъ казаковъ было 3196 человѣкъ, включая сюда и атамана.

ную силу, на которую можно было бы всегда положиться; съ помощію этой силы, В. Коллегія надѣялась всѣ части государства ввести въ общую государственную систему управленія, уничтожить всякое отдѣльное право, нарушающее преимущества верховной власти, слить всѣ отдѣльныя общины въ одну массу вѣрноподданныхъ: вотъ задача, которую стремилась выполнить В. Коллегія и на осуществленіе которой направлены были всѣ ея усилія въ продолженіи цѣлаго столѣтія. Но казаки, страшась, какъ огня, солдатчины и всякихъ нововведеній, не согласныхъ съ ихъ нравами и обычаями, не хотѣли уступать. Съ грустною ироніей, казаки говаривали другъ другу: «живите, братцы, пока Москва не узнала!» Изъ этихъ словъ видно, насколько казаки дорожили положеніемъ вольнаго, самостоятельнаго человѣка и какъ боялись вмѣшательства Московскаго правительства въ ихъ общинныя старинныя права. Но скоро они должны были почувствовать, что Москва и ихъ узнала. Выборъ войсковаго атамана, хотя по прежнему былъ предоставленъ казакамъ, но утвержденіе его съ 1723 г. зависѣло отъ высочайшей власти. Съ другой стороны эти, повидимому, неважныя измѣненія, введенныя Петромъ, налагали правительственную опеку на представителя общины, войсковаго атамана. В. Коллегія начинаетъ мало-по-малу осаждать казаковъ разными нововведеніями и преобразованіями, которыя казались на первый взглядъ мелкими, въ сущности же прямо клонились къ ограниченію казацкаго самоуправства. Казаки чуяли, что старый вѣчевой порядокъ ихъ общины долженъ рушиться, и поэтому всячески отстаивали свои права. Они ясно выражались: «Не можно сего принять, понеже войско Яицкое населилось на Яикѣ изъ вольныхъ людей». Или: «Не можно сему быть, понеже войску Яицкому даровано отъ царя Михаила Ѳеодоровича право служить казачью службу по своему обыкновенію, а въ прочемъ ни въ чемъ невредиму состоять». Иногда же они уклончиво заявляли: «Не бывало сего при нашихъ дѣдахъ и отцахъ, не бывать и у насъ!» Или: «Терпѣть сего не можемъ, понеже дѣло новое, необычайное», и т. п. въ этомъ духѣ [10]).

Но при тѣхъ распряхъ, которыя раздѣлили войско на двѣ стороны, казакамъ трудно было разсчитывать на какой-либо успѣхъ въ ихъ намѣреніи отстоять свои старинныя права и вѣчевое устройство; единство выгодъ и казацкая равноправность все болѣе и болѣе разрушались. Существовавшая въ Яицкомъ войскѣ, вмѣсто очередной службы, наемка неминуемо привела къ тому, что казаки, оставаясь равными въ гражданскихъ правахъ, не могли поддержать имущественнаго равенства. Извѣстно, что у Яицкаго войска изстари и понынѣ владѣніе землею, лугами и другими природными богатствами страны—общинное. Но, чтобы извлечь ту или другую пользу изъ земли, луговъ, рѣкъ и т. п., необходимо, кромѣ многихъ другихъ условій, имѣть средства, на которыя можно бы было запастись сѣ-

[10]) См. бумаги Уральскаго казач. войска, связка дѣлъ покойнаго Желѣзнова, по описи № 92, стр. 10.

менами, земледѣльческими и рыболовными орудіями, рабочими людьми и т. п.; напр., одно приготовленіе къ багренному рыболовству стоитъ не менѣе 160 р. для каждаго казака, къ севрюжьему—не менѣе 30 рубл. [41]); а, между тѣмъ, ни одинъ казакъ не можетъ опредѣлить впередъ, сколько онъ наловитъ рыбы; нерѣдко случается, что заловъ рыбы не покрываетъ даже расходовъ по приготовленію къ рыболовству. Поэтому бѣднякъ, рискуя или не имѣя возможности взяться за хозяйство (въ обширномъ смыслѣ) и права располагать своею частію въ войсковыхъ угодьяхъ, шелъ въ службу за себя и, по окончаніи срока этой службы, за тѣхъ, кто былъ въ состояніи нанять его, оставляя въ пользу сихъ послѣднихъ свой пай земли, луговъ и улова рыбы; богатые же выигрывали отъ этого вдвойнѣ: пользуясь спокойствіемъ и сравнительно большею безопасностію, они увеличивали капиталъ, съ помощію котораго потомъ и забирали бѣдняковъ въ свои руки. Всякому извѣстно, что богатство и богачи всегда имѣли и имѣютъ у себя немало поклонниковъ и обожателей; поэтому неудивительно, что и въ Яицкомъ войскѣ богатые казаки стали все болѣе и болѣе пріобрѣтать вліянія на остальныхъ казаковъ и чрезъ то на ходъ дѣлъ въ войскѣ. Находясь въ равныхъ имущественныхъ условіяхъ, богачи стали сближаться другъ съ другомъ, иногда вступая въ родство посредствомъ браковъ. Къ богачамъ скоро присоединились, разумѣется изъ корыстныхъ цѣлей, и люди знатные, отличавшіеся чѣмъ-либо по службѣ, какъ-то: станичные и походные атаманы, полковники и войсковые старшины, которые почти всегда являлись посредниками между войсковыми атаманами и народомъ. Занимая въ мирное время различныя должности, эти лица получали отъ войска приличное, судя по тому времени, вознагражденіе за свой трудъ, а при «раздуваниваніи» [42]) на ихъ долю всегда выпадалъ большій пай, чѣмъ на долю простыхъ казаковъ. Благодаря такому положенію дѣлъ, старшины и другіе знатные люди также могли постепенно скопить себѣ значительныя средства къ независимому существованію. Богатство и знатность отъ отцевъ переходили къ дѣтямъ, которые старались идти по дорожкѣ, проторенной ихъ дѣдами и отцами. Въ силу этихъ условій, съ теченіемъ времени, въ Яицкомъ войскѣ образовалось нѣсколько родовъ, пользовавшихся постояннымъ и рѣшительнымъ вліяніемъ почти во всѣхъ войсковыхъ дѣлахъ.

Такимъ образомъ люди, отличавшіеся знатностью и богатствомъ, образуютъ особый классъ, какъ-бы имѣющій аристократическій характеръ; остальная же часть,—люди маломочные и незнатные, составляютъ совершенно противоположную партію: это, такъ сказать,

---

[41]) Если казакъ будетъ состоять въ артели человѣкъ изъ 10-ти, а иначе—ему не обойтись и 200 рублями: одна бударя съ весельщикомъ и сѣтями будетъ стоить около 100 рублей, не говоря о другихъ расходахъ.

[42]) «Раздуваниваніе»—дѣлежъ добычи, полученной казаками на «промыслахъ», т. е. при грабежѣ и разбояхъ въ сосѣднихъ лугахъ или въ другихъ мѣстахъ.

демократія Яицкаго войска. Первая партія, небольшая числомъ, по сильная своимъ вліяніемъ и богатствомъ, называлась у казаковъ атаманскою или чаще старшинскою, вторая—была извѣстна подъ именемъ народной. Возникаетъ борьба двухъ началъ, на которой правительство и основало свой планъ преобразованія Яицкаго войска и его отожествленія съ остальными частями государства. Но при этомъ надобно замѣтить, что правительство въ своемъ стремленіи не могло встрѣтить живаго и искренняго сочувствія ни въ одной изъ партій: члены обѣихъ сторонъ, не смотря на ихъ противоположность, одинаково не хотѣли разстаться съ своимъ народоправствомъ и, ради общечеловѣческихъ и государственныхъ цѣлей, лишиться своихъ вольностей. Если «старшинская» партія не протестовала противъ правительства и, повидимому, старалась служить его цѣлямъ, то это только потому, что Яицкіе аристократы ставили выше всего на свѣтѣ удовлетвореніе личныхъ выгодъ, въ сущности же это были такіе же загрубѣлые и полудикіе, хотя и храбрые, сыны Яика, какъ и прочіе казаки. Примкнувъ къ правительству «старшинская», или, какъ ее потомъ называли, «согласная» партія пріобрѣла такую силу надъ противной «несогласною» партіей, что перевѣсъ тотчасъ же склонился на ея сторону. Неравенство средствъ въ этой борьбѣ повело къ тому, что старшины и атаманы, видя свое превосходство и поддержку въ правительствѣ, вопреки чувству долга и справедливости, стали самымъ безсовѣстнымъ и жестокимъ образомъ притѣснять и обирать своихъ противниковъ, чѣмъ, какъ увидимъ, и доводили ихъ до ожесточенія и кровопролитныхъ возстаній. Страхъ общиннаго казацкаго суда исчезъ, явились безпорядки въ распредѣленіи и расходованіи войсковыхъ суммъ, взяточничество и воровство войсковыхъ денегъ завелись въ огромныхъ размѣрахъ, атаманы и старшины замѣнили теперь Московскихъ фискаловъ и Казанскихъ сыщиковъ. Само собою понятно, что народная партія, по чувству самозащиты, должна же была что-нибудь дѣлать и, разумѣется, въ крайнемъ случаѣ, она обращалась за помощью къ тому же правительству.

Въ 1730 г. Яицкій казакъ, Денисъ Гузиковъ является обличителемъ атамана Григорія Меркурьева. Гузиковъ, какъ сказавшій за собою «слово» и «дѣло», въ концѣ Декабря 1730 г., былъ препровожденъ въ Казань, гдѣ на допросахъ показалъ, что Меркурьевъ принимаетъ и опредѣляетъ въ казаки изо взятковъ бѣглыхъ людей и крестьянъ и посылаетъ ихъ въ крѣпость Святаго Креста [43]).

[43]) Крѣпость Святаго Креста заложена собственноручно Петромъ Великимъ 20 Сентября 1722 года, во время Персидскаго похода, на мѣстѣ, гдѣ рѣка Аграгань отдѣляется отъ рѣки Сулака, въ 20 верстахъ отъ его устья. Свое названіе эта крѣпость получила, вѣроятно, оттого, что Греки называли эту землю «Ставрополь» (ὁ σταύρος-крестъ, πόλις-городъ); окрестные Татары называли эту крѣпость по своему Хучь (или Качь), что̀ значитъ крестъ. (См. Голикова, т. IX). Служба на Кавказѣ, въ томъ числѣ и служба въ крѣпости Св. Креста, называлась службою казаковъ въ Низовомъ корпусѣ.

«Да онъ же атаманъ Меркурьевъ, когда отправляетъ въ Москву изъ войска казаковъ для челобитья о жалованьѣ и въ станицахъ на ярмонки, изъ войска отпущаетъ такихъ, кто ему дачу даетъ рублевъ по семи и по десяти, о чемъ вѣдаетъ атаманъ Алексѣй Калмыковъ и все Яицкое войско; да оной же атаманъ отправляетъ изъ войска казаковъ по указамъ въ службу и, въ то число онъ, атаманъ, изо взятковъ же рядовыхъ казаковъ производитъ въ чины, а кто взятковъ не даетъ, тѣхъ посылаетъ въ рядовые» [44]). Изъ Казани Гузиковъ былъ отправленъ въ Москву, при особомъ доношеніи въ Сенатъ и въ В. Коллегію. Въ Февралѣ того же года Гузиковъ сказалъ за собою Государево «слово» по второму пункту, а именно объ измѣнѣ Яицкаго атамана Григорія Меркурьева, который «сочиняетъ отъ всего Яицкаго войска бунтъ». На допросахъ въ Сенатѣ Гузиковъ показалъ: «Въ прошлыхъ годѣхъ, тому лѣтъ семнадцать, съ Яику ходили казаки въ станицѣ на Сызранъ для покупки хлѣба, и по покупкѣ того хлѣба, та станица шла по прежнему на Яикъ и, не дошедъ до Яику за сто верстъ, напали на тоё станицу непріятельскіе Каракалпаки, и изъ тѣхъ-же казаковъ тѣ Каракалпаки побили до смерти человѣкъ съ двадцать, да въ полонъ взяли человѣкъ со сто и больше и, по посылкѣ отъ достальныхъ казаковъ на Яикъ къ бывшему тогда войсковому атаману Ѳедору Сѣменникову, прислалъ оный Сѣменниковъ къ тѣмъ достальнымъ казакамъ Григорья Меркурьева для вспомоществованія съ казаками же, съ двумя стами человѣкъ, съ ружьемъ и съ пушками. И, по прибытіи къ тѣмъ казакамъ, увидя его Меркурьева съ казаками, Каракалпаки съ полономъ ушли, и Меркурьевъ за ними не гонялъ и взятаго полону не отбилъ, а для чего, онъ, Гузиковъ, не знаетъ; а тѣ Каракалпаки отъ него, Григорья, были въ близости. И потому онъ, Гузиковъ, тому Меркурьеву ставитъ то въ измѣну; а о томъ онъ, вѣдая, вскорѣ нигдѣ не доносилъ, боясь того Меркурьева, чтобъ онъ его не убилъ. Да оный же Меркурьевъ на Яикѣ бригадиру Захарову доносилъ на Яицкихъ казаковъ, что они забунтовали и выбрали другаго атамана и хотятъ-де собраться и его, Захарова, убить до смерти и, потому-де его доносу, бригадиръ [45]) атамана Рахчинца и сотниковъ: Азовскова, Чувашева и многихъ казаковъ пыталъ, изъ которыхъ иныхъ казнилъ смертію, а другихъ послалъ въ ссылку въ Сибирь». По справкѣ въ В. Коллегіи оказалось, что атаманъ Рахчинецъ, сотники Азовсковъ, Чувашевъ и нѣкоторые изъ казаковъ были наказаны Захаровымъ, какъ виновные, и «по указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, ве-

---

Низовая служба Яицкихъ казаковъ началась въ 1724 г. и продолжалась до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (1774 г.), что совпадаетъ съ усмиреніемъ Пугачевскаго бунта (См. У. В. Вѣд. 1869 г., № 37, стр. 6, замѣч.) Слич. Истор. Россіи Соловьева, т. XVIII, стр. 45 и 50.

[44]) Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 37-й.

[45]) Полковникъ Захаровъ получилъ чинъ бригадира, въ бытность его на Яикѣ.

лѣно оному Гузикову за сказанье Ея Императорскаго Величества «слова и «дѣла» учинить наказанье, бить кнутомъ: понеже ему, Гузикову, о вышеписанномъ «словѣ» и «дѣлѣ» сказывать за особою и объ извѣстномъ дѣлѣ, о чемъ уже изслѣдовано, возобновлять не надлежало». В. Коллегія распорядилась отправить словосказателя въ Преображенскій Приказъ, гдѣ Гузиковъ, согласно резолюціи Сената, и былъ «битъ кнутомъ» [46]).

12 Мая 1731 г. Яицкое войско получило изъ В. Коллегіи грамоту касательно доноса Гузикова на Меркурьева, при чемъ войско обязывалось представить объясненія по этому дѣлу. Казаки, собравшись въ кругъ, пригласили Меркурьева и, на основаніи полученной грамоты, потребовали отъ него объясненія. Меркурьевъ обѣщался представить войску особое доношеніе, но почему-то медлилъ. Прошелъ Май, Іюнь, Іюль, наступилъ уже Августъ, а Меркурьевъ своего обѣщанія и не думалъ приводить въ дѣло, изыскивая, вѣроятно, всевозможныя средства къ своему оправданію. Въ половинѣ Августа, войско получило новую грамоту изъ Коллегіи по тому дѣлу съ настоятельнымъ требованіемъ отвѣта. Войско объявило о томъ Меркурьеву, требуя, чтобы онъ поторопился представить обѣщанное имъ доношеніе. Меркурьевъ расчиталъ, что болѣе медлить нельзя и заявилъ, что объясненіе по доносу Гузикова онъ представитъ войску въ самомъ непродолжительномъ времени. Наконецъ, 26 Сентября того же года, казаки собрались въ кругъ, чтобы выслушать оправданіе своего атамана. Отвѣтчикъ показалъ слѣдующее. «Когда отправлялись отъ насъ войска Яицкаго въ Низовый корпусъ въ службу, и тогда приходили ко мнѣ пришлые люди съ нашими казаками и объявили себя Донскими и Поляками, Башкирцами, Финскими и Мордовскими новокрещены, а иные объявили, что-де были они при переписи на Яикѣ господина полковника Захарова, въ томъ числѣ было и пришлыхъ малое число, Татаръ и Калмыкъ, которые самовольно обѣщались Ея Императорскому Величеству вѣрно служить. И я по ихъ сказкамъ таковыхъ въ Низовый корпусъ служить идти казаковъ за себя, для малолюдства своего, посылать въ службу въ пятисотное число въ дополнку велѣлъ; и, по нашему обыкновенію, оные на питье и денегъ по малому дѣлу по отъѣздѣ своемъ за честь давали. Такоже когда отправляются отъ насъ войска Яицкаго въ Москвѣ зимовыя и легкія станицы, и оные ко мнѣ рыбою и мясомъ приносили за честь, изъ Москвы присылали же отъ всей станицы бархатными вершками на шапки и сукномъ на кафтанъ; такоже по малому дѣлу на питье и денегъ за честь давали же, а на ярмонки которые посылаются, съ оныхъ не бирывалъ» [47]). Меркурьевъ при этомъ просилъ войсковой кругъ, чтобы его доношеніе, или оправдательное показаніе, было «при отвѣтствіи войска прописано въ Государственную Военную Коллегію». Но этимъ дѣло не кончилось; войско пожелало провѣрить показанія Меркурье-

[46]). Ур. В. Вѣд. 1869 г. № 37-й.
[47]) Ур. В. Вѣд. 1869 года, № 38-й.

ва и съ этою цѣлію, 10 Октября, собравшись въ кругъ, пригласило старшину Алексѣя Калмыкова, на котораго сослался Гузиковъ въ своемъ доносѣ относительно взятокъ Меркурьева. Старшина Калмыковъ показалъ, что когда походный атаманъ Иванъ Турыбринъ отправлялся съ пятисотеннымъ отрядомъ въ Низовый корпусъ, то Меркурьевъ дѣйствительно включилъ въ этотъ отрядъ нѣсколько бѣглыхъ «изъ пришлыхъ на Яикѣ людей», но сколько именно, Калмыковъ не показалъ, а замѣтилъ только, что нѣкоторые «изъ оныхъ бѣглыхъ и нынѣ съ онымъ Турыбринымъ къ намъ въ войско Яицкое прибыли». Далѣе Калмыковъ показалъ, что, въ послѣднихъ числахъ Іюня 1730 г., онъ получилъ письмо отъ походнаго атамана Михайла Купреянова, смѣнившаго его въ Низовомъ корпусѣ, и что при письмѣ приложенъ реестръ пришлыхъ на Яикъ, бѣглыхъ людей, которыхъ Меркурьевъ «отправилъ съ нимъ Купреяновымъ изо взятковъ». Калмыковъ представилъ войску и копію съ помянутаго реестра бѣглыхъ, изъ котораго видно, что въ отрядѣ Купреянова бѣглыхъ, зачисленныхъ въ казаки, было 68 человѣкъ; съ нихъ Меркурьевъ взялъ 310 рубл., полагая отъ 4—7 рублей на каждаго. На основаніи показаній Калмыкова и Меркурьева, войско составило отвѣтъ и препроводило его въ В. Коллегію съ особою депутаціей, которая на этотъ разъ состояла изъ 10 человѣкъ: станичнаго атамана Василья Андреева, старшины Петра Гаврилова, есаула Силантья Матвѣева и изъ семи рядовыхъ казаковъ. Вручивъ депутатамъ копію съ доношенія Меркурьева и «именного списка» Купреянова, войско, между прочимъ, говоритъ въ своемъ отвѣтѣ: «Какъ оной войсковой атаманъ Меркурьевъ пришлыхъ бѣглыхъ людей ставилъ въ казаки и посылалъ въ службу въ Низовый корпусъ изо взятковъ, мы старшины и все Яицкое войско о томъ неизвѣстны. Нынѣ онъ по прибытіи своемъ изъ Москвы, съ посланнымъ атаманомъ Иваномъ Щолкинымъ, который отправленъ нынѣшняго 1731 году въ Маѣ мѣсяцѣ въ Низовый корпусъ на смѣну атаману Купреянову, безъ нашего старшинскаго совѣту и всего войска, отправилъ же изъ пришлыхъ бѣглыхъ людей, изъ которыхъ и пойманы сидятъ подъ карауломъ въ Сызранѣ и Саратовѣ; да какъ отъ насъ, Яицкаго войска, отправлены бываютъ въ Москву зимовыя и легкія станицы и которые казаки въ оныхъ станицахъ посылаются, съ оныхъ беретъ взятки, не смотря на то, хотя кто изъ оныхъ и заслужитъ». Далѣе войско говоритъ о командировкахъ и о службѣ Яицкихъ казаковъ въ Низовомъ корпусѣ, начиная съ 1724 года. Командировки на Кавказъ, какъ видно, были нерѣдки, и служба въ Низовомъ корпусѣ—не легка: изъ 1000 чел., отправившихся въ 1724 г., съ атаманомъ Сидоромъ Дурмановымъ, на Яикъ вернулось только 748 чел., а 252 «побиты и померли»; да изъ пришедшихъ около ста чел. «осрамѣли и померли-жъ»; изъ 500 казаковъ, командированныхъ въ 1729 г., при атаманѣ Ив. Турыбринѣ, возвратилось только 310 чел., а 191 или убиты или померли.

Въ то самое время [48]), какъ войско отправляло свой отвѣтъ въ В. Коллегію, Меркурьевъ находился въ зимовой станицѣ, въ Петербургѣ. Изъ архивныхъ бумагъ Уральскаго войска [49]) видно, что Меркурьевъ весьма часто посѣщалъ Петербургъ во главѣ зимовой станицы, а сынъ его Илья, впослѣдствіи бывшій войсковымъ атаманомъ, постоянно сопровождалъ своего отца въ качествѣ станичнаго атамана. По существовавшему тогда положенію, станичникамъ, пріѣзжавшимъ въ столицу, выдавались изъ казны деньги, сабли, ковши и другія награды.

Меркурьевъ 25 Ноября явился въ Военную Коллегію и подалъ прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ писалъ:

Изъ давнихъ лѣтъ отецъ мой служилъ предкамъ Вашего Императорскаго Величества, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Великому Царю Алексѣю Михайловичу, на Яикѣ казачью службу, и былъ въ Польшѣ и подъ Ригою и въ другихъ многихъ походѣхъ—вѣрно и безпорочно; а потомъ и я, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ, началъ служить казацкую службу тому нынѣ болѣе пятидесяти лѣтъ, и во всѣхъ случающихся войсковыхъ походѣхъ какъ рядовымъ казакомъ и есауломъ, такъ и атаманомъ за Калмыками и Кубанцами, служилъ вѣрно-жъ и безпорочно; а потомъ, во время Азовской службы, нѣсколько бралъ языковъ, которые объявлены были Всемилостивѣйшему Государю Императору Петру Первому, и послѣ того былъ во многихъ походѣхъ противъ Киргизовъ и Каракалпаковъ, гдѣ потому же имѣлъ со всякою ревностію побѣду и взятіе въ плѣнъ непріятелей, о чемъ извѣстно было въ Казанскомъ дворцѣ. И во время тѣхъ моихъ службъ принялъ немалыя раны и понесъ великія службы; къ тому же, во время отвращенія изъ Россійской протекціи Башкирцовъ, былъ въ пересылкѣ, которые и обратились по прежнему, за что я пожалованъ былъ сукномъ и объярью и пятьдесятъ рублевъ деньгами; а въ 726 году, въ бытность у насъ на Яикѣ полковника Захарова, имѣя неусыпное мое раченіе вѣрной и должной Вашему Императорскому Величеству службы, и видя, что нѣкоторые явились бунтовщики [50]) на него Захарова, объявилъ о томъ подлинно, которое и сыскалось достовѣрно, за что Ея Величество, Всемилостивѣйшая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна и пожаловала меня, раба своего, дабы быть мнѣ въ войскѣ Яицкомъ по мою смерть войсковымъ атаманомъ и на знакъ всякой своей Императорской милости, портретомъ, золотымъ ковшомъ и саблею и денегъ сто рублевъ. А съ начала войска Яицкаго, какъ всѣмъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнымъ извѣстно есть, что отъ войска нашего посылались казаки на службу, какъ во время Шведской войны, такъ и нынѣ въ Низовой корпусъ, по общему нашему древнему казацкому обыкновенію, выбирая въ войсковомъ кругу. И въ прошломъ 730 году, по Вашему Императорскаго Величества указу, отправляли мы

---

[48]) 18 Октября 1731 г.

[49]) См. Ур. Войск. Вѣд. за 1869 г. начиная съ № 20.

[50]) Какаго рода былъ бунтъ на Яикѣ при Захаровѣ,—трудно сказать, такъ какъ положительныхъ свѣдѣній о томъ мы не имѣемъ, а встрѣчаются только неясныя, отрывочныя указанія на это. На основаніи самаго хода событій, можно предположить, что собственно бунта не было, а былъ со стороны нѣкоторыхъ казаковъ протестъ противъ переписи и формулярныхъ списковъ.

всѣмъ войскомъ въ службу въ Низовой корпусъ пять сотъ человѣкъ казаковъ по очереди, чтобы выбрать казакамъ тремъ одного человѣка,—и по тому совѣту, чего за малолюдствомъ нашимъ въ указное число не достало, наши Яицкіе казаки приводили ко мнѣ въ Станичную Избу людей такихъ, которые мнѣ показали себя Донскими казаками и Поляками, Башкирцами, и Уфимцами [51]), и Мордвами новокрещены, и сказывали про себя, что иные жили на Яикѣ до переписи полковника Захарова, и притомъ были въ той Станичной Избѣ и старшины. И, по желанію ихъ, въ тотъ корпусъ они и отправлены были, понеже и по указу Вашего Императорскаго Величества велѣно пришедшимъ до онаго Захарова быть по указу на Яикѣ. Къ тому же отъ начала Яицкаго войска таковые въ службы посылались, и при отправленіи томъ оные всѣ, при походномъ атаманѣ и старшинахъ, по одному человѣку были перекликаны, и спрашиванъ походный атаманъ, что оные всѣ въ службу годны-ли? На что оный атаманъ, такожъ и вся старшина, въ томъ не спорили, и при томъ смотрѣ бѣглыхъ и пришлыхъ они никому не показали. И при отправленіи томъ, по древнему нашему обыкновенію, для провожанья довольствовалъ я ихъ питьемъ, за что они, по тѣмъ же нашимъ обыкновеніямъ, дарили меня малымъ числомъ изъ денегъ и приносили рыбою и мясомъ, а насильства въ томъ никакаго не было; а ежели-бъ было, то-бъ, надѣюсь, что явились и просители. Къ тому-жъ, по прежнимъ нашимъ обыкновеніямъ, никакаго насилія чинить невозможно; а оные отъ казаковъ малые подарки ихъ происходятъ отъ начала войска того ради, что напредъ бывшіе меня войсковые атаманы и я получаемъ Вашего Императорскаго Величества жалованье равно съ казаками, и другихъ, случающихся у казаковъ, добычей не имѣемъ; и въ томъ никогда, во всѣхъ казачьихъ правленіяхъ, просьбъ и обидъ никакихъ не было. Что же по присланному нынѣ отъ войска Яицкаго отвѣтствію показано, яко бы я одинъ безъ старшинъ отправлялъ въ Низовый корпусъ пришлыхъ людей, а они о томъ не вѣдали, и то учинено на меня напрасно проискомъ и по злобѣ одного старшины Алексѣя Калмыкова; ибо они, за незнаніемъ грамотѣ и необыкновенію такихъ дѣлъ, какъ всѣмъ извѣстно, что того и понынѣ не знаютъ, а когда-бъ кто что̀ зналъ про какихъ бѣглыхъ, то-бъ можно было доносить тогда въ Станичной Избѣ при запискѣ и при смотрѣ оныхъ. Еще-жъ показано на меня о взятьѣ съ казаковъ, кои посылаются въ Москву въ станицахъ, самыхъ подарковъ. И тѣ происходили изъ ихъ же самоизвольнаго хотѣнія, смотря на прежніе наши обычаи; и въ томъ запрещенія, тако-жъ и отъ казаковъ ни отъ кого, никакой жалобы не бывало, да и просить «невозможно»: понеже то изъ давнихъ лѣтъ во всѣхъ казацкихъ мѣстахъ происходитъ, по ихъ же хотѣніямъ. Что же показано, яко бы изъ посланныхъ въ службу казаковъ два человѣка содержатся одинъ на Сызранѣ, а другой въ Саратовѣ: и изъ тѣхъ одинъ свобоженъ и обрѣтается по прежнему на Яикѣ, а другой человѣкъ присланъ былъ изъ Сакмарскаго городка отъ атамана Арапова съ прочими, наряженными въ Низовый корпусъ казаками, и показанъ былъ отъ него Арапова казакомъ.

---

[51]) Въ другихъ бумагахъ вмѣсто Уфинцами, встрѣчается: Финцами или Финскими новокрещены.

Всемилостивѣйшая Государыня Императрица, прошу Вашего Императорскаго Величества, да повелитъ державство Ваше сіе мое подданнѣйшее прошеніе въ Государственную Военную Коллегію принять и, въ моей невинности разсмотря, отъ таковыхъ напрасныхъ и *затѣйныхъ* дѣлъ оборонить: понеже, какъ известно, что я чрезъ такую многолѣтную службу ни въ какомъ порокѣ не бывалъ и служилъ вѣрно; а оные разночинцы не *помѣщиковы*, и какъ сіе, такъ и прочее чинилось по нашимъ обыкновеніямъ, и въ томъ никого просителей не имѣется, и вины моей никакой не находится [52]).

Старикъ-атаманъ, указавъ на заслуги своего отца и свои собственныя, довольно основательно опровергаетъ обвиненія, взведенныя на него Гузиковымъ, если только допустить справедливость того, что казаки дѣйствительно добровольно дарили Меркурьева рыбой, мясомъ и деньгами. Есть основаніе думать, что въ числѣ казаковъ, отправлявшихся на службу и въ станицахъ, были и приверженцы и противники Меркурьева. Первые могли дѣйствительно дарить своего атамана добровольно и искренно, какъ говорится, безъ задней мысли; а вторые, желая до благопріятнаго случая скрыть свое нерасположеніе къ атаману, дарили Меркурьева для того, чтобы впослѣдствіи, когда это будетъ удобно, обличить его «*во взятьѣ съ нихъ силою*» денегъ, рыбы, мяса и т. п.

Между тѣмъ В. Коллегія, получивъ доношеніе Яицкаго войска, отъ 18 Октября 1731 г., препроводила къ генералъ-маіору Еропкину указъ, которымъ предписывалось всѣхъ «обрѣтающихся въ Низовомъ корпусѣ Яицкихъ казаковъ спросить, кто изъ нихъ пришлые, и давно-ль, отъ кого въ казаки приняты, и въ Низовой корпусъ, *съ общаго-ль войсковаго совѣта наряжены и отправлены*, и при томъ отправленіи войсковой атаманъ за что съ кого взятки бралъ, или они *въ почесть* ему приносили» [53]). Еропкинъ отвѣчалъ, что походный атаманъ Купреяновъ, доставившій списокъ бѣглыхъ старшинъ Калмыкову, отправился, вмѣстѣ и съ командою, въ Яицкій городокъ еще до полученія указа В. Коллегіи [54]), а на его мѣсто прибылъ походный атаманъ Щелкинъ съ 400 Яицкихъ казаковъ, которые и были допрашиваемы, согласно указу В. Коллегіи, при чемъ Еропкинъ препроводилъ въ Коллегію самые отвѣты казаковъ, равно какъ и отвѣты ихъ атамана Щелкина.

---

[52]) Смотри Уральск. В. Вѣд. 1869 г., № 39. Сличи рукопись въ Ур. войсковомъ архивѣ (по описи № 5-й), заимствованную въ копіи изъ Архива В. Коллегіи. (Каз. пов. кн. 8, стр. 436). Все прошеніе написано отличнымъ почеркомъ, но никѣмъ не подписано, годъ обозначенъ, мѣсяцъ тоже, а числа нѣтъ. Изъ переписки по этому дѣлу видно, что Меркурьевъ подалъ это прошеніе лично въ В. Коллегіи, а тому, можетъ быть, и нѣтъ подписи, или же потому, что самъ Меркурьевъ не умѣлъ писать, а грамотныхъ казаковъ, которые бы могли за него подписаться, на этотъ разъ не случилось.

[53]) См. Ур. В. Вѣд. 1869 г., стр. 5, № 39. Сличи въ Урал. в. архивѣ (по описи № 5) копію съ указа В. Коллегіи, отъ 2 Апрѣля 1734 г., изъ архива В. Колл., каз. пов. кн. 8, стр. 567.

[54]) Указъ 2 Апрѣля 1734 г., которымъ предписывалось произвести допросъ казакамъ команды Купреянова.

Изъ допросовъ Еропкина оказалось, что въ командѣ Щелкина, смѣнившей отрядъ Купреянова, «пришлыхъ на Яикъ разныхъ чиновъ людей, послѣ переписи полковника Захарова», было 33 человѣка, а именно: 8 человѣкъ изъ дворцовыхъ, 4 изъ монастырскихъ и 6 изъ помѣщичьихъ крестьянъ, 2 изъ солдатскихъ дѣтей, 8 человѣкъ изъ Мордвы, Чувашъ и Черемисъ и 5 человѣкъ разныхъ націй. Всѣ эти лица на допросахъ заявили, что они опредѣлены въ казаки отъ войсковаго атамана, за что давали ему «въ взятокъ» рубля по четыре и больше, а всего 251 р. 50 коп. Когда В. Коллегія сообщила объ этомъ Меркурьеву, то онъ заявилъ, что пришлыхъ на Яикъ людей онъ не принималъ, взятокъ съ нихъ не биралъ, кромѣ добровольныхъ приношеній «въ почесть», а если въ командѣ Щелкина оказались пришлые изъ бѣглыхъ, то это произошло безъ его вѣдома, такъ какъ казаки, нанявшіе ихъ за себя въ службу, показали, что они пришли на Яикъ еще до переписи полковника Захарова [55]); если же онъ не навелъ справокъ о времени прихода этихъ людей на Яикъ, то сдѣлалъ это «съ простоты и недознанія своего и въ томъ приноситъ Ея Императорскому Величеству вину».

Вслѣдствіе этого В. Коллегія постановила: 1) пришлыхъ на Яикъ, послѣ переписи полковника Захарова, дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣщиковыхъ крестьянъ, сколько ихъ есть, вывесть изъ Яика въ Казань на войсковомъ коштѣ, безъ всякой утайки, и отдать губернатору съ товарищами, съ роспискою, а ихъ, по силѣ состоявшихся о томъ указовъ, разослать на прежнія жилища, — и сколько съ Яику въ Казань, и изъ Казани на прежнія жилища разослано будетъ, о томъ въ В. Коллегію рапортовать; 2) а которые пришлые же люди, солдатскіе дѣти, Шведы [56]) и Татаре записаны въ казаки и дѣйствительно служатъ, тѣмъ, по силѣ 1722 г. указа, быть на Яикѣ». Далѣе, въ пунктѣ третьемъ своего мнѣнія, В. Коллегія замѣчаетъ, что такъ какъ Меркурьевъ заперся въ приверстываніи бѣглыхъ въ казаки и во взяткахъ съ нихъ, то «довлѣло еще по тому слѣдованіе продолжить, и въ спорныхъ рѣчахъ, кому съ кѣмъ надлежитъ, очныя ставки давать, а по очнымъ ставкамъ можетъ и до розыску дойти, и для того изслѣдованія довелось послать туда нарочнаго съ командою, ибо слѣдованіе то касается какъ до атамана, такъ до старшинъ и до всѣхъ казаковъ; а понеже нынѣ войска онаго старшины и казаки обрѣтаются въ командированіяхъ, а именно: въ

[55]) Всѣ пришлые на Яикъ до переписи Захарова, на основаніи указа 1722 г., зачислены были въ составъ Яицкаго войска и, слѣдовательно, могли оставаться въ предѣлахъ его территоріи.

[56]) Эти Шведы-Финны, завоеванные казаками, какъ выражались они полковнику Захарову, во время четырехъ Свейскихъ походовъ, въ которыхъ казаки должны были участвовать. Здѣсь, безъ сомнѣнія, казаки разумѣютъ походы 1701, 1703, 1704 и 1707 гг.; въ первомъ изъ этихъ походовъ было 600 Яицкихъ казаковъ, а въ остальныхъ трехъ по 500 въ каждомъ. См. Ур. В. Вѣд. 1869, № 35, стр. 6 и 7.

Низовомъ корпусѣ тысяча человѣкъ, а достальные непрестанно обращаются противъ Каракалпаковъ и Киргизъ-кайсаковъ и неуспокоенныхъ Калмыкъ въ партіяхъ: того ради по нынѣшнимъ конъюктурамъ (обстоятельствамъ) можетъ оное слѣдованіе оставлено, а войсковаго атамана Меркурьева вина, за прежнюю его вѣрность, отпущена быть; понеже онъ въ прошломъ 1725 г., «увѣдавъ о зломъ намѣреніи нѣкоторыхъ казаковъ, полковнику Захарову доносилъ, и тотъ доносъ его явился правый. А впредь пришлыхъ принимать имъ на Яикъ отнюдь не велѣть, подъ опасеніемъ Ея Императорскаго Величества гнѣва, какъ и Донскимъ казакамъ пришлыхъ принимать запрещено, и для того оному атаману и будущимъ при немъ старшинамъ и казакамъ въ В. Коллегіи объявить указомъ съ запискою, дабы впредъ невѣдѣніемъ не отговаривались, и сверхъ того послать на Яикъ о непріемѣ томъ подтвердительную грамоту» [57]). Военная Коллегія представила свое заключеніе по этому дѣлу въ Сенатъ, требуя указа и резолюціи. Сенатъ постановилъ: «быть по тому Военной Коллегіи мнѣнію».

Такимъ образомъ Григорій Меркурьевъ, благодаря своей изворотливости, опытности и, пожалуй, расположенію къ нему В. Коллегіи, видѣвшей въ немъ помощника въ выполненіи своихъ плановъ по отношенію къ Яицкому войску, остался на своемъ мѣстѣ, вопреки желанію войска, представившаго съ своей стороны довольно вѣскія указанія на его злоупотребленія. Меркурьевъ, безъ сомнѣнія, какъ и его предшественники, принималъ бѣглыхъ и за деньги приверстывалъ ихъ въ казаки. Яикъ издавна былъ притономъ бѣглыхъ. Это, по выраженію казаковъ, золотое донышко въ особенности было привлекательно для тѣхъ, кому становилось жутко на родинѣ. Сюда бѣжали господскіе и государственные крестьяне, солдаты, разнаго рода преступники и другіе, чтобы только избѣжать господскаго деспотизма, тяжести возросшей недоимки, испытанія суровыхъ мѣръ военной дисциплины или же заслуженнаго наказанія. Число бѣглыхъ еще больше увеличилось, когда воздвигнуто было гоненіе на раскольниковъ; послѣдніе цѣлыми толпами уходили въ Исетскую провинцію, Сибирь и землю Яицкихъ казаковъ, представлявшія всѣ выгоды для укрывательства бѣглыхъ; особенно любимыми мѣстами бѣглыхъ сдѣлались берега рѣкъ: Большаго и Малаго Иргизовъ, Камелика, Чижей, Чагры, Узеней и Сакмары. Обширныя пространства Приуральскихъ степей, гдѣ теперь съ трудомъ можно встрѣтить только одинокіе пни подъ корень подрубленныхъ деревъ, въ описываемое время были покрыты непроходимыми лѣсами. Вся обширная долина Урала, берега Узеней и всѣхъ степныхъ рѣчекъ, впадающихъ съ правой стороны въ Уралъ, а также и всѣ склоны Общаго Сырта представляли собою непроходимую трущобу [58]), въ которой легко

---

[57]) См. Ур. В. Вѣд. 1869 г., № 39, стр. 6.
[58]) Ур. В. Вѣд. 1870 г., № 20, стр. 2.

было укрыться отъ сыскныхъ командъ. Яицкіе казаки охотно принимали являвшихся къ нимъ бѣглыхъ людей и, въ видахъ собственной пользы, посылали ихъ въ разныя службы по нарядамъ правительства и не только безъ подмоги отъ войска, но брали съ нихъ же; а бѣглые охотно давали, лишь бы остаться на волѣ и избѣгнуть законной кары за свои преступленія, содѣянныя ими въ прежнемъ состояніи. Неудивительно послѣ этого, что пріемъ бѣглыхъ былъ обыкновеннымъ и часто повторявшимся явленіемъ среди Яицкаго войска; бѣглые, платя казакамъ за свой пріютъ, отбывали за нихъ нерѣдко службу и незамѣтно становились въ зависимое положеніе отъ войска. Понятно, что такое отношеніе бѣглыхъ къ казакамъ въ высшей степени было выгодно для послѣднихъ, почему казаки, не смотря на цѣлый рядъ грозныхъ и запретительныхъ указовъ, не переставали принимать всѣхъ, кто только приходилъ подъ ихъ покровительство. Бѣглые, въ свою очередь, также были довольны новымъ положеніемъ, потому что оно сравнительно было гораздо лучше прежняго, не говоря уже о преступникахъ, которые должны были понести наказаніе и, можетъ быть, очень жестокое. При такомъ положеніи дѣла, трудно было надѣяться, чтобы казаки отказались отъ своихъ выгодъ и рѣшились отдавать бѣглыхъ въ руки правительства; не легко было уговорить и самихъ бѣглецовъ вернуться на прежнія мѣста жительства. Между тѣмъ, правительство въ каждомъ бѣгломъ теряло плательщика, а дешевизна труда бѣглаго человѣка вредно отзывалась на трудахъ осѣдлаго населенія, чего нельзя было не замѣтить. Вслѣдствіе этого правительство не могло оставаться равнодушнымъ къ этому шатанію экономической жизни народа и цѣлаго государства.

Еще въ Ноябрѣ 1727 года былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось послать изъ Казанскаго гарнизона одного штабъ-офицера съ конвоемъ на Яикъ, чтобы взять оттуда 100 чел. казаковъ «конныхъ и оружейныхъ» и идти въ Сакмарскій городокъ, который считался притономъ бѣглыхъ крестьянъ заводскихъ, дворцовыхъ, помѣщичьихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ. Всѣхъ бѣглыхъ велѣно захватить и отправить въ Уфу, а оттуда разослать подъ конвоемъ въ прежнія мѣста жительства[59]. Чтобы пополнить число рабочихъ и мастеровыхъ во вновь устроенныхъ городкахъ и крѣпостяхъ Оренбургскаго края, въ 1736 г. правительство предписало Кирилову[60] «разглашать подъ рукою», что всѣ вышедшіе съ Яика бѣглецы будутъ записаны на службу въ Оренбургъ. Когда такихъ охотниковъ набралось довольно много, ихъ раздѣлили на партіи и разослали подъ конвоемъ, а прежнимъ ихъ владѣльцамъ были выданы за нихъ зачетныя рекрутскія квитанціи. Вскорѣ послѣ того, въ Сызранѣ и Самарѣ были устроены крѣпкія заставы, на которыхъ приказано наблюдать, чтобы люди, отправлявшіеся съ обозами на Яикъ, возвращались въ прежнія

---

[59]) П. С. З. т. VII, № 5197.

[60]) Сличи Пам. книжку Уфимск. губ. на 1873 г., ч. II, стр. 144, § 9.

мѣста жительства всѣ сполна [61]). Въ Февралѣ 1738 г. состоялось подтвержденіе «о принятіи въ Яицкихъ городкахъ пришлыхъ Великороссійскихъ людей» [62]). Не смотря, однакожъ, на всѣ эти и подобныя имъ мѣры, количество бѣглыхъ постепенно увеличивалось; на Яикъ особенно стремились раскольники, противъ которыхъ, какъ увидимъ, и было воздвигнуто гоненіе какъ со стороны гражданской, такъ и духовной власти.

Между тѣмъ какъ правительство было озабочено пріисканіемъ мѣръ и средствъ къ прекращенію побѣговъ на Яикъ, равно какъ и въ другія мѣста, борьба партій въ Яицкомъ войскѣ не прекращалась. Неудачный исходъ дѣла по доносу казака Дениса Гузикова на атамана Меркурьева, безъ сомнѣнія, не могъ заглушить въ казакахъ желанія удалить Меркурьева отъ занимаего имъ поста. Мы видѣли, что одно уже назначеніе Меркурьева въ войсковые атаманы оттолкнуло отъ него большую часть войска; злоупотребленія Меркурьева поддержали эту ненависть войска къ своему атаману и дали ей дальнѣйшій ростъ, а указанный неудачный исходъ борьбы окончательно вооружилъ казаковъ противъ Меркурьева, который, выигравъ дѣло, сталъ еще болѣе и смѣлѣе злоупотреблять своею властію, надѣясь на снисхожденіе къ нему Военной Коллегіи и покровительство, оказанное ему правительствомъ. Понятно, что, при такомъ положеніи дѣла, трудно было разсчитывать на спокойствіе внутри войска, тѣмъ болѣе, что озлобленіе противъ Меркурьева теперь обхватило почти все войско. Въ Ноябрѣ 1737 года, Военная Коллегія получила новую жалобу на атамана Меркурьева и его сыновей: Ивана и Андрея Меркурьевыхъ. На этотъ разъ жалоба была почти отъ всего войска: старшины, сотники, десятники и 2700 повѣренныхъ изъ казаковъ [63]) жаловались Военной Коллегіи, что Меркурьевъ отправилъ зимовую станицу «не по совѣту и приговору войска, а по своей власти, и дѣлаетъ съ своими единомышленники, по своимъ легкомысленнымъ прихотямъ, и отписки посылаетъ именемъ войсковымъ, яко бы отъ войска ложно». Далѣе изъ жалобы войска видно, что въ Ноябрѣ 1737 года, Меркурьевъ сообщилъ тайному совѣтнику, В. Н. Татищеву, «якобы среди войска имѣется замѣшаніе», при чемъ Меркурьевъ представилъ Татищеву реестръ тѣхъ казаковъ, которые смѣло и открыто заявляли въ кругу о понесенныхъ ими обидахъ. Войско въ своей жалобѣ опровергаетъ ложность этого доноса, ссылаясь на иногородныхъ купцовъ, пріѣзжавшихъ въ Яицкій городокъ, и замѣчаетъ: «у насъ можетъ всякій казакъ о дѣлѣ своемъ говорить, что̀ намъ войску отъ Государственной Военной Коллегіи указомъ не запрещается». Войско не ограничилось жалобою на одного атамана,—оно не забыло и его сыновей, равно какъ и тѣхъ

[61]) П. С. З. т. IX, № 6893. Сличи Рябинина «Уральское войско», часть I, стр. 50.

[62]) П. С. З. т. X, № 7514, 3.

[63]) Смотр. въ Уральск. войск. архивѣ по описи № 22. Извлечено изъ кн. каз. пов. № 33, стр. 258.

лицъ, которыя пользовались почему-либо довѣріемъ и расположеніемъ Меркурьева. Такъ казаки жаловались, что Иванъ Меркурьевъ, въ отсутствіе своего отца, выкосилъ всѣ сѣнные покосы, вопреки указамъ Военной Коллегіи; безъ позволенія войска, ловитъ подъ учугомъ рыбу; сбираетъ силою съ каждаго казака по 35 коп., указывая на то, что войско задолжало его отцу 900 рубл.; городскіе вѣсы самовольно отдалъ на откупъ Ивану Лобину и Никитѣ Акутину за 160 рублей, въ ущербъ войсковымъ доходамъ. Другой сынъ Меркурьева, есаулъ Андрей Меркурьевъ, явившись ночью на учугъ, гдѣ всякая ловля рыбы строго воспрещена, избилъ до полусмерти часоваго, оберегавшаго учугъ, при чемъ ему помогалъ въ этомъ «смертномъ боѣ» деньщикъ его брата (Ивана) Ѳедоръ Шумихинъ [64]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, войско жалуется на Турыбырина, который, отправляясь въ 1737 году, въ качествѣ походнаго атамана, въ Низовый корпусъ съ 500 казаковъ, получилъ изъ Военной Коллегіи по рублю на каждаго казака, а выдалъ по 60 коп., 40 же коп. удержалъ себѣ; когда войско стало требовать отъ него отчета, куда онъ употребилъ удержанные имъ 200 рублей, то «Турыбыринъ, скача съ рундука, сказалъ, что имѣется въ нихъ недоброе».

Между тѣмъ, противная партія,—партія Меркурьева,—не дремала: она не оставила вышеприведенной жалобы казаковъ безъ возраженій. На сторонѣ Меркурьева оказалось восемьдесятъ восемь старшинъ [65]), которые 10 Декабря того же (1737) года отправили въ Военную Коллегію прошеніе на имя Императрицы. Старшины жаловались въ своемъ прошеніи на тѣ безпорядки, которые происходили, при обсужденіи разныхъ дѣлъ, въ войсковомъ кругу; главнымъ виновникомъ этихъ неурядицъ и агитаторомъ народной партіи старшины выставили войсковаго старшину Ив. Логинова. «А нынѣ въ войскѣ Яицкомъ»,—говорится, между прочимъ, въ прошеніи,—«совѣтники Ивана Логинова Михайло Кукляевъ, Аѳанасій Черноноговъ и Ив. Торшиловъ съ товарищи учинили немалое разглашеніе, отчего въ народѣ нашемъ учинилось великое несогласіе». Упоминаемыя здѣсь лица, какъ видно изъ прошенія старшинъ, распространили въ народѣ слухъ, что съ атамана Григорья Меркурьева, въ бытность его въ Военной Коллегіи, «жалованная патретъ и сабля снята», и что самъ Меркурьевъ находится подъ арестомъ. Народная партія, не любившая Меркурьева, подъ вліяніемъ этихъ ложныхъ неслуховъ, ликовала и еще смѣлѣе и энергичнѣе выражала свое недовольство дѣйствіями старшинъ: въ кругахъ постоянно слышался

---

[64]) Третій сынъ Григорья Меркурьева, Илья Меркурьевъ, былъ по смерти своего отца войсковымъ атаманомъ, а Иванъ Меркурьевъ еще раньше былъ замѣшанъ, какъ увидимъ дальше, въ дѣлѣ о разграбленіи каравана Хивинца Абазы и Бухарца Джабора, въ 1732 году. (Смотри архивъ Уральск. войска по описи № 31. Выписка изъ кн. каз. пов. № 9, стр. 386).

[65]) Имена и фамиліи всѣхъ этихъ старшинъ значатся въ подписи прошенія. Смотри въ Уральск. войсков. архивѣ дѣло по описи № 22, стр. 23—26.

шумъ, крикъ; о повиновеніи старшинамъ и атаману не могло быть и рѣчи.

Въ началѣ Сентября 1737 г., на Яикъ прибылъ, для разбирательства войсковыхъ несогласій и безпорядковъ, маіоръ Казанскаго гарнизона Алекинъ. Когда Алекинъ собралъ казаковъ въ кругъ и приступилъ къ разбирательству дѣла, сторонники Логинова стали возмущать казаковъ; въ кругу начался шумъ, крикъ; казакъ Землянушиновъ, одинъ изъ сторонниковъ Логинова, «при всемъ честномъ казацкомъ кругѣ», обругалъ старшинъ ворами; Алекинъ приказалъ схватить его и представить въ Станичную Избу «для сыску». Указывая на это обстоятельство, старшины жалуются на обиду Землянушинова,—«понеже за собою воровства никакаго не знаемъ»,—и прибавляютъ, что Землянушиновъ и Копѣечкинъ, безъ вѣдома атамана и старшинъ, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, въ числѣ 12 человѣкъ, явились къ маіору Алекину и говорили, «что-де кланяемся вашему благородію скотиною, такожъ и солдатамъ команды вашей другою». Между тѣмъ, Логиновъ, воспользовавшись отсутствіемъ изъ Яицкаго городка Алекина, началъ ходить «съ своими совѣтники, невѣдомо для какова вымыслу, во всякихъ кругахъ» и возмущать казаковъ, показывая имъ какія-то письма. Логиновъ требовалъ, чтобы его, вмѣстѣ съ приверженцами, допустили въ Станичную Избу «для спросу всѣхъ казаковъ»; но атаманъ и старшины не согласились на это. Послѣ того, Логиновъ отрядилъ къ Станичной Избѣ сотниковъ Бориса Чирова и Ивана Торшилова, а сотникамъ Ивану Абрамову и Ивану Толоконникову приказалъ отправиться по дворамъ казаковъ, чтобы «записывать казаковъ и руки брать», но для какой цѣли, неизвѣстно. Волненіе въ кругахъ, особенно между молодежью, усилилось, такъ что, по выраженію старшинъ, «въ такомъ ихъ самовольномъ крику никакаго присутствія производить стало невозможно»; вмѣсто отцевъ, стали являться въ кругъ дѣти и братья, чего прежде не бывало; правильное рѣшеніе дѣлъ стало невозможнымъ; наконецъ, замѣчаютъ старшины, «между собою стало чиниться смертное убивство». Старшины, какъ противники подобныхъ безпорядковъ, произведенныхъ Логиновымъ и его партіей, просятъ, чтобы имъ не поставили въ вину такаго самовольства протестующихъ казаковъ, и выражаютъ искреннее желаніе, чтобы «такихъ самовольниковъ» не было. При этомъ старшины составили реестръ протестовавшихъ казаковъ, и препроводили его въ В. Коллегію съ войсковымъ атаманомъ, Григорьемъ Меркурьевымъ, который отправился въ Петербургъ, въ сопровожденіи старшинъ: Ивана Григорьева, Василья Севрюгина, Тимоѳея Кирилова и Якова Мокѣева. Военная Коллегія получила это прошеніе старшинъ 27 Января 1738 года, а 4 Марта того же года на Яикъ былъ отправленъ указъ Императрицы, съ приложеніемъ копіи съ доношенія войска, на имя маіора Алекина, которому приказано было произвести слѣдствіе, «по указамъ и по данной инструкціи», немедленно, такъ-чтобы въ Мартѣ же мѣсяцѣ этого года дѣло было представлено въ Военную Коллегію. Въ случаѣ надобности, Алекину велѣно обра-

щаться за помощію и совѣтами къ начальнику Оренбургской Экспедиціи, В. Н. Татищеву, который объ этомъ также получилъ указъ. Казакамъ, подъ угрозою жесточайшаго наказанія, строго воспрещалось «чинить безчинный крикъ и драки», во время слѣдованія о продерзкихъ поступкахъ. Посланнымъ отъ Логинова въ Петербургъ съ доношеніемъ, казакамъ Андрею Мухину и Степану Храмову, велѣпо было выдать изъ Статсъ-Конторы на проѣздъ до Яицкаго городка по 12 рублей каждому, «изъ положенной пріѣзжимъ отъ того войска станицамъ суммы», и давать имъ отъ Петербурга до Самары по одной ямской лошади и прогонныя деньги изъ той же суммы, «а что онымъ казакамъ выдано будетъ, и тѣ деньги, по рѣшеніи атаманскаго дѣла, возвратить съ виновныхъ» [66]). Предписавъ Алекину произвести слѣдствіе, Военная Коллегія приказала до окончанія дѣла устранить Меркурьева отъ должности атамана и поручить ее временно другому, выбранному войскомъ. Но вліяніе Меркурьева въ войскѣ было такъ велико, что онъ успѣлъ образовать сильную партію и, не смотря на протестъ народа, постарался убѣдить Татищева [67]), чтобы онъ приказалъ арестовать и отправить въ Самару выбраннаго казаками наказнаго атамана Андрея Карпова, какъ человѣка неблагонадежнаго въ политическомъ отношеніи. Происки Меркурьева увѣнчались успѣхомъ: вмѣсто Карпова назначенъ былъ войсковой станичный атаманъ Прытковъ, — человѣкъ вполнѣ преданный Меркурьеву, — который приказалъ арестовать Карпова и старшину Семена Землянушинова и, заковавъ въ кандалы, отправить ихъ въ Самару къ тайному совѣтнику Татищеву. Понятно, что послѣ этого дѣла Меркурьева пошли лучше, и обвиненія, возводимыя на него, стали оказываться бездоказательными. Этому помогло и то, что счетная часть велась у казаковъ на словахъ, или на лоскуткахъ бумаги, которые легко было уничтожить во всякое удобное время. Казаки, подъ вліяніемъ интригъ Меркурьева и его сторонниковъ, раздѣлились на двѣ части: одни стояли за Меркурьева, другіе— большинство, за Логинова. Наконецъ, Алекинъ представилъ въ В. Коллегію экстрактъ о произведенномъ имъ слѣдствіи, Военная же Коллегія, при особомъ мнѣніи, передала его въ Кабинетъ Ея Величества. Изъ этого экстракта видно, что Меркурьевъ обвинялся во-первыхъ въ томъ, что онъ удержалъ у казаковъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья двѣнадцать тысячъ триста пятьдесятъ пять рублей; 2) не хотѣлъ давать никакаго отчета въ расходѣ сборныхъ войсковыхъ денегъ; 3) изъ окладнаго на все войско вина употреблялъ съ старшинами на свои расходы. Старшина Логиновъ обвинялся, во-первыхъ въ томъ, что не могъ основательно доказать взведеннаго имъ на Меркурьева обвиненія, будто бы послѣдній удержалъ у казаковъ деньги за хлѣбное жалованье на 1724 г.; 2) отрекся отъ своего по-

[66]) Смотри въ книг. каз. пов. (№ 33, стр. 258) указъ В. Коллегіи за № 3538-мъ.

[67]) Татищевъ В. Н. былъ въ это время главнымъ начальникомъ Оренбургской Экспедиціи и Мензелинской Башкирской Коммиссіи.

казанія, что Меркурьевъ будто не отдалъ двумъ стамъ казаковъ, командированнымъ въ Оренбургъ, 700 р.; 3) у 250 казаковъ, бывшихъ въ Низовомъ корпусѣ, удержалъ денегъ около 450 рубл. и отказался дать о томъ отчетъ, когда его потребовали въ войсковой судъ; 4) у казака Погребишина удержалъ жалованье и, кромѣ того, 4 рубля, взятые имъ у Погребишина на сбереженье. Указавъ на эти обвинительные пункты, Военная Коллегія опредѣлила: атамана Меркурьева лишить чина и взыскать съ него удержанныя у казаковъ деньги 12,355 рублей; съ старшины Логинова удержанныя имъ деньги также взыскать. Въ отвѣтъ на это опредѣленіе Военной Коллегіи 25 Августа того же 1740 года состоялся именной высочайшій указъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: «Понеже оное между ними (казаками) несогласіе чрезъ много время продолжается и съ обѣихъ сторонъ по слѣдствію вины явились, отъ чего прочимъ казакамъ немалая обида и убытокъ причинены и дабы впредъ такихъ обидъ тамошніе командиры [68]) не чинили и надлежащихъ на раздачу казакамъ денегъ не удерживали и ими не корыстовались и по своимъ прихотямъ казаковъ обижать не могли, и казаки-бъ въ такомъ случаѣ на своихъ атамановъ судъ и управу сыскать могли, того ради указали мы учинить слѣдующее: 1) атамана Меркурьева, за учиненныя имъ казакамъ обиды, атаманства лишить, а за службы отца его, такожъ и его показанныя извѣстныя вѣрности, отъ взысканія вышеупомянутой положенной на него по мнѣнію Военной Коллегіи суммы освободить; а Логиновъ, хотя по слѣдствію въ иномъ и самъ виноватъ и подлежалъ штрафу, однакожъ чиненныя отъ Меркурьева Яицкому войску обиды чрезъ него открылись и для того его Логинова отъ штрафа освободить же, и все то дѣло оставить и уничтожить. И чтобъ между ними памятозлобія и отъ того впредъ вражды быть не могло, того ради обоихъ ихъ съ Яика вывесть и поселить жить въ тамошнихъ же городкахъ порознь, и именоваться имъ обоимъ тѣхъ городковъ, гдѣ они будутъ жить, старшинами» [69]). Далѣе указъ гласитъ о томъ, чтобы назначеніе атамана предоставлено было высочайшей волѣ, войско же обязано избирать на эту должность трехъ кандидатовъ изъ «заслуженныхъ, богобоязливыхъ, вѣрныхъ и въ воинскомъ дѣлѣ искусныхъ людей»; обиженнымъ предоставить право являться съ жалобою въ В. Коллегію, но если обвиненія ихъ окажутся неосновательными, то поступать съ ними по всей строгости законовъ. Указъ предписываетъ также ввести въ войскѣ приходорасходныя книги за шнуромъ и войсковою печатью, а В. Коллегіи собрать свѣдѣнія о Яицкихъ казакахъ и составить новый проэктъ управленія войскомъ.

Но такаго рода мѣры не могли привести правительство къ достиженію предположенной цѣли. Демократическая воля въ Яицкомъ казачествѣ до того была сильна, что они по прежнему не хотѣли

---

[68]) Замѣтно, что Кабинетъ недоволенъ былъ и дѣйствіями Татищева, державшаго сторону Меркурьева.

[69]) П. С. З., т. XI, стр. 226—227, № 8215.

слѣдовать указаніямъ В. Коллегіи и продолжали вести открытую, неусыпную борьбу съ ограничительными притязаніями начальства [70]). Постановленія 1740 года не приводились въ исполненіе: казаки продолжали слѣдовать прежнимъ обычаямъ народа, а по восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны всѣ указы и постановленія предшествовавшаго правительства были уничтожены или объявлены недѣйствительными.

Такимъ образомъ, прежнее устройство Яицкой общины къ началу сороковыхъ годовъ прошедшаго столѣтія, когда въ управленіе Оренбургскимъ краемъ вступилъ И. И. Неплюевъ, которому были подчинены и Яицкіе казаки, оставалось въ полной своей силѣ. В. Коллегія также не успѣла еще собрать затребованныя ею свѣдѣнія относительно Яицкаго войска; между тѣмъ послѣдовали новые указы [71]), которые должны были, наконецъ, заставить В. Коллегію исполнить волю правительства.

(Продолженіе будетъ).

---

[70]) Щаповъ, Земство и расколъ, ст. 1-я, стр. 361.

[71]) 9 Декабря 1745 г. и 22 Іюля 1748 г. Смотри въ Ур. в. архивѣ по описи № 3. «Изъясненіе со мнѣніемъ» и проч. Копія изъ Арх. В. Колл., кн. каз. пов. № 141, стр. 3 и проч.

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ.

IV *).

Мы видѣли, какой страшной опалѣ подвергся человѣкъ, составлявшій собою славу Русскаго имени въ чужихъ краяхъ и съ какою душевною твердостью отнесся онъ къ постигшему его несчастію. Сохранилось несомнительное преданіе, что сына своего (будущаго фельдмаршала), въ то время двадцатилѣтняго юношу, рѣшился онъ отдать въ науку къ какому-то Соутгамптонскому моряку-торговцу, а для дочери (впослѣдствіи графини Пемброкъ) отыскивалъ мѣсто наставницы. Онъ и прежде говаривалъ, въ виду участи многихъ знатныхъ Французовъ, пострадавшихъ отъ революціи, что времена наступили крутыя и что слѣдуетъ для всякаго случая быть на готовѣ и умѣть чѣмъ либо заработывать себѣ хлѣбъ. Между тѣмъ въ Россіи братъ его, графъ Александръ Романовичъ разослалъ къ прикащикамъ предписаніе о сдачѣ деревень въ вѣдомство мѣстныхъ исправниковъ, и отправилъ въ Петербургъ всеподданнѣйшее прошеніе о томъ, чтобы ему было указано, какъ поступить съ тѣми деревнями, которыя находились у него въ нераздѣльномъ владѣніи съ графомъ Семеномъ Романовичемъ. Прошеніе это пришло въ Петербургъ уже въ новое царствованіе. Александръ Павловичъ, на другой же день по восшествіи на престолъ, приказалъ снять запрещеніе съ Воронцовскихъ помѣстій.

«Не полагалъ я, мой другъ, увидѣть спасеніе Россіи отъ свирѣпаго обуреванія, разлившагося на всѣ состоянія.... но благоволеніемъ судьбы вышли мы изъ томныхъ дней. Заживаютъ раны отъ муки прежней, по удостовѣренію, что отверженные кнутъ и топоръ больше не возстанутъ: ибо ангелъ, съ стороны кротости и милосердія, царствуетъ надъ нами. Зады Іоанна Грознаго мы испытали; измѣряй по тому радость общую, когда можемъ подымать духъ и сердце, когда никто не имѣетъ страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя. Милый другъ, возблагодаримъ счастливое время и что въ немъ окончимъ нашъ вѣкъ!... Никогда я не думалъ увидѣть Неву, а всякій часъ ожидалъ быть отвезену въ крѣпость, что за оною,—въ которую заключаемы были больше по воображенію, чѣмъ по дѣламъ....» Такими словами привѣтствовалъ новую эпоху старикъ графъ Завадовскій въ письмѣ къ своему Лондонскому другу [1]), и съ такими же чувствами радости встрѣтила новаго Государя не только мыслящая частица Россіи, боязненно оглядываясь на вчерашнее темное прошлое, но и безучастная съ виду масса народа, которая не

---

*) См. выше, стр. 305.

[1]) Отъ 13 Мая 1801 г., «Воронц. Архивъ» т. XII, стр. 264.

лихомъ поминала времена «матушки Екатерины» [2]) и чаяла великую надежду свою въ молодомъ царѣ, торжественно возвѣстившемъ свое желаніе править «по законамъ и сердцу бабки». Встрепенулись для новой жизни, изъ-подъ спуда опалы и вынужденнаго бездѣйствія, и тѣ немногіе ветераны Екатерининской эпохи, старики-сановники, хранители ея завѣтовъ, равно какъ и лучшіе представители позднѣйшаго поколѣнія, свѣжія силы для государственныхъ работъ. Явились у дѣлъ графы Александръ Романовичъ Воронцовъ [3]), Завадовскій и Марковъ, Трощинскій, Державинъ; а вмѣстѣ съ ними люди, пользовавшіеся съ отроческихъ лѣтъ Государя личною его дружбою и призванные играть важную роль въ его начинаніяхъ: графъ П. А. Строгоновъ, сынъ извѣстнаго Екатерининскаго вельможи; Н. Н. Новосильцовъ, близкій его родичъ, поспѣшно вызванный изъ Лондона, гдѣ онъ прожилъ все Павловское время [4]); Полякъ, князь Адамъ Чарторижскій—изъ Италіи, съ номинальнаго посланническаго мѣста при Сардинскомъ дворѣ; графъ Викторъ Павловичъ Кочубей—изъ Полтавскаго его имѣнія, куда онъ долженъ былъ удалиться со службы въ исходѣ Павловскаго царствованія. Теперь въ одинъ строй становились вокругъ престола и старые, и молодые дѣльцы; но передовое мѣсто по вліянію заняли изъ нихъ сіи послѣдніе, какъ члены особаго келейнаго совѣта Государева....

Много трудной и спѣшной работы предстояло новому правительству, какъ по домашнимъ, такъ и по иностраннымъ дѣламъ. Внутри требовалось снять поскорѣе гнетъ ненужныхъ грозныхъ мѣръ предъидущаго царствованія и предпринять организаціонныя работы для необходимыхъ улучшеній по всѣмъ частямъ государственнаго управленія; извнѣ нужно было отклонить унаслѣдованныя отъ Павловской же политики столкновенія, готовыя разразиться кровопролитіемъ. По внутреннимъ дѣламъ, съ 13 Марта по 13 Іюня 1801 г., появилось двадцать четыре именныхъ указа, съ отмѣною разныхъ стѣснительныхъ мѣропріятій и съ возстановленіемъ отнятыхъ правъ у частныхъ лицъ, сословій, учрежденій; а вслѣдъ затѣмъ начались, при постоянномъ участіи самого Государя, дѣятельныя занятія по законодательнымъ вопросамъ, обсуждавшимся въ избранномъ кружку молодыхъ его наперсниковъ.

Въ какихъ же отношеніяхъ къ этимъ вліятельнымъ людямъ стоялъ графъ Семенъ Воронцовъ? Кочубея онъ любилъ издавна, и любилъ до нѣжной привязанности, оцѣнивая въ немъ рѣдкія способности и благородство души; съ Новосильцовымъ близко сошелся въ Лондонѣ и съ тѣхъ поръ велъ съ нимъ переписку, не прекращавшуюся до 1808 года. Благодаря этимъ отношеніямъ, которыя получили начало не изъ случайныхъ причинъ, а въ силу взаимнаго влеченія,

---

[2]) Богдановичъ, «Ист. царств. Имп. Александра I-го», т. I, стр. 46.

[3]) Онъ былъ приглашенъ 28 Апрѣля 1801 г., съ назначеніемъ присутствовать въ I-мъ департаментѣ Правит. Сената.

[4]) Гр. П. А. Строгоновъ, двоюродный его братъ баронъ Г. А. Строгоновъ и бывшій въ числѣ воспитателей Государя М. Н. Муравьевъ отправили, за общимъ подписомъ, слѣдующую Французскую записку къ Новосильцову, въ Лондонъ: «Мой добрый другъ, курьеръ сейчасъ ѣдетъ, и я имѣю время сказать вамъ только два слова: Императоръ Александръ I царствуетъ. Возвращайтесь, возвращайтесь, возвращайтесь». (Пыпинъ: «Обществ. движ. при Александрѣ I», прилож. къ 2-й главѣ, «Вѣстн. Евр.» 1874 г., Апр., стр. 715).

графъ С. Р. Воронцовъ былъ нечуждъ новому поколѣнію государственныхъ дѣятелей, возросшему и возмужавшему на его памяти: этимъ для него дополнялись старинныя связи съ немногими, оставшимися въ живыхъ, его сверстниками. Такимъ образомъ, онъ былъ въ состояніи пристально слѣдить за преобразовательнымъ движеніемъ и отзываться на него горячимъ сердцемъ. Лишь въ старости дождался онъ благодатной поры, когда могъ, наконецъ, высказывать безъ запинокъ свои убѣжденія, обращаясь притомъ къ особѣ самого Государя. Возможность эта досталась ему поздно, и мы увидимъ далѣе, какъ широко пользовался онъ правомъ свободнаго слова, при всякомъ удобномъ случаѣ.

Дождался онъ также, съ воцареніемъ Александра, своевременной возможности для исполненія собственнаго желанія и завѣтной мечты сына: посѣтить отечество, послѣ долгаго отсутствія, и отдать своего юношу царской службѣ. Но ѣхать съ сыномъ было нельзя, ради посольскихъ дѣлъ. Старикъ рѣшился отправить сперва въ Россію одного графа Михаила Семеновича къ дядѣ его, который долженъ былъ познакомить молодаго человѣка съ общими ихъ друзьями и родными и похлопотать объ опредѣленіи его на дѣйствительную службу, обдумавъ ея выборъ (давно уже сдѣланный будущимъ фельдмаршаломъ въ пользу военнаго поприща).

Въ началѣ Мая 1801 года графъ Семенъ Романовичъ распростился съ сыномъ, въ первый разъ въ жизни. Молодой Воронцовъ отправился, наконецъ, въ ту невѣдомую, но милую его сердцу землю, къ которой любовь такъ плодотворно привита была ему отцомъ на чужбинѣ, что не оставалась отвлеченнымъ представленіемъ, но обратилась въ чувство живое и сильное, нуждавшееся только въ пересадкѣ на ту родную почву, гдѣ должно было развернуться вполнѣ. Старикъ понималъ это, чѣмъ и могъ утѣшать себя въ добровольной разлукѣ съ сыномъ. Но еще больше приносили ему утѣшенія хвалебные отзывы изъ Россіи ото всѣхъ, съ кѣмъ познакомился молодой Воронцовъ. Его благовоспитанность, умѣнье себя держать и чисто говорить на родномъ языкѣ, привлекательная наружность,—все это приводило въ восторгъ и стараго дядю, который справедливо гордился племянникомъ, и всѣхъ общихъ знакомыхъ. Лестные отзывы съ разныхъ сторонъ о графѣ Михаилѣ выразились въ такомъ задушевномъ тонѣ, что не допускаютъ сомнѣнія въ ихъ искренности. «Не полагалъ я», говорилъ старый гр. Завадовскій въ письмѣ къ Семену Романовичу, отъ 20 Мая 1801 г.—«не полагалъ я никакъ пережить судороги Россіи и начать счастливую эпоху утѣшеніемъ, увидя твоего премилаго сына. Не могу изобразить того, съ какимъ чувствомъ зрю въ немъ образъ и душу твою: капля съ каплею воды не больше имѣютъ сходства, какъ онъ въ твоей молодости. Чѣмъ больше познаю его, больше удостовѣряюсь въ томъ, что ты отецъ пресчастливѣйшій. Братъ твой весьма любуется имъ, и всякъ, кто его видитъ, не обинуется сказать: вотъ образецъ воспитанія! Кромѣ прочаго, и то пріятно въ немъ, что, вывезенъ будучи груднымъ младенцемъ изъ Россіи, говоритъ и чисто, и свободно Русскимъ языкомъ, какъ бы выросъ на Руси. Я радуюсь и тому, что онъ въ первый разъ видитъ отечество въ такое время, когда и природный Англичанинъ не унывалъ бы въ немъ.... Выговорю, не льстя тебѣ, что я моему сыну не желаю лучшаго благополучія, какъ упобиться твоему во всемъ....» Въ другомъ письмѣ, отъ 1 Августа:

«Послѣднее твое письмо вразумляетъ меня о важности подвига, который ты совершилъ о воспитаніи дѣтей. Всякій день, что вижу твоего сына, умножается во мнѣ радость отъ удостовѣренія въ томъ, колико ты въ немъ отецъ преблагополучный. Въ отечествѣ своемъ, изъ коего вывезенъ въ пеленахъ, онъ не иностранецъ: привязанность къ оному и обращеніе въ обществѣ таково, какъ бы взросъ на Руси. Сердце доброе и нѣжное, скромность не по лѣтамъ и разсудокъ здоровый имѣетъ, и о сихъ качествахъ предваряетъ всякаго и наружный видъ его. Господствуетъ въ немъ склонность, а лучше сказать, сильная страсть къ военной службѣ; но твой братъ не хочетъ пускать его на Марсову дорогу, предоставляя тебѣ рѣшить сей шагъ». Русское направленіе у выросшаго на чужбинѣ юноши, отецъ котораго прослылъ отъявленнымъ Англоманомъ, пріятно бросалось въ глаза не одному графу Завадовскому. «Мнѣ остается васъ поздравить», писала къ старику Воронцову графиня Софія Владиміровна Панина, «съ даннымъ сыну вашему воспитаніемъ: умѣнье его объясняться съ такою легкостію порусски приводитъ въ удивленіе все здѣшнее общество и стыдитъ нашу молодежь, которая, во имя моды и хорошаго тона, не въ состояніи ни слова сказать на своемъ языкѣ, да и вообще не блистаетъ достоинствами, такъ-что сношенія съ нею могли бы даже принести вредъ. Впрочемъ, съ этой стороны вамъ нечего бояться за вашего сына: у него, по видимому, столько благоразумія, что онъ не собьется съ указаннаго вами пути» [5]).

Старый посолъ невыразимо былъ доволенъ успѣхами въ свѣтѣ своего сына, а еще болѣе привязанностію къ нему безсемейнаго дяди, графа Александра Романовича, который полюбилъ племянника съ истинно-отеческою нѣжностью. Въ своихъ отвѣтахъ брату графъ Семенъ не жеманился похваливать и отъ себя сына, постоянно называя его «bon garçon», юношею съ наилучшими качествами сердца. Онъ просилъ брата не стѣснять его въ выборѣ службы, но покуда занимать дѣловою перепискою и переводами бумагъ, для знакомства съ дѣлами и отечественными установленіями, чтобы подготовить его къ будущей полезной дѣятельности на любомъ поприщѣ [6]).

Пора теперь сказать объ отношеніяхъ графа Семена Романовича къ лицамъ, которые управляли вѣдомствомъ, отъ котораго онъ зависѣлъ, т. е. Коллегіею Иностранныхъ Дѣлъ.

На первыхъ порахъ новаго царствованія главнымъ дѣятелемъ былъ Петербургскій генералъ-губернаторъ гр. фонъ-деръ Паленъ, человѣкъ, спеціально не приготовленный для роли руководителя по дипломати-

---

[5]) Въ этомъ невыгодномъ мнѣніи о Петербургской молодежи сходился съ Панинымн и отъявленный ихъ врагъ, графъ Ростопчинъ. Вотъ что писалъ онъ: «Ненужно было имѣть много проницательности, чтобы подмѣтить въ вашемъ сынѣ всѣ добрыя отцовскія качества: это увидѣлъ-бы и всякій посторонній человѣкъ. Болѣе всего поразила меня въ немъ нравственная чистота, спокойствіе, ровность въ расположеніи духа (le calme de son assiette) и основательность сужденія. Боюсь только адскаго общества Петербургской молодежи. Вы, съ вашимъ отвращеніемъ отъ всего потрясающаго общественный порядокъ, были бы поражены окончательно, еслибъ увидѣли въ Петербургѣ юношей, достойныхъ быть пріемными сыновьями Робеспьера или Дантона».

[6]) Въ Спб. въ 1801 году графъ Михаилъ Семеновичъ вступилъ въ военную службу, въ гвардію, въ Преображенскій полкъ.

ческимъ сношеніямъ, но очутившійся было на мѣстѣ государственнаго министра, вслѣдствіе тогдашнихъ исключительныхъ обстоятельствъ. Графъ С. Р. Воронцовъ отзывался отрицательно не только о нравственномъ характерѣ этого «генерала отъ кавалеріи», находя, притомъ, что и самое присутствіе его вблизи молодаго Государя не должно быть терпимо, точно также, какъ сообщество Зубовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ [7]). Графу Палену пришлось очень скоро оставить несвойственное ему положеніе при дворѣ и уступить мѣсто въ управленіи людямъ болѣе свѣдущимъ въ дѣлахъ политики и дипломатіи,—въ томъ числѣ графу Никитѣ Петровичу Панину, бывшему вице-канцлеромъ при Павлѣ, возвращенному изъ деревенской ссылки новымъ Государемъ, почти одновременно съ восшествіемъ его на престолъ. Графъ Панинъ получилъ въ свое завѣдываніе иностранныя дѣла, въ товариществѣ съ княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, который, впрочемъ, собственно внѣшними сношеніями не занимался. «Управленіе и кредитъ имѣетъ по иностраннымъ дѣламъ Панинъ», писалъ гр. Завадовскій, въ Маѣ мѣсяцѣ, «человѣкъ отъ природы съ дарованіями и большимъ характеромъ». Съ этой же стороны разумѣлъ прежде молодаго дѣльца и самъ Воронцовъ, считая его, притомъ, лично себѣ преданнымъ; но въ новое царствованіе скоро перемѣнилъ о немъ мнѣніе и вошелъ въ такія неладныя съ нимъ отношенія, которыя приняли острый характеръ вражды, выразившійся въ ожесточенной дѣловой полемикѣ.

Отношенія эти на столько занимали вниманіе графа Семена Воронцова и такое имѣли значеніе въ его глазахъ, что требуютъ возможно-подробной передачи, для чего нужно предварительно напомнить читателю тогдашнее состояніе политическихъ дѣлъ, о которомъ такъ отзывается С. М. Соловьевъ, въ своей книгѣ о политической дѣятельности Александра I-го: «Онъ (Государь) наслѣдовалъ войну съ Англіею, вражду съ Австріею, сближеніе съ Франціею и Пруссіею и нѣкоторыя тяжелыя для Россіи обязательства относительно государствъ второстепенныхъ» [8]).

Непріязненныя дѣйствія между Россіею и Англіей, вслѣдствіе разрыва, возникшаго при покойномъ императорѣ, готовы были открыться, когда вступилъ на престолъ его преемникъ, и Британскій флотъ находился уже въ Балтійскомъ морѣ, подъ начальствомъ адмирала Паркера. Первою заботою Александра Павловича было предотвратить войну дипломатическими переговорами, чего желалъ и Сентъ-Джемскій кабинетъ. Соглашеніе это, однакожъ, долженствовало устроиться не безъ участія союзныхъ съ Россіею державъ: Пруссіи, Швеціи и Даніи, по смыслу трактата, заключеннаго съ ними при Павлѣ; а между тѣмъ, Англичане и не подумали остановить наступательное движеніе морскихъ своихъ силъ противъ Даніи: корабли ихъ прошли черезъ Зундъ и, съ Нельсономъ во главѣ, стали громить Копенгагенъ [9]). Это обстоятельство задержало ходъ мирныхъ переговоровъ со стороны Россіи. 6 Апрѣля и 2 Мая 1801 г., рескриптами на имя графа Семена Воронцова (еще при графѣ Паленѣ), Государь поручалъ объявить Англійскому правительству о твердомъ

[7]) «Воронц. Архивъ», т. X и XI, письма графа С. Р. къ брату, отъ 2 Іюля, и къ Новосильцову, отъ 6 Мая и 13 Іюня 1801 г.

[8]) См. книгу С. М. Соловьева, гл. I, стр. 15.

[9]) 2 Апрѣля 1801 года.

намѣреніи не заключать мира помимо союзныхъ съ нимъ государствъ, при чемъ указано было настоятельно требовать прекращенія нападеній на Данію и Швецію.... Пока стояли на очереди эти спорные вопросы, Русское правительство не торопилось снять запрещеніе съ Англійскихъ судовъ, и даже подтвердило заключенную при Павлѣ морскую конвенцію съ упомянутыми союзными державами, въ духѣ Екатерининской системы вооруженнаго нейтралитета. Дѣло пошло-было на разладъ. Демонстрація Англіи, въ видѣ крейсировки ея флота подъ командою Нельсона, стоявшаго на якорѣ у Ревельскаго рейда, вызвала горячій протестъ Александра І-го и едва было не сдѣлалась причиною неразрѣшимыхъ усложненій въ этомъ дѣлѣ. Но оба Воронцовы,—одинъ въ Петербургѣ, другой въ Лондонѣ,—всячески хлопотали о смягченіи нашихъ требованій. Скоро послѣдовало удаленіе графа Палена, и въ Маѣ 1801 г. снято было запрещеніе [10]), а 17 Іюня состоялся формальнымъ образомъ миръ съ Англіей, что не помѣшало Россіи заключить въ Парижѣ, 1-го Октября того же года, мирный трактатъ съ Франціей, съ которою, до тѣхъ поръ, послѣ прекращенія Суворовской кампаніи 1799 года, не было совершено этого дипломатическаго акта и которая не покончила еще войны своей съ Англіей.

Такое направленіе Русской политики, сперва подъ вліяніемъ графа Палена, а затѣмъ графа Панина, не совсѣмъ отвѣчало видамъ и заднимъ мыслямъ Англіи, да не могло быть сочувственно и графу С. Р. Воронцову, непоколебимому въ своемъ политическомъ догматѣ о тѣснѣйшей связи между Россіей и Англіей, связи болѣе чѣмъ когда-либо необходимой, въ виду грозившей цѣлому міру Франціи съ ея властолюбивымъ вождемъ, Бонапартомъ.

Не въ свойствахъ графа Семена Воронцова было таить впечатлѣнія отъ подобной постановки дѣлъ. Онъ поспѣшилъ излить свои мысли въ одновременно-написанныхъ письмахъ (6 Мая 1801) къ Государю, къ Новосильцову и къ Панину и исповѣдалъ свою политическую программу во всѣхъ ея подробностяхъ. Письмо къ Государю содержало въ себѣ довольно пространный обзоръ торговыхъ и государственныхъ сношеній нашихъ съ Великобританіей, сопровождавшійся доводами о выгодѣ ихъ для той и другой стороны и о необходимости всемѣрно поддерживать ихъ во всякое время, а тѣмъ болѣе при современномъ положеніи вещей, когда мы нуждаемся въ содѣйствіи первостепенной морской державы, будучи сами въ невозможности достигнуть въ будущемъ соразмѣрнаго развитія морскихъ силъ, нужныхъ намъ только для обороны отъ Швеціи на Балтійскомъ морѣ. Тѣже мысли проводились въ остальныхъ письмахъ, особенно къ графу Панину, съ заявленіемъ, что онъ, графъ Воронцовъ, вмѣняетъ себѣ въ священную обязанность вѣрноподданаго высказывать царю своему безбоязненно и прямо мнѣнія по доходящимъ до него, посла, государственнымъ вопросамъ. Съ гордымъ сознаніемъ выполненнаго

[10]) Снятіе амбарго замедлялось первоначально желаніемъ нашего правительства, чтобы прежде того Англійскій флотъ вышелъ изъ Балтійскаго моря и чтобы возвращены были захваченныя Англичанами Датскія и Шведскія суда; но, кажется, условія эти не были оффиціально предъявлены и остались лишь въ проектѣ. Англійскимъ купцамъ и судорабочимъ (арестованнымъ при Павлѣ), при снятіи амбарго, возвращена была свобода, съ денежнымъ вознагражденіемъ за понесенные убытки.

гражданскаго долга, онъ напомнилъ министру свое твердое поведеніе во многихъ случаяхъ, не только при Екатеринѣ, но и при Павлѣ, когда для пользы дѣла онъ не побоялся отклоняться отъ буквальнаго исполненія высочайшихъ повелѣній. Возражая на первоначальныя дѣйствія нашего правительства при новомъ Государѣ относительно Англіи, посолъ жаловался на подтвержденную, по ошибочнымъ внушеніямъ Палена, морскую конвенцію съ сѣверными державами, досадную для Англіи и тягостную для насъ самихъ, по обязательствамъ содѣйствовать нашими средствами исключительно интересамъ Даніи и Швеціи, всегда готовой вредить намъ при всякомъ сподручномъ случаѣ [11]). Сѣтовалъ онъ также на замѣтную склонность Русской дипломатіи къ сближенію съ Пруссіей; а въ письмѣ къ Новосильцову, между прочимъ, говорилъ, что не смущается опасеніемъ прогнѣвить Государя своимъ длиннымъ письмомъ, въ надеждѣ, что Его Величество помнитъ примѣръ Петра Великиго, который требовалъ отъ служащихъ лицъ откровеннаго выраженія правды.

Отвѣтъ Государя вполнѣ удовлетворилъ этимъ ожиданіямъ. Еще прежде того, Государь съ чрезвычайною благосклонностью отзывался о мнѣніяхъ графа Воронцова и отдавалъ справедливость усердію его; теперь же, на письмо Воронцова (отъ 6 Мая) онъ изъявлялъ свое удовольствіе, благодарилъ за высказанныя истины, «которыя, къ несчастію монарховъ, никогда почти не доходятъ до престола», и приглашалъ продолжать высказывать ихъ съ тѣмъ же чистосердечіемъ, а въ заключеніе, давалъ знать, что морская конвенція съ сѣверными державами пересматривается, для многихъ въ ней измѣненій, предположенныхъ, отчасти, на основаніи разумныхъ (sages) замѣчаній графа Воронцова.

Старый посолъ, благословляя великодушныя качества молодаго Государя, съ восхищеніемъ хвалился брату милостивыми его письмами, заявляя ревностную готовность служить Царю, «котораго ниспослалъ Господь на спасеніе бѣдствовавшей дотолѣ Россіи»,—и желаніе свое «имѣть тысячу жизней, чтобы жертвовать ими Александру Первому». Тѣмъ не менѣе, онъ молилъ судьбу дать юному Монарху благонамѣренныхъ сотрудниковъ и толковыхъ, честныхъ исполнителей, безъ которыхъ всѣ благія начинанія останутся напрасными, особенно если подносимые Государю распорядительные проэкты будутъ зависѣть въ ихъ разрѣшеніи отъ единоличнаго представленія докладчика-министра. Во избѣжаніе первоначальнаго, односторонняго направленія дѣлъ, графъ Семенъ Воронцовъ предлагалъ прави-

[11]) По вопросу о смежныхъ съ Россіею государствахъ, гр. С. Р. Воронцовъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ гр. Панину (28 Мая 1801 г.), доказывалъ, что наилучшій нашъ сосѣдъ, кого мы сами вѣчно задирали на драку,—это ослабѣвшая, но необходимая Турція: ее нужно-де защищать и отъ Франціи (о чемъ въ то время усиленно старалась Англія), и отъ Австріи, не помышляя расширять наши границы на счетъ Порты, ибо дальнѣйшее углубленіе окраинъ Россіи только ослабило бы ее и даже повело бы къ паденію.... Швецію же рекомендовалось держать въ положеніи, возможно-подавленномъ, не давая ей усиливаться ни подъ какимъ видомъ и, въ тоже время, щадя ее; ибо сущность государственныхъ силъ великой державы въ томъ, что онѣ бываютъ двоякія: или непосредственныя, или относительныя; а эти послѣднія обусловливаются присутствіемъ слабыхъ сосѣдей, которыхъ, потому, нужно беречь.

тельству, чтобы доклады по всѣмъ вѣдомствамъ разсматривались, провѣрялись и утверждались особымъ совѣтомъ Государя, въ его присутствіи и подъ его предсѣдательствомъ, для сохраненія единства и цѣльности въ общей системѣ правительственныхъ дѣйствій. «Умъ хорошо, а два лучше», твердилъ онъ по этому поводу. Мысль о совѣщательномъ разрѣшеніи дѣлъ сдѣлалась у него господствующею, и онъ безпрестанно говорилъ о томъ въ письмахъ къ министрамъ и къ самому Государю. Въ особенности участилъ онъ свои заявленія съ тѣхъ поръ, какъ обозначилась съ достаточною ясностію политическая программа графа Панина, расходившаяся съ убѣжденіями обоихъ братьевъ Воронцовыхъ и какъ бы продолжавшая систему знаменитаго Екатерининскаго сановника, графа Никиты Ивановича Панина, роднаго дяди графу Никитѣ Петровичу.

Мы говорили уже о сношеніяхъ Семена Воронцова съ графомъ Панинымъ, когда тотъ былъ при Павлѣ сперва посланникомъ въ Берлинѣ, а потомъ вице-канцлеромъ, и должны теперь напомнить, что сношенія эти съ обѣихъ сторонъ были очень пріязненны. Молодой, образованный, отмѣнно трудолюбивый дипломатъ показывалъ большую преданность графу Воронцову и вниманіе къ его мнѣніямъ, охотно сообщалъ ему свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ, еще охотнѣе обращался къ нему съ вопросами, въ тонѣ любознательнаго ученика передъ наставникомъ. Благопріятное мнѣніе Воронцова о графѣ Панинѣ не могли пошатнуть и враждебные отзывы о немъ графа Ростопчина, который возненавидѣлъ этого человѣка (кажется по взаимной между ними антипатіи) и даже не на шутку ревновалъ къ нему графа Семена Романовича. Все это было въ царствованіе Павла, при Александрѣ же добрыя отношенія Воронцова съ Панинымъ улетучились чрезвычайно быстро.

Причины этой перемѣны, по объясненію С. М. Соловьева, могли быть у графа Воронцова вызваны не однимъ только разномысліемъ съ вице-канцлеромъ по вопросамъ политики, но и чисто-личными побужденіями, какъ-то: старческимъ недовольствомъ посла на нѣсколько-зависимое положеніе его отъ младшаго по лѣтамъ и службѣ человѣка, который помнился недавнимъ еще мальчикомъ; а сверхъ того, и предубѣжденіями, навѣянными изъ порицательныхъ отзывовъ объ этомъ человѣкѣ графа Александра Воронцова. Но первое изъ этихъ двухъ предположеній, подразумѣвающее черту мелочной зависти, свойственной пошлымъ натурамъ, рѣшительно не вяжется съ основными качествами въ характерѣ графа Семена Романовича, на сколько качества эти выясняются для насъ всѣми изданными бумагами его архива; а второе, гораздо болѣе правдоподобное, не представляется безотносительнымъ, потому что отзывы графа Александра Воронцова о графѣ Панинѣ должны были, въ свою очередь, исходить изъ несочувственнаго старику образа дѣйствій министра, какъ должностнаго лица. Остается заключить, что личныя непріязненныя чувства графа Семена Воронцова къ графу Панину были не причиною, а послѣдствіемъ ожесточенной борьбы изъ-за несходства въ политическихъ воззрѣніяхъ.

«Панинъ» (говоритъ С. М Соловьевъ) «еще въ царствованіе Павла имѣлъ неосторожность высказать графу Семену основанія своей политической системы. Эта система состояла въ союзѣ съ Англіею, Пруссіею и Портою Оттоманскою». «По моимъ принципамъ,—писалъ Панинъ,—надобно обуздывать честолюбіе Австріи политикою Екате-

рины II-й и сдерживать Швецію союзомъ съ Турціей». Но эта политика очень напоминала политику дяди Панина, Никиты Ивановича, вслѣдствіе чего племянникъ, въ глазахъ Воронцовыхъ, явился такимъ-же Прусакомъ, какъ и дядя,—а этого наслѣдственнаго грѣха простить ему было нельзя, особенно, когда приверженецъ Прусскаго союза не употреблялъ всѣхъ своихъ усилій для удовлетворенія требованіямъ Англіи, необходимаго по мнѣнію приверженца Англійскаго союза [12])».

Весьма вѣроятно, что ранняя исповѣдь графа Панина въ своихъ политическихъ вѣрованіяхъ могла показаться графу Семену Воронцову сознаніемъ, если не обмолвкою, въ политической ереси и заронить тогда-же въ умѣ старика нерасположеніе къ такому образу мыслей; однако, оно прежде не обнаруживалось, по крайней мѣрѣ, никакими видимыми признаками, такъ-что когда графъ фонъ-деръ-Паленъ сошелъ со сцены, то графъ Воронцовъ казался очень довольнымъ, что дипломатическая часть перешла изъ неумѣлыхъ рукъ въ болѣе опытныя. Но за тѣмъ, мало-по-малу, накоплялись поводы къ размолвкѣ. Старикъ сталъ замѣчать, что графъ Никита Петровичъ весьма методически вскрываетъ собственную его, Воронцова, переписку и депеши Англійскаго министерства, отправляемыя съ Русскими курьерами какъ изъ Лондона въ Петербургъ, такъ и обратно, что возбуждало негодованіе и жалобы со стороны Англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, а со стороны нашего вице-канцлера не совсѣмъ ловкія отговорки. Замѣчалъ также графъ Семенъ Романовичъ,—и это въ-особенности возмущало его,—что Панинъ, съ самаго вторичнаго вступленія своего въ должность, началъ умалчивать о многомъ въ дѣловой между ними перепискѣ и не бралъ на себя труда предварительно или одновременно сноситься съ нимъ, въ тѣхъ даже случаяхъ, когда дѣло шло о какихъ-либо важныхъ дипломатическихъ переговорахъ Русскаго правительства съ лордомъ Сентъ-Эленсомъ, Англійскимъ посланникомъ въ Петербургѣ. Это послѣднее обстоятельство нерѣдко ставило графа С. Р. Воронцова въ весьма затруднительное и въ крайне-неловкое положеніе передъ Лондонскими властями; на представленія-же посла по этому поводу въ Петербургѣ или отмалчивались или отвѣчали неопредѣленно, уклончиво. Въ замѣнъ того, графъ Панинъ давалъ послу порученія, которыя не относились непосредственно къ его представительству, а зависѣли отъ мѣстной судебной власти, какъ, наприм. по частнымъ комерческимъ дѣламъ о денежныхъ счетахъ и тому подобныхъ прятязаніяхъ.... [13])

Надо заявить, что каковы-бы ни были мнѣнія Воронцова,—ошибочны-ли, или вѣрны,—но онъ высказывалъ ихъ во всей полнотѣ, безъ недомолвокъ, тогда какъ графъ Панинъ отписывался очень сдержанно, очень натянуто, оффиціально-учтивымъ тономъ, видимо стараясь не пускаться въ щекотливыя объясненія, какъ по отдѣльнымъ случаямъ, такъ и вообще, по спорнымъ между обоими кореспондентами политическимъ вопросамъ. А между тѣмъ, вице-канцлеръ продолжалъ систематически обходить посла сообщеніями, которыя прямо касались дѣлъ нашей Лондонской миссіи. Неудовольствіе графа С. Р. Воронцова довершилось еще и тѣмъ, что графъ Панинъ не предупредилъ его о предложенномъ Бонапарту со стороны Петербургскаго

[12]) См. книгу С. М. Соловьева, ч. I, гл. I, стр. 20.

[13]) См. «Воронц. Архивъ», т. X., письмо къ брату отъ 12 Іюля 1801 г.

кабинета, чрезъ графа Моркова, посредничествѣ Россіи въ примиреніи Турціи съ Франціей. Извѣщенное объ этомъ своимъ посланникомъ при Петербургскомъ дворѣ, Англійское правительство крайне взволновалось этою новостью, какъ обѣщавшею въ будущемъ усиленіе Французскаго вліянія на Порту, и самъ король Георгъ III вошелъ по этому предмету въ продолжительное объясненіе съ графомъ Воронцовымъ, въ Веймутѣ, куда тотъ явился къ нему для предъявленія новыхъ своихъ кредитивныхъ грамотъ. Бесѣда началась съ королевскаго вопроса послу: въ какихъ выраженіяхъ дано ему знать о предложенномъ Франціи Русскомъ посредничествѣ, которое столь несоотвѣтственно интересамъ Великобританіи, и когда гр. Воронцовъ долженъ былъ отвѣчать, что ему ничего не писали объ этомъ, то король, выразивъ свое удивленіе, началъ излагать многословныя возраженія на такое дѣйствіе Петербургскаго кабинета. Онѣ заключались въ томъ, что хотя покойный императоръ Павелъ предлагалъ Бонапарту это посредничество, когда былъ особенно раздраженъ противъ Англіи; но нельзя не удивляться, что Александръ I продолжаетъ отцовскую политику при возстановленіи мирныхъ отношеній съ Англіею и, отстраняя эту державу отъ участія въ дѣлѣ, касающемся союзной ей Турціи, ставитъ Порту въ опасность отъ притязаній Франціи, которая не упуститъ случая распространить прибыльную для себя торговлю съ Левантомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвинетъ на революціонныя затѣи Христіанскихъ подданныхъ султана, къ сущей погибели Турціи.... Въ своихъ доводахъ Георгъ III пуще всего страшалъ Россію этою опасностью, то есть, возможностью вызвать возстаніе въ Греціи, откуда движеніе «проклятой революціи», возбужденное въ Эпирѣ, Македоніи, Босніи и Болгаріи, можетъ проникнуть въ Валахію и Молдавію и коснуться предѣловъ Россіи. «Если Его Величество Императоръ» (такъ закончилъ свою іеремiаду Георгъ III) желаетъ спасти неопасную для него Турцію, то пусть отговоритъ ее отъ отдѣльной мирной сдѣлки съ Франціей и посовѣтуетъ не отставать отъ Англіи, которая не преминетъ оградить трактатомъ интересы Турціи, въ то время, когда сообща съ нею будетъ сама мириться съ Франціей»....

Все это было высказано графу Воронцову собственно для донесенія Государю, что̀ посолъ немедленно и сдѣлалъ; но это нисколько не подѣйствовало на Петербургскій кабинетъ, что̀ конечно ставило графа С. Р. Воронцова въ неудобное положеніе, давая поводъ въ Англіи сомнѣваться если не въ доброй волѣ его для направленія дѣлъ по желанію тамошняго правительства, то въ силѣ служебнаго его вліянія. Кромѣ того, на ряду съ Турецко-Французскимъ вопросомъ, стоялъ еще Прусско-Ганноверскій, по которому, не смотря на всѣ представленія графа Воронцова, Россія не помѣшала Пруссіи удерживать въ своихъ рукахъ занятый ею Ганноверъ, при чемъ въ Берлинѣ дѣлали еще видъ, какъ будто поступаютъ такимъ образомъ въ угоду Россіи.... А между тѣмъ, графъ Гаугвицъ, Прусскій министръ, получилъ Андреевскую ленту.

По предположенію графа Воронцова, всѣмъ этимъ орудовалъ графъ Никита Петровичъ, неуклонно слѣдуя своей политической доктринѣ, которая намѣтила цѣли, противуположныя тѣмъ, какія старый посолъ считалъ наиболѣе полезными своему отечеству: не даромъ - де вице-канцлеръ облекалъ такою таинственностью послѣднія сношенія Русскаго двора съ иностранными!

5-го Іюля 1801 г., появилась циркулярная инструкція Александра I-го всѣмъ Русскимъ представителямъ при Европейскихъ державахъ. Въ ней провозглашались слѣдующія основныя начала политики: воздержаніе отъ всякихъ войнъ съ завоевательными цѣлями; невмѣшательство во внутреннія дѣла другихъ государствъ, не смотря ни на какой у нихъ образъ правленія; исполненіе, по возможности, нѣкоторыхъ доставшихся отъ прежняго времени обязательствъ, хотя бы и не совсѣмъ выгодныхъ для Россіи; въ видахъ возстановленія мира между великими державами и водворенія общественнаго порядка, готовность забыть прошедшее, чтобы покончить разрывъ съ Австріей и совмѣстно съ нею изыскать мѣры къ вознагражденію государствъ, потерпѣвшихъ отъ Французскихъ завоеваній, стараясь привлечь и Пруссію къ этому плану умиротворенія; содѣйствіе къ охраненію независимости и безопасности Германіи; намѣреніе продолжать мирные переговоры съ правительствомъ перваго консула Французской республики, подъ условіями, если оно позаботится изгладить вредъ, причиненный революціею, откажется отъ завоевательныхъ стремленій, упрочитъ себя признаніемъ правъ другихъ правительствъ, для поддержанія основъ Европейскаго равновѣсія и не сочтетъ угрозою для себя сближеніе Россіи съ дворами Вѣнскимъ и Лондонскимъ;— въ противномъ же случаѣ, заявлялась твердая рѣшимость отстаивать всѣми силами оглашаемыя начала. Этотъ циркуляръ Государя посланникамъ, между прочимъ, заключалъ въ себѣ такой пунктъ: «Я не упоминаю здѣсь ни о положеніи моихъ дѣлъ съ Великобританіей, ни объ интересахъ имперіи моей по отношенію къ этой державѣ, такъ какъ то и другое вамъ небезъизвѣстно и составляетъ предметъ особыхъ отъ меня указаній, откуда можете вы почерпнуть свѣдѣнія, какія оказались бы вамъ нужными, дабы дѣйствія наши были постоянно сообразны съ общими правилами, начертанными въ настоящей инструкціи, а равно и съ отношеніями моими къ другимъ державамъ».

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ сильно огорчился содержаніемъ этой инструкціи, которую, разумѣется, счелъ произведеніемъ графа Панина. Съ увлеченіемъ, дошедшимъ до степени крайняго раздраженія, онъ принялся опровергать инструкцію, доказывая, въ необычайно-рѣзкихъ выраженіяхъ, несостоятельность циркуляра въ самой его идеѣ и неудовлетворительность въ формѣ редакціонной. Онъ составилъ пространную записку, гдѣ ожесточенно нападалъ на всю инструкцію, отъ начала до конца. Отбрасывая здѣсь тѣ изъ нихъ, которые содержали въ себѣ придирки къ обмолвкамъ и промахамъ въ изложеніи, укажемъ только на возраженія, касающіяся внутренней сущности дѣла [14]).

Графъ Воронцовъ возставалъ противъ торжественнаго обѣщанія подчиниться невыгоднымъ для имперіи и неудобоосуществимымъ обязательствамъ, опрометчиво допущеннымъ въ прежнее царствованіе, порицая въ особенности условія морской конвенціи, выгодной только для нѣкоторыхъ государствъ, съ коими вмѣстѣ, подъ общимъ наименованіемъ «сѣверныхъ державъ», циркуляръ смѣшиваетъ, унизительнымъ образомъ, неравную имъ великую Русскую имперію.

---

[14]) Мы тѣмъ болѣе полагаемъ неизлишнимъ передать основанія этихъ возраженій, что въ упомянутомъ выше трудѣ С. М. Соловьева о нихъ говорится вскользь, въ нѣсколькихъ лишь словахъ.

Провозглашенный инструкціею принципъ невмѣшательства посолъ находилъ, во-первыхъ, противнымъ всѣмъ преданіямъ Екатерининской политики, не допускавшей даже признанія независимости Сѣверо-Американскихъ колоній, когда тѣ отложились отъ метрополіи, а во-вторыхъ, онъ считалъ его просто опаснымъ, вслѣдствіе вытекающей отсюда возможности для насъ прилагать этотъ принципъ къ частямъ Польши, принадлежащимъ Пруссіи и Австріи, а для сихъ послѣднихъ— обратно, къ Русской Польшѣ, если-бъ этотъ край возмутился противъ власти нашего Государя и поставилъ у себя самостоятельное народное правленіе.... Кромѣ того, возраженія Воронцова оспаривали заявленное нашимъ правительствомъ несбыточное намѣреніе согласить къ однимъ видамъ Австрію и Пруссію, не смотря на исконную рознь ихъ и взаимную глубокую ненависть. Точно также, по мнѣнію его, немыслимо предполагать въ этихъ двухъ державахъ какую-нибудь готовность послужить общей съ Россіей цѣли во благо Европы, когда каждая изъ нихъ своекорыстно заботится лишь о собственныхъ насущныхъ интересахъ, что подтверждается, относительно Австріи, недавно заключеннымъ ею Люневильскимъ трактатомъ, а относительно Пруссіи вѣчно коварными стремленіями ея министровъ, обработывающихъ государственныя дѣла своей страны подъ давленіемъ Бонапарта, помимо безличнаго по характеру короля Фридриха-Вильгельма III. Исходя изъ этого заключенія, гр. Семенъ Романовичъ, по вопросу о планѣ вознагражденія обобранныхъ Бонапартомъ государствъ, отрицалъ всякую вѣроятность общаго равноправнаго дѣйствія: съ одной стороны между Франціей, которая всевластно хозяйничала въ Германіи и Италіи, а съ другой стороны между раболѣпствующею передъ Французскимъ хищникомъ Австріею и, особенно, Пруссіей.

Но болѣе всего графъ Воронцовъ негодовалъ на формальное веденіе нами переговоровъ съ Франціей, какъ представительницею политики насилій, захватовъ и революціонныхъ интригъ. Не довѣряя ни на волосъ темной личности перваго консула, онъ считалъ всякіе переговоры съ его беззаконнымъ правительствомъ нецѣлесообразными и недостойными Россіи. Онъ утверждалъ, что для насъ не настоитъ ни малѣйшей надобности связывать себя понапрасну особыми мирными условіями, если и безъ нихъ мы можемъ оставаться спокойными, прекративъ только собственныя наступательныя дѣйствія, какъ это было при Павлѣ, послѣ кампаніи 1799 года, да еще прежде, при Елисаветѣ, съ 1745 по 1756 г., когда перерывъ всѣхъ сношеній съ Франціей также не довелъ насъ до войны съ нею [15]). Графъ Воронцовъ считалъ ниже величія Россіи, ниже ея достоинства странную оговорку циркуляра на счетъ того, что возстановленіе мирныхъ отношеній между нашею имперіей и Великобританіей не покажется Бонапарту признакомъ непріязненныхъ противъ Франціи замысловъ Россіи: ибо подобная оговорка имѣла смыслъ какъ бы косвеннаго

---

[15]) Что графъ С. Р. Воронцовъ, сѣтуя на веденіе мирныхъ переговоровъ съ Франціей, въ тоже время не желалъ съ нею войны, это видно изъ одного письма его къ гр. Ал. Ром., гдѣ онъ доказывалъ необходимость долгаго мира для Россіи, выражая сожалѣніе о Екатерининскихъ войнахъ, которыя, по его мнѣнію, слишкомъ обезсилили Россію тѣмъ, что надолго задержали и отодвинули внутреннее ея процвѣтаніе. (См. письмо отъ 12 Октября н. ст. 1801 г., «Воронц. Архивъ», т. X).

извиненія передъ Бонапартомъ, что мы не въ ссорѣ съ Англіей. Тѣмъ менѣе умѣстными находилъ нашъ посолъ неопредѣленныя фразы объ отношеніяхъ России къ этой державѣ, для уясненія которыхъ рекомендовались нарочныя справки въ спеціальныхъ инструкціяхъ. Въ концѣ концовъ, графъ Семенъ Романовичъ возвращался къ своей любимой мысли о производствѣ дипломатическихъ (и всякихъ государственныхъ) дѣлъ порядкомъ совѣщательнаго обсужденія въ царскомъ совѣтѣ, обличалъ несообразность выраженія «императорскій кабинетъ», употребляемаго въ Русскихъ дипломатическихъ актахъ, когда подъ этимъ собирательнымъ названіемъ приходилось подразумѣвать не болѣе, какъ только одноличное министерское управленіе.

Записка графа Семена Воронцова, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, конечно имѣла свои основанія, въ смыслѣ заявленія противъ вреднаго сближенія России съ Франціей; но, по жесткой формѣ своей, она казалась вызванною чувствомъ личной вражды къ министру: именно такой видъ былъ приданъ этой запискѣ самимъ ея авторомъ, который рѣшился представить ее Государю.

«Основныя положенія Воронцова» (говоритъ С. М. Соловьевъ) были: иностранныя дѣла должны обсуждаться предъ Государемъ, а не поручаться одному лицу; этимъ довѣреннымъ лицомъ никакъ не можетъ быть Панинъ. Громя инструкцію, графъ Воронцовъ давалъ видъ, что приписываетъ ее одному Панину, выдѣляя совершенно Императора, что для послѣдняго могло быть не менѣе оскорбительно. Но Воронцовъ сослался на письмо Александра, гдѣ тотъ писалъ ему: «я долженъ васъ благодарить за то, что вы сочли меня достойнымъ внимать истинѣ; жду отъ вашей вѣрности и отъ вашего патріотизма, что вы будете продолжать говорить мнѣ съ тою же прямотою». Александръ не отрекся отъ этихъ требованій своихъ.... и въ доказательство, съ какимъ удовольствіемъ будетъ онъ принимать все, что напишетъ ему человѣкъ такихъ лѣтъ, такой опытности и такихъ заслугъ, какъ Воронцовъ, Императоръ вошелъ въ объясненія по поводу его письма» [16]).

«Я признаю вмѣстѣ съ вами», отвѣчалъ Государь, «полезность совѣщательнаго обсужденія дѣлъ, и если ограничивался до сихъ поръ работою въ кабинетѣ, порознь съ каждымъ изъ моихъ министровъ, то отчасти потому, что засталъ этотъ порядокъ отправленія дѣлъ установившимся и не хотѣлъ его нарушить до тѣхъ поръ, пока опытъ и болѣе удобное время не дадутъ мнѣ возможности подумать о полезномъ измѣненіи. Въ этихъ видахъ, я помышлялъ уже, до отъѣзда моего въ Москву, завести бо́льшую послѣдовательность въ докладахъ, вносимыхъ въ Совѣтъ о политическихъ дѣлахъ, что, я надѣюсь, и состоится, при возможно-частомъ присутствіи моемъ въ засѣданіяхъ Совѣта, куда будутъ передаваемы всѣ дѣла, какія я сочту сколько-нибудь важными. Касательно торговаго договора съ Швеціей и заботливаго вниманія, мною оказаннаго какъ этой державѣ, такъ и Даніи, не затрудняюсь согласиться въ томъ, что, быть можетъ, я приложилъ слишкомъ много старанія быть имъ полезнымъ; но нужно сообразоваться съ временемъ и обстоятельствами. При вступленіи моемъ на престолъ, Россія была связана обязательными условіями съ этими двумя государствами, которымъ, какъ и ей самой, угрожала Англія. Рѣшившась тотчасъ-же уладить счеты съ этою послѣднею, я полагалъ, что

[16]) См. книгу С. М. Соловьева, ч. I, гл. I, стр. 21—22.

честь и достоинство мои требуютъ, чтобы я не отчуждался отъ двухъ державъ, находившихся въ опасности вслѣдствіе того, что онѣ послѣдовали побужденію съ нашей стороны».

«Вотъ къ чему собственно относится то колебаніе, о которомъ писалъ вамъ графъ Панинъ, а отнюдь не къ сомнѣніямъ моимъ въ основательности вашихъ соображеній о выгодѣ для насъ связей съ Англіею. Я колебался потому, что долженъ былъ соблюсти мои обязательства, хотя бы съ ущербомъ для себя; ибо, при допущеніи уступокъ Англіи, не приличествовало давать имъ такой видъ, какъ будто онѣ исторгнуты боязнію передъ ея флотомъ, вступившимъ въ Балтійское море. Что-же касается до моей ратификаціи торговаго трактата съ Швеціей, то я полагалъ, что, за открытіемъ переговоровъ съ Англіей и за отступленіемъ отъ началъ вооруженнаго нейтралитета, столь выгодныхъ для сѣверныхъ державъ, я долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, не отказываться отъ этой сдѣлки въ пользу Швеціи, если трактатъ этотъ уже ожидалъ себѣ ратификаціи за нѣсколько недѣль до того времени, какъ я принялъ бразды правленія; но, при всякомъ иномъ положеніи вещей, а въ особенности нынѣ, когда опытность болѣе освоиваетъ меня съ этимъ предметомъ и когда представлявшіяся мнѣ недоумѣнія начинаютъ выясняться, я конечно не смѣшаю интересовъ Русскихъ съ интересами сѣверныхъ державъ. Я особенно посвящу себя изученію системы національной, т. е., системы, основанной на выгодахъ своей страны, а не на предпочтительныхъ отношеніяхъ къ той или другой чужой державѣ, какъ это часто случалось. Я буду, если увижу въ томъ пользу для Россіи, ладить и съ Франціей, точно также, какъ сознаніе пользы побуждаетъ меня теперь вести дружбу съ Великобританіей».

«Столь-же чистосердечно скажу вамъ, что лично я не убѣжденъ въ основательности мнѣнія короля Англійскаго по поводу мира между Портою Отоманскою и Франціей. Увѣренный въ томъ, что участіе Турокъ въ войнѣ не имѣетъ особенной важности и, за всѣми ихъ усиліями, не заставитъ Французовъ возвратить имъ Египетъ, я полагалъ, что мнѣ не слѣдовало отказываться отъ продолженія содѣйствія нашего къ желательному самою Турціей примиренію ея съ Франціей, послѣдствіемъ чего была-бы отдача Туркамъ Египта. Безъ этого, Турки сами завязали бы мирные переговоры. Но болѣе всего подвинуло меня къ посредничеству искреннѣйшее желаніе, воспринятое мною съ первой-же поры: увидѣть возстановленіе всеобщаго мира и спокойствія [17]). Это-же самое желаніе равномѣрно побудило меня вызваться и Англіи съ моимъ посредничествомъ, при чемъ, безъ сомнѣнія, приложено было бы съ моей стороны все усердіе, внушенное тѣми чувствами, какія я питаю къ особѣ его Британскаго величества»....

«Спокойный тонъ» (продолжаетъ С. М. Соловьевъ), который господствовалъ въ письмѣ Государя, въ сравненіи съ раздражительностію и страстностію, отличавшими письмо подданнаго, придавалъ письму Александра особенное величіе, и объясненіямъ Императора—особенную вѣскость. Воронцовъ не могъ не почувствовать всей силы урока, который данъ былъ ему, старику, очень молодымъ Государемъ, не смотря на всѣ увѣренія послѣдняго въ своемъ уваженіи и довѣріи къ лѣтамъ и опытности заслуженнаго вельможи. Особенно

---

[17]) „Когда въ Англіи убѣдились“ (говоритъ г. Фирсовъ въ своей статьѣ „объ отношеніяхъ Англіи и Россіи въ царств. Александра I-го, напечатанной въ „Древн. и Нов. Россія“ за 1878 г., кн. 3), „что Александръ I серьёзно задался такою задачею, надъ нимъ просто стали смѣяться. Россія была нужна Англіи для борьбы съ Наполеономъ.... Планы объ умиротвореніи Европы считали утопіей и относились даже съ непростительнымъ пренебреженіемъ къ дипломатическимъ сношеніямъ съ Россіей. Это признаютъ и въ Англіи даже сами Англичане того времени: Malmesbury, Jackson, Stewart“.

урокъ былъ силенъ въ пунктѣ о національной политикѣ, которая исключаетъ пристрастіе къ той или другой державѣ. Воронцовъ долженъ былъ увидать, что, преслѣдуя Панина, встрѣтился съ борцомъ болѣе сильнымъ, и что сущность инструкціи принадлежала не Панину, а самому Александру, готовому защищать ее» [18]).

Къ этимъ словамъ прибавлять нечего... Дѣйствительно, въ описанномъ случаѣ графъ Воронцовъ зашелъ слишкомъ далеко съ своими политическими увлеченіями, да и вообще въ полемикѣ съ вице-канцлеромъ не выказалъ терпимости, такъ рѣдко встрѣчаемой у стариковъ и юношей. Онъ не скупился на колкіе упреки графу Панину, и тотъ не могъ его обезоружить ни церемонною умѣренностью въ выраженіяхъ, ни уклончивостью въ защитѣ своихъ мнѣній и поступковъ: напротивъ, эта сдержанность, въ глазахъ горячаго антагониста, обличала яко бы явное лицемѣріе, или внутреннее сознаніе неправоты. Однако, графъ Панинъ выдержалъ свой чинный тонъ до конца, и только тамъ, гдѣ шла рѣчь о графѣ Ростопчинѣ, обнаруживалъ всегда энергію жгучей ненависти; да однажды, въ письмѣ къ самому послу, объясняя причину его къ себѣ перемѣны предубѣжденіями со словъ графа Александра Воронцова, высказался холодно-пренебрежительно о мнѣніяхъ и образѣ дѣйствій сего послѣдняго, давая чувствовать, что тотъ сначала пытался было забрать его въ руки, но осѣкся и сталъ всячески ему вредить, изъ оскорбленнаго самолюбія [19]).

До какой степени гр. С. Р. Воронцовъ считалъ себя въ правѣ не довѣрять добросовѣстности своего противника, видно изъ того, что онъ ожидалъ съ его стороны злостныхъ перетолкованій передъ Государемъ о такомъ обстоятельствѣ, которое могло лишь свидѣтельствовать о пріобрѣтенной нашимъ посломъ извѣстности въ Англіи. Меръ и альдермены Соутгамптона,—любимаго лѣтняго мѣстопребыванія гр. Воронцова, въ знакъ высокаго своего уваженія, предложили ему званіе почетнаго гражданина ихъ города, на что старикъ охотно согласился, такъ какъ принятіе чисто-номинальнаго званія не требовало отъ него присяги и не обязывало ровно ни къ чему. За всѣмъ тѣмъ, онъ скоро спохватился, изъ боязни навѣтовъ графа Панина, и просилъ брата предупредить ихъ словеснымъ докладомъ объ этомъ самому Государю. Однимъ словомъ, всѣ письма старика, писанныя къ разнымъ лицамъ въ теченіи семи-восьми мѣсяцевъ 1801 года (съ Апрѣля по Ноябрь), наполнены горячими обличеніями графа Панина, то въ неспособности и неумѣлости, то въ двуличіи. Читая эти письма, подумаешь, что едва ли кто-либо на свѣтѣ могъ заронить въ человѣкѣ, столь благодушномъ и добросердечномъ, такую ожесточенную непріязнь, какъ политическій его противникъ, хотя непріязнь эта возникла и разрослась вовсе не на почвѣ личныхъ отношеній и личной антипатіи, а, такъ сказать, за глазами: вслѣдствіе

---

[18]) Ч. I, гл. I, стр. 23.

[19]) Графъ Александръ Романовичъ впослѣдствіи очень тревожился непріятною перепиской брата съ гр. Панинымъ и совѣтовалъ первому быть въ ней умѣреннѣе, особенно послѣ того, какъ графъ Панинъ сталъ разглашать въ Петербургѣ о нескромныхъ прежнихъ письмахъ къ нему графа Семена про царствованіе Павла. Но въ этомъ родѣ нескромности были тогда взаимны, какъ со стороны Воронцова, такъ и Панина, и даже со стороны послѣдняго въ бо́льшей степени, что́ можно видѣть изъ предыдущей главы нашего труда.

разницы убѣжденій. Но кто же изъ двухъ былъ правъ и кто виноватъ въ этой борьбѣ? Всего вѣроятнѣе, что каждый имѣлъ свою долю какъ въ томъ, такъ и въ другомъ; но достовѣрно, что оба не любили дѣлать уступокъ въ своемъ образѣ мыслей. Это свойство, не всегда лишнее въ министрѣ, всегда неумѣстное въ человѣкѣ придворномъ,—по видимому, и было причиною паденія гр. Панина, чему конечно, а не борьбѣ своей, былъ обязанъ гр Семенъ Романовичъ торжествомъ надъ противникомъ. Въ послѣднихъ строкахъ отвѣта на критику Іюльскаго циркуляра, Государь писалъ послу, что графъ Панинъ самъ оставилъ дѣла, удалившись отъ нихъ по неудовольствію за недостаточную награду, полученную въ день коронаціи и за то, что Императоръ принялъ сторону князя Куракина въ одной жалобѣ его на Панина, послѣ чего сей послѣдній тотчасъ же испросилъ себѣ отпускъ на три года. «Хотя, говоря по истинѣ»—пояснялъ Государь,—«я часто не раздѣлялъ его мнѣній, однакожъ не имѣлъ намѣренія его удалить и, тотчасъ же удовлетворивъ его просьбѣ (о трехлѣтнемъ отпускѣ), остаюсь весьма удивленнымъ его поступкомъ». Тутъ были обстоятельства, еще недостаточно разъясненныя. Несомнѣнно одно: графъ Панинъ удалился отъ дѣлъ еще прежде, чѣмъ Государь успѣлъ получить изъ Лондона обличительную противъ него записку его политическаго недруга и записка эта была предварительно сообщена графомъ Воронцовымъ самому графу Панину.

«Но торжество Воронцовыхъ (замѣчаетъ С. М. Соловьевъ) зависѣло не отъ удаленія Панина, а оттого, что національный интересъ дѣлалъ невозможнымъ сближеніе съ Франціею и Пруссіею, а требовалъ сближенія съ Англіею и Австріею. Вполнѣ соотвѣтственно этому требованію, въ челѣ управленія иностранными дѣлами явился графъ Александръ Воронцовъ, составлявшій по своимъ убѣжденіямъ одно существо съ братомъ. Помощникомъ старику Воронцову былъ приданъ князь Адамъ Чарторижскій. Чарторижскій нравился обоимъ Воронцовымъ; онъ, по видимому, вполнѣ раздѣлялъ ихъ взгляды, онъ не могъ быть приверженцемъ Прусской системы Паниныхъ, которая повела къ раздѣлу Польши»...

Итакъ, Воронцовы торжествовали случайную свою побѣду надъ недругомъ, которая, по наружной обстановкѣ событія, могла, дѣйствительно, казаться не-случайною... Мало того, что Панинъ удалился отъ дѣлъ, но онъ былъ замѣненъ по мѣсту вице-канцлера, графомъ В. П. Кочубеемъ, а по главному завѣдыванію иностранными дѣлами графомъ Александромъ Воронцовымъ, возведеннымъ, годъ спустя, въ высокое званіе государственнаго канцлера [20]): графъ Семенъ отнынѣ могъ быть спокойнымъ за направленіе дѣлъ въ духѣ своей извѣстной политической программы. Правда, къ радости посла по этому случаю подмѣшивалась и крупная доза недовольства отъ состоявшейся, незадолго передъ тѣмъ, Октябрьской «тайной» конвенціи между Франціею и Россіей, разумѣется очень непріятной для Сентъ-Джемскаго кабинета [21]) и, въ письмахъ своихъ къ брату, графъ Семенъ Романовичъ, называя удаленіе Панина отъ дѣлъ счастливымъ

---

[20]) Это послѣдовало 8-го Сентября 1802 г. Прежде того, въ 1801 г., получилъ онъ, 2-го Мая, Андреевскую ленту, а 15-го Сентября, въ день коронаціи, будучи тайн. совѣтникомъ, пожалованъ въ первый классъ.

[21]) Подробности въ книгѣ С. М. Соловьева «Императоръ Александръ I», ч. 1, гл. 2, стр. 28.

событіемъ для имперіи, высказывалъ горькія сожалѣнія, что оно последовало не ранѣе, какъ по совершеніи позорной, гнусной (infâme) сдѣлки, которую, по милости этого «измѣнника (traître), долженъ былъ подписать въ Парижѣ графъ Морковъ [22]). Воронцовы понимали, что конвенція эта не могла обезпечивать надолго спокойствія Европы отъ замысловъ неугомоннаго властолюбца, хотя и повела за собою заключеніе Амьенскаго мирнаго трактата между Франціей и Англіей.

Оставляя пока въ сторонѣ внѣшнія дѣла, перейдемъ къ внутреннимъ, Русскимъ, насколько онѣ занимали вниманіе и дѣятельность графа Семена Романовича.

Съ самаго воцаренія императора Александра, онъ не переставалъ слѣдить съ величайшимъ участіемъ за всѣми правительственными распоряженіями. Его патріотическимъ обѣтованіямъ могли соотвѣтствовать новыя узаконенія, которыя, безъ всякихъ коренныхъ перемѣнъ въ существующемъ искони государственномъ устройствѣ, могли бы освѣжить и поновить его нѣкоторыми необходимыми улучшеніями, совершенствуя организацію, завѣщанную Петромъ Великимъ, и очищая ее отъ чуждыхъ ей наростовъ, наслоившихся при его преемникахъ. Внѣ заповѣднаго круга Петровскихъ основъ, всякія затѣи казались Воронцовымъ совершенно несродными государственнымъ и бытовымъ особенностямъ Русской имперіи, и этою умѣренно-консервативною теоріей опредѣлялся образъ мыслей обоихъ братьевъ по вопросамъ внутренней политики. Однако, самая пріятельская связь графа Семена съ такими людьми, какъ Новосильцовъ и Кочубей, показываетъ, что извѣстное ему либеральное направленіе молодой партіи, къ которой они принадлежали, въ началѣ не было антипатично ни ему самому, ни его двойнику по убѣжденіямъ, графу Александру, заслужившему уваженіе молодыхъ своихъ сотрудниковъ. Правда, съ дальнѣйшимъ ходомъ дѣлъ, многія частности въ общихъ вопросахъ понимались слишкомъ различно со стороны тѣхъ и другихъ дѣятелей, а потому значительно оттолкнули Воронцовыхъ отъ кружка «новыхъ людей»; но въ первое время оба брата не примыкали къ числу ожесточенныхъ противниковъ или безусловныхъ порицателей этого кружка [23]), какими оказывались они по отношенію, напримѣръ, къ Зубовымъ, Гагаринымъ, Лопухинымъ и пр.

---

[22]) «Воронц. Арх.» т. X, письма къ брату отъ 5 Ноября, и т. XI, къ Новосильцову, отъ 2 Ноября 1801 г.

[23]) Достойно замѣчанія, что бывшій воспитатель Александра Павловича, Лагарпъ, вызванный тогда въ Петербургъ изъ-за границы и принимавшій постоянное участіе въ обсужденіи государственныхъ преобразованій, возбуждалъ большое къ себѣ недовѣріе въ нѣкоторыхъ лицахъ. Графъ Панинъ, напримѣръ, считалъ его главнѣйшимъ виновникомъ «неумѣстныхъ» нововведеній и, въ перепискѣ своей съ графомъ С. Р. Воронцовымъ, обзывалъ почтеннаго Швейцарца зловреднымъ внушителемъ царю опасныхъ идей. Но гр. Семенъ Романовичъ не раздѣлялъ этихъ подозрѣній, успокоивая себя, въ особенности, «здравомысліемъ Государя». (См. переписку посла съ Панинымъ и Кочубеемъ въ XI т. «Воронцовск. Архива», стр. 135, 144, 154, 159, 213—14, 238, 250, 252, 359 и 361). Что касается до благоговѣйнаго почитанія Петровскихъ учрежденій графомъ С. Р. Воронцовымъ и его преданности коллегіальному управленію, то въ этомъ предметѣ, какъ и во многихъ другихъ, мысли его вполнѣ сходились съ понятіями графа Н. С. Мордвинова (см. монографію г. Иконникова, стр. 59, гл. 2).

Справляясь съ тогдашними Лондонскими письмами графа Семена Романовича, мы можемъ судить о его взглядахъ на преобразовательныя предначертанія.

Повидимому, тогдашнія вольнолюбивыя вчинанія императора Александра I-го встрѣтили со стороны стараго посла опасливое недоумѣніе и весьма осторожныя оговорки. Идею самоограниченія (въ томъ смыслѣ, въ какомъ она могла представляться человѣку, хорошо знакомому съ Англійскими конституціонными порядками) онъ находилъ непрактичною, полагая, что подобный переворотъ въ образѣ правленія былъ бы преждевременнымъ для огромнаго, мало образованнаго государства, гдѣ отъ одной крайности могъ бы разомъ возникнуть переходъ къ противоположной, гораздо худшей. Поэтому, указывалось на необходимость постепенности, съ тѣмъ чтобы преобразованія могли быть проводимы послѣдовательно, спокойно, производительно, безъ всякой вредной стремительности и широкихъ скачковъ отъ деспотизма къ анархіи. На первыхъ порахъ, предлагался совѣтъ хлопотать о подборѣ молодому Монарху, одушевленному добрыми намѣреніями, благонадежныхъ сотрудниковъ и исполнителей, и объ удаленіи или смѣщеніи недостойныхъ, а впереди всякихъ преобразованій поставить улучшеніе общественной нравственности, начиная сверху, откуда подавались бы благіе примѣры. Въ видахъ же подготовки общества къ важному государственному переустройству, Воронцовъ сильно настаивалъ принять за неизмѣнное правило, чтобы дѣла разсматривались въ особомъ царскомъ совѣтѣ, въ предотвращеніе бюрократическаго самовластія безотвѣтственныхъ министровъ, болѣе тягостнаго для страны, чѣмъ всякая другая форма произвольнаго управленія [24]).

Совмѣстно съ образованіемъ, при особѣ Государя, совѣщательнаго учрежденія, гдѣ подготовлялись бы законо-проекты, для внесенія ихъ сперва на обсужденіе Сената, а потомъ на окончательное высочайшее утвержденіе, необходимо было,—по мнѣнію Воронцова,—придать Сенату бо́льшее значеніе, при которомъ онъ могъ бы не даромъ именоваться «правительствующимъ». Поэтому, графъ Воронцовъ съ живымъ сочувствіемъ принялъ вѣсть объ именномъ указѣ 5 Іюня 1801 г., которымъ предоставлялось Сенату составить докладъ о правахъ своихъ и обязанностяхъ. Тоже впечатлѣніе принесли старику извѣстія объ устройствѣ комисіи составленія законовъ, подъ предсѣдательствомъ друга его, графа Завадовскаго [25]), и о возстановленіи жало-

[24]) Усердно защищая колегіальное начало, графъ С. Р. громко вопіялъ противъ назначенія военныхъ генераловъ областными начальниками, губернаторами и генералъ-губернаторами, «такъ какъ изъ нихъ выдѣлываются администраторы въ родѣ Турецкихъ пашей». По убѣжденіямъ графа Воронцова, вообще военный элементъ долженъ бы уступать въ странѣ первенство гражданскому; а потому нашъ патріотъ высказывалъ постоянно сожалѣніе, что даже при Александрѣ I-мъ въ Россіи видимо преобладаетъ все, относящееся къ военной службѣ.

[25]) Въ концѣ 1803 г., гр. Завадовскій замѣщенъ былъ въ комисіи Новосильцовымъ, о чемъ писалъ такъ къ графу С. Р.: «Составленіе законовъ перешло изъ моихъ въ руки Новосильцова, который весьма того желалъ; а я весьма доволенъ, освободясь отъ большихъ трудовъ не ко времени. Законъ на одинъ день—паутина. Кто болѣе знаетъ, тому и книги въ руки....» («Воронц. Арх.» т. XII, 202-е письмо, стр. 277).

ванной дворянству грамоты. Только по поводу сей послѣдней мѣры гр. Семенъ Романовичъ жалѣлъ, что дворянская грамота подтверждена буквально въ прежнемъ смыслѣ и безъ всякихъ перемѣнъ,—жалѣлъ, однако, вовсе не съ той отрицательной точки зрѣнія, съ какой смотрѣлъ на этотъ предметъ самъ императоръ Александръ [26]), а съ совершенно обратной стороны. Воронцову желалось тщательнаго пересмотра грамоты по всѣмъ пунктамъ, для расширенія нѣкоторыхъ дворянскихъ преимуществъ и, между прочимъ, для отмѣны условія о чинахъ, ограничивающаго право участія въ сословныхъ собраніяхъ, что, по понятіямъ Воронцова, непослѣдовательно и оскорбительно для родовитаго дворянства и о чемъ подавалъ онъ особую записку еще при Екатеринѣ [27]).

Великій вопросъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, поднятый также Александромъ Первымъ и вызвавшій множество разнородныхъ мнѣній въ средѣ его совѣтниковъ, разумѣется, не могъ пройти мимо вниманія графа Семена Романовича. Участь этого вопроса, при первоначальной его постановкѣ въ то время, слишкомъ извѣстна [28]); скажемъ только, что и графъ С. Р. Воронцовъ не опередилъ въ этомъ случаѣ мнѣнія многихъ лучшихъ современниковъ своихъ (даже такихъ, какъ Мордвиновъ и Лагарпъ), боязливо отступавшихъ передъ мыслью о рѣшительной развязкѣ крестьянскаго вопроса. Однако нѣкоторыя ограничительныя мѣры, въ родѣ послѣдовавшаго тогда воспрещенія розничной продажи крѣпостныхъ людей безъ земли, приходились ему по-сердцу, которое давно уже возмущалось безобразіемъ торговли живымъ товаромъ. «Я узнаю изъ газетъ», писалъ онъ къ Новосильцову (30 Авг. н. ст. 1801 г.), «что у насъ запретили продавать людей. Надѣюсь, что это правда, и что дѣла начинаютъ принимать тотъ счастливый оборотъ, который былъ предметомъ нашихъ съ вами уединенныхъ здѣшнихъ бесѣдъ (въ Соутгамптонѣ), на берегу морскаго залива. Говорятъ также, что запрещены и азартныя игры. Вотъ это отличное дѣло. Надѣюсь еще, что обуздаютъ и роскошь, только не какими нибудь регламентами или карательными узаконеніями, а личнымъ примѣромъ Государя и его презрѣніемъ къ расточителямъ» [29]). Но, видно, злоупотребленія торговли крѣпостными душами не унялись запретительнымъ распоряженіемъ, потому что, въ Февралѣ 1802 г., Воронцовъ пишетъ къ Новосильцову же: «Не имѣю духа потолковать съ вами, о чемъ вы мнѣ говорите: о гнусной, безчеловѣчной и противной христіанскому закону продажѣ людей. Эта мерзость мутитъ меня. Удерживаюсь до удобнѣйшаго случая побесѣдовать съ вами

---

[26]) Съ какимъ чувствомъ неохоты возстановилъ императоръ Александръ I эту грамоту, въ виду «противной ему исключительности дворянскихъ правъ», объяснено въ сочиненіи г. Романовича-Славатинскаго «Дворянство въ Россіи», гл. 3, стр. 237.

[27]) См. въ XI т. «Воронц. Архива» письмо къ Новосильцову отъ 6 Мая 1801 г. По этому поводу можно замѣтить, что долговременная бытность въ Англіи графа С. Р. Воронцова естественно должна была усилить въ немъ уваженіе къ аристократическому принципу, что и обнаруживается очень замѣтно во всей его перепискѣ.

[28]) Между прочимъ изъ сочиненія г. Пыпина: «Очерки общественнаго движ.» (Вѣстн. Европы 1870 г., Апр., стр. 689—692).

[29]) «Воронц. Арх.», т. XI, 405—406.

поболѣе объ этомъ предметѣ, постыдномъ для нашего отечества» [30]). Когда же, черезъ годъ спустя, все правительственное сочувствіе къ дѣлу освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ отозвалось лишь косвенно знаменитымъ указомъ о «свободныхъ хлѣбопашцахъ», всѣ наши сановные старички страшно всполошились и, правду сказать, не безъ основанія: потому что установленіе это, не имѣвшее ни малѣйшей обязательной силы, не могло даже казаться полумѣрою, а скорѣе было намекомъ на отдаленные виды правительства и служило поводомъ къ недоразумѣніямъ въ народѣ. Графъ Завадовскій писалъ въ Лондонъ къ своему другу [31]): «Всего хочемъ лучшаго и, кажется, стремительно; но лишь къ исполненію, тутъ и препоны.... У насъ новость есть проектъ графа Сергѣя Петр. Румянцова о средствахъ сдѣлать изъ нашихъ крестьянъ вольныхъ хлѣбопашцевъ. Онъ не можетъ быть безъ затѣевъ, и всегда странныхъ: вообразилъ подбиться любимою матерiей, что и удалось на первый взглядъ. Предлагаемое не самъ выполнитъ, а для другихъ дѣло несбыточное: на первое время возмутятъ толки, и весь плодъ въ томъ.... Не все чужое прикладно къ нашему состоянію: надобно знать его такъ, какъ я знаю». И графъ Семенъ Романовичъ былъ не менѣе смущенъ проектомъ «шальнаго» графа Сергѣя Румянцова, поддержаннаго «такимъ же братцемъ» (т. е. графомъ Николаемъ Петр.). Указъ, вышедшій изъ этого проекта, посолъ нашъ называлъ, въ письмѣ своемъ къ брату, «могущимъ принести пагубныя послѣдствія для всей имперіи». Онъ писалъ при этомъ къ канцлеру, что если тотъ не въ состояніи противодѣйствовать столь опаснымъ мѣропріятіямъ, то онъ, графъ Семенъ, не только оправдываетъ, но вполнѣ одобряетъ намѣреніе брата оставить службу и выйти изъ состава управленія, которое тянетъ государство на край погибели, да и самъ онъ (т. е. графъ С. Р. Воронцовъ) не прочь бросить посольскія дѣла и присоединиться къ брату въ будущемъ году [32]).

Конечно, тутъ рѣчь шла не объ одномъ указѣ о свободныхъ хлѣбопашцахъ... Вообще, много ожиданій стараго посла не сбылось; многое сдѣлалось не такъ, какъ онъ мечталъ. Уже въ письмахъ изъ Лондона, писанныхъ весною 1802 года, все чаще и чаще слышится грустная нота разочарованія. Особенно опечаливала его безуспѣшность представленій о необходимости постояннаго совѣщательнаго обсужденія Государемъ всѣхъ дѣлъ въ кабинетномъ совѣтѣ, и если прежде непринятіе этихъ представленій приписывалось проискамъ графа Панина съ прочими, то теперь, когда влiятельная роль перешла отъ него къ людямъ, близкимъ послу, т. е. къ его брату-канцлеру, къ Кочубею, къ Новосильцову,—оставалось видѣть причину неудачи въ нерѣшительности самого Государя. Намеки на это предположеніе мы находимъ въ нѣкоторыхъ отзывахъ графа Семена Воронцова, гдѣ онъ зарекается впередъ входить съ своими мнѣніями, «тѣмъ болѣе, что не владѣетъ даромъ убѣдительнаго слова; да если бы и владѣлъ имъ, то вѣдь никакое краснорѣчіе не можетъ вложить энергіи въ лишенную ея душу» [33]).

---

[30]) Тамъ же, отъ 14 Февр., стр. 417. Напечатанныя въ разбивку слова писаны во Французскомъ подлинникѣ по-русски.

[31]) «Воронц. Арх.», т. XII, письмо отъ 11 Апр. 1803 г.

[32]) «Воронц. Арх.», т. X, 8 Апрѣля (н. ст.) 1803 г.

[33]) «Воронц. Архивъ», т. X, письмо къ гр. А. Р. Воронцову, отъ 18 Марта 1802 г., стр. 164—166.

Это говорилось почти наканунѣ отъѣзда въ Россію, куда графъ Воронцовъ давно сбирался для представленія ко двору, а въ особенности для свиданія съ братомъ, съ сыномъ, служившимъ уже въ Петербургѣ, и немногими старыми и молодыми друзьями; говорилось вслѣдъ затѣмъ, какъ онъ составилъ и препроводилъ въ Петербургъ, для представленія Государю, свою записку о способахъ лучшаго устройства Русской арміи.

«Вижу, что Совѣтъ никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть (писалъ онъ брату) и что дѣло о сенатскомъ преобразованіи окончательно не удалось; ибо если Сенатъ не поставленъ на ту ногу, какъ ты предлагалъ, то полумѣры не поведутъ ровно ни къ чему. Говорятъ, что будто дворъ нашъ кишитъ интригами. Это печалитъ меня, какъ вѣрный признакъ слабости характера, при которой невозможно исцѣлить симптомовъ государственнаго разложенія (gangrène de l'état); а оно видимо, и я смотрю на Россію, какъ на быстро идущую къ своей погибели. Мысль эта возбуждаетъ во мнѣ горесть невыразимую и дѣлаетъ меня несчастнымъ, потому что, не смотря на всѣ толки дрянныхъ людишекъ, обзывающихъ меня Англичаниномъ, я больше Русскій по сердцу и душѣ, чѣмъ милліоны моихъ соотчичей, которые считаютъ себя настоящими Русскими». «Мое письменное представленіе о Совѣтѣ не имѣло послѣдствій, такъ какъ не слышно, чтобы Государь присутствовалъ тамъ и чтобы дѣла разсматривались при немъ самомъ..... Могу-ли, затѣмъ, чего-нибудь еще надѣяться по поводу моихъ словесныхъ заявленій (если бъ онѣ дѣлались въ Петербургѣ, при поѣздкѣ туда), когда и твое превосходное мнѣніе (о Сенатѣ) осталось безъ всякаго дѣйствія и когда Государь не видитъ, что Сенатъ, поставленный на свою первобытную высоту, обезпечивалъ-бы самого Монарха отъ несчастія дѣлать несправедливости, вольныя и невольныя и, въ тоже время, укрѣплялъ-бы непоколебимость престола». «Какъ бы ни шли дѣла, не стану вмѣшиваться ни во что, а тѣмъ менѣе позволю себѣ высказывать представленія о чемъ бы ни было, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, что̀ проведу въ Петербургѣ. Ѣду туда только для удовольствія видѣться съ тобою и вмѣстѣ провести это время неразлучно. Посѣщать общество буду очень рѣдко, а ѣздить на поклонъ ко двору, лишь насколько необходимо, чтобы не показаться непочтительнымъ или докучливымъ. Не располагаю нигдѣ бывать на обѣдахъ, потому что вотъ уже 17 лѣтъ, какъ желудокъ мой пріученъ къ ѣдѣ въ 6 часовъ вечера, а теперь, въ мои годы, переиначивать образъ жизни невозможно. Дѣти мои будутъ обѣдать одновременно съ тобою; я же буду сидѣть съ вами, не участвуя въ общей трапезѣ, а ѣсть стану послѣ, въ привычный свой часъ, то, что̀ останется отъ вашего обѣда. Миша тебѣ подтвердитъ, что я чувствую себя особенно здоровымъ, когда обѣдаю одинъ; потому что довольствуюсь въ такомъ случаѣ однимъ блюдомъ, а много—двумя, да и то изрѣдка. Къ уединенному-же образу жизни и къ отчужденію отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла побуждаютъ меня какъ наклонности мои, такъ и требованія осторожности; ибо я ничуть не сомнѣваюсь въ томъ, что графъ Панинъ и его друзья-пріятели, за одно съ посланниками Шведскимъ, Датскимъ, Прусскимъ и Французскимъ, да со всѣмъ этимъ сбродомъ Нѣмцевъ и Чухонцевъ, которые всѣ между собой въ стачкѣ, уже прокричали всюду, гдѣ было имъ удобно, что я ѣду въ Петербургъ только для того, чтобъ интриговать: обо мнѣ судятъ они по собственной своей натурѣ и по сознанію, какъ-бы сами они поступали на моемъ мѣстѣ».

Въ началѣ Апрѣля 1802 г., графъ С. Р. Воронцовъ съ дочерью выѣхалъ изъ Англіи, а въ концѣ Мая прибылъ въ Петербургъ. О подробностяхъ пребыванія его тамъ (которое продолжалось четыре мѣсяца) мы не имѣемъ свѣдѣній; только изъ немногихъ записочекъ,

разновременно писанныхъ къ брату, да изъ писемъ съ дороги въ Лондонъ, можно судить, что онъ былъ очень хорошо принятъ Императоромъ, обѣими Императрицами и вообще всѣмъ царскимъ семействомъ, и являлся ко двору гораздо чаще, нежели онъ предполагалъ. Извѣстно, какимъ даромъ обаятельнаго обхожденія съ людьми обладалъ Александръ Павловичъ и какъ магически умѣлъ притягивать къ себѣ тѣхъ людей, кого хотѣлъ обласкать. Это вполнѣ испытано было графомъ Семеномъ Романовичемъ и отразилось на всѣхъ его Лондонскихъ посланіяхъ послѣ путешествія въ Россію: онѣ наполнены восторженными изліяніями горячей преданности къ Государю и вѣрованіемъ въ лучшую будущность отечества, на сколько зависѣла эта будущность отъ личныхъ качествъ и намѣреній Монарха [34]). Недавнія сомнѣнія и сѣтованія стараго патріота, не удовлетворявшагося современнымъ положеніемъ дѣлъ, внѣшнихъ и внутреннихъ,—довольно долго послѣ этой поѣздки не высказывались въ его письмахъ, или, по крайней мѣрѣ, высказывались въ смягченной формѣ, несравненно спокойнѣе и умѣреннѣе.

За то придворное и, вообще, столичное общество не произвело отраднаго впечатлѣнія на человѣка, который около двадцати лѣтъ не бывалъ въ этой средѣ Русской родовой и чиновной аристократіи. Онъ приходилъ къ весьма безотрадному, суровому выводу,—о глубокой нравственной испорченности этого общества, начавшейся (будто-бы) съ Екатерининскаго царствованія. На взглядъ Воронцова, оно гораздо болѣе нуждалось въ радикальныхъ реформахъ, чѣмъ при Петрѣ Великомъ; но доброкачественнаго для того матеріала имѣло въ себѣ далеко менѣе: измельчавшіе, ничтожные характеры новаго поколѣнія не обѣщали-де Александру Первому энергическихъ и даровитыхъ сподвижникокъ, которыми была такъ богата Петровская эпоха, и потому они представляли задатки не для преуспѣянія, а для крупныхъ затрудненій въ преобразовательныхъ работахъ, задуманныхъ молодымъ Государемъ. За всѣмъ тѣмъ, нашъ пессимистъ не видѣлъ еще причины совершенно отчаяваться въ успѣхѣ [35]).

Пребываніе въ Петербургѣ какъ-бы подновило старинныя его связи съ нѣкоторыми давними друзьями, но въ тоже время подкрѣпило и новую—съ молодымъ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ, дѣятельнымъ помощникомъ брата его по завѣдыванію иностранными дѣлами. Этотъ замѣчательно-хорошо образованный и тонкій человѣкъ, глубоко-сосредоточенный въ своихъ видахъ и помыслахъ, легко успѣлъ понравиться обоимъ Воронцовымъ, заявивъ слѣдующую политическую программу, которая подходила къ завѣтнымъ ихъ убѣжденіямъ: «Быть искренними въ иностранной политикѣ, но не связывать себя никакими договорами относительно кого бы то ни было; относительно Франціи искать возможности обуздать ея честолюбіе, не вовлекаясь однако самимъ въ крайнія мѣры, и быть въ согласіи съ Англіей, потому что Англія—нашъ естественный другъ» [36]). Этого было слишкомъ довольно, что-

[34]) Эти чувства особенно свѣжо отзываются въ его письмѣ къ брату съ обратной дороги, отъ 19 Окт. 1802 г., изъ Грауденца (т. X «Воронц. Архива») Доказательства-же благосклоннаго вниманія къ нему видны въ письмѣ императрицы Маріи Ѳедоровны отъ 19 го Января 1803 г. (тамъ-же, стр. 454).

[35]) «Воронц. Архивъ», т. X, письмо къ брату съ дороги, изъ Кенигсберга, 16 Октября 1802 г.—[36]) Пыпинъ, стр. 683.

бы расположить къ себѣ вѣчныхъ приверженцевъ Англо-русскаго союза. Графъ Семенъ Романовичъ, постоянно ратовавшій противъ безразборчиваго допущенія къ дѣламъ по иностраннымъ сношеніямъ Нѣмцевъ и, вообще, лицъ не-Русскаго происхожденія, съ жаромъ твердившій объ этомъ также и при Александрѣ I-мъ, какъ при Екатеринѣ [37]), утверждавшій, что Россія есть единственное на земномъ шарѣ государство, гдѣ допускаются выходцы иноземной породы къ занятію важныхъ мѣстъ по этой части,—не примѣнялъ этой теоріи къ чистокровному Поляку, представителю непримиримо-враждебной намъ національности и даже наивно отказывался признавать въ немъ разноплеменника, подъ предлогомъ, что «вѣдь онъ Русскій подданный, имѣющій большія помѣстья въ нашихъ провинціяхъ»: именно въ такомъ смыслѣ писалъ гр. С. Р. Воронцовъ, будучи въ Пруссіи (на обратномъ своемъ пути), когда тамъ выражали непритворное изумленіе, что у насъ могли ввѣрить Поляку завѣдываніе дипломатическою частію [38]). Не смотря ни на эти Берлинскіе отзывы, которые, въ глазахъ упорнаго противника Прусской политики, служили еще болѣе въ пользу неугоднаго ей князя Адама, ни на замѣчанія въ томъ-же скептическомъ духѣ опытнаго нашего дипломата графа А. И. Моркова, Семенъ Романовичъ не разъ писалъ къ брату, что тотъ превосходно дѣлаетъ, пользуясь дѣльнымъ сотрудничествомъ Чарторижскаго, и что сей послѣдній не можетъ быть тайнымъ врагомъ Россіи, въ силу личной его преданности Александру I-му, и по своему просвѣщенному здравомыслію, которое, безъ сомнѣнія, убѣдило его въ невозможности возстановленія Польши [39])!.... И все это подсказывалось умному и проницательному старику однимъ господствующимъ побужденіемъ: желаніемъ крѣпкой дружбы Россіи съ Англіей, для отпора Наполеоновской Франціи.

Можетъ быть, черезъ князя Чарторижскаго, графъ Воронцовъ вошелъ въ близкое сношеніе съ молодою императрицею Елисаветою Алексѣевною, которая постоянно относилась къ нему съ особеннымъ довѣріемъ. Есть преданіе, что въ это лѣто 1802 года Государыня ѣздила навѣщать сестру свою королеву Шведскую, и что въ эту кратковременную поѣздку ее сопровождалъ гр. Семенъ Романовичъ.

Онъ выѣхалъ обратно въ Англію изъ Петербурга въ первыхъ числахъ Октября 1802 года. Путь его лежалъ черезъ Ригу, Грауденцъ, Кенигсбергъ, Берлинъ, Лейпцигъ, Готу, Лиль и Кале. Путешествіе это дало обильную пищу неустарѣвшей въ немъ любознательности и въ тоже время не оторвало отъ серьёзныхъ занятій по составленію разныхъ проектовъ. Поэтому, неизлишнимъ будетъ сказать о путевыхъ его впечатлѣніяхъ.

Въ Ригѣ (куда доѣхалъ онъ съ дочерью не безъ приключеній, опрокинувшись съ экипажемъ близь Ямбурга), заинтересовали его свѣдѣнія о ходѣ мѣстной отпускной торговли и о причинахъ, почему она не выдерживаетъ конкуренціи съ Мемелемъ, въ особенности по отпуску лѣснаго матеріала. Оказалось, что чужой портъ отбилъ у нашего эту торговлю собственно чрезъ пониженіе у себя пошлинъ и другія облегчительныя мѣры,—и вотъ нашъ путешественникъ спѣ-

---

[37]) Письма къ брату, отъ 27-го Ноября н. ст. 1801 г. и 3 Декабря 1802 г., «Воронц. Архивъ» т. X.

[38]) Берлинское письмо къ брату, 3 Ноября 1802 г., «Воронц. Архивъ», т. X.

[39]) Тамъ-же, письмо отъ 16 Октября того же года.

шитъ написать о томъ брату, для передачи на соображеніе министра торговли, графа Николая Петровича Румянцова, къ которому, мимоходомъ сказать, Воронцовы сильно охладѣли въ это время, убѣдившись, что онъ, и способностями и познаніями, ниже своего мѣста [40]). Но по своимъ политико-экономическимъ воззрѣніямъ, вытекшимъ изъ внимательнаго изученія Адама Смита, графъ Семенъ Воронцовъ былъ отъявленнымъ врагомъ запретительныхъ мѣръ и, слѣдовательно, таможенной системы, считая ее мало-того что безполезною, но и вредною, какъ истинную родоначальницу контрабанды; поэтому, онъ не пропустилъ случая поговорить о томъ-же предметѣ и въ письмѣ изъ Лейпцига [41]), гдѣ таилось гнѣздо контрабандной торговли съ Россіей, при чемъ онъ горько жаловался на отсутствіе сколько-нибудь основательныхъ понятій въ нашихъ правительственныхъ сферахъ объ элементарныхъ экономическихъ истинахъ, приводя опять-таки въ примѣръ совершенное невѣдѣніе по этой части министра торговли, графа Румянцова.

Въ проѣздъ свой черезъ Прусскія владѣнія, нашъ путешественникъ вынесъ много интересныхъ наблюденій, не переставая работать надъ составленіемъ давно задуманной и вскорѣ отправленной къ брату-канцлеру изъ Берлина записки «объ учрежденіи спеціальной школы при Иностранной Коллегіи для образованія молодыхъ людей къ дипломатической службѣ». Внутреннее благоустройство Пруссіи, образцовый порядокъ въ ея учрежденіяхъ, особенно въ правильной организаціи финансовой части съ контрольною, и улучшенные пути сообщенія,—все это, въ сложности, вынудило графа Семена Романовича отдать безпристрастную похвалу правительству нелюбимой имъ державы, въ лицѣ искусныхъ ея министровъ, гр. Шуленбурга и Струэнзе. Сравнивая въ этомъ отношеніи наши безобразные порядки, путешественникъ замѣчаетъ, что скоро одни только мы во всей Европѣ останемся при первобытныхъ способахъ передвиженія и, благодаря неустроеннымъ дорогамъ, не выйдемъ изъ полудикаго состоянія націи, не умѣющей пользоваться своими средствами и лишенной возможности къ разработкѣ и сбыту естественныхъ богатствъ. Здѣсь надобно примолвить, что нашъ старый патріотъ едва-ли не первый возъимѣлъ мысль объ основаніи въ Россіи отдѣльнаго вѣдомства путей сообщенія съ инженернымъ училищемъ, о чемъ писалъ къ брату еще за годъ передъ тѣмъ [42]).

Весьма-любопытны сообщенія его о тогдашнемъ Берлинскомъ дворѣ, гдѣ онъ былъ принятъ внимательно и любезно. Онъ не упустилъ набросать свои замѣтки, какъ обо всѣхъ членахъ королев-

---

[40]) См. письмо къ гр. А. Р. Воронцову изъ Лондона, отъ 16 Дек. 1802 г., (X т. В. А.), гдѣ говорится, что графъ Николай Румянцовъ держитъ себя черезчуръ безтактно, принявъ относительно двора положеніе «недовольнаго». Графъ Семенъ Романовичъ сознается, что прежде ошибался въ немъ, когда считалъ его человѣкомъ дѣльнымъ, а теперь убѣдился въ его неспособности и непониманіи дѣла по ввѣренному ему вѣдомству. Сравнивая его съ графомъ Сергѣемъ Петровичемъ Румянцовымъ, онъ отдаетъ послѣднему рѣшительное предпочтеніе, со стороны души, ума и дѣловитости.

[41]) «Воронц. Архивъ», т. X, письмо къ гр. Ал. Р. Воронцову подъ № 52.

[42]) «Воронц. Архивъ», т. X, отъ 16 письмо Сент. 1801 г. По мнѣнію гр. Семена Романовича, инженерная часть могла-бы преуспѣвать у насъ подъ начальствомъ Н. Н. Новосильцова.

скаго дома, такъ и о Прусскомъ министерствѣ, начиная съ антипатичнаго ему графа Гаугвица.

Вотъ какъ описываетъ онъ самого Фридриха-Вильгельма III.

Король не лишенъ природныхъ умственныхъ способностей, но малознающъ, нерачителенъ къ дѣламъ, очень робокъ и скупъ до скряжничества. Говорятъ, что онъ честенъ,—по крайней мѣрѣ никогда не сдѣлалъ ничего безчестнаго, и безукоризненно-чистъ нравственностью въ своемъ домашнемъ быту... Скупость его оправдываютъ примѣромъ бережливаго дяди, великаго Фридриха, тогда какъ у того дѣйствительныя богатства были накоплены въ головѣ и въ характерѣ... Робость нынѣ царствующаго короля внушаетъ ему боязнь всякой войны. Онъ готовъ, поэтому, исполнить любое требованіе притязательнаго Корсиканца (Бонапарта), который хорошо знаетъ, какъ его трусятъ. Этотъ добрѣйшій, слабенькій король, достаточно-разсудительный, но не довольно свѣдущій, занимается только фронтовыми упражненіями съ своимъ гвардейскимъ полкомъ, да парадами, хотя совсѣмъ не надѣленъ истинными воинскими дарованіями. Кромѣ этой (фронтовой) части, онъ ни во что не вмѣшивается, давая полную волю своимъ министрамъ, которыхъ рѣдко видитъ, но всегда аккуратно соглашается съ ихъ представленіями, устными или письменными, сколько изъ недовѣрія къ собственнымъ познаніямъ, столько же по склонности къ тихой семейной жизни, въ сообществѣ жены, братьевъ, сестры и нѣсколькихъ адъютантовъ, въ томъ числѣ нѣкоего Кокерица, котораго онъ признаётъ своимъ задушевнымъ другомъ и который продался Франціи. Такъ какъ королю уже 33 года, то характеръ его сложился окончательно, а слѣдовательно, если онъ процарствуетъ хоть цѣлое столѣтіе, то останется все тѣмъ же въ образѣ дѣйствій...

Говоря о примѣрной правильности счетоводства и контроля по финансовому вѣдомству въ Пруссіи, объ отличномъ порядкѣ, мудрой бережливости и отсутствіи злоупотребленій въ казенныхъ денежныхъ дѣлахъ, графъ Воронцовъ невольно вспоминаетъ плачевное состояніе этой важной части государственнаго управленія въ Россіи и совѣтуетъ собрать у нашихъ разсчетливыхъ сосѣдей самовѣрнѣйшія справки, какъ у нихъ ведется это дѣло, для послѣдованія благому примѣру, «если только (прибавляетъ онъ) нашъ министръ финансовъ, графъ Васильевъ, способенъ понимать эти вещи: ибо въ бесѣдѣ съ нимъ о нашихъ государственныхъ займахъ въ Голандіи и способахъ погашенія долга, я былъ страннымъ образомъ озадаченъ, когда убѣдился, что онъ меньше меня смыслитъ, въ чемъ тутъ дѣло»... Затѣмъ, извиняясь въ пространномъ отступленіи отъ предмета своего письма (Пруссіи), нашъ путешественникъ восклицаетъ: «Какъ быть? Толкуя про чужой край, не могу отрѣшиться отъ думы о своемъ родномъ. Что бы я ни дѣлалъ, мнѣ не удалить отъ себя мысли о Россіи!»

Знаменательны послѣднія строки этого обширнаго письма къ государственному канцлеру, въ которыхъ онъ совѣтуетъ не спускать глазъ съ Пруссіи: «Мнѣ хотѣлось здѣсь сообщить все, что только я могъ развѣдать объ этой сосѣдней намъ странѣ, которая со дня на день становится сильнѣе и требуетъ самаго неусыпнаго, самаго зоркаго вниманія»...

Проѣздомъ черезъ Готу, на пути въ Россію и обратно, нашъ посолъ имѣлъ оба раза свиданія съ барономъ Гриммомъ, который былъ нѣкогда гувернеромъ его пріятелей и сверстниковъ, графовъ Румянцовыхъ.

18 Апрѣля: «Я имѣлъ удовольствіе найти здѣсь барона Гримма, котораго очень уважаю. Побесѣдовать съ этимъ достойнымъ человѣкомъ было и пріятно, и назидательно. Онъ весьма привязанъ къ Россіи и въ особенности къ памяти покойной Императрицы, коей милости оставили въ немъ чувство глубокой и умилительной признательности. Любитъ онъ очень графа Николая Румянцова и преданъ ему безмѣрно»....

11 Ноября: «Баронъ Гриммъ, по расположенію своему къ Россіи и царскому семейству, весьма доволенъ переустройствомъ нашей администраціи, или лучше сказать, созданіемъ ея заново, потому что до тѣхъ поръ не имѣлось у насъ никакой: страна была управляема безъ всякой системы и послѣдовательности, урывками (à bâtons rompus), чрезъ посредство невѣдомыхъ ей отдѣльныхъ лицъ, которыя дѣйствовали отъ имени Государя и постоянно его обманывали въ своихъ келейныхъ съ нимъ объясненіяхъ, къ собственной выгодѣ и ко вреду государства. Гриммъ хорошо понимаетъ благотворныя намѣренія Императора и духъ создаваемыхъ имъ учрежденій. Извѣстно, что г. Гриммъ былъ другомъ покойной Императрицы, съ которой онъ двадцать лѣтъ велъ постоянную конфиденціальную переписку и видался ежедневно, когда бывалъ въ Петербургѣ, при чемъ Государыня по-долгу и безцеремонно бесѣдовала съ нимъ на единѣ обо всемъ. Хотя, по натурѣ своей, она не слишкомъ была склонна къ искренности, но съ нимъ притворствовала (dissimulait) менѣе, чѣмъ съ кѣмъ-либо другимъ. Можно себѣ представить, сколько слышалъ онъ отъ нея такихъ вещей, о которыхъ никогда не заикнется никому; однако, есть у него много преинтересныхъ анекдотовъ, которыя онъ пересказываетъ чрезвычайно пріятно».... Нынѣ эти удивительныя повѣренія великой женщины преданному ей барону обнародованы (См. Русскій Архивъ прошлаго 1878 года).

Разставшись съ Россіей, графъ Воронцовъ надѣялся черезъ полтора года опять пріѣхать въ отечество, уже на постоянное житье. «Послѣ долголѣтней разлуки (писалъ къ нему графъ Завадовскій вскорѣ по его отъѣздѣ), я тебя видѣлъ, милый другъ, какъ бы во снѣ. Ты развлеченъ былъ въ кругѣ новыхъ кометъ, въ который хвосты старыхъ не входятъ. Восемнадцать мѣсяцевъ, предполагаемыхъ на твое сюда переселеніе,—періодъ для меня долгій. Если не жизни, то моему здѣсь пребыванію не полагаю такой протяжки.... И братъ твой не прочитъ себя, а я и подавно... » («Воронц. Арх.», т. XII, стр. 269). Предчувствія старика-пріятеля почти вполнѣ сбылись.

Въ Декабрѣ 1802 г. посолъ нашъ воротился въ Лондонъ и отдался своимъ служебнымъ занятіямъ, которыя значительно усложнялись тревожными политическими обстоятельствами. Послѣ недолгаго затишья, надъ Европой опять налегли тучи близкой войны, и Аміенскій миръ доживалъ свои послѣдніе дни. Между Франціей и Англіей поднялись снова препирательства изъ-за Мальты и Египта, откуда Англія, вопреки мирнымъ условіямъ, не хотѣла выводить свои войска, въ виду состоявшагося по волѣ Бонапарта присоединенія къ Франціи острова Эльбы и Піемонта, а еще болѣе—въ виду опубликованнаго въ Парижскомъ оффиціальномъ журналѣ хвастливаго рапорта генерала Себастіани, Французскаго посла въ Константинополѣ, о легкой возможности завоевать опять Египетъ съ малочисленнымъ войскомъ. Отъ дипломатическихъ пререканій между державами скоро дошло до разрыва, что обнаружилось въ Маѣ 1803 г., т. е., немного болѣе какъ черезъ годъ послѣ Аміенскаго мира, столь неохотно заключеннаго Англіей. Императоръ Александръ предлагалъ обѣимъ сторонамъ свое посредничество, но оно было принято недовѣрчиво

и Франціей, и Англіей, такъ какъ Бонапартъ подозрѣвалъ Россію въ негласномъ союзѣ съ Англіей, а сія послѣдняя опасалась тайнаго соглашенія Русскаго правительства съ первымъ консуломъ, для раздробленія Турціи. Поэтому, переговоры не могли отвратить войну, которая началась—пока на морѣ—въ Ноябрѣ 1803 года [43]).

Нашему послу въ Лондонѣ приходилось работать усиленно для большаго сближенія Англіи съ Россіей, въ противодѣйствіе ужасавшимъ его за судьбы цѣлаго міра видамъ Бонапарта. Заботы графа Семена Воронцова, конечно, находили въ Петербургѣ сильную поддержку со стороны брата его Александра; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, уже съ весны 1803 г., онъ сталъ часто получать тревожныя извѣстія и о постоянномъ разладѣ канцлера съ «молодою партіей» государевыхъ совѣтниковъ и о возрастающемъ разстройствѣ его здоровья, слишкомъ опасномъ при его преклонной старости и неутомимыхъ трудахъ безъ отдыха.

«Письменная работа—писалъ графъ Завадовскій—элементъ его; никакими убѣжденіями нельзя вывести изъ неумѣренности сидѣть надъ бумагою даже до мелочей: самъ и секретарь, самъ и экспедиторъ.... Впрочемъ, упражненія не разстроиваютъ физики его; онѣ еще, какъ привычка, подкрѣпляютъ натуру; но разсудительность о вещахъ настоящихъ и будущихъ не привязываетъ къ мѣсту, а побуждаетъ желаніе взять покой.... Одно удерживаетъ его, что хочетъ дождаться твоего пріѣзда; но я не знаю твоихъ причинъ, почему такъ медленно ты свой возвратъ располагаешь» [44])....

Письма графа Завадовскаго за это время живо отражаютъ въ себѣ всѣ движенія Петербургскаго дѣловаго міра, которыя волновали нашихъ сановныхъ стариковъ и сопровождались размолвками среди дѣятелей. Такъ, незадолго до того, въ столичномъ обществѣ произвело много шумнаго говора предложеніе военнаго министра Вязмитинова, внесенное, по имянному указу, въ Сенатъ (12 Дек. 1802 г.), «о неувольненіи въ отставку, прежде 12-ти лѣтъ службы, дворянъ, не выслужившихъ еще оберъ-офицерскаго чина» Съ почина графа Потоцкаго, Сенатъ протестовалъ противъ этого указа, какъ несогласнаго съ жалованною грамотою дворянству, не смотря на генералъ-прокурорское настояніе министра юстиціи, поэта Державина, о принятіи указа къ безпрекословному исполненію. Протестъ Сената, недавно только получившаго право входить съ подобными отзывами, вызвалъ высочайшее разъясненіе, что право это относится до старыхъ, а не до новыхъ указовъ, вышедшихъ послѣ сенатскаго преобразованія, чѣмъ, въ сущности, оно совершенно отмѣнялось.... Указъ о дворянахъ не былъ приведенъ въ дѣйствіе; но послѣдствія его, выразившіяся въ такомъ «разъясненіи», привели въ большое смущеніе многихъ, кто сочувствовалъ и вѣрилъ расширенію правъ Сената, въ томъ числѣ гр. Воронцовыхъ и Завадовскаго, который, описывая это событіе графу Семену Романовичу, замѣчаетъ, съ горькою ироніей: «Давно ли дано Сенату право представлять на указы, исходящіе вопреки существующихъ? Но въ первомъ разѣ, что употребилъ оное по голосу Потоцкаго, остался въ утратѣ сего важнаго преимущества....» Легко угадать, какое тяжелое впечатлѣніе выно-

---

[43]) О неудовлетворительномъ впечатлѣніи, произведенномъ въ Англіи Русскимъ вызовомъ о посредничествѣ, см. всеподданн. донесеніе графа Семена Р., отъ 11 Сент. 1803 г., въ X т. «Воронц. Архива».

[44]) «Воронц. Арх.», т. XII, стр. 274.

силъ изъ подобныхъ новостей вѣчно пылкій старикъ-посолъ. Уже въ Маѣ 1803 года, онъ совѣтовалъ брату избѣгать присутствованія въ засѣданіяхъ кабинетскаго совѣта, а замѣнять себя товарищемъ своимъ, Чарторижскимъ, чтобы не принимать участія въ этомъ безплодномъ учрежденіи, да притомъ не присутствовать и въ Сенатѣ послѣ того, какъ Державинъ дозволилъ себѣ отнестись къ его членамъ, сенаторамъ, свысока, по-начальнически; за всѣмъ тѣмъ, онъ одобрялъ намѣреніе брата отсрочить свою отставку до осени, въ виду современнаго Европейскаго кризиса, котораго исходъ нужно было выждать. Но графъ Александръ Романовичъ все хворалъ, наконецъ тяжко заболѣлъ и насилу оправился, сверхъ чаянія друзей своихъ.

«Пока братъ твой не выздоровѣлъ», сообщалъ графу Семену графъ Завадовскій,—«я нападалъ на него, что въ крайнемъ своемъ безсиліи предается труду въ излишествѣ. Но теперь, какъ сталъ на ноги, нѣтъ нужды ему перечить.... Бумаги—пища его и ненасыщающая.... Въ дѣлахъ горячъ и чувствителенъ, коль часто встрѣчаются припадки, гдѣ пылкая молодость по дорогѣ неопытной пускается на шагъ необдуманный. Побужденіе сіе чувствовать происходитъ отъ того, что мы, старые люди, неспособны къ новымъ привычкамъ.... Не дорожитъ своимъ мѣстомъ и видовъ взять покой отъ себя не отдаляетъ. Онъ единъ для руля государственнаго, единъ и для меня здѣсь.... Кто жилъ довольно и наглядѣлся на волны житейскаго моря, тотъ не пріобщится заблужденіямъ и отойдетъ, чтобы издали смотрѣть, опираясь на свой посохъ». («Воронц. Арх.», т. XII, стр. 275).

Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ благоразумно рѣшился удалиться отъ дѣлъ и уступить поле дѣятелямъ помоложе. «Не имѣя ни желанія, ни способностей находить благоволеніе у людей новаго слоя»,—писалъ по этому случаю въ Лондонъ графъ Завадовскій,—«пойду во слѣдъ твоему брату: плугъ худо пашетъ въ запряжкѣ стараго быка съ юнымъ».... Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что посолъ нашъ былъ давно приготовленъ къ этой развязкѣ, не одними только недугами канцлера, но и столкновеніями съ «людьми новаго слоя»; тѣмъ не менѣе, рѣшимость графа Александра Романовича отойти отъ дѣлъ, при ихъ напряженномъ положеніи, должна была опечалить графа Семена. Онъ имѣлъ высокое мнѣніе о службѣ брата, считалъ ее истинно-полезною, даже необходимою для отечества и, за прекращеніемъ ея, терялъ опору для собственной дѣятельности. Кажется, что преимущественно съ этихъ поръ въ головѣ его слагалась та перемѣна воззрѣній на преобразовательныя мѣры и предначертанія Александровскаго царствованія, подъ дѣйствіемъ которой онъ выразилъ впослѣдствіи слишкомъ неблагопріятную и неточную имъ оцѣнку, въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ графу Ѳ. В. Ростопчину.

Письмо это было писано въ 1814 году, 7 Іюня. Передадимъ его здѣсь въ переводѣ съ Французскаго подлинника, напечатаннаго въ VIII т. «Воронцовскаго Архива».

«Должно надѣяться, Государь нашъ почувствуетъ, что наступило время водворить порядокъ и правосудное управленіе въ странѣ, которая погибнетъ, если онъ не возстановитъ хода дѣлъ по этой части такъ, какъ были онѣ, начиная съ учрежденія Сената Петромъ Великимъ до перваго года царствованія покойной Императрицы. Она начала дѣлать нововведенія; сынъ ея все низвергнулъ и ничего не устроилъ на мѣсто того, что разрушилъ, а внукъ имѣлъ

несчастіе быть окруженнымъ дѣятелями, которые были такъ самолюбивы и тщеславны, что возмечтали себя въ силахъ превзойти великаго основателя Русской имперіи. Эти господа стали упражняться надъ бѣдною Россіею, издавая каждый день постановленія. Эти господа были сущими машинами для выдѣлки постановленій: только ихъ они и дѣлали, съ такою-же скороспѣшностью, какая равнялась ихъ невѣжеству и легкомыслію. Указы эти были построены на гипотетическихъ идеяхъ ихъ воображенія и непереваренпаго чтенія: то были опыты, которые они хотѣли производить надъ несчастною Россіей, не вѣдая, что опыты умѣстны только въ физикѣ и химіи, а пагубны въ юриспруденціи, администраціи и политической экономіи. Но задоръ у этихъ нововводителей былъ таковъ, что когда они почувствовали себя стѣсненными первоначальною властью, которую Государь возвратилъ Сенату въ Сентябрѣ 1802 г., то чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ нашли средства избавиться отъ нея и уничтожить ее. Россія дала отпоръ всей континентальной Европѣ, которую Бонапартъ притащилъ за собою; но она не устоитъ противъ внутренней неурядицы, и только Сенатъ да колегіальныя учрежденія, созданныя Петромъ Великимъ, могутъ избавить ее отъ зла, какое дѣлаютъ и будутъ дѣлать министры, работающіе на единѣ съ Государемъ и, потому, имѣющіе возможность вовлекать его въ заблужденіе, по ихъ произволу, либо нехотя, вслѣдствіе собственнаго незнанія, или обмана со стороны другихъ лицъ. Никто изъ министровъ не станетъ никогда перечить неправильнымъ мѣропріятіямъ своего собрата, изъ боязни, чтобы тотъ въ свою очередь не противился его дѣйствіямъ. Это все равно, какъ Мольеровскіе лекаря: «Согласитесь со мною на счетъ слабительнаго, такъ и я, пожалуй, соглашусь съ вами на счетъ рвотнаго». (Passez-moi le séné, et je vous passe l'émétique).

Осенніе мѣсяцы 1803 года пролегли полосою сильныхъ ощущеній для графа Семена Романовича. Независимо отъ политическихъ заботъ, которыя всегда принималъ онъ близко къ сердцу, и тревоги по поводу разрушеннаго здоровья горячо-любимаго брата, было въ виду еще обстоятельство, слишкомъ важное для него: молодой графъ Михаилъ Семеновичъ выступалъ впервыя на боевое поприще, испросивъ себѣ откомандировку изъ гвардейскаго полка въ отрядъ, дѣйствовавшій тогда противъ Персіи, подъ начальствомъ извѣстнаго Кавказскаго героя, князя Циціанова, которому канцлеръ-дядя поручалъ его, выражаясь такъ: «Онъ у насъ одинъ!» Узнавъ объ отъѣздѣ сына (въ Октябрѣ 1803 г.), не былъ спокоенъ духомъ нашъ старый Румянцовскій воинъ, но бодрился всячески и еще старался утѣшать брата успокоительными посланіями. «Надѣюсь (пишетъ онъ къ канцлеру), что Господь сохранитъ намъ добраго нашего мальчугана, и если тотъ возвратится въ добромъ здоровьѣ,—на что я уповаю, то походъ этотъ принесетъ ему пользу, доставивъ возможность узнать большую часть Россіи. Это сдѣлаетъ перерывъ въ его ежедневныхъ пошлыхъ занятіяхъ, т. е. въ отбываніи карауловъ, разводовъ, или въ упражненіяхъ со своимъ взводомъ; а въ особенности спасительно, что онъ на нѣсколько времени выдетъ изъ этого вихря разсѣянной свѣтской жизни, которая не давала ему ни минуты для размышленія. Признаюсь, мнѣ хотѣлось-бы, чтобъ служба его проходила не въ гвардейскомъ полку; только кажется, что это нелегко устроить, ибо ты ни разу мнѣ не откликнулся объ этомъ [45]).

[45]) Графъ Мих. Сем. возвратился въ Спб. въ Декабрѣ 1804 г. По этому случаю довольно интересенъ хвалебный отзывъ о немъ графа Завадовскаго (См XII т. «Воронц. Архива», стр. 289).

Между тѣмъ, старый посолъ, вѣроятно въ виду измѣнившихся отношеній ко двору брата своего, получившаго, нѣкоторымъ образомъ, безсрочный отпускъ въ деревню «на сколько ему угодно», что случилось въ Февралѣ 1804 г. [46]), самъ сталъ помышлять объ отставкѣ и, въ началѣ 1804 г., отправилъ всеподданнѣйшую просьбу о дозволеніи возвратиться въ отечество, «дабы окончить послѣдніе дни свои въ покоѣ и между родными». На эту просьбу Императоръ отвѣчалъ (30 Апрѣля), съ обычною благосклонностью, что находитъ службу просителя въ Англіи истинно-полезною и желалъ бы ея продолженія, тѣмъ болѣе при настоящемъ положеніи политическихъ дѣлъ, но что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не хотѣлъ-бы стѣснять личныхъ намѣреній и надобностей графа С. Р. Воронцова. Этотъ милостивый царскій отвѣтъ побудилъ посла отсрочить выходъ изъ службы и положиться на собственное рѣшеніе Государя, когда именно ему, Воронцову, удобно было бы воспользоваться отставкою безъ ущерба для тѣхъ особенныхъ сношеній, которыя велись тогда съ Англіей.... Благодаря Государя за лестное вниманіе, посолъ выразился, что въ этомъ оказана отличная милость старому слугѣ престола, на коемъ возсѣдаетъ Его Величество, «къ счастію Россіи и къ ободренію угнетенной и погибающей Европы» [47]). Послѣдній намекъ достаточно поясняетъ, въ чемъ заключались тогдашнія наши сношенія съ Англіей: въ нихъ подразумѣвались переговоры о союзѣ съ нею и съ Австріей, для совмѣстной войны, уже задуманной Александромъ I-мъ, противъ Франціи, захваты которой, насилія и притязанія на всемірное владычество, росли не по днямъ, а по часамъ и дѣлались положительно невыносимыми.

Дѣйствительно, успѣшное устройство коалиціи болѣе всего побуждало посла отложить свою отставку: это мы видимъ изъ письма его къ графу Александру Романовичу (отъ 12-го Окт. н. ст. 1804), въ которомъ онъ сознается откровенно, что не будь въ виду этой цѣли, для коей онъ считалъ себя нелишнимъ въ Лондонѣ, то не оставался бы долѣе на службѣ; а не будь въ Россіи двухъ нѣжно-любимыхъ существъ: брата и сына,—онъ и не вернулся бы въ страну съ суровымъ и невозможнымъ для его здоровья климатомъ, гдѣ у него почти не стало друзей и гдѣ весь бытъ, весь складъ домашней и общественной жизни, господствующій образъ мыслей и дѣйствій рѣзко противуположны тѣмъ, съ какими онъ крѣпко сроднился въ двадцать лѣтъ, проведенныхъ въ Англіи, наживъ тамъ много дружескихъ связей и привычку къ извѣстному порядку жизни, обстановленной удобнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ мірѣ. Графъ Семенъ Романовичъ не скрывалъ, что давняя его мечта покончить съ службою и поселиться въ Соутгамптонѣ, какъ въ пріютѣ тихой и независимой жизни, на правахъ частнаго человѣка; что и дочь свою онъ не прочь выдать за мужъ въ Англіи, которую она предпочла бы Россіи, если бъ не имѣла въ сей послѣдней обожаемаго ею брата... Впрочемъ, по окончаніи дѣла коалиціи, онъ располагалъ выѣхать въ Россію, весною 1806 года [48]). Знаменательное письмо это служитъ нагляднымъ до-

[46]) Графъ А. Р. Воронцовъ поселился въ Москвѣ, откуда уѣзжалъ въ свое Андреевское, сохраняя званіе и полную обстановку канцлера: при немъ была канцелярія изъ чиновниковъ и къ нему посылались курьеры съ депешами.
[47]) «Воронц. Архивъ» т. X, донесеніе отъ 17 Іюня 1804 г.
[48]) «Воронц. Арх.» т. X, стр. 230—232.

казательствомъ того двойственнаго снаружи характера, какимъ запечатлѣлись отношенія графа Семена Воронцова къ родинѣ въ его старческіе годы: съ одной стороны, этотъ человѣкъ болѣлъ по ней душою, питалъ живое, кровное участіе къ ея дѣламъ, къ ея судьбамъ,—такое участіе, которое не поддавалось вліянію ни преклонныхъ лѣтъ, ни долгаго отсутствія, и улеглось только вмѣстѣ съ нимъ въ могилѣ; съ другой стороны, какая-то физическая, если можно такъ выразиться, привязанность къ чужой странѣ, которая пришлась подъ стать личнымъ его вкусамъ, привычкамъ, условіямъ тѣлеснаго здоровья...

Обратимся къ нашему разсказу. Составленіе коалиціи завладѣло всѣмъ вниманіемъ графа С. Р. Воронцова, а онъ пользовался такимъ вѣсомъ и связями въ Англіи, что имѣлъ право разсчитывать на производительность своихъ хлопотъ въ этомъ дѣлѣ; но въ Петербургѣ Воронцовы вышли уже изъ кредита. Положимъ, охлажденіе не выказывалось открыто и грубо; но на обоихъ братьевъ-стариковъ стали смотрѣть какъ на людей выдохшихся, переживших способности, докучливо повторяющихъ вѣчное одно и тоже. Слишкомъ независимые характеры, совершенно несродные ни для усвоенія таинствъ придворной тактики, ни для легкихъ уступокъ въ своихъ мнѣніяхъ, не могли быть пріятны. Графъ Александръ сошелъ со сцены, а съ его удаленіемъ, кредитъ графа Семена упалъ еще болѣе. Оттого, умѣнью стараго посла направить удачно нужное дѣло въ Лондонѣ не довѣряли; не довѣряли, можетъ быть, также и безпристрастію его, по отношенію къ видамъ Англійскаго министерства [49]) и, на этомъ основаніи, посланъ обработать дѣло Н. Н. Новосильцовъ (тогда бывшій въ должности товарища министра юстиціи), который долженъ былъ дѣйствовать изъ подъ руки, подъ видомъ изученія юридическихъ вопросовъ, но, въ сущности, заставлять старика Воронцова, непримѣтнымъ для него образомъ, дѣлать отъ своего имени то, что̀ входило въ задачу Новосильцова. Подробности этой миссіи молодаго дипломата, пріѣхавшаго въ Лондонъ въ Ноябрѣ 1804 г., читатель можетъ найти въ извѣстной книгѣ С. М. Соловьева о политической дѣятельности императора Александра I-го [50]). Замѣтимъ только, что особенно были интересны переговоры Новосильцова съ Питтомъ и его сотоварищами по министерству «о Восточномъ вопросѣ», который всегда являлся чувствительною струною Англіи. Такъ какъ, въ 1804 г., Русское правительство не изъявило передъ нею опредѣленнаго намѣренія связывать себя возобновленіемъ союзнаго договора съ Портою, то Сентъ-Джемскій кабинетъ тотчасъ-же заподозрилъ Россію въ завоевательныхъ умыслахъ на будущее время по отношенію къ Турціи, что̀ дало поводъ къ нѣкоторому усложненію переговоровъ объ устройствѣ противо-Французской коалиціи.

Послѣдствія образованія этой коалиціи и возникшей затѣмъ первой войны нашей съ Наполеономъ, ознаменованной страшнымъ днемъ Аустерлица, извѣстны. Отмѣтимъ только, что гр. С. Р. Воронцовъ, вслѣдъ за возвращеніемъ Новосильцова въ Петербургъ, получилъ письмо отъ Государя (отъ 3-го Апр. 1805 г.), съ подтверж-

---

[49]) По выраженію С. М. Соловьева, «Воронцовъ казался старъ, упрямъ, узокъ въ своихъ взглядахъ и слишкомъ пылокъ въ ихъ проведеніи». (См. Императоръ Александръ I», ч. I, гл. 3, стр. 63.

[50]) Стр. 63—69.

деніемъ высочайшаго соизволенія, согласнаго съ желаніемъ короля Георга III, чтобы графъ Воронцовъ продолжалъ стоять на посольскомъ мѣстѣ, пока частныя его дѣла дозволятъ ему нести службу. Отмѣтимъ еще и то, что когда война началась и старый посолъ узналъ о рѣшительномъ намѣреніи Государя ѣхать въ армію для личнаго распоряженія военными дѣйствіями, то крайне встревожился, какъ-бы предчувствуя, что это не обѣщаетъ успѣха, и нарочно писалъ къ Новосильцову, упрашивая его, чтобы онъ, вмѣстѣ съ княземъ Чарторижскимъ, отклонилъ Государя отъ поѣздки на театръ войны [51]).

Къ глубокой скорби отъ нашихъ неудачъ, къ сердечной тревогѣ за судьбу единственнаго сына, который участвовалъ въ этой войнѣ (дѣйствуя въ Сѣверной Германіи), прибавилось новое горе: 2-го Декабря 1805 года умеръ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ [52]). Понятно, въ какой мѣрѣ должна была потрясти его душу кончина брата, вѣрнѣйшаго друга, втораго себя, если не по характеру, то по убѣжденіямъ и чувствамъ. Это событіе окончательно утвердило рѣшимость графа Семена Романовича оставить службу, и просьба его объ увольненіи была принята: 15-го Мая 1806 г. состоялся о томъ высочайшій именной указъ, которому предшествовалъ особый рескриптъ Государя къ графу Воронцову (отъ 6-го Февраля), изложенный въ выраженіяхъ, полныхъ соболѣзнованія и благоволенія. Посолъ получилъ отставку, съ обращеніемъ ему въ пенсію шести тысячъ рублей (по курсу), которые выдавались ему въ подспорье къ посольскому содержанію, изъ почтовыхъ доходовъ [53]).

Испросивъ разрѣшеніе остаться на годъ въ Англіи для поправленія здоровья, гр. Воронцовъ избралъ мѣстомъ давно-желаннаго отдыха тотъ-же любимый имъ городокъ Соутгамптонъ, гдѣ проживалъ онъ въ послѣдніе мѣсяцы Павловскаго царствованія. Почти одновременно со сдачею посольскихъ дѣлъ (въ Мартѣ 1806 г.), онъ былъ обрадованъ пріѣздомъ въ отпускъ дорогаго гостя,—сына своего, который пробылъ у него до самой осени. Для старика настала пора той тихой, свободной жизни на покоѣ, что мечталась ему такъ часто въ эти послѣдніе годы; но она не усыпила заботливаго его отношенія къ отечественнымъ дѣламъ и если пресѣкла оффиціальную его дѣятельность, то не мѣшала принимать въ нихъ участіе частнымъ образомъ, какъ это видно изъ переписки, послѣдовавшей за выходомъ его изъ службы.

Неудачный конецъ первой войны Александра I-го съ Наполеономъ, какъ мы уже говорили, жестоко сокрушалъ графа Воронцова: онъ

---

[51]) «Воронц. Архивъ», т. XI, письмо, отъ 8 (20) Сентября 1805 г.

[52]) Предсмертнымъ желаніемъ покойника было, чтобы графъ Семенъ Романовичъ оставилъ службу и возвратился въ отечество. См. въ XII т. «Воронцовскаго Архива» письмо графа П. В. Завадовскаго, отъ 17 Декабря 1805 г., стр. 304—305.

[53]) Въ царствованіе Александра Павловича, графъ С. Р. Воронцовъ былъ повышенъ званіемъ полномочнаго чрезвычайнаго посла, съ увеличеніемъ окладнаго содержанія (отъ котораго, впрочемъ, отказывался въ пользу младшихъ чиновъ посольства), пожалованъ бриліантовыми украшеніями къ Андреевскому ордену и портретомъ Государя для ношенія на груди. Этотъ послѣдній знакъ отличія онъ получилъ во время пребыванія своего въ Россіи, въ 1802 году.

долго не могъ успокоиться и, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по сдачѣ должности, въ началѣ Іюля, отправилъ большое письмо къ Новосильцову, — къ свѣдѣнію и князя Чарторижскаго, — наполненное энергическими протестами противъ намѣренія заключить съ «Корсиканскимъ хищникомъ» миръ, который былъ съ нимъ немыслимъ, по глубокому убѣжденію Воронцова.

«Содержаніе письма вашего къ графу Строгонову (такъ писалъ онъ) до того прискорбно, что я чувствую себя истинно-несчастнымъ. Гдѣ-бы я ни находился, мой родной край болѣе всего меня занимаетъ; во всемъ, что до него относится, я принимаю живѣйшее участіе; въ его славѣ и благоденствіи состоитъ мое счастіе; его униженіе, какъ вѣрное предвѣстіе паденія, приводитъ меня въ отчаяніе. Боже великій! Неужели примѣры монархій Французской, Испанской, Австрійской и Прусской не могли сдѣлать никакаго впечатлѣнія на Императора нашего? Первая рушилась, а прочія видимо разрушаются; достовѣрность ихъ погибели уже заявляется потерею независимости, и все это произошло отъ слабости, нерѣшительности, боязливости ихъ государей и отъ ребяческаго страха мнимыхъ опасностей, которыя имъ представлены козням глупцовъ и измѣнниковъ, получившихъ перевѣсъ надъ министрами предусмотрительными, праводушными и твердыми, коихъ тѣ успѣли вывести изъ довѣрія государей. Вотъ такіе-то коварные совѣты интригановъ, глупцовъ и предателей влекутъ государя и государство въ бездну крушенія ужаснаго и неизбѣжнаго. Конечно, съ арміей, разстроенной какъ теперь у насъ и неприводимой вновь въ то превосходное состояніе, при какомъ она возвеличила и прославила Русскую имперію, — съ этою арміей, уничтоженною Павломъ, упавшею духомъ и опозоренною подъ Аустерлицемъ, не слѣдуетъ болѣе вести войны; но можно, оставаясь у себя (въ своихъ предѣлахъ), не безчестить себя миромъ постыднымъ, унизительнымъ для Русскаго имени и пагубнымъ для Имперіи. Фоксъ здѣсь домогается мира во что-бы то ни стало, безъ всякаго нравственнаго принципа. Поклоняясь счастію Корсиканца и Талейрана, онъ радъ предлогу, подъ которымъ кроется у нашего Императора желаніе заключить миръ;—радъ потому, чтобы съ своей стороны выискать въ этомъ поводъ къ миру, отдавъ на жертву короля Неаполитанскаго, такъ какъ не считаетъ себя обязаннымъ сдержать обѣщаніе Питта. Но что можетъ сдѣлать какой-нибудь негодяй, которому не страшенъ позоръ, такъ какъ онъ прожилъ 57 лѣтъ въ презрѣніи у честныхъ людей, тому не долженъ подражать императоръ Русскій! Вѣдь Русскій-же императоръ принялъ на себя обязательство передъ королемъ Неаполитанскимъ не мириться безъ того, чтобы Неаполь не былъ ему отданъ обратно, а именно это обязательство и побудило короля нарушить свой нейтралитетъ. Слѣдовательно, онъ сдѣлался жертвою своего довѣрія къ могуществу и добросовѣстности Императора. Пусть же Императоръ вспомнитъ про великодушное письмо Петра Великаго къ Шафирову о князѣ Кантемирѣ; пусть вспомнитъ, какъ этотъ великій государь считалъ, что предпочтительнѣе уступить до Курска лучшую часть Имперіи, чѣмъ не устоять въ данномъ словѣ: ибо онъ былъ увѣренъ, что у государей нѣтъ другаго достоянія, кромѣ чести, и что отречься отъ этого достоянія все равно, что перестать быть монархомъ. И такъ, должно поддержать Неаполитанскаго короля, предоставленнаго мщенію Корсиканца, вызвавъ для сего корпусъ Ласси, который помогъ бы оборонять Калабрію, а также и Сицилію. Надобно послать королю наши войска и, вмѣсто того, чтобы помышлять о мирѣ, надобно усилить нашу эскадру у Іоническихъ острововъ и у береговъ Калабріи и Сициліи; надобно послать денежное пособіе королю Неаполитанскому и объявить Корсиканцу, что безъ возвращенія Неаполитанскаго королевства законному его владѣтелю, не послѣдуетъ никогда не только мира, но не будетъ даже никакаго сношенія между Россіею и

Франціей; надобно удалить всѣхъ Французовъ изъ Россіи и наложить запретъ на всѣ Французскіе товары. Необходимо только твердо стоять на своемъ, быть у себя хорошо вооруженнымъ, не довѣрять Пруссіи, ладить съ Швеціей, а съ Турками принять тонъ твердый и внушительный, послѣ чего можно разсчитывать на болѣе благопріятное время и выжидать будущихъ контингентовъ, которые не преминутъ явиться»[54]).

Подѣйствовало-ли это письмо или нѣтъ, мы не знаемъ; но мирный трактатъ съ Наполеономъ, подписанный повѣреннымъ отъ Русскаго двора, Убри, ратификованъ Александромъ I-мъ не былъ.

Наступилъ 1807 годъ, составилась новая коалиція противъ Франціи, съ участіемъ бездѣйствовавшей дотолѣ Пруссіи. Еще въ Апрѣлѣ 1806 г., на прощальной аудіенціи графа Воронцова, король Англійскій Георгъ III, въ бесѣдѣ съ нимъ, превозносилъ твердую политику Россіи, но горько сѣтовалъ на странную нерѣшительность Берлинскаго кабинета, благодаря коему не удалась кампанія 1805 года, и предсказывалъ, что за это недостойное поведеніе Пруссія понесетъ тяжкое возмездіе: ибо, съ потерею уваженія къ себѣ, она теряетъ также свою независимость «и покончитъ тѣмъ, что будетъ унижена самимъ-же Бонапартомъ, который обойдется съ нею не лучше, какъ съ Баваріей, съ владѣніями Виртембергскими и Баденскими и съ Голандіей, почти обращенными во Французскія провинціи»[55]). Событія оправдали это предсказаніе. Война 1807 года разгромила Пруссію и, по условіямъ Тильзитскаго мира, принудила Россію примкнуть къ изобрѣтенной Наполеономъ, на зло Англіи, континентальной системѣ, а слѣдовательно, не только разорвать союзъ свой съ этою державою, но и вступить въ непріязненныя къ ней отношенія.

---

[54]) «Воронц. Архивъ», т. XI, № 22, стр. 421.

[55]) «Воронц. Архивъ», т. X, стр. 448, всеподдан. донес. Воронцова отъ 6 Апрѣля 1806 г. Но, спрашивается, какимъ-же образомъ дѣйствовала тогда сама Англія, гдѣ такъ роптали на поведеніе Пруссіи? Объ этомъ можно судить по нижеслѣдующей небольшой выпискѣ изъ прекрасной статьи г. Фирсова «Отношенія Англіи и Россіи въ царствов. Александра I-го», помѣщенной въ журналѣ «Древн. и Новая Россія», въ Мартовской книжкѣ за 1878 годъ; она можетъ дать понятіе о характерѣ союзныхъ къ намъ отношеній Англичанъ въ этотъ первый періодъ великой борьбы съ Наполеономъ. «Во время переговоровъ Франціи и Россіи въ началѣ 1806 г., Англійское правительство старалось воспрепятствовать, чтобы эти державы пришли къ соглашенію и въ тоже самое время совершенно безтактно держало себя относительно императора Александра. Слѣдующій фактъ иллюстрируетъ эту безтактность. Опасаясь, что Россіи придется вести новую кампанію и, можетъ статься, безъ союзниковъ, Александръ обратился къ Англійскому правительству съ просьбою дать Россіи взаймы 6 милліоновъ фунт. стерлинг. Англійское правительство отказало, но предложило Россіи заключить въ Англіи частный заемъ, чрезъ банкировъ, съ тѣмъ, однако, чтобы, для обезпеченія Англійскихъ кредиторовъ Россіи, пошлины съ вывозимыхъ изъ Англіи въ Россію товаровъ взимались въ Англіи помимо Русскаго правительства и поступали въ уплату процентовъ по займу. Конечно, Россія отвергла такія условія, тѣмъ болѣе оскорбительныя, что парламентъ предоставилъ въ распоряженіе своего правительства 20 милліоновъ фунт. стерл. на выдачу субсидій по веденію войнъ съ Наполеономъ. (History of Europe, by Alyson)».

События эти наносили страшный ударъ и задушевнымъ политическимъ обѣтованіямъ стараго гр. Воронцова, и семейнымъ его дѣламъ. Война 1807 г., при всей страстной ненависти его къ виновнику всемірныхъ кровавыхъ тревогъ, Наполеону, противъ котораго онъ вѣчно проповѣдывалъ борьбу непримиримую, мучительно волновала отеческія его чувства безпокойствомъ за жизнь сына [56]); теперь-же, когда война окончилась такъ неудачно, что втянула Россію въ насильственный союзъ съ Франціей и вынужденный разрывъ съ Англіей, старикъ просто приходилъ въ отчаяніе. Волею-неволею сыну его приходилось служить противъ этой послѣдней державы, если-бы обстоятельства потребовали гдѣ-либо вооруженнаго съ нею столкновенія.... Но этого мало: около того-же времени, какъ улаживался Русско-Французскій миръ въ Тильзитѣ, графъ Семенъ Романовичъ еще болѣе скрѣплялъ личную связь свою съ страною, гдѣ провелъ большую часть жизни, помолвивъ единственную свою дочь-невѣсту, графиню Екатерину Семеновну, съ однимъ изъ именитѣйшихъ представителей Англійской аристократіи, графомъ Пемброкомъ-Монгомери, называвшимся при жизни своего отца лордомъ Гербертомъ, генералъ-лейтенантомъ королевско-Британской арміи и кавалеромъ ордена Подвязки. Такъ-какъ молодая невѣста числилась фрейлиною Русскаго императорскаго двора, то отецъ ея счелъ необходимымъ испросить у матери и супруги своего Государя соизволеніе на этотъ бракъ, который, дѣйствительно, представлялся блестящею партіей и устраивался по взаимной склонности жениха и невѣсты [57]). Согласіе было дано, хотя вдовствующая императрица Марія Ѳедоровна выразила по этому случаю нѣкоторое сожалѣніе, что дочь графа Воронцова вступаетъ въ супружество не съ своимъ соотечественникомъ, чего желала всегда Государыня и о чемъ еще прежде намекала старику въ своихъ къ нему письмахъ [58]). Тѣмъ не менѣе бракъ состоялся, и отецъ новобрачной сталъ проживать бо̀льшею частію въ Вильтонѣ (Wilton), помѣстьѣ своего зятя. Что̀ касается Воронцова-сына, быв-

---

[56]) Воронц. Архивъ, т. XI, 23-е письмо графа С. Р. Воронцова къ Новосильцову, отъ 1 Марта 1807 г.—[57]) См. тамъ же, т. X, письмо гр. С. Р. Воронцова къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, отъ 1 Іюня 1807 г., стр. 462—464.

[58]) Небезъинтересно письмо графа Завадовскаго, который имѣлъ порученіе отъ Воронцова подать письма его обѣимъ Императрицамъ: «Царствующая ничѣмъ не возражала, а отозвалася только, что по сему обстоятельству еще долго тебя здѣсь не увидимъ; но вдовствующая приняла твой отзывъ такъ точно, какъ ты предполагалъ: хвалила качества твоей дочери, что любитъ и благоволитъ объ ней и въ такомъ расположеніи лучше бы желала видѣть ее въ замужествѣ за Русскимъ, чѣмъ Англичаниномъ. На сіе я представлялъ всѣ твои резоны, и достаточные, и справедливые; наипаче-же нравственность въ отношеніи къ связи супружеской, которой у насъ почти нѣтъ. Сей пунктъ неоспоримый превозмогъ противорѣчіе и въ прочихъ.... Какъ добрый отецъ и какъ человѣкъ благоразумный, ты основываешь прочное состояніе твоей дочери; это моя мысль, соображая всѣ отношенія къ ея благополучію. Почто меня увѣряешь, что твой братъ сего желалъ? Покойникъ со мною часто о семъ говорилъ, открываясь, что онъ и самъ хочетъ, и не разъ тебѣ совѣтывалъ, если партія представится, не отвергать союза съ достойнымъ иностранцемъ. Тѣ, которые видѣли зятя твоего въ Тильзитѣ, очень его хвалятъ; я навѣдывался о томъ постороннимъ образомъ». («Воронц. Арх.», т. XII, № 230, отъ 7-го Августа 1807 г., стр. 307).

шаго тогда въ Петербургѣ, то изъ писемъ гр. Завадовскаго можно видѣть, что старикъ, взволнованный непріятнымъ оборотомъ политическихъ дѣлъ и смущаемый боязнью потерять на войнѣ единственнаго сына, совѣтовалъ ему выйти въ отставку. Графъ Завадовскій, какъ испытанный другъ семейства, отговорилъ молодаго графа отъ исполненія неблагоразумнаго совѣта и прямо сообщилъ объ этомъ Воронцову-отцу. «Ничто иное я вижу тутъ какъ неодуманныя слѣдствія пылкаго нрава и живыхъ твоихъ чувствъ. Я увѣренъ, если сіи въ тебѣ успокоятся, то, озаренный обыкновеннымъ своимъ благоразуміемъ, самъ отвергнешь мѣры ему непричастныя. Зачѣмъ твоему сыну покидать службу, которую онъ любитъ, въ коей отличенъ, и лично для себя не позналъ досады? Не скрываю предъ тобою заключеній, что̀ уже имѣютъ о тебѣ, яко поборникѣ по Англіи. Противъ этого еще бы можно ставить оправданія; но противъ толковъ, что не любишь Россіи и которые возбудишь въ недоброжелательныхъ себѣ помянутымъ преселеніемъ, нелегко выводить опроверженіе. Хотя интересы взаимные съ Англіею подаютъ надежду о нерушимости; но буде бъ паче чаянія дошло до разрыва, неужели и тогда сочтешь возможнымъ жить въ Англіи безъ предосужденія? Злословіе не щадитъ и невинныхъ, а по сему поводу сплело бы на тебя и видимую, и разительную улику» [59]).

Эти новыя отношенія Россіи къ Англіи, въ самомъ дѣлѣ, повторяли для графа С. Р. Воронцова почти тоже трудное положеніе, какое нѣкогда переживалъ онъ при Павлѣ; разрывъ между двумя государствами и въ настоящемъ случаѣ ставилъ его между желаніемъ остаться въ Англіи, — гдѣ теперь онъ чувствовалъ себя еще болѣе дома, чѣмъ прежде, вслѣдствіе замужества дочери,—и между обязательною необходимостью возвратиться въ Россію, гдѣ у него не стало уже брата и гдѣ сынъ, въ качествѣ военнослужащаго, не жилъ осѣдло, на одномъ мѣстѣ. Бдительный другъ, гр. Завадовскій, опять-таки изъ первыхъ напомнилъ ему объ этой непріятной необходимости [60]). Слѣдовало послушаться добраго совѣта, какъ отчасти и сдѣлалъ опечаленный старикъ. Передъ наступленіемъ весны 1808 г., онъ

---

[59]) Тамъ-же, отъ 20 Сентября 1807 г., стр. 308.

[60]) «Разрывъ нашего союза съ Англіею, на сихъ дняхъ возвѣщенный, ты скоро услышишь. По сему обстоятельству было бы непристойно Россіянину и твоего состоянія продолжать свое пребываніе въ той землѣ. Съ другой стороны, сей политическій порывъ дойдетъ къ тебѣ въ такую пору, когда и неудобно, и опасно переѣзжать воду. Я считаю приличнымъ и нужнымъ (не пренебреги моего совѣта) отозваться тебѣ къ графу Николаю Петровичу Румянцову, яко министру иностранныхъ дѣлъ, что ты разумѣешь себя обязаннымъ тотчасъ выѣхать изъ Англіи; но суровое время претитъ твоей готовности, почему и просишь дозволенія дождаться удобнаго пути, и чтобы не вмѣняли въ худо необходимость, задержавшую тебя. Въ своемъ отзывѣ не упоминай ниже словомъ о дѣлахъ политическихъ. Въ семъ пунктѣ скромность безпечнѣе, чѣмъ словоохотливость. Прими мое предвареніе за доводъ усердія. Я рѣшился па оное, зная твой духъ и сколько, бывъ разгоряченный, увлекаешься. Вспомни прошедшее, чему былъ подверженъ. А подозрѣніе людей не оставляетъ. Я воображаю главною непріятность для тебя, что должно готовиться къ выѣзду, тогда какъ совершаешь судьбу своей дочери и не наслаждаешься довольно видѣніемъ ея благосостоянія». («Воронц. Архивъ», т. XII, письмо отъ 30 Октября 1807 г., № 232, стр. 309—310).

отправилъ къ Государю письмо съ просьбою о дозволеніи переждать въ Англіи неудобное время для морскаго переѣзда и получилъ благосклонное разрѣшеніе не стѣсняться и не подвергать себя опасности въ такую пору года, а выѣхать въ болѣе удобную, если притомъ это будетъ возможно по состоянію его здоровья. Но какъ было выбраться, когда порты континентальныхъ государствъ были заперты для Англійскихъ судовъ? Изъ дальнѣйшей переписки Воронцова съ Новосильцовымъ видно, что онъ намѣревался-было ѣхать черезъ Швецію, но какъ и это направленіе пути было ему преграждено по военнымъ обстоятельствамъ, то ему оставалось отправиться прямо въ Ригу, для чего слѣдовало еще выхлопотать у Англійскаго правительства позволеніе быть допущеннымъ въ качествѣ пассажира на какой-нибудь казенный корабль, который довезъ бы его до Риги, подъ парламентерскимъ флагомъ. Вѣроятно, не безъ содѣйствія вліятельнаго зятя, на просьбу эту соглашались и предлагали Воронцову ѣхать на транспортномъ Трирскомъ (de Trèves) суднѣ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы будущій пассажиръ досталъ себѣ предварительно уполномочіе отъ своего Государя на формальное поручительство въ томъ, что корабль этотъ будетъ впущенъ въ гавань, не подвергнется задержанію и безпрепятственно можетъ отбыть назадъ, въ Англію. Гр. Воронцовъ просилъ Новосильцова доложить объ этомъ Императору, въ предупрежденіе всякихъ толковъ со стороны недобрыхъ людей; но кажется, что дѣло о выѣздѣ не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. По крайней мѣрѣ, изъ бумагъ, напечатанныхъ въ «Воронцовскомъ Архивѣ», не видно, чтобы графъ С. Р. Воронцовъ временно выѣзжалъ изъ Англіи, пока господствовала враждебная ей континентальная система. Разумѣется, старика оставили въ покоѣ, и онъ безъ всякой помѣхи прожилъ все это время у дочери.

Чрезъ пять лѣтъ, оттуда-же пришлось ему слѣдить болѣющимъ сердцемъ за громовыми событіями послѣдней роковой борьбы Россіи съ Наполеономъ, начиная съ Двѣнадцатаго года. Можно себѣ представить, какъ отдавались въ этомъ сердцѣ всѣ переходы страшной грозы, гдѣ чуднымъ образомъ совмѣстились и ужасы вражескаго нашествія «двадесяти языкъ», и торжество ополчившейся Руси надъ изгнаннымъ, сломленнымъ врагомъ.... Напомнимъ опять, что, кромѣ тревогъ патріотическаго участія къ судьбамъ отечества, старикъ долженъ былъ ежедневно, ежечасно изнывать душою за дорогую ему жизнь воинственнаго сына, постояннаго подвижника въ этой трехлѣтней бойнѣ 1812—1815 г. Сколько горя долженъ былъ выстрадать онъ, когда узналъ, что молодой его герой получилъ тяжелую рану въ Бородинскомъ сраженіи и, за то, сколько радости прочувствовалъ онъ потомъ, въ виду доблестной и счастливой его службы, которая, подъ конецъ войны, дала ему извѣстность одного изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ генераловъ Русской арміи!

Къ эпохѣ окончательнаго изгнанія Французовъ изъ Россіи относится возобновленіе заглохшихъ было въ теченіе цѣлаго десятилѣтія сношеній графа Семена Романовича съ давнимъ другомъ, гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ, тогдашнею знаменитостью первой величины, прославленною на всю Европу Московскимъ пожаромъ 1812 года. Здѣсь слѣдуетъ кое-что сказать по поводу взаимныхъ отношеній обоихъ друзей въ первое десятилѣтіе Александровскаго царствованія. По кончинѣ императора Павла, переписка между ними замолкла на годъ. Ростопчинъ жилъ почти безвыѣздно въ своей подмосковной,

въ сторонѣ отъ дѣлъ, къ которымъ не былъ призванъ новымъ Государемъ [61]), и, озлобленный на весь свѣтъ, первый пересталъ писать къ Воронцову, а спустя годъ, самъ прервалъ молчаніе, объясняя его тѣмъ, что не имѣлъ охоты вести переписку съ Семеномъ Романовичемъ, когда послѣдній находился въ ладу съ заклятымъ врагомъ его, Ростопчина, графомъ Панинымъ. Конечно, Воронцову ничего не стоило доказать ревнивому другу странность подобныхъ претензій, и переписка ихъ съ тѣхъ поръ возобновилась, но шла какъ-то вяло, и далеко не въ прежнемъ тонѣ. Охлажденіе между обоими корреспондентами было очень замѣтное и еще усилилось несходствомъ мнѣній по части внѣшней политики, въ чемъ Воронцовъ отрицалъ всякую компетентность бывшаго первоприсутствующаго члена Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Наконецъ, съ обѣихъ сторонъ письменныя сношенія опять прервались,—на этотъ разъ, лѣтъ на десять, вплоть до 1813 года. Тутъ графъ Семенъ Романовичъ почувствовалъ неодолимую внутреннюю потребность общенія съ когда-то близкимъ и преданнымъ ему человѣкомъ, снискавшимъ въ его глазахъ новыя права на уваженіе своимъ энергическимъ образомъ дѣйствій въ бытность главнымъ начальникомъ Москвы, въ 1812 году. Да и кто-же другой изъ Русскихъ людей могъ-бы для старика болѣе удовлетворить этой потребности? Братъ Воронцова и лучшіе, старѣйшіе изъ общихъ ихъ друзей (включая сюда и графа Завадовскаго), покоились въ «сырой землѣ», а прочіе пріятели, кто былъ помоложе, не имѣли тѣхъ правъ короткой связи, искушенной опытомъ, какія были за графомъ Ѳедоромъ Васильевичемъ. И вотъ, по почину Воронцова, вновь ожила дѣятельная переписка, продолжавшаяся безостановочно до самой смерти Ростопчина. Оба корреспондента переписывались, бо̀льшею частію, за границею, такъ какъ гр. Воронцовъ постоянно жилъ въ Англіи, а гр. Ростопчинъ, съ 1815 года, навсегда покинувшій службу,—преимущественно въ Парижѣ. Въ письмахъ послѣдняго мы находимъ полную живаго интереса бѣглую хронику всѣхъ тогдашнихъ новостей и вопросовъ дня, особенно со времени Реставраціи. Парижскія замѣтки желчно-остроумнаго наблюдателя поразительны необычайною меткостью и неумолимо-скептическимъ отношеніемъ къ явленіямъ тогдашней Европейской жизни, въ чемъ отразилось горькое недовольство человѣка, разочарованнаго личнымъ опытомъ и снѣдаемаго болѣзненнымъ чувствомъ неудовлетвореннаго самолюбія. Этотъ-же отпечатокъ недовольства носятъ на себѣ всѣ сужденія Ростопчина о личностяхъ той Русской среды, центромъ которой былъ царственный вождь Европейской коалиціи. Мы должны замѣтить, что такія воззрѣнія, какъ видно, находили извѣстный отголосокъ и въ мнѣніяхъ стараго графа Воронцова, который во многомъ не сочувствовалъ направленію и образу дѣйствій императора Александра, преимущественно съ эпохи конгрессовъ, выразившейся въ основаніи Священнаго Союза, хотя изо всѣхъ этихъ порицаній того, что̀ дѣлалось въ тогдашнее время, мудрено добиться вывода, чего-же собственно хотѣлось нашимъ стари-

[61]) По отзыву графа С. Р. Воронцова, Ростопчинъ, еще при Павлѣ, навлекъ на себя нерасположеніе Александра Павловича неумѣстными выходками; а вдобавокъ, былъ очерненъ потомъ окончательно во мнѣніи молодаго Государя графомъ Н. П. Панинымъ. См. въ X. т. «Воронц. Архива» письмо графа С. Р. Воронцова къ брату отъ $^{6}/_{18}$ Декабря 1801 г., стр. 153—154.

камъ. По складу мнѣній въ политическихъ вопросахъ, они оба безусловно сходились только въ одномъ пунктѣ: въ доходившей до крайностей ненависти и презрѣніи къ Французамъ, какъ къ націи пустой, развращенной до мозга костей и заражающей ядомъ своихъ пороковъ чуть-ли не весь родъ человѣческій. Что касается идеаловъ общественнаго устройства (въ смыслѣ политическомъ), то Ростопчинъ, самъ деспотъ по натурѣ, не смотря на свое напускное фрондёрство, обнаруживалъ глубочайшую антипатію къ какимъ-либо либеральнымъ стремленіямъ, что не мѣшало ему относиться отрицательно и къ тѣмъ явленіямъ, которыя истекали изъ противоположнаго порядка вещей. Воронцовъ-же, невольно поддавшійся вліянію Англійскихъ понятій о народномъ представительствѣ, замѣтно симпатизировалъ конституціоннымъ формамъ, но питалъ омерзеніе къ крайнимъ революціоннымъ идеямъ и къ партіи демократовъ, обзывавшихся тогда не иначе, какъ «Якобинцами». Политическая чуткость нашихъ стариковъ была, однакоже, на столько изощрена, что довольно рано дала имъ предвидѣніе неизбѣжнаго государственнаго переворота во Франціи и паденія возстановленныхъ на ея тронѣ Бурбоновъ.

Старые друзья размѣнивались между собой не одними лишь новостями и сужденіями о подобныхъ предметахъ, а дѣлились подробностями и о своей домашней жизни, не исключая и такихъ случаевъ, гдѣ неудобна была-бы огласка. Съ этой стороны особенно отличаются откровенностью письма Ростопчина, который не во всѣхъ семейныхъ своихъ отношеніяхъ могъ похвалиться тою благодатною безмятежностью, какая выпала на долю графа Семена Романовича, счастливаго отца и дѣда. Чувство полнаго довольства въ этомъ отношеніи и сознаніе семейнаго счастія отзываются въ каждомъ письмѣ его. Иногда только случалось ему волноваться изъ-за какихъ нибудь скоротечныхъ столкновеній по службѣ сына, графа Михаила Семеновича, уже командовавшаго послѣ Наполеоновскихъ войнъ армейскимъ корпусомъ, который былъ расположенъ во Франціи, въ Мобёжѣ и Валансьенѣ, съ 1815 по 1819 годъ.

Сношенія между старикомъ Воронцовымъ и Ростопчинымъ не ограничивались перепискою: онѣ поддерживались и свиданіями личными. Такъ, въ промежутокъ времени отъ 15 Апрѣля до Іюня 1820 г., графъ Ростопчинъ ѣздилъ въ Лондонъ и тамъ пользовался почти ежедневно сообществомъ графа Семена Романовича, а тотъ ѣздилъ въ Парижъ, для свиданія съ сыномъ, въ 1815, 1819 и 1821 годахъ. Эти встрѣчи не только закрѣпили давнюю связь обоихъ пріятелей, но взаимно познакомили ихъ съ семействами того и другаго, и знакомство это оставило свои слѣды и въ старомъ, и въ юномъ поколѣніяхъ, что видно по письмамъ Воронцова, полюбившаго меньшихъ дѣтей Ростопчина, и въ особенности графа Андрея Ѳедоровича [62]).

Въ 1826 г. смерть отняла у графа С. Р. Воронцова единственнаго близкаго его сердцу человѣка въ Россіи: графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, давно уже надломленный физически и морально, былъ окончательно сраженъ кончиною любимой своей незамужней дочери Елисаветы, скончавшейся въ Москвѣ, 1-го Марта 1825 года, 18 лѣтъ отъ роду, и самъ вскорѣ послѣдовалъ за нею,—18 Января 1826 года: старѣй-

[62]) См. «Русскій Архивъ» 1872 г., стр. 2174—2176.

шему изъ двухъ друзей, графу Семену Романовичу, суждено было пережить младшаго шестью годами [63]).

Тихо и безтревожно проходили эти послѣдніе годы долгой его жизни, до конца которой не затмѣвалась въ немъ полная ясность душевныхъ способностей. Ему досталось рѣдкое счастье достигнуть глубокой старости, не дряхлѣя нравственно и, такъ сказать,—угаснуть не померкая до послѣдняго мгновенія. Онъ не прекращалъ умственныхъ занятій. Въ самые послѣдніе дни жизни, почти девяносто-лѣтній старецъ, не желая безпокоить прислугу, отправился ночью со свѣчею въ свою библіотеку, находившуюся въ другомъ ярусѣ его дома, оступился и упалъ на лѣстницѣ.... Кончина его была умилительно-прекрасна, и вотъ въ какихъ словахъ описываетъ ее неизвѣстный авторъ краткой біографіи графа С. Р. Воронцова (на Французскомъ языкѣ):

«Совершенное спокойствіе духа и пріятное настроеніе его возвышеннаго ума,—отличительныя черты благороднаго его характера,—не покинули его ни на одинъ мигъ. Улыбаясь своимъ дѣтямъ, благословляя ихъ, онъ тихо отошелъ въ вѣчность, съ тою вѣрою, которую придаетъ въ послѣдній часъ сознаніе безупречнаго исполненія на долгомъ поприщѣ обязанностей гражданина, отца и добраго христіанина. Онъ желалъ, чтобы его похоронили безъ всякой пышности близъ приходской церкви и запретилъ ставить надъ собою какой-либо памятникъ, кромѣ простой мраморной плиты съ надписью имени его, времени рожденія и смерти. Эта послѣдняя воля была въ точности исполнена; но благодѣянія, которыя онъ дѣлалъ съ неистощимою любовью къ ближнему, скажутъ о немъ болѣе, нежели самые великолѣпные монументы... и мы считаемъ себя въ правѣ заявить, что немногіе люди въ чужой странѣ были столько любимы, уважаемы и оплакиваемы, какъ былъ въ Англіи графъ Воронцовъ».

Онъ умеръ въ Лондонѣ 9 (21) Іюня 1832 года. При кончинѣ его присутствовали сынъ, графъ Михаилъ Семеновичъ, находившійся тогда въ заграничномъ отпуску, и дочь, графиня Пемброкъ, бывшая въ то время уже вдовою [64]).

Здѣсь приведемъ нѣкоторыя воспоминанія о графѣ Семенѣ Романовичѣ Воронцовѣ, сообщенныя издателю «Рускаго Архива» въ Лондонскомъ письмѣ А. О. Смирновой, а къ ней дошедшія чрезъ посредство одного почтеннаго нашего соотечественника, со словъ покойнаго о. Я. И. Смирнова, бывшаго посольскаго священника, и дьячка Квитницкаго (тоже умершаго въ Лондонѣ).

«Такъ какъ графъ С. Р. Воронцовъ, оставивъ службу, поселился въ улицѣ Welbeck-street, чтобы жить не слишкомъ далеко отъ зданія нашей православной церкви [65]), то его похоронили подъ сводами бли-

[63]) Изданная въ VIII томѣ «Воронцовскаго Архива» переписка заканчивается письмомъ графа С. Р. Воронцова изъ Лондона, отъ 1 Іюля 1825 г. и письмомъ графа Ѳ. В. Ростопчина изъ Москвы, отъ 12 Августа того же 1825 года.

[64]) Леди Пемброкъ скончалась въ Мартѣ 1856 года. Ея потомство, въ лицѣ нѣсколькихъ внуковъ и правнуковъ графа Семена Романовича Воронцова, существуетъ и теперь въ Англіи, храня память о своемъ Русскомъ дѣдѣ и прадѣдѣ.

[65]) Къ стыду нашему, не составляющей доселѣ особаго зданія, а находящейся въ домѣ, ничѣмъ не отличающемся отъ другихъ. П. Б.

жайшей къ той улицѣ, мѣстной Марилебонской приходской церкви, (т. е. протестантской), гдѣ гробъ его и теперь находится. Въ этомъ старинномъ и бѣдномъ кварталѣ, когда поселился тамъ послѣ своей отставки Воронцовъ, его поразило чрезвычайное множество нищихъ обоего пола, а между-тѣмъ въ Англіи не было тогда столько пріютовъ и другихъ богоугодныхъ заведеній, какъ въ настоящее время. Онъ первый внесъ 500 фунт. стерлинг., и за нимъ пошла подписка всей знати на устройство богадѣльни для престарѣлыхъ бѣдняковъ, мужчинъ и женщинъ. Эта богадѣльня и теперь существуетъ; въ прихожей ея стоитъ бюстъ графа Воронцова, съ надписью, что онъ основатель заведенія, и даже улица, туда ведущая, называется Воронцовскою (Woronzow road). Это богадѣльня въ родѣ тѣхъ, какія у насъ въ Россіи, а совсѣмъ не то что называется у Англичанъ work-house и чего такъ не терпитъ тамошнее простонародье; въ основанное-же Воронцовымъ убѣжище то-и-дѣло просятся неимущіе».

«Прахъ его (пишетъ А. О. Смирнова) до сихъ поръ покоится въ мѣстѣ погребенія, въ землѣ, хотя ему симпатичной, но все-таки чуждой для его Русскаго сердца и духа....»

V.

Для полноты біографическаго очерка, необходимо подвести итоги и бросить общій взглядъ на все, изложенное въ предыдущихъ главахъ.

Прежде всего представляются вопросы: вполнѣ-ли отразилась личность графа Семена Воронцова въ общественной дѣятельности, какая выпала на его долю? Пришлась-ли эта дѣятельность въ уровень съ его свойствами, способностями, наклонностями? Чувствовалъ-ли онъ себя на своемъ мѣстѣ и нашелъ-ли онъ соотвѣтствующее приложеніе своимъ силамъ въ работѣ, которую задалъ ему жребій? Такіе вопросы не будутъ праздными, если поведутъ къ лучшей обрисовкѣ занимающаго насъ человѣка, къ болѣе вѣрной оцѣнкѣ какъ его самого, такъ и времени, которому онъ принадлежалъ.

Казалось-бы, отвѣчать на поставленные вопросы очень легко однимъ указаніемъ на плоды прожитаго существованія. Когда плоды эти свидѣтельствуютъ сами за себя въ его пользу, доказывая производительность законченной жизни, стало быть, дѣятелю пришлось по плечу то положеніе, въ которомъ онъ стоялъ и, слѣдовательно, оцѣнка ему готова въ данныхъ фактахъ. Но, подобная оцѣнка была-бы скороспѣшна и недостаточна. Успѣхи и неудачи не всегда обнаруживаютъ внутреннюю стоимость дѣятеля; вопервыхъ, потому что подчасъ достаются по причинамъ случайнымъ, а вовторыхъ, могутъ оказываться несоразмѣрными его способностямъ и средствамъ, то-есть, могутъ выражать собою далеко не то, что онъ былъ-бы въ силахъ сдѣлать при иной обстановкѣ. Мало знать, что человѣкъ, достойный доброй памяти, никогда не расходился съ своими обязанностями и честно уживался съ даннымъ ему положеніемъ: нужно еще всмотрѣться, насколько онъ былъ выше или ниже своей внѣшней дѣятельности.

Перебирая съ пристальнымъ вниманіемъ наличный запасъ имѣющихся свѣдѣній, мы невольно приходимъ къ заключенію, что жизнь

графа Семена Воронцова, какъ и многихъ другихъ замѣчательныхъ нашихъ людей, не дала ему полнаго простора оправдать свое призваніе общественнаго дѣятеля. Онъ раздѣлилъ въ этомъ случаѣ участь Мордвинова, Сперанскаго, Ермолова и подобныхъ имъ знаменитостей, которые если и заявили себя исторически, то не успѣли совершить всего, что̀ могли сдѣлать, не успѣли провести свое дѣло до конца. Такихъ людей у насъ было немало, и про многихъ изъ нихъ можно сказать словами Пушкина:

„Онъ въ Римѣ былъ-бы Брутъ, въ Аѳинахъ Периклесъ;
А здѣсь“....

Здѣсь изъ него выходилъ, бо̀льшею частію, недоконченный гражданинъ, жизненный путь котораго тормозился именно благодаря присутствію въ немъ тѣхъ стремленій, которыя называются «гражданскими». Вотъ этими-то стремленіями былъ неисцѣлимо-одержимъ и графъ Семенъ Воронцовъ, что̀ вредило цѣлый вѣкъ служебному его поприщу. По неодолимой склонности открыто высказывать свои задушевныя убѣжденія и стойко за нихъ ратовать, до неравной борьбы съ сильными міра сего и неблагопріятными обстоятельствами, какъ скоро шло дѣло о сознанныхъ выгодахъ отечества; по неохотѣ или неумѣнью жертвовать независимостью этихъ убѣжденій и чувствомъ собственнаго достоинства своимъ-же личнымъ видамъ честолюбія,—онъ никогда не могъ, да и не хотѣлъ, добраться до возможной высоты вліянія, почестей и другихъ благъ земныхъ, достававшихся людямъ менѣе самостоятельнымъ и способнымъ, но болѣе ловкимъ, а потому онъ не занималъ никогда первостепеннаго положенія.

При Екатеринѣ II й, какъ приверженецъ ея предшественника, онъ не могъ проторить себѣ широкой дороги на военномъ поприщѣ дѣйствительными своими боевыми отличіями, а прокладывать ее пресмыкательствомъ передъ временщиками не умѣлъ и скоро вынужденъ былъ оставить эту любимую службу, что̀, можетъ быть, лишило въ немъ Россію славнаго полководца. Призванный потомъ на посланническое мѣсто, не совсѣмъ соотвѣтствовавшее природному его влеченію, онъ навсегда поселился внѣ отечества, не успѣвъ изучить его основательно, и хотя не остылъ въ жаркомъ чувствѣ любви къ родинѣ (чувствѣ, которое было вѣчною стихіею его души), но до того акклиматизировался съ бытовыми условіями чужой страны, что жизнь въ Россіи сдѣлалась для него какъ-бы физически-невозможною. Тогда въ политическомъ его направленіи мало-по-малу проявился оттѣнокъ слишкомъ отвлеченнаго, хотя все-таки страстнаго патріотизма; и потому заграничная служба его, ознаменованная впрочемъ весьма важными дипломатическими заслугами, не могла быть столько производительною, какою явилась бы несомнѣнно дѣятельность его на иномъ поприщѣ внутри отечества, при ближайшемъ соприкосновеніи съ потребностями государственными и народными. Издалека, съ заморской чужбины, онъ посылалъ этому отечеству, въ лицѣ современныхъ представителей власти, свои горячія обѣтованія во имя общаго блага, свои записки и предположенія по внутреннимъ дѣламъ; — но все это не вызывало существенныхъ послѣдствій ... Такимъ образомъ, еще разъ утерянъ былъ случай выработаться въ лицѣ графа Воронцова, сообразно его дарованіямъ, государственному человѣку, практически-полез-

ному въ гражданскихъ его стремленiяхъ. Ему не пришлось своевременно выйти изъ той колеи, куда помѣстила его судьба; а по воцаренiи Павла, нечего было и думать о возможности принять предложенное ему Государемъ высшее положенiе: человѣкъ съ самостоятельнымъ характеромъ, съ твердою преданностью той идеѣ, что должно служить дѣлу, а не лицу, не могъ и не хотѣлъ быть собратомъ Кутайсовыхъ, Аракчеевыхъ, Паленовъ: онъ могъ только погибнуть безъ малѣйшей пользы для дѣла.... Притомъ же, лучшая пора для всесторонняго знакомства съ малоизвѣстнымъ отечествомъ, для энергической работы и вызываемой ею борьбы, прошла безвозвратно еще въ Екатерининскiя времена. Царствованiе Александра I застало графа Воронцова уже старикомъ и не подъ стать молодымъ сотрудникамъ Александра, окружившимъ Русскiй престолъ съ первыхъ дней новой эпохи, — Новосильцовымъ, Строгоновымъ, Кочубеямъ. Современникъ Задунайскаго и Безбородки, не утратившiй еще бодрости духа и способности впечатлительнаго отношенiя къ дѣламъ, не могъ, однакоже, сохранить въ себѣ для новаго времени той свѣжести силъ, какая требовалась возникшею тогда въ правительственной сферѣ жизнiю. Александровское царствованiе, въ первоначальномъ его перiодѣ, предоставило безгласному и безправному Русскому обществу нѣкоторую свободу мыслить вслухъ, и графъ Семенъ Воронцовъ, привыкшiй въ Англiи къ полнѣйшему господству этой свободы, воспользовался, быть можетъ болѣе чѣмъ кто-либо изъ Русскихъ людей, правомъ высказываться передъ верховною властью по затронутымъ ею вопросамъ о внутреннихъ преобразованiяхъ и по дипломатическимъ сношенiямъ съ иностранными державами; но старикъ видимо отживалъ свое дѣятельное время. Его отзывы принимались сперва съ благосклоннымъ вниманiемъ, а вскорѣ потомъ встрѣчали только снисходительное равнодушiе ... Между тѣмъ, на чредѣ правительственныхъ работъ одни преобразовательные планы слѣдовали быстро за другими, однѣ мѣры и полумѣры смѣняли другъ друга, до тѣхъ поръ, пока всѣ эти начинанiя не были оттѣснены назадъ бурнымъ натискомъ внѣшнихъ событiй. Тутъ опять старые дѣльцы должны были посторониться передъ своими молодыми преемниками, уступивъ имъ первенство дѣйствiя: тогда графъ Воронцовъ и немногiе сверстники его поняли свое положенiе и удалились на покой.

Вотъ краткiй очеркъ поприща, которое прошелъ графъ Воронцовъ. Отсюда можно видѣть, правы ли мы, говоря, что онъ не вполнѣ выразился въ своей дѣятельности Чѣмъ былъ онъ на своемъ вѣку? Воинъ, принужденный безвременно покинуть дѣло, къ которому, быть можетъ, имѣлъ истинное свое призванiе; потомъ импровизированный дипломатъ безъ подготовки и безъ особенной склонности къ той области, гдѣ языкъ слыветъ орудiемъ скрытiя мыслей, – дипломатъ, возмѣстившiй все, чего ему не доставало, вдохновенiемъ доброй воли и высокаго патрiотизма, съ помощiю которыхъ успѣвалъ онъ достигать важныхъ плодовъ, какихъ мало кто добывалъ изъ специалистовъ по этой части; далѣе, непризнанный и малосильный по влiянiю ревнитель отечества, подававшiй издалека свой мужественный голосъ въ государственныхъ дѣлахъ, о которыхъ совсѣмъ его не спрашивали; Русскiй патрiотъ, изжившiй свой вѣкъ внѣ отечества и заподозрѣнный на родинѣ въ англоманiи. Такова была житейская роль графа С. Р. Воронцова, — роль человѣка не въ своей настоящей средѣ.

Но при какомъ же иномъ назначеніи могли шире развернуться духовныя силы, которыми былъ одаренъ онъ для трудовъ общественнаго служенія? На подобный вопросъ мудрено отвѣчать прямымъ указаніемъ. Очевидно только одно: дѣйствительное призваніе этого человѣка заключалось въ высшей и болѣе многосторонней государственной дѣятельности, а для нея главнѣйшіе у него способы заключались въ энергической преданности общему благу, чуждой всякимъ постороннимъ побужденіямъ, и въ глубокомъ пониманіи гражданскаго долга. Этими отличительными свойствами характера графъ Семенъ Воронцовъ рѣзко выступаетъ изъ сонма многихъ сановниковъ, которые весьма благополучно для самихъ себя, если не для отечества, вѣдали его судьбами, служа, въ сущности, собственнымъ страстишкамъ и личнымъ видамъ честолюбія или своекорыстія. Конечно, заслуги, оказанныя графомъ Воронцовымъ и дающія ему право на историческое имя, нисколько не умаляются выводомъ, который здѣсь сдѣланъ, и мы хотимъ только сказать, что, при тѣхъ же самыхъ качествахъ и дарованіяхъ, какими онъ обладалъ, но при другихъ условіяхъ и на другомъ мѣстѣ, заслуги эти могли бы быть еще выше и знаменательнѣе....

Въ частномъ быту графъ Семенъ Романовичъ былъ счастливцемъ. Мы коснемся теперь этой стороны его жизни, какъ особенно выдающей на-показъ всю внутреннюю суть человѣка; ибо ни въ чемъ такъ не высказывается человѣкъ, какъ въ домашнемъ обиходѣ. Правда, онъ слишкомъ рано понесъ тяжелый крестъ вдовства, который пришлось не снимать ему никогда; но это семейное горе находило утѣшеніе въ заботахъ отца о дѣтяхъ, выращенныхъ имъ на радость себѣ и въ честь своему роду. Сынъ его еще смолоду пріобрѣлъ вполнѣ заслуженную извѣстность одного изъ способнѣйшихъ, образованнѣйшихъ нашихъ генераловъ и лучшихъ правителей, а впослѣдствіи достигъ высшей степени въ служебномъ положеніи; дочь счастливо вышла замужъ, по выбору сердца, за человѣка знатной и почтенной фамиліи въ Англіи и, подъ конецъ жизни своего отца, услаждала послѣдніе его дни всевозможными попеченіями. Словомъ, какъ семьянинъ и отецъ, графъ Семенъ Романовичъ имѣлъ полное право благословлять судьбу. За то скольихъ заботъ, полныхъ разумной любви и неусыпнаго труда, стоило ему выполнить съ такимъ успѣхомъ задачу воспитанія! Отцовскій глазъ все же не то, что материнскій. Такъ однажды, кормилица маленькаго Михаила Воронцова сломала ему ногу, упавши на ребенка, вѣроятно ночью, съ-просонья [1]; но къ счастію это происшествіе не оставило потомъ дурныхъ слѣдовъ. Гораздо болѣе хлопотъ и огорченій надѣлалъ чадолюбивому отцу чрезвычайно хилый организмъ дочери. Воспитательныя заботы о подросшихъ дѣтяхъ сопровождались большимъ успѣхомъ. Когда дѣти стали учиться, графъ Семенъ Романовичъ поставилъ себѣ цѣлью дать имъ не только тщательное образованіе на Европейскій ладъ, но и выдержать ихъ въ Русскомъ духѣ, на сколько было возможно въ чужихъ краяхъ, и дѣло пошло чрезвычайно удачно. Нерѣдко, въ письмахъ къ старшему брату, посланникъ нашъ сообщалъ ему о ходѣ дѣтскихъ занятій, при чемъ въ каждомъ словѣ обнаруживалось естественное самодовольство отца, гордившагося

---

[1]) См. въ «Русск. Старинѣ» 1878 г., №№ 11 и 12, письма и дневникъ В. Н. Зиновьева, стр. 228 и 596.

преуспѣяніемъ дѣтей. Двѣнадцатилѣтній графъ Михаилъ уже помогалъ ему иногда вести переписку. «Глазное воспаленіе (увѣдомлялъ посланникъ брата, въ Апрѣлѣ 1795 г.) удерживаетъ меня безвыходно въ темной комнатѣ, не дозволяя мнѣ ни читать, ни писать самому, а потому я и пользуюсь моимъ маленькимъ секретаремъ, чтобы дать о себѣ вѣсточку.... Невозможность развлекаться чтеніемъ возмѣщается сообществомъ двухъ-трехъ пріятелей; когда же они уходятъ отъ насъ, то сынъ мой, при свѣчѣ подъ абажуромъ, читаетъ мнѣ вслухъ комедіи Мольера, которыя всегда слушаешь съ новымъ наслажденіемъ. Болѣе всего тѣшитъ меня то, что при этомъ самъ чтецъ хохочетъ до слезъ». Еще съ большимъ удовольствіемъ попечительный отецъ распространялся въ подробностяхъ о класныхъ занятіяхъ своего отрока и въ особенности о склонности его къ математикѣ; но на первомъ планѣ стояла забота выучить его основательно родному языку. «Страна, гдѣ я нахожусь (писалъ онъ въ 1792 г. къ брату) представляетъ благопріятныя условія для воспитанія моихъ дѣтей, чѣмъ они и пользуются; я же считаю священною и отрадною для себя обязанностью доставить сыну всевозможные способы служить впослѣдствіи съ пользою своему отечеству. Не бойся, что Миша не будетъ знать Русскаго языка или усвоитъ въ немъ иностранное произношеніе: онъ иначе не говоритъ какъ по русски со мною, Назаревскимъ (переводчикомъ посольства) и Смирновымъ (священникомъ); много читаетъ на Русскомъ языкѣ и каждодневно переводитъ съ Англійскаго на отечественный, чтобы выработать свой письменный Русскій слогъ. Могу тебя увѣрить, что онъ уже теперь владѣетъ нашимъ языкомъ лучше пятерыхъ или шестерыхъ князей Голицыныхъ [2]), которые здѣсь путешествовали и которые умѣютъ сочинять Французскіе стихи, а не смыслятъ ни читать, ни писать порусски. Назаревскій, отлично знающій родной языкъ, поправляетъ переводы моего Миши и читаетъ вмѣстѣ съ нимъ сочиненія Ломоносова [3]), а вскорѣ будетъ читать съ нимъ же наши церковныя книги, въ которыхъ заключается коренное основаніе нашего языка. Съ гувернеромъ Жоли сынъ мой прочелъ Иліаду, Энеиду, а также нѣкоторыя лучшія оригинальныя Французскія сочиненія. Изо всего, читаннаго имъ по-французски, преимущественно нравится ему Иліада. Нѣмецкаго учителя пока у него нѣтъ; но временно займется съ нимъ по-нѣмецки тотъ же гувернеръ, Жоли. Черезъ годъ я заставлю сына учиться Латинскому языку, а потомъ и Греческому. Ученье дается ему легко, и онъ очень любитъ читать; между тѣмъ, все это ничуть не вредитъ его здоровью, потому что онъ безпрестанно бываетъ на открытомъ воздухѣ и каждый день ѣздитъ верхомъ, что много укрѣпляетъ его тѣлосложеніе». Далѣе, въ 1793 г. отецъ опять пишетъ объ одинадцатилѣтнемъ сынѣ: «Миша конечно вынужденъ здѣсь чаще говорить по-англійски и по-французски, чѣмъ по-русски (такъ какъ на своемъ языкѣ онъ практикуется только со мною, да и то не при по-

[2]) Сыновья князя Владиміра Борисовича и княгини Натальи Петровны, рожденной графини Чернышевой. Объ ихъ дѣтяхъ см. также въ IX т. «Воронц. Архива», стр. 161.

[3]) Сочиненія Ломоносова и Тацита (въ подлинникѣ) постоянно сопровождали князя Михаила Семеновича во всѣхъ его походахъ и переѣздахъ; а дѣянія Петра Великаго (сборникъ Голикова) находился во всѣхъ его библіотекахъ, т. е. въ Одессѣ, Петербургѣ и т. д. П. Б.

сторонних, при которыхъ было бы невѣжливо объясняться намъ на непонятномъ для нихъ языкѣ), а потому не можетъ бѣгло говорить по-русски, хотя выговоръ у него совершенно чистъ; но все-таки я весьма доволенъ его успѣхами по этому предмету».... «Вчера, наканунѣ дня моего рожденія (писалъ онъ въ 1795 г.), графъ Старембергъ (Австрійскій посланникъ) и графиня, его жена, сдѣлали мнѣ пріятнѣйшій сюрпризъ, устроивъ тайко̀мъ отъ меня маленькій деревенскій спектакль, въ которомъ участвовали трое ихъ дѣтей вмѣстѣ съ моими.... Пьеса была очень недурно разыграна; за нею слѣдовала драматическая пословица, гдѣ играли хозяева дома, а старшая ихъ дочка и моя тоже пѣли куплеты. Сегодня же дѣти мои поднесли мнѣ подарки: Катенька свой Русскій съ Французскаго переводъ трагедіи библейскаго сюжета: «Смерть Адама», а Миша нѣсколько своихъ переводовъ (съ Французскаго же) разныхъ Цицероновскихъ трактатовъ нравственно-философскаго содержанія».

Дѣти нашего посланника, конечно, имѣли друзей въ высшемъ Лондонскомъ обществѣ и бывали при дворѣ. Еще будучи малютками (въ 1787 г.), они, по желанію королевы, были ей представлены и обласканы ею и королемъ. «Ихъ величества», писалъ по этому случаю польщенный такимъ вниманіемъ отецъ, «остались довольны дѣтьми моими и вчера отзывались мнѣ о нихъ съ большою похвалою. Они находятъ, что Катенька миловиднѣе и забавнѣе, но что у Мишеньки болѣе кроткое и интересное выраженіе лица: это совершенно вѣрно, потому что дѣйствительно ребенокъ этотъ имѣетъ въ себѣ нѣчто, выказывающее доброту и разумность, что̀ и дѣлаетъ его очень интереснымъ».

Счастливый въ дѣтяхъ, графъ Семенъ Романовичъ былъ счастливъ и во всѣхъ своихъ привязанностяхъ. Изъ его друзей, лучшимъ и нѣжнѣйшимъ былъ братъ его, графъ Александръ Романовичъ, другъ неизмѣнный до могилы, вѣрный товарищъ по убѣжденіямъ и симпатіямъ, любящій братъ, какихъ почти уже не встрѣчается въ нашъ вѣкъ. Личная связь братьевъ поддерживалась въ ихъ долгой разлукѣ постоянною перепискою и выражалась въ глубокомъ, истинно-трогательномъ участіи другъ къ другу и безграничномъ взаимномъ довѣріи. Не было, кажется, мысли и впечатлѣнія, которыми бы не дѣлились они между собою, за всѣмъ тѣмъ, что значительно различались характерами. Младшій братъ всегда совѣщался съ старшимъ, какъ въ политическихъ вопросахъ, такъ и въ семейныхъ дѣлахъ; старшій завѣдывалъ его имѣніемъ въ Россіи, былъ главнымъ его повѣреннымъ, совѣтникомъ, комиссіонеромъ, ходатаемъ, относясь къ младшему какъ бы на отеческихъ правахъ; нерѣдко, патріархальнымъ образомъ журилъ брата за излишнюю пылкость, за неумѣстную въ Русскомъ человѣкѣ смѣлость слова и настойчивость по службѣ, или за безрасчетливость въ денежныхъ дѣлахъ,—и тотъ, большею частію, смиренно принималъ эти нагоняи, возражая иногда въ смыслѣ оправданія, но безъ малѣйшей досады. Непрерывная переписка между братьями шла всегда въ серьезномъ тонѣ и почти исключительно на Французскомъ языкѣ; однако, изрѣдка, ни съ того, ни съ сего, графу Александру Романовичу приходила въ голову затѣя переписываться по-русски, въ чемъ онъ былъ весьма несиленъ, и тогда корреспонденція принимала мгновенно комическій колоритъ. Въ такихъ случаяхъ, всякій разъ братецъ «Сенюша» слезно умолялъ «Алексашу», чтобы тотъ сдѣлалъ милость, пощадилъ бы его отъ многотрудной

работы разбирать загадочныя каракули своего Русскаго почерка, да притомъ, объясняясь по-русски, не употреблялъ бы мѣстоименія «вы», которое между родными братьями совершенно не къ лицу, когда они сносятся другъ съ другомъ не на Французскомъ языкѣ.

Насколько были близки отношенія графа Семена съ братомъ, на столько холодны и натянуты съ сестрою ихъ, княгинею Дашковой, и ея дѣтьми. Къ первой онъ не благоволилъ за притязательный характеръ (а быть можетъ, отчасти, и вслѣдствіе впечатлѣній 1762 г.); послѣдніе же ему не нравились неудачною выдержкою, полученною отъ матери, которая слишкомъ перемудрила свои педагогическіе пріемы... Графиня Марія Романовна Бутурлина была много старше братьевъ, рано вышла за мужъ, и они съ нею не сближались; Елисавету же Романовну Полянскую оба брата нѣжно любили.

Довольно много искреннихъ друзей успѣлъ нажить себѣ графъ Семенъ Романовичъ на родинѣ, а еще болѣе въ чужихъ краяхъ, и едва ли на комъ нибудь иномъ оправдывалась такъ мѣтко ходячая истина, что достоинство человѣка всего вѣрнѣе узнается по его друзьямъ. Выборъ друзей у него всегда падалъ очень счастливо на людей, вполнѣ стоившихъ его пріязни, а если не со всѣми лучшими Русскими людьми сблизили его обстоятельства жизни, то не было изъ среды такихъ людей никого, кто бы, при отдаленныхъ съ нимъ отношеніяхъ, не пользовался его уваженіемъ или сочувствіемъ. Въ Россіи это были: Безбородко, Завадовскій, Гудовичъ, лейбъ-медикъ Рожерсонъ, адмиралъ Грейгъ, В. Н. Зиновьевъ, баронъ Николаи, Ростопчинъ, Румянцовы, Кочубей, Новосильцовъ. Изъ знакомыхъ второй категоріи (т. е. менѣе близкихъ графу С. Р. Воронцову) назовемъ Трощинскаго, графа Моркова, Колычева, адмираловъ Макарова, знаменитаго Н. С. Мордвинова, Цовалишина и Карцова. Что касается многочисленныхъ заграничныхъ пріятелей графа Воронцова, то мы упомянемъ только о тѣхъ, которые состояли въ особенно тѣсныхъ съ нимъ отношеніяхъ, какъ напр. Стюартъ Маккензи (хранитель печати Шотландскаго королевства), Спенсеръ (лордъ адмиралтейства), лорды Гренвиль, Гамильтонъ, Вортлей, мистеръ Лансъ, Венеціанецъ графъ Моцениго, Неаполитанскій дипломатъ князь Кастельчикала (одинъ изъ наиболѣе расположенныхъ къ Воронцову), Австрійцы графъ Старембергъ и графъ Стадіонъ, Португальскій дипломатъ кавалеръ Пинто, Французы: герцогъ д'Экаръ и графъ Бартелеми. Остальныхъ иноземныхъ почитателей и добрыхъ знакомыхъ Воронцова считать пришлось бы долго: такимъ всеобщимъ уваженіемъ, пользовался онъ среди чуждаго общества, гдѣ поселила его судьба. Умѣть быть любимымъ многими и въ тоже время держать себя совершенно самостоятельно, не прибѣгая ни къ какимъ хитрымъ уловкамъ, не унижаясь до шарлатанства и двуличнаго поддакиванья разнымъ мнѣніямъ,—эта рѣдкая и завидная способность составляла своеобразную черту въ характерѣ графа Семена. Прямодушіе его переступало часто за предѣлы благоразумной осторожности, когда задѣвались любимыя его убѣжденія: онъ безъ всякихъ околичностей, безъ запинокъ высказывался открыто, не уклоняясь отъ спора; но, при этомъ, какъ-то успѣвалъ не раздражать противника, не наживать себѣ его негодованія и не вредить личнымъ своимъ отношеніямъ. Сколько можно судить по сохранившимся о немъ отзывамъ, весь секретъ этого

умѣнья обходиться съ людьми, таился въ природномъ благодушіи, въ общительной его природѣ. Врожденная пылкость, склонная къ увлеченіямъ, счастливо уравновѣшивалась въ немъ необычайною деликатностью и отсутствіемъ всякой назойливости, всякаго поползновенія на самохвальство или высокомѣріе. Его обращеніе всегда отличалось спокойнымъ достоинствомъ и доброжелательностью, готовою на содѣйствіе совѣтомъ и дѣломъ.

Личныхъ враговъ,—то есть, враговъ изъ-за причинъ, постороннихъ общественнымъ интересамъ,—онъ не имѣлъ. По крайней мѣрѣ, въ обширной перепискѣ тогдашняго времени, мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда подобныхъ отношеній. У него были противники по убѣжденіямъ, и даже такіе, съ которыми онъ велъ ожесточенную борьбу, но личныхъ недруговъ не было, если не считать Потемкина и Зубова (которые, впрочемъ, не выказывали особенной энергіи въ своей къ нему непріязни), да сестру Зубова, О. А. Жеребцову. Но и эти исключенія нельзя причесть къ послѣдствіямъ чисто-личныхъ столкновеній, такъ какъ онѣ были вызваны обстоятельствами, касавшимися все-таки или политическихъ дѣлъ, или придворныхъ каверзъ.

Въ такомъ же привлекательномъ свѣтѣ являются передъ нами отношенія графа Семена Романовича къ людямъ, которые непосредственно отъ него зависѣли. Какъ начальникъ своихъ подчиненныхъ, онъ и въ военной службѣ, и въ дипломатической, отличался внушительною способностью поселять въ нихъ соревнованіе къ дѣлу, вмѣстѣ съ личною къ себѣ приверженностью, вникать въ ихъ нужды, ободрять труды, усердно предстательствовать за нихъ. Это былъ образцовый руководитель и неусыпный ходатай за своихъ сослуживцевъ, готовый промѣнять для ихъ повышеній и отличій тѣ награды, какія предлагались ему самому. Никого изъ младшихъ себя по службѣ или общественному положенію не забывалъ онъ своимъ вниманіемъ и участіемъ, какъ бы выискивая случаи обласкать, обязать всякаго, кому могъ выразить ободряющій привѣтъ, оказать какую нибудь вещественную или нравственную поддержку. «Бывало», (разсказывала А. О. Смирнова со словъ тѣхъ людей, среди которыхъ сохранились Лондонскія воспоминанія о Воронцовѣ) «бывало, фельдъегеря, привозившіе въ то время депеши изъ Россіи, подолгу живали въ Лондонѣ, ожидая отвѣта: имъ всегда былъ пріютъ въ посольскомъ домѣ графа, и они не слишкомъ скучали. Впослѣдствіи, когда посломъ былъ князь Ливенъ, все это измѣнилось. Вотъ, однажды, Семенъ Романовичъ въ Русской церкви замѣтилъ человѣка опрятно одѣтаго, усердно молящагося, и спросилъ, кто это. Ему сказали, что это фельдъегерь, уже двѣ недѣли здѣсь живущій и ужасно скучающій отъ того, что не знаетъ, когда его отошлютъ въ обратный путь. Посолъ его подозвалъ, нашелъ, что онъ довольно образованъ и велѣлъ явиться къ себѣ. Разговорившись съ нимъ, удивился онъ его отвѣтамъ о предметахъ вѣры и звалъ къ себѣ обѣдать. Курьеръ еще съ мѣсяцъ оставался въ Лондонѣ и имѣлъ счастье быть почти постоянно въ домѣ графа, а тотъ въ свою очередь повторялъ: «какъ пріятно видѣть такихъ истинно-образованныхъ земляковъ!»».

Графъ Воронцовъ умѣлъ также быть добрымъ господиномъ. Конечно, нельзя сказать, чтобы образъ его мыслей о крѣпостномъ правѣ значительно опередилъ понятія тогдашняго Русскаго общества; но все же онъ не принадлежалъ къ числу крайнихъ сторонниковъ душевладѣнія. Онъ гнушался злоупотребленіями крѣ-

постнаго права, не могъ равнодушно говорить о возмутительной торговлѣ людьми и выказывалъ заботливость о благосостояніи своихъ крестьянъ, на сколько это было возможно въ положеніи вѣчно-отсутствующаго помѣщика. «Съ удовольствіемъ узнаю», писалъ онъ къ брату (въ Мартѣ 1787 г.), «что, будучи въ Воронцовкѣ и Алабухѣ, ты нашелъ имѣнія эти въ цвѣтущемъ видѣ, а крестьянъ тамошнихъ зажиточными и довольными... Пріятно мнѣ тоже, что тобою сдѣланы распоряженія къ умноженію доходовъ безъ всякаго отягощенія моихъ вассаловъ». Еще съ бо̀льшею заботливостью онъ относился къ своей домашней крѣпостной прислугѣ, которой старался доказывать признательность за усердную ея службу: чтобы удостовѣриться въ этомъ, достаточно прочитать его письма, въ которыхъ онъ поручаетъ особеннымъ попеченіямъ графа Александра Романовича возвращающихся на родину изъ Англіи бывшую кормилицу своихъ дѣтей, Пелагею (съумѣвшую заслужить почтеніе знатныхъ Англичанокъ) и стараго служителя своего, пробывшаго при немъ лѣтъ сорокъ, Ивана Краснополянскаго... [4])

Въ понятіяхъ о сословныхъ различіяхъ у графа Семена Романовича замѣчается рѣшительная преданность аристократическому началу, пріобрѣтенная еще на родинѣ въ домѣ государственнаго канцлера и окончательно развитая потомъ вліяніемъ той среды высшаго Англійскаго общества, въ которой онъ вращался цѣлый вѣкъ. Консервативныя воззрѣнія въ этомъ духѣ обнаруживаются чуть-ли не въ каждомъ его письмѣ; но ихъ исключительность носитъ оболочку болѣе благовидную, чѣмъ слѣпое увлеченіе кастовыми предразсудками. Она смягчается у него идеею родовой чести, тою идеею, что̀ связываетъ понятіе о преимущественныхъ правахъ съ понятіемъ о сопряженныхъ съ ними обязанностяхъ По мнѣнію графа Воронцова, истинно-доблестные сыны отечества могли являться предпочтительно изъ тѣхъ семей знатнаго происхожденія, которыя привыкли дорожить славными преданіями своего историческаго имени и, потому, ревниво оберегаютъ чистоту этого имени отъ всякой профанаціи недостойными дѣяніями. Отсюда видно, до какой степени графъ Воронцовъ идеализировалъ свою теорію аристократическаго преобладанія и какъ мало былъ онъ знако̀мъ съ фамильными хрониками Русской знати. Но, съ извѣстной точки зрѣнія, взгляды его на этотъ предметъ были неизмѣримо выше и чище, чѣмъ у большинства его современниковъ и вотъ отчего онъ такъ настойчиво твердилъ, что доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ долженъ быть преимущественно открытъ людямъ вельможной породы, и что, вообще, Русское дворянство необходимо усилить въ его сословныхъ привилегіяхъ. «Point de noblesse, point de monarchie» (безъ дворянства нѣтъ монархіи), говаривалъ онъ.

И, за всѣмъ тѣмъ, въ жизни практической, судя по ея слѣдамъ въ сохранившейся перепиксѣ, у него не видно никакихъ рѣзкихъ выходокъ родоваго чванства. Мы имѣетъ въ виду одно только письмо графа С. Р. Воронцова къ князю Николаю Борисовичу Юсупову [5]), гдѣ мелькаетъ нѣчто подобное. Дѣло въ томъ, что князь Юсуповъ, завѣдуя въ Петербургѣ театральною дирекціей, обратился съ прось-

[4]) «Воронц. Арх.», т. IX, отъ 2 Авг. 1792 г., и т. X, отъ 24 Іюня 1800 г.
[5]) См. Французскій подлинникъ въ «Воронц. Арх.», т. XI, стр. 321—322.

бою къ графу Воронцову о содѣйствіи въ понужденіи двухъ Итальянскихъ пѣвцовъ (не устоявшихъ въ своемъ контрактѣ съ содержателемъ Петербургской оперной трупы и удалившихся въ Лондонъ) къ исполненію нарушеннаго ими договора. Тогда, видимо-недовольный посолъ такъ отвѣчалъ князю Юсупову:

«Я получилъ письмо вашего сіятельства съ приложеніемъ при ономъ другаго, писаннаго отъ нѣкоего Астарити (который, какъ вы сдѣлали мнѣ честь пояснить, состоитъ содержателемъ Петербургскаго театра), на имя какаго-то Морелли, пѣвца при Лондонскомъ театрѣ. Вы желаете, чтобы я позвалъ къ себѣ сего послѣдняго, также, какъ и другаго пѣвца, по имени Виганони, дабы уговорить обоихъ выполнить, чрезъ возвращеніе ихъ въ Петербургъ, тѣ обязательства, въ какія они вошли съ этимъ Астарити. Я поспѣшилъ бы со всею моею готовностью сдѣлать вамъ угодное, князь, если-бы могъ удовлетворить вашему желанію; но весьма сожалѣю, что не въ состояніи служить вамъ, какъ-бы хотѣлъ, въ настоящемъ случаѣ. Я очень люблю музыку и посѣщаю оперу, когда живу въ городѣ; но я никогда не терпѣлъ сообщества актеровъ, пѣвцовъ и танцовщиковъ, не любя видѣть ихъ и слышать иначе, какъ только со сцены. Вотъ почему, будучи еще въ Венеціи, когда мои хорошіе знакомые (покойный г. Елагинъ, а послѣ него г. Стрекаловъ) завѣдывали въ придворномъ управленіи нашими спектаклями и просили иногда меня входить въ дѣла, подобныя тому, о которомъ вамъ угодно теперь относиться ко мнѣ,—я, бывало, отвѣчаю имъ, что, поставивъ себѣ за правило не вмѣшиваться ни въ какія театральныя дѣла, отъ которыхъ я имѣю непреодолимое отвращеніе, прошу уволить меня отъ нихъ, и тѣ не принимали въ дурную сторону такихъ моихъ отказовъ, по дружбѣ ко мнѣ. Я, пожалуй, пошлю по адресу письмо, присланное на имя Морелли и велю ему передать, что онъ можетъ прямо отъ себя отвѣчать Астарити по почтѣ, которая отходитъ въ Россію дважды въ недѣлю; но не могу приглашать къ себѣ ни этого пѣвца, ни другаго, называемаго Виганони, на томъ основаніи, что если они желаютъ ѣхать въ Россію, то поѣдутъ сами-собою, а если не хотятъ этого, то ни я и никто въ мірѣ не въ правѣ заставить ихъ насильно удалиться изъ здѣшней страны. Англійскіе законы таковы, что никого нельзя принуждать къ отбытію отсюда противъ собственной его воли. Если въ письменномъ договорѣ съ двумя пѣвцами-буффонами есть условіе о денежной пенѣ за неустойку въ исполненіи договора, въ такомъ случаѣ пусть Астарити пришлетъ контрактъ сюда, съ довѣренностью на имя какаго-нибудь здѣшняго негоціанта, для преслѣдованія нарушителей по закону и для взысканія слѣдующей съ нихъ пени; самъ-же я и никто другой изъ чиновъ посольства не можетъ взяться за дѣло о такомъ преслѣдованіи, въ силу извѣстныхъ условій международнаго права. Такимъ образомъ, я не могу вмѣшиваться въ счеты, завязавшіеся между Астарити и двумя буффонами. Эти господа только насмѣялись-бы надо мною, еслибъ я скомпрометировалъ себя, пригласивъ ихъ придти ко мнѣ, чтобы увѣщевать ихъ выполнить обязательство, данное содержателю Петербургскаго театра, такъ какъ они хорошо знаютъ, что принудить ихъ къ этому я не могу. Надѣюсь, князь, что вы убѣдитесь въ моей невозможности вступаться въ это театральное дѣло и примете разъясненія, мною сообщаемыя, съ тѣмъ-же снисхожденіемъ, съ какимъ принимали ихъ въ подобныхъ случаяхъ гг. Елагинъ и Стрекаловъ».

Мы сдѣлали-бы пропускъ въ характеристикѣ графа Воронцова, если-бы умолчали о выдающейся въ немъ чертѣ: живой его любознательности и постоянномъ стремленіи къ самообразованію, съ-молоду до преклонныхъ лѣтъ. Любовь къ чтенію и участіе ко всѣмъ современнымъ движеніямъ умственной дѣятельности пополняли въ немъ недостатокъ школьнаго образованія, котораго значеніе понималъ онъ болѣе, чѣмъ кто либо иной, но которое давалось очень немногимъ нашимъ дѣдамъ и отцамъ во время оно, когда главнѣйшія педагогическія требованія не заходили дальше изученія на практикѣ Французскаго разговорнаго языка, да знакомства съ модными произведеніями Французской-же словесности и съ миѳологіей, какъ неизбѣжнымъ аттрибутомъ стихотворныхъ комплементовъ... Но братья Воронцовы по крайней мѣрѣ вынесли изъ дома дяди своего, канцлера, и изъ путешествій по Европѣ, кромѣ знанія нѣсколькихъ языковъ, уваженіе къ наукѣ въ обширномъ смыслѣ слова, сочувствіе къ успѣхамъ мысли, желаніе усвоить изъ нихъ то̀, что было доступно,—и не измѣнили этому направленію до конца. Графъ Семенъ Романовичъ слѣдилъ за всѣми видными явленіями въ области науки и словесности, размѣниваясь съ братомъ книжными новостями и впечатлѣніями по поводу прочитаннаго. Изъ его писемъ можно-бы подобрать цѣлый рядъ извлеченій, посвященныхъ этому предмету. Все, что̀ выходило въ свѣтъ наиболѣе замѣчательнаго въ Европейской литературѣ, на языкахъ Французскомъ, Англійскомъ, Итальянскомъ, непремѣнно обращало на себя его пытливое вниманіе и посылалось въ гостинецъ брату, не исключая безчисленнаго множества разнородныхъ памфлетовъ и брошюръ политическаго содержанія, которыми наводнена была тогда заграничная печать, вслѣдствіе событій Французской революціи. За эти иноземные гостинцы графъ Александръ Романовичъ отплачивалъ по силѣ возможности нашими отечественными,—посылая въ Лондонъ сочиненія Ломоносова, Хераскова, изданія академическія, сборникъ Голикова о Петрѣ Великомъ и т. п.

Графу Семену Романовичу приходилось быть иногда комиссіонеромъ самой императрицы Екатерины по этой части. Изъ переписки его съ графомъ Безбородко и вице-канцлеромъ Остерманомъ, видно, что, чрезъ его посредство, получались изъ Англіи коллекціи камеевъ, книжныя библіографическія рѣдкости, оптическіе и физическіе инструменты, замѣчательные эстампы и пріискивались ученые спеціалисты, напр. по части математики. Любопытно, что когда нашъ посланникъ хлопоталъ въ Англіи о приглашеніи «искусныхъ алгебристовъ и калкуляторовъ», изъ Оксфорда отозвались, что тамъ «дивятся», какимъ образомъ въ Россіи, «имѣвъ у себя Фусса, Суворова и Никитина, еще ищутъ четвертаго алгебриста, и при семъ случаѣ, выхваляя весьма перваго, какъ уже извѣстнаго во всемъ ученомъ свѣтѣ, весьма похваляютъ тоже господъ Никитина и Суворова, кои въ Оксфордѣ межъ искусными математиками и алгебристами почитались», въ особенности послѣдній [6]). Чрезъ графа же Воронцова Англійскіе ученые и художники подносили Государынѣ въ даръ свои произведенія. Впослѣдствіи, при Александрѣ I-мъ (въ 1803 году), на него возлагалось исполненное съ успѣхомъ порученіе къ Англійскому правительству о допущеніи снять копіи съ нѣкоторыхъ архивныхъ

[6]) По смыслу письма, должно заключить, что «алгебристы» требовались не для цѣлей чисто-научныхъ, а «для составленія шифровъ и разобранія оныхъ».

дипломатическихъ документовъ, а именно: съ депешъ Англійскихъ посланниковъ изъ Россіи начиная съ 1740 по 1747 годъ.

Свѣдѣнія, касающіяся новѣйшей Русской исторіи, чрезвычайно занимали любознательнаго посланника. Онъ тщательно собиралъ въ Англіи все, что могъ добыть по этому предмету изъ старыхъ и новыхъ иностранныхъ источниковъ. Тѣмъ болѣе интересовало его все, что выходило въ Русской печати по исторіи Петра Великаго. Получивъ отъ брата экземпляръ Голиковскихъ «Дѣяній», онъ отозвался по поводу этой книги довольно-длиннымъ письмомъ, которое мы приводимъ здѣсь, какъ выраженіе его взглядовъ на великаго государя и отчасти на послѣдующее положеніе дѣлъ въ Россіи. Вотъ переводъ этого Французскаго письма писаннаго 14 Декабря 1789 года:

«Не смотря на смѣшной слогъ составителя «Дѣяній Петра Великаго», я, такъ сказать, проглотилъ эти девять томовъ и, право, былъ бы очень радъ, еслибъ ихъ было 900: до того интересенъ предметъ книги. Мы должны быть несказанно благодарны г. Голикову за то, что онъ доставилъ намъ возможность лучше узнать исторію великаго Монарха. Конечно, отъ невѣдѣнія, Петръ дѣлалъ иногда ошибки въ узаконеніяхъ по дѣламъ внутреннимъ, не проявилъ достаточной предусмотрительности въ Молдавскомъ походѣ 1711 г., часто бывалъ крайне-суровъ, въ особенности по отношенію къ своему сыну, слишкомъ податливъ передъ женою, которую короновалъ совсѣмъ не кстати; извратилъ порядокъ престолонаслѣдія, установивъ, что отцу принадлежитъ право избрать себѣ преемникомъ кого онъ хочетъ (что должно было сопровождаться опасными послѣдствіями). Но за то съ какимъ избыткомъ окупаются эти погрѣшности высокимъ его умомъ, образцовою бережливостью и всеобъемлющею, непостижимою дѣятельностью! Что за мудрая осторожность въ политикѣ, что за дальновидность въ смѣлыхъ предначертаніяхъ; какая ревность къ пользѣ и славѣ своей страны, какое умѣнье въ выборѣ людей и величіе души,—какъ относительно тѣхъ, кто доблестно служилъ, такъ и тѣхъ, кто правдиво ему возражалъ, доказывая его ошибки! По моему, нѣтъ ничего выше знаменитаго письма его къ своимъ министрамъ изъ подъ Турецкаго лагеря, по поводу Кантемира,—письма къ сенаторамъ, въ которомъ онъ, предвидя все, что могло-бы постигнуть его въ бѣдственномъ случаѣ, повелѣваетъ имъ, въ сильныхъ словахъ, не исполнять никакихъ его указовъ, даже собственноручныхъ, какъ скоро они узнали-бы, что онъ попалъ въ плѣнъ. А поступокъ его съ княземъ Яковомъ Ѳедоровичемъ Долгорукимъ, который не только отказывается принять къ исполненію неблагоразумный указъ, но и раздираетъ бумагу за подписомъ своего Государя? Какъ великъ онъ, когда требуетъ, чтобы ему высказывали совѣты, когда настаиваетъ, чтобы всѣ чины разныхъ присутственныхъ мѣстъ или учрежденій и всѣ командующіе въ войскахъ подавали свои отзывы и мнѣнія по каждому дѣлу, восходящему на его разсмотрѣніе! Однимъ словомъ, онъ создалъ все, и очевидно, что подъ конецъ его царствованія, было на лицо въ Россіи гораздо болѣе свѣдущихъ и умѣлыхъ людей, чѣмъ въ настоящее время, хотя мы и превосходимъ ихъ со стороны формъ внѣшнихъ. Непостижимо, какимъ образомъ съ столь малыми средствами онъ могъ творить великія дѣла. Болѣе всего изумляютъ меня его дѣйствія въ Швеціи въ 1719—1720 г., когда, не пускаясь на открытую борьбу своего флота съ сильнѣйшимъ, Англійскимъ, онъ, подъ носомъ этого послѣдняго, опустошалъ Швецію по обѣ стороны Стокгольма, имѣя двѣсти галеръ и свыше трехъ сотъ другихъ легкихъ судовъ. Онъ доказалъ Шведамъ, что, и при союзѣ съ ними Англичанъ, съумѣетъ одолѣть ихъ, и принудилъ-таки своего врага просить пощады. А почти вслѣдъ за подписаніемъ мира, спустя годъ, Петръ думаетъ уже, какъ бы войска его не отвыкли отъ службы на гребныхъ судахъ

и повелѣваетъ, чтобы каждый годъ наряжалось изо всѣхъ частей арміи, по очереди, извѣстное число людей для практическихъ упражненій въ службѣ на галерахъ. Между тѣмъ, послѣ Петра, съ 1743-го до прошлаго (1788-го) года, у насъ не помышляли уже ни о командировкахъ въ Мальту молодыхъ морскихъ офицеровъ, ни о вооруженіи галеръ для изученія службы этого рода, такъ что у насъ не было ни одной живой души, знающей ее практически. Это совершенно все равно, какъ если бы содержать лошадей для конницы, не имѣя для нея людей; а въ случаѣ войны, набирать для ѣзды на этихъ лошадяхъ пѣхотныхъ офицеровъ и солдатъ противъ непріятельской кавалеріи. Сравни также войну, которая при Петрѣ длилась 21 годъ и не оставила за собою ни копѣйки долгу, съ тою, что происходитъ у насъ теперь; подумай, что въ Петровское время, у насъ отливали уже морскія артиллерійскія орудія, тогда какъ, съ начала моего пребыванія въ Англіи до сихъ поръ, перешло черезъ мои руки болѣе 40 т. фунт. стерлинг. на заказы пушекъ, которыя дѣлаются для насъ въ Шотландіи. Наконецъ, чѣмъ болѣе я размышляю о Петрѣ I, тѣмъ болѣе нахожу его великимъ. Желательно, чтобы составили у насъ возможно-полный историческій сборникъ съ описаніемъ его дѣяній для употребленія въ школахъ и для народнаго чтенія. Желательно, чтобы государи наши знали наизустъ исторію своего великаго предшественника и убѣдились, что истинное величіе главы народа выражается не въ блестящихъ празднествахъ, не въ расточительныхъ щедротахъ и не въ пышной обстановкѣ; что въ этихъ затѣяхъ суетной роскоши, ложно принимаемой за вывѣску могущества, никто не перещеголялъ покойнаго короля Польскаго, Августа, но что бѣдная Саксонія оплакиваетъ доднесь послѣдствія этихъ излишествъ. Желательно также, чтобы министры наши, при отправленіи дѣлъ, научились возражать на неудовлетворительныя распоряженія [7]). Въ концѣ концовъ, скажу тебѣ, что я просто въ восхищеніи отъ этой книги, такъ нескладно написанной, и что я еще болѣе сдѣлался поклонникомъ Петра, котораго вполнѣ узналъ по милости Голикова. Бога ради, достань для меня все, что можешь отыскать у насъ объ этомъ геніальномъ царѣ; да пришли мнѣ также написанную Миллеромъ біографію фельдмаршала Шереметева. Пожалуста напиши, читаютъ ли у насъ книгу Голикова и какое впечатлѣніе она производитъ. Что касается до нашей изящно-причесанной молодежи, знающей кое-какъ Французскіе стишки и ничего болѣе, утопающей въ роскоши, не имѣющей ни убѣжденій, ни характера, то я совершенно увѣренъ, что она не унижается до чтенія чего-либо, относящагося къ исторіи отечества и, вдобавокъ, на собственномъ языкѣ. Знаю, ты скажешь мнѣ, что я черезчуръ предубѣжденъ противъ всего Французскаго; но увѣряю тебя: я еще не встрѣчалъ никого изъ моихъ молодыхъ соотечественниковъ, пріѣзжающихъ сюда изъ Парижа, кто не оказывался бы только сущимъ франтомъ, никуда негоднымъ для родины» [8])...

Высокое понятіе о Петрѣ I, какъ объ идеалѣ монарха, доходило у графа Воронцова до осужденія тѣхъ перемѣнъ въ составѣ государственнаго устройства, которыя разновременно послѣдовали при преемникахъ Петра. Всякое отклоненіе отъ заповѣданныхъ Петромъ формъ, а тѣмъ болѣе отъ основныхъ началъ какаго-либо его установленія, казалось безусловному чтителю его славной памяти шагомъ не впередъ, а вспять, не къ улучшенію, а къ порчѣ благоустроеннаго дѣла. Такъ думалъ Воронцовъ, между прочимъ, и о тѣхъ многочисленныхъ измѣненіяхъ, какимъ подвергалось послѣ Петра Русское войско, вопросъ о которомъ занималъ стараго воина по-

---

[7]) Читатель вспомнитъ, что письмо это писано до царствованія Павла.

[8]) «Воронц. Арх.», т. IX, № 74, стр. 158—161.

стоянно; и въ этомъ случаѣ, быть можетъ, онъ не во всемъ ошибался.

Долгая дипломатическая служба не заглушала въ его душѣ врожденной любви къ военному дѣлу. Онъ слѣдилъ за всѣми распоряженіями по этой части, хорошо ему знакомой со времени службы при Румянцовѣ, и много думалъ о мѣрахъ къ усовершенію военнаго устройства. Еще при Екатеринѣ, въ началѣ второй Турецкой войны (1787 г.), переписываясь съ графомъ Безбородкою, онъ старался проводить нѣкоторыя мысли въ этомъ направленіи. Онъ обращаетъ вниманіе своего пріятеля

на нашихъ генераловъ и офицеровъ, какими армію нашу наполнили, когда полки не для службы, а въ наживу, какъ аренды любимцамъ всемогущаго отдаются; когда въ 12 лѣтъ мира о единственномъ и согласномъ обученіи полковъ не помышляли, а только объ одеждахъ и прикрасахъ; когда безразсудно, безъ всякой пропорціи, умножили число кавалеріи, что̀ доказываетъ совершенное невѣжество военнаго искусства, ибо мы возвращаемся ко временамъ Густава Адольфа, гдѣ большое число конницы нужнымъ почитали. У Прусскаго короля она составляетъ менѣе какъ шестую часть арміи, а у насъ почти четвертую, и сіе у насъ однихъ токмо,—все сіе вмѣстѣ не наградится отмѣннымъ искусствомъ графа Петра Александровича (Румянцова). Что̀ касается до конницы, я на васъ ссылаюся: гдѣ она что̀ ни есть сдѣлала? Не пѣхота-ли всегда постоянно всѣ побѣды одержала?..... Нынѣшнее мирное содержаніе нашей арміи стоитъ 17 мильоновъ рублей. Коль дорого мы платимъ за дурную армію, когда имѣемъ всѣ способы имѣть дешевле самую лучшую въ свѣтѣ!»

Въ царствованіе Павла нашъ старый воинъ-дипломатъ долженъ былъ молчать, скрѣпя сердце, и съ горестью видѣлъ водвореніе въ нашемъ войскѣ—чуждой ему системы обезличенія по непонятному Прусскому образцу, системы кукольно-автоматической выправки, изысканно-мудреной шагистики и всеподавляющаго капральскаго формализма. Но въ первые-же годы царствованія Александра І-го, когда по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія поднялись вопросы о передѣлкахъ и нововведеніяхъ, гр. Воронцовъ не преминулъ откликнуться горячимъ словомъ на одинъ изъ такихъ вопросовъ: о пересмотрѣ воинскаго устава и переустройствѣ арміи. Въ Мартѣ 1802 г., поощряемый совѣтомъ бывшаго своего армейскаго сослуживца, графа Завадовскаго, онъ набросалъ на бумагу въ досужія минуты давно-продуманныя замѣчанія и, составивъ изъ нихъ довольно большую записку, препроводилъ ее въ Петербургъ къ своимъ друзьямъ, съ тѣмъ, чтобы записка эта была предварительно ими просмотрѣна, съ участіемъ Вязмитинова (какъ президента Военной Коллегіи), для обсужденія, стоило-ли ее показать Государю.

Была-ли записка прочитана Государемъ, навѣрно сказать нельзя; но можно догадываться, что содержаніе ея не осталось для него неизвѣстнымъ.

И флотъ Русскій также занималъ вниманіе нашего усерднаго патріота. Въ нѣкоторой степени, предметъ этотъ соприкасался съ служебными его заботами; вопервыхъ, по возложенной на него обязанности быть какъ-бы попечителемъ надъ нашими молодыми моряками, которые посылались тогда изучать практически свое ремесло на судахъ Англійскаго флота, въ видѣ волонтеровъ; а вовторыхъ, по безпрерывнымъ дѣловымъ сношеніямъ съ Русскими эскадрами (Ханыкова, Макарова), которыя отъ времени до времени имѣли пребы-

ваніе въ Англійскихъ портахъ, подчиняясь, въ извѣстномъ смыслѣ, наблюдательному завѣдыванію нашего посла. Тѣ и другія обязанности приносили иногда графу Воронцову много хлопотъ и непріятныхъ затрудненій, въ особенности сопряженныхъ съ его отношеніями къ учащимся молодымъ людямъ; но въ занятіяхъ по этому предмету полезнымъ ему помощникомъ оказался посольскій священникъ Смирновъ, который хорошо зналъ Англійскій языкъ и имѣлъ случай основательно ознакомиться съ морскими установленіями Великобританіи. Послѣднее обстоятельство доказывается тѣмъ, что онъ, по порученію графа Воронцова, составилъ письменное на его имя представленіе съ проэктомъ разныхъ мѣръ къ улучшенію правилъ нашего торговаго судоходства. Въ этомъ офиціальномъ письмѣ своемъ (отъ 19 Іюля 1801 г.), послужившемъ послу матеріаломъ для донесенія правительству, Смирновъ, между-прочимъ, оглашалъ, что, за недостаткомъ свѣдущихъ въ мореходствѣ Русскихъ людей, шкипера на комерческихъ нашихъ судахъ — всѣ изъ иностранцевъ, которые, распоряжаясь Русскими матросами, не знаютъ, да и знать не хотятъ ни языка, ни законовъ нашихъ, отъ чего допускаются невообразимыя злоупотребленія и безпорядки, подъ предлогомъ этого незнанія. Поэтому, онъ предлагалъ слѣдующія мѣры: 1) чтобы уставъ купеческаго судоходства, изданный при Екатеринѣ II въ 1781 году, былъ перепечатанъ съ паралельнымъ переводомъ Русскаго текста на языки Нѣмецкій, Голандскій и Англійскій и чтобы экземпляръ устава въ такомъ изданіи находился обязательно на каждомъ купеческомъ кораблѣ, подъ опасеніемъ штрафа; 2) чтобы самый уставъ былъ дополненъ, какъ точнымъ указаніемъ мѣръ карательныхъ относительно экипажа купеческихъ судовъ, такъ и условіемъ о качествѣ и размѣрахъ пищеваго довольствія Русскимъ матросамъ; 3) чтобы договоры судохозяевъ съ людьми экипажа, въ избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, печатались, кромѣ Русскаго, и на иностранныхъ (вышеназванныхъ) языкахъ,—и 4) чтобы въ уставѣ былъ означенъ сокращенно перечень матросскихъ обязанностей по примѣру того, какъ это дѣлается на корабляхъ Англійскихъ [9].

Однимъ словомъ, графъ Воронцовъ не упускалъ случая обращать вниманіе властей на что-либо полезное для нашего мореходства и судостроенія, слѣды чего весьма многочисленны въ его письмахъ къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ. Даже незадолго до отставки (въ 1805 году) онъ не переставалъ относиться къ дѣлу съ горячимъ участіемъ, и когда Англійскій генералъ Бентамъ (братъ знаменитаго мыслителя-экономиста и правовѣда) ѣхалъ въ Россію, по вызову нашего правительства, для устройства верфи въ Архангельскѣ, графъ Семенъ Романовичъ не преминулъ написать къ Новосильцову, что наше адмиралтейство могло бы выгодно воспользоваться такимъ случаемъ, чтобы научиться кое-чему полезному въ этомъ отношеніи.

На долю комерческихъ нашихъ интересовъ удѣлялось тоже много вниманія со стороны графа Воронцова, въ особенности когда во главѣ этого дѣла стоялъ братъ его, графъ Александръ, какъ президентъ Комерцъ-коллегіи. Рѣдкое письмо къ нему графа Семена не развивало какихъ-нибудь соображеній по этому предмету, основан-

[9]) См. «Воронц. Арх.» т. X, письмо къ адмиралу Мордвинову объ оказавшихъ ослушаніе морскихъ офицерахъ, Муравьевѣ и Подкользинѣ, и всеподд. о томъ же донесеніе, писанное въ Петербургѣ, въ Августѣ 1802 г. (№ 19).

ныхъ на его наблюденіяхъ за бойкимъ ходомъ торгово-промышленныхъ операцій въ Англіи. Всякое новое усиліе этой державы расширить свой рынокъ на Востокѣ и открыть себѣ новые пути для нихъ вызывало непремѣнно совѣты нашего посланника вести дѣла въ томъ же направленіи. Въ одной изъ предыдущихъ главъ мы упоминали уже, какую цѣну графъ Воронцовъ давалъ сношеніямъ Россіи съ Китаемъ, и когда Англичане затѣяли снарядить туда въ 1792 г. особую дипломатическую экспедицію подъ предводительствомъ лорда Макартнея, графъ Семенъ Романовичъ тотчасъ забилъ тревогу, настаивая, чтобы у насъ шли на перебой этому предпріятію, посылкою туда же своей экстренной миссіи, для упроченія нашихъ комерческихъ сношеній, которымъ грозила такая сильная конкуренція. Мысль, что она сдѣлаетъ намъ неизбѣжный подрывъ, и притомъ безъ всякаго отпора, не давала покоя предусмотрительному посланнику: не было конца предостереженіямъ, совѣтамъ, увѣщаніямъ, какъ бы лучше уладить дѣло, какіе гостинцы везти въ подарокъ Китайцамъ, чьему руководству ввѣрить Русскую экспедицію.... Онъ унывалъ только, встрѣчаясь съ этимъ послѣднимъ вопросомъ, предвидя всю трудность найти способныхъ для этой цѣли людей. «Я вѣдь знаю,—толковалъ онъ брату,—знаю, что у насъ обыкновенно выбираютъ людей вовсе не затѣмъ, чтобы ими двигать дѣло, а затѣмъ, чтобъ двигать ихъ самихъ, подъ вывѣскою дѣла...» И, въ своемъ мнительномъ усердіи, онъ не колебался даже рекомендовать въ составъ нашей экспедиціи Іезуитовъ, какъ образованныхъ и смышленныхъ дѣятелей, которые съумѣли бы добывать и точныя свѣдѣнія обо всемъ, что̀ касается Небесной имперіи, и указывать самое направленіе дѣлъ съ нею, «между тѣмъ какъ наши отцы-архимандриты, Богъ вѣсть зачѣмъ привлекаемые къ персоналу Китайской миссіи, никогда не доставляли намъ ни одного дѣльнаго сообщенія».

По поводу тогдашнихъ предположеній объ этой экспедиціи, интересно то обстоятельство, что графъ Семенъ Романовичъ подавалъ мысль, нельзя ли включить въ ея составъ сосланнаго въ Сибирь Радищева (за его книгу «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву»), въ тѣхъ видахъ, чтобы дать случай къ скорѣйшей выслугѣ человѣку талантливому и честному, попавшему въ бѣду. Конечно, подобное предложеніе состояться не могло; но оно было внушено участіемъ къ замѣчательному человѣку. Когда надъ злополучнымъ авторомъ несвоевременной книги разразилась гроза, оба брата Воронцовы относились къ его несчастію съ самымъ теплымъ, задушевнымъ соболѣзнованіемъ, оба находили постигшую его кару слишкомъ строгимъ наказаніемъ, несоразмѣрнымъ винѣ. 1-го Окт. 1790: «Осужденіе бѣднаго Радищева безмѣрно огорчаетъ меня. Какой приговоръ за неосторожную выходку и какое скудное облегченіе приговора! Что̀ же послѣ этого оставалось бы сдѣлать за преступленіе дѣйствительное и за явный бунтъ? Десятилѣтняя ссылка въ Сибирь хуже смерти для человѣка, имѣющаго дѣтей, которыхъ онъ вынужденъ или покинуть, или, взявши съ собою, лишить воспитанія и будущности. Эта мысль наводитъ ужасъ». 19-го Сент. 1791: «Ты сообщаешь мнѣ объ опалѣ Вальца [10]); но такъ какъ его удаляютъ лишь въ Пензу, съ остав-

[10]) Вальцъ—чиновникъ Русской дипломатической службы (изъ иностранныхъ пришельцевъ), изобличенный въ злоумышленной нескромности по государственнымъ дѣламъ, требовавшимъ тайны.

леніемъ при немъ жалованья въ тысячу рублей, то... надо полагать, что его проступокъ слишкомъ незначущъ, въ особенности если сравнить это легкое наказаніе съ тѣмъ, какому подвергнутъ бѣдный Радищевъ, коего вина вся заключается въ увлеченіи ума, безъ участія сердца». 13-го Января 1792: «Мнѣ кажется, что предполагаемая экспедиція (въ Китай) представляетъ прекраснѣйшій случай положить конецъ несчастію бѣднаго Радищева, пристроивъ его къ этой миссіи, для дѣлъ по торговлѣ, какъ человѣка, отлично разумѣющаго эту часть». 9-го Января 1797: «Наконецъ, я освѣдомился, что въ числѣ прощенныхъ находится и бѣдный нашъ Радищевъ: вѣсть, чрезвычайно для меня пріятная, такъ какъ я твердо убѣжденъ, что онъ никогда не былъ виновенъ въ преступленіи предумышленномъ, но что проступокъ сдѣланъ имъ единственно по легкомыслію и незнанію послѣдствій, которыя могли произойти отъ его книги» [11]).

Всматриваясь въ свѣтлыя черты изучаемаго лица, мы встрѣчаемся съ вопросомъ: сложились ли онѣ подъ исключительнымъ вліяніемъ добрыхъ инстинктовъ и здравыхъ правилъ разсудочно-нравственной философіи, или же, сверхъ того, образовались при участіи мощныхъ регуляторовъ человѣческой совѣсти, какіе находитъ она въ религіозныхъ вѣрованіяхъ? Не коснуться этого вопроса, значило бы допустить слишкомъ широкій пробѣлъ въ характеристикѣ, составляющей нашу задачу, и мы имѣемъ возможность отвѣчать на такой вопросъ положительно, ссылаясь на нѣкоторыя достовѣрныя указанія. Графъ Воронцовъ былъ добрый христіанинъ, всегда вѣрный ученію православія, хотя, до наступленія старости, не отличался внѣшнею набожностью. Странная двойственность въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, столь обыкновенная въ Русскомъ барствѣ XVIII вѣка, эта пестрая смѣсь легкомысленнаго безвѣрія съ грубѣйшими предразсудками, или съ дѣтскою податливостью іезуитской пропагандѣ, это доморощенное «волтеріанство» съ таковымъ же масонскимъ мистицизмомъ, всѣ эти симптомы духовной неустойчивости нашей совсѣмъ не проявлялись у графа Семена Воронцова. Быть можетъ, они отсутствовали въ немъ потому, что, по особеннымъ обстоятельствамъ жизни, ему посчастливилось довольно рано ускользнуть изъ подъ непрерывнаго давленія хаотическихъ понятій, въ какихъ блуждало тогдашнее высшее Русское общество, но только онъ принадлежалъ несомнѣнно къ числу немногихъ его представителей, сохранившихъ въ себѣ цѣльность вѣрованій, воспринятыхъ съ дѣтства. Однако въ немъ не замѣчалось преувеличенной набожности и, вдобавокъ, онъ не любилъ обнажать ни передъ кѣмъ того, что покоилось въ тайникѣ его совѣсти, не любилъ до того, что даже въ дружеской перепискѣ, какъ и въ личныхъ сношеніяхъ, избѣгалъ высказываться о подобныхъ предметахъ.

Вотъ воспоминанія, записанныя одною нашею соотечественницею со словъ дочерей посольскаго священника Смирнова и причетника Квитницкаго:

«Живя постоянно за границей, имѣя мало сообщенія съ земляками, графъ Воронцовъ остался вѣренъ всѣмъ установленіямъ своей церкви и обычаямъ родины, дѣлалъ у себя обѣды и даже банкетные столы, а самъ соблюдалъ посты: ему подавали грибной супъ, кашу, всю нашу постную стряпню... Послѣ отставки своей, онъ нарочно поселился въ улицѣ, ближайшей къ Русской церкви, чтобы чаще бывать

[11]) «Воронц. Арх.», т. IX, стр. 181, 212, 213; т. X, стр. 5—6.

тамъ. Камердинеръ у него и многіе другіе слуги были Русскіе. Онъ любилъ чистоту до утонченности и въ Субботу всегда приказывалъ камердинеру чистенько вымыть для него поболѣе серебрянныхъ монетъ half a crown—почти тоже, что наши цѣлковые,—набивалъ ими карманы и, по выходѣ изъ церкви раздавалъ нищимъ направо и налѣво. Полиція предлагала ему отгонять нищихъ; онъ отвѣчалъ: «У насъ такой обычай,—послѣ церкви давать бѣднымъ». Разъ, подъ свѣтлый праздникъ, онъ сказалъ пѣвчимъ: «Ну, вотъ будетъ большой праздникъ; вы знаете, я люблю, чтобы все было чисто, ново,—фраки, чулки, башмаки, галстуки». Всѣ такъ и обомлѣли: расходъ требовался большой. Но портной принесъ имъ все съ иголочки къ празднику, и ужъ съ той поры такъ и шло»...

Склонность къ благотворительности, всегдашняя готовность подать руку помощи нуждающемуся, и притомъ безъ внимательнаго соображенія съ своими собственными матеріальными средствами, это свойство отличало графа Воронцова еще съ молоду, когда онъ былъ въ военной службѣ, сопутствовало всей его долгой жизни и бывало у него, по временамъ, чуть не главною причиною того затруднительнаго положенія денежныхъ дѣлъ, которое вводило его въ долги за границею, на что такъ часто ворчалъ методичный и обстоятельный графъ Александръ Романовичъ, по праву старшаго брата и распорядителя общими хозяйственными дѣлами. Что касается преданности нашего «англомана» Русскимъ вкусамъ и обычаямъ, то, дѣйствительно, они какъ-то очень удобно уживались съ усвоеннымъ имъ чисто Англійскимъ образомъ жизни: въ распредѣленіи времени, въ домашнемъ обиходѣ, въ условіяхъ общежитія. Только по своей необычайной воздержности, графъ Семенъ Романовичъ сильно отставалъ отъ народныхъ привычекъ и Англичанъ, и земляковъ своихъ, хотя собственно въ гастрономическихъ вкусахъ болѣе придерживался родной кухни и замѣтно жаловалъ наши яства. Во многихъ его письмахъ изъ Лондона къ брату мы находимъ безпрестанныя просьбы то о присылкѣ такихъ припасовъ, какъ напр. гречневая и манная крупа, рыжики и грузди, соленые огурцы, паюсная икра и даже сыченый медъ,—то объ угощеніи хлѣбосольнымъ братомъ какаго-нибудь ѣхавшаго въ Россію иностранца однимъ изъ любимѣйшихъ у насъ блюдъ [12]).

Читатель нашъ могъ самъ видѣть, насколько существенны были упреки, вызванные въ свое время общественною дѣятельностью графа Воронцова, упреки за непомѣрную привязанность къ Англіи и всему Англійскому, которая, будто бы, поглощала собою преданность его отечеству. Еще ли нуждается онъ въ оправданіяхъ, когда дѣла его

---

[12]) «Воронц. Арх.» т. IX, стр. 67, 127, 142, 340. Изъ этихъ писемъ приведемъ два образчика дословно, безъ перевода, въ ихъ подлинной своеобразной смѣси «Французскаго съ Нижегородскимъ»:

«Je vous prie d'ordonner à votre homme d'affaires de m'envoyer dans le courant de cet eté une четверть грешныхъ обыкновенныхъ крупъ et une четверть грешныхъ же крупъ, но мелкихъ; да чтобы онѣ были просушены, не затхлы и были крѣпко закупорены въ бочки, дабы не подмокли въ дорогѣ; также нѣсколько боченковъ соленыхъ огурцовъ, рыжиковъ и груздей. Et je vous prie de lui ordonner de remettre le tout au comptoir de Thomson et Peters.—Je vous prie (объ иностранцѣ) de lui faire manger de la cuisine russe et de lui faire gôuter du sterlet accommodé à la russe, въ огуречномъ разсолѣ».

и мнѣнія слишкомъ достаточно говорятъ сами за себя? Конечно, нельзя отрицать, что онъ любилъ Англію въ ея внутреннихъ учрежденіяхъ, въ достигнутыхъ ею благахъ гражданства, въ выработанныхъ удобствахъ жизни, наконецъ, въ самыхъ климатическихъ преимуществахъ: въ этомъ отношеніи онъ былъ чистый англоманъ, и не только по привычкѣ, но и по убѣжденію. Но мы замѣтили уже и теперь повторяемъ свое замѣчаніе, что эта страна сдѣлалась ему мила во имя вещественныхъ ея удобствъ: онъ могъ дать себѣ спокойный, сознательный отчетъ, за что именно нравилась ему Англія. Родину же свою онъ любилъ совсѣмъ иначе,—не спрашивая себя за что. Онъ любилъ ее за то, что она ему родина, любилъ беззавѣтно во всемъ, что у ней было хорошаго и дурнаго, свѣтлаго и темнаго. При своемъ дѣйствительно сильномъ сочувствіи къ Англіи, которую, по собственнымъ его словамъ, онъ зналъ болѣе чѣмъ Россію [13]), графъ Воронцовъ никогда не клалъ ея интересовъ на тѣ-же вѣсы, какими взвѣшивалъ интересы отечества, и послѣдніе перетягивали у него всякіе другіе. Гдѣ задѣвались честь и польза Россіи, тамъ онъ не ослѣплялъ глазъ ни малѣйшимъ пристрастіемъ къ чужой странѣ и первый поднималъ вопль объ энергическомъ отпорѣ съ нашей стороны всякимъ притязаніямъ Англичанъ. Даже проповѣдуя союзъ и дружбу съ ними нашего отечества, онъ обусловливалъ то и другое современными ему требованіями политики, въ чемъ, дѣйствительно, не ошибался.

Россіи, одной Россіи безраздѣльно принадлежала эта Русская душа, въ лучшихъ помыслахъ ума и стремленіяхъ воли.

Д. Рябининъ.

Воронежъ. 1878.

---

[13]) См. въ IX т. «Воронц. Арх.», стр. 228—229, послѣднія строки письма къ брату, 1791 года.

Изъ писемъ князя П. А. Вяземскаго къ А. Я. Булгакову.

Жизнеописаніе князя Петра Андреевича Вяземскаго будетъ со временемъ важнѣйшимъ пріобрѣтеніемъ для исторіи Русской образованности. Съ раннихъ поръ своего долгаго вѣка, онъ принималъ живое участіе во всѣхъ проявленіяхъ нашей умственной и общественной жизни. Въ продолженіи почти трехъ четвертей нынѣшняго столѣтія не было у насъ сколько нибудь крупнаго событія, на которое бы онъ такъ или иначе не отозвался, и немного можно назвать историческихъ дѣятелей за этотъ періодъ времени, съ которыми князь Вяземскій не находился бы въ сношеніяхъ, болѣе или менѣе близкихъ. Его наблюдательный умъ и чуткое сердце постоянно влекли его ко всему, что̀ выступало изъ ряду явленій обыкновенныхъ.

Чѣмъ крупнѣе жизнь, тѣмъ больше слѣдовъ ея, и чѣмъ даровитѣе человѣкъ, тѣмъ полнѣе и разнообразнѣе онъ выражаетъ себя для потомства. Князь П. А. Вяземскій оставилъ намъ множество указаній о себѣ въ своей «Старой Записной книжкѣ», которую безымянно печаталъ въ «Девятнадцатомъ Вѣкѣ» и въ «Русскомъ Архивѣ». Подъ конецъ жизни, онъ составилъ и автобіографическую записку, которая нынѣ появилась въ печати, въ видѣ предисловія къ полному собранію его сочиненій, и относится къ первымъ годамъ его дѣятельности. Но лучшимъ источникомъ для біографіи князя Вяземскаго, безъ сомнѣнія, будутъ служить его письма, которыхъ написалъ онъ на своемъ вѣку не одну тысячу. Почтовое вѣдомство имѣло въ немъ своего неизмѣннаго данника. При стѣснительныхъ условіяхъ печатнаго слова, въ которыхъ протекла почти вся жизнь этого писателя, къ такому способу выраженія мыслей приходилось прибѣгать ему, и онъ пріобрѣлъ привычку вести непрестанную и многообразную переписку.

Къ числу лицъ, съ которыми князь П. А. Вяземскій часто переписывался, принадлежалъ Московскій почтъ-директоръ Александръ Яковлевичъ Булгаковъ. Онъ былъ издавна знакомъ съ княземъ Вяземскимъ; еще отцы ихъ, славный дипломатъ Яковъ Ивановичъ († 1809) и сенаторъ князь Андрей Ивановичъ († 1807), находились между собою въ дружескихъ отношеніяхъ. А. Я. Булгаковъ былъ лѣтъ на десять старше князя П. А. Вяземскаго. Они тѣснѣе сблизились около 1816 года, будучи оба блестящими представителями свѣтскаго Московскаго общества. Ихъ соединяло сходство вкусовъ, любовь къ словесности, къ театру и въ особенности къ музыкѣ. Переписка завязалась, когда князь Вяземскій уѣхалъ изъ Москвы на службу въ Варшаву, подъ начальство Н. Н. Новосильцова.

Письма князя Вяземскаго были переданы въ Русскій Архивъ младшимъ сыномъ Булгакова Павломъ Александровичемъ. До поры до времени они могутъ появиться въ печати лишь въ нижеслѣдующихъ выдержкахъ. П. Б.

1.

Варшава, 15 Марта 1818 года.

Благодарю тебя, любезнѣйшій Александръ Яковлевичъ, за твое письмо, которое перенесло меня въ Бѣлокаменную, къ ногамъ нашихъ бѣло и красно-лицыхъ прелестей. Къ сожалѣнію, не могу тебѣ отвѣчать добромъ за добро. Я претерпѣлъ столько непріятностей дорогою и теперь на мѣстѣ такъ еще не на своемъ мѣстѣ, что гляжу изъ подлобья на все и ничего хорошаго тебѣ сказать не могу [1]). Дай срокъ: дай мнѣ отдохнуть, дай мнѣ приглядѣться, дай мнѣ повальсировать, и тогда будетъ что̀ тебѣ писать. Я еще не имѣю понятія о здѣшнемъ моемъ житьѣ-бытьѣ и стою журавлемъ на одной ногѣ. Сегодня было открытіе Сейма. Государь читалъ на Французскомъ языкѣ рѣчь, которая вѣрно будетъ напечатана въ газетахъ. Вчера пожалованы кавалерами Бѣлаго орла: Новосильцовъ, Каподистрія, Волконской, Курута; Станислава: Потоцкой (Русскій генералъ-адъютантъ), Меньщиковъ и Морнгеймъ. Молодой Соболевскій назначенъ флигель-адъютантомъ, а Красинскій, избранный маршаломъ Сейма,—генераломъ-адъютантомъ. Вотъ всѣ наши вѣсти, каковы ни есть! Прошу не прогнѣваться.

Въ Варшавѣ тѣломъ я, а духомъ я въ Москвѣ.

2.

1 Апрѣля 1818 года.

Я уже нѣсколько разъ танцовалъ: нашъ постъ мѣшаетъ баламъ, но сзываетъ на вечера; придетъ скрипка, другая, и пойдетъ потѣха. Даже и Великіе Князья [2]) вальсируютъ. Государь ѣздитъ по обѣдамъ, но на вечера до праздника ѣздить отказался. Въ свѣтлый Вторникъ, кажется, и у него балъ. Пріятнѣйшіе вечера здѣсь у Новосильцова. Домъ его, если не лучшій, то по крайней мѣрѣ изъ лучшихъ и просторнѣйшихъ въ городѣ; къ тому-же все устроено барскою Русскою рукою, а у коренныхъ жителей что-то пахнетъ городкомъ. Намедни Красинскій, le maréchal de la diète [3]), позвалъ весь городъ на балъ въ двѣ комнаты, въ которыхъ и Николаю Ивановичу Ильину было-бы тѣсно, при графинѣ Степанидѣ и генеральшѣ Розенъ. Варшавская роскошь—старая сказка: не только роскоши не видать, но напротивъ кое-гдѣ видны скупость, и бѣдность, и неумѣнье жить. Судя по винамъ, которыя пью здѣсь на пирахъ, заключаю, что графиня Степанида выписываетъ свое вино изъ Варшавы. У Новосильцова погребъ славный: можетъ быть, есть хорошіе

---

[1]) Князь Вяземскій заболѣлъ на пути въ Варшаву, и въ Несвижѣ его совершенно обокрали. См. Полное собраніе его сочиненій, I, XL.

[2]) Т. е. Константинъ и Михаилъ Павловичи.

[3]) Предводитель сейма.

и у другихъ, но для хозяевъ, а не для гостей. За то, если мало стараго вина, то много старыхъ танцовщицъ; а для мазурки нѣтъ разбора: ее танцуютъ поголовно. Признаться надобно, что старушки здѣшнія умѣютъ сохраниться: напримѣръ, поглядѣть на жену намѣстника [1]); ей шестдесятъ пять лѣтъ, но право въ трехъ шагахъ не дашь ей болѣе тридцати. Одѣвается она мастерски, ловка и не хуже другой имѣетъ при себѣ обожателя, который между прочимъ хуже всякаго другаго. За то уже что̀ она и дѣлаетъ: мажется, натирается, штукатурится, одѣвается въ погребѣ, спитъ на льду. Каково обожателю будетъ при оттепели? Впрочемъ, она женщина умная, любезная, и едва-ли найдется здѣсь другая, которая могла бы, какъ она, быть хозяйкою въ городѣ.

Княгиня Яблоновская, бывшая Любомирская, занимаетъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто между здѣшними красавицами и похитила яблоко отъ всѣхъ насъ, пріѣзжихъ. Остерманъ влюбленъ въ нее по уши, сидитъ, хмурится и говоритъ: «Ахъ, Терезиха!» Къ сожалѣнію, она брюхата, и потому не знаю, каково вальсируетъ. За нею идетъ княгиня Чарторижская, жена князя Адама: прекрасные, черные глаза, свѣжесть, миловидность, стройный станъ, вотъ ея портретъ. Есть еще Тулинская, жена генерала, красавица, но холодная и бездушная. Между дѣвицами первая—Мостовская, дочь министра внутреннихъ дѣлъ. Вообрази себѣ нашу Четвертинскую шестнадцати лѣтъ; вообрази, что я съ нею вальсирую, и ты очутишься на вчерашнемъ балѣ у Новосильцова. Теперь выступитъ на сцену, послѣ двухъ разрядовъ красавицъ на уксусѣ и на молокѣ, разрядъ красавицъ на водкѣ, то есть среднихъ лѣтъ: тутъ ты увидишь Красинскую, жену камергера, мою обыкновенную котильонную даму, высокую, стройную женщину; Лубинскую въ такомъ же родѣ, которая занесла уже ногу за середину, но все таки еще держится пополамъ съ грѣхомъ; Замойскую, сестру Чарторижскаго, прекрасную и умную женщину, и Хоткевичеву въ родѣ колоссальной красоты, которая въ свадебномъ договорѣ обязалась не танцовать, но, пользуясь молчаніемъ о статьѣ вѣрности, имѣетъ обожателя, князя Александра Голицына. Со временемъ представлю тебѣ галерею мужскихъ портретовъ. Здѣсь много умныхъ и просвѣщенныхъ людей, но любезныхъ, кажется, мало: у нихъ покойно, но все еще неясно на душѣ, и слѣды претерпѣнныхъ ими бѣдствій такое долгое время вездѣ примѣтны. Государь здѣсь вообще любимъ; и республиканцы гордые, и республиканки, не хуже нашихъ бригадировъ и попадей, толпятся вокругъ Царя и глядятъ ему въ глаза. И подлинно, онъ много для нихъ сдѣлалъ, а можетъ быть и слишкомъ, когда подумаешь, что они, пріёмыши, пользуются тѣмъ, по чемъ родныя и законныя его дѣти вздыхаютъ. Впрочемъ, вы читали рѣчь Государя: подождемъ, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ! Что̀ сказали, или что̀ проворчали объ этой рѣчи ваши бригадирскія пузы? Я думаю, гласъ трубы страшнаго суда не болѣе напугалъ-бы ихъ.

[1]) Зайончека.

3.

Варшава, 8-го Апрѣля 1818 г.

Я такъ привыкъ, такъ пристрастился къ твоимъ письмамъ, ты меня такъ ими балуешь, что я уже начинаю побаиваться, что недолго будетъ мнѣ лакомиться. Постъ слѣдуетъ за масляницею, утрата за пріобрѣтеніемъ, огорченіе за радостью, въ Польскомъ старуха за красавицею, въ государственномъ совѣтѣ десять, что̀ я говорю: десять? двадцать пустыхъ мѣстъ (то-есть пустыхъ головъ) за одною занятою, и такъ далѣе: какъ же мнѣ думать, что я одинъ буду исключенъ изъ общаго приговора судьбы, и что̀ курьеръ, то мнѣ письмо, и что̀ письмо, то удовольствіе? Нѣтъ! Ожиданія мои не столько надменны, и того и смотрю, что первая почта принесетъ мнѣ письмо отъ Кашкина съ критикою на Исторію [5]) и съ подробнымъ извѣстіемъ о проигранномъ робертѣ и о картахъ, которыя цѣлый вечеръ, какъ на подборъ, приходили въ сіятельныя руки тучныхъ усовъ княгини-пугалища.

Посылаю тебѣ первыя книжки журнала Сейма, съ тѣмъ только, чтобы, прочитавши ихъ, тотчасъ доставить Ив. Ив. Дмитріеву, а послѣ дѣлай изъ нихъ, что̀ хочешь. Слѣдующія книжки будутъ интереснѣе.

4.

Варшава, 15-го Апрѣля 1818 года.

Хочешь ли знать всѣ наши потѣхи? Читай, смотри и завидуй [6])! Сверхъ того, есть еще прыгуны на канатѣ и на веревкѣ; сверхъ того, сегодня закрытіе Сейма, на которомъ Государь произнесъ рѣчь, которую не знаю удастся ли мнѣ сегодня прислать, да къ тому же и страшно: рѣчь царскую съ афишами!!! Ты пожалуй скажешь объ этомъ въ Москвѣ, и меня выпишутъ изъ Англійскаго клуба. Сверхъ этого, одинъ изъ зрителей палъ мертвымъ въ залѣ собранія до прихода Государя; сверхъ того, въ той же залѣ одна дама родить изволила [7]); сверхъ того, во дворцѣ сегодня обѣдъ на 200 человѣкъ; сверхъ того, у Новосильцова пиръ на весь міръ, и первый, на коемъ Государь будетъ по пріѣздѣ своемъ въ Варшаву; сверхъ того, нѣсколько изъ Польскихъ лицъ украшены ключами, есть одинъ Польскій флигель-адъютантъ и проч. и проч. Изъ Русскихъ Алопеусъ получилъ Бѣлаго Орла. У васъ Тургеневъ [8]), и я пишу Тургеневское письмо. Скорѣе кончу, чтобы не сбиться и, чтобы дѣйствовать по-тургеневски, сейчасъ сяду обѣдать и лягу спать до бала, потому что эти два дня не спалъ я болѣе пяти часовъ. Дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай. Ради Бога, не уморите съ голоду Тургенева. Свезите его къ Степанидѣ. Поставьте передъ нимъ кулебяку въ 40 пудовъ, т. е. для закуски.

. . . .

[5]) Николай Евгеніевичъ Кашкинъ критиковалъ Исторію Карамзина.

[6]) Приложена Варшавская театральная афиша.

[7]) Слова съ разбивкою приписаны С. П. Жихаревымъ.

[8]) Александръ Ивановичъ.

5.

Варшава, 15-го Мая 1818.

....У насъ здѣсь сухотка въ вѣстяхъ: нечего сказать. Все разбрелось по деревнямъ. На потѣху, проѣздомъ здѣсь Киселевъ [9]): онъ изъ Одессы посланъ Государемъ къ Прусскому королю, пробудетъ здѣсь дня три, захватитъ его на дорогѣ и съ нимъ будетъ въ Москву. Французскій король влюбленъ въ сестру Де-Каза. Парижская каррикатура представляетъ его между братомъ и сестрою. Обращаясь къ нему, онъ говоритъ: Je bénis la constitution de ce qu'elle m'a permis de vous faire maîre. Къ ней: Je maudis ma constitution, qui ne me permet pas de vous faire mère. Во Франціи скоро будетъ рѣшительная минута: выходъ союзныхъ войскъ. Того и смотри, что конгрессъ разбѣжится, какъ въ тотъ разъ. Французы начинаютъ уже горячиться.

Здѣшняя засуха заставила меня поохотиться на чужихъ поляхъ, и я тебѣ напоролъ Французской дичи. Поподчивай Василья Львовича [10]): онъ полакомится Французскимъ блюдомъ. Кстати о блюдахъ. Получилъ-ли Тургеневъ мои два письма въ Москвѣ? Долго-ли онъ у васъ пробудетъ? Ради Бога, не губите его. Я вижу отсюда:

Предъ нимъ развалины дымятся кулебяки,
Тамъ стерлядь тучная худѣетъ отъ него.

Поручаю Василью Львовичу за меня докончить картину. Я совсѣмъ отъ риѳмъ отбился.

6.

Варшава, 19 Мая (1818).

Молчаніе Жуковскаго меня не удивляетъ: я къ нему привыкъ. Ему надобно разбѣжаться, чтобы взяться за перо; онъ съ мѣста никогда не пишетъ. Тургеневъ же только тогда пишетъ, какъ ему ѣсть нечего: вообрази же, стану-ли ожидать писемъ отъ него изъ Москвы? Его не болѣе двухъ разъ въ году отбиваетъ отъ ѣды. Безъ тебя пропалъ-бы я: ты поддерживаешь мою жизнь, питаешь мое сердце и лакомишь мое воображеніе; отъ твоихъ писемъ такъ слюнки изъ него и текутъ. Я тѣломъ здѣсь, но духомъ у васъ. Прошу его любить, да жаловать, а грѣшное тѣло какъ нибудь и здѣсь пригрѣю... Вообще всѣ предпріятія въ пользу общественныхъ удовольствій здѣсь не удаются. Французская труппа едва не умерла съ голоду, и только пріѣздъ Государя поставилъ ее немного на ноги. Шово, здѣшній ресторатёръ, открылъ Salon, родъ нашего Англійскаго клуба: покои прекрасные, хорошій столъ по 6 злотовъ на человѣка (то есть 3 р. 60 коп.). Первый мѣсяцъ кое-кто съѣзжался; на второй не стали платить назначенныхъ денегъ; на третій все рушилось. Тотъ-же Шово предпріим-

---

[9]) Графъ Павелъ Дмитріевичъ.

[10]) Пушкина.

чивый купилъ здѣсь въ Алеяхъ (прекрасной прогулкѣ у самаго, или лучше сказать въ самомъ городѣ) мѣсто съ домиками и садомъ, убралъ ихъ, какъ нельзя лучше, выписалъ изъ Парижа всевозможныя игры и чудеса, на которыя Василій Львовичъ промоталъ половину своего имѣнія и о коемъ говоритъ со слезами:

Des simples jeux de son enfance
Heureux qui se souvient longtemps ([11]),

однимъ словомъ, завелъ родъ Парижскаго Тиволи. Что же? Никто не ходитъ. Все пусто. Мы намедни обѣдали тамъ съ глазу на глазъ съ Киселевымъ. По многимъ отношеніямъ вертопрашная Варшава похожа на бригадиршу Москву. Бригадирша козыряетъ, но та и того не дѣлаетъ. Богъ вѣсть что ее занимаетъ. То что я говорю, повторится тебѣ и здѣшними жителями. Старожилы не узнаютъ Варшавы. Я вчера ужиналъ у графини Гудаковской, матери флигель-адъютанта, единственно живущей здѣсь теперь открытымъ домомъ. Чтоже въ этомъ открытомъ домѣ? Двѣ свѣчки на столѣ, супъ изъ тертой перловой крупы съ масломъ (накорми этимъ супомъ Тургенева: авось стошнитъ его, и онъ ко мнѣ словечко напишетъ), какія-то аладьи и чета цыплятъ. Бутылка кабацкаго пива и бутылка бѣлаго вина, отъ котораго со стыда покраснѣла бы и Степанида. Я здѣсь смотрю въ глаза Варшавѣ и своимъ глазамъ не вѣрю.

7.

Варшава, 1-го Іюня 1818.

Мы въ своемъ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ живемъ по прежнему, то есть только что дышемъ. У васъ теперь шумъ и суета суетъ. Веселитесь, но насъ бѣдныхъ заключенныхъ не забывайте, а ты въ особенности, сдѣлай милость, ничего не умалчивай. Сказывай мнѣ все, что будетъ дѣлаться съ Бовою королевичемъ. Какъ Шульгинъ [12]) будетъ ему показывать свои пожарныя трубы, Малиновскій въ Архивѣ изъясняться съ нимъ на Французскомъ діалектѣ.

Я радъ, что меня нѣтъ въ Москвѣ: убыль бригадировъ свела-бы меня съ ума. Бригадиры мелѣютъ, Степанида можетъ похудѣть. Поди послѣ, надѣйся на что нибудь. Дурасовъ не бригадиръ: неужели Иванъ Великій не пошатнулся? Покрайней мѣрѣ дождались-бы Прусскаго короля: что теперь ему и видѣть въ Москвѣ?

Домбровскій генералъ умеръ. Мало по малу рѣдѣютъ ряды прежнихъ Поляковъ. Теперь одинъ остается нашъ намѣстникъ, который ужасно старъ. Домбровской велѣлъ похоронить себя въ свинцовомъ гробѣ, давно уже заготовленномъ, и положить въ гробъ три сабли, полученныя имъ въ достопамятные случаи и три пули, пробившія

---

[11]) Счастливъ, кто долго вспоминаетъ про невинныя игры своего дѣтства.
[12]) Тогдашній Московскій оберъ-полицмейстеръ.

его въ разныхъ сраженіяхъ, и между прочимъ одну, ранившую его подъ Смоленскомъ; одѣть себя велѣлъ онъ въ парадное платье. Эти Поляки имѣютъ какую-то рыцарскую блажь. Женѣ своей въ завѣщаніи своемъ запретилъ онъ брать пенсію. Этого у насъ нескоро переймутъ.

8.

Варшава, 8 Іюня 1818.

Я сейчасъ съ торжества: сегодняшній день празднуютъ производство Герцогства Варшавскаго въ Польское Царство. Служили обѣдню на Саксонской площади; попы были подъ шатромъ, а насъ богомольцевъ и тысячъ двадцать войска жарили на солнцѣ. Полки здѣсь прекрасные, то есть говоря техническимъ языкомъ: чудо! Михаилъ Павловичъ, въ проѣздъ свой черезъ Варшаву, спрашивалъ у меня, начинаю ли я обживаться и каково мнѣ? Я отвѣчалъ ему, что еще мало знаю здѣшнее общество, а то что̀ знаю, то не очень соблазнительно. «За то войска какія!» сказалъ онъ, «чудо!» Тутъ сердце его говорило. Я признаюсь, съ своей стороны: за Василья Львовича отдалъ бы я цѣлый Литовскій полкъ. Что̀ сказать тебѣ и чѣмъ заплатить за добрыя вѣсти о Москвѣ? По Воскресеньямъ шатаемся мы въ Bagatelle и багательничаемъ. Наконецъ начинаютъ туда съѣзжаться и барскія барыни. Женщины пьютъ здѣсь пуншъ, какъ воду, а генералы за просто водятъ подъ ручкою.... Кого? Совѣстно сказать! Спроси у Василія Львова: онъ этого дѣла мастеръ и этого прихода священникъ [13]). А я еще слишкомъ молодъ, чтобы говорить такія слова. Кстати: слухи о разводѣ Чернышевой вѣроятно перешли къ вамъ отъ насъ, но они неосновательны. Ревность и дурачество Чернышева подали поводъ къ этимъ сказкамъ. Онъ отъ Орлова блѣднѣлъ и краснѣлъ, какъ мѣсяцъ въ небесахъ и таялъ, какъ свѣчка отъ огня. Константинъ Павловичъ говорилъ, что онъ видѣлъ вмѣстѣ: le passé, le présent et le future, т. е. Артюра Потоцкаго, Чернышева и Орлова. Впрочемъ, будущее это не сдѣлалось еще настоящимъ. У васъ теперь Москва доживаетъ свою Масляницу. Любопытно будетъ ее видѣть по отъѣздѣ царской фамиліи: оставитъ ли ея пребываніе какіе нибудь слѣды на ней, или опять по старому заплыветъ она бригадирскимъ жиромъ? Петербургъ безъ двора, какъ тѣло безъ души. Москвѣ, я увѣренъ, закрытіе Англійскаго клуба было бы гораздо чувствительнѣе, чѣмъ отъѣздъ двора.

9.

Варшава, 28 Іюня (1818).

В Князь пріѣхалъ сюда весьма довольный Москвою и сравниваетъ ее съ однимъ Парижемъ, и то не зная, кому отдать первенство. Болѣе всего хвалитъ онъ опрятность и порядокъ города; скажи это

[13]) Василій Львовичъ Пушкинъ, сочинитель «Опаснаго Сосѣда», былъ женатъ на Капитолинѣ Михайловнѣ Вышеславцовой, съ которой развелся въ 1802 году.

Шульгину, но не говори Тормасову того, что онъ не такъ хорошо отзывается о губерніи. Счастливцы! Вы сидите у княгини Голицыной [14]), слушаете ея мысли и чувства, и слышите ея голосъ; а я ничего не слушаю, потому что здѣсь некого слушать и слышу только одну трещетку, которая объявляетъ городу, что пробило десять часовъ. Сдѣлай одолженіе, скажи ей мое почтеніе и еще что нибудь такое, которое живѣе почтенія и разсудительнѣе любви. Я въ ея бесѣдѣ провелъ часы изъ пріятнѣйшихъ и счастливѣйшихъ въ жизни моей. Я боялся, что она будетъ недовольна мною; я знаю, какъ она смотритъ на наше царство, нѣкоторое государство. Увѣрь ее, что мое сердце не здѣсь. Для начала надобно быть слѣпымъ орудіемъ. Я Польши не люблю, потому что въ ней нѣтъ ничего любезнаго; но кажется, и ненавидѣть ее никогда не буду, потому что она ненависти отъ насъ не заслуживаетъ, да и не стоитъ. Любовь ихъ къ отечеству и жажда его независимости благородна, хотя и не поддержана великими характерами. Теперь, хоть помеломъ поведи, ни одного выше другаго не задѣнешь; все это выровнено посредственностью. Въ арміи все рубаки, нѣтъ ни одного полководца. Въ правительствѣ найдешь много хорошихъ работниковъ, но ни одного мастера. Познаній, свѣдѣній, общаго просвѣщенія болѣе, чѣмъ у насъ; но ума безъ сомнѣнія менѣе. Надобно посмотрѣть на здѣшнюю молодежь: ни въ одномъ нѣтъ твердой надежды. Разумѣется, говорю тебѣ о томъ что̀ вижу, т. е. о Варшавскомъ лучшемъ обществѣ; по угламъ, можетъ быть, и есть люди, но вѣроятно немного: шила въ мѣшкѣ не утаишь. Если-бы Государь не поддержалъ Польши, то навѣрно свалилась-бы она и подавлена была Жидами, прибравшими уже къ рукамъ большую часть торговли, фортуны многихъ баръ, однимъ словомъ жизнь государствъ.

10.

19-го Іюля, Кошики (Koszyki) 1818.

Ты подумаешь, что мы въ Америкѣ; успокойся! Мы въ загородномъ домѣ, который въ городѣ, то есть въ Алеяхъ, примыкающихъ къ Варшавѣ и служащихъ ей лучшимъ и почти единственнымъ украшеніемъ. Пыль выгнала насъ изъ города; намъ въ нашемъ садикѣ не худо, а дѣтямъ и barzo dobrze. Благодарю тебя за твое послѣднее письмо; но ты что-то давно не мочилъ мнѣ горла, и оно засохло. Что̀ сказать тебѣ хорошаго? Развѣ то, что третьяго дня была здѣсь ужасная гроза, которая зажгла нѣсколько домовъ, убила трехъ гвардейскихъ солдатовъ и трехъ ранила, да еще убила свинью. Какая почетная смерть для нея! Охота грому съ свиньями связываться! Скажу тебѣ еще, что мы на дняхъ, не смотря на жаръ, у Николая

---

[14]) Княгини Авдотьи Ивановны или знаменитой Princesse Nocturne, которая пріѣзжала тогда въ Москву, гдѣ умерла тогда ея свекровь, мать князя Сергѣя Михайловича. М. А. Волкова, въ извѣстныхъ письмахъ къ В. И. Ланской, говоритъ, что княгиня Голицына на этотъ разъ желала сойтись съ мужемъ.

Николаевича [15]) котильонировали и завтра будемъ тоже дѣлать у здѣшней графини Макрановска, которой шестьдесятъ лѣтъ и которая обрѣтается при двухъ горбахъ и одномъ обожателѣ; я чуть было не сказалъ при одномъ горбѣ и двухъ обожателяхъ. Мужъ ея, какъ сказываютъ, человѣкъ умный и почтенный, но удалившійся изъ общества, по причинѣ падучей болѣзни, которой источникъ дѣлаетъ ему честь. Онъ страдалъ подагрою; открылась война; онъ спрашиваетъ у доктора: нѣтъ-ли средства избавиться отъ подагры, чтобы ѣхать на войну?—Есть, надобно кровь пустить, но можно отъ того получить падучую болѣзнь.—Онъ далъ себѣ пустить кровь. Ради Бога, не сказывай этого Василью Львовичу: онъ пожалуй при первой подагрѣ и для перваго бала пуститъ себѣ кровь изо всѣхъ членовъ. А ты пляшешь-ли? У васъ теперь, я думаю, не до плясокъ. Надобно воротить проплясанныя деньги, и бригадиры сидятъ при сальныхъ свѣчахъ; услугу пустятъ на цѣлый годъ на босую ногу, и сами поѣдутъ до Рождества на подножный кормъ. Правда-ли, что Толстому даютъ ключь? Знаешь-ли, это будетъ къ лицу Степанидѣ? Бѣднаго Дурасова мнѣ право жаль: двѣ смерти, одна за другою. Сперва умеръ въ немъ бригадиръ, а тамъ умеръ въ немъ Николай Алексѣевичъ. Неожиданный чинъ на старости тоже, что нечаянный мужъ старой дѣвѣ. Вѣкъ Екатерины мало по малу разсыпается; почти одинъ остается ему подвижной памятникъ, Кашкинъ. Вообрази: у меня съ мѣсяцъ какъ лежатъ стихи къ графинѣ Софіи [16]), но не могу сладить съ послѣднимъ стихомъ: такъ въ горлѣ и першитъ, а выхода нѣтъ. То-ли бы дѣло въ Москвѣ: у Пушкина выпросить взаймы и только. Но здѣсь гдѣ взять? Еще есть и другіе стишки, которые къ тебѣ должны доставиться; но тотъ-же грѣхъ! Одинъ стихъ застоялся; какъ кнутомъ ни погоняй, а онъ ни съ мѣста: только что лягаетъ.

11.

(1818).

Здравствуй! Мы по отпуску сего письма живы и здоровы, а впрочемъ уповаю на милость Божію. Но ты живъ-ли? Я ужъ сто лѣтъ какъ отъ тебя не имѣю ни привѣта, ни отвѣта. Если любишь, такъ скажи, а не любишь—откажи. А я къ твоимъ письмамъ какъ Филипъ къ тѣсту прилипъ; а какъ недѣля пройдетъ безъ грамотки, я и говорю: сухая ложка ротъ деретъ. Впрочемъ ты на мои пѣни не гнѣвайся: и у курицы сердце есть, да и собака помнитъ, кто ее кормитъ. Какъ ты писалъ ко мнѣ, я былъ радъ; какъ не пишешь, скучаю: изъ одного рта и холодно, и тепло. Ты скажешь мнѣ, что ты виноватъ; но вѣдь мнѣ изъ вины твоей не шубу шить. Вотъ кстати сказать о твоемъ непостоянствѣ: избалуется овца не хуже козы.

---

[15]) Новосильцова.

[16]) Графинѣ Софіи Алексѣевнѣ Мусиной-Пушкиной, вышедшей вскорѣ за князя И. Л. Шаховскаго и недавно скончавшейся.

Береза не угроза: гдѣ стоитъ, тутъ и шумитъ! Это правда; но я тебѣ скажу: кто кого любитъ, тотъ того и слушаетъ. Было время, былъ и на нашей улицѣ праздникъ: по три письма на недѣлѣ; пожилось Ермаку, по три чирья на боку. Брюхо какъ злодѣй, стараго добра не помнитъ.

Уфъ! Я усталъ! Силы нѣтъ далѣе продолжать; а если хочешь, ищи продолженія въ Собраніи 4291 древнихъ Россійскихъ пословицъ, напечатанныхъ въ Москвѣ въ 1787. Ты знаешь того любовника, который послалъ своей красавицѣ письмо, выписанное изъ какаго-то романа; она ему отвѣчаетъ: переворотите листъ, и вы найдете отвѣтъ. Но ты, прошу покорно, не перенимай этого примѣра, а напиши мнѣ добрымъ порядкомъ. О себѣ сказать нечего: мы по старому поживаемъ въ своихъ корзинахъ, то есть Koszykach. А ты каково живешь? Если будешь въ Валуевѣ, заѣзжай въ Остафьево на поклоненіе: тамъ лежатъ мощи моего сердца. Здѣсь гніетъ мое тѣло, оставленное на пищу червяку скуки. На дняхъ хочу ѣхать, то есть пробѣжаться въ Краковъ. Новосильцовъ ѣдетъ въ свой Слонимъ, а я хочу воспользоваться его отсутствіемъ, чтобы поглядѣть на бѣлый свѣтъ. Бью челомъ всѣмъ православнымъ. Отцу Василію мой смиренный поклонъ въ поясъ. Графинямъ въ Венериномъ поясѣ мой сердечный вздохъ.

12.

Варшава, 22 Августа 1818 г.

Я весьма доволенъ своею прогулкою: старикъ-Краковъ напомнилъ мнѣ о старушкѣ-Москвѣ. Тѣже почтенныя сѣдины древности, тоже добродушіе, тоже гостепріимство. Меня тамъ на рукахъ носили. Не принимаю всѣхъ ласкъ единственно на себя, но болѣе въ знакъ признательности республики къ нашему Государю и ненависти ея къ Прусакамъ и Австрійцамъ. Вообще тамъ Русскихъ любятъ. Окрестности Кракова прекрасны. Я видѣлъ Швейцарскія горы и спускался въ соленыя бездны Wielicki. Я говорю, что у Кракова отняли хлѣбъ съ солью. Этотъ вольный городъ умретъ отъ воли невольной. Онъ не довольно богатъ, чтобы жить самъ собою: ему нужна кормилица. А изъ трехъ покровителей у него два притѣснителя.—Подышавши свѣжимъ воздухомъ, еще болѣе скучаю въ этой Варшавской темницѣ.

Заговоръ во Франціи, какъ нарочно поспѣлъ, чтобы придать любопытства къ послѣдствіямъ свиданья [17]). Выйдутъ ли союзныя войска, или нѣтъ? Парижъ еще не потухъ, а ужъ вывозятъ трубы. Впрочемъ что же дѣлать? Не быть же Европейскимъ войскамъ будочниками Французскаго короля! Пусть его возится, какъ хочетъ и борется съ своимъ народомъ. Скорѣе одному ошибаться, чѣмъ милліонамъ. Если Магницкій въ самомъ дѣлѣ такъ поступилъ, какъ говорятъ, то онъ достоинъ примѣрнаго наказанія. Можно идти къ

[17]) Т. е. Ахенскаго конгресса.

той же цѣли, но другою дорогою. Къ тому же, въ такихъ случаяхъ должно поступать единодушно и соглашаться съ повсемѣстнымъ движеніемъ. Такая частная мѣра есть опасное разстройство; мѣра общая есть преобразованіе. Не будь оно и благодѣтельно, но по крайней мѣрѣ послѣдствія его будутъ однообразны. Во всемъ нуженъ порядокъ: при немъ и бѣдствія сноснѣе. Можно разчесть что̀ будетъ, придумать, какъ что отвратить, гдѣ чѣмъ помочь. Ѣхавши по большой, хотя и дурной дорогѣ, можно почти положительно сказать, когда пріѣдешь, и особливо же куда. Проселочныя Богъ знаетъ куда заведутъ: путаешься, путаешься и, потерявши цѣлый день, возвращаешься часто на то мѣсто, откуда выѣхалъ, съ изломанною повозкою, съ измученными лошадьми,—и голоднымъ брюхомъ, прибавляетъ Тургеневъ. Законъ есть большая дорога, на коей исчилены версты и исправлены мосты (ты видишь, я не говорю здѣсь о дорогахъ Московскаго уѣзда). Самовластныя предписанія—тѣ окольныя дороги, отъ которыхъ избави насъ Боже [18]).

13.

Варшава, 27-го Сентября (1818).

Мы съ тобою, мой благодѣтель, сто лѣтъ, какъ не видались и не болтали. Ты, Богъ знаетъ, отъ чего, а я отъ хлопотъ: у насъ была Матушка Царица и цѣлую недѣлю держала насъ на ногахъ. Праздники были прекрасные, а особливо же у Николая Николаевича. Государыня здѣсь всѣхъ очаровала, и въ самомъ дѣлѣ она умница. Со всѣми была ласкова и привѣтлива, такъ что любо. Впрочемъ здѣшніе республиканцы любятъ кланяться въ поясъ и вытягиваться: отсутствіе двора въ Варшавѣ для нихъ несносно, и они такъ уже рады, когда встрѣтится законная причина поподличать. Женщины въ этомъ смыслѣ мужественнѣе мущинъ. Александръ Львовичъ [19]) былъ не въ голосѣ и только что ѣлъ. Онъ говоритъ объ Альбедилѣ, что онъ такъ тяжелъ, что если-бы продавать его на вѣсъ, то не станетъ Шереметевскаго имѣнія купить его.

14.

Варшава, 7 Декабря 1818.

Ты меня любишь; въ этомъ былъ я увѣренъ, не смотря на твое молчаніе. Ты меня хвалишь; я и отъ этого не прочь. Впрочемъ будь увѣренъ, что я и краснѣю, и глаза потупляю, и бормочу: помилуйте! И однимъ словомъ, дѣлаю все, что̀ дѣлать уговорились въ такихъ случаяхъ. Намѣреніе ваше [20]) для весны очень мнѣ по сердцу, ибо вѣроятно и я пойду пошататься, если только транзитный торгъ не слишкомъ коротко подкоситъ мнѣ ноги. Ce diable de transit me tran-

---

[18]) Тогдашній поступокъ Магницкаго намъ неизвѣстенъ.
[19]) Нарышкинъ.
[20]) А. Я. Булгаковъ съ пріятелемъ своимъ А. А. Волковымъ собирались за границу, куда и ѣздили въ 1819 году.

sit le coeur [21]). Поблагодари тестя [22]) за снисхожденіе; его совѣты могутъ быть мнѣ очень полезны. За что же не любишь ты нашихъ музыкъ? Польской хорошъ. Тутъ кусочекъ Танкреда: чего же болѣе? Ваша Бернарделли была здѣсь: она попрыгушка-стрекоза, ободранная кошка. Нѣсколько дней по пріѣздѣ своемъ сюда, видѣлъ я ее въ Русской пляскѣ: я думалъ, что умру съ досады. У насъ здѣсь женская подтяжка вытягивается мастерски; но балетъ вообще нехорошъ. Здѣсь мы въ тысячи верстахъ отъ васъ на дорогѣ искусствъ. Есть одна прыгунья Polichnowska, дѣвочка лѣтъ семнадцати, не умѣетъ пройти на сценѣ, правда не дурна собою; надобно видѣть, какъ ее публика принимаетъ. И эти дураки ставятъ въ томъ свой патріотизмъ! Куда они глупы, мои Сарматы! Комедія Французская поправится возвращеніемъ Grandville; хорошій, очень хорошій актеръ. Ѣдетъ еще родъ Brunet. То-то сообщать вамъ буду глупости въ Басманской комитетъ [23]). Готовьтесь смѣяться. Я здѣсь разучился смѣяться: если бы не для васъ, то разучился бы и смѣшить. Для здѣшнихъ языкъ мой не воротится. Я какъ ножикъ: тупою стороною лежу къ Варшавѣ, а острою къ Россіи. Но за то какъ невыгодно толкую я здѣсь Русское мнѣніе! По преданію я слыву здѣсь умникомъ, а на дѣлѣ они видятъ, что я дуракъ и стою болванъ болваномъ. По крайней мѣрѣ народная гордость должна бы расщекотать меня; но нѣтъ, сударь, ничего не беретъ.

Скажи Василью Львовичу, что я получилъ письма его и сказку и буду отвѣчать въ слѣдующій разъ; Алексѣю Михайловичу [24]), что кое-что помѣшало привести мнѣ къ окончанію его дѣло на этой недѣлѣ, но все будетъ сдѣлано на той; сенатору Кушникову, что буду отвѣчать ему по первой эстафетѣ и займусь его дѣломъ. А себѣ скажи, что ты добрый малый и потому долженъ, не откладывая въ долгій ящикъ моихъ порученій, исполнить ихъ тотчасъ. Государь проѣзжаетъ черезъ царство, но не черезъ Варшаву около 14 Декабря по нашему счисленію. Великій Князь ѣдетъ къ нему въ Замосць, здѣшнюю крѣпость; повидаться съ нимъ ѣдетъ и Николай Николаевичъ въ Устилугъ на Русской границѣ. Вотъ всѣ наши вѣсти. Малышева здорова въ Вѣнѣ, мы на дняхъ получили отъ нея поклонъ. Она Австрійцевъ сводитъ съ ума; ее любятъ безъ памяти. Меньщикова давала на дняхъ балъ въ Вѣнѣ. Одинъ офицеръ здѣсь застрѣлился на дняхъ въ трактирѣ по любви къ трактирщицѣ. Зимы, то есть снѣга, у насъ нѣтъ. Сегодня морозитъ, а завтра таетъ; вотъ какъ проводимъ мы время. Прощай, мой милый. Получила ли твоя жена мои кожи? Я всегда изъ кожи вонъ полѣзу, чтобы служить ей. Ты отвѣчаешь мнѣ на то, что я сказалъ о садовникѣ, а хоть

---

[21]) Непереводимая игра словъ; буквально: этотъ дьявольскій транзитъ прорѣзаетъ мнѣ сердце. У князя Вяземскаго, въ подмосковной его Остафьевѣ, была суконная фабрика.

[22]) Князя Хованскаго.

[23]) Т. е. въ домъ графини Мусиной-Пушкиной.

[24]) Пушкину же.

убей меня такъ я не помню, что̀ сказалъ. Пришли мнѣ ключь этой тайны. Кстати о ключѣ: что̀ дѣлаетъ ключь на Толстомъ? [25]) Счастливецъ! Ты это все видишь, а мнѣ это все только что мерещится. Послѣ того вранья грѣшно спросить о Разумовскомъ? [26]) Но сдѣлай милость, скажи, каковъ онъ, а если умеръ, то увѣдомь: сдѣлалъ-ли онъ что нибудь для Подчацкаго?

Скажи Василью Львовичу, чтобы онъ бросилъ въ огонь всѣ свои штаны: въ Европѣ при башмакахъ носятъ широкіе черные панталоны. А послѣ того говорятъ, что мы не умнѣе нашихъ отцовъ, которые затягивались какъ мученики. Vive la libèralité! Vive les libèrales! Vive les sanculottes! [27]).

15.

Варшава, 4-го Апрѣля 1819.

Какъ подумаешь, что ты теперь разъѣзжаешь въ своей Волчьей Пещерѣ и что ножки Разгуляевскихъ красавицъ [28]) не смѣютъ носу показать на дворъ, а что здѣшнія красавицы, до которыхъ сердцу моему дѣла нѣтъ, мимо открытыхъ моихъ оконъ ходятъ въ лѣтнихъ платьяхъ, такъ признаюсь, дрожь такъ и беретъ меня. Я чувствую: Италія меня убила бы совершенно. Теплый воздухъ, красная погода такую разливаютъ по мнѣ нѣгу и тоску, что я не въ состояніи дѣлать ничего: цѣлый день хожу, какъ шальной. А я все вздыхаю по Тверскомъ бульварѣ, Нечаевѣ, Бардаковѣ, этимъ розамъ Московскихъ садовъ. Сдѣлай милость, увѣдомляй меня подробно о преніяхъ палаты Московской. Кто ультра, кто министеріалисты, то есть экономисты, и полно не всѣ-ли глуписты?

16.

Варшава, 5 Іюня (1819).

(Писано въ Карлсбадъ).

Ты bardzo смѣшенъ, мой милый, пѣняя мнѣ за мою молчаливость. Да, ради Бога, скажи: о чемъ тебѣ говорить? Когда ты былъ въ Азіи, я говорилъ тебѣ о Европѣ: теперь ты въ Европѣ, а я противъ тебя въ Азіи; мнѣ слушать, и я слушаю. У насъ комета, а у васъ ихъ можетъ быть пять, если не болѣе; у насъ: co pan mówi въ одинъ голосъ, а у васъ: Was belieben Sie? въ десять голосовъ. У насъ только что мувятъ, а у васъ на дѣлѣ белибензируютъ. Къ тому-же, я на все смотрю не старыми глазами: вы были мои калейдоскопы. Все при васъ играло и свѣтилось; а теперь сумерки.

Людямъ солнце, людямъ ясно,
А со мною все туманъ.

[25]) Т. е. камергерскій ключъ, полученный графомъ Ѳ. А. Толстымъ (тестемъ графа Закревскаго).

[26]) Графѣ Львѣ Кириловичѣ.

[27]) Да здравствуетъ либерализмъ. Да здравствуютъ либералы. Да здравствуютъ безштанники.

[28]) Т. е. графинь Мусиныхъ-Пушкиныхъ, жившихъ въ Москвѣ на Басманной или на Разгуляѣ.

Одна отрада, и тутъ горе, что не вмѣстѣ слушаемъ Borgondio, Вѣнскую пѣвицу, контръ-альто: Танкреда поетъ и играетъ божественно. Что за чистота, твердость въ голосѣ и притомъ что за переливы! То суровый напѣвъ, то нѣжный до лакомства. Лунинъ [29]), слушая ее вчера у Николая Николаевича, уморилъ насъ: хвалилъ не кстати, говорилъ, что слышалъ ее во Флоренціи, гдѣ она съ роду не была. До Варшавы доѣхалъ онъ, если можно говорить онъ о какой-то смѣси жизни съ смертію, о бродящемъ трупѣ; но Богъ вѣсть, какъ доѣдетъ эта смертельность до Петербурга. Онъ точно Эдипъ, который тащится до мѣста, для могилы его назначеннаго, какою-то таинственною и сверхъ-естественною силою. Это все такъ говорится; а можетъ быть, еще ему придется заѣдать память нашу кутьею.

Ив. Ив. Дмитріевъ получилъ 1-го Владиміра; Тургеневъ объѣлся ботвиньею, Офросимовъ сгорѣлъ было съ бричкою своею въ послѣднюю ночь своего пребыванія въ Варшавѣ и написалъ какіе-то стихи, такъ кончающіеся:

И внутренно сгорѣвъ, наружно былъ-сгорѣлъ.

Великій Князь поѣхалъ осматривать Литовскій корпусъ; съ уланами на послѣдкахъ заключена была мировая: Ожаровскій въ Петербургѣ съ коляскою попалъ въ ровъ и чуть не убитъ: теперь ему лучше. Въ Сынѣ Отечества читалъ я объявленіе о запискахъ Метаксы. Василій Львовичъ все сбирается продавать свое имѣніе. Ну, довольно ли съ васъ? Евдокимъ Давыдовъ, съ коимъ пишу, болѣе разскажетъ, если у васъ охота слушать. Отправлено послѣднее мое письмо съ Кіckі, адъютантомъ Его Высочества, добрымъ малымъ и мужемъ миленькой жены. Сдѣлай милость, привези мнѣ все, что выйдетъ новаго о знаменитомъ колодникѣ [30]). Я недавно устроилъ пикникъ въ Bagatalle: довольно удался. Къ вашему пріѣзду еще состроимъ. Простите, мои великіе Александры.

7 Іюля.

Я только что не плачу: глаза сухи, а сердце, право, мокро. На ниточкѣ висѣлъ мой отъѣздъ къ вамъ. Я было уже вовсе сговорился отправиться съ Давыдовымъ и мысленно радовался вашими криками и удивленіями. Но разныя обстоятельства свыше меня держатъ за полу. Мнѣ служащему нуженъ-бы паспортъ изъ Россіи; есть работа, которую должно кончить къ пріѣзду Государя. Нечего дѣлать: рабу должно повиноваться. Какъ молнія блеснула во мнѣ мысль и надежда посмотрѣть на бѣлую Европу; какъ громъ палъ на меня приговоръ остаться въ черной Польшѣ. Теперь покрылъ меня мракъ ночи, и я ложусь спать; нѣтъ, сажусь обѣдать и съ горя напьюсь пьянъ. За ваше здоровье, мои Македонскіе! Пожалѣйте обо мнѣ. Радъ-бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ. Теперь одна надежда:

---

29) Извѣстный въ послѣдствіи декабристъ Михаилъ Сергѣевичъ.
30) Т. е. Наполеонѣ.

васъ здѣсь обнять. Не зачтите у меня и эту; а то придется давиться. На этой недѣлѣ два офицера Польской арміи застрѣлились. Въ Карлсбадѣ есть теперь m-me St.-Cyr изъ Варшавы, жена здѣшняго купца: познакомься съ нею и поклонись ей отъ меня и скажи, что княгиня Зайончекъ очень похорошѣла и плѣняетъ своихъ обожателей болѣе прежняго.

Сейчасъ отобѣдалъ, но пьянъ не напился: съ горя и вино въ горло нейдетъ. Никогда такъ надежда изъ рукъ моихъ не выпадала, какъ нынѣ. Умомъ я былъ уже въ Карлсбадѣ: съ вами говорилъ, вралъ, разговаривалъ, видѣлъ лица невиданныя, слышалъ рѣчи неслыханныя. А теперь что? Завтра то, что̀ сегодня, сегодня то, что̀ вчера, а что̀ за мертвая стужа во вчерашнемъ и сегодняшнемъ!!! Далеко кулику до Петрова дня. Ахъ, я куликъ, куликъ! Вообрази положеніе мое: крылья были привязаны къ ногамъ моимъ, волшебный жезлъ былъ въ моихъ рукахъ, въ Воскресенье я былъ съ вами. Судьба тупыми ножницами раскроила мнѣ крылья, кандалами опутала ноги, вмѣсто поэтическаго прута вложила прозаическое перо, которое слабо изъясняетъ вамъ, что̀ въ душѣ моей дѣлается. Если однакоже пало на него нѣсколько искръ, оно таинственными, но яркими гіероглифами растолкуетъ тебѣ темную грамоту моей души.

17.

Варшава, 4 Января 1820 г.

Поздравить-ли тебя съ перемѣною назначенія брата? [31]) Вѣроятно, это и тебя изъ Москвы вызоветъ. Мнѣ больно будетъ искать васъ въ Петербургѣ, какъ-бы я еще не выѣзжалъ изъ Москвы. Вы отъ того не выигрывали въ сердцѣ моемъ, что жили въ Москвѣ, но Москва выигрывала: мнѣ грустно ее будетъ разлюбить, а что̀ въ ней, когда загнѣздятся въ ней одни бригадиры? Кто станетъ говорить мнѣ объ Урусовой, о Киселевой; кто за меня станетъ плясать съ ними? Шутки въ сторону: ты былъ та цѣпь таинственная, которая связывала меня съ Москвою; на тебѣ садились мои воспоминанія, ты былъ средоточіемъ, отъ коего мысль моя преломлялась на Разгуляй, на Прѣсненскіе пруды и на всѣ концы Бѣлокаменной; теперь, негдѣ будетъ мысли пристать, не обо что опереться. Я скажу:

Москва ужъ не въ Москвѣ, въ Булгаковѣ она.

18.

С.-Петербургъ, 28 Января (1820 г.)

Проживу здѣсь не болѣе недѣли, или съ небольшимъ недѣлю. Петербургъ помолодѣлъ и ребячится: на здѣшнихъ вечерахъ начина-

---

[31]) Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ изъ Московскихъ почтъ-директоровъ былъ переведенъ на туже должность въ Петербургъ. Братъ его, къ которому писаны эти письма, получилъ ее въ Москвѣ гораздо позже; въ это же время онъ числился въ Московскомъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ.

ютъ чтеніемъ, а кончаютъ жмурками, или мышкою и кошкою и прочими невинными забавами. Заведите и вы такую школу. Здѣшній городской чтецъ Плещеевъ, а вашъ будетъ Василій Львовичъ; мышкою любой изъ Ефимовичевыхъ, а кошкою которая нибудь изъ старыхъ Московскихъ барышень. Но вотъ забава не невинная: Евстафій Станевичъ, до сего времени извѣстный по своимъ неизвѣстнымъ стихамъ, написалъ книгу противъ мистицизма, книга его напечатана съ одобренія цензуры; вдругъ велѣно схватить всѣ экземпляры и самого автора, котораго въ двадцать четыре часа выслали изъ Петербурга.

19.

Варшава, 21 Февраля (1820 г.)

Что скажешь ты о Парижскихъ проказахъ? Смерть Берри—преступленіе ужасное, но послѣдствія его еще ужаснѣе будутъ. Мы видимъ уже, какія принимаютъ мѣры притѣснительныя правительство опуганное. Честные люди захотятъ-ли платить за грѣхи убійцъ? Чуть-ли Ростопчину не придется укладывать свой чемоданъ, а Чичагову ѣхать съ поклономъ въ Тюлерійскій замокъ. Жаль! Я Франціи ввѣрилъ было всѣ свои надежды: на ней, думалъ я, устроится зданіе свободы мудрой, и другимъ народамъ придется только учиться у нея и перенимать не слѣпо, но сходно съ мѣстнымъ положеніемъ каждаго домостроителя. Неужели все это разрушится отъ шила сумазброднаго каретника? Сдѣлай милость, скажи Василію Львовичу, что я былъ въ перепискѣ съ Лувелемъ и вѣроятно попадусь тоже въ просакъ, потому что шила въ мѣшкѣ не утаишь.

Здѣсь маріонетки есть чудесныя. Одна бѣда—играютъ въ пятомъ часу, въ самый часъ обѣда, чтобы не мѣшать директору народнаго театра. Ты видишь, всѣ директоры такіе же Майковы [32]), и это меня бѣситъ. Я хотѣлъ бы всякій день тутъ быть, а нельзя.

20.

Варшава, 1-го Марта (1820).

Вчера вечеромъ кормили мы всѣхъ здѣшнихъ дамскихъ тузовъ: у васъ тузы мужескаго рода ѣздятъ по пирамъ, а у насъ женскаго. Здѣсь зажги три восковыя свѣчи въ гостиной, а одну сальную въ передней, то попадешь и въ великіе господа, и будутъ говорить о блескѣ твоего житья. А у насъ Степанида зажигала по цѣлому пуду сала, да другой пудъ отдавала на кухню для заправки кушанья... Право, содержаніе одного дома въ Петербургѣ достаточно было бы на содержаніе всей Варшавы. Въ Петербургѣ слишкомъ надѣются на себя и выѣзжаютъ на однѣхъ картахъ и ужинахъ; но здѣсь уже слишкомъ много надѣянности и мало издержекъ постороннихъ, а все на разговорахъ и любезности.

---

[32]) Майковъ, тогдашній директоръ Московскаго театра.

21.

Варшава, 7-го Марта (1820).

Чтò говорятъ въ Англійскомъ клубѣ о Англійскомъ заговорѣ противъ министровъ? На министерскомъ обѣдѣ должны они были быть зарѣзаны всѣ до одного; но заговоръ открытъ былъ до времени, и большая часть заговорщиковъ схвачена, между прочими и начальникъ Arthur Chistlewood. Скажи Василью Львовичу, что я ему на время не совѣтовалъ бы ѣздить въ Англійскій клубъ и носить сапоги съ отворотами. Шутки въ сторону, чтò изъ всего этого будетъ? Пиво крѣпко бродитъ: насиліемъ не поможешь, а правители только и умѣютъ, что силою брать. Оно и легче: неискусный лѣкарь, чѣмъ рану лѣчить, отрѣзываетъ ногу. Въ Гишпаніи все еще нѣтъ рѣшительныхъ дѣйствій; но по осторожности и робости королевскихъ войскъ судить можно, что силы инсургентовъ не такъ малозначущи. Фердинанду VII нуженъ былъ урокъ; даромъ, что король, а все совѣсть надобно имѣть. Болвана народъ, твердостью и великодушными пожертвованіями, встащилъ на престолъ, а онъ вмѣсто спасибо жаритъ его. Чтò же сказать тебѣ о нашемъ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ государствѣ? Разводы идутъ своимъ порядкомъ, а нынче разводы другаго рода: M-elle Alexandrow идетъ замужъ за В..., адъютанта Великаго Князя, брата княгини Трубецкой, Петербургской и, какъ говорятъ, все остается по старому, то есть на старомъ положеніи, ибо состоянія уже давно не было. Признаться, долго этому никто вѣрить не хотѣлъ. В-а мы всѣ знали за добраго малаго, но никто не угадывалъ въ немъ такой отваги и рѣшительности. Со всѣхъ сторонъ онъ въ дуракахъ: если сдѣлалъ по расчетамъ денежнымъ, то и тутъ ошибка. Ей, кажется, даютъ по 15-ти тысячъ злотыхъ въ мѣсяцъ, кромѣ того, чтò она успѣла уже забрать. Это такъ, но она баба себѣ на умѣ и скупа, какъ чертъ. Когда умѣла прибрать въ руки NN., то этого сожметъ, какъ клюкву. У насъ въ Варшавѣ чудеса дѣлаются: общее мнѣніе вовсе не уважено, и каждый живетъ, какъ будто у себя въ деревнѣ.

22.

10 Ноября (1820).

Я въ монологахъ не мастеръ, руку мою заводить надобно, а безъ того она стоитъ. Въ пребываніи Государя минуты досужной не было. А ты, преподобный игуменъ Бѣлокаменной обители, за какими недосугами молчалъ? Прошу оправдываться или лучше покаяться и смиренно ожидать моего великодушнаго прощенія. Къ тому же о чемъ тебѣ говорить изъ Варшавы? Газеты говорятъ за меня о Польшѣ и Европѣ, при границѣ которой стоимъ; но газеты не говорятъ ни о Поварской, ни о Басманной, а сердце жаждаетъ сплетней вашихъ. Вы знаете чтò дѣлаетъ Али-паша, а я не знаю, чтò дѣлаетъ Юсуповъ. Здѣсь все пусто, тихо, скучно! Съ Государемъ мы про-

жили весь годовой доходъ денегъ и веселій. Выѣзжаемъ на одномъ театрѣ, и то ѣзда плохая.

23.

Варшава, 31 Декабря (1820).

Европейскія сплетни держатъ меня здѣсь подъ стражею. Добро-бы, что хорошаго вышло изъ ихъ стряпанья. Вѣроятно однакоже все это ничѣмъ кончится; тѣмъ лучше. Стыдъ приложенъ, а отъ убытка Богъ избавитъ. Война съ Неаполемъ была-бы злодѣйство. Съ королемъ Сицилійскимъ переговорятъ, объявятъ Европѣ, что хотѣли на опытѣ увѣриться, нѣтъ-ли насильства со стороны народа и добровольно-ли дѣйствуетъ король, и всѣхъ распустятъ по домамъ. Вотъ какъ многіе думаютъ и, кажется, нѣтъ иного средства выпутаться изъ хлопотъ этимъ всемірнымъ опекунамъ, которые обо всемъ пекутся, кромѣ домашнемъ. Что̀ можетъ быть смѣшнѣе этихъ хлопотуновъ, которые, какъ угорѣлые, бѣгаютъ по чужимъ домамъ тушить свѣчи, а свои кидаютъ на жертву пламени. Конечно у насъ мало на лицѣ горючихъ составовъ, но не прочищивай трубъ, не думай о будущемъ, то̀ рано, или поздно загорится и въ потьмахъ. Неужели на то Петръ Великій пустилъ Россію въ Европу, чтобы преемникамъ его было всегда въ чужомъ пиру похмѣлье, а домочадцамъ сочельникъ? Онъ хотѣлъ Россію объевропить, а не Европу помощію Россіи окамчадалить. Дострой свой домъ, а потомъ иди чинить чужіе дома. Образуй, просвѣти, разрѣши Россію, и тогда она сама, не суясь ни въ Тропаву, ни въ Лайбахъ, существенною, нравственною силою своею будетъ безапеляціоннымъ посредникомъ Европейскихъ судебъ.—Borgondio въ Берлинѣ и восхищаетъ Прусскія уши. Catalani въ Вѣнѣ. Къ намъ сюда на театръ ѣдетъ пѣвица изъ Франціи. Здѣшніе Французскіе актеры желали-бы въ Москву съѣздить весною мѣсяца на два. Какъ думаешь, выгодно-ли имъ будетъ? Распусти это извѣстіе и пощупай умы или головы Московскихъ меценатовъ, Апраксина и Юсупова. А я на дняхъ пришлю тебѣ программу актеровъ. Между ими есть отличные.

(Продолженіе будетъ).

URBI.

(ГРАДУ).

Стихотвореніе К. С. Аксакова.

Большому кораблю большое и плаваньс

Бездѣйствіемъ тебя безумно упрекая,
Не вѣдая судебъ страны своей родной,
Смѣется надъ тобой толпа людей пустая;
Но жалкій смѣхъ ея ничтоженъ предъ тобой.
Лишь тамъ, гдѣ вѣчный блескъ и шумъ безъ смысла бродятъ,
Гдѣ красокъ пестрота, смѣняющихся въ мигъ,
Тамъ жизни яркое присутствіе находитъ,
Кто жизни таинства прямого не постигъ!
Но не понять толпѣ свободнаго творенья,
Движенья тихаго глубоко-скрытыхъ силъ;
Безъ шума возстаетъ изъ сѣмени растенье,
И вотъ ужъ гордый дубъ все поле осѣнилъ!
Невидно въ тишинѣ творится все живое,
Чтобъ послѣ въ красотѣ могущества предстать,
И взоръ лишь разума иль сердце молодое
Его до времени умѣютъ угадать.

*
* *

Такъ не понять толпѣ великаго молчанья,
Великаго труда въ тебѣ живущихъ силъ;
Чудесъ условныхъ блескъ, отъ простоты созданья,
Ея безсильный взоръ давно ужъ отвратилъ.

*
* *

Но ты молчишь теперь,—затѣмъ, что къ высшей цѣли
Тебя назначила всесильная судьба,
Затѣмъ, что времена, быть можетъ, не созрѣли,
И вкругъ тебя еще не рѣшена борьба.
Твой часъ придетъ: падутъ всѣ ломкія строенья—
Громады страшныя, незыблемый оплотъ.
Всѣ жизни будто бы роскошныя явленья
Ты обличишь во лжи, и призракъ пропадетъ.

Но ты молчишь теперь, молчишь, пренебрегая
Безплодною молвой пустыхъ гремящихъ дѣлъ
И силы тихія въ груди своей питая,—
Грядущихъ славныхъ дней торжественный удѣлъ.

*
* *

Такъ иногда корабль, царь гордый океана,
Толпы покорныхъ волнъ видавшій предъ собой,
Въ бездѣйствіи стоитъ, какъ остовъ великана,
На мелкой отмели заброшенный судьбой...
Пускай вокругъ него, скользя, мелькаютъ чёлны,
Подъемля за собой чуть видныя струи;
Онъ будетъ недвижимъ,—пока иныя волны
Не примутъ вновь его въ объятія свои!...
Но небосклонъ надъ нимъ опять необозримый,
Подъ нимъ опять темна пучины глубина,
Вновь океанъ его объялъ неизмѣримый,
И парусовъ его надулась ширина.
Онъ двинулся.... идетъ... Шумите, непогоды!
Вдали за нимъ исчезъ оставленный имъ брегъ,
Во слѣдъ за нимъ кипятъ взволнованныя воды,
И царственный его далеко видѣнъ бѣгъ.

1842.

Къ столѣтнему юбилею Московскаго Дворянскаго клуба.

Въ виду приближающагося столѣтняго юбилея Московскаго Дворянскаго клуба, любопытно въ точности прослѣдить, кѣмъ именно, когда и на какихъ первоначально основаніяхъ онъ былъ учрежденъ. Случайно и, можетъ быть, кстати, попалась мнѣ подъ руку въ дѣлахъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина (хранящихся въ Московскомъ отдѣленіи общаго Архива Главнаго Штаба 1781 г. оп. 194-й, св. 208-й, № 22) переписка о членахъ Московскаго благороднаго клуба и о содержателяхъ онаго.

Французскій подданный Карлъ Антоновъ сынъ Лефебюръ, записавшійся въ Москвѣ, временно, въ купечество 2-ой гильдіи, подалъ, 11 Октября 1781 года, Императрицѣ Екатеринѣ жалобу на первыхъ двухъ членовъ вновь учреждавшагося Московскаго Дворянскаго клуба: гвардіи полковника князя Николая Одоевскаго и генералъ-поручика Степана Ржевскаго. Въ ней Лефебюръ объяснялъ, что Московское дворянство прошлою зимою, т. е. съ 1780 на 1781 годъ, предложило ему устроить клубъ, для приличныхъ въ ономъ развлеченій. Согласясь на это, онъ нанялъ большой и удобный домъ, сдѣлалъ въ немъ значительныя поправки, снабдивъ всѣми припасами, мебелью и утварью. Наконецъ, въ теченіе менѣе трехъ недѣль, онъ по подпискѣ имѣлъ до 800 абонентовъ. Общество дворянъ, по обычаю, избрало въ старшины клуба названныхъ выше лицъ, по предложенію которыхъ были составлены на Французскомъ языкѣ и условія, на основаніи коихъ Лефебюръ желалъ управлять всѣми дѣлами клуба; но потомъ сіи условія были ими взяты для перевода ихъ на Русскій языкъ, и вмѣсто ихъ будто-бы были составлены ими еще другія условія въ интересахъ не его лично, а старшинъ и членовъ клуба. Эти условія Лефебюромъ, по незнанію Русскаго языка и самаго содержанія ихъ, были подписаны, при чемъ онъ вовсе не подозрѣвалъ сдѣланной въ нихъ перемѣны. Спустя недѣлю, дѣло ему объяснилось, когда князь Одоевскій и генералъ Ржевскій объявили, что ему нечего болѣе дѣлать и домогаться въ домѣ клуба. Посему, считая себя обиженнымъ и увлеченнымъ въ издержки на устройство клуба до 10,000 р., онъ обращался съ жалобою къ Московскому генералъ-губернатору князю Василію Михайловичу Долгорукову-Крымскому и къ губернатору Архарову, но удовлетворенія отъ старшинъ дворянскаго клуба не получилъ. Такое положеніе и личныя обиды, старшинами клуба ему причиненныя, заставили Лефебюра искать правосудія у самой Императрицы.

Не входя подробно въ разбирательство этого казуснаго дѣла, состоящаго въ пререканіяхъ съ обѣихъ сторонъ, ограничусь изложеніемъ того, какъ основался Московскій Дворянскій клубъ.

Изъ контракта, заключеннаго въ Декабрѣ 1780 г., видно, что для помѣщенія клуба Французомъ Лефебюромъ арендованы на шесть лѣтъ у жены капитанъ-поручика лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка князя Петра Черкаскаго, Александры Петровой дочери Черкаской, состоявшія въ Бѣломъ городѣ, на Тверской улицѣ, въ приходѣ церкви Василія Кесарійскаго, каменныя палаты о двухъ этажахъ, съ платежемъ въ годъ по 1300 р. асс. и со взносомъ сихъ денегъ впередъ по третямъ года. А ежели, сказано въ контрактѣ, въ теченіи прежде означеннаго срока, домъ перейдетъ въ другія руки по волѣ владѣльцевъ его, то княгиня Черкаская обязана ему, Лефебюру, заплатить за остальные годы по тысячѣ рублей; въ случаѣ же бытности въ Москвѣ Императрицы, она, княгиня Черкаская, должна ему платить за оные годы по двѣ тысячи рублей.

Въ двухъ особыхъ контрактахъ, заключенныхъ Лефебюромъ съ директорами клуба 23 Февраля 1780 и въ Мартѣ 1781 г., изложены особыя и подробныя правила, на основаніи которыхъ Лефебюръ обязывался содержать клубъ, съ наймомъ на его счетъ самаго лучшаго въ городѣ Французскаго повара, а также кондитера, музыки и всей прислуги, и съ приготовленіемъ кушаньевъ изъ его же продуктовъ и пр.

При этомъ ограничено, какія въ нижней части дома должны быть имъ заняты помѣщенія и какія въ верхнемъ этажѣ собственно собраніемъ клуба, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ на его же счетъ. Эти-то собственно условія и побудили Лефебюра обратиться съ жалобою на то, будто старшины клуба его обманули. Между тѣмъ эти два контракта подписали слѣдующіе директора клуба: Степанъ Ржевскій, князь Василій Долгоруковъ, князь Одоевскій, князь Александръ Урусовъ, князь Иванъ Тюфякинъ, князь Василій Долгоруковъ. Чѣмъ дѣло было рѣшено, намъ неизвѣстно. Можетъ быть, найдутся о томъ свѣдѣнія въ дѣлахъ бывшей Московской Губернской Канцеляріи.

По объясненію Лефебюра онъ считалъ себя основателемъ и полнымъ хозяиномъ клуба, а членовъ онаго гостями, обязанными извѣстною платою за право посѣщенія собранія; члены, напротивъ, считали себя хозяевами и распорядителями клуба, а Лефебюра не болѣе какъ ихъ н а е м н ы м ъ с л у г о ю, обязаннымъ исполнять всѣ приказанія старшинъ клуба; а какъ онъ былъ въ исполненіи такой своей обязанности неисправнымъ, грубымъ и нетрезвымъ, то поэтому онъ и устраненъ вовсе отъ дѣлъ клуба.

Наконецъ, изъ имѣющейся въ дѣлѣ особой о ч и с т к и к ъ о б о р о н ѣ с т а р ш и н ъ о п р о в е р ж е н і е м ъ г о с п о д ъ д и р е к т о р о в ъ п о Л е ф е б ю р о в о й ч е л о б и т н о й видно, что Московскій Дворянскій клубъ былъ членами онаго открытъ д в а д ц а т ь т р е т ь я г о Д е к а б р я 1 7 8 0 г о д а. Слѣдовательно въ будущемъ 1880 году, съ основанія его, исполнится ровно с т о л ѣ т ъ.

Григорій Александровъ.

5 Марта 1879 года.
Москва.

Письмо князя В. Ѳ. Одоевскаго къ пріятелю-помѣщику.

Выборгъ, 20 Августа 1850.

Спасибо, любезный другъ, что вспомнилъ обо мнѣ, тѣмъ болѣе спасибо; что обо мнѣ обыкновенно помнятъ только тѣ, которые во мнѣ нуждаются и пока нуждаются; а тебѣ слава, Богу, я, кажется, ни на что не годенъ. Извини, что не отвѣчалъ до сихъ поръ. Скажу тебѣ откровенно: письмо твое пришло ко мнѣ въ минуту такой суматохи (см. Петербургскія Вѣдомости) и по Обществу [1]), и по отъѣзду Великой княгини [2]), что отвѣчать было невозможно, развѣ двумя словами, чего я не хотѣлъ, совѣсти ради. Измученный, вырвался я въ мою блаженную Чухландію, но получилъ такое отвращеніе къ перу и чернилицѣ, какаго не испытывалъ тотъ маленькій скрипачъ (забылъ его имя), который, достигнувъ совершеннолѣтія, разбилъ свою скрипку объ уголъ. Боже мой! Когда же достигну я совершеннолѣтія? Твое литературное направленіе мнѣ очень понравилось; вижу, что ты съ успѣхомъ изучаешь мои сочиненія и что они приносятъ тебѣ большую пользу; это очень похвально. Продолжай, моя душа: читай, изучай Русскую литературу и, сдѣлай милость, доставь мнѣ вѣсточку, гдѣ пребываетъ эта пожилая дама, хотя беззубая, въ пластыряхъ и очень воняетъ отъ безпутной жизни. Того, о чемъ ты пишешь, я не читалъ вовсе; ибо лучше не хочу ничего не читать, нежели надсѣдаться съ досады; а у меня ея и безъ того довольно. Однакоже увѣдомь, гдѣ все это напечатано, въ какихъ журналахъ? Вы, земледѣлы-помѣщики, на то и созданы, чтобы находить золото въ навозѣ. Тургеневу сообщу твои замѣчанія; они не дурны, а онъ—человѣкъ съ большимъ талантомъ, хотя и не ко времени, которое вовсе не литературно, а больше ростбифно. Читалъ ли ты комедію, или лучше трагедію Островскаго: Свои люди сочтемся, и которой настоящее названіе: Банкрутъ? Пора было вывести на свѣжую воду самый развращенный духомъ классъ людей. Если это не минутная вспышка, не грибъ, выдавившійся самъ собою изъ земли, просоченной всякою гнилью,—то этотъ человѣкъ есть талантъ огромный. Я считаю на Руси три трагедіи: Недоросль, Горе отъ ума, Ревизоръ; на Банкрутѣ я поставилъ нумеръ 4 й. Эта комедія напечатана въ Москвитянинѣ нынѣшняго года, въ первыхъ мѣсяцахъ. Отдѣльно ея нѣтъ.

---

[1]) Посѣщенія бѣдныхъ.

[2]) Елены Павловны.

Отсюда я не могу доставить къ тебѣ никакихъ вѣстей развѣ о тюленяхъ; но этимъ Петербуржцы могутъ обидѣться. Чѣмъ больше живу здѣсь, тѣмъ больше увѣряюсь въ моихъ способностяхъ—жить съ тюленями, и только съ тюленями. Петербуржская молотильня надоѣла мнѣ, замучила меня выше мѣръ терпѣнія человѣческаго, и единственное мое занятіе съ нѣкотораго времени: обрывать разныя бичевки, которыя держатъ меня на привязи въ Петербургѣ. Все къ тому нудитъ: и душевныя, и тѣлесныя силы. Вольно же было природѣ вмѣсто благороднаго чувства чиноманіи вставить въ меня любовь къ козявкамъ подъ микроскопомъ, а особливо къ одной весьма неблагоприличной вещи, а менно къ цвѣточной семенной пыли (Pollen, le foûtre des fleurs); только и грежу, чтобъ основать на нихъ (прошу не шутить) новую, полную безъ исключеній систему ботанической классификаціи; да вотъ бѣда: нужны пять лѣтъ ежедневныхъ наблюденій, чтобъ убѣдить въ этомъ другихъ такъ, какъ я самъ убѣжденъ; а между тѣмъ на дворѣ Сентябрь, ступай снова въ чернорабочіе. Что ты дѣлаешь, милостивый государь? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, все подписываешь заемныя письма, какъ ты говоришь? Провалъ возьми эту литературу! А я было хотѣлъ тебѣ позавидовать; если бы я имѣлъ малѣйшія способности быть помѣщикомъ, то предался бы этому ремеслу всею душею, а у тебя на это есть и способность, и охота. Напиши мнѣ, какъ ты земледѣльчествуешь. О Соболевскомъ самыя противорѣчащія извѣстія: кто говоритъ въ Мадридѣ, кто—въ Пекинѣ, кто—на лунѣ; послѣднее, думаю, вѣрнѣе. Кстати: Венгерское зѣло истощается, а найти такаго же негдѣ, на вѣсъ золота; въ катавасіи послѣднихъ годовъ всѣ погреба были разорены, и придется дожидаться 1950 года.

Изъ смысла твоего письма заключаю, что ты намѣренъ заглянуть въ Петербургъ; милости просимъ: только Субботъ уже не найдешь: дорого стоятъ, а я начинаю дѣлаться скупъ; пора помыслить о безжалованномъ житіи въ Чухландіи.

Твой Одоевскій.

Въ Конторѣ Русскаго Архива, въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля, можно получать:

СБОРНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Томъ I. Рескрипты и письма им. Екатерины II къ графу А. Г. Орлову.—Бумаги о самозванкѣ Таракановой.—Письма им. Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенъ и къ г-жѣ Жоффренъ. Цѣна 2 р.

Томъ II. Сношенія Россіи съ Швеціею при Александрѣ I.—Новые документы по дѣлу Новикова.—Автобіографическая записка графа Поццо ди Борго.—Депешы графа Литты.—Изъ бумагъ князя Г. Г. Орлова.—Записка Димсделя о пребываніи его въ Россіи. Цѣна 2 р.

Томъ III. Записка Трощинскаго о министерствахъ.—Записка графа Каподистріа о его служебной дѣятельности. — Инструкція Екатерины II-й фонъ-Ребиндеру.—Письма им. Александра I-го къ княгинѣ З. А. Волконской. Цѣна 3 р.

Томъ IV. Екатерининская Комиссія для сочиненія проекта Новаго Уложенія. Цѣна 3 р.

Томъ V. Письма им. Александра I къ Ф. Ц. Лагарпу. — Бумаги князя Н. В. Репнина.—Документы изъ дѣлъ Саксонскаго архива.—Письма гр. Петра Ивановича Панина къ сыну его. Цѣна 3 р.

Томъ VI. Письма адмирала Чичагова къ им. Александру I.—Бумаги графа П. И. Панина о Пугачевскомъ бунтѣ.—Записка князя А. А. Чарторыйскаго им. Александру I.—Документы изъ Саксонскаго архива. Цѣна 3 р.

Томъ VII. Бумаги Екатерины II-й. 1744—1764 г. Часть I. Ц. 3 р.

Томъ VIII. Екатерининская Комиссія. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ IX. Бумаги изъ архива дворца въ Павловскѣ.—Переписка о бракѣ Густава IV съ Александрою Павловною.—Письма кн. А. А. Чарторыйскаго къ Н. Н. Новосильцову. Цѣна 3 р.

Томъ X. Бумаги Екатерины II-й, 1765—1771. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XI. Письма, указы и замѣтки Петра I-го. Цѣна 3 р.

Томъ XII. Переписка Англійскихъ пословъ при Русскомъ дворѣ 1762—1769. Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XIII. Бумаги Екатерины II, 1771—1774. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XIV. Екатеринииская Комиссія. Часть III. Цѣна 3 р.

Томъ XV. Бумаги изъ архива дворца въ Павловскѣ.—Донесенія барона Мардефельда. Бумаги князя Репнина. Цѣна 3 р.

Томъ XVI. Бумаги князя Н. В. Репнина за время управленія его Литвою. Цѣна 3 р.

Томъ XVII. Переписка Екатерины II-й съ Фальконетомъ. Ц. 3 р.

Томъ XVIII. Донесенія графа Мерси д'Аржанто императрицѣ Маріи Терезіи, 1762. Часть I. Цѣна 3 р.

Томъ XIX. Переписка Англійскихъ пословъ. Часть II. Цѣна 3 р.

Томъ XX. Переписка Екатерины II-й съ Фридрихомъ II-мъ. Письма Маріи Ѳеодоровны и Павла Петровича къ барону Сакену.—Записка А. Н. Оленина о 14 Декабря 1825 г.—Сотрудничество Екатерины II-й въ «Собесѣдникѣ». Цѣна 3 р.

Томъ XXI. Донесенія А. И. Чернышева и князя А. Б. Куракина изъ Парижа (1811 и 1812 гг.). Цѣна 3 р.

Томъ XXII. Депеши Прусскаго посланника Сольмса 1763—1766 г. Цѣна 3 р.

Томъ XXIII. Письма Екатерины II-й къ барону Гримму. Цѣна 3 р.

Пересылка каждаго тома 40 копѣекъ.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

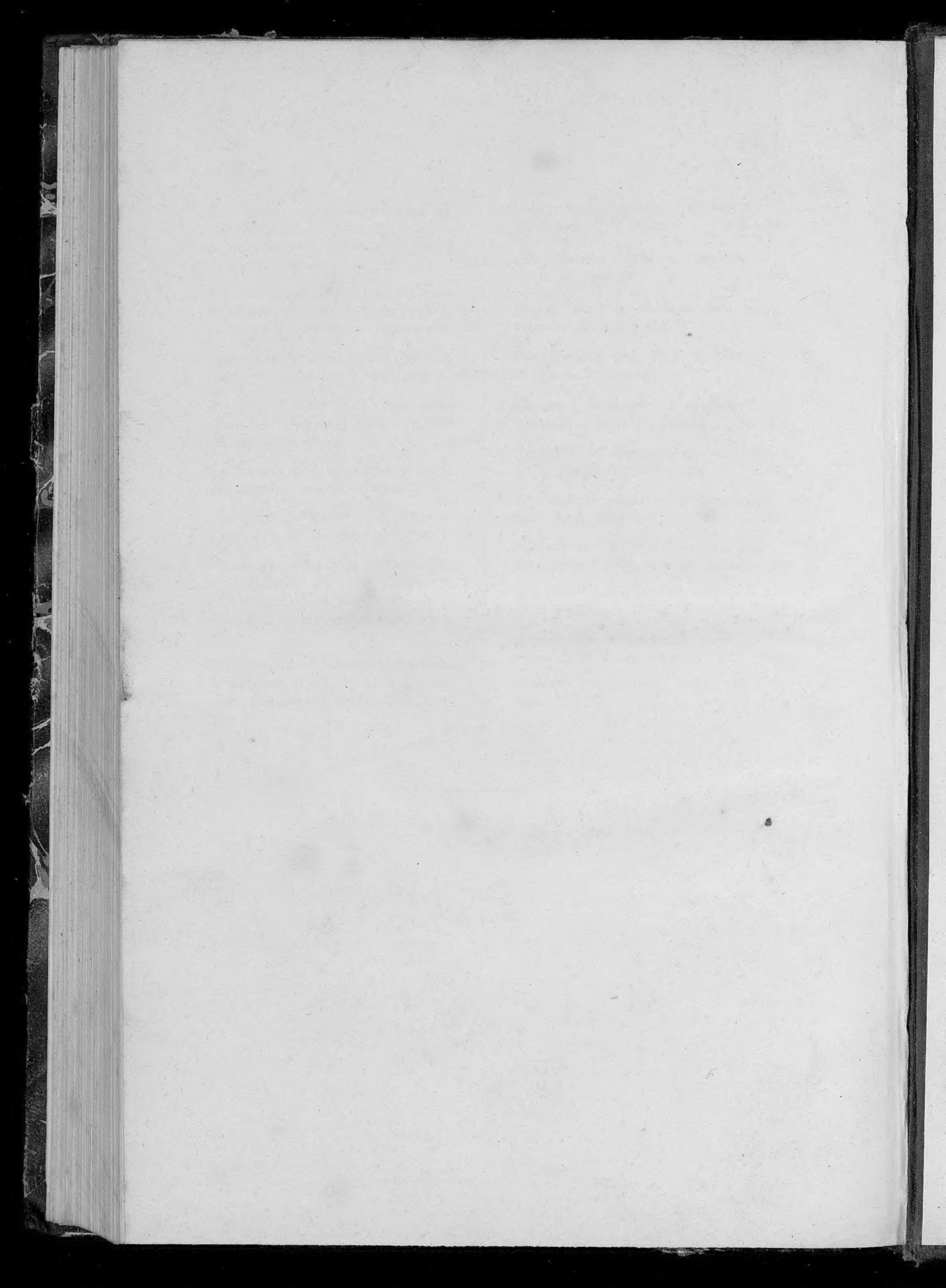
ЛИЧНЫХЪ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ,

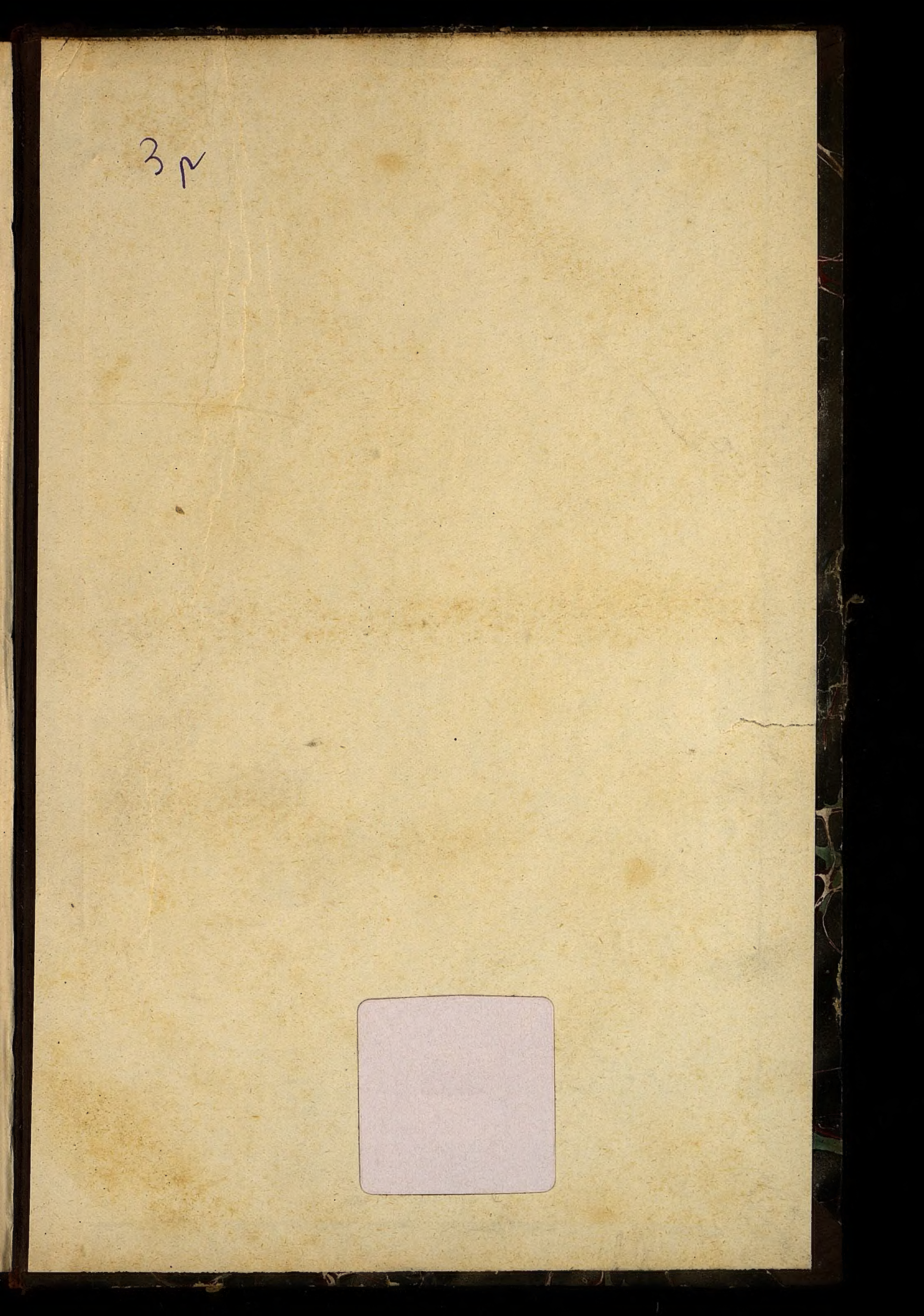
УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1879 Г.

(Тетради 1, 2, 3 и 4).

СОДЕРЖАНІЕ
ПЕРВОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1879 ГОДА.

(Тетради 1, 2, 3 и 4).




3 р